ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ. Литейный просп., № 39

1868

Отъ С.-Петербургскаго Комитета духовной цензуры печатать позволяется. 20 іюня 1868 года.

Цензоръ *Архимандритъ Фотій.*

ВОЗДАДИТЕ КЕСАРЕВА, КЕСАРЕВИ: И БОЖІЯ, БОГОВИ (1).

Въ сихъ словахъ Господа и Спасителя нашего указаны главныя и существеннѣйшія обязанности наши,— обязанности къ Богу и царю земному. Обязанности эти такъ важны, что исполненіемъ ихъ опредѣляется истинное значеніе и достоинство человѣка, какъ гражданина и христіанина. Только тотъ истинный гражданинъ и истинный христіанинъ, кто вѣрно и вполнѣ воздаетъ *кесарева, кесареви и Божія, Богови.*

Эти двустороннія, священнѣйшія обязанности наши, съ перваго взгляда, кажущіяся какъ бы слишкомъ розными, далекими одна отъ другой и противорѣчивыми,— на самомъ дѣлѣ, нисколько не противорѣчатъ и не препятствуютъ исполненію одна другой. Истинное и правильное служеніе царю нисколько не препятствуетъ служенію Богу и, взаимно, истинное служеніе Богу не препятствуетъ служенію царю земному. Сего мало.

Двѣ эти важныя обязанности наши дружественно сходятся между собою, одна изъ другой исходятъ, одна къ другой ведутъ и одна другой взаимно вспомоще-

(1) Матѳ. 22, 21.

ствуютъ; одна безъ другой и не должны быть въ общественномъ мірѣ христіанскомъ.

Воздавая *кесарева кесареви*, мы воздаемъ вмѣстѣ и *Божія Богови*, въ извѣстной мѣрѣ; и, воздавая *Божія Богови*, воздаемъ и непремѣнно будемъ воздавать и *кесарева кесареви*. Истинный слуга царевъ, по христіански служащій царю, есть вмѣстѣ и слуга Божій, и истинный слуга Божій есть вмѣстѣ и истинный слуга царевъ.—Раскроемъ эту истину яснѣе и подробнѣе.

Воздавая кесарева кесареви,—служа царю, въ духѣ евангелія, мы чрезъ это служимъ вмѣстѣ и Богу — приносимъ жертву Богу. Ибо что значитъ воздавать кесарева кесареви? Значитъ — воздавать ему должное, законное, чего требуетъ его богоподобный санъ, что̀ предписываетъ его верховная власть. Глубочайшее, благоговѣйное почтеніе къ особѣ царя, какъ намѣстника Божія на землѣ, богоподобнымъ саномъ, отъ Бога облеченнаго,—искренняя сыновняя любовь къ нему, какъ отцу, данному намъ отъ Отца небеснаго,—полная, безусловная, сыновняя ему преданность, безпрекословное, безропотное и охотное повиновеніе ему, ревностное и усердное исполненіе обязанностей, отъ него возлагаемыхъ на насъ въ служеніи общественномъ; усердная молитва о царѣ, тихое, благоустроенное и доброе житіе, во всякомъ званіи и на всякомъ мѣстѣ: — вотъ должная, священнѣйшая дань царю отъ всякаго вѣрноподданнаго ему.—Но все это, какъ дѣло весьма благое и къ истинному благополучію нашей жизни относящееся, очевидно, есть дѣло благоугодное Богу. Господь, пекущійся о нашемъ благѣ, даже прямо и непосредственно высказываетъ о семъ Свою волю, Самъ внушаетъ намъ это и требуетъ отъ насъ этого въ Своемъ словѣ. Слово

Божіе ясно и прямо говоритъ намъ: *Царя чтите; нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть. Повиноватися подобаетъ не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть.* Потому, воздавая священную дань царю-помазаннику Божію, мы вмѣстѣ приносимъ, во всемъ этомъ, и пріятную жертву Богу, и — къ нашему счастію, во всемъ, безъ изъятія. Въ первые вѣка христіанства, когда христіане имѣли царей-язычниковъ, воздавая кесарева кесареви, по слову Божію, принуждены были, по Божію же слову, дѣлать изъятіе изъ сей жертвы, относительно вѣры, дабы, воздавая кесарева кесареви, не лишить жертвы Бога. Мы, благодареніе Господу, имѣя надъ собою государей не только единовѣрныхъ и благовѣрныхъ, но и благочестивѣйшихъ, въ волѣ коихъ такъ вѣрно отражается воля Божія, ревностныхъ защитниковъ и покровителей церкви, желающихъ во всѣхъ насъ видѣть истинно-преданныхъ вѣрѣ православной и въ своихъ особахъ подающихъ примѣръ истиннаго и искренняго благочестія,—мы не имѣемъ такой нужды дѣлать это изъятіе. Потому, всякій изъ насъ и во всемъ, воздаваемомъ царю, по священному долгу вѣрноподданнаго, приноситъ, вмѣстѣ, жертву и Господу Богу.

Тѣмъ болѣе приносимъ жертву Господу Богу, воздавая кесарева кесареви, служа царю земному, совершая это весьма благое и нужное дѣло, — дѣлаемъ его съ тою *ясною и непосредственною* мыслію, что на все это есть прямая воля Божія, что все это заповѣдано въ словѣ Его,—т. е., если водимся и одушевляемся въ этомъ дѣлѣ побужденіями вѣры. Тогда наши дѣла гражданскія,—дѣла службы, совершаемыя въ такомъ духѣ и направленіи, примутъ высшій характеръ; и всякое

истинно полезное общественное и частное дѣло наше будетъ дѣломъ Божіимъ — для Бога содѣланнымъ. Исполняя, такимъ образомъ, должность свою, мы будемъ служить Богу, *дѣлать дѣло Божіе*, ибо дѣлаемъ ради Бога. Моусей, вождь народа израильскаго, когда, по цѣлымъ днямъ, съ утра до вечера, разбиралъ, безъ отдыха, жалобы и тяжбы евреевъ въ пустынѣ, по повелѣнію Божію, — явно, служилъ Богу и угождалъ Ему симъ занятіемъ, совершая свое дѣло, какъ Божіе порученіе,—ревностно, усердно и точно. Господь, Отецъ небесный, любитъ наше общее истинное благо. Потому, нѣкоторымъ избраннымъ Своимъ, вопреки ихъ собственной склонности и намѣренію — жить и угождать Богу, подобно другимъ угодникамъ Божіимъ, въ глубинѣ пустыни, Господь, видя въ нихъ особенную нужду для служенія народу, повелѣвалъ изыти изъ уединенія, и идти на служеніе общему благу ближнихъ (¹). Потому, можно ли справедливо сказать, что кто, *наприм.*, цѣлую жизнь провелъ въ изслѣдованіи, разборѣ и сводѣ разнообразныхъ и многочисленныхъ законовъ, дабы яснѣе открывалась правда, обличалась неправда подсудимыхъ, и соблюдался правильный порядокъ дѣла;—или— кто проливаетъ свою кровь и полагаетъ жизнь на полѣ брани, за вѣру, царя и отечество,—можно ли сказать, что такіе люди, если только они водятся внушеніями вѣры,—не приносятъ жертвы Богу? Нѣтъ! они великую приносятъ жертву Богу! Воины, въ духѣ вѣры, полагающіе свою жизнь на полѣ брани, справедливо могутъ считаться какъ бы за мучениковъ по вѣрѣ;—и церковь, съ особеннымъ усердіемъ возноситъ о нихъ свои

(¹) Св. Николай и св. Златоустъ.

теплыя молитвы къ Богу. Такъ, истинный—вѣрноподданный слуга царевъ, служащій несвоекорыстно, ищущій не своихъ только выгодъ, а наипаче блага отечества, есть вмѣстѣ и слуга Божій. Напротивъ, кто невѣренъ царю, тотъ невѣренъ и Богу, какъ въ преступленіи заповѣди Божіей о вѣрности царю, такъ — и во всѣхъ заповѣдяхъ Божіихъ. Ибо, если онъ невѣрно служитъ царю, котораго видитъ, коего награды и угрозы предъ глазами,—какъ можетъ быть вѣрнымъ Богу, Котораго не видитъ, котораго награды и угрозы, большею частію, въ будущемъ отдаленномъ.

Противникъ законной власти есть противникъ и Божій; измѣнникъ и врагъ царя и отечества есть вмѣстѣ и врагъ Божій и церкви, которая, водясь Духомъ Божіимъ и всегда вѣрная волѣ и мановенію Господа, справедливо отвергаетъ такихъ отъ себя и анаѳематествуетъ. Такъ тѣсно соединены между собою служеніе царю и служеніе Богу. Потому, воздавая кесарева кесареви, мы, въ этомъ самомъ, воздаемъ, частію, и Божія Богови.

II. Равнымъ образомъ, и съ другой стороны, *воздавая Божія Богови*, мы воздаемъ и не можемъ не воздавать *и кесарева кесареви.* Истинный христіанинъ есть, и неможетъ не быть истиннымъ гражданиномъ, истиннымъ вѣрноподаннымъ царя земнаго. Что значитъ быть истиннымъ христіаниномъ и воздавать Божія Богови? Значитъ, знать истиннаго Бога Отца и, *Его же послалъ* Онъ, *Іисуса Христа,* Спасителя нашего, и вѣрить, отъ сердца, всему тому, чему училъ Господь и учитъ Его церковь, а, по вѣрѣ, располагать и жизнь свою; любить Бога всѣмъ сердцемъ, не словомъ только, а наипаче, дѣломъ, имѣть къ нему благоговѣйный страхъ,

славить Его словомъ и жизнію, молиться Ему, обращаться къ Нему въ разныхъ нуждахъ, призывать Его наипаче во время скорби, защищать Его славу, и все дѣлать во славу Его; уповать на Него, предаваться Ему сыновнимъ сердцемъ и исполнять Его волю, какъ ясно высказанную, въ тонѣ требованія, такъ и изслѣдовать, чего отъ насъ Онъ желаетъ испытывать, *что есть благоугодно Ему*, и всячески стараться угождать Ему во всемъ, стремясь ко всему истинному, доброму, честному, достохвальному и святому; а если въ чемъ нарушимъ волю Его и оскорбимъ Его, всячески стараются примиряться съ Нимъ, чрезъ истинное покаяніе. Вотъ—главное—что значитъ воздавать Божія Богови, и быть истиннымъ христіаниномъ. А человѣкъ, одушевленный такимъ духомъ, съ такими мыслями, чувствами и правилами жизни, непремѣнно будетъ, и не можетъ не быть вѣрноподданнымъ гражданиномъ — вѣрнымъ слугою царю и отечеству. Быть вѣрнымъ царю, служить ему отъ всего усердія— есть воля Божія, для истиннаго христіанина драгоцѣннѣйшая и непреложная. Это внушаютъ ему нетолько законы государственные, а и законъ евангельскій, которому истинный христіанинъ внимаетъ всѣмъ умомъ и сердцемъ. *Воздадите кесарева кесареви; царя чтите; всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога.* Это говоритъ Самъ Богъ, чрезъ Своего апостола. И можетъ ли не слушать этого гласа истинный христіанинъ, всѣмъ существомъ желающій угождать Господу Богу? Нѣтъ, быть вѣрнымъ слугою Божіимъ, и не воздавать кесарева кесареви, не служить царю, невозможно: ибо истинный христіанинъ вѣруетъ и служитъ Богу не на словахъ только, а на

дѣлѣ, и старается исполнять все, чего требуетъ воля Божія. Онъ искренно и благоговѣйно чтитъ царя, любя его, яко отца; потому что слышитъ святое слово Божіе: *царя чтите*. Взираетъ на царя и видитъ въ немъ лице Богоподобнѣйшее, намѣстника Божія на землѣ, котораго Богъ изъемлетъ изъ среды людей, возноситъ, посаждаетъ на престолѣ и помазуетъ. И такъ взираетъ онъ—истинно и вѣрно, ибо это открываетъ ему святая, истинная вѣра. Слово царево для него свято; онъ повинуется царю не токмо за *гнѣвъ, но и за совѣсть*. Повелѣніе власти, Богомъ поставленой и Богомъ правимой, онъ исполняетъ безпрекословно и безъусловно: ибо слышитъ слово: *вся* повелѣваемое Богомъ и царемъ—слугою Божіимъ, *творите безъ роптанія и размышленія*, не разслѣдывая, вѣрны ли и основательны повелѣнія. Размыслено уже безъ меня тѣми, коимъ отъ Бога дано право давать повелѣнія; мое дѣло, говоритъ онъ, исполнить повелѣніе точно и усердно. Истинный христіанинъ усердно молится о царѣ своемъ; ибо, кромѣ другихъ побужденій, имѣетъ на это ясную заповѣдь Божію—*творити моленія за царя и за всѣхъ, иже во власти суть*. Онъ видитъ, что сама св. церковь православная, Матерь наша, которой онъ и вѣренъ и преданъ, какъ истинный сынъ ея, такъ часто и такъ усердно возноситъ молитвы о своемъ первенцѣ и защитникѣ, и о всемъ его Августѣйшемъ Домѣ; потому и онъ неможетъ не послѣдовать ея примѣру, и вмѣстѣ съ нею не возносить сердечныхъ моленій о Царѣ и его Домѣ. Онъ охотно и вѣрно воздаетъ священную дань служенія царю; ибо знаетъ и твердо помнитъ, что самъ Господь и Спаситель нашъ, давшій намъ эту заповѣдь: *воздадите кесарева кесареви*, Самъ прежде сотво-

рилъ и научилъ; Самъ давалъ дань кесарю римскому, будучи царь и Творецъ царей и всей вселенной, и при самомъ рожденіи Своемъ, благоволилъ записаться въ число подданыхъ кесаря римскаго.

Сыновне боясь Бога и благоговѣйно чтя царя, истинный слуга Божій, въ должной мѣрѣ, *чтитъ и другія* власти законныя, Богомъ чрезъ царя поставленныя, и искренно и охотно повинуется имъ. Онъ не разсуждаетъ и не разбираетъ, въ этомъ случаѣ, какъ дѣлаютъ иногда гордые сыны не духа Христова, а духа противленія, достойные ли люди надъ нимъ начальствуютъ, стоютъ ли они почтенія и повиновенія? Разбирать это онъ почитаетъ для себя чуждымъ дѣломъ и преступнымъ. Только гордость, которой не нравится и несносно все, что выше ея, и что, сколько нибудь, ограничиваетъ ея самолюбіе и своеволіе, почитаетъ это стѣсненіемъ для себя, имѣетъ эту дерзость—судить своихъ властей, судить судей своихъ: истинный христіанинъ всегда чуждъ такой дерзости гордой, и не разсуждаетъ объ этомъ. Для него довольно что надъ нимъ поставлена законная власть, слѣдовательно она отъ Бога, и онъ охотно по совѣсти, повинуется ей, какого бы достоинства личнаго люди ни занимали ее; для него важно, что всякая законная власть отъ Бога.

Истинный христіанинъ, вѣрный слуга Божій, вѣрно и усердно исполняетъ *дѣло своего званія и служенія* общественнаго. Слыша внушенія Апостола: *всяко еже аще что творите, отъ души дѣлайте, отъ крѣпости, юже подаетъ Богъ*, вообще зная, что на дѣло его всегда взираетъ Господь сердцевѣдецъ, истинный христіанинъ исполняетъ долгъ служенія своего съ полнымъ усердіемъ, отъ всей души, отъ всей силы, покрайней возможности,

Господеви работающе, и предъ Его очами. Водящійся духомъ, не евангельскимъ, можетъ удобно не служить отъ всей души и силы, особенно если имѣетъ много способностей и силъ. Онъ такъ иногда разсуждаетъ: служа въ своемъ кругѣ, я, дѣйствуя и въ половину своихъ силъ, могу быть исправнымъ, могу уравняться въ дѣятельности съ другими сослужащими, могу даже и превзойти—покрыть ихъ своею дѣятельностью, потому я не имѣю нужды дѣйствовать отъ всѣхъ силъ. Истинному христіанину чуждъ и не свойственъ такой образъ мыслей дѣлателей, можно сказать, лукавыхъ. Онъ строго исполняетъ волю Божію: *отъ души и отъ всей силы дѣлайте*; тѣмъ паче, что онъ давалъ, можетъ быть, неоднократно и клятву Богу или присягу—служить царю отъ всей силы, до капли крови. А эта присяга для него не есть праздный обрядъ, или только форма, при поступленіи на мѣсто служенія, о которой иные нетолько не помнятъ послѣ, но и не думаютъ во время совершенія ея; а—есть священнѣйшее и страшное обязательство—служить вѣрно и усердно, обязательство, подтвержденное свидѣтельствомъ или какъ бы поручительствомъ Самого Великаго Бога. Потому, истинный христіанинъ должность свою принимаетъ, какъ порученіе и дѣло Божіе; проходитъ ее, какъ служеніе Самому Богу, ревностно и усердно; и такъ себя располагаетъ, чтобы нестолько мѣсто было ему полезно и служило, сколько онъ мѣсту,—объ этомъ болѣе заботится. И, безъ пышнаго разглагольствія о благѣ общемъ, искренно любитъ общее благо самымъ дѣломъ, не на показъ, и по тщеславію, а скромно и усердно дѣлая свое дѣло. А усердное и добросовѣстное служеніе какъ важно и дорого для верховной власти и для всякаго званія и

должности! Много для мѣста служенія значатъ способности служащаго; но еще болѣе—усердіе и добросовѣстность служенія. Но истиннаго усердія не могутъ породить въ душѣ ни предписанія государственныхъ законовъ, ни даже награды и угрозы штрафа. Производятъ и онѣ, но неглубокое, не постоянное и непрочное усердіе, ибо не безкорыстное; а все корыстное и земное непрочно. Стремленіе служить пользѣ государства и народа по естественному разумному представленію доблестнаго и высокаго, и немногимъ доступно, и слабо само въ себѣ.

Только вѣра можетъ породить и поддержать постоянное усердіе въ служеніи своему долгу и благу отечества. Ея только одушевленіе всегда твердо и стойко, какія бы испытанія ни колебали человѣка. И христіанинъ, невѣрно и неусердно исполняющій свою общественную должность, если бы даже былъ, по чувству, и благочестивъ, не вполнѣ истинный христіанинъ по жизни своей, поверхностно благочестивъ, ибо благочестіе состоитъ не въ чувствахъ только, но наипаче въ жизни и дѣлахъ.

Вѣрный послѣдователь Христовъ есть вмѣстѣ вѣрный и искренній сынъ отечества. Любя, можно сказать, весь родъ человѣческій и каждаго человѣка, какъ брата, по Адаму, а наипаче христіанъ, яко братій во Христѣ, онъ, по примѣру Апостола Павла, любившаго народъ свой до самоотверженія, и примѣру Самаго Іисуса Христа, явившаго особенную любовь Свою къ Іерусалиму — главѣ родной Ему Іудеи,—онъ особенно любилъ отечество свое, гдѣ и отцы, праотцы и предки его, гдѣ онъ получилъ жизнь, вскормленъ и возращенъ, которому (отечеству) потому онъ обязанъ пожиз-

ненною благодарностію своею за это неоплатное благо.

Истинный христіанинъ съ постояннымъ и неослабнымъ усердіемъ исполняетъ свою должность *во всѣхъ обстоятельствахъ* жизни и службы. Его не награждаютъ на поприщѣ службы. Человѣкъ, водящійся духомъ міра, огорчается въ этомъ случаѣ, вопіетъ въ слухъ міра, что онъ обиженъ, и—хладѣетъ въ усердіи къ служенію своего званія, потому что погасаетъ жаръ надежды наградъ, который разгорѣвалъ его ревность.— Истинный христіанинъ, вѣрно служащій Богу, не теряетъ ни своего благодушія, ни своего усердія въ подобномъ случаѣ. Свойственное ему христіанское смиреніе и евангельское любомудріе содержатъ его въ этомъ благомъ духѣ и расположеніи. Не имѣя самолюбивой гордости, которая алчетъ честей и наградъ, которая смотритъ только на свои часто мнимыя достоинства, и заслугамъ своимъ не находитъ даже достойной цѣны;—онъ скорѣе сознаетъ себя недостойнымъ наградъ и чести; а если бы и видѣлъ въ себѣ что нибудь достойное, то, по внушенію вѣры, скорѣе пожелаетъ не имѣть наградъ въ сей жизни. Ибо, получая почести и награды, трудно не приложить къ нимъ сердца, — а за что мы вознаградимся такимъ образомъ здѣсь, не будемъ награждены тамъ — въ вѣчной жизни, за временное лишимся вѣчнаго, ибо дважды за одно не получаютъ наградъ.

Потому, истинный христіанинъ, какъ покорный власти, пріемля награды, если ихъ даютъ, не ищетъ ихъ съ алчностію честолюбія, а потому и не скорбитъ, когда ихъ не получаетъ.

Истинно-вѣрующій, будучи усерденъ и вѣренъ дѣлу служенія своего царю всегда, вѣренъ и *усерденъ вездѣ на всякомъ мѣстѣ, во всякомъ званіи.* — Низка, не по

моему достоинству должность, если не всегда въ слухъ, то въ сердцѣ не рѣдко вопіетъ человѣкъ, не проникнутый духомъ вѣры; и—начинаетъ небречь объ этой должности своей. Здѣсь нѣтъ и обыкновеннаго правильнаго и благороднаго, скромнаго размышленія. Если и въ самомъ дѣлѣ должность твоя ниже тебя, не по самолюбію гордости, которая придаетъ себѣ мнимое величіе; — то будь выше должности отличнымъ и особеннымъ ея исполненіемъ, возвысь ее въ себѣ, будь украшеніемъ своего званія и мѣста. Истинный христіанинъ водится еще высшимъ образомъ мыслей и чувствъ, собственно христіанскимъ. Для него никакая, ко благу общественному служащая, должность не низка; тѣмъ паче, если она состоитъ въ управленіи людьми, хотя бы и низкаго званія, людьми, коихъ почтилъ Господь образомъ Своимъ, для коихъ низшелъ на землю Самъ Онъ и дѣлаетъ ихъ членами Своего тѣла.

Тѣсенъ кругъ дѣятельности моей, не по моимъ силамъ, я желалъ бы и могъ бы дѣлать болѣе добра въ обширнѣйшемъ кругѣ, съ нѣкоторымъ ропотливымъ сожалѣніемъ, отъ котораго можетъ родиться охлажденіе къ дѣлу,—жалуется иной. Голосъ добрый, если только искреннее усердіе къ добру произноситъ его, но не вполнѣ, и отзывается нетерпѣливостію самолюбія.

Тѣсенъ кругъ твоей дѣятельности? *Будь вѣренъ о малѣ*, и Господь, если будешь вѣренъ и достоинъ, *надъ многими тя поставитъ*. Онъ, можетъ быть, испытуетъ тебя, — и *твой часъ еще не у пріиде*. Но вѣренъ ли и о *малѣ?* Исполненъ ли даже, а не только преисполненъ— и этотъ тѣсный, по твоему понятію, кругъ полезною дѣятельностію твоею? — Глубоко вполнѣ проникнутый вѣрою не стѣсняется и не падаетъ духомъ отъ тѣснаго

круга служенія, если бы и чувствовалъ въ себѣ силы къ большему. Если Моүсей, воспитываемый Богомъ въ вождя народу израильскому, двѣ части жизни своей былъ въ тѣсномъ кругѣ дѣятельности, дабы потомъ третью часть жизни провесть въ обширномъ служеніи благу народа; если Самъ Господь и Спаситель нашъ тридцать лѣтъ былъ въ неизвѣстности въ тѣсномъ кругу родительскаго крова, уготовляясь къ трехъ-лѣтнему дѣйствованію для торжественнаго служенія спасенію рода человѣческаго: то христіанину ли томиться долговременною тѣснотою круга своей дѣятельности? Истинный христіанинъ готовъ на большія дѣла, но и меньшія дѣлаетъ благодушно, усердно и успѣшно. Онъ ввѣряетъ участь свою въ руки Божіи, въ томъ упованіи, что Господь лучше его знаетъ силы его, и что, если Ему угодно, Онъ дастъ ему мѣсто служенія, для коего и онъ будетъ истинно полезенъ, и оно полезно его истинному благу и спасенію.

Истинно вѣрный Богу вѣренъ и царю своему всегда и неизмѣнно, ибо служитъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Бываютъ случаи и времена, когда въ служеніи царю и отечеству нужно самоотверженіе. И здѣсь-то, непроникнутые духомъ вѣры, водясь только надеждою наградъ и страхомъ наказанія, вообще выгодами своими могутъ оказаться не всегда вѣрными царю и отечеству, если только это можетъ обѣщать имъ выгоды и пользу. Кто невѣренъ Богу, удобно нарушаетъ волю Его, и ни во что ставитъ заповѣди Божіи; тотъ удобно можетъ преступать и законы государственные, и быть невѣрнымъ царю земному. Только вѣрный Богу, всегда, искренно и неизмѣнно вѣренъ и царю земному; и на него всегда и вездѣ можно положиться. Изъ всѣхъ

измѣнниковъ законной власти, въ христіанскомъ мірѣ, какъ показалъ опытъ, не было ни одного истиннаго христіанина, вѣрнаго сына церкви, и изъ всѣхъ истинныхъ христіанъ не было ни одного измѣнника. Это не совмѣстимо. Вѣрный Богу всегда вѣренъ своему званію и долгу. Онъ усердный къ своему дѣлу и внимательный къ подчиненнымъ начальникъ, покорный подданный и подчиненный, правдивый и внимательный судія, вѣрный другъ и супругъ, попечительный о дѣтяхъ отецъ, послушный сынъ, вѣрный слуга, снисходительный господинъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ съ ближними, онъ скроменъ, доброжелателенъ, уживчивъ и миролюбивъ. Такой человѣкъ все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ съ добрымъ успѣхомъ, ибо Господь помощникъ ему. *Вся елика аще творитъ онъ, успѣетъ. Не тако нечестивіи, не тако!*—Вѣрные Богу, изыдутъ ли на поле брани, возвращаются побѣдителями, ибо Господь благословляетъ входъ и исходъ ихъ и побораетъ имъ. Истинно, не силы, не искуство—главныя причины побѣды, а Богъ. Безъ помощи Божіей, и силы и искуство ненадежны. *Не спасется исполинъ крѣпостію своею, и—ложь—ненадеженъ—конь во спасеніе*—или въ безопасность. А, съ Богомъ, Моусей, и вдали отъ воинства, однимъ подъятіемъ молитвенныхъ рукъ, какъ много способствовалъ израилю въ побѣдѣ его надъ врагами! Если же оставитъ и выдастъ одну сторону Богъ, и станетъ какъ бы на другую, начнетъ держать эту сторону; — кто тогда побѣдитъ сторону, защищаемую Богомъ?—кто противъ Крѣпкаго въ бранехъ? Какая сила станетъ противъ Всемогущаго? Съ Богомъ *одинъ поженетъ тысящи* и тьмы. Онъ послалъ нѣкогда одного ангела Своего помочь воинству еврейскому противъ ассиріянъ, и отъ

невидимаго меча невидимаго ратоборца, въ одну ночь, пало сто восемьдесятъ пять тысячъ въ войскѣ ассиріянъ, и—евреи торжествовали побѣду. Бытописанія нашего православнаго отечества, по истинѣ богоспасаемаго, исполнены подобными опытами помощи Господни. Когда, во время бѣдствій и несчастій—боголюбивые предки наши обращались къ Богу съ молитвою,—Онъ обращался къ нимъ съ милостію Своею, и помогалъ имъ. Онъ всегда поможетъ и намъ, яко съ нами Богъ; и съ нами будетъ Онъ всегда, если мы будемъ съ Нимъ.

Вѣрное служеніе Богу всюду и на все доброе распространяетъ *благоуспѣшество*, ибо на все низводитъ Божіе благословеніе. И чѣмъ болѣе въ государствѣ людей, вѣрнослужащихъ Богу, тѣмъ большее пріобрѣтеніе для государства, тѣмъ надежнѣе и прочнѣе его благоденствіе и величіе: ибо *сѣмя свято—стояніе его; въ благословеніи правыхъ возвысится градъ*, и цѣлый народъ. Чѣмъ болѣе преданныхъ Богу, тѣмъ болѣе искренно преданныхъ царю, тѣмъ болѣе для него возможности быть отцемъ о чадѣхъ веселящимся.

Такъ совершенно несомнѣнна истина, что вѣрно и по христіански служащій царю, служитъ и Богу; а искренно служащій Богу, есть вѣрный и всегда неизмѣнный слуга царю земному. Воздающій *кесарева кесареви*, воздаетъ вмѣстѣ и *Божія Богови;* и воздающій *Божія Богови*, воздаетъ усердно и *кесарева кесареви*.

Такъ нераздѣльны эти священнѣйшія обязанности наши сами въ себѣ; такъ нераздѣльны онѣ въ евангеліи: да будутъ же онѣ всегда нераздѣльны и въ нашемъ умѣ, сердцѣ и жизни. Это заповѣди Божіи—евангельскія, и—заповѣди нашихъ отцевъ и предковъ, завѣ-

щавшихъ намъ, своимъ примѣромъ, вѣрно служить Богу и Государю.—Вѣрно служащій Богу и Государю истинно достопочтененъ между людьми, угоденъ царю и Богу, счастливъ и благословенъ на землѣ, блаженъ на небѣ.

А. Ф.

О МѢРАХЪ КЪ ДОСТИЖЕНІЮ ЕДИНЕНІЯ

АРМЯНСКОЙ И ПРАВОСЛАВНО-КАѲОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ (*).

Каждый человѣкъ, добросовѣстно исполняющій свои обязанности, долженъ стараться, сколько отъ него зависитъ, словомъ и дѣломъ искоренять предубѣжденія и уничтожать существующія между народами и частными лицами взаимныя непріязни. Къ этому побуждаетъ насъ и здравый смыслъ, и божественный законъ, ясно то заповѣдающій: ибо всѣ люди суть дѣти одного Отца Небеснаго и всѣ предназначены къ исполненію Его святой воли на землѣ. Но особенно этотъ святой долгъ налагается на христіанъ и по преимуществу на избранныхъ для священнаго служенія. Говоря это, я имѣю въ виду слѣдующія обстоятельства: блаженнѣйшій владыка Поозъ (1), недавно принявшій кормило управленія надъ братіями нашими армянами, живущими въ Турціи, вызываетъ сильное желаніе къ духовному единенію съ нами. Это онъ явно выразилъ, ко взаимному удовольствію православныхъ и армянъ, когда посѣтилъ госпо-

---

(*) Статья эта составляетъ историческое введеніе къ проэкту соединенія армянской церкви съ православной, помѣщенному въ предшествовавшей книжкѣ „Христ. Чтенія".

(1) Т. е. Павелъ.

дина нашего, святѣйшаго Софронія (¹). Многіе, глубоко тронутые этимъ, сердечно возжелали, чтобы препятствія, раздѣляющія обѣ церкви и мѣшающія взаимному ихъ общенію, были отстранены. Вслѣдствіе сего, я охотно принялся содѣйствовать, по мѣрѣ моихъ силъ, достиженію этой священной цѣли; для этого въ настоящей, составленной мною наскоро статьѣ, я рѣшился вкратцѣ изложить все, что касается братьевъ нашихъ армянъ, на сколько позволяли мнѣ занятія моего званія и незначительныя книжныя пособія, имѣющіяся у меня подъ руками. Въ своей статьѣ я предполагаю сказать: во-первыхъ, о введеніи и распространеніи христіанства въ Арменіи; во-вторыхъ, объ отдѣленіи армянской церкви отъ православно-каѳолической; въ-третьихъ, о догматическихъ разностяхъ между ею и нашею церковію; въ-четвертыхъ, объ обрядахъ, обычаяхъ и проч., и наконецъ, въ-пятыхъ, объ условіяхъ, при которыхъ легко можетъ осуществиться общеніе между обоими церквами. Такъ какъ настоящее изложеніе, по причинѣ многосложныхъ моихъ занятій, составлялось понемногу и отрывочно, то прошу моихъ читателей быть снисходительными въ сужденіи объ немъ.

Арменія, получившая названіе отъ жителей ея „Хаиздамъ или Хаіянъ" (страна Хайковъ), по имени Хаяка, перваго ея царя, лежитъ между древней Ассиріей, Персіей и Сиріей; самое же имя Арменіи происходитъ отъ слова „Арамъ", которое въ Св. Писаніи означаетъ Сирію и Месопотамію. Столицею ея въ началѣ былъ городъ Арѳакксатъ, потомъ городъ Аній; другими замѣчательными городами Арменіи были: Арзишъ, Эривань,

---

(¹) Патріарха константинопольскаго, живущаго нынѣ на покоѣ.—*Ред.*

Нахичевань, Товинъ, Давилъ, Арзензанъ, Эрзерумъ (Өеодосіополь), Малазгердъ, Акхлатъ, Ванъ и проч. По словамъ армянскихъ лѣтописцевъ, Хаякъ, потомокъ Іафета, основалъ за 2200 лѣтъ до Р. Х. царство Армянское, завоеванное сперва Александромъ Великимъ, а потомъ при Веспасіанѣ подчиненное римлянамъ. Въ 223 году, оно слилось съ Персіею, при первомъ ея царѣ изъ династіи Сасанидовъ; въ 855 году подпало подъ иго арабовъ; въ 1079 году перешло подъ власть византійскихъ императоровъ, а въ 1375 году — подъ владычество мамелюковъ и, наконецъ въ 1402 году, вошло въ составъ Оттоманской имперіи. Въ настоящее время Арменія, раздѣленная на части, подчинена Персіи, Турціи и Россіи (¹). Для краткаго очерка политическихъ перемѣнъ въ Арменіи сего достаточно, теперь же я намѣренъ говорить о религіозныхъ событіяхъ и нынѣшнемъ ея церковномъ положеніи.

ГЛАВА I.

Введеніе и успѣхи христіанства въ Арменіи.

Говорятъ, что первозванный изъ апостоловъ Андрей, основавшій церковь византійскую, проповѣдывалъ евангеліе Христово и въ Арменіи; затѣмъ свѣтъ христі-

(¹) Въ русской Арменіи находится городъ Эривань, а близъ его Эчміадзинъ, мѣстопребываніе католикоса, т. е. главы армянской церкви. Эчміадзинъ заключаетъ въ себѣ знаменитый монастырь, состоящій изъ трехъ великолѣпныхъ храмовъ, расположенныхъ треугольникомъ. Изъ нихъ одинъ называется Эчміадзинъ, другой—Рупсамехъ, а третій—Гаіенехъ. Сказаніе о построеніи ихъ можно найти въ „Histoire de l'état present de l'eglise grecque", par m-r le chevalier Ricaut, page 391—402.
Авт.

анства распространялся въ этой христолюбивой странѣ ревностію благочестиваго ея царя Тиридата ([1]), какъ о томъ свидѣтельствуетъ историкъ Созоменъ, который пишетъ: „говорятъ, что Тиридатъ, вождь армянскаго народа, по причинѣ чудеснаго знаменія, происшедшаго около его дома, принялъ христіанство и при этомъ весь подвластный ему народъ, одною проповѣдію былъ обращенъ къ вѣрѣ“ (Церк. Истор. кн. II, гл. 7). Самаго же Тиридата и почти весь армянскій народъ крестилъ въ водахъ Евфрата, равноапостольный священномученикъ Григорій, архіепископъ великой Арменіи ([2]).

Объ этомъ замѣчательномъ религіозномъ событіи, пишетъ также Мелетій, епископъ аѳинскій, слѣдующее: „Царь армянскій Тиридатъ, принявши вѣру Христову, послалъ Григорія къ Леонтію, епископу кесаріи каппадокійской, съ просьбою посвятить его въ архіерейскій санъ. Григорій, рукоположенный, возвратился въ Арменію и, бывъ принятъ съ честію Тиридатомъ, окрестилъ въ рѣкѣ Евфратѣ его и всѣхъ армянъ, наставленныхъ въ вѣрѣ Христовой; и не однихъ только армянъ, но и персовъ, ассиріанъ, мидянъ и другихъ въ числѣ, какъ говорятъ, болѣе четырехъ милліоновъ: онъ же, по сказанію, поставилъ надъ всѣми ими до 400 епископовъ (см. житіе его). Этотъ самый Тиридатъ, прибывшій на первый вселенскій соборъ, въ Никею, также благосклонно былъ принятъ Константиномъ Великимъ, какъ и армянскій архіепископъ, католикосъ

([1]) Сей государь жилъ въ концѣ III вѣка и былъ данникомъ персовъ. Бывъ свергнутъ ими съ престола, онъ искалъ убѣжища у нашихъ императоровъ, которые приняли его съ сочувствіемъ и братскою любовію.—*Авт.*

([2]) Армяне въ древности держались „религіи маговъ“, т. е. поклонялись огню, солнцу и звѣздамъ.

Аростакъ, рукоположенный отцомъ своимъ Григоріемъ (Церк. Ист. т. А', стр. 343 и 344). Объ обращеніи армянъ и о Тиридатѣ, равно какъ и о священномученикѣ Григоріѣ подробнѣе пишутъ ученые авторы сочиненія „Biographie Universelle", въ которомъ желающіе найдутъ бо̀льшія свѣдѣнія.

Этимъ христолюбивымъ народомъ, преимущественно, свѣтъ евангелія перенесенъ былъ и въ другія сосѣднія страны и даже въ самую Персію, по свидѣтельству того же Созомена, который вслѣдъ за вышесказаннымъ продолжаетъ: „Послѣ того ученіе перешло въ сосѣднія племена и распространилось между многими изъ нихъ; думаю также, что большое число персовъ было просвѣщено христіанствомъ тѣми, которые вслѣдствіе смѣшенія Оѳоиновъ съ армянами, по всей вѣроятности, обращались съ тамошними богомудрыми мужами и были свидѣтелями ихъ добродѣтелей" (тамъ же). Согласно съ симъ пишетъ и Мелетій аѳинскій: „посредствомъ армянъ и сосѣднихъ племенъ, персы обратились къ вѣрѣ Христовой" (Церк. Ист., т. А, стр. 343). Братія армяне не одними только устами доблестно исповѣдали вѣру въ распятаго Іисуса, но, по временамъ, подтверждали оную собственною своею кровію, мужественно и безбоязненно подвизаясь противъ персидскихъ государей Сапора, Издигерда, Хозроя и другихъ непримиримыхъ враговъ христіанскаго имени. Неисчислимыми сонмами и достославно совершали они мученическій подвигъ; такъ въ одно царствованіе жестокаго Сапора пострадало за Христа въ Персіи, въ Персоарменіи и въ Едессѣ до 16,000 человѣкъ, разумѣя въ этомъ числѣ только тѣхъ, коихъ имена до насъ дошли. Созоменъ пишетъ: „говорятъ, что число мужчинъ и женщинъ, претерпѣвшихъ

въ то время мученіе, которыхъ имена намъ извѣстны, доходитъ до 16.000. Кромѣ же сихъ пострадало *безчисленное* множество другихъ, коихъ имена невозможно было сохранить“ (тамъ же, гл. 13); и далѣе, „въ это царствованіе (Сапора) несмѣтное число пресвитеровъ, діаконовъ, монаховъ, освященныхъ дѣвъ и другихъ, служившихъ церквамъ и державшихся христіанскаго ученія, претерпѣли жестокія мученія и смерть (тамъ же, гл. 12, сличи и Ѳеодорита, Церк. Ист., кн. V, гл. 38).

Религіозный энтузіазмъ тамошнихъ христіанъ, подвизавшихся за евангеліе, доходилъ до того (какъ говорилъ Созоменъ), „что, когда сдѣлалось извѣстнымъ звѣрское повелѣніе Сапора, осуждавшее на смерть всѣхъ признающихъ себя христіанами, то они сами, безъ всякаго принужденія, объявляли о себѣ, чтобы своимъ молчаніемъ не казаться отрекающимися отъ Христа“ (тамъ же, гл. XIX). Константинъ Великій, „узнавъ о страданіи упомянутыхъ христіанъ, скорбя о нихъ, негодуя и, желая имъ помочь... писалъ къ Сапору, что онъ ему будетъ чрезмѣрно и невыразимо признателенъ, если онъ окажетъ человѣколюбіе къ тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые уважаютъ христіанское ученіе“ (Созоменъ, тамъ же, гл. XIV). Самое это посланіе находится у Ѳеодорита, выраженное слѣдующимъ образомъ:

„Соблюдая божественную вѣру, я пріобщаюсь свѣту истины; и, руководясь свѣтомъ истины, познаю божественную вѣру. Вотъ способы, которыми, какъ показываетъ самое дѣло, я держусь святѣйшаго богопочтенія и исповѣдую, что это служеніе есть наставникъ въ познаніи Святаго Бога. Вспомоществуемый силою сего

Бога, я началъ отъ предѣловъ океана и мало по-малу одушевилъ твердою надеждою спасенія всю вселенную; такъ что всѣ провинціи, отъ порабощенія столь многимъ тиранамъ и отъ стенанія подъ бременемъ ежедневныхъ бѣдствій почти исчезавшія, поступивъ подъ эту защиту, какъ бы ожили и исцѣлились, будто какимъ врачествомъ. Сего-то Бога я чту; Его знаменіе носитъ на раменахъ своихъ посвященное Богу мое войско, и съ нимъ устремляется всюду, куда призываетъ справедливость, немедленно получая въ награду за это блистательные трофеи. Исповѣдую, что сего-то Бога я непрестанно содержу въ памяти, сего-то въ высшихъ живущаго Бога прославляю ясною и чистою мыслію, Его призываю съ колѣнопреклоненіемъ, гнушаясь всякою нечистою кровію, непріятными и отвратительными куреніями, и уклоняясь отъ всякаго земнаго сіянія, чѣмъ, нечестивый и тайный обманъ низвергъ въ преисподнюю многіе народы и цѣлыя поколѣнія, потому что Богъ всяческихъ никакъ не хочетъ, чтобы люди прилагали къ своимъ прихотямъ то, что Его Промыслъ, по человѣколюбію, произвелъ на свѣтъ для всеобщей пользы. Онъ требуетъ отъ людей только чистой мысли и незапятнанной души, и только этимъ взвѣшиваетъ дѣла добродѣтели и благочестія. Онъ услаждается дѣлами милосердія и снисходительности, любитъ кроткихъ, а мятежныхъ ненавидитъ, любитъ вѣрность, а невѣрность накажетъ, разрушаетъ всякую надменную власть и казнитъ превозношеніе тщеславныхъ, низвергаетъ съ высоты напыщенныхъ гордостію, а смиреннымъ и незлобивымъ воздастъ по достоянію. Потому-то, высоко цѣня и справедливое царствованіе, Онъ укрѣпляетъ его своею помощію и царственную мудрость

охраняетъ тишиною мира. Не думаю, братъ мой, чтобы я заблуждался, признавая сего Бога началовождемъ и отцемъ всего. Многіе изъ здѣшнихъ государей, увлекшись буйными и превратными помыслами, рѣшились отвергать Его; но всѣхъ ихъ въ наказаніе постигъ такой конецъ... что цѣлое поколѣніе слѣдовавшихъ за ними людей, подражателямъ подобной жизни указываетъ на ихъ бѣдствія, какъ на примѣръ. Однимъ изъ нихъ, по моему мнѣнію, былъ и тотъ, котораго Божій гнѣвъ, подобно молніи, изгналъ отсюда и передалъ вашей странѣ, гдѣ онъ, къ своему стыду, сдѣлался столь знаменитымъ у васъ трофеемъ (1). Впрочемъ, и то, вѣроятно, послужило къ добру, что даже въ наше время подобные люди были явно наказуемы; ибо и самъ я видѣлъ смерть тѣхъ, которые недавно беззаконными распоряженіями мучили преданный Богу народъ. И такъ, да будетъ великое благодареніе Богу, что, по Его всесовершенному Промыслу, все человѣчество, служащее божественному закону, веселится и радуется, наслаждаясь возвращеннымъ себѣ миромъ. Это и меня самого убѣдило, что все находится въ самомъ лучшемъ и безопаснѣйшемъ положеніи, поколику Богу угодно привесть къ себѣ всѣхъ людей посредствомъ чистаго и истиннаго богопочтенія, внушая имъ единомысліе касательно предметовъ божественныхъ. Можешь представить себѣ, какъ я обрадовался, услышавъ о числѣ людей, разумѣю христіанъ, къ пользѣ которыхъ клонится мое слово, услышавъ, что ими, соотвѣтственно моему желанію, украшаются лучшія провинціи Персіи. Да будетъ же и имъ столь хорошо, сколь хорошо тебѣ; да наслаж-

---

(1) Здѣсь разумѣется императоръ Валеріанъ.

дающся они благополучіемъ, какъ и ты! За это Господь всяческихъ удостоитъ тебя снисхожденія, милости и благоволенія. И такъ, я поручаю ихъ тебѣ, какъ государю великому, ввѣряю ихъ извѣстному твоему благочестію; люби ихъ согласно съ твоимъ человѣколюбіемъ. Такою вѣрою ты доставишь и себѣ и намъ неописанное благодѣяніе" (1).

Изъ приведеннаго мною ясно усматривается, что ни какой другой народъ не потерпѣлъ такого множества политическихъ и религіозныхъ гоненій, какъ народъ армянскій; не смотря на то, среди безпрерывныхъ и ужасныхъ бурь онъ остался твердымъ и непоколебимымъ въ вѣрѣ Христовой. „Начиная со временъ Константина (пишетъ знаменитый Гиббонъ) армяне всегда отличались своею преданностію христіанской вѣрѣ и имперіи... только безпорядки, происходившіе въ ихъ странѣ, и не знаніе ими греческаго языка препятствовали ихъ клиру присутствовать на халкидонскомъ соборѣ. Съ самыхъ первыхъ временъ своей исторіи и до нашихъ дней арменія была театромъ безпрерывныхъ войнъ. Жестокая политика персидскаго дивана опустошала земли, лежащія между Таврисомъ и Эриванью. Христіанскія семейства тысячами переселяемы были въ отдаленныя провинціи Персіи, гдѣ они должны были или погибать или жить подъ тяжкими угнетеніями; ревность армянъ была пламенная и неустрашимая; они желали лучше пріять мученическій вѣнецъ, чѣмъ носить чалму" (Gibbon Hist. Rom. Tome IX p. 119—121) (2).

---

(1) У Созомена (кн. II, стр. 14) сохранилось сокращенное изложеніе этого посланія, по смыслу одинакое съ тѣмъ, какое находимъ у Өеодорита.

(2) По всѣмъ этимъ причинамъ, мы обязаны быть снисходительными

Церковь армянская приняла уставы, учрежденія и всю внутреннюю организацію отъ греческихъ іерарховъ кесаріи—каппадокійской, которые присылали отъ себя духовныхъ учителей для оглашенія и наставленія братій нашихъ армянъ.

Выше мы видѣли, что епископъ великой арменіи Божественный Григорій былъ наученъ христіанскимъ догматамъ въ Кесаріи, и былъ рукоположенъ въ епископы предстоятелемъ этой церкви Леонтіемъ, засѣдавшимъ на первомъ вселенскомъ соборѣ. И не одинъ только Григорій, но и его преемники, до извѣстнаго времени, рукополагались епископомъ Кесаріи, котораго они признавали своимъ церковнымъ главою. Епископы, принявшіе рукоположеніе отъ кесарійскаго, по порядку времени, суть слѣдующіе: Вертанисъ, Григорій II, Исаакъ I, Фарцесекъ, св. Нерсесъ, Исаакъ II, Загенисъ, Епурасекъ и св. Исаакъ (1). А эти въ свою очередь рукополагали епископовъ подчиненныхъ имъ. Но римскіе историки, систематически извращающіе историческія событія для подкрѣпленія главенства папы, утверждаютъ, что армянская церковь зависѣла отъ Рима, и будто Григорій возведенъ въ патріаршескій санъ папою Сильвестромъ, въ награду за свои подвиги въ дѣлѣ благочестія, тогда какъ самое названіе „патріархъ" въ то время было еще совсѣмъ неизвѣстно въ церкви! „Свя-

---

и благосклонными къ ошибкамъ, происшедшимъ отъ невѣденія возлюбленныхъ намъ братій во Христѣ.

(1) Первый изъ этихъ, т. е. Вертанисъ, былъ епископомъ три года, второй — одиннадцать, третій — шесть, четвертый — четыре, пятый— тридцать четыре, шестой—три, седьмой—четыре, восьмой—семь и девятый — сорокъ лѣтъ; а первый преемникъ божественнаго Григорія, сынъ его Арастанъ, отъ него рукоположенный, былъ епископомъ два года.

той папа Сильвестръ (говоритъ Cesar Famin), желая наградить подвиги и заслуги Григорія просвѣтителя, возвелъ его въ санъ патріарха арменіи, въ 314 г. Въ подтвержденіе того, что въ древности арменія находилась, въ церковномъ отношеніи, подъ властію архіепископа Кесаріи каппадокійской, мы, оставляя въ сторонѣ всѣ другія доказательства, считаемъ достаточнымъ привести здѣсь одно неопровержимое свидѣтельство, заключающееся въ самой подписи этого архіепископа, встрѣчаемой въ свящ. актахъ перваго вселенскаго собора (у Геласія): „Леонтій, архіепископъ Кесаріи каппадокійской, Понта галатійскаго, Пафлагоніи, Понта Полемаицкаго, малой и великой Арменіи, подписалъ" (Акт. Собор. Т. I стр. 184 и 195). Послѣ же того, католикосы, отдѣлившись отъ каноническаго управленія епископа кесарійскаго, сдѣлались самостоятельными, но не вслѣдствіе соборнаго рѣшенія (какъ напр. церковь сосѣдней имъ Иверіи, которая соборомъ антіохійскимъ провозглашена была независимою и самостоятельною), а по указу персидскаго государя, и съ тѣхъ поръ стали принимать рукоположеніе отъ мѣстнаго собора епископовъ (см. Досие. тамъ же стр. 1216) (¹).

(¹) Объ армянской іерархіи и ея древнихъ доходахъ Гиббонъ пишетъ: „Католикосъ или патріархъ армянскій, имѣющій мѣстопребываніе въ эчміадзинскомъ монастырѣ, въ трехъ миляхъ отъ Эривани, поставляетъ сорокъ семь архіепископовъ, изъ коихъ каждый имѣетъ при себѣ четырехъ или пять викаріевъ; но это болѣе для того, чтобы своимъ присутствіемъ и служеніемъ они придавали больше значенія его двору, какъ это бываетъ обыкновенно съ титулярными епископами. По исполненіи своихъ церковныхъ обязанностей, они занимаются воздѣлываніемъ своихъ виноградниковъ. Наши епископы изумятся, когда узнаютъ, что строгость ихъ жизни увеличивается по мѣрѣ возвышенія ихъ сана; въ осьмидесяти тысячахъ городовъ и селъ этой духовной имперіи, патріархъ съ каждаго, достигшаго выше пятнадцати лѣтъ, получаетъ незначительную добровольную подать; но 600,000 талеровъ, собирае-

Но къ несчастію, эта знаменитая часть христіанства и дщерь греческой церкви ([1]), распространившая свѣтъ христіанства между многими варварскими народами Азіи, и съ такою твердостію претерпѣвшая ужасныя мученія, дабы сохранить неприкосновеннымъ священный завѣтъ благочестія,—внезапно и неожиданно, по одному недоразумѣнію относительно нѣкоторыхъ выраженій (а отнюдь не по злонамѣренности), уклонилась отъ духовнаго общенія съ православно-каѳолическою церковію, и, такъ сказать, уединившись въ религіозномъ отношеніи, заключилась въ продолженіе столькихъ вѣковъ въ собственной своей личности, какъ мы далѣе увидимъ.

ГЛАВА II.

Объ отдѣленіи армянской церкви и ея догматическомъ различіи отъ православно-каѳолической.

„Когда мы услышимъ что либо такое, что намъ кажется неправомыслящимъ, не должно тотчасъ объявлять—это еретическимъ, но слѣдуетъ осторожно распросить и узнать значеніе слова и смыслъ, въ какомъ оно употреблено".
(Ѳеоріанъ).

Несторій, бывшій, по Божію попущенію, патріархомъ константинопольскимъ, нечестиво раздѣлялъ воплощен-

мыхъ имъ ежегодно, оказывается недостаточно для постояннаго вспомоществованія бѣднымъ и для уплаты налоговъ, требуемыхъ пашами (Тамъ же, стр. 121, сл. и „Dictionnaire Historique des cultes religieux", t. IV, page 208).

([1]) И самое слово „католикосъ", которымъ титулуются предстоятели армянской церкви, доказываетъ греческое ея происхожденіе, т. е. полученное ею отъ грековъ устройство и образованіе. О значеніи сего наименованія историкъ Прокопій замѣчаетъ: „Iерея (архіерея) христіанъ на греческомъ языкѣ они (армяне) называютъ католикосомъ (καθολικός), потому что онъ поставленъ надъ всѣми странами ей (т. е. Арменіи) принадлежащими". (Т. I, стр. 263).

наго Сына Божія и Бога на двѣ vпостаси или лица, признавая въ Немъ простое совокупленіе двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго, но не vпостасное, неслiянное соединеніе ихъ въ одной vпостаси; по этому нечестивый еретикъ Богородицу называлъ не Богородицею, а Христородицею, какъ бы родившую простаго человѣка, въ которомъ, говорилъ онъ, „какъ во храмѣ, обиталъ Единородный Сынъ Божій.“ Подобно тому, какъ Богъ Слово, писалъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, было въ пророкахъ, такимъ же образомъ было Оно и въ этомъ рожденномъ отъ Дѣвы Іисусѣ, хотя въ послѣднемъ въ большей мѣрѣ соединенія, чѣмъ въ тѣхъ; (Акт. Собор. изд. Спирид. Милія т. I стр. 357 и 358) „Дѣва Христородица родила Сына Божія, говорилъ Несторій; но поелику Сынъ Божій двойственъ по естеству, то она родила не самаго Сына Божія, но человѣка, который есть сынъ вслѣдствіе соединившагося съ нимъ Сына“. (стр. 486); „тому, что Богъ Слово произошелъ отъ Христородицы Дѣвы, я научился изъ божественнаго писанія, но тому, что отъ нея родился Богъ, я нигдѣ не научился“. „Христа во плоти мы называемъ Богомъ по причинѣ соединенія его съ Богомъ Словомъ“. (стр. 487). „Мы хранимъ неслiяннымъ совокупленіе естествъ,—исповѣдуемъ Бога въ человѣкѣ, — почитаемъ человѣка, покланяемаго купно съ Вседержителемъ Богомъ, по причинѣ божественнаго совокупленія“; „да милостивъ будетъ, сказано, и вѣренъ первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу... Слѣдовательно пострадавшій —первосвященникъ милостивъ, а страдать можетъ храмъ, а не Богъ, животворящій страдавшаго“. Такъ училъ человѣкопоклонникъ Несторій, за что третьимъ вселенскимъ соборомъ и преданъ вѣчной анаѳемѣ.

Когда эту хитросплетенную ересь стали опровергать архимандритъ Евтихій и епископъ александрійскій Діоскоръ, то они впали въ противоположное Несторію заблужденіе, сливая и смѣшивая два естества въ Богочеловѣкѣ: „то, что изъ двухъ, говорилъ Евтихій, я принимаю, что же въ двухъ, то отвергаю“. По поводу этого, знаменитый Фотій пишетъ: „они (т. е. упомянутые ересіархи) пустословили, что плоть Господня не единосущна съ нашей. Но говорили, что соединеніе произошло изъ двухъ естествъ, и что послѣ соединенія они слились въ одно естество, не сохранившее свойствъ ни того, ни другого, ни божественнаго, ни человѣческаго“ (Фотій, Послан. стр. 141 издан. І. Н. Валета); далѣе: „Одного Господа Нашего Іисуса Христа познаваемаго по Божеству и человѣчеству, и въ этихъ двухъ естествахъ поклоняемаго, они дерзостно смѣшали и слили въ одно естество, и отсюда эти злосчастные заключили, что Онъ чуждъ существа отческаго и по естеству различенъ отъ людей“. Эту ересь, противоположную Несторіевой, но равно Богопротивную, развили въ послѣдствіи Тимоѳей Элуросъ, Петръ Кнафей и Севиръ Акефалъ [1].

---

[1] Послѣдователи этой ереси названы акеѳалитами (безглавыми) потому, что, по свидѣтельству Никифора Каллиста, не находились подъ управленіемъ епископовъ. „Отсюда, прибавляетъ этотъ писатель, такъ какъ у нихъ не было епископовъ и священниковъ, то они не совершали крещенія по церковному уставу и не священнодѣйствовали обычно на проскомидіи и литургіи“ (Церк. ист., XVIII, 45, см. и у Іоанна Дамаскина Правосл. III, 16 и его же „о трисвятой пѣсни“ противъ евтихіанъ и пр. сл. и сборн. Фотія, 95, гдѣ они называются отверженниками церкви). „Акеѳалиты или севириты, пишетъ ревностный поборникъ православія Константинъ Экономосъ, извѣстны также подъ другими именами. Такъ отъ извѣстныхъ мѣстностей они называются: контовувалитами или контовудитами, ангелитами и пр.; по именамъ разныхъ своихъ учителей, различествовавшихъ другъ отъ друга въ частностяхъ, именуются ѳеодосіянами, іаковитами, іуліанистами, каинитами, ѳемистіанами, даміанистами, петритами, кононитами, и пр.; а по ихъ общимъ

нечестиво приписавшіе страданіе безстрастному Божеству, почему и были названы монофизитами, миксофизитами и ѳеопасхитами. Ересь Евтихія отъ другихъ монофизитскихъ ученій отличалась тѣмъ, что послѣдніе признавали плоть Господню единосущною (съ нашею плотію), какъ она дѣйствительно и есть, а Евтихій говорилъ, что она инаго существа, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ св. Флавіанъ: „Евтихій говорилъ, что тѣло Господне, рожденное отъ Дѣвы, не изъ нашего естества и не изъ человѣческаго состава: онъ называетъ его человѣческимъ, но не единосущнымъ и даже—съ родившею Его по плоти“ (Акт. Собор. т. II, стр. 5).

Эту ересь четвертый вселенскій соборъ, Халкидонскій, предалъ вѣчному проклятію, а измыслившихъ ее низвелъ въ мѣсто, гдѣ пребываетъ отецъ ихъ и всякой лжи. Дабы утвердить божественный догматъ домостроительства о воплощеніи Бога Слова противъ Несторіанскаго и Евтихіанскаго лжемудрствованія, соборъ издалъ постановленіе, въ которомъ, вѣрно слѣдуя святому апостольскому преданію, богодохновенно исповѣдуетъ: Одного и того же Христа, Сына, Господа, Единороднаго, въ двухъ естествахъ познаваемаго, въ которомъ различіе естествъ вовсе не уничтожается чрезъ соединеніе, но неизмѣнно сохраняются частныя свойства [1] того и

и главнѣйшимъ мнѣніямъ, или же по замѣченнымъ между ними разностямъ, ихъ называютъ: моноѳелитами, монофизитами, ѳантазіастами, аѳѳартодокетами, схизматиками, полуевтихіанами, агнотами, семидалитами, тетрадитами, и пр., и пр. Такое множество ересей породила акефалитская ересь“! (См. ст. „О трехъ священнич. санахъ Церкви“, стр. 265, примѣч. а).

(1) Сообразно съ этимъ и церковь преславную Богородицу воспѣваетъ слѣдующимъ образомъ: „Како не дивимся богомужному рождеству Твоему; искушенія бо мужескаго не пріемши, всенепорочная, родила еси безъ отца Сына плотію, прежде вѣкъ отъ Отца рожденнаго безъ

другаго естества, соединясь въ одно лицо и въ одну ѵпостась (Акт. Соб. т. II стр. 151). Это постановленіе священ. собора, вмѣстѣ съ еретическимъ исповѣданіемъ, императоры, для вящшаго утвержденія истины, открывъ гробъ всехвальной мученицы Евѳиміи, положили на перси ея, и затѣмъ гробъ запечатали. Чрезъ нѣсколько дней, отцы, помолясь, открыли гробъ и нашли, что писаніе еретиковъ было повержено въ ногахъ святой, а писаніе православныхъ она держала въ своихъ честныхъ рукахъ. Объ этомъ сверхестественномъ чудодѣйствіи свидѣтельствуетъ и посланіе этого вселенскаго собора къ римскому епископу Льву. „Самъ Богъ, писано въ немъ, дѣйствовалъ здѣсь, и побѣдоносная Евѳимія, вѣнчающая собраніе къ брачному чертогу; ибо, принявъ это изложеніе вѣры, она, какъ собственное исповѣданіе, принесла его своему Жениху чрезъ благочестивѣйшаго государя (Маркіана) и христолюбивую царицу (Пульхерію); такимъ образомъ она успокоила всякое волненіе противниковъ, принявъ исповѣданіе истины, какъ ей любезное и въ доказательство сего рукою и языкомъ своимъ подтвердила голоса всѣхъ“ (Акт. Соб. т. II стр. 45). По этому и церковь воспѣваетъ: „ты весьма обрадовала православныхъ и устыдила не правомыслящихъ, всехвальная Дѣва Христова Евѳимія: ибо ты подтвердила то, что отцы на четвертомъ собо-

матере, никакоже претерпѣвшаго измѣненія или смѣшенія, или раздѣленія: но обою существу свойство цѣло сохранившаго. Тѣмже Мати Дѣво Владычице, Того моли спастися душамъ православно Богородицу исповѣдающихъ Тя“. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые изъ нашихъ богослововъ весьма удачно уподобляютъ несліянное ѵпостасное единство въ Богочеловѣкѣ раскаленному желѣзу. То же подобіе раскаленнаго и кующагося желѣза они употребляютъ для представленія того, что Божественное естество Христа Бога нашего, страдавшаго ради нашего спасенія, пребыло безстрастно.

рѣ достохвально проповѣдали (Аполитиріонъ службы св. Евѳиміи) (1).

Но Армяне сами не присутствовали на четвертомъ вселенскомъ соборѣ по причинѣ политическихъ безпорядковъ въ ихъ отечествѣ.—(Въ это время Издигердъ, царь персидскій, напавъ на Арменію, опустошилъ ее, а Каѳоликоса Іосифа I съ его клиромъ, отвергшихъ поклоненіе огню, отвелъ въ Персію и тамъ варварски умертвилъ).—Кромѣ того въ постановленіи собора, они не могли уразумѣть истиннаго смысла его догматическаго выраженія: „два естества во Христѣ". Языкъ ихъ былъ недостаточенъ для выраженія высокихъ богословскихъ понятій; однимъ и тѣмъ же словомъ на немъ обозначали иногда ѵпостась или лице, иногда естество или сущность. По этому имъ казалось, что соборъ впалъ въ ересь Несторія, нечестиво раздѣлявшаго Единаго Богочеловѣка на двѣ ѵпостаси или лица. Такимъ образомъ съ армянами, вслѣдствіе скудости ихъ языка (2), слу-

(1) О многихъ дивныхъ чудесахъ этой всехвальной мученицы читай Евагрія (Церк. Истор., кн. II, гл. 3).

(2) Нѣкоторые изъ ученыхъ утверждаютъ, что армянскій языкъ былъ языкомъ Ноя, поселившагося, по выходѣ изъ ковчега, около Арменіи, какъ объ этомъ можно заключить изъ текста Ветхаго Завѣта. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ языкъ первообразный, сохранившій свою первоначальную чистоту и не смѣшанный ни съ какимъ другимъ. Армянская литература ведетъ свое начало съ эпохи распространенія христіанства въ Арменіи; съ V вѣка до XIV армяне, благодаря сношеніямъ съ греками, не переставали заниматься наукою. Въ теченіе этого продолжительнаго періода, у нихъ было много знаменитыхъ мужей, богослововъ, проповѣдниковъ, астрономовъ, философовъ, историковъ. Изъ нихъ замѣчательнѣйшіе были Давидъ, изъ стихотворцевъ Нарсесъ, Клаестисъ, изъ историковъ Моисей Хоринскій, и др. (См. Dictionnaire national, слово Armènien). О любознательности и склонности къ наукамъ братій арманъ епископъ *de Blois* Григорій пишетъ слѣдующее: „Армяне никогда не чуждались занятій науками, съ самыхъ первыхъ вѣковъ обращенія ихъ къ христіанству, и перевели на свой языкъ многія изъ греческихъ произведеній, оригиналы коихъ не дошли до насъ; потеря эта

чилось тоже, что и съ братіями латинянами. Какъ последніе отдѣлились отъ православно-каѳолической церкви прежде всего по причинѣ бѣдности своего языка, не способнаго выражать высоту божественныхъ истинъ, но часто (1) одними и тѣми же словами изображающаго различныя понятія (2), такъ и армяне по этой же самой причинѣ отпали отъ общенія съ православною церковію; принявъ выраженіе „естество", употребленное въ актахъ четвертаго собора, въ смыслѣ слова „ѵпостась", они собравшихся на немъ божественныхъ отцевъ сочли по этому впавшими въ несторіанскую ересь и признающими двѣ ѵпостаси въ Христѣ.

Но въ такомъ заблужденіи относительно четвертаго собора особенно утвердило армянъ то обстоятельство,

---

вознаграждается такими изъ армянскихъ переводовъ, какъ, напримѣръ, „Хроника Кузела". О значеніи армянскихъ богослововъ вышеупомянутый епископъ замѣчаетъ далѣе: Вертабе Лорабъ перевелъ на итальянскій языкъ превосходную, можно сказать даже, чудную рѣчь св. Нерсеса собору, бывшему въ 1153 г. по вопросу о соединеніи грековъ съ армянами. Въ этой рѣчи св. Нерсесъ показалъ себя искуснымъ богословомъ, и чувства нѣжной любви украсилъ всѣми прелестями краснорѣчія (Hist. des sectes religieuses, t. IV, p. 222).

(1) Слово „substantia", напр., иногда означаетъ естество или сущность, а иногда ѵпостась или лице; также слово „processio" или „procedere" значитъ иногда предвѣчное ѵпостасное бытіе Духа, а иногда временное изліяніе, сообщеніе его даровъ (см. Іосифъ Вріеній, т. I, стр. 448—452).

(2) Блаженный Августинъ напр. употребляетъ выраженіе: „ex Patre Filioque procedere", принимая слово „procedere" не въ смыслѣ исхожденія, но въ смыслѣ посланія или изліянія, что ясно видно изъ другихъ параллельныхъ мѣстъ. Но братія латиняне, худо изъяснивъ истинный смыслъ слова „procedere", думали, будто, по ученію этого отца, Духъ Святый исходитъ, т. е. получаетъ предвѣчное ѵпостасное или личное бытіе отъ Отца и Сына (я не стану приводить здѣсь сдѣланныхъ ими въ сочиненіяхъ восточныхъ и западныхъ отцевъ поврежденій, о которыхъ подробно говоритъ приснопамятный А. Зерникавъ), что богохульно и противно каѳолическому преданію, изложенному въ постановленіи перваго собора, т. е. въ символѣ вѣры.

что соборъ этотъ не произнесъ осужденія на такъ называемыя „три главы“ т. е. сочиненіе Θеодора Мопсуестскаго, посланіе Ивы, епископа Едесскаго, къ персіанину Марису и сочиненіе блаженнаго Θеодорита, епископа кирскаго, направленное противъ двѣнадцати анаθематствъ, посланныхъ Несторію св. Кирилломъ (¹).

(¹) Эти три главы, равно какъ и самаго Θеодора Мопсуетскаго (ненавистное ученіе котораго раскрылъ злочестивый Несторій), пятый вселенскій соборъ, въ восьмомъ засѣданіи своемъ, предалъ анаθемѣ, и такимъ образомъ отстранилъ всякій поводъ къ отдѣленію армянъ отъ православно-каθолической церкви. Сочиненія Θеодора и Ивы соборъ осудилъ какъ еретическія и неправославныя, а сочиненія блаженнаго Θеодорита осудилъ не какъ еретическія, но какъ представляющія божественнаго Кирилла (а въ лицѣ его и третій вселенскій соборъ), съ одной стороны уклоняющимся въ ересь Аполинарія, а съ другой—учащимъ, вопреки евангелію, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына. Блаженный Θеодоритъ побужденъ былъ къ написанію своего сочиненія неправильнымъ толкованіемъ нѣкоторыхъ выраженій въ 12 анаθематизмахъ Кирилла. И не одинъ только Θеодоритъ, но и Іоаннъ, епископъ антіохійскій, и составленный имъ соборъ были того же мнѣнія о Кириллѣ; почему они и не хотѣли участвовать на третьемъ соборѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ этотъ божественный отецъ. Послѣ же, когда Кириллъ написалъ объясненіе на „двѣнадцать главъ“, посланныхъ имъ къ Несторію (см. Акт. соб., т. I, ст. 549—554), и въ апологіи къ восточнымъ епископамъ (тамъ же, стр. 554—569), а также въ посланіи къ Іоанну, епископу антіохійскому, разъяснилъ свое мнѣніе и мнѣніе собора о воплощеніи Сына Божія и исхожденіи Св. Духа, тогда самъ Іоаннъ и подчиненные ему восточные епископы, сознавъ свое заблужденіе, приступили къ собору и признали мнѣніе Кирилла православнымъ. Подлинныя слова означеннаго объясненія слѣдующія: „не раздѣляемъ и не измѣняемъ (Бога Слово)... совершенъ сый въ Божествѣ и совершенъ въ человѣчествѣ, и во единомъ лицѣ разумѣваемый; ибо единъ Господь Іисусъ Христосъ, хотя и познается въ немъ различіе естествъ... говорящимъ, что было смѣшеніе или сліяніе Бога Слова съ плотію, святѣйшество твое да заградитъ уста... ибо непреложно пребываетъ и не измѣняется естество Бога Слова... вмѣстѣ съ этимъ мы всѣ признаемъ, что Слово Божіе безстрастно, хотя Оно, премудро допуская исполненіе на себѣ таинства, терпитъ страданія, совершившіяся въ его плоти“, и далѣе: „отнюдь не дозволяемъ кому-либо измѣнять опредѣленную св. отцами вѣру, т. е. символъ вѣры... равно и самимъ себѣ не позволяемъ нарушать въ немъ ни одного слова и даже престу-

Сверхъ того, многіе опасные враги православія и послѣдователи евтихіанской ереси не переставали въ глазахъ армянъ обвинять соборъ въ томъ, что онъ впалъ въ несторіанскую ересь. Этимъ преимущественно отличались сирійскіе монофизитскіе епископы, которые, будучи преслѣдуемы императорскимъ правительствомъ, убѣжали въ арменію. Они между прочимъ убѣдили армянъ допустить: въ таинствѣ божественной евхаристіи употребленіе опрѣсноковъ, (которые ересіархи эти ввели въ свои незаконныя собранія для символическаго представленія одного естества во Христѣ:) измѣненіе въ трисвятой пѣсни, первоначально сдѣланное нечестивымъ Петромъ Кнафеемъ, епископомъ антіохійскимъ, и другія, противныя вселенскому и апостольскому преданію, нововведенія, о которыхъ будетъ упомянуто ниже.

пать одного слога... Ибо не они были говорящими, но самъ Духъ Бога и Отца, Который отъ Него исходитъ, но по существу не чуждый Сына (тамъ же, стр. 618 и 619)". Прочитавъ эти посланія, блаженный Θеодоритъ, въ письмѣ къ Іоанну, епископу антіохійскому, такъ восхваляетъ ихъ: „Египетскія грамоты (т. е. александрійскаго престола) украшаются евангельскою благовидностію: ибо въ нихъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ возвѣщается Богомъ совершеннымъ и человѣкомъ совершеннымъ и Духъ Святый именуется пріявшимъ бытіе не отъ Сына или чрезъ Сына, но исходящимъ отъ Отца, хотя и называется собственнымъ Сыну, какъ единосущный Ему" (тамъ же, стр. 636). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что пятый соборъ предалъ анаѳемѣ Θеодора Мопсуетскаго, какъ виновника несторіева неправомыслія, Θеодорита же вовсе не осудилъ, а даже принялъ его какъ одного изъ отцевъ четвертаго собора, какъ поступилъ и самый этотъ соборъ, и вся церковь Христова, восточная и западная, почитаетъ и уважаетъ его, какъ православнаго учителя; ибо въ восьмомъ засѣданіи четвертаго собора онъ ясно и торжественно предалъ анаѳемѣ Несторія, благочестно опровергнувъ всякое подозрѣніе о себѣ, какъ впавшемъ въ несторіанство. Вотъ что написано объ этомъ въ предварительныхъ актахъ сего собора: „Θеодоритъ, благоговѣйнѣйшій епископъ, сказалъ: „анаѳема Несторію и тому мнѣнію, по коему Пресвятая Дѣва Марія не была Богородицею, и тому,

Ни одинъ изъ вселенскихъ соборовъ, не исключая даже и перваго, не возбудилъ противъ себя столькихъ враговъ, какъ халкидонскій; и ни на одинъ изъ нихъ не возставало столько еретическихъ собраній, какъ на этотъ соборъ. Поелику, какъ богомудро замѣчаетъ армянскій католикосъ Нерсесъ IV, о которомъ рѣчь впереди, поелику „этотъ святый и великій соборъ возстаетъ противъ многихъ ересей, то врагъ человѣческаго спасенія возбудилъ противъ него многихъ клеветниковъ, въ отмщеніе за многія нанесенныя ему раны.“ Болѣе замѣчательныя изъ этихъ нечестивыхъ собраній были 1) созванное въ Александріи, въ 457 году, Тимоѳеемъ Элуромъ (Акт. Соб. т. II ст. 241); 2) въ 477 году, собранное въ Ефесѣ азіатскими епископами (тамъ же ст. 244); 3) въ 487 году, въ Антіохіи—Петромъ Кнафеемъ (тамъ же ст. 241); 4) въ 477

кто раздѣляетъ на двое единаго Сына Единороднаго“... Благовѣрныя власти сказали: „разрѣшается всякое недоумѣніе о боголюбезнѣйшемъ Ѳеодоритѣ (возникшее о немъ по поводу его сочиненій противъ Кирилла)... и теперь остается только, чтобъ былъ поданъ голосъ отъ вашей боголюбезности (т. е. отъ собора)... Тогда всѣ благоговѣйнѣйшіе епископы воскликнули: „Ѳеодоритъ достоинъ престола; церковь приняла пастыря; Ѳеодоритъ достоинъ престола; народъ да приметъ православнаго; достоинъ престола; Ѳеодориту епископу да будетъ вѣврена церковь“. Пасхасинъ и Лукисій, благоговѣйнѣйшіе епископы, и Вонифатій, благоговѣйнѣйшій пресвитеръ, а также Юліанъ, благоговѣйнѣйшій епископъ койскій, представители апостольскаго престола (Рима), сказали: „святѣйшаго и достоуважаемаго епископа Ѳеодорита святѣйшій и блаженнѣйшій епископъ города Рима Левъ давно принялъ въ общеніе, какъ о томъ свидѣтельствуютъ граматы, посланныя имъ къ вашему смиренію“ (Акт. собор., т. II, стр. 168).—Да устыдятся же Аквинатъ и новѣйшіе богословы римской пропаганды, клевещущіе на этого святѣйшаго (по признанію самаго Рима) отца церкви, православнаго учителя и краснорѣчиваго толкователя Св. Писанія, будто онъ впадалъ въ несторіанскую ересь. Латиняне возстаютъ противъ Ѳеодорита потому, что этотъ св. отецъ первый вызвалъ всенародное изслѣдованіе и соборное опроверженіе противоевангельскаго догмата о двоякомъ исхожденіи.

году, составленное въ Александріи же и тѣмъ же упомянутымъ Тимоѳеемъ Элуромъ (тамъ же ст. 254); 5) въ 482 году, Петромъ Монгосомъ въ Александріи, тамъ же); 6) въ 485 году, опять Петромъ Кнафеемъ въ Антіохіи (тамъ же 255); 7) въ 495 году, въ Константинополѣ,—императоромъ Анастасіемъ Диворомъ (тамъ же); 8) въ 511 году, въ Сидонѣ,—тѣмъ же императоромъ (тамъ же); 9) въ 512 году, въ Антіохіи—Северомъ Акефаломъ (тамъ же). Это беззаконное собраніе извѣстно въ церковной исторіи подъ именемъ „разбойническаго собора“); 10) собранное въ томъ же году, въ Константинополѣ, Тимоѳеемъ, прозваннымъ Колонъ или Литровулъ (тамъ же 256) и пр.

Итакъ, братія армяне, бывъ обольщены хитрыми увѣщаніями столь многихъ и сильныхъ враговъ четвертаго собора, въ особенности же внушеніями Сиріянъ, съ которыми они часто имѣли различныя сношенія, отвергли этотъ соборъ, какъ впавшій въ несторіанство, и на своихъ соборахъ, созванныхъ въ Товинѣ, столицѣ Арменіи, и въ другихъ городахъ, отреклись отъ него, какъ держащагося этой ереси. Изъ всѣхъ армянскихъ епископовъ самыми ожесточенными врагами этого святаго собора были: Нерсесъ II, Авраамъ I и Комидасъ, Вертаветъ, Іоаннъ (мѣстоблюститель оставившаго архіепископство Нерсеса III, ревнителя и защитника четвертаго вселенскаго собора), и нѣкоторые другіе.

Впрочемъ, хотя армянская церковь отвергла четвертый вселенскій соборъ, однако отсюда не слѣдуетъ заключать, будто она отвергла его, какъ принявшаго нечестивые догматы Несторія,—вовсе нѣтъ; она отвергла его потому, что, частію по недоразумѣнію, возникшему вслѣдствіе бѣдности языка, а частію по ложнымъ пред-

ставленіямъ послѣдователей Евтихія, она въ простотѣ полагала, будто четвертый соборъ впалъ въ несторіанскую ересь. Съ другой стороны, Евтихія, Діоскора и всѣхъ вообще монофизитовъ, миафизитовъ и ѳеопасхитовъ, акефалитовъ и другихъ еретиковъ, преданныхъ анаѳемѣ четвертымъ вселенскимъ соборомъ, точно также отвергаетъ и предаетъ анаѳемѣ и армянская церковь; она исповѣдуетъ Господа нашего Іисуса Христа Богочеловѣкомъ т. е. Богомъ и человѣкомъ, въ которомъ два естества соединились несліянно, нераздѣльно и неизмѣнно (какъ это будетъ ясно показано ниже), подобно тому, какъ исповѣдуетъ это каѳолическая, православная церковь. Но если при этомъ армяне избѣгаютъ выраженія „два естества,, то это частію потому, что, по бѣдности своего языка, они не въ состояніи проникнуть въ смыслъ этого выраженія, а частію по предубѣжденію, съ давнихъ временъ укоренившемуся среди ихъ, вслѣдствіе злонамѣренныхъ стороннихъ внушеній, какъ мы уже сказали.

Впрочемъ, противъ этого предубѣжденія, коренящагося въ большей части Христолюбиваго Армянскаго народа, возставало не малое число святителей, которые всѣ догматы четвертаго вселенскаго собора провозгласили божественными и святыми, а Діоскора, Евтихія, Севира, Петра Кнаѳея и прочихъ монофизитскихъ еретиковъ предали анаѳемѣ, и частнымъ образомъ, и на соборахъ, созванныхъ въ Арменіи (въ Эрзерумѣ и Товинѣ) въ 628, 648 (1) и 720 годахъ, и въ Константинополѣ при императорахъ Маврикіѣ и Іустиніанѣ II

(1) На соборѣ, собравшемся въ городѣ Эрзерумѣ, въ 648 г., присутствовалъ императоръ Ираклій, возвратившійся побѣдителемъ по окончаніи войны съ персами.

(очемъ будетъ сказано въ третьей главѣ). Такими іерархами были католикосы: Эздра I, Нерсесъ III, Іоаннъ IV, прозванный философомъ, (Имазазеръ) и др., оставшіеся послѣ того въ общеніи съ православною церковію.

Что духовное общеніе армянской церкви съ православною по временамъ возобновлялось и послѣ четвертаго собора (конечно благодаря вышеупомятымъ соборнымъ дѣяніямъ противъ монофизитовъ), не смотря на все противодѣйствіе предубѣжденныхъ противъ этаго вселенскаго собора,—это доказывается присутствіемъ армянскихъ епископовъ на бывшихъ послѣ того шестомъ и седьмомъ вселенскихъ соборахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ армянскіе историки и священные акты, въ которыхъ находятся слѣдующія подписи: „Θеодосій, милостію Божіею епископъ Мелитинской митрополіи, первой армянской епархіи подписалъ; Стефанъ епископъ Арнавазской митрополіи; Григорій... Епископъ Даранальскаго округа великой Арменіи; Іоаннъ, епископъ города Иракліополиса, второй армянской епархіи; Θеодоръ, епископъ армянской Вериссы; Григорій, епископъ города Арки, первой армянской епархіи; Θеодосій, епископъ Севастинской митрополіи, второй армянской епархіи (Сивасъ); Θеодоръ, недостойный епископъ Пидахеойской и друг. (слич. Собор. т. II, ст. 653—656 и 875 и 876).

Другимъ доказательствомъ подобнаго общенія армянъ съ православною церковію въ дальнѣйшее время служитъ слѣдующее. Шестой вселенскій соборъ, собравшійся, въ 680 году, въ Труллѣ, въ императорскомъ дворцѣ Магнавры, дѣлаетъ такое постановленіе объ армянской церкви: „до свѣдѣнія нашего дошло, что въ

армянской странѣ при святой трапезѣ совершающіе безкровную жертву приносятъ на святой трапезѣ одно вино, не растворяя онаго водою... по сему мы опредѣляемъ: „Аще же кто епископъ или пресвитеръ (разумѣя подъ этимъ армянъ) творитъ не по преданному отъ апостоловъ чину и воду съ виномъ не соединяя, симъ образомъ приноситъ пречистую жертву: да будетъ изверженъ яко не совершенно таинство возвѣщающій и преданное нововведеніемъ повреждающій" (прав. 32). Изъ этого естественно выходитъ, что въ то время, когда сошелся этотъ соборъ, духовныя связи, соединяющія обѣ церкви, еще не были совершенно порваны. Если бы православная церковь смотрѣла на армянскую, какъ на не сомнѣнно еретическую и совсѣмъ отъ нея отторгшуюся, то она, по всей вѣроятности, не сдѣлала бы на упомянутомъ соборѣ постановленія о ней, какъ о собственномъ членѣ, зная весьма хорошо апостольское сказаніе„ что бо ми и внѣшнихъ судити" (1).

Но еще яснѣе это духовное общеніе (по выше сказаннымъ причинамъ) доказываетъ свидѣтельство великаго отца православно-каѳолической церкви Фотія, который съ патріаршескаго своего престола вѣщалъ къ вселенской православной церкви слѣдующее: „живущіе въ арменіи, издавна державшіеся Іаковитскаго нечестія и отвергшіеся правой проповѣди благочестія, съ того времени, какъ былъ созванъ многочисленный и святой соборъ отцевъ нашихъ въ Халкидонѣ, рѣшились отречься отъ этого заблужденія; и нынѣ армянская страна содер-

(1) То же можно сказать и о римской церкви въ IX вѣкѣ, нововведеніе которой о постѣ по субботамъ и о безбрачіи духовенства тотъ же св. соборъ отвергъ, издавъ тринадцатое и третіе правило.

жить чисто православную христіанскую вѣру, а Евтихія, Діоскора, Севира, Петра Кнаѳея, Юліана Галикарнасскаго и всего многочисленнаго разсѣянія ихъ, она, какъ и каѳолическая церковь, гнушается и предаетъ не разрѣшимымъ узамъ анаѳемы (см. посланіе къ восточнымъ патріаршескимъ престоламъ, изданіе І. Валетта ст. 167) (¹).

Кромѣ упомянутыхъ достопочтенныхъ Іерарховъ армянской церкви, впослѣдствіи и другіе признали боговдохновенность четвертаго собора, предавъ анаѳемѣ ересь Евтихія на соборахъ, созванныхъ ими въ Румъ-Кале и Тарсѣ въ 1148, 1116, 1179 и 1180 годахъ. Таковыми іерархами были католикосы Григорій III и Григорій IV. Но болѣе всѣхъ для уничтоженія всякаго подозрѣнія, могущаго возникнуть со стороны православныхъ относительно армянской церкви, какъ впавшей въ евтихіанство, и для утвержденія церковнаго мира, трудился Нерсесъ IV, который съ этою цѣлію благоразумно писалъ къ Мануилу Комнину о всемъ нужномъ. Этотъ достопамятный императоръ, пламенѣя божественною ревностію о пользѣ православія, послалъ къ упомянутому Нерсесу въ 1170 году, магистра Лисія Ѳеоріана, мужа отличавшагося въ свое время умомъ и добродѣтелью, дабы разрѣшить недоумѣнія и достиг-

(¹) Іаковъ Занзалъ, отъ котораго получили свое названіе іаковиты, жилъ послѣ халкидонскаго собора, т. е. около 600 г. по Р. Хр. Здѣсь подъ именемъ іаковитовъ Фотій разумѣетъ тѣхъ, которые послѣ названы такъ. Извѣстно, что іаковиты были ни что иное, какъ евтихіане, которые на халкидонскомъ соборѣ были преданы анаѳемѣ; слѣдовательно, подъ словами „іаковитское нечестіе“ должно понимать „нечестіе послѣ прозванныхъ іаковитами, а прежде называвшихся евтихіанами“. Ибо изъ евтихіанской ереси, противъ которой былъ созванъ халкидонскій соборъ, возникли другія ереси, между прочимъ, одна, получившая свое названіе отъ Іакова Занзала (Зам. Монтакутія).

нулъ твердаго и постояннаго единенія. Ѳеоріанъ, прибывши въ Румъ-Кале, совѣщался съ Нерсесомъ и другими окружавшими его лицами. Поэтому я считаю не лишнимъ помѣстить въ этой главѣ нѣкоторые отрывки „разговора“, изъ которыхъ видно будетъ, что армяне, т. е. тѣ, которые въ древнія времена отвергали четвертый соборъ, сдѣлали это не по злонамѣренности, но по невольному недоразумѣнію относительно его постановленій, и что они никогда не принимали ереси Евтихія и Ѳеопасхитовъ, въ чемъ обыкновенно многіе обвиняютъ ихъ. Этотъ „разговоръ“ происходилъ слѣдующимъ образомъ (1).

Въ лѣто отъ сотворенія міра 6658 (т. е. въ 1150 г. отъ Р. Х.), въ осьмой годъ царствованія благочестивѣйшаго, христолюбиваго и боговѣнчаннаго государя императора Мануила Комнина, Порфиророднаго, Индикта 3, мая 15 числа, мы, съ помощію Божіею, достигли Румъ-Кале и, привѣтствовавъ Нерсеса (Нерсесъ IV), Католикоса армянъ отъ лица самодержавнаго и великаго Государя нашего, вручили ему царское письмо. При этомъ мы выразили католикосу благорасположеніе, которое питаетъ къ нему самодержавный и великій Государь нашъ, и присовокупили, что онъ пламенно желаетъ единенія Католикоса и подвѣдомственной ему паствы съ святою каѳолическою и апостольскою церковію, съ каковою цѣлію и отправилъ насъ, нижайшихъ слугъ своихъ, въ такую дальную страну и въ столь трудный путь къ его святѣйшеству. Услышавъ

---

(1) Этотъ пространный разговоръ помѣщенъ въ „сокращенномъ изложеніи божественныхъ догматовъ вѣры“ Аѳанасія Парія, главнаго учителя знаменитой хіосской школы. Объ этомъ же разговорѣ упоминаетъ и Мелетій (Церк. ист., т. III, стр. 50).

сіе, Католикосъ сказалъ: „благодаримъ великаго государя, что онъ заботится даже и о насъ недостойныхъ молитвенникахъ о его благоденственномъ царствованіи, и что, имѣя попеченіе о всей вселенной, онъ не забылъ и насъ.“ Призвавши насъ на другой день, Католикосъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами: „прочитавъ присланное мнѣ царское и священное для насъ письмо богоизбраннаго, боговѣнчаннаго и благочестиваго государя, я узналъ, чего желаетъ онъ и святая римская церковь (разумѣя подъ этимъ Константинополь или новый Римъ). Именно, что если мы захотимъ исправить наши ошибки, то великій государь и св. каѳолическая и апостольская церковь готовы будутъ принять насъ, какъ братьевъ. Поэтому мы желаемъ знать, въ чемъ мы погрѣшаемъ въ дѣлѣ вѣры, и если насъ канонически обличатъ и докажутъ это изъ св. писанія, то мы съ радостію и охотно примемъ исправленіе. „*Ѳеоріанъ.*“ Прошу твое святѣйшество выслушать наше слово съ свойственною тебѣ кротостію, и не считать наши распросы дерзкими. Но напередъ поставимъ себѣ правиломъ: въ вопросахъ нашихъ и отвѣтахъ, *когда услышимъ что либо такое, что кажется намъ невѣрно понимаемымъ, не тотчасъ признавать таковое еретическимъ, но слѣдуетъ осторожно распросить и вникнуть въ значеніе слова и смыслъ, въ которомъ оно употребляется.* „*Католикосъ.*“ Ты говоришь хорошо; пусть будетъ такъ. „*Ѳеоріанъ.*“ Твое святѣйшество изволило прислать самодержавному и великому государю нашему посланіе, относительно нѣкоторыхъ вопросовъ вѣры и обычаевъ церкви; поэтому я спрашиваю твое святѣйшество: такъ ли ты мыслишь, какъ изложено въ этомъ посланіи, или же отвергаешь что либо изъ написан-

наго въ немъ. „*Католикосъ*.“ Такъ я мыслилъ и мыслю, какъ написалъ въ немъ.“

Ѳеоріанъ. „Начнемъ же чтеніемъ твоего посланія и будемъ братски разсматривать по пунктамъ, согласно ли оно съ мнѣніями богодухновенныхъ отцовъ и святыхъ соборовъ“.

Католикосъ. „Ты говоришь хорошо, пусть будетъ такъ“ (читая, мы дошли до того мѣста, гдѣ было написано: „мы учимъ, что во Христѣ — одно естество, не сливая, подобно Евтихію, и не умаляя, подобно Апполинарію; но утверждаемъ согласно съ тѣмъ православнымъ мнѣніемъ, которое выразилъ Кириллъ Александрійскій въ своемъ сочиненіи противъ Несторія: „едино—воплощенное естество слова:).

Ѳеоріанъ. „Святый Кириллъ не сказалъ: одно естество Христа, но одно естество Слова, и къ тому прибавилъ: „воплощенное,“ и я удивляюсь, какъ твое святѣйшество принимаетъ смѣлость измѣнять выраженіе, употребленное святымъ отцемъ.

Католикосъ. Я не измѣнилъ его: ибо одно и тоже означаетъ“ естество Христа и воплощенное естество слова.

Ѳеоріанъ. „Нѣтъ, не одно и тоже: ибо имя *Христосъ* по преимуществу относится къ Богу и человѣку вмѣстѣ. Поэтому говорится: „Слово плоть бысть“, но не сказано: „Христосъ плоть бысть.“ Изъ святыхъ отцевъ никто не употреблялъ выраженія: „едино естество Христа;“ выраженіе: „едино естество Слова“ употреблялъ и святый Кириллъ и до него святый Аѳанасій. Ибо когда говоримъ о единомъ естествѣ Слова, то сіе означаетъ Божественное естество Сына; когда же присовокупляемъ выраженіе: „*воплощенное*,“ какъ это дѣлаетъ

св. Кириллъ во 2 посланіи къ Сукенсу, то этимъ вносится понятіе о таинствѣ воплощенія.“

Католикосъ. „Кто же изъ святыхъ именно говорилъ такъ?“

Ѳеоріанъ. „Всѣ“.

Католикосъ. „Укажи намъ хотя на одного изъ нихъ, и того будетъ достаточно; ибо то, что говоритъ одинъ изъ святыхъ, то говорятъ всѣ, какъ исполненные того же Духа Божественнаго“.

Ѳеоріанъ. „Пусть предстанетъ святѣйшій Кириллъ, котораго вы наиболѣе почитаете, и свидѣтельствуетъ словомъ своимъ. Въ первомъ посланіи къ Сукенсу онъ пишетъ: „подобно тому, какъ неумѣстно говорить, что тѣло измѣнилось въ естество Божества, столько же неприлично утверждать, что Слово измѣнилось въ естество плоти: то и другое одинаково невозможно (поелику оно (Слово) нераздѣлимо и неизмѣняемо); ибо въ естество Божества не можетъ войти что—либо тварное, плоть же есть тварь“ (въ посланіи къ Евлогію)“. Хотя и признаетъ (Несторій) два естества, обозначая этимъ различіе плоти и Слова, но онъ не исповѣдуетъ вмѣстѣ съ нами соединеніе (сихъ естествъ), мы же, соединяя оныя, исповѣдуемъ единаго Христа, единаго Сына и единаго Господа, а посему и единое воплощенное естество Слова (во 2-мъ посланіи къ Сукенсу). И такъ, вникая мыслью въ образъ воплощенія, мы видимъ, что два естества вошли въ единеніе одно съ другимъ, неразрывно, не сліянно и не раздѣльно: ибо плоть и есть плоть, а не Божество, хотя и сталъ Богъ плотію; равно и Слово есть Богъ, а не плоть, хотя по снисхожденію и усвоилъ себѣ воплощеніе. Понимая такъ, мы отнюдь не ошибаемся, ког-

да говорить, что два естества соединились въ одно, и послѣ соединенія не раздѣляемъ одно естество отъ другаго и не разсѣкаемъ единаго и нераздѣльнаго Сына на два, но признаемъ единаго Сына, и (въ томъ же посланіи къ Сукенсу) единое воплощенное естество Слова, подобно тому, какъ изрекли отцы. Итакъ мы признаемъ два естества и единаго Христа, Господа и Сына, Слово Божіе вочеловѣчившееся и воплотившееся. (За тѣмъ, когда Θеоріанъ привелъ нѣсколько другихъ выраженій, встрѣчающихся у св. мужей относительно этаго догмата, Католикосъ сказалъ).

Католикосъ. Вообще выраженіе: „два естества“, вводить понятіе о раздѣленіи; по этому я опасаюсь, какъ бы намъ, избѣгая пропасти Евтихія, не впасть въ пропасть Несторія, *изъ двухъ естествъ* выводящаго два лица.

Θеоріанъ. Но Несторій признавалъ два естества отдѣльныя, не соединенныя въ одно лицо, что доказываетъ и св. Кириллъ въ посланіи къ Евлогію, говоря: „хотя Несторій и признаетъ два естества, обозначая этимъ различіе плоти и Слова, но онъ не исповѣдуетъ вмѣстѣ съ нами соединенія (сихъ естествъ)“ и т. д. Итакъ, слѣдуя совѣту мудраго Соломона, не уклоняйся ни на право, ни на лѣво, а иди путемъ среднимъ и царскимъ... послушай, что говоритъ Григорій Богословъ: „когда говорю среднее, истину глаголю.— На другой же день (продолжаетъ Θеоріанъ) пришелъ и благочестивый епископъ Саппирій. До нашего прихода, католикосъ ему сообщилъ обо всемъ, что было говорено по поводу обсуждаемаго вопроса, и привелъ ему всѣ извѣстныя выраженія святыхъ, признающихъ во Христѣ два естества. Епископъ этотъ, будучи иску-

сенъ на словахъ, перетолковалъ ихъ по своему. Тогда католикосъ, видя его настойчивость и сильное упорство, пригласилъ насъ и сказалъ: Присутствующій здѣсь епископъ Петръ желаетъ состязаться съ тобою: ибо онъ говоритъ, что св. Кириллъ и послѣ соединенія признаетъ одно естество.

Ѳеоріанъ. (Петру) „Гдѣ такъ говоритъ св. Кириллъ, Владыко Епископъ?" *Епископъ.* „Во II посланіи къ Сукенсу: „нѣкоторые утверждали, что если послѣ соединенія—въ Немъ стало одно естество, то необходимо было ему страдать въ собственномъ Его естествѣ. Противъ этого св. Кириллъ слово въ слово такъ говоритъ: какая же необходимость страдать Ему въ собственномъ естествѣ, когда говорится, что послѣ соединенія стало едино воплощенное естество Сына? Видишь, (говорилъ епископъ, обращаясь къ Ѳеоріану) и послѣ соединенія онъ признаетъ одно естество"?

Ѳеоріанъ. „Какое же это собственное естество Сына, въ которомъ ему не было необходимости страдать?"

Епископъ. „Вожество Сына".

Ѳеоріанъ. „Итакъ, Сынъ не пострадалъ въ собственномъ естествѣ?"

Епископъ. „Да не будетъ: ибо естество Божеское страдать не можетъ".

Ѳеоріанъ. „Но вѣдь Христосъ дѣйствительно страдалъ?"

Епископъ. „Да; но въ естествѣ нашемъ, ибо оно только можетъ страдать".

Ѳеоріанъ. „Итакъ Христосъ имѣлъ два естества: одно подверженное страданію, другое—нѣтъ. На это (продолжаетъ Ѳеоріанъ), преосвященный Петръ не нашелъ, что отвѣтить; тогда благочестивый католикосъ Григо-

рій, вставши, сказалъ: *„я Римлянинъ и мыслю подобно Римлянамъ“*. Чрезъ два дня опять призвали насъ. Когда мы, вошедши къ святѣйшему католикосу, сѣли на мѣста, онъ сказалъ:

Католикосъ. „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что должно признавать во Христѣ два естества, только при этомъ нужно исповѣдывать ихъ неразрывно соединенными во одну ипостась, какъ говоритъ св. Кириллъ въ I посланіи къ Сукенсу; тѣмъ болѣе, что всѣ свѣтильники церкви, выраженія которыхъ были выше приведены этимъ философомъ (Өеоріаномъ), ясно удостовѣряютъ въ этомъ. Противоборствовать же очевидной и доказанной истинѣ—не свойственно Христіанамъ; послѣ этого нечестиво было бы домогаться этого. Но что возбраняетъ исповѣдывать въ одно и тоже время и два естества въ единомъ Христѣ, и одно естество, вслѣдствіе нераздѣльности и неразрывности соединенія естествъ? Ибо мы находимъ, что св. Кириллъ во II посланіи къ Сукенсу ясно говоритъ: выраженіе *„единое“* употребляется правильно не только о простыхъ по своей природѣ предметахъ, но и о сложныхъ по составу. Таковъ напр. предметъ—человѣкъ, состоящій изъ души и тѣла. Эти послѣднія—разнородны и не единосущны между собою; но, будучи соединены, составили одну природу человѣка. Итакъ (прибавляетъ католикосъ), если изъ души и тѣла, различныхъ по существу, составляется, какъ сказано, одна природа человѣка, то, по моему мнѣнію, нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что изъ Божества и человѣчества Христа составилось и исповѣдуется одно естество. Разрѣши намъ этотъ вопросъ, и мы будемъ довольны.

Өеоріанъ. „Примѣръ человѣческаго состава взятъ былъ

св. Кирилломъ для того, чтобы показать, что изъ двухъ и притомъ различныхъ существъ можетъ образоваться одна vпостась. Такъ какъ Несторій, отвергая это, говорилъ, что невозможно изъ различныхъ естествъ образоваться одной vпостаси, и посему единаго Христа разделялъ на два Христа и на два Сына, то противъ этаго-то безумца, разделявшаго Нераздельнаго, св. Кириллъ и привелъ примеръ—человека, дабы доказать, что какъ изъ души и тела образуется одинъ человекъ, такъ изъ Божества и человечества—одинъ Христосъ. Если желаешь, мы можемъ сказать и причину, почему говорится, что у человека, состоящаго изъ души и тела, одна природа. Мы говоримъ, что Христосъ обновилъ человеческую природу, а не говоримъ—природы людей; равнымъ образомъ, когда Богодухновенные отцы признаютъ во Христе два естества, то душу и тело они понимаютъ какъ одно естество; во Христе же запрещается признавать, одно естество"...

Католикосъ. „Я признаю одно естество *по неразрывному соединенію,* дабы не разделять Одново Христа на два".

Θеоріанъ. „Которое же естество признаешь ты, Божеское или человеческое, или какое иное, не божеское и не человеческое? Если признаешь одно естество сложное, то ты вводишь измененіе и сліяніе техъ естествъ, изъ которыхъ произошло одно сложное естество".

Католикосъ. „По твоимъ словамъ, святые употребляли примеръ человека только для показанія того, какъ душа и тело составляютъ одного человека, такъ Божество и человечество—Единаго Христа; подобно тебе и я могу сказать, что они употребляютъ примеръ человека для показанія того, какъ душа и тело, по сло-

вамъ св. Кирилла, составляютъ одно естество человѣка, такъ и изъ Божества и человѣчества составилось одно естество, и какъ въ человѣкѣ, вслѣдствіе этого, не послѣдовало измѣненія тѣхъ естествъ, изъ которыхъ онъ составленъ, такъ и во Христѣ не произошло измѣненія естеству и т. д."

Ѳеоріанъ. „Святѣйшій Владыко! ты теперь имѣешь свидѣтельства многихъ святыхъ о томъ, что мы должны вѣровать и исповѣдывать во Христѣ два естества, равно и о томъ, что не слѣдуетъ говорить одно естество... И такъ не утруждай насъ болѣе, но пусть будетъ отвергнуто исповѣданіе во Христѣ одного естества; ибо изъ за этаго происходитъ не малый соблазнъ. Твоему святѣйшеству извѣстно, что иногда св. отцы считали достойнымъ отверженія слово, само по себѣ далеко не нечестивое, коль скоро оно понималось и было толкуемо [1] кѣмъ либо нечестиво. Таково напр. слово *Христородица*, прилагаемое къ Богородицѣ. Вѣдь Богородицу можно назвать и Христородицей, ибо она родила Христа *Бога и человѣка*: это собственно и выражаетъ означенное наименованіе. Но такъ какъ названіе „Христородицы" было принято Несторіемъ въ худомъ смыслѣ, то и было отвергнуто св. отцами, какъ

---

(1) Итакъ, послѣ антиевтихіанскихъ изъясненій католикоса о смыслѣ, приписываемомъ армянскою церковію выраженію „одно естество", и послѣ открытаго его исповѣданія (въ приведенномъ имъ примѣрѣ человѣка), что естество Божеское неизмѣнно и несліянно и что плоть не обратилась въ Божество, и т. д., и послѣ исповѣданія епископа Петра, что естество Божеское безстрастно, Ѳеоріанъ признаетъ, что выраженіе, понимаемое въ изъясненномъ смыслѣ, не предосудительно само по себѣ, т. е. не содержитъ еретическаго смысла; тѣмъ не менѣе онъ весьма разумно предлагаетъ отвергнуть оное, какъ неправильно употребленное Евтихіемъ, отъ чего произошелъ, по выраженію Ѳеоріана, не малый соблазнъ.

Богохульное. Посему, святѣйшій Владыко, выраженіе, осужденное святыми, какъ Богохульное, слѣдуетъ отвергать, и свое собственное мнѣніе не считать болѣе вѣрнымъ, чѣмъ ихъ ученіе, особенно, когда это мнѣніе становится причиною соблазна для многихъ".

Католикосъ. „Кто попираетъ свою совѣсть, особенно въ дѣлѣ вѣры, тотъ недостоинъ называться христіаниномъ; я же, *свидѣтель мнѣ Богъ*, съ тѣхъ поръ,— какъ внимательно изслѣдовалъ Божественныя книги,— содержалъ и содержу ту же вѣру, какую содержишь ты и приведенные тобою св. отцы".

Ѳеоріанъ. „Если ты такъ вѣровалъ и вѣруешь, то зачѣмъ ты написалъ въ своемъ посланіи: „*мы говоримъ, что во Христѣ одно естество*"?

Католикосъ. (Это я сказалъ) смотря на приведенный св. отцами *примѣръ о человѣкѣ*, который хотя состоитъ изъ души и тѣла, однако въ силу соединенія ихъ признается *за одно естество*. Но я, какъ не разъ говорилъ тебѣ, не считаю заблуждающимися тѣхъ, которые признаютъ *несліянными и неизмѣнными оба естества, изъ коихъ состоитъ человѣкъ*. Это же самое, по моему мнѣнію, желаетъ выразить и св. Кириллъ, когда признаетъ единое воплощенное естество Слова. Между тѣмъ, я отъ многихъ слыхалъ (вѣроятно отъ Евтихіанъ, живущихъ въ Сиріи), *что римляне, подобно Несторію, проповѣдуютъ два раздѣльныхъ естества*. Поэтому-то мы такъ и противоборствуемъ и такъ сильно и держимся выраженія: „*единое естество*", а слову „*раздѣльныя*" противопоставляемъ „*единое*". Во всякомъ случаѣ, я мыслилъ и мыслю такъ, какъ ты самъ ясно изложилъ намъ, приведши доказательства изъ Божественныхъ Писаній... Но дайте мнѣ изложеніе вѣры IV вселенскаго собора!.. (Слѣдуетъ

изложеніе вѣры IV собора. „Благоизволилось намъ для совершеннаго разумѣнія и утвержденія благочестія и т. д.) (См. Акты Собор. т. II стр. 155).

Когда это изложеніе вѣры было прочитано (расказываетъ Θеоріанъ) и когда было найдено, что мнѣніе Армянское и Римское (т. е. греческое) сходны между собою и, при этомъ, слова, кажущіяся Католикосу не ясными, были достаточно уяснены, то Θеоріанъ сказалъ Католикосу.

Θеоріанъ... „Видишь, святѣйшій владыко! Богодухновенный сонмъ 630 Богоносныхъ отцевъ, собранныхъ въ городѣ Халкидонѣ, не только не говорилъ и не мыслилъ ничего противнаго православнымъ догматамъ вѣры, но и не употреблялъ даже ни одного новаго слова въ изложеніи этого Божественнаго опредѣленія: сохраняя вѣру прежде бывшихъ св. отцевъ, онъ удержалъ и самыя выраженія ихъ. Если угодно, я покажу тебѣ, у кого именно изъ предшествовавшихъ имъ св. отцевъ—взято сими блаженными отцями каждое слово этого опредѣленія; большая часть выраженій его заимствована изъ писаній св. Кирилла, которому вы обыкновенно болѣе слѣдуете, нежели другимъ отцамъ".

Католикосъ. „Съ удовольствіемъ выслушаю, если ты согласенъ разсказать мнѣ".

Θеоріанъ. „Если бы я не былъ согласенъ, то и не обѣщалъ бы. Будемъ же читать изложеніе вѣры по пунктамъ, и каждый пунктъ отмѣчать ссылкою, откуда онъ заимствованъ.

(Тутъ слѣдуетъ изложеніе опредѣленія IV собора по пунктамъ и противъ каждаго отдѣла выставлены разныя догматическія выраженія св. Кирилла, взятыя изъ

различныхъ его сочиненій. См. сокращенное изложеніе Божественныхъ догматовъ стр. 509 и т. д.).

Католикосъ. „Прочитавъ это изложеніе вѣры, я не нашелъ въ немъ ничего противнаго православной вѣрѣ: удивляюсь, какъ предшественники наши безсовѣстно клеветали на оное. Впрочемъ понятно, что какъ такъ этотъ святый и великій соборъ, какъ очевидно, возстаетъ противъ многихъ ересей, то врагъ человѣческаго спасенія и возбудилъ противъ него много клеветниковъ, въ отмщеніе за многія раны, нанесенныя ему въ самое сердце этимъ соборомъ. Изложеніе же это, какъ исповѣданное Св. Духомъ чрезъ столь великихъ и многихъ богоносныхъ святыхъ, есть самое правильное: ибо ни на одномъ соборѣ не собиралось такого большаго числа св. отцевъ. Теперь я открою тебѣ нѣчто изъ невысказаннаго мною. Лѣтъ 200 тому назадъ, былъ Католикосомъ Арменіи нѣкто, именемъ Іоаннъ, жизнію и словомъ ревнитель великимъ св. отцамъ. Онъ получилъ полное научное образованіе, и имѣлъ глубокія познанія въ философіи, а благочестивою жизнію превосходилъ если не всѣхъ, то весьма многихъ; такою жизнію и даромъ слова онъ удостоился божественнаго сана и престола Католикосовъ. Будучи исполненъ Божественнаго рвенія, онъ возсталъ противъ монофизитовъ и во все время своего епископства не переставалъ поражать ихъ письменно и устно. Память его благочестно чтится. У меня хранится сочиненіе этого Богодохновеннаго и блаженнаго мужа, написанное имъ противъ монофизитовъ и заключающее въ себѣ множество свидѣтельствъ изъ Св. Писанія, вмѣстѣ съ основательными и сильными доводами и доказательствами отъ разума. Это сочиненіе подтвердилъ—блаженной памяти Католикосъ Григорій (III),—

не за долго до меня управлявшій симъ престоломъ,—написавъ въ концѣ онаго: „я вѣрую такъ, какъ написалъ въ этомъ сочиненіи святѣйшій Католикосъ Іоаннъ, и вѣрующихъ иначе предаю анаѳемѣ. Если угодно прочтемъ что нибудь изъ этого сочиненія, по чемъ ты могъ бы судить объ этомъ мужѣ, такъ сказать, какъ „о львѣ по когтямъ“.

Ѳеоріанъ. „Съ величайшимъ удовольствіемъ я готовъ слушать это сочиненіе.—Когда мы прочли предисловіе, я сказалъ Католикосу: „прошу твое святѣйшество велѣть переписать и пожаловать мнѣ это сочиненіе; мы желаемъ перевести его для своей имперіи на греческій языкъ къ большей чести автора, котораго мы высоко почитаемъ.“

Католикосъ. „Съ радостію принимаю это предложеніе.—Дѣйствительно, намъ дали списокъ, который мы и привезли съ собою въ свою столицу. Послѣ этого Католикосъ сказалъ намъ: „апостолъ Павелъ говоритъ: „моляхбыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти, точмо да спасутся.“ Тоже говорю и я о народѣ моемъ: такъ какъ добрый пастырь обязанъ даже умереть за овецъ своихъ, то я употреблю всѣ средства и все стараніе, чтобы быть всѣмъ для всѣхъ, да всѣхъ или нѣкіихъ спасу, чтобы я могъ сказать: „се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ.“ Послушай, какъ я думаю это сдѣлать: съ нынѣшняго дня начну писать посланія ко всѣмъ епископамъ земли армянской, созывая ихъ на соборъ; по собраніи собора, я приведу всѣ свидѣтельства, имѣющіяся у армянъ въ пользу ихъ мнѣнія; тутъ же представлю и приведенныя тобою свидѣтельства изъ св. Писанія. Сначала я стану на сторонѣ армянъ, воздви-

гая слово противъ васъ; потомъ спокойно, мало по-малу, съ большею осторожностію, соображаясь съ временемъ и обстоятельствами, начну раскрывать существовавшее доселѣ заблужденіе армянъ. Я стану обличать ихъ на основаніи сочиненія Католикоса св. Іоанна, списокъ котораго я тебѣ далъ, а также на основаніи доводовъ, представленныхъ мнѣ твоею ученостію. Однимъ словомъ, я буду римляниномъ ([1]), подвизающимся за римлянъ, или вѣрнѣе за истину противу армянъ. И я имѣю непреложную надежду на Бога, что овцы мои гласъ мой услышатъ и послѣдуютъ за мною и, съ помощію Божіею, будетъ едино стадо и единъ пастырь. Если всѣ согласятся со мною, чего дай Господи, то я не престану благодарить за это человѣколюбиваго Бога; если же нѣтъ, чего избави Богъ, то я съ послѣдующими за мною и единомыслящими буду возвѣщать догматъ истины, и отправлю къ благочестивѣйшему и великому Государю нашему, а также къ святѣйшему вселенскому патріарху достойнѣйшихъ изъ моихъ архипастырей съ письменнымъ изложеніемъ православной вѣры, подписаннымъ моею рукою и утвержденнымъ подписями всѣхъ подвластныхъ мнѣ православныхъ епископовъ. Въ добавокъ къ этому, въ томъ изложеніи вѣры будетъ сказано, что мы принимаемъ великій вселенскій IV соборъ, бывшій въ Халкидонѣ, и св. отцевъ, которыхъ онъ принимаетъ; тѣхъ же, коихъ онъ предаетъ анаѳемѣ, какъ-то: Евтихія и Діоскора и съ ними Севира и Тимоѳея Элура, и всѣхъ, подобно имъ заблуждавшихся,—предаемъ анаѳемѣ и мы. Равнымъ образомъ закрывающихъ очи сердца отъ

([1]) Т. е. принадлежащимъ Новому Риму или Константинополю.

свѣта истины и считающихъ себя мудрѣе святыхъ, я предамъ вѣчной анаѳемѣ. За тѣмъ, когда все сіе будетъ соборно утверждено въ столицѣ, и когда возвратятся мои архіереи, если повелитъ боголюбезнѣйшій Государь, я самъ явлюсь въ столицу, чтобы поклониться тамошнимъ святынямъ, св. равноапостольному Царю и святѣйшему патріарху." Сказавъ сіе, онъ отпустилъ прочихъ изъ своихъ покоевъ, и, съ потрясенною душею и слезами на глазахъ, сталъ говорить намъ: „Прошу нашего милостиваго и великаго Государя, чтобы, по прибытіи въ Константинополь моихъ архіепископовъ, когда будетъ утверждено все, о чемъ мы говорили, то была бы совершена божественная литургія и чтобы по окончаніи ея, вселенскій святѣйшій патріархъ, въ обычномъ своемъ святительскомъ облаченіи, взошелъ на амвонъ или на горнее мѣсто за св. престоломъ, и оттуда, держа въ рукахъ св. Крестъ съ частію честнаго древа, во услышаніе всей церкви и народа, благословилъ бы народъ армянскій, почти цѣлое столѣтіе находившійся подъ проклятіемъ; за тѣмъ онъ совершилъ бы усердное моленіе о скончавшихся армянахъ, да хотящій спасенія всѣмъ человѣкамъ Господь проститъ имъ этотъ грѣхъ невѣдѣнія и не умышленнаго заблужденія." Смотря на него, съ сокрушеннымъ сердцемъ и вздохами говорившаго намъ такимъ образомъ, мы были до того тронуты, что и сами прослезились и горько плакали.

Чрезъ нѣсколько времени, осушивъ наши слезы, мы сказали ему: „Настоящую просьбу твою, владыко, мы передадимъ державному и великому государю нашему".

Вручивъ намъ письмо къ благочестивѣйшему, христолюбивому и великому самодержцу нашему,—письмо, въ

комъ, между прочимъ, сказано: принимаю IV великій и вселенскій святый соборъ, бывшій въ Халкидонѣ,—католикосъ отпустилъ насъ съ миромъ, облобызавъ и благословивъ насъ. Возблагодаривъ за все это Господа, мы пустились въ обратный путь въ Константинополь, хваля и благословляя Бога.

Вотъ вкратцѣ разговоръ между Нерсесомъ и Өеоріаномъ. Изъ этаго разговора мы убѣждаемся, что армянская церковь никогда не уклонялась въ ересь миксофизитовъ и өеопасхитовъ, а, напротивъ, вмѣстѣ съ нами отвергала и предавала анаөемѣ смѣшеніе и сліяніе Евтихія, Діоскора и Севира акефалита. Изъ сего видно также, что епископъ Саписиріи Петръ призналъ, что во Христѣ страдало человѣческое естество и что Божество пребывало безстрастнымъ. Ибо, когда Өеоріанъ спросилъ его: „страдалъ ли Сынъ въ собственномъ естествѣ", то онъ отвѣчалъ, „да не будетъ: естество Божеское страдать не можетъ, но, прибавилъ онъ, Христосъ истинно пострадалъ, только въ нашемъ естествѣ, такъ какъ оно можетъ страдать". Мы видѣли, что католикосъ Нерсесъ ясно исповѣдалъ отъ лица своей церкви неслiянность и неизмѣнность Божества и человѣчества во Христѣ, приводя въ примѣръ неслiянное и неразрывное ѵпостасное единеніе матеріи и духа въ человѣкѣ. „Подобно тому, какъ въ человѣкѣ, отвѣчалъ онъ Өеоріану, не послѣдовало измѣненія естествъ (тѣла и души), такъ и во Христѣ (не послѣдовало, то-есть, измѣненія двухъ естествъ Божескаго и человѣческаго). Мы признаемъ во Христѣ одно естество, продолжалъ онъ, не сливая, подобно Евтихію, и не умаляя, подобно Аполлинарію, но въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ божественный Кириллъ, опровергая Несторія". Отсюда

ясно, что употребляемое братіями армянами выраженіе: „одно естество“ во Христѣ, по смыслу совершенно противоположно одинозвучному съ нимъ выраженію Евтихія и другихъ монофизитовъ и миафизитовъ. Хотя божественный Кириллъ, какъ прекрасно показалъ искусный въ діалектикѣ Θеоріанъ, употребляетъ примѣръ человѣка съ другою цѣлію, но тѣмъ не менѣе приведеніе этого примѣра у армянъ, въ доказательство и для изображенія неизмѣнности и неслiянности естествъ во Христѣ и неразрывнаго ѵпостаснаго ихъ единенія, рѣшительно уничтожаетъ всякое о нихъ подозрѣніе въ послѣдованіи Евтихію или Севиру. Кромѣ того, мы видѣли, что армяне, по невѣдѣнію, вслѣдствіе скудости ихъ языка, а совсѣмъ не по злонамѣренности, отвергали четвертый вселенскій соборъ, не понявъ, въ богодухновенномъ его постановленіи, смысла догматическаго выраженія: „два естества во Христѣ“. „Я опасался, говорилъ католикосъ Нерсесъ Θеоріану, какъ бы, избѣгая пропасти Евтихія, не впасть намъ въ пропасть Несторія, изъ двухъ естествъ выводящаго два лица“ (Выше было сказано также, что къ усиленію предубѣжденія армянъ противъ IV собора весьма много содѣйствовали злонамѣренныя толкованія сирійскихъ монофизитовъ). Итакъ, изъ всего сказаннаго видно, что такъ какъ братія армяне, съ одной стороны, предаютъ анаѳемѣ Евтихія и Діоскора, а съ другой, признаютъ во Христѣ естества неизмѣнными и неслiянными, Божество же Христово безстрастнымъ, то они не суть ни монофизиты, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, ни ѳеопасхиты, но держатся одного съ нами мнѣнія о Божественномъ воплощеніи (¹).

(¹) Да не подумаетъ кто-либо, что, говоря это, мы одобряемъ словоупотребленіе армянъ въ выраженіи догмата о божественномъ воплоще-

Нисколько не погрѣшая относительно сущности догмата и понимая его въ православномъ смыслѣ, они погрѣшають только относительно богословской терминологіи. Поэтому-то, послѣ вышеозначенныхъ объясненій, католикосъ сказалъ Ѳеоріану: „я содержалъ и содержу одну съ вами вѣру; въ своемъ умѣ я мыслилъ и мыслю такъ, какъ ты самъ разъяснилъ намъ“. Подтвержденіемъ его словъ служитъ сочиненіе католикоса Іоанна противъ монофизитовъ, которое преемникъ его Григорій подтвердилъ, а вмѣстѣ съ нимъ приняла его и вся армянская церковь; прочитавъ это сочиненіе, Ѳеоріанъ одобрилъ его, какъ православное, и копію съ него доставилъ благочестивому царю. Слѣдовательно, расколъ армянской церкви заключается больше въ словахъ и выраженіяхъ и касается болѣе внѣшней стороны церковныхъ опредѣленій и постановленій, чѣмъ содержанія и сущности оныхъ.

По истинѣ нельзя не сокрушаться, что, изъ-за простаго недоразумѣнія относительно одного догматическаго выраженія, армяне, въ продолженіе столь многихъ вѣковъ, уклонялись отъ духовнаго общенія съ православною церковію, заподозривая ее до извѣстнаго времени въ несторіанствѣ и подавая законный поводъ и намъ въ свою очередь подозрѣвать ихъ въ единомысліи съ

ніи. Нисколько. Ибо хотя это словоупотребленіе ихъ и не содержитъ въ себѣ еретическаго понятія, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его армянская церковь; но такъ какъ еретики монофизиты соединяютъ съ нимъ превратный смыслъ, извращающій богопреданный догматъ, то оно и должно быть отвергнуто въ предотвращеніе соблазна, какъ весьма справедливо выразился объ этомъ Ѳеоріанъ, говоря католикосу: „иногда слово само по себѣ не нечестивое св. отцы считали достойнымъ отверженія потому, что оно нечестиво понимается и толкуется нѣкоторыми, каково напр. слово „Христородица“, прилагаемое къ Пресв. Богородицѣ, и др.

ересями Евтихія и Діоскора. Но это достойное сожалѣнія явленіе, происшедшее по невѣдѣнію и вслѣдствіе недоразумѣнія, безъ сомнѣнія, тотчасъ бы изчезло послѣ бывшихъ взаимныхъ объясненій, если бы, по неисповѣдимымъ божественнымъ судьбамъ, не послѣдовала смерть великаго ревнителя и поборника благочестія, боговѣнчаннаго самодержца, и знаменитыхъ первосвятителей Нерсеса III и его преемника Григорія IV, и если бы не послѣдовало взятіе Константинополя противниками Креста, крестоносцами, успѣхи оружія коихъ на отдаленномъ востокѣ заставили искать ихъ покровительства находившихся въ то время въ Киликіи вождей армянскаго народа. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, произошелъ совершенный разрывъ духовной связи и сношеній армянъ съ греками (¹). „Царская власть, пишетъ Гиб-

(¹) Нельзя описать всѣхъ бѣдъ, причиненныхъ крестоносцами Христовой церкви. Воспрепятствовавъ соединенію церквей православной и армянской своимъ пагубнымъ вмѣшательствомъ между двумя Христолюбивыми народами, они отчасти были также причиною окончательнаго разрыва восточной и западной церквей. Ибо хотя раздѣленіе между этими церквами возникло еще прежде, вслѣдствіе нововведеній Рима, но до конца XII вѣка между ними сохранялась нѣкоторая внѣшняя связь: церкви посылали другъ другу своихъ представителей, и между высшими іерархами обѣихъ церквей происходили взаимныя письменныя сношенія, такъ какъ доселѣ восточная церковь снисходила немощамъ своей надменной сестры и съ истинною христіанскою кротостію и долготерпѣніемъ ожидала возвращенія ея отъ заблужденія. Но съ той печальной эпохи, когда эти искатели приключеній, забывъ религіозную цѣль своего похода на востокъ, стали, съ благословенія римскаго престола, нападать на православныхъ, осквернять храмы Всевышняго и совершать другія нечестивыя дѣла, о которыхъ съ ужасомъ упоминаетъ исторія (не говоря уже о бѣдствіяхъ, причиненныхъ греческой цивилизаціи, или лучше, всему человѣчеству, каковы напр. сожженіе библіотекъ и разрушеніе изящныхъ произведеній древняго искусства),—съ этой, говорю, эпохи совершенно прерываются и безъ того уже значительно ослабѣвшія духовныя узы, связывавшія западъ съ востокомъ.

Такія вредоносныя дѣйствія крестоносцевъ засвидѣтельствованы не греками только, но самимъ папою Иннокентіемъ III, который въ пора-

бонъ, прекратилась между армянами въ самомъ началѣ ихъ раскола (въ 515 г.), а тѣ изъ ихъ христіанскихъ государей, которые въ 13 вѣкѣ основали на границахъ Киликіи кратковременную монархію, находились подъ покровительствомъ латинянъ и были вассалами турецкаго султана, который издавалъ для нихъ законы“ (тамъ же, p. 129). Чтобы совершенно прервать духовное сношеніе и связь армянъ съ православными, казавшіяся опасными для ихъ политическихъ интересовъ, эти добрые христіане, т. е. крестоносцы, насильно побуждали армянъ искать общенія съ Римомъ, и армяне, подчиняясь временнымъ обстоятельствамъ,—спустя нѣсколько времени послѣ разсужденій Нерсеса съ Ѳеоріаномъ и собраннаго въ Румъ-Кале собора, на которомъ като-

---

ботителямъ Царьграда, галло-венетамъ, писалъ тогда: „не имѣя никакого права или власти надъ греками, и безъ всякой причины, вы, уклонившись отъ чистоты вашихъ обѣтовъ, овладѣли Константинополемъ, вмѣсто того, чтобы освободить Іерусалимъ, и такимъ образомъ земныя блага предпочли небеснымъ“ (и далѣе). „Но что хуже всего, нѣкоторые изъ васъ, не щадя ни вѣры, ни возраста, ни пола, совершали открыто всякаго рода нечистоту, предавая на поруганіе рабамъ не однихъ только замужнихъ женщинъ и вдовъ, но и дѣвъ и монахинь; не довольствуясь захватомъ государственной казны и разграбленіемъ домовъ вельможей и богачей, вы подняли святотатственную руку даже на достояніе церквей, похищая изъ храмовъ Божіихъ священные сосуды, серебряные св. престолы, оскверняя жертвенники, отнимая кресты, образа и святыя мощи. Возможно ли послѣ этого, чтобы греки рѣшались подчиниться нашей римской церкви, когда они ничего другаго не видятъ у латинянъ, кромѣ преступленій и дѣлъ тьмы, за которыя отвращаются отъ нихъ, какъ отъ собакъ“ (Вселенская истина, т. I). Присоедините къ этому еще религіозныя и политическія страданія грековъ, описанныя въ поразительномъ посланіи Германа новаго, патріарха константинопольскаго (утвердившаго свое мѣстопребываніе въ Никеѣ), къ папѣ Григорію IX. „Одного только не доставало,—говоритъ онъ,—но и это не замедлило совершиться: наступили времена гоненій, открылся тиранническій судъ и явился престолъ мучителя для того, чтобы мы вступили на путь мученій, подвизались бы на немъ подвигомъ добрымъ, увѣнчались десницею Вседержителя. Это даже испыталъ и знаменитый

ликосъ Григорій IV, племянникъ и преемникъ Нерсеса, и тридцать три армянскіе епископа провозгласили единеніе своей церкви съ православно-восточною,—снова отпали отъ общенія съ нею, когда Өеоріанъ прибылъ къ нимъ во второй разъ, присланный императоромъ Мануиломъ и патріархомъ Өеодосіемъ (о чемъ будетъ сказано ниже). Созвавъ три собора, одинъ въ столицѣ своего Киликійскаго княжества, городъ Сисъ, другой—въ Аданахъ и третій въ Өеодосіонополѣ, армяне, въ концѣ двѣнадцатаго и въ началѣ тринадцатаго вѣка, вступили въ единеніе съ римскою церковію. Такъ часто въ смутныя времена мірскіе интересы берутъ перевѣсъ надъ духовными и временные надъ вѣчными! Но и это соединеніе не привело ни къ какому практическому результату, кромѣ того, что армяне усвоили

островъ Кипръ, видѣвшій „новый родъ мучениковъ" и воиновъ Христовыхъ, которые сначала обливались слезами сокрушенія, потомъ долгое время очищались пóтомъ аскетическихъ подвиговъ, и наконецъ прошли сквозь огнь и воду, пока Подвигоположникъ—Богъ не воззвалъ ихъ къ отдохновенію. Хорошо ли это, святѣйшій преемникъ апостола Петра? это ли заповѣдуетъ ученикъ Кроткаго и Смиреннаго сердцемъ? такъ ли онъ увѣщеваетъ поступать пресвитеровъ въ своемъ посланіи? (Петр., I, V, 1—5)... Это ли ученіе Петра?—пусть разсмотрятъ неповинующіеся ему... Но прости, св. владыко, сердобольнѣйшій и кротчайшій изъ всѣхъ, доселѣ бывшихъ архипастырей древняго Рима, и будь снисходителенъ къ дерзкимъ словамъ: ибо это плодъ страждущаго сердца, а долгъ благоразсудительныхъ мужей прощать, когда, „подъ вліяніемъ горести", высказывается что-либо язвительное", и проч. (Акт. єоб., т. II, стр. 998). То же самое выражаетъ и протестъ грековъ, представленный ими узурпатору императорскаго константинопольскаго престола г. Ханри (Эрику) (Sir Henri),—протестъ противъ насилій и мученій, которымъ подвергалъ ихъ жестокій Пелагій, легатъ Иннокентія III, съ цѣлью принудить ихъ отречься отъ преданнаго отцами православія. „Мы,—говорили они,—принадлежа другой націи и имѣя другаго архипастыря—вселенскаго патріарха, подчинили себя твоей власти, съ тѣмъ, чтобы ты тѣлесно управлялъ нами, но вовсе не душевно и духовно; мы обязаны сражаться за тебя на войнѣ, но отступать отъ того, что для насъ свято, мы никакъ не можемъ" (Георг. Акропол., лѣтопись XVII).

себѣ нѣкоторые латинскіе обычаи, каковы напр. своеобразныя митры, епископское кольцо, рукоположеніе за одной литургіей многихъ священниковъ и діаконовъ и проч. Объ этомъ ложномъ единеніи, совершенномъ изъ политическихъ видовъ, Гиббонъ съ ироніей замѣчаетъ: „въ этомъ кратковременномъ единеніи столько же правды, сколько въ разсказѣ (выдуманномъ, конечно, латинянами же) о тысячѣ епископахъ, приводимыхъ своимъ патріархомъ къ подножію римскаго первосвященника (Gibbon. ib I IX, p. 121) (1).

Впрочемъ, хотя дѣло единенія съ православно-каѳолическою церковію, вслѣдствіе изложенныхъ обстоятельствъ того времени, и осталось недовершеннымъ, но во всякомъ случаѣ первый шагъ къ нему уже былъ сдѣланъ. Ибо съ тѣхъ поръ, какъ посредствомъ частнаго „разговора" и соборнаго совѣщанія, бывшаго въ Румъ-Кале между знаменитыми мужами, Нерсесомъ и Ѳеоріаномъ, взаимно было разъяснено пониманіе догмата о воплощеніи, армянская церковь торжественно отказалась отъ своего неосновательнаго заблужденія относительно четвертаго вселенскаго собора и принимаетъ его со всею преданностію, устранивъ, такимъ образомъ, главнѣйшее препятствіе къ соединенію. Этаго мало: армянская церковь ублажаетъ и благовѣйно чтитъ мученицу Христову, непорочную дѣву Евфимію, чудеснымъ образомъ подтвердившую опредѣленіе этого собора. Это видно изъ ежегодныхъ многочисленныхъ стеченій братій армянъ въ святой патріаршій храмъ, въ

(1) Извѣстно, что еще до прибытія Ѳеоріана къ Нерсесу, армяне посылали посольство къ папѣ Евгенію III, домогаясь общенія съ римскою церковію, по свидѣтельству Оттона Франциска (см. Церк. ист. Мелетія, т. III, стр. 50).

день памяти этой всехвальной мученицы, для поклоненія святымъ ея мощамъ. Съ этого же времени, оставивъ непріязненное наименованіе „Несторіанъ“, которое армяне несправедливо прилагали къ намъ, они стали называть насъ „старшими братіями“, т. е. первородными братіями по вѣрѣ. Такимъ образомъ, для означеннаго соединенія обѣихъ церквей остается сдѣлать только то, чтобы съ обѣихъ сторонъ торжественнымъ образомъ сообщены были взаимно мнѣнія по этому предмету, что доселѣ по обстоятельствамъ было неудобно, и затѣмъ, по предварительномъ исправленіи нѣкоторыхъ незаконныхъ обычаевъ, несогласныхъ съ священнымъ преданіемъ, приступить къ возстановленію духовнымъ сношеній на основаніи церковныхъ постановленій.

Часто изъ за одного простаго недоразумѣнія возникаетъ духовное разобщеніе между православно-вѣрующими во Христа, какъ о томъ свидѣтельствуетъ исторія церкви. Такъ наприм., вслѣдствіе недоразумѣній относительно нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся въ двѣнадцати анаѳематствахъ, писанныхъ противъ Несторія Кирилломъ, этаго отца заподозрила въ неправомысліи цѣлая церковь, подвѣдомая антіохійскому патріаршему престолу; почему предстоятель этой церкви, патріархъ Іоаннъ, и подчиненные ему іерархи (въ числѣ которыхъ былъ и блаженный Ѳеодоритъ), будучи сами чисто православными, отлучили св. Кирилла и отвергли третій вселенскій соборъ, предавшій вѣчной анаѳемѣ нечестиваго человѣко-поклонника Несторія. Но, такъ какъ вскорѣ затѣмъ послѣдовало, какъ мы сказали выше, объясненіе на анаѳемства, составленное самимъ же Кирилломъ, то всѣ епископы восточной діоцезіи, съ предстоятелемъ ихъ Іоанномъ, вступили опять въ общеніе съ Кирил-

ломъ и акты третьяго собора признали божественными и священными. Замѣть, христолюбивый читатель, сходство этихъ двухъ важныхъ церковныхъ событій. Такъ восточные отлучаютъ Кирилла, какъ послѣдователя Аполинарія и какъ проповѣдующаго, вопреки евангельскому и соборному ученію, что Святый Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, и въ то же время отвергаютъ третій соборъ, составленный противъ Несторія, какъ единомыслящій Кириллу и созванный подъ его предсѣдательствомъ. Съ своей же стороны божественные отцы третьяго вселенскаго собора, видя такое сильное на нихъ нападеніе восточныхъ епископовъ, считаютъ ихъ по этому приверженцами и послѣдователями Несторія. А между тѣмъ, и тѣ и другіе находятся въ совершенномъ православіи; тѣ и другіе одинаково возстаютъ противъ заблужденій Несторія и Аполлинарія и противъ анти-евангельскаго двоякаго исхожденія (т. е. Св. Духа отъ Отца и Сына). Точно также и здѣсь: армянская церковь, по недоразумѣнію, отвергла, въ прежнія времена, собранный противъ Евтихія IV соборъ, какъ бы впавшій въ несторіанскую ересь. Православные, видя противорѣчіе упомянутому собору со стороны армянской церкви, заподозрили ее въ послѣдованіи ереси Евтихія. Въ сущности же и тѣ и другіе держались одного и того же мнѣнія о воплощеніи Бога Слова и равно предавали вѣчной анаѳемѣ Несторія, Евтихія, а также всѣхъ монофизитовъ, миксофизитовъ и ѳеопасхитовъ. Итакъ, имѣя предъ глазами такіе примѣры недоразумѣній, какія возникали между третьимъ соборомъ и епископами восточныхъ областей, мы полагаемъ, что, если бы и въ настоящее время, по примѣру упомянутыхъ отцевъ и въ духѣ христіанской любви, между

обѣими церквами воспослѣдовали объясненія относительно догмата о воплощеніи, то одни эти объясненія разсѣяли бы всѣ недоразумѣнія, даже и тѣ, какія быть можетъ возникли уже послѣ замѣчательнаго „разговора“ между Θеоріаномъ, вслѣдствіе прекращенія духовныхъ сношеній между этими церквами въ теченіе долгаго времени (Причиною этому были крестовые походы и послѣдовавшія за ними разныя политическія движенія и перевороты). Мы надѣемся, что означенныя объясненія, при помощи Божіей, легко могли бы соединить въ одно духовное тѣло оба народа, которые въ сущности согласны въ ученіи о догматѣ Божественнаго воплощенія, и это соединеніе послужило бы въ славу „Начальника мира“ и великаго Спаса міра и Искупителя.

Изъ сказаннаго, думаю, ясно видно, что ученіе Армянъ о воплощеніи совершенно противоположно мнѣнію Евтихія и другихъ монофизитовъ. Послѣ этого не понятно, на какомъ основаніи нѣкоторые между нами, не обращая вниманіе на извѣстный уже намъ „разговоръ“, и на актъ собраннаго въ Румъ-Кале Собора, на которомъ, какъ мы видѣли Евтихій, Діоскоръ, Северъ и другіе монофизиты торжественно были преданы анаѳемѣ католикосомъ Григоріемъ IV и тридцатью тремя армянскими епископами, не понятно, говорю, на какомъ основаніи послѣ этого нѣкоторые изъ насъ утверждаютъ, что армянская церковь слѣдуетъ ереси Евтихія? Такое мнѣніе объ армянской церкви встрѣчается не только у насъ, но и между западными. Гиббонъ напр. въ одномъ мѣстѣ такъ выражается: „армяне — это чистые послѣдователи Евтихія“ (тамъ же p. 120); точно также и ученые составители „Dictionnaire historique des cultes religieux“ пишутъ: „въ VI

вѣкѣ (въ 515 г.) Патріархъ армянскій, Нерсесъ III принялъ заблужденія Евтихіанъ, или монофизитовъ, и отвергъ Халкидонскій Соборъ", подобнымъ образомъ и Galanus, Villote, Quieu и Klaporth приписываютъ армянамъ монофизитскую и другія ереси; (см. Hist. des Sectes Religieuses T. IV p. 228) (¹). По этому совершенно справедливо замѣчаетъ Chevalier Ricaut: „у многихъ писателей я находилъ обвиненіе противъ армянской церкви, въ томъ, что она признаетъ одно естество въ Іисусѣ Христѣ, въ чемъ состояла ересь Евтихія. Такого ошибочнаго мнѣнія объ армянской церкви вмѣстѣ съ этими писателями держался и я, и оставилъ его только послѣ тщательнаго изученія членовъ армянскаго исповѣданія" (см. Hist. de l'ètat prèsent de l'Eglise Grecque. p. 403). Кромѣ Евтихіанской ереси армянамъ приписываютъ также и другія. Никита Хоніатъ напр., неизвѣстно по какому поводу, утверждаетъ, что армяне суть также иконоборцы. „Изъ всѣхъ одни только армяне, говоритъ, онъ, не считали появленіе Аламановъ (Крестоносцевъ) нашествіемъ язычниковъ, а видѣли въ нихъ друзей. И это потому, что аламаны съ армянами имѣютъ сношенія и согласны съ ними во многихъ ересяхъ: ибо у армянъ, какъ и у аламанъ, воспрещено почитаніе сятыхъ иконъ (²); равно и въ священно-

(¹) Очевидно, что такое мнѣніе объ армянахъ образовалось вслѣдствіе отверженія ими IV собора; но выше мы показали, что армяне отвергали этотъ соборъ не потому, что онъ осудилъ Евтихія, котораго и они сами нѣсколько разъ осуждали, но по предположенію, будто соборъ этотъ, какъ имъ казалось, впалъ въ ересь Несторія.

(²) Извѣстно изъ церковной исторіи, что вскорѣ, послѣ VII собора, многіе галло-германскіе епископы, собравшись въ Франкфуртѣ, по повелѣнію Карла Великаго, отвергли этотъ св. вселенскій соборъ, не обративъ при этомъ никакого вниманія на благочестивыя настоянія Рима въ пользу св. иконъ.

дѣйствіяхъ тѣ и другіе употребляютъ опрѣсноки и соблюдаютъ нѣкоторые другіе обычаи, отвергнутые православными христіанами“ (ст. 527). Иконоборцами считаетъ армянъ и Гиббонъ, который говоритъ: „армяне строго воздерживаются отъ идолопоклонства грековъ (1)“.

Чтоже сказать объ ересяхъ, исчисленныхъ въ четвертомъ томѣ церковной исторіи Мелетія т. е. въ дополненіи къ ней, составленномъ „съ большою осторожностію и тщаніемъ“ (!?). Вендотомъ, объ ересяхъ, которыя приписываетъ братьямъ армянамъ этотъ писатель, заимствовавшій свѣдѣнія о нихъ у какого нибудь византійскаго расказчика, безъ всякой провѣрки и собственнаго изслѣдыванія? Вотъ что пишетъ о нихъ этотъ, весьма не разборчивый писатель: „армяне (древніе) обвиняются въ такомъ множествѣ ересей, что число ихъ превосходитъ всякое вѣроятіе; эти ереси слѣдующія;

1) Армяне признаютъ Бога лжецомъ.

2) Во Христѣ признаютъ одну только волю, божественную, отрицая человѣческую.

3) Говорятъ, что Христосъ воскресъ не въ день недѣльный, а въ субботу; слѣдовательно воскресъ не въ третій день, а во второй.

4) Что кресту должно покланяться не въ простомъ его видѣ, но сперва должно обмыть его, въ средину вбить гвоздь, обмоченный въ Евхаристическую кровь, и за тѣмъ уже предлагать его на поклоненіе вѣрующимъ.

5) Они говорятъ, что если бы праотцы наши пребыли въ состояніи невинности, въ которомъ сотворилъ

(1) Идолопоклонствомъ ученый христоборецъ называетъ почитаніе иконъ и поклоненіе имъ въ извѣстномъ смыслѣ.

ихъ Богъ, то Адамъ и Ева не сочетались бы, но инымъ образомъ послѣдовало бы чадородіе и размноженіе человѣческаго рода ([1]).

6) Что Адамъ, преступивши божественную заповѣдь, повредилъ одному только себѣ, и что младенецъ не причастенъ отъ чрева матери первородному грѣху.

7) Совершеніе божественной Евхаристіи не приноситъ ни пользы, ни вреда.

8) Крещеніе нужно не для омовенія отъ первороднаго грѣха, которому, по ихъ словамъ, человѣкъ не причастенъ, но для того, что бы преподать благодать вѣрующимъ.

9) Что дѣти православныхъ, умирая безъ всякаго крещенія, идутъ въ Рай, а дѣти невѣрныхъ и еретиковъ—въ мѣсто мученія.

10) Что если бы не было бѣсовъ, возбуждающихъ ко злу человѣка, то не было бы и грѣха; изъ этого они заключаютъ, что если человѣкъ не въ состояніи противиться діаволу, то и не можетъ быть обвиняемъ въ содѣланномъ имъ грѣхѣ.

([1]) Это мнѣніе, впрочемъ, есть мнѣніе ярких свѣтильников церкви, Григорія Нисскаго и Іоанна Златоуста. Когда Григорія Нисскаго спрашивали: если чадородіе наступило послѣ нарушенія божественной заповѣди, то какъ совершалось бы размноженіе человѣческаго рода, еслибы первозданные пребыли безгрѣшными? Онъ отвѣчаетъ въ сочиненіи о сотвореніи человѣка: „Если кто, изслѣдуя способъ бытія, недоумѣваетъ, что послѣдовало бы, еслибы человѣкъ не нуждался въ брачномъ сочетаніи, то и мы съ своей стороны спросимъ его о способѣ существованія ангеловъ, именно: какъ они существуютъ въ несмѣтныхъ тьмахъ, будучи одного существа и во множествѣ исчисляемые?“—Св. Златоустъ говоритъ: „чадородіе наступило по преступленіи, ибо до того люди жили въ раю, какъ ангелы, не воспламеняясь похотѣніемъ (бесѣд. V на шесть дн.); послѣ изгнанія изъ рая сочетаніе получило свое начало: ибо, до преступленія человѣкомъ владычной заповѣди, ничего такого не было и человѣкъ жилъ по-ангельски“ (тамъ же, бесѣд. 18).

11) Что нѣкоторые грѣхи не отпустятся (?).

12) Что въ воскресеніе мертвыхъ всѣ воскреснутъ въ мужескихъ тѣлахъ.

13) Что до Христа всѣ были осуждены, не по наслѣдственности первороднаго грѣха, но за личный грѣхъ предковъ; иначе Богъ не былъ бы справедливъ, наказывая всѣхъ умершихъ до пришествія Христа.

14) Что божественныя дарованія вѣры и церковныя степени могутъ быть покупаемы за деньги.

15) Что блаженные не могутъ видѣть сущности Божества (?).

16) Что блаженные видятъ нѣкоторую частицу сущности и чрезъ это становятся блаженными.

17) Что наказанія злыхъ духовъ будутъ чувственныя.

18) Что ни одно изъ таинствъ не сообщаетъ благодати.

19) Что въ божественной Евхаристіи должно употреблять одно вино безъ воды.

20) Что таинство брака не есть таинство и не установлено Христомъ, и проч.

ГЛАВА III.

О религіозномъ состояніи и перемѣнахъ въ армянской церкви.

По предсказанію католикоса св. Исаака I, прозваннаго великимъ и прославившагося въ началѣ пятаго вѣка, армяне должны были отдѣлится отъ каѳолическаго единства. Это несчастное предсказаніе исполнилось въ самомъ началѣ VI вѣка, при католикосѣ Нерсесѣ II-мъ Этотъ католикосъ, съ небольшимъ числомъ послѣдовавшихъ за нимъ епископовъ, по внушенію сирійскихъ

монофизитовъ, созвалъ, въ 511 году, въ городѣ Товинѣ (Дивіонъ) соборъ и, на немъ прочитавъ дѣянія незаконнаго собора, двукратно созываемаго въ Александріи (въ 457 и 471 годахъ) нечестивымъ Тимоѳеемъ Элуромъ, предалъ этотъ соборъ анаѳемѣ, какъ держащійся несторіанской ереси; въ тоже время онъ ввелъ опрѣсноки, измѣненіе въ трисвятой пѣсни (распныйся за ны), перенесеніе праздника Рождества Христова на 6 января, и принялъ нѣкоторыя другія нововведенія сиріянъ, провозгласивши притомъ анаѳему противъ сообщающихся съ несторіанами Римлянами (разумѣя православныхъ). Возникшій, вслѣдствіе этаго, расколъ былъ усиленъ католикосомъ Моисеемъ I, который въ 551 году, на собранномъ имъ въ Товинѣ совѣщаніи, произнесъ анаѳему на IV вселенскій соборъ. Эта анаѳема впослѣдствіи была повторена католикосами Авраамомъ I, Комидасомъ, Іоанномъ VI, по прозванію, Вадмапанъ (т. е. историкъ), который былъ архіепископомъ въ девятомъ вѣкѣ, и другими.

Впрочемъ, и въ продолженіи этаго времени и послѣ того, до конца двѣнадцатаго вѣка, были созываемы священные соборы, на которыхъ неоднократно армянская церковь провозглашала божественность IV вселенскаго собора, и письменно подтверждала свое единеніе съ православно-каѳолическою церковію. Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ религіозномъ пути, на которомъ братія наши армяне склонялись то туда, то сюда.

Не много спустя послѣ того, какъ вселенскій IV соборъ былъ отвергнутъ Нерсесомъ II (на совѣщаніи въ Товинѣ), одинъ изъ армянскихъ вождей, именемъ Вертанъ, отложившись отъ своего Государя, убѣжалъ въ Царьградъ. Этотъ вождь, по порученію императора

Юстиніана Великаго, пригласилъ нѣкоторыхъ армянскихъ епископовъ на созванный въ то время V вселенскій соборъ, на которомъ преданы анаѳемѣ, между прочимъ, и извѣстныя три „главы" т. е. сочиненіе Ѳеодора мопсуетскаго, посланіе Ивы Едесскаго къ Марію Персу, и сочиненіе блаженнаго Ѳеодорита противъ двѣнадцати анаѳематствъ, составленныхъ св. Кирилломъ противъ Несторія (которыя, какъ было сказано, были одною изъ причинъ отпаденія армянъ (1). Тогдашній же католикосъ Оанезъ и бывшіе съ нимъ не только отлучили упомянутыхъ епископовъ, но, чтобы придать больше значенія своему расколу, пригласили къ себѣ католикоса Албаніи и Иверіи принять участіе въ ихъ неправославномъ мнѣніи относительно VI вселенскаго собора; къ счастію, этотъ послѣдній обличилъ Оанеза и его послѣдователей благочестиво сказавъ имъ: „какъ мыслили предшественники мои, Петръ и Григорій, такъ мыслю и я".

Далѣе, когда Ховрой, по чувству благодарности къ императору Маврикію, усыновившему его и возстановившему на персидскомъ престолѣ (съ котораго Ховрой былъ свергнутъ возмутителемъ Вардамомъ), уступилъ грекамъ Арменію и другія земли, по направленію къ Каспійскому морю (2), прибылъ въ Византію армянскій

---

(1) Соборный актъ объ этомъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „мы осуждаемъ и предаемъ анаѳемѣ со всѣми другими еретиками... и Ѳеодора, называемаго епископомъ мопсуетскимъ и нечестивыя его сочиненія, равно и нечестиво составленныя сочиненія Ѳеодорита противъ правой вѣры и двѣнадцати главъ святаго Кирилла и св. ефескаго собора..., точно также мы предаемъ анаѳемѣ и нечестивое посланіе, написанное, какъ говорятъ, Ивою къ Марію персу (засѣданіе восьмое).

(2) См. Gibbon t. XIII, p. 339 слич. Евагрія Церк. ист. XVI, 16—22, гдѣ помѣщены письма Ховроя къ мученику Сергію, исполненные глубокой благодарности къ послѣднему. Въ подлинникѣ эти письма писались

царь Мусиклисъ, для выраженія своей преданности императору. Однажды, по поводу того, что упомянутый царь въ праздникъ воздвиженія Креста не пришелъ въ церковь, Маврикій сказалъ ему: „зачѣмъ ты отвергаешь общеніе, когда„ Вертанъ принялъ оное?" Мусиклисъ отвѣчалъ: „Вертанъ вступилъ въ общеніе съ вами по страху; но пусть будетъ созванъ соборъ, и армяне съумѣютъ защитить свои права". Услышавъ это, императоръ повелѣлъ католикосу Моисею II и подвѣдомымъ ему епископамъ прибыть въ Византію. Но католикосъ, равно какъ и епископы Персо-Арменіи не только не послушали императорскаго повелѣнія, но первый даже съ дерзостію отвѣчалъ благочестивому императору: „не бывать тому, что бы я перешелъ чрезъ рѣку Азатъ (впадающую въ Араксъ) съ цѣлію измѣнить наши священные обычаи и принять въ Евхаристіи квасной хлѣбъ и растворенное вино". Однакожъ епископы области Даронъ и другихъ эллино-армянскихъ странъ Арменіи охотно приняли приглашеніе Императора. За тѣмъ прибывъ въ Византію, они соборно отвергли армянскія или сирійскія нововведенія, признали богодухновенность IV вселенскаго собора и письменно утвердили свое единеніе съ православною церковію. Въ это время, католикосъ Моисей, пылая гнѣвомъ, собралъ незаконное совѣщаніе въ Товинѣ, въ 551 году, предалъ на немъ анаѳемѣ, какъ было сказано выше, IV вселенскій соборъ, утвердилъ все то, что имѣлъ дерзость постановить Нерсесъ II, и отлучилъ упомянутыхъ благочестивыхъ епископовъ, усвоивъ имъ и еди-

---

на греческомъ языкѣ; въ нихъ разсказываются сновидѣнія и предсказанія святаго упомянутому государю о томъ, что этотъ царь опять будетъ возведенъ на персидскій престолъ.

непамъненнымъ съ ними оскорбительное названіе „халкиконвовъ“ т. е. халкидонствующихъ, что равносильно (по его мнѣнію) названію „несторіанъ“. Чтобы еще болѣе усилить разрывъ между армянами и православными, этотъ дерзкій католикосъ отмѣнилъ лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова, принятое вообще всѣми христіанами, и установилъ исчислять годы со времени собраннаго имъ въ Товинѣ совѣщанія, т. е. съ 551 года!

При тиранѣ Фокѣ и императорѣ Иракліѣ, когда персидскій царь Хозрой II снова овладѣлъ Арменіею и доходилъ почти до воротъ Константинополя (Gibbon. ibid. p. 430—437), Авраамъ I, заступившій мѣсто Моисея, видя, что католикосъ Иверіи держится православія и сильно противодѣйствуетъ армянскимъ нововведеніямъ, созвалъ въ Товинѣ, въ 591 г. соборъ изъ десяти епископовъ и на немъ предалъ анаѳемѣ IV вселенскій соборъ. Тогда православные епископы армянской области Даронъ, единодушно заявивъ протестъ противъ своевольныхъ дѣйствій Авраама и его единомышленниковъ, прервали съ ними всякое духовное сношеніе и, удалившись въ небольшой участокъ Арменіи, принадлежащій византійцамъ, избрали себѣ другаго католикоса, Іоанна III, изъ города Пакаранъ. Такимъ образомъ армянскій народъ раздѣлился на два церковныя управленія. Во время персидскихъ войнъ, преемникъ антикатоликоса Авраама, Комидасъ, не довольствуясь столь дерзкими и нечестивыми дѣйствіями двухъ изъ его предшественниковъ, въ видахъ большаго распространенія раскола, написалъ, въ поруганіе православныхъ, цѣлую книгу объ ересяхъ, назвавъ ее „Амартанакъ“ и ложно издавъ подъ именемъ святаго Исаака.

Когда императоръ Ираклій съ торжествомъ возвратился съ войны противъ персовъ, то, въ 628 году, въ четвертомъ по кончинѣ Хозроя, былъ созванъ въ Ѳеодосіополѣ великій и священный соборъ изъ епископовъ и учителей церкви, продолжавшійся цѣлый мѣсяцъ. На этомъ соборѣ армяне предали анаѳемѣ дѣйствія Нерсеса II, Моисея II и Авраама I въ Товинѣ, приняли растворенiе вина водою на божественной евхаристіи, исключили изъ трисвятой пѣсни прибавленіе „распныйся за ны“, и, прочитавъ постановленія четвертаго собора, провозгласили его богодохновеннымъ и святымъ; этого мало: они письменно дали клятву не дѣлать болѣе никакихъ нововведеній. Предсѣдателемъ на этомъ соборѣ былъ католикосъ Эздра. Когда армяне возвратились по своимъ мѣстамъ и Вартаветъ Іоаннъ началъ обвинять католикоса и армянскихъ епископовъ, что они худо поступили, то Эздра сказалъ: „то что мы слышали отъ римлянъ (т. е. грековъ) о двухъ естествахъ Спасителя, мы признали истиннымъ и утвердили согласно съ свящ. писаніемъ и св. отцами“, а на возраженіе Іоанна, что будто римляне (т. е. греки) поддѣлали мѣста Св. Писанія, никто и вниманія даже не обратилъ. Но такъ какъ Іоаннъ и послѣ этого не переставалъ обвинять и клеветать на православныхъ, то, какъ не правомыслящаго и враждебнаго церковному миру, его отправили въ ссылку, положивъ ему на лобъ клеймо, съ изображеніемъ лисицы. Преемникъ Эздры, Нерсесъ III держался также православнаго образа мыслей. По мысли императора Константа, внука Ираклія, онъ созвалъ, въ 648 году, соборъ въ Товинѣ, что бы подтвердить признаніе IV собора; но, видя упорство противомыслящихъ, отказался отъ престола и, удалившись, посе-

лился на своей родинѣ, въ Даикѣ. Тогда клейменый Вартаветъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, составилъ соборъ на своей родинѣ Маназгеръ, въ 651 и предалъ анаѳемѣ какъ IV соборъ, такъ и созванный въ Ѳеодосіополѣ при императорѣ Иракліѣ и Католикосѣ Эздрѣ. Іустиніанъ II или Ринотмитъ, (безносый), на четвертомъ году своего царствованія, пригласилъ въ Константинополь католикоса Исаака II и многихъ армянскихъ епископовъ, присоединилъ ихъ къ православно-каѳолической церкви, взявъ съ нихъ снова клятву не дѣлать впредь нововведеній. Когда же Исаакъ II и упомянутые епископы возвратились домой, то ихъ предали анаѳемѣ не согласные съ ними армяне. Но католикосъ Іоаннъ IV, называемый философомъ (Имаздазеръ), созвавъ въ 720 г.; соборъ въ Товинѣ, негласно утвердилъ IV соборъ. Этотъ католикосъ сильно возставалъ противъ ереси фантазіастовъ, которая въ то время появилась въ Арменіи, и написалъ противъ нея сочиненіе, въ которомъ самымъ яснымъ образомъ исповѣдывалъ два естества во Христѣ. Православными католикосами отъ Эздры до Іоанна IV были Нерсесъ третій, Анастасій, Израилъ, Сагъ III, и Илія. Но враги IV вселенскаго собора не переставали всячески возмущать и разстраивать армянскую церковь, и до такой степени избѣгали всякаго общенія съ православными, что когда арабы напали на арменію, то они помогали имъ противъ грековъ, подобно тому, какъ копты, держащіеся ереси Несторія, поступили въ Египтѣ. По внушенію калифа Омара, въ видахъ политики котораго было поддерживать раздоры между христіанскими народами востока... Католикосъ Іоаннъ VI, называемый Вадмапанъ, созвавъ соборъ въ Ѳеодосіополѣ и подтвер-

дивъ на немъ все постановленное въ Товинѣ, предалъ анаѳемѣ IV вселенскій соборъ.

Между тѣмъ, неутомимый поборникъ православія, приведшій столько народовъ къ истинному богопознанію, блаженнѣйшій Фотій обратилъ свое вниманіе и на братій армянъ, колебавшихся въ вѣрѣ; въ 864 г. онъ отправилъ къ католикосу Захарію—Іоанна, митрополита никейскаго, для утвержденія и назиданія ихъ въ вѣрѣ. И дѣйствительно, на созванномъ въ городѣ Ани соборѣ, Евтихій и другіе монофизиты преданы были анаѳемѣ и снова провозглашена боговдохновенность IV вселенскаго собора. Но и это соединеніе, по несчастію, было не продолжительно. Образъ мыслей, противный IV вселенскому собору, опять ожилъ, вслѣдствіе множества разномыслящихъ; даже одинъ изъ бывшихъ потомъ католикосовъ, по имени Ваганъ, былъ низложенъ съ архіепископскаго престола не за что другое, какъ за свое благочестіе и ревность въ пользу этаго свящ. собора. Послѣ Вагана, ревнителями благочестія и церковнаго единенія явились католикосы: Григорій II, происходившій изъ царскаго рода Арсакидовъ, (который подтвердилъ сочиненіе Іоанна IV (Философа) противъ фантазіастовъ и въ защиту двухъ естествъ во Христѣ); племянникъ его Григорій III, братъ послѣдняго Нерсесъ IV, съ своимъ племянникомъ Григоріемъ IV; изъ нихъ первый былъ католикосомъ въ 1065 г. и жилъ до 1085 г.; второй въ 1113 г., третій въ 1166 г. а послѣдній въ 1176 г. Дѣло о соединеніи началъ Григорій III, писавшій объ этомъ къ императору Мануилу Комнину въ 1148 году; послѣ кончины Григорія III, въ 1166 году, дѣло это ревностно продолжалъ Нерсесъ IV, писавшій по этому предмету къ тому же императору. Ком-

нинъ отправилъ къ нему знаменитаго Θеоріана, послѣ разговора съ коимъ Нерсесъ провозгласилъ боговдохновенность IV вселенскаго собора. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ епископовъ, собранныхъ въ Тарсѣ, въ 1150 году, какъ мы видѣли, сильно сопротивлялись этому, Нерсесъ признавалъ необходимымъ исправить нѣкоторые антиканоническіе армянскіе обычаи. Съ такою же ревностію трудился въ пользу соединенія и преемникъ Нерсеса IV, Григорій IV. Созвавъ соборъ въ Румъ-Кале, въ 1179 году, на которомъ присутствовали армянскій князь Левъ ([1]), католикосъ Иверіи Стефанъ и Θеоріанъ, во второй уже разъ присланный императоромъ къ арманамъ, Григорій, вмѣстѣ съ тридцатью тремя армянскими епископами, предалъ анаѳемѣ Евтихія, Діоскора, Севира и другихъ еретиковъ монофизитовъ, и въ то же время призналъ необходимымъ исправить нѣкоторыя сирійскія нововведенія. Свящ. акты созваннаго въ Румъ-Кале собора самъ Григорій и всѣ подчиненные ему епископы скрѣпили собственноручными подписями. Во всемъ этомъ много содѣйствовалъ Григорію достопамятный архіепископъ Тарса, Нерсесъ, уроженецъ изъ города Лампръ.

Между тѣмъ, какъ всѣ надѣялись, что, послѣ нѣкоторыхъ объясненій по дѣламъ церковнымъ, возобновятся оффиціальныя духовныя сношенія обѣихъ церквей, послѣдовала кончина сперва императора Мануила (въ 1180 году), а не много спустя и знаменитаго первосвятителя Григорія IV; вскорѣ послѣ этого же Констан-

([1]) Въ эпоху Комниновъ образовалось какое-то армянское княжество въ странѣ Сисъ, лежащее у подошвы Тавра, къ востоку отъ рѣки Сарроса, повыше города Аназарвы. Этому воеводству подчинялась Киликія и нѣкоторыя части второй Арменіи и Сиріи.

тинополь былъ взятъ крестоносцами (въ 1204 г.). Таким образомъ церковные переговоры о возобновленіи оффиціальныхъ сношеній между обѣими церквами не состоялись. Къ довершенію несчастія, изъ политическихъ ли видовъ или же вынужденные латинянами (покровительства коихъ армяне искали и которымъ церковное единеніе армянъ съ греками не обѣщало никакой выгоды), армяне забыли, что на соборѣ въ Румъ-Кале они согласились на соединеніе съ православно-каѳолическою церковію и, созвавъ соборы въ Сисѣ, въ столицѣ армянскаго государства въ Киликіи (въ 1367 г.) (1), въ Аданахъ (въ 1314) и въ Ѳеодосіополѣ (въ 1130 г.), соединились съ латинскою церковію. Но и это соединеніе оказалось не дѣйствительнымъ, потому что вскорѣ армяне снова возвратились къ преданіямъ своихъ предковъ (2). Единственные остатки этого мнимаго соедине-

---

(1) Мѣстопребываніемъ католикосовъ сначала былъ Эчміадзинъ, потомъ Товинъ и послѣ того Сисъ; а по разрушеніи послѣдняго армянскаго царства въ Киликіи и покореніи остальныхъ армянскихъ епархій египетскими мамелюками, оно опять было перенесено въ Эчміадзинъ, въ 1441 г., при Григоріѣ IX. (Нужно замѣтить, что Арменія подчинилась оттоманской власти въ 1515 г. при Селимѣ II, уничтожившемъ мамелукскую имперію, а не въ 1440 г., какъ мы ошибочно замѣтили въ началѣ настоящаго сочиненія).

(2) Ученый епископъ de Blois Григорій утверждаетъ, что „со времени созванія собора въ Сисѣ до начала XVIII вѣка, католикосы Эчміадзина, всегда по вошествіи своемъ на престолъ, отправляли мирныя грамоты къ папамъ, за которыми они будто бы признавали власть надъ всею каѳолическою церковію, основанную на божественномъ правѣ (!), и что напротивъ армянскій константинопольскій патріархъ Ефремъ, созвавшій соборъ въ 1701 году, произнесъ отлученіе на всякаго изъ армянъ, кто сталъ бы признавать духовную власть папъ, и при содѣйствіи правительства постановилъ, чтобы всѣ католикосы, какъ въ Царьградѣ, такъ и другихъ турецкихъ областяхъ, были подчинены только духовнымъ законамъ своей народной церкви, а не римскому престолу. Слѣдовательно, говоритъ упомянутый ученый епископъ, и армянокатолики, хотя и собирались для богослуженія въ посольскихъ церквахъ,

нія съ латинянами суть римскія митры, епископское кольцо, рукоположеніе многихъ священниковъ и діаконовъ за одной литургіей и др.

Но, хотя соединеніе армянской церкви съ православной, торжественно утвержденное въ Румъ-Кале и Тарсѣ, гдѣ присутствовали епископы изъ Аніи, Товина, Карса, Эдессы, однимъ словомъ изъ всей Арменіи, хотя, говорю, соединеніе это, по вышесказаннымъ обстоятельствамъ, и не состоялось окончательно и, вслѣдствіе того, армяне снова остались, по прежнему, церковно-уединенными, тѣмъ не менѣе дѣло соединенія ихъ съ православною церковію получило прочное начало. Главнѣйшее условіе его было исполнено, такъ какъ съ той поры братія армяне, отвергнувъ торжественно предубѣжденіе противъ IV вселенскаго собора, которое служило главнымъ препятствіемъ ихъ соединенія съ нами, всецѣло прини-

однакожъ для погребенія, крещенія, и совершенія браковъ обязаны приглашать единоплеменныхъ имъ священниковъ, выборъ которыхъ въ этихъ случаяхъ не могъ зависѣть отъ указанія пропаганды, хотя бы то негласнаго“ (avec l'approbation tacite de la propagande—тамъ же, т. IV, p. 226 — 230). Что касается до послѣдняго замѣчанія, то оно очень справедливо; но чтобы существовало духовное общеніе и сношеніе армянской церкви съ римскими первосвященниками, въ продолженія послѣднихъ четырехъ вѣковъ, то это (да проститъ намъ ученый мужъ) совершенно не вѣрно. То правда, что римскій дворъ никогда не переставалъ домогаться церковнаго порабощенія армянъ и обольщать католикосовъ ласками и привѣтливостью, а иногда и дарами (такъ напримѣръ, папа Иннокентій XI послалъ въ 1678 году великолѣпное кресло католикосу Іакову IV, на которомъ и доселѣ возсѣдаютъ католикосы, когда служатъ въ находящемся въ Эчміадзинѣ храмѣ „Единороднаго“). Но католикосы, принимая папскіе дары съ благодарностію, тѣмъ не менѣе не уклонялись отъ своего пути. И ничего нѣтъ предосудительнаго въ томъ, что они отвѣчали папамъ приличными посланіями, называя ихъ преемниками Петра, или, пожалуй, верховными архипастырями и другими подобными именами, примѣняясь къ обычаямъ римскаго двора изъ политической и общественной вѣжливости, а вовсе не по религіозному побужденію, какъ думаетъ достопочтенный Григорій.

маютъ оный, какъ богодухновенный, и насъ, грековъ, уже не считаютъ, какъ прежде, несторіанами, но именуютъ почетнымъ именемъ старшихъ братьевъ (буюкъ-кардашъ), т. е. первородныхъ братій по вѣрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всехвальную мученицу Евфимію, яснымъ образомъ утвердившую соборное постановленіе, они ублажаютъ высокими похвалами (¹). Такъ какъ главное препятствіе, то есть предубѣжденіе армянъ противъ IV вселенскаго собора устранено, то для полнаго единенія обѣихъ церквей остается только, чтобы съ той и другой стороны оффиціальнымъ образомъ сообщены были взаимно догматическія воззрѣнія и затѣмъ, по исправленіи, какое окажется возможнымъ, антиканоническихъ обычаевъ, усвоенныхъ къ сожалѣнію армянами, вопреки постановленіямъ соборовъ въ Тарсѣ и Румъ-Кале, возстановлены были, какъ выраженіе духовнаго союза этихъ церквей, и внѣшнія отношенія ихъ, возобновленію коихъ доселѣ препятствовали разныя политическія

(¹) Судя по этому, положеніе братьевъ армянъ по отношенію къ нашей православной церкви совсѣмъ не то, что положенія другихъ церквей; мы, напр., считаемъ Римъ схизматическимъ потому, что онъ своевольно извратилъ догматы, преданія, таинства, соборы, іерархію, церковное устройство, и самую церковь (См. „Голосъ православія“. Часть I). Точно также и Римъ смотритъ на насъ, за то, что лжесоборъ флорентійскій мы торжественно отвергли церковными актами на трехъ соборахъ, изъ коихъ одинъ былъ созванъ въ 1439 г. въ храмѣ св. Софіи, по соглашенію четырехъ патріаршихъ престоловъ (см. Зерник., т. II, стр. 677); другой въ Іерусалимѣ въ 1443 г., гдѣ присутствовали три восточные патріарха (см. Церк. ист. Мелетія, т. III, стр. 299), а третій въ 1457 г., при константинопольскомъ патріархѣ Симеонѣ. Но армяне не отвергли единенія бывшаго въ Румъ-Кале и Тарсѣ какимъ либо новымъ соборнымъ актомъ, а по благодати Божіей, остаются вѣрными, по крайней мѣрѣ, самымъ существеннымъ пунктамъ вѣры, какіе были постановлены въ Румъ-Кале; равнымъ образомъ, они отвергаютъ постановленіе Нерсеса II, Моисея II, Авраама I, Комидаса, Іоанна VI и другихъ католикосовъ, вооружавшихся противъ IV вселенскаго собора, который теперь армяне признаютъ истинно вселенскимъ и богодух-

обстоятельства, непрерывно одни за другими слѣдовавшія.

Говоря о состояніи и перемѣнахъ, происходившихъ въ армянской церкви съ начала VI вѣка, т. е. съ 511 или 515 года, когда совершилось отдѣленіе ея, до конца XIII вѣка, считаемъ нужнымъ сказать здѣсь, къ чести армянскаго народа, нѣсколько словъ о такъ называемыхъ *Хайхорумъ*.—Мы видѣли выше, что, во время побѣдоноснаго возвращенія императора Ираклія изъ персидской войны, созванъ былъ въ Θеодосіополѣ соборъ, на которомъ католикосъ Эздра, съ подчиненными ему епископами, предавъ анаθемѣ дѣянія Нерсеса II, Моисея II и Авраама I въ Товинѣ, провозгласилъ богодухновенность IV вселенскаго собора, исключилъ изъ трисвятой пѣсни слова „распныйся за ны", ввелъ въ таинство Божественной евхаристіи раствореніе вина водою и, однимъ словомъ, принялъ всѣ священныя преданія православной церкви. Но, тогда какъ остальные

новеннымъ; и вообще они нисколько не разногласятъ въ сущности догматовъ съ нашею церковію, и насъ уже не отвращаются, по прежнему, какъ отъ еретиковъ и раскольниковъ, но лобызаютъ, какъ благочестивыхъ, православныхъ и старшихъ своихъ братьевъ. Слѣдовательно, армяне съ 1179 г., т. е. со времени собора, созваннаго въ Румъ-Калѣ и Тарсѣ, по отношенію къ православной церкви находятся не въ такомъ положеніи, въ какомъ другія религіозныя христіанскія общества, не въ положеній еретиковъ, т. е. или дѣйствительныхъ схизматиковъ, иначе сказать, противниковъ вѣры, но въ положеніи присныхъ по вѣрѣ друзей и братій. Поэтому-то армяне часто приходятъ въ наши храмы не изъ простаго любопытства, но внимательно слушая послѣдованія божественной службы, съ глубокимъ уваженіемъ лобызаютъ самые полы храмовъ, выстланные мраморомъ. Отъ православныхъ членовъ церкви они отличаются тѣмъ, что лишены внѣшнихъ церковныхъ сношеній, которыя открылись бы сами собою, еслибы послѣдовало оффиціальное взаимное общеніе обѣихъ церквей въ догматическомъ отношеніи, на основаніи каноническихъ постановленій. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что каθолическая церковь никогда не произносила соборной анаθемы на армянскую церковь.

армяне, послѣ многихъ и различныхъ религіозныхъ перемѣнъ, снова возвратились къ своимъ старымъ сирійскимъ нововведеніямъ и къ своему прежнему церковному одиночеству, вышеупомянутые *Хайхорумъ* или Греко-армяне, не смотря на то, что постоянно подвергались различнымъ искушеніямъ, всетаки пребывали, по благодати Божіей, вѣрными, твердо сохранили постановленія IV вселенскаго собора и со временъ его никогда и ни въ чемъ не уклонялись отъ духовнаго общенія и сношенія съ каѳолическою православною церковію. Эти вѣрные сыны церкви занимаютъ двѣнадцать селеній (изъ коихъ главное называется Энкинъ), и подчинены духовному управленію ѳеодосіопольскаго митрополита, подвѣдомаго престолу антіохійскаго патріарха; многіе изъ нихъ занимали и теперь занимаютъ высокія должности, въ оттоманской имперіи. Услуги, оказанныя нѣкоторыми изъ хайхорумовъ Христовой церкви и нашему благочестивому народу, въ ихъ трудныхъ обстоятельствахъ, всегда сохранятся въ исторіи греческаго народа. Для подтвержденія нашихъ словъ достаточно припомнить славное имя достопамятнаго С. Аристарха, извѣстнаго благочестіемъ и патріотизмомъ и своею мученическою кровію обагрившаго алтарь церкви и отечества. Таковы были братья греко-армяне!

Въ дополненіе къ сказанному въ этой главѣ необходимо прибавить нѣсколько словъ о такъ называемыхъ армянокатоликахъ. Римскому двору, при помощи успѣховъ крестоносцевъ на востокѣ, удалось, около половины тринадцатаго вѣка, склонить къ принятію своего вѣроисповѣданія нѣкоторыхъ армянъ, которые, со временемъ умножившись, составили самостоятельное религіозное общество, состоявшее, въ половинѣ прошлаго

столѣтія, изъ 130 тысячъ душъ, а нынѣ едва доходящее до восьмидесяти тысячъ ([1]). Эти армяно-католики издавна образовали изъ себя особое религіозное общество и, съ разрѣшенія Рима, пріобрѣли собственнаго духовнаго главу, носящаго титулъ патріарха, который сначала имѣлъ пребываніе въ городѣ Вагарзаватѣ, потомъ въ киликійскомъ городѣ Сисѣ и за тѣмъ въ ливанскомъ монастырѣ Взомаръ. Не смотря на сіе, общество это только въ 1832 г. было оффиціально признано высокою Портою, по ходатайству Франціи, и тогда только получило дозволеніе открыто отправлять свое богослуженіе. До той поры армяно-католики обязаны были, для совершенія крещенія, похоронъ и браковъ, приглашать священниковъ изъ григоріанскихъ армянъ; для слушанія литургіи они ходили въ римскіе храмы; собственныхъ же храмовъ не имѣли. Когда же, въ упомянутомъ году, они были признаны самостоятельнымъ религіознымъ обществомъ, то пріобрѣли и другаго духовнаго главу, совершенно независимаго отъ живущаго въ Ливанѣ ([2]); онъ имѣетъ свое пребываніе въ Кон-

---

([1]) Для распространенія папскаго иновѣрія между армянами было составлено общество или орденъ мехитаристовъ, такъ названное отъ своего основателя Мехтаря, умершаго въ 1740 г. Это общество имѣетъ свой центръ въ знаменитомъ монастырѣ св. Лазаря въ Венеціи, откуда посылались армянскіе миссіонеры къ своимъ одноплеменникамъ; но такъ какъ старанія этого общества въ обращеніи армянъ оказались тщетными, вслѣдствіе сильнаго противодѣйствія несогласныхъ съ ними григоріанъ и возникшихъ гоненій противъ армянокатоликовъ, то общество это исключительно стало заниматься наукою и развитіемъ національной литературы: издавало грамматики и словари армянскаго языка и историческіе очерки о своемъ отечествѣ, между которыми замѣчательны „Memoires historiques et géographiques sur l'Armenie"; перевело весьма много ученыхъ и богословскихъ сочиненій на армянскій языкъ и проч., чѣмъ достойно пріобрѣло себѣ большую извѣстность.

([2]) Извѣстно, что духовные предстоятели ливанскихъ армянoримлянъ,

стантинополѣ и названъ, въ данномъ ему императорскомъ фирманѣ, начальникомъ (милетваси) армянокатолическаго народа (католикъ милети), по обычаю восточныхъ правительствъ, которыя, по господствующему въ нихъ ѳеократическому характеру, дѣлятъ народы не иначе, какъ по ихъ вѣроисповѣданіямъ. Число армянокатоликовъ простирается до 80,000, какъ уже было сказано; а число григоріанскихъ армянъ 3,725,000, изъ которыхъ 2,325,000 живутъ въ Турціи, 1,000,000 въ Россіи и 400,000 въ Персіи. — Теперь перейдемъ къ другому предмету.

ГЛАВА IV.

О священнодѣйствіяхъ, установленіяхъ и обрядахъ армянской церкви.

Въ первой главѣ изданнаго нами сочиненія „Голосъ Православія", мы говорили, что всѣ ереси можно раздѣлить на три рода: на ереси, отрицающія православный догматъ о св. Троицѣ, каковы были ереси Савеллія и Арія; на ереси, искажающія догматъ о божественномъ воплощеніи, каковы ереси Евтихія и Діоскора, и на ереси, отвергающія догматъ о церкви, каковы ереси западныхъ церквей. Армянская церковь не погрѣшила ни въ одномъ изъ этихъ трехъ основныхъ догматовъ; она не погрѣшила въ первомъ, потому—что не только предаетъ анаѳемѣ Арія и Савеллія (изъ которыхъ первый самовольно раздѣлялъ единое божество на три неравныя и неподобныя существа, склоняясь къ язычест-

---

съ 1742 г., носятъ, какъ почетный титулъ, имя Петра (Петръ первый, второй и т. д.), дарованное имъ отъ папскихъ щедротъ Венедикта XIV.

ву; а вторый, въ противоположность ему, сливалъ три божественныя лица въ одно, уклоняясь въ іудейство, какъ выражается великій Богословъ Григорій), но отвергаетъ вмѣстѣ съ ними и папскій догматъ о двоякомъ исхожденіи Св. Духа, какъ противный ученію Господню и соборному. Церковь армянская не погрѣшила и во второмъ догматѣ: ибо въ сущности содержитъ одинаковое съ нами ученіе о божественномъ воплощеніи, и равно предаетъ анаѳемѣ, какъ заблужденія Несторія, такъ и противоположное ему заблужденіе Евтихія, потому что хотя церковь армянская издревле и отвергала халкидонскій соборъ, однакожъ отвергала его не потому, чтобы она уклонилась въ Евтихіанство, но потому, что по бѣдности своего языка будучи не въ состояніи понять догматическія выраженія этого собора, считала его единомысленнымъ съ ересью Несторія, какъ уже было подробно объ этомъ сказано. Не погрѣшила, наконецъ, армянская церковь и въ третьемъ догматѣ, подобно намъ, и она отвергаетъ два противоположныя ученія новѣйшихъ временъ, какъ одинаково извращающія понятіе о церкви, именно, ученіе о духовномъ главенствѣ Рима въ дѣлахъ вѣры и церковнаго управленія, и духовное безначаліе протестантизма. Кромѣ того, армянская церковь явно признаетъ (какъ и древнія ереси халдеевъ, абиссинянъ, коптовъ и прочихъ, которые съ давнихъ временъ отпали отъ каѳолической церкви) верховнымъ главою церкви не человѣка смертнаго, грѣшнаго, тлѣннаго, но самаго небеснаго Жениха ея, безгрѣшнаго, не имѣющаго преемника, и вѣчнаго архіерея, воплощеннаго Сына Божія и Бога. Не погрѣшимость въ дѣлахъ вѣры она никому другому не приписываетъ, а усвояетъ ее единственно всей полнотѣ церк-

ви, оживотворяемой священнымъ преданіемъ, которое есть ничто иное, какъ откровеніе Святаго Духа въ человѣчествѣ, Духа, говорю, истины, жизни и любви, исходящаго отъ Отца пребезначально и почивающаго предвѣчно въ Сынѣ [1]. И такъ, различіе армянской церкви отъ православно-каѳолической заключается не въ догматахъ ея, а касается нѣкоторыхъ другихъ спорныхъ вопросовъ, соглашеніе которыхъ и затѣмъ единеніе обѣихъ церквей представляется далеко не такъ труднымъ, какъ, можетъ быть, полагаютъ нѣкоторые. Для этого достаточно, чтобы при обсужденіи означенныхъ вопросовъ съ обѣихъ сторонъ соблюдалось полное безпристрастіе и нелицепріятіе, и господствовалъ бы духъ миролюбія и согласія, иными словами, любовь во Христѣ, которая есть верхъ евангельскаго совершенства. Приступая же къ раскрытію разностей между армянскою и православною каѳолическою церковію, считаемъ необходимымъ напомнить благочестивому читателю сказанное блаженнымъ Ѳеофилактомъ: „не за всякій обычай слѣдуетъ отлучать отъ церкви, но только за тотъ, который ведетъ къ различію въ догматѣ".

Въ какихъ же спорныхъ пунктахъ различаются братія армяне отъ насъ? Главные между ними слѣдующіе: 1) употребленіе ими опрѣсноковъ въ Божественной Евхаристіи; 2) не вливаніе теплоты въ св. Чашу; 3) употребленіе сесамскаго масла въ таинствѣ мvропомазанія; 4) измѣненіе словъ Трисвятой пѣсни „помилуй насъ" на слова „распныйся за ны" и 5) перенесеніе праздника Рождества Христова на 6 число января.

[1] Этотъ православный взглядъ на церковь мы подробнѣе разовьемъ во второй части сочиненія „Голосъ православія", которое, при помощи Божіей, скоро будетъ издано.

О первомъ.

Богочеловѣкъ, Спаситель нашъ совершилъ таинство Божественной Евхаристіи на тайной вечери тринадцатаго числа мѣсяца нисана, т. е. въ день прежде полнолунія, слѣдующаго за весеннимъ равноденствіемъ, и слѣдовательно совершилъ на квасномъ хлѣбѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ св. Евангелисты слѣдующими словами: „въ первый же день опрѣсночный приступиша ученицы къ Іисусу, глаголюще ему: гдѣ хощеши уготоваемъ ти ясти пасху“ (Матѳ. гл. XXVI); „въ первый день опрѣснокъ, егда пасху жряху“ (Марк. XIV) и: „пріиде же день опрѣсноковъ, въ оньже подобаше жрети пасху“ (Лук. XXII). Первое мѣсто означаетъ не первый день праздника, во время котораго кваснаго хлѣба не должно быть, но день предъ праздникомъ, т. е. тринадцатое число мѣсяца нисана, такъ какъ извѣстно, что праздникъ начинался вечеромъ четырнадцатаго числа. Второе свидѣтельство надобно понимать такимъ образомъ: „на канунѣ праздника опрѣсноковъ, въ который (праздникъ) іудеи имѣли обычай приносить въ жертву пасхальнаго агнца“. Третіе же мѣсто: „пріиде же день опрѣсноковъ...“ по свойству языка равносильно словамъ: „приближался, былъ при дверяхъ день опрѣсноковъ“ и проч.; подобнымъ образомъ и мы дня за два или болѣе до самаго наступленія праздниковъ, говоримъ напр. „пришла Пасха, пришла Троица“ и пр. Но то, что уничтожаетъ всякое недоумѣніе объ этомъ предметѣ, это слѣдующее параллельное мѣсто Евангелиста Іоанна: „прежде же праздника... вечери бывшей“ (гл. XIII). Впрочемъ и изъ другихъ Евангельскихъ рѣченій, если присовокупить ихъ къ вышесказаннымъ, ясно усматри-

вается, что Іисусъ совершилъ тайную вечерю прежде праздника, т. е. въ тринадцатое число нисана; такія мѣста суть слѣдующія: „вечеру же бывшу, возлежаше со обѣманадесяте:“ „омочивый со мною въ солило руку, той мя предастъ“ (Матѳ. тамъ же) и „возлежащимъ имъ и ядущимъ, рече Іисусъ... единъ отъ обоюнадесяте, омочивый со мною въ солило предастъ мя“ (Марк. тамъ же). Итакъ, если Іисусъ Христосъ совершалъ вечерю четырнадцатаго числа, то Онъ ни какъ не долженъ былъ садиться, возлечь и омокать хлѣбъ въ солило; потому что іудеи, по закону Моисееву, ѣли пасхальнаго агнца „печена огнемъ“ съ „горькимъ зеліемъ“, „стоя“ и „препоясанные“ (Исходъ гл. XII). Слѣдующее мѣсто также ясно свидѣтельствуетъ противъ употребляющихъ опрѣсноки армянъ и латинянъ. „Ведоша же Іисуса отъ Каіаѳы въ преторъ, бѣже утро: и тіи (іудеи) не внидоша въ преторъ, да не оскверняется, но да ядятъ пасху“ (Іоан. XVII). Значитъ въ тотъ самый день, въ который Іисуса повели въ преторію и въ который онъ былъ распятъ, въ этотъ самый день, то есть четырнадцатаго нисана, іудеи ѣли агнца и опрѣсноки (т. е. вечеромъ въ пятницу); и такъ тайная вечеря была совершена тринадцатаго числа и слѣдовательно на квасномъ хлѣбѣ. Впрочемъ, такъ какъ постановленія Моисеева закона были прообразами благодати, то въ день, который закалался пасхальный агнецъ для воспоминанія освобожденія іудеевъ отъ рабства Фараона, въ тотъ же самый и животворящая кровь „агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра“, прообразованнаго ветхозавѣтнымъ агнцемъ, должна была излиться на Голгоѳѣ въ искупленіе человѣческаго рода отъ рабства мысленнаго фараона. Кромѣ того, и самое сошествіе Святаго Духа на свя-

тыхъ апостоловъ въ день іудейской пятидесятницы (случившееся въ день Воскресный), доказываетъ, что законная Пасха, въ годъ распятія Спасителя падала на день пятницы; ибо, предположивъ, что она послѣдовала въ четвергъ (какъ утверждаютъ армяне и латиняне) т. е. когда Спаситель совершилъ тайную вечерю, то іудеи должны бы были праздновать пятидесятницу въ томъ году не въ день Воскресный, но въ Субботу.

Далѣе, совершеніе Спасителемъ нашимъ таинства Евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ доказывается также непрерывнымъ дѣйствіемъ каѳолической церкви, которая есть единственный непогрѣшительный судія въ такихъ вопросахъ. Изъ Церковной исторіи извѣстно, что Божественная Евхаристія во времена апостольскія была соединена съ такъ называемыми агапами ἀγάπαι) ([1]). Хлѣбъ для священнодѣйствія избирался изъ числа общихъ хлѣбовъ, приносимыхъ вѣрующими въ священныя собранія (на что указываетъ возгласъ священника: „Твоя отъ Твоихъ, Тебѣ приносяще" ([2]). Извѣстно, что евіо-

---

([1]) Это ясно изъ словъ апостола, которыми онъ не одобряетъ такого рода собранія въ первомъ христіанскомъ обществѣ Коринѳа, вслѣдствіе происходившихъ тамъ безпорядковъ (къ Коринѳ. I, гл. X, 16, Златоустъ, бесѣд. 27 на то же посланіе, слич. и 96 посланіе Плинія къ императору Траяну). Уже въ первомъ вѣкѣ эти агапы были отдѣлены отъ божественной евхаристіи, и когда послѣдовало это отдѣленіе, то агапы стали совершать въ притворахъ храмовъ при трехъ опредѣленныхъ случаяхъ: въ дни памяти мучениковъ, послѣ браковъ и похоронъ; почему и назывались онѣ пирами дней рожденія (памяти мучениковъ), брака и похоронъ. Затѣмъ, по причинѣ примѣшавшихся къ нимъ безпорядковъ, агапы были совершенно отмѣненны шестымъ вселенскимъ соборомъ (см. правило 74); остатками похоронныхъ пировъ того времени можно назвать совершающіяся нынѣ поминовенія въ память усопшаго и имѣющіе сходство съ похоронными обѣдами (περίδειπνα) нашихъ предковъ; обѣды эти также назывались агапами (ἀγάπαι), какъ располагающіе пирующихъ къ любви и единенію.

([2]) Но и послѣ отдѣленія Божественной евхаристіи отъ агапъ каждый

творенное водою. Поэтому и Господь нашъ Іисусъ Христосъ, какъ нѣкій Великій Глава семейства, возлежа посреди своихъ св. учениковъ и апостоловъ на той страшной и тайной вечери, взялъ чашу, которую Онъ назвалъ чашею новаго завѣта, въ отличіе отъ чаши ветхаго и, возблагодаривъ Бога и Отца, подалъ имъ, говоря: „сія чаша, новый завѣтъ моею кровію, яже за вы (т. е. за искупленіе рода человѣческаго отъ рабства мысленнаго Фараона) проливается“ (Лук. 22). Но эта пречистая кровь, пролитая „за животъ міра“, истекла изъ прободеннаго копіемъ ребра Господня, чудесно растворенная водою, по свидѣтельству возлюбленнаго Его ученика: „единъ отъ воинъ копіемъ ребра Ему прободе: и абіе изыде кровь и вода“. Изъ соотношенія чаши новаго завѣта, съ чашею ветхаго, въ которой употреблялось вино и вода, и изъ только-что приведенныхъ словъ евангелиста, можно съ основательностію заключить, что Господь нашъ въ священнодѣйствіи божественной евхаристіи приносилъ вино, растворенное водою. Для большаго удостовѣренія и въ предотвращеніе всякаго сомнѣнія со стороны братій армянъ, мы представимъ изъ древней литургія Климента, или Іакова Зеведеева и Василія Великаго, подлинныя слова, относящіяся къ настоящему предмету. Вотъ эти слова: „подобнѣ и чашу растворивъ отъ вина и воды, и освятивъ даде имъ (апостоламъ) рекъ...“ и, подобнѣ и чашу отъ плода лознаго пріемъ, растворивъ, благодаривъ, освятивъ, даде имъ“.

Что церковь съ древнихъ временъ, вѣрно слѣдуя повелѣнію Своего небеснаго Законоположника, приносила въ Божественной евхаристіи вино и воду, объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе изъ древнихъ отцевъ. Такъ, Іу-

свинъ, философъ и мученикъ, сіявшій въ 1 вѣкѣ, повѣствуя о священныхъ собраніяхъ вѣрующихъ, говоритъ: „діаконы даютъ каждому изъ присутствующихъ пріобщаться благословеннаго хлѣба и вина и воды“ (Апологія I и II, слич. Кипріана посланіе 63 и Амвросія о Таинствахъ, кн. V). Братія армяне оправдываютъ свой антиканоническій обычай словами Златоуста; но на это возраженіе отвѣчалъ еще VI вселенскій соборъ трульскій, который, подвергая эпитиміи отвергающихъ повелѣніе Господне, въ 32 правилѣ своемъ постановилъ слѣдущее: „До свѣдѣнія нашего дошло, что въ армянской странѣ совершающіе безкровную жертву приносятъ на св. трапезѣ едино вино, не растворяя онаго водою, и приводятъ въ свое оправданіе учителя церкви Іоанна Златоустаго, который, въ толкованіи на евангеліе отъ Матѳея, глаголетъ сіе: „чего ради не воду пилъ Воскресшій Господь, но вино? (для того, да съ корнемъ исторгнетъ иную нечестивую ересь). Такъ какъ суть нѣкіе, употребляющіе въ таинствѣ воду: того ради указуетъ, яко вино употребилъ и тогда, когда таинство преподавалъ, и по воскресеніи, когда предлагалъ простую трапезу безъ таинства и, указуя на сіе, глаголетъ: „отъ плода лознаго“, лоза же виноградное вино, а не воду производитъ“. Изъ сего выводятъ, якобы сей учитель отвергаетъ присоединеніе воды во святомъ жертвоприношеніи. Но, чтобы таковые не были одержимы невѣдѣніемъ, мы раскрываемъ православное разумѣніе сего отца. Понеже существовала древняя злая ересь идроспарастатовъ, то-есть водоприносителей, которые въ своемъ жертвоприношеніи, вмѣсто вина употребляли одну воду, то сей богоносный отецъ, опровергая беззаконное ученіе таковой ереси и показуя, что они идутъ

прямо противъ апостольскаго преданія, употребилъ вышеприведенныя слова и проч.“

Впрочемъ, хотя армянская церковь, очевидно, сдѣлала нововведеніе относительно вещества таинства Божественной евхаристіи, однако она нисколько не погрѣшила въ совершеніи и сообщеніи этого таинства, ибо она ни пресуществленіе честныхъ даровъ не относитъ ко времени произнесенія словъ Господнихъ („пріимите... и пійте отъ нея вси“), ни христіанъ не лишаетъ св. чаши. Она вѣруетъ, что пресуществленіе совершается въ моментъ призыванія Св. Духа, и вѣрующимъ раздаетъ освященный опрѣснокъ, напоенный кровію въ св. чашѣ. Слѣдовательно, въ сравненіи съ римскою церковію и въ этомъ отношеніи, армянская церковь стоитъ ближе къ православію, такъ какъ Римъ дерзновенно допустилъ нововведенія во всѣхъ трехъ пунктахъ: и въ веществѣ, и въ священнодѣйствіи и въ образѣ сообщенія таинства.

О третіемъ.

Сверхестественные дары духовнаго усыновленія подавались вѣрующимъ святыми апостолами, сначала чрезъ возложеніе рукъ, какъ мы читаемъ во многихъ мѣстахъ апостольскихъ дѣяній; но впослѣдствіи, вмѣсто возложенія рукъ, введено самими же апостолами помазаніе св. мѵромъ, какъ равносильное первому потому, что очищающійся отъ первородной нечистоты„ банею пакибытія“, т. е. божественнымъ крещеніемъ и обновляющійся во Христѣ человѣкъ, получаетъ дары Св. Духа, равно чрезъ оба дѣйствія. А что мы отъ апостольскаго преданія приняли св. мѵро, какъ равносильное возложенію

рукъ, о томъ свидѣтельствуютъ древніе отцы; каковы Діонисій Ареопагитъ (Церковная іерархія VII), Θеофилъ антіохійскій (къ Автолику), Кириллъ іерусалимскій (Огласительныя бесѣды XVIII), а также Лаодикійскій соборъ и другіе. Кромѣ того, объ этомъ свидѣтельствуютъ еще и древнѣйшія церковныя преданія, письменно сохранившіяся отъ Климента, епископа римскаго, подъ именемъ „Апостольскихъ постановленій". И послѣ того (заповѣдуютъ они) іерей, окрестивши его во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да помажетъ мѵромъ" (кн. VIII, гл. 44) (¹). Братія армяне, хотя также содержатъ правильное мнѣніе о дѣйствіи Божественнаго помазанія, признаютъ его однимъ изъ таинствъ и, подобно намъ, совершаютъ его надъ новопросвѣщенными тотчасъ послѣ крещенія, не отлагая „до времени разумѣнія", какъ это дѣлаютъ латиняне, словомъ, хотя они и правильно мыслятъ относильно вѣры въ таинство и способа сообщенія, но погрѣшаютъ касательно самаго вещества, употребляя вмѣсто (оливковаго) масло сесамское, вопреки каѳолическому преданію церкви. Слово елей (ἔλαιον), употребленное просто и неопредѣленно (какъ оно и встрѣчается въ писаніяхъ тѣхъ изъ св. отцевъ, которые упоминаютъ о божественномъ помазаніи) означаетъ, какъ это само собою ясно, масло изъ оливковаго дерева (ἐλαία), потому что, когда

(¹) Что святое Мѵро въ древней церкви приготовлялось изъ елея и разныхъ благоуханій, какъ и нынѣ у насъ совершается, это ясно видно изъ молитвы, находящейся въ упомянутыхъ „постановленіяхъ"; „Господи Боже, Господь всѣхъ, иже воню, разума евангелія всѣмъ народамъ благоуханную подавъ, даждь и нынѣ сему мѵру дѣйствующимъ быти на крещаемаго да неизмѣнно и твердо пребудетъ въ немъ благоуханіе Христа твоего" (VII, гл. 45) и „Благодаримъ тя, Боже, Творче всѣхъ и за благоуханіе мѵра (тамъ же, гл. 25).

мы хотимъ указать на сесамское масло или лавровое масло, мы такъ опредѣленно говоримъ: масло изъ сесама или изъ лавровой ягоды, иначе сесамское масло, лавровое масло и проч. Впрочемъ, долгъ справедливости требуетъ замѣтить, что этотъ обычай армянской церкви, хотя и антиканоническій, но существуетъ съ глубокой древности, именно, съ самаго введенія христіанства въ Арменіи, и происходитъ вслѣдствіе недостатка оливковыхъ деревъ въ странѣ гористой и холодной, особенно въ окрестностяхъ Ечміадзина, гдѣ образовалась первая христіанская церковь.

Вотъ въ чемъ заключаются различія братій армянъ, съ православно-каѳолическою церковію, относительно двухъ таинствъ: евхаристіи и муропомазанія; въ совершеніи же прочихъ таинствъ они нисколько не отступаютъ отъ насъ. Сравнивая въ этомъ отношеніи армянскую церковь съ нашею, мы находимъ, что она ближе подходитъ къ православію, чѣмъ римская, которая дерзновенно допустила нововведеніе во всѣхъ вообще таинствахъ, какъ это подробно изложенно въ первой части „Голоса Православія“ (стр. 108—152).

О четвертомъ.

Трисвятая пѣснь есть весьма древнее пѣснопѣніе. Есть преданіе, что она была сообщена чудеснымъ образомъ при константинопольскомъ патріархѣ, св. Проклѣ, ученикѣ и преемникѣ св. Златоуста. Еще Феликсъ, епископъ римскій, въ посланіи къ Петру Кнаѳею, обличая его за сдѣланное имъ противозаконное измѣненіе въ трисвятой пѣсни, говоритъ: „Если бы пѣснь была составлена по человѣческому преданію, то

и въ такомъ случаѣ, тебѣ слѣдовало бы съ большою осторожностію прибавлять къ трисвятой пѣсни слова о Страдавшемъ (т. е. распныйся за ны), такъ какъ въ ней уже есть воззваніе къ Сыну, выражаемое словомъ „крѣпкій". Но существующая трисвятая пѣснь передана намъ ангелами, которые и до страданія говорили „святъ, святъ, святъ", какъ удостоился это зрѣть и слышать Исаія; послѣ же страданія они воспѣвали „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный", когда во время бывшаго въ Константинополѣ землетрясенія, выбѣжавшій въ поле народъ, молился и одинъ отрокъ въ виду всего народа и епископа города Прокла, восхищенъ былъ на воздухъ въ продолженіе цѣлаго часа. Тамъ, научась пѣсни, опять опущенный на землю, отрокъ возвѣстилъ то, чему былъ наученъ на воздухѣ, и разсказалъ, что это пѣснопѣніе съ небесъ доносилось до ушей его, какъ бы воспѣваемое множествомъ голосовъ, и что ему сказано было передать это пѣснопѣніе народу; народъ, воспѣвая эту пѣснь, возвратился въ городъ и, тѣмъ умилостививъ Бога, избавился отъ належащаго гнѣва землетрясенія. Ты же безъ страха дерзнулъ, подобно тому, какъ поступилъ съ другими божественными писаніями, извратить и пѣснопѣніе ангеловъ" (Акт. Соб. Т. II., ст. 245). Подобнымъ образомъ и Квинтіанъ, епископъ аркуліанскій, въ посланіи къ тому же Кнафею, говоритъ: „должно слѣдовать откровенію святѣйшаго Прокла, епископа константинопольскаго, который со всѣмъ народомъ устремился въ поле, когда этотъ городъ былъ колеблемъ землетрясеніемъ; въ это время, при всеобщемъ плачѣ, одинъ отрокъ внезапно былъ восхищенъ на небо нѣкоею силою; тамъ ему заповѣдано было воспѣвать трисвятую пѣснь: „Свя-

тый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ" и возвѣстить объ этомъ епископу. Отрокъ, чрезъ три часа ставъ предъ епископомъ и, припавъ къ подножію престола его, разсказалъ все съ нимъ совершившееся, и по молитвѣ, землетрясеніе прекратилось. Такъ и ты помолись и престанетъ угрожающій тебѣ гнѣвъ (отлученія)„ (тамъ же). Тоже пишетъ къ Петру и константинопольскій патріархъ Акакій: „ты, говоритъ онъ, измѣнилъ херувимскую пѣснь, которая укрѣпила нашъ городъ, колеблемый нѣкогда сильнымъ землетрясеніемъ. Въ то время одинъ отрокъ, въ глазахъ всего города бывъ восхищенъ на воздухъ до третьяго неба, по выраженію боговдохновеннаго Павла, услышалъ тамъ это неизреченное пѣснопѣніе, когда толпы народа и св. Проклъ, бывшій отецъ нашъ и архіепископъ этого царствующаго и христолюбиваго города, вышедши на поле, со слезами восклицали къ Богу, „Господи помилуй" (тамъ же, стр. 250). Согласно съ этимъ, разсказываетъ объ откровеніи трисвятой пѣсни и Іустинъ, епископъ сицилійскій и другіе. Объ этомъ чудѣ пишетъ и достопамятный Константинъ Экономосъ въ сочиненіи о семидесяти толковникахъ, т. III, стр. 624 и 625).

Эту ангельскую пѣснь, какъ извѣстно, со времени святаго Прокла, церковь Христова постановила постоянно пѣть во время Божественной литургіи, благочестно восхваляя ею Единое Тріѵпостасное Божество. „Святый Боже" церковь относитъ къ Отцу, Который, по словамъ великаго богослова, Діонисія (¹), есть источ-

(¹) Точно также и епископъ арсиноскій Антеонъ пишетъ къ нечестивому Кнафею: „мы говоримъ „Святый Боже", ибо отецъ первый по порядку во всякомъ обычномъ славословіи, хотя и не по преимуществу божественнаго достоинства" (Акт. т. II. ст. 253).

никъ Божества; „Святый крѣпкій“ относитъ къ Сыну и Слову Божію и Богу, по предреченному боговдохновеннымъ пророкомъ Исаіемъ“: Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ... и нарицается имя Его великаго Совѣта Ангелъ, Богъ крѣпкій, Властитель, Начальникъ мира“, а слова: „Святый безсмертный“ относилъ къ Пресвятому и Животворящему Духу (1). Другія церковныя пѣснопѣнія воспѣвались въ древности попеременно, какъ теперь у насъ антифоны, хоромъ пѣвчихъ, раздѣленныхъ на двѣ половины, а трисвятая пѣснь воспѣвалась съ амвона, гдѣ сходились оба лика (2), какъ о томъ свидѣтельствуютъ священные акты, соборныя правила и церковные писатели, у коихъ говорится,

---

(1) Эти три божественныя именованія Пресвятой Троицы приводитъ слово въ слово боговдохновенный царь пророкъ: „возжаде душа моя къ Богу, крѣпкому, живому т. е. безсмертному (псалом. 41); если сюда присовокупить слова, встрѣчаемыя у пророка Исаіи: „Святъ, Святъ, Святъ“, то составится преданная по откровенію при св. Проклѣ, Трисвятая пѣснь.

(2) Амвонъ, иначе называемый „возвышеніе“, занималъ въ древности мѣсто предъ божественнымъ олтаремъ на солеѣ; съ него читали апостолъ, евангеліе, разныя чтенія (апостольскія постановленія кн. II, гл. 57), эктеніи и диптихи (о которыхъ упоминаетъ св. Златоустъ въ 96 посланіи къ папѣ Иннокентію). Отъ него получила свое наименованіе и заамвонная молитва, такъ какъ позади его становился священникъ, когда читалъ эту молитву. Солеей называлось пространство между иконостасомъ и рѣшетками, отдѣляющими священнослужителей отъ народа (См. посланіе св. Аѳанасія къ подвижникамъ). Солеѣ, въ нашихъ православныхъ храмахъ, можетъ соотвѣтствовать пространство, обнимаемое линіею, описываемою при маломъ выходѣ вокругъ архіерейскаго трона (гдѣ священнослужители, стоя полукругомъ, поютъ „Свѣте тихій“) и до иконостаса. На Солеѣ въ древности помѣщались: тронъ епископа, (апостольскія постановленія кн. II, гл. 57), обращенный къ востоку (поэтому и нынѣ, когда священнодѣйствуетъ архіерей, ставится сѣдалище въ срединѣ упомянутой линіи, въ знакъ того, что на этомъ мѣстѣ былъ прежде тронъ епископа) и съ обѣихъ сторонъ его находились сѣдалища для пресвитеровъ (отсюда и слово сопрестоліе), амвонъ, аналогій (о которомъ упоминаетъ уставъ св. Саввы, и Василій великій въ IX бесѣдѣ

„когда обѣ стороны попеременно пѣли антифоны [1], въ это время всѣ пѣвчіе сходились вкупѣ и пѣли трисвятую пѣснь“ (Акт. Собр. Т. II, стр. 305). „Кромѣ пѣвцевъ, состоящихъ въ клирѣ, на амвонъ входящихъ и по книгѣ поющихъ, не должно инымъ нѣкоторымъ пѣти въ церкви“ (Прав. 15 Лаодикійскаго Собора, слич. и Прав. 33 VI собора, см. Сократа Церк. Ист., кн. VIII). Эта трисвятая пѣснь, которая папою Феликсомъ назы-

---

на шестодневъ) и хоръ пѣвчихъ. Солея занимаетъ особенно видное мѣсто въ армянскихъ церквахъ.

(1) Этотъ весьма древній, приличный въ священнослуженіи и чисто греческій образъ пѣнія попеременнаго или антифоннаго употребляется въ нашей православной церкви и нынѣ; что онъ весьма древенъ, о томъ свидѣтельствуютъ божественные отцы: „пѣвецъ поетъ одинъ, за тѣмъ хотя всѣ подпѣваютъ ему, но голосъ слышится какъ бы изъ однихъ устъ“ (Златоустова бесѣда 36 на 1 посланіе къ коринѳянамъ); далѣе: „существующіе нынѣ обычаи во всѣхъ Божіихъ церквахъ соотвѣтственны и согласны одни съ другими. Ибо отъ нощи утренюетъ у насъ народъ... потомъ вовставши отъ молитвы, переходитъ къ псалмопѣнію, гдѣ по временамъ, раздѣлившись на двѣ половины, поетъ попеременно антифоны; за тѣмъ, допустивъ одного управлять пѣніемъ, всѣ прочіе подпѣваютъ и такимъ образомъ проводятъ ночь, занимаясь перемѣнно то молитвою, то разнообразнымъ псалмопѣніемъ“ и пр. И такъ какъ у насъ рѣчь идетъ о древнемъ и честномъ церковномъ псалмопѣніи, необходимо напомнить пѣвчимъ нашего времени о слѣдующемъ постановленіи VI вселенскаго собора: „желаемъ, чтобы приходящіе въ церковь для пѣнія не употребляли безчинныхъ воплей, не вынуждали изъ себя неестественнаго крика и не вводили ничего несообразнаго и несвойственнаго церкви, но съ великимъ вниманіемъ и умиленіемъ приносили бы псалмопѣнія Богу, назирающему сокровенное (прав. 75 и Златоустаго бесѣда на слова: „видѣхъ Господа, сѣдящаго на престолѣ“). Подобное пишетъ и достопамятный Мелетій Пигасъ: „какъ съ одной стороны благоговѣніе и согласіе звуковъ музыки благопотребны, поелику располагаютъ сердцѣ къ большему умиленію и восторгаютъ душу отъ тѣла—(ибо гармонія свойственна духу какъ по природѣ своей нѣчто среднее между вещественностію духа: такъ, съ другой стороны, нескромная музыка и излишне вдающаяся въ пріятность не доставляетъ настоящаго удовольствія, а разслабляетъ... По этому божественные отцы, отвергая органы и другія музыкальныя орудія, дозволяютъ употреблять въ церкви только пѣніе на голосахъ человѣческихъ, какъ свойственное природѣ и естественное.

вается херувимскою, буквально помѣщена въ Актахъ IV собора и усвояется не одному только Сыну и Слову, но всѣмъ тремъ Божественнымъ лицамъ. Въ актахъ говорится: „Восточные и съ ними бывшіе благоговѣйнѣйшіе епископы возгласили многая лѣта синклиту; многая лѣта царямъ; Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ“ (Акт. Соборн. Т. II, стр. 103) (1) и „Святъ, Святъ, Святъ, Троица побѣдила“ (тамъ же).

---

(1) Другія, также весьма древнія, какъ Трисвятое, пѣснопѣнія, употребляющіяся въ богослуженіи, однѣ на литургіи, а другія на вечерни, суть слѣдующія: а) такъ называемое великое славословіе, которое мы читаемъ въ „Постановленіяхъ апостольскихъ“ (кн. 7, гл. 48 и 49); б) псалмы 134 и 135, называемые полѵелейными, потому что въ нихъ много разъ повторяются слова: „яко въ вѣкъ милость (ἔλεος) его“; или же названіе „полѵелейныхъ“ усвоено имъ вслѣдствіе большаго количества елейныхъ лампадъ или паникадилъ (ἔλαιον), возжигаемыхъ во время пѣнія этихъ псалмовъ; в) антифоны или антифонное пѣніе, такъ называемое потому, что его поютъ оба лика попеременно, отвѣчая одинъ другому (первый такое пѣніе ввелъ Игнатій Богоносецъ). „Игнатій, говоритъ Сократъ, послѣ апостола Петра третій епископъ Антіохіи сирійской, обращавшійся и съ самими апостолами, имѣлъ видѣніе ангеловъ, прославляющихъ св. Троицу антифоннымъ пѣніемъ, и образъ слышаннаго имъ въ видѣніи пѣнія передалъ антіохійской церкви. Отсюда преданіе это распространилось по всѣмъ церквамъ“ (Церк. ист., кн. 6, гл. 8, стр. 715 слич. Васил. Велик. къ неокесарійскому клиру и Никифора Каллиста въ Церк. ист., III, 8); г) псаломъ 148 („Постановленія апостольскія“, кн. II, гл. 57); д) псаломъ 140 („Господи, воззвахъ“...), о которомъ также упоминаютъ „Постановленія апостольскія“ (кн. II, гл. 59) и св. Златоустъ, который пишетъ: „я думаю, что не безъ причины постановлено св. отцами читать этотъ псаломъ каждый вечеръ и не ради однихъ только словъ: „воздѣяніе руку моею жертва вечерняя“; е) „Слава Отцу“..., встрѣчаемое у Климента Александрійскаго, Василія Великаго (въ сочиненіи о св. Духѣ) и въ актахъ IV собора, въ которыхъ мы читаемъ слѣдующее: „Святую и единосущную Троицу славимъ... Отцу, Сыну и Святому Духу подобаетъ слава и нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“ (Акт. соборн., т. II, стр. 305); ж) „Свѣте тихій...“, о которомъ пишетъ Василій Великій (тамъ же): „Отцамъ нашимъ заблагоразсудилось, не молча, принимать благодать вечерняго свѣта, но благодарить, тотчасъ по появленіи онаго; хотя неизвѣстно,

Не одна только восточная церковь, но и западная возсылаетъ трисвятую пѣснь всей Пресвятой Троицѣ, а не относитъ ея къ одному только Сыну и Слову, какъ это дѣлаетъ церковь армянская (о чемъ будетъ сказано ниже) и какъ это видно изъ посланій къ Петру Кна-

---

кѣмъ изъ отцевъ составлены эти слова вечерняго благодаренія, но однакожъ народъ издревле воспѣваетъ эту пѣснь и никогда не почитали нечестивыми глаголющихъ: „поемъ Отца, Сына и Святаго Духа Бога"; з) „аллилуіа", что, по словамъ Іустина, означаетъ „хвалите въ пѣніи Сущаго" (см. и Арновія на псаломъ 84, Амвросія о Давидѣ и Откровеніе, гл. 19, ст. 5 и 6). Діонисій Ареопагитъ говоритъ, что „аллилуіа" воспѣвалось при освященіи мура и совершеніи помазанія (Церк. іерархія, гл. 4); и) „Единородный Сыне и Слове Божій". Св. Германъ говоритъ, что эта пѣснь составлена Іосифомъ и Никодимомъ, погребавшими Господа, а другіе приписываютъ ее императору Іустиніану; і) „Вѣрую..." нѣкоторые изъ грековъ говорятъ, что этотъ символъ читался разъ въ годъ въ великую пятницу (которую Лаодикійскій соборъ въ правилѣ 46 называетъ пятымъ днемъ), т. е. въ то время, когда епископъ оглашалъ приготовляющихся къ крещенію, но что Тимоѳей, патріархъ константинопольскій, постановилъ читать оный при всякомъ служеніи. Западные же, наоборотъ, приписываютъ это постановленіе папѣ Льву I; но изъ словъ Златоуста оказывается, что пѣніе „Символа" на Божественной литургіи было установлено въ церкви гораздо ранѣе; „символъ вѣры, говоритъ онъ, вовсюду поется и во всѣ вѣка будетъ пѣться" (въ бесѣдѣ о томъ, „что каждый самъ себѣ вредитъ"). Кромѣ св. Златоуста, свидѣтельствуютъ объ этомъ и „Акты соборовъ", въ которыхъ говорится о символѣ, какъ о существенной части литургіи, издревле внесенной въ нее, что видно изъ слѣдующаго: „послѣ продолжительнаго пѣнія антифоновъ обѣими сторонами по-перемѣнно и послѣ слѣдующаго за тѣмъ псалмопѣнія „Благословенъ Господь Богъ, яко посѣти", и проч., пѣвцы всходили на амвонъ и пѣли трисвятую пѣснь, и когда они пѣли, то весь народъ молчалъ и слушалъ трисвятое; по прочтеніи святаго Евангелія, когда Божественная литургія совершалась по обычному порядку, и по затвореніи дверей, читалось обыкновенно святое ученіе (т. е. Символъ вѣры); за тѣмъ вся толпа народа во время чтенія диптиховъ (помянниковъ) окружала алтарь и, какъ только произносились діакономъ имена святыхъ четырехъ соборовъ, всѣ громко восклицали: слава тебѣ Господи (Акты Соборныя т. II ст. 305 и 309). Такой же порядокъ Божественной литургіи мы находимъ, за исключеніемъ сказаннаго о св. Символѣ, и въ Постановленіяхъ Апостольскихъ (кн. II гл. 57 и 59). И такой же, только въ сокращенномъ видѣ, у Философа и

фею Феликса, римскаго епископа и выше упомянутыхъ западныхъ епископовъ, Квинтіана аркуліанскаго и Іустина сицилійскаго (Акт. Соб., т. II, стр. 244 и 248—250 (¹).

Первый, измѣнившій эту ангельскую пѣснь, былъ,

мученика Іустина, въ первой его апологіи. Вотъ вкратцѣ все, что можно было сказать о древнѣйшихъ и главныхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, къ которымъ въ послѣдніе времена прибавлены многія другія въ похвалу Пресвятой Троицы, Воплотившагося Бога Слова, Богородицы и святыхъ. Болѣе замѣчательные изъ церковныхъ пѣснописцевъ были: священномученикъ Аѳиногенъ (которому приписывается составленіе вечерней пѣсни т. е. „Свѣте тихій"), Викторинъ, Лактанцій, Григорій Назіанзинъ, Амвросій (коему приписывается „Te Deum"), Седулій, Анатолій, Іоаннъ Дамаскинъ, Козьма, Іосифъ и другіе. Еще нужно замѣтить, что, подражая православнымъ, и еретики составляли пѣсни особенно догматическія въ пользу своего мнѣнія, по свидѣтельству Сократа. „Послѣдователи аріанства имѣли свои собранія внѣ города. Но когда наступали еженедѣльные праздники т. е. Суббота и Воскресеніе, въ которые обыкновенно народъ собирался въ церкви, они сходились внутри города, въ крытыхъ ходахъ, и пѣли антифонныя пѣсни, составленныя въ аріанскомъ духѣ, продолжая это за полночь. На утро, съ пѣніемъ такихъ антифоновъ они шли по городу до самыхъ воротъ его и затѣмъ отправлялись въ мѣста обыкновенныхъ своихъ собраній. Такъ какъ этими пѣснопѣніями еретики приводили въ смущеніе исповѣдниковъ „единосущія" (ибо аріане часто воспѣвали: „гдѣ глаголющіе, что три составляютъ одну силу?), то Іоаннъ Златоустъ, ревнуя о благочиніи, дабы кто изъ міранъ не отпалъ отъ церкви увлекаясь такими пѣснями, противопоставилъ еретикамъ пѣсни своей паствы, съ цѣлію, что бы, упражняясь въ ночныхъ пѣснопѣніяхъ, вѣрующіе затмили въ этомъ усердіе еретиковъ, а своихъ собратій болѣе и болѣе утверждали въ вѣрѣ. Эта благая цѣль Іоанна была выполнена не безъ смятенія и опасности; такъ какъ пѣсни исповѣдниковъ единосущія оказались превосходнѣе еретическихъ и кромѣ того Златоустъ придумалъ для молитвословія въ ночныхъ собраніяхъ серебряные кресты съ горящими на нихъ восковыми свѣчами (на устройство которыхъ сдѣлала пожертвованіе царица Евдокія), то послѣдователи аріанства изъ зависти къ православнымъ, что бы препятствовать ихъ молитвеннымъ собраніямъ, толпами начали дѣлать на нихъ нападенія" и проч. (Сократа Церк. Ист. кн. 6, гл. 8).

(¹) Извѣстно, что западная церковь поетъ Трисвятую пѣснь *по гречески* разъ въ годъ, именно, въ великую субботу (см. Экономоса сочиненіе о семидесяти толковникахъ т. III ст. 625).

какъ мы видѣли, Петръ Кнафей, занимавшій, по попущенію Божію, престолъ патріарха антіохійскаго. Созвавъ, въ 478 г., незаконное собраніе въ Антіохіи, онъ, какъ Ѳеопасхитъ, перемѣнилъ нечестиво слова „помилуй насъ“, на „распныйся за ны“, дабы приписать страсть безстрастному Божеству Слова; ибо онъ училъ, что „одно лице Святой Троицы (конечно, внѣ плоти) претерпѣло за насъ страданіе въ существѣ Божескомъ, согласно съ ученіемъ Арія, Аполлинарія и Евномія“, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Феликсъ, папа римскій, въ посланіи къ императору Зенону (Акт. Соб. т. II, стр. 247). Поэтому, опровергая такое нечестивое и еретическое измѣненіе трисвятой пѣсни, епископъ арсинойскій Антеонъ, говоритъ Петру: „мы не учимъ, какъ ты, что Божество подлежитъ страданію, и что было распято Слово обнаженное плоти; но по нашему, страдалъ и былъ распятъ Христосъ Іисусъ, а въ трисвятой пѣсни, гдѣ указаніе на плоть, чтобы напоминаніе о Крестѣ могло имѣть мѣсто?“ (тамъ же, 251), еще: „мы должны признавать и то и другое во Христѣ, (взываетъ къ Петру епископъ аполлоніадскій Фавстъ), въ единствѣ которыхъ не допускай раздѣленія, не отдѣляй Бога отъ плоти“ и проч. Къ какимъ еретическимъ мыслямъ можетъ приводить это измѣненіе трисвятой пѣсни, можно видѣть изъ актовъ (тамъ же, ст. 244—254), гдѣ отвергающіе ее, восточные и западные отцы, именуютъ Петра, дерзнувшаго сдѣлать эту перемѣну, аріаниномъ, аполлинаристомъ, евноміаниномъ, несторіаниномъ и манихеемъ.

Но послѣдователи этого отверженника, равно какъ и нечестивца Севира Акефалита, сирійскіе епископы миксофизиты, презрѣвъ благочестивыя увѣщанія упомяну-

тыхъ святителей, не только остались упорными въ своемъ заблужденіи, но всѣми силами старались распространять его между другими христолюбивыми народами. Армянскій католикосъ Нерсесъ II (о которомъ было сказано въ началѣ III главы), обольщенный ихъ хитрыми сплетеніями, созвалъ, въ 515 г., незаконное собраніе въ Товинѣ, на которомъ отвергъ IV вселенскій соборъ, якобы впавшій въ ересь Несторія и проповѣдывавшій двѣ ѵпостаси во Христѣ (1), и принялъ вмѣ-

(1) Вотъ что, напр., писалъ богопротивникъ Севиръ противъ богодухновенныхъ постановленій IV вселенскаго собора: „Халкидонскій соборъ, опредѣляя вѣру, внесъ прибавку и нововведеніе; онъ раздѣлилъ на два воплотившагося и вочеловѣчившагося насъ ради Бога-Слова, Господа Іисуса Христа, Спасителя нашего рода, и Искупителя, опредѣливъ признавать Его въ двухъ естествахъ (!), и проч. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если армяне, съ одной стороны слыша даже изъ устъ патріарховъ (каковы были упомянутый Акееалъ, Петръ Кнаеей и Тимоеей Елуръ) такія хулы, произносимыя противъ IV вселенскаго собора, на которомъ самимъ имъ, по несчастію, не удалось присутствовать, вслѣдствіе политическихъ переворотовъ въ ихъ отечествѣ, и съ другой, по бѣдности своего языка, будучи не въ состояніи понимать различіе понятій, соединяемыхъ съ словами „естество“ и „ѵпостась“, говорю, нѣтъ ничего удивительнаго, если послѣ всего этого армяне, умаемшись, отвергли IV соборъ, какъ уклонившійся въ несторіанство. Поэтому благочестивый народъ константинопольскій, первый, справедливо осудивъ нечестиваго Севира, какъ причинившаго великій вредъ Христовой церкви и вооружившаго цѣлые народы противъ IV вселенскаго собора, вопіялъ къ константинопольскому патріарху Іоанну, прозванному Постникомъ, и къ императору Іустину: „Изверги Севира Манихея, не медля утверди халкидонскій соборъ; кто не предаетъ анаеемѣ Севира, тотъ самъ Манихей... Вѣра состоитъ не въ простомъ созерцаніи, но въ дѣйствіи; братія христіане должны составлять одну душу; Іустинъ Августъ *tu vincas*; если любишь вѣру, то предай анаеемѣ Севира... изверги Севира, злоумышляющаго противъ Святой Троицы... Пресвятая Дѣва Марія воистинну Богородица... нужно выкопать кости несторіанъ, нужно выкопать кости евтихіанъ... четыре собора да сохранятся въ диптихахъ; давай и тотчасъ диптихи; диптихи на амвонъ... Севира, новаго Іуду, изгони вонъ...· такъ распорядись (т. е. соборъ внеси въ диптихи), такъ распорядись, такъ распорядись“ (Акты соб., т. II, стр. 304 и 305). Такъ какъ теперь рѣчь идетъ о клеветахъ, ко-

стѣ съ другими сирійскими нововведеніями нечестивое измѣненіе въ трисвятой пѣсни.

Правда, что армянская церковь, относя трисвятую пѣснь къ одному только Сыну и Слову, далеко не соединяетъ съ этимъ нечестиваго ученія Петра Кнаѳея. Но такъ какъ означенное измѣненіе въ трисвятой пѣсни сдѣлано, какъ мы видѣли, этимъ еретикомъ для утвержденія своего ѳеопасхитскаго нечестія, то армянской церкви, для уничтоженія соблазна, необходимо возстановить ангельскую пѣснь въ первоначальномъ ея видѣ, относя ее ко всѣмъ лицамъ Св. Троицы, какъ это дѣлаетъ вся каѳолическая церковь.

Что армяне съ прибавкою въ трисвятой пѣсни соединяютъ другой смыслъ, чѣмъ ѳеопасхиты, и допускаютъ ее совершенно по другимъ основаніямъ, это видно изъ тѣхъ соображеній, какія въ оправданіе этой при-

торыя богоненавистникъ Севиръ и единомышленные ему миксоѳизиты возводили на IV вселенскій соборъ, что будто бы онъ раздѣлилъ единаго Господа на двѣ ѵпостаси, опредѣливъ въ своемъ догматическомъ постановленіи „познавать" Его въ двухъ естествахъ, и такъ какъ армяне, увлекшись этими клеветами вмѣстѣ съ другими христіанскими народами, какъ выше было сказано, въ древности отвергли божественныхъ отцевъ, засѣдавшихъ на IV соборѣ, то, въ обличеніе клеветавшихъ на соборъ еретиковъ и въ подтвержденіе его боговдохновенности, мы напомнимъ братіямъ армянамъ о явленномъ всехвальною мученицею Евѳиміею чудѣ, которымъ она запечатлѣла боговдохновенность постановленій этого собора. Мы имѣемъ также и другаго достовѣрнаго объ этомъ свидѣтеля, котораго и они, подобно намъ, почитаютъ, именно, св. Софронія, патріарха іерусалимскаго. Къ монофелиту Сергію, патріарху константинопольскому, Софроній писалъ: „Послѣ первыхъ трехъ (т. е. соборовъ) былъ созванъ, отъ нихъ различествующій только по времени, четвертый богомудрый соборъ изъ 630 всехвальныхъ отцевъ, собравшійся волею Божіею въ Халкидонѣ, имѣвшій участницею и поборницею своихъ постановленій о вѣрѣ мученицу Евфимію, непрестанно бодрствующую надъ симъ знаменитымъ и великимъ собраніемъ" (Акт. соб., т. II, стр. 257). Сравни сказанное объ этомъ чудѣ во II главѣ настоящаго разсужденія.

бавки приводитъ приснопамятный католикосъ Нерсесъ III. При помощи этихъ соображеній и глубокомысленныхъ отвѣтовъ на нихъ Ѳеоріана, по нашему мнѣнію, настоящій вопросъ можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно (слѣдуетъ часть изъ вышеизложеннаго разговора).

Ѳеоріанъ. „Что же о прибавкѣ къ трисвятой пѣсни? Нужно ли говорить объ измѣненіи въ ней и доказывать, что, внесенная Кнафеемъ, прибавка отвергнута церковію, какъ сдѣланная вопреки ея волѣ?“

Нерсесъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ о Трисвятомъ,—и вотъ почему. Я встрѣчалъ у великихъ учителей церкви выраженія, которыя, какъ мнѣ кажется, относятъ трисвятую пѣснь къ одному Сыну, часто я задумывался надъ этими выраженіями и оставался въ большомъ недоумѣніи относительно ихъ. Мнѣ кажется, что именно этими выраженіями водились тѣ, кто сдѣлалъ прибавку; и этимъ самымъ они научаютъ насъ, что, когда мы трисвятую пѣснь относимъ къ Св. Троицѣ, тогда не слѣдуетъ дѣлать никакой прибавки, когда же воспѣваемъ ее одному Сыну, то можно дѣлать и прибавку, сообразуясь съ обстоятельствами таинства воплощенія, внося въ трисвятую пѣснь иногда слова: „распныйся за ны“, иногда „вознесыйся“, а иногда „воскресый“.

Ѳеоріанъ. Въ такомъ случаѣ, вы Трисвятымъ именуете Сына, когда воспѣваете эту пѣснь съ прибавленіемъ.

Нерсесъ. Да, Трисвятымъ. Ничего худого не сдѣлали бы мы, если бы даже называли Его не только Трисвятымъ, но и несчетно разъ святымъ, подобно тому, какъ св. Аѳанасій въ словѣ о воплощеніи и о Троицѣ гово-

рилъ: „не только трисвятъ, но безпредѣльно, неисчислимо и безконечно святъ“.

Өеоріанъ. Когда же, по вашему, слѣдуетъ относить эту пѣснь только къ одному Сыну, когда ко всей Троицѣ, когда къ одному Отцу или Св. Духу, и когда нѣтъ?“.

Нерсесъ. Этому мы научились у св. отцевъ. Такъ св. Аѳанасій, въ вышеупомянутомъ словѣ о воплощеніи и Св. Троицѣ, говоритъ: “Видѣхомъ Его, и не имѣяше вида, ни доброты“; передъ тѣмъ пророкъ видѣлъ Его въ славномъ и божественномъ образѣ сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, когда серафимы славословили Его, глаголя; Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ“; а послѣ того видитъ Его пріявшимъ зракъ раба и въ подобіи человѣческомъ бывша. Видишь, когда къ одному Сыну относитъ эту божественную пѣснь св. отецъ,—„когда, говоритъ, серафимы славословили (у пророка Исаіи) Его, говоря: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ; и затѣмъ видѣлъ Его пріявшимъ зракъ раба и бывшимъ въ подобіи человѣческомъ? Подобнымъ образомъ и святый Епифаній, въ Словѣ Пресвятой Богородицѣ, говоритъ: „блаженная въ женахъ, родившая воплощенное изъ Тебя Слово, Слово—Сына Отца, Слово—Предвѣчнаго Бога, Слово безначальное и присносущное, Слово единосущное нераздѣльнѣй Троицѣ, Слово спокланяемое Отцу и Духу, Слово сопрестольное Отцу, Слово, сидящее на херувимахъ, Которое славословятъ четыреликія животныя, говоря: Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Его“. Видишь, вотъ и этотъ св. отецъ, какъ мнѣ кажется, воспѣваетъ эту пѣснь одному, когда говоритъ: (Слово) Которое славословятъ четвероликія животныя, говоря: Святъ, Святъ,

Свять Господь Саваоѳъ, и проч.“ И святой Златоустъ въ словѣ о „Благословенномъ“, которое начинается: „чудо изъ чудесъ“, говоритъ слѣдующее: „днесь Царь славы пророчески на землѣ славится и земнородныхъ показуетъ общниками небеснаго торжества, да явно будетъ, что Онъ Господь неба и земли, согласно воспѣваемый тамъ и здѣсь. Поэтому, небесные провозглашая спасеніе на землѣ, воспѣвали: „Свять, свять, свять Господь Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы Его; земнородные же, сорадуясь небесному торжеству, восклицали: „Осанна Сыну Давидову“. Видишь, всѣ три свѣтильника церкви, какъ мнѣ кажется, относятъ трисвятую пѣснь къ одному Сыну“.

Ѳеоріанъ. Ты справедливо говоришь: „кажется“, что они относятъ эту пѣснь къ одному Сыну; ибо на самомъ дѣлѣ они относятъ ее не къ одному Сыну, а это только кажется нѣкоторымъ, именно тѣмъ, кто не способенъ проникать въ глубину смысла этихъ святыхъ отцевъ. „Когда серафимы славословили Его, говоритъ великій Аѳанасій; но онъ не сказалъ: славословили одного Сына, безъ Отца и Св. Духа. Ибо если они славословили всю Троицу, то само собою разумѣется, что они славословили и Сына. Значитъ; св. отецъ сказалъ вѣрно: „когда серафимы славословили Его“. Въ такомъ же смыслѣ понимай и св. Епифанія, св. Златоуста и др. изъ отцевъ церкви, у которыхъ ты встрѣтишь подобное выраженіе. Для большей наглядности, я приведу тебѣ примѣръ такого рода. Представь себѣ, что у какой-нибудь женщины была дочь уже невѣста, красотою и цѣломудренностію превосходившая всѣхъ своихъ сверстницъ. Царь увидавъ эту дѣвицу, украшенную всѣми женскими достоинствами и прелестями, женясь на ней,

по обычаю возложить на нее царскую корону. Въ то время, когда весь городъ началъ приносить поздравленія царственной четѣ, нѣкто сказалъ матери молодой царицы: поди и послушай, какъ весь городъ поздравляетъ твою дочь". Тутъ католикосъ, не давъ окончить (прибавляетъ Ѳеоріанъ), сказалъ: знаю, что ты хочешь сказать, что славословящіе Сына, вмѣстѣ съ тѣмъ, славословятъ Отца и Св. Духа; поэтому, будетъ ли кто это славословіе воспѣвать всѣмъ имъ вкупѣ, или отдѣльно, не погрѣшитъ, если при этомъ не сдѣлаетъ прибавленія въ честь одного,

Ѳеоріанъ. „Ты понялъ меня, св. владыко; послѣ этого нѣтъ нужды въ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ. Итакъ, не одному Сыну воспѣвали трисвятую пѣснь серафимы, а всей Троицѣ; слѣдовательно, не должно прибавлять въ ней: „распныйся за ны", или дѣлать какую другую прибавку. А что не къ одному Сыну относитъ трисвятую пѣснь великій Епифаній, можно ясно доказать изъ приведенныхъ выше его выраженій. Говоря: „Слово сопрестольное Отцу, Слово сѣдящее на херувимахъ, святой отецъ этимъ не означаетъ того, что одинъ Сынъ возсѣдаетъ на херувимахъ, безъ Отца и Св. Духа; ибо предъ тѣмъ онъ назвалъ Слово сопрестольнымъ Отцу. Точно также слѣдуетъ думать и о славословіи: *общее* (т. е. всей Св. Троицѣ) *сидѣніе, общее и славословіе*. Съ нашимъ образомъ пониманія вполнѣ согласно и то, что пишетъ евангелистъ Лука въ концѣ книги дѣяній. Тамъ говорится: „рекшу Павлу глаголъ единъ: Яко добрѣ Духъ Св. глагола Исаіемъ пророкомъ ко отцамъ нашимъ глаголя: иди къ людемъ симъ и рцы: слухомъ услышите, и не имате разумѣти: и видяще узрите, и не имате видѣти". Итакъ, скажемъ ли, что одинъ Духъ

Святый сидитъ на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, на томъ лишь основаніи, что онъ повелѣлъ пророку идти къ народу сему и проч., и что св. апостолъ Павелъ говоритъ объ одномъ Святомъ Духѣ, — или же Отецъ и Сынъ сидятъ вмѣстѣ съ Нимъ?

Нерсесъ. Вопросъ рѣшается самъ собою, и разсуждать о немъ больше нѣтъ нужды.

Мы изложили съ надлежащею, какъ кажется, подробностію и тщательностію все, относящееся до Трисвятой пѣсни, именно, мы показали, откуда и когда Христова церковь приняла ее, кто первый измѣнилъ ее и съ какою цѣлію, что сдѣлала восточная и западная цёрковь противъ исказившаго эту пѣснь, на основаніи какихъ доводовъ армянская церковь старалась удерживать эту прибавку и что противопоставляла этимъ доводамъ православная восточная церковь въ лицѣ Ѳеоріана. Послѣ этого надѣемся, что братія армяне, разсмотрѣвъ безпристрастно все сказанное нами, безъ сомнѣнія признаютъ необходимость исправить сдѣланное въ Трисвятой пѣсни измѣненіе, и тѣмъ уничтожить происходящій отъ него въ церкви соблазнъ, который явно противенъ Христовой любви, и какъ чада послушанія, послѣдуютъ тому апостольскому увѣщанію, которое говоритъ: „молю же вы, братіе, да тожде глаголете вси, и да не будутъ въ васъ распри“.

О пятомъ.

Святые апостолы ясно заповѣдуютъ совершать праздники Рождества Христова и Богоявленія отдѣльно: первый 25 декабря, а вторый 6 января. „Праздникъ Рождества, говорятъ они, да празднуютъ (вѣрующіе), ибо

въ то время родилось Слово Божіе, Іисусъ Христосъ, отъ Маріи Дѣвы для спасенія міра; и праздникъ Богоявленія да празднуютъ, потому что въ оный совершилось явленіе Божества Христова, ибо Отецъ свидѣтельствовалъ о Немъ въ крещеніи, а Утѣшитель въ видѣ голубя указалъ присутствовавшимъ на свидѣтельствуемаго (кн. 8 гл. 33)"; и (еще точнѣе): „Дни праздниковъ храните, братія, и первый изъ всѣхъ день Рождества, который да празднуется въ двадцать пятое число девятаго мѣсяца (т. е. декабря) (¹); за тѣмъ пусть будетъ у васъ въ высшей чести день Богоявленія, въ который Господь явилъ намъ свое Божество; и день сей пусть празднуется въ шестое число десятаго мѣсяца (тамъ же V, 12)".

Хотя этотъ древнѣйшій сборникъ постановленій апостольскихъ и заповѣдуетъ сіе касательно Рождества Христова, но нѣкоторыя изъ восточныхъ церквей, не извѣстно на какомъ основаніи, не совершали праздника въ этотъ день, что ясно видно изъ слова на день св. Филогонія, сказаннаго, въ 316 году, Златоустомъ въ Антіохіи; въ этомъ словѣ св. отецъ прямо говоритъ, что этотъ праздникъ лишь только за десять лѣтъ предъ тѣмъ введенъ въ антіохійской церкви.—По поводу этого нѣкоторые ученые ошибочно начали утверждать, что восточная церковь вообще не соблюдала этого праздника до четвертаго столѣтія, и что она приняла его отъ западной церкви.—Другія же изъ восточныхъ церквей праздновали Рождество Спасителя, но различно: однѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, другія въ маѣ, или августѣ, иныя

(¹) Декабрь въ ряду мѣсяцевъ есть девятый, по счету отъ марта, не включая послѣдняго.

въ сентябрѣ, а нѣкоторыя, наконецъ, въ октябрѣ. Церкви же, іерусалимская, палестинская, александрійская, египетская и сирійская праздновали Рождество Христово и Богоявленіе въ одинъ день т. е. 6 января ([1]); но впослѣдствіи такое различіе въ празднованіи мало по малу—было устранено; и въ VI столѣтіи восточныя и западныя церкви твердо и единодушно приняли праздновать Рождество Христово въ 25 день декабря. Но армянская церковь, нѣкоторое время слѣдовавшая общему правилу относительно этого праздника, впослѣдствіи уклонилась отъ него и, по наущенію отпавшихъ отъ каѳолической церкви сирійскихъ монофизитовъ, перенесла его съ 25 декабря на шестое января ([2]). Итакъ,

([1]) Праздникъ Богоявленія только около половины четвертаго вѣка введенъ въ римской церкви.

([2]) Кромѣ этихъ пречестныхъ праздниковъ, нѣкоторые другіе были преданы вѣрующимъ отъ апостоловъ, каковы праздникъ Пасхи, Вознесенія, Пятидесятницы, день первомученика Стефана и святыхъ мучениковъ (Апостольскія Постановленія кн. 8 гл. 33 слич. и кн. 5 гл. 7 и 18). Днямъ этихъ праздниковъ, въ которые обыкновенно бывали многочисленныя собранія народа, Отцы церкви старались придавать особенную торжественность своими поученіями; такъ напр. Григорій Назіанзинъ, Аѳанасій Великій, Златоустъ и Проклъ составили бесѣды на святую Пасху; Епифаній, Аѳанасій и Златоустъ—на вознесеніе и пятидесятницу; Григорій Назіанзинъ, Амвросій и Златоустъ — на Рождество; Григорій Назіанзинъ, Златоустъ и Проклъ — на Богоявленіе; Григорій Назіанзинъ, Ипполитъ, Златоустъ и Проклъ—на Преображеніе; Златоустъ, Проклъ и Аѳанасій—на недѣлю Ваій; Кириллъ Александрійскій, Златоустъ и Проклъ на великій вторникъ и великій пятокъ; Златоустъ и Проклъ на великую субботу. Эти же самые божественные отцы, слѣдуя апостольской заповѣди: „о мученикахъ заповѣдуемъ вамъ, что бы они были у васъ въ большой чести (Постановленія Апостольскія кн. 5, гл. 10)“, составили бесѣды въ похвалу святыхъ мучениковъ; какъ напр. Василій Великій на день сорока мучениковъ и день мученика Варлаама (Церковь Христова приняла отъ апостольскаго преданія чтить и чествовать мучениковъ, равно и другихъ святыхъ ежегодными празднованіями и призывать ихъ какъ ходатаевъ предъ Богомъ въ силу таинственнаго и непрерывнаго общенія съ торжествующею церковію на небесахъ. Это

необходимо, чтобы армянская церковь исправила этотъ неумѣстный обычай, какъ противный Евангельскому закону любви, и служащій причиною соблазна и раздѣленія ([1]). И какъ ему не быть противнымъ христіанской заповѣди о любви, когда всѣ и повсюду православные христіане радуются празднику Рождества и разрѣшаютъ постъ, армяне же работаютъ въ этотъ всеспасительный день, предаются унынію и постятся во всѣ тѣ двѣнадцать дней. Между тѣмъ божественный апостолъ заповѣдуетъ вѣрующимъ „радоватися съ радующимися и плакать съ плачущими“.

Вотъ различія, которыя обыкновенно считаются главнѣйшими, между армянскою и православно-каѳолическою церквами; но кромѣ ихъ есть и нѣкоторыя другія, по нашему мнѣнію, не менѣе существенныя, каковы: рукоположеніе многихъ священниковъ и діаконовъ на одной литургіи, не расторженіе брака даже въ случаѣ прелюбодѣянія вопреки изрѣченію Господа ([2]) (и все это ос-

---

видно изъ сохранившагося у Евсевія посланія смирнской церкви церквамъ Понта, въ которомъ повѣствуется о священномученикѣ Поликарпѣ, ученикѣ Евангелиста Іоанна. Пусть со вниманіемъ прочтутъ его послѣдователи реформатскаго ученія, которые, отвергая призываніе святыхъ, утверждаютъ, что они очистили церковь, по ихъ мнѣнію, отъ суевѣрій и якобы возстановили ее въ первобытное ея апостольское благолѣпіе). Изъ праздниковъ въ честь Богоматери древнѣйшій есть праздникъ Срѣтенія Господня, установленный церковію при императорѣ Іустинѣ, послѣ того были учреждены праздники Благовѣщенія, Успенія, Рождества Богородицы и Введенія во храмъ; на день Успѣнія Германъ патріархъ константинопольскій и Левъ Мудрый составили похвальное слово, а на день Рождества—Іоаннъ Дамаскинъ, Фотій и Левъ; на день же Введенія, Тарасій и Ѳеофилактъ и проч.

([1]) Должно замѣтить, что въ тотъ же день, т. е. шестаго января, армяне празднуютъ и поклоненіе волхвовъ, первый между которыми, говорятъ они, былъ армянскій князь, по имени Каспоръ.

([2]) „И приступиша къ нему (Господу) фарисее, искушающе его, и глаголаша ему: аще достоитъ человѣку пустити жену свою по всякой

татки долговременныхъ связей армянъ съ владѣвшими на Востокѣ во время крестовыхъ походовъ латинянами, равно какъ и епископское кольце, митра, и другія подобныя), разрѣшеніе поста въ вечеръ великой Субботы вопреки апостольскому постановленію (1); къ менѣе существеннымъ можно отнести слѣдующія разности: соблюденія восми-дневнаго, а не пятнадцати-дневнаго поста предъ праздникомъ Успенія Богородицы; разрѣшеніе поста въ среды и пятки отъ Пасхи до Вознесенія, равно какъ въ среду и пятницу въ недѣлю послѣ праздника Богоявленія (2); постъ въ недѣлю послѣ пятидесятницы, въ честь Св. Духа (3); совершеніе службы вечерней внѣ храма въ притворѣ; ношеніе діаконами митръ; не празднованіе памяти святыхъ въ назначенныя для сего дни. Такъ напр. праздникъ Рождества

винѣ; Онъ же отвѣщавъ рече имъ: нѣсте ли чли, яко сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть; и рече: сего ради оставитъ человѣкъ... Глаголаша ему: что убо Моисей заповѣда дати книгу распустную, и отпустити ю; глагола имъ, яко Моисей по жестокосердію вашему повелѣ вамъ пустити жены ваша: изначала же не бысть тако. Глаголю же вамъ, яко иже аще пуститъ жену свою, развѣ словесе прелюбодѣйна, и оженится иною, прелюбы творитъ" и проч. (Матѳ. XIX).

(1) „Съ вечера (субботы) до пѣнія пѣтуховъ бодрствуйте, моляся и читая законъ и пророковъ, а послѣ, когда епископъ возвѣститъ народу спасительныя слова, то разрѣшайте постъ" (Апостольскія Постановленія кн. 5, гл. 18).

(2) Нужно замѣтить, что братія армяне наблюдаютъ большую строгость въ великій постъ, чѣмъ мы; ибо они воздерживаются отъ масла, раковинъ и другихъ видовъ пищи, которые мы свободно вкушаемъ, и ѣдятъ только, по крайней мѣрѣ наиболѣе благочестивые, неудобоваримую и непитательную пищу приготовляемую изъ гороха, лука и сесамскаго масла, которую называютъ нахутъ-топу.

(3) Во всю эту недѣлю мы православные не соблюдаемъ поста; они обыкновенно называютъ ее седмицею Арцивурія. Расказъ относительно поста у армянъ въ эту недѣлю есть пустой вымыселъ; не понятно, какъ почтенные люди, какъ напримѣръ Никифоръ Каллистъ, Ксанѳопулъ и другіе, могли безъ всякаго изслѣдованія принять его за истину.

Предтечи (сурпъ-караветъ) они торжествуютъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ; праздникъ св. Николая (сурпъ-Николо) въ ноябрѣ; св. Георгія (сурпъ-серкизъ) въ январѣ; св. Іакова (сурпъ-ангопъ) въ декабрѣ; св. Григорія Великой Арменіи (сурпъ-саворисъ) въ маѣ ([1]) и проч.

Таковы особенности, замѣчаемыя въ священнодѣйствіяхъ, постановленіяхъ и обрядахъ армянской церкви.

([1]) Память этого равноапостольнаго мужа наша православная церковь совершаетъ 30 сентября.

МАТЕРІАЛИЗМЪ БЮХНЕРА

(*Продолженіе*)

II.

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю (¹): таковы первыя слова Божественнаго откровенія человѣку. Бюхнеръ безусловно отказывается вѣрить этому откровенному ученію о Божественномъ твореніи міра. Понятіе „творенія“ есть совершенно не мыслимое для него понятіе. Слово „твореніе“ я считаю — говоритъ Бюхнеръ,—за совершенно не употребимое ни въ естественной наукѣ, ни въ эмпирической философіи,—за такое, которое никогда не возникло бы изъ нѣдръ самой естественной науки и которое получило въ ней права гражданства искуственнымъ образомъ, вслѣдствіе только теологическихъ, по мимо научныхъ, интересовъ (²). Какія же основанія даютъ Бюхнеру такое неограниченное право совершенно отвергать и самую возможность творенія?

„Въ природѣ,—говоритъ Бюхнеръ,—нѣтъ ничего сотвореннаго, но есть только являющееся, и естество-

---

(¹) Быт. I. 1.

(²) Natur und Geist, S. 209.

испытателю нигдѣ не удалось досел встрѣтить явленіе, бытіе котораго съ необходимостію предполагало бы непосредственный творческій принципъ. Изъ ничего не бываетъ ничего. Никогда и никакимъ образомъ ни одинъ атомъ не можетъ быть сотворенъ вновь или перестать существовать; можно измѣнять только однѣ комбинаціи. Какъ же возможно сотворить то, что не можетъ быть уничтожено? Матерія существовала отъ вѣчности, есть и будетъ вѣчна; она измѣняетъ только свои формы (1). Вотъ тѣ существенныя основанія, по которымъ Бюхнеръ не хочетъ и не можетъ признать возможности творенія! Что же,—ужели на подобныхъ основаніяхъ можно серьёзно отвергать возможность творенія?

Нѣтъ творенія,—потому что никто, никогда и нигдѣ не видѣлъ его: но ужели, въ самомъ дѣлѣ, какой—нибудь натуралистъ, не потерявшій здраваго ума, можетъ серьёзно поставить себѣ задачу—подмѣтить, когда-нибудь и гдѣ-нибудь, непосредственный Божескій актъ творенія? Подобными намѣреніями могутъ задаваться только матеріалисты, всюду переступающіе предѣлы точной науки. И можетъ ли служить основаніемъ—отвергать самую возможность творенія—то, что мы никогда не видимъ слѣдовъ непосредственнаго творенія? То же Божественное откровеніе, которое раскрываетъ намъ исторію творенія міра, указываетъ ясно и положительно и тотъ предѣлъ, гдѣ оно окончилось: *и совершишася небо и земля и все украшеніе ихъ. И соверши Богъ въ день шестый дѣла своя, яже сотвори: и почи въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже сотвори. И бла-*

---

(1) Natur und Geist, SS. 209—242; Force et Matière, p. 42.

гослови Богъ день седьмый, и освяти его: яко въ той почи отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, яже начатъ Богъ творити (Быт. 2, 1—3).

Что „изъ ничего не бываетъ ничего“—*это совершенно справедливо* по законамъ природы, которая мыслится, какъ жизнь, ограничиваемая закономъ причинности. Но доказываетъ ли этимъ Бюхнеръ, что и Божественное Всемогущество не можетъ ничего сотворить? Если мы не можемъ себѣ представить, какъ нѣчто, что прежде несуществовало, начинаетъ существовать, какъ произошла матерія, которой прежде не было, то это еще отнюдь не можетъ служить доказательствомъ того, чтобы и на самомъ дѣлѣ было невозможно твореніе изъ ничего; потому сила или слабость нашего духа, наше знаніе или незнаніе еще не могутъ быть мѣрою возможнаго и дѣйствительнаго. Правда, дѣло творенія есть дѣло неизмѣримо великое и непостижимо-высокое: но развѣ мы приписываемъ его какому-нибудь ограниченному существу? Творецъ неба и земли, учитъ насъ Божественное Откровеніе, есть Всемогущій Богъ, безконечная премудрость и сила, для Котораго твореніе не было ни дѣломъ невозможнымъ, ни чрезмѣрно—великимъ и превышающимъ Его совершенства. Достаточно было одного всемогущаго слова Его: да будетъ и—бысть! Для нашего ограниченнаго пониманія, твореніе міра изъ ничего всегда было тайною, уразумѣваемою только посредствомъ вѣры (Евр. 11, 3), и останется навсегда тайною, не смотря на всѣ успѣхи естествовѣденія; даже послѣ того, какъ Лавоазье точными опытами надъ сложеніемъ и разложеніемъ тѣлъ, доказалъ, что въ природѣ не только ничто не происходитъ изъ ничего, но ничто и не обращается въ

ничто, эта тайна сдѣлалась еще непостижимѣе и пособія вѣры оказались еще болѣе нужными.

„Какъ возможно сотворить то, говоритъ Бюхнеръ, что не можетъ быть уничтожено?“. „Матерія вѣчна“. Но изъ того, что мы не можемъ разрушить или уничтожить ни одного атома матеріи, слѣдуетъ въ концѣ концовъ только то, что не мы создали ее прежде и никогда не можемъ создать ни одного атома ея и теперь; но слѣдуетъ ли отсюда, ссылаемся на здравый смыслъ всякаго, чтобы матеріи не могъ сотворить и Всемогущій Творецъ? „Матерія вѣчна, безконечна“: откуда узналъ Бюхнеръ о такомъ свойствѣ матеріи? Непреложную аксіому для самаго же Бюхнера составляетъ положеніе, что чего нѣтъ въ чувствахъ, того не можетъ быть и въ познаніи, что наши познанія кончаются тамъ, гдѣ кончается внѣшній опытъ. Даетъ ли же внѣшній опытъ какія-нибудь данныя для понятія о вѣчности матеріи? Бюхнеръ, какъ всякій другой, не существуетъ отъ вѣчности, чтобы знать по *опыту*, что матерія вѣчна; не будетъ существовать въ этомъ мірѣ въ вѣчность, чтобы подтвердить свой опытъ, что и въ будущемъ матерія никогда не изчезнетъ, будетъ существовать вѣчно. Въ предѣлахъ своей жизни и своего опыта мы имѣемъ только свидѣтельства о *конечномъ* и *временномъ* существованіи матеріи. Вѣчность матеріи, которую матеріализмъ думаетъ доказать химико-эмпирически, не есть фактъ опыта. Всѣ видимыя, окружающія насъ, вещи подвержены постояннымъ перемѣнамъ и разрушенію: на мѣстѣ разрушенія однихъ появляются другія, которыя, въ свою очередь, претерпѣваютъ ту же участь перемѣны и разрушенія. Отсюда правильныя, логическія умозаключенія, построенныя на этихъ

несомнѣнныхъ фактахъ опыта, могутъ быть только тѣ, что то, что сотворено, можетъ быть и разрушено, и что подвержено разрушенію, то должно быть и сотворено, должно имѣть начало и быть ограничено и условно по своему существованію. Заключать къ несозданности и вѣчности или безсмертію матеріи точный опытъ не даетъ намъ ни малѣйшаго основанія. Бюхнеръ, дѣлая подобное заключеніе, совершенно переступаетъ предѣлы этого опыта, и естественной наукѣ навязываетъ совершенно метафизическое положеніе, котораго она никогда не можетъ сдѣлать относительно матеріи. Она можетъ только доказать своими опытами, что матерія неразрушима, неуничтожима въ *настоящій моментъ*, но что она дѣйствительно существуетъ отъ вѣчности— это положеніе не имѣетъ для себя ни малѣйшаго основанія въ ея опытахъ (¹). Что мы не можемъ разрушить матеріи—это доказываетъ только, какъ мы сказали, что не мы создали ее, что мы сами—такое же твореніе, какъ и всѣ вещи, переживаемъ тотъ же удѣлъ временнаго и конечнаго существованія, какъ и онѣ. Заключать отсюда къ вѣчности матеріи также не логично и странно, какъ если-бы кто, на томъ основаніи, что онъ *теперь* существуетъ, заключилъ, что онъ существуетъ *отъ вѣчности*. Матерія существуетъ теперь и время ея существованія превосходитъ не только жизнь частнаго человѣка, но и всего человѣчества: слѣдуетъ ли изъ этого, что она существуетъ отъ вѣчности? Слѣдуетъ—скажутъ развѣ Бюхнеръ и ему подобные, для которыхъ истина и ложь безразличны, лишь бы онѣ могли быть пригодны для ихъ цѣлей.

(¹) Wie viel entdeckte bis jezt die neuere Naturwissenschaft, A. Gloss, SS. 66—81.

Итакъ, вся ускусно устрояемая—употребимъ выраженіе нѣмцевъ—maschinerie Бюхнера—отвергнуть самую возможность творенія, оказывается рѣшительно висящею на воздухѣ. Въ основаніи ея лежитъ жалкое заблужденіе, которое стоитъ ниже всякихъ ученыхъ опроверженій. Бюхнеръ хочетъ, очевидно, проникнуть въ самую тайну творенія, измѣрить своими силами всемогущество Творца: то и другое, какъ и естественно, ему неудается,—и онъ, на этомъ основаніи, отвергаетъ возможность творенія. Не налагаетъ ли Бюхнеръ, въ этомъ случаѣ, руки на самаго себя? „Человѣку свойственно,—справедливо въ подобномъ случаѣ замѣчаніе Циммермана,—считать невозможнымъ непонятное для него, потому что исходною точкою всего онъ всегда считаетъ только самаго себя. Это однако, очевидно, безсмысленно даже въ устахъ величайшаго ученаго (1)". Если наше знаніе или незнаніе чего-нибудь можетъ служить критеріемъ бытія или не бытія, то, въ силу такого принципа, не долженъ ли Бюхнеръ отвергнуть бытіе и цѣлаго міра, такъ какъ не только множество частныхъ его сторонъ и явленій, но и весь онъ, по своему началу и происхожденію, есть тайна, о которой можно ученому строить тѣ или другія гипотезы, но которая останется тѣмъ не менѣе тайною, объяснимою только изъ Божественнаго откровенія. — Тѣмъ болѣе наше знаніе или незнаніе не можетъ быть такимъ критеріемъ въ предметахъ вѣры.

Итакъ, по мнѣнію Бюхнера, нѣтъ и не могло быть творенія міра,—нѣтъ живаго Бога Творца и Промыслителя вселенной! Кому же, спрашивается, обязанъ міръ

(1) Міръ до сотворенія человѣка, соч. д-ра Циммермана, перев. Ольхина, Спб. 1862 г. стр. 80—81.

своимъ происхожденіемъ и образованіемъ? Отвѣтъ Бюхнера на этотъ вопросъ намъ уже извѣстенъ. Міръ есть механизмъ и своимъ происхожденіемъ и образованіемъ никому больше не обязанъ, кромѣ механическаго дѣйствія извѣстныхъ намъ и нынѣ физикохимическихъ силъ природы,—силъ, которыя сами, въ свою очередь, въ последней инстанціи, суть не что иное, какъ только различные виды движенія матеріальныхъ элементовъ (1). Такимъ образомъ, мы опять должны теперь обратиться къ разбору механическаго міровоззрѣнія Бюхнера, только съ другой стороны—въ приложеніи его къ космологіи.—Здѣсь мы должны фактически провѣрить механическое начало Бюхнера въ приложеніи къ разнымъ сторонамъ міра явленій и посмотрѣть, достаточно ли и удовлетворительно ли оно для объясненія ихъ безъ постояннаго и дѣятельнаго участія во всемъ высшей творческой и промыслительной силы, Всемогущаго Бога. И прежде всего, объясняютъ ли дѣйствительно однѣ механическія силы природы самое начало, происхожденіе вселенной?

Относительно происхожденія міра Бюхнеръ безусловно вѣритъ въ непогрѣшимость механической системы міра Лапласа. „Эти шары и эти системы солнечныя,—говоритъ Бюхнеръ о свѣтилахъ небесныхъ,—образовались безъ сомнѣнія изъ газообразной массы паровъ, постепенно сгущаясь въ массы круглыя и плотныя, чрезъ круговое движеніе, происшедшее въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ пунктахъ этихъ паровъ. Всѣ эти тѣла небесныя, какъ бы велики или малы ни были, слѣдуютъ въ своемъ движеніи тому же непреложному закону, который

(1) Force et Matière, p. 42.

присущъ и всякой матеріи и проявленіе котораго мы можемъ наблюдать собственными глазами въ каждой матеріальной частицѣ, безъ малѣйшаго уклоненія, которое бы доказывало произвольное исключеніе. Какъ бы далеко человѣкъ ни простиралъ свои взоры, при помощи телескопа, и какъ бы онъ ни углублялся въ познаніе законовъ неба,—онъ находитъ одинъ и тотъ-же законъ, одинъ и тотъ-же механическій порядокъ, одну и туже математическую формулу, одни и тѣже процессы основанные на ариѳметикѣ. Нигдѣ, однакожъ, онъ не видитъ слѣда произвольной руки, которая бы устроила небо и которая бы указала свѣтиламъ и кометамъ ихъ пути. Я всюду изслѣдовалъ небо,—говоритъ Бюхнеръ словами астронома Лаланда,—и нигдѣ не нашелъ намека о Богѣ. Чѣмъ болѣе астрономія дѣлаетъ успѣховъ въ познаніи движенія небесныхъ свѣтилъ и ихъ законовъ, тѣмъ болѣе она отвергаетъ идею или признаніе сверхъестественнаго вліянія и тѣмъ легче становится для нея привести зарожденіе, группированіе и движеніе свѣтилъ къ самому простому процессу, произведенному самою же матеріею (¹). Такимъ образомъ, небеса повѣдаютъ, по мнѣнію Бюхнера, не славу Божію, а славу Лаланда и Лапласа! Участія творческой и промыслительной силы Божіей въ созданіи величественныхъ свѣтилъ небесныхъ, въ направленіи ихъ движенія, въ дарованіи законовъ этого движенія и проч. не было и быть не могло: все это произведеніе механическихъ и непроизвольныхъ силъ матеріи. Наука—астрономія отказалась, по мнѣнію Бюхнера, безвозвратно и съ пользою, отъ идеи Бога. Твореніе, въ томъ смыслѣ, какое придаютъ ему, есть тео-

(¹) Force et Matière, p. 51.

логическая хитрость (1). Такъ думаетъ и говоритъ Бюхнеръ, но такъ ли говоритъ намъ самое дѣло? Такъ ли думаютъ и говорятъ сами безпристрастнѣйшіе астрономы, несомнѣнно понимающіе лучше Бюхнера достоинство и недостатки механической системы Лапласа, какъ и вообще астрономія? Увѣреніямъ Бюхнера, что вся система міра есть *механизмъ*, въ которомъ все, отъ малаго до великаго, расположено и устроено съ математическою, хотя въ тоже время *механическою* точностію и опредѣленностію, мы противопоставимъ свидѣтельство знаменитаго Дерптскаго астронома нашего времени Мёдлера, въ довѣріи къ которому никто, конечно, не отважится отказать. „Въ наше время,—говоритъ Мёдлеръ,—не существуетъ болѣе сомнѣнія ни въ строгой соразмѣрности закона системы міра, ни въ безконечномъ разнообразіи ея. Ни одна планета не имѣетъ сходства съ другою ни по величинѣ, ни по плотности, ни по виду, ни по числу спутниковъ: ни въ чемъ не замѣчается одинаковаго и правильнаго закона. Образованіе поверхностей каждаго тѣла имѣетъ свои особенности, даже и на тѣхъ тѣлахъ, для которыхъ по наружности должно предполагать сходство образованія поверхности, какъ напримѣръ на землѣ и на лунѣ; точно также отношенія вида, положенія, протяженія путей и всѣ другія отдѣльныя отношенія нигдѣ не высказываются сомнительнѣе и обманчивѣе, какъ именно здѣсь, въ свойствахъ космическаго образованія. Это неизмѣримое разнообразіе вездѣ встрѣчается въ природѣ; его неистощимое богатство мы можемъ познавать или чувствовать въ каждой малѣйшей его части, пребывающей въ не-

(1) Force et Matière, p. 58. 59.

нарушимаго равновѣсія. Единый, но нигдѣ безъ исключенія общій законъ, замѣчательный по многосложности своей, управляетъ всѣмъ объемомъ и связываетъ малѣйшія отдѣльныя частицы въ неразрушимые, правильные большіе организмы. Во всемъ прочемъ мы замѣчаемъ неограниченную свободу и каждому индивидуальному развитію предоставляется свое мѣсто. Это не *похоже на какую-либо машину, какъ полагаетъ человѣческое соображеніе и изображаетъ наша техника.* Такіе взгляды позволяютъ намъ, на сколько это вообще для насъ возможно, познать Божественное владычество и вліяніе Его въ мірѣ вещественномъ (¹). Такимъ образомъ, точные опыты и изслѣдованія астрономіи говорятъ намъ вовсе не то, что́ такъ самоувѣренно говоритъ Бюхнеръ. Мёдлеръ вычислилъ намъ движеніе болѣе, нежели 800 неподвижныхъ звѣздъ, измѣрилъ телескопомъ небесныя пространства не менѣе, чѣмъ Лаландъ, и однакожъ, наоборотъ, не нашелъ ни одной черты, которая бы противорѣчила признанію Премудраго и Всемогущаго Творца вселенной. Если Лапласъ, какъ говоритъ Бюхнеръ, на вопросъ императора Наполеона, почему онъ нигдѣ не говоритъ о Богѣ въ своей системѣ небесной механики, отвѣчалъ, что онъ не нуждается въ этой гипотезѣ, то мы имѣемъ не менѣе замѣчательное, добросовѣстное признаніе предъ лицемъ истины, тогоже Мёдлера, — именно, что астрономія положительно ведетъ насъ къ познанію Бога, открываетъ истины, знакомящія насъ съ великими Его твореніями, и раскрываетъ законы, которые по справедливости носятъ названіе законовъ при-

---

(¹) См. „Краткая Астрономія". Соч. д-ра Мёдлера, перев. А. Путяты, Спб. 1862 г. стр. 6—7. Срав. „Космосъ" Гумбольдта, перев. Н. Флорова. Часть III, отд. II, стр. 367—379.

роды, не потому, что природа сама создала их, но потому, что они предписаны ей Богомъ (1). Бюхнеръ думаетъ, что коль скоро астрономія могла подвести всѣ свои наблюденія подъ строго точныя математическія вычисленія, она уже вправѣ отказаться отъ признанія бытія Божія. Можетъ быть такъ и нужно думать человѣку, для котораго самая матерія съ ея силами есть Богъ. Но такъ ли думали и думаютъ дѣйствительные астрономы, знаменитѣйшіе истолкователи законовъ природы,—какъ напримѣръ: Кеплеръ, Ньютонъ и другіе? Напротивъ, эти лица были проникнуты чувствами величайшаго благоговѣнія къ Строителю вселенной и математически—правильныя движенія свѣтилъ ея, ихъ распорядокъ, прямо объясняли непосредственнымъ управленіемъ Господа всяческихъ, Вседержителя вѣчнаго, безконечнаго, всемогущаго, вездѣсущаго (2). Извѣстно о Ньютонѣ, что онъ всякій разъ, какъ произносилъ имя Божіе, вставалъ и снималъ съ головы шляпу. Наконецъ, самая теорія Лапласа, на которой построяетъ Бюхнеръ всю свою матеріалистическую космогонію, не ведетъ ли, прямо или не прямо, въ разныхъ моментахъ своего развитія, если только выяснить ихъ смыслъ до конца, а не останавливаться на полпути, къ признанію въ дѣлѣ мірозданія всемогущей, творческой дѣятельности Божіей? Остановимся на этихъ моментахъ.

Бюхнеръ, повторяемъ, безусловно вѣритъ въ непогрѣшимость небесной механики Лапласа; въ ней для Бюхнера сказано астрономіею послѣднее слово о началѣ міра. Не будемъ раскрывать здѣсь, вопреки увѣрені-

(1) Ibidem, стр. 4—5.

(2) Прибавленія къ изданію твореній св. Отцевъ, 1847 г. „Нѣсколько писемъ о конечныхъ причинахъ“; пис. 1, ст. 199.

ямъ Бюхнера (1), что эта несомнѣнно геніальная теорія теряетъ болѣе и болѣе, предъ свидѣтельствомъ новѣйшихъ астрономическихъ открытій, самое основное положеніе свое о первобытномъ *космическомъ веществѣ*, изъ котораго будто бы, по этой теоріи, возникаютъ и донынѣ, отъ времени до времени, новые міры на тверди небесной, какъ возникли изъ него уже существующіе. Правда, въ настоящее время, наука еще не вполнѣ разрѣшила вопросъ о *туманныхъ пятнахъ* звѣзднаго неба, принятыхъ Гершелемъ за космическое вещество, и на основаніи которыхъ, вслѣдъ за Гершелемъ, Лапласъ развилъ свою теорію о происхожденіи солнечной системы (2); но, по крайней мѣрѣ, есть основанія слишкомъ сомнѣваться въ справедливости предположеній Гершеля касательно этого предмета (3). Отъ него отказался въ свое время и самъ В. Гершель, какъ отказываются и другіе первѣйшіе авторитеты въ астрономіи, какъ Араго, которому мы имѣемъ болѣе основаній довѣрять, чѣмъ Бюхнеру (4). Остановимся прямо на тѣхъ пріемахъ, какими приверженцы этой теоріи Лапласа хотятъ объяснить образованіе всей небесной планетной системы. По этой теоріи необходимъ былъ только, какъ говоритъ Бурмейстеръ, первый толчокъ первобытному космическому веществу, — а какъ скоро онъ послѣдовалъ, то съ него уже сами собою, съ неизбѣжнымъ по-

(1) Force et Matière, p. 52.

(2) См. „Космосъ", А. Гумбольдта, изд. Н. Флорова. Часть III, отд. II, „относительно разрѣшимости туманныхъ пятенъ" стр. 547—552.

(3) Основанія эти, равно какъ и самая исторія вопроса о туманныхъ пятнахъ, коротко представлены и разобраны, на основаніи астрономическихъ данныхъ, въ соч. св. І. Заркевича, см. „Духъ Христ." на апрѣль 1862—1863 г. Современный матеріализмъ предъ судомъ разума, стр. 665—667.

(4) Nouvelle Encychlopedie theologique par l'Abbè Migné, le mot: „nebuleuses".

слѣдствіемъ, начались всѣ дальнѣйшія явленія космогоническія ([1]). Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, эта теорія всюду, отъ начала до конца, должна неизбѣжно предположить участіе высшей, постоянно управляющей матеріею и ея силами зиждительной десницы Творца. И прежде всего, мы неизбѣжно должны остановиться на первомъ проявленіи движенія, на самомъ толчкѣ, — и спросить: откуда послѣдовалъ этотъ толчекъ? Откуда это движеніе въ матеріи *бездѣйственной*? Самая матерія, особенно въ газообразномъ состояніи, никакимъ образомъ, безъ участія посторонняго вліянія, не могла сама изъ себя развить это движеніе; это аксіома, ненуждающаяся въ доказательствахъ. Очевидно, у матеріализма здѣсь исчезаетъ самая почва, на которой онъ усиливается построить всю свою космогонію путемъ единственно только механическихъ силъ природы, безъ участія Творца вселенной. На этомъ пунктѣ мы могли бы и покончить съ Бюхнеромъ, какъ и вообще съ матеріалистами, всѣ свои разсужденія о невозможности объяснить происхожденіе міра безъ вѣры въ живаго Творца и Промыслителя—Бога. По ученію самаго же Бюхнера, всѣ извѣстныя намъ нынѣ физико-химическія силы матеріи, какъ ея свойство, возводятся, въ своей послѣдней инстанціи, именно къ движенію матеріи. Начало всѣхъ законовъ, которыми управляется вся нынѣшняя планетная система, также, очевидно, лежитъ въ этомъ первомъ моментѣ проявленія движенія въ первобытной космической матеріи. Абсолютный покой,—какъ справедливо въ этомъ случаѣ замѣчаетъ самъ же Бюхнеръ,— неиначе можно представить себѣ въ природѣ, какъ

([1]) Geschichte der Schöphung, H. Burmeister, vier aufl., Leipzig, 1851. SS. 133, 134.

абсолютное начало. Субстанціи не могутъ существовать безъ взаимодѣйствія силъ, имъ присущихъ,—да и эти силы суть ничто иное, какъ различные виды движенія матеріи (1). Послѣ всего этого первый толчекъ, данный высшею силою первобытной космической матеріи, и въ которомъ нуждаются новѣйшіе космогонисты, не есть ли въ сущности первое, всемогущее, творческое слово: да будетъ! слово, вызвавшее весь міръ изъ небытія къ бытію, со всѣми его силами и законами ихъ дѣятельности? Не есть ли это тотъ начальный моментъ въ вѣчности, когда Тріипостасный Богъ, по безконечной любви своей, благоволилъ даровать бытіе намъ и явить въ видимомъ мірѣ Свои безконечныя совершенства—тотъ моментъ, о которомъ говоритъ богодухновенный Бытописатель: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю; земля же бѣ невидима и неустроена*? Но Бюхнеръ не останавливается ни предъ какими трудностями и научными противорѣчіями, какъ скоро дѣло идетъ о его idea fixa,—онъ говоритъ, во избѣжаніе всякаго вопроса о началѣ движенія матеріи и необходимости признанія при этомъ сверхъестественной силы, что вѣчная матерія должна имѣть и вѣчное движеніе (2). Положеніе—смѣлое, но смѣлость не рѣшаетъ дѣла, особенно въ такихъ вопросахъ, въ отвѣтѣ на которые дѣло идетъ о томъ: быть или не быть цѣлой научной теоріи, грозящей ниспровергнуть священнѣйшія убѣжденія и вѣрованія человѣчества. Наука, во имя истины и собственнаго достоинства, также не можетъ принять этого положенія, такъ какъ оно не только не можетъ быть доказано никакими данными науки, но и

(1) Force et Matière, p. 52.
(2) Force et Matière, p. 51. 52; Natur und Geist, SS. 109—135.

само въ себѣ заключаетъ внутреннее противорѣчіе, внутреннюю невозможность, особенно при газообразномъ состояніи матеріи (1). Наука, неотвѣчающая намъ на вопросъ о началѣ движенія космической матеріи, съ которой будто бы началось образованіе міра, навсегда останется въ неоплатномъ долгу предъ испытующимъ и вѣрующимъ умомъ; а положеніе Бюхнера о вѣчномъ движеніи матеріи предъ его судомъ будетъ только жалкимъ заблужденіемъ болѣзненнаго ума, который и видя не видитъ и слыша не разумѣетъ. Такимъ образомъ, на первомъ же шагу теорія Канта и Лапласа, вопреки увѣреніямъ Бюхнера, должна неизбѣжно признать участіе посторонней, высшей силы въ дѣлѣ происхожденія міра. Но только ли въ этомъ моментѣ необходимо это признаніе, какъ увѣряетъ Бурмейстеръ, наставникъ Бюхнера въ его космогоніи? Послѣдуемъ далѣе за теоріею.

Прежде всего, огромный шаръ газовый, изъ котораго будто бы возникла наша солнечная система, — какъ это представляетъ Бурмейстеръ, — никакимъ образомъ не могъ самъ собою, путемъ извѣстной намъ централизаціи массъ, образовать средоточный пунктъ или твердое ядро, около котораго бы начала концентрироваться вся космическая матерія (2). Этому противорѣчитъ, какъ извѣстно, основной законъ расширенія газовъ, по которому для газовъ нѣтъ опредѣленнаго, постояннаго, устойчиваго объема, но они постоянно стремятся занять большій объемъ, какъ скоро къ этому представляется возможность, части ихъ не обнаруживаютъ ни малѣйшаго слѣда иза-

(1) Доказательства этого можно читать въ выше указанной статьѣ св. I. Заркевича, стр. 743—748; 667, 668, 674, 678; Le materialisme contemporain en Allemagne, Paul Janet, pp. 47—78.

(2) „Geschichte der Schöphung" H. Burmeister, viert. aufl. Leipzig, 1851, стр. 135. Это сознаетъ и самъ Бурмейстеръ — 142 стр.

никакого притяженія, но находятся въ непрестанномъ состояніи отталкиванія, по которому всякое пространство, какое имъ представляется, они стремятся наполнить собою. По такому закону расширенія газовъ, первобытная космическая газовая матерія никогда не могла бы сама собою принять формы шара, какъ бы ни былъ онъ огроменъ (потому что во всякомъ случаѣ это предполагаетъ уже опредѣленное ограниченіе, опредѣленный объемъ), если бы опять какая-то высшая, разумѣется, всемогущая сила Творца, не сообщила ей сферической формы и не соблюдала ее постоянно, не дозволяя газамъ разсѣеваться въ безконечность міроваго пространства. Подъ этимъ только условіемъ можно представлять себѣ первобытную космическую матерію подъ видомъ шара. Признаніе той же всемогущей силы открывается необходимымъ и при образованіи средоточнаго пункта или твердаго ядра въ какомъ нибудь мѣстѣ образовавшагося газоваго шара. Иначе какъ могъ онъ явиться? Для этого нужно было только, какъ говоритъ Циммерманъ, чтобы соединить двѣ солнечныя пылинки (1). Это совершенно справедливо,—но какъ могло случиться это соединеніе? Газообразное состояніе матеріи само по себѣ, по своей природѣ, никогда не могло допустить движенія къ опредѣленной цѣли, къ центру; для этого необходима сила тяготѣнія,—еще прежде ея сила притягательная, долженствовавшая сближать между собою газообразныя частицы матеріи. Но какъ она могла проявить себя въ дѣйствіи? Возможность къ этому могла открыться для нея только съ ослабленіемъ расширительной силы газовъ, которая связывала, подавляла ее. При этомъ опять неизбѣжно является вопросъ: что же

(1) Міръ до сотворенія человѣка, стр. 29.

могло дать ей этотъ перевѣсъ надъ расширительною силою газовъ? Никакихъ химическихъ дѣйствій, при необычайно-высокой степени разжиженія матеріи, въ ней быть не могло, какъ говоритъ Бурмейстеръ (¹). Принять, чтó всего естественнѣе, причиною этого—*охлажденіе* первобытной матеріи,—значитъ изъ одной неразрѣшимой трудности впадать въ другую еще болѣе неразрѣшимую. Какимъ образомъ, сама собою могла уменьшиться или понизиться температура космической газовой матеріи, долженствовавшей имѣть на всемъ протяженіи своемъ одну и туже температуру? Куда могла она выдѣлять свой теплородъ, чтобы получить возможность охлаждаться? На эти вопросы механическая теорія Лапласа не можетъ дать ни какого удовлетворительнаго отвѣта, — и современная естественная наука, съ своей стороны, на основаніи извѣстныхъ ей силъ и законовъ, также объяснить этого никакъ не можетъ (²). Сказать прямо,—категорически, какъ говоритъ это Циммерманъ,—что гдѣ существуетъ вещество, тамъ непремѣнно должно быть и притяженіе (28 стр.), — сказать это легко, но гдѣ на это доказательства науки, которая свидѣтельствуетъ противоположное при газовомъ состояніи матеріи? Опять, такимъ образомъ, при началѣ концентрированія газовой матеріи въ какомъ нибудь пунктѣ нужна была особенная, отличная отъ естественныхъ силъ и законовъ и, слѣдовательно, сверхъестественная сила Всемогущаго Творца, которая бы вызвала къ дѣятельности подавленную дотолѣ силу притяженія и затѣмъ тяготѣнія. Повидимому, теперь все не-

(¹) Geschichte der Schöpfung, S. 142.

(²) Современный матеріализмъ предъ судомъ разума, св. І. Заркевича, стр. 667—671, 674.

обходимое было въ первобытной матеріи, чтобы она сама собою, безъ участія высшей руководительной силы, могла развить изъ себя все разнообразіе свѣтилъ небесныхъ Но такъ ли? Приведенныя въ дѣйствіе силы притяженія и тяготѣнія къ опредѣленному центру могли только сближать, собирать, соединять въ одно цѣлое частицы первобытной матеріи; но какимъ образомъ могло явиться въ образовавшемся газовомъ шарѣ круговое движеніе около своей оси и при томъ отъ запада къ востоку— моментъ не менѣе важный въ ходѣ образованія свѣтилъ небесныхъ — даже столько же важный, какъ и первое проявленіе движенія въ матеріи бездѣйственной. Бурмейстеръ прямо говоритъ, что газовый шаръ получилъ это движеніе чрезъ какое-нибудь внѣшнее вліяніе,—и видитъ это вліяніе въ притяженіи отдаленныхъ центральныхъ пунктовъ или ядеръ, образовавшихся въ разныхъ мѣстахъ безконечной газовой матеріи ([1]). Но, очевидно, такимъ мнѣніемъ не только произвольно предполагается уже существованіе этихъ отдаленныхъ центровъ и твердыхъ ядеръ газовой матеріи, для образованія которыхъ опять, слѣдовательно, нужно было участіе Сверхъестественной Творческой силы, но главное—вовсе не рѣшается дѣло. Одна сила простаго притяженія никакимъ образомъ не можетъ произвести вращательнаго движенія около своей оси. Извѣстно, что брошенный нами съ какой-нибудь высоты шаръ отсюда не можетъ самъ собою, въ силу одного тяготѣнія или притяженія къ землѣ, пріобрѣсти вращательнаго движенія около своей оси, если ему не сообщала этого движенія наша рука въ самый моментъ бросанія. Кромѣ того, притяженіе, если оно вообще имѣло свое дѣйствіе между образовав-

([1]) Burmeister a. a. o. S. 140.

шимися въ разныхъ мѣстахъ космической матеріи центральными ядрами, необходимо произходило бы только то, что они приближались бы другъ къ другу и наконецъ слились бы въ одну массу, въ безпорядочный хаосъ. Слѣдовательно, если даже предположить (¹), что вращательное движеніе космическаго шара нашей солнечной системы около своей оси могло произойти чрезъ взаимное притяженіе отдаленныхъ центровъ ея между собою, во взаимодѣйствіи съ собственною расширительною силою газовъ, то и тогда мы все-таки поставляемся въ неизбѣжную необходимость признать дѣйствіе всемогущей, зиждительной силы Творца, Который сохранялъ неприкосновенною *самостоятельность* образовавшихся зародышей будущихъ *системъ солнечныхъ*, предопредѣ-

(¹) Но предположить это мы не имѣемъ ни какихъ достаточныхъ оснований: двѣ противоположныя силы—каковы сила притяженія и отталкиванія,—или могли взаимно уничтожать себя при равновѣсіи своемъ, или же одна должна была связывать, подавлять дѣйствіе другой и движеніе, такимъ образомъ, могло быть только въ одну какую нибудь сторону, или если и въ противоположныя, какъ это бываетъ при дѣйствіи силы отталкиванія частицъ другъ отъ друга, то по прямой и другимъ всевозможнымъ линіямъ, а никакъ уже не по круговой и притомъ около одного опредѣленнаго центра. Принять такое движеніе слѣдствіемъ дѣйствія притягательной силы отдаленныхъ центровъ на шаръ съ разныхъ пунктовъ, какъ это и должно было быть при множествѣ этихъ центровъ, — значитъ также ничего не сказать въ пользу этого движенія; дѣйствуя съ различныхъ пунктовъ, она должна была или уничтожать себя при равновѣсіи или, какъ мы сказали, сильнѣйшее дѣйствіе съ одной стороны должно было пересиливать дѣйствіе другихъ и слить эти центры въ одну массу. Въ объясненіи круговаго движенія солнечнаго шара около своей оси Циммерманомъ (стр. 30),—именно, что такъ какъ всѣ части стремились къ одному средоточію, то къ нему направилось движеніе, которое, по необходимости было *кругообразное*; *слѣдовательно газовый шаръ вращался вокругъ своей оси*,—не только нѣтъ, какъ каждый согласится, никакого объясненія этого движенія, но есть положительное противорѣчіе этому движенію: движеніе направленное къ одному опредѣленному пункту не можетъ быть само по себѣ круговымъ, а или прямолинѣйнымъ, или по кривымъ линіямъ, если есть препятствія на пути прямолинѣйномъ.

лилъ каждой изъ нихъ сферу ея дѣятельности и ограничилъ пути ихъ взаимнаго движенія. Чѣмъ далѣе, такимъ образомъ, мы идемъ по пути образованія нашей солнечной системы, какъ намъ указываетъ этотъ путь механическая теорія Лапласа, тѣмъ болѣе и убѣдительнѣе говорятъ намъ разныя явленія о постоянномъ присутствіи при этомъ образованіи творческой руки Верховнаго Зиждителя.

Остановимся еще на одномъ моментѣ этой теоріи,— именно томъ моментѣ, съ котораго, по ея изложенію, началось отдѣленіе отъ одного доселѣ солнечнаго шара другихъ шаровъ или планетъ и ихъ независимое существованіе и развитіе.—Какъ могло случиться это отдѣленіе? На этотъ вопросъ дается отвѣтъ самый простой и, повидимому, самымъ удовлетворительнымъ образомъ объясняющій дѣло. Начавшееся,—говоритъ Бурмейстеръ (¹),—вращательное движеніе солнечнаго шара около своей оси, сначала медленное, по мѣрѣ возраставшаго сгущенія массы и, параллельно этому послѣднему, соотвѣтствовавшаго уменьшенія объема ея, становилось все быстрѣе и быстрѣе,—шаръ при этомъ все болѣе и болѣе принималъ сфероидальную или чечевицеобразную форму, потому что съ увеличеніемъ быстроты круговращенія увеличивалась также и сила центробѣжная. При возраставшемъ сгущеніи массы и равномѣрно увеличивавшейся при этомъ центробѣжной силѣ периферическихъ частей ея не замедлило произойти то, что въ извѣстное время сила центробѣжная получила перевѣсъ надъ силою притяженія, производимаго центральнымъ ядромъ на периферическія части шара. Такъ какъ это

(¹) Burmeister, a. a. o. S. 140. Срав. Міръ до сотворенія человѣка, д-ра Циммермана, стр. 30, 31.

должно было случиться одновременно во всѣхъ мѣстахъ подъ экваторомъ чечевицеобразнаго шара, то очень могло случиться далѣе и то, что наконецъ отъ общей массы шара отдѣлилась кольцеобразная периферическая часть его ([1]). Разрывомъ этого кольца на части объясняется обыкновенно дальнѣйшее образованіе шаровъ или отдѣльныхъ планетъ. Объясненіе, повторяемъ, по видимому самое удовлетворительное и естественное. Но такъ ли? Не нужна ли была опять при этомъ посторонняя сверхъестественная сила? При круговращеніи шара, по Бурмейстеру, сила центробѣжная, въ извѣстное время, должна была получить перевѣсъ надъ силою центростремительною; но въ предѣлахъ естественнаго развитія и дѣйствія этихъ силъ этотъ перевѣсъ одной силы надъ другою былъ совершенно не возможенъ, по причинамъ весьма простымъ. Увеличеніе силы центробѣжной должно было идти, какъ это представляетъ самъ же Бурмейстеръ, въ строжайшей соразмѣрности съ увеличеніемъ силы притяженія или, что одно и тоже, съ возрастающимъ сгущеніемъ массы около центра и необходимымъ при этомъ уменьшеніемъ объёма. Сила центробѣжная была, слѣдовательно, въ совершенной зависимости отъ силы притяженія, или покрайней мѣрѣ развивалась параллельно и равномѣрно съ нею. Какимъ же образомъ первая, сама собою, могла получить перевѣсъ надъ послѣднею? Оставаясь въ предѣлахъ точнаго опыта, мы не найдемъ на это никакого отвѣта въ наукѣ и непремѣнно должны обратиться къ содѣйствію всемогущей силы Творца. Такимъ образомъ, мы здѣсь опять, — скажемъ словами Грюзона ([2]),—за-

([1]) Циммерманъ, стр. 30, 31.
([2]) Циммерманъ, стр. 42.

слѣдуемъ великаго Строителя при образованіи небесныхъ тѣлъ, проникаемъ нашими взорами въ Его мастерскую. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы еще болѣе, конечно, должны убѣдиться, что если дѣйствительно Всеблагій Создатель не имѣлъ,—какъ говоритъ тотъ же Грюзонъ,—намѣренія скрыть отъ насъ процесса міроздания и въ разсматриваемой теоріи Канта и Лапласа умъ человѣческій дѣйствительно достигъ до пониманія внѣшней стороны этого процесса, то въ указанныхъ нами моментахъ постепеннаго образованія нашей солнечной системы Онъ благоволилъ явить намъ самымъ яснымъ образомъ свою постоянную творческую дѣятельность при этомъ образованіи и Свое промышленіе. Послѣ этого Бюхнеру и ему подобнымъ, почему бы хотя этимъ путемъ,—путемъ добросовѣстнаго, научнаго изслѣдованія дѣла, если они не хотятъ знать другого болѣе прямаго пути—Откровенія, не придти, наконецъ, къ сознанію, что міръ не есть только произведеніе единыхъ механическихъ силъ природы, но есть дѣло Премудраго, Всеблагаго Бога—Творца, Промыслителя нашего: *вся Тѣмъ быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 3).

Но мы не раздѣляемъ вѣры Бюхнера и другихъ въ безусловную истинность прославленной гипотезы Канта и Лапласа,—и чѣмъ болѣе Бюхнеръ настаиваетъ на ея механизмѣ, тѣмъ болѣе она оказывается несостоятельною предъ точными данными астрономіи. Вопреки увѣреніямъ Бюхнера, что какъ бы далеко ни простиралъ человѣкъ взоръ свой, при помощи телескопа, онъ всюду находитъ *одинъ и тотъ же законъ, одинъ и тотъ же порядокъ механическій*, мы приведемъ нѣсколько астрономическихъ данныхъ въ подтвержденіе выписаннаго нами мнѣнія Мёдлера, что, напротивъ, мірозданіе во-

вовсе не похоже на какую-либо *машину*, какъ полагаетъ человѣческое воображеніе и изображаетъ наша техника. По мнѣнію самаго же Бюхнера, все въ природѣ совершается вслѣдствіе самой строгой *необходимости*; *необходимость абсолютная и непреодолимая* господствуетъ надъ матеріею; *неизмѣнность* законовъ природы такова, что она никогда и ни мало недопускаетъ исключенія (¹). Посему развитіе нашей солнечной системы, повинуясь этой непреодолимой механической необходимости законовъ, должно было идти въ самомъ строгомъ *однообразіи*, неуклонной *постепенности*, механической *правильности*. Но то ли показываютъ намъ точныя астрономическія наблюденія? Всѣ планеты нашей солнечной системы произошли, по теоріи Лапласа, популяризируемой Бюхнеромъ, изъ одного и того же колоссальнаго космическаго шара, чрезъ постепенное отдѣленіе отъ него, по однимъ и тѣмъ же законамъ; постепенность и правильность въ ихъ образованіи должны были, повидимому, идти самымъ неуклоннымъ путемъ. Между тѣмъ, по замѣчанію А. Гумбольдта, внутренняя группа планетъ нашей солнечной системы (Меркурій, Венера, Земля и Марсъ), въ сравненіи съ *внѣшними*, отдаленнѣйшими отъ солнца планетами (Юпитеромъ, Сатурномъ, Ураномъ и Нептуномъ), отъ которыхъ онѣ отдѣлены такъ называемыми *планетоидами* или *астероидами* (Веста, Юнона, Гигея, Викторія и множество друг.), представляетъ и нѣкоторое сходство и, напротивъ, также во многомъ положительный *контрастъ*. Такъ называемыя нами, говоритъ Гумбольдтъ, 4 внутреннія, ближайшія къ солнцу планеты, лежащія между кольцомъ асте-

(¹) Force et Matière, p. 33, 34, 41; Natur und Geist, SS. 182, 186 и др.

роидовъ (малыхъ планетъ) и центральнымъ тѣломъ, всѣ умѣренной величины, плотныя, довольно равныя и притомъ медленно обращающіяся на своихъ осяхъ (въ 24 часа), мало сжатыя и, за исключеніемъ одной (земли), безлунныя. Напротивъ того, 4 внѣшнія, отдаленнѣйшія отъ солнца планеты, лежащія между поясомъ астероидовъ и неизвѣстною намъ границею солнечной области: Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ — значительно больше, въ 5 разъ менѣе плотны, болѣе чѣмъ въ два раза быстрѣе вращаются на своихъ осяхъ, сильно сжаты и обильны лунами, въ отношеніи къ первымъ какъ 20 къ 1. Объясняя эти указанныя разности между планетами, Гумбольдтъ говоритъ, что хотя при существенномъ раздѣленіи планетъ на двѣ группы — внѣшнюю и внутреннюю, главныя свойства абсолютной величины, плотности, сжатія, скорости вращенія, отсутствія спутниковъ представляются какъ-бы зависимыми отъ разстоянія, т. е. отъ половины большихъ орбитныхъ осей; однакоже этой зависимости нельзя утверждать (а Бурмейстеръ и Циммерманъ утверждаютъ) для *каждаго отдѣльнаго члена этихъ группъ*. Какъ я уже прежде замѣчалъ, говоритъ Гумбольдтъ, мы не знаемъ до сихъ поръ *никакой внутренней необходимости*, никакого *механическаго закона природы*, который бы (подобно прекрасному закону, связывающему квадраты временъ обращенія съ кубами большихъ осей) представлялъ поименованные нами теперь элементы для порядка слѣдованія отдѣльныхъ планетныхъ міровыхъ тѣлъ каждой группы въ зависимости отъ разстояній (1).

---

(1) „Космосъ". Опытъ физическаго міроописанія, А. Ф. Гумбольдта, перев. М. Гусева, изд. Н. Фролова. Москва, 1857 г. Ч. III, отд. II' стр. 367—369.

Продолжая частнѣйшее сравненіе планетъ между собою, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, относительно разныхъ элементовъ ихъ, Гумбольдтъ также не находитъ между ними ни въ чемъ той механической постепенности и равномѣрности, какихъ слѣдовало бы ожидать, если бы всѣ они обязаны были своимъ происхожденіемъ одному и тому же механическому закону, дѣйствовавшему по одной и тойже формѣ, на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ. Возьмемъ для сравненія плотность планетъ, такую сторону, въ которой механическое дѣйствіе силъ всего болѣе должно было отразиться. Что же видимъ? Хотя, вообще, наиболѣе плотныя планеты, говоритъ Гумбольдтъ, суть ближайшія къ солнцу, какъ это должно быть по механической теоріи Лапласа, однакоже плотность планетъ, разсматриваемыхъ по одиночкѣ, никакимъ образомъ не пропорціональна ихъ отстояніямъ отъ солнца, какъ склоненъ былъ принимать Ньютонъ. Хотя ближайшая къ солнцу планета, Меркурій, есть самая плотная, именно въ 6 или 8 разъ плотнѣе каждой изъ внѣшнихъ планетъ: Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна, но послѣдовательность въ плотности планетъ: Венеры, Земли и Марса, или Юпитера, Сатурна и Урана является весьма неравномѣрною. По порядку увеличивающейся плотности, планеты и солнце должны, по Гумбольдту, расположиться слѣдующимъ образомъ: Сатурнъ, Уранъ, Нептунъ, Юпитеръ, Солнце, Венера, Марсъ, Земля и Меркурій (1). И, замѣчательно, относительная плотность планетъ вовсе не

(1) „Космосъ“ стр. 369, 383. По разстоянію отъ солнца планеты слѣдуютъ одна за другою въ слѣдующемъ порядкѣ, если начинать съ ближайшей: Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ. Космосъ стр. 374.

стоитъ также въ безусловной зависимости' отъ относительной скорости вращенія ихъ на своихъ осяхъ. Зависимость сжатія отъ скорости вращенія самымъ разительнымъ образомъ обнаруживается при сравненіи земли, какъ одной изъ планетъ внутренней группы, съ внѣшними планетами Юпитеромъ и Сатурномъ. Но Марсъ, котораго обращеніе на оси еще на 41 минуту медленнѣе обращенія Земли, имѣетъ однакоже гораздо большее сжатіе (1). Столько же не равномѣрно и *время обращенія* различныхъ планетъ около своихъ осей. *Время обращенія* около оси вообще, конечно, уменьшается съ удаленіемъ отъ Солнца; но опять болѣе уменьшается для Марса, чѣмъ для Земли, для Сатурна болѣе, чѣмъ для Юпитера (2). По возрастающей *массѣ* порядокъ главныхъ планетъ также совершенно различенъ отъ порядка ихъ по разстоянію отъ центральнаго тѣла (3). Наклоненіе и эксцентритетъ планетныхъ путей, послѣ массъ, суть важнѣйшіе элементы, отъ коихъ зависятъ *возмущенія*. Сравненіе оныхъ, говоритъ Гумбольдтъ, послѣдовательно для внутреннихъ, малыхъ, среднихъ и внѣшнихъ планетъ, представляетъ многообразныя подобія и *контрасты* (4). Наконецъ, объемы и діаметры планетъ также точно не всегда соотвѣтствуютъ разстоянію ихъ отъ солнца, какъ бы этого слѣдовало опять ожидать, какъ замѣчалъ еще это и Кеплеръ. Такъ Марсъ менѣе Земли, Уранъ менѣе Сатурна, Сатурнъ менѣе Юпитера, и этотъ послѣдній слѣдуетъ непосредственно

(1) Космосъ, стр. 371.

(2) Ibidem. стр. 369, 383, 384.

(3) Въ этомъ отношеніи, порядокъ главныхъ планетъ слѣдующій: Меркурій, Марсъ, Венера, Земля, Уранъ, Нептунъ, Сатурнъ и Юпитеръ. „Космосъ“ стр. 382.

(4) „Космосъ“, стр. 384, 385, 390—392.

за роемъ планетъ, почти неизмѣримыхъ по причинѣ ихъ малости (1). Ни въ чемъ, такимъ образомъ, планеты не представляютъ, въ отношеніи другъ къ другу, регулярной постепенности, неуклоннаго однообразія. Съ подобными же или еще болѣе поразительными контрастами и разнообразіемъ мы встрѣчаемся при наблюденіи отношенія спутниковъ къ своимъ планетамъ. По механической теоріи необходимо предположить, что всѣ вообще спутники образовались такимъ же образомъ, какъ и планеты, чрезъ отдѣленіе отъ своихъ центральныхъ тѣлъ, и слѣдовательно должны были бы слѣдовать, относительно разныхъ элементовъ своихъ орбитъ и всего другаго, также въ строгой постепенности и однообразіи. Между тѣмъ, не говоря уже о неравномѣрномъ распредѣленіи спутниковъ въ солнечной области, о неравномѣрной ихъ величинѣ, плотности, различіи эксцентритета путей съ своими планетами, что мы видѣли и въ отношеніи самыхъ планетъ къ своему центральному тѣлу (2),—мы встрѣчаемся здѣсь съ явленіемъ, единственнымъ въ солнечной системѣ, — такимъ, которое одно достаточно, чтобы отнестись самымъ скептическимъ образомъ ко всей механической теоріи Канта и Лапласа, выдаваемой Бюхнеромъ за послѣднее слово науки,—а именно: тогда какъ всѣ спутники (Земли, Юпитера, Сатурна), равно какъ и всѣ главныя планеты движутся съ запада на востокъ и, исключая нѣкоторыхъ астероидовъ, незначительно наклонены къ эклиптикѣ, — почти совершенно круговые пути *Урановыхъ* спутниковъ наклонены подъ угломъ 78° 58′, слѣдовательно стоятъ почти перпендикулярно къ эклиптикѣ, а самые спут-

(1) „Космосъ", стр. 369, 371—373.

(2) Тамъ же, стр. 395, 397.

ники движутся на обороть отъ *Востока на Западъ* (1). Такую же противоположность движенія, кромѣ многихъ кометъ, имѣетъ также и наша Земля въ отношеніи къ Солнцу: Солнце, въ его суточномъ обращеніи, движется отъ востока къ западу, а Земля, какъ извѣстно, наоборотъ, обращается на своей оси отъ запада къ востоку (2). Что же, въ виду всѣхъ этихъ явленій и множества другихъ (3), значитъ, положеніе Бюхнера, что всюду въ небесныхъ пространствахъ господствуетъ одинъ и тотъ же законъ, одинъ и тотъ же порядокъ *механическій?* Означаетъ просто произвольный выводъ, сдѣланный Бюхнеромъ на основаніи своего механическаго міровоззрѣнія, но котораго не можетъ принять никто, сколько нибудь знакомый съ данными астрономіи. Но не явно-ли ниспровергаетъ и самъ же Бюхнеръ это свое положеніе, когда нѣсколькими десятками строкъ ниже его, онъ начинаетъ, пускаясь опять въ крайности, задавать себѣ вопросы за вопросами о разныхъ случайностяхъ и безпорядкѣ въ устройствѣ и расположеніи свѣтилъ, о несообразностяхъ, недостаткѣ симметріи и красоты между ними, о несходствѣ ихъ по величинѣ, по разстоянію и проч (4). Такъ заблужденіе изобличаетъ само себя! Самъ Бюхнеръ не замѣчаетъ, впрочемъ, въ этомъ явнаго противорѣчія своимъ собственнымъ прежнимъ по-

---

(1) „Космосъ", стр. 455.

(2) Общепонятная Астрономія В. Араго, перев. Хотинскаго, т. II стр. 66.

(3) Мы не указываемъ стольже явныхъ и поразительныхъ несообразностей въ свойствахъ и движеніи кометъ съ общими законами нашей солнечной системы,—несообразностей, которыя подрываютъ окончательно вѣру, чтобы небесный міръ былъ только механизмъ, происшедшій и нынѣ управляющійся дѣйствіемъ исключительно однихъ механическихъ силъ природы. См. о кометахъ у Гумбольдта, „Космосъ", стр. 480—482.

(4) Force et Matiére, p. 52, 53.

ложеніямъ о механическомъ происхожденіи вселенной, и, ни мало не задумываясь надъ заданными себѣ вопросами, спѣшитъ только поскорѣе и какъ можно рѣзче — выставить опять предъ своимъ читателемъ, что нѣтъ Творца вселенной, что эмпирическое изслѣдованіе природы, какой-бы стороны ни касалось оно, не находитъ ни одной черты, ни въ пространствѣ, ни во времени, Его сверхъестественнаго вліянія. Почему,— спрашиваетъ онъ,—Творецъ не начерталъ Своего имени въ хорѣ звѣздъ небесныхъ (¹)? Видимо, что Бюхнеръ, въ своей фанатической ревности, переступаетъ наконецъ границы всякаго благоразумія,—и это совершенно естественно. Подобно астроному Лаланду, онъ ищетъ свидѣтельства бытія Бога-Творца вселенной вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и потомъ жалуется, что не видитъ ни одной черты, свидѣтельствующей о бытіи Его. Онъ допускаетъ произвольно и *самобытность* и *вѣчность* матеріи и ея силъ, равно какъ и законовъ дѣятельности этихъ силъ,—называетъ матерію и *всемогущею*, и *безсмертною*, и *божественною:* понятно послѣ сего, можетъ ли оставаться въ понятіяхъ Бюхнера какое нибудь мѣсто для Бога истиннаго! Имѣетъ ли, послѣ сего, какой нибудь смыслъ и все это исканіе съ его стороны слѣдовъ истиннаго Бога? Само собою понятно, что онъ всюду долженъ видѣть слѣды одной матеріи и силы, возведенныхъ имъ въ божественное достоинство. Бюхнеръ произвольно смотритъ на все мірозданіе, какъ на механизмъ, въ которомъ будто бы все основано на однѣхъ математическихъ формулахъ, на одномъ механическомъ сцѣпленіи,—и потомъ въ существующемъ разнообразіи

(¹) Force et Matiére, p. 54.

нѣкоторыхъ частей этого механизма видитъ безпорядокъ, недостатокъ плана и цѣлесообразности. Отъ одного заблужденія переходитъ, такимъ образомъ, ко множеству новыхъ, еще горшихъ заблужденій. Между тѣмъ, міръ небесныхъ пространствъ, какъ изображаетъ его наука, есть не механизмъ, а скорѣе *организмъ*, въ которомъ разнообразіе соединено съ строгимъ и глубокимъ единствомъ, кажущійся безпорядокъ—съ самымъ гармоническимъ, дивнымъ планомъ. И вотъ въ этомъ-то планѣ, этой безконечной гармоніи міровыхъ законовъ, ясно проглядываютъ для насъ слѣды всемогущей и премудрой дятельности Верховнаго Зиждителя, Который *вся, елика восхотѣ, сотвори на небеси и на земли*, Который, какъ премудрый Художникъ, давши Самъ бытіе и приведши въ дѣйствіе силы и законы природы, не предоставилъ развитіе ихъ одной механической необходимости, но постоянно и непосредственно руководилъ Самъ ими къ достиженію предназначенныхъ цѣлей. Такъ объясняли происхожденіе этаго плана и этой гармоніи міровыхъ законовъ знаменитѣйшіе истолкователи природы—Кеплеръ и Ньютонъ ([1]). Пусть астрономія еще болѣе, чѣмъ нынѣ, уяснитъ для насъ свойства и движенія свѣтилъ небесныхъ, — небеса никогда не перестанутъ повѣдать для насъ славу Божію, какъ повѣдали они ее всегда человѣку, съ благоговѣніемъ изслѣдующему и созерцающему тайны мірозданія.

(Продолженіе будетъ).

([1]) Письма о конечныхъ причинахъ. Письмо 1, стр. 199 (Прибавленіе къ твореніямъ св. отцевъ. 1845 г.).

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

КЪ ПРОЭКТУ ПОЛОЖЕНІЯ О ПЕНСІОННОЙ КАССѢ ДЛЯ ДУХОВЕНСТВА С.-ПЕТЕРБУРСКОЙ ЕПАРХІИ.

Поводъ къ учрежденію пенсіонной кассы для духовенства с.-петербургской епархіи.

Основныя начала ея.

До 22-го мая 1867 года заштатные священно-и-церковнослужители, а также вдовы и сироты духовныхъ лицъ с.-петербургской епархіи, обезпечивались въ своемъ содержаніи выдачею пособій: 1) изъ суммъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія; 2) изъ церковныхъ кошельковыхъ суммъ; 3) пенсіями и единовременными пособіями, выдаваемыми съ 1 января 1866 г. изъ государственнаго казначейства; 4) денежными пособіями, выдававшимися поступавшими на мѣста сиротствующимъ семействамъ своихъ предмѣстниковъ изъ собственныхъ доходовъ по обязательству, утверждавшемуся епархіальнымъ начальствомъ. Послѣдній способъ обезпеченія вдовъ и сиротъ духовныхъ, допущенный вначалѣ по необходимости и на время и оказавшійся

потомъ крайне неблаговиднымъ, обременительнымъ для служащихъ духовныхъ лицъ и ненадежнымъ для самихъ вдовъ и сиротъ,—отмѣненъ Высочайшимъ указомъ, послѣдовавшимъ 22 мая 1867 года. Почему для обезпеченія вдовъ и сиротъ, а также и заштатныхъ священно- и церковнослужителей остались три первые источника. Посмотримъ, чего можно отъ нихъ ожидать.

I. Попечительство, какъ видно изъ отчета за 1866 годъ, публикованнаго имъ въ „Духовной Бесѣдѣ", 1-го апрѣля, къ 1866 году обладало слѣдующими средствами:

	Руб.	Коп.
а) Капиталомъ въ 57.536 р. $77^{3}/_{4}$ к., находившимся въ непрерывно-доходныхъ 4% (21.399 р.) и банковыхъ 5% билетахъ (2.000 р.), на вѣчное обращеніе по книжкѣ государственнаго банка на безсрочное время (16,567 р.), наличными деньгами (2,281 р. $28^{1}/_{2}$ к.) и въ долгахъ и недоимкахъ (15.289 р. $49^{1}/_{4}$ к.). Этотъ капиталъ принесъ процентовъ .	1.922	63
б) Двумя домами, дохода съ которыхъ получается по контракту	16.953	$8^{1}/_{2}$
в) Частію доходовъ съ дома, завѣщаннаго титулярнымъ совѣтникомъ Давыдовымъ въ пользу Пантелеимоновской церкви. Эта часть въ 1866 г. равнялась	198	84
Сверхъ того въ 1866 году поступило на приходъ въ попечительство:		
г) Собранныхъ въ находящіяся при церквахъ с.-петербургской епархіи кружки на бѣдныхъ духовнаго званія. . .	4.033	$92^{3}/_{4}$

д) Пожертвованныхъ отъ церквей изъ кошельковыхъ суммъ, отъ ихъ причтовъ со старостами и другихъ благотворителей	4.253	$61^{1}/_{2}$
е) Слѣдовавшихъ отъ Митрофановско-кладбищенской церкви за 1865 годъ .	100	
ж) Внесенныхъ по духовному завѣщанію протоіерея Іакова Предтеченскаго два $5^{0}/_{0}$ билета, по 150 р. . . .	300	
з) Штрафныхъ денегъ за 1865 и 1866 годы	16	78
и) Выписанныхъ въ расходъ, но возвращенныхъ въ попечительство за смертію призрѣваемыхъ и по другихъ причинамъ	292	$17^{1}/_{2}$
Итого . . .	28.071	$5^{1}/_{4}$
Изъ нихъ израсходовано на ремонтъ, поземельныя и страховыя съ домовъ попечительства и на расходы самаго попечительства	4.128	$^{1}/_{2}$
	23.943	$4^{3}/_{4}$
Изъ нихъ выдано постоянныхъ пособій 888 лицамъ	22.026	13
Единовременныхъ 49 лицамъ . , .	1,440	
	23.466	13

Эта выдача была наибольшая изъ всѣхъ, какія только когда либо производило попечительство. Ожидать увеличенія доходовъ трудно; напротивъ, пониженіе цѣнъ на квартиры и увеличеніе расходовъ на ремонтъ до-

мовъ, принадлежащихъ попечительству, а также весьма вѣроятное уменьшеніе пожертвованій отъ духовенства съ учрежденіемъ пенсіонной кассы заставляютъ предполагать въ будущемъ сокращеніе доходовъ. Во всякомъ случаѣ допускать ихъ болѣе настоящей цифры, не имѣется пока основанія.

Церковныхъ кружечныхъ кошельковыхъ и за отдачу въ наемъ принадлежащихъ церквамъ домовъ и зданій, среднимъ числомъ за послѣднія десять лѣтъ (1857—1866 годъ) было сборовъ 357.309 р. (1). Изъ нихъ отпу-

---

(1) Вѣдомость о сборахъ по церквамъ с.-петербургской епархіи за послѣднія десять лѣтъ.

	Кружечнаго сбора въ пользу церкви.		Кошельковаго сбора.		За отданные въ наемъ домы, лавки и пр.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
За 1857 годъ.	92,970	90 3/4	91,711	95 1/4	60,339	6 3/4
— 1858 —	104,896	39 1/4	132,032	3 1/2	87,332	14
— 1859 —	108,285	81 3/4	122,387	12 1/2	76,545	70 1/2
— 1860 —	162,177	17 1/4	144,346	47 3/4	85,731	43 1/2
— 1861 —	115,005	24 1/2	194,242	49 1/2	168,488	53 3/4
— 1862 —	143,265	96 1/4	125,349	67	107,117	55
— 1863 —	117,973	28 1/4	112,238	59	125,056	55 1/2
— 1864 —	116,783	67 1/2	139,189	58	133,513	15
— 1865 —	113,395	66 3/4	118,831	86 3/4	130,076	46 1/2
— 1866 —	112,649	21 1/4	116,866	47 1/4	134,306	58 1/2
Итого среднимъ числомъ въ годъ . .	118,739	85	127,719	15	110,850	34
А всего . . .	357,309 руб. 34 коп.					
Въ церквахъ одного С.-Петербурга за 1866 годъ было .	81,408	„	71,701	„	127,476	„
А всего въ С.-Петербургѣ за 1866 г.	280,585 руб.					

скается въ пособіе вдовамъ и сиротамъ духовныхъ лицъ до 25.656 р., что составляетъ почти 8%. Чуть не половина этой суммы выплачивается кладбищенскими церквами: Смоленскокладбищенская церковь выдаетъ пенсій духовнымъ вдовамъ и сиротамъ на сумму 5.047 руб., Волковская кладбищенская церковь 4.010 р., Большеохтенская кладбищенская церковь 2.233 р., отъ Митрофановой кладбищенской церкви (намъ свѣдѣній не доставлено), сколько можно судить по клировымъ вѣдомостямъ, 370 руб. Слѣдовательно, всего 11,660 рубл. Затѣмъ 20-ю приходскими столичными церквами выплачивается пенсій на сумму 10.337 р.; всѣми же остальными, столичными и сельскими церквами отпускается не болѣе 4.000 рубл.

Изъ государственнаго казначейства выдаются пенсіи и денежныя пособія только тѣмъ священнослужителямъ, кои оставили службу по выслугѣ 35 лѣтъ, и слѣдовательно не распространяются на семейства тѣхъ, которые умерли на службѣ прежде выслуги этого срока. Священникамъ, выслужившимъ 35 лѣтъ и уволившимся отъ службы, съ 1 января 1867 года, полагается 90 р.; вдовамъ же ихъ по 55 и 65 рубл. Конечно, пенсія въ 90 р. составляетъ благодѣяніе для заштатнаго сельскаго священника, но 55 руб. для сиротствующаго семейства въ Петербургѣ, составляетъ слишкомъ малое пособіе.

Въ настоящее время священниковъ, выслужившихъ пенсію за 35-ти-лѣтнюю службу въ с.-петербургской епархіи 18 человѣкъ. Пенсіи каждому полагается 90 р., итого 1.620 р. Вдовъ, получающихъ пенсіи за службу мужей, 22. Изъ нихъ одной по Высочайшему повелѣнію выдается 142 р. 95 к., одной 28 р., а двадцати по 55 р.; итого 1.271 р. 51 к. Всего на заштатныхъ и

вдовъ священническихъ с.-петербургской епархіи отпускается 2.891 р. 51 к.

Такимъ образомъ, на пенсіи и пособія вдовамъ, сиротамъ и заштатнымъ священно- и церковнослужителямъ с.-петербургской епархіи отпускается въ настоящее время изъ попечительства, церковныхъ суммъ и изъ государственнаго казначейства около 52.000 р.

Какъ ни почтенна эта сумма, но она покажется невеликою, когда сообразимъ, что число нуждающихся въ пособіи заштатныхъ священно- и церковнослужителей, вдовъ съ находящимися при нихъ дѣтьми и круглыхъ сиротъ—простирается до двухъ тысячъ. До 22 мая 1867 года къ этой суммѣ присоединялись до 12 тысячъ, платившихся по обязательствамъ; но теперь этотъ источникъ обезпеченія вдовъ и сиротъ духовныхъ закрытъ, и слѣдовательно, средства къ ихъ обезпеченію стали скуднѣе прежняго. Такъ какъ всѣ свободныя суммы въ церквахъ и попечительствѣ ассигнованы уже на выдачу пособій наличнымъ вдовамъ и сиротамъ, а новаго источника къ обезпеченію будущихъ вдовъ и сиротъ, въ замѣнъ отмѣненныхъ обязательствъ, не имѣется: то епархіальное начальство нашло нужнымъ сдѣлать соображенія о возможности учрежденія для духовенства с.-петербургской епархіи, особой эмеритальной кассы, по примѣру учрежденій подобнаго рода въ другихъ вѣдомствахъ. Конечно, эта касса можетъ быть учреждена не для настоящихъ вдовъ, остающихся при прежнихъ своихъ пособіяхъ, но будущихъ. По свойству учрежденій этого рода, капиталъ кассы долженъ образоваться преимущественно изъ взносовъ самаго духовенства, при пособіи изъ епархіальныхъ церковныхъ суммъ. Участіе духовенства въ составленіи пенсіонной кассы является

необходимостію въ виду очевидной невозможности надлежащаго обезпеченія вдовъ и сиротъ духовныхъ, а также и заштатныхъ священно- и церковнослужителей изъ однихъ епархіальныхъ средствъ. Это участіе будетъ совершенно отлично отъ участія, принимавшагося доселѣ по системѣ обязательствъ. При сей послѣдней, участіе въ обезпеченіи вдовъ и сиротъ духовныхъ, принимала только одна четверть духовенства, что̀ для нея, конечно, было очень тягостно; нѣкоторымъ приходилось платить по обязательству до 600 руб. ежегодно. Подобныя жертвы были тѣмъ тяжелѣе, что платившій такія суммы не могъ быть увѣренъ, чтобы, въ случаѣ его смерти, его семейство получило такое же возмездіе отъ его преемника. Разсчитывать на это, помимо многихъ другихъ стороннихъ обстоятельствъ, нельзя было еще и потому, что вдова, которой онъ платилъ по обязательству, могла пережить его (что въ послѣднее время нерѣдко и случалось) и его преемнику пришлось бы производить пенсіи уже не одной, а двумъ вдовамъ. При учрежденіи проэктируемой пенсіонной кассы обезпеченіе вдовъ и сиротъ духовныхъ ляжетъ не на часть духовенства, но на всѣхъ служащихъ духовныхъ лицъ, почему это бремя въ нѣсколько разъ облегчится. Оно облегчится и въ томъ отношеніи, что каждый будетъ платить, имѣя въ виду не столько пользу другихъ стороннихъ вдовъ и сиротъ, сколько пользу своего семейства и обезпеченіе самаго себя, въ случаѣ выхода за штатъ.

При составленіи проэкта положенія о пенсіонной кассѣ для духовенства с.-петербургской епархіи, нами имѣлись въ виду: Уставы эмеритальныхъ кассъ въ морскомъ и военно-сухопутномъ вѣдомствахъ и правила

россійскаго общества застрахованія капиталовъ и доходовъ, учрежденнаго въ 1837 году. Впрочемъ, вполнѣ примѣнить ихъ къ положенію проэктируемой кассы не оказалось возможнымъ.

Начала, на которыхъ основаны эмеритальныя пенсіонныя кассы по вѣдомствамъ морскому и военно-сухопутному, суть слѣдующія: 1) Основной капиталъ сосоставляется изъ пособія со стороны правительства (для морскаго вѣдомства въ 1.500.000 р., а для военносухопутнаго въ 8.325.000 р.), изъ 6% вычетовъ со всего содержанія служащихъ лицъ въ этихъ вѣдомствахъ въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ отъ начала кассы и всѣхъ остатковъ отъ ежегодныхъ ея доходовъ въ послѣдующіе годы. Постояннымъ доходомъ Кассы въ этихъ вѣдомствахъ служатъ тѣ же продолжающіеся 6% вычеты съ содержанія служащихъ лицъ, не принимая во вниманіе, холостъ ли изъ нихъ кто, или женатъ, имѣетъ ли дѣтей, или бездѣтенъ. 2) Пенсіи производятся какъ самимъ выходящимъ въ отставку, такъ, въ случаѣ смерти пріобрѣтавшихъ право на пенсію, и семействамъ ихъ, разумѣя подъ симъ вдову и дѣтей умершаго. 3) Пенсіи дѣлятся на два разряда: высшій—для прослужившихъ въ общей государственной службѣ трицать пять лѣтъ, и низшій—для прослужившихъ въ общей государственной службѣ двадцать пять лѣтч. Въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ существуетъ до пяти подраздѣленій, чрезъ которыя пенсіонныя выдачи соразмѣрены съ числомъ платныхъ лѣтъ въ эмеритальную кассу. Въ морскомъ вѣдомствѣ прослужившимъ тридцать пять или двадцать пять лѣтъ положено производить пенсіи въ слѣдующихъ размѣрахъ.

Разряды.	Число платныхъ лѣтъ въ Кассу.	Размѣръ эмеритальныхъ выдачъ сравнительно съ полнымъ пенсiономъ изъ Государственнаго Казначейства.	
		За 35 лѣтъ службы.	За 25 лѣтъ службы.
I.	5—8	$^2/_{10}$	$^3/_{20}$
II.	8—15	$^3/_{10}$	$^4/_{20}$
III.	15—22	$^4/_{10}$	$^5/_{20}$
IV.	22—29	$^5/_{10}$	$^6/_{20}$
V.	29	—	$^7/_{20}$
—	29—35	$^6/_{10}$	—

Въ военно сухопутномъ вѣдомствѣ пенсiи распредѣлены на слѣдующiе пять разрядовъ.

Разряды.	Число платныхъ лѣтъ въ Кассу.	Размѣръ эмеритальныхъ выдачъ сравнительно съ полнымъ пенсiономъ изъ Государственнаго Казначейства.	
		За 35 лѣтъ службы.	За 25 лѣтъ службы.
I.	5—12	$^3/_8$	$^3/_{12}$
II.	12—19	$^4/_8$	$^4/_{12}$
III.	19—25	$^5/_8$	$^5/_{12}$
IV.	25—30	$^6/_8$	$^6/_{12}$
V.	30—35	$^7/_8$	$^7/_{12}$
VI.	35 и дал.	$^8/_8$	$^8/_{12}$

Чтобы яснѣе видѣть отношенiе суммы вычетовъ къ суммѣ эмеритальныхъ пенсiй, въ слѣдующей за симъ таблицѣ представляется для примѣра количество получаемаго нѣкоторыми изъ морскихъ чиновъ содержанiя, 6% съ него вычетовъ и величину пенсiй изъ Государственнаго казначейства и эмеритальной кассы.

Отсюда видно, что вычеты съ капитановъ 1-го ранга къ выдаваемымъ имъ за 35 платныхъ лѣтъ пенсіямъ изъ эмеритуры относятся какъ 169 : 395; съ капитана 2-го ранга какъ 129 : 309; съ лейтенантовъ какъ 54 : 240, а съ мичмановъ какъ 31 : 216. Но, при существующихъ правилахъ производства, нельзя допустить, чтобы кто либо оставался въ одномъ чинѣ 35 лѣтъ и

ВОЕННЫЕ ЧИНЫ.	Средняя цифра получаемаго содержанія.		6% вычеты.		Пенсіи изъ государственнаго казначейства.				Количество эмеритальныхъ пенсій. Въ семилѣтіе.																			
									Первое.				Второе.				Третіе.				Четвертое.				Пятое.			
					За 35 л.		За 25 л.		За 35 л.		За 25 л.		За 35 л.		За 25 л.		За 35 л.		За 25 л.		За 35 л.		За 25 л.		За 35 л.		За 25 л.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Капитанъ 1-го ранга . . .	2830	90	169	85	660	„	330	„	132	„	99	„	198	„	132	„	264	„	165	„	330	„	198	„	396	„	231	„
Капитанъ 2-го ранга . . .	2150	90	129	5	515	„	257	50	103	„	77	25	154	50	103	„	206	„	128	75	257	50	154	50	309	„	180	25
Лейтенантъ	915	„	54	9	400	„	200	„	80	„	60	„	120	„	80	„	160	„	100	„	200	„	120	„	240	„	140	„
Мичманъ.	534	30	31	6	360	„	180	„	72	„	54	„	108	„	72	„	144	„	90	„	180	„	108	„	216	„	126	„

чтобы, въ теченіи всего этого времени службы, дѣлались одинаковые вычеты. Поступающій на службу во флотъ мичманомъ можетъ чрезъ 6 лѣтъ быть произведенъ въ лейтенанты, затѣмъ чрезъ 10 лѣтъ въ капитанъ-лейтенанты; потомъ лѣтъ чрезъ 8-мь въ капитаны 2-го ранга, а еще чрезъ 4-е года въ капитаны 1-го ранга. Если онъ пробудетъ въ этомъ чинѣ 7 лѣтъ, то его службы исполнится 35 лѣтъ Въ теченіи ея съ него будетъ сдѣлано 6 процентныхъ вычетовъ въ эмеритальную кассу 3.064 р. 41 коп., что на каждый годъ среднимъ числомъ составитъ 87 р. 55 коп. взноса. Слѣдовательно вычеты съ капитана 1-го ранга къ получаемой имъ изъ эмеритуры пенсіи относятся не какъ 169:395, а какъ 87 р. 55 коп.: 395. Впрочемъ этой средней цифры взноса нельзя принимать въ строгомъ смыслѣ: потому что большая часть 6% вычетовъ производится съ чиновъ морскаго вѣдомства во второй половинѣ ихъ службы, а всѣ суммы, взносимыя въ кассу позднѣе, имѣютъ меньше значенія, по ихъ меньшему приращенію процентами, чѣмъ взносимыя въ началѣ; почему и выведенное нами среднее число взноса за 100 р. пенсіи изъ раздѣленія общей суммы 6% вычетовъ съ капитана 1-го ранга на 35 лѣтъ, на самомъ дѣлѣ должно представлять меньшимъ, и только приблизительнымъ.

Въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ сумма вычетовъ въ теченіи 35 лѣтъ съ лица, дослужившагося изъ прапорщиковъ до капитана и состоявшаго въ капитанскомъ чинѣ 8-мь лѣтъ, равняется 1.532 р. 54 коп., а пенсія 315 р. Слѣдовательно ежегодные, среднимъ числомъ, вычеты относятся какъ 43 р. 70 коп.: 315, или почти какъ 14 : 100. Достигающій чина командира нѣкотнаго корпуса, въ теченіи своей 40 лѣтней службы, выплачи-

ваетъ въ эмеритальную кассу 8.876 р. 31 коп. и, при выходѣ въ отставку, получаетъ по уставу пенсію въ 1.145 р., при чемъ ежегодные вычеты, среднимъ числомъ, относятся къ пенсіи какъ 222 : 1145, или почти какъ 20 : 100.

Вдовамъ выслужившихъ пенсію, если онѣ бездѣтныя, выдается только половина, если же имѣютъ трехъ и болѣе малолѣтнихъ дѣтей, то полная пенсія мужа. Малолѣтнимъ дѣтямъ, оставшимся по смерти отца безъ матери, выдается каждому $^1/_4$ принадлежавшей ихъ отцу пенсіи (Пол. эмер. касс. морск. 73), такъ что четверо или болѣе получаютъ полную пенсію отца.—Лица, выходящія въ отставку до выслуги положенныхъ сроковъ, не получаютъ права на пенсію изъ эмеритальной кассы, а пользуются лишь единовременнымъ пособіемъ и то лишь въ томъ случаѣ, если причиною ихъ выхода въ отставку бываетъ увѣчье или тяжкая болѣзнь, лишающая ихъ возможности продолжать службу (§ 55 Полож. объ эмер. касс. морск. вѣд.). Отсюда видно, что эмеритальныя кассы учреждаются главнымъ образомъ для воспособленія пенсіямъ, выдаваемымъ изъ государственнаго казначейства за 25-ти и 35-ти лѣтнюю службу, и вовсе не имѣютъ въ виду тѣхъ, кои оставляютъ службу ранѣе этого срока. Онѣ предполагаютъ, что всякій, въ молодыхъ лѣтахъ оставляющій службу, оставляетъ ее потому, что или находитъ для себя выгоднѣйшее занятіе, или изъ любви къ праздности, и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не находитъ для себя побужденія о немъ заботиться.

Вдумываясь въ эти правила эмеритальныхъ кассъ, нельзя не видѣть, что онѣ хорошо примѣнены къ нуждамъ и положенію служащихъ въ военно-сухопут-

номъ и морскомъ вѣдомствахъ, но не пригодны для духовенства. Если бы требовалось только обезпечить духовныхъ лицъ, выходящихъ въ отставку по выслугѣ 35 лѣтъ, то это не представило бы особыхъ затрудненій и большихъ жертвъ по небольшому ихъ числу. По клировымъ вѣдомостямъ 1866 года, въ заштатѣ состояло: изъ столичныхъ и сельскихъ священно-и-церковнослужителей, выслужившихъ 35 лѣтъ, священниковъ 28, діаконовъ 11, причетниковъ 34, всѣхъ же 73. Даже если бы захотѣли въ настоящее время оставить службу всѣ достигшіе 60 лѣтняго возраста, то и тогда въ заштатѣ состояло бы: изъ священно-и-церковнослужителей петербургскихъ священниковъ 27, діаконовъ 13, причетниковъ 17, а изъ священно-и-церковнослужителей сельскихъ священниковъ 49, діаконовъ 21 и причетниковъ 39; всѣхъ же 167. Но предметомъ попеченія епархіальнаго начальства служатъ не только выходящіе въ заштатъ по 35 лѣтней выслугѣ съ ихъ семействами, но и семейства священно-и-церковнослужителей, умершихъ до выслуги этого срока, а ихъ во много разъ больше заштатныхъ. И епархіальное начальство не имѣетъ права отказаться отъ попеченія о нихъ; потому что духовныя лица, по существующему у насъ правилу, обязаны вступать въ бракъ. Къ тому же самая система 6% вычетовъ не совсѣмъ приложима къ епархіальному духовенству, въ которомъ многіе или вовсе не получаютъ никакого жалованья, или получаютъ крайне различное. Установить же для священнослужителей сельскихъ и городскихъ однообразныя пенсіи при различныхъ вычетахъ было бы несправедливо, а если соображать выдачи со взносами, то придется основать пенсіонную кассу для духовенства уже не на

началахъ кассъ эмеритальныхъ, а на началахъ жизненнаго застрахованія.

II) По обыкновеннымъ началамъ страхованія пожизненныхъ пенсій, страхующій самъ себѣ назначаетъ размѣръ этой пенсіи и возрастъ, съ котораго онъ желаетъ ею воспользоваться. Величина же ежегодныхъ взносовъ опредѣляется сообразно съ законами смертности для возраста лица страхующагося. Такъ какъ по общему закону смертности человѣкъ молодой можетъ прожить дольше, чѣмъ старѣйшій его по лѣтамъ, то при застрахованіи пенсіи, для себя-ли то, или для своего семейства, молодой будетъ вносить ежегодную премію болѣе продолжительное время, чѣмъ страхователь старѣйшій лѣтами, и потому ежегодный взносъ перваго долженъ быть менѣе. Установленныя, соотвѣтственно возрасту страхующагося, при началѣ страхованія, премiи не измѣняются въ продолженіи всей жизни. Изъ ежегодныхъ взносовъ и наростающихъ на нихъ процентовъ составляется капиталъ, изъ котораго производится платежъ всѣхъ застрахованныхъ суммъ. Размѣры ежегодныхъ взносовъ при разныхъ возрастахъ страхующаго и при разныхъ срокахъ страхованія показаны въ слѣдующей таблицѣ Россійскаго общества застрахованія капиталовъ и доходовъ, учрежденнаго въ 1827 году.

Возрастъ при заключеніи страхованія.	Возрастъ, съ котораго начнется уплата пенсій.		
	50.	55.	60.
	Величина ежегодныхъ взносовъ за полученіе пенсіона въ 100 рублей.		
20	22 р.	12 р. 90 к.	8 р. 30 к.
25	30 р. 30 к.	18 р. 70 к.	11 р. 30 к.
30	43 р. 40 к.	25 р. 90 к.	15 р. 30 к.
35	66 р. 20 к.	37 р. 30 к.	21 р. 20 к.
40	113 р. 60 к.	57 р. 30 к.	30 р. 90 к.
45	259 р. 60 к.	99 р. 10 к.	47 р. 90 к.
50		228 р. 90 к.	83 р. 90 к.

Для обезпеченія пенсіона семейству должно быть заключено особое страхованіе для жены и особое для каждаго ребенка. Пенсія ни подъ какимъ видомъ не выдается ранѣе условнаго срока, а въ случаѣ его смерти не можетъ перейти къ его наслѣдникамъ. Размѣры ежегодныхъ взносовъ для обезпеченія пенсіона въ пользу жены и дѣтей гораздо выше, и тѣмъ выше, чѣмъ болѣе разность между возрастомъ страхователя и возрастомъ того лица, которому обезпечивается пенсіонъ. Вотъ таблица ежегодныхъ взносовъ, установленныхъ Россійскимъ Обществомъ застрахованія капиталовъ и доходовъ, за каждые 100 р. пенсіона, выдаваемаго по смерти страхователя А, поименованному лицу В, если оно будетъ тогда еще въ живыхъ. Взносы производятся въ теченіи всей жизни страхователя.

Лѣта страхователя. А	Лѣта лица В, которому назначается пенсіонъ.	Ежегодная премія. Р.	Ежегодная премія. К.	Лѣта страхователя. А	Лѣта лица В, которому назначается пенсіонъ.	Ежегодная премія. Р.	Ежегодная премія. К.
20	20	23	50	45	40	37	20
25	20	26	80	50	45	41	80
30	25	28	50	55	50	47	10
35	30	30	70	60	55	53	10
40	35	33	50				

Изъ приложенныхъ таблицъ видно, что учрежденіе пенсіонной кассы на началахъ страхованія пожизненныхъ пенсій было бы слишкомъ тяжело для тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя находятся въ преклонныхъ лѣтахъ и обремenены большимъ семействомъ. Если бы кто изъ нихъ, имѣя 45 лѣтъ отъ роду, захотѣлъ бы обезпечить себѣ пенсіонъ при достиженіи 60 лѣтняго возраста, положимъ въ 400 р., и такой же пенсіонъ, въ случаѣ своей смерти, женѣ, имѣющей 40 лѣтъ отъ роду, то ему пришлось бы по этимъ таблицамъ взно-

сить ежегодно за себя по 191 р. 60 к., да за свою жену по 148 р. 50 к. Если же онъ захотѣлъ бы обезпечить пенсіономъ и своихъ дѣтей до извѣстнаго возраста, то ему пришлось бы платить и за нихъ за каждаго особо.

Разсмотрѣвъ уставы эмеритальныхъ кассъ и общества застрахованія пожизненныхъ пенсій, мы пришли къ убѣжденію въ невозможности полнаго примѣненія ихъ къ проэктируемой пенсіонной кассѣ для духовенства с.-петербургской епархіи и нашли болѣе удобнымъ основать ее на слияніи началъ страхованія и эмеритуры, примѣнительно къ собраннымъ нами даннымъ о числѣ вдовъ и сиротъ въ с.-петербургской епархіи. Изъ эмеритальнаго устава мы считаемъ необходимымъ заимствовать обязательность взносовъ, но не примѣнительно къ содержанію и доходамъ, которые получаетъ духовенство, а по низшему разряду пенсій, назначаемыхъ отдѣльно для священниковъ, діаконовъ и причетниковъ, столичныхъ и сельскихъ. Изъ устава же обществъ страхованія мы заимствуемъ соразмѣрность взносовъ съ избираемыми пенсіями.

Образованіе капитала пенсіонной кассы.

При всякомъ проэктѣ пенсіонной и вдовьей кассы, какая бы ни была система, принятая въ ея основаніе, необходимы слѣдующія данныя:

1) свѣдѣнія о денежныхъ средствахъ, коими можетъ располагать касса;

2) расчетъ о вѣроятныхъ расходахъ кассы.

Опредѣленіе количества доходовъ кассы зависитъ отъ числа лицъ, имѣющихъ дѣлать взносы, а количество расходовъ-отъ числа лицъ, которымъ будетъ должно

выдавать пенсіи. Число же наличныхъ служащихъ и заштатныхъ священно-и-церковнослужителей, вдовъ и сиротъ духовныхъ, съ находящимися при нихъ дѣтьми, слѣдующее:

По клировымъ вѣдомостямъ 1866 года числилось												
	Число состоящихъ на службѣ	Заштатныхъ	Дѣтей при нихъ.		Вдовъ.	Дѣтей при нихъ.		Круглыхъ сиротъ.		Просокрн.		Всего.
			Мужск.	Женск.		Мужск.	Женск.	Мужск.	Женск.	Вдовъ.	Дѣвиц.	
Столичныхъ.												
Священниковъ.	185	4	4	3	60	23	33	13	51	4	1	196
Діаконовъ. . .	100	8	8	6	23	15	17	„	9	2	„	88
Причетниковъ.	155	12	4	6	62	40	33	6	28	4	2	197
Уѣздныхъ и сельск.												
Священниковъ.	309	44	33	31	116	67	88	12		20	16	500
Діаконовъ. . .	126	16	8	4	42	29	49	2	20	18	15	203
Причетниковъ.	446	48	17	31	144	115	113	26	77	44	33	648
	1321	132	74	81	450	288	333	59	255	92	67	1832

Среднее число умирающихъ священно-и-церковнослужителей въ С.-петербургской епархіи, выведенное изъ общаго числа смертныхъ случаевъ за 27 лѣтъ (1840—1866 г.) слѣдующее:

Столичныхъ	Изъ состоящихъ на службѣ	Заштатныхъ	Уѣздныхъ и сельскихъ	Изъ состоящихъ на службѣ	Заштатныхъ
Священниковъ	$3^{25}/_{27}$	$^{18}/_{27}$	Священниковъ	$6^{7}/_{27}$	$2^{3}/_{27}$
Діаконовъ	$1^{7}/_{27}$	$^{9}/_{27}$	Діаконовъ	$2^{7}/_{27}$	$^{25}/_{27}$
Причетниковъ	$3^{1}/_{27}$	$^{14}/_{27}$	Причетниковъ	$7^{13}/_{27}$	$1^{21}/_{27}$

Слѣдовательно всѣхъ изъ состоявшихъ на службѣ штатныхъ умираетъ $24^{6}/_{27}$, а заштатныхъ $6^{9}/_{27}$; общимъ же числомъ $30^{15}/_{27}$. Сообразно съ числомъ ежегодно умирающихъ священнно-и-церковнослужителей должно предположить, что ежегодно является такое же число и вдовъ. Хотя въ дѣйствительности ихъ бываетъ

меньше, потому что между умирающими священно-и-церковнослужителями бывают вдовцы; но такъ какъ и послѣ вдовцевъ могутъ оставаться сироты, которымъ нужно будетъ производить пенсію: то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ допустить, что число прибывающихъ пенсіонеровъ будетъ всегда совпадать съ числомъ ежегодно умирающихъ священно-и-церковнослужителей, а именно:

Вдовъ	Въ С.-петербургѣ	Въ уѣздахъ и селахъ
Священническихъ	$4^1/_2$	9
Діаконскихъ	2	3
Причетническихъ	3	$9^1/_2$
	Итого 31	

Такъ какъ между вдовами пенсіонерками также будутъ смертные случаи, а сироты-пенсіонеры будутъ достигать совершеннолѣтія, то приращеніе пенсіонеровъ не можетъ идти въ одинаковой прогрессіи постоянно; оно должно достигнуть извѣстнаго предѣла. Въ настоящее время состоитъ:

Столичныхъ	Вдовъ	Сиротствующихъ семействъ
Священниковъ	64	6
Діаконовъ	25	1
Причетниковъ	66	9
Уѣздныхъ и сельскихъ		
Священниковъ	139	18
Діаконовъ	60	3
Причетниковъ	188	30
Итого	542	67

Впрочемъ это число вдовъ и сиротствующихъ се-

мействъ слѣдуетъ относить къ прежнему, а не къ настоящему числу священно-и-церковнослужителей с.-петербургской епархіи, значительно увеличившемуся въ послѣднія десять лѣтъ. Если же мы отнесемъ наличное число вдовъ къ числу священно-и-церковнослужителей бывшему въ 1856 году, а ихъ было тогда

	Въ столицахъ	Въ уѣздахъ и селахъ
Священниковъ	163	299
Діаконовъ	66	119
Причетниковъ	184	440
	Всѣхъ	1271,

то, при числѣ священно-и-церковнослужителей въ 1866 году (1321), вдовъ и сиротствующихъ семействъ должно быть 633.

$$1271 : 609 = 1321 : 632^{1217}/_{1271}.$$

Въ частности же

Вдовъ и сиротствующихъ семействъ въ столицѣ:

Священническихъ . .	$163 : 70 = 185 : 79^{73}/_{163}$.
Діаконскихъ	$66 : 26 = 100 : 39^{26}/_{66}$.
Причетническихъ . .	$184 : 75 = 155 : 63^{33}/_{184}$.

Въ уѣздахъ и селахъ

Священническихъ . .	$299 : 157 = 309 : 162^{75}/_{299}$.
Діаконскихъ	$119 : 63 = 126 : 66^{84}/_{119}$.
Причетническихъ . .	$440 : 218 = 446 : 220^{428}/_{440}$.

Такъ какъ средній возрастъ всѣхъ вдовъ духовныхъ с.-петербургской епархіи въ 1866 году былъ 53 лѣтній, то вѣроятная продолжительность ихъ средней жизни, по таблицѣ смертности женскаго пола православнаго исповѣданія для Россіи, составленной академикомъ Буняковскимъ, должна равняться 18 годамъ. Присоединяя

къ вѣроятной продолжительности жизни вдовъ продолжительность жизни остающихся послѣ нихъ сиротъ, мы увеличиваемъ ее на 2 года и полагаемъ въ 20 лѣтъ. При этомъ число пенсіонерокъ вдовъ и сиротъ, а равно и количество выдаваемой имъ пенсіи, будетъ возрастать, въ теченіи двадцати лѣтъ, въ прогрессіи чиселъ 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. до 20-ти, такъ что если предполагаемое нами среднее число вдовъ въ первый годъ открытія выдачъ будетъ 31, а сумма имъ пенсій 5542 р. 50 к., то на двадцатомъ году число пенсіонеровъ будетъ 620, а сумма выдаваемыхъ имъ пенсій 110,850 р. Приращеніе пенсіонеровъ до 633 мы относимъ къ 41 году отъ открытія выдачъ и сверхъ того для безопасности кассы увеличиваемъ число вдовъ и сиротъ на 3%, т. е. полагаемъ, что на наличное число священно-и-церковнослужителей будетъ тогда

Въ 1866 году сумма лѣтъ вдовъ:

Въ столицѣ	
Священническихъ	3.516
Діаконскихъ	1.231
Причетническихъ	3.442
Въ уѣздахъ и селахъ	
Священническихъ	7.096
Діаконскихъ	3.204
Причетническихъ	10.245
Всего	28.734 года.

Если раздѣлимъ эту сумму на 542, т. е. наличное число вдовъ, то получимъ 53 $^{108}/_{542}$, а это будетъ ихъ средній возрастъ. Въ таблицѣ смертности женскаго пола православнаго исповѣданія, помѣщенной академикомъ г. Буняковскимъ въ приложеніи къ VIII тому записокъ императорской академіи наукъ, въ статьѣ, озаглавленной: „опытъ о законахъ смертности въ Россіи“, на 88 стран. 53 лѣтнему возрасту соотвѣтствуетъ число 325, обозначающее остающихся въ живыхъ изъ 1.000 человѣкъ. Раздѣливъ 325 на 2, мы находимъ число 162$^1/_2$, которое падаетъ между 170 и 158, соотвѣтствующими 70 и 71 годамъ. Вычтя найденный средній возрастъ вдовъ 53 лѣтъ изъ цифры 71, получимъ 18 лѣтъ вѣроятной жизни для 53 лѣтнихъ вдовъ.

вдовъ и сиротъ 651, а сумма выдаваемыхъ имъ пенсій 116,392 р. Къ этому должно присоединить всѣхъ выходящимъ въ отставку на 60 году возраста. Хотя нынѣ между столичными священно - и - церковнослужителями весьма мало заштатныхъ, но можно предполагать, что, при существованіи эмиритальной кассы, ихъ будетъ болѣе. Мы же должны считать пенсіонерами всѣхъ, достигающихъ 60 лѣтняго возраста. По клировымъ вѣдомостямъ 1866 года, имѣвшихъ 60 лѣтъ и болѣе, состоявшихъ на службѣ и заштатныхъ было: въ столицѣ-священниковъ 27, діаконовъ 13, причетниковъ 17; въ уѣздныхъ же городахъ и селахъ-священниковъ 49, діаконовъ 22, причетниковъ 39, всѣхъ 167. Пенсіи имъ, по высшему окладу, придется производить 31,395 р.; слѣдовательно высшая цифра выдачь изъ пенсіонной кассы всѣмъ пенсіонерамъ, т. е. вдовамъ, сиротамъ и заштатнымъ, будетъ 147,195 рублей (1).

---

(1) Въ теоретической запискѣ академика Г. В. Я. Буняковскаго, объясняющей расчеты по проэкту пенсіонныхъ выдачь изъ эмеритальной кассы морскаго вѣдомства, представлена слѣдующая формула, опредѣляющая послѣдовательные ежегодные расходы всѣхъ вообще вспомогательныхъ кассъ на пенсіонныя выдачи.

Выдача	1-го	года =	1,	Выдача	23 го	года =	14,49125
—	2	—	1,97267	—	24	—	14,69392
—	3	—	2,91691	—	25	—	14,87050
—	4	—	3,83165	—	26	—	15,02301
—	5	—	4,71579	—	27	—	15,15315
—	6	—	5,56825	—	28	—	15,26233
—	7	—	6,38810	—	29	—	15,35463
—	8	—	7,17440	—	30	—	15,42182
—	9	—	7,92623	—	31	—	15,47369
—	10	—	8,64265	—	32	—	15,50785
—	11	—	9,32272	—	33	—	15,52477
—	12	—	9,96552	—	34	—	15,53494
—	13	—	10,57012	—	35	—	15,54141
—	14	—	11,13574	—	36	—	15,54714.

Такая сумма выдачь потребуется лѣтъ черезъ 45-ть, когда число пенсіонеровъ достигнетъ высшаго предѣла.

—	15	—	11,66191	—	37	—	15,55157
—	16	—	12,14848	—	38	—	15,55467
—	17	—	12,59545	—	39	—	15,55688
—	18	—	13,00297	—	40	—	15,55835
—	19	—	13,37166	—	41	—	15,55964
—	20	—	13,70277	—	42	—	15,56037
—	21	—	13,99816	—	43	—	15,56055
—	22	—	14,26016				

Такъ какъ средній годовой расходъ государственнаго казначейства на пенсіи ежегодно прибывающимъ пенсіонерамъ изъ чиновъ морскаго вѣдомства опредѣленъ въ 45,000 р., то, сообразно этой формулѣ, академикъ Г. Буняковскій послѣдовательные годовые расходы государственнаго казначейства на этотъ предметъ представляетъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ	1-й	годъ	=	45.000 р.	Въ	23	годъ	=	652.106 р.
—	2	—		88.770 —	—	24	—		661.123 —
—	3	—		131.261 —	—	25	—		669.172 —
—	4	—		172.424 —	—	26	—		676.035 —
—	5	—		212.211 —	—	27	—		681.892 —
—	6	—		250.571 —	—	28	—		686.805 —
—	7	—		287.464 —	—	29	—		690.823 —
—	8	—		322.848 —	—	30	—		693.982 —
—	9	—		356.680 —	—	31	—		696.316 —
—	10	—		388.919 —	—	32	—		697.853 —
—	11	—		419.522 —	—	33	—		698 615 —
—	12	—		448.448 —	—	34	—		699.072 —
—	13	—		475.655 —	—	35	—		699.363 —
—	14	—		501.108 —	—	36	—		699.621 —
—	15	—		524.785 —	—	37	—		699.821 —
—	16	—		546.682 —	—	38	—		699.960 —
—	17	—		566.795 —	—	39	—		700.060 —
—	18	—		585.134 —	—	40	—		700.126 —
—	19	—		601.724 —	—	41	—		700.184 —
—	20	—		616.625 —	—	42	—		700.217 —
—	21	—		629.917 —	—	43	—		700.225 —
—	22	—		641.707 —					

Отсюда видно, что выдача пенсіи на первомъ году должна относиться къ выдачѣ ихъ на 20 году, какъ 1 къ 13,70277, а къ выдачѣ на 41 году, какъ 1 къ 15,55964. Въ нашемъ же расчетѣ по таблицѣ № 1 выдача перваго года= 5.542 р. 50 к., выдача же 20-го года=110.850 р., а выдача 41 года (46 отъ

Чтобы пенсіонная касса въ состояніи была производить такія выдачи, долженъ образоваться капиталъ, процен-

---

начала кассы)=147.195 р., т. е. выдача перваго года относится къ выдачѣ 20 года какъ 1 : 20, а къ выдачѣ 41 года, какъ 1:29. Такое значительное уклоненіе отъ приведенной нами формулы академика Буняковскаго допущено нами по слѣдующимъ причинамъ: 1) Въ числѣ пенсіонеровъ морскаго вѣдомства, имѣющихъ средній возрастъ при полученіи пенсіи 55 лѣтъ, находится много неженатыхъ и вдовцовъ, такъ что вдовъ пенсіонеровъ было: въ 1859 году 19-ть при 118 пенсіонерахъ, въ 1860 году—52 при 526 пенсіонерахъ, въ 1861 году 55 при 175 пенсіонерахъ и въ 1862 году—54 при 122 пенсіонерахъ. Духовныя же лица всѣ женаты и потому наличное число вдовъ въ $3^1/_2$ раза болѣе числа священно- и-церковнослужителей, выслужившихъ 35 лѣтъ. 2) По правиламъ эмеритальной кассы морскаго вѣдомства, безсемейнымъ вдовамъ, по 25 или 35 лѣтней выслугѣ ихъ мужей, полагается производить только половинныя пенсіи, а по нашему проэкту имъ слѣдуютъ полныя пенсіи безъ отношенія къ числу лѣтъ службы ихъ мужей. 3) По правиламъ эмеритальной кассы морскаго вѣдомства сиротамъ производится пенсія на каждаго въ размѣрѣ $^1/_4$-ти пенсіи, принадлежавшей отцу, и сыновьямъ до 17 лѣтъ, а незамужнимъ дочерямъ до 21 года; по нашему же проэкту имъ пенсія должна производиться въ размѣрѣ $^1/_3$ на каждаго и до 25 лѣтняго возраста. 4) По правиламъ эмеритальной кассы выдача пенсій оставляющимъ службу и вдовамъ выслужившихъ пенсію производится одновременно со дня открытія дѣйствій кассы; между тѣмъ, по нашему проэкту, при страховой системѣ, выдача пенсій заштатнымъ отнесена къ 25 году, вслѣдствіе чего и увеличивается сильно пропорція между выдачею перваго и сороковаго годовъ. Если бы выдачу имъ пенсій (при страховой системѣ) начать съ открытія дѣйствій кассы, то сумма первой выдачи была бы не 5.542 р. 50 коп., какая показана въ таблицѣ № 1-й, а 7.112 р. 25 коп.; а если бы безсемейнымъ вдовамъ мы стали бы производить только половинную пенсію, то высшею суммою выдаваемыхъ всѣмъ имъ пенсій (такъ какъ половина изъ нихъ безсемейны) чрезъ 20, а равно чрезъ 40 лѣтъ,—была бы не 110,850 р., а только 83,138 р., что съ высшею выдачею пенсій заштатнымъ (31,195 р.) составляло бы 112,533 р., т. е. сумму почти только въ $15^1/_2$ разъ большую противъ суммы первой выдачи, и слѣдовательно вполнѣ согласную съ формулою г. академика Буняковскаго. Если бы при началахъ, допущенныхъ нашимъ проэктомъ, мы вздумали слѣпо приложить формулу академика Буняковскаго, хотя бы въ выдачѣ пенсій однѣмъ вдовамъ, и допустили бы, что выдача напр. 40 года должна относиться какъ $15^1/_2$: 1: то слѣдовало бы, что если въ первый годъ, при открытіи дѣйствій кассы, вдовъ пенсіонеровъ было 31, то чрезъ 40 лѣтъ ихъ должно быть только въ $15^1/_2$ разъ болѣе 30,

ты котораго, вмѣстѣ съ ежегодными взносами отъ духовенства, равнялись бы суммѣ выдачъ. Такой капи-

---

а именно 480; между тѣмъ ихъ въ наличности существуетъ 542, кромѣ круглыхъ сиротствующихъ семействъ, относимыхъ нами къ числу вдовъ. Правда, опредѣливъ въ будущемъ число вдовъ и сиротствующихъ семействъ въ 651, вмѣсто 609, состоящихъ въ наличности, мы сдѣлали, по видимому, значительную надбавку; но при этомъ должно принять во вниманіе, что наличное число вдовъ и сиротствующихъ семействъ существуетъ отъ прошедшаго времени, когда число священно-и-церковнослужителей было менѣе настоящаго. Въ послѣднее десятилѣтіе по нашимъ изысканіямъ оно увеличилось на сорокъ человѣкъ. Уже по этому одному должно предположить, что число вдовъ увеличится противъ нынѣшняго на 20. Затѣмъ 314 сиротъ мужескаго и женскаго пола теперь составляютъ только 67 семействъ, и потому на нихъ у насъ положено только 67 пенсій; но число сиротъ можетъ быть и болѣе настоящаго и распредѣлиться они могутъ иначе, причемъ придется выдавать имъ и большее число пенсій. Почему предположеніе выдачи 18 лишней пенсіи на 600 наличныхъ нельзя считать слишкомъ значительнымъ. Болѣе серьезнымъ возраженіямъ можетъ подвергнуться наше предположеніе слишкомъ большаго числа заштатныхъ. Мы, напримѣръ, предположили, что всѣ священно и-церковнослужители, по исполненіи 35 лѣтъ службы, будутъ выходить въ заштатъ, между тѣмъ какъ изъ столичныхъ священниковъ рѣдко кто удалится въ заштатъ. Мы вполнѣ согласны, что и по учрежденіи пенсіонной кассы многіе изъ священно-и-церковнослужителей, достигнувъ 60 лѣтняго возраста, не захотятъ оставить службы и воспользоваться слѣдующею пенсіею изъ кассы, но допустили это предположеніе 1, по трудности опредѣлить съ достовѣрностію, сколько именно изъ нихъ будутъ выходить въ заштатъ; 2, для покрытія расходовъ на выдачи пенсій оставляющимъ службу ранѣе 60 лѣтняго возраста, по несчастнымъ обстоятельствамъ, указаннымъ въ 36 § проекта положенія; 3, для покрытія недочета въ предположенномъ количествѣ взноса, вслѣдствіе уклоненія отъ участія въ пенсіонной кассѣ, при самомъ ея началѣ, всѣхъ имѣющихъ болѣе 55 лѣтъ и получающихъ уже пенсію за службу; въ 4, для покрытія недочета во взносахъ вслѣдствіе освобожденія отъ нихъ всѣхъ отрѣшенныхъ отъ мѣстъ или выходящихъ въ заштатъ до исполненія положеннаго числа платныхъ лѣтъ или, наконецъ, остающихся на службѣ по исполненіи законнаго числа платныхъ лѣтъ. Вообще, въ видахъ безопасности кассы, мы считаемъ невозможнымъ уменьшить цифру предположенныхъ расходовъ. Весьма желательно, чтобы на дѣлѣ она оказалась меньшею; нашу ошибку тогда, къ общему удовольствію, можетъ исправить ревизіонная коммиссія чрезъ 10 лѣтъ, увеличивъ размѣры пенсій или уменьшивъ взносы. Думаемъ, что гораздо больше неудо-

талъ образуется главнымъ образомъ изъ взносовъ за первыя пять лѣтъ до начала выдачь, изъ остатковъ отъ расходовъ кассы съ процентами на нихъ въ послѣдующіе годы, и изъ суммъ, отчисляемыхъ изъ церковныхъ сборовъ въ пособіе пенсіонной кассѣ. Если бы священно и церковнослужители изъявили всѣ желаніе на полученіе пенсій высшаго для каждаго изъ нихъ разряда (случай, менѣе благопріятный для кассы), то сумма ихъ взносовъ была бы слѣдующая:

От столичныхъ					Ежегодный взносъ
185	священ.	по 100 р.	за 400 р.	пенсіи	18,500 р.
100	діакон.	по 60 р.	за 240 р.	пенсіи	6,000 р.
155	причет.	по $37\frac{1}{2}$ р.	за 150 р.	пенсіи	5,812 р. 50 к.
От уѣздныхъ и сельскихъ					
309	священ.	по 50 р.	за 200 р.	пенсіи	15,450 р.
126	діакон.	по 25 р.	за 100 р.	пенсіи	3,150 р.
446	причет.	по $18\frac{3}{4}$ р.	за 75 р.	пенсіи	8,362 р. 50 к.
					57,275 р.

Пособія пенсіонной кассѣ изъ церковныхъ суммъ въ первое десятилѣтіе предполагается по 10.000 рубл., что составитъ нѣсколько менѣе 3% (съ 350,000 р.), въ слѣдующее же пятилѣтіе по 15,000 р. ($4\frac{1}{2}$%), а въ послѣдующіе годы по 6%, что будетъ равняться 20,000 р. Изъ нихъ по 10,000 р. должны отчисляться въ основной капиталъ кассы, а остальные употреблены на увеличеніе пенсій по нисшему разряду. Въ вѣдомствѣ морскомъ въ пособіе эмеритальной кассѣ отпущено $1\frac{1}{2}$ милліона, сумма вдвое болѣе наивысшей, пред-

вольствія духовенству причинила бы такая ошибка, вслѣдствіе которой касса оказалась бы несостоятельною и понадобилось бы увеличить сумму взносовъ или уменьшить размѣры пенсій.

полагаемой выдачи пенсій (700,000 р.). Въ вѣдомствѣ военно сухопутномъ, гдѣ наибольшая выдача изъ эмеритальной кассы предполагается въ 3,362,657 р., въ основаніе капитала также отпущена сумма, вдвое большая, а именно 8,325,000 р. Сообразно предполагаемой нами большей выдачѣ изъ пенсіонной кассы духовенства с.-петербургской епархіи требовалось бы въ пособіе ея основному капиталу 350,000р., но такъ какъ подобной суммы въ одинъ разъ церкви отпустить не въ состояніи; то вмѣсто нея слѣдуетъ по крайней мѣрѣ уплачивать по 5%, равняющіеся 17,500 р. принимая въ соображеніе, что церкви въ настоящее время выдаютъ вдовамъ и сиротамъ до 25,000 р. пособій и что имъ придется принять на свое попеченіе вдовъ священнослужителей, которые умрутъ до открытія кассы, мы полагаемъ, что безъ особеннаго обремененія онѣ не могутъ отчислять въ первыя десять лѣтъ въ кассу болѣе 10,000 р. но такъ какъ чрезъ 10 лѣтъ, вдовы, получающія отъ нихъ содержаніе, будутъ убывать и суммы, имъ платимыя, освобождаться, то, вмѣсто 3% онѣ могутъ отчислять легко $4^1/_2$%, а чрезъ 15 лѣтъ и 6%=20,000 р. эта наибольшая отъ нихъ жертва будетъ меньше той, которую онѣ теперь приносятъ въ пользу вдовъ и сиротъ духовныхъ. Освободить ихъ совершенно отъ нея было бы несправедливостію въ отношеніи къ духовенству, которое, служа церкви, конечно, имѣетъ право и на пособіе отъ нея какъ лично для себя, при выходѣ въ заштатъ, такъ и своимъ сиротствующимъ семействамъ. Церковныя суммы, отчисляемыя въ пенсіонную кассу, могутъ быть гораздо равномѣрнѣе распредѣлены между священнослужительскими вдовами и сиротами, чѣмъ онѣ распредѣляются теперь.

Если епархіальное начальство, по отобраніи отзывовъ отъ причтовъ, найдетъ возможнымъ утвердить отпускъ упомянутыхъ отъ церквей суммъ, то (какъ видно изъ приложенныхъ при семъ таблицъ приходовъ и расходовъ пенсіонной кассы) можно открыть выдачи пенсій чрезъ пять лѣтъ и всѣ ея операціи будутъ вполнѣ обезпечены.

Въ приложенныхъ при семъ двухъ таблицахъ сдѣлано примѣрное расчисленіе всѣхъ расходовъ кассы за 45 лѣтъ по двумъ проэктированнымъ системамъ выдачъ. Изъ нихъ по первой (страховой) предполагается выдавать всѣмъ вдовамъ полныя пенсіи безъ отношенія къ числу платныхъ лѣтъ, но самимъ священно и церковнослужителямъ, выходящимъ въ заштатъ, выдавать пенсіи не иначе, какъ за 25 и за 35 платныхъ лѣтъ: за 35 лѣтъ полныя пенсіи, а за 25 лѣтъ половинныя; по второй же (эмеритальной) предполагается вдовамъ и выходящимъ въ заштатъ священно и церковнослужителямъ выдавать пенсіи въ доляхъ, соотвѣтственно числу платныхъ лѣтъ, по таблицѣ № 2-й при взносахъ по 25 р. за 100 р. пенсіи, а по таблицѣ № 3-й при взносахъ въ 20 р. за 100 р. пенсіи. При первой системѣ въ пособіе основному капиталу кассы, какъ видно изъ таблицы № 1-й, потребуется ежегодно отчислять изъ церковныхъ суммъ по 10,000 р. въ теченіи 25 лѣтъ; при второй же системѣ, при взносахъ по 25 р. за 100 р., по 10,000 р. въ теченіи 6 лѣтъ; при взносахъ же по 20 р. за 100 р. пенсіи—всѣ суммы, въ теченіи 45 лѣтъ, отпускаемыя отъ церквей въ пособіе пенсіонной кассѣ.

При этомъ, впрочемъ, не должно упускать изъ виду, что, при опредѣленіи цифры основнаго капитала, ходъ

приращенія его процентами принимался непрерывный и проценты считались по пяти на сто; но этого въ дѣйствительности не можетъ быть, потому что проценты съ капитала не всегда въ надлежащій срокъ могутъ быть получены изъ банка и обмѣнены на процентныя бумаги, что вновь поступающіе взносы будутъ оставаться не малое время безъ приращенія процентовъ во время пересылки и въ ожиданіи выгоднѣйшаго обмѣна ихъ на процентныя бумаги и наконецъ—не всегда можно расчитывать получать на капиталъ по 5%. Очень можетъ статься, что съ него современемъ будутъ получаться 4 и даже 3%. Притомъ не всѣ деньги можно употреблять на покупку 5% бумагъ, а нѣкоторыя суммы для текущихъ расходовъ придется положить на срокъ; а на срочные капиталы отпускается и теперь только по 3%. Почему для безопасности требуется отчислять въ основной капиталъ указанныя суммы долѣе положеннаго срока, согласно съ указаніями опыта.

Чтобы имѣть возможность установить разряды пенсій для вдовъ высшіе въ сравненіи съ указанными въ этомъ проэктѣ, необходимо увеличить основной капиталъ кассы соотвѣтственно размѣру пенсій. Изъ приложенныхъ таблицъ видно, что при предположенной нами суммѣ высшей выдачи пенсій — 147.787 р. на 46 году отъ начала кассы, требуется, чтобы основной капиталъ къ этому времени возросъ до двухъ милліоновъ рублей. Если же установить сумму выдачь въ полтора раза больше этой суммы, т. е., въ 221. 681 р. 25 коп., то и основной капиталъ долженъ былъ увеличенъ въ полтора раза, т. е. до трехъ милліоновъ рублей.

Такъ какъ капиталъ пенсіонной кассы составится

главнымъ образомъ изъ взносовъ духовенства, то онъ и будетъ составлять его частную собственность.

Всѣ суммы, поступающія въ пенсіонную кассу за первыя пять лѣтъ и остатки отъ взносовъ и пособія церквей обращаются въ процентныя государственныя бумаги на имя пенсіонной кассы и хранятся въ государственномъ банкѣ въ отдѣленіи вкладовъ на храненіе. Квитанціи же его хранятся въ особомъ сундукѣ въ кладовой консисторіи, или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ по указанію общаго собранія духовенства.

О взносахъ.

Взносы соразмѣряются съ желаемыми пенсіями по 2 р. 50 коп. за 10 р. пенсіи, или по 25 р. за 100 р. пенсіи. Разряды пенсій суть слѣдующіе.

	Низшій разрядъ пенсіи.	Взносъ по низшему разряду.		Высшій разрядъ пенсіи.	Взносъ по высшему разряду.	
Столичнымъ:		по 25 р. за 100 р.	по 20 р. за 100 р.		по 25 р. за 100 р.	по 20 р. за 100 р.
Священникамъ.	180	45	36	400	100	80
Діаконамъ.	100	25	20	240	60	48
Причетникамъ.	60	15	12	150	$37^1/_2$	30
Уѣзднымъ и сельск.						
Священникамъ.	100	25	20	200	50	40
Діаконамъ. . .	60	15	12	100	25	20
Причетникамъ.	30	7 р. 50 к.	6	75	18 р. 75 к.	15

Участіе во взносахъ въ пенсіонную кассу обязательно для всѣхъ священно-и-церковнослужителей безъ различія, вдовъ ли кто, или нѣтъ; имѣетъ ли дѣтей, или бездѣтенъ (Съ года вступленія въ должность должны начинаться и взносы). Предоставить участіе во взносахъ въ пенсіонную кассу произволу каждаго нельзя, потому что отъ него отказались бы и постоянно стали

бы отказываться священно-и-церковнослужители вдовые и бездѣтные, и тогда вся тяжесть обезпеченія вдовъ и сиротъ пала бы на однихъ семейныхъ; во вторыхъ могли бы отказаться даже и многіе изъ семейныхъ священно-и-церковнослужителей въ надеждѣ, что объ ихъ сиротствующихъ семействахъ попечется епархіальное начальство. Конечно, обязательные взносы въ пенсіонную кассу для безсемейныхъ и вдовыхъ въ случаѣ, если они сами, по достиженіи 60 лѣтъ, не захотятъ выйдти въ отставку, могутъ быть для нихъ лично безполезны, но это будетъ по крайней мѣрѣ жертвою въ пользу сиротствующихъ семействъ своихъ сослуживцевъ, — жертвою, которая не должна быть слишкомъ тяжела по ихъ безсемейности. Во всѣхъ прочихъ вѣдомствахъ 6% вычеты изъ содержанія производятся безъ различія со всѣхъ, семейныхъ и безсемейныхъ, и даже не возвращаются и не даютъ никакого права на возмездіе или пособіе семействамъ тѣхъ лицъ, которые умерли на службѣ, или вышли въ отставку, или перешли въ другое вѣдомство до выслуги опредѣленныхъ сроковъ (25 или 35 лѣтъ). Законнымъ числомъ платныхъ лѣтъ полагается тридцать пять. По исполненіи этого числа, всѣ священно-и-церковнослужители освобождаются отъ дальнѣйшихъ взносовъ, удерживая за собою и своими семействами право на пенсію. Освобождаются отъ нихъ и всѣ, оставляющіе службу по болѣзни, старости и выслугѣ опредѣленныхъ лѣтъ, а равно до опредѣленія на мѣсто и всѣ лишившіеся своихъ мѣстъ по суду, или за сокращеніемъ штатовъ.

О правахъ на пенсію.

Всѣ духовныя лица, участвовавшіе своими взносами

въ составленіи пенсіоннаго капитала, въ теченіи положеннаго времени, пріобрѣтають право на полученіе пенсій, какъ лично для себя при выходѣ въ отставку, такъ и для своихъ семействъ, въ случаѣ своей смерти.

Выдача пенсій откроется по истеченіи пяти лѣтъ отъ начала взносовъ, какъ скоро основной капиталъ возрастетъ до 392,000 рублей. Семействамъ лицъ, умершихъ до открытія выдачь, пенсій не производится, но взносы, сдѣланные ихъ отцами или мужьями, возвращаются по принадлежности.

Выдача пенсій можетъ производиться по одной изъ двухъ предполагаемыхъ системъ: или въ доляхъ, соотвѣтствующихъ числу платныхъ лѣтъ, или пенсіи полныя безъ отношенія къ числу платныхъ лѣтъ (1).

				Вдовамъ			Заштатнымъ
За	5—10	платныхъ	лѣтъ	4/8	полной	пенсіи	3/8
—	10—15	—	—	5/8	—	—	4/8
—	15—20	—	—	6/8	—	—	5/8
—	20—25	—	—	7/8	—	—	6/8
—	25—30	—	—	8/8	—	—	7/8
—	—35	—	—		—	—	8/8

По первой системѣ предполагается, по открытіи выдачь чрезъ пять лѣтъ отъ начала кассы, выдавать всѣмъ вдовамъ и сиротамъ священно-и-церковнослужителей полныя пенсіи безъ отношенія къ числу взносовъ, сдѣланныхъ ихъ мужьями или отцами; самимъ же священно-и-церковнослужителямъ, выходящимъ въ заштатъ,

(1) Чрезъ 5 лѣтъ отъ начала кассы, смотря по ея состоянію, право на 4/8 полной пенсіи можетъ быть распространено и на семейства лицъ, умершихъ до исполненія пяти платныхъ лѣтъ; но оно во всякомъ случаѣ можетъ быть имъ предоставлено, если умершіе сдѣлали взносы за 5 лѣтъ впередъ.

полагаются пенсіи только послѣ двадцати пяти и тридцати пяти платныхъ лѣтъ: послѣ 25 платныхъ лѣтъ половинная пенсія, а послѣ 35 лѣтъ полная пенсія. Очевидно, что при этой системѣ имѣется въ виду главнымъ образомъ немедленное и полное обезпеченіе вдовъ и сиротъ духовныхъ. Эта система наиболѣе была бы годна для духовенства столичнаго, между которымъ число выходящихъ въ заштатъ весьма незначительно, но первая пригоднѣе для духовенства сельскаго, въ которомъ большинство священно-и-церковнослужителей, по исполненіи 60 лѣтняго возраста, выходитъ въ заштатъ и въ которомъ нужда въ пенсіяхъ заштатнымъ наиболѣе ощутительна. Она имѣетъ лишь ту невыгоду, что вдовы и сироты бѣдныхъ священно-и-церковнослужителей, дѣлавшихъ взносы низшаго разряда, получая $^4/_8$ или $^5/_8$ низшаго разряда пенсій, будутъ слишкомъ мало обезпечены; но этой невыгодѣ можно помочь учрежденіемъ дополнительныхъ пенсій изъ отпускаемыхъ церковныхъ суммъ, которыя, за отчисленіемъ должной части въ пенсіонный капиталъ, окажутся свободными.

Если епархіальное начальство утвердитъ отпускъ изъ церковныхъ суммъ въ пенсіонную кассу въ первое десятилѣтіе по 10,000 р. въ годъ, а въ слѣдующіе пять лѣтъ по 15,000 рублей, а затѣмъ по 20,000 р.; то при второй (эмеритальной) системѣ и взносахъ по 25 р. за 100 р. пенсіи, за ежегоднымъ отчисленіемъ въ основной капиталъ кассы по 10,000 р. въ теченіе 6 лѣтъ, съ 7-го—по 11 годъ имѣютъ оставаться свободными ежегодно по 10,000 р., а съ 11-го по 16-й годъ по 15,000 р., а съ 16-го года и всѣ 20,000 р. Если эти суммы распредѣлить между вдовами пропорціально получаемымъ ими пенсіямъ, то изъ нихъ большая доля достанется

получающимъ высшія пенсіи и слѣдовательно болѣе достаточнымъ. При этомъ вдовы священниковъ столичныхъ, получающія пенсію въ 400 р. получать слишкомъ вдвое изъ этихъ суммъ противъ такихъ же вдовъ, но получающихъ пенсіи 180 р. и вчетверо противъ вдовъ сельскихъ священниковъ, получающихъ пенсіи 100 р., что было бы несправедливо и не согласовалось бы съ идеею пособія. Для большей безобидности и равномѣрности эти суммы должно распредѣлить пропорціонально низшимъ разрядамъ пенсій. Въ этомъ случаѣ съ 7-го года отъ начала кассы и въ теченіи 2 лѣтъ можно будетъ всѣмъ вдовамъ выдавать пособія по $^3/_8$ низшаго разряда пенсій, т. е. вдовѣ столичнаго священника, будетъ ли она получать изъ пенсіонной кассы сообразно съ прежними взносами мужа въ 180 р. или въ 400 р., въ видѣ пособія будетъ прибавлено 67 р. 50 коп., а вдовѣ сельскаго священника только 37 р. 50 коп.,—также безотносительно къ тому, сколько она будетъ получать изъ кассы соразмѣрно взносамъ покойнаго ея мужа, и т. далѣе. Со временемъ, когда основной капиталъ достигнетъ нормальной величины, то изъ суммъ, отчислявшихся на образованіе его, можно будетъ выдавать въ пособіе вдовамъ еще по $^1/_8$ пенсіи низшаго разряда. И можно надѣяться, что современемъ вдовы священно-и-церковнослужителей по обязательнымъ взносамъ (т. е. на низшіе разряды пенсій) будутъ получать за 25 р. взноса не 100, а 150 и даже 200 рублей.

При системѣ выдачь пенсій въ доляхъ, выходящимъ въ заштатъ священно-и-церковнослужителямъ пенсіи выдаются лишь тогда, когда они имѣютъ 60 лѣтъ отъ роду. По смерти ихъ пенсіи вдовамъ ихъ на $^1/_8$ увеличи-

ваются. При системѣ выдачь полныхъ пенсій выходящимъ въ заштатъ священно-и-церковнослужителямъ, при 60 лѣтнемъ возрастѣ, выдаются полныя пенсіи лишь за 35 платныхъ лѣтъ, а половинныя—лишь за 25 платныхъ лѣтъ, но семейства послѣ нихъ пользуются полною пенсіею.

Круглымъ сиротамъ, если ихъ не менѣе двухъ, выдается полная пенсія; одному же лицу половинная.

Сироты обоего пола пользуются пенсіею до 25 лѣтняго возраста.

Призрѣніе круглыхъ сиротъ свыше 25 лѣтняго возраста, а также и всѣхъ священно-и-церковнослужителей, выходящихъ въ заштатъ ранѣе 60-ти лѣтняго возраста и до исполненія 25 платныхъ лѣтъ, представляется попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія.

Объ управленіи дѣлами пенсіонной кассы.

Такъ какъ капиталъ кассы образуется изъ взносовъ духовенства, при пособіи изъ церковныхъ суммъ, то и управленіе дѣлами кассы должно принадлежать самому духовенству, подъ высшимъ наблюденіемъ епархіальнаго начальства.

При сосредоточеніи управленія дѣлами кассы въ С.-Петербургѣ, для большаго удобства въ надзорѣ за его дѣйствіями со стороны столичныхъ и сельскихъ священно-и-церковнослужителей, для возможности скорѣйшаго соглашенія въ измѣненіяхъ положенія, какія современемъ окажутся необходимыми, при различіи интересовъ и нуждъ столичнаго и сельскаго духовенства и наконецъ, для большаго усердія къ благосостоянію кассы со стороны всего духовенства,—она могла бы быть

раздѣлена на три отдѣленія: 1) кассу столичныхъ священниковъ и діаконовъ; 2) кассу уѣздныхъ и сельскихъ священниковъ и діаконовъ, и 3) кассу столичныхъ и сельскихъ причетниковъ. Въ этомъ случаѣ счетъ основному капиталу, равно какъ всѣмъ доходамъ и расходамъ этихъ кассъ, былъ бы веденъ особо. Пособіе, отпускаемое отъ церквей кассѣ, должно бы распредѣлиться между этими отдѣленіями кассы пропорціонально высшему взносу лицъ, учавствующихъ въ этихъ отдѣленіяхъ кассы. Высшій взносъ священниковъ и діаконовъ столичныхъ опредѣляется этимъ положеніемъ въ 24.500 р., уѣздныхъ и сельскихъ въ 18 600 р., причетниковъ столичныхъ и сельскихъ въ 14.175 р., всѣхъ же вообще въ 57.275 р. Если раздѣлимъ 10.000 на 57.275, то изъ нихъ первымъ придется около 4.300 р. вторымъ 3.250 р. и послѣднимъ 2.450 рублей.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Отъ канцеляріи академіи о пожертвованіяхъ на сооруженіе надгробнаго памятника и бюста профессору В. Н. Карпову.

На сооруженіе надгробнаго памятника и бюста профессору В. Н. Карпову съ 20 апрѣля по 21 іюня поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ:

Отъ профес. училища правовѣденія, *В. Никольскаго* 10 р.; отъ настави. пермской семинаріи *Г. Холмогорова* 1 р.; отъ ректора вятской семинаріи *арх. Іосифа* 8 р.; отъ смоленскаго каѳедральнаго поротоіер. *П. Жданова* 6 р.; отъ наставниковъ рязанской семинаріи: *А. Надеждина* 3 р; *А. Виноградова* 3 р; *Ник. Смирнова* 3 р; *И. Смирнова* 1 р; отъ *М. Шаврова* 5 р; отъ преосвященнаго *Іоанникія Саратовскаго* 10 р; отъ свящ. *І. Корженевскаго* 5 р; отъ *В. Вареоломеева* 3 р; отъ свящ. *Е. Мегорскаго* 3 р; отъ преосвященнаго *Герасима Сумскаго* 10 р; отъ наставника астрах. семинаріи *Н. Леонтьева* 1р., отъ діакона *Д. Муретова* 2 р.,

Всего съ 20 апрѣля по 21 іюня поступило пожертвованій *семдесятъ четыре руб.*, а съ прежде пожертвованными 1135 р. 20 к. *одна тысяча двѣсти девять руб. двацать коп.*

Пожертвованія продолжаютъ приниматься въ канце-

ляріи с. петербургской д. академіи секретаремъ экстр. проф. А. Предтеченскимъ—ежедневно съ 8 до 12 ч. утра. Они вносятся въ особую книгу и своевременно будетъ опубликованъ отчетъ о количествѣ ихъ, о лицахъ, сдѣлавшихъ оныя и объ употребленіи—подробный въ „Христ. Чтен." и въ „Современ. Листкѣ" и краткій въ „Страникѣ."

Всѣ жертвователи получатъ по экземпляру фотографическихъ карточекъ В. Н. Карпова и по экземпляру книжки посвященной „Памяти его". Въ случаѣ значительнаго числа пожертвованій предполагается купить у наслѣдниковъ покойнаго его богатую философскую библіотеку, которая въ академическомъ книгохранилищѣ сохранитъ названіе „Карповской". Въ канцеляріи желающіе могутъ получить хорошій *литографированный портретъ* Василія Николаевича; цѣна безъ пересылки 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивахъ Св. Синода съ 1542 по 1721 г. Отпечатано въ небольшомъ числѣ экз. гражд. печ., въ 8 д. л., въ 48 печ. лист. Цѣна за экз. въ бумажномъ переп. *4 руб.*— Гг. иногородные покупатели прилагаютъ вѣсовыхъ и страховыхъ по почтовой таксѣ за 6 фунт. на каждый экз.

„ХАРЬКОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ"

издаются по прежней программѣ, номерами, два раза въ мѣсяцъ, отъ 4-хъ до 4½ печатныхъ листовъ, что составитъ въ годъ отъ 100 до 110 печатныхъ листовъ или три тома, каждый болѣе 36 листовъ или въ 576 страницъ.

Цѣна годовому изданію съ перес. и доставкою на домъ 5 руб.

Подписка принимается у всѣхъ оо. благочинныхъ Харьковской губерніи и у редактора, прот. *Іоанна Чижевскаго.*

Письма съ деньгами, посылки и всю вообще корреспонденцію адресовать такъ: въ редакцію „Харьковскихъ епархіальныхъ вѣдомостей", въ домѣ Воскресенской церкви прот. *Іоанна Чижевскаго*, № 4-й.

Въ редакціи «Харьковскихъ епархіальныхъ вѣдомостей» можно получать:

I. **Журналъ «Духовный Вѣстникъ»** за 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы, по 6 руб. за каждый годъ; четыре книжки за 1867 годъ (съ января по апрѣль включительно) съ перес. 2 руб., за всѣ же годы, начиная съ 1862 по 1867 годъ (включительно по апрѣль 1867 г.), цѣна журнала съ перес. 20 руб. Цѣна отдѣльной книжкѣ за какой-бы то ни было годъ съ перес. 60 коп.

II. **Положеніе о приходскихъ Попечительствахъ при православныхъ церквахъ.** Цѣна экземпляру безъ перес. 5 коп.

съ перес. 15, за 10 экз. безъ перес. 40, а съ пересылкою 50 коп., за 100 экз. цѣна съ перес. 4 руб.

Тоже положеніе, напечатанное на большомъ листѣ, для рамъ. Цѣна экземпляру съ перес. 30 коп. безъ перес. 20 коп., за десятокъ съ перес. 1 р. 50 коп. а за 100 экз. безъ перес. 14 руб.

III. **Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ.** Цѣна экземпляру съ пересылкою и безъ пересылки 20 коп. за 10 экз. 1 руб. 80 коп.

IV. **Библейское ученіе о природѣ и ея отношеніи къ Творцу и человѣку.** Харьковъ. 1866 г. Цѣна съ перес. 30 коп. и безъ перес. 20 коп.

V. **Четыре письма Фридриха Фабри противъ матеріализма.** Цѣна экземпляра съ перес. и безъ перес. 60 коп.

Редакторъ, протоіерей *Іоаннъ Чижевскій.*

МАТЕРІАЛИЗМЪ БЮХНЕРА

(*Продолженіе*)

Спускаясь къ высоты неизмѣримыхъ пространствъ небесныхъ къ нашей землѣ—этой каплѣ въ неизмѣримомъ океанѣ міровъ, Бюхнеръ еще менѣе, конечно, хочетъ признать въ происхожденіи и образованіи этой частицы вселенной участіе всемогущества и премудрости Творца и Промыслителя. Въ отношеніи къ происхожденію и образованію земли Бюхнеръ безусловно признаетъ достаточнымъ и вполнѣ доказаннымъ предположеніе Лэйеля (Lyell), что всѣ великіе перевороты земнаго шара совершались подъ вліяніемъ медленнаго дѣйствія нынѣ извѣстныхъ намъ силъ—воды, огня, воздуха и прочихъ силъ слѣпыхъ и непроизвольныхъ, слѣдующихъ одной механической необходимости (¹). Исторія нашей земли,—говоритъ Бюхнеръ,—въ ея главныхъ чертахъ, въ высшей степени проста и однообразна; въ ней нѣтъ ничего, что бы говорило о дѣятельности Божества,—нѣтъ ни плана или намѣренія, нѣтъ

(¹) Force et Matiére p. 55—61; Natur und Geist, Ss. 224—226.

ни порядка или стройности. Вся наука относительно образованія нашей земли есть уже сама по себѣ блистательнѣйшая побѣда надъ вѣрованіемъ въСилу сверхъестественную; нигдѣ эта наука не останавливалась въ своихъ изслѣдованіяхъ, чтобы предположить вмѣшательство силы неизвѣстной,—и нигдѣ и никогда она не будетъ обязана сдѣлать это (¹)". Такимъ диктаторскимъ, съ сознаніемъ полнѣйшей непогрѣшимости, тономъ произноситъ и здѣсь какъ и всюду, Бюхнеръ свои приговоры надъ вещами, разрѣшить и понять сущность которыхъ, по собственному же въ иныхъ случаяхъ сознанію его, умъ человѣческій никогда и непомышлялъ, потому что она неизмѣримо превосходитъ его силы. Къ услугамъ Бюхнера во всемъ является наука—почетный авторитетъ въ мірѣ образованномъ; каждое его слово—есть послѣднее слово науки,—результатъ ея точныхъ опытовъ и изысканій. Кто, въ самомъ дѣлѣ, осмѣлится послѣ этого свое сужденіе имѣть о вещахъ, проповѣдуемыхъ Бюхнеромъ? Но въ томъ-то и вопросъ: дѣйствительно-ли точная наука Естественная и въ разсматриваемомъ нами случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, стоитъ на сторонѣ Бюхнера и идетъ противъ Божественнаго Откровенія?

Положительное убѣжденіе Бюхнера въ этомъ случаѣ составляетъ самое легкомысленное самообольщеніе. Бюхнеръ думаетъ вообще, что чѣмъ болѣе естественная наука развивается, чѣмъ болѣе она проникаетъ въ тайны природы, прежде касавшіяся недоступными, тѣмъ болѣе истина Божественнаго Откровенія теряетъ свою силу и довѣріе къ себѣ. Жалкое заблужденіе слѣпаго

(¹) Ibidem, pp. 58, 59; Ss. 225.

фанатизма! Напротивъ какъ бы далеко ни простиралась человѣческая любознательность въ своихъ изысканіяхъ дѣйствующихъ силъ и законовъ природы, какъ-бы обстоятельно и вѣрно геологія ни уяснила впослѣдствіи всѣ процессы, въ силу которыхъ получила свое настоящее устройство наша земля, со своими красотами и разнообразіемъ явленій, —все это нисколько не будетъ блистательнѣйшею побѣдою, какъ думаетъ Бюхнеръ, надъ вѣрованіемъ въ сверхъестественную силу въ дѣлѣ творенія. Безусловное признаніе этой силы будетъ всегда для науки столько же неизбѣжнымъ conditio sine qua non ея изслѣдованій, какъ неизбѣженъ всегда для нея вопросъ: откуда же получили свое начало самыя силы и законы природы, давшіе ей современное устройство, чѣмъ поддерживается ихъ существованіе и ихъ дѣятельность? Точная опытная наука, какъ и самъ Бюхнеръ, (¹) или отвѣчаетъ на это полнѣйшимъ незнаніемъ — сознаніемъ въ своей беапомощности дать, на основаніи своихъ началъ, удовлетворительный отвѣтъ на этотъ насущный вопросъ; или если и даетъ, то даетъ совершенно не въ пользу Бюхнера и его единомышленниковъ, а въ пользу сказанія Божественнаго откровенія, доказывая, что въ силахъ и законахъ дѣятельности есть *разумность*, что законы суть только выраженія *воли* и *власти* Существа премірнаго, что въ нихъ проявляется Божественная сила, что это только другое выраженіе для дѣйствія во всѣ времена сущаго и все содержащаго Бога, и что, слѣдовательно, научное изслѣдованіе законовъ и силъ природы есть только стремленіе къ познанію безконечнаго (²). Потому-то

(¹) Natur und Geist, Ss 262—263.

(²) Естественная исторія міроздавія, съ нѣмецкаго перевода К. Фог-

всѣ истинно великіе и безпристрастные натуралисты, каковы бы ни были ихъ частные взгляды на природу, какъ-бы ясно и отчетливо они не уразумѣвали прежде таинственыя силы и законы ея, начало міра всегда признавали и признаютъ дѣломъ высшей, премудрой и и всемогущей силы, выражая при этомъ глубокое благоговѣніе предъ непостижимымъ величіемъ Творца вселенной. И развѣ, кромѣ того, истина Божественнаго Откровенія чуждалась когда-либо свѣта науки,—боялась ея изслѣдованій? Развѣ истина Его повѣствованія перестанетъ быть истиною потому только, что ее начинаютъ болѣе и болѣе приближать къ своему разумѣнію, анализируя ее съ разныхъ сторонъ? Очевидно, объясняя твореніе или космическое образованіе земли естественнымъ образомъ, геологія также мало опровергаетъ истину происхожденія всѣхъ вещей исключительно и всецѣло отъ одного Бога—Творца міра, какъ мало другія естественныя науки, занимающіяся настоящимъ состояніемъ видимаго міра, опровергаютъ ту непоколебимую истину, что все въ мірѣ держится премудрымъ и всеблагимъ Божественнымъ Промысломъ,—объясняя явленія видимаго міра дѣятельностію естественныхъ силъ, по законамъ естественной необходимости, которая безъ воли Божіей, конечно, не была бы и естественною необходимостію ([1]). Вся сущность дѣла—въ томъ, что Творецъ дѣйствовалъ при образованіи земли и всего, что есть на ней, хотя и непосредственно—силою Своего всемогущества, но не безъ участія и силъ

та, пер. А. Панаховскій, 1863 г. стр. 11—12, 107—113; срав. Христіанское Чтеніе, 1861 г. мартъ, стр. 196—207.

([1]) Православное догматическое богословіе, преосвящ. Макарія, т. II, § 112.

природы. Имъ же Самимъ созданныхъ и сохраняемыхъ, и служившихъ Ему орудіемъ для достиженія Его премудрыхъ цѣлей. Съ этой-то, такъ сказать, естественной и видимой стороны твореніе нашей земли и изслѣдуется геологіею,—и она, объясняя событія творенія естественнымъ образомъ, отнюдь не отвергаетъ и неможетъ отвергать (отвергаютъ только геологи—матеріалисты, а не лучшіе и безпристрастнѣйшіе представители этой науки) того, что первой причиной этихъ событій была всемогущая Сила Творца. Бюхнеръ, отвергая эту первую причину въ твореніи, также далекъ и отъ науки—геологіи, какъ далекъ отъ Богооткровенной истины. Сказать, какъ говоритъ онъ, что силы природы *вѣчны, самобытны* и *независимы,* что онѣ составляютъ первую причину всего существующаго, а сами существуютъ безъ причины,—не значитъ-ли въ самомъ дѣлѣ, дѣлать злоупотребленіе наукою,—злоупотребленіе самое насильственное и противоестественное? Какой же благоразумный натуралистъ—геологъ, не выходя изъ границъ своей науки, можетъ принять эти основныя метафизическія положенія матеріализма Бюхнера? Между тѣмъ, на этихъ-то фальшивыхъ положеніяхъ матеріализма и основывается собственно та мнимая побѣда матеріалистической науки надъ вѣрованіемъ въ Сверхъестественную Творческую Силу, о которой провозглашаетъ Бюхнеръ. Но кто же, кромѣ Бюхнера и его собратій по убѣжденіямъ, можетъ серьёзно считать это побѣдою?

Но обратимся къ самымъ даннымъ геологіи.—Не будемъ спорить противъ того мнѣнія Бюхнера, что исторія образованія нашей земли, какъ она является предъ судомъ науки, дѣйствительно, быть можетъ и проста и

однообразна. Это еще ничего не представляетъ въ пользу матеріалистическихъ тенденцій Бюхнера, какъ онъ разсчитываетъ. Простота и безъискуственность въ такомъ сложномъ организмѣ, какова наша земля, есть скорѣе ясное свидѣтельство о великой мудрости того Художника, Который образовалъ ее. Пусть спроситъ Бюхнеръ у механика: какой лучшій и болѣе совершенный и прочный изъ двухъ устроенныхъ для выполненія одной и той же цѣли механизмовъ—тотъ-ли, который отличается простотою и однообразіемъ своихъ составныхъ частей, или тотъ, который отличается многосложностію и искуственностію ихъ? Не спеціалистъ—механикъ только, но и каждый здравомыслящій, конечно, заявитъ свое одобреніе въ пользу перваго.—Не будемъ также входить въ разборъ самыхъ данныхъ геологіи объ образованіи нашей планеты, насколько онѣ видимо противорѣчатъ, или согласуются вполнѣ со сказаніемъ Божественнаго Откровенія о твореніи нашего земнаго міра.—Наша ближайшая цѣль—показать: дѣйствительно-ли, какъ говоритъ Бюхнеръ, и нашъ земной міръ, подобно всей вселенной, есть также только *механизмъ*, никому болѣе необязанный своимъ происхожденіемъ, кромѣ механическаго дѣйствія мертвой матеріи и ея силъ?

Есть въ исторіи образованія нашей планеты, какъ изображаетъ эту исторію современная геологія, одно замѣчательное, прежде всего бросающееся въ глаза, явленіе, которое постоянно выставляетъ на видъ и самъ Бюхнеръ (¹), хотя намѣренно или ненамѣренно не удѣляетъ ему никакого вниманія: это прогрессивное, восходящее постепенно все выше и выше развитіе на

(¹) См. Force et Matière „Gèneration primitive“.

ней всего того неисчерпаемаго богатства явленій жизни органической и неорганической, какое мы видимъ нынѣ на ней. Въ этомъ отношеніи вся исторія нашей планеты представляетъ для испытующаго геолога преемственныя, въ строгой связи и порядкѣ слѣдующія одна за другою ступени образованія и развитія, въ которыхъ первое служитъ основаніемъ втораго, низшее—средствомъ къ существованію и развитію высшаго,—всюду господствуетъ законность и порядокъ, цѣлесообразность и гармонія, которыя поддерживаютъ существованіе цѣлаго и въ тоже время, однако, отдѣльнымъ членамъ его предоставляютъ соотвѣтственную ихъ природѣ, какъ и природѣ цѣлаго, свободу и самостоятельность на пути къ дальнѣйшему развитію и совершенствованію. Бюхнеръ, повторяемъ, самъ постоянно выставляетъ на видъ это прогрессивное развитіе нашей планеты, хотя и не хочетъ, впадая въ противорѣчіе съ самимъ же собою, признать въ исторіи ея ни плана, ни порядка, ни стройности.—Что же значитъ это явленіе! Сказать, какъ и долженъ, дѣйствительно, сказать Бюхнеръ, съ точки зрѣнія своего механическаго атомизма,—что оно есть только слѣдствіе случайнаго, механическаго круговращенія элементовъ,—значитъ поставить здравый разумъ въ борьбу съ множествомъ неразрѣшимыхъ чудесъ и загадокъ. Матерія и сила, сами по себѣ, не знаютъ никакого плана въ своей дѣятельности; онѣ не преслѣдуютъ никакихъ намѣреній и цѣлей; законы, управляющіе движеніями матеріи, суть законы вѣчные и неизмѣнные; необходимость абсолютная и непреодолимая господствуетъ надъ матеріею: вотъ основныя аксіомы матеріалистической философіи самаго же Бюхнера.—Будемъ же судить его отъ собственныхъ его

устъ. Мыслимое-ли дѣло,—спросимъ прежде всего,—чтобы матерія и сила, никогда не дѣйствующія по плану, не преслѣдующія никакихъ намѣреній и цѣлей, могли вдругъ развивать въ себѣ и изъ себя самый строгій, и притомъ прогрессивно-восходящій къ высшимъ, совершеннѣйшимъ формамъ, порядокъ,—нѣчто само въ себѣ стройное цѣлое? Основной законъ матеріи—*инерція*, бездѣйственность; откуда же развилась въ ней такая широкая дѣятельность,—и притомъ дѣятельность *прогрессивная*, совершенствующаяся въ каждый періодъ своего развитія? На взглядъ здраваго, непредубѣжденнаго разума здѣсь между причиною и слѣдствіемъ нѣтъ никакихъ аналитически—понятныхъ отношеній. Чего нѣтъ въ причинѣ, того не можетъ быть и въ дѣйствіи. Никакія случайности, которыми пользуется въ подобныхъ затруднительныхъ положеніяхъ Бюхнеръ, не могутъ имѣть здѣсь мѣста. Случай—пустое слово, которымъ прикрывается всегда только не знаніе дѣйствительной причины того или другого явленія, генетической связи его съ другими явленіями. Въ разсматриваемомъ нами теперь обстоятельствѣ случай есть только другое имя для какой-то иной, высшей и именно *разумной* Силы, дѣйствующей по опредѣленному плану. Обстоятельство это необходимо предполагаетъ, что элементамъ, по самой сущности и отъ начала, было присуще свойство, по которому необходимымъ образомъ, безпорядочныя и несоотвѣтственныя для цѣли комбинаціи ихъ должны были исчезать и давать мѣсто новымъ, болѣе совершеннымъ и гармоническимъ соединеніямъ,—что они, другими словами, отъ начала были предопредѣлены и приноровлены для вступленія въ законосообразныя упорядоченныя, гармоническія соединенія и рас-

членения, и при томъ къ достиженію опредѣленной цѣли. Откуда же могли получить такое удивительное свойство матеріальные элементы? Еще болѣе: могли ли онѣ, если даже и имѣли сами-это свойство, развить самостоятельно, механически весь тотъ порядокъ, какой господствуетъ въ настоящее время на землѣ? Сообщить это свойство матеріальнымъ элементамъ могло, очевидно, только Существо всемогущее и разумное; равно какъ только при постоянномъ и непосредственномъ содѣйствіи этого Существа онѣ могли развить и этотъ видимый нами порядокъ въ мірѣ. Матерія сама по себѣ, незнаетъ ни совершенства, ни несовершенства: она слѣдуетъ въ своихъ соединеніяхъ однимъ механико-химическимъ влеченіямъ,—приведутъ-ли онѣ ее къ формамъ совершеннымъ или несовершеннымъ,—до этого ей дѣла нѣтъ. Посему, сама по себѣ, она никогда не могла бы выдти изъ хаотическаго круговращенія, и развить что-нибудь стройное цѣлое; случайный порядокъ и стройность формъ органической и неорганической жизни одного періода могъ также случайно смѣнить опять хаотическій безпорядокъ другого, и все прежнее, такимъ образомъ, разсыпать въ прахъ. Ужъ не предположить-ли *творящую волю* въ природѣ, какъ этого требуетъ Фрауенштедтъ ([1])? Но тогда матеріализмъ превращается въ натурализмъ,—и натурализмъ самый крайній. Но допуская эту преемственную смѣну однихъ формъ другими,—смѣну, хотя бы безпорядочную, мы дѣлаемъ еще большую уступку Бюхнеру.—Оставаясь строго вѣрными и послѣдовательными матеріалистическимъ началамъ его системы, мы должны отвергнуть

([1]) „Несостоятельность матеріализма“, стр. 235. (Труды кіев. дух. академіи 1864 г. Іюнь).

совершенно какую бы-то ни было преемственность формъ, такъ называемыхъ космогоническихъ періодовъ. Если матеріальные элементы составляютъ единственное начало всѣхъ вещей,—и ихъ свойства и образъ дѣйствія, какъ учитъ Бюхнеръ, *неизмѣнны*,—необходимость абсолютная и непреодолимая господствуетъ надъ ними, то рѣшительно не понятно, какъ замѣчаетъ Фрауенштедтъ, почему они вѣчно не имѣютъ *одного и того же результата*, почему въ разныхъ періодахъ земли господствуютъ столь различныя формы и отношенія,—почему-прибавимъ съ своей стороны, могли имѣть мѣсто и самые эти періоды (¹)? Неизмѣняющіяся причины должны всегда неизмѣнно имѣть одни и тѣже дѣйствія: потому-то при механической необходимости и неизмѣнности дѣйствія элементовъ рѣшительно непонятны различныя соединенія и группированія ихъ. Послѣдовательный матеріализмъ, какъ это доказалъ Кцольбе, есть рѣшительный врагъ всякой *космогоніи;* и Бюхнеръ, въ силу собственнаго своего метафизическаго принципа—механическаго атомизма и законовъ его дѣятельности, долженъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Кцольбе, что настоящій міровой порядокъ *вѣченъ* и *постояненъ*, что земля, со всѣмъ богатствомъ явленій органическихъ и неорганическихъ, не имѣетъ исторіи развитія, что все въ природѣ твердо и постоянно,—и никакое чудо не въ состояніи нарушить ея естественнаго и необходимаго образа дѣйствованія (²). Механизмъ и развитіе—два понятія, совершенно исключающія одно другое.

(¹) „Несостоятельность матеріализма", стр. 216. (Труды кiев. дух. академіи 1864 іюнь).

(²) Neue Darstellung des Sensualismus. Ein Entwurf tt. Dr. Czolbe, Leipzig, 1855 г. S. 162.

Механизмъ можно разрушить и дать ему новую форму, но самъ по себѣ механизмъ никогда не въ состояніи измѣнить естественнаго и необходимаго образа дѣйствованія, какъ скоро дана ему извѣстная, опредѣленная форма,—прибавить хотя одинъ зубецъ къ своимъ прежнимъ частямъ. Наглядный примѣръ этого въ самой природѣ представляетъ кристаллизація тѣлъ, въ которыхъ химическіе элементы всегда соединяются между собою въ неизмѣнныхъ, точно опредѣленныхъ пропорціяхъ,—образуютъ собою постоянно одни и тѣже кристаллическія формы, и грани этихъ тѣлъ никогда не смѣшиваются между собою. Бюхнеръ, стало быть, настаивая, съ одной стороны, на механическомъ образованіи нашей планеты путемъ единственно механическаго дѣйствія матеріальныхъ элементовъ и ихъ силъ и раскавывая въ тоже время, съ другой стороны, исторію развитія ея, ея прогрессивное совершенствованіе, разрушаетъ одною рукою то, что самъ созидаетъ другою, — говоритъ въ одно и то же время, на одинъ и тотъ же вопросъ и *да* и *нѣтъ!* Очевидно, это постепенное развитіе нашего земнаго міра, его прогрессивное совершенствованіе никакимъ образомъ не примиримо съ его механическимъ міровоззрѣніемъ ,совершенно необъяснимо въ предѣлахъ исключительно его механическаго атомизма. Гдѣ же должна искать наука объясненія этого замѣчательнаго явленія въ исторіи нашей планеты? Её подаетъ намъ Божественное Откровеніе, повѣствуя намъ, что нашъ земный міръ есть твореніе Премудраго и Всемогущаго Бога, Который *Самъ непосредственно*, хотя, конечно, и не помимо естественныхъ силъ и законовъ природы, раскрываетъ постепенно все неисчерпаемое разнообразіе жизни и явленій на немъ,—

Самъ совершилъ украшеніе неба и земли, возводя последовательно отъ совершенства къ совершенству, и каждый разъ какъ-бы утверждая эти совершенства особеннымъ выраженіемъ одобренія своей Творческой Премудрости: *и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зѣло* (Быт. 31 ст.) Пусть Бюхнеръ, въ слѣдъ за геологами, насчитываетъ тысячи, милліоны вѣковъ, въ теченіе которыхъ будто бы совершилось это образованіе нашей планеты ([1]), это будетъ служить для насъ только живымъ, нагляднымъ доказательствомъ всемогущества Творца, Который въ одно мгновеніе или нѣсколько дней могъ совершить то, что ограниченный разумъ человѣческій можетъ измѣрять тысячами и милліонами вѣковъ; но если не Бюхнеръ, то, покрайней мѣрѣ, сама безпристрастная наука не можетъ не признать, не идя наперекоръ собственнымъ изслѣдованіямъ и началамъ здраваго разума, постояннаго дѣятельнаго участія Верховнаго Зиждителя, въ этомъ образованіи дѣйствовавшаго по опредѣленному плану и къ достиженію опредѣленной цѣли.—Оставаясь при однихъ не произвольныхъ, механико-химическихъ дѣйствіяхъ матеріи и силы, наука неизбѣжно должна заблудиться въ неисходныхъ противорѣчіяхъ и гипотезахъ, превратить весь міръ въ міръ неразрѣшимыхъ чудесъ и загадокъ.—Къ такому именно печальному положенію и стремится привести геологію современный матеріализмъ и подобные его представители, какъ Бюхнеръ, которые, подъ видомъ добродушной услуги, наносятъ наукѣ несомнѣнную смерть. И нашъ земной міръ, какъ и вся вселенная, есть Господня земля, отъ Него получившая свое бытіе и до-

([1]) Force et Matière, pp. 55—61.

селѣ Имъ же животворимая. Отвратитъ Онъ, Всеблагій, лице Свое и всяческая возмятутся!

Мы взглянули доселѣ на окружающій насъ міръ въ его цѣломъ, безотносительно къ тѣмъ или другимъ частнѣйшимъ сторонамъ его. Обращаясь теперь къ этимъ сторонамъ, мы имѣемъ въ нихъ еще болѣе наглядныя доказательства того, что міръ не есть произведеніе однихъ механико-физическихъ силъ, какъ говоритъ Бюхнеръ, но есть созданіе Живаго, Премудраго, и Всемогущаго Творца—Бога. Имѣя въ виду эти доказательства, мы разберемъ съ тѣмъ вмѣстѣ и два существенныхъ вопроса въ системѣ Бюхнера — вопросъ о жизненной силѣ и конечныхъ причинахъ.

(*Продолженіе будетъ*).

О КРЕЩЕНІИ МІРСКОМЪ И ИНОВѢРНОМЪ

Православно-каѳолическая церковь дозволяетъ, въ случаяхъ крайней нужды, крестить мірянамъ ([1]), не только мужчинамъ, но и женщинамъ ([2]), какъ это дозволялось и въ первыхъ вѣкахъ христіанства ([3]). Но какимъ мірянамъ? Православнымъ-ли только или вмѣстѣ и неправославнымъ? У Тертулліана, бл. Іеронима и бл. Августина ([4]), говорится: мірянамъ (Laicis) вообще, безразлично. По правилу Никифора исповѣдника, патріарха Константинопольскаго (†815), въ случаѣ нужды, за отсутствіемъ священнослужителя, всякій православный можетъ окрестить младенца ([5]). Въ номоканонѣ, помѣщаемомъ при нашихъ требникахъ, и составленномъ не раньше XIV вѣка, въ прав. 204 также требуется, чтобы крещающій мірянинъ былъ православный христіанинъ. Восточные патріархи, въ своемъ

([1]) Посл. вост. патр. о правосл. вѣрѣ чл. 16.

([2]) Пр. Исп. ч. I. отв. на вопр. 103. *Moscus*—Prat. Spirit. c. III. *Nicephor*. confess. can. LI.

([3]) *Tertull*. de baptism. c. 17. *Hieronym*. adv. Lucif. c. 4. *Augustin*. ad Fortunat.

([4]) Въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

([5]) Архим. *Іоанна*—Опытъ курс. церк. законов. вып. 2-й стр. 580. Спб. 1851.

посланіи о православной вѣрѣ (1672—1723 г.), въ членѣ 16-мъ, пишутъ, что крещеніе „по нуждѣ можетъ быть совершено и простымъ человѣкомъ, но только православнымъ, и притомъ понимающимъ важность божественнаго крещенія" (по греческому подлиннику: имѣющимъ намѣреніе, сообразное съ божественнымъ крещеніемъ). Это повторяетъ и священникъ К. Никольскій (1). Въ постановленіяхъ о таинствѣ крещенія, изложенныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ" (2), для мірскаго крещенія непремѣннымъ условіемъ поставляется то, чтобы крещающее лице было православное, чтобы слова крещенія: „во имя Отца и Сына и св. Духа" произносило въ духѣ православной Церкви и искренней вѣры, и чувствовало важность и нужду совершаемаго дѣйствія. Но по словамъ архимандрита Антонія (3)—„Вселенская Церковь опредѣлила въ символѣ исповѣдывать также, и всегда учила, вопреки нѣкоторымъ еретикамъ, о неповторяемости крещенія, хотя бы оно совершено было надъ кѣмъ либо даже не православнымъ христіаниномъ (какимъ? мірскимъ или духовнымъ?), только во имя пресвятой Троицы". Съ тѣхъ поръ какъ признано дѣйствительнымъ крещеніе протестантовъ (а оно признано таковымъ на константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1708 году, при патріархѣ Кипріанѣ, и упоминаемомъ въ грамотѣ константинопольскаго патріарха Іереміи III, писанной въ 1718 году къ Императору Петру Великому [4]), съ тѣхъ поръ надобно допустить, что дѣйствительно крещеніе

(1) Руков. къ изуч. уст. богослуж. правосл. церкв. стр. 548. Спб. 1862.

(2) Правосл. собесѣдн. 1859 г. январь стр. 12.

(3) Догмат. богосл. стр. 360. Кіевъ 1848.

(4) Прибавл. къ твор. св. отц. ч. 14 стр. 464.

всякаго мірянина православнаго и не православнаго, потому что протестантскія духовныя лица, по суду православныхъ богослововъ ([1]), суть міряне, такъ какъ протестанты не признаютъ своего постановленія (ordinatio) за таинство, и слѣдовательно имъ недостаетъ законнаго рукоположенія и таинственнаго освященія или благодати священства.

Признавая такимъ образомъ дѣйствительность крещенія, совершеннаго по нуждѣ мiряниномъ, наши отечественные богословы согласны въ томъ, что если младенецъ, окрещенный по нуждѣ мiряниномъ, останется живъ, то надъ нимъ не повторяется уже погруженіе съ произнесеніемъ словъ: *крещается рабъ Божій имя рекъ во имя Отца и Сына и Св. Духа*, а только довершаются священникомъ обряды и молитвы, положенныя при крещеніи ([2]). Греческій богословъ Продромъ полагаетъ, что если повивальная бабка, совершая по нуждѣ крещеніе, облила водою голову, или грудь, или бѣдра младенца, то крещеніе дѣйствительно безусловно, а если другую какую-либо часть тѣла, то крещеніе должно быть повторено подъ условіемъ ([3]). Такое же мнѣніе еще прежде было высказано ([4]) многими константинопольскими патріархами, какъ-то: Меѳодіемъ,

([1]) Преосв. *Филарета*, архіеп. черниг., Догм. богосл. ч. 2. стр. 335. прим. 33. Черниговъ 1864.

([2]) Преосв. *Макар*. Пр. догм. богосл. т. II стр. 263. Спб. 1857. Преос. *Евсев*. Бес. о 7 спас. таинств. пр. цае. В. церкв. стр. 56. Спб. 1850. Арх. *Антон*. Догм. богосл. стр. 360. Свящ. *К. Никольск*. Рук. къ из. уст. богосл. пр. ц. стр. 548. О должн. прих. пресв. гл. 3 § 84. Номок. 204. Ук. 1722 г. февр. 28 и. 1-й. Прот. *Скворц*. Зап. по церк. законов. стр. 167. Кіевъ 1848.

([3]) *Werner*—Geschichte der apolog. u. polem. Literatur der christlichen Theologie. III. Band. §. 152 Schaffhausen 1864.

([4]) По свидѣтельству Werner'а loc. cit.

Никифоромъ, Николаемъ, Георгіемъ, Филоѳеемъ и даже Фотіемъ. Константинопольскій патріархъ Іеремія III пишетъ: „крещеніе несвященнаго (лица) понуждѣ не отвергается“ (¹). Съ этимъ опредѣленіемъ согласенъ и Гавріилъ, епископъ филадельфійскій (²). Но святогорскій іеромонахъ Никодимъ (³) полагаетъ, что младенца, крещеннаго мірскимъ христіаниномъ, если останется живъ, долженъ снова крестить священникъ, и, въ оправданіе сего мнѣнія, указываетъ во-первыхъ на примѣръ Діонисія александрійскаго, который снова крестилъ іудея, крещеннаго уже во время болѣзни, въ смертной опасности, мірскимъ лицемъ, и во-вторыхъ на 1-е правило св. Василія великаго. Но примѣру Діонисія александрійскаго можно противопоставить примѣръ Александра александрійскаго, который, по сказанію Руфина (⁴), а за нимъ и Сократа (⁵), призналъ законнымъ и дѣйствительнымъ крещеніе, совершенное въ дѣтствѣ Аѳанасіемъ (впослѣдствіи архіепископомъ александрійскимъ), въ праздникъ св. Петра александрійскаго, надъ языческими мальчиками, съ которыми онъ игралъ на берегу моря. А св. Василій великій въ первомъ правилѣ говоритъ только, что *древніе* не принимали крещенія Новатіанъ, какъ крещенныхъ мірянами, но самъ соглашается признать ихъ крещеніе дѣйствительнымъ. Вотъ его слова: „почему приходящихъ отъ нихъ къ церкви, какъ крещенныхъ мірянами, древніе повелѣвали вновь очищать истиннымъ церковнымъ крещеніемъ. Но пое-

(¹) *Βάπτισμα τοῦ ἀνιέρου δι᾽ ἀνάγκην οὐκ ἀποβάλλεσθαι.* Censura orientalis ecclesiae c. 7.

(²) Въ трактатѣ о таинствахъ.

(³) Ἐξομολογητάριον σελ. 136. Ἐν Βενετίᾳ 1857.

(⁴) Hist. eccles. L. 1. c. 14.

(⁵) Hist. eccles. L. II. c. 16.

лику нѣкоторымъ въ Асіи рѣшительно угодно было, ради назиданія многихъ, принять крещеніе ихъ: то да будетъ оно пріемлемо." Такимъ образомъ ни примѣръ Діонисія александрійскаго, ни первое правило св. Василія великаго не препятствуютъ признанію дѣйствительности и неповторяемости крещенія, совершеннаго по нуждѣ лицемъ мірскимъ.

Признавая дѣйствительнымъ крещеніе, совершенное въ случаѣ нужды міряниномъ православнымъ или не православнымъ, наша отечественная церковь тѣмъ болѣе признаетъ дѣйствительнымъ крещеніе, совершенное духовными лицами римско-католическаго или протестантскаго вѣроисповѣданія (1). Греческая церковь на константинопольскомъ соборѣ 1484 года, при патріархѣ Симеонѣ, также запретила перекрещивать латинянъ, и на константинопольскомъ соборѣ 1708 года, (упоминаемомъ въ грамотѣ константинопольскаго патріарха Іереміи III къ императору Петру Великому, писанной въ 1718 году) при патріархѣ Кипріанѣ—лютеранъ и кальвинистовъ, если тѣ или другіе присоединяются къ православію. Но константинопольскій соборъ 1756 года, при патріархѣ Кириллѣ V, вопреки собору 1484 года, объявилъ крещеніе латинянъ „чуждымъ всего апостольскаго преданія" (2), т. е. недѣйствительнымъ, и чрезъ это произвелъ между греческою и русскою церковію дисциплинарную разность въ образѣ присоединенія христіанскихъ иновѣрцевъ къ православію. Но греки не правы: на латинянъ нельзя смотрѣть какъ на

(1) Моск. Соб. 1667 г. Ук. 1718 г. авг. 8. Ук. 1719 г. февр. 7. Ук. 1731 г. дек. 29.

(2) Τῆς ἀποστολικῆς ὅλης παραδόσεως ἀλλότριον. *Pichler*—Geschichte der kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident. II Band. Seite 300. München. 1865.

некрещенныхъ, какъ на не христіанъ, потому что они исповѣдуютъ Троицу единосущную, крестятъ во имя Отца и Сына и св. Духа, и въ понятіи о необходимости крещенія не отступаютъ отъ ученія вселенской Церкви. Совершаемое у нихъ обливаніе вмѣсто погруженія, въ таинствѣ крещенія, не препятствуетъ принятію ихъ въ Церковь православную, какъ потому что обливаніемъ не измѣняется существо таинства, а только видимый его образъ, такъ и потому что древняя Церковь допускала въ случаяхъ нужды обливаніе и не отрицала въ немъ таинства (¹); обливательное крещеніе признаетъ дѣйствительнымъ и греческій богословъ Мосхопуло (²). Впрочемъ, если вѣрить Dr. Zhishman'у (³), въ настоящее время на Востокѣ не повторяютъ крещенія надъ латинянами, присоединяющимися къ православной Церкви. Питцишй увѣряетъ, что въ настоящее время вся восточная Церковь старается отмѣнить перекрещиваніе латининъ (⁴). Равнымъ образомъ, если греки признаютъ дѣйствительнымъ крещеніе, совершенное по нуждѣ мірскимъ лицемъ, то не должны отвергать и крещенія протестантовъ. Вообще истинное крещеніе есть то, которое совершается въ водѣ во имя Отца и Сына и св. Духа.

Римская Церковь, въ случаѣ нужды, дозволяетъ крещеніе всякому человѣку, не только христіанину, но и не христіанину, лишь бы только онъ, при возливаніи воды на голову крещаемаго, произнесъ слова: „я крещаю тебя во имя Отца и Сына и св. Духа," и при

(¹) *Cyprian*. ep. 26. 27 ad Magn; Прав. собес. 1859 г. январь стр. 20.
(²) Догм. богос. стр. 422. Корсу 1851. Conf. *Pitzipios*—L'église orientale P. 1. p. 100. Rome 1855.
(³) Das Eherecht des orientalischen Kirche S. 529 Wien 1864.
(⁴) *Pichler*—Gesch. d. Kirchl. Trenn. zwischen d. Or. u Occ. S. 300.

этомъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать то, что дѣлаетъ Церковь (1). Относительно крещенія протестантовъ практика ея разнообразится смотря по епархіямъ: въ однихъ крещаютъ ихъ вновь при принятіи въ латинство, въ другихъ не крещаютъ: въ Италіи (2) и во Франціи (3) крещаютъ ихъ, по большей части, условнымъ образомъ: „если ты не крещенъ, то я тебя крещаю во имя Отца" и проч. У насъ условное крещеніе христіанскихъ иновѣрцевъ допускается лишь въ томъ случаѣ, когда прежнее ихъ крещеніе будетъ не извѣстно или сомнительно (4).

У протестантовъ, также какъ и у насъ, крещеніе не повторяется даже при переходѣ изъ одного общества въ другое. Одни только анабаптисты (т. е. менонниты и дуннеры) не признаютъ дѣйствительнымъ крещенія младенцевъ, и потому вторично крещаютъ тѣхъ изъ переходящихъ въ ихъ общество, которые были крещены во младенчествѣ. Реформаты положительно запрещаютъ совершеніе крещенія вообще женщинамъ и въ частности повивальнымъ бабкамъ (5)

Протоіерей Тарасій Серединскій.

Берлинъ.
22 марта (3 апрѣля) 1868.

---

(1) Rituale Rom. de Baptism. *Walter's* Kirchenrecht. S. 557. Bonn 1846.

(2) *Alf. de Liguorio*—de Baptism. in Theol. Moral.

(3) *Rohrbacher*—Histoire universelle de l'eglise cathol. T. 5. p. 495. Paris 1850.

(4) Ук. 1731 г. дек. 29.

(5) Confess. de foi des égls. reform. de France et de Suisse p. 138. Montpellier 1825.

ЧЕРМНОЕ МОРЕ (*)

Не много можно указать пунктовъ на земномъ шарѣ, гдѣ бы мѣстныя воспоминанія сохранялись такъ долго, какъ при аравійскомъ заливѣ. Величіе совершившихся здѣсь событій въ соединеніи съ монотонно-однообразнымъ теченіемъ восточной жизни сдѣлали то, что здѣсь живо и неизмѣнно сохранилось преданіе, восходящее за четыре тысячи лѣтъ до нашего времени. Названія фараоновой горы, фараонова моря, фараоновой купальни сохраняютъ для всѣхъ временъ воспоминаніе о погибели этого гонителя евреевъ. Наивные арабы, жители сѣвернаго конца залива, приходятъ въ бурную погоду посидѣть на берегу его и насладиться стонами невѣрныхъ египтянъ, которые не могутъ найти себѣ покоя въ глубинѣ морской и буровятъ оттуда водяную массу. Имъ вторитъ проклятый Богомъ фараонъ, трупъ котораго море не хотѣло держать у себя, и который поэтому зарытъ на берегу; дѣти пустыни навѣрное знаютъ, что ключи горячихъ источниковъ, пробивающихся въ мор-

(*) Изъ Katholik 1867 Heft 1.

скомъ песку, берутъ свое начало изъ останковъ свирѣпаго тирана. Когда же морское волненіе утихаетъ и мѣсяцъ смотрится въ свѣтлыя волны, тогда они ясно различаютъ на днѣ морскомъ колеса колесницъ, разбитыя въ дребезги мечемъ Гавріила, вслѣдствіе проклятія, изреченнаго Аллахомъ. Въ свидѣтели наблюдаемыхъ явленій приглашаются дѣти и внуки, и съ напряженіемъ, соразмѣрнымъ впечатлѣнію, внимаютъ чудеснымъ разсказамъ о гордомъ Фираунѣ (фараонѣ), его 6.000 колесницахъ и не исчислимыхъ сокровищахъ, которыя всѣ покоятся въ морской глубинѣ:—позднѣе, юные слушатели, превратившись въ дѣдовъ и отцевъ, въ свою очередь будутъ передавать своимъ дѣтямъ и внукамъ свѣдѣнія, окрилявшія ихъ юныя грезы (1).

Нужно сознаться, что и мы не можемъ слышать и произносить имени „Чермнаго моря“ безъ особеннаго чувства. Ни голубое, ни зеленое, ни желтое, ни черное моря своими названіями не возбуждаютъ въ насъ такого участія, какое съ самаго нашего дѣтства возбуждаетъ чермное море. Коралловые лѣса, красные, какъ жаръ, и пробивающіеся со дна моря чрезъ безмѣрную толщу воды, имѣютъ для нашего воображенія нѣчто чудесное, таинственное, что впослѣдствіи дѣлается не отдѣлимымъ отъ имени чермнаго (краснаго) моря. Оттого мы нисколько не осуждаемъ надѣленныхъ багатой фантазіей средневѣковыхъ пилигримовъ, которые для объясненія своеобразнаго названія этого моря прибѣгали къ новому чуду, долженствовавшему, по ихъ предположенію, увѣковѣчить воспоминаніе о совершив-

(1) Laborde Comment. geograph. sur l'Exode et les Nombres, Paris et Leipzig 1841 p. 78.

шемся здѣсь великомъ дѣлѣ Божіемъ. Это море, разсказывали они, было сначала зеленымъ, но потомъ въ память гибели (¹) египтянъ превратилось навсегда въ красное. Между тѣмъ вода этого свѣтлаго, какъ кристаллъ, залива, что зналъ уже Агатархидъ, вовсе не красная, какъ представляютъ средневѣковыя карты. Но и независимо отъ этого обстоятельства, само собою является желаніе объяснить себѣ удовлетворительнѣе происхожденіе этого страннаго названія.

Названіе „краснаго моря“ усвоенное заливу, лежащему между Египтомъ и Аравіей, получило у насъ право гражданства, благодаря Вульгатѣ. Въ этой послѣдней, начиная съ 19 ст. 10 гл. Исхода и далѣе еврейская фраза jam sûph, переводится латинской mare rubrum (красное море), которую Лютеръ замѣнилъ въ своемъ нѣмецкомъ переводѣ словомъ Schilfmeer (камышевое море). Этотъ послѣдній переводъ потому ужъ неправиленъ, что въ красномъ морѣ вовсе не растетъ камыша (по еврейски kenah), да и слово sûph не имѣетъ этого значенія. Этимъ словомъ обозначаются скорѣе подводныя растенія изъ семейства порослей, водорослей (hidrophitae, fucaceae) и наядъ, которыя во 2 гл. 6 ст. Іоны (²) представляются находящимися на днѣ морскомъ, и которыя въ аравійскомъ заливѣ, какъ и по берегамъ Нила (Исх. 11. 3) образуютъ такъ называемые морскіе луга. Подъ jam sûph нѣкоторые хотятъ разумѣть только суэзскій заливъ; но такъ какъ по 3

(¹) Такъ говорится въ одной французской хроникѣ XIV (у Лабарда l. c. Append p. 26): En signe de celle mervoille Devint la mer royge et vermoylle. Nonc puis ne la surent nommer Autre nomque la royge mer.

(²) Мѣста св. Писанія цитуются въ этой статьѣ по еврейскому тексту. *Пер.*

кн. Царствъ IX, 26 и Эціонъ—геберъ лежалъ при морскомъ лугѣ, то изъ этого видно, что указанное названіе прилагалось и ко всему аравійскому заливу, потому что эти „морскіе луга“ встрѣчаются въ заливѣ суэзскомъ гораздо рѣже, чѣмъ въ прочихъ частяхъ краснаго моря. Если же блаженный Іеронимъ jam sûph переводитъ mare rubrum; то онъ слѣдуетъ лишь обыкновенному воззрѣнію древности, на которое ближайшимъ образомъ указываетъ греческій переводъ. Подъ названіемъ ἐρυθρὰ θάλασσα или иначе πόντος ἐρυθραῖος, по греческому словоупотребленію, разумѣлся весь индѣйскій океанъ вмѣстѣ съ обоими, простиравшимися на сѣверъ заливами, изъ которыхъ западный мы называемъ теперь чермнымъ моремъ. Если это названіе ставится въ связь съ царемъ Эритреемъ, то это объясняется лишь пристрастіемъ древнихъ къ миѳической этимологіи. Дѣло въ томъ, что греки воображали себѣ весь югъ земнаго материка погруженнымъ въ тропическій жаръ, и это климатическое свойство обозначали выраженіями ἐρυθρός, ἐρυθραῖος, ruber. Такимъ образомъ то море, которое занимало крайній югъ извѣстнаго материка по той же причинѣ было названо краснымъ, какъ самые южные обитатели земли назывались Αἰθίοπες, красноглазые. А что это общее названіе позднѣе ограничено было только сѣверозападною частью—именно—sinus arabicus (аравійскимъ заливомъ) Плинія и Мелы, это произошло вслѣдствіе того значенія, которое пріобрѣлъ этотъ заливъ сравнительно со всѣми прочими частями индѣйскаго океана.

Это значеніе можетъ быть правильно понято только при ближайшемъ ознакомленіи съ естественными свойствами означеннаго залива. Чермное море, какъ извѣст-

но, есть длинный, узкій морской рукавъ, который простирается отъ залива Аденъ чрезъ проливъ Бабъ-эль-Мандебъ къ сѣверо-западу, на протяженіи 500 часовъ плаванія, до синайскаго полуострова. На южной оконечности этаго полуострова, на мысѣ Магометъ (Ras Mohamed,) раздѣляются его воды на двѣ меньшія морскія полосы, изъ которыхъ одна простирается прямо почти на сѣверъ до Акаба на протяженіи 45 часовъ, а другая—на сѣверо-западъ на пространствѣ 75 часовъ. Между тѣмъ какъ изъ этихъ обоихъ рукавовъ меньшій имѣетъ только восемь а большій—десять часовъ плаванья въ ширину, наибольшая ширина всего залива отъ шести-десяти до девяноста часовъ, такъ что аравійскій мореходъ при переѣздѣ чрезъ море теряетъ изъ виду землю въ крайнемъ случаѣ только на восемь часовъ. Поэтому весь заливъ можетъ быть приравненъ къ балтійскому морю по прямому направленію отъ острова Мезна до Торнео. Впрочемъ чермное море отличается отъ этого послѣдняго тѣмъ, что въ немъ отливъ и приливъ равномѣрно простираются до отдаленнѣйшихъ краевъ. Глубина чермнаго моря даже на самомъ незначительномъ разстояніи отъ берега, если и не бездонна, то и не измѣрена, такъ какъ лотъ въ 1,200 футовъ нигдѣ не находитъ дна. Притомъ фарватеръ отъ Бабъ-эль-мандеба до мыса Магомета совершенно открытъ; только на югѣ находится близъ берега нѣсколько островковъ. Водяный путь, такъ далеко простирающійся между двумя континентами и отдѣляемый отъ третьяго только перешейкомъ, представляетъ, повидимому, желанный и искомый торговый путь для жителей всѣхъ трехъ странъ свѣта, и тѣмъ болѣе, что въ частности для европейцевъ чермное море представ-

ляется естественнымъ путемъ въ богатую сокровищами Индію. На этомъ обстоятельствѣ основанъ извѣстный проэктъ прорытія суэзскаго перешейка. И въ древніе вѣка, пока еще не былъ объѣханъ мысъ Доброй Надежды, произведенія Индіи большею частію доставлялись чрезъ чермное море въ Александрію, и оттуда въ Европу. Но уже въ древнѣйшія времена важность обладанія гаванью въ заливѣ Акаба была сознана Соломономъ, который и велъ отсюда значительную торговлю съ Аравіею и Индіею. Не смотря на то, красное море никогда не пріобрѣтетъ того значенія, которое, повидимому, обезпечиваетъ за нимъ его международное положеніе; его физическія особенности представляютъ для плаванія по нему особаго рода препятствія.

Во-первыхъ, весь бассейнъ, на всемъ протяженіи береговъ, не исключая и синайскаго полуострова, какъ бы вѣнцомъ какимъ, увѣнчанъ линіей скалистыхъ горъ. Находясь одинъ отъ другого на разстояніи узкой рѣчной полосы, эти скалистые пики возвышаются вездѣ круто до значительной вышины, не достигая однако снѣжной линіи. Чрезъ это у краснаго моря отнятъ значительный притокъ воды; только незначительные ручьи по мѣстамъ ниспадаютъ съ крутизны и нѣтъ другого моря на землѣ, которое могло бы похвастаться меньшимъ количествомъ рѣчныхъ устьевъ. Поэтому, убывающая вслѣдствіе испаренія вода почти вся должна снова пополняться изъ индѣйскаго океана чрезъ проливъ Бабъ-эль-мандебъ. Проливъ же этотъ загороженъ лежащимъ въ немъ островомъ Перимомъ, такъ что въ немъ остаются только два прохода, одинъ—восточный, не больше часа ширины, другой—западный, шириною въ четыре часа. Оттого въ обоихъ этихъ проходахъ—

невообразимо сильное теченіе, гораздо значительнѣе, чѣмъ у Гибралтара, и, если послѣднее можетъ быть осилено только при восточномъ вѣтрѣ (1), то, чтобы выбраться изъ краснаго моря, необходимъ сильный N. или N. O. При противномъ же вѣтрѣ парусными судамъ это совершенно невозможно, а паровымъ только съ величайшимъ затрудненіемъ. И самое названіе Бабъ-эль-мандебъ, т. е. ворота слезъ, краснорѣчиво говоритъ, какъ часто скалистые берега этого пролива приготовляли мореходцамъ печальную участь. „Когда мы въ послѣдній разъ — пишетъ одинъ очевидецъ — подняли нашъ якорь въ красномъ морѣ, то съ этихъ собственно поръ и началась самая дурная часть нашего путешествія—крейсировка противъ сильнаго порывистаго юго-восточнаго вѣтра, вздымавшаго высоко море, и противъ теченія, которое совсѣмъ не пускало насъ впередъ. Болѣе десяти дней понадобилось намъ, чтобы пройти небольшое пространство между Моха и Бабъ-эль-мандебомъ, не превышавшее десяти нѣмецкихъ миль, — пространство, которое, при благопріятномъ вѣтрѣ, можно было пройти въ пять часовъ, и при всемъ томъ мы могли еще сказать, что намъ посчастливилось, потому что одинъ англійскій военный корабль однажды крейсировалъ здѣсь три недѣли, безуспѣшно борясь съ сильнымъ монсуномъ. Прибывши къ Бабъ-эль-мандебу, мы выбрали большой проливъ, по своей ширинѣ казавшійся намъ болѣе удобнымъ для крейсированія, и однимъ утромъ прошли его половину, какъ вдругъ вѣ-

---

(1) Извѣстно, что корабли, желающіе пройти изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ, иногда принуждены бываютъ ждать цѣлыя недѣли, пока O. дастъ имъ возможность выбраться изъ сильнаго теченія со стороны Атлантическаго океана.

теръ немного ослабѣлъ и теченіе, захватившее насъ съ новою силою, въ короткое время снова вогнало въ бурное красное море. Тогда мы рѣшились испытать восточный проходъ; вѣтеръ опять скрѣпчалъ и мы крейсировали, въ продолженіе четырехъ часовъ, подъ рифованными марсъ-мачтою, фокъ-мачтою, форстень-мачтою и бизанью, имѣя, по обѣимъ сторонамъ, высокія грозныя скалы Перима и Бабъ-эль-мандеба, у подножія которыхъ бушевалъ бурунъ и опоясывалъ ихъ широкимъ блестящимъ поясомъ пѣны. Корабль лавировалъ превосходно и, не смотря на узкое пространство, ни разу не измѣнилъ направленія, иначе мы очутились бы въ очень опасномъ положеніи. Между тѣмъ, при каждомъ оборотѣ корабля на другую сторону, мы замѣчали, что нѣсколько подвигаемся впередъ, и ощущаемая нами, по этому случаю, радость придавала намъ новыя силы для продолженія нашей усиленной работы. Наконецъ, мы оставили назади опасный проливъ; мы вздохнули свободно, какъ бы сбросили съ плечъ тяжелое бремя, когда поплыли къ югу отъ Перима по голубымъ водамъ залива Аденъ, гдѣ мы имѣли свѣжій морской вѣтеръ и не были принуждены, какъ въ нижней части краснаго моря, возвращаться вспять чрезъ каждые два часа“ (1).

Какъ видно изъ этихъ словъ, входъ въ черное море не составляетъ единственнаго препятствія для плаванія по нему. Такъ какъ здѣсь возможно только одно направленіе и мореходецъ находится въ большой зависимости отъ свойствъ вѣтра, между тѣмъ направленіе вѣтра въ этомъ заливѣ непостояннѣе, чѣмъ гдѣ либо,

---

(1) Ausland. Jahrg. 1860. S. 1063.

и держитъ мореходца постоянно въ большой опасности. Правда, въ чермномъ морѣ по преимуществу дуютъ пассаты. Отъ сентября до мая дуетъ пассатъ, называемый Азіабъ, отъ Бабъ-эль-мандеба вверхъ, отъ мая до сентября сѣв. пассатъ, называемый Шамаль, внизъ отъ Расъ-магомета. Но дѣло въ томъ, что эти направленія вѣтра постоянно прерываются безчисленными штормами, которые совершенно не ожиданно, съ ужасною силою, срываются съ береговыхъ горъ. Иногда въ узкомъ заливѣ по всему протяженію продольнаго фарватера дуютъ пассаты, такъ что искуство кормчаго ближайшимъ образомъ подвергается испытанію только со стороны указанныхъ нами штормовъ. Спускающіеся съ горъ порывы вѣтра поднимаютъ страшную зыбь на этомъ замѣчательно глубокомъ морѣ, размахи волнъ бываютъ до того широки и сильны, что корабль перестаетъ повиноваться рулю и экипажъ оказывается совершенно безпомощнымъ противъ шторма. Такимъ образомъ и самые большіе европейскіе пароходы только изрѣдка могутъ держаться на чистомъ открытомъ фарватерѣ чермнаго моря, потому что рѣдко удается совершить продольный путь по нему безъ вреда отъ злобныхъ орkановъ.

Къ несчастію и берегъ не смотря на свою близость къ мореходцу, представляетъ очень мало мѣстъ, куда бы можно было укрыться въ случаѣ нужды. Это приводитъ насъ къ третьему препятствію для плаванія по красному морю въ обширныхъ размѣрахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ его замѣчательнѣйшей особенности. Мы уже сказали, что берега этого морскаго залива совершенно отвѣсно опускаются въ неизмѣримую глубину. Это впрочемъ встрѣчается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соприка-

саются другъ съ другомъ суша и море. Напротивъ по обоимъ берегамъ на всемъ протяженіи чермнаго моря тянется какъ бы перегородка изъ коралловыхъ образованій, которыя поднимаются со дна до поверхности моря. Проходя параллельно съ краемъ берега, эти коралловыя полосы образуютъ плотно примыкающіе другъ къ другу рифы; на сторонѣ ихъ, обращенной къ морю, дно отвѣсно опускается на неизмѣримую глубину, между тѣмъ какъ со стороны материка находится спокойный, чистый фарватеръ, только незначительной глубины. Дно этой береговой полосы, похожей на узкое озеро, всплошь усѣяно живыми кораллами, которые во многихъ мѣстахъ выдвинулись уже такъ высоко, что угрожаютъ опасностью мореходцамъ,—вообще же эта полоса воды есть единственное мѣсто краснаго моря по которому корабли могутъ безопасно плавать. Именно со стороны моря коралловые рифы сами образуютъ твердую, оборонительную стѣну противъ морскихъ волнъ, разбивающихся въ дребезги о зубчатыя коралловыя гребни, между тѣмъ какъ благодаря близости берега, здѣсь не такъ опасны порывы вѣтра,—эти прибрежныя воды по мѣстамъ, гдѣ рядъ скалъ прерывается и образуетъ узкій, опасный проходъ, соединяются посредствомъ такихъ проходовъ съ открытымъ моремъ. Для большихъ судовъ эти узкіе проливы къ сожалѣнію не проходимы, и такъ какъ въ чермномъ морѣ весьма мало гаваней, то все это вмѣстѣ взятое сильно затрудняетъ сообщеніе между тремя частями свѣта, для котораго, по видимому, создано это море.

Правда, торговля и мореплаваніе существуютъ на чермномъ морѣ, но вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ и неподвижности натуры восточныхъ обитателей, они

и нынѣ вращаются въ тѣхъ же младенческихъ формахъ, въ которыхъ были при Соломонѣ. Родъ фелуковъ, или большихъ барокъ, называемыхъ цаиме, и поднимающихъ не больше шестисотъ центнеровъ тяжести, поддерживаютъ сообщеніе между прибрежными мѣстностями на тихихъ водахъ, окаймляемыхъ коралловыми рифами. Стройка этихъ судовъ большею частію въ высшей степени груба и неудовлетворительна, всѣ снаряды на нихъ не уклюжи и не практичны, какъ вообще бываетъ при младенческомъ состояніи кораблестроенія. Даже употребленіе желѣза еще не извѣстно, или оказывается не нужнымъ; такъ какъ есть довольно много судовъ, у которыхъ отдѣльныя части связаны одна съ другой деревянными гвоздями и кожаными ремнями. Старинные христіанскіе пилигримы, не зная какъ объяснить себѣ это обстоятельство, принесли въ Европу сказку о магнитной горѣ въ красномъ морѣ, которая будто бы не дозволяетъ употребленія желѣзныхъ гвоздей при стройкѣ судовъ. Состоянію судовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и искуство кормчихъ. Практикуясь въ теченіе трехъ тысячелѣтій, арабы или зомалисы, посвящающіе себя морскому дѣлу, пріобрѣли точныя свѣдѣнія о скалахъ и отмеляхъ у берега, и эти свѣдѣнія передаются ими изъ рода въ родъ по наслѣдству; далѣе этого корабельная наука не простирается у здѣшнихъ кормчихъ. Но и опирающаяся на этихъ свѣдѣніяхъ опытность не простирается до того, чтобы они рѣшились пуститься въ путь при неблагопріятной погодѣ или въ ночное время; они путешествуютъ всегда только отъ одной ночной стоянки до другой и никогда не пускаются въ путь, если не предвидятъ возможности бросить якорь до захожденія солнца на слѣдующей

стояніе. Только самая настоятельная нужда можетъ побудить этихъ мореходовъ, и то при надежной погодѣ, рискнуть на поперечный переѣздъ, и за то сколько бываетъ горя, если во время этого переѣзда наступитъ слишкомъ рано вечеръ! Звѣздное небо, въ другихъ мѣстахъ указывающее путь мореходцу и жителю пустыни,—замкнутая книга для этихъ прибрежныхъ ползуновъ. Въ такой крайности они прибѣгаютъ уже къ компасу; но никогда онъ не бываетъ въ пригодномъ состояніи. Такъ какъ по восточнымъ понятіямъ жизнь всего существующаго слагается по темпераментамъ—сырому и сухому, теплому и холодному, то спокойно стоящая магнитная стрѣлка, не хотящая оказывать услугъ, должна быть холодная, а когда ее хотятъ заставить дѣйствовать, то прежде всего стараются ее подогрѣть и возбудить, какъ организмъ, перцомъ. Во время одного путешествія Нибура, бывшіе съ нимъ мореходцы старались усилить свой слабый компасъ, положивши возлѣ магнитный камень. Случающіяся при этомъ несчастія не сокрушаютъ здѣшнихъ мореходцевъ; ученіе о предопредѣленіи притупило ихъ ко всѣмъ несчастіямъ, а къ горю другихъ они совершенно равнодушны ([1]).

Довѣрившись такимъ шкиперамъ, вы пробираетесь на веслахъ и парусахъ между скалами, то огибая ихъ,

---

([1]) Для характеристики здѣшнихъ мореходцевъ можетъ служить слѣд. анекдотъ, расказанный французскимъ консуломъ Френелемъ. Въ одномъ мѣстѣ береговаго фарватера между коралловыми мелями показывались часто акулы; одна изъ нихъ, будучи раздражена сидѣвшею на бортѣ корабля обезьяною г. Ботта (одного изъ спутниковъ), выпрыгнула надъ водою съ цѣлію схватить ее. Но въ это время упалъ въ море ребенокъ кормчаго. Одинъ изъ матросовъ бросился за нимъ и спасъ его отъ смерти; отецъ спасеннаго дитяти и не думалъ благодарить его, а толь-

то отклоняясь отъ нихъ къ однообразному берегу, такъ что благодаря мелководью, бурунамъ и кипящимъ водоворотамъ между коралловыми рифами и песчаными отмелями, и это плаваніе бываетъ не безопасно; но здѣсь арабскій кормчій въ управленіи своимъ утлымъ судномъ обнаруживаетъ столько же отваги и знанія, сколько апатіи и невѣжества въ открытомъ морѣ. Здѣсь-то подводный міръ на своихъ коралловыхъ отмеляхъ съ ихъ фантастическими очертаніями, съ великолѣпными переливами красокъ, напоминающими самый роскошный цвѣтникъ, представляетъ привлекательнѣйшее зрѣлище. При тихой погодѣ видно бываетъ дно свѣтлаго, какъ кристалъ, моря на 12—15 брассъ (отъ 72 до 90 футовъ), поросшее, какъ кустарникомъ, цѣлымъ лѣсомъ порослей, или цвѣтной капусты, краснаго, фіолетоваго, голубаго, золотистаго, зеленояблочнаго, сафироваго и другихъ цвѣтовъ, расползающейся на тысячи вѣтвей и цвѣтовъ, пучковъ и почекъ, иголъ и зубчиковъ, на которыхъ лѣпятся тьмы колючихъ морскихъ ежей въ перемѣшку съ безчисленными группами раковинъ, устрицъ и другихъ морскихъ животныхъ. „Можно всю жизнь смотрѣть и не насмотрѣться на дно этого моря; воображеніе рисуетъ вамъ цвѣты, цѣлыя деревья и лѣса, обремененные прекраснѣйшими драгоцѣнными камнями, которые оказываются животными, если вы вздумаете снять ихъ. Одинъ изъ корм-

---

ко. выстрѣливалъ словами: lillahi 'lchamd! alchamdu lillahi! Слава Богу! Богу слава!" Тронутый поступкомъ матроса, Боттъ сунулъ ему въ руку золотую монету и тѣмъ привелъ лоцмана въ крайнее удивленіе: „если ты въ опасности и Аллахъ посылаетъ тебѣ спасителя для избавленія тебя изъ бѣды, то Аллаха и нужно благодарить," сказалъ аравіецъ, а не человѣка;—„Аллахъ, прибавилъ онъ,—Богъ ревнивый—Онъ не хочетъ раздѣлять благодарности съ человѣкомъ." Ritter, Erdr. 13. S. 250.

чикъ, по имени Сеали, съ удовольствіемъ и очень часто срывалъ ихъ, какъ цвѣтокъ; лучшій и искуснѣйшій изъ матросовъ, негръ Солиманъ, по нашему желанію, часто спрыгивалъ на мель и срывалъ самые лучшіе изъ этихъ цвѣтущихъ цвѣтковъ и подносилъ ихъ къ нашимъ глазамъ; но только на одну минуту краски удерживали еще свой великолѣпный блескъ, снова возстановляя его при погруженіи въ море, но вскорѣ затѣмъ животныя умирали, покрывались зеленою мертвенной краской, и шелковистый блескъ, равно какъ и игра цвѣтовъ въ мигъ исчезала, какъ сонъ. Отъ всего этого оставался лишь мертвый скелетъ; изъ такихъ скелетовъ образовались всѣ безчисленные прибрежные острова, изъ нихъ состоятъ всѣ каменныя береговыя постройки" (1).

Послѣ этого понятно, почему аравійскій заливъ называется „коралловымъ моремъ"; хотя это названіе нельзя никоимъ образомъ отождествлять съ наименованіемъ чермнаго моря. Но не одна прелесть рѣдкаго и чудеснаго должна приковывать наше вниманіе къ этимъ коралловымъ образованіямъ; эти послѣднія даютъ намъ ключь къ уразумѣнію исторіи чермнаго моря, если можно назвать исторіей то, что совершилось въ до-историческія времена. Именно, на берегу сѣверной оконечности и въ заливѣ Акаба, описанныя нами коралловыя отмели тянутся уже не подъ водою, а возвышаются на берегу надъ ея уровнемъ до высоты отъ шести-десяти до восьми-десяти футовъ, совершенно голыя и сухія. Даже на мысѣ Расъ-магометъ есть коралловая скала, вышиною въ двѣсти футовъ, простирающаяся, постепен-

(1) A. a. S. 251.

но понижаясь, до самой средины краснаго моря, а южнѣе отъ этой мѣстности ее уже не видно надъ поверхностію воды. А извѣстно, и выше уже сказано, что животныя, замѣчаемыя на днѣ моря, не могутъ жить надъ его поверхностью. Слѣдовательно, указанныя нами длинныя коралловыя образованія должны были когда нибудь находиться подъ водою; если бы это не вытекало само собою, изъ самихъ условій ихъ возникновенія, то достаточно доказывалось бы безчисленными скорлупами и каменнымъ пескомъ раковинъ, находящихся на поверхности этихъ плоскостей и скалъ кораллo-известковаго образованія. Теперь вопросъ: могъ ли уровень воды чермнаго моря когда либо быть настолько выше теперешняго, чтобы эти известковыя массы могли образоваться подъ водою? Этого нельзя предполагать, потому что только на сѣверномъ концѣ замѣчается указанное явленіе,—въ противномъ случаѣ вся страна, лежащая вокругъ моря, должна бы быть обсохшимъ морскимъ дномъ, чего на дѣлѣ нѣтъ. Поэтому остается одно только объясненіе, именно, что вся мѣстность на сѣверномъ концѣ чермнаго моря была поднята вверхъ и притомъ не при первоначальномъ происхожденіи самаго моря, а во время какой нибудь позднѣйшей катастрофы. Этимъ подтверждается сказанное нами прежде на страницахъ этого журнала о происхожденіи *Мертваго моря* (¹); опираясь на указанныя нами коралловыя образованія, мы еще болѣе утверждаемся въ своемъ мнѣніи о томъ, что послѣднее есть не что иное, какъ часть чермнаго моря, отрѣзанная отъ залива Акаба. Но такъ какъ простирающіяся за этимъ заливомъ (по направле-

(¹) Jahrg. 1864. Bd. 1. S. 419.

нію мертваго моря) коралловыя мели, чтобы достигнуть своего теперешняго протяженія, должны были развиваться подъ морскими волнами, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, то далѣе мы можемъ заключать, что соединеніе чермнаго моря съ мертвымъ, въ историческія или до-историческія времена, существовало многіе періоды времени. Заливъ Акаба, судя по положенію поверхности, простирался тогда на сѣверъ чрезъ всю долину Арабагъ за Мертвое море и озеро Генисаретское, наполняя долину Іорданскую до подошвы Ливана. Это подтверждается всѣми геологическими изслѣдованіями этой полосы. Не Суэзскій заливъ, а заливъ Акаба долженъ считаться дѣйствительнымъ продолженіемъ чермнаго моря, потому что не первый, хотя онъ и больше по объему, а послѣдній удерживаетъ преобладающій характеръ аравійскаго залива. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, тѣ же крутыя, обрывистыя скалистыя горы плутоническаго происхожденія, отвѣсно погружающіяся въ неизмѣримую глубину и оставляющія мѣсто только для узкихъ береговыхъ полосъ. Если сравнить формацію на обоихъ берегахъ, то получится полнѣйшее соотвѣтствіе въ характерѣ и положеніи, что и приводитъ насъ къ заключенію, что это соотвѣтствіе есть слѣдствіе первоначальной связи. Этимъ было бы все сказано о происхожденіи чермнаго моря. Эта длинная, узкая морская полоса есть огромнѣйшая продольная разсѣлина, которая оторвала одну отъ другой двѣ, находившіяся первоначально въ связи, части свѣта, и тотчасъ же была наполнена океаномъ, ворвавшимся у Бабъ-эль-мандеба. Можетъ быть, это произошло во время той же самой катастрофы, которая насильственно подняла вверхъ черныя массы Синайской горы; во всякомъ случаѣ, влія-

ніе этого горнаго пика на образованіе Аравійскаго залива несомнѣнно, такъ какъ землеколебательная сила, встрѣтивши въ немъ препятствіе, открыла насильственно заливъ Суэзскій. За такое происхожденіе говоритъ и очертаніе чермнаго моря; при взглядѣ на карту открывается замѣчательная параллель между обоими берегами, на которыхъ выступы залива по одну сторону постоянно соотвѣтствуютъ таковымъ же на противоположной сторонѣ. Какъ греческіе писатели говорятъ о вторженіи Атлантическаго океана въ Средиземное море, такъ и восточные сочинители хранятъ смутное воспоминаніе о подобномъ же случаѣ съ чермнымъ моремъ. Въ одной аравійской рукописи сохранилась сага, свидѣтельствующая, что оно нѣкогда не существовало; но одинъ король Іеменскій велѣлъ прорыть у океана гору, съ цѣлію провести каналъ для безопасности своей земли, и вотъ чрезъ этотъ каналъ ворвалось море, затопило множество городовъ и людей и образовало Аравійскій заливъ (1). Такія саги показываютъ, что мысль о второстепенномъ происхожденіи чермнаго моря приходила въ голову уже прежде, чѣмъ могли привести къ ней наши геологическія изслѣдованія.

Но, если время и причина происхожденія Суэзскаго залива одни и тѣ же съ большою водяною полосою, изъ которой онъ отгибается, то физическія свойства его тѣмъ не менѣе очень отличны отъ этой массы во многихъ отношеніяхъ. Какъ горы по его сторонамъ уже далѣе отступаютъ отъ береговъ, и именно на восточномъ берегу его между ними и моремъ раскидываются уже большія равнины, такъ и ложе его совершенно другого свой-

(1) Ritter, Erdkr. 12. S. 668.

ства. Коралловъ здѣсь нѣтъ, потому что имъ не достаетъ почвы, на которой они могли бы воздвигаться; полого опускаясь, песчанное дно простирается отъ одного берега до другаго, не достигая по срединѣ значительной глубины. На сѣверовосточномъ концѣ дно этого морскаго рукава чрезвычайно мелко и плоско, такъ что море и суша оспориваютъ другъ у друга очень значительное пространство. Замѣтны ясные слѣды того, что и здѣсь въ былое время море, по направленію залива, простиралось дальше, потому что такъ называемыя селитряныя или горько-водныя озера, высохшія, покрытыя морскою солью, болота, съ большими лужами морской воды и соленой грязи, очевидно, входили прежде въ составъ самаго моря и вѣроятно тѣмъ же самымъ поднятіемъ дна, результатомъ котораго было мертвое море, отрѣзаны были отъ Суэзскаго залива. Все это такія явленія, которыя можно замѣчать и въ другихъ моряхъ, благодаря которымъ заливъ Суэзскій въ физическомъ значеніи далеко уступаетъ не только заливу Акаба, но и самому чермному морю. За то этотъ заливъ пріобрѣлъ въ исторіи человѣчества другое значеніе, которымъ далеко оставляетъ за собою всѣ другія моря на землѣ; на немъ совершилось событіе, имѣвшее неизмѣримо важныя послѣдствія для человѣческаго рода.

Нужно ли прибавлять, что подъ этимъ событіемъ мы разумѣемъ чудесный переходъ израильтянъ чрезъ чермное море; ибо только здѣсь, а не въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ могъ случиться этотъ переходъ. Мнѣніе о томъ, что израильтяне прошли чрезъ рукавъ Средиземнаго моря нелѣпо и противорѣчитъ исторіи. А переходъ чрезъ чермное въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ не возможенъ и не объяснимъ безъ тройнаго чуда,

потому что если бы вода раздѣлилась въ заливѣ Акаба или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ между Египтомъ и Аравіей, то они очутились бы у пролива, черезъ которую, какъ они сами, такъ и египетскія полчища могли бы перебраться развѣ съ помощію птичьихъ крыльевъ. Только къ берегу Суэсскаго залива ведетъ и священная исторія. Намѣреваясь оставить Египетъ, израильтяне собираются въ Сукхоѳѣ. Гдѣ это мѣсто находилось, для нашего изслѣдованія не важно; для насъ достаточно знать, что оно составляло исходный пунктъ къ ближайшему стану Эѳамъ. Для опредѣленія же этого мѣста отдыха мы имѣемъ различныя данныя. Во-первыхъ мы знаемъ, что оно лежало по дорогѣ изъ Египта къ синайскому полуострову и именно Хориву (Исх. XIII, 17, 18; III, 12). Далѣе его положеніе точнѣе опредѣляется фразой bikzeh hammidbar, in extremis finibus solitudinis (Исх. XIII, 20). „Границы пустыни“ можно искать только тамъ, гдѣ обработанная почва Египта соприкасалась съ безплоднымъ пространствомъ полуострова и примыкающими къ нему степями. Послѣднее и дѣйствительно имѣетъ мѣсто на сѣверо-западѣ или на юго-востокѣ отъ горькихъ озеръ. На верхнемъ концѣ не могла быть искомая стоянка, потому что на этомъ концѣ проходила прямая дорога изъ Раамзеса въ Палестину. Богъ же, говорится въ Исх. XIII, 17, не повелъ ихъ этимъ путемъ, по планамъ Своего Провидѣнія, а заставилъ держать путь къ полуострову. Слѣдовательно Эѳамъ лежалъ къ югу отъ горькихъ озеръ, на линіи, которая проходитъ отъ конца этихъ озеръ до сѣвернаго конца залива Суэскаго, и которая позднѣе посредствомъ канала доведена до Нила. Наименованіе „пустыня Еѳамъ“

вполнѣ соотвѣтствуетъ этой мѣстности. Именно такъ называется простирающаяся на востокъ отъ Суэзскаго залива часть пустыни Суръ, т. е. степь, лежащая на восточной границѣ Египта, къ сѣверу отъ синайскаго полуострова (Числ. XXXIII, 8; ср. Исх. XV, 22). Когда израильтяне прибыли въ Еоамъ, то прежде всего пришло имъ на мысль оставить вправо Суэзскій заливъ и прямо уклониться въ пустыню Эоамъ, и только чудесное Провидѣніе Божіе воспрепятствовало имъ привести ее въ исполненіе (Исх. XIV, 1). Господь хотѣлъ вести, только что освободившійся отъ рабства и нуждающійся въ самыхъ разнообразныхъ пріёмахъ нравственнаго воспитанія, народъ другимъ путемъ, который былъ вполнѣ приноровленъ къ оживленію его вѣры, хотя, по человѣческимъ соображеніямъ, былъ совершенно не удобенъ для его бѣгства. Въ самомъ дѣлѣ, пустыня простирается не только на востокъ, но и на западъ отъ Суэзскаго залива, вдоль по берегу, полосою около 16 часовъ пути. Почти на срединѣ этой полосы начиналась отъ древняго Мемфиса крутая, плоская горная цѣпь Джебель-Атака и тянулась почти до самаго моря, до котораго оставалось всего на полчаса пути по пологому берегу. Если же идти съ сѣвера и пройти между Джебель-Атака справа и моремъ слѣва, то, позади этого горнаго хребта, откроется вдали песчаная равнина, называемая Вади-Бедеа, которую справа полукругомъ опоясываютъ отдаленныя горы; только въ срединѣ этого полукруга, чрезъ эти горные кряжи, узкій проходъ Вади-Рамли ведетъ къ Нилу. Но далѣе впередъ, на разстояніи восьми часовъ, эти горныя цѣпи, отвѣсныя и скалистыя, носятъ уже названіе Джебель-Куебъ, удерживая свое на всемъ своемъ протяженіи

до самаго моря, и хребетъ Рась-абу-Драбъ замыкаетъ поименованную равнину, отдѣляя ее совершенно отъ лежащихъ далѣе береговыхъ полосъ. Такимъ образомъ когда израильтяне готовились въ Эеамѣ уклониться на юго-востокъ на Синайскій полуостровъ, имъ совершенно не ожиданно было указано оставить море влѣво и спуститься на югъ по его берегу. И вотъ, по ту сторону Джебель-Атака, въ Вади-Ведеа, они и стали лагеремъ (¹). Это относительно того пути, котораго до тѣхъ поръ держались израильтяне, было совершеннымъ поворотомъ назадъ (Исх. XIV, 2); на египтянъ, отлично знавшихъ страну, этотъ поворотъ произвелъ то впечатлѣніе, которое Господь предвидѣлъ и котораго хотѣлъ: „они безпомощны въ странѣ, пустыня заграждаетъ ихъ“ (²). Дѣйствительно, по человѣческому разсужденію, такой поворотъ могъ быть объясненъ лишь совершеннымъ незнаніемъ мѣстности; израильтяне чрезъ это попали какъ-бы въ западню. А когда Фараонъ, въ которомъ этотъ оборотъ дѣлъ снова вызвалъ прежнее упрямство противъ Бога, собралъ свои колесницы и всадниковъ изъ ближайшихъ пограничныхъ городовъ и пустился преслѣдовать ихъ съ сѣвера вдоль Суэзскаго залива, то

(¹) Эти наименованія не должны быть сопоставляемы съ сказаніемъ книги Исходъ XIV, 2, потому что основываются на однѣхъ догадкахъ. Если бы можно было доказать, что израильтяне, вмѣсто того, чтобы направиться прямо къ морю, взяли направо вокругъ Атака и потомъ уже чрезъ Вади Рамли спустились къ морю, то послѣдняго нужно было бы искать на мѣстѣ нынѣшняго Пи-Гахироеа, а Мигдолъ и Баалцефонъ (Исх. XIV) были бы тогда два укрѣпленныхъ мѣста на Джебель-Атака и Джебель-Куэбѣ.

(²) Такъ понимается теперь, по общепринятому объясненію, еврейское слово n'buchim, переведенное на греч. словомъ πλανῶνται, на латин. coarctati sunt.

По славянски: *заключи бо ихъ пустыня. Пер.*

израильтяне тотчасъ поняли опасность своего положенія. На лѣво отъ нихъ было глубокое море, противоположный берегъ котораго, на разстояніи шести часовъ пути, едва виднѣлся вдали; передъ ними стояла стѣна Джебель Куэба, заграждая дорогу; направо открывался одинъ узкій Вади-Раіан, чрезъ который могли спастись, въ крайнемъ случаѣ, только нѣсколько сотенъ, а не цѣлыя сотни тысячъ съ женами, дѣтьми и скотомъ, и который все таки велъ опять въ центръ Египта; а сзади возвратный путь былъ отрѣзанъ непріятельскимъ войскомъ; что же касается узкой береговой полосы, которую Джебель-Атака оставлялъ свободною, то по ней нельзя было и думать о бѣгствѣ. Въ такомъ положеніи смерть казалась неизбѣжною; отсюда и происходило отчаяніе израильтянъ: „развѣ не было могилъ въ Египтѣ? развѣ ты затѣмъ взялъ насъ съ собою, чтобы намъ умереть въ пустынѣ?“ Между тѣмъ Господь хотѣлъ лишь возвеличиться предъ Фараономъ и предъ всѣмъ войскомъ его и египтяне должны были признать, что Онъ есть Господь; и въ то же время рабски настроенный народъ долженъ былъ нагляднымъ доказательствомъ Божія всемогущества, придти къ вѣрѣ и упованію на Бога. И вотъ, передъ сѣтующими израильтянами, разверзаются морскія волны, и не мокрыми ногами переходятъ они по песчаному дну морскаго ложа на другой берегъ, а преслѣдовавшіе ихъ египтяне находятъ смерть въ устремившихся назадъ водяныхъ массахъ, отважившись, безъ Божьяго повелѣнія, вступить на дно морское.

Изслѣдованіе, величающее себя научнымъ, уже съ незапамятныхъ временъ задается двоякаго рода соображеніями: одни касаются *способа*, другія *мѣста* перехода, и тѣ и другія тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Мѣсто перехода всегда старались отнести какъ можно дальше на сѣверъ, чтобы лишить тѣмъ само событіе чудеснаго характера. Такъ какъ Суэцскій заливъ къ сѣверу становится все уже и мелководнѣе и не недалеку отъ города Суэца имѣетъ броды и мелкія мѣста, то, оставивши въ сторонѣ св. Писаніе, дѣйствительно можно допустить, что извѣстное количество людей въ указанной мѣстности прошло во время отлива поперегъ конца залива, а другое было застигнуто въ расплохъ приливомъ. При этомъ могло случиться еще и то обстоятельство, что вѣтеръ съ суши продлилъ отливъ, или что высокій приливъ усилилъ опасность. Это понятно; непонятно только то, какимъ образомъ просвѣщенные путешественники и толкователи Библіи могутъ хвататься за эту возможность и выводить изъ нея заключеніе, что переходъ израильтянъ произошелъ въ этомъ мѣстѣ и именно во время отлива, тогда какъ египтяне были застигнуты приливомъ. Не будемъ останавливаться на томъ, что, заставляя израильтянъ дойти до этого мѣста, защитники этой гипотезы страшно насилуютъ текстъ книги Исхода. Взглянемъ лишь поближе на то мѣсто, на которомъ, по указанію этой гипотезы, долженъ былъ совершиться переходъ. Правда, нынѣшній Суэцъ лежитъ въ концѣ названнаго по его имени залива, но къ сѣверу отъ него тянется еще мелководный морской рукавъ длиною въ два, а шириною въ полчаса пути, въ глубь земли. Устье, ведущее въ этотъ отдѣлъ моря, шириною не болѣе, какъ на добрую четверть часа, потому что здѣсь Суэцъ лежитъ на косѣ, или полуостровѣ. Къ югу отъ этого устья лежитъ большая песчаная мель на срединѣ моря, равно какъ и означенный морской рукавъ тоже почти весь

уѣйшить мелями. Вслѣдствіе этого во время отлива дѣйствительно легко отыскать мѣсто къ сѣверу отъ Суэца, по которому можно было бы перейти море въ бродъ. Извѣстно, что во время египетскаго похода Бонапартъ переѣхалъ здѣсь чрезъ море верхомъ, но на возвратномъ пути, вслѣдствіе наступившаго прилива, только съ трудомъ могъ добраться до другаго берега. Къ югу отъ Суэца, по словамъ Лаборда, существуетъ другой подобный же бродъ. Но нужно имѣть слишкомъ много слѣпой вѣры, чтобы допустить возможность перехода двухъ милліоновъ человѣкъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ вьючнаго и выгоннаго скота чрезъ этотъ бродъ во время отлива, продолжающагося всего-на-все—пусть примутъ это къ соображенію — три часа (¹). При этомъ забываютъ еще, что бродъ не есть ни дорога по сушѣ, ни путь, открытый въ водахъ по Исходу, XIV. 21; и что напротивъ онъ долженъ былъ причинить при перехожденіи чрезъ него дѣтей, верблюдовъ и овецъ большое замедленіе. Но если и допустить, что дѣйствительно они могли такъ скоро переправиться въ бродъ, то представляется непонятнымъ, какимъ образомъ египтяне, у которыхъ, какъ извѣстно, процвѣтала астрономія и точное вычисленіе времени, опустили совершенно изъ виду предстоявшій послѣ отлива поворотъ воды на прибыль? Большинство прибывшихъ на колесницахъ и коняхъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы отправились въ обходъ вокругъ моря, все-таки могли

(¹) Вода въ морѣ поднимается шесть часовъ и столько же времени опускается. Указанный бродъ доступенъ для перехода только во время самаго сильнаго пониженія воды, а на это послѣднее можно положить много-много полтора часа впередъ (когда вода идетъ на убыль) и полтора часа назадъ (когда начинаетъ прибывать).

бы нагнать израильтянъ, хотя бы тѣ и перегнали ихъ моремъ. Но говорятъ, обыкновенные законы отлива и прилива были нарушены дувшимъ тогда сильнымъ вѣтромъ (Исх., XIV, 21). Правда: но этотъ вѣтеръ, какъ показываетъ еврейскій текстъ, былъ *восточный* (¹), слѣдовательно онъ дулъ въ лицо израильтянамъ черезъ море. Такимъ образомъ, естественно думать, что этотъ вѣтеръ гналъ волны къ западному берегу и слѣдов. на добрую часть времени затруднялъ вступленіе въ бродъ для находившихся тамъ израильтянъ, равно какъ и египтянъ. Экзегетическій фокусъ—покусъ, перевертывающій восточный вѣтеръ въ сѣверовосточный, не измѣняетъ существа дѣла. Но, пропуская и это и принимая, что отливъ послѣ перехода израильтянъ терпѣливо ожидалъ, пока египтяне точно также перейдутъ мели,—а вѣдь послѣдніе опять таки составляли изрядное количество, слѣдуя Исх. XIV, 7, не меньше двухъ тысячъ колесницъ (²) съ соотвѣтствующимъ числомъ конницы и прочими составными частями египетской военной силы—мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ египтяне ухитрились утонуть всѣ до одного, когда, совершая этотъ переходъ, они по необходимости должны были образовать длинную ленту, имѣвшую занять почти всю мелководную переправу, которая въ ширину простиралась всего какихъ нибудь на полчаса пути (³), даже предположивши, что они не захотѣли при началѣ прилива

(¹) Ventus urens (знойный, палящій) называетъ его блаж. Іеронимъ въ Вулгатѣ, по отличительному качеству, которымъ обладаетъ этотъ вѣтеръ на востокѣ.

(²) Шестьсотъ отборныхъ колесницъ, кромѣ того сколько оказалось колесницъ въ (Нижнемъ) Египтѣ.

(³) Лабордъ опредѣляетъ длину сѣвернаго брода въ 800 метровъ. L. c. p. 89.

употребить въ дѣло своихъ быстрыхъ коней, чтобы спастись на тотъ или другой берегъ. За тѣмъ нужно обратить еще вниманіе на то, что израильтяне, по Исх. XIV, 21, 22, перешли чрезъ море *сухими ногами*, а это едва ли возможно когда нибудь и на сѣверномъ бродѣ; между тѣмъ южный можно перейти не иначе какъ по плечо въ водѣ. Итакъ мнѣніе, что израильтяне воспользовались отливомъ для своего перехода должно быть отвергнуто. Но это приводитъ насъ еще къ одному пункту, на который до сихъ поръ мало обращали вниманія. Всѣ, придерживающіеся мнѣнія, что израильтяне во время отлива перешли по мелкому мѣсту моря, хотя и призываютъ на помощь сѣверо-восточный вѣтеръ и высокій приливъ, въ сущности построяютъ возможность означеннаго перехода *a priori*, чтобы замѣнить имъ нѣчто *дѣйствительное*, что дошло до нашего свѣдѣнія *a posteriori*. О переходѣ чрезъ чермное море мы знаемъ отъ автора книги Исхода. Слѣдовательно кто хочетъ получить отвѣтъ на вопросъ: какъ и гдѣ совершился этотъ переходъ, тотъ долженъ прежде всего обратиться къ сказанію этого автора и никакое объясненіе не согласное съ его словами не можетъ быть допущено. А выше приведенное объясненіе положительно не согласно съ текстомъ Исхода. Авторъ,—или какъ говоримъ мы съ нашей точки зрѣнія—Моисей—не говоритъ, чтобы израильтяне ждали отлива, или чтобы они случайно воспользовались имъ, а говоритъ напротивъ, что переходъ внезапно сдѣлался возможнымъ, и что эта возможность внезапно же и прекратилась (Исх. XIV, 21, 27). Мало того—какъ появленіе, такъ и прекращеніе этой возможности находилось въ связи съ свободною волею вождя израильскаго народа; когда

онъ простеръ жезлъ свой, тогда открылся народу путь чрезъ волны; при оборотѣ жезла въ противоположную сторону вода возвращалась на свое прежнее мѣсто. Правда, при этомъ упоминается, что Господь Богъ произвелъ это посредствомъ восточнаго вѣтра; но и это орудное средство, и эта посредствующая причина также находились въ зависимости отъ воли Моисея. Слѣдуя буквѣ текста, никакъ нельзя думать, что раздѣленіе воды сюду и сюду было слѣдствіемъ продолжительнаго и упорнаго вѣянія (продолжавшагося цѣлую ночь), какъ принимаютъ даже вѣрующіе толкователи. Прибавка въ 21 ст. col hallaj lah, tota nocte, относится не къ flante vento, а къ глаголу wajjôlech, adstulit; библейскій стихъ гласитъ: „Моисей простеръ руку свою надъ моремъ и Господь Богъ удалилъ море посредствомъ сильнаго восточнаго вѣтра на всю ночь, и онъ сдѣлалъ море сухимъ, и воды раздѣлились“. Послѣднее выраженіе (baka') особенно важно, потому что оно имѣетъ совершенно опредѣленное значеніе: расщеплять, раздѣлять и т. д. Водная масса представляется твердымъ цѣлымъ, въ которомъ восточный вѣтеръ производитъ расщелину. Эта послѣдняя, согласно 22 ст., прошла чрезъ всю водяную массу до самаго дна, потому что „Израильтяне прошли посреди моря посуху,“ т. е. по песчаному дну морскаго ложа. Для вящшаго уясненія дѣла повѣствователь продолжаетъ: „и вода была для нихъ стѣною справа и слѣва.“ Это значитъ, вода стояла справа и слѣва, возвышаясь, какъ твердая масса, хотя и нѣтъ нужды непремѣнно полагать, что она стояла отвѣсно, какъ бы срѣзанная ножемъ. Не справедливо было бы слово [illegible] chômah, понимать

здѣсь въ общемъ переносномъ смыслѣ „ограды“ (1). Ограда (оборона) или оплотъ *справа* и *слѣва* мало могла принести пользы Израильтянамъ, когда ихъ преслѣдователь находился *позади* ихъ. За тѣмъ это еврейское слово во всѣхъ 132 мѣстахъ библіи, въ которыхъ оно встрѣчается, не употребляется ни въ какомъ другомъ значеніи, кромѣ *собственнаго*, именно въ смыслѣ вало-образнаго возвышенія, стоймя стоящей загородки, твердой массы (2), и переводъ этого слова словомъ оплотъ (оборона), основывается на легкомысленномъ произволѣ, столь часто выдаваемомъ за толкованіе. Послѣ всего выше изложеннаго, добросовѣстное изъясненіе Св. Писанія можетъ только остановиться на одной мысли, именно, что здѣсь повѣствуется о *чудѣ*, совершенно выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Моѵсей не забываетъ замѣтить, что и Египтяне поняли его въ этомъ именно смыслѣ,—силу, тормозившую колеса ихъ колесницъ и препятствовавшую подвигаться впередъ, они сами признали за сверхъ-естественную, прежде чѣмъ вода покрыла ихъ (ст. 25). Захочетъ ли современный толкователь [или читатель Св. Писанія признать это чудо за фактъ *историческій*—это другой вопросъ, рѣшеніе котораго зависитъ отъ разрѣшенія извѣстныхъ фундаментальныхъ вопросовъ, которыхъ было бы не умѣстно здѣсь касаться. Въ настоящемъ случаѣ мы протестуемъ лишь противъ того мнѣнія, будто въ XIV гл. Исхода дѣло идетъ о совпаденіи естественныхъ обстоятельствъ. Прекрасно сказалъ Раумеръ: „Толкователь долженъ вѣрно толковать сво-

---

(1) Какъ дѣлаетъ это Робинзонъ въ своей книгѣ „Палестина“ 1, 3. 92.
(2) Ср. Наум. III, 8; Іерем. 1, 18.

его автора, ничего не привнося къ нему. Нравится ли ему то, что у него находитъ, или нѣтъ; считаетъ ли все это за истину, или нѣтъ, это не идетъ въ расчетъ. Напр. Фессъ находилъ, что Гомеръ считалъ землю за кругъ, со всѣхъ сторонъ опоясанный моремъ; сообразно съ тѣмъ онъ начерталъ и гомеровскую карту свѣта, хотя прекрасно *зналъ*, что земля есть шаръ. Такая же обязанность лежитъ и на толкователѣ Исхода, хотя бы онъ и держался мнѣнія, что нѣтъ чудесъ ([1]). Нужно еще прибавить къ этому, что тѣ, для которыхъ была написана книга Исходъ, никогда въ ней не находили ничего другаго, кромѣ чуда. „Онъ провелъ ихъ *чрезъ глубину*", говорится въ Пс. IV. по полю злачному отъ *волненія зѣльнаго* (Іер. XIX. 7) „*поставилъ* воды, какъ стѣну" (Пс. 77. 13). Но мы идемъ далѣе и утверждаемъ, опираясь на вышеприведенныя данныя и изслѣдованія: относительно перехода израильтянъ чрезъ Черное море должно принимать одно изъ двухъ—или что онъ совершился чудеснымъ образомъ, и именно такъ, какъ повѣствуется у Моусея, или же что его вовсе не было. Какой нибудь средній путь къ выходу изъ представляющихся при толкованіи этого мѣста затрудненій, не имѣемъ смысла ([2]). Затѣмъ уже мы

([1]) Palaestina, 3 Aufl. S. 441.

([2]) Сказанное имѣетъ между прочимъ въ виду тотъ экзегетическій маневръ, по которому разсказъ Исх. XIV представляется отображеніемъ пѣсни XV. 1—18 (разумѣется торжественная пѣснь, воспѣтая Моусеемъ по переходѣ чрезъ Черное море. Толкованіе, которое имѣетъ въ виду авторъ, представляетъ дѣло такъ, что *фактъ* перехода заимствованъ изъ этой пѣсни и вмѣстѣ съ нею есть *поэтическое произведеніе. Пер.*); но спрашивается: кому же придетъ въ голову, составивши пѣснь, поводъ къ ея происхожденію представить въ еще болѣе поэтическомъ свѣтѣ, чѣмъ въ какомъ представляетъ его самая пѣснь? А это и сдѣлалъ бы Моусей, если бы означенное толкованіе было справедливо.

можемъ, не путаясь въ всевозможныхъ меляхъ и отмеляхъ, прямо сказать, въ какомъ мѣстѣ Суэзскаго залива долженъ былъ совершиться этотъ переходъ. Для этого повѣствованіе Моусея даетъ намъ довольно опредѣленныя данныя. Мы читаемъ, что *переходъ* чрезъ море продолжался „всю ночь“; при утренней зарѣ, слѣдовательно около четырехъ часовъ, израильтяне должны были, согласно 24 ст., уже быть на другомъ берегу. Такимъ образомъ, если шествіе началось, полагая уже поздно, въ девять часовъ вечера; то на совершеніе его остается семь часовъ. А весь сонмъ израильтянъ (по расчету, сдѣланному Робинсономъ) долженъ былъ растянуться на пространствѣ, равномъ доброму часу пути; но положимъ, что онъ равнялся двумъ часамъ, тогда послѣдніе должны были вступить на дно моря двумя часами позднѣе, чѣмъ первые, и все таки оставалось бы еще пять часовъ времени для пути въ самомъ морѣ. Если прибавимъ къ этому неизбѣжную поспѣшность израильтянъ, то ширина залива на мѣстѣ перехода можетъ быть положена въ шесть путевыхъ часовъ. Это заставитъ насъ удалиться какъ можно далѣе на югъ отъ сѣвернаго конца залива и здѣсь дѣйствительно есть мѣсто между Джебель-атака и Джебель-куэбъ, подходящее къ данной ширинѣ моря. Свѣдѣнія, сохранившіяся до насъ, о станахъ на полуостровѣ послѣ перехода, указываютъ также на это мѣсто. Держась его на экзегетическихъ основаніяхъ, мы, въ видѣ дополненія, примемъ къ соображенію и преданіе арабовъ, указывающее переходъ именно на этомъ мѣстѣ. Здѣсь — бирветъ фираунъ т. е. фараоново море, гаммамъ фираунъ, т. е. купальня фараонова, джебель фираунъ — фараонова гора. Уже средневѣковые арабскіе географы

обозначаютъ съ большою опредѣленностію мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, прилагая вышеприведенныя названія къ тѣмъ самымъ пунктамъ, которые и теперь носятъ эти названія. Мы очень хорошо знаемъ, что въ новѣйшее время придаютъ весьма мало значенія подобнымъ преданіямъ (1); но знаемъ также и то, что онѣ иногда гораздо вѣрнѣе приводятъ къ истинѣ, чѣмъ научныя соображенія, основывающіяся на предвзятыхъ мнѣніяхъ. И потому ничего не будетъ страннаго въ томъ, что на нашъ взглядъ мѣстное преданіе гораздо болѣе доказываетъ справедливость Моисеева повѣствованія, чѣмъ сколько имѣютъ доказательной силы для отрицанія его научныя сомнѣнія. Кто знакомъ съ регулярностью восточной жизни и имѣетъ понятіе о томъ упорствѣ, съ какимъ держатся на востокѣ учрежденія, воззрѣнія, повѣствованія, тотъ пойметъ, почему мы даже арабскихъ кормчихъ, о которыхъ была рѣчь выше, призываемъ въ свидѣтели событій, совершившихся за четыре тысячелѣтія. Когда ихъ застигнетъ въ расплохъ буря во время ихъ лѣниваго плаванія вдоль коралловаго берега, то прежде всего они прибѣгаютъ къ „жезлу Моисея“. Они угрожаютъ волнамъ: Barra, Barra! alaich essajet Musa! Прочь, Прочь! на васъ идетъ жезлъ Моисея! На этотъ фактъ мы не знаемъ лучшаго комментарія, кромѣ замѣчанія, сдѣланнаго

---

(1) Оцѣнивая данныя, сообщаемыя арабами, Нибуръ говоритъ (Beschreib. von Arabien S. 40. 4), что арабы всегда указываютъ мѣсто перехода сыновъ Израилевыхъ именно тамъ, гдѣ ихъ объ этомъ спрашиваютъ; но Оппертъ справедливо замѣчаетъ (Zeitschr. der D. M. G. VII) на это, что причина возникающихъ такимъ образомъ заблужденій всегда заключается въ самихъ вопрошающихъ. Между самими арабами сохраняется множество преданій, относительно которыхъ произволъ не имѣетъ никакого мѣста.

по этому случаю Риттеромъ: „древнія преданія, говоритъ онъ, столь живо сохраняющіяся въ настоящее время у народа, не имѣющаго лѣтописей, представляютъ нѣчто въ высшей степени замѣчательное, такъ какъ и до сихъ поръ онѣ имѣютъ все свое жизненное значеніе. На югѣ, на Іеменской сторонѣ полуострова, имена Аада и Шеддада, сына Аадова (см. Быт. X. 23) можно слышать и теперь ежечасно въ устахъ іеманитовъ, хотя имена эти восходятъ къ временамъ гораздо болѣе древнимъ, чѣмъ времена Моусея; на сѣверномъ концѣ Чермнаго моря только и рѣчи, что объ египетскомъ фараунѣ и о великомъ законодателѣ Муса (Моусеѣ), объ его зятѣ Шоэбѣ и объ ихъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ всѣ событія отъ Моусея до самаго прибытія Бонапарта въ Суэцъ, въ продолженіи двухъ тысячелѣтій, прошли предъ ними безслѣдно".

И. Т.

ВИЗАНТІЙСКІЕ ПАТРІАРХИ ДО ФОТІЯ

СОЧИНЕНІЕ ГЕРГЕНРЁТЕРА, КНИГА ПЕРВАЯ (*).

Судя по заглавію, читатель можетъ подумать, что его вниманію предлагается—или полная и обстоятельная исторія *византійскихъ епископовъ* до Фотія, или же по крайней мѣрѣ спеціальное изслѣдованіе о *Константинопольскомъ патріаршествѣ* въ собственномъ смыслѣ. Но авторъ указаннаго сочиненія начинаетъ исторію византійскихъ пастырей отъ св. Митрофана (315 г.) и оканчиваетъ св. Меѳодіемъ (842 г.), слѣдовательно книга, которой заглавіе мы выписали, не можетъ быть названа полной и обстоятельной исторіей византійскихъ іерарховъ; потому что она исключаетъ изъ списка Константинопольскихъ пастырей—епископовъ Византіи за первые три вѣка, умалчиваетъ о предстоятеляхъ позднѣйшаго времени (послѣ IX в.) и сверхъ того ограничивается скудными біографическими замѣтками о тѣхъ пастыряхъ, которые составляютъ предметъ ея изслѣдованія. Строго судя, мы не можемъ назвать ее спеці-

(*) Die byzantinischen Patriarchen vor Photius. Erstes Buch. Von Hergenröther. 1867.

альнымъ очеркомъ Константинопольскаго *патріаршества* въ тѣсномъ смыслѣ; потому что ни св. Александръ, ни его ближайшіе преемники, о которыхъ говоритъ авторъ, не имѣли ни правъ, ни титула восточныхъ патріарховъ до II-го вселенскаго собора (381 г.), а исторія ересіарховъ IV в., беззаконно занимавшихъ византійскую каѳедру и подробно описанныхъ авторомъ въ его книгѣ, по нашему мнѣнію, — не относится къ исторіи патріаршества, какъ установленія церковнаго. Спрашивается: что же авторъ желаетъ высказать въ данномъ сочиненіи и почему онъ ограничиваетъ его извѣстнымъ объемомъ и содержаніемъ? Отвѣтъ находимъ въ предисловіи, гдѣ авторъ пишетъ: „главная задача нашего труда—изобразить жизнь и дѣянія патріарха Фотія, — показать вліяніе его на дѣла церковныя. Но Фотій, вступивши на патріаршій престолъ Византіи, наслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ извѣстные *принципы* (Srundsätze) и съумѣлъ закончить начатое другими... Современные ему вопросы имѣютъ неразрывную связь съ лицами и обстоятельствами прежней Византійской исторіи. Многое было бы для насъ недостаточно ясно и понятно, если бы мы опустили историческія основанія и постепенное возвышеніе ново-римскаго патріаршества. По такимъ соображеніямъ намъ казалось необходимымъ изложить въ *первой книгѣ* настоящаго сочиненія исторію византійскихъ епископовъ до Фотія, показать ихъ отношенія къ императорскому двору, къ клиру, народу, изобразить ихъ гтремленія и дѣянія и проч.“ Такимъ образомъ предлагаемая книга, по мысли автора, есть обширное *введеніе* въ пространную исторію Фотія. Согласно съ предположенной цѣлью авторъ разрѣшаетъ въ этомъ вве-

денія слѣдующіе вопросы: какимъ образомъ изъ небольшой византійской епископіи возникло сильное Константинопольское патріаршество и что благопріятствовало возвышенію этой каѳедры на востокѣ? Какъ смотрѣли на свое положеніе византійскіе епископы и какъ относились они къ предстоятелямъ прочихъ помѣстныхъ церквей? Что было цѣлью ихъ стремленій и какими средствами они пользовались въ достиженіи ея? Разрѣшенію этихъ вопросовъ путемъ историческимъ авторъ посвящаетъ 10 главъ своей книги, въ послѣдней 11-й главѣ дѣлаетъ общій взглядъ на исторію византійскаго патріаршества и указываетъ причины отпаденія Запада отъ Востока. Для ближайшаго знакомства съ его взглядомъ было бы недостаточно ограничиться выпиской 11-й главы книги, гдѣ онъ высказываетъ однѣ общія выводы и заключенія на основаніи своихъ историческихъ изслѣдованій въ предъидущихъ главахъ. Посему мы поставляемъ своей задачей — отчасти въ перифразѣ, отчасти подлинными словами передать мысли автора въ томъ видѣ, какъ онъ самъ развиваетъ ихъ и будемъ останавливаться главнымъ образомъ на тѣхъ пунктахъ, которые по мнѣнію автора были важными и характеристическими моментами въ исторіи византійскаго патріаршества. Но такъ какъ мнѣнія автора не безпристрастны, толкованіе фактовъ не чуждо предубѣжденій; то рецензентъ считаетъ своимъ долгомъ обнаружить предзанятыя мысли писателя и сдѣлать свои замѣчанія на его доказательства.

Слѣдуя плану даннаго сочиненія, мы должны остановить наше вниманіе на вопросахъ: какимъ образомъ авторъ объясняетъ возвышеніе цареградской епископской каѳедры и какъ, по его мнѣнію, смотрѣли на

свое положеніе епископы Византіи IV в.? Онъ разрѣшаетъ эти вопросы въ первомъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: „*епископы Византіи до Ѳеодосія Великаго*“ (381). Мысли автора объ этомъ предметѣ передаемъ въ слѣдующемъ перифразѣ.

— „11-го мая 330 г. торжественно совершено было освященіе Византіи, новой столицы Римскаго государства. При благожеланіяхъ блестящей славы и будущности новый Римъ (Константинополь), какъ столичный городъ и резиденція императора, долженъ былъ раздѣлить съ древнимъ Римомъ всѣ особенныя права и преимущества. Тамъ сосредоточилось верховное управленіе дѣлами государства; оттуда стали исходить высочайшіе манифесты, милость и судъ. Съ другой стороны—это была столица христіанскаго государя; съ ней не связывались языческія преданія древняго Рима. Храмы, дворцы, памятники—все устроялось въ честь и славу господствующей Христіанской вѣры, ею освящалось. Съ новымъ Римомъ соединялась мысль о торжествѣ церкви надъ язычествомъ; Римъ древній напоминалъ о гоненіяхъ и мученіяхъ. Неудивительно, если къ новому Риму устремились упованія и надежды всѣхъ на лучшую будущность. Самъ Константинъ великій смотрѣлъ на свою новую столицу не только какъ на центръ въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ, но и какъ на средоточіе христіанскаго просвѣщенія, которое должно было распространиться на самый отдаленный Востокъ (стр. 1—5).

— „Само собою разумѣется, что при такомъ значеніи города возвышался въ общественномъ мнѣніи епископъ мѣстной церкви. Онъ былъ уже не просто византійскій провинціальный архіерей, но предстоятель

столичнаго города, духовный отецъ, наставникъ въ вѣрѣ и совѣтникъ императора. Его надзору и наблюденію подлежали не только церковныя дѣла подвѣдомственной епископіи, но даже гражданскія учрежденія (тюрьмы, больницы и пр.) и судебныя дѣла. Чиновники и сановники государства не могли не чувствовать его вліянія надъ собой, когда по одному его ходатайству снова перевершались важныя дѣла. При такомъ положеніи могъ ли епископъ новаго Рима не желать себѣ равенства въ іерархическихъ правахъ съ предстоятелями древне-апостольскихъ каѳедръ—Рима и Александріи, Іерусалима и Антіохіи? Исключая весьма немногихъ святителей, большинство византійскихъ епископовъ дѣйствительно неравнодушно относилось къ привиллегіямъ столичной каѳедры. Оно поняло свое значеніе и положеніе, желало равенства правъ съ прочими патріархами и стремилось къ церковно-іерархическому возвышенію, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ. Тамъ, гдѣ оказывались недостаточными личныя заслуги и дарованія, можно было прибѣгнуть къ содѣйствію свѣтской власти, — такъ близко она была! Если эта власть почему-нибудь не благопріятствовала; то можно было обратиться къ помощи вліятельныхъ лицъ, взять сторону сильнѣйшей партіи и расположить ее въ свою пользу, — придворныя интриги такъ обычны были на Востокѣ! Если же и въ этомъ не было успѣха; то можно было искать опоры въ силѣ народной, — такъ легко пользоваться страстями толпы, возбужденной религіозными спорами! Все это обнаружилось *на первыхъ же порахъ* ново-Римской каѳедры"... (стр. 10. 11. 24 и проч.).

Мы указали основные мотивы тѣхъ мыслей, кото-

рыя авторъ развиваетъ и доказываетъ въ первомъ отдѣлѣ своей книги, — теперь должны остановить наше вниманіе на нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ.

По мнѣнію автора — съ перенесеніемъ столицы изъ Рима въ Византію тѣсно связана исторія *возвышенія* византійской епископской каѳедры. Конечно, мы неможемъ отрицать того, что историческія обстоятельства IV в., были вообще благопріятны для Византіи, разрушенной и опустошенной во время послѣдней междоусобной войны ([1]), что съ избраніемъ ея столицей государства совпадаютъ, по единогласному свидѣтельству церковныхъ историковъ ([2]), улучшенія *во внѣшнемъ положеніи* помѣстной церкви и ея епископа, — казалось бы и только! Но авторъ понимаетъ *возвышеніе* византійской епископіи далеко не въ этомъ значеніи. Онъ знаетъ изъ послѣдующей исторіи Византіи и въ своемъ мѣстѣ приводитъ такія свидѣтельства (соборныя постановленія, императорскіе указы и проч.), которыя, говоря объ уравненіи правъ византійскаго епископа съ прочими патріархами, всегда ссылаются на политическое значеніе города. А такъ какъ это значеніе и столичныя права Византія получила при Константинѣ великомъ (Сокр. Ц. И. I. 16.); то по мнѣнію автора возвышеніе Константинопольской каѳедры въ церковно-административномъ отношеніи обязано своимъ происхожденіемъ (in principio) тому же политическому перевороту четвертаго вѣка. По такимъ соображеніямъ авторъ соединяетъ начало исторіи византійскаго *патріаршества* съ учрежденіемъ ново-Римской столицы. Но

([1]) Hammer. Constantinopel. Bd. I, S. 82, 83.

([2]) Евс. Ж. Ц. к. IV. 58. Сокр. Ц. И. I. 16. Созом. Ц. И. II. 3 и пр.

во-первыхъ слѣдуетъ замѣтить, что въ свидѣтельствахъ послѣдующаго времени значеніе столичнаго города поставляется не единственнымъ и не исключительнымъ основаніемъ для усвоенія византійскому епископу правъ патріаршихъ. Притомъ эти свидѣтельства относятся къ позднѣйшему времени, къ другимъ обстоятельствамъ; онѣ говорятъ о современномъ имъ положеніи и значеніи Византіи вслѣдствіе новой организаціи Восточной Р. Имперіи при Өеодосіѣ великомъ. Съ другой стороны представляется вопросъ: если возвышеніе Константинопольской каѳедры совпадаетъ съ перенесеніемъ столицы изъ Рима въ Византію; то въ чемъ же оно выразилось и подтверждается ли историческими фактами, современными этому событію? — Вопросъ о субординаціи епископовъ, какъ извѣстно, рѣшался на первомъ Вселенскомъ Никейскомъ соборѣ; но изъ его постановленій (can. VII) не видно, чтобы византійскому епископу предоставлены были какія-нибудь особыя права и преимущества предъ прочими епископами. Напротивъ, исторически извѣстно ([1]), да и самъ авторъ признаетъ (стр. 25), что константинопольская каѳедра до II-го вселенскаго собора находилась въ зависимости отъ Ираклійской митрополіи и въ продолженіи IV в., т. е. до 381 г. византійскіе епископы не имѣли ни правъ, ни титула екзарховъ или приматовъ Рима, Александріи и проч. Правда,—историки говорятъ, что Константинъ великій „сравнялъ Византію съ Римомъ въ правахъ и во власти"—или—„старался сонменный себѣ городъ сдѣлать *во всемъ* равнымъ Риму Италійскому (Созом. II. 3); но здѣсь, какъ видно изъ контекста рѣчи, писатели разу-

([1]) Созом. Ц. И. III. 3. Balsamon in can. 3. Cpl. (Bever. pand. can. I. p. 89. 127).

имѣютъ или гражданскія учрежденія (сенатъ, дворцы, площади и проч.), или же внѣшнія церковно-обрядовыя украшенія храмовъ, молитвенныхъ домовъ и проч. Нельзя также не замѣтить противъ мысли автора — будто бы „столичный епископъ былъ ближайшимъ совѣтникомъ императора“; такимъ онъ сталъ въ послѣдующее время, когда учрежденъ былъ въ Константинополѣ такъ называемый—*Σύνοδος ἐνδημοῦσα*. На первыхъ же порахъ Византіи-столицы пользовались особенно близостью къ императорскому двору епископы болѣе знаменитыхъ епархій—напр., два Евсевія—кесарійскій и никомидійскій, Осія кордовскій, Макарій іерусалимскій и др. Слѣдовательно, возвышеніе константинопольской каѳедры исторически не соединяется съ политическимъ событіемъ 325 г.,—переименованіе Византіи Ново-Римскою столицей не сопровождалось для византійскаго епископа никакими дѣйствительными преимуществами и не поставляло его ни въ какое привиллегированное положеніе къ свѣтской власти.

Но авторъ простираетъ свои соображенія еще далѣе: политическія событія въ началѣ IV в., являются у него не только совмѣстными съ исторіею возвышенія константинопольской каѳедры,—но и *современными* самому *происхожденію* или *началу* византійской іерархіи. По мнѣнію автора—*первымъ* исторически—достовѣрнымъ епископомъ Византіи былъ св. Митрофанъ (около 315 г.). Сказаніе же греческихъ писателей (¹), а за ними русскихъ, объ основаніи церкви въ Византіи св. ап. Андреемъ онъ называетъ легендой позднѣйшаго происхожденія. „Византійцы“, по его словамъ, „изъ соревнованія къ Риму и для

(¹) Niceph. Call. H. E. VIII. 6. Chron. Niceph. Cpl. p. 771. ed. Bonn. Ephrem mon. catal. Episc.

оправданія своихъ честолюбивыхъ стремленій выдумали сказку, будто-бы церковь ихъ основана апостоломъ Андреемъ. Греки и Русскіе повторяютъ эту легенду, усердно выставляя на видъ преимущество „Первозваннаго" предъ младшимъ его братомъ Кифой. Но эта легенда не имѣетъ никакого историческаго основанія и не заслуживаетъ ни малѣйшей вѣроятности" (стр. 6.). Такимъ же образомъ подлежитъ сомнѣнію достовѣрность хронологій патріарха Никифора и Никифора Каллиста, потому что эти писатели относятся къ позднѣйшему времени (первый жилъ въ IX в., вторый—въ XIV в.), когда уже сильны были іерархическія состязанія между епископами Рима и Византіи.—Римскіе папы, продолжаетъ авторъ, доказывали первенство своей каѳедры происхожденіемъ ея отъ „первоверховнаго" апостола; нужно же было и византійцамъ для оправданія преимуществъ своей каѳедры представить равносильное доказательство,—и вотъ они обратились къ легендѣ объ основаніи византійской каѳедры „первозваннымъ" апостоломъ. „Происхожденію этой легенды, по мнѣнію автора, благопріятствовали слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ существованіе къ Константинополѣ со временъ Константина великаго церкви св. апостоловъ,—во-вторыхъ—перенесеніе туда мощей св. апостоловъ Андрея, Луки и Тимоѳея, (¹) въ третьихъ—сказаніе мученика Дороѳея Тирскаго „о семидесяти учениках Господа" (²). Первыя два обстоятельства, говоритъ авторъ, нисколько не служатъ къ подтвержденію

(¹) Филост. Ц. И. III. 2. Сокр. I. 40. Leo Gramm. p. 87. ed. Bonn.

(²) Doroth. de 70 Domini discipulis. Comment in Chron. Alex. p. 345. ed. Venet.

позднѣйшихъ каталоговъ о епископахъ Византіи за первые три вѣка; сказаніе же мученика Дороѳея есть произведеніе греческаго писателя и притомъ—позднѣйшаго времени; потому что древніе церковные историки—Евсевій, Сократъ, Созоменъ и др., описывавшіе время, въ которое жилъ мученикъ Дороѳей (въ концѣ III и въ началѣ IV в.), ничего не говорятъ о его сказаніи, да и вообще не указываютъ, „не знаютъ древнѣйшихъ епископовъ Византіи.“ (стр. 6.). „Въ другихъ же греческихъ хроникахъ (1) упоминаются только три предшественника св. Митрофану—Филадельфъ, Евгеній, Руфинъ; такъ что историкъ Кедринъ прямо называетъ св. Митрофана четвертымъ епископомъ Византіи (2). Но эти хронографы относятся къ позднѣйшему времени и свидѣтельству ихъ нельзя придавать особеннаго значенія (стр. 7.). Болѣе правдоподобные каталоги Ѳеофана (VIII в.) и александрійской хроники (3) прямо начинаютъ списокъ византійскихъ епископовъ св. Митрофаномъ, слѣдовательно мы должны признать его *первымъ* исторически достовѣрнымъ епископомъ Византіи.“ Такъ разсуждаетъ авторъ. Но всѣ его мнимо правдоподобныя соображенія основываются отчасти на искуственномъ сопоставленіи и толкованіи историческихъ свидѣтельствъ,—отчасти на преднамѣренномъ молчаніи о нѣкоторыхъ фактахъ.

— Съ точки зрѣнія исторической критики можно заподозрить достовѣрность и подлинность извѣстнаго сказанія только въ такомъ случаѣ, когда оно не сообразно съ исто-

(1) Symeon Logoth. ap. Bandur. Imp. Or. Paris 1711. p. 806.
(2) Comp. hist. I. p. 477.
(3) Theophan. Chronogr. p. 19. Chron. Alex. sev Pasch. p. 281 ed. Du Cange.

рическими обстоятельствами, на которыя указываетъ, само себѣ противорѣчитъ, вообще опровергается дознанными фактами и несомнѣнными свидѣтельствами. Такъ напр., мы не можемъ признать подлинности и достовѣрности „*Лже-Исидоровыхъ декреталоев*“ (1) на томъ основаніи, что они содержатъ въ себѣ историческія и хронологическія противорѣчія (2). Есть ли что нибудь похожее въ сказаніи, которое приписываютъ мученику Дороѳею? Можно ли указать въ греческихъ хроникахъ такія дѣйствительныя противорѣчія, на основаніи которыхъ слѣдовало бы заподозрить достовѣрность цѣлаго преданія объ ап. Андреѣ? Опровергается ли каталогъ первыхъ епископовъ Византіи какими-нибудь историческими или хронологическими изысканіями? Нѣтъ! Построеніе храма св. апостоловъ при Константинѣ великомъ и перенесеніе мощей св. ап. Андрея въ Византію служатъ фактическими доказательствами *древности* этого преданія и *достовѣрности* сказанія объ немъ. Чтобы видѣть въ этихъ фактахъ одно лишь благопріятное обстоятельство къ сочиненію Дороѳеева сказанія, и назвать содержаніе его „вымысломъ позднѣйшаго происхожденія, чуждымъ всякаго историческаго основанія“,—для этого слѣдовало бы сперва доказать, что съ перенесе-

(1) „Pseudo—isidorischen Decretalen“ — сборникъ церковно-гражданскихъ постановленій римской церкви. Магдебургскія центуріи въ первый разъ доказали подложность этого сочиненія. Centur. Magd. II. 7; III. 7.

(2) По этимъ декретамъ наприм. римскій папа Викторъ, жившій въ концѣ II в., пишетъ посланіе къ александрійскому архіепископу Ѳеофилу, который жилъ въ началѣ V в.; — римскіе епископы первыхъ трехъ вѣковъ говорятъ на франкскомъ языкѣ VIII и IX вѣка;—Исидоръ испалійскій, писатель VI в., приводитъ постановленія парижскаго собора, бывшаго въ 829 г. Kirchengeschichte von Guerike. Auflage 1843, S. 514.

ніемъ столицы изъ Рима въ Константинополь и съ построеніемъ здѣсь храмовъ при Константинѣ великомъ совпадало *первоначальное распространеніе* христіанской вѣры и *учрежденіе церковной іерархіи* въ Византіи. Но авторъ самъ же признаетъ (стр. 5 примѣч. 7.) свидѣтельство Тертулліана, что во II вѣкѣ было уже много христіанъ въ Византіи; не отрицаетъ онъ и того факта, что *до* перенесенія столицы Византія была уже *епископіей*. Слѣдовательно какъ основаніе здѣсь христіанской церкви, такъ и учрежденіе церковной іерархіи надобно относить къ первому вѣку, т. е. ко временамъ апостольскимъ. Мы говоримъ о *епископской каѳедрѣ* въ Византіи и не можемъ предполагать, чтобы здѣсь въ разсматриваемое время существовалъ только приходскій причтъ или клиръ безъ мѣстнаго епископа. Такъ утверждаемъ, между прочимъ, по слѣдующему соображенію. Древняя Византія со временъ Цицерона (отъ 70 г. до Р. Х.) и до Антонина Каракаллы (217 г. по Р. Х.) была вольнымъ торговымъ городомъ съ многолюднымъ и разноплеменнымъ населеніемъ іудеевъ и язычниковъ; послѣ Каракаллы до Ликинія она имѣла важное значеніе въ политическомъ отношеніи (¹). Между тѣмъ исторически извѣстно, что у древнихъ христіанъ, начиная со временъ апостольскихъ, было въ обычаѣ и правиломъ (Тит. I. 5. 7.) поставлять *епископовъ* и пресвитеровъ *по (всѣмъ) городамъ*, гдѣ только проповѣдана была христіанская вѣра. При этихъ данныхъ, имѣя въ виду свидѣтельство Тертулліана, мы должны придти къ тому заключенію, что церковь въ Византіи даже по своему внѣшнему положенію въ многолюдномъ торговомъ го-

(¹) Hammer. Constantinopel. Bd. I. S. 82.

родѣ среди разноплеменнаго населенія въ его окрестностяхъ должна была имѣть епископскую каѳедру. Хотя исторически неизвѣстно, чтобы кто-нибудь изъ церковныхъ писателей первыхъ двухъ вѣковъ оставилъ лѣтописное сказаніе объ основаніи церкви въ Византіи; однакожъ было бы странно утверждать, что византійскіе христіане II вѣка не знали, или не имѣли преданія объ этомъ, когда *мужи апостольскіе* были еще живыми свидѣтелями дѣяній самихъ апостоловъ. Посему можно думать, что мѣстное преданіе у византійскихъ христіанъ во II вѣкѣ сохранялось устно, а записано въ III вѣкѣ, — и такое предположеніе оправдывается историческими указаніями. По свидѣтельству александрійской хроники ([1]) первоначальное сказаніе объ основаніи церкви въ Византіи составилъ мученикъ Дороѳей, еп. Тирскій, который жилъ на Востокѣ во-второй половинѣ III вѣка и слѣдовательно могъ знать это преданіе. По его сказанію первымъ проповѣдникомъ Евангелія въ Скиѳіи и основателемъ церковной іерархіи въ Византіи былъ св. ап. Андрей. До насъ не дошелъ подлинный текстъ сказанія; онъ извѣстенъ въ греческихъ и латинскихъ комментаріяхъ ([2]), которыми, вѣроятно, пользовался и нашъ лѣтописецъ ([3]). Но подлинность этого сказанія подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ 525 г. проживалъ въ Константинополѣ римскій папа Іоанъ I. При наступленіи праздника Рождества Христова возникъ вопросъ между папой и мѣстнымъ патріархомъ: кто изъ нихъ долженъ первенствовать въ совершеніи таинства Евхаристіи въ

([1]) Cronicon paschale sev Alex. II. 136. ed. Bonn.
([2]) Baron. a. 314. n. 94. Niceph. Call. l. c.
([3]) Ист. госуд. россійск. Карамз. т. I прим. 236.

этотъ день? Латиняне доказывали первенство папы тѣмъ, что „Римъ прежде Константинополя получилъ епископа“ (¹); греки во свидѣтельство апостольскаго происхожденія византійской каѳедры указали на латинскій комментарій мученика Дороѳея. Папа призналъ *подлинность* комментарія, но не хотѣлъ уступить первенства, ссылаясь на то, что римская каѳедра основана *первоверховнымъ* апостоломъ (²). Если бы папа руководился въ этомъ случаѣ одними личными соображеніями; то, конечно, латинскіе писатели обличили бы подложность рукописи, или исключили изъ своихъ хроникъ самое сказаніе,—чего однако не было на самомъ дѣлѣ. Напротивъ какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ (³) церковные писатели приводили это сказаніе безъ всякаго сомнѣнія въ его достовѣрности. Уже въ концѣ XVII в. *Кавè* назвалъ комментарій Дороѳея вымысломъ грековъ, которые будто бы придумали такую легенду по поводу спора между папой Іоанномъ I и константинопольскимъ патріархомъ; но Кавé высказалъ свое сомнѣніе бездоказательно, въ общихъ словахъ (⁴). Авторъ разсматриваемаго сочиненія вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе Кавé и хотя умалчиваетъ о томъ обстоятельствѣ, въ которомъ Кавé видитъ поводъ къ сочиненію Дороѳеева сказанія, но почти буквально словами Кавé называетъ сказаніе „позднѣйшимъ вымысломъ грековъ,

---

(¹) Chronicon paschale II. 186. ed. Bonn. „ὅσα δὴ τῆς Ῥώμης πρὸ Κωνσταντινουπόλεως ἐπίσκοπον δεξαμένης“

(²) Geschichte d. Kirch.—Trennung von Dr. Pichler 1865. Bd. II. S. 647.

(³) Ambros. Gardeboschi Synops. H. E. t. I. L. II. diss. 2.

(⁴) „Quin hac occasione primum confecti sint sub Dorothei nomine hi commentarii, nemo opinor prudens denegabit“. Historia literaria Genevae 1694. I. 88.

лже-Дороѳеевой легендой“ (стр. 6, примѣч. 13.), слѣдовательно подлежитъ тому же сужденію, которое произнесетъ современный церковный историкъ *Пихлеръ* (1) о самомъ Кавé,—именно: „несправедливо утверждать, чтобы сказаніе Дороѳея было вымысломъ грековъ по поводу спора (525 г.) между папой и константинопольскимъ патріархомъ; исторія этого обстоятельства заставляетъ предполагать противное,“ т. е. признать подлинность и достовѣрность сказанія, какъ призналъ папа Іоаннъ I, съ мнѣніемъ котораго согласенъ былъ не только Востокъ, но и Западъ до позднѣйшаго времени. Послѣ этого само собою опровергается мнѣніе автора о перенесеніи мощей св. ап. Андрея въ Византію, какъ о благопріятномъ внѣшнемъ обстоятельствѣ къ сочиненію сказанія. Мы говоримъ: *мнѣніе опровергается само собою*; потому что оно, даже безотносительно къ сказанію, само себѣ противорѣчитъ. Авторъ утверждаетъ, что мощи Андрея, Луки и Тимоѳея сохранялись въ храмѣ апостоловъ *со времени Константина* великаго (seit Constantin. стр. 6.) и цитуетъ Сократа (2), Филосторгія (3), Ѳеодора чтеца (4). Между тѣмъ эти историки прямо и ясно говорятъ: „*Констанцій перенесъ Андрея апостола изъ Ахаіи въ храмъ, носящій общее имя апостоловъ*; да и Луку Евангелиста изъ той же Ахаіи перенесъ въ тотъ же храмъ; а потомъ и Тимоѳея апостола изъ Ефеса Іонійскаго подобнымъ образомъ перенесъ въ этотъ же знаменитый и благолѣпный домъ Божій.“

(1) Geschichte d. Kirch.—Trennung von Dr. Pichler 1865. Bd. II. S. 647. not 2.

(2) Сокр. Ц. И. I. 40.

(3) Сокращеніе Церк. Ист. Филост. кн. III. 2.

(4) Извлеченія изъ Ц. И. Ѳ. Чтеца. кн. II 61.

Спрашивается: какимъ же образомъ могли существовать эти мощи въ Византіи при Константинѣ Великомъ, когда онѣ перенесены были сюда при Констанціѣ? Кто и когда могъ считать такой фактъ благопріятнымъ поводомъ къ сочиненію сказанія объ ап. Андреѣ?!... Нашъ авторъ не даетъ отвѣта на эти вопросы. Онъ утверждаетъ только, что сказаніе объ ап. Андреѣ — легенда позднѣйшаго происхожденія, что имена древнѣйшихъ епископовъ Византіи выдуманы греками; такъ какъ древніе церковные историки умалчиваютъ о первыхъ епископахъ Византіи, въ однѣхъ хроникахъ указываются иногда четыре, иногда — пять предшественниковъ св. Митрофану и проч. Но всѣ эти аргументы отрицательной критики нисколько не устраняютъ и не ослабляютъ доказательствъ противоположныхъ. И, во-первыхъ,—молчаніе древнихъ церковныхъ историковъ о епископахъ Византіи до Константина Великаго не можетъ служить яснымъ признакомъ того, чтобы въ дѣйствительности не существовало преданія и сказанія, о которыхъ идетъ наша рѣчь. Древніе церковные историки могли не записать ихъ, какъ они не записали и многихъ другихъ современныхъ имъ фактовъ, о которыхъ узнаемъ изъ позднѣйшихъ сказаній. Въ настоящемъ случаѣ молчаніе ихъ объясняется очень просто. Въ то время, какъ Евсевій писалъ свою исторію,—мученикъ Дороѳей жилъ на Западѣ, куда онъ сосланъ былъ при Діоклитіанѣ и тамъ жилъ до своей кончины при Юліанѣ отступникѣ. Очень вѣроятно, что мученикъ Дороѳей писалъ свое сказаніе именно во время продолжительнаго уединенія на *Западѣ*, такъ что редакція его сказанія явилась уже послѣ Евсевія. Что касается Сократа, то онъ, испробовавши неудачную попытку под-

ражанія Руфину, могъ не довѣрять и этому сказанію, какъ западному произведенію, или же просто—не имѣлъ его подъ руками. Прочіе церковные историки, какъ извѣстно, болѣе или менѣе подражали своимъ образцамъ... Такимъ образомъ сказаніе мученика Дороѳея могло быть извѣстно сперва на Западѣ и явиться на Востокѣ уже въ позднѣйшее время. Это вполнѣ подтверждается, какъ мы замѣтили, историческимъ фактомъ 525 года. При дальнѣйшемъ распространеніи сказаніе становится извѣстнымъ въ различныхъ комментаріяхъ съ дополненіями и сокращеніями, такъ что одни хронографы могли имѣть его въ сокращенномъ, другіе—въ полномъ видѣ. Отсюда само собою объясняется, почему одни лѣтописцы начинаютъ каталоги византійскихъ епископовъ то съ Филадельфа, то съ Митрофана, а другіе—съ Онисима—ученика ап. Андрея. Но что въ полныхъ каталогахъ Никифора патріарха, Фотія, Каллиста и пр. приводятся не вымышленныя имена византійскихъ епископовъ за первые три вѣка, а дѣйствительно—историческія лица, о которыхъ зналъ мученикъ Дороѳей, это вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ Ѳеофана, которому нашъ авторъ болѣе довѣряетъ, чѣмъ другимъ лѣтописцамъ. Въ своей хроникѣ Ѳеофанъ приводитъ списокъ византійскихъ епископовъ, начиная отъ св. Митрофана; относительно же прочихъ епископовъ Византіи онъ ссылается на каталогъ мученика Дороѳея и говоритъ объ немъ: *сей тщательно изслѣдовалъ о всѣхъ остальныхъ епископахъ Византіи*" ([1]), т. е. за первые три вѣка. Очевидно, Ѳеофанъ зналъ о существованіи

([1]) Theophan p. 35. „οὗτος ἀκριβῶς καὶ περὶ τῶν ἐπισκόπων Βυζαντίου καὶ ἄλλων πολλῶν διεξῆλθεν".

полнаго Дороѳеева сказанія, но не внесъ его въ свою хронику, потому что не имѣлъ его предъ собою. Чтожъ удивительнаго или невѣроятнаго, если это сказаніе было наконецъ доступно Никиѳору, Фотію, Каллисту и др.? Развѣ исторія Филосторгія или—Ѳеодора чтеца имѣетъ большую вѣроятность сравнительно съ этимъ сказаніемъ? О Филосторгіи, который жилъ въ одномъ (IV) вѣкѣ съ мученикомъ Дороѳеемъ, не упоминаетъ ни одинъ церковный историкъ до самаго патріарха Фотія; а о Ѳеодорѣ чтецѣ (V в.) узнаемъ кое-что отъ Каллиста (XIV). Можно было бы ожидать, что нашъ авторъ, оставаясь вѣрнымъ отрицательной критикѣ, назоветъ и эти отрывочныя сказанія выдумкой позднѣйшихъ грековъ. Однако онъ пользуется ими на равнѣ съ другими источниками церковной исторіи и нисколько не сомнѣвается въ ихъ историческомъ значеніи. Ясное дѣло, что, при оцѣнкѣ документовъ, авторъ руководился болѣе субъективными предрасположеніями, чѣмъ требованіями строго научной критики.

На основаніи сказаннаго, мы приходимъ къ заключеніямъ, совершенно противоположнымъ мнѣнію писателя, именно: преданіе объ ап. Андреѣ не есть вымыслъ позднѣйшаго времени, сказаніе муч. Дороѳея нельзя назвать легендой, основанной на суевѣріи грековъ или русскихъ для поддержанія честолюбивыхъ цѣлей византійскихъ патріарховъ. Древность преданія и и подлинность сказанія нисколько не опровергаются историческими фактами и свидѣтельствами,—напротивъ подтверждаются ими и доказываются. Слѣдовательно, учрежденіе церковной іерархіи въ Византіи относится ко временамъ апостольскимъ и нисколько не соединяет-

ся съ политическими событіями IV вѣка. Но посмотримъ, какъ авторъ развиваетъ свои мысли далѣе.

Такъ какъ византійская каѳедра, по его мнѣнію, обязана своимъ происхожденіемъ политическому значенію города, а не апостольскому преемству; то естественно ожидать, что эта каѳедра не будетъ имѣть характера апостольскаго престола; скорѣе она похожа будетъ на свѣтскій тронъ, изъ—за котораго честолюбцы поднимутъ междоусобную брань, возстанутъ другъ на друга и, для достиженія своихъ цѣлей, будутъ пользоваться всякими средствами. „Все это, говоритъ авторъ (стр. 11.), обнаружилось *на первыхъ же порахъ* ново-римскаго патріаршества и тому благопріятствовали историческія обстоятельства". Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ разсказываетъ, на 25 стр., исторію аріанскихъ смутовъ и произноситъ такое сужденіе: „итакъ, въ теченіе 40-лѣтняго господства аріанъ, константинопольскій епископъ привыкъ вмѣшиваться (?) въ дѣла сосѣднихъ епархій. Конечно, смуты благопріятствовали узурпаціи, но факты произвольнаго вмѣшательства въ чужія дѣла служили, для позднѣйшихъ честолюбцевъ, примѣромъ, освященнымъ давностію и обычаемъ (стр. 16.). Григорій Богословъ придалъ константинопольской каѳедрѣ новый блескъ; онъ приравнялъ, ее по вѣрѣ и православію къ престолу Римскому; аріанская буря миновалась. Теперь епископъ Византіи могъ свободно создавать себѣ разныя права и преимущества, считать себя посредникомъ между Востокомъ и Западомъ, между императоромъ и епископами (стр. 24—25). Но доселѣ честолюбцы удовлетворялись только титуломъ столичнаго епископа и не имѣли притязаній на преимущества чести предъ епископами Іерусалима и Антіохіи, Рима и Александ-

ріи. Предстоятелямъ этихъ церквей, основанныхъ самими апостолами, всегда принадлежало неоспоримое преимущество чести предъ прочими епископами. Отъ нихъ зависѣли нетолько мѣстныя епископіи, но и областныя митрополіи, какъ напр. отъ Рима—гальская, медіоланская, испанская, отъ Александріи—египетская, ливійская, пентапольская и пр. Византія же находилась въ зависимости отъ митрополита гераклійскаго. Но *надъ всѣми іерархами возвышался епископъ Рима, какъ единственный преемникъ первоверховнаго апостола* (des Apostelfürsten, т. е. апостола—князя въ буквальномъ переводѣ). *Вездѣ признавали его главнымъ епископомъ и онъ производилъ на Востокѣ верховный судъ* (höchste jurisdiktion) *какъ надъ патріархами, такъ и надъ частными епископами; между тѣмъ, на всемъ Западѣ, онъ былъ единственнымъ патріархомъ*" (стр. 30).

Съ недоумѣніемъ останавливаемся на этихъ словахъ нашего автора. Для насъ страннымъ представляется: какимъ образомъ слѣдуетъ такое заключеніе изъ исторіи византійскихъ епископовъ IV вѣка? По контексту рѣчи совершенно нельзя было ожидать такого вывода. Можно было бы подумать, что авторъ произнесъ такое сужденіе *ex abrupto*; между тѣмъ онъ твердо настаиваетъ на идеѣ о главенствѣ р. папы и старается доказать ее всей исторіей византійскаго патріархатства. Въ настоящемъ случаѣ онъ видитъ оправданіе своихъ словъ въ слѣдующихъ фактахъ: восточные епископы, гонимые еретиками, находили себѣ покровительство у римскихъ папъ; въ своихъ посланіяхъ они называютъ р. епископовъ „свѣтильниками вѣры, блюстителями благочестія" и пр. Ѳеодосій В. эдиктомъ (отъ 28 фев. 380 г.) предписалъ всѣмъ подданнымъ „исповѣдывать

вѣру, которую утвердилъ въ Римѣ ап. Петръ и которую исповѣдуютъ папа Дамасъ, Петръ еп. александрійскій, предстоятели Востока и Запада" (¹) (стр. 20). Но изъ всего этого, по нашему мнѣнію, нисколько не слѣдуетъ заключеніе о главенствѣ римскаго епископа и его полномочія въ дѣлахъ вселенской церкви. Если бы папа имѣлъ такую власть, какъ увѣряетъ авторъ; то, конечно онъ могъ бы въ силу своего авторитета возвращать угнетеннымъ епископамъ ихъ каѳедры и своими окружными посланіями пресѣчь или по крайней мѣрѣ остановить развитіе ересей на Востокѣ. Но во-первыхъ, исторически извѣстно, что православныхъ епископовъ оправдывали соборы, а не лично папы; далѣе—изгнанныхъ предстоятелей возвращали къ прежнимъ каѳедрамъ отцы соборовъ по ходатайству предъ императорами, а не римскіе папы. Такъ напр. св. Аѳанасій, укрывавшійся въ Римѣ отъ аріанскихъ гоненій, оправданъ былъ соборами—римскимъ и сардикійскимъ; однако папа Юлій, послѣ перваго собора не имѣлъ силы возвратить ему каѳедру и, только по ходатайству отцовъ сардикійскаго собора (²), императоръ Констансъ принудилъ своего брата Констанція возвратить восточныхъ епископовъ къ ихъ мѣстамъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда соборныя ходатайства не имѣли успѣха предъ свѣтской властью, зараженной еретическими мнѣніями, римскіе епископы тѣмъ менѣе могли устранить зло своимъ личнымъ представительствомъ и авторитетомъ. Исторія св. Павла, еп. константинопольскаго, даже въ томъ видѣ, какъ изобразилъ ее авторъ, нео-

(¹) Cod. Theodos. Lib XVI. tit. 1. Lex 2.
(²) Ист. Сокр. II. 20. 22. 23.

споримо подтверждаетъ нашу мысль. То правда, что въ мятежное время ересей на Востокѣ (особенно въ IV в.) православные епископы искали себѣ убѣжища на Западѣ и находили тамъ сочувствіе въ своихъ злостраданіяхъ. Авторъ, съ особеннымъ усердіемъ и удовольствіемъ, останавливаетъ вниманіе на этихъ примѣрахъ; онъ видитъ въ нихъ фактическое доказательство своей мысли, т. е. что православные епископы Востока обращались къ Риму съ *преданностію* и видѣли надъ собой многочисленные опыты покровительства. Но, во-первыхъ,—странно объяснять долгъ гостепріимства въ значеніи какого-то привиллегированнаго полномочія и просьбу о состраданіи принимать за выраженіе покорности и подчиненія. А съ другой стороны можно замѣтить, что сочувствіе западныхъ епископовъ восточнымъ, даже во время аріанской тиранніи, выражалось болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Такъ, по свидѣтельству бл. Θеодорита (1), епископы, собравшіеся въ Константинополѣ (381 г.), „давая *знать* западнымъ епископамъ о церковныхъ своихъ безпокойствахъ и слегка намекая на *ихъ равнодушіе* въ этомъ отношеніи“, между прочимъ писали: „происходящее у насъ кажется вашему благочестію *до того стороннимъ*, что мы должны еще объявлять вамъ о томъ, о чемъ вамъ слѣдовало бы уже соболѣзновать“. Что касается правъ верховнаго суда во вселенской церкви; то они принадлежали соборамъ, а не лично какому нибудь мѣстному епископу (2). Самъ же авторъ говоритъ (стр. 12), что на посланія папы Юлія, евсевіяне не обращали никакого вниманія, что по вопросамъ вѣры и дѣламъ об-

---

(1) Ц. Ист. V. 8. 9.

(1) Сократъ. V. 8.

ще-церковнымъ предстоятелямъ сносились между собою опружными посланіями и эти сношенія имѣли характеръ братскаго единенія и общенія (стр. 31). Конечно, восточные епископы въ своихъ посланіяхъ къ римскимъ употребляли различные адресы и титулы, напр. „блаженнѣйшій папа“, „святѣйшій отецъ“ и пр., иногда называли Римъ „хранилищемъ благочестія“ (стр. 17. примѣч. 101). Но подобные эпитеты, въ сочиненіяхъ наприм. Оригена и Діонисія александрійскаго прилагаются *вообще* къ епископамъ безъ примѣненія къ какому нибудь мѣстному предстоятелю, а въ соборныхъ посланіяхъ и частныхъ письмахъ были общеупотребительными титулами епископовъ и церквей. Построять на подобныхъ основаніяхъ гипотезу, что „надъ всѣми іерархами возвышался епископъ Рима, какъ единственный преемникъ *апостола—князя* (?), и такъ говорить о римскомъ епископствѣ IV в. по воззрѣніямъ современнаго папства—болѣе остроумно, чѣмъ доказательно. Столь же мало подтверждаетъ мысль автора приведенный эдиктъ императора Ѳеодосія. Онъ говоритъ собственно о вселенской вѣрѣ, а не о преимуществахъ римской каѳедры, и объясняется обстоятельствами времени. Тогда въ Константинополѣ, по словамъ Сократа (VII. 4.), народъ волновался, раздѣляясь на различныя ереси. Имп. Ѳеодосій, принявши крещеніе, немедленно издалъ „законъ народу константинопольскому“, чтобы всѣ вѣровали согласно съ никейскимъ исповѣданіемъ,—„какъ тогда учили римскій епископъ Дамасъ, александрійскій Петръ“ и пр. Ясное дѣло, что тутъ императоръ вовсе не думалъ говорить о первенствѣ или главенствѣ римскаго епископа. Притомъ, весьма вѣроятно, что въ составленіи эдикта принималъ дѣятельное участіе ду-

ховный отецъ новокрещеннаго императора, т. е. солунскій архіеп. Асхолій, рукоположенный папой Дамасомъ (¹) и состоявшій подъ его вѣдомствомъ. Поэтому неудивительно, если составитель эдикта, при написаніи его руководился, между прочимъ, сознаніемъ римскаго православія, своей іерархической зависимости отъ Рима и умолчалъ о епископѣ константинопольскомъ Демофилѣ, какъ еретикѣ. Но, спустя годъ, при другихъ обстоятельствахъ тотъ же императоръ издалъ новый эдиктъ, которымъ прямо подтверждались особенныя права и преимущества чести византійскаго епископа въ сравненіи съ римскимъ и александрійскимъ (²). Ясно, что косвенныя доказательства въ пользу Рима или Византіи служатъ орудіемъ обоюду острымъ

Можно было бы ожидать, что авторъ, для опредѣленія древности папскаго главенства будетъ пользоваться тѣмъ же масштабомъ, какимъ онъ измѣрялъ древность византійской каѳедры. Въ самомъ дѣлѣ, если главенство въ церкви, какъ думаетъ авторъ, принадлежало римскому епископу по праву преемства отъ апостоловъ и признавалось *не только на Западѣ, но и на Востокѣ;* то оправданіе тому, конечно, надобно искать не въ смутныхъ обстоятельствахъ IV в., а въ церковныхъ постановленіяхъ и дѣяніяхъ отъ временъ ближайшихъ къ апостольскому вѣку. Однако нашъ авторъ рѣшительно ни слова не говоритъ о древнихъ свидѣтельствахъ въ пользу римскаго главенства, умалчиваетъ объ историческихъ фактахъ II и III-го вѣка. — Явленіе довольно странное! Какимъ образомъ ученый профессоръ могъ высказать цѣлый догматъ римской церкви и опустить

(¹) Θеодор. Ц. И. II. 22. Созом. VI, 23.
(²) Nat. Alex. I. c. art. 3.

его основанія? Можетъ быть, онъ самъ не признаетъ этаго догмата? Но все его сочиненіе проникнуто именно идеей о главенствѣ и непогрѣшимости папы. Можетъ быть онъ считаетъ свое мнѣніе за аксіому, не требующую доказательствъ? Но въ такомъ случаѣ онъ самъ себѣ противорѣчитъ; ибо въ предисловіи обѣщался „приводить доказательства своихъ мнѣній, серьёзно удовлетворять современнымъ научнымъ требованіямъ, строгой истинѣ и справедливости". Гдѣ же эта справедливость? Относительно византійскихъ патріарховъ, какъ мы видѣли, онъ началъ свою рѣчь отъ начала церковной исторіи; а сопоставляя съ ними римскихъ епископовъ даже и намекомъ не коснулся древности тѣхъ правъ, какія приписываетъ имъ. Очевидно, тутъ скрывается какая нибудь предзанятая мысль. Чтобы вывесть ее на чистую воду, мы должны сказать: нашъ авторъ—Романо-католикъ, Ultra-папистъ; а потому и судитъ о предметахъ съ Романо-католической точки зрѣнія, — т. е. не столько удовлетворяетъ „строго научной истинѣ и справедливости", сколько своимъ, исключительно конфессіональнымъ требованіямъ ([1]). Это—въ своемъ родѣ *новая теорія* или тактика для защиты папскаго главенства и мы считаемъ нужнымъ разъяснить ее.

— Въ былое время католики находили, да и теперь еще многіе видятъ, неопровержимыя доказательства папскаго главенства именно въ *древности* преданія. Всѣ ихъ учебники и руководства переполнялись мнимо-благо-

([1]) У современныхъ католическихъ писателей различаются два направленія, или двѣ школы: романская и германская; первая судитъ объ историческихъ событіяхъ по римскимъ, строго конфессіональнымъ воззрѣніямъ,—вторая смотритъ на нихъ болѣе съ объэктивной точки зрѣнія; продолжателемъ первой можно назвать Гергенрётера, представителемъ послѣдней профессора Гефеле.

пріятными ихъ ученію свидѣтельствами, начиная отъ временъ апостольскихъ. Но критика церковно-историческихъ источниковъ достаточно раскрыла, что ни въ посланіяхъ и правилахъ апостольскихъ, ни въ отеческихъ твореніяхъ и церковныхъ дѣяніяхъ первыхъ трехъ вѣковъ нѣтъ указаній на приматство (primat) римскаго епископа въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ папписты. При сравненіи древнихъ рукописей съ изданіями ихъ подъ редакціей латинскихъ ученыхъ оказывается, что тѣ мѣста, на которыя обыкновенно папписты ссылались, отчасти искажены, отчасти неправильно перетолкованы (¹). Вотъ почему болѣе или менѣе безпристрастные изъ современныхъ католическихъ ученыхъ начинаютъ заявлять и въ университетскихъ аудиторіяхъ и въ своихъ сочиненіяхъ мысль о томъ, что свидѣтельства отъ первыхъ трехъ вѣковъ, приводимыя въ подтвержденіе римскаго ученія о главенствѣ папы, или вовсе ничего не доказываютъ, или же говорятъ о такихъ преимуществахъ, которыя въ равной степени принадлежали прочимъ главнымъ епископамъ. Въ этомъ справедливомъ признаніи можно было бы слышать голосъ „Правды Вселенской Церкви", если бы католики не настраивали его подъ свой ладъ. „Дѣйствительно, говорятъ они, отъ первыхъ трехъ вѣковъ мы имѣемъ сравнительно слабыя свидѣтельства о римскомъ примат-

(¹) Укажемъ два-три примѣра со словъ проф. Гефеле: въ III гл. de unitate Eccl. Св. Кипріана вставлены слова: *et primatus Petro datur*. Въ рукописи это была отмѣтка на полѣ, сдѣланная въ позднѣйшее время. Так. же образомъ выраженіе св. Иринея о Р. каѳедрѣ: *propter potiorem principalitatem* — только въ лат. переводѣ. Выраженіе Тертулліана въ трактатѣ de pudicitia: „*episcopus episcoporum*" — употреблено въ саркастическомъ тонѣ; между тѣмъ какъ прежніе папписты принимали его за чистую монету и пр.

ствѣ. Но папство, будучи учрежденіемъ божественнымъ, центральной и основной силой церкви (Central — und fundamentalkraft der Kirche), не можно обнаружиться безъ нужды. Ибо всякая сила—естественная или сверхъ—естественная, человѣческая или божественная, которой предназначено дѣйствовать во времени, обнаруживается лишь подъ условіемъ вызывающихъ ее противоположныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ случаѣ, замѣчаетъ Пихлеръ, справедливо изреченіе древняго мудреца: *„споръ есть отецъ, царь и господинъ всего“* (1). Въ первые три вѣка этотъ споръ относительно папства былъ недостаточенъ для того, чтобы римское главенство могло выразиться въ церковномъ сознаніи ясными и опредѣленными чертами. Тогда не было нужды и потребности въ обнаруженіи папства, какъ центральной силы. Вотъ почему свидѣтельства отъ первыхъ трехъ вѣковъ о главенствѣ папы отчасти неясны и повреждены, отчасти говорятъ объ общихъ всѣмъ церквамъ правахъ и преимуществахъ“ (2). На основаніи такой философіи современные католическіе ученые уже не придаютъ большаго значенія этимъ свидѣтельствамъ, говорятъ объ нихъ мимоходомъ, вскользь, или даже вовсе игнорируютъ ихъ, какъ поступилъ нашъ авторъ. Конечно, все это болѣе или менѣе основательно съ точки зрѣнія романской науки, — но согласно ли съ „требованіями строгой истины и справедливости“? Далеко нѣтъ! Какъ въ принципѣ, такъ и въ его примѣненіи теорія папистовъ заключаетъ мысль ложную.

---

(1) Πόλεμος πατὴρ καὶ βασιλεὺς καὶ κύριος πάντων (Гераклитъ), — ap. Plutarch. de Isid. et Osir. c. 48. Ed. Parthey. Berlin 1850. p. 85.

(2) См. Geschichte d. Kirchl. Trennung von Dr. Pichler. 1864. I Bd., S. 103, 104, 106, 113.

Выходя изъ Гераклитова положенія, — эта теорія сама себя ставитъ въ уровень съ мудростью гномической философіи. Въ то время, когда человѣкъ только-что начиналъ искать разумнаго объясненія окружающему міру, „споръ могли считать отцемъ, царемъ и господиномъ всего". Но какимъ образомъ гномъ, выведенный изъ ограниченнаго опыта и наблюденія, можетъ быть критеріемъ въ церковной исторіи! Романская наука не даетъ отвѣта. Въ ея теоріи особенно странной представляется мысль,—будто бы христіанскія истины (свой догматъ о главенствѣ папы выдаютъ они именно за одну изъ этихъ истинъ) потому только и разъяснялись въ человѣческомъ сознаніи, что встрѣчали себѣ возраженія или антитезы (Gegensätzen). Въ такомъ случаѣ необходимо слѣдуетъ заключеніе, что эти истины суть результаты многовѣковаго опыта, что онѣ установились только вслѣдствіе долговременнаго спора или состязанія (πολεμος). Вотъ куда ведетъ эта теорія!.. Напротивъ, намъ кажется, раскрытіе и разъясненіе христіанскихъ истинъ существенно зависѣло отъ ихъ внутренняго характера; это—сѣмена, которыя Сѣятель положилъ на почву человѣческаго сознанія. Здѣсь онѣ развивались и развиваются не потому, что эту почву бороздили вкривь и вкось разные полемики, а потому именно, что въ этихъ сѣменахъ заключается собственная животворная сила. То, что написты называютъ раскрытіемъ, обнаруженіемъ или опредѣленіемъ христіанскихъ истинъ, въ сущности есть напоминаніе или буквальное повтореніе церковью одного и того же ученія, заключающагося въ Словѣ Божіемъ и св. Преданіи. Всѣ церковныя вѣроопредѣленія утверждались именно на этихъ двухъ источникахъ; въ нихъ находили себѣ основаніе соборныя и

отеческія постановленія. Если же римское ученіе о главенствѣ папы не находитъ и не хочетъ искать себѣ оправданія въ древности преданія, относится къ нему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, опираясь на философемы мудрецовъ; то это служитъ прямымъ свидѣтельствомъ того, что каѳедра апостола Петра усвоила себѣ не апостольское учрежденіе, что латинское папство, какъ ученіе человѣческое, обязано своимъ происхожденіемъ именно *„спору“* (πόλεμος!), который дѣйствительно былъ для него *„отцемъ, царемъ* и *господиномъ всего.“* Этотъ спорливый и сварливый духъ римскаго властолюбія обнаруживалъ себя еще въ первые вѣка христіанства—и паписты совершенно напрасно жалуются на недостатокъ спора или состязанія, въ которомъ бы могла обнаружиться идея римскаго главенства. Эта идея уже и тогда начинала проявляться; но какъ затхлое вѣяніе отъ стараго римскаго зданія—она должна была исчезать въ свободномъ христіанскомъ мірѣ, гдѣ еще такъ свѣжо было преданіе апостоловъ. Изъ церковныхъ дѣяній и событій до IV вѣка положительно извѣстны такія, которыя совершенно опровергаютъ мнѣніе нашего автора—будто бы римское главенство *всегда* было признаваемо на Востокѣ и Западѣ. Такъ, когда по вопросу о времени празднованія пасхи возникъ споръ (во II в.) между восточными и западными церквами и Викторъ, епископъ римскій, требовалъ отъ восточныхъ церквей, чтобы онѣ слѣдовали примѣру западныхъ христіанъ; тогда азіатскіе епископы отвѣчали чрезъ Поликрата ефесскаго, что они не хотятъ отступить отъ преданія св. Іоанна. Раздраженный Викторъ произнесъ на нихъ отлученіе; но Ириней, епископъ ліонскій, обличилъ и осудилъ его неблагоразумную ревность, а Поли-

кратъ писалъ въ соборномъ посланіи: „я, уже имѣющій о Господѣ 65 лѣтъ, бесѣдовавшій съ братіями, обитающими по всей вселенной, прочитавшій все св. Писаніе, не страшусь того, чѣмъ угрожаютъ мнѣ; ибо повиноваться должно Богу паче, нежели людямъ.“ (1) Ясно, что восточныя церкви не признавали за римской каѳедрой той власти, какую хотѣлъ присвоить себѣ Викторъ. Другой фактъ опровергаетъ даже и ту мысль нашего автора,—будтобы епископъ римскій *всегда былъ на западѣ* единственнымъ полновластнымъ распорядителемъ въ дѣлахъ церковныхъ. Въ III в., Стефанъ, епископъ римскій, покушался присвоить себѣ это полновластіе, называя себя „*епископомъ епископовъ*“. Противъ него писалъ Фирмиліанъ, епископъ кесарійскій: „я не могу не досадовать на столь явное неразуміе Стефана, который, такъ много надмѣваясь мѣстомъ своего епископства и называя себя преемникомъ Петра, не утверждаетъ церкви на положенномъ основаніи, а вноситъ въ нее много другихъ камней и по многимъ церквамъ учреждаетъ новые порядки“. Въ концѣ этого письма Фирмиліанъ обращается къ лицу самаго Стефана: „сколько несогласій и раздоровъ посѣялъ ты между церквами! Какой грѣхъ на себя навлекъ, отлучивъ себя отъ столь многихъ людей! Не обманывайся, ты себя отлучилъ, а не другихъ: ибо тотъ дѣйствительно раскольникъ, кто сдѣлалъ себя отступникомъ отъ общенія съ церковію. Когда ты хочешь всѣхъ удалить отъ себя, то одинъ себя удаляешь отъ всѣхъ. Правилу истины и мира не могли тебя научить наставленія апостола, который такъ увѣщеваетъ: *молю убо васъ* и проч. (Еф.

(1) Евс. V. 23—25. Сокр. V. 2.

IV, 1—6). Возможно ли, чтобы для такого человѣка были едино тѣло и единъ духъ, когда его душа такъ нетверда, перемѣнчива, безхарактерна (1)!" На Кареагенскомъ соборѣ св. Кипріанъ говорилъ епископамъ: „мы не принуждаемъ никого и никого не лишаемъ права общенія, хотя бы кто мыслилъ и не одинаково съ нами: ибо никто изъ насъ не ставитъ себя „*епископомъ епископовъ*", никто страхомъ *насильственной власти не принуждаетъ братій къ повиновенію* себѣ (2)". На этомъ соборѣ подтверждено было противъ Стефана правило, принятое церквами во время Корнелія,—„*падшихъ изъ клира не допускать ни до какой степени священства*", *африканскимъ церквамъ не искать суда у римской каеедры*" (3). При столь ясныхъ и несомнѣнныхъ фактахъ, о которыхъ нашъ авторъ преднамѣренно умолчалъ,—очевидно, не можетъ быть рѣчи о верховной юрисдикціи папы въ древней церкви и, слѣдовательно, мнѣніе автора объ этомъ предметѣ есть бездоказательная и ложная гипотеза, въ которую слѣпо вѣруетъ одна лишь римско-католическая доктрина.

Спрашивается: для чего же авторъ выставилъ на видъ эту бездоказательную гипотезу? Во-первыхъ—для того, чтобы съ точки зрѣнія римской догмы о главенствѣ папы оправдать всѣ послѣдующія дѣянія римскихъ епископовъ для расширенія своей власти и осудить стремленія константинопольскихъ патріарховъ. Во-вторыхъ—для того, чтобы самую гипотезу о главенствѣ папы доказать *послѣдующими* событіями въ исторіи взаимныхъ отношеній между Римомъ и Византіей;

(1) Ист. Патр. Досиеея, кн. I, гл. 17.
(2) Тамъ же, гл. 16.
(3) Евс. V. 24. Св. Кипр. посл. 59.

ибо съ V вѣка уже начинаются болѣе или менѣе прямыя указанія на это главенство. Посмотримъ, какъ авторъ развиваетъ свои мысли въ томъ и другомъ отношеніи.

Въ концѣ IV вѣка, говоритъ онъ, обнаружилось стремленіе византійскихъ епископовъ—возвысить свою каѳедру пока лишь *„преимуществами чести“*; свѣтская власть поддержала духовную. Первая попытка къ тому сдѣлана на II вселенскомъ соборѣ, гдѣ присутствовали *одни* восточные епископы. Третьимъ правиломъ этого собора постановлено: „епископу Константинополя подобаетъ преимущество чести послѣ римскаго епископа; потому что Константинополь есть новый-Римъ“; слѣдовательно византійскій епископъ возвышался по преимуществамъ чести даже надъ прочими патріархами востока. Имп. Ѳеодосій великій подтвердилъ соборное опредѣленіе указомъ отъ 30 іюля 381 г. Но такого присвоенія чести не признавали: во-первыхъ епископы александрійскіе, которые впрочемъ, по самой своей политической зависимости отъ Византіи, должны были впослѣдствіи уступить свое преимущество константинопольскому епископу; во-вторыхъ—римскіе папы до самаго Григорія великаго (Бонифацій I, Сикстъ III, Левъ великій),—слѣдовательно почти до временъ Фотія (стр. 30—35). Не смотря впрочемъ на всѣ эти протесты, константинопольскіе епископы воспользовались *„преимуществами чести“* для расширенія своихъ правъ. Они стали вмѣшиваться въ дѣла прочихъ діоцезовъ и такимъ образомъ мало по мало подчинять ихъ своей власти. Уже преемникъ Григорія Богослова *Нектарій* (381—397 г.) является распорядителемъ церковныхъ дѣлъ во Фракіи и посредникомъ въ спорѣ арабскихъ епи-

скоповъ Гебадія и Агапія изъ-за митрополіи бострійской. Въ этомъ случаѣ важной поддержкой для константинопольскаго епископа былъ такъ называемый—„σύνοδος ἐνδημοῦσα“, который вошелъ въ обычай именно со временъ Нектарія. Этотъ синодъ или соборъ составлялся изъ епископовъ, которые, отчасти по дѣламъ своихъ епархій, отчасти для разныхъ почестей при дворѣ, съѣзжались въ Константинополь, нерѣдко въ числѣ 60 лицъ, и оставались тамъ довольно долгое время. Въ спорныхъ вопросахъ епископы обращались къ императору, который поручалъ изслѣдованіе церковно-административныхъ дѣлъ собору прочихъ архіереевъ, проживавшихъ въ Константинополѣ. На этихъ собраніяхъ обыкновенно присутствовалъ столичный епископъ въ качествѣ предсѣдателя. Подобные соборы часто составлялись въ Константинополѣ для рѣшенія споровъ между іерархами. По своему началу они имѣли смыслъ временныхъ мировыхъ судовъ; но сила обычая мало по малу возвела ихъ до значенія постоянныхъ правительственныхъ засѣданій по дѣламъ высшихъ духовныхъ сановниковъ (Prälaten). Сюда аппеллировали епископы на своихъ митрополитовъ, клирики—на своихъ епископовъ и дѣла рѣшались при посредствѣ константинопольскаго епископа, какъ президента въ синодѣ. Такимъ образомъ, когда, въ маѣ 400 г., малоазіатскіе епископы подали жалобу въ *„соборное засѣданіе“* (σύνοδος ἐδημοῦσα) на ефесскаго митрополита Антонина; тогда преемникъ Нектарія Іоаннъ Златоустъ (398—404) лично явился къ нимъ, низложилъ шесть азіатскихъ епископовъ, обличенныхъ въ симоніи, и возвелъ на ефесскую каѳедру Гераклида. Замѣчательно, что даже Іоаннъ Златоустъ требовалъ именно подчиненія церквей

ѳракійскихъ и малоазіатскихъ константинопольской каѳедрѣ, считалъ правомъ поставлять и низлагать тамошнихъ епископовъ, вводить различныя порядки и проч. Впослѣдствіи враги обвиняли его именно за это вмѣшательство въ дѣла чужихъ епархій. Но было бы несправедливо заподозрить въ дѣяніяхъ св. Іоанна Златоуста какія-бы то нибыло темныя побужденія.—Онъ возстановлялъ порядки въ означенныхъ церквахъ по усиленной просьбѣ самихъ епископовъ и клира (Соз. VIII. 6. Сокр. VI. 11. 15 и проч.), такъ что даже папа Иннокентій I, предъ которымъ придворная партія обвиняла Златоуста въ своенравіи и властолюбіи, оставилъ эту жалобу, какъ недостойную клевету. Однако примѣръ Златоуста послужилъ руководительнымъ правиломъ для его преемниковъ въ ихъ *честолюбивыхъ* притязаніяхъ; они стали теперь распоряжаться въ чужихъ епархіяхъ *по обычаю*, пока этотъ обычай получилъ наконецъ полномочіе *de jure*. Послѣ дряхлаго и безпечнаго старика Арзакія, который (404—405) вѣроломно восхитилъ константинопольскую каѳедру послѣ Златоуста, около года занималъ ее безъ всякой пользы и умеръ въ презрѣніи за свою безхарактерность (1), въ

(1) Въ оправданіе своихъ жесткихъ отзывовъ объ этой личности, авторъ ссылается на Палладія, по словамъ котораго—Арзакій, братъ Нектарія константинопольскаго, далъ клятву не принимать епископства. Но по смерти брата онъ выждалъ удобную минуту, когда осуждали св. Златоуста, принялъ сторону Ѳеофила александрійскаго и былъ въ числѣ лжесвидѣтелей противъ Златоуста, за что возведенъ былъ въ санъ константинопольскаго епископа. Говоря объ немъ, Палладій пишетъ, что онъ—*pisce magis mutus et rana rebus agendis minus idoneus*. Подобно тому отзывается Никифоръ (XIII. 28) и Ephrem. Chronol. (Mai I c. p. 229), по словамъ котораго Арзакій послѣ Златоуста былъ *„затмѣніемъ послѣ солнца"* (μεθ' ἥλιον ζόφος), а по свидѣтельству Ѳеодорита (V. 34) *„европейскіе епископы не удостоили его* даже *поминовенія"*. Все это, можетъ быть, отчасти правда. Но во 1, сочиненіе, приписывае-

406 г. поставленъ былъ константинопольскимъ епископомъ Аттикъ Севастійскій—человѣкъ даровитый, образованный, практически мудрый. Двадцать лѣтъ занималъ онъ византійскую каѳедру и этимъ временемъ воспользовался какъ нельзя лучше для возвышенія своей власти. Прежде всего онъ очистилъ Византію отъ еретиковъ, вошелъ въ общеніе съ западными епископами и Іоаннитами, принявши въ диптихи имя Іоанна Златоустаго. Въ церквахъ малоазійскихъ и Ѳракійскихъ Аттикъ успѣшно распространялъ и утверждалъ свое вліяніе. Онъ рукоположилъ ритора Сильвана въ епископа Филиппопольскаго, а спустя три года перемѣстилъ его въ Троаду; такъ какъ Сильванъ жаловал-

---

ное Палладію (de vita et conversatione I. Chrysostomi), на которое ссылается нашъ авторъ, многіе ученые не признаютъ подлиннымъ (см. Real—Enzyklop. von Herzog. II Suppl. Bd. S. 331). Во 2, предполагая даже подлинность этого сочиненія, т. е. что оно писано именно современникомъ Іеронима Палладіемъ галатійскимъ, извѣстнымъ путешественникомъ по востоку, мы вправѣ замѣтить, что этотъ Палладій, какъ приверженецъ партіи Іоаннитовъ, могъ писать объ Арсакіѣ весьма пристрастно. Въ 3, Никифоръ и хронистъ Евремъ повторяютъ лишь Палладія; а бл. Ѳеодоритъ подъ именемъ „европейскихъ епископовъ" т. обр. разумѣетъ *западныхъ*, которые держали сторону I. Злат. и осуждали его противниковъ, въ числѣ коихъ считали Арсакія. Между тѣмъ послѣдній былъ лишь слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ ловкихъ интригановъ. Это видно изъ исторіи Сократа (VI. 19) и Созомена (VIII. 23. 24.), по свидѣтельству которыхъ: „Арсакій — человѣкъ *очень старый*, имѣвшій тогда *болѣе 80 лѣтъ*, былъ мужъ *кроткій* и *благочестивый*; онъ *мирно* управлялъ своею паствою, но *добрую* его *славу* помрачили *нѣкоторые клирики, дѣлавшіе что имъ было угодно и вмѣнявшіе ему свои поступки*". Кажется, и ясно и просто обрисовывается так. обр. личность Арсакія. Можно было бы ожидать, что нашъ авторъ, воспользовавшись Сократомъ и Созоменомъ при изложеніи исторіи I. Злат., отдастъ имъ должную справедливость и при описаніи Златоустова преемника. Однако онъ теперь умолчалъ объ нихъ и, обозвавши Арсакія—человѣкомъ „бездарнымъ", „безпечнымъ" и пр., обратился къ сомнительному сочиненію Палладія, да къ позднѣйшимъ хроникамъ. Таково-то—„безпристрастіе"!..

ся не нездоровый климатъ въ Филиппополѣ. Также рѣшительно Аттикъ прекратилъ споръ Фригійскихъ епископовъ Агапита и Өеодосія и успѣлъ исходатайствовать и императора Өеодосія II законъ, которымъ воспрещалось рукополагать епископовъ въ трехъ экзархатствахъ (Фракіи, Азіи проконсульской и Фригіи) безъ согласія и утвержденія константинопольскаго синода и епископа (Сокр. VII. 28). Но предусмотрительный Аттикъ не ограничивался однимъ лишь востокомъ; онъ сдѣлалъ первую попытку расширить свою власть въ ущербъ стараго Рима, основываясь на томъ, что церковно-іерархическое подчиненіе епархій и митрополій должно соотвѣтствовать политическому разграниченію государственной территоріи. Для византійцевъ казалось аномаліей, чтобы провинціи, принадлежащія къ Иллирійской Префектурѣ т. е. оба Эпира, обѣ Македоніи Өессалія и Ахайя, присоединенныя Өеодосіемъ великимъ къ восточной имперіи, въ церковномъ отношеніи находились въ зависимости отъ римскаго престола. Представителемъ послѣдняго здѣсь былъ архіепископъ Солунскій,— викарій апостольскаго престола (Vicarius sedis apostolicae). Папы-Дамасъ, Сирицій, Анастасій, Иннокентій и Бонифацій (419 г.) преемственно передавали это намѣстничество своимъ предстоятелямъ въ Солуни—и это право римской каѳедры считалось древнимъ какъ на западѣ, такъ и на востокѣ (Зонара apud Allat. de cons. I. 13. 2 p. 203). Несмотря на то одинъ случай подалъ поводъ византійскому епископу (Аттику) вмѣшаться въ дѣла Иллиріи. Около 419 г. Перигена епископъ Патры возведенъ былъ въ санъ митрополита Коринѳскаго; но народъ не отпускалъ его къ мѣсту назначенія. Въ то же время нѣкоторые иллирійскіе епи-

скопы были недовольны перемѣщеніемъ Перигены и обратились къ Руфу, митрополиту солунскому, а потомъ и къ папѣ Бонифацію, прося ихъ оставить Перигену на прежнемъ мѣстѣ. Однако просьба ихъ не имѣла успѣха; тогда они обратились къ Аттику съ предложеніемъ составить соборъ въ Коринѳѣ для обсужденія дѣла о Перигенѣ. Папа, узнавши объ этихъ замыслахъ отъ Руфа, протестовалъ противъ собора, объявилъ его недѣйствительнымъ, такъ какъ онъ учреждался помимо апостольскаго викарія, и требовалъ, чтобы дѣло о Перигенѣ перенесено было въ Римъ. Между тѣмъ Аттикъ *успѣлъ испросить* у императора эдиктъ (421 г.), которымъ воспрещалось въ иллирійскихъ провинціяхъ рѣшать важныя и затруднительныя дѣла causae majores) безъ вѣдома епископа Византіи, *„пользующейся привиллегіями древняго Рима“* (¹). Предписанію свѣтской власти папа противупоставилъ свои древнія права; онъ увѣщевалъ иллирійскихъ епископовъ, расположенныхъ къ Византіи, оставаться въ подчиненіи коринѳской митрополіи и апостольскому престолу. Императоръ Гонорій также вступился за права древняго Рима и сдѣлалъ свои представленія византійскому Императору. Ѳеодосій II издалъ новый декретъ, которымъ отмѣнялъ прежній эдиктъ. Перигена спокойно перемѣщенъ былъ въ Коринѳъ и порядокъ возстановился. Такимъ образомъ первое *нападеніе* (Angriff) на *патріаршія права* римской каѳедры было отражено. Преемникъ Аттика *Сисиній* (426—27 г.) не вмѣшивался въ дѣла Иллиріи, но сдѣлалъ попытку распространить свое вліяніе на Востокѣ. Онъ рукоположилъ на

(¹) Quae (Byzantia) veteris Romae praerogativa laetatur.

епископію Кизика пресвитера Прокла и въ оправданіе своего поступка сослался на законъ Θеодосія II, запрещавшій рукополагать епископовъ противъ воли епископа константинопольскаго. Но кизикцы не обратили вниманія на этотъ законъ; потому что онъ давалъ особыя права лицу одного Аттика. Посему они устранили Прокла и поставили себѣ епископомъ подвижника Далмація (¹). Такимъ образомъ и здѣсь притязанія констан-

(¹) Разсказавши эту исторію, авторъ, на основаніи трактата: „*De constantinopolitani patriarchatus institutione*" — *de Marca*, — замѣчаетъ (стр. 48): „итакъ Сисиній искалъ себѣ опоры не въ III правилѣ константинопольскаго собора (381 г.) и не въ обычаѣ предшественниковъ, а въ законѣ *свѣтской* власти". Отсюда Де-Марка заключаетъ, что— „*auctoritatem episcopi Cpl. in ordinationibus Metropolitanorum non nisi precariam fuisse et tacito consensu a consentientibus prorogatam*". Но во 1, современникъ Сисинія, Сократъ, замѣчая о рукоположеніи Прокла (VII. 28), ни слова не говоритъ о тѣхъ побужденіяхъ или соображеніяхъ, какими Сисиній руководился въ данномъ случаѣ.—Во 2, сужденіе Де-Марка—будто бы право рукополагать митрополитовъ дано было константинопольскому епископу *изъ милости* и осталось за нимъ, благодаря взаимной сдѣлкѣ втихомолку, сужденіе—бездоказательное. Въ 3, указанный трактатъ, которымъ весьма часто пользуется нашъ авторъ, Де-Марка писалъ въ то время, когда онъ еще находился подъ вліяніемъ іезуитской коллегіи и защищалъ права католиковъ, у которыхъ отняты были во Франціи и Швейцаріи многія доходныя мѣста въ пользу реформатовъ (сравн. Real—Encykl. von Herzog T. IX. S. 18). Этимъ трактатомъ Де-Марка хотѣлъ исторически доказать незаконность притязаній свѣтской власти на права церковныя. Так. обр., подъ перомъ іезуита-юриста, Византія служила темой для историко-полемическаго сочиненія. Но тотъ же авторъ, получивъ мѣсто въ государственномъ совѣтѣ, совсѣмъ измѣнилъ свой образъ мыслей въ угоду своему патрону кардиналу Ришельè и далеко не въ пользу римской куріи. Онъ написалъ восемь книгъ (*De concordia sacerdotii et imperii*) въ духѣ галликанской партіи, за что книги его попали въ *index librorum prohibitorum*. Людовикъ XIII хотѣлъ наградить автора саномъ епископа; но папа Урбанъ VIII отвергъ предложеніе. Тогда Де-Марка въ угоду папѣ пишетъ сочиненіе: „*de singulari primatu Petri*". У такого-то перемѣтчиваго писателя нашъ авторъ ищетъ толкованія историческихъ фактовъ и, говоря о Византіи въ *V вѣкѣ*, судитъ объ ней со словъ школьной диссертаціи *XVII столѣтія!*...

тинопольской каѳедры встрѣчали отпоръ, хотя конечно протестъ былъ слабый. Эта слабость и податливость особенно стали замѣтны теперь въ трехъ экзархатствахъ (Ѳракіи, Азіи проконсульской и Фригіи), гдѣ епископы, пользуясь близостью резиденціи, постоянно обращались туда за помощью, въ опредѣленные сроки собирались на „σύνοδος ἐνδημοῦσα“ и безпрекословно слѣдовали указаніямъ столичнаго архіерея, опорой котораго былъ самъ императоръ. Въ этихъ провинціяхъ константинопольскій епископъ рѣшалъ споры клириковъ, рукополагалъ епископовъ, наблюдалъ за порядками церковной дисциплины, словомъ—управлялъ епархіальными дѣлами, какъ имѣющій власть. При такомъ подчиненіи цѣлыхъ экзархатствъ константинопольскому епископу восточные патріархи, разумѣется, должны были опасаться отъ Византіи такого же нападенія (Angriff) на ихъ древнія права, какое уже они испытали со стороны преимуществъ чести (Rang). Въ этомъ случаѣ съ силой противустала византійскимъ притязаніямъ каѳедра Александрійская, славная своими воспоминаніями о великомъ Аѳанасіѣ. Она нашла себѣ поддержку у римскаго престола и если бы осталась вѣрною такому союзу, то древнія права ея были бы внѣ всякой опасности. Впрочемъ доселѣ александрійскіе патріархи сохранили свое достоинство: *Ѳеофилъ* (385—412), при всемъ своемъ честолюбіи и слѣпой ненависти къ Златоусту, *не безъ права* возсталъ противъ возрастающаго византійскаго вліянія, которое въ лицѣ Златоуста обнаруживалось тѣмъ съ большей силой, чѣмъ грандіознѣе были его личныя качества. Племянникъ и преемникъ Ѳеофила *Кириллъ* (412—444)—столько же усердный защитникъ православія, сколько ревностный блюститель

правъ своей церкви, далъ сильный отпоръ византійскому честолюбію и на время отразилъ доселѣ почти неудержимое самовластіе константинопольскаго епископа. Это случилось при преемникѣ Сисиннія—*Несторіѣ*, который подъ видомъ строгости поступалъ съ жестокостью, подъ маской благочестія скрывалъ неправомысліе Өеодора Мопсуетскаго и впалъ въ извѣстную ересь. Напрасно Кириллъ пытался разубѣдить его въ заблужденіи; напрасно аппеллировалъ онъ къ императору; придворная партія держала сторону еретика. Только въ Римѣ Кириллъ нашелъ себѣ поддержку. Папа Целестинъ на помѣстномъ соборѣ (430) одобрилъ ученіе Кирилла и подъ угрозой анаөемы предписалъ Несторію отказаться отъ ереси въ продолженіе десяти дней. Но такъ какъ ни увѣщанія, ни совѣты, ни угрозы не могли смирить еретика, то соборъ въ Ефесѣ (431) подъ предсѣдательствомъ Кирилла и въ присутствіи папскихъ легатовъ осудилъ его и отлучилъ отъ церкви. „Такимъ образомъ Ефесскій соборъ смирилъ гордость константинопольскаго клира. Каөедра александрійская озарилась новымъ свѣтомъ православія; Кириллъ на возвратномъ пути въ Александрію былъ принятъ съ тріумфомъ. *Первенство* (Primat) римскаго епископа и *власть его суда* (Iurisdictions—Sevalt) *весьма внушительно* (in der nachdrücklichsten Weise) заявлены Востоку не только въ *рѣчахъ* легатовъ, но даже въ *восклицаніяхъ* на соборѣ и оффиціальныхъ *посланіяхъ* епископовъ. Римъ и Александрія дружно отстояли свою древнюю славу, которая не только не померкла при новомъ блескѣ Византіи, но еще тѣмъ свѣтлѣе и чище вышла наружу, чѣмъ замѣтнѣе стали пятна на константинопольской каөедрѣ".

Такъ заканчиваетъ нашъ авторъ II-ю главу своей

книги. Заключенія и выводы его, конечно, болѣе или менѣе согласны съ изложеніемъ событій въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представилъ ихъ. По его изображенію, византійскіе епископы какъ бы условились и согласились дѣйствовать за-одно.—Они домогаются патріаршихъ правъ и преимуществъ, вмѣшиваются въ дѣла чужихъ эпархій, испрашиваютъ у императоровъ эдикты для утвержденія своей власти, даже *нападаютъ* на митрополіи, подвластныя Риму,—словомъ дѣйствуютъ произвольно, по честолюбивымъ побужденіямъ, въ надеждѣ лишь на поддержку свѣтской власти. Но, скажемъ словами современнаго *католическаго* писателя (1),—„*совершенно несправедливо* представлять возвышеніе К—ской каѳедры дѣломъ честолюбія придворныхъ епископовъ и императора. Перенесеніе столицы и новое политическое раздѣленіе государства (при Ѳеодосіи В.) необходимо должны были сопровождаться перемѣнами въ церковной администраціи. По важнымъ церковнымъ дѣламъ народъ и клиръ стали теперь обращаться именно туда, гдѣ была центральная власть, т. е. въ Византію. Императоръ передавалъ эти дѣла столичному епископу; а такъ какъ послѣдній не могъ рѣшать ихъ самолично: то онъ совѣщался съ прочими архіереями, которые собирались въ Византію вовсе не по распоряженію или требованію столичнаго епископа, а именно по своимъ эпархіальнымъ дѣламъ. Так. обр. *συνοδος ενδημουσα* возникъ самъ собой и былъ законной инстанціей для обсужденія и рѣшенія спорныхъ вопросовъ по церковной администраціи... Византійскій епископъ не искалъ и не домогался тѣхъ правъ и преимуществъ, какія утвердились за нимъ

(1) Pichler. Geschichte d. K. Trennung. II. 629—33

сперва *de facto*, а потомъ *de jure*. То было слѣдствіемъ церковно-историческихъ обстоятельствъ, что нѣкоторыя митрополіи подчинены были его управленію на правахъ патріаршихъ. Въ этомъ случаѣ соборы утверждали и формулировали только то, что уже было въ практикѣ церковной". Дѣйствительно, изъ исторіи II-го всел. собора ясно видно, что патріархіи учреждены именно для пресѣченія злоупотребленій въ церковной администраціи, а вовсе не по честолюбивому внушенію константинопольскаго клира или свѣтской придворной партіи. Сократъ (V. 8) прямо говоритъ: „они (епископы на II всел. соборѣ) раздѣлили эпархіи и установили патріаршества, чтобы епископы *не простирали своей власти* на чужія церкви за предѣлами своихъ областей. Такимъ обр. Нектарій получилъ въ управленіе столицу, Ѳракію" и пр. Можно ли послѣ этого называть *незаконнымъ* вмѣшательствомъ въ дѣла чужихъ эпархій распоряженія константинопольскаго патріарха во Ѳракіи. А между тѣмъ нашъ авторъ видитъ въ этихъ распоряженіяхъ самовольныя *попытки* къ расширенію власти! Точно также объясняетъ онъ частными интригами и происками усвоеніе патріаршихъ преимуществъ византійской каѳедрѣ, несмотря на свидѣтельство Сократа, который пишетъ: „епископы издали опредѣленіе, чтобы константинопольскій епископъ имѣлъ преимущества чести послѣ римскаго епископа, — и это опредѣленіе царь утвердилъ своимъ согласіемъ (1)". Авторъ желаетъ бросить невыгодную тѣнь на это опредѣленіе, указывая на то обстоятельство, что въ соборныхъ засѣданіяхъ принимали участіе *одни лишь* восточные епископы. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что на II вселен-

(1) Сокр. V. 8. См. II, Всел. соб. пр. III.

скомъ соборѣ присутствовалъ солунскій архіеп. Асхолій (1), о которомъ авторъ теперь умолчалъ, — тогда какъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 46), говоря о солунской митрополіи, какъ папскомъ викаріатствѣ, онъ ученымъ образомъ доказываетъ, что Асхолій былъ „*Vicarius Sedis Apostolicae*“ и принадлежалъ къ римской патріархіи. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія нашего автора, надлежало бы сказать, что на соборѣ въ Константинополѣ (381 г.) были *не одни лишь* восточные, *но и* западные епископы въ лицѣ „викарія апостольскаго престола“. Однако допустимъ, что соборъ состоялъ изъ однихъ только восточныхъ епископовъ. Что жъ?—Ужели мы можемъ предположить между ними какую нибудь сдѣлку въ угоду столичнаго епископа и въ ущербъ другихъ патріарховъ? Во-первыхъ, такъ думать, — значило бы имѣть очень смутное понятіе о соборѣ вселенскомъ; во вторыхъ, всякое предположеніе о подобострастіи и угодливости устраняется тѣмъ, что на соборѣ присутствовали не одни митрополиты или простые епископы, а сами αὐτοκέφαλοι патріаршихъ каѳедръ, именно: Тимоѳей Александрійскій, Мелетій Антіохійскій, Кириллъ Іерусалимскій (Сокр. V. 8) и всѣ они признали преимущества чести за епископомъ Византіи, какъ патріархомъ столичнаго города. Что же касается римскаго папы, то онъ дѣйствительно могъ не знать о третьемъ правилѣ константинопольскаго собора (2), по той простой причинѣ, что на этомъ соборѣ не было папскихъ легатовъ (3), а восточные епископы въ своемъ посланіи *о вѣрѣ* находили неумѣстнымъ, или не считали важнымъ предметомъ писать папѣ о своей

(1) Сокр. V. 8.
(2) Mansi III. 582. Leo M. Ep. 106. Ballerini I. 1157.
(3) Concilien-Geschichte von Hefele. II. 3.

субординаціи, которая имѣла значеніе только между ними и не касалась Рима. Напрасно авторъ изощрилъ свою ученость для доказательства той мысли, что папы отъ Целестина и до Григорія Великаго не признавали за византійской каеедрой патріаршихъ правъ и преимуществъ, и что будто бы эти права могли быть законно присвоены только подъ условіемъ папскаго утвержденія и признанія. „Въ этомъ случаѣ", замѣчаетъ современный защитникъ римскаго приматства ([1]), „я не раздѣляю мнѣнія Гергенретера. Патріархатства не были папскими учрежденіями, а посему лица, занимавшія эти каеедры вовсе не нуждались въ папскомъ утвержденіи и своими правами нисколько не обязывались папѣ". Слѣдовательно, по сознанію самихъ же католиковъ, признаніе или непризнаніе римскими епископами патріаршихъ правъ и преимуществъ за византійской каеедрой было дѣломъ личной папской воли и во всякомъ случаѣ не имѣло силы обязательнаго закона. За то паписты (и особенно нашъ авторъ) усердно стараются ослабить значеніе соборнаго опредѣленія (III-го константинопольскаго соб.) *критикой его основанія* ([2]). „Собственно патріаршія каеедры, говорятъ, суть тѣ, которыя непосредственно основаны апостолами, т. е. римская, александрійская, іерусалимская и антіохійская. Онѣ получили

([1]) Pichler. Geschichte d. K. Trennung. II. 628.

([2]) Замѣчательна историко-научная дипломатія романскихъ доктринёровъ: они прикидываются либо черезчуръ консервативными, либо крайне либеральными. Разсуждая напр. о папскихъ декреталахъ или такихъ дисциплинарныхъ соборныхъ правилахъ, которыя приняты въ сводъ законовъ римскаго права, они твердо держатся своего *status quo*. Но тѣ же *ultra*—паписты въ родѣ *ex*—профессора Дамбергера или д-ра Гергенрётера являются радикалами въ сужденіи о соборныхъ правилахъ, неблагопріятныхъ римской доктринѣ. Въ этомъ случаѣ они измѣряютъ историч. явленія однимъ масштабомъ отрицательной критики.

патріаршія права и преимущества во имя своего апостольскаго происхожденія. Посему патріархи этихъ каѳедръ въ собственномъ смыслѣ „αὐτοκέφαλοι“; имъ, какъ непосредственнымъ преемникамъ апостоловъ, принадлежитъ высшая церковная юрисдикція. Каѳедра же Константинопольская сдѣлалась патріаршею лишь вслѣдствіе политическаго значенія города, только потому, что Византія — „новый Римъ“, слѣдовательно на *основаніи не каноническомъ*. Посему византійскіе патріархи, съ точки зрѣнія церковнаго права, суть патріархи „*титулярные*“, которымъ законно могутъ принадлежать однѣ патріаршія почести (такъ сказать: *titulus sine vidulo!..*), а не права. Если же они присвоили себѣ юрисдикцію патріарховъ; то они (за исключеніемъ немногихъ святыхъ) суть узурпаторы церковной власти, а не блюстители закона. Оставаясь вѣрными мірскому принципу своей каѳедры, они при помощи императоровъ захватили въ свое вѣдомство иллирійскія митрополіи, которыя, по сознанію самихъ же грековъ (Зонара), въ древнее время зависѣли отъ Рима. Въ этомъ случаѣ византійцы руководились болѣе политическими расчетами, чѣмъ преданіемъ и обычаемъ церковнымъ (1)“.

— Мы привели мнѣніе папистовъ вовсе не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы снова вступать въ состязаніе объ апостольскомъ происхожденіи византійской каѳедры. Мы уже показали въ своемъ мѣстѣ, что доводы отрицательной критики нисколько не сильнѣе положительныхъ

---

(1) См. Synchron. Geschichte von *Damberger ex—professor* (такъ называетъ онъ себя въ заглавіи своего сочиненія); ср. Handbuch d. Kirchl. Geographie und Statistik von *Wiltsch*. 1846. I. 133.; Kirchen—Recht von Georg *Philips*. 1857. II. 32—56; Die byzant. Patr. von Hergenröther I. 26. 46 etc.

свидѣтельствъ относительно преданія объ Ап. Андреѣ. Продолжать диспутъ въ томъ же направленіи, какъ издавна вели его между собой греки и латиняне, значило бы повторять старую исторію. Въ данномъ случаѣ мнѣніе папистовъ важно не по своему частному примѣненію къ Византіи, а по своему принципу, который выставляется критеріемъ для оцѣнки соборнаго правила. По идеѣ римской доктрины каноническимъ основаніемъ патріаршихъ правъ предполагается *непосредственно* апостольское происхожденіе каѳедры; такъ что внѣ этого условія патріаршество — лишь простой титулъ (будь это каѳедра византійская или московская), а усвоеніе патріаршихъ правъ—узурпація власти. Такъ какъ это мнѣніе выдается за объективную истину церковнаго преданія; то для оцѣнки его мы должны обратиться къ тому же преданію.

Что апостолы не учреждали патріаршествъ и не назначили для нихъ особыхъ *церковныхъ* границъ,—это должно быть извѣстно всякому, сколько нибудь знакомому съ церковной исторіей. Но что сами же апостолы фактически положили основаніе распредѣленію частныхъ церквей *соотвѣтственно* гражданскому дѣленію государства,—это видно изъ посланій и дѣяній апостольскихъ. Такимъ образомъ апостолъ Павелъ пишетъ: „церкви Божіей, находящейся *въ Коринѳѣ* со всѣми святыми по всей *Ахаіи* (2 Кор. I. 1). Ясно, что апостолъ смотрѣлъ на всѣхъ христіанъ *гражданской* провинціи Ахаіи, какъ на нѣчто единое въ церковномъ отношеніи, отдѣльное по внѣшнему положенію отъ христіанъ-гражданъ въ Македоніи или Ѳессаліи. Но соединяя такимъ образомъ „всѣхъ святыхъ Ахаіи“ т. е. всѣ частныя церкви этой провинціи,—апостолъ видимо *отличаетъ* церковь *Коринѳ-*

скую, ставитъ ее во главѣ прочихъ ахайскихъ церквей; потому что Коринѳъ былъ митрополіей или главнымъ городомъ Ахаіи. Такимъ же образомъ апостолъ писалъ: церквамъ *Галатійскимъ* (Гал. I. 3), опять разумѣя здѣсь всѣ церкви гражданской провинціи Галатіи. Такъ какъ главные города римскихъ провинцій были центрами гражданской и политической жизни; то они получили особенное значеніе и въ христіанской церкви; такъ что сами апостолы, прямо назначая къ нимъ свои посланія (къ Римлянамъ, Коринѳянамъ, Ефесеямъ и проч.), очевидно, смотрѣли на нихъ, какъ на центры *христіанскаго просвѣщенія*—не потому, что въ томъ или другомъ главномъ городѣ былъ тотъ или другой апостолъ (этимъ могли славиться даже простыя поселенія, какъ Колоссы, или даже пристани, напр. въ Кенхреяхъ), а потому, что это—были церкви митрополій,—главныхъ провинціальныхъ городовъ. Отсюда въ практикѣ церковной жизни стало обычаемъ: во 1-хъ мѣстныя епископіи извѣстной гражданской *провинціи* (1) считать какъ нѣчто единое и въ церковно-административномъ отно-

(1) Судя по описанію ученыхъ (см. Handbuch d. Kirchlichen Geographie u. Statistik von Wiltsch I. 57), можно представить слѣдующую аналогію между древнимъ дѣленіемъ римскаго государства и современнымъ дѣленіемъ Россіи: древнія *префектуры* (галльская, италійская, иллирійская и восточная) — это почти тоже самое, что наши намѣстничества, напр. въ царствѣ польскомъ и на кавказѣ; римскіе *діоцезы* соотвѣтствуютъ нашимъ генералъ-губернаторствамъ, а *провинціи*—нашимъ губерніямъ. Главные города римскихъ провинцій назывались митрополіями, — отсюда епископы этихъ городовъ получили названіе митрополитовъ, а подвѣдомственныя имъ провинціи стали называться митрополіями. Кромѣ митрополій, въ каждой римской провинціи было нѣсколько другихъ городовъ съ мѣстными (парохіальными) епископами, которые состояли въ зависимости отъ своего митрополита, какъ епископа главнаго провинціальнаго города. См. Concilien — Geschichte von *Hefele*. 1855. I. 366. Ср. Ein Beitrag für Geschichte d. Hierarchie von Friedrich *Maassen*. Bonn. 1853. S. 1—13.

женіи; во 2-хъ епископу главнаго провинціальнаго города усвоять нѣкоторыя особыя преимущества предъ прочими епископами той же провинціи. Этотъ обычай или порядокъ нарушали во время аріанскихъ смутъ нѣкоторые митрополиты, вмѣшиваясь въ дѣла чужихъ епархій (провинцій). Тогда на соборѣ никейскомъ постановлено правиломъ (IV), чтобы епископы каждой епархіи совершали рукоположенія лишь (новоизбранныхъ во епископы) въ предѣлахъ своей епархіи и съ утвержденія митрополита. Соборъ въ Антіохіи (341 г.) еще яснѣе опредѣлилъ (прав. 9) взаимныя отношенія митрополитовъ къ помѣстнымъ епископамъ и границы самыхъ митрополій (соотвѣтственно съ гражданскимъ дѣленіемъ государства ([1]).

Отъ митрополій не далекъ былъ переходъ къ патріархіямъ. Съ распространеніемъ христіанской вѣры размножились епископіи и митрополіи, а съ распространеніемъ ересей и расколовъ умножались безпорядки церковные. То и другое было побужденіемъ ввести въ церковной администраціи болѣе единства въ управленіи, такъ чтобы сами митрополіи имѣли свою центральную власть, къ которой бы они обращались въ важныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ произошли патріархи, которые вообще обнимали цѣлые гражданскіе округи или діоцезы, заключавшіе въ себѣ нѣсколько провинцій ([2]). Какъ митрополичьи каѳедры находились въ главныхъ провинціальныхъ городахъ, такъ точно и

([1]) См. Соб. Халк. прав. XVII, которому вовсе не противорѣчитъ правило XII, потому что оно ограничиваетъ лишь произволъ въ раздѣленіи митрополій. Conc. Geschichte von *Hefele*. II. 498.

([2]) См. Lehrbuch des Kirchen—Rechts von Fr. *Walter*. 354. См. *Hefele*: Concil. Gesch. I. 373—79. Также: Handbuch der Kirchl. Geogr. und Statistik von *Wiltsch*. I. 57.

каѳедры патріаршія, соотвѣтственно своему значенію, являются въ *главныхъ областныхъ* городахъ: Александріи (гл. городѣ всего Египта), Римѣ (гл. городѣ на западѣ), Антіохіи и пр. Такое распредѣленіе патріаршихъ каѳедръ произошло не по распоряженію свѣтской власти и не изъ угожденія частнымъ епископамъ Рима или Антіохіи и проч., а по правиламъ соборовъ, которые не что нибудь новое вводили, а только приспособляли обычай и практику церкви къ современнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ жизни. Такимъ образомъ, Вселенскій соборъ въ Никеѣ (325) постановилъ (прав. 6) (¹), чтобы епископъ Александріи имѣлъ власть надъ епископами Египта (въ тѣсномъ смыслѣ провинціи), Ливіи и Пентаполя (гражданскихъ провинцій или церковныхъ митрополій); епископъ Антіохіи получилъ въ свое вѣдомство патріаршій округъ, или гражданскій діоцезъ, состоявшій изъ 15 провинцій (²). Слѣдовательно и здѣсь мы видимъ примѣненіе того же древняго обычая, въ силу котораго церковная администрація соразмѣряла округи своего вѣдомства съ политическимъ и гражданскимъ дѣленіемъ государства. Ясно, что, при перемѣнахъ въ послѣднемъ, могло измѣняться положеніе

(¹) Въ толкованіи этого правила комментаторы весьма несогласны. Одни, какъ Sirmond, de Marca, Maassen, видятъ въ немъ доказательство папскаго *главенства* (совершенно произвольное толкованіе); другіе, какъ Balsamon, Salmasius, Beveregius, находятъ въ этомъ правилѣ подтвержденіе *лишь митрополичьихъ* правъ (объ этихъ правахъ ясно и прямо сказано въ 4 и 5 прав. того же собора); третьи (большинство), какъ Valesius, Natalis Alexander, Walter, Richter, Hefele etc., основательно доказываютъ, что этимъ правиломъ соборъ усвояетъ митрополитамъ главныхъ городовъ въ діоцезахъ *патріаршія* преимущества. Литературу объ этомъ предметѣ см. Kirchenrecht von *Phillips* 1857. II Bd. 36—37.

(²) *Böcking.* Notitia dignitatum. T. I. p. 9.

первыхъ. Такимъ образомъ Византія, прежде бывшая въ зависимости отъ Гераклеи, сдѣлавшись столицей римскаго царства, стала митрополіей, а потомъ патріархіей не въ угоду какого нибудь политическаго расчета или каприза частныхъ лицъ, а въ силу именно обычая и правила церкви. „Въ этомъ случаѣ,“ скажемъ словами бл. Ѳеодорита (¹), отцы собора въ Константинополѣ (381 г)поступали совершенно согласно съ отцами Никейскаго Собора, т. е. усвоили византійскому епископу патріаршія права и преимущества по тѣмъ же основаніямъ и побужденіямъ, какими руководились никейскіе отцы въ усвоеніи особыхъ почестей митрополитамъ Рима, Александріи, Антіохіи. Можно ли послѣ этого ставить въ упрекъ византійской каѳедрѣ гражданское и политическое значеніе города, когда этимъ значеніемъ опредѣлялись церковно-іерархическія отношенія въ вѣкъ апостольскій и во времена никейскаго собора?

Напрасно паписты опираются на мнимую древность своего ученія и видятъ фактическое подтвержденіе своему мнѣнію въ томъ, что митрополіи и патріархіи Никейскаго собора суть каѳедры, основанныя апостолами или ихъ учениками. Древность этого мнѣнія не простирается далѣе начала V-го вѣка. Усердными проповѣдниками объ іерархической субординаціи, соотвѣтственно апостольскому происхожденію каѳедръ, были римскіе папы: Иннокентій I († 417 г.), Бонифацій I (422), Целестинъ I (432), Сикстъ III (440) (²) и т. д. Во 1-хъ, слѣдуетъ замѣтить, что мнѣнія папъ суть мнѣнія частныхъ еписко-

(¹) Epist. 86 ad Flavian.
(²) См. Real. Encyklop. von Herzog. VI. 662.

повъ, а не голосъ всей церкви, который всегда выражался на Вселенскихъ Соборахъ; во 2-хъ, эти мнѣнія относятся уже къ болѣе позднему времени, чѣмъ учрежденіе митрополій и патріархій; въ 3-хъ, онѣ высказаны изъ соревнованія и состязанія стараго Рима съ новымъ, слѣдовательно проистекали изъ мутнаго источника. Съ другой стороны, если и справедлива мысль, что епископскія каѳедры, которымъ Никейскій Соборъ усвоилъ особыя преимущества, были *именно* каѳедры, *основанныя апостолами*, то мысль эта ничего не доказываетъ. Мѣстное преданіе объ извѣстномъ апостолѣ и политическое значеніе города были счастливымъ совпаденіемъ одного обстоятельства съ другимъ; ибо тогдашнія митрополіи и патріархіи созидались на пространствѣ того же политическаго міра, въ которомъ дѣйствовали апостолы и ближайшіе ихъ ученики. Посему, какъ восточные отцы, обращаясь къ римскимъ папамъ, могли называть ихъ не только патріархами „*старвѣйшаго Рима*", но и епископами „*sedis apostolicae*", такимъ же образомъ и римскіе папы, въ сношеніяхъ съ восточными патріархами, могли придавать особое значеніе апостольскому происхожденію извѣстной каѳедры (¹). Но отсюда еще нельзя дѣлать заключенія, что только тотъ патріархъ— *αὐτοκέφαλος*, котораго каѳедра *непосредственно* основана однимъ изъ апостоловъ. Несостоятельность этой теоріи нагляднѣе видна изъ слѣдующихъ соображеній и историческихъ фактовъ. Предположимъ, что при учрежденіи патріаршествъ, церковная власть руководилась (хотя ни на одномъ соборѣ этого не высказала) соображеніями объ апостольскомъ происхожденіи каѳедръ, что римскіе

(¹) Innoc. I. Epist. 23.

папы искренно настаивали не подчиняться политическимъ пертурбаціямъ и не сообразоваться съ гражданскимъ величіемъ или паденіемъ городовъ. Выходя изъ этой гипотезы, мы должны предполагать, что преемники апостола Іакова, епископы Іерусалима, столь священнаго города, занимали самое почетное мѣсто между древними митрополитами или патріархами и всегда пользовались, по крайней мѣрѣ на равнѣ съ ними, всѣмъ полномочіемъ своей власти. Однако, на самомъ дѣлѣ было не такъ. Послѣ разрушенія Іерусалима, при всей непрерывности апостольскаго преемства (Евс. IV. 6), іерусалимскіе епископы, въ теченіи цѣлыхъ трехъ столѣтій, не только не пользовались митрополичьими *правами* (кромѣ „подобающей *чести*". Ник. Соб. пр. 7), но еще сами находились въ зависимости отъ митрополита кесарійскаго, который, по свидѣтельству Өеодорита ([1]), даже поставлялъ епископовъ Іерусалиму. Въ такомъ положеніи находились іерусалимскіе епископы до самаго халкидонскаго собора, т. е. въ періодъ времени, когда уже давнымъ давно существовали митрополіи и патріархіи. Ясно, что, при учрежденіи послѣднихъ вовсе не имѣлось въ виду *непосредственно апостольское* происхожденіе каѳедръ. Но, можетъ быть, римскіе папы вступались за права іерусалимскихъ епископовъ?.. Нисколько не вступались за нихъ,—даже противодѣйствовали имъ. Когда Ювеналій іерусалимскій, недовольный своей зависимостью отъ Кесаріи и простымъ почетнымъ титуломъ митрополита, предъявилъ Ефесскому собору (431) свои права на уравненіе во власти съ прочими патріархами; тогда сильно возстали про-

([1]) Theod. ep. 110.

тивъ него именно тѣ римскіе папы (Целестинъ I и Левъ Великій), которые, по признанію самихъ же католическихъ писателей (1), дѣйствовали на всѣхъ правахъ патріаршихъ и были твердыми защитниками ученія объ іерархической субординаціи, соотвѣтственно апостольскому происхожденію каѳедръ. Эти папы не только не соглашались на требованія Ювеналія, но и упрекали его въ *честолюбивыхъ* притязаніяхъ (2). Ясное дѣло, что папы проводили новую теорію лишь въ интересахъ своей каѳедры, а въ дѣйствительности поступали совершенно наперекоръ своему ученію.

— Противорѣчіемъ своего слова съ практикой римская каѳедра запятнала себя гл. обр. въ отношеніи къ митрополіи коринѳской и вообще ко всей восточной Иллиріи. Что еп. каѳедры въ Солуни, Филиппахъ и Коринѳѣ основаны апостолами,—этого не можетъ отвергать ни одинъ ultra—папистъ; а что въ вѣкъ апостольскій взаимныя отношенія между римской и коринѳской каѳедрой были независимыя, братскія,—это видно изъ посланій Климента римскаго и Діонисія коринѳскаго (Евс. II. 25). Хотя западные писатели (3), по примѣру Зонары, называютъ *древнимъ* правомъ римской каѳедры управленіе солунскою митрополіею чрезъ папскаго викарія; но эта древность начинается *лишь съ конца IV вѣка* Ибо до времени папы Сирицiя (384 — 398 г.) нѣтъ ясныхъ указаній на зависимость иллирійскихъ митрополій отъ римской каѳедры (4). Выходя изъ гипотезы папистовъ,

(1) Hefele. Conc. Gesch. I. 376—86.

(2) Leo M. ep. 119 ap. Migné.

(3) *Le Quien* T. II. De dioeces. Illir. p. 7. §. X. p. 8. § XI.

(4) Даже папа Николай I (858—86), въ посланіи къ импер. Михаилу относитъ начало римскаго викаріатства въ Солуни лишь ко временамъ папы Дамаса. Но мнѣніе папы Николая весьма сомнительно; ибо самъ

мы вправѣ ожидать, что послѣ учрежденія патріархатовъ (381 г.) каѳедры—римская и коринѳская останутся во имя своего апостольскаго происхожденія въ тѣхъ же независимыхъ отношеніяхъ, въ какихъ онѣ находились доселѣ. Однако на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Папы, сдѣлавшись патріархами на западѣ, подчинили своей власти митрополіи коринѳскую и солунскую, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что это были каѳедры, основанныя *первоверховными* апостолами (Евс. II. 25). Такимъ же образомъ они подчинили себѣ каѳедру св. Иринея (Ліонъ), церковь карѳагенскую, которая нѣкогда постановила правиломъ не искать суда въ Римѣ, церковь испанскую, галльскую и проч. Не есть ли это узурпація власти съ точки зрѣнія самихъ же папистовъ? И не правы ли послѣ этого протест. писатели, если они дѣйствія древнихъ папъ по отношенію къ этимъ каѳедрамъ называютъ *„завоевательными походами* (Eroberungszüge) (¹)?“ Во имя правды мы не можемъ утверждать ни того, ни другаго мнѣнія. Римскіе епископы дѣйствовали на западѣ, какъ патріархи αὐτοκέφαλοι; потому что вселенскими соборами (I Ник. прав. 7. I Конст. Совр. VIII, 22) усвоены были имъ эти права. И если они простерли свое вліяніе на иллирійскія митрополіи; то дѣйствія ихъ въ этомъ случаѣ оправдывались не апостольскимъ происхожденіемъ римской каѳедры, чѣмъ папы не могли хвалиться передъ Коринѳомъ или Ѳессалоникой, а тѣмъ, что Иллирія въ то время принадлежала *къ западному* патріархатству *вслѣдствіе политическаго* дѣленія госу-

---

Дамасъ ни въ одномъ письмѣ не называетъ солунскаго митрополита римскимъ викаріемъ. См. *Le Quiene* T. II. p. 7. §. X. Также: *Wiltsch.* I, 87.

(¹) См. Real—Encyklop. von Herzog. VIII. 300—311.

дарства. Ясное дѣло, что при новыхъ политическихъ обстоятельствахъ могли измѣниться предѣлы западнаго патріархатства безъ всякаго противорѣчія апостольскимъ или соборнымъ правиламъ; потому что ни тѣ ни другіе, какъ мы уже замѣтили, не назначали неизмѣнныхъ границъ для патріаршихъ областей. Такимъ образомъ послѣ новаго дѣленія римскаго государства при Θеодосіѣ великомъ, когда Македонія, Θессалія и Ахаія присоединены были къ восточной имперіи,—илирійскія митрополіи *естественно должны были* тяготѣть къ Византіи—во-первыхъ сообразно общепринятому обычаю въ церковной практикѣ, въ силу котораго церковная администрація соразмѣряла округи своего вѣдомства съ политическимъ дѣленіемъ государства; во-вторыхъ по чувству національнаго родства грековъ македонскихъ или ахайскихъ съ византійскими; въ третьихъ по близости разстоянія Восточной Иллиріи къ Византіи; въ четвертыхъ по несостоятельности римскаго управленія; ибо латинскіе викаріи болѣе заботились объ интересахъ римской каѳедры, чѣмъ о мѣстныхъ потребностяхъ, какъ показываетъ примѣръ Руфа,—а сами папы оставались глухи къ жалобамъ здѣшнихъ епископовъ и принуждали ихъ къ подчиненію лишь угрозами анаѳемы, какъ поступали напр. Целестинъ I и Сикстъ III (¹). При такомъ положеніи дѣлъ естественно было иллирійскимъ митрополіямъ искать лучшаго суда и управленія въ константинополѣ, а византійскому патріарху сочувственно относиться къ своимъ соплеменникамъ, какъ поступилъ Аттикъ. Очевидно, тутъ не было никакой измѣны иллирійскихъ епископовъ римскому папѣ, никакихъ нападе-

---

(¹) Jaffé. n. 172, 173, 175, p. 33, 34.

ній со стороны Византіи на права Рима; подчиненіе иллирійской митрополіи византійскому патріаршеству рано или поздо должно было совершиться по силѣ историческихъ обстоятельствъ, согласно съ общецерковной практикой, а не по капризу частныхъ лицъ.

На основаніи сказаннаго мы приходимъ къ заключенію: мнѣніе папистовъ о незаконномъ присвоеніи византійскими епископами патріаршихъ правъ и власти надъ понтійскими, ѳракійскими и другими митрополіями—есть искуственная и ложная теорія; она не имѣетъ оправданія ни въ ученіи и примѣрѣ апостоловъ, ни въ соборныхъ правилахъ и церковныхъ событіяхъ и положительно опровергается собственной практикой римскихъ епископовъ. Въ частности, — мнѣніе нашего автора—будто бы „александрійская каѳедра, въ лицѣ Ѳеоѳила, протестовала противъ возрастающаго византійскаго вліянія" — не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія (см. Созом. VIII. 2. 3. 11. 12. 13. 14. 16. 17. 18. 19). Равнымъ образомъ предположеніе его — будто бы св. Кириллъ возсталъ противъ Несторія для охраненія правъ своей каѳедры—основывается на превратномъ толкованіи историческихъ фактовъ. Вся исторія Ефесскаго собора (1) ясно доказываетъ, что св. Кириллъ возсталъ *противъ ереси* Несторія и, какъ твердый защитникъ православія, во имя вѣры настаивалъ на томъ, чтобы этотъ упорный ересіархъ отрекся отъ своихъ заблужденій. Слѣдовательно весь споръ между Кирилломъ и Несторіемъ имѣлъ характеръ догматическій, а *не іерархическій*, какъ изображаютъ протестантскіе историки (2). Самъ же авторъ на стр. 53 (прим., 191) отвергаетъ это

(1) Mansi IV. 587—618. Сокр. VII. 32. 34 и пр.

(2) Neander K. G. III. S. 648. 2 Aufl. Gieseler. K. G. I, II S. 158

мнѣніе и слѣдовательно самъ себя опровергаетъ. Такимъ же противорѣчіемъ текста съ примѣчаніями переполнена его заключительная рѣчь о Ефесскомъ соборѣ. Онъ увѣряетъ: будтобы „*приматство* римскаго епископа и *власть его суда весьма внушительно* заявлены Востоку въ соборныхъ посланіяхъ“—и, въ то же время, приводитъ (примѣч. 193) греческій текстъ, изъ котораго узнаемъ только, что отцы собора согласны съ мыслями „*τῆς ἐπιστολῆς τοῦ ἁγιωτάτου πατρὸς ἡμῶν καὶ συλλειτουργοῦ Κελεστίνου* (Mansi IV. 1226)“. Что же писалъ этотъ „святѣйшій отецъ и *сослужитель* Целестинъ“? Онъ писалъ къ отцамъ собора весьма скромно: „возлюбленнымъ и вожделѣннымъ братіямъ, Целестинъ епископъ во Христѣ Іисусѣ... Мы всѣ, по всѣмъ краямъ міра, вмѣсто апостоловъ, имя Господне проповѣдуемъ и обязаны заботиться о распространеніи истины... Служеніе, которое Господь поручилъ апостоламъ, ваше *братство* должно ревностно исполнять. Посему необходимо, что бы мы слѣдовали по пути отцевъ нашихъ; мы обязаны мужественно защищать преданные отъ нихъ догматы вѣры (¹)“ и проч. Есть ли здѣсь хоть намекъ на римское главенство или верховную власть папскаго суда? Столь же мало подтверждаютъ мысль автора „восклицанія“ на соборѣ. Мы должны замѣтить, что эти восклицанія, какъ выраженіе восторга или воодушевленія, были слишкомъ неопредѣленны и потому не могутъ служить доказательствами какой бы-то ни было теоріи. По прибытіи папскихъ легатовъ на соборъ, когда прочитаны были посланія Целестина и Кирилла, всѣ епископы восклицали: „вотъ правое сужденіе Целестина, новаго Павла, Ки-

(¹) Act. Conc. Ephes. ap. Gelas. cap. 14.

рилла—новаго Павла, Целестина единомысленнаго съ Кирилломъ! Целестину, стражу вѣры, весь соборъ воздаетъ благодарность; одинъ Целестинъ, одинъ Кириллъ, едина вѣра собора, едина вѣра вселенныя" (Act. conc. Ephes. cap. 15). При такихъ отзывахъ отцевъ собора о православіи Целестина и Кирилла, мы не знаемъ, кому изъ нихъ дать преимущество въ догматическомъ отношеніи; Целестинъ—стражъ вѣры; Кириллъ—такой же новый Павелъ, какъ и Целестинъ; Целестинъ есть то же, что и Кириллъ и т. д. Нужно быть слишкомъ остроумнымъ, чтобы въ такихъ комбинаціяхъ видѣть признаніе папской юрисдикціи на Востокѣ!...

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I) **Правительственныя распоряженія**: перемѣны по духовно-училищному вѣдомству: а) назначеніе преемника покойному профессору В. Н. Карпову; б) назначеніе *ректоровъ—минской, иркутской, рязанской* и *тульской* семинарій; в) назначеніе *инспекторовъ рязанской* и *олонецкой* семинарій.—II) **Библіографическія замѣтки**: первыя пять №№ „Воскреснаго чтенія" въ текущемъ году.—Обзоръ епарх. литературы.—*Описаніе документовъ и дѣлъ*, хранящихся въ *архивѣ* свят. правит. *Синода*. т. 1. (1542—1721 г.), СПБ. 1868 г.—*Монастырскій приказъ* (1649—1725 г.), (опытъ историко-юридическаго изслѣдованія свящ. М. Горчакова. СПБ. 1868).—*Великія Минеи—Четіи* т. 1. сентябрь (дни 1—13) (Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографическою комиссіею. СПБ. 1868).—Замѣтка о Минеяхъ-четіихъ *Милютинскихъ* (по поводу книжки: „Чтенія въ московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія". Москва. 1868.) III) **Разныя извѣстія**: одна изъ характерныхъ особенностей нашего времени.—Жизнь религіозно-церковная и жизнь гражданская.—Сила совѣсти (изъ воспоминаній о В. Н. Карповѣ). Публичныя лекціи въ Казани.—Публичный диспутъ священника М. И. Горчакова.—Ходъ занятій въ воскресной школѣ при сп.бургской д. семинаріи.—Открытіе воскресной школы при Знаменской церкви въ С.-петербургѣ.—

I.

По представленію конференціи с.-петербургской духовной академіи, *на мѣсто* покойнаго заслуженнаго профессора *В. Н. Карпова баккалавромъ* с.-петербургской духовной академіи, на каѳедру *опытной психологіи*, святѣйшимъ сѵнодомъ *опредѣленъ* наставникъ с.-петербургской духовной семинаріи Александръ *Свѣтилинъ*.

По опредѣленію святѣйшаго сѵнода, на вакансію рек-

тора *минской* семинаріи перемѣщенъ ректоръ *астраханской* семинаріи, архимандритъ *Іаннуарій*; на вакантную должность ректора *иркутской* семинаріи назначенъ инспекторъ *черниговской* семинаріи, архимандритъ *Модестъ*; *ректоромъ рязанской* семинаріи опредѣленъ *протоіерей* соборной г. Ряжска церкви, магистръ Василій *Гаретовскій*; *ректоромъ тульской* семинаріи опредѣленъ *протоіерей*, магистръ Александръ *Романовъ*.

Опредѣленіемъ святѣйшаго сѵнода, *инспекторомъ рязанской* семинаріи назначенъ *священникъ* Петръ *Лосевъ*, а *инспекторомъ олонецкой* семинаріи *священникъ*, магистръ, Петръ *Щеглов*ъ.

II.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, *Воскресное чтеніе* имѣло слишкомъ мало *жизненнаго* характера. Оно *почти* исключительно размышляло о благахъ *небесныхъ* и не чуждо было *ригористическихъ* взглядовъ *на земную* жизнь. Но въ послѣдніе два—три года оно стало, мало по малу, терять свой прежій *отвлеченный* (хотя и очень *назидательный*) характеръ, и—становиться все ближе и ближе къ *дѣйствительной* жизни. Съ нынѣшняго же года, этотъ журналъ принялъ еще болѣе христіански—*практическое* направленіе. Предъ нами лежатъ первые пять №№ Воскреснаго чтенія. Въ нихъ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, небольшія статьи церковно-*историческаго* и педагогическаго содержанія. Таковы, напримѣръ: „Древне-русскій обычай причащать дѣтей въ день св. Пасхи“ (№ 1); „женщина у евреевъ и въ христіанствѣ“ (№ 5); „праздникъ школъ“ (№ 1); „объясненіе пасхальнаго канона дѣтямъ (№№ 3, 4 и 5).—Даже въ такой статьѣ,

какъ „Рѣчи цвѣтовъ“ (№ 4),—предметъ, который долженъ, повидимому, питать *одно* только благочестивое воображеніе—ясно просвѣчиваетъ *глубоко нравственное* настроеніе автора. Отдѣлы же подъ заглавіемъ: „изъ современной жизни“ и „памятный листокъ на текущуюне дѣлю“—отвѣчаютъ какъ нельзя лучше нравственнопрактическимъ потребностямъ читателей. Нельзя не пожелать редакціи *Воскреснаго Чтенія* полнаго успѣха въ выполненіи ея новой программы, столь полезной для религіозно-нравственнаго воспитанія православнаго русскаго народа.

Въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, отъ времени до времени, помѣщаются статьи, на которыя невозможно не обратить особеннаго вниманія. Таковы, напр., въ 7 и 8 №№ *кіевскихъ* епархіальныхъ вѣдомостей статьи: „с. Ненадыха, таращинскаго уѣзда“ (этнографическій очеркъ) священника *П. С—каго*; *въ тамбовскихъ* епархіальныхъ вѣдомостяхъ: „совѣтъ, какъ православному священнику обращаться съ вольнодумцами“ — протоіерея *П. Розанова* (№ 5). Авторъ этой статьи пользовался сочиненіями Бержье, Пальмера и др. — Тамъ же помѣщенъ интересный „историческій очеркъ древне-русскаго сельскаго прихода“ — *Н. Виноградова*; *въ черниговскихъ епархіальныхъ* вѣдомостяхъ: „борзенскій уѣздъ (№№ 6—8) и статья„ о такъ называемой *книгѣ: о вѣрѣ единой*“—Никифора *Докучаева* (№ 8); въ смоленскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ: „Бесѣда въ недѣлю православія“, сказанная преосвященнымъ Іоанномъ, епископомъ смоленскимъ въ каѳедральномъ соборѣ 18 февраля 1868 года (№ 5) и „Слово въ день Святителя Николая Чудотворца“—(№ 8) *священника* Даніила П. *Лебедева*, который давно уже у читателей смоленскихъ епархіальныхъ вѣдомостей пріобрѣлъ себѣ *справедливую* извѣстность, какъ *талантли-*

вый писатель. Упомянутое нами слово о. Даніила обнаруживаетъ въ авторѣ его—кромѣ замѣчательнаго проповѣдническаго таланта,—*глубокое пониманіе сущности* христіанства и самый *свѣтлый* взглядъ на жизнь. Отъ души желательно было бы чаще встрѣчать въ печати разныя статьи и проповѣди о. Д. П. Лебедева.—Въ № 6 смоленскихъ епархіальныхъ вѣдомостей помѣщена, нелишенная мѣстнаго интереса, статья А. Смирнова: „Очеркъ народнаго образованія смоленской губерніи"; —въ подольскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ: „Изображеніе нѣкоторыхъ вѣрованій и обрядовъ простонародія въ югозападномъ краѣ" и поученіе предъ молебствіемъ 4 апр., (прилучившагося нынѣ въ свѣтлую седмицу), протоіерея П. *Вознесенскаго* (№ 8). Считаемъ не лишнимъ сдѣлать краткую выдержку изъ этого замѣчательнаго поученія. „Къ празднику праздниковъ присоединился еще праздникъ, и къ торжеству торжествъ прибавилось еще торжество... Да; воспоминаніе настоящаго важнаго событія—праздникъ *нашъ*, праздникъ цѣлой Россіи. — Выражаясь словами нашей церкви, мы по истинѣ *празднуемъ нынѣ и смерти умерщвленіе, и адово разрушеніе и иного бытія* лучшаго *начало*. Празднуемъ *смерти умерщвленіе*. Что, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ въ виду дерзкій злодѣй.., вознося смертоносную руку свою на помазанника Божія? Имѣлъ въ виду — отъять жизнь, умертвить главу всѣхъ сыновъ Росіи и, такимъ образомъ, внести безпорядокъ, разстройство, разрушеніе, *смерть* во всѣ общества... Но эта *смерть*... сама *умерщвлена*... Злодѣй погибъ, и имя его потребилось отъ земли.—Нынѣ празднуемъ мы *адово разрушеніе*. Злодѣй и его единомышленная собратія принадлежали къ обществу, которое приняло для себя ужасное имя ада... Судите сами, братіе, могло ли что-нибудь

доброе произойти изъ того общества, которое само на-звало себя *адомъ*. Съ этимъ именемъ невольно и естественно представляются: мракъ, злоба, разрушеніе — зло. — И этотъ *адъ* нынѣ *разрушенъ*; общество разсѣялось и уже не возноситъ главы своей, уже не дышетъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ... Нынѣ празднуемъ мы *иного житія* лучшаго *начало*. Съ первыхъ дней своего царствованія Государь Императоръ Александръ Николаевичъ началъ отечески заботиться о благѣ Россіи, о благѣ своихъ подданныхъ, и въ *двѣнадцатилѣтній* періодъ своего царствованія онъ даровалъ Россіи то, чего она не пріобрѣтала въ сотни лѣтъ... Въ послѣднее же время, царь—отецъ обратилъ свое монаршее вниманіе на то, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все, искони священное,—на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ (¹)... Обращено вниманіе *на воспитаніе*, какъ общественное, такъ и домашнее... и *въ основу всего* положена наша *св. вѣра*, безъ которой невозможно угодить Богу и жить благополучно на землѣ".

Не такъ давно вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго сѵнода. Томъ I. (1542—1721 г.) С.-Петербургъ. 1868 г. Архивъ святѣйшаго правительстующаго сѵнода заключаетъ въ себѣ *драгоцѣннѣйшее* и *единственное* по своей полнотѣ собраніе матеріаловъ для исторіи Русской церкви и для нашего церковнаго законодательства, а также весьма

(¹) Разумѣется Высоч. рескр. 13 мая, 1866 г.

20*

богатыя данныя для многихъ сторонъ общественной и государственной жизни. До сихъ поръ этотъ архивъ былъ мало извѣстенъ и доступенъ ученымъ изслѣдователямъ; только обнародованные въ послѣдніе годы, въ самомъ незначительномъ числѣ, извлеченные изъ него матеріалы, и нѣсколько въ это же время явившихся сочиненій, для которыхъ онъ служилъ главнымъ источникомъ, указали—какія сокровища въ немъ хранятся и какъ, вообще, *мало* и *поверхностно* мы знаемъ исторію отечественной церкви за ближайшее къ намъ время, не смотря на кажущуюся извѣстность ея событій.—Важное значеніе архива святѣйшаго сѵнода для науки, обратило на себя ученое вниманіе господина сѵнодальнаго оберъ-прокурора, графа Д. А. Толстаго, который, вскорѣ послѣ вступленія своего въ эту должность, представилъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ о предположеніяхъ святѣйшаго сѵнода касательно учрежденія коммисіи для приведенія въ большую ясность и порядокъ дѣлъ, хранящихся въ его архивѣ. На учрежденіе коммиссіи послѣдовало, 6 декабря 1865 г., Высочайшее соизволеніе, и она 14 января 1866 года начала свои дѣйствія.

Описаніе архивныхъ дѣлъ можетъ быть двоякое: *краткое*, пригодное только для архивныхъ надобностей и справокъ и *подробное*, удовлетворяющее ученымъ цѣлямъ. Коммиссія избрала послѣдній способъ описанія дѣлъ, несмотря на всю трудность удовлетворительно разрѣшить предстоявшую ей задачу и на продолжительность времени, которое нужно для ея выполненія. Въ составъ нынѣ изданнаго тома вошли: 1) Описаніе небольшаго числа имѣющихся въ синодскомъ архивѣ документовъ XVI, XVII и начала XVIII столѣтій; 2) опи-

саніе нѣсколькихъ дѣлъ, первоначально производившихся въ монастырскомъ приказѣ и камеръ-коллегіи и, по всей вѣроятности, вытребованныхъ святѣйшимъ синодомъ изъ этихъ учрежденій для необходимыхъ справокъ; 3) Описаніе дѣлъ, начатыхъ производствомъ въ святѣйшемъ синодѣ въ продолженіе 1721 года; 4) Нѣсколько извлеченныхъ изъ этихъ дѣлъ документовъ, важныхъ и любопытныхъ въ историческомъ, археологическомъ, административномъ и др. отношеніяхъ. Эти послѣдніе помѣщены въ приложеніи къ описанію. Дѣла въ изданномъ томѣ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, по времени начатія ихъ производствомъ. Для облегченія пользованія описаніемъ, къ нему приложены: указатель личныхъ именъ, подробный указатель предметовъ и таблица, показывающая прежніе и настоящіе нумера дѣлъ.

Для образца, сдѣлаемъ небольшую выдержку изъ изданнаго тома описанія дѣлъ синодскаго архива. На стр. 680—9, напечатанъ слѣдующій весьма любопытный историческій документъ: Дѣло № 633—20. *Чинъ и уставъ на избраніе епископа*. „Рукопись—въ два столбца, писанная въ промежутокъ времени между 22 октября 1721 г. и октябремъ 1725 г. Первый столбецъ заключаетъ въ себѣ „*чинъ и уставъ на избраніе епископа*“, списанный, какъ замѣчено въ концѣ его, съ чина и устава *на избраніе и рукоположеніе и возведеніе на епископскій престолъ*, свидѣтельствованнаго патріархомъ Іоакимомъ въ лѣто 7184 (1676) съ древняго греческаго чина и славянскаго, яко бысть при прежнихъ великихъ государѣхъ царѣхъ и великихъ князѣхъ и при преосвященныхъ митрополитѣхъ всея Россіи, и найденнаго въ московскомъ успенскомъ соборѣ, „въ древней рукопис-

ной книгѣ въ мѣсяцѣ августѣ". Во второмъ столбцѣ находятся поправки означеннаго чина, сдѣланныя рукою синодальнаго ассесора и протектора школъ, ипатскаго архимандрита Гавріила, безъ сомнѣнія по порученію святѣйшаго синода, съ цѣлію примѣненія означеннаго *чина*, главнымъ образомъ въ избраніи и нареченіи епископовъ къ новому синодальному управленію. Исправленный Гавріиломъ *чинъ* былъ напечатанъ съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями въ октябрѣ 1725 г. въ с.-петербургской типографіи. *Существеннаго* различія между чиномъ избранія и постановленія епископовъ патріаршаго времени и таковымъ же синодальнаго нѣтъ. При всемъ томъ, чинъ патріаршаго времени представляетъ нѣкоторыя любопытныя особенности, которыя по тому самому, что въ настоящее время не существуютъ, заслуживаютъ вниманія. Они касаются, главн. обр., избранія во епископы и нареченія избраннаго. Самое замѣчательное измѣненіе въ этомъ родѣ составляетъ двукратная замѣна въ синодальномъ чинѣ слова: „*іерея*" словами: „*архимандрита или іеромонаха*". По чину, свидѣтельствованному патріархами, протодіаконъ, приводя новонареченнаго къ изображенію орла, возглашаетъ: приводится боголюбезнѣйшій избранный утвержденъ (имя рекъ) хиротонисатися и проч. Въ синодальномъ же изданіи 1725 года читаемъ: приводится боголюбезнѣйшій избранный утверженъ *архимандритъ* или *іеромонахъ* (имя рекъ) и т. д. Выслушавъ исповѣданіе вѣры новонареченнаго, по древнему чину патріархъ говоритъ: благодать Св. Духа чрезъ мою мѣрность производитъ тя боголюбезнѣйшаго *іерея* (имя рекъ) и т. д. По синодальному изданію, первенствующій архіерей говоритъ: благодать Св. Духа чрезъ мою мѣр-

ность производить тя боголюбезнѣйшаго *архимандрита* или *іеромонаха* (имя рекъ) и проч. подобнымъ образомъ, и въ совершительной молитвѣ рукоположенія: божественная благодать, по древнему чину, патріархъ говоритъ: проручествуетъ тя боголюбезнѣйшаго *іерея* (имя рекъ) и проч., а по синодальному изданію 1725 г. читаемъ: проручествуетъ тя, боголюбезнѣйшаго *архимандрита* или *іеромонаха* (имя рекъ) и т. д. равнымъ образомъ по чину патріаршаго времени, рукополагаемый приводится, по пѣніи трисвятаго, предъ св. двери *архидіакономъ* и *протодіакономъ*, а по исправленію Гавріила,— *протопресвитеромъ* и *протодіакономъ* и т. п.“ (¹).

Синодскій архивъ послужилъ однимъ изъ самыхъ капитальныхъ пособій для диссертаціи священника *М. Горчакова:* „*Монастырскій приказъ*“ (опытъ историко-юридическаго изслѣдованія. Спб. 1868 г.), писанной для полученія авторомъ ея ученой (магистерской) степени отъ с.-петербургскаго императорскаго университета. Вотъ *положенія*, извлеченныя изъ этой диссертаціи и публично защищенныя священникомъ Горчаковымъ 21 апрѣля: 1) Подсудность по гражданскимъ дѣламъ духовенства и подвѣдомственныхъ ему по владѣльческимъ и служебнымъ отношеніямъ лицъ въ древней Россіи опредѣлялось *не по предметамъ*, а *по лицамъ*. 2) Отношенія владѣльцевъ къ землѣ въ древней Россіи содѣйствовали образованію въ церковныхъ земляхъ особой судебно-гражданской юрисдикціи, независимой отъ общихъ

(¹) Изданный томъ дѣлъ синодскаго архива содержитъ въ себѣ 776 столбцовъ *текста* и столькоже, если не болѣе, столбцовъ *приложеній*. Цѣна ему 4 р. сер., пересылка, по почтовой таксѣ, за 6 фунтовъ. Мы слышали отъ достовѣрныхъ людей, что онъ отпечатанъ всего только въ 1200 экз. и раскупается быстро, такъ что въ первые два дня, по выходѣ его въ свѣтъ, разошлось до 150 экз.

областныхъ государственныхъ судовъ. 3) Сосредоточеніе судебно-гражданской подсудности церковныхъ владѣній въ непосредственномъ вѣдѣніи великихъ московскихъ князей и царей было средствомъ къ собиранію Руси около ея центра Москвы и къ развитію русскаго государства. 4) Это сосредоточеніе было вызываемо нетолько политикою государей, но и условіями церковной администраціи. 5) Первоначально приказъ большаго Дворца былъ мѣстомъ означеннаго сосредоточенія. 6) Монастырскій приказъ 1649 г., выдѣлившійся изъ приказа большаго дворца какъ *особое* учрежденіе, явился историческою необходимостію. 7) Идея монастырскаго приказа 1649 г. есть введеніе новаго государственнаго начала судебно-гражданской подсудности духовенства и лицъ, подвѣдомственныхъ ему по служебнымъ и владѣльческимъ отношеніямъ. 8) Закрытіе монастырскаго приказа въ 1677 году надобно объяснять недостаточностію законовъ, его установившихъ. 9) Идея, выразившаяся въ учрежденіи монастырскаго приказа по уложенію, имѣла въ исторической жизни народа и государства всѣ задатки для своего развитія послѣ 1677 г. 10) Петровскій монастырскій приказъ есть возобновленіе прежняго приказа, но въ видахъ главнымъ образомъ финансовыхъ: въ его возстановленіи выражалась идея перевода церковныхъ вотчинъ въ безусловное вѣдѣніе государства. 11) Переписи 1701, 1710, 1715 и слѣдующихъ годовъ приравняли разные виды крестьянства въ церковныхъ вотчинахъ къ одинаковому состоянію. 12) Какъ произведеніе приказной системы государственныхъ учрежденій, петровскій монастырскій приказъ не могъ твердо и особно стоять рядомъ съ областнымъ общегосударственнымъ устройствомъ и, съ учреж-

деніемъ коллегій, долженъ былъ закрыться. 13) Возстановленіе его подъ вѣдомствомъ святѣйшаго синода состоялось для вотчиннаго управленія церковными землями, но съ характеромъ государственнымъ и 14) монастырскій приказъ 1721—1724 г. не могъ порѣшить окончательно вопроса о церковныхъ вотчинахъ въ Россія: переименованіе его въ камеръ-контору, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ.

Люди компетентные, каковы, напр., бывшіе оппоненты о. Горчакова во время его диспута, признаютъ за диссертаціею „монастырскій приказъ" *высокое достоинство.* Дѣйствительно, авторъ ея изумляетъ читателя своимъ *желѣзнымъ терпѣніемъ* и неимовѣрною *усидчивостію*, которыя требовались съ его стороны для составленія и изданія такого кропотливаго и почтеннаго труда, каковъ его „монастырскій приказъ". О. Горчаковъ, какъ это видно изъ его труда, нетолько перечиталъ всѣ печатные источники, но и собралъ много любопытныхъ документовъ изъ синодскаго архива, а также изъ московскаго архива министерства юстиціи. И, по справедливому замѣчанію газеты „Голосъ" (№ 112), сочиненіе о. Горчакова „составляетъ вѣскій и почтенный вкладъ въ нашу (церковно)-историческую литературу".

Великія Минеи Четіи, собранныя всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ, составляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ славяно-русской письменности. Въ двѣнадцати огромныхъ книгахъ этого собранія (1) заключаются расположенные по днямъ мѣ-

(1) По счету монаха Евфимія, составлявшаго оглавленіе этихъ миней по царскому списку, во всѣхъ двѣнадцати книгахъ заключается не

сяцевъ цѣлаго года краткія и пространныя житія святыхъ, цѣлыя книги священнаго писанія съ толкованіями, похвальныя и поучительныя слова на праздники и памяти святыхъ, творенія святыхъ отцевъ, учителей и писателей церковныхъ, патерики (азбучный, іерусалимскій, египетскій, синайскій, скитскій и печерскій), разныя сказанія и повѣсти, притчи, путешествія, кормчая книга, посланія, грамоты и т. п. ([1]). Такимъ образомъ, здѣсь, говоря словами собирателя, *„всѣ святыя книги сьбраны и написаны, которые въ русской земли обрѣтаются“*, слѣдовательно, всѣ книги, по которымъ воспитывалась Русь съ самыхъ древнихъ временъ до половины XVI столѣтія. Двѣнадцать лѣтъ своего святительства въ Новгородѣ употребилъ просвѣщенный іерархъ (Макарій) на это великое дѣло, не щадивши ни трудовъ, ни матеріальныхъ издержекъ. Не довольствуясь собираніемъ, трудолюбивый архипастырь занимался и возможнымъ исправленіемъ собранныхъ книгъ и статей. Трудъ или сборникъ Макарія можно назвать *обширною* и *драгоцѣнною* для насъ *энциклопедіею* нашихъ предковъ.

Имѣя въ виду особенное значеніе Великихъ Миней Четіихъ для русской (особенно-церковноисторической) науки, археографическая коммиссія, на основаніи Высочайше утвержденыхъ для руководства ея правилъ

менѣе 27,057 страницъ или 13,528 большихъ листовъ. Въ самой меньшей книгѣ (октябрьской)—1,754 стран. или 877 листовъ; а въ самой большой (августовской) — 2,992 стран. или 1,496 листовъ. См. предисловіе къ 1 тому Великія Минеи-Четіи, изд. археогр. комм. Спб. 1868. 1 примѣч. Сравн., чт. въ имп. общ. ист. и древн. Росс. при моск. унив. г. 3. № 4. М. 1847. отд. IV, стр. 1—47.

([1]) Свѣдѣнія эти мы заимствуемъ изъ предисловія къ 1 изданному тому Четіихъ Миней.

(§ 3), по предложенію председателя своего А. С. Норова, приступила къ изданію Великихъ Миней-Четіихъ *въ цѣломъ ихъ составѣ*, но безъ повторенія статей совершенно сходныхъ между собою.—Въ настоящемъ году, подъ редакціею члена археографической коммиссіи П. И. Саввантова, вышелъ въ свѣтъ первый томъ Великихъ Миней Четіихъ, заключающій въ себѣ первые 13 дней мѣсяца сентября ([1]). Кромѣ того, изданы еще *отдѣльно* „Сказанія о русскихъ и славянскихъ святыхъ, извлеченныя изъ Великихъ Миней Четіяхъ“ (часть I.). Сколько намъ извѣстно, это „извлеченіе“ напечатано

([1]) Цѣна 1 тому Великіихъ Четіихъ Миней—5 рублей. Фельетонистъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ жалуется на *дороговизну* этой цѣны. Жалоба эта, на нашъ взглядъ, совершенно *несправедливая*. Прежде всего, изданный томъ Великіихъ Четіихъ-Миней, по объему своему,—далеко *не тетрадь*, какъ называетъ его „Вѣстникъ Европы“, а—цѣлая *большая* книга in 4°, заключающая въ себѣ 672 столбца самой убористой печати. — Затѣмъ, изданіе это, отличающееся весьма большимъ изяществомъ и сохранившее въ себѣ *всю буквально* орѳографію самаго подлинника, естественно, обошлось коммиссіи несравненно дороже, чѣмъ—всякое другое изданіе такого же объема. Намъ достовѣрно извѣстно, что одна только переписка перваго тома стоила цѣлыхъ *сотней* рублей, а все изданіе, (въ количествѣ 600 или 800 экз.) обошлось, говорятъ, около 3,000 рублей.—Коммиссія могла бы уменьшить цѣну этому изданію только въ томъ случаѣ, если бы она напечатала нѣсколько тысячъ экземпляровъ. Но она не могла рѣшиться на послѣднее условіе, не рискуя остаться въ значительномъ убыткѣ, какой приходится ей нести отъ прежнихъ разныхъ ея изданій. Изъ вѣдомости, помѣщенной въ прибавленіи къ „Лѣтописи занятій археографической коммиссіи“ (Спб. 1868 г. стр. 30—32) видно, что прежнія изданія коммиссіи, изъ которыхъ очень немногія печатались свыше 600—800 экземпляровъ, еще и до сихъ поръ остаются не распроданными и, при томъ, нѣкоторыя изъ нихъ—въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Напримѣръ къ 1 янв. 1866 г. состояло на лицо: *„полнаго собранія Русскихъ лѣтописей“* т. VI=324 экз., т. VII=543 экз., т. IX=555 экз., т. XV=360 экз.; *„Актовъ историческихъ“* т. IV=257 экз., т. V=252 экз.; *„Дополненія къ актамъ историческимъ“* т. VI=667 экз.; *„Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи“* т. V=533 экз.; *„Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи“* т. II=634 экз., и проч.

въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и *въ продажу не поступитъ* (1). Нельзя не пожалѣть объ этомъ. Для насъ—православныхъ *русскихъ* „сказанія о русскихъ и славянскихъ святыхъ имѣютъ *особенное* значеніе. И мы увѣрены, что это изданіе скоро разошлось бы, еслибъ оно было напечатано для продажи. Оно—и доступнѣе было бы по цѣнѣ въ сравненіи съ полнымъ изданіемъ Великихъ Миней Четіихъ, и ближе къ русскому сердцу, и, наконецъ, даже удобнѣе для употребленія, потому что оно напечатано въ 16 долю листа.

Послѣ Миней Четіихъ *макаріевскихъ*, лучшій и драгоцѣнный сборникъ древней духовной литературы составляютъ Четіи Минеи *Милютинскіе*, названныя такъ по имени собирателя ихъ, *священника* Іоанна *Милютина*, жившаго въ половинѣ XVII вѣка (2). Этотъ замѣча-

---

(1) Одинъ экземпляръ этого „извлеченія“ мы, въ настоящее время, имѣемъ у себя подъ руками. Вотъ его содержаніе: 1., Убіеніе святаго и славнаго мученика Глѣба, князя Русскаго (сент. 5 д.) 2., Память иже во святыхъ отца нашего Іоанна, архіепископа новгородскаго (сент. 7 д.). 3., Житіе иже во святыхъ отца нашего Іоанна, архіепископа великаго Новаграда и Пьскова (сент. 7 д.). 4., Слово о проявленіи мощій святаго (сент. 7 д.). 5., Чюдо о томъ же архіепископѣ Іоаннѣ и о братѣ его Григоріи (сент. 7 д.). 6., Житіе и пребываніе въ кратцѣ преподобнаго отца нашего игумена Іосифа града Волока Ламскаго (сент. 9 д.) и 7., Духовная грамота преподобнаго игумена Іосифа (сент. 9 д.).

(2) Іоаннъ Милютинъ былъ священникомъ въ троицкомъ Сергіевомъ посадѣ при Христорождественской церкви. По благочестивой ревности своей къ духовному просвѣщенію, этотъ пастырь церкви, подобно Макарію митрополиту, возымѣлъ благое намѣреніе собрать житія святыхъ, чтимыхъ греческою и русскою церковію, и сочиненія духовныхъ писателей, которыя были ему извѣстны, и все это помѣстить въ 12 книгахъ по числу 12 мѣсяцевъ. Восемь лѣтъ (1646—1654 г.) трудился Милютинъ съ своими дѣтьми въ собираніи и списываніи житій святыхъ и различныхъ сочиненій *въ древнихъ рукописныхъ* Четій-Миней, не исключая и печатныхъ прологовъ, и *изъ другихъ древнихъ рукописей* Троицкаго монастыря, какъ нерѣдко отмѣчалъ самъ онъ въ началѣ житій и какъ видно изъ сравненія его Четій-Миней съ Четіи-Минеями митро-

тельный сборникъ хранится въ патріаршей (нынѣ синодальной) библіотекѣ, между славянскими рукописями и извѣстенъ очень не многимъ изъ просвѣщенныхъ любителей древностей.—Минеи Четіи Макаріевскія несравненно обширнѣе и полнѣе (отъ этого онѣ и называются „Великими") Четіихъ-Миней Милютинскихъ. Такъ, напр., въ изданномъ нынѣ томѣ Макаріевскихъ Четіихъ-Миней подъ 1-мъ сентября помѣщено *12* различныхъ сказаній, тогда какъ въ Милютинскихъ Минеяхъ подъ тѣмъ же числомъ находятся только *два* сказанія. Не смотря на это, и послѣднія имѣютъ весьма большое значеніе и важность, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что въ нихъ заключается много такихъ житій и сочиненій, которыхъ нѣтъ въ Макаріевскихъ. — Въ Макаріевскія Четіи-Минеи внесены всѣ житія греческихъ и русскихъ святыхъ, извѣстныхъ въ XVI вѣкѣ, всѣ творенія греческихъ отцевъ и писателей церкви и, вообще, почти вся древняя духовная литература. Но житія русскихъ святыхъ, прославленныхъ церковію въ XVII в., равно какъ и сочиненія писателей русскихъ, жившихъ послѣ митрополита Макарія, не могли войдти въ его Четіи-Минеи. А такихъ житій очень немало, и они заключаются только въ Четіихъ-Минеяхъ Милютинскихъ. Таковы, напримѣръ, житія преподобныхъ отцевъ: Авраамія Городецкаго (20 іюля), Александра Куштскаго (9 іюля), Артемія Веркольскаго (23 іюля), Геннадія костромскаго (23 января) и многихъ другихъ русскихъ угодниковъ. Что касается до сочиненій русскихъ писателей, заключающихся въ Милютинскихъ Четіихъ-Минеяхъ, то, въ этомъ отношеніи, онѣ имѣ-

---

полита Макарія и съ прологомъ 1643 г. (См. „Чтенія въ моск. общ. люб. дух. просв." Москва. 1868 г., стр. 100—101).

ютъ важное значеніе для исторіи русской церкви и государства, потому что въ нихъ помѣщено много историческихъ сказаній и повѣстей, напр. о Русской землѣ, о Москвѣ, сказанія о Русскихъ великихъ князьяхъ, о Чудотворныхъ иконахъ и т. п. ([1]).

Оглавленіе Милютинскихъ Четіихъ-Миней, съ краткимъ предисловіемъ іеромонаха Іосифа, помѣщено въ „Чтеніяхъ московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія", изд. въ Москвѣ въ 1868 г. При этомъ, въ оглавленіи, для библіографическихъ справокъ, выписаны начальныя строки изъ каждаго житія и сочиненія, съ означеніемъ мѣсяца, числа и листовъ, на которыхъ они читаются по рукописи. — Для болѣе же удобнаго руководства Милютинскими Четіи-Минеями, приложенъ алфавитный указатель именъ и предметовъ, заключающихся въ предлагаемомъ оглавленіи (стран. 99—266).

Кромѣ свѣдѣній о Милютинскихъ Минеяхъ въ той же книжкѣ „Чтеній московскаго общества" помѣщены еще слѣдующія ученыя статьи: I. „Сличеніе сказаній евангелистовъ о воскресеніи и явленіяхъ Іисуса Христа"; II. „Письмо къ нѣкоему старообрядцу поморскаго согласія о необходимости исповѣди предъ іереями въ церкви", священника Іоанна Виноградова; III. „Матеріализмъ и точная наука", Д. К—на; IV. „О крестныхъ ходахъ въ Москвѣ", Н. Розанова и VI. Задушевное письмо къ обществу новоизбраннаго члена" (Н. Сушкова). —Въ самомъ концѣ книжки приложены весьма интересные матеріалы для біографіи Филарета, митрополита московскаго. Изъ нихъ заслуживаютъ особен-

---

([1]) См. „Чтенія московскаго общества любителей духовнаго просвѣщенія" Москва. 1868 г. стр. 101.

наго вниманія: „тридцать писемъ митрополита Филарета къ разнымъ лицамъ" и „изъ записокъ архимандрита Фотія (Спасскаго, бывшаго настоятеля Юрьева монастыря) о митрополитѣ Филаретѣ". Вотъ краткій отрывокъ изъ письма архимандрита Фотія къ митрополиту Филарету:—1827 г., декабря 23 дня.— „*Первое* вліяніе ты на меня сдѣлалъ больнаго въ академіи, давъ мнѣ въ крайней бѣдности нѣчто на путь (1), *второе о постриженіи* (2), *третіе*—какъ нѣкогда я пришелъ къ тебѣ весь мокрый, ты меня въ спальнѣ посадилъ и, снявъ платье мое съ меня, обсушивалъ. Всѣ три благодѣянія на меня во всякое время имѣли вліяніе, и къ тебѣ въ тайнѣ согрѣвали сердце мое нерѣдко".

III.

Знаменемъ нашего времени служитъ *общее стремленіе къ взаимному объединенію.* Это стремленіе сказывается какъ въ области *науки*, такъ и въ области *жизни*. Въ числѣ модныхъ научныхъ направленій, направленіе, такъ называемое, *примирительное* (Vermittelungs-

(1) Фотій назывался въ мірѣ *Петромъ* Спасскимъ. Бывши студентомъ Спб. духовной академіи, онъ заболѣлъ. По совѣту врача, онъ долженъ былъ отправиться на родину для выздоровленія, но не имѣлъ для этого средствъ. Ректоромъ Спб. духовной академія тогда былъ Филаретъ (московскій). Онъ, узнавши о жалкомъ положеніи Петра Спасскаго, собралъ ему на дорогу отъ разныхъ лицъ 75 руб. и, кромѣ того, далъ *своихъ* 25 руб. — (См. прбб. къ „Чт. м. о. л. д. пр. 1868, стран. 106—107).

(2) Петръ Спасскій не окончилъ полнаго академическаго курса. Возвратившись съ родины послѣ болѣзни, онъ пожелалъ поступить въ монашество подъ именемъ Фотія. Филаретъ совершилъ надъ нимъ чинъ постриженія и подарилъ ему: „*клобукъ, рясу добрую и камилавку*" (Тамъ же, стр. 108—109).

und-Versöhnungs) занимаетъ нынѣ едва-ли не первое мѣсто. Равнымъ образомъ, и жизнь современнаго общества представляетъ въ себѣ достаточное количество крупныхъ фактовъ, говорящихъ въ пользу общаго стремленія къ взаимному объединенію разныхъ сословій и цѣлыхъ націй и даже—въ пользу стремленія къ религіозному, *вѣроисповѣдному* сближенію, примиренію и единенію. Въ послѣднемъ отношеніи, одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій представляетъ собою, прежде всего, стремленіе англо-американской церкви къ соединенію ея съ православною Греко-Русскою церковію. Подобное же стремленіе весьма замѣтно нынѣ и въ нашихъ русскихъ старообрядцахъ, между которыми обращеніе въ нѣдра православія сдѣлалось, въ послѣднее время, явленіемъ весьма нерѣдкимъ. Благодаря образованію, религіозная истина и *духъ православія* становятся все яснѣе и яснѣе для сознанія вѣрующихъ. Даже въ средѣ нашихъ раскольниковъ многіе начинаютъ понимать, что *сущность* христіанства состоитъ не въ обрядовой его сторонѣ, не въ томъ, *какъ* нужно изображать крестное знаменіе, или *сколько разъ* нужно произносить „аллилуіа" и т. п., а—въ той *божественной* силѣ, которая должна проникать собою всѣ свойства человѣческаго духа и освѣщать всѣ формы проявленія христіанской жизни.—Въ послѣднее время, начинаетъ по немногу высказываться также стремленіе нѣкоторыхъ восточныхъ христіанскихъ обществъ напр., *армянъ*, къ сближенію съ православною греческою церковію. Чѣмъ бы ни мотивировалось это сближеніе,—для насъ все равно: для насъ, въ этомъ случаѣ, важенъ только самый фактъ. А что онъ дѣйствительно есть, это подтверждаютъ, между, прочимъ слѣдующія слова константинопольскаго

корреспондента „Одесскаго Вѣстника“ (въ письмѣ отъ 23 апрѣля): „Здѣшніе греки *видимо сближаются* съ армянами, и армянскій патріархъ на прошлой недѣлѣ сдѣлалъ первый визитъ вселенскому патріарху, который не замедлилъ отвѣтить ему тѣмъ же, *и былъ принятъ въ армянской церкви съ хоругвями, въ полномъ облаченіи* священнодѣйствовавшихъ и со всѣми почестями, подобающими его высокому сану“.

При такомъ общемъ стремленіи къ взаимному единенію, и при высказанномъ нами взглядѣ на сущность христіанства, болѣе широкія и болѣе законныя права на взаимное сближеніе имѣютъ, конечно, прежде всего, тѣ начала, которыя, *по самому существу своему*, должны быть *нераздѣльны* одно отъ другаго, какъ два жизненные нерва одного и того же организма. Таковы, на нашъ взглядъ, въ христіанскомъ обществѣ — начала жизни религіозно-церковной и жизни гражданской. Между ними должны быть—строгое единство и гармонія. Духъ христіанства долженъ, такъ сказать, воплощаться въ цѣломъ строѣ гражданской жизни христіанскихъ обществъ. Религія составляетъ собою принадлежность не одной только мертвой вѣры, а есть достояніе цѣлаго человѣческаго существа, цѣлой его жизни или—вѣрнѣе—она сама есть жизнь,—жизнь *святая и благословенная*. Между тѣмъ, современные намъ публицисты не стѣсняются открыто провозглашать и даже какъ-бы *отстаивать* нѣкоторую *законность* разлада между практическими интересами христіанства и общественными интересами христіанскихъ государствъ. Такъ напримѣръ, эта тенденція слишкомъ замѣтно просвѣчиваетъ во всей передовой статьѣ газеты „Голосъ“ № 113, и *особенно рельефно* выражается въ слѣдующихъ словахъ: „Религіозные во-

просы, въ настоящее время, „утратили уже значительную часть прежней своей раздражительности... Нынѣшнія правительства, за весьма немногими исключеніями, *мало интересуются загробною жизнію своихъ подданныхъ*, и считаютъ себя совершенно довольными, если послѣдніе *добросовѣстно* исполняютъ всѣ обязанности вѣрноподданныхъ гражданъ". — Прочитавши эти слова, невольно приходишь къ тому заключенію, будто христіанская церковь и христіанское государство не имѣютъ между собою *ничего общаго*, и будто интересы первой идутъ въ совершенный разрѣзъ съ интересами послѣдняго и будто, наконецъ, можно быть *честнымъ* гражданиномъ *христіанскаго общества*, не будучи въ душѣ *истиннымъ сыномъ* Христовой *церкви*. — Хотя царство Христово *нѣсть отъ міра сего*, но ему суждено распространяться *въ мірѣ*, въ человѣческомъ обществѣ, при тѣхъ или другихъ условіяхъ жизни гражданской. Слѣд., между христіанскою церковію и гражданскимъ обществомъ должны необходимо существовать внутреннія и *органическія* соотношенія. Наилучшій видъ этихъ соотношеній,— скажемъ словами одного изъ нашихъ компетентныхъ духовныхъ писателей,— есть тотъ, когда они единствомъ вѣры и духа входятъ между собою въ благонамѣренный, общеполезный союзъ; когда государство принимаетъ подъ свою защиту и содѣйствіе права и законы церкви, безъ посягательства на ихъ цѣлость и независимость, своими средствами помогаетъ ея дѣйствительному благоустроенію и благоденствію; когда церковь, съ своей стороны, не теряя своей свободы и правъ, безъ грѣха и безъ ущерба для себя, можетъ сообразоваться въ своихъ дѣлахъ съ постановленіями государственными, *освящаетъ, чтитъ* и *охраняетъ* госу-

дарственную защищую власть, ограждает своим ученіем и правилами добрый гражданскій порядок и *содѣйствует* ему своею духовною помощію, *особенно вліяніем на совѣсть и нравственную жизнь народа;* когда, не входя в мірскія дѣла, ея (непосредственно) не касающіяся и ей не подлежащія, и не допуская государство далѣе заходить в ея собственныя дѣла, Церковь имѣет на столько силы и средств, чтобы и в государствѣ *утверждать* и *отстаивать чистыя, нравственныя христіанскія начала*, и *народ воспитывать нравственно, по духу истиннаго христіанства*" (1). В каждом *христіанском* обществѣ жизнь религіозная и жизнь гражданская должны имѣть *непремѣнно одни и тѣже нравственные мотивы*. Иначе гражданское общество, неодушевляемое *внутренними* и *чисто-нравственными* побужденіями, утратит всякую жизненность и, вмѣсто *живаго* и *цѣльнаго* нравственнаго организма, превратится в *мертвый механизм*, способный к самому быстрому разрушенію.—И только тот, кто *глубоко и всецѣло* проникнут духом христіанства, может, *вполнѣ* и *всегда добросовѣстно*, исполнять всѣ свои гражданскія обязанности и быть, в собственном смыслѣ слова, *честным* и *вѣрным* сыном своего отечества. Христіанская церковь и христіанское государство, при всей *кажущейся* их противоположности друг другу, преслѣдуют, *в существѣ дѣла*, одну и туже цѣль — *нравственное развитіе* и *усовершенствованіе* человѣческих обществ. Совѣсть, составляющая душу всего нравственнаго христіанскаго закона, должна оживлять собою и всѣ постановленія законов гражданских.

(1) См. Христ. Чт. 1865 г., май, стр. 511.

Законъ совѣсти такъ живучъ въ душѣ человѣка, что общеобязательность его могучей силы признаютъ даже такіе люди, для которыхъ, повидимому, нѣтъ ничего завѣтнаго и священнаго и которые жизнь человѣка желаютъ ограничивать узкими предѣлами одного здѣшняго чувственнаго міра, отвергая загробную будущность. Намъ живо припоминается слѣдующій разсказъ покойнаго нашего профессора В. Н. Карпова, однажды приведенный имъ на лекціи по психологіи,—какъ примѣръ самаго простаго доказательства безсмертія человѣческой души. „Однажды—разсказывалъ намъ В. Н. Карповъ—пришлось мнѣ говорить съ однимъ молодымъ докторомъ — *матеріалистомъ*, впрочемъ — человѣкомъ толковымъ. „А что“:—обращается онъ ко мнѣ съ вопросомъ,—„неужели вы съ полнымъ убѣжденіемъ доказываете студентамъ безсмертіе человѣческой души?„. Я отвѣчаю: „да“.—Докторъ продолжаетъ: „неужели вы думаете, что мы, въ самомъ дѣлѣ, будемъ жить послѣ смерти? Что же будетъ въ насъ жить, когда мы всѣ разрушимся въ прахъ? Наша смерть равна нашему уничтоженію“. — „Послушайте, милостивѣйшій государь,—говорю я доктору,—если вы не вѣрите въ загробную жизнь“, то за чѣмъ же вы служите, за чѣмъ трудитесь?—„За тѣмъ, чтобъ имѣть средства къ жизни и не умереть съ голода“.—Да вѣдь средства къ жизни можно пріобрѣсти и другими путями, которыя — несравненно легче, чѣмъ *честный трудъ*. Вотъ напр., я ночью иду, по набережной Невы, въ своей шубѣ: вы снимите съ меня мою шубу, продайте ее и, на вырученные вами деньги, легко можете прожить мѣсяца два; а потомъ можете снова повторить такую же операцію надъ кѣмъ-нибудь другимъ.“ — „Помилуйте,—какъ будто

оскорбившись возразилъ докторъ,—мнѣ не позволитъ сдѣлать этого простое чувство *благородства*, меня не допуститъ до этого *совѣсть*".—„А,—совѣсть!.. Замѣтилъ В. Н. Карповъ, *вотъ совѣсть-то*, милостивый государь *никогда* и не *умретъ въ насъ*; она-то и убѣждаетъ насъ въ бытіи жизни за гробомъ".

По свидѣтельству опыта, многіе изъ свѣтскаго общества относятся индифферентно къ религіознымъ вопросамъ потому только, что не имѣли случая ближе ознакомиться съ ними, и часто самое отрицаніе христіанскихъ истинъ обусловливается *почти исключительно незнаніемъ духа и сущности христіанства*. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для этого ознакомленія, кромѣ преподаванія закона Божія въ школѣ и кромѣ проповѣданія слова Божія въ церкви,—могутъ служить *публичныя богословскія лекціи*. *Въ Казани* четырьмя *баккалаврами духовной академіи*, въ мартѣ и апрѣлѣ нынѣшняго года, было прочитано, въ залѣ дворянскаго собранія, *пять публичныхъ лекцій*. 8 марта баккалавръ *Бердниковъ* читалъ „о церковныхъ братствахъ въ виду современныхъ потребностей православной церкви и общества"; 10 марта баккалавръ *Некрасовъ*: „о человѣческомъ сознаніи (противъ матеріализма)"; 17-го и 24 марта баккалавръ *Ивановскій* читалъ двѣ лекціи: „объ австрійскомъ старообрядческомъ священствѣ"; и, наконецъ, 7 апрѣля, баккалавръ *Маловъ*—„о новокрещенскихъ школахъ въ послѣдней половинѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій. Лекціи,—по словамъ корреспондента „Биржевыхъ Вѣдомостей",—посѣщались довольно охотно (1). На лекціяхъ г. Ивановскаго присутствовали

(1) На лекціяхъ присутствовало отъ 100 до 200 человѣкъ всѣхъ званій и состояній. Цѣна за входъ на лекціи была: первые три ряда

многіе тамошніе старообрядцы, не исключая и самихъ послѣдователей австрійскаго священства,—слушали ихъ съ большимъ вниманіемъ и назвали лекціи *правдивыми*, основанными на фактахъ. Слышно, впрочемъ, что нѣкоторые изъ послѣдователей австрійскаго священства хотятъ сдѣлать нѣсколько печатныхъ возраженій; но противъ чего собственно — неизвѣстно. Вообще, всѣ лекціи оставили въ публикѣ пріятное впечатлѣніе; нѣкоторые заявляли свое удовольствіе не только лично читавшимъ,—что можно было бы считать простою любезностію,—но и академическому начальству. Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующій отзывъ, сдѣланный однимъ изъ тамошнихъ дворянъ. Обращаясь къ читавшему, онъ сказалъ: „благодарю васъ за удовольствіе, мнѣ доставленное! Скажу, по этому случаю, одно: до сихъ поръ мы не знали васъ; вы познакомили насъ съ собою; будемъ же теперь знакомыми и узнаемъ лучше другъ друга". —Нельзя не привѣтствовать съ радостію это доброе начинаніе молодыхъ наставниковъ казанской академіи и не пожелать, чтобы и прочія наши академіи, не менѣе богатыя своими силами, *не скрывали своихъ свѣтильниковъ подъ спудомъ*...

Въ послѣднее время, наше духовенство становится все ближе и ближе къ остальному обществу, которое, въ свою очередь, относится къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. Какъ на одно изъ самыхъ очевидныхъ доказательствъ такого сочувствія, мы можемъ указать, между прочимъ, на диспутъ о. Горчакова (1), происходившій

креслахъ по 1 р., остальныя по 50 к., мѣста на хорахъ по 25 к., для студентовъ же академіи и воспитанниковъ семинаріи по 15 к.

(1) М. И. Горчаковъ, по окончаніи курса въ спб. духовной академіи со степенью старшаго кандидата, поступилъ псаломщикомъ въ русскую

21 апрѣля въ большой залѣ с.-петербургскаго университета. Священникъ М. И. Горчаковъ публично защищалъ диссертацію—„монастырскій приказъ“, на полученіе имъ степени магистра государственнаго права. Это явленіе—доселѣ еще не бывалое у насъ: въ лицѣ о. Горчакова, въ первый разъ появился на свѣтской каѳедрѣ священникъ для соисканія себѣ извѣстной ученой степени. Событіе этого оригинально до того, что оно, на первый взглядъ, кажется даже *нѣсколько страннымъ: магистръ богословскихъ наукъ* (а слѣд.—и каноническаго права) *ищетъ степени магистра государственнаго права* для того, чтобы ему въ свѣтскомъ учебномъ заведеніи занять каѳедру богословской науки—канойики. Оригинальность такого явленія привлекла на диспутъ о. Горчакова множество всякаго рода публики. Мѣста въ креслахъ, за креслами и на хорахъ заняты были почти всѣ. Что же касается самаго *хода* диспута, то онъ, повидимому, уже достаточно выясненъ свѣтскими газетами, которыя всѣ отнеслись къ диспутанту съ живымъ сочувствіемъ. Вотъ что, напримѣръ, пишется въ „Судебномъ Вѣстникѣ“: „Магистрантъ защищался *съ замѣчательнымъ искусствомъ* и диспутъ, *крайне*

посольскую церковь въ Штутгардтѣ. Проходивши эту скромную должность, онъ занимался составленіемъ новой диссертаціи на полученіе степени *магистра* богословія и, на досугѣ, посѣщалъ профессорскія лекціи въ нѣкоторыхъ заграничныхъ университетахъ, напр. Тюбингенскомъ. По возвращеніи изъ—заграницы, онъ за вновь представленное имъ сочиненіе получилъ отъ конференціи спб. духовной академіи степень магистра, затѣмъ поступилъ священникомъ и законоучителемъ въ маріинскій институтъ и вмѣстѣ-вольнослушателемъ спб. университета. По выдержаніи экзамена на степень кандидата юридическихъ наукъ, и, затѣмъ,—на степень магистра госуд. права, онъ представилъ въ факультетъ сочиненіе *„монастырскій приказъ“* на соисканіе себѣ ученой степени отъ факультета.

одушевленной, нѣсколько разъ прерывался рукоплесканіями. Публика видимо раздѣляла тѣ слова теплаго сочувствія, съ которыми юридическій факультетъ отнесся къ автору „монастырскаго приказа“ и привѣтствовалъ его *талантливый и добросовѣстный трудъ*“. Въ „Голосѣ“ пишутъ: „надо отдать справедливость, испытаніе (о. Горчакова) вышло *блестящее, какого давно не видалъ здѣшній университетъ*“. — „Биржевыя Вѣдомости“, въ своихъ похвалахъ диспутанту, доходятъ даже до увлеченій. *Блестящій* ходъ диспута (если только можно назвать его блестящимъ) — зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того теплаго сочувствія, съ какимъ относились къ о. Горчакову какъ оппоненты его, такъ и вся вообще публика. Это сочувствіе особенно рельефно высказывалось со стороны оффиціальнаго оппонента г. Андреевскаго, который, прежде чѣмъ сталъ возражать о. Горчакову, выразилъ ему множество самыхъ лестныхъ похвалъ, а вмѣстѣ и свое искренно-дружеское благожеланіе — скорѣе получить *степень доктора* государственнаго права. Уже одно это, конечно, могло придавать диспутанту много бодрости и присутствія духа. Изъ оффиціальныхъ оппонентовъ болѣе серьёзныя возраженія были дѣлаемы со стороны г. *Градовскаго*, который *не разъ* доводилъ диспутанта до великодушнаго признанія неизбѣжныхъ недостатковъ въ его сочиненіи. Въ заключеніе диспута, весьма важныя замѣчанія *неоффиціально* сдѣланы были проффессоромъ Спб. духовной академіи М. О. Кояловичемъ, — хотя они прямо и не относились къ труду о. Горчакова, понимаемому въ тѣхъ исключительныхъ объективныхъ предѣлахъ, которыми диспутантъ ограничилъ свою диссертацію. Диспутъ продолжался около 3 часовъ. По окончаніи его, деканъ факультета, г. Ива-

ковскій, объявилъ, что факультетъ признаетъ о. Горчакова *вполнѣ достойнымъ степени магистра государственнаго права*. Мы слышали отъ достовѣрныхъ людей, что факультетъ имѣетъ въ виду поручить о. Горчакову каѳедру каноническаго права въ университетѣ.

Предъ лѣтними каникулами, намъ удалось быть въ воскресной школѣ при с.-петербургской семинаріи во время самыхъ занятій. Признаемся, мы вышли оттуда съ свѣтлымъ впечатлѣніемъ. Въ ней останавливаетъ на себѣ вниманіе прежде всего самое распредѣленіе занятій. Всѣ приходящіе въ школу мальчики раздѣлены на *три* группы. Въ *первой* воспитанники средняго отдѣленія сами обучаютъ мальчиковъ *первоначальному чтенію и письму* по методѣ барона Корфа, посредствомъ подвижнаго алфавита. Во *второй* воспитанники высшаго отдѣленія учатъ дѣтей—*правильно говорить по русски* и *читать по славянски;* вмѣстѣ, знакомятъ ихъ съ первыми дѣйствіями *ариѳметики*. Въ *третьей* воспитанники *того же* отдѣленія изъясняютъ ученикамъ воскресныя и праздничныя евангелія, молитвы, церковныя пѣсни и т. п., передаютъ разсказы изъ священной исторіи и сообщаютъ географическія свѣдѣнія о Россіи и другихъ земляхъ. Въ школѣ висятъ на стѣнѣ двѣ выпуклыя ландкарты европы и палестины. Далѣе, заслуживаетъ вниманія *слѣдующій порядокъ*: Въ каждой группѣ, по распоряженію преподавателя педагогики, инспектора семинаріи, обязаны присутствовать, во время занятій, *не менѣе трехъ* воспитанниковъ. Изъ нихъ *одинъ занимается* съ мальчиками; *другой*, имѣющій заниматься въ слѣдующій разъ, *присматривается къ педагогическимъ пріемамъ* своего товарища; *третій обязанъ* внимательно *слѣдить за ходомъ и характеромъ преподаванія своего това-*

ряща съ тою цѣлію, чтобы, по окончаніи занятій и по выходѣ мальчиковъ изъ школы, *сдѣлать*, въ присутствіи господина инспектора семинаріи, а также *практическаго* руководителя въ занятіяхъ воскресной школы, священника Петрова, и прочихъ посѣтителей, *критическую оцѣнку* занятій своего товарища. Наконецъ, нельзя не упомянуть объ обращеніи воспитанниковъ семинаріи—преподавателей съ учениками воскресной школы и о педагогическомъ достоинствѣ самаго преподаванія. Въ обращеніи воспитанниковъ—преподавателей съ мальчиками замѣтна искренняя простота и добродушіе. Тутъ и тѣни нѣтъ той пустой школярной дисциплины, которая, нѣсколько лѣтъ назадъ, заѣдала наши училища. Дѣти весело и довѣрчиво смотрятъ на своихъ учителей, которые обращаются съ ними чисто—по дружески, не величаютъ ихъ, всякій разъ, по фамиліямъ, а зовутъ ихъ просто: „Коля", „Ваня" и т. п. И самое преподаваніе ведется, на нашъ взглядъ, довольно удовлетворительно. Правда, въ рѣчь преподавателей иногда вкрадываются нѣкоторыя отвлеченныя и школьныя выраженія, не совсѣмъ удобопонятныя для дѣтей (наприм., выраженія: предѣлъ, свойство языка и т. п.); но это—общій нашъ недостатокъ, совершенно освободиться отъ котораго очень трудно людямъ, постоянно имѣющимъ дѣло съ отвлеченною терминологіею. Большая же часть воспитанниковъ—преподавателей выражаетъ мальчикамъ свою мысль языкомъ общепонятнымъ и заявляетъ полное знаніе своего дѣла. По словамъ господина инспектора семинаріи, въ числѣ воспитанниковъ—преподавателей есть нѣсколько человѣкъ, которые *совершенно безукоризненно* ведутъ свое дѣло; но порученіе преподаванія въ воскресной школѣ исключительно однимъ имъ

было бы соединено съ значительнымъ ущербомъ для пріобрѣтенія педагогическаго такта прочими воспитанниками. Къ воскреснымъ занятіямъ воспитанники семинаріи приготовляются по особой программѣ, составленной преподавателемъ педагогики при семинаріи. Они, кромѣ того, снабжены необходимыми учебными руководствами и, въ свободное время, пользуются практическими совѣтами преподавателя педагогики. Занятія происходятъ *всякій разъ подъ непосредственнымъ* руководствомъ господина инспектора семинаріи — преподавателя педагогики и подъ руководствомъ практическаго руководителя, священника И. М. Петрова. Мальчики собираются въ школу два раза въ недѣлю: въ субботу отъ 2 до 4 часовъ по полудни и въ воскресенье—отъ 1 до 3 часовъ по полудни. Каждый разъ, занятія прерываются отдыхомъ въ четверть часа. Въ это время ученики выходятъ гулять, а преподаватели, какъ мы уже замѣчали выше, занимаются оцѣнкою педагогическихъ пріемовъ. По окончаніи всѣхъ занятій, ученики воскресной школы поютъ какую-нибудь духовную пѣснь и, получивши благословеніе отъ священника Петрова, расходятся по домамъ ([1]).

Намъ достовѣрно извѣстно, что съ сентября мѣсяца текущаго года *откроется еще воскресная школа* при знаменской церкви въ С.-петербургѣ. Благодаря *священнику* этой церкви, А. Т. *Никольскому* (члену семинарскаго правленія, выборному отъ духовенства), прини-

([1]) Всѣхъ учениковъ въ воскр. школѣ при спб. духовной семинаріи считается около 30 человѣкъ; но при насъ было только 15, между которыми—одинъ взрослый, семинарскій буфетчикъ. Мы были въ школѣ въ субботу; по воскреснымъ же днямъ по словамъ г. инспектора семинаріи школу посѣщаетъ гораздо большее число учениковъ.

мавшему самое дѣятельное участіе въ открытіи означенной воскресной школы, съ приходящими въ нее учениками будутъ заниматься воспитанники с.-петербургской духовной семинаріи, и, за свои труды, будутъ получать отъ знаменской церкви по 1 рублю сер. за каждый урокъ. Отъ души желательно, чтобы этотъ прекрасный примѣръ нашелъ себѣ подражаніе въ другихъ.

П. Н—въ.

МЫСЛИ У ПОДНОЖІЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ.

Воспоминаніе объ ожесточеніи враговъ Іисуса Христа, требовавшихъ, чтобы кровь Его пала на нихъ и на чадъ ихъ, тяжелымъ камнемъ ложится на нашу душу. Удары молота, медленно вбивающаго гвозди въ руцѣ и нозѣ Христовы, раздаются и теперь, чрезъ цѣлые вѣка, въ самой глубинѣ нашего сердца... И если само солнце, при видѣ злодѣянія, покрылось тьмою,— то можетъ ли, и въ душѣ христіанина, не подняться облако скорби и негодованія? За что же ты, народъ іудейскій, такъ возсталъ на своего благодѣтеля, на утѣшителя и друга всѣхъ несчастныхъ, на искупителя всего человѣчества? Не ты ли еще, такъ недавно, провозгласилъ Христа Мессіею, обѣтованнымъ пророками, и, бросая, на пути Его шествія, вѣтви и одежды, восклицалъ въ дѣтскомъ своемъ восторгѣ: *осанна сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне!*—а теперь, въ порывахъ своего изступленнаго гнѣва, потрясаешь воздухъ — страшными словами: *возьми, распни, распни Его!..*

Мы худо понимали бы преступленіе іудеевъ, еслибъ

полагали, что оно заключалось во внезапной вспышкѣ минутнаго гнѣва. Погибель Господа Іисуса была заранѣе приготовлена и обдумана врагами Его. Преступленіе это было слѣдствіемъ продолжительнаго и постояннаго противоборства, какое оказывали іудеи Существу праведному и святому. Зависть нападаетъ на все великое—на знатное происхожденіе, на богатство, на счастіе, на талантъ, на славу: сколько же она должна была ожесточаться противу нравственнаго величія Іисуса! Онъ владѣлъ всею полнотою жизни духовной. Святость Его словъ и дѣйствій была какбы постояннымъ и громкимъ обличеніемъ порочныхъ страстей, завладѣвшихъ сердцемъ человѣка и увлекавшихъ его ко грѣхамъ и беззаконіямъ. Чистый Его голосъ постоянно нарушалъ покой уснувшей совѣсти человѣческой: Его смиреніемъ обличалась гордость, кротостью—злоба, чистотою—развращеніе, покорностію— строптивость, Его любовь обличала самолюбіе. Каждый, въ частности, чувствовалъ себя затронутымъ, оскорбленнымъ въ своемъ самолюбіи, обличеннымъ въ своей неправдѣ, осужденнымъ въ своихъ беззаконіяхъ: отсюда возникла непримиримая ненависть къ Господу Іисусу и обнаружилась во всей своей силѣ, когда настала рѣшительная минута въ Его жизни и когда побѣда надъ Нимъ казалась возможною.

Христосъ проповѣдуетъ въ синагогѣ іудейской. Онъ доказываетъ примѣрами изъ исторіи пророковъ Иліи и Елисея, что Богъ, цѣнящій расположенія сердецъ, избралъ, предпочтительно предъ вдовами и прокаженными израиля, бѣдную вдовицу сарептскую и Неемана сиріянина,—и ярость тотчасъ же овладѣваетъ чадами Авраама по плоти: они поднимаютъ свои святотатствен-

няли руки на ненавистнаго для нихъ учителя и хотятъ низвергнуть Его съ вершины горы.

Іисусъ исцѣляетъ больнаго въ день субботній, — и фарисеи,—слѣпые ревнители буквы, не могутъ обуздать своего гнѣва.

Христосъ обращается съ бѣдными, съ мытарями и грѣшниками,—и гордые фарисеи вмѣняютъ Ему и это въ преступленіе.

Такимъ образомъ, зависть преслѣдовала Господа на каждомъ шагу и контрастъ, какой представляла Его жизнь съ жизнію грѣшниковъ, приготовилъ Его погибель; но погибель эта была совершена, закончена чрезъ то, что даетъ зависти всю ея силу, всю ея злобу—это страхъ имѣть во Христѣ опаснаго для себя соперника.

Смерть Христова была преступленіемъ народнымъ, весь израиль отвѣтственъ въ ней,—но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ его чадъ, болѣе другихъ, обагрили себя кровію невиннаго страдальца: это тѣ, которые отличались своею завистію къ Господу преимущественно предъ всѣми другими. Это были, какъ извѣстно, старѣйшины народа, учители закона, священники, архіереи. Іисусъ обличалъ ихъ въ лицемѣріи, въ мнимой святости, въ лукавствѣ, въ злоупотребленіи любовію къ нимъ народа. Видя, что Спаситель постоянно пріобрѣтаетъ могущественное вліяніе на народъ чрезъ силу своего слова, чрезъ величіе своихъ благодѣяній, чрезъ поразительность своихъ чудесъ,—они нашли въ Немъ самаго опаснаго для себя соперника, который, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе, уменьшаетъ ихъ могущество въ народѣ и угрожаетъ имъ, въ будущемъ, заслуженнымъ презрѣніемъ. По мѣрѣ ихъ страха возрастала и ненависть. Отсюда—чрезвычайное чудо вос-

крещенія Лазаря имѣло рѣшительное вліяніе на конецъ земной жизни Господа. Чудо это произвело глубокое впечатлѣніе на народъ,—оно дало мѣсто торжественному входу Господа во Іерусалимъ;—но оно же послужило, для многочисленныхъ и сильныхъ враговъ Спасителя, поводомъ къ тому, чтобы приготовить тайнѣ всѣ необходимыя данныя для судебнаго обвиненія Іисуса и, такимъ образомъ, придать Его смерти нѣкоторый видъ законности. Въ слѣпомъ своемъ безуміи, они хотѣли было умертвить Лазаря, котораго Христосъ воскресилъ изъ мертвыхъ,—но съумѣли во-время удержать свою ярость, чтобы сберечь ее для болѣе страшнаго преступленія. Въ умѣ ихъ была уже рѣшена постыдная казнь креста и воображеніе ихъ заранѣе рисовало уже предъ ними картину страданій и безславія опаснаго соперника, котораго святость невольно заставляла ихъ краснѣть за себя. Іисусъ внушилъ имъ ненависть за высочайшую нравственную истину которой Онъ былъ вѣрнымъ представителемъ,—и вотъ они направили свои удары на Существо Праведное и Святое. Ахъ! и это было причиною осужденія и обвиненія,—*что свѣтъ пришелъ въ міръ и что люди возлюбили тьму болѣе свѣта, потому что дѣла ихъ были темны* (Іоан. III, 19).

Такъ,—Христосъ долженъ былъ пострадать: Онъ принесъ на землю истину, — но она поражала іудейское вольнодумсліе саддукеевъ, суевѣріе и лицемѣріе фарисеевъ, уничижительную покорность чужому деспотизму приверженцевъ Ирода,—безпокойный и мятежный духъ зилотовъ. Она обличала роскошь, нечистоту, порокъ, развращеніе,—и всѣ эти, слѣпыя и враждебныя, страсти заставляли поклонниковъ своихъ искать смерти Христа.

Враги свѣта и святости, вы забываете теперь ваши давнишніе религіозные и гражданскіе раздоры и несогласія. Всегда будучи врагами другъ другу, вы соединяетесь теперь противу общаго врага.—Соединяетесь, съ своими врагами, противу Іисуса, вы фарисеи—лицемѣрные исполнители буквы и обряда, ревностные защитники преданій человѣческихъ, мнимые сыны пророковъ, предвосхитившіе себѣ исключительное право на проповѣданіе ученія Моvсеева.—Соединяетесь—вы, невѣрующіе саддукеи, которые не только протестуете противъ заблужденій фарисейскихъ, но отвергаете все то, что утѣшаетъ и ободряетъ: вѣрованіе въ міръ невидимый, въ предсказанія пророковъ, во спасеніе и въ жизнь вѣчную. — Соединяетесь—вы, приверженцы народной независимости, которые, производя возмущенія въ народѣ, дѣлаете еще болѣе тяжкимъ то иго, которое обременяетъ его, и нисколько не сочувствуя его страданіямъ, думаете только о вашихъ честолюбивыхъ желаніяхъ и о вашемъ собственномъ господствѣ.—Соединяетесь—съ своими врагами, противу Іисуса, и вы, низкіе рабы римскаго владычества, которые, съ позоромъ, принимаете участіе въ его расхищеніяхъ. Всѣ вы забываете на время вашу закоренѣлую между собою вражду, тѣсно смыкаете свои ряды противу мнимаго общаго врага и простираете, во мракѣ, одинъ другому дружественную руку. Враждебныя между собою страсти соединились и возстали противъ добродѣтели. Вы боитесь народа—и покупаете предателя. Вамъ нестерпимъ свѣтъ дня,—и вы, подъ покровомъ ночи, посылаете на Іисуса воиновъ. Вы боитесь убить своего врага и, для смертнаго надъ нимъ приговора, созываете верховное судилище. Христосъ не сдѣлалъ ниче-

го, что заслуживало бы смерти,—и вотъ вы пріискиваете ложныхъ противу Него свидѣтелей. Вы не можете сказать:—мы осуждаемъ Его за то, что Его святость колетъ намъ глаза, что Онъ отверзаетъ очи слѣпымъ и воскрешаетъ мертвыхъ, что народъ цѣлыми толпами стекается къ Нему—и оставляетъ васъ. Но вы скажете: Онъ хочетъ разрушить храмъ, обольстить народъ, провозгласить себя царемъ; вы надѣнете на себя маску строгихъ блюстителей закона гражданскаго и примете на себя личину мстителей оскорбленнаго божественнаго величія; вы скажете, что Іисусъ—богохульникъ. Собирайте же вашъ Синедріонъ:—онъ, безъ сомнѣнія, увеличитъ собою ваши ряды и открыто пристанетъ къ вашей сторонѣ: зависть одинаково гложетъ сердца и старѣйшинъ народа и первосвященниковъ; она одинакова и у Иродіанца и у Зилота. Завтра всѣ эти члены Синедріона, по прежнему, будутъ ненавидѣть другъ друга, но сегодня, чтобы погубить Іисуса, они во всемъ согласны и готовы вторить одинъ другому, а потому, когда Каіаѳа, достойный предсѣдательствовать между ними, по превосходству своей ненависти, скажетъ: *Онъ богохульствуетъ; на что еще намъ свидѣтелей? Какъ вамъ кажется?* Всѣ отвѣтятъ единодушно: *Онъ повиненъ смерти* (Матѳ. XXVI, 65. 66).

Не испытывали ли вы, читатель, когда-нибудь, жестокихъ мученій, какія производитъ зависть въ сердцѣ,—не чувствовали ли когда гибельнаго ея вліянія на васъ, или противъ васъ? Она предательски вкрадывается въ душу и сначала бываетъ не другимъ чѣмъ, какъ недостаткомъ смиренія, оскорбленіемъ гордости, движеніемъ, взглядомъ, пристрастнымъ, преувеличеннымъ сужденіемъ о самомъ себѣ, несправедливымъ мнѣніемъ о другомъ,—

потомъ она изгоняетъ изъ сердца правду и любовь, порождаетъ въ немъ гнѣвъ и мстительность и, наконецъ, дѣлается жестокою страстію и, подобно пятну проказы, постоянно и болѣе и болѣе увеличиваясь, производитъ, со дня на день, неисцѣлимыя поврежденія. Она разрушаетъ всѣ нравственныя силы, уничтожаетъ всѣ благородныя стремленія и движенія души и ведетъ человѣка по скользкой покатости въ бездонную пропасть, гдѣ царствуютъ преступленіе, угрызеніе совѣсти и вѣчное осужденіе! Бодрствуйте надъ этимъ естественнымъ и скрытымъ врагомъ. Она погубила родъ человѣческій. Демонъ искуситель былъ завистникомъ невинности и мира нашихъ прародителей,—они были, въ свою очередь, завистниками божественнаго вѣдѣнія и открыли свой слухъ для преступныхъ внушеній. Зависть есть страсть низкая и постыдная. Она отравляетъ всѣ сладости жизни, поселяетъ несогласія и поджигаетъ огонь ненависти; она вооружаетъ бѣднаго противъ богатаго, слабаго противъ сильнаго, человѣка посредственнаго противъ человѣка талантливаго;—она часто водворяется подъ родною даже кровлею, чтобы изгнать оттуда миръ и счастіе;—она дѣлаетъ братьевъ врагами, она рождаетъ новыхъ Каиновъ. Изгоняйте, изгоняйте это преступное чувство изъ вашего сердца,—не допустите ему побѣдить васъ прежде, чѣмъ сами вы успѣете побѣдить его. Оно еще не сдѣлало васъ слѣпыми, пристрастными, преступными—положимъ это правда; будьте однакожъ осторожны: плевелы, которые сѣетъ лукавый, растутъ быстро. Чтобы воспрепятствовать ихъ росту—надобно вырвать ихъ съ самымъ корнемъ, уничтожить въ самомъ зародышѣ. Христіанинъ, у подножія креста твоего Господа, не думай оправдать

себя, плачь о своемъ грѣхѣ, исторгни завистъ изъ своего сердца: она распяла Іисуса Христа!

Зависть имѣла нужду въ предательствѣ,—и вотъ оно является на подмогу ей. Ученикъ—предатель идетъ предъ Синедріонъ, идетъ ученикъ, наперсникъ Христовъ, который добровольно послѣдовалъ за Спасителемъ,—который сидѣлъ за однимъ съ Нимъ столомъ,—раздѣлялъ съ Нимъ хлѣбъ и вкушалъ изъ одной чаши. Онъ идетъ, чтобы навсегда внушить намъ отвращеніе къ корыстолюбію. Не трудно убѣдиться въ томъ, что, дѣйствительно, эта, а не другая, страсть была причиною возмутительнаго и гнуснаго его преступленія: послушайте, читатели, какое онъ дѣлаетъ предложеніе тѣмъ, которые, въ своей неукротимой злобѣ, злоумышляли на жизнь Іисуса Христа. *Что*, говоритъ онъ имъ, *вы дадите мнѣ; я вамъ предамъ Его* (Матѳ. XXVI, 15). Корыстолюбецъ, сколько жадный, столько же и слѣпый, ты чистосердечно полагаешься на честность подобныхъ покупателей, ты оставляешь на ихъ трудъ и волю оцѣнить всю громадность твоего преступленія, оцѣнить Іисуса Христа. Ты открываешь для полученія денегъ ту самую руку, которая столь часто пожимала руку Учителя; ты получаешь за жизнь Жизнодавца тридцать сребренниковъ, эту ничтожную цѣну, которую, обыкновенно, платили за раба, и такимъ образомъ дѣлаешь свое имя Іуды, которое на благочестивомъ языкѣ твоихъ предковъ означаетъ *„хваленіе Вѣчнаго“*,—синонимомъ позора человѣчества. Иди же, вѣроломный апостолъ, коварный другъ, ты, который вздумалъ извлечь торговую для себя выгоду изъ продажи крови твоего друга:—иди ты, который навсегда сдѣлался ненавистнымъ типомъ предательства и корыстолюбія,—по-

ставь себя во главѣ этихъ людей, вооруженныхъ мечами и кольями, чтобы схватить Освободителя, обѣтованнаго пророками, — иди. Движимый трогательнымъ Своимъ смиреніемъ, Онъ, еще такъ недавно, мылъ твои ноги, — а теперь, какъ сдѣлались онѣ легки, чтобы спѣшить на пролитіе Его крови; — иди, — ты знаешь, гдѣ Онъ находится, — ты знаешь, что Онъ теперь проводитъ время съ своими учениками въ уединенномъ саду Геѳсиманскомъ, тамъ, гдѣ Онъ столь часто молится за тебя, — ты съумѣешь отличить Господа среди учениковъ и незамѣтно указать на Него воинамъ, стараясь отдалить отъ себя подозрѣніе въ предательствѣ, — ты дашь Ему лобзаніе мира, лобзаніе, которое должно весть Его на постыдную казнь и которое ты сдѣлаешь навсегда ненавистнымъ символомъ предательства.

Найдемъ ли мы слова, достаточныя для того, чтобы изобразить, во всей ужаснѣйшей чернотѣ, не Іуду, который уже получилъ свое мѣсто, но ту гибельную страсть, которая подвигнула этого несчастнаго на преступленіе, — но корыстолюбіе, которое, увы! еще живетъ на землѣ и утвердило прочное обиталище для себя въ самой глубинѣ нашего бѣднаго сердца? Не объ этой ли самой страсти говоритъ св. апостолъ Павелъ, что *она есть корень всѣхъ золъ* (1 Тимоѳ. VI, 11), что она есть *идолослуженіе*, поклонники котораго *не наслѣдуютъ Царствія небеснаго*? — Между тѣмъ, какъ искусно умѣемъ мы скрывать присутствіе этой гибельной страсти въ насъ, — и, къ обману собственныхъ нашихъ чувствъ, нерѣдко прикрываемъ ее различными благовидными одеждами! Тѣ, которыхъ она дѣлаетъ скупыми, называютъ себя экономными; — тѣ, которыхъ она дѣлаетъ жадными къ пріобрѣтенію, безсердечными къ своимъ

должниковъ, нечестными въ торговыхъ своихъ оборотахъ, считаютъ себя благоразумными и ловкими; — тѣ, которыми овладѣваетъ любовь къ деньгамъ и которые расточаютъ ихъ на удовлетвореніе своихъ страстей и на изыскиваніе, съ самыми великими издержками, гнусныхъ наслажденій, величаютъ себя щедрыми. Но — въ очахъ Того, Кто судитъ по расположенію сердца, что нужды въ томъ, въ чемъ находитъ человѣкъ свое наслажденіе — въ созерцаніи ли своего золота или въ пріумноженіи его всѣми путями, въ сбереженіи ли, или расточеніи своихъ богатствъ: не есть ли во всемъ этомъ для него — одинаково *похоть очесъ?* Свѣтская женщина обильною рукою бросаетъ свои деньги; ею овладѣваетъ тщеславіе, ее увлекаетъ желаніе блистать въ обществѣ, — на покупку своего наряда, для одного только ночнаго празднества, она не задумается издержать все терпѣливо ею сбереженное въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, — а между тѣмъ, несчастному бѣдняку, взывающему къ ея состраданію, она отвѣчаетъ, или отказомъ, или много — что нѣсколькими копѣйками. Расточительная для себя, она торгуется съ несчастіемъ, — не есть ли она одинаково раба мамоны, не покланяется ли она тому же золотому тельцу, которому покланялся корыстолюбивый Іуда?

Будемъ недовѣрчивы къ той снисходительности, съ какою мы судимъ о себѣ самихъ и стараемся поблажать своимъ злымъ наклонностямъ и чувствамъ. Мы находимъ докучливыми для себя тѣ призывы, которые нужда другихъ заставляетъ дѣлать къ нашему благосостоянію, — мы бываемъ часто заглушены и поглощены преслѣдованіемъ богатствъ. Щедры въ издержкахъ для себя самихъ, мы скупы на милостыню для другихъ.

Небо далеко стоитъ у насъ не на первомъ мѣстѣ и священная часть бѣднаго приносится нами въ жертву нашей наклонности къ роскоши или безпокойству за будущее. Будемъ осторожны. Грѣхъ при самыхъ дверяхъ нашего сердца. Врагъ осаждаетъ насъ. Корыстолюбіе погубило апостола: оно сдѣлало ученика смертоубійцею, предателемъ.—И среди насъ оно нерѣдко возстановляетъ брата на брата, чадъ на родителей. Въ жертву этой страсти часто приносятся у насъ священныя узы пріязни, дружбы, родства;—но что мы говоримъ? Ради этой страсти дѣти часто желаютъ и ждутъ съ радостію смерти родителей, въ надеждѣ получить наслѣдство. Іуды никогда не переводятся на землѣ. *Виждь убо таковая имѣяй рачителю!* Христіанинъ, у подножія креста твоего Господа, не думай оправдывать себя, плачь о своемъ грѣхѣ, исторгни корыстолюбіе изъ своего сердца: оно распяло Іисуса Христа!

Чтобы осудить Іисуса Христа, враги Его имѣли нужду не только въ предателѣ, но также и въ ложныхъ свидѣтеляхъ. Ложь и клевета успѣшно разыгрывали свою роль въ этой кровавой драмѣ. Прибѣгнуть къ предательству для взятія Господа — было уже низостію со стороны Синедріона,—но призвать ложныхъ свидѣтелей было вопіющимъ преступленіемъ. Жизнь Іисуса Христа была столь же чиста и свята, какъ Самъ Господь, — а между тѣмъ, клевета приподнимаетъ свою гнусную голову и идетъ предъ лицо Каіафы и Пилата, чтобы бросить въ Христа свои вѣроломныя и смертоносныя стрѣлы. Онъ имѣлъ глаголы живота вѣчнаго, а Его обвиняютъ въ богохульствѣ;—Онъ всенародно говорилъ: *воздадите кесарева кесареви*, а Его осуждаютъ въ возмущеніи народа;—Онъ объявлялъ о Себѣ, что Онъ при-

шел не для того, чтобы послужили Ему, но послужить для всѣхъ и положить душу свою за избавленіе многихъ, а на Него показываютъ, что Онъ стремился къ верховной власти, къ престолу. Ложь, очевидно, противорѣчила сама себѣ,—клеветы падали сами собою; но, что нужды? — Это коварное оружіе дѣйствуетъ всегда успѣшно. Ибо, какимъ образомъ защитить себя отъ ударовъ нравственнаго убійства, которое напитываетъ ядомъ свое оружіе и притомъ поражаетъ сзади?...

Языкъ есть цѣлый міръ несправедливостей и лжи. Онъ исполненъ смертоноснаго яда. Вы, читатели, сейчасъ видѣли тому доказательство: онъ рѣшилъ смерть Іисуса Христа! Нужно ли и можно ли еще что нибудь прибавлять къ большей силѣ подобнаго примѣра? Не раскрываетъ ли онъ всю гнусность клеветы и ея гибельное дѣйствіе? Ахъ! если она когда либо уже прикасалась къ вамъ, опущала вашъ покой и счастіе, чернила вашу честь, разрушала ваши надежды, ваше будущее,—вы, конечно, не имѣете нужды, чтобы распространяться долѣе о сильномъ ея могуществѣ. Самъ Господь наложилъ на *князя тьмы* имя *клеветника* и назвалъ его *отцемъ лжи*. Нѣтъ сомнѣнія, что вы чувствуете полное презрѣніе къ клеветѣ, но не дѣлались ли вы сами когда виновными въ ней? Не распускали ли вы когда лживыхъ слуховъ, лишавшихъ ближняго чести? Не были ли вы когда соучастниками клеветниковъ чрезъ ваше молчаніе, поддакиваніе, злословіе,—но что говоримъ мы? чрезъ ваши, можетъ быть, дѣйствія, подобныя дѣйствіямъ тѣхъ двухъ клеветниковъ, призванныхъ Синедріономъ, которые съумѣли сослаться на слова, хотя, дѣйствительно, произнесенныя Іисусомъ Христомъ, но, злонамѣренно, извратили ихъ значеніе

и смыслъ. Что, наконецъ, значатъ всѣ наши сплетни, суды, пересуды, насмѣшки, остроты надъ ближними, безъ чего не можетъ, къ несчастію, обойтись ни одно изъ нашихъ собраній для провожденія времени, какъ не ту же клевету, хотя часто не злонамѣренную, но, тѣмъ не менѣе, иногда очень оскорбительную для чести ближняго, особенно, отсутствующаго? Единъ Богъ, читатели, вѣренъ, и непреложенъ, — а человѣкъ, всякій человѣкъ, есть ложь и лжецъ. Христіанинъ, у подножія креста твоего Господа, не покушайся себя оправдывать, плачь о своемъ грѣхѣ, исторгни ложь и клевету изъ твоего сердца: онѣ распяли Іисуса Христа!

Христіане, искупленные кровію Іисуса, вы знаете, для чего изволилъ пострадать и умереть единородный Сынъ Божій? — Это за насъ Онъ далъ Свою жизнь и претерпѣлъ жестокія страданія. Начальникъ жизни сдѣлался узникомъ смерти для того, чтобы принести намъ спасеніе и жизнь вѣчную. Ужели мы не благословимъ Іисуса Христа? Ужели мы останемся холодными къ Его любви? Но кому мы хотимъ тогда уподобиться? Безжалостнымъ ли распинателямъ Его? — Но они не знали всей громадности своего преступленія, они не знали того, что дѣлали! — Могиламъ ли всегда холоднымъ и безчувственнымъ? — Но при смерти Господа и онѣ отверзлись, чтобы выпустить свою добычу! Ахъ! если и мрачныя убѣжища смерти были озарены въ этотъ день лучами Солнца, — позволимъ и мы проникнуть въ наше сердце безпредѣльной, неизмѣримой любви, явленной во Христѣ. Скажемъ и мы, взирая *на мужа болѣзни, язвеннаго за грѣхи наши и мученнаго за беззаконія наши:* это Онъ даетъ намъ Себя, это за насъ пролита пречистая Его кровь. Іисусъ Христосъ есть нашъ Спаситель!

Пусть же исчезнутъ между нами—зависть, корыстолюбіе, предательство и лобзанія Іудины, ложь и клевета! Если мы ученики Іисуса Христа—то должны любить другъ друга тою же любовію, какою Онъ возлюбилъ насъ: *о семъ разумѣютъ вси*, сказалъ Онъ, *яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*. Вотъ Его предсмертное къ намъ завѣщаніе! Взирайте же на распятаго на крестѣ—и учитесь любить другъ друга. Христосъ оставилъ на землѣ наслѣдниковъ своихъ болѣзней и страданій. Всѣ бѣдные и несчастные *навсегда* остаются въ св. церкви представителями Его лица. Вотъ гдѣ широкое поприще дѣятельности для христолюбивой души христіанской! Но *всегда ли* они внушаютъ намъ трогательную симпатію и великодушное состраданіе? Плачемъ ли мы съ плачущими и раздѣляемъ ли хлѣбъ свой съ нуждающимися? Этотъ день, въ который мы покланяемся предъ честнымъ и животворящимъ Крестомъ Господнимъ, освящаемъ ли мы дѣлами милости и человѣколюбія, или, по крайней мѣрѣ, отличаемъ ли его отъ другихъ дней хотя какимъ либо добрымъ дѣломъ?

Священникъ Іоаннъ Флеровъ.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ЛИТУРГІИ НАШЕЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Несомнѣнно, что самое лучшее истолкованіе богослуженія, по крайней мѣрѣ для образованнаго общества, если не для всѣхъ, есть историческое. Всѣ другіе пріемы толкованія, какъ ни много говорятъ они религіозному чувству, не способны удовлетворить многихъ. Основа всѣхъ другихъ толкованій (кромѣ историческаго) есть, болѣе или менѣе, субъективное чувство и воззрѣніе; оттого является разность въ изъясненіи одного и того же: въ одномъ и томъ же одинъ видитъ одно, другой-другое. Такіе пріемы толкованія, вытекающіе, главнымъ образомъ, изъ религіознаго чувства, могутъ удовлетворить людей только истинно благочестивыхъ, глубоко религіозныхъ, простыя вѣрующія сердца. Для людей же съ не достаточно развитымъ религіознымъ чувствомъ они могутъ казаться произвольными и потому неудовлетворительными, натянутыми. Въ нашъ вѣкъ успѣховъ умственнаго развитія и въ тоже время оскудѣнія искренняго, сердечнаго благочестія, настоитъ особенная необ-

ходимость, въ объясненіи богослуженія образованному обществу, обратиться къ другому способу,—историческому. Только чрезъ такого рода толкованіе мы можемъ заставить наше, такъ называемое образованное, общество, весьма мало понимающее наше богослуженіе, отнестись къ нему разумно, съ сознательнымъ, а потому болѣе прочнымъ уваженіемъ, если не съ глубокимъ разумнымъ благоговѣніемъ. Тогда можетъ быть будетъ менѣе случаевъ глумленія надъ нашимъ древнимъ богослуженіемъ вслѣдствіе не пониманія историческихъ его основъ. Тогда будутъ видѣть въ немъ памятникъ глубокой христіанской (во многихъ его частяхъ) древности, переносящій насъ въ первые вѣка христіанства, сближающій насъ съ первенствующими христіанами.—Между тѣмъ, почти во всѣхъ сочиненіяхъ, касающихся богослуженія, у насъ доселѣ еще очень слабъ историческій элементъ. Тоже нужно сказать и въ отношеніи къ важнѣйшей части богослуженія,—литургіи. Наша литература доселѣ еще не имѣетъ почти ни одного опыта чисто историческаго изслѣдованія литургіи нашей православной церкви ([1]), не говоря уже о литургіяхъ другихъ христіанскихъ обществъ, западныхъ. Мы беремъ на себя смѣлость представить первый опытъ историческаго очерка православно-восточной литургіи.

Прослѣдить исторію хотя бы литургій одной нашей православной восточной церкви—дѣло далеко не легкое: Тутъ приходится, съ одной стороны, воспользоваться громадными вѣковыми трудами католическаго и протестантскаго запада, отрѣшившись отъ разныхъ его пристрастій и односторонностей, съ другой—весьма многое

([1]) Исключая очень хорошаго сочиненія, изданнаго при М. Д. А: „о литургіи преждеосвященныхъ даровъ“. Москва, 1850.

остается восполнить самостоятельнымъ трудомъ. Западными учеными обстоятельно изслѣдованы восточныя литургіи періода — до V в.; для исторіи же литургіи остальныхъ вѣковъ собраны только болѣе или менѣе сырые матеріалы, да и то съ значительными пробѣлами.

Съ XVI в., со времени реформаціи, католическій западъ, съ необыкновеннымъ усердіемъ, трудится надъ собираніемъ и печатаніемъ древнихъ списковъ литургіи всѣхъ христіанскихъ церквей, не только западныхъ, но и восточныхъ, не только православныхъ, но и обществъ не православныхъ, разсѣянныхъ по востоку,—съ цѣлію обличить протестантовъ въ разрывѣ съ церковно-богослужебною древностью. А протестантскій міръ сперва старается внести свою критику въ матеріалы, собираемые католическими учеными, а потомъ, и самъ въ новѣйшее время, начинаетъ заниматься собираніемъ и критическою разработкою древнихъ литургій. Въ трудахъ тѣхъ и другихъ не мало недостатковъ; тѣмъ не менѣе мы не можемъ отказать имъ въ уваженіи и пользѣ, принесенной ими дѣлу историческаго изученія литургіи. Громадны и почтенны труды католическихъ ученыхъ, хотя, въ большинствѣ ихъ, вовсе почти нѣтъ критики. Весьма замѣчательны и далеко не безполезны, по части критическаго изслѣдованія древнихъ списковъ различныхъ древнихъ литургій, труды протестантскихъ ученыхъ, хотя они и страдаютъ многими предзанятыми тенденціями. Изложимъ въ короткѣ труды тѣхъ и другихъ.

Труды католическихъ ученыхъ начались изданіемъ древнихъ *римскихъ* сакраментаріевъ, а потомъ начали появляться изданія и *другихъ* древнихъ *западныхъ* ли-

тургій и многочисленныхъ *литургій восточныхъ*. Путь открылъ *Памелій*, каноникъ въ Брюгге (+1587) своимъ изданіемъ литургіи св. отцевъ латинскихъ ([1]); за нимъ августинецъ А. Рокка издалъ свою сокровищницу древностей литургическихъ ([2]); Гуго Менардъ—сакраментарій Григорія великаго ([3]). Скоро обратили вниманіе и на восточныя литургіи; въ XVII в. Гоаръ уже издаетъ свой евхологіонъ греческой церкви съ различными списками греческихъ литургій ([4]) и почти одновременно съ нимъ Габертъ издаетъ архіерейскій служебникъ греческой церкви ([5]). Съ этихъ поръ идутъ, рука объ руку, изданія какъ западныхъ, такъ и восточныхъ литургій, предпринимаются обширныя изданія тѣхъ и другихъ. Съ одной стороны изслѣдуютъ и издаютъ: Мабилльонъ—литургію галликанскую и литургическія древности Италіи ([6]), Томазій—древніе римскіе сакраментаріи, ([7]), Пиній—свои трактаты о древнихъ литургіяхъ испанской, готской, исидоріанской, мозарабской, толедской ([8]), Мураторп разбираетъ и издаетъ древнюю римскую литургію, именно три сакраментарія папъ Льва,

---

([1]) Missale SS. Patrum latin. sive liturgicon latin. Col. 1517 и позди. тамъ же, 1675.

([2]) Thesaurus pontificarum sacrarumque antiquitatum nec non rituum et ceremoniarum. Romae 1579 и позди. тамъ же, 1645.

([3]) Sacramentarium Gregorianum illustrat. annot. Paris 1641.

([4]) Ευχολογιον, s. rituale Graecorum cum interpret. lat. glossario et observation. Paris 1647.

([5]) Αρχιερατικον, s. lib. pontificalis eccles. graecae Paris 1643.

([6]) De liturgia gallicana l. III. Paris 1685. Museum italicum. Paris 1724. II. Tom. 4.

([7]) Codices Sacramentar. nongentis annis vetustiores. Romae. 1680 Antiqu. libr. missarum Rom. eccl. 1691.

([8]) Tractat. historico — chronologicus de liturg. antiqu. Hispanica, Gothica, Isidoriana, Mozarabica, Toletana mixta ex opp. Card. Thomas. seorsim edita. Romae 1740.

Геласія и Григорія великаго, списки литургій готской, франкской, галликанской и древней римской (1), Герберть изслѣдуеть древнюю литургію нѣмецкую (2), Захарія издасть свою bibliotheca ritualis (3). Съ другой стороны Ренодоть предпринимаеть свой сборникъ восточныхъ литургій, огромный трудъ, который онъ и выполнилъ съ блестящимъ успѣхомъ (4), за нимъ является колоссальный трудъ Ассемани,—полное собраніе всѣхъ извѣстныхъ въ то время литургій (5). Припомнимъ еще труды Монфокона (6) и Мартене (7), которые занимались не столько собираніемъ литургій, сколько комментаріями на изданныя уже литургіи, равно какъ и труды кард. Боны, какъ комментатора литургій (8) и мы будемъ имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, что сдѣлали католическіе ученые для историческаго изученія литургіи.

Изданія литургій, такимъ образомъ, почти всѣ принадлежать католикамъ. Нужно удивляться необыкновенному ихъ трудолюбію въ собираніи памятниковъ древности. Не то мы видимъ у протестантовъ. До самаго нынѣшняго столѣтія, протестанты только нападали на католическія изданія, критиковали ихъ, указывали подложность разныхъ литургій. „Мы, протестанты, гово-

(1) Liturgia Romana vetus, tria sacramentaria complectens, Leonianum, Gelasianum et antiquum Gregorianum. Acced. Missale Gothicum, M. Francorum, duo Galliciana, et duo omnium vetustiss. Rom. eccl. ritual. libri. Venet. 1748 II Tom. fol.

(2) Vetus liturgia Allemanica. S. Blasii 1776. II. Tom.

(3) Voll. II. Rom. 1776.

(4) Liturgiarum orient. collectio Par. 1715. II. Tom. 4.

(5) Codex liturgicus eccl. universae. Rom. 1749—66. XIII. Tom. 4.

(6) Bibl. biblioth. Diarium italicum. I Tom. Par. 1702.

(7) De antiquis eccles. ritibus lib. IV, Antverp. 1736.

(8) Rerum liturgiarum libri II. Tarin. 1753.

рить одинъ изъ нихъ (1), почти нисколько не потрудились въ дѣлѣ собиранія (древнихъ литургій), будучи удерживаемы отъ этого труда въ высшей степени несправедливымъ недовѣріемъ къ прекраснымъ памятникамъ древности христіанской; до новѣйшихъ временъ мы только критиковали ихъ и издѣвались надъ ними, не заботясь изслѣдывать ихъ какъ должно". Подложность, неподлинность литургій—вотъ главная тема протестантскихъ ученыхъ въ XVII, XVIII и даже началѣ нынѣшняго столѣтія; въ такомъ духѣ писали Морнай († 1623), Риве († 1651), Реймольдъ, Элтестеръ, Шоне и Марейнеке. Великій протестантскій археологъ Бингамъ (2) правда былъ гораздо выше подобныхъ нападокъ на литургію, но онъ также не много оказалъ услугъ изученію литургіи; онъ вовсе не занимался изученіемъ различныхъ формъ древнихъ литургій; принимая за аксіому положеніе Ренодота, что до IV в. не было писанныхъ литургій, что слѣдовательно всѣ литургіи — позднѣйшаго времени, онъ и не трудился надъ изученіемъ многочисленныхъ списковъ литургій, а только старался показать древность нѣкоторыхъ главныхъ частей литургіи (псалмопѣнія, чтенія св. Писанія, проповѣди, молитвъ), заимствуя при этомъ свидѣтельства для себя, главнымъ образомъ, изъ 8-й кн. апостольскихъ постановленій и изъ твореній Златоуста. Этой же методѣ слѣдовалъ и нѣмецкій Бингамъ—Августи (3). Въ первый разъ протестанты начинаютъ относиться къ литургіи болѣе науч-

(1) König — Die Haupt — Liturgieen der alten Kirche. Neusterlitz. 1865. стр. 26.

(2) Origines ecclesiast. or the antiquities of the christian church. Lond. 1708 X. Vol. 8.

(3) Denkwürdigkeiten aus der christl. Archeologie. Leips. 1817—31. 12 Bde.

нымъ образомъ и шире понимать задачу ея изученія только въ нынѣшнемъ столѣтіи, со временъ споровъ по поводу прусской литургіи или прусскихъ агендъ. Появляются труды Паркера, Ниля, Даніеля, Форбеса и Бунзена. Только теперь труды протестантскихъ ученыхъ могутъ быть сопоставлены съ трудами ученыхъ католическихъ и съ честію выдержать это сопоставленіе. Начинается сравнительное изученіе литургій; являются смѣлыя относительно ихъ теоріи; начинается классификація литургій, ихъ различеніе по отраслямъ. На этомъ поприщѣ сдѣлались извѣстны особенно: Паркеръ, Ниль, Даніель и Бунзенъ. Паркеръ (¹) первый сдѣлалъ попытку раздѣлить литургіи по отраслямъ; руководясь теоріей вѣроятности и не подкрѣпляя свои догадки критическими трудами, онъ производилъ различныя отрасли литургій отъ главныхъ церквей древности. Далѣе его пошелъ Ниль (²). Раздѣливъ литургіи по отраслямъ, онъ сопоставилъ различные ихъ списки въ параллельныхъ столбцахъ. У Ниля три главныя отрасли: александрійская, антіохійская и разныхъ христіанскихъ обществъ восточныхъ. Даніель (³) особенно новаго, противъ Ниля, не создалъ ничего. Въ своихъ мнѣніяхъ онъ опирается на Ниля, какъ на авторитетъ, приводитъ его классификацію литургій и таблицу, составленную Нилемъ для нагляднаго знакомства съ этой классификаціей. Послѣднее слово протестантской науки, въ отношеніи къ критическому изученію литургій, принадлежитъ Бунзену (⁴). Его труды,

(¹) Origines liturgicae. 1832.

(²) Tetralogia liturgica. Особенно же въ первыхъ двухъ томахъ своей исторіи св. греч. церкви: A History of the holy Eastern Church 1850. Въ третьей части классификація вост. литургій стр. 317—338.

(³) Codex liturgicus. Lips.

(⁴) Въ сочиненіи, котораго 2-й томъ болѣе чѣмъ наполовину посвя-

по сознанію протестантскихъ ученыхъ, составляютъ эпоху въ дѣлѣ изученія литургіи. И дѣйствительно, если не брать въ разсужденіе догматическихъ его взглядовъ, а обращать вниманіе только на критическіе его пріемы, въ высшей степени замѣчательные, то нельзя не согласиться съ мнѣніемъ протестантскихъ ученыхъ о достоинствѣ его литургическихъ трудовъ. Бунзенъ не отвергаетъ дѣленія литургій по фамиліямъ; именно онъ допускаетъ слѣдующія фамилія: 1) александрійскую или фамилію литургій апостола Марка, 2) антіохійскую или фамилію литургій апостола Іакова, 3) константинопольскую или фамилію литургій Василія Великаго и Златоуста, 4) фамилію западныхъ литургій, обнимающую собою литургія: африканскую, амвросіанскую, галликанскую и мозарабскую и 5) фамилію литургій римскихъ. Но допуская дѣленіе по фамиліямъ, Бунзенъ, въ тоже время, старается прослѣдитьи сторически развитіе той и другой фамиліи. И потому, вмѣстѣ съ раздѣленіемъ на фамиліи, онъ еще дѣлитъ исторію, литургіи на періоды и старается возстановить подлинный текстъ литургіи каждаго періода вообще, не обращая вниманія на особенности той или другой фамиліи ([1]).

ніемъ литургія древней церкви. Это сочиненіе носитъ заглавіе: Hyppolytus und seine Zeit. zw. Band. 1852 и. 1853. Leipz.

([1]) Такъ во введеніи ко 2-й части II тома онъ прежде всего дѣлитъ всю исторію древней литургіи на нѣсколько періодовъ; затѣмъ переходитъ къ критическому изученію литургій по фамиліямъ. Постараемся познакомить читателей съ его критическими пріемами, покрайней мѣрѣ въ отношеніи къ фамиліямъ александрійской, антіохійской и константинопольской, какъ имѣющимъ для насъ особенный интересъ. Въ александрійской фамиліи, признавъ за самый древній списокъ литургія такъ называемую абиссинскую литургію, въ первый разъ изданную Лудольфомъ (1691 г.), самую краткую изъ всѣхъ существующихъ литургій и потому, по его мнѣнію, самую древнюю редакцію изъ всѣхъ литургій даже другихъ фамилій и отнесши ее къ половинѣ II стол., потомъ онъ

Если отъ этого богатства литературъ западныхъ мы обратимся къ нашей русской литературѣ, то принуждены здѣсь будемъ сознаться въ крайней нашей бѣдности. Мы не найдемъ, вопервыхъ, ни одного собранія литургій даже восточной церкви, не говоря уже о литургіяхъ другихъ церквей. Мы можемъ указать только на довольно скудные матеріалы для будущаго собранія: 1) на изданіе постановленій апостольскихъ съ древнею литургіею, изложенною въ 8-й ихъ книгѣ, Казань 1864 г.; 2) на писанія св. отцевъ и учителей церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія, съ переводомъ твореній Діонисія Ареопагита, преподобнаго Максима исповѣдника, Софронія, Германа и Симеона Солунскаго, Спб. 1865 и 1866 г.; 3) на переводъ многихъ отеческихъ твореній и, въ томъ числѣ, бесѣдъ Златоуста, весьма важныхъ для изученія литургіи его времени. Изъ историческихъ изслѣдованій о литургіи можемъ указать

приводитъ калабрійскій списокъ литургіи Марка, сопоставляетъ его съ коптской литургіей св. Кирилла и съ эѳіопскимъ всеобщимъ канономъ. Сравнивая эти списки между собою, онъ выдѣляетъ то, что есть между ними общаго и относитъ это къ половинѣ IV вѣка, а разности къ позднѣйшему времени, къ V и VI вѣку; затѣмъ слѣдуетъ у него выводъ въ видѣ сравнительной таблицы. Между литургіями іерусалимско-антіохійской фамиліи онъ не находитъ такого древняго списка, какъ абиссинскій. Для того, чтобы востановить древнѣйшую форму литургіи Іакова, Бунзенъ сравниваетъ два списка литургіи Іакова — греческій византійскій списокъ и сирійскій монофизитскій. Опуская между ними разности и соединяя то, что есть между ними общаго, въ остаткѣ видитъ искомую древнѣйшую форму литургіи Іакова. Далѣе приводитъ литургію 8 книги апостольскихъ постановленій; не совсѣмъ благосклонно и довольно пристрастно относясь къ этой литургіи, онъ однакожъ относитъ ее къ періоду отъ Оригена до Никейскаго собора, т. е. къ концу III в. Константинопольскую фамилію онъ характеризуетъ какъ фамилію литургій эклектическихъ. Здѣсь не приводя многочисленныхъ списковъ литургій Василія В. и Златоуста, довольствуется сопоставленіемъ литургіи Василія В. съ литургіею Златоуста по самому древнему изъ извѣстныхъ нынѣ списковъ, такъ называемому Барберинову (VIII в.).

только на прекрасную монографію: *о литургіи преждеосвященныхъ даровъ, Москва 1850 г.*, и еще на труды покойнаго, всѣми уважаемаго за свою обширную ученую дѣятельность, преосвященнаго Филарета черниговскаго. Въ сочиненіи: „историческій обзоръ пѣснописцевъ церковныхъ“—онъ дѣлаетъ замѣчательную попытку серьёзно, вполнѣ научно отнестись къ изученію литургіи восточной церкви. Въ этомъ сочиненіи, подъ рубриками: Апостолы, Василій Великій, Златоустъ и др., онъ сообщаетъ очень много, весьма полезныхъ для будущаго историка литургіи, замѣчаній о составѣ литургіи того или другаго времени. Наконецъ, не можемъ не указать на весьма важные (особенно для исторіи позднѣйшей судьбы литургіи съ XII вѣка) труды по описанію рукописей московской синодальной библіотеки, предпринятые многоученымъ А. В. Горскимъ и К. И. Невоструевымъ; особенную важность имѣетъ для насъ томъ послѣдній, посвященный описанію рукописей церковно-богослужебныхъ ([1]). Въ отношеніи къ сравнительно-историческому изученію литургій восточныхъ и западныхъ, древнихъ и новыхъ, не сдѣлано еще ничего, если не считать сочиненія Серединскаго: о богослуженіи западной церкви, сочиненія заключающаго въ себѣ мало историческаго, описывающаго католическую литургію настоящаго времени, брошюрки Бобровницкаго о католической литургіи (Кіевъ) и статьи о лютеранскомъ богослуженіи, Прав. обозр. 1866 г. за май и іюнь.

Исторію литургіи православной восточной церкви можно раздѣлить на четыре періода. Періодъ первый (I — III в.) можно назвать временемъ существованія

([1]) Уже напечатанный, но пока еще не изданный.

литургія въ видѣ схемы, полученной отъ апостоловъ и сохраняемой въ церкви по преданію, подробное развитіе которой предоставлялось будущему времени. Періодъ второй (III — VI в.) есть время обогащенія главнѣйшихъ частей литургіи писанными уже молитвами, умноженія и удлинненія молитвъ, появленія молитвъ разныхъ авторовъ и наконецъ выбора, пересмотра и введенія въ употребленіе только извѣстныхъ молитвъ (трудами Василія Великаго и Златоуста). Періодъ третій (VI — IX) есть время обогащенія литургіи по преимуществу священными дѣйствіями и пѣснопѣніями. Періодъ четвертый (IX—XIV) (¹) можно назвать періодомъ варіаціи въ самыхъ впрочемъ несущественныхъ частяхъ литургіи, въ тѣхъ частяхъ, которыя совершаются священнодѣйствующими тайно отъ народа, и подъ конецъ—окончательнаго закрѣпленія въ литургіи всего, успѣвшаго до того времени войти въ употребленіе.

I.

Въ первомъ періодѣ (I—III в.) Литургія представляетъ видъ схемы, полученной отъ апостоловъ и сохраняемой по преданію.

1) До II в. мы находимъ очень мало фактовъ, относящихся къ исторіи состава литургіи временъ апостольскихъ, такъ что о ея содержаніи до II в. мы можемъ заключать болѣе по догадкамъ, чѣмъ на основаніи положительныхъ данныхъ. За то мы имѣемъ нѣсколько фактовъ относительно внѣшняго положенія литургіи, обстоятельствъ среди которыхъ она совершалась. Изъ всѣхъ библейскихъ повѣствованій объ евхаристіи вре-

(¹) Мы не беремъ на себя слѣдить за судьбою литургіи въ слѣдующіе вѣка.

менъ апостольскихъ особенно важно для насъ повѣствованіе ап. Павла. Первое его посланіе къ Коринѳянамъ замѣчательно для насъ въ томъ отношеніи, что говоритъ не только объ установленіи этого таинства Іисусомъ Христомъ, но и о практикѣ, какая возникла на основаніи этого установленія. Въ этомъ посланіи совершеніе евхаристіи представляется въ самомъ первоначальномъ видѣ, *въ связи съ вечерями любви* (1 Кор. 11, 18—34). Такъ было вѣроятно не только въ Коринѳѣ, но и въ другихъ церквахъ апостольскаго времени, по крайней мѣрѣ на самыхъ первыхъ порахъ. Поступая по заповѣди Спасителя: „сія творите *елижды аще піете* въ мое воспоминаніе", первые христіане, имѣя общія трапезы, всякій разъ какъ вкушали вмѣстѣ, совершали евхаристію, возсылали благодареніе, въ воспоминаніе Господа. Они пребывали, по словамъ ев. Луки, въ общеніи, въ преломленіи хлѣба и въ молитвахъ. „*Вси же вѣровавшіи бяху вкупѣ и имяху вся обща. И стяжанія и имѣнія продаяху и раздаяху всѣмъ, его же аще кто требоваше. По вся же дни терпяще единодушно въ церкви и ломяще по домамъ хлѣбъ, пріимаху пищу въ радости и въ простотѣ сердца* (Дѣян. 2, 44—46). По крайней мѣрѣ такъ несомнѣнно было въ церкви коринѳской. Изъ обличенія ап. Павломъ безпорядковъ, бывшихъ въ коринѳской церкви, несомнѣнно видно, что тамъ евхаристія соединялась съ вечерями любви, причемъ иногда терялось должное благоговѣніе къ вечери Господней (къ тѣлу и крови Христовой); тамъ, по словамъ апостола, собирались больше для того, чтобы ѣсть и пить, чѣмъ для евхаристіи; почему апостолъ и внушаетъ коринѳскимъ христіанамъ, что общія вечери вовсе не для того только устроены, чтобы ѣсть и пить, но что онѣ

имѣютъ высшее значеніе. Изъ посланія же къ коринѳянамъ видно, что *евхаристія совершалась* не предъ вечерею любви, а *послѣ вечери*. Спаситель, по общему мнѣнію, совершилъ евхаристію послѣ пасхальной вечери. Это видно отчасти изъ разсказовъ евангелистовъ, отчасти изъ словъ ап. Павла: „такожде и чашу по вечери“. Итакъ по примѣру Спасителя, и первые христіане возносили благодареніе, преломляли въ воспоминаніе Спасителя хлѣбъ и пріобщались вина послѣ уже вечери. Такъ именно, по мнѣнію бл. Августина, было въ Коринѳѣ (¹), что намъ кажется совершенно вѣрно. Апостолъ говоритъ, что въ Коринѳѣ начинались вечери тѣмъ, что всякій торопился ѣсть прежде другаго, такъ что иной бываетъ голоденъ, а другой упивается. „Посему братья мои, увѣщеваетъ апостолъ, собираясь на вечери, другъ друга ждите. *А если кто голоденъ пусть ѣстъ дома* (очевидно прежде вечери), чтобы собираться вамъ не на осужденіе“. Потому-то блаж. Августинъ справедливо утверждаетъ, что въ Коринѳѣ евхаристія совершалась post coenam sive convivium, что и было тамъ причиною безпорядковъ и злоупотребленій. Онъ же думаетъ, и какъ кажется также справедливо, что именно апостолъ Павелъ отмѣнилъ этотъ обычай совершенія евхаристіи послѣ вечери въ то время, когда пришелъ въ Коринѳъ самъ по обѣщанію своему съ цѣлію устроить тамошнія дѣла (о прочихъ же, егда пріиду, устрою). Нѣкоторые ученые (напр. Бунзенъ) относятъ это отдѣленіе евхаристіи отъ вечери любви къ 65 г. по Р. Хр.—Какъ бы то ни было, въ то или другое время совершилось отдѣленіе, только мы ви-

(¹) Ep. 118 ad San. c. 6 et 7.

димъ, что *къ концу I в. евхаристія уже перестаетъ быть заключеніемъ общей вечери*, общей трапезы; теперь если когда и бывала общая трапеза, то была уже заключеніемъ евхаристіи, совершалась послѣ нея. Связь евхаристіи съ вечерями любви чрезъ это значительно ослабѣла, такъ что чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ все рѣже и рѣже евхаристія оканчивалась вечерями любви и наконецъ, совершенно отъ нихъ отдѣлилась. Іустинъ мученикъ уже не упоминаетъ о вечеряхъ любви, когда говоритъ о совершеніи евхаристіи въ его время; въ томъ мѣстѣ, гдѣ очень прилично было бы упомянуть о вечеряхъ любви, т. е. послѣ описанія евхаристіи въ его время, онъ упоминаетъ только о сборахъ въ пользу бѣдныхъ ([1]).

Тѣсно связанная съ вечерями любви литургія временъ апостольскихъ уже по тому самому не могла быть широка въ своемъ объемѣ. За недостаткомъ историческихъ данныхъ относительно *состава* литургіи временъ апостольскихъ, мы принуждены, какъ мы сказали, руководствоваться болѣе догадками, чѣмъ положительными историческими данными; тѣмъ не менѣе съ несомнѣнностью можемъ утверждать, что въ составъ литургіи апостольской входили слѣдующія части: чтеніе Св. Писанія (В. 3), псалмопѣніе и вообще пѣніе св. пѣсней, поученіе и молитва. Чтеніе Св. Писанія такъ естественно, что, не смотря на отсутствіе прямыхъ на него указаній въ писаніяхъ апостоловъ, мы непремѣнно должны допустить его, имѣя кромѣ того въ виду весьма важный для христіанъ примѣръ церкви вет-

---

([1]) Очень хорошій трактатъ объ исторической судьбѣ вечерь любви или агапъ находимъ у Люфта въ его Liturgik. Mainz. 1844. I Bd. 106—120.

хозавѣтной. О псалмопѣніи и вообще пѣнія св. пѣсней свидѣтельствуютъ слѣдующія слова апостола: „егда сходитеся, кійждо васъ псаломъ имать“ (1 кор. 14, 26) и въ другомъ мѣстѣ: „глаголюще себе во псалмѣхъ (ψαλμαις) и пѣніихъ (ὑμνοῖς) и пѣснѣхъ духовныхъ“ (ᾠδαις πνευματικαῖς Еф. 5, 19. Кол. 3, 16). Въ послѣднихъ словахъ нельзя не видѣть классификаціи употребительныхъ въ то время пѣснопѣній, употребленія въ апостольское уже время при богослуженіи не только псалмовъ (ψαλμαῖς) и ветхозавѣтныхъ священныхъ пѣсней (ὑμνοις—въ родѣ пѣсни Моусея), но и пѣсней составляемыхъ самими христіанами (ωδαις πνευματικαῖς), какъ прекрасно доказываетъ это преосвященный Филаретъ черниговскій ([1]). О поученіи нечего и говорить. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся 14 глава 1 посл. къ коринеянамъ, гдѣ апостолъ увѣщеваетъ коринеянъ къ должному употребленію, при общественныхъ христіанскихъ собраніяхъ, разнообразныхъ дарованій, коими владѣли первенствующіе христіане, такъ чтобы и даръ языковъ и пророчество и учительство служили къ разумному назиданію присутствующихъ, а не вели только къ безпорядку въ собраніяхъ, какъ иногда было въ Коринеѣ. Что входила въ составъ литургіи молитва, въ этомъ также нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Слова Дѣян. Апост. (2, 42), что христіане пребывали *во ученіи апостоловъ и во общеніи и въ преломленіи хлѣба и въ молитвахъ*, свидѣтельствуютъ о существованіи этой составной части литургіи, не говоря уже о томъ, что безъ нея не мыслимо вообще никакое богослуженіе. Итакъ мы нашли, что всѣ самыя главныя составныя части нашей литур-

([1]) См. Истор. обз. пѣснов. ч. I, стр. 15 и 25—27.

гіи были уже составными частями литургіи во времена самихъ апостоловъ. Вопросъ о главныхъ составныхъ частяхъ литургіи временъ апостольскихъ рѣшается такимъ образомъ очень скоро.

Другое дѣло — вопросъ о *видѣ*, въ какомъ существовали эти части, о количествѣ чтеній, пѣснопѣній, молитвъ, объ ихъ содержаніи, о порядкѣ этихъ частей, о связи между ними. Относительно всего этого мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Впрочемъ мы напрасно бы стали искать такихъ данныхъ; точное опредѣленіе состава литургіи до подробностей, до буквы, не мыслимо при свободѣ, господствовавшей въ апостольской церкви. Выборъ чтеній, пѣснопѣній, переходы отъ одного къ другому (отъ чтенія къ поученію, отъ поученія къ пѣснопѣнію и молитвѣ), равно какъ и порядокъ, послѣдовательность главныхъ составныхъ частей — все это конечно было предоставлено благоусмотрѣнію предстоятелей. Много мы имѣемъ данныхъ для того, чтобы допускать существованіе въ вѣкъ апостольскій большой свободы въ подробностяхъ и частностяхъ совершенія литургіи. Эти данныя относятся правда не къ апостольскому времени (¹), а къ позднѣйшему, тѣмъ не менѣе они имѣютъ такое же для насъ значеніе, какъ если бы они относились къ самому вѣку апостольскому; на томъ основаніи, что если даже въ послѣ-апостольское время много давалось простора свободѣ предстоятелей, то тѣмъ болѣе, слѣдовательно, подобная же, если не большая, свобода

(¹) Если не считать не совсѣмъ яснаго свидѣтельства Климента римскаго: „не малый грѣхъ будемъ имѣть мы, если лишаемъ епископскаго достоинства тѣхъ, которые *неукоризненно* и свято (ἀμέμπτως καὶ ὁσίως) приносятъ дары“, хотя подъ выраженіемъ ἀμέμπτως вполнѣ можно разумѣть форму, способъ совершенія даровъ, а подъ ὁσίως сердечное благоговѣніе. I ad Corinth. cap. 14.

существовала въ дѣлѣ совершенія литургіи (что касается подробностей) въ вѣкъ апостольскій. Изъ словъ Іустина мученика, что предстоятель возноситъ молитвы и благодаренія *такъ долго, какъ только можетъ* (ὅση δύναμις αὐτῷ) (1), изъ словъ Тертулліана (по контексту рѣчи прямо относящихся къ литургіи), что когда мы молимся, то *не нуждаемся въ постороннемъ напоминаніи, ибо мы молимся изъ сердца* (2), изъ правила апостольскаго (9 пр.), которое осуждаетъ клириковъ, безъ уважительной причины отказывающихся участвовать въ евхаристіи, какъ такихъ людей, которые подобнаго рода поступками могутъ навлечь тѣнь подозрѣнія на личность священнодѣйствующаго, *какъ будто онъ не здраво, неразумно* (ὑγιῶς) совершалъ литургію, — изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ видно, что литургія совершалась не по писаннымъ какимъ либо книгамъ, а совершенно иначе; предстоятель говорилъ молитвы, руководясь вдохновеніемъ, чувствованіями своего сердца и притомъ такъ долго, какъ позволяло время и личное его настроеніе. Изъ другихъ болѣе позднихъ свидѣтельствъ хотя и видно существованіе уже писанныхъ литургій, но изъ разнообразія списковъ, особенно же изъ свободы въ пользованіи тѣмъ или другимъ спискомъ, мы имѣемъ право прямо заключать къ отсутствію апостольскаго списка литургіи, безъ чего невозможны были бы факты, которые мы сейчасъ приведемъ. Въ постановленіяхъ апостольскихъ (3) отъ лица апостола сочинитель настаиваетъ, чтобы литургія совершалась именно такъ, какъ она описана въ этой книгѣ, а не иначе, что *совершаю-*

---

(1) См. ниже.
(2) Apol. c. 30.
(3) 7 кн. гл. 27.

щихъ иначе не должно допускать до совершенія литургіи (стало быть не рѣдки были случаи произвола въ этомъ отношеніи, произвола, очевидно опирающагося на обычай древности). Василій же Великій прямо утверждаетъ, что молитвы въ литургіи получены отъ апостоловъ не чрезъ писаніе, а чрезъ преданіе; „*кто изъ святыхъ*, спрашиваетъ онъ, *оставилъ намъ письменно* слова призыванія, коими освящается хлѣбъ въ евхаристіи и чаша благословенія. Мы не довольствуемся тѣмъ, что воспоминаетъ апостолъ и Евангеліе, но и прежде и послѣ произносимъ другія слова, которыя приняли изъ преданія неписаннаго, какъ имѣющія силу для таинства (¹)". Григорій Богословъ разсказываетъ (²) о томъ, какъ его отецъ во время болѣзни, не будучи въ состояніи ходить въ храмъ, совершалъ евхаристію дома въ присутствіи народа, какъ онъ произносилъ такъ *мало молитвъ, какъ только можно*, какъ онъ послѣ словъ освященія снова ложился на постель и благословлялъ народъ; въ другомъ мѣстѣ разсказываетъ, что онъ освящалъ евхаристію словами и молитвами, бывшими въ употребленіи (очевидно впрочемъ такими, что ихъ можно было и сокращать). Что древніе христіане не стѣснялись кромѣ бывшихъ въ употребленіи молитвъ и формулъ литургическихъ употреблять и другія—видно изъ примѣра Амвросія медіоланскаго и Епифанія. Амвросій разсказываетъ (³), какъ онъ началъ молиться во время совершенія литургіи объ одномъ лицѣ, о судьбѣ котораго онъ узналъ уже послѣ того, какъ началъ литургію; очевидно, онъ

(¹) De Spirit. S. c. 27. Тоже утверждаетъ и Тертулліанъ въ соч. de corona mil. c. 4.

(²) Orat. 1. Grancolas les anciennes liturgies 1697 S. 158.

(³) Ep. ad. Marcell.

произнесъ о немъ молитву и по обычаю того времени въ слухъ. Епифаній еще яснѣе доказываетъ тоже самое въ своемъ письмѣ къ Іоанну Іерусалимскому (¹), говоря, что онъ молится объ Іоаннѣ во время литургіи *въ разныхъ выраженіяхъ*, смотря *по связи рѣчи*. О свободѣ (приведшей впрочемъ къ разнымъ злоупотребленіямъ), въ употребленіи того или другаго списка свидѣтельствуютъ два правила двухъ кареагенскихъ соборовъ. Одно правило (23 собора 397) предписываетъ (²), чтобы новыя молитвы, списанныя откуда нибудь (aliunde), не употреблялись при богослуженіи, пока не будутъ разсмотрѣны благоразумнѣйшими; другое (9 соб. 407)—требовало, чтобы употреблялись только тѣ литургійныя молитвы, которыя разсмотрѣны на соборѣ, другія же не употреблялись (³). А блаж. Августинъ сильно жаловался на большое увеличеніе количества разныхъ списковъ литургійныхъ молитвъ и на употребленіе ихъ въ христіанскомъ обществѣ его времени,—списковъ, составленныхъ людьми невѣжественными или даже еретиками, и переписываемыхъ людьми простодушными (⁴). И замѣчательно, что ни одинъ соборъ ни одинъ отецъ (исключая книги апост. постановл., поврежденной позднѣйшими вставками) не указывалъ на существованіе *апостольскаго списка* литургіи, хотя въ обстоятельствахъ времени много было къ тому по-

---

(¹) Rheinw. die kirchl. Archäol. 1830. Стр. 354. ex vers. Hieron. (Opp. T. II. p. 313).

(²) Quicunque sibi preces aliunde describit, non eis utatur, nisi prius eas cum instructioribus fratribus contulerit.

(³) Ut preces, quae probatae fuerint in concilio, sive praefationes, sive commendationes ab omnibus celebrentur. Nec aliae omnino contra fidem proferantur, sed quaecunque a prudentioribus fuerint collatae dicantur.

(⁴) De baptism. contr. Don. I. 6. c. 25.

бужденій. Преемство литургіи отъ апостоловъ, *по преданію*, — дѣло другое; объ этомъ мы находимъ свидѣтельства, какъ увидимъ ниже.—Итакъ по аналогіи съ позднѣйшими временами мы имѣемъ полное право заключать о болѣе или менѣе широкомъ употребленіи импровизаціи, свободы въ употребленіи тѣхъ или другихъ молитвъ при литургіи временъ близкихъ къ апостольскимъ.

Но мы впали бы въ большую ошибку, если бы стали утверждать, что произволъ предстоятелей въ этомъ случаѣ былъ неограниченный, что въ литургіи не было ничего устойчиваго, постояннаго, что все въ ней измѣнялось, что отъ литургіи апостоловъ литургія наша не сохранила ничего. Не смотря на всѣ измѣненія, которымъ въ теченіе первыхъ, равно какъ и послѣдующихъ, вѣковъ подвергалась литургія, она сохранила въ себѣ и доселѣ сохраняетъ *апостольскую основу* и притомъ не только *въ главныхъ своихъ элементахъ*, которые мы перечисляли выше, но *и въ важнѣйшихъ евхаристическихъ изрѣченіяхъ*. Существовала и твердо сохранялась въ преданіи схема литургіи, преданная церкви апостолами; допускались видоизмѣненія въ развитіи данной темы, но самая тема оставалась неприкосновенною и въ ней-то заключалось ограниченіе свободы и произвола предстоятелей. Такимъ образомъ церковь во всѣ вѣка совершала тоже самое и въ сущности также, какъ совершали апостолы; апостолы же, конечно сообразовались въ возношеніи благодаренія, съ тѣмъ, какъ совершилъ тайную вечерю Спаситель ([1]).

([1]) Къ сожалѣнію мы не имѣемъ данныхъ ни въ евангеліяхъ, ни въ апостольскихъ посланіяхъ относительно того, какъ *именно* совершилъ евхаристію Спаситель. Евангелисты умолчали, *какую именно благодар-*

Существованіе преданія объ апостольскихъ литургіяхъ (Іакова и Марка), не смотря на всѣ позднѣйшія вставки въ литургіяхъ, дошедшихъ до насъ подъ именами апостоловъ Іакова и Марка, по нашему мнѣнію, достаточно говоритъ въ пользу предположенія о томъ, что по крайней мѣрѣ темы, содержаніе, евхаристическихъ призываній (не говоря уже о составныхъ частяхъ литургіи) не зависѣли отъ воли предстоятелей, а потому литургія не только въ общемъ своемъ планѣ, но и въ важнѣйшемъ моментѣ возношенія Св. Даровъ была, до извѣстной степени, однообразна во всѣхъ мѣстахъ. Другаго предположенія невозможно допустить, имѣя въ виду кромѣ того попеченіе апостоловъ о церквахъ, ихъ постоянный надзоръ за ними, ихъ стараніе о томъ, чтобы все совершалось благообразно и по чину, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ совершеніе евхаристіи. Не допустивши преемства литургіи въ ея основѣ отъ апостоловъ, — по преданію (но отнюдь не въ письмени)—нельзя далѣе объяснить себѣ замѣчательнаго сходства всѣхъ христіанскихъ литургій въ существенныхъ чертахъ, несмотря на многочисленныя между ними разности въ подробностяхъ. Если бы каждая церковь построяла свою литургію совершенно свободно и независимо отъ апостольскаго преданія, то едва ли бы нашлось между ихъ произведеніями такое сходство, какое мы находимъ въ литургіяхъ

ственную молитву произнесъ Спаситель, подавая ученикамъ хлѣбъ и вино и что при этомъ говорилъ еще. Слова, какія приводятся въ Евангеліи (пріимите, ядите и пр.) относятся къ преподанію ученикамъ хлѣба и вина. А что нужно разумѣть подъ выраженіями: благословивъ, хвалу воздавъ, какъ благословилъ, чтó при этомъ произнесъ, какую хвалу воздалъ, — объ этомъ ни Евангелія, ни апостольскія посланія не говорятъ ничего.

всѣхъ древнихъ церквей восточныхъ и западныхъ. Если же существуетъ это сходство, значитъ былъ въ основѣ ихъ зданія положенъ одинъ общій фундаментъ, другими словами была дана преданіемъ одна общая формула литургіи апостольской. Потому-то, не возводя ко временамъ апостольскимъ дошедшія до насъ литургіи Іакова и Марка *въ цѣломъ ихъ объемѣ*, чему въ высшей степени противорѣчитъ многое въ подробностяхъ ихъ содержанія ([1]), мы однакожъ смѣло

([1]) Изъ извѣстныхъ доселѣ списковъ литургіи Іакова обращали и обращаютъ на себя вниманіе ученыхъ три списка: *Сирійско-монофизитскій*, обнародованный Ренодотомъ (Liturg. orient. coll. T. II, p. 29—44,) *Сицилійскій или Крипто-ферратскій* (доставленный Ассемани монахомъ крипто ферратскаго монастыря близъ Мессины Мональдиномъ 1749), по мнѣнію Ассемани и Мональдина написанный въ X в. (984 или 985, Assem. IV, 2), и *Калабрійскій*, найденный въ монастырѣ Одигитріи въ Калабріи, по мнѣнію Мональдина относящійся къ XII в. (у Ассемани же). Сирійскій списокъ представляетъ краткую редакцію въ сравненіи съ остальными двумя списками—Сицилійскимъ и Калабрійскимъ. Какой изъ этихъ списковъ ни возьмемъ, ни одинъ изъ нихъ далеко нельзя признать принадлежащимъ къ апостольскому вѣку. Возьмемъ прежде всего Сицилійскій криптоферратскій, принадлежащій находившимся нѣкогда въ зависимости отъ греческой церкви православнымъ церквамъ Сициліи. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза слишкомъ громадный для апостольскихъ временъ объемъ литургіи. 1, мы находимъ однихъ молитвъ вступительныхъ семь (при входѣ въ церковь, при приближеніи къ алтарю, при возженіи ѳиміама, начинательная, при хожденіи, молитва священника тайная, молитва діакона) и въ этихъ молитвахъ встрѣчаются такія выраженія, которыя никакъ не могли быть употреблены ап. Іаковомъ; таковы: ипостась, единосущный, троичность, два естества во Христѣ. Послѣ этихъ 7 молитвъ діаконъ, сказано, поетъ единородный Сыне (?); во все это время священникъ кадитъ церковь, во время кажденія произноситъ молитву, по вступленіи въ алтарь снова читаетъ молитву. Все это пока составляетъ еще вступленіе. 2. Литургія собственно начинается эктеніею вѣрныхъ, подобною нашей, гдѣ говорится между прочимъ о соединеніи церквей (?), затѣмъ Святый Боже (?), молитва и возгласъ: святъ еси Боже нашъ, молитва еще, чтеніе изъ ветхаго з. и изъ новаго завѣта, поученіе, эктенія діакона весьма сходная съ нашей, двѣ молитвы священника, преклоненіе главы, и снова молитва; діаконъ: да никто отъ оглашенныхъ и пр., священникъ чи-

отцовскимъ по временамъ апостольскимъ *общую основу* какъ всей литургіи, такъ въ особенности литургіи

таетъ молитвы кадила. Далѣе чтецы (?) поютъ херувимскую пѣснь (?): да молчитъ всякая плоть, перенесеніе даровъ, молитва священника, чтеніе священникомъ *символа вѣры* (?), молитва священника съ преклоненною головою, діаконъ: станемъ добрѣ, снова молитва священника, цѣлованіе мира и преклоненіе главы, молитва надъ преклонившими головы, потомъ начинаются просительныя молитвы за вѣрныхъ, очень длинныя, похожія на нашу эктенію на литіи,—слава въ вышнихъ Богу, да исполнятся уста наша хваленія Твоего Господи; затѣмъ двѣ благодарственныя молитвы, имѣющія характеръ молитвъ вступительчыхъ къ освященію даровъ, и молитва св. завѣсы. 3, Послѣ всего этого діаконъ снова повторяетъ: станемъ добрѣ и начинается самое возношеніе даровъ (ἀναφορά). Далѣе все какъ у насъ теперь: народъ—милость мира, (молитва священника, которой у насъ нѣтъ), священникъ—любовь Господа и Отца, благодать Господа и Сына и пр., священникъ — горѣ сердца, народъ—достойно и праведно. Затѣмъ благодарственныя молитвы, прерываемыя словами: святъ, святъ, и: пріимите, ядите, довольно краткая молитва о пресуществленіи даровъ; молитва священника про себя и молитвы просительныя, гдѣ между прочимъ упоминается о каѳолической, апостольской (?) церкви; изрядно о пресвятѣй (?); достойно есть яко воистину (?), о тебѣ радуется всякая тварь (?); продолженіе просительныхъ молитвъ, эктенія діакона объ освященныхъ дарахъ, молитва священника, и сподоби насъ неосужденно, отче нашъ, молитва, яко твое есть царство, миръ всѣмъ, главы ваша Господеви преклоните, молитва, и да будутъ милости, вонмемъ, опять молитва, святая святымъ, единъ святъ. Послѣ того подробно описывается пріобщеніе священника, что онъ дѣлаетъ, какъ онъ беретъ тѣло Христово и опускаетъ Его въ чашу, что онъ при этомъ говоритъ (?). Не описываемъ конца литургіи. Сказанное, намъ кажется, довольно говоритъ само за себя безъ всякихъ объясненій. Списокъ Калабрійскій еще пространнѣе этого, какъ и слѣдовало ожидать отъ списка XII в. Сравненіе того и другаго см. у Даніеля (Codex liturgic. T. IV p. 88—183). Что касается до помѣщеннаго у Ренодота Сирійско-монофизитскаго списка, то литургія этой редакціи, правда, гораздо короче вышерасмотрѣнныхъ, но тѣмъ не менѣе не выдерживаетъ критики, заключая въ себѣ все-таки еще много прибавленій позднѣйшаго времени. Довольно того, если мы скажемъ, что въ ней упоминаются православные цари и царицы, церкви и монастыри (Renaudot. T. II, p. 35), иподіаконы, чтецы, пѣвцы (psaltarum, cantorum), истолкователи (interpretum—вѣроятно катехизаторы, заклинатели, монахи и др. классы вѣрующихъ (religiosorum, auditorum, *virginum perpetuarum et saecularium*).—Литургію Марка мы имѣемъ въ древнемъ спискѣ, (X в.) найденномъ въ томъ же монастырѣ Одигитріи въ Ка-

вѣрныхъ и въ этомъ смыслѣ оставляемъ за ними титло апостольскихъ литургій. Что же нужно счи-

---

лабріи и изданномъ въ первый разъ однимъ каноникомъ парижскимъ (Ioannes a S. Andrea) въ 1583 году. Списокъ носитъ заглавіе: ἡ θεία λειτουργία τοῦ ἁγίου ἀποστόλου καὶ εὐαγγελιστοῦ Μάρκου, μαθητοῦ τοῦ ἁγίου Πέτρου (у Ренодота T. I. p. 120—148). Съ этимъ спискомъ очень близокъ списокъ литургіи коптской Кирилла (у Ренодота. T. I. 38—53). Бунзенъ считаетъ (ч. II стр. 376—377) эти два списка до такой степени сходными, что называетъ калабрійскую литургію греческимъ оригиналомъ сирійскаго текста литургіи Кирилловой. Кромѣ литургіи Кирилла Ренодотъ считаетъ важнымъ для изученія литургіи Марка еще два списка коптскихъ литургій: литургіи такъ называемой Василія В. и литургія Григорія Назіанзена (T. I p 1—38). Литургія Марка представляетъ тоже самое, что и литургія Іакова (по калабрійскому списку); она также слишкомъ длинна для апостольской литургіи и также наполнена такими вставками, о которыхъ исторически извѣстно, что они явились въ позднѣйшее послѣ апостоловъ время, и въ порядкѣ молитвословій представляетъ много особенностей. Начинается четырьмя вступительными молитвами (прерываемыми возгласами: миръ всѣмъ, со духомъ твоимъ, молитесь, Господи помилуй), затѣмъ единородный Сыне (?), входъ съ Евангеліемъ (?) молитва трисвятаго (?), трисвятое (?), чтеніе апостола, кажденіе во время чтенія апостола, молитва кадила (?), чтеніе Евангелія, двѣ длинныхъ молитвы священника, миръ всѣмъ, діаконъ: да никто отъ оглашенныхъ, херувимская пѣснь (?), великій входъ (?), молитва кадила, молитва великаго входа, лобзаніе мира, молитва лобзанія мира, кажденіе, молитва кажденія, стойте прилично (станемъ добрѣ), чтеніе священникомъ символа вѣры (?), окончаніе символа, поетъ народъ, молитва предложенія, Господь со всѣми вами, горѣ сердца, благодаримъ Господа, достойно и праведно, молитва благодарственная, молитва просительная (здѣсь также церковь называется апостольскою каѳолическою?), возгласъ: вопервыхъ о пресвятѣй, пречистѣй и пр. (?), чтеніе диптиховъ умершихъ, слова молитва просительная, продолженіе прерванной благодарственной молитвы, въ серединѣ ея: святъ, святъ, — и слова: пріимите ядите; въ заключеніе благодарственной молитвы прошеніе о ниспосланіи св. Духа и *возгласъ*: и да содѣлаетъ хлѣбъ тѣломъ; затѣмъ двѣ молитвы, изъ которыхъ одна предъ — отче нашъ, молитва послѣ отче нашъ, миръ всѣмъ, преклоненіе главы, молитва надъ преклонившими голову, свящ. миръ всѣмъ, діаконъ — со страхомъ Божіимъ, молитва свящ., святая святымъ, единъ святъ, діаконъ: *во здравіе и защиту*, Господь съ вами, свящ. хвалите Бога, священникъ—повелите, клиръ—Духъ св. пусть повелитъ и освятитъ; священникъ—се освящено и совершено, клиръ — единъ святъ Отецъ, Господь съ вами и со духомъ твоимъ; священникъ пріобщается. Не выписываемъ конца; конецъ сравнительно кратокъ. — Вообще нужно замѣтить, что литургія Марка короче литургіи Іакова.

тамъ апостольскимъ въ литургіи вѣрныхъ? То, что есть общаго во всѣхъ литургіяхъ, именно: 1) тѣ возгласы, какіе мы слышимъ въ важнѣйшей части Евхаристіи: преподаніе мира (въ той или другой формѣ), горѣ имѣимъ сердца, благодаримъ Господа, достойно и праведно, пріимите ядите, святая святымъ; 2) главную тему важнѣйшей евхаристической молитвы, произносимую послѣ словъ — достойно и праведно есть и начинающуюся тѣми же словами—достойно и праведно—во всѣхъ литургіяхъ. Не признавъ всего этого преданнымъ апостолами, нельзя объяснить согласія всѣхъ литургій между собою относительно вышеуказанныхъ пунктовъ.

Что касается внѣшнихъ свидѣтельствъ о происхожденіи литургій отъ апостоловъ Іакова и Марка, то нельзя ихъ считать какими нибудь легендами, явившимися въ церкви съ теченіемъ времени изъ желанія между прочимъ авторизовать чрезъ то литургіи главнѣйшихъ церквей древности: іерусалимско-антіохійской и александрійской, какъ думаютъ нѣкоторые. Не подлежитъ, конечно сомнѣнію, что вліяніе вышеуказанныхъ церквей на всѣ церкви востока и запада было велико; іерусалимская, а когда Іерусалимъ палъ — антіохійская, наслѣдовавшая ея духъ, значеніе и вліяніе на востокъ съ одной стороны и александрійская съ другой—дѣйствительно были первенствующими среди всѣхъ другихъ церквей въ эпоху, когда Римъ еще не дерзалъ громко возвышать свой голосъ и довольно почтительно прислушивался къ голосу александрійской церкви, а Константинополь еще не существовалъ, какъ столица. Но заключать изъ этого, будто имена апостоловъ употреблены были какъ орудія для того, чтобы посредствомъ ихъ авторизовать литургіи, самостоятельно развившіяся въ

вышеупомянутыхъ церквахъ, было бы слишкомъ смѣлою и неосновательною догадкою. Еслибы церкви дѣйствительно вполнѣ самостоятельно и независимо построяли свои литургіи, то едва ли бы нашлось, какъ мы уже говорили, между ихъ произведеніями такое сходство, какое мы теперь находимъ. Случайностью объяснять это сходство было бы довольно странно. А если, наоборотъ, предположить, что онѣ устроили себѣ литургіи по взаимному соглашенію, то почему онѣ согласны были принять, сдѣлать для себя обязательнымъ то, а не другое, въ чемъ заключалась побудительная къ тому причина? При отсутствіи апостольской формулы литургіи, рѣшительно не мыслима какая бы-то ни было обязательность устроять литургію въ важнѣйшихъ ея частяхъ такъ, а не иначе. Обычай, скажутъ, такъ предписывалъ. Но что такое обычай, какъ не утвердившееся преданіе временъ древнѣйшихъ? Итакъ, въ преданіяхъ о происхожденіи литургіи отъ ап. Іакова и Марка, нужно искать болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ одно простое желаніе позднѣйшаго времени авторизовать, именами апостоловъ, литургіи важнѣйшихъ церквей древности. Преданія эти восходятъ къ IV в. (къ Епифанію и Проклу) и проходятъ чрезъ всѣ дальнѣйшіе вѣка (¹).

(¹) По словамъ Епифанія, „апостолы были установителями таинъ (ἀρχηγέται τῶν μυστηρίων) вмѣстѣ съ Іаковомъ братомъ Господнимъ, первымъ епископомъ іерусалимскимъ". (Hor. 79. n. 9. См. Филар. Черн. истор. обз. пѣснои. ч. I стр. 3). Проклъ, ученикъ Златоуста, разсказывая о судьбѣ литургіи, именно опредѣляя, что такое литургіи Василія В. и Златоуста, указываетъ на литургію Іакова, какъ на основу, изъ которой явились обѣ литургіи (Socr. H. E. 12, 41. 7, 25—29, 34—41). То же преданіе повторилъ и соборъ трулльскій (32 пр.). Наконецъ, преданіе, существующее доселѣ между монофизитскими обществами, разсѣянными по востоку, общая увѣренность яковитовъ, что они владѣютъ

Не смотря однакожъ на всѣ высказанныя нами соображенія и предположенія относительно содержанія литургіи апостольскаго вѣка, очень ощутителенъ недостатокъ такого историческаго памятника, который бы содержалъ въ себѣ формулу апостольской литургіи, именно въ томъ ея видѣ, въ какомъ она существовала въ вѣкъ апостольскій. И безъ положительнаго историческаго памятника мы, конечно, убѣждены въ томъ, что въ нашей литургіи существуютъ всѣ главные элементы апостольской литургіи, тѣмъ не менѣе хотѣлось бы имѣть въ рукахъ образецъ литургіи хоть бы вѣка близкаго къ апостольскому, если уже не самаго апостольскаго, напр. хоть бы II вѣка по Р. Хр. Послѣ того какъ мы нашли, что литургіи, носящія имена апостоловъ (Іакова и Марка), слишкомъ далеки (въ цѣломъ ихъ объемѣ) отъ временъ апостольскихъ, намъ остается, въ видахъ изысканія желаемаго памятника, еще одно и послѣднее средство, именно, подобно западнымъ ученымъ

литургіею Іакова, брата Господня (Renaudot. Liturg. orient. collect. P. 1716 t. II. p. 29—44),—все это указываетъ на существованіе древняго убѣжденія въ апостольскомъ происхожденіи іерусалимско-антіохійской литургіи. Менѣе живо преданіе о происхожденіи александрійской литургіи отъ Ев. Марка. Извѣстно только то, что Маркъ проповѣдывалъ въ Александріи, былъ тамъ епископомъ и даже оставилъ тамъ своимъ преемникамъ свой омофоръ; преданіе о происхожденіи отъ него литургіи мы находимъ довольно поздно, въ XII в., у Вальсамона. Изъ него видно, что, въ его время, въ александрійской церкви еще совершалась литургія Марка (Οἱ δὲ Ἀλεξανδρεῖς λέγουσιν εἶναι καὶ τοῦ ἁγίου Μάρκου, ἣ καὶ χρῶνται ὡς τὰ πολλά.). Но Вальсамонъ уже совѣтуетъ александрійскому патр. Марку (который его спрашивалъ объ апостольскихъ литургіяхъ Іакова и Марка) замѣнить литургію Марка константинопольскими литургіями Василія В. и Златоуста; такъ какъ всѣ церкви должны слѣдовать обычаямъ церкви новаго Рима, а въ Константинополѣ болѣе неизвѣстна литургія Іакова; послѣдняя совершается по великимъ праздникамъ (ἐν ταῖς μεγάλαις ἑορταῖς) только жителями Іерусалима и Палестины (См. Daniel—Cod. Liturg. t. IV. 82—84).

(особенно Ренодоту, а по слѣдамъ его и Бунзену), искать древнѣйшаго типа литургіи на востокѣ, въ глубинѣ Азіи и Африки, среди обществъ, еще съ IV вѣка расторгнувшихъ связь съ вселенскою церковію, замкнутыхъ, обособившихся, преданныхъ сохраненію старины,—обществъ непроизводительныхъ, испытывавшихъ доселѣ только гоненія и потому какъ бы окаменѣвшихъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ вся христіанская церковь была во времена языческихъ гоненій. Мы уже говорили о важныхъ для литургіи трудахъ Бунзена. Бунзенъ между прочимъ обращаетъ особенное вниманіе на списокъ, такъ называемой, абиссинской литургіи, еще въ концѣ XVII столѣтія обнародованный Лудольфомъ (въ 1691 г.), но доселѣ не вполнѣ оцѣненный. За этимъ спискомъ Бунзенъ признаетъ глубокую древность, относя формулу, въ немъ содержащуюся, къ половинѣ II вѣка. Составъ этой литургіи крайне простъ и немногосложенъ; въ содержаніи нѣтъ ни одного выраженія сколько нибудь намекающаго на позднѣйшее происхожденіе; чтеніе этой литургіи невольно переноситъ читателя въ самую глубокую древность. Такъ что, по нашему мнѣнію, если какая изъ существующихъ литургій способна дать понятіе объ апостольской литургіи, то именно, приводимая Бунзеномъ, абиссинская литургія (¹). Литургія эта содержитъ въ себѣ только вторую, важнѣйшую часть литургіи: возношеніе даровъ. Постараемся передать ея содержаніе. Она начинается словами священника: Господь пусть будетъ со всѣми вами; и со духомъ твоимъ—отвѣчаетъ народъ; священникъ—возведите сердца горѣ; народъ—

(¹) У Бунзена она напечатана подъ заглавіемъ: Liturgia Alexandrinae ecclesiae Apostolica ex Aetiopicis a Ludolfo latine edita (Hypp. u. Leine seit t. II p. 444—458).

они ко Господу Богу нашему; священникъ—благодаримъ Господа; народъ—достойно и праведно есть. Затѣмъ благодарственная молитва (въ которой говорится о воплощеніи и страданіи Бога Слова и о плодахъ страданія); молитва заключается словами Спасителя: пріимите, ядите (1); далѣе молитва о ниспосланіи Духа Святаго на предложенное приношеніе (2), для того чтобы получившіе освященіе, чрезъ участіе въ освященныхъ дарахъ, могли лучше славословить Бога въ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ, Которому слава и держава во св. церкви нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ; предстоящіе на это отвѣчаютъ: какъ было это, есть и будетъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Послѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ для совершенія таинства молитвъ слѣдуютъ уже приготовительныя молитвы къ пріобщенію: одна молитва о достойномъ пріобщеніи таинства тѣла и крови Христовой (3), другая надъ преклонившими головы по голосу діакона (предстоящіе преклоните ваши главы), о томъ чтобы Господь милостиво воззрѣлъ на народъ, преклонившій головы. Діаконъ: будемъ внимательны (respiciamus vel suspiciamus); священникъ—святая святымъ; народъ—единъ святъ Отецъ, единъ святъ Сынъ,

---

(1) Странно только, что въ этой литургіи нѣтъ возгласа: святъ, святъ, которымъ, почти во всѣхъ литургіяхъ, прерывается благодарственная молитва.

(2) Ut mittas spiritum sanctum tuum super oblationes huius ecclesiae.

(3) Первую часть этой молитвы, составляющую какъ бы увѣщаніе къ народу, Бунзенъ считаетъ, хотя и безъ достаточнаго основанія, не принадлежащею ко временамъ до оригеновскаго періода. Эта часть очень коротенькая. Вотъ она: iterum supplicamus Domini omnipotenti, Patri Domini et salvatoris nostri Jesu Christi, ut concedat nobis in benedictionem accipere hoc sanctum sacramentum, atque neminem ex nobis reum faciat, omnes dignos reddat, qui sumunt et accipiunt S. sacramentum corporis et sanguinis Christi παντοκράτορος Domini Dei nostri.

одинъ святъ Духъ Святый; потомъ самое пріобщеніе; священникъ—Господь пусть будетъ со всѣми вами, народъ—и со духомъ твоимъ, послѣ гимна хвалы (hymnum laudis неизвѣстно какой), народъ приступаетъ ближе для принятія врачевства духовнаго. Заключеніе литургіи состоитъ изъ коротенькой молитвы по пріобщеніи, изъ преподанія мира (Господь пусть будетъ съ вами) и молитвы возложенія рукъ, изъ преподанія мира во второй разъ и заключительныхъ словъ: идите съ миромъ.—Простота и крайняя несложность этой литургіи замѣчательны; сущность ея составляютъ 6 молитвъ, прерываемыхъ краткими возгласами священника, діакона и народа. Эти 6 молитвъ, изъ которыхъ ни одной нельзя исключить, сочесть излишней, которыхъ именно столько, сколько нужно, ни болѣе ни менѣе (благодарственная, призыванія св. Духа, предъ пріобщеніемъ двѣ—одна простая, другая съ преклоненіемъ головы, благодарственная по пріобщеніи и заключительная надъ народомъ, преклонившимся для полученія по древнему обычаю послѣдняго благословенія),—отличаются необыкновенною краткостью и сжатостью при обиліи мыслей, отсутствіемъ всякаго излишества въ выраженіяхъ, всякой растянутости, риторическихъ украшеній. Онѣ видимо одолжены своимъ происхожденіемъ тому времени, когда христіане, всюду гонимые, собирались для богослуженія, съ крайней опасностью жизни, въ катакомбы и уединенныя мѣста, когда они торопились сдѣлать только существенное, выразить при евхаристіи главнѣйшія мысли и чувства, ихъ занимавшія.

Итакъ въ абиссинской литургіи, по нашему мнѣнію, вполнѣ можно видѣть подобіе искомой формулы апостольской литургіи. Этотъ историческій памятникъ под-

твердаетъ такимъ образомъ наше предположеніе относительно схемы литургіи, данной апостолами и во всѣ вѣка тщательно сохраняемой церковію, не смотря на господствовавшую въ ней свободу,—схемы, которой главнѣйшія возглашенія оставались недоступными измѣненію.

2) Доселѣ мы говорили о составѣ литургіи по догадкамъ и предположеніямъ, конечно очень вѣроятнымъ, тѣмъ не менѣе все таки догадкамъ; теперь же будемъ излагать судьбу литургіи по историческимъ даннымъ. Съ половины II вѣка мы находимъ уже довольно положительныхъ данныхъ для исторіи литургіи и даже можемъ до извѣстной степени слѣдить за развитіемъ послѣдней.—У Іустина мученика мы находимъ описаніе полной литургіи, т. е, не только второй, важнѣйшей ея части (или по нашему литургіи вѣрныхъ), но и первой части (или литургіи оглашенныхъ) ([1]). „Въ такъ называемый день солнца, читаемъ мы въ его апологіи, собираются у насъ всѣ, которые живутъ по городамъ и селеніямъ. Здѣсь читаются памятники апостоловъ и писанія пророковъ (μέχρις ἐγχωρεῖ) *столько, сколько возможно*. Потомъ, когда чтецъ окончитъ, предстоятель, посредствомъ слова, дѣлаетъ наставленіе, убѣждаетъ послѣдовать тѣмъ превосходнымъ правиламъ. Послѣ того мы всѣ вообще встаемъ и совершаемъ молитвы ([2]) какъ

([1]) Ни та, ни другая часть еще не могли называться, во времена Іустина муч., такъ, какъ теперь называются. То, что теперь входитъ въ литургію оглашенныхъ, еще не было сформировано въ особенную часть, служа пока только простымъ введеніемъ въ совершеніе таинства. Обособленіе литургіи оглашенныхъ произошло позднѣе Іустина муч. (впрочемъ въ концѣ этаго же періода, къ концу II в.) подъ вліяніемъ церковной дисциплины въ отношеніи къ кающимся и оглашеннымъ.

([2]) Apol. I, 67.

за себя, такъ и за непросвѣщенныхъ, равно какъ и за всѣхъ другихъ, всюду находящихся" (¹). Вотъ первая часть литургіи по Іустину муч., состоявшая изъ чтенія св. Писанія, поученія и народныхъ ектеній; жаль только, что не упомянуто о псалмопѣніи или вообще о пѣніи священныхъ пѣсней для довершенія сходства литургіи Іустина муч. съ нашею въ основныхъ элементахъ.— Обратимъ особенное вниманіе на вторую часть литургіи. При этомъ необходимо имѣть въ виду общій планъ нынѣшней литургіи вѣрныхъ. Наша литургія вѣрныхъ представляетъ связное цѣлое, раздѣляясь на три части: на молитвы *благодарственныя*, молитвы *призыванія св. Духа* на дары и *молитвы просительныя* за умершихъ и живыхъ; возгласы священника, дѣлаемые въ слухъ народа и повидимому состоящіе изъ отрывочныхъ выраженій, на самомъ дѣлѣ не нарушаютъ связности евхаристическихъ молитвъ, составляя или начало или продолженіе или заключеніе молитвъ (²). Обратимся къ

(¹) Нѣсколько выше.

(²) Молитвы возношенія даровъ начинаются апостольскимъ привѣтствіемъ къ народу: благодать Господа нашего І. Хр.; обращаясь же къ народу, священникъ продолжаетъ: горѣ имѣимъ сердца (отвѣтъ народа — имамы ко Господу), благодаримъ Господа (отвѣтъ народа — достойно и праведно). Достойно и праведно, продолжаетъ священникъ, повторяя отвѣтъ народа и тѣмъ начиная первую благодарственную молитву, въ которой прославляетъ Бога и, между прочимъ, благодаритъ Его за то, что Онъ принимаетъ отъ его рукъ эту святую службу, несмотря на то, что Ему предстоятъ тысячи Ангеловъ, Херувимы и Серафимы, которые и вызываютъ побѣдоносную пѣснь: поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: святъ, святъ... Съ сими небесными силами и мы хвалимъ и прославляемъ Тебя, продолжаетъ священникъ, особенно за то, что Спаситель пришелъ на землю и при этомъ, словами апостола, упоминаетъ, между прочимъ, о томъ, что Онъ сдѣлалъ въ ночь, въ нюже преданъ бываше. Слова так. обр.: пріимите, ядите и пр., какъ и слова Херувимовъ и Серафимовъ, являются существенно связанными съ благодарственною и хвалебною молитвою; они отрывки одной цѣльной молитвы. Перечи-

свидѣтельствамъ отеческимъ относительно этой части литургіи и прежде всего къ Іустину мученику, продолжимъ изложеніе его описанія литургіи. „По окончаніи молитвы мы лобзаемъ другъ друга лобзаніемъ любви. Затѣмъ братія приносятъ предстоятелю хлѣбъ и чашу съ водою и виномъ. Онъ беретъ и возноситъ хвалу и славу Отцу всяческихъ именемъ Сына и Духа св., особенно же благодаритъ за то, что онъ удостоилъ насъ сихъ даровъ и продолжаетъ сіе благодареніе *долго* (καὶ εὐχαριςίαν ἐπὶ πολὺ ποιεῖται). Предстоятель возноситъ *молитвы и благодаренія также долго*, какъ только можно (ὅση δύναμις αὐτῷ), а народъ возглашаетъ: аминь. Такъ

славъ всѣ благодѣянія Божія, священникъ заключаетъ свою благодарственную молитву тѣмъ, что, за всѣ дары и за всѣ благодѣянія, онъ приноситъ теперь Ему въ даръ хлѣбъ и вино, хотя то и другое Его же даръ. „Твоя отъ твоихъ тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся; тебе поемъ тебе благословимъ, тебе благодаримъ Господи". Вотъ общій ходъ благодарственныхъ молитвъ.—Послѣ того начинаются молитвы призыванія св. Духа. Еще приносимъ ти, продолжаетъ священникъ, словесную сію и безкровную службу и просимъ и молимъ... низпосли Духа Твоего святаго на ны и на предлежащія дары сія (Здѣсь маленькая вставка, нарушающая связь рѣчи: Господи иже пресвятаго твоего Духа и пр; сердце чисто созижди.) и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа Твоего и т. д.—Наконецъ, послѣ молитвы о ниспосланіи св. Духа, начинаются молитвы просительныя, въ которыхъ воспоминаются снова всѣ почившіе въ вѣрѣ: праотцы, отцы, патріархи и т. д., особенно же священникъ, останавливаясь на лицѣ Богоматери, произноситъ въ слухъ: изрядно о пресвятѣй и т. д.; достойно есть яко воистину; затѣмъ поминаетъ св. Іоанна Предтечу, апостоловъ и всѣхъ святыхъ; далѣе рѣчь идетъ о живущихъ: о всѣмъ Епископствѣ, во Христѣ діаконствѣ, о царяхъ; затѣмъ о епископѣ, отъ котораго зависитъ извѣстная церковь, именно у насъ о св. Синодѣ; наконецъ молитва о всякомъ городѣ и странѣ, о плавающихъ, о путешествующихъ и пр. Теперь священникъ снова обращается къ славословію и проситъ Бога, чтобы Онъ далъ возможность, единымъ сердцемъ и едиными устами, славить и воспѣвать пречестное и великолѣпное имя Отца и Сына и св. Духа; и путь будутъ милости, заключаетъ священникъ, великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами. . . . .

называемые у насъ діаконы каждому изъ присутствующихъ подаютъ пріобщаться хлѣба, надъ которымъ совершено благодареніе и вина съ водою, а отсутствующимъ относятъ на домъ" (1). Такимъ образомъ у Іустина муч. есть ясное упоминаніе о *продолжительной* (ἐπὶ πολὺ), благодарственной молитвѣ, очевидно состоявшей изъ перечисленія благодѣяній Божіихъ роду человѣческому, что дѣлается и теперь. Но, въ приведенныхъ мѣстахъ, нѣтъ еще упоминанія о молитвѣ ниспосланія св. Духа на дары. Намеки на эту послѣднюю находимъ въ дальнѣйшихъ словахъ Іустина. Разсказавъ о совершеніи евхаристіи, онъ распространяется о ея значеніи: „эта пища называется Евхаристіею, говоритъ онъ... это не простой хлѣбъ и не простое питье, но, какъ Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ, по слову Божію вочеловѣчился, такъ и мы точно также научены, что эта пища, надъ которою произнесено благодареніе (εὐχαριστηθεῖσαν) *словомъ молитвы, полученнымъ отъ Него* (δι' εὐχῆς λόγου, τοῦ παρ' αὐτοῦ),—эта пища, которою питаются наша кровь и плоть для превращенія (т. е. въ наши соки—κατὰ μεταβολὴν), есть тѣло и кровь освятившагося Христа (2)."
Спрашивается, что это за εὐχῆς λογος? Что это за слово молитвы, которую далъ Спаситель и которою освятилъ хлѣбъ и вино, и посредствомъ которой они превратились въ тѣло и кровь Христову? Что это есть нѣчто отличное отъ словъ Христовыхъ: пріимите, ядите,—несомнѣнно; здѣсь говорится о словахъ молитвы, а не о словахъ Христовыхъ. Относить это выраженіе къ молитвѣ Господней (3) также было бы очень странно, такъ какъ

(1) Apol. I, 65 et 67.
(2) Apol. I, 66.
(3) Какъ думаютъ нѣкоторые, напр. Бунзенъ.

въ молитвѣ Господней вовсе не содержится прошенія о претвореніи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову. И такъ, изъ Іустина мученика мы можемъ ясно видѣть по крайней мѣрѣ то, что литургія вѣрныхъ состояла изъ многихъ молитвъ. Онъ упоминаетъ о молитвахъ и благодареніяхъ; подъ молитвами (не принимая это выраженіе за однозначущее съ благодареніями) можно разумѣть молитвы просительныя. О молитвахъ благодарственныхъ онъ ясно выражается, что они были длинны и состояли изъ воспоминанія благодѣяній Божіихъ. О молитвахъ освященія, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ даетъ также право заключать, что онѣ существовали въ его время. Но изъ него же мы видимъ, что всѣ эти молитвы не были строго опредѣлены ни въ своемъ объемѣ, ни въ подробностяхъ содержанія (опредѣлены были только темы); Іустинъ прямо выражается, что предстоятель возноситъ молитвы такъ долго, какъ только можетъ и хочетъ (ὅση δύναμις αὐτῷ). Тогда, какъ мы замѣтили, еще многое было предоставлено волѣ предстоятелей, такъ что и относительно Евангелія замѣчено, что оно читается μέχρις ἐγχωρεῖ. Въ вѣкъ Иринея и Оригена (174—254) составъ литургіи еще яснѣе обозначается, особенно касательно литургіи вѣрныхъ. У Иринея мы находимъ нѣсколько весьма важныхъ свидѣтельствъ относительно важнѣйшей и существеннѣйшей части литургіи—литургіи вѣрныхъ. Во многихъ мѣстахъ своего сочиненія противъ ересей Ириней разсуждаетъ объ Евхаристіи какъ жертвѣ, вооружаясь противъ гностиковъ, отвергавшихъ ветхозавѣтныя жертвы. Въ одномъ изъ подобныхъ мѣстъ онъ говоритъ: принося благодареніе Ему (Богу) за то, что Онъ повелѣлъ землѣ произвести плоды въ пищу намъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ

отдѣливши приношеніе, *мы призываемъ Духа Святаго для* того, чтобы уготовить эту святую жертву, хлѣбъ сдѣлать тѣломъ Христовымъ, а чашу кровію Христовою ([1])... Здѣсь прямо говорится объ ἐπίκλησις του ἁγίου πνεύματος призываніи св. Духа, слѣдовавшемъ за благодареніемъ и возношеніемъ даровъ. Въ другомъ мѣстѣ, разсказывая объ одномъ обманщикѣ—Маркѣ, Ириней выражается такъ: растворяя для Евхаристіи вино съ водою и произнося *продолжительныя молитвы* (ἐπὶ πλεῖον ἐκτείνων τὸν λόγον τῆς ἐπικλήσεως) призыванія, онъ дѣлалъ то, что являлась багровая краска въ сосудѣ и пр. Безъ сомнѣнія Маркъ, такою продолжительностію молитвы подражалъ существовавшей уже церковной практикѣ. Сопоставляя эти мѣста изъ Иринея съ довольно неяснымъ мѣстомъ изъ Іустина мученика, мы уже смѣло можемъ сказать, что молитва призыванія св. Духа несомнѣнно существовала въ церкви. Если Ириней довольно кратко говоритъ о молитвахъ просительныхъ за вѣрующихъ, то его свидѣтельство восполняется, въ свою очередь, свидѣтельствами Іустина мученика.—Такимъ образомъ, что касается второй, важнѣйшей части литургіи, то, въ свидѣтельствахъ Іустина мученика и Иринея, мы находимъ указанія на существованіе всѣхъ троякаго рода молитвъ благодарственныхъ, просительныхъ и призыванія Св. Духа. Длина молитвъ и подробности въ развитіи главной темы предоставляемы были на изволеніе предстоятеля. Безъ сом-

---

([1]) Ἐγκαλοῦμεν τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον, ἵνα ἀποφήνῃ τὴν θυσίαν ταύτην καὶ τον ἄρτον σῶμα του χριστου καὶ τὸ ποτήριον τὸ αἷμα του χριστου, ἵνα οἱ μεταλαβόντες и пр. Adv. Haeres. IV. c. 18. §. 5. Въ другомъ мѣстѣ Ириней говоритъ: „какъ земной хлѣбъ, чрезъ *призываніе на него Бога*, дѣлается уже не обыкновеннымъ хлѣбомъ, а Евхаристіею, состоящею изъ земнаго и небеснаго, такъ и тѣла наши, пріобщаясь Евхаристіи, уже не суть тлѣнны, но имѣютъ надежду воскресенія". Adv. Haeres. IV. c. 34.

нѣнія, всѣ три рода молитвъ, болѣе или менѣе, были связаны между собою логически, какъ у насъ теперь, и произносились въ слухъ, такъ что ихъ логическая связь ясна была и для народа, чего у насъ теперь нѣтъ.

И такъ литургія первыхъ двухъ вѣковъ, въ существенныхъ чертахъ, будучи сходна съ литургіею нашихъ временъ, отличалась однакожъ и особенностями: 1) Составъ ея: чтеніе св. Писанія, поученіе, молитвы за вѣрныхъ (наши эктеніи), проскомидія, цѣлованіе мира, молитвы собственно евхаристическія — благодарственныя, просительныя и призыванія Св. Духа; 2) импровизація въ изложеніи подробностей и произношеніе въ слухъ всѣхъ молитвъ, — вотъ характеристическія особенности литургіи этого времени.

(*Окончаніе будетъ*).

ПУСТЫНЯ (*).

I.

Есть двѣ страны на земномъ шарѣ, къ которымъ, по преимуществу, примѣняется наименованіе пустыни. Съ одной изъ нихъ — именно Сахарой — мы соединяемъ представленіе о крайней пустотѣ и совершенномъ отсутствіи жизни; другую—именно пустыню Синайскую—называемъ такъ вслѣдъ за библіей. Но, въ томъ и другомъ случаѣ, названіе „пустыни" возбуждаетъ совершенно особый интересъ: если, съ одной стороны, наше воображеніе поражается ужасными картинами смерти и запустѣнія, то, съ другой, не менѣе поражаютъ его замѣчательныя событія давно минувшихъ дней. Но прежде, чѣмъ займемся ветхозавѣтной пустыней, мы должны заявить, что наши прежнія представленія объ ней, въ значительной степени, сложились подъ вліяніемъ свѣдѣній,

(*) Изъ Katholik 1867. August — September. Статья эта принадлежитъ тому же автору, которому принадлежитъ напечатанная въ предшествовавшей кн. „Христіанскаго Чтенія" статья, подъ названіемъ: „Черное море".

которыя мы имѣли объ африканской Сахарѣ. Необозримое песчаное море, ограничиваемое лишь отдаленнымъ горизонтомъ, безъ деревъ, безъ растеній, безъ живыхъ существъ, — вотъ что̀, по существовавшимъ до сихъ поръ понятіямъ, должно было служить, на ряду съ Синаемъ и Хоривомъ, мѣстомъ ветхозавѣтнаго законодательства. Но африканской же пустынѣ суждено было и устранить эти понятія. Въ наше время, благодаря болѣе вѣрнымъ и обширнымъ свѣдѣніямъ объ этой странѣ, Сахара превратилась, изъ плоской песчаной равнины, въ возвышенную горно-скалистую площадь, перерѣзанную глубокими оврагами, и покрывающіе ее зыбучіе пески оказались мелкими частицами тѣхъ же — только вывѣтрившихся—горныхъ скалъ; равнымъ образомъ и пустыня, по которой израильтяне странствовали сорокъ лѣтъ, есть не что иное, какъ то, что древніе называли „каменистой Аравіей" (1).

Въ тѣсномъ смыслѣ слова, подъ этимъ названіемъ разумѣется сѣверная часть той страны, о которой у насъ идетъ рѣчь. Она обнимаетъ собою четыреугольникъ, ограничиваемый съ сѣвера сѣверными оконечностями заливовъ Суэскаго и Акабы, съ юга—южнымъ концемъ Чермнаго моря и древнимъ Пелузіумомъ, при Средиземномъ морѣ; страна, называемая иногда Palaestina tertia (третья Палестина). Впрочемъ, у насъ есть достаточныя основанія присоединять къ ней и примыкающій сюда съ юга полуостровъ, такъ какъ онъ составляетъ нѣчто цѣлое съ поименованнымъ райономъ,

(1) Мы удерживаемъ это значеніе, потому что оно заключается въ духѣ словоыраженія древнихъ, хотя Arabia Petraea собственно прилагается къ городу Набатеевъ Петрѣ; греки говорили ἡ κατὰ τὴν Πέτραν Ἀραβία.

по образованію и свойствамъ почвы. Что греки и римляне не относили этаго полуострова къ Аравіи, собственно такъ называемой, это объясняется неудовлетворительностію ихъ географическихъ свѣдѣній, легко объясняемою изолированнымъ положеніемъ полуострова. Напротивъ, апостолъ Павелъ (Гал. 4. 25) опредѣлительно говоритъ: Синай (находящійся на этомъ полуостровѣ) гора въ Аравіи,—въ чемъ можно удостовѣриться съ перваго же взгляда на окружающую ее мѣстность. Съ одинаковымъ правомъ, мы могли бы распространить на всю совокупность разсматриваемыхъ нами мѣстъ и особенныя наименованія, присвоенныя этому полуострову,—именно Петрейскій полуостровъ, Синайскій полуостровъ, Синайская Аравія. Такимъ образомъ, Синайская пустыня представляетъ огромный равносторонній треугольникъ, вершины котораго, простирающейся на югъ, нужно искать на Расъ-Магометъ, исходномъ пунктѣ заливовъ Суэзскаго и Акабы. Равныя стороны этого треугольника ближайшимъ образомъ очерчиваются берегами поименованныхъ заливовъ; но на сѣверъ обѣ эти морскія полосы простираются далѣе, съ удержаніемъ своихъ особенностей, — и изъ нихъ западная тянется чрезъ горькія озера и примыкающія къ нимъ соляныя степи до озера Мензалегъ и Средиземнаго моря, а восточная напротивъ, чрезъ глубокую долину Арабагъ до Мертваго моря: до этихъ же поръ простирается и самый полуостровъ. Основною линіею даннаго трехъугольника нужно считать линію, проходящую отъ озера Мензалега, по берегамъ Средиземнаго моря, до прежней Ринокекуры, и достигающую до южной оконечности Мертваго моря. Эта основная линія тянется на сорокъ миль, обѣ боковыя линіи на шестьдесят миль каждая,

а кратчайшая линія отъ Средиземнаго моря до вершины Расъ-Магомета на пять-десять миль; все же занимаемое полуостровомъ пространство представляетъ площадь въ 1,000 квадратныхъ миль. Такимъ образомъ, Синайскій полуостровъ почти равняется по величинѣ Крыму или Сербскому княжеству и немного уступаетъ королевству Бельгійскому.

По фигурѣ, весь полуостровъ можетъ быть сравненъ съ плоскою пирамидою, вершина которой, простирающаяся до высоты 9.000 футовъ, находится только въ 10 миляхъ на сѣверъ отъ мыса Расъ-Магометъ. Такимъ образомъ, начиная съ основной линіи на сѣверъ, почва повышается исподоволь, между тѣмъ, какъ съ боковыхъ сторонъ—рѣзко и прямо. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что въ общемъ трехъугольникѣ, образуемомъ всею каменистою Аравіею, на общей основной линіи образуется другой, внутренній трехъугольникъ небольшихъ размѣровъ: двѣ остальныя стороны этого малаго трехъугольника, простирающіяся на югъ, обозначаются особеннымъ образомъ. Именно, начиная отъ Чермнаго моря съ одной стороны и окрестностей озера Мензалегъ съ другой, онъ простирается до самаго центра настоящаго полуострова, центра, лежащаго въ 17 миляхъ на сѣверъ отъ Расъ-Магомета и образующаго рядъ возвышеній, которыя, впрочемъ, не составляютъ цѣпи горъ, а только цѣпь горныхъ скалъ. Ибо прямо на юго-востокъ и юго-западъ скалистая масса этого возвышеннаго кряжа образуетъ крутой обрывъ до 1,000 футовъ относительной вышины, тогда какъ гребень его достигаетъ 4,300 футовъ надъ поверхностью моря. Но къ сѣверу отъ обоихъ кряжей спускается до самаго Средиземнаго моря и границъ Па-

лестины, постепенно понижаясь, высокая равнина твердой горной породы, называемая у арабовъ Эль-Тигъ, а въ Св. Писаніи пустыней Фаранъ. Главную составную часть ея образуетъ твердый песчаникъ, находящійся въ разнообразныхъ комбинаціяхъ съ мѣловыми массами, усѣянными кремнями. Изъ цѣпи небольшихъ холмовъ изрѣдка возвышаются горные утесы: бѣлоснѣжные мѣловые слои, пробиваясь наружу тамъ и сямъ, неожиданно поражаютъ взоры рѣдкаго путника. Гдѣ песчаникъ вывѣтрился, тамъ вы находите летучій песокъ, а гдѣ разсыпалась мѣловая масса, тамъ черные кремневые камни покрыты мѣломъ на цѣлыя мили. На этихъ возвышенныхъ равнинахъ днемъ царятъ палящіе лучи солнца, а ночью очень чувствительный холодъ. При такихъ климатическихъ условіяхъ, здѣсь растутъ только тощая трава и низенькой прутнякъ. Впрочемъ, по направленію съ юга на сѣверъ, вся эта каменистая поверхность пересѣкается, во многихъ мѣстахъ, огромными продольными ущельями, между тѣмъ, какъ, по направленію къ юго-западу и юго-востоку, каменная стѣна не представляетъ почти ни одного ущелья. Огромная, широко развѣтвленная система этихъ горныхъ долинъ теряется въ громадной Вади-эль-Аришъ, которая на сѣверъ тянется до самаго Средиземнаго моря и извѣстна была въ ветхомъ завѣтѣ подъ именемъ „Египетскаго потока“ (собственно nachal—долина—ручей). По ея глубокимъ, страшнымъ ущельямъ, въ сезонъ зимнихъ дождей стремятся бурныя массы воды въ Средиземное море. Когда эти массы истощаются, то, подъ вліяніемъ лучей весенняго солнца, мгновенно развертывается, въ узкихъ равнинахъ и на сухихъ высотахъ, великолѣпная растительность; одна изъ такихъ внезапныхъ

перемѣнъ предносилась предъ взоромъ пророка, когда онъ образно созерцалъ блаженство израиля: „тогда возвеселится пустыня необитаемая и непроходимая; заликуетъ пустыня и зацвѣтетъ, какъ лилія. Она произраститъ, прозябнетъ и заликуетъ, полная радости и хвалы; поелику ей дано величіе Ливана и красота Кармила и Сарона (Исаіи 35. 1).“ Но вскорѣ вся влага исчезаетъ въ рыхлой почвѣ и, на мѣстахъ, гдѣ цвѣла богатая растительная жизнь, является снова безотрадная сушь. Въ свою очередь отсутствіе всякой растительности способствуетъ тому, что, въ теченіе круглаго года, не образуется нигдѣ запаса дождевой воды, и такимъ образомъ, Тигъ представляетъ изъ себя пустыню, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Совершенно иное видимъ мы въ остальной части этого полуострова. На югъ отъ пограничной стѣны, окаймляющей съ этой стороны пустыню, на абсолютной высотѣ 3,000 фут., примыкаетъ къ ней узкая песчаная полоса, которая, на южной оконечности Тига, превращается въ огромную равнину, но на сѣверо-востокѣ и юго-западѣ достигаетъ обоихъ заливовъ уже какъ простая *вади* или лощина (потокъ). По ту сторону этой полосы тотчасъ же начинаются величественныя горы, наполняющія всю южную часть полуострова, такъ что только по берегамъ остается узкая полоса ровной мѣстности. Всѣ горы этой возвышенной мѣстности связываются однимъ общимъ узломъ, который находится почти въ 10 миляхъ на сѣверъ отъ Расъ-Магомета и во многихъ горныхъ пикахъ достигаютъ высоты 9,000 футовъ. Эта центральная масса, называемая нынѣ Джебель-эль-Туръ, и есть древній Хоривъ, къ которому Синай относится, какъ отдѣльный горный пикъ. Отъ этого цен-

тральнаго пункта тянутся громадныя цѣпи горъ на югъ, сѣверо-западъ и юго-востокъ. Кряжъ, простирающійся на югъ отъ Расъ-Магометъ, называется Джебель-Турфагъ, на сѣверо-западъ Джебель-Сербаалъ; сѣверо-восточный—болѣе плоскій—не имѣетъ названія. Въ противоположность горной площади Тига, эти горные кряжи перерѣзаны безчисленными поперечными равнинами, выходящими или на оба залива или на сѣверный песчаный поясъ. Благодаря безмѣрному множеству этихъ *вади*, вся горная страна распадается на множество отдѣльныхъ, большею частію конусообразныхъ, горъ. Всего яснѣе это можно видѣть на горахъ Сербаалъ: главный пикъ этихъ горъ (собственно Сербаалъ) развѣтвляется на шесть равныхъ по прямой линіи возвышающихся до 7.000 фут., вершинъ, и представляетъ въ высшей степени своеобразное зрѣлище. Береговыя полосы, окаймляющія эти горные кряжи съ востока очень узкой, а съ запада очень широкой лентой, суть произведенія горныхъ потоковъ, которые, при частыхъ дождевыхъ ливняхъ, низвергаются въ *вади*, увлекая съ собою въ бездну и землю и обломки скалъ, иногда очень значительные. На сѣверъ эти береговыя полосы дѣлаются все уже и уже и на восточной отъ нихъ остается почти по всему берегу лишь узкая тропинка, извивающаяся вдоль круто, почти отвѣсно возвышающейся сплошной, какъ стѣна, скалы. Такимъ образомъ, на сѣверо-востокѣ этотъ горный кряжъ соединяется съ площадью Тигъ и восточный откосъ этой послѣдней чрезъ то удерживаетъ болѣе характеръ собственно гребня, который, прерываясь ущельями, носитъ названіе Джебель-Веньянега. На половинѣ пути между заливомъ Акаба и Мертвымъ моремъ, этотъ горный гребень расширяется

по направленію на западъ въ новую, почти квадратную площадь песчаника, называемую Абезинатъ, которая возвышается до 1,000 фут. относительной высоты надъ площадью Тигъ, достигающей здѣсь только 800 футовъ вышины. Эта площадь, простирающая всего до 8 миль въ обоихъ направленіяхъ, перерѣзана безчисленными лощинами, по которымъ стекаетъ вода въ Средиземное море, между тѣмъ, какъ три остальныя стороны стоятъ непроницаемой стѣной круто и отвѣсно. Еще далѣе на сѣверъ примыкаетъ къ этой массѣ горъ, отдѣляясь отъ нихъ только глубокою и широкою *вади* Муррагъ, длинный рядъ плоскихъ возвышенностей, извѣстныхъ въ Св. Писанія подъ именемъ горъ Аморейскихъ и переходящихъ въ горы Іудейскія на западъ отъ Мертваго моря. Это геологическое расчлененіе служитъ точкою опоры для тѣхъ, которые хотятъ установить мѣстную, а не логическую связь Іерусалима съ Синаемъ (Гал. 4. 25).

Такъ какъ это снова приводитъ насъ къ сердцевинѣ горной страны Синая, то прежде всего мы разсмотримъ геогностическія особенности этой горной породы: онѣ приведутъ насъ къ неожиданнымъ заключеніямъ. Мы уже видѣли, что вся сѣверная половина полуострова, именно площадь Тигъ, состоитъ изъ песчаника кремнистой формаціи. Всматриваясь ближе, мы находимъ здѣсь двоякое образованіе: это—горизонтально напластованные слои песчанка на посредственномъ плитнякѣ. Постепенное возникновеніе всей площади до подошвы южной части горныхъ образованій, ближайшимъ образомъ, объясняется чрезъ разсмотрѣніе юго-западнаго склона Джебель-Турфагъ. Изъ залива Суэзскаго выдвигаются двойныя залежи песчаника до того рыхлаго, что

вывѣтрившаяся масса его представляетъ на берегу настоящую равнину сыпучаго песку, называемую Эль-Кагагъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ морскаго берега масса песчаника отвалилась, открывши подъ собою огромную массу первобытной кристаллической горней породы. Преобладающимъ составнымъ элементомъ ея служитъ гранитъ съ розо-краснымъ полевымъ шпатомъ, образующій весь южный хребетъ горъ. Огромныя жилы порфира, базальта, діорита и яшмы часто простираются отвѣсно, въ крутыхъ гранитныхъ горахъ, до самой вершины на высотѣ 8,000 фут. Замѣчательно,что большая часть, образовавшихся такимъ образомъ горныхъ пиковъ увѣнчаны верхушкою изъ того же древняго песчаника, который образуетъ огромные слои на западъ и сѣверъ отъ этихъ горъ. Это приводитъ насъ къ убѣжденію, что нѣкогда весь полуостровъ былъ покрытъ однимъ ровнымъ песчанымъ слоемъ, но что на южной его половинѣ, тамъ, гдѣ теперь возвышается Синай, плутоническая горная порода пробилась вверхъ и тѣмъ подняла всю поверхность. Вѣроятно это случилось во время той же катастрофы, которая отдѣлила Африку отъ Азіи и когда возникло Чермное море съ заливами Суэзскимъ и Акабой. Впрочемъ, этимъ переворотомъ полуостровъ не былъ вполнѣ приведенъ въ настоящій свой видъ, поелику на востокѣ, по откосамъ Джебель-Турфага и по береговымъ извилинамъ, попадаются одиночныя базальтовыя формаціи и коралловая скала, которая могла образоваться лишь на морскомъ днѣ, возвышается на значительную высоту рядомъ съ окаменѣлостями и теперь еще живущихъ черепокожныхъ животныхъ. Такимъ образомъ нѣсколько столѣтій спустя послѣ того, какъ послѣдовало пер-

вое поднятіе поверхности, земля еще разъ была потрясена внутреннимъ пламенемъ и результатомъ этого новаго сотрясенія было новое поднятіе почвы, сопровождавшееся вулканическими изверженіями. Это было то землетрясеніе, которымъ выдвинута была теперешняя переводина между Чермнымъ и Мертвымъ морями и которое дало бытіе іорданской долинѣ, озеру Геннисаретскому и Мертвому морю.

Не возможно допустить, чтобы первое изъ этихъ событій, по своему могучему размаху, могло ограничиться тѣснымъ пространствомъ синайскаго полуострова. И дѣйствительно гора, лежащая на востокъ отъ залива Акаба и на западъ отъ залива Суэзскаго, обнаруживаетъ тѣ же геологическія свойства, которыя имѣетъ первобытная синайская горная порода Даже болѣе,— слѣды этого громаднаго сотрясенія можно находить и дальше. Не говоря ужъ о громадной линіи пустыни, проходящей, въ видѣ возвышенной каменной равнины, по всей средней Азіи, отъ Сиро-Арабской пустыни до Тихаго океана, формація всей сѣверной половины Африки невольно вызываетъ на сравненіе съ Синайской пустыней. Вся Сахара, отъ Атлантическаго океана до Чермнаго моря есть не что иное, какъ возвышенная, къ югу возвышающаяся болѣе и болѣе, площадь песчаника, замкнутая въ одностороннихъ гребняхъ, площадь, разнообразныя углубленія которой наполнены сыпучимъ пескомъ, образовавшимся отъ вывѣтриванія скалъ. На югѣ и здѣсь, также какъ и на синайскомъ полуостровѣ, фигурируетъ гранитъ съ тѣми же покатостями на сѣверъ. Въ небольшихъ размѣрахъ, указанныя нами особенности до замѣчательныхъ подробностей сказыва-

ются на сѣверо-восточной оконечности Сахары, на такъ называемой ливійской пустынѣ.

Такимъ образомъ отсюда открывается, что сходство между обратившейся въ пословицу африканской и библейской пустыней основывается не на одномъ пустомъ названіи, а что напротивъ, это сходство должно содѣйствовать правильному уразумѣнію физическихъ свойствъ каменистой Аравіи. Извѣстно, что повѣрье относительно совершеннаго безплодія Сахары должно было исчезнуть предъ точными изслѣдованіями ея. Только бездождіе мѣшаетъ большей части сѣверной Африки покрываться растительностью, тогда какъ всѣ остальныя, необходимыя къ тому, условія существуютъ. Культурная *способность* Сахары доказана опытами французовъ, которые, при помощи артезіанскихъ колодцевъ, сдѣлали плодоноснымъ все пространство ея, лежащее на южной оконечности Алжиріи: (1) и кромѣ того въ чертѣ пустыни находится безчисленное множество долинъ и ущелій, въ которыхъ источники ключевой воды произвели богатую, широко раскинувшуюся растительность. Предшествовало ли современному безотрадному состоянію Сахары другое болѣе цвѣтущее, воздѣланное ея состояніе, трудно рѣшить. Тѣмъ не менѣе, мы сочувственно относимся къ удачному выраженію Риттера, что, при точнѣйшемъ изслѣдованіи Сахары, равно какъ и синайскаго полуострова, понятіе объ абсолютной пустынѣ должно быть изгнано изъ географіи (2). Если при всемъ томъ мы удерживаемъ еще названіе пустыни для мѣст-

---

(1) Эти опыты такъ хорошо удались, что одинъ государственный человѣкъ Франціи имѣлъ полное право замѣтить: „Африка должна быть завоевана не штыкомъ, а буравомъ".

(2) S. Erdk. XIV S 234.

ности, лежащей вокругъ Синая, то понимаемъ слово въ томъ только смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его сама библія, изъ которой мы заимствуемъ это названіе. Здѣсь дѣло идетъ только о словѣ midbar (въ приложеніи къ синайскому полуострову это слово постоянно употребляется съ членомъ hammidbar), переводимомъ словомъ „пустыня". Это слово происходитъ отъ глагола dabar, который значитъ „выгонять"; такимъ образомъ midbar означаетъ „выгонное мѣсто", тоже что нѣмецкое „Triff" (выгонъ, пастбище). Теперь для насъ ясно, что должно разумѣть подъ словомъ „пустыня"; это не есть не производительная, мертвая мѣстность, каковую евреи обозначали словомъ zijjah, а тѣ мѣстности, которыя, благодаря отсутствію осѣдлыхъ жителей, не тронуты еще плугомъ и не имѣютъ осѣдлыхъ жилищъ въ видѣ городовъ и селъ. Такую пустыню представляетъ синайскій полуостровъ и теперь также точно, какъ представлялъ ее во время странствованія израильтянъ. И теперь, на обоихъ берегахъ Суэзскаго залива до Акабы, можно встрѣтить только двѣ или три жалкихъ пристани, изъ которыхъ едва ли хоть одна существовала во времена Моисея. Кромѣ этого вся страна вокругъ Синая служитъ жилищемъ для кочующихъ населеній, доставляя достаточный кормъ для ихъ стадъ. Что вся мѣстность, лежащая къ югу отъ Тига, не бѣдна растительностью, объ этомъ мы можемъ напередъ заключать по характеру описанныхъ нами горъ. Составныя части ихъ представляютъ всѣ условія, необходимыя для развитія богатой растительной жизни. Въ безчисленныхъ долинахъ и обширныхъ равнинахъ, пересѣкающихъ горы вокругъ Синая, зеленѣетъ и цвѣтетъ роскошная растительность, обра-

зующая на вершинахъ самостоятельную горную флору, а на склонахъ совпадающая съ растительностью странъ, находящихся въ одинаковыхъ съ нею климатическихъ условіяхъ. Только въ концѣ лѣта растенія начинаютъ терпѣть отъ недостатка воды, такъ какъ бурные и обильные потоки, стремительно низвергающіеся съ горъ весною по всѣмъ направленіямъ, до того пропитываютъ почву влагою, что ее достаетъ почти на круглый годъ. При этомъ не нужно забывать и того, что въ склонахъ горъ не рѣдко попадаются источники, доставляющіе воду въ достаточномъ количествѣ и для людей, и для животныхъ и для растеній (1). Но самый климатъ въ нѣкоторой степени препятствуетъ успѣхамъ растительности. Самыя глубокія долины все-таки лежатъ слишкомъ высоко надъ уровнемъ моря; такъ, Синай возвышается на равнинѣ, имѣющей 4.000 ф. абсолютной высоты. Отсюда происходятъ самыя рѣзкія противоположности въ температурѣ: вовсе не рѣдкость находить днемъ 37° по реомюру, а ночью 3° и даже того менѣе. Этимъ можетъ быть и объясняется замѣчаемая въ синайской растительности особенность—именно отсутствіе *общественности* между растеніями. Луговыхъ образованій вовсе нѣтъ на полуостровѣ; если и попадаются довольно значительныя пространства, занятыя растеніями одного вида, то обыкновенно такими кустарниками и травами, которые всего лучше ростутъ въ одиночку. Нѣтъ также на всемъ полуостровѣ и земледѣлія въ собственномъ смыслѣ этого слова; только на

(1) Робинзонъ росказываетъ (Pal. I. S. 121), что онъ во время своего продолжительнаго путешествія по полуострову только однажды почувствовалъ недостатокъ въ водѣ и то потому только, что не хотѣлъ пить изъ мутнаго источника и не имѣлъ времени расчистить его.

пограничныхъ округахъ, гдѣ страна потеряла уже свой существенный характеръ, горсть феллаховъ или осѣдлыхъ арабовъ, сѣетъ нѣсколько ржи и ячменя и затѣмъ до самой жатвы кочуетъ вмѣстѣ съ стадами. Замѣчательно также, что лѣсная растительность въ настоящее время, на всемъ полуостровѣ въ высшей степени скудна. Только одинокія и то незначительныя пальмы сопровождаютъ человѣка и здѣсь повсюду, гдѣ онъ временно проживалъ. На восточной сторонѣ господствуетъ гумми-акація, на западной низенькой тамарискъ. Фруктовыя деревья рѣдки; чаще попадается дикая фига. Часто попадается также дроко-образный кустарникъ, называемый у арабовъ Ретемъ; это библейскій rothem (смерчіе), подъ которымъ отдыхалъ Илія во время своего бѣгства къ Хориву ([1]). По этимъ даннымъ легко сообразить, чѣмъ долженъ здѣсь человѣкъ поддерживать свою жизнь.

Бедуинъ живетъ своимъ скотомъ, а его скотъ получаетъ для себя щедрый кормъ отъ природы. Тѣмъ не менѣе, мясная пища употребляется только въ особыхъ случаяхъ. Убой домашнихъ животныхъ слишкомъ уменьшилъ бы и безъ того не большія стада, и потому только, по случаю праздника, или какого нибудь гостя, появляется на столѣ ягненокъ. Дичи очень мало на полуостровѣ: кромѣ газели, за которой очень трудно охотиться, попадаются только зайцы и каменные барсуки, хирогрилы израильтянъ ([2]), и то изрѣдка. За то ранней весной здѣсь большое изобиліе въ мясѣ; въ это время пролетаютъ мимо необозримыя стаи куропатокъ и перепеловъ и ловятся въ безчислен-

([1]) 3 Царствъ 19, 4.
([2]) Лев. II, 5.

номъ множествѣ, какъ и во времена Моисея. Въ другія времена года, главною пищею служитъ молоко во всевозможныхъ видахъ. Хлѣбъ мало употребляется и притомъ въ прѣсномъ видѣ, — онъ приготовляется изъ истертыхъ сѣмянъ нѣкоторыхъ дико-растущихъ растеній, или изъ зерновыхъ хлѣбовъ, покупаемыхъ въ Египтѣ. Въ восточной части полуострова значительнымъ подспорьемъ къ пищѣ служитъ рыба, которою изобилуютъ оба залива. Уже древность населяла эти мѣста ихтіофагами, т. е. людьми, исключительно питавшимися рыбой; хотя къ настоящимъ жителямъ Синайскаго полуострова это названіе и неприложимо, тѣмъ не менѣе и теперь вылавливается здѣсь частію сѣтями, частію острогами, огромное количество рыбы, которая въ сухомъ видѣ отправляется внутрь страны. Если присоединимъ къ этому пальмы и латуки, единственную пищу, представляемую по временамъ пустынею, то легко поймемъ, что существованіе жителей прежде всего обусловливается здѣсь стадами. Но не одно пропитаніе онѣ имъ доставляютъ, а и одежду и жилище. Изъ овечьей волны и козьей шерсти здѣшнія женщины безъискуственнымъ образомъ приготовляютъ грубую одежду, которую бедуины носятъ и зимой и лѣтомъ, а огромные клоки шерсти, роняемой верблюдами, доставляютъ матеріалъ для прикрытія шалашей, подъ которыми они спасаются отъ ночныхъ холодовъ.

Послѣ этого понятно, что и въ настоящее время, также какъ и во время исхода израильтянъ изъ Египта, на Синайскомъ полуостровѣ находятся всѣ жизненныя условія для существованія пастушескихъ племенъ и ихъ стадъ; и теперь также, какъ и во времена израильтянъ, они должны перекочевывать съ мѣста на мѣсто. Отсюда

ясно также, что образъ жизни этихъ племенъ долженъ быть крайне простъ и неприхотливъ. Но къ такому образу жизни израильтяне временъ Моусея вовсе были непривычны. Отсюда ихъ жалобы: „лучше бы было намъ умереть отъ руки Господней въ землѣ египетской, гдѣ мы ѣли мясо и имѣли хлѣбъ съ избыткомъ“. „Кто дастъ намъ ѣсть мяса?“ „Мы теперь думаемъ о рыбѣ, которую не ставили ни во что въ Египтѣ: воспоминаемъ объ огурцахъ, дыняхъ, пыреѣ, лукѣ и чеснокѣ“. Отвѣтъ Моусея также вполнѣ сообразенъ съ мѣстными обстоятельствами и формами жизни: „шестьсотъ тысячъ мужей считается въ этомъ народѣ и Ты говоришь: дамъ имъ мяса ѣсть на цѣлый мѣсяцъ! Гдѣ взять столько овецъ и воловъ на закланіе, чтобы достало имъ въ пищу? Или должны собраться всѣ рыбы морскія, чтобы насытить ихъ (Исх. 16, 3. Числ. 11. 4, 21)?“ Съ другой стороны понятенъ намъ также и упрекъ, который незадолго до своей смерти сдѣлалъ Моусей своему народу, указывая ему на Божіе попеченіе о немъ: „вотъ уже сорокъ лѣтъ прошло, а одежды твои не износились и ты неносилъ дырявой обуви“, поелику Господь, поддерживая стада его, давалъ ему возможность постоянно возобновлять свою одежду (Второзак.: 8, 4. 29, 5).

Одно обстоятельство съ особенною выразительностью отмѣчаетъ здѣсь Моусей,—именно: громадное количество израильтянъ. Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія. Упомянутые имъ шестьсотъ тысячъ мужей, по сношеніи съ другими мѣстами Писанія, составляли лишь возрастную, способную носить оружіе, часть всего народа: если присоединить къ нимъ женщинъ и молодое поколѣніе, то это число возвысится до двухъ милліоновъ человѣкъ, нуждавшихся въ

пропитанія. Если прибавимъ къ нимъ сообразное количество воловъ, овецъ, козъ и верблюдовъ; то должны будемъ сознаться, что, для прокормленія такой громадной массы ,полуостровъ, въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, не можетъ доставить достаточно продуктовъ. Правда, израильтяне имѣли чрезвычайную пищу въ маннѣ и, вслѣдствіе этого, по видимому, не нуждались въ такихъ огромныхъ стадахъ, какія необходимы были бы теперь для пропитанія такого количества людей. Но манна была не единственною ихъ пищею,—она замѣняла лишь хлѣбъ при другихъ питательныхъ матеріалахъ. Далѣе—что особенно важно—израильтяне со своими стадами пробыли на стоянкѣ, при Синаѣ, почти годъ, такъ что необходимо предположить здѣсь такое обиліе корма, какого нельзя уже теперь тамъ встрѣтить. Это ведетъ насъ ка заключенію, что въ прежнія времена полуостровъ былъ плодоноснѣе, чѣмъ теперь. Нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства подтверждають эту мысль. Между тѣмъ какъ теперь, на всей территоріи полуострова, нѣтъ ни одного обширнаго жилого мѣста, во многихъ мѣстахъ огромныхъ долинъ попадаются развалины прочныхъ и далеко раскинувшихся каменныхъ построекъ. Конечно, эти постройки суть большею частію укрѣпленія, страннопріимцы и капеллы, принадлежавшіе христіанамъ, которые уже во времена Юстиніана были разсѣяны по всему полуострову. Нынѣшній синайскій монастырь есть остатокъ тѣхъ многочисленныхъ убѣжищъ, которыя были устроены тогда на полуостровѣ благочестіемъ и которыя позднѣе, благодаря гоненіямъ такъ называемыхъ сарацинъ, т. е. окрестныхъ арабскихъ племенъ, въ конецъ были разрушены. Всѣ они краснорѣчиво говорятъ, что тогдаш-

нее народонаселеніе синайскаго полуострова было гораздо многочисленнѣе нынѣшняго. Но въ *вади* Фейранъ, огромной поперечной долинѣ, ведущей отъ залива Суэзскаго къ сѣверному концу горы Хорива, находятся развалины одного не маловажнаго города, по всей вѣроятности города Фарана, который, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, имѣлъ, въ V в., епископа, и сенатъ котораго могъ оказать дѣятельную помощь христіанамъ полуострова противъ хищниковъ бедуиновъ ([1]). Еще болѣе краснорѣчивое свидѣтельство представляютъ скалы, разсѣянныя по всѣмъ долинамъ полуострова и особенно на западной его сторонѣ. Со времени Нибура стали обращать вниманіе на то, на что указывалъ еще Косма Индикоплевстъ въ VI в.,—именно на этихъ скалахъ находится безчисленное множество надписей, начертанныхъ особымъ почеркомъ, который названъ Синайскимъ первыми, отыскавшими эти надписи. Форма и размѣщеніе отдѣльныхъ буквъ, очевидно, семитическія, очень близко подходящія къ финикійскому почерку; въ языкѣ замѣчаются частію арабскія особенности. Содержаніе ихъ состоитъ большею частію изъ привѣтствій мимоходящимъ и воззваній къ Божію милосердію; подъ очень многими стоятъ имена писавшихъ, но нигдѣ нѣтъ указанія на годъ. Такъ какъ между нѣкоторыми надписями встрѣчаются и кресты, то нѣкоторые ученые и хотятъ относить ихъ, всѣ заурядъ, къ христіанскимъ временамъ полуострова; но подобное заключеніе несправедливо, такъ какъ по внѣшнимъ признакамъ, надписи принадлежатъ различнымъ эпохамъ. Вѣроятно, въ нихъ передало свое имя потомству на-

---

([1]) Ritter, Erdr. XIV. S. 15.

родонаселеніе, обитавшее на полуостровѣ между вторымъ вѣкомъ *до* и седьмымъ *по* Рождествѣ Христовомъ. Хотя нѣкоторые ученые и держатся мнѣнія, что эти надписи суть нечто иное, какъ замѣтки, сдѣланныя для потомства языческими пилигримами, отправлявшимися мимо этихъ мѣстъ въ Сербаалъ, или христіанскими паломниками Синая; но, въ такомъ случаѣ, онѣ попадались бы только на обыкновенныхъ путяхъ сообщенія по полуострову. Между тѣмъ, онѣ находятся на самыхъ отдаленныхъ, глухихъ углахъ скалъ, куда, въ настоящее время, только случайно забродитъ нога человѣка. Притомъ онѣ начертаны или вырѣзаны не мимоходомъ и не спѣшно, а съ большою тщательностью и съ значительнымъ углубленіемъ въ твердыя скалы, и часто буквами, имѣющими до фута величины. Это указываетъ на такихъ производителей, которые долго жили на этихъ мѣстахъ и занимались этимъ дѣломъ на досугѣ, не спѣша, безъ всякой помѣхи. Если прибавимъ къ этому, что, на ряду съ надписями, встрѣчаются грубыя изображенія овецъ, верблюдовъ и др., то само собою является заключеніе, что эти надписи принадлежатъ какому-нибудь пастушескому народу, который, въ былое время, занималъ большую часть полуострова. Затѣмъ, нѣкоторыя надписи, открытыя случайно на западномъ склонѣ полуострова, къ сѣверу отъ Сербаала, на одномъ возвышенномъ мѣстѣ, указываютъ на древность еще болѣе отдаленную. На одной, широкой, огороженной площади можно видѣть множество египетскихъ надгробныхъ памятниковъ, покрытыхъ іероглифическими надписями, а кругомъ лежатъ обломки построекъ, очевидно, египетскаго стиля. Текстъ этихъ надписей указываетъ на даты, восходящія къ древнѣй-

шимъ, извѣстнымъ намъ, временамъ Египта; по свидѣтельству этихъ памятниковъ, здѣсь, равно какъ и на нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, разработывалась, уже въ эти времена сѣдой древности, мѣдная руда, такъ что и весь полуостровъ носилъ у египтянъ названіе Маската т. е. мѣдной страны.

Послѣднее обстоятельство особенно важно для соображеній о прежнихъ свойствахъ синайскаго полуострова. Хотя, отъ пребыванія пришельцевъ, для цѣлей горнаго искуства, по видимому, трудно сдѣлать заключеніе къ характеру какой-либо мѣстности; но, въ настоящемъ случаѣ, одно, не важное на первый взглядъ, обстоятельство совершенно измѣняетъ дѣло. Близъ указанныхъ мѣдно-рудныхъ раскопокъ и теперь еще лежатъ огромныя массы шлаку, служащія доказательсвомъ того, что извлекаемая руда здѣсь же и плавилась. А плавильныя печи предполагаютъ горючій матеріалъ, которымъ онѣ топились; а такъ какъ, въ тѣ времена, топливомъ служили только дрова, то кучи шлаку приводятъ насъ къ заключенію о богатствѣ дровянаго матеріала въ окружающихъ мѣстностяхъ, теперь совершенно лишенныхъ лѣса; для доставки дровъ издалека это мѣсто слишкомъ высоко лежитъ и слишкомъ удалено отъ всѣхъ дорогъ. Такимъ образомъ, здѣсь были лѣса и притомъ не одни низенькіе кустарники тамарисковъ, а великорослыя деревья, которыя могли дать достаточно жару для расплавленія такого твердаго металла. Но, если эта, бѣдная теперь растительностью, мѣстность была покрыта нѣкогда лѣсомъ, то тѣмъ болѣе можно это предполагать относительно той части полуострова, которая и теперь еще покрыта богатою, хотя и мелкою растительностью. Такіе знатоки дѣла, какъ Рип-

пель и Шимперъ, съ увѣренностью заключаютъ, по однимъ простымъ свойствамъ долинъ, ими осмотрѣнныхъ, что, въ былое время, онѣ были покрыты лѣсомъ. Куда исчезло это лѣсное богатство—мы не можемъ сказать навѣрное. Съ незапамятныхъ временъ, номады, населявшіе полуостровъ, всѣ свои нужды, для удовлетворенія которымъ оказывались недостаточными ихъ стада, покрывали лѣсными продуктами, вымѣнивая на нихъ хлопчатую бумагу, муку, ружья, порохъ и табакъ изъ Каира или изъ сѣвернаго Египта. За всѣ эти предметы они платили древеснымъ углемъ, который, въ теченіе года, выжигали на полуостровѣ. При добываніи этого угля, они губили и губятъ древесные стволы наравнѣ съ лугами; а такъ какъ о посадкѣ новыхъ деревъ нисколько не думаютъ, то легко можетъ настать время, когда вся растительность будетъ совершенно истреблена на полуостровѣ. Изъ того, что здѣшніе арабы занимались истребленіемъ лѣсовъ цѣлые вѣка, легко понять, какъ сильна была здѣсь лѣсная растительность въ былое время и какъ мало похожъ былъ тогдашній видъ полуострова на теперешній.

Въ этомъ обстоятельствѣ мы имѣемъ условіе для сорокалѣтняго пребыванія израильтянъ въ пустынѣ. Понятно, что народъ, состоявшій изъ двухъ милліоновъ душъ, долженъ былъ потреблять огромное количество дерева на устройство своихъ палатокъ, на приготовленіе пищи, на согрѣваніе въ холодныя ночи, независимо отъ горючаго матеріала, представляемаго коровьимъ и верблюжьимъ пометомъ. Особенно же въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ приходилось останавливаться на цѣлый годъ, необходимо было имѣть подъ руками огромный запасъ дровъ. Стоянка при Синаѣ требовала еще осо-

бенныхъ тратъ деревомъ на построеніе сининія свидѣнія и многочисленныхъ подѣлокъ, которыя всѣ произведены были изъ твердаго и легкаго дерева акаціи. Мы не находимъ нигдѣ указанія на то, чтобы израильтяне встрѣчали какія-либо препятствія при производствѣ указанныхъ построекъ и подѣлокъ. Значитъ матеріалъ, необходимый для нихъ, былъ находимъ на мѣстѣ, между тѣмъ „носила", на которыхъ покоилась скинія свидѣнія, имѣли 18 фут. длины (Исх. 25. 13—15), и слѣдовательно могли быть сдѣланы изъ длиннорослыхъ деревъ.

Но, выводя эти слѣдствія, мы не думаемъ соглашаться съ тѣми, которые, бывшими растительными богатствами полуострова, объясняютъ специфическія средства къ пропитанію израильтянъ. Извѣстно, что значительнымъ подспорьемъ къ пропитанію ихъ, во все время странствованія по полуострову, была манна. Но и въ настоящее время, на синайскомъ полуостровѣ, по крайней мѣрѣ на западной его части, существуетъ продуктъ, которому, очевидно, приноровительно къ библейскому тексту, усвоено названіе манны. Это родъ смолы, или клею, которая, въ маѣ и іюнѣ, выступаетъ на тонкихъ вѣткахъ тамариска или тарфа, вслѣдствіе проколовъ, сдѣланныхъ насѣкомыми изъ породы червецовъ, и, отвердѣвши, падаетъ на почву мелкими крупинками. Подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, она таетъ и уходитъ въ почву, на огнѣ растопляется и кипитъ, можетъ держаться цѣлый годъ и европейскіе пилигримы берутъ ее съ собой на родину на память о Синаѣ. Послѣднее обстоятельство вызвало повѣрье, будто упоминаемая Моусеемъ манна и теперь продолжаетъ появляться, и подало поводъ невѣрующей критикѣ ухва-

титься за нее, чтобы дать естественное объясненіе разсказанному въ библіи факту. Но это объясненіе представляетъ такія затрудненія, которыхъ не можетъ обойти раціоналистическая наука нашего времени. Прежде всего сравнимъ библейскую манну съ тамарисковою. Первая, конечно, падала на землю, какъ и послѣдняя, и такъ же точно таяла отъ солнца. Но та была крѣпка на вкусъ, а эта безвкусно-сладковата; библейскую манну толкли въ ступкѣ, тогда какъ теперешняя много много если достигаетъ плотности мягкаго воска; наконецъ—и самое главное—библейская манна питала израильтянъ, а нынѣшняя слабитъ. Независимо отъ этого замѣчается еще огромное различіе въ массѣ обоихъ продуктовъ. Тамарисковой манны набирается такъ мало, что арабы только въ видѣ лакомства позволяютъ себѣ намазывать ею свой хлѣбъ. Теперь, если предположить даже, что въ былое время гораздо больше росло на полуостровѣ тамариска, и тогда его производительность нужно представлять себѣ безмѣрно великою, чтобы достало его продуктовъ на два милліона человѣкъ. Это выяснится для насъ еще лучше, если мы примемъ въ соображеніе, что тамариски производятъ свою смолу только два мѣсяца въ цѣломъ году, между тѣмъ какъ израильтяне питались манною круглый годъ. Если всего этого недостаточно для доказательства того, что пища, которой питались израильтяне въ пустынѣ, имѣла сверхъестественныя свойства, то, въ заключеніе, св. Писаніе повѣствуетъ еще, что манна падала только въ шесть дней недѣли, а что въ субботу она не падала, и что, на оборотъ, она сохранялась въ субботу, тогда какъ оставленная на другой какой-либо день недѣли она пропадала. Надѣемся, никто не будетъ пытаться

давать этому обстоятельству естественное значеніе и исторія тамарисковой манны, вмѣсто того, чтобы служить средствомъ къ естественному объясненію, скорѣе послужитъ полнѣйшимъ доказательствомъ того, что авторъ пятикнижія, въ своемъ повѣствованіи о маннѣ, говоритъ о сверхъ-естественномъ событіи. Скорѣе мы готовы признать связь между небеснымъ хлѣбомъ и тамарисковою манною въ томъ, что та и другой встрѣчаются на одномъ только строго ограниченномъ мѣстѣ земнаго шара. Именно, какъ небесный хлѣбъ, приносимый Иліи ангеломъ, имѣлъ видъ обыкновеннаго хлѣба, такъ и чудесная пища, которою питались израильтяне въ пустынѣ въ память Божественнаго водительства, должна была имѣть видъ обыкновенной встрѣчающейся тамъ пищи, и Божественная Премудрость избрала такую форму, которая недалеко отклонялась, по внѣшности, отъ одного изъ произведеній пустыни ([1]).

Мы возвратимся еще къ тому факту, что величественная горная мѣстность Синайскаго полуострова обладала, въ древнія времена, богатою растительностью и особенно лѣсною. Слѣдствіемъ этого здѣсь, какъ и вездѣ, должна была быть регулярность климатическихъ отношеній. Теперь очень часто бываютъ на полуостровѣ сильные проливные дожди, быстро покрывающіе плодоносную почву растительностью и смѣняющіеся продолжительною засухою, губящею все. Такъ бываетъ во

([1]) Ср. также Ф. В. В. in sächs. Kirchen—und Schul—Blatt 1855. № 44. „Вмѣсто жалкой тамарисковой смолы Іегова ниспослалъ съ неба алчущему народу совершенно иную превосходную пустынную пищу, которая впрочемъ по своему внѣшнему сходству съ нею, при всей внутренней разности, какъ вѣрѣ, такъ и невѣрію, какъ тогда, такъ и теперь подаетъ поводъ, или признать чудо и прославлять Подателя сего дара, или отрицать оное и объяснять все естественнымъ образомъ.“

всѣхъ странахъ, лишенныхъ лѣсу; лѣса, по свидѣтельству опыта, установляютъ правильное отношеніе между засухою и дождемъ. Но, если когда либо атмосферные дожди были здѣсь вообще чаще и умѣреннѣе, то долина Тигъ, герметически закупоренная горами, не составляетъ и теперь, въ этомъ отношеніи, исключенія. На сѣверѣ также господствуетъ менѣе эксцентрическій климатъ, съ умѣренными дождями. Такимъ образомъ, если производительная способность этой площади обнаруживается роскошною растительностью на влажныхъ мѣстахъ, какъ и вообще кремнистая формація образуетъ плодоносные участки земли, то эта, теперь обнаженная, пустыня не имѣла недостатка въ растительности по крайней мѣрѣ въ долинахъ и на низменностяхъ. Этого мы должны твердо держаться, такъ какъ въ этомъ именно мѣстѣ народъ израильскій дольше всего останавливался. При нынѣшнихъ климатическихъ условіяхъ не возможно было бы цѣлому народу пространствовать здѣсь тридцать восемь лѣтъ, даже и съ манною; для доставки горючаго матеріала и—что особенно важно—воды, нужны были бы ежедневно новыя чудеса, о чемъ однако ничего не говорится въ св. Писаніи. Во время дождей вода течетъ здѣсь большими и малыми ручьями, и если бы массы испареній, поднимающихся изъ трехъ близъ лежащихъ морей, находили себѣ регулятора въ наличной растительности, то даже пустыня Паранъ, наименѣе привлекательная мѣстность для жительства (¹), во всякомъ случаѣ, доставляла бы все необходимое для людей и стадъ.

(¹) Въ 19 ст. I глав. Второзаконія она называется haggado'l wehannorah,—великою и страшною", скорѣе по пространству, чѣмъ по сухости и безплодію, т. е. „страшно—великою".

Въ связи съ этими соображеніями находится еще одинъ фактъ,—именно, что, во времена Моисея, на аравійскомъ полуостровѣ, обитало народонаселеніе гораздо болѣе многочисленное, чѣмъ то, какое онъ теперь можетъ прокормить. Хотя и теперь здѣсь много племенъ съ разными наименованіями, но, въ общей сложности, число всѣхъ его обитателей не превышаетъ 6.000 человѣкъ. Нѣкоторыя племена, гордящіяся преданіями своего рода и его значеніемъ, насчитываютъ теперь не болѣе пятидесяти человѣкъ, способныхъ къ бою. Совсѣмъ другимъ народомъ являются въ библіи амаликитяне, отважившіеся напасть на израильтянъ съ тыла. Конечно, подобное нападеніе само по себѣ еще немного доказываетъ, такъ какъ на него способны отважиться и самыя ничтожныя племена бедуиновъ; но важно то, что амаликитяне цѣлый день бились съ израильтянами, а это заставляетъ предполагать, что они располагали значительными силами. По указанію пятокнижія, этотъ народъ, происходившій отъ Исава, занималъ всю сѣверную часть полуострова до самыхъ жилищъ хананитскихъ. Напротивъ, на южной, меньшей части жили мадіаниты, въ видѣ отдѣльной отрасли одного большаго племени, которое занимало съ своими стадами восточную сторону залива Акаба и далѣе, на сѣверъ, до Моава. Между ними жило родственное имъ племя кенитовъ, къ которому принадлежалъ Іоѳоръ, тесть Моисея. Отношенія, въ которыхъ находился Моисей къ этой замѣчательной личности, сдѣлали кенитовъ и обитавшихъ на полуостровѣ мадіанитовъ друзьями израильтянъ, тогда какъ восточные мадіаниты соединились съ ихъ врагами для ихъ истребленія.

На югѣ синайскаго полуострова нашелъ свою безо-

тясность Моvсей, бѣжавши изъ Египта. Сорокъ лѣтъ велъ онъ здѣсь жизнь, характеризуемую въ св. Писаніи фразой: hajah roëh — *пастушествовалъ*; т. е. перекочевывалъ съ мѣста на мѣсто съ своимъ шалашомъ и стадами своего тестя. Какъ овчарь, утромъ выгонялъ онъ своихъ овецъ на пастбище. а вечеромъ опять загонялъ въ овчарни. По одному извѣстному случаю, св. Писаніе замѣчаетъ, что онъ съ своими стадами зашелъ achar hammidbar—*въ глубь пустыни* (¹); здѣсь конечно дѣло идетъ объ одномъ изъ тѣхъ обыкновенныхъ странствованій, которыми наполнена бываетъ вся жизнь номадовъ. Съ этой точки зрѣнія, пребываніе Моvсея у Іоѳора пріобрѣтаетъ новое, важное значеніе. Вождь израильскаго народа не только пріобрѣлъ здѣсь, подъ вліяніемъ впечатлѣній величественной природы, то спокойствіе и зрѣлость духа, въ которыхъ нуждался для выполненія своего призванія, но и обогатился нужной опытностью: онъ изучилъ большую часть страны, по которой впослѣдствіи долженъ было руководить другихъ, своими собственными глазами онъ высмотрѣлъ ее и могъ сообразить, какъ устроить свою жизнь при данныхъ условіяхъ. Хотя позднѣе онъ принялъ себѣ на помощь своего зятя Ховава, „какъ око“, такъ какъ онъ больше былъ знакомъ съ мѣстностью, но это не замѣняло его собственной опытности. Равнымъ образомъ и сверхъестественное водительство, указанное Господомъ въ столпѣ облачномъ, не исключало необхо-

(¹) Таково, по нашему мнѣнію, собственное значеніе слова achar. Переводъ этого слова фразой: „*за* пустыню“,—какъ будто между шатромъ Іоѳора и Хоривомъ растилалась песчаная полоса, — основывается частію на недоразумѣніи, производимомъ словомъ „пустыня“, частію на незнаніи мѣстности. Что будто achar означаетъ *за, позади*, это исключительно выводится изъ этого же мѣста.

димости въ собственномъ знаніи мѣстности и въ собственной осмотрительности. Столпъ облачный указывалъ лишь направленіе пути, опредѣлялъ время снятія съ стоянокъ и мѣсто новой стоянки; ближайшія же распоряженія должны были быть, предоставлены обыкновенному человѣческому соображенію и выбору. Не смотря на сверхъ-естественное вмѣшательство, благодать не насиловала здѣсь человѣческой свободы, и въ пустынѣ, какъ и вездѣ, правильность и совершенство происходили отъ взаимодѣйствія между Божественнымъ руководствомъ и человѣческой дѣятельностью. Такую же гармонію усматриваемъ мы между научными изслѣдованіями и священными преданіями въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся предметной стороны событія, здѣсь совершившагося, и въ слѣдующей книжкѣ съ свѣточемъ науки прослѣдимъ тотъ путь который израильтяне прошли здѣсь подъ руководствомъ облачнаго столпа и Моуcея.

(Окончаніе будетъ).

ЧИСЛЕННОСТЬ ОЛОНЕЦКАГО РАСКОЛА

И

УСПѢХИ ОЛОНЕЦКОЙ МИССІИ (*)

Поморье, самымъ географическимъ положеніемъ осужденное на дикость, унылость и непроницаемую для любопытнаго глаза изслѣдователя таинственность, весьма и весьма много благопріятствовало успѣхамъ раскола. Множество озеръ, такое же количество болотъ и 12 милліоновъ десятинъ лѣса, сильно затруднявшіе сообщеніе, такъ благопріятствовали укрывательству подъ тѣнію непроницаемой мглы всякаго рода преступникамъ, что возмутители общественнаго — граждан-

(*) Вопросъ, затронутый авторомъ этой статьи, гораздо шире и обстоятельнѣе разсмотрѣнъ въ статьѣ: „Нужно ли преподавать въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ ученіе о расколѣ?, помѣщенной въ январ. кн. „Хр. Чт.“ въ текущій годъ,—тѣмъ не менѣе мы даемъ ей мѣсто на страницахъ своего журнала, такъ какъ она представляетъ нѣсколько фактическихъ подтвержденій основной мысли, проведенной авторомъ упомянутой статьи,—о необходимости усилить преподаваніе науки о расколѣ въ семинаріяхъ между прочимъ и въ виду неудовлетворительности результатовъ, пріобрѣтенныхъ *оффиціальными миссіонерами* въ теченіе своей 12 лѣтней дѣятельности. *Ред.*

скаго и церковнаго благочинія, преслѣдуемые всею строгостію закона и справедливости, не могли оставить нашей рѣдкой мѣстности безъ вниманія. И дѣйствительно, въ Обонежской странѣ, извѣстной въ ту пору подъ именемъ Поморья, расколъ, поселившись, такъ упрочилъ свое благосостояніе, что двѣ его обители Даниловская и Лексинская, славныя на весь раскольническій міръ во дни жизни своихъ главныхъ основателей, славны были и въ первую даже половину текущаго столѣтія. Мы имѣемъ, кромѣ письменныхъ документовъ, фактическія подъ глазами доказательства и показанія достовѣрныхъ живыхъ свидѣтелей того, какими сокровищами владѣли эти двѣ раскольническія обители и какое число иноковъ и инокинь несли труды (мнимаго) подвижничества въ сихъ обителяхъ мнимо—древняго благочестія.

Сколько географическое положеніе Олонья благопріятствовало укорененію въ немъ раскола, столько же, если неболыше, помогла ему и историческая судьба обонежской пятины, не имѣвшей своей постоянной губернской и епархіальной администраціи и переходившей—то подъ управленіе великаго Нова-града, то Архангельска. Малочисленность храмовъ и священниковъ, необразованность и темное, вдали отъ епископскаго надзора, ихъ поведеніе, холодность къ дѣлу своего служенія, доходившая нерѣдко до забвенія и пренебреженія своихъ главнѣйшихъ обязанностей не привлекали жителей Обонежской страны съ вопросами и потребностями религіозной души къ православному священству, которое въ свою очередь такъ же нимало не заботилось не только о подкрѣпленіи слабыхъ въ вѣрѣ, но и объ удержаніи и поддержаніи крѣпкихъ. Между тѣмъ расколо-учители недремлемо хлопотали о распростране-

ніи и утвержденіи мнимо-древняго благочестія, разсылая повсюду проповѣдниковъ, которые и тономъ рѣчи, сроднымъ и роднымъ простолюдину, и участливостію въ дѣлѣ вѣры и спасенія души, и безкорыстіемъ, и строгимъ подвижничествомъ, и глубокимъ видимымъ благочестіемъ привлекали къ себѣ сердца слушателей и дѣлали ихъ вѣрными послѣдователями своего ученія. Оставляя вновь-обращенныхъ къ мнимо древнему благочестію, расколо-учители давали имъ лестное для самолюбія и успокоительное на счетъ спасенія право— совершать богослуженіе и таинства. Такимъ образомъ, простецу крестьянину, удаленному географически отъ пастыря церкви православной, о которой много и много невыгоднаго наговорили ему проповѣдники старовѣрія, и не чувствовавшему влеченія къ православному, жившему для него соблазнительно, священству, не было нужды обращаться къ священникамъ за требами, которыя самъ онъ могъ совершать и для себя и для своего сосѣда не только безъ труда, но еще съ полнымъ сердечнымъ наслажденіемъ. Очевидно, при такой обстановкѣ, внѣ всякаго надзора и попеченія власти церковной и при небольшомъ вниманіи власти гражданской, отъ которой всегда можно было отдѣлаться матеріальными жертвами, все благопріятствовало процвѣтанію раскола и увеличенію числа его послѣдователей на счетъ членовъ церкви православной.

Съ открытіемъ епархіи судьба олонецкаго поморскаго раскола измѣняется къ худшему для него до того, что (казалось бы) еще не много лѣтъ и онъ кончитъ свое существованіе! Апостольски ревностный въ дѣлѣ своего служенія и строгій сколько по отношенію къ себѣ, столько же и къ другимъ, первый олонецкій архипас-

тырь преосвященный Игнатій, обративъ все свое вниманіе на повсюдную въ его епархіи болѣзнь, съ ревностію Иліи приступилъ къ искорененію терній на нивѣ Господней руками приходскихъ пастырей, которые до сего времени нисколько ни научно, ни опытно не были знакомы съ ученіемъ раскола, и которые, слѣдовательно, во избѣжаніе юридической отвѣтственности предъ строгимъ архипастыремъ за неуспѣшность въ дѣлѣ обращенія въ православіе непреклонно—твердыхъ въ своихъ заблужденіяхъ раскольниковъ, должны были всевозможно скрывать документально сектантовъ. Ревнители мнимой старины очень хорошо понимали, что священники, строгостію архипастыря и непобѣдимымъ упорствомъ старовѣровъ, поставлены въ такое безвыходно-плачевное положеніе, что обнаруживать расколъ во всемъ его объемѣ для нихъ вредно, а сражаться съ расколомъ безъ надежды на успѣхъ и безполезно и не безопасно: а потому не только не думали о своемъ обращеніи въ нѣдра церкви православной, но и другихъ увлекали въ свое общество въ полной увѣренности, что мѣстный священникъ не выдастъ ихъ во вредъ самому себѣ. Такимъ образомъ, во время управленія олонецкою епархіею преосвященнаго Игнатія, мѣстный расколъ, уменшаясь не годами, а часами, и не единицами, а сотнями, на бумагѣ близокъ былъ не къ паденію только, но и къ совершенному исчезновенію; на самомъ же дѣлѣ былъ тотъ же непобѣдимо—твердый и многочисленный, какимъ былъ и до открытія епархіи. Этотъ бумажный способъ обращенія изъ старовѣрія въ правовѣріе весьма неблагопріятно отозвался на двухъ преемственно слѣдовавшихъ за тѣмъ святительствахъ. И во первыхъ, при непосредственномъ преем-

никѣ преосвященнаго Игнатія, преосвященномъ Венедиктѣ цифра раскольниковъ увеличилась весьма и весьма значительно. Конечно, для этого явленія, сейчасъ же старались отыскать причину; но напрасно предполагали видѣть ее въ равнодушіи и невнимательности архипастыря къ расколу; она скрывалась въ томъ обстоятельствѣ, что олонецкое духовенство, почувствовавъ себя въ болѣе спокойномъ, нежели при преосвященномъ Игнатіѣ, положеніи, во дни святительства Венедикта, считало и ненужнымъ и вреднымъ скрывать религіозную болѣзнь отъ своего благостнаго архипастыря. Во вторыхъ не имѣя возможности проникнуть въ тайны консисторскаго архива ([1]), чтобы съ точностію опредѣлить, какъ велико было число раскольниковъ ко времени занятія олонецкой каѳедры нынѣ святительствующимъ архипастыремъ, мы впрочемъ изъ оффиціальныхъ данныхъ видимъ, что число раскольниковъ, простиравшееся въ 1853 году до 3000 душъ ([2]) обоего пола, годъ отъ году расло и расло и наконецъ къ настоящему времени возрасло до 8000 ([3]); слѣдовательно—увеличилась до 5000. Такимъ образомъ олонецкій расколъ въ настоящее время даетъ собою 26 процентовъ на каждую тысячу всего олонецкаго народонасе-

---

([1]) Какой богатый матеріалъ скрывается въ нашихъ вообще и въ частности въ Олонецкомъ Консисторскомъ Архивѣ! Ученый изслѣдователь дѣлъ давно и не давно — минувшихъ, проникнувъ въ тайны нашего Архива, увидѣлъ бы во всей наготѣ всю конструктуру нашего епархіальнаго судопроизводства и извлекъ бы обильные матеріалы для исторіи мѣстной церкви и исторіи и статистики мѣстнаго раскола. Естественно послѣ этого желать, чтобы нашъ Архивъ не долго оставался въ своей дѣвственной неприкосновенности.

([2]) См. Пам. книж. Олонец. Губерніи за 1866 годъ часть III, стр. 16.

([3]) См. тамъ же, стр. 16—17 и въ Пам. книж. за 1867 годъ часть II, стр. 73.

ленія. Правда, это увеличеніе цифры раскола, по замѣчанію олонецкаго статистическаго комитета, „совсѣмъ не указываетъ усиленія раскола и означаетъ только, что нынѣ, на основаніи вновь собранныхъ данныхъ, въ число раскольниковъ включены тѣ, которые прежде (особенно до 1853 года) слѣдовали расколу втайнѣ, или слыли православными, нынѣ же болѣе или менѣе открыто возвратились къ нему. Такимъ образомъ число не слѣдующихъ православному ученію увеличилось въ вѣдомостяхъ, но чрезъ это не послѣдовало расширенія секты на счетъ дѣйствительныхъ членовъ православной церкви (¹)“.

Но какъ ни успокоительно это замѣчаніе статистическаго комитета, какъ ни пріятно оно истинному сыну церкви православной, какъ много ни говоритъ оно въ защиту и пользу стоящихъ на стражѣ дома Божія, а все-таки справедливость требуетъ замѣтить, что оно не можетъ быть признано за основательное. И во-первыхъ, чѣмъ можно доказать, что между „болѣе или менѣе открыто возвращающимися къ расколу не было совращающихся? Вѣдь это такая тайна, которую знаетъ только возвращающійся! А основывать сказаніе на личномъ показаніи возвращающагося не вполнѣ основательно; потому что и совращающійся, во избѣжаніе юридической отвѣтственности и частныхъ пастырскихъ тяжелыхъ для него увѣщаній, прикрывается именемъ возвращающагося. Во-вторыхъ, и сами возвращающіеся чѣмъ могутъ доказать, что они возвращаются только отъ православной церкви,—къ которой искренно или неискренно, но открыто принадлежали,—въ расколъ, къ

(¹) См. Пам. книж. за 1866 годъ стран. 16.

которому будто бы тайно внутренно всегда (?) были привержены? Иное дѣло, если бы отдѣлились отъ церкви когда-то явно обратившіеся отъ раскола; дѣйствительно таковыхъ мы должны бы были назвать возвратившимися; но содержавшихъ въ тайнѣ любовь къ расколу, и явно принадлежавшихъ къ церкви и отдѣлившихся отъ церкви, мы должны назвать совратившимися. Объяснимъ примѣромъ: если бы кто изъ русскихъ внутренно всѣмъ существомъ полюбилъ Францію и, увлекаемый этою любовію, въ одинъ прекрасный день, оставилъ непріятную ему Россію и отправился въ любимую страну: какъ объ немъ сказали бы мы? возвращается онъ туда, гдѣ никогда не бывалъ,—или бѣжитъ—совращается? Наконецъ, въ третьихъ, допустимъ даже, для успокоенія нашей немощной и самолюбивой природы, что эти 5.000 душъ дѣйствительно только внѣшне—по обстоятельствамъ, какъ плѣнники, принадлежали къ церкви православной, а внутренно всегда были раскольниками, и теперь только, съ перемѣною обстоятельствъ, явно возвращаются во свояси;—и въ этомъ случаѣ—не явно ли, что расколъ и въ наши дни цвѣтетъ и растетъ, и, измѣняясь въ численности на бумагѣ, въ дѣйствительности тотъ же многочисленный, какой былъ и ранѣе насъ—давно,—тотъ же неуменьшающійся въ дѣйствительности, какимъ былъ до открытія миссіонерства въ олонецкой епархіи! А несчастное совпаденіе времени увеличенія числа раскольниковъ со временемъ открытія миссіи въ епархіи (1) говоритъ даже не въ пользу дѣйствій миссіи, которая не только не

(1) Олонецкій Статистическій комитетъ ясно говоритъ, что увеличеніе числа раскольниковъ послѣдовало особено съ 1853 г.; а въ 185³/₄ г. открыта и Миссія.

съумѣла обратить истыхъ раскольниковъ въ православіе, но и удержать въ нѣдрахъ церкви раскольниковъ полуправославныхъ.

Мы далеки отъ мысли порицать святость служенія миссіонерскаго и отвергать пользу миссіи вообще: мы даже готовы воспѣть апостольскіе труды и самоотверженіе нашихъ достопочтеннѣйшихъ миссіонеровъ, сѣющихъ сѣмя Слова Божія на глубокихъ снѣгахъ Камчатки, въ американскихъ владѣніяхъ и на Алтаѣ, мы готовы даже сознаться, что лица, къ миссіи неусыпными трудами приготовленныя, что лица на миссіи не только удовольствій, но и удобствъ жизни лишенныя, что лица успѣшно сѣмя Слова Божія сѣющія на нивахъ еще не тронутыхъ, удаленныхъ отъ взоровъ и попеченія не только православнаго священства, но и вообще православія, не могутъ быть воспѣты нами по достоинству; но объ олонецкихъ отцахъ миссіонерахъ не осмѣливаемся сказать ничего подобнаго.

И во-первыхъ, эти лица не только научно не приготовлены, но и вообще никакъ не приготовлены были къ дѣлу своего служенія. Мы знаемъ, что въ 1853 и 1854 годахъ изъ епархій высылали лучшихъ, предназначенныхъ на борьбу съ расколомъ, священниковъ по одному и по два въ С.-Петербургъ для слушанія лекцій и практическихъ наставленій у покойнаго преосвященнаго Григорія, бывшаго впослѣдствіи митрополитомъ петербургскимъ. На сколько было основательно это приготовленіе миссіонеровъ на дѣло съ раскольниками,—мы не знаемъ, но знаемъ, что наши оо. миссіонеры не были въ числѣ слушателей преосв. Григорія и что, до вступленія въ борьбу съ расколомъ, они нисколько не были знакомы съ нимъ; слѣдовательно

они въ своей спеціальности были ниже тѣхъ приходскихъ священниковъ, которые, по долгу пастырскаго служенія, волей или не волей, становились лицемъ къ лицу съ расколомъ. А слѣдовательно, до изученія раскола практически, въ войнѣ съ расколомъ, окрѣпшимъ въ своихъ заблужденіяхъ, упорнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ,—нашимъ оо. миссіонерамъ нужно было помышлять не о побѣдѣ надъ раскольниками, а о томъ, по крайней мѣрѣ, чтобы не потерпѣть отъ нихъ пораженія. Очевидно, стоя въ оборонительномъ (не нужномъ для православія) положеніи, наши оо. миссіонеры какую могли принести пользу въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ? Да и сами раскольники, хитрые и самомнительные, могли ли не видѣть всей несостоятельности нашихъ миссіонеровъ въ преніяхъ съ ними, могли ли не хвалиться предъ слабыми въ вѣрѣ православной своими преимуществами предъ представителями православія—миссіонерами—и не увлекать слабовѣрныхъ къ древнему благочестію? Правда, къ настоящему времени наши оо. миссіонеры, по крайней мѣрѣ двое изъ нихъ (¹), изучили расколъ, и при своихъ природныхъ дарованіяхъ могутъ достойно проходить обязанности своего высокаго служенія; тѣмъ не менѣе, обращая вниманіе на образъ и способъ дѣйствованія нашихъ миссіонеровъ и на плоды ихъ пятнатцатилѣтнихъ трудовъ, противъ желанія мы приходимъ къ убѣжденію въ безполезности миссіи противъ раскола въ олонецкой епархіи.

Всякій знаетъ, что наши раскольники, удаляясь отъ православныхъ вообще,—бѣгутъ въ особенности отъ православнаго священства, и если вступаютъ съ нимъ

(¹) Всѣхъ миссіонеровъ четыре.

въ собесѣдованія о вѣрѣ, то только по необходимости—принужденно, или въ томъ случаѣ, когда православный священникъ, въ теченіе цѣлаго десятка лѣтъ, своею жизнію заслужилъ ихъ довѣріе. Собесѣдованіе перваго рода, очевидно, не можетъ обѣщать ничего полезнаго, а втораго рода—полезнѣйшее—едва ли доступно нашимъ странствующимъ миссіонерамъ. На 8.000 душъ раскола, раскинутаго на необъятное пространство лишенной удобствъ сообщенія Олоніи, четыре миссіонера, изъ которыхъ одинъ живетъ на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ—и обремененъ должностями, слѣдовательно *миссіонеръ—между прочимъ*, а трое тоже проводятъ большую часть года дома, и только по временамъ исполняютъ обязанность своей службы, заботясь не столько о преніяхъ съ раскольниками и убѣжденіи ихъ въ истинѣ православія, сколько объ оффиціальномъ объѣздѣ своего округа и замѣщеніи пробѣловъ дневника. Могутъ ли эти мимолетные разъѣзды поставить высоко миссіонера въ глазахъ раскольниковъ, которые привыкли видѣть такіе же разъѣзды лицъ полицейскаго управленія и которые на оо. миссіонеровъ смотрятъ весьма подозрительно? Можетъ ли промчавшійся (1) миссіонеръ

(1) Мы можемъ представить только два рода собесѣдованій Миссіонеровъ съ раскольниками, а именно: первый когда оо. Миссіонеры, проѣзжая селеніями, собираютъ сектантовъ для выслушанія своихъ поученій: но этотъ способъ учительства не можетъ быть приноровленъ къ частнымъ индивидуальнымъ потребностямъ и воззрѣніямъ сектантовъ, и слѣдовательно не можетъ принести и особенной пользы. Этотъ оптовый способъ увѣщанія напоминаетъ нашъ анекдотъ о проѣздѣ по своему округу врача, который чрезъ десятскихъ и сотскихъ собиралъ къ себѣ крестьянъ каждой деревни, лежащей на пути и прописывалъ всѣмъ и здоровымъ и больнымъ безъ различія степени и родовъ болѣзней—одно лекарство. На долю одной деревни по его усмотрѣнію пало слабительное, на долю другой потогонное, на долю третьей рвотное и

своею жизнію и благоповеденіемъ заслужить довѣріе сектантовъ, необходимое для успѣха дѣла? Мы видимъ, что святые апостолы, являясь во грады и вѣси, проповѣдывали Евангеліе, принаровляясь къ нуждамъ и понятіямъ своихъ слушателей и, насаждая церковь Божію въ одномъ мѣстѣ, не спѣшили въ другое, а заботились въ утвержденіи и укрѣпленіи ея. И наши миссіонеры, трудящіеся надъ обращеніемъ язычниковъ въ христіанство, подражая апостоламъ, поступаютъ также. А потому и плоды ихъ миссіонерской дѣятельности и многочисленны и зрѣлы. Между тѣмъ плоды пятнадцатилѣтнихъ трудовъ нашихъ оо. миссіонеровъ такъ не видны, такъ не замѣтны, что при пятитысячной прибыли раскола мы уже и говорить объ нихъ не смѣемъ. Если основать результаты нашей математической выкладки на оффиціальныхъ сказаніяхъ олонецкаго статистическаго комитета, то, къ крайнему нашему прискорбію, число обратившихся отъ раскола къ православію въ иные годы равняется нулю. Подобные плачевные результаты и прекраснѣйшаго въ теоріи учрежденія заставляютъ усумниться въ его пользѣ и практичности. Кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что и самъ св. Сѵнодъ неоднократно приходилъ уже къ мысли о закрытіи миссіи въ олонецкой епархіи, но мѣстныя соображенія и лестныя надежды на болѣе утѣшительные

т. под. Второй, лучшій, болѣе цѣлесообразный родъ увѣщанія, — это частный, домашній т. е. когда о. Миссіонеръ проѣздомъ посѣщаетъ раскольничья домы: но расположены ли принимать къ себѣ о. Миссіонера раскольники? Не тяготятся ли они, скажемъ болѣе, не презираютъ ли они нежданнаго гостя, хуже чѣмъ татарина; а слѣдовательно, возможно ли при такихъ отношеніяхъ между Миссіонеромъ и раскольниками собесѣдованіе по душѣ и для души? Къ тому же посѣщеніе дома не можетъ быть продолжительно: что же можно сдѣлать съ раскольникомъ въ нѣсколько минутъ?

результаты въ будущемъ—еще длятъ безполезное существованіе миссіи, на которую убивается рѣшительно даромъ до 3,500 руб.

Далѣе: наши оо. миссіонеры истощаютъ свои апостольскіе труды на нивѣ пастырей православной церкви, искореняя на ней плевелы! Но ужели эти плевелы ближе къ сердцу миссіонера, нежели къ сердцу хозяина нивы — приходскаго священника? Ужели искорененіе плевелъ обязательнѣе и удобнѣе для мимоѣзжаго безприходнаго пастыря, нежели для приходскаго священника? Господь нашъ Іисусъ Христосъ, изображая картину добраго пастыря, отнесъ къ его обязанности и попеченіе объ овцахъ стада Христова и заботу объ овцахъ, яже не суть отъ двора Іисусова. Итакъ, спрашиваемъ: олонецкіе приходскіе священники обязаны ли заботиться, какъ слѣдуетъ добрымъ пастырямъ, объ обращеніи раскольниковъ, или эта забота относится къ спеціальности миссіонеровъ?.. Какой бы отвѣтъ на сей вопросъ ни былъ данъ, отвѣтъ будетъ не въ пользу миссіонерства, а именно: пусть скажутъ: *обязаны* За чѣмъ же въ такомъ случаѣ еще нужны особые миссіонеры, которые уже по тому самому, что мимоѣздомъ только знакомятся съ раскольниками, ни заслужить довѣрія, ни пріобрѣсть вліянія у раскольниковъ не въ состояніи. Ужели нужны они только за тѣмъ, чтобы контролировать успѣхи приходскихъ священниковъ въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ и открывать возвращающихся въ секту до 5.000 душъ? Но для этого есть благочинные! Или оо. миссіонеры нужны для восполненія скудости и малоспособности приходскихъ пастырей? Но на столько ли и сами наши оо. миссіонеры сильны въ знаніи раскола, чтобы, такъ сказать, однимъ ударомъ

могли сразить непобѣдимый, какъ показываютъ результаты ихъ пятнадцатилѣтней дѣятельности, расколъ? Или быть можетъ они нужны для приготовленія приходскихъ пастырей на борьбу съ расколомъ? Но время ли готовить воиновъ на полѣ сраженія и возможно ли это приготовленіе пастырей къ рѣшенію мельчайшихъ непредвидимыхъ самими миссіонерами вопросовъ, могущихъ возникать въ душѣ желающихъ иногда бесѣдовать сектантовъ? Это все такіе вопросы, рѣшеніе которыхъ говоритъ рѣшительно не въ пользу миссіи, подвизающейся на нивѣ православнаго священства. Пусть скажутъ: „*не обязаны*"! Но не говоря уже о противорѣчіи этаго отвѣта прямому вмѣненію Господомъ въ обязанность пастырямъ привлекать и ины овцы, яже не суть отъ двора Іисусова, подобный отвѣтъ становится въ противорѣчіе съ весьма нерѣдкими послѣдствіями проѣздовъ миссіонеровъ или въ пользу или не въ пользу мѣстныхъ приходскихъ священниковъ,—имѣющихъ въ средѣ своихъ пасомыхъ и раскольниковъ. Для чего же и вмѣнять въ вину приходскому пастырю неуспѣхъ обращенія раскола, когда обязанность обращенія лежитъ на однихъ миссіонерахъ? Перейдемъ къ срединѣ! Пусть обязанность обращать раскольниковъ будетъ общая для приходскаго священника и миссіонера; но послѣдній самою своею личностію, однимъ своимъ вмѣшательствомъ въ прямую обязанность приходскаго пастыря не парализуетъ ли его дѣйствій, не становится ли болѣе оффиціальнымъ органомъ наблюденія епархіальной власти, и нерѣдко не безопаснымъ для мѣстнаго священника? А между тѣмъ за свои труды, какъ ни безплодны они, оо. миссіонеры получаютъ по 950 руб. прямаго жалованья, и кромѣ того украшаются такими отличіями,

о которыхъ приходскій священникъ не смѣемъ и мечтать. Итакъ, изъ всего доселѣ нами сказаннаго выходитъ 1) что современный олонецкій расколъ многочисленъ и крѣпокъ, 2) что миссія, учрежденная съ 1853 и 1854 годовъ, какъ показываютъ результаты ея пятнадцатилѣтнихъ трудовъ, безполезна и 3), что не миссіи слѣдуетъ заняться обращеніемъ раскольниковъ, которые живутъ не отдѣльными колоніями, куда не проникаетъ нога православнаго священника, а между православными; но пастырямъ этихъ православныхъ, которые, посѣщая ввѣренное имъ отъ Господа стадо, и оберегая его отъ хищныхъ волковъ, не должны по прямой своей обязанности оставлять внѣ попеченія и ины овцы, яже изыдоша отъ двора Господня, но не суть въ немъ.

Очевидно, здравый и не зараженный предразсудкомъ въ пользу нашей миссіи, умъ не можетъ не согласиться съ нами, что если, вмѣсто четырехъ мимоѣздомъ странствующихъ миссіонеровъ, мы будемъ имѣть въ каждомъ приходскомъ священникѣ постояннаго миссіонера, дѣло приметъ совершенно другое направленіе и увѣнчается успѣхомъ. Но намъ могутъ сказать: наши священники не приготовлены на борьбу съ расколомъ,—они не знаютъ раскола! Правда, причина на первый взглядъ не неосновательная: но разберемъ ее критически. „Наши священники не приготовлены“; да вѣдь и миссіонеры не изъ высшаго спеціальнаго по расколу заведенія; и они питомцы той же семинаріи,—слушатели тѣхъ же наставниковъ; однако они узнали расколъ, приготовились на дѣло съ нимъ, практически изучили его: не отдѣлите отъ приходскаго пастыря церкви священнѣйшей его обязанности обращенія раскольниковъ—не отдайте ее спеціально миссіонерамъ,—и приходскіе свя-

щенники точно также, какъ миссіонеры самодѣятельно-практически изучали бы расколъ и каждый былъ бы въ своемъ приходѣ постояннымъ миссіонеромъ; далѣе: если нашъ расколъ, трактуемый различными изслѣдованіями различно, по отзыву же лучшихъ, есть религіозное систематическое заблужденіе, противъ котораго, слѣдовательно, требуется и систематическое опроверженіе, то что препятствуетъ при олонецкой семинаріи открыть самостоятельную каѳедру по ученію о русскомъ расколѣ, тѣмъ болѣе, что новый Высочайше утвержденный уставъ, 129 § вмѣняя въ обязанность усиливать особенно по мѣстнымъ обстоятельствамъ важные и нужные отдѣлы наукъ, § 8 даетъ полномочіе открывать и спеціальныя каѳедры на счетъ средствъ духовенства. Скажутъ, и скажутъ правду, что наше духовенство по бѣдности не въ силахъ содержать особаго преподавателя русскаго раскола: въ такомъ случаѣ уничтожьте миссію; на средства, которыя нынѣ безполезно тратятся на нее, вы можете открыть не одну каѳедру—по расколу. А святѣйшій Сѵнодъ, безъ сомнѣнія, позволитъ сдѣлать такую перемѣну, слѣдствіемъ которой будетъ то, что всѣ питомцы семинаріи, съ окончаніемъ курса семинарскихъ наукъ, будутъ хорошо знакомы съ теоріей раскола, которая, поставивъ ихъ сразу въ возможность дѣйствовать на раскольниковъ, облегчитъ трудъ и сократитъ время практическаго изученія лжеученія. При такомъ подготовленіи еще въ учебномъ заведеніи къ борьбѣ съ расколомъ, то постоянное движеніе священниковъ съ мѣста на мѣсто, та безпрерывная замѣна одного пастыря другимъ, которыя въ настоящее время священниковъ лишаютъ возможности изучить свой приходъ вообще и приходскій расколъ въ

частности, и убиваютъ энергію въ нихъ, будутъ ощутительны только на половину. А если дадите пастырю познать своя овцы такъ, что и овцы будутъ знать своего пастыря и гласъ его слушать, если пастыря церкви добрѣ подвизающагося не оставите безъ того вниманія и поощренія, какимъ пользуются наши оо. миссіонеры; то смѣло и рѣшительно можемъ сказать, что въ нашей Олоніи расколъ будетъ падать и падать весьма осязательно, и не на бумагѣ,—а на самомъ дѣлѣ.

Е—въ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА

ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА СВЯТѢЙШАГО СИНОДА

ГРАФА Д. ТОЛСТАГО

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ

ЗА 1866 ГОДЪ.

(продолженіе)

Мѣры по благоустройству православныхъ учрежденій въ Царствѣ Польскомъ.

Всѣ попеченія духовнаго правительства относительно Варшавской епархіи устремлены къ возвышенію здѣсь нравственнаго значенія и достоинства православной Церкви въ виду иновѣрія, и къ твердому укорененію православно-русскаго направленія въ паствѣ.

Прежде всего обращено самое строгое вниманіе на составъ мѣстнаго духовенства. Принято за правило замѣщать священнослужительскія вакансіи такими лицами, которыя по своему нравственному характеру и образованію могутъ быть вполнѣ достойными представителями православной Церкви въ иновѣрной странѣ. Изъ 39 священниковъ Варшавской архіепископіи 13 получили воспитаніе въ духовныхъ академіяхъ, 25 въ семинаріяхъ, откуда вышли большею частію съ аттестатами 1-го раз-

ряда. Даже на низшихъ степеняхъ іерархіи есть не мало клириковъ, кончившихъ семинарскій курсъ наукъ. Результаты, достигнутые въ этомъ дѣлѣ епархіальнымъ начальствомъ, по всей справедливости, должны быть вмѣнены ему въ особую заслугу, если принять въ соображеніе тѣ трудности, съ какими оно должно было бороться, поставленное въ необходимость, по недостатку туземныхъ кандидатовъ къ занятію вновь открывающихся священнослужительскихъ мѣстъ, каждый разъ вызывать для сего желающихъ изъ уроженцевъ русскихъ губерній.

Къ улучшенію положенія православнаго духовенства въ Царствѣ, и къ благоустройству имѣющихся тамъ православныхъ учрежденій, приняты были въ 1866 году весьма важныя мѣры. Въ этомъ отношеніи командированнымъ отъ духовнаго вѣдомства, съ соизволенія Вашего Величества, чиновникомъ, были представлены подробныя соображенія о необходимости увеличить жалованье приходскому духовенству, объ ассигнованіи въ усиленномъ размѣрѣ суммы на постройку православныхъ храмовъ, о развитіи мѣстныхъ православныхъ благотворительныхъ учрежденій въ Царствѣ и объ открытіи въ Варшавѣ православной семинаріи. Большая часть сихъ предположеній, признанныхъ основательными какъ архіепископомъ Варшавскимъ, такъ, въ послѣдствіи, и мѣстными гражданскими властями, перешли уже въ область совершившихся фактовъ.

Существовавшіе съ 1841 г. штаты содержанія православнаго духовенства оказались для нынѣшняго времени недостаточными, такъ какъ нынѣ цѣны на всѣ жизненные предметы удвоились. Другіе источники содержанія духовенства, по малочисленности и бѣдности прихожанъ,

ничтожны и не могутъ идти въ сравненіе даже съ тѣми скудными доходами, какіе получаютъ приходскіе причты въ Россіи. Между тѣмъ служеніе православныхъ священниковъ въ Царствѣ, по самой исключительности ихъ положенія, среди населенія чуждаго по вѣрѣ, вдали отъ родины, даетъ имъ право на нѣкоторую матеріальную обезпеченность. По симъ основаніямъ, согласно съ предположеніями командированнаго въ Варшаву чиновника и съ ходатайствомъ преосвященнаго Варшавскаго, которое признано со стороны Святѣйшаго Синода уважительнымъ, Ваше Величество, въ отеческомъ вниманіи къ нуждамъ приходскаго духовенства въ Царствѣ, Всемилостивѣйше соизволили, въ 14-й (26-й) день декабря 1866 г., утвердить новый штатъ содержанія сего духовенства, введенный въ дѣйствіе съ 1-го (13-го) января 1867 г. По новому штату назначено священникамъ 16 приходовъ по 1,200 руб. въ годъ; дьяконамъ по 300 р., и пономарямъ по 250 руб. Причтамъ Вабицкой и Дрогичинской церквей, пользующимся усадебною, сѣнокосною и пахатною землею, назначено жалованье 1-му въ 980 р. и 2-му 1,120. Вмѣстѣ съ тѣмъ возвышено содержаніе причтовъ городскихъ Варшавскихъ церквей и хора епархіальныхъ пѣвчихъ. Вся сумма, слѣдующая по новому штату на содержаніе духовенства, исчислена въ 52,830 р., вмѣсто прежнихъ 28,290 р.

Не менѣе существенная потребность ощущается въ сооруженіи, въ Варшавской епархіи, православныхъ церквей. По соображеніямъ командированнаго въ Варшаву духовнымъ вѣдомствомъ чиновника, вполнѣ раздѣляемымъ и преосвященнымъ Варшавскимъ, необходимо построить 37 новыхъ церковныхъ зданій: 7 для нынѣ существующихъ приходскихъ храмовъ и 30 большею

частію въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ постоянно расположенныя военно-походныя церкви лишены не только удобнаго, но большею частію даже приличнаго помѣщенія. По Высочайшему повелѣнію 4-го (16-го) августа 1865 года на этотъ предметъ было вносимо въ бюджетъ Царства по 25 т. руб. въ годъ. При такомъ размѣрѣ отпускаемой суммы, на постройку 37 церковныхъ зданій, полагая на каждое, вмѣстѣ съ помѣщеніемъ для причта, въ общей средней сложности по 20 т. р., понадобилось бы 30 лѣтъ. Посему для ускоренія сего важнаго дѣла, я, съ Высочайшаго соизволенія Вашего Величества, входилъ въ сношеніе съ статсъ-секретаремъ Милютинымъ о необходимости увеличить назначенную на постройку православныхъ церквей въ Царствѣ сумму до 100 т. р., что дало бы возможность окончить всѣ постройки въ 8 лѣтъ. Предположеніе это, согласно съ мнѣніемъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго, 15-го (23-го) августа 1866 года удостоено Высочайшаго утвержденія.

Еще въ 1862 г. образовался въ Варшавѣ русскій дамскій комитетъ для поддержанія православныхъ церквей и при нихъ школъ въ Царствѣ и западномъ краѣ Россіи. Этотъ Комитетъ преобразованъ въ русское благотворительное общество, имѣющее цѣлію, кромѣ попеченія о храмахъ и школахъ, и попеченіе о бѣдныхъ русскихъ людяхъ, которыхъ много проживаетъ во всемъ Царствѣ и особенно въ Варшавѣ, изъ отставныхъ военной и гражданской службы, ихъ вдовъ и сиротъ. Общество это состоитъ подъ покровительствомъ намѣстника Царства и особеннымъ попечительствомъ архіепископа Варшавскаго. Изъ отчета за время дѣйствій общества со дня утвержденія намѣстникомъ его устава 6

(18) мая по 1-е января 1867 года видно, что всѣхъ членовъ его было 387; въ кассу общества поступило свыше 16,000 р., изъ нихъ употреблено въ расходъ до 3,076 р.

Благотворительное также назначеніе получаетъ домъ, принадлежащій Подвальной свято-троицкой церкви въ Варшавѣ. Домъ этотъ, находившійся съ давняго времени, вопреки существующимъ узаконеніямъ, въ безотчетномъ завѣдываніи небольшаго кружка Варшавскихъ грековъ, вслѣдствіе возбужденной о немъ мною переписки съ подлежащими гражданскими властями, переданъ нынѣ въ законное распоряженіе Варшавскаго епархіальнаго начальства. Изъ доходовъ съ дома, простирающихся до 1.600 р., оно предполагаетъ удѣлять до 600 р. на пособія бѣднымъ, и въ самомъ домѣ отдѣлить нѣсколько комнатъ для помѣщенія бѣдныхъ и престарѣлыхъ лицъ, и на пріютъ для лицъ, готовящихся къ принятію Православія.

Комитетъ для устройства духовныхъ дѣлъ въ Финляндіи.

Въ видахъ возвышенія религіознаго и умственнаго образованія православныхъ приходовъ въ Финляндіи, по Высочайшему повелѣнію 23 мая 1866 г., открытъ въ Петербургѣ комитетъ подъ моимъ предсѣдательствомъ, изъ сенатора Финляндскаго сената Антэля, предсѣдателя Финляндскаго духовнаго правленія протоіерея Виноградова и тайнаго совѣтника Батюшкова. На комитетъ возложена обязанность войти въ обсужденіе представленныхъ сенаторомъ Антэлемъ въ особой запискѣ Вашему Величеству предположеній объ учрежденіи въ Финляндскихъ приходахъ воскресныхъ школъ, объ улучшеніи матеріальнаго быта тамошняго духовенства, о возобновленіи ветхихъ и сооруженіи новыхъ православ-

ныхъ храмовъ и объ учрежденіи общинныхъ фондовъ для попеченія о приходскихъ дѣлахъ.

Переводы богослужебныхъ книгъ.

Для православно-просвѣтительныхъ цѣлей Церкви весьма важнымъ пособіемъ служили переводы церковно-богослужебныхъ книгъ. Поощряемые постояннымъ вниманіемъ и матеріальною поддержкою Святѣйшаго Синода, они были продолжаемы и въ 1866 году.

На латышскій языкъ еще въ прежнее время переведены литургія св. Іоанна Златоуста, малый требникъ, служба въ день св. пасхи, пятидесятницы и рождества Христова. Въ 1866 г. мѣстными священниками, образующими отдѣльные комитеты съ спеціальною цѣлью переводовъ, оконченъ переводъ служебника, октоиха, цвѣтной тріоди и книги молебныхъ пѣній. Однѣ изъ этихъ книгъ печатаются, а другія приготовляются къ печати. Кромѣ того приходитъ къ концу переводъ ирмологія и постной тріоди.

На эстское нарѣчіе въ предшествовавшіе годы переведены и напечатаны литургія Златоуста, малый требникъ и благодарственное Господу Богу молебствіе. Въ 1865 и 1866 г. г., учрежденный въ Дерптскомъ уѣздѣ комитетъ занимался переводомъ октоиха и пересмотромъ книгъ, прежде переведенныхъ разными лицами: службы по вся дни Господу Іисусу, канона св. Андрея Критскаго, читаемаго на 1-й недѣлѣ великаго поста, каноновъ всѣмъ святымъ, ангелу хранителю, въ 3 седмицу поста, въ недѣлю вай, въ четвертокъ и пятокъ страстной недѣли, молебныхъ пѣній на новый годъ, во дни коронаціи и восшествія на престолъ и послѣдованій ко св. причащенію и по причащеніи.

На финскомъ языкѣ напечатанъ въ С. Петербургской синодальной типографіи переводъ послѣдованія вечерни изъ слѣдованной псалтири. Кромѣ того учителемъ Петербургской духовной семинаріи Фриманомъ приготовлены къ печати переводы воскреснаго богослуженія и службы на рождество Богородицы.

Архіепископъ Ярославскій Нилъ продолжалъ многолѣтній трудъ свой по переводу богослужебныхъ книгъ на монгольскій языкъ. Въ началѣ 1866 г. напечатано въ здѣшней синодальной типографіи 320 экземпляровъ переведеннаго имъ октоиха, церковными литерами, азбукою арсеньевскою и осиповскою съ украшеніемъ. Къ печати одобрена рецензіею рукопись, содержащая службы во дни Господнихъ праздниковъ. Другія книги, переведенныя, пересматриваются и подготовляются къ постепенному изданію.

Комитетъ правленія Императорской академіи наукъ представилъ въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ напечатанный 2-мъ изданіемъ переводъ пространнаго катихизиса на татарскій языкъ, въ количествѣ 1.200 экземпляровъ. По распоряженію Святѣйшаго Синода эти книги должны быть разосланы по тѣмъ епархіямъ, гдѣ есть крещенные татары.

Президентъ Московской евангелическо-лютеранской консисторіи докторъ фонъ-Блументаль перевелъ на нѣмецкій языкъ пространный православный катихизисъ, съ цѣлію дать лицамъ своего вѣроисповѣданія лучшее и высшее, нежели какое они имѣютъ, понятіе о ученіи православной Церкви. По представленію о семъ митрополита Московскаго, Святѣйшій Синодъ, согласно желанію Блументаля, разрѣшилъ изданіе его перевода, съ сопоставленіемъ русскаго текста и съ правомъ напеча-

тать его въ частной типографіи, по одобреніи духовною цензурою нѣмецкаго перевода катихизиса. Въ этомъ замѣчательномъ случаѣ нельзя не видѣть, какъ люди, даже чуждые Церкви по своему религіозному міросозерцанію и воспитанію, невольно отдають справедливую дань уваженія истинѣ Православія, когда относятся къ ней безпристрастно и безъ предубѣжденій.

Миссіонерское общество и братства.

Еще съ большимъ утѣшеніемъ и съ самыми свѣтлыми надеждами на будущее должно привѣтствовать знаменательный фактъ проявленія, въ средѣ самой православной паствы, дружнаго общественнаго сочувствія къ пользамъ и нуждамъ Церкви. Основаніе въ недавнее время миссіонерскаго общества, образованіе въ разныхъ концахъ Россіи церковныхъ братствъ ясно свидѣтельствуютъ о томъ глубокомъ сочувствіи, которое пробудилось во всѣхъ слояхъ русскаго народа къ дѣлу преуспѣянія и процвѣтанія православной вѣры. Оба помянутыя учрежденія, въ краткій періодъ своего существованія, успѣли заявить себя дѣятельностію истинно благотворною для Церкви.

Миссіонерское общество, учрежденное въ 1865 году съ цѣлію содѣйствовать распространенію христіанства между нехристіанами имперіи, къ концу перваго года послѣ своего открытія считало въ числѣ своихъ членовъ до 1,360 человѣкъ всѣхъ званій и состояній, отъ которыхъ поступило взносовъ свыше 20,000 руб. и значительное количество пожертвованій книгами и богослужебными принадлежностями. Изъ этой суммы получали вспомоществованіе, на удовлетвореніе самыхъ неотложныхъ своихъ нуждъ, преимущественно миссіи: Ал-

тайская, гдѣ начато устройство двухъ новыхъ миссіонерскихъ монастырей, Улалинскаго и Чулышманскаго, до 12,000, и Забайкальско-Иркутская до 4,000 р. Общество заботилось объ изысканіи средствъ къ расширенію круга своихъ дѣйствій, объ увеличеніи числа своихъ членовъ, о собираніи и распространеніи, путемъ печати, свѣдѣній относительно дѣятельности нашихъ миссіонерствъ, и съ послѣднею цѣлію предприняло даже изданіе особыхъ записокъ. Дальнѣйшее ознакомленіе общества съ дѣломъ миссій обѣщаетъ открыть путь ко многимъ существеннымъ улучшеніямъ ихъ положенія по всѣмъ частямъ.

Церковныя братства не новое учрежденіе. Они были и прежде на западѣ Россіи, съ цѣлію охранить и отстоять православныя церкви и православныя паствы отъ посягательствъ польщизны и латинства, которыя въ продолженіе многихъ вѣковъ, не останавливаясь ни предъ какими средствами, гнали и истребляли въ томъ краѣ все православное и русско-народное. Съ насильственнымъ отторженіемъ въ латинство или въ унію большей части русскаго народа самыя братства естественно должны были утратить прежнюю силу и мало-по-малу даже совсѣмъ прекратить свое существованіе. Но слѣды ихъ доселѣ сохранились въ разныхъ благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ южно-русскаго народа. Теперь, когда по державному слову Вашего Величества народъ запада освобожденъ отъ вѣковаго иновѣрнаго гнета, братства возникаютъ вновь, по большей части въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ они имѣютъ для себя историческую почву въ живыхъ преданіяхъ и симпатіяхъ народа. Изъ 13 новыхъ церковныхъ братствъ 8 учреждены въ западномъ и юго-западномъ краѣ имперіи, съ

тѣми же цѣлями и при помощи тѣхъ же средствъ, какія имѣли нѣкогда основатели древнихъ братствъ. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, гдѣ латинскій элементъ все еще превышаетъ православныхъ своею численностію, и гдѣ совершаются большими массами присоединенія народа къ православной Церкви, дѣло братствъ, открытыхъ въ Вильнѣ, Слонимѣ, Минскѣ, гораздо многосложнѣе, чѣмъ гдѣ либо, въ виду далеко не прекратившихся еще опасностей и покушеній со стороны латинства. Братства имѣютъ здѣсь главною своею задачею утвержденіе и укорененіе православно-русскихъ началъ, содѣйствіе лицамъ, принимающимъ православную вѣру, попеченіе о благоустройствѣ новыхъ приходовъ и церквей, о поддержкѣ пастырской дѣятельности православнаго духовенства и христіанскаго просвѣщенія въ народѣ. Въ юго-западномъ краѣ Россіи, гдѣ православныя паствы болѣе ограждены отъ вредныхъ вліяній иновѣрной пропаганды, дѣятельность церковныхъ братствъ, учрежденныхъ въ Кіевѣ, Каменецъ-Подольскѣ, устремлена преимущественно къ возможно большему развитію народнаго образованія и къ возвышенію народной нравственности. Наконецъ, изъ 4 братствъ, открытыхъ по примѣру братствъ западныхъ, въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества, одни имѣютъ болѣе ограниченный кругъ заботъ о приходскихъ бѣдныхъ и о пособіи бѣднѣйшимъ церквамъ епархіи, а другія учреждены съ цѣлію противодѣйствовать расколу.

Къ болѣе замѣчательнымъ братствамъ слѣдуетъ отнести Свято-духовское въ Вильнѣ, Владимірское въ Кіевѣ и братства противъ раскола.

Виленское братство, открытое первый разъ въ 1588 году, по благословенію патріарха константинопольска-

го Іеремін, которымъ былъ утвержденъ и уставъ братства, возобновлено 6 августа 1865 года. Оно состоитъ изъ 469 членовъ. Изъ числа этихъ ревнителей православно-русскаго дѣла многіе принадлежатъ къ жителямъ Москвы, Петербурга и другихъ мѣстъ имперіи. Въ первый годъ существованія братства въ его распоряженіе получено пожертвованій деньгами свыше 10 т. руб., сверхъ того до 1500 экземпляровъ книгъ духовнаго содержанія и много вещей для церковно богослужебнаго употребленія. Въ сихъ пожервованіяхъ приняли высокое участіе всѣ Августѣйшія Дѣти Вашего Величества. При этихъ средствахъ братство снабдило церковною утварью, священными облаченіями и другими богослужебными предметами 20 церквей Литовской епархіи; выдавало пособіе бѣднымъ дѣтямъ на воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ, оказывало пособія и покровительство бѣднымъ людямъ, принявшимъ Православіе, выдавало вспомоществованіе священникамъ и причтамъ на новыхъ приходахъ, основало въ 4 сельскихъ приходахъ ссудныя кассы для простаго народа, обращающагося обыкновенно въ нуждѣ къ заимодавцамъ евреямъ; содержало приходскую школу въ мѣстечкѣ Шумскѣ и положило открыть 4 новыя школы въ другихъ приходахъ.

Изъ отчета о кіевскомъ Владимірскомъ братствѣ за второй годъ его дѣятельности видно, что число его членовъ постоянно увеличивается. Списокъ его членовъ украшается Августѣйшими Именами Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Николая Николаевича и Великой Княгини Елены Павловны. Средства братства заключались въ поступившихъ приношеніяхъ деньгами до 6 т. руб. и книгами свыше 3 т. экземп-

ляровъ. Главною заботою братства было народное просвѣщеніе. Для этой цѣли братство безмездно разослало по церковно-приходскимъ школамъ болѣе 9 т. экземпляровъ книгъ, составленныхъ примѣнительно къ потребностямъ простаго народа, издавало учебники для приходскихъ школъ и другія книги, полезныя для народа, и пускало ихъ въ распродажу въ большомъ числѣ экземпляровъ по самой дешевой цѣнѣ. Школамъ и учителямъ ихъ выдавалось отъ братства денежное пособіе. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устроены уже отъ братства библіотеки, братство пригласило священниковъ озаботиться устройствомъ общихъ читаленъ. На суммы братства содержалось четыре мальчика и одна дѣвица сирота, въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и кромѣ того, оказывались посильныя вспоможенія нуждающимся. Наконецъ, въ желаніи поднять въ обществѣ уваженіе къ уставамъ Церкви, братство чрезъ своего попечителя митрополита кіевскаго Арсенія ходатайствовало предъ генералъ-губернаторомъ о воспрещеніи въ городахъ подъ воскресные и праздничные дни театральныхъ и другихъ общественныхъ увеселеній, а въ селахъ земскихъ сходокъ для обсужденія мірскихъ дѣлъ во время литургіи; вслѣдствіе этого ходатайства предложено начальникамъ юго-западныхъ губерній о неуклонительномъ соблюденіи статей закона, коими ограждается святость воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Для противодѣйствія расколу учреждены два братства, одно въ Саратовѣ, подъ именемъ братства св. Креста, попечительностію епархіальнаго преосвященнаго Іоанникія, а другое—въ слободѣ Мстерѣ, Владимірской губерніи. Весьма замѣчательно, что учредителемъ Мстерскаго братства былъ простой крестьянинъ этого селенія

Александръ Голышевъ. Онъ же, еще въ 1862 году, не смотря на свои небогатыя средства, открылъ въ слободѣ Мстерѣ безплатныя школы: рисовальную и воскресную, и публичную библіотеку.

Братства на западѣ принесли нѣкогда неоцѣнимыя услуги, послуживъ главнѣйшимъ и самымъ могущественнымъ орудіемъ къ сохраненію и поддержанію въ немъ Православія. Этотъ общеизвѣстный историческій фактъ даетъ основаніе ожидать, что и учреждаемыя у насъ съ подобными же цѣлями братства противъ раскола могутъ имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія въ будущемъ. По сему Святѣйшій Синодъ, согласно моему предложенію, при циркулярномъ указѣ 23 марта 1866 года, разослалъ къ епархіальнымъ преосвященнымъ проектъ устава братства св. Креста, рекомендуя имъ, по соображеніи мѣстныхъ условій и потребностей, располагать ввѣренныя имъ паствы къ учрежденію въ тѣхъ же видахъ и на одинаковомъ основаніи православныхъ братствъ.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ДѢЯТЕЛЕЙ КЪ ПАСТЫРСКОМУ СЛУЖЕНІЮ.

Ближайшіе исполнители высокаго предназначенія отечественной Церкви—ея пастыри. Они призваны оберегать священные интересы вѣры; ихъ трудамъ и ревности предлежитъ обезпечить успѣхи Православія въ будущемъ. Съ довѣріемъ и надеждами обращены на нихъ взоры Церкви, правительства, общества. Но эти ожи-

данія могутъ осуществиться только при томъ непремѣнномъ условіи, если не будетъ недостатка въ достойныхъ пастыряхъ, если на всѣхъ разнообразныхъ поприщахъ духовнаго служенія станутъ дѣятели, вполнѣ подготовленные и во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчающіе своему призванію. Православное духовное вѣдомство всегда сознавало всю необходимость и важность воспитанія такихъ дѣятелей; но къ сожалѣнію почти до послѣдняго времени встрѣчало значительныя затрудненія.

Положеніе духовно-учебныхъ заведеній.

Въ завѣдываніи святѣйшаго Сνнода состоятъ 4 академіи, 50 семинарій и 203 низшія училища, распредѣленныя по четыремъ духовно-учебнымъ округамъ. Уставы для всѣхъ ихъ были начертаны въ 1808 году. Потребность въ пересмотрѣ сихъ уставовъ сознавалась еще въ сороковыхъ годахъ, но тогда было найдено достаточнымъ ограничиться нѣкоторыми частными, сравнительно незначительными измѣненіями, по учебной части, которыя впрочемъ, не могли привести къ желаемымъ улучшеніямъ. Въ пятидесятыхъ годахъ та же потребность оказалась гораздо съ большею настоятельностью. Истребованы были отъ начальствующихъ въ духовныхъ училищахъ отзывы о мѣрахъ къ лучшему ихъ благоустройству и за тѣмъ въ 1860 г. для той же цѣли учрежденъ былъ, по Высочайшему повелѣнію Вашего Величества, комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ. Составленный комитетомъ проектъ устава епархіальныхъ семинарій былъ обсуждаемъ въ продолженіе четырехъ прошлыхъ лѣтъ, какъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ комитетахъ, такъ и въ духовной и свѣтской литературѣ. Путемъ долгаго, всесторонняго обсужденія

вполнѣ выяснилась мысль о необходимости неотлагательнаго и кореннаго преобразованія во всемъ строѣ духовно-учебныхъ заведеній. Но приступить къ ея осуществленію не предвидѣлось никакой возможности по недостатку денежныхъ средствъ.

Со времени отобранія имуществъ отъ духовенства, на которыя содержались и духовныя училища, до 1808 года на содержаніе сихъ послѣднихъ отпускались суммы изъ казны. Въ 1808 году на этотъ предметъ обращены свѣчные церковные доходы. Но и послѣ сего продолжалось вспомоществованіе изъ общихъ государственныхъ доходовъ до 1814 года по 1.353.000 руб. асс., а потомъ по 2 м. въ годъ.

Съ прекращеніемъ въ 1818 г. денежнаго пособія отъ казны, духовно-учебныя заведенія содержались до 1866 года исключительно на свѣчные церковные доходы и на проценты съ основнаго капитала, составлявшагося постепенно изъ экономическихъ остатковъ. Но и образовавшіеся такимъ образомъ капиталы обращались иногда на удовлетвореніе общихъ государственныхъ надобностей. Изъ показанныхъ источниковъ употребляется ежегодно до 1.998.319 р. на содержаніе всѣхъ 257 духовно-учебныхъ заведеній съ 1736 наставниками и 54.751 учащимся, изъ которыхъ до 17 т. воспитываюся на казенный счетъ, такъ что изъ общей суммы расходовъ на содержаніе сихъ заведеній по всѣмъ частямъ, причитается на каждаго воспитанника по 36 р. 84 коп. въ годъ, а за исключеніемъ изъ этого числа жалованья учителямъ, содержаніе воспитанника обходится до 20 руб. въ годъ.

Оклады жалованья лицамъ, служащимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ производятся на основаніи шта-

товъ, составленныхъ въ 1808 году. Въ 1823 году штаты эти дополнены, въ 1836 увеличены на половину, а съ тѣхъ поръ оставались неизмѣнными до 1866 года. Между тѣмъ, въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, цѣны на всѣ предметы потребленія возвысились въ такой степени, что крайне скудные наставническіе оклады сдѣлались далеко недостаточными для удовлетворенія самымъ необходимымъ жизненнымъ нуждамъ. Между этими окладами и вознагражденіемъ за одинаковые труды по учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія не было никакой соразмѣрности. Послѣдствія были весьма печальныя. Наставники тяготились духовно-учебною службою и пользовались первымъ удобнымъ случаемъ перейти на другія болѣе обезпечивающія служебныя поприща. Въ теченіе одного 1865 г. оставили духовно-училищную службу 41 наставникъ. Постоянная смѣна преподавателей крайне вредно вліяла на правильный ходъ духовнаго образованія; духовно-учебныя заведенія близились къ большому упадку.

При такомъ положеніи духовныхъ училищъ, всѣ преобразованія въ нихъ, по учебной и прочимъ частямъ, остались бы неосуществимыми, еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ улучшенъ ихъ матеріальный бытъ. Но произвести экономическую реформу духовное вѣдомство, одними собственными средствами, не могло. Всѣ капиталы, находящіеся въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода имѣютъ назначеніе, а посильныя жертвы, принесенныя въ послѣднее время духовенствомъ, возвысивъ нѣсколько содержаніе наставниковъ, слишкомъ недостаточны для улучшенія общаго положенія духовно-учебныхъ заведеній.

Назначеніе Всемилостивѣйшаго пособія изъ государственнаго казначейства.

Утверждаясь на вышеприведенныхъ данныхъ, я счелъ священною обязанностію всеподданнѣйше ходатайствовать предъ Вашимъ Величествомъ о назначеніи изъ казны необходимаго для духовно-учебныхъ заведеній пособія въ размѣрѣ 1.500.000 р. ежегодно, съ тѣмъ, чтобы для облегченія государственнаго казначейства, сумма эта была отпускаема первоначально не вся, а въ постепенно увеличивающихся размѣрахъ, пока не дойдетъ до означенной нормы.

Ваше Императорское Величество, обративъ Всемилостивѣйшее вниманіе на бѣдственное положеніе и нужды духовно-учебныхъ заведеній, въ 1 день марта 1866 г. Высочайше соизволили повелѣть мнѣ войти въ соглашеніе съ министромъ финансовъ о возможности и условіяхъ назначенія симъ заведеніямъ просимаго пособія.

За тѣмъ, въ 14 день марта, по общему всеподданнѣйшему докладу статсъ-секретаря Рейтерна и моему, Высочайше назначено Вашимъ Величествомъ, на улучшеніе содержанія духовно-учебныхъ заведеній, изъ государственнаго казначейства пособіе въ 1.500.000 р., съ постепеннымъ отпускомъ его, начиная съ 1867 г. Эта сумма, по соглашенію моему съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролемъ и съ Высочайшаго разрѣшенія, состоявшагося 17 іюня того же года, будетъ заносима въ смѣту Святѣйшаго Синода въ размѣрѣ 300 т. р. въ 1867 г., 600 т. р. въ 1868 г., 900 т. р. въ 1869 г., 1.200.000 т. р. въ 1870 г., а съ 1871 года въ полной суммѣ 1.500.000 рублей.

Распредѣленіе суммы въ частности по учебнымъ за-

веденіямъ духовнаго вѣдомства Высочайше предоставлено Святѣйшему Синоду, съ соблюденіемъ слѣдующей постепенности въ производствѣ пособія изъ казны. Положено: 1) начать ассигнованіе его съ тѣхъ епархій, духовенство коихъ оказало или окажетъ сочувствіе къ нуждамъ духовно-учебныхъ заведеній вспособленіемъ изъ мѣстныхъ своихъ способовъ; 2) потомъ назначать епархіямъ, значительная часть свѣчнаго сбора которыхъ отчисляется нынѣ на удовлетвореніе потребностей по учебной части другихъ епархій; 3) за тѣмъ, гдѣ свѣчной сборъ получитъ значительное приращеніе и 4) послѣ сего всѣмъ прочимъ. При чемъ постановлено правиломъ не зачитывать суммъ, обращаемыхъ изъ мѣстныхъ способовъ или получаемыхъ отъ увеличенія свѣчнаго сбора, но оставлять ихъ въ епархіяхъ на улучшеніе духовно-учебныхъ заведеній, сверхъ того вспомоществованія, какое будетъ оказываемо симъ заведеніямъ отъ казны.

Значеніе этой мѣры.

Съ благоговѣйною признательностію и съ пламенными молитвами къ Богу о благоденствіи и спасеніи Вашего Величества и всего Царствующаго Дома принялъ Святѣйшій Синодъ и за нимъ все русское православное духовенство Высочайшую милость. Значеніе ея для духовно-учебныхъ заведеній неизмѣримо велико. Державною волею Вашего Величества они выведены изъ прежняго безвыходнаго положенія; преграды къ ихъ благоустройству устранены; пути къ улучшеніямъ открыты; будущее благосостояніе ихъ обезпечено. Столь знаменательное событіе, продолжая длинный рядъ великихъ дѣлъ достославнаго царствованія Вашего Величе-

ства, по своимъ неисчислимымъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ, составляетъ эпоху въ исторіи духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, съ наступленіемъ которой начинается возрожденіе духовно-учебныхъ заведеній къ новой жизни, организованной на болѣе прочныхъ началахъ.

Учрежденіе комитета для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній.

При Всемилостивѣйше дарованныхъ средствахъ, сдѣлавшихъ для духовнаго вѣдомства не только возможнымъ, но и обязательно необходимымъ безотлагательное приведеніе духовно-учебныхъ заведеній въ улучшенный порядокъ, для разрѣшенія вопросовъ о преобразованіи сихъ заведеній и начертанія для нихъ проекта устава, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго 19 марта 1866 года, былъ открытъ комитетъ изъ четырехъ духовныхъ и такого же числа свѣтскихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Кіевскаго Арсенія, съ назначеніемъ въ помощь ему присутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ преосвященнаго Нижегородскаго Нектарія.

Труды комитета.

Начавъ свои дѣйствія въ апрѣлѣ 1866 г., комитетъ прежде всего подвергнулъ новому пересмотру проекты уставовъ духовно-учебныхъ заведеній 1808 года, труды комитета 1860—1862 годовъ, отзывы объ нихъ, представленные епархіальными преосвященными и мѣстными епархіальными комитетами, и заявленія, высказанныя разновременно въ печати. Послѣ внимательнаго соображенія всѣхъ этихъ матеріаловъ, комитетъ постановилъ

общія положенія и начала для новаго устава духовно-учебныхъ заведеній. По предварительномъ одобреніи общихъ положеній Святѣйшимъ Синодомъ, комитетъ приступилъ къ составленію самыхъ уставовъ духовныхъ семинарій и низшихъ училищъ и, согласно Высочайшему повелѣнію 19 Марта, окончилъ этотъ трудъ въ декабрѣ 1866 года, занявшись за тѣмъ обработкою объяснительныхъ записокъ и развитіемъ соображеній о способахъ осуществленія предположенныхъ преобразованій.

Между тѣмъ проектированные комитетомъ уставы были препровождаемы на заключеніе митрополитовъ Московскаго и Кіевскаго, находившагося въ то время въ своей митрополіи, и сверхъ того напечатаны во всеобщее свѣдѣніе въ видѣ статей.

По полученіи замѣчаній отъ преосвященныхъ митрополитовъ Филарета и Арсенія, проекты уставовъ вновь пересмотрѣны и исправлены комитетомъ и за тѣмъ въ началѣ марта 1867 года представлены Святѣйшему Синоду, который, по тщательномъ разсмотрѣніи, сдѣлавъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, съ своей стороны одобрилъ оные.

Въ основу новаго семинарскаго устава комитетомъ положена мысль, что семинаріи, по назначенію своему, должны служить единственно для приготовленія достойныхъ священнослужителей Церкви. Соотвѣственно сему, въ нихъ будутъ поступать, по надлежащемъ испытаніи, молодые люди православнаго исповѣданія изъ всѣхъ сословій, безплатно, но въ опредѣленномъ числѣ, соразмѣрномъ съ потребностями каждой епархіи въ замѣщеніи открывающихся ежегодно священнослужительскихъ вакансій. Семинаріи съ такимъ числомъ учащихся

будутъ содержаться на Всемилостивѣйше назначенное пособіе изъ казны и на синодальныя суммы. Сверхъ того, въ семинаріи могутъ быть принимаемы для обученія специально-богословскимъ предметамъ окончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, а также люди зрѣлаго возраста, чувствующіе расположеніе посвятить себя духовному служенію, по удостовѣреніи въ ихъ церковной начитанности.

Допущеніе на пріемный экзаменъ дѣтей не одного духовнаго званія облегчитъ выборъ изъ нихъ болѣе способныхъ и лучшихъ по своимъ познаніямъ; предпочтеніе въ этомъ случаѣ будетъ основываться уже на правѣ превосходства, а не на привилегіи происхожденія. Эта мѣра, давая возможность имѣть болѣе людей съ истиннымъ призваніемъ къ священству, снимаетъ съ духовенства нареканія въ сословной замкнутости и въ преслѣдованіи однихъ личныхъ или сословныхъ интересовъ.

Опредѣляя главную цѣль духовно-учебныхъ заведеній, комитетъ не упустилъ изъ вниманія настоятельной для духовенства надобности давать образованіе всѣмъ вообще его дѣтямъ. Духовенству предоставляется право открывать при семинаріяхъ, на мѣстно изыскиваемыя средства, отдѣльные классы, на основаніяхъ, одинаковыхъ съ классами, положенными по штату, а также учреждать для начальнаго образованія своихъ дѣтей низшія духовныя училища.

Высшее управленіе семинаріями сосредоточивается въ Святѣйшемъ Синодѣ. Послѣ него ближайшее завѣдываніе семинаріею поручается епархіальному архіерею, главному въ епархіи блюстителю вѣры, главному наставнику и руководителю, который, по самому долгу

своего званія, обязанъ пещись о неоскудѣніи достойныхъ служителей алтаря. Ему предоставлено высшее наблюденіе за исполненіемъ семинарскаго устава во всѣхъ частяхъ, право входить во всѣ подробности управленія; предлагать мѣры къ устраненію недостатковъ, опредѣлять въ должности служащихъ лицъ семинаріи, кромѣ ректора и инспектора, утверждать своею властію рѣшенія семинарскаго начальства по учебно-воспитательнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ, исключая важнѣйшихъ, вносимыхъ на утвержденіе Святѣйшаго Сѵнода. Самимъ семинаріямъ открыты всѣ пути къ безпрепятственному проявленію своихъ учебно-воспитательныхъ силъ. Въ этихъ видахъ образуется въ каждой семинаріи коллегіальное учрежденіе подъ именемъ семинарскаго правленія. Оно составляется подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ инспектора, семи преподавателей и трехъ священнослужителей епархіи, избираемыхъ духовенствомъ изъ своей среды. Въ обыкновенномъ своемъ составѣ правленіе обсуждаетъ всѣ дѣла по учебной, нравственной и хозяйственной частямъ, а при разрѣшеніи болѣе важныхъ учебно-воспитательныхъ вопросовъ, оно пополняется и всѣми прочими преподавателями семинаріи, кромѣ служащихъ по найму. При такой организаціи каждое лицо, служащее въ семинаріи по учебно-воспитательной части, можетъ имѣть законную долю вліянія на благосостояніе заведенія. Предоставляемое же духовенству, въ видахъ большаго сближенія епархіи съ семинаріей, право имѣть изъ своей среды представителей въ семинарскомъ правленіи, должно побуждать его принимать живое участіе во всемъ, что совершается въ семинаріи и открываетъ ему средства проявлять это участіе законными путями. Семинарское

правленіе поставляется въ зависимость отъ мѣстной епархіальной власти, но при этомъ его самостоятельность ограждается правиломъ, чтобы, въ случаяхъ несогласія преосвященнаго съ представленнымъ ему заключеніемъ правленія, послѣднее подвергало дѣло новому разсмотрѣнію, а если послѣ него не послѣдуетъ согласія епархіальнаго архіерея, то дѣло представляется на усмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

Служащія лица семинаріи были опредѣляемы доселѣ Святѣйшимъ Синодомъ и оберъ-прокуроромъ. Такой порядокъ замѣщенія семинарскихъ должностей заключаетъ то неудобство, что высшія инстанціи не всегда могутъ имѣть достаточныя данныя для сужденія о качествахъ назначаемыхъ ими лицъ, отчего, какъ показалъ опытъ, на семинарскую службу не всегда поступали люди вполнѣ способные и благонадежные. Этотъ важный недостатокъ устраняется нынѣ введеніемъ въ семинаріяхъ системы избранія на самомъ мѣстѣ служенія. Кандидаты на должности ректора, инспектора и членовъ правленія изъ наставниковъ, какъ лица, долженствующія имѣть важное вліяніе на ходъ дѣлъ, избираются семинарскимъ правленіемъ при участіи, съ правомъ голоса, всѣхъ преподавателей семинаріи, кромѣ служащихъ по найму. Преподаватели и прочія должностныя лица избираются правленіемъ въ томъ составѣ, въ какомъ оно занимается дѣлами по учебно-воспитательной части, и только выборъ помощниковъ инспектора предоставленъ ректору и инспектору. Избранные такимъ образомъ кандидаты утверждаются въ своихъ должностяхъ епархіальнымъ преосвященнымъ, кромѣ ректора, утверждаемыхъ Святѣйшимъ Синодомъ.

Въ устройствѣ учебной части семинарій предполо-

жено произвести всѣ тѣ преобразованія, какія вызываются указаніями опыта, общими педагогическими соображеніями и основными задачами духовнаго образованія и воспитанія. Въ замѣнъ трехъ двухгодичныхъ классовъ, назначено въ семинаріи шесть классовъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ; при чемъ приняты во вниманіе какъ указанія педагогики, признавшей полное преимущество одногодичныхъ курсовъ, такъ и связь между учебнымъ заведеніемъ и обществомъ, ежегодно требующимъ для себя новыхъ дѣятелей на мѣсто выбывающихъ. Программы семинарскихъ наукъ, страдавшія доселѣ многопредметностью, значительно сокращены; въ нихъ удержаны науки существенно относящіяся какъ къ общему, такъ и специально-богословскому образованію, которыя расположены въ болѣе строгомъ порядкѣ и послѣдовательности. Въ основу общаго образованія принято изученіе древнихъ классическихъ языковъ и математики. важность изученія которыхъ, для всесторонняго и самодѣятельнаго развитія умственныхъ силъ учащихся доказана вѣковымъ опытомъ образованныхъ странъ Европы. Въ частности знаніе греческаго и латинскаго языковъ, съ обширною церковною литературою первыхъ десяти вѣковъ христіанства необходимо и для основательнаго богословскаго образованія. Изъ предметовъ специально-богословскихъ усилено преподаваніе св. Писанія. Проходя чрезъ всѣ классы, оно должно объединять собою все образованіе, даваемое въ семинаріи, и сообщать ей общій характеръ духовно-учебнаго заведенія. Для успѣшнѣйшаго изученія воспитанниками положенныхъ предметовъ и для большаго удобства наставникамъ слѣдить за ихъ занятіями, назначена норма для числа учащихся въ каждомъ классѣ;

въ первыхъ трехъ классахъ не допускается болѣе 50 учениковъ въ каждомъ, а въ остальныхъ трехъ болѣе 55. Въ томъ случаѣ, когда, для потребностей епархіи окажется необходимымъ увеличить нормальное число учащихся какого либо класса, постановлено открывать параллельное отдѣленіе на синодальныя средства.

Цѣлью нравственнаго воспитанія въ семинаріяхъ полагается правильное образованіе характера учащихся, соотвѣтственно ихъ будущему назначенію, и развитіе въ нихъ сознательнаго уваженія и любви къ православной Церкви, ея уставамъ, священнодѣйствіямъ и обрядамъ. Достиженіе этой цѣли поставлено въ прямую и непремѣнную обязанность не только воспитателямъ, которые, подъ именемъ помощниковъ инспектора, вводятся во всѣхъ семинаріяхъ, но и всѣмъ лицамъ служащимъ по учебной части, при главномъ попеченіи ректора и инспектора. Для предохраненія воспитанниковъ отъ нравственной порчи и соблазновъ, для необходимаго укрѣпленія ихъ нравственныхъ силъ и для непосредственнаго руководства ихъ въ добрыхъ навыкахъ, при семинаріяхъ учреждаются общежитія, которыя, впрочемъ, не будутъ замкнутыми, а помѣщеніе въ нихъ безусловно обязательнымъ для воспитанниковъ.

Для укрѣпленія физическихъ силъ учащихся, равно какъ для развитія эстетическаго ихъ чувства, новымъ уставомъ вводятся въ семинаріи гимнастическія упражненія, и не только не возбраненны, но и поощряются пѣніе, музыка и живопись, преимущественно церковныя, согласно съ главнымъ назначеніемъ духовныхъ семинарій.

Наконецъ Всемилостивѣйшимъ назначеніемъ вспоможенія изъ государственнаго казначейства открыта воз-

можность увеличить сумму на содержаніе всѣхъ 50 семинарій болѣе, чѣмъ вдвое, противу той, какая ассигновалась доселѣ; вмѣсто 900 т. руб., отпускавшихся на семинаріи, по новымъ штатамъ назначено на содержаніе ихъ до 1.900.000 руб. Жалованье служащимъ при семинаріи лицамъ сравнено съ жалованьемъ служащихъ при гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія по послѣднимъ штатамъ. Оклады содержанія казеннокоштныхъ воспитанниковъ возвышены до 90 руб. На казенномъ содержаніи предположено имѣть до 6 т. воспитанниковъ, которые будутъ избираемы, безъ различія званія и происхожденія, изъ обучающихся въ семинаріяхъ сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, отличающихся успѣхами въ наукахъ и добрымъ поведеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличены суммы на необходимыя учебныя пособія и на содержаніе семинарскихъ зданій, и кромѣ того предположено ежегодно отчислять до 200 т. р. на постройку домовъ для тѣхъ семинарій, которыя или не имѣютъ собственныхъ зданій или имѣютъ крайне ветхія и тѣсныя помѣщенія.

Преобразованіе низшихъ духовныхъ училищъ.

Низшія духовныя училища назначаются для начальнаго образованія дѣтей духовенства и для подготовленія ихъ къ поступленію въ семинаріи. Для облегченія доступа въ семинаріи дѣтямъ другихъ сословій, дозволяется принимать ихъ въ училища, подъ условіемъ взноса платы.

На содержаніе училищъ будетъ отпускаемо изъ суммъ Святѣйшаго Синода болѣе 700 т. руб., съ оставленіемъ за училищами ихъ зданій, библіотекъ и т. п. Осталь-

ное за тѣмъ расходы должны покрываться изъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ.

Состоя, подобно семинаріямъ, подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода и ближайшимъ вѣдѣніемъ епархіальнаго архіерея, училища ввѣряются за тѣмъ попеченію духовенства, для дѣтей коего они главнѣйше и назначаются. Въ училищномъ правленіи положено быть двумъ членамъ, избираемымъ отъ духовенства изъ мѣстныхъ священнослужителей. Для обсужденія мѣръ къ благоустройству училища, духовенству того округа, гдѣ находится училище, разрѣшается однажды или дважды въ годъ устроять съѣзды, или собранія, изъ избираемыхъ для того священно-служителей. Въ учебно-воспитательномъ отношеніи училища поставляются въ зависимость отъ семинарскихъ правленій и къ нимъ обращаются по всѣмъ дѣламъ этого рода.

Въ каждомъ училищѣ полагаются четыре класса съ одногодичнымъ курсомъ. Въ классѣ недопускается свыше 40 учениковъ; при большемъ ихъ числѣ положено открывать параллельное отдѣленіе. При надлежащемъ для духовно-учебнаго заведенія изученіи закона Божія, основою училищнаго образованія принято изученіе древнихъ классическихъ языковъ и ариѳметики.

Правила нравственнаго воспитанія въ училищахъ начертаны сообразно съ правилами и требованіями, соблюдаемыми во всякомъ христіански благоустроенномъ семействѣ. Наблюденіе за исполненіемъ ихъ возложено на смотрителя училища и его помощника, при участіи и всѣхъ прочихъ наставниковъ. Кромѣ того при училищахъ, какъ и при семинаріяхъ, предположены общежитія.

Жалованье служащимъ въ училищахъ лицамъ зна-

чительно возвышено сравнительно съ прежними окладами, и можно надѣяться, что училищныя должности будутъ замѣщаемы лицами по своему образованію способными проходить ихъ съ пользою для учебныхъ заведеній. Другія статьи расходовъ, какъ относимыя главнымъ образомъ на мѣстныя средства епархій, будутъ опредѣляемы, на основаніи составляемыхъ училищными правленіями смѣтъ, съѣздами духовенства и утверждаемы епархіальнымъ архіереемъ.

МѢРЫ КЪ БЛАГОУСТРОЙСТВУ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Независимо отъ работъ комитета 1866 года, имѣвшаго своею задачею радикальное и всестороннее преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній, въ организаціи существующихъ духовныхъ училищъ были произведены нѣкоторыя измѣненія, съ цѣлію возможнаго улучшенія въ нихъ какъ учебно-воспитательной, такъ и экономической части.

Перемѣны въ учебной программѣ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 27 февраля 1866 года отмѣнено преподаваніе медицины, сельскаго хозяйства и естественной исторіи, введенное въ семинаріи послѣ 1840 года. Опытъ показалъ, что, при многосложности вообще семинарской програмы наукъ, обученіе этимъ предметамъ не могло сопровождаться достаточными успѣ-

хами и не достигало предположенной цѣли. Въ замѣнъ ихъ, введена въ семинаріяхъ, съ начала $186^6/_7$ учебнаго года, педагогика, какъ предметъ болѣе необходимый для будущихъ пастырей, призванныхъ распространять въ народѣ свѣтъ христіанскаго просвѣщенія. Для преподаванія педагогики назначенъ въ каждой семинаріи особый наставникъ съ содержаніемъ на счетъ упраздняемыхъ каѳедръ. Дабы не ограничиться одною теоріею, въ настоящемъ случаѣ недостаточною для практическихъ цѣлей, при семинаріяхъ учреждены воскресныя школы для обученія приходящихъ дѣтей подъ руководствомъ преподавателя педагогики и подъ наблюденіемъ ректора. Въ руководство самимъ преподавателямъ разослана утвержденная Святѣйшимъ Синодомъ, въ видѣ опыта, программа, заключающая въ себѣ какъ общія правила для воспитанія юношества, такъ и подробныя наставленія объ употребленіи болѣе легкихъ и болѣе раціональныхъ методовъ обученія. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребованы отъ конференцій духовныхъ академій соображенія касательно введенія педагогики и въ сихъ заведеніяхъ.

Ревизіи семинарій и академій.

Ближайшія свѣдѣнія о положеніи духовно-учебныхъ заведеній получаются Святѣйшимъ Синодомъ посредствомъ производимыхъ, время отъ времени, обозрѣній ихъ, возлагаемыхъ на епархіальныхъ преосвященныхъ или на духовныя академіи. Въ 1866 году, по случаю окончанія учебнаго курса въ Московскомъ и Казанскомъ духовно-учебныхъ округахъ, были обревизованы духовныя академіи въ Москвѣ и Казани и семинаріи: Ир-

жутская, Астраханская, Уфимская, Пермская и Тобольская.

Мѣры, принятыя по Рижской семинаріи.

По Рижской семинаріи, вслѣдствіе обозрѣнія ея въ предшествовавшемъ году, приняты соотвѣтственныя мѣры, клонящіяся къ лучшему благоустройству ея по всѣмъ частямъ. На основаніи Высочайше утвержденныхъ 11 февраля 1846 года правилъ, въ эту семинарію допущенъ пріемъ дѣтей православныхъ латышей и эстовъ, такимъ образомъ, что одна только часть воспитанниковъ должна быть изъ дѣтей мѣстнаго духовенства, русскаго происхожденія, а остальныя двѣ трети природные латыши и эсты, и возможно успѣшное изученіе туземныхъ нарѣчій латышскаго, эстскаго и нѣмецкаго сдѣлано обязательнымъ для воспитанниковъ. Но ревизіей обнаружено, что, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ и преобразованій, введенныхъ въ Рижскую семинарію наравнѣ съ другими семинаріями, и почти совершеннаго устраненія воспитанниковъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, она утратила мѣстный характеръ. Дабы привести Рижскую семинарію въ положеніе соотвѣтствующее потребностямъ края, въ ней возстановленъ нынѣ прежній порядокъ пріема дѣтей изъ латышей и эстовъ; усилено преподаваніе необходимыхъ, для пастырскаго служенія, богословскихъ предметовъ и туземныхъ языковъ и дозволено ввести совершеніе, по временамъ, церковнаго богослуженія на этихъ языкахъ для семинарскихъ воспитанниковъ; вмѣнено въ обязанность епархіальному и семинарскому начальствамъ обращать особое вниманіе на умственныя способности и нравственныя качества латышей и эстовъ,

поступающихъ въ семинарію изъ учениковъ сельскихъ православныхъ школъ. Наконецъ, приняты необходимыя улучшенія и въ административномъ состояніи семинаріи.

Мѣры къ благоустройству духовно-учебныхъ заведеній въ экономическомъ отношеніи.

Оставаясь при прежнихъ скудныхъ средствахъ, духовно-учебныя заведенія не могли достигнуть желаемаго процвѣтанія въ экономическомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе главное управленіе православнаго духовнаго вѣдомства не опускало употреблять, въ предѣлахъ имѣвшихся въ его распоряженіи способовъ, всѣ возможныя усилія поставить въ сколько нибудь благоустроенное положеніе духовныя училища, особенно въ томъ нуждавшіяся.

Зданія, занимаемыя учебными заведеніями духовнаго вѣдомства, по большей части находятся въ неудовлетворительномъ состояніи; многія изъ сихъ зданій крайне ветхи или тѣсны, нѣкоторыя училища и совсѣмъ не имѣютъ собственныхъ помѣщеній. Въ устраненіе этихъ важныхъ неудобствъ, въ 1866 году были предпринимаемы, на счетъ духовно-учебнаго капитала, исправленія или передѣлки существующихъ зданій въ 1 академіи, 11 семинаріяхъ и 10 духовныхъ училищахъ. Болѣе важныя исправленія произведены по семинаріямъ Херсонской на 14.439 руб., Харьковской 10.165 р. и по Симбирскому духовному училищу, зданія котораго пострадали отъ пожара въ 1864 году, на 9 т. р. Изъ того же источника разрѣшено нанять вновь и продолжать наемъ помѣщеній для 2 семинарій и 4 училищъ на сумму до 4 т. р; отпущено на покупку домовъ для

помѣщенія Кишиневской семинаріи 10 т. р. и Курскаго училища 11.500 р. Весь расходъ на строительныя надобности простирался свыше 100 т. р.

Довольно значительная часть издержекъ по этой статьѣ была покрываема и на счетъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ и частныхъ пожертвованій. Такъ, для Нерчинскаго духовнаго училища, помѣщавшагося послѣ пожара 1838 года въ наемныхъ домахъ, купленъ домъ, стоющій 3511 р., на суммы, позаимствованныя изъ мѣстныхъ церквей и на пожертвованія духовенства. Для Костромской семинаріи куплены необходимыя зданія на счетъ 32 т. р., пожертвованныхъ духовенствомъ Костромской епархіи на устройство дома для епархіальной семинаріи. На устройство помѣщеній для вновь открытаго въ 1866 г. уѣзднаго, вмѣстѣ съ приходскимъ, училища въ Волоколамскѣ, мѣстное городское общество уступило потребный участокъ земли, а преосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ удѣлилъ изъ доходовъ своей каѳедры 6.492 р.; на содержаніе училища назначаются ежегодныя пожертвованія изъ неокладныхъ суммъ монастырей: Волоколамскаго по 1 т. р. и Даниловскаго по 200 р. Помѣщеніе для духовнаго училища въ Арзамасѣ устроено на счетъ тамошняго Спасскаго монастыря.

Состоящіе въ нѣкоторыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ почетные блюстители по хозяйственной части также показали посильныя вспомоществованія нуждамъ духовныхъ училищъ, имѣющихся при нихъ церквей и воспитанниковъ. Отъ 11 почетныхъ блюстителей поступило на этотъ предметъ свыше 4 т. р. Были и другіе благотворители.

Чувства безграничной вѣрноподданнической предан-

ности и благодаренія Всевышнему Промыслу за чудесное избавленіе Вашего Величества отъ опасности 4 апрѣля, нашли для себя достойное выраженіе и въ щедрыхъ пожертвованіяхъ въ пользу духовно-учебныхъ заведеній. На счетъ суммъ Кіево-Печерской лавры учреждены 5 стипендій: по одной въ академіи, семинаріи и одномъ изъ духовныхъ училищъ Кіевской епархіи, съ наименованіемъ воспитанниковъ, которые будутъ пользоваться стипендіями, стипендіатами Вашего Императорскаго Величества, и по одной — въ Костромской семинаріи и Галичскомъ духовномъ училищѣ, съ наименованіемъ ихъ стипендіями дворянина Комисарова-Костромскаго. Духовенство Трубчевскаго уѣзда, Орловской епархіи, изъявило желаніе вносить ежегодно 60 р. на содержаніе въ мѣстной семинаріи одного воспитанника во все продолженіе жизни Вашего Величества. Московскіе почетные граждане Хлудовы, въ память того же событія, пожертвовали 2.500 р. на учрежденіе при Рязанской семинаріи стипендіи для одного изъ сиротъ духовнаго званія.

Сверхъ того пожертвовано на учрежденіе стипендій членомъ Святѣйшаго Синода, придворнымъ протоіереемъ, Іоанномъ Рождественскимъ 2 т. р.—при Владимірской семинаріи и неизвѣстнымъ благотворителемъ 1 т. р.—при Нерчинскомъ духовномъ училищѣ.

Мѣры къ улучшенію способовъ содержанія.

ОТМѢНА ИЗЪЯТІЙ ИЗЪ ОБЩАГО ПРАВИЛА О ВЗНОСѢ СВѢЧНОЙ СУММЫ.

Главный источникъ содержанія духовно-учебныхъ заведеній составляла, по прежнему, прибыль отъ прода-

ки церковныхъ свѣчъ. Возвышеніе ея происходитъ весьма медленно, а увеличеніе другихъ источниковъ, изъ числа существующихъ по духовно-учебному вѣдомству сборовъ и доходовъ, не предвидится. Между тѣмъ потребности духовныхъ училищъ постоянно возрастаютъ. Въ видахъ необходимаго увеличенія средствъ на покрытіе настоятельныхъ издержекъ по духовно-учебной части, я счелъ своимъ долгомъ представить вниманію Святѣйшаго Синода, что было бы полезно отмѣнить допущенныя изъятія изъ общаго правила о взносѣ свѣчнаго сбора для тѣхъ изъ приходскихъ и безприходныхъ церквей, которыя имѣютъ весьма важныя статьи дохода и поставлены въ большихъ городахъ въ лучшее положеніе сравнительно съ другими церквами. Для осуществленія этой мѣры представлялось возможнымъ обратить на потребности духовно-учебныхъ заведеній свѣчной доходъ по церквамъ кладбищенскимъ и изъятымъ отъ взноса приходскимъ церквамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить по принадлежности епархіальнымъ преосвященнымъ и главнымъ священникамъ войскъ гвардіи и гренадеръ, а также арміи и флотовъ, войти въ соображенія касательно отдѣленія, для сказанной цѣли, хотя части свѣчнаго сбора по завѣдуемымъ ими монастырямъ, каѳедральнымъ соборамъ, церквамъ и часовнямъ.

По утвержденіи сихъ предположеній Святѣйшимъ Синодомъ, въ 1 день марта 1866 г., послѣдовало Высочайшее соизволеніе на обращеніе свѣчнаго дохода по кладбищенскимъ церквамъ въ пользу духовно-учебныхъ заведеній. За тѣмъ, по соглашенію моему съ надлежащими властями, испрошено мною, въ 10 день декабря, Высочайшее разрѣшеніе назначать ежегодно на тотъ

же предметъ по 3,300 руб. изъ доходовъ гвардейскихъ церквей, и по 4.429 р. съ церквей подвѣдомственныхъ главному священнику арміи и флотовъ, и отмѣнить изъятія о взносѣ свѣчнаго дохода по нѣкоторымъ другимъ церквамъ.

Улучшеніе быта духовно-учебныхъ заведеній на счетъ епархіальныхъ средствъ.

На ряду съ правительственными мѣрами происходили самыя энергическія попытки къ улучшенію быта духовно-учебныхъ заведеній при помощи мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ.

Преосвященный митрополитъ московскій Филаретъ, пожертвовавшій въ 1865 г. значительную сумму (по 7.795 р. въ годъ) на возвышеніе окладовъ жалованья въ Московской духовной академіи, въ 1866 г., съ обычною своею щедростію, далъ средства на увеличеніе содержанія служащимъ при Московской и Виѳанской семинаріяхъ, опредѣливъ на этотъ предметъ по 7.811 р. 80 к. въ годъ изъ суммъ своей каѳедры. Сверхъ того онъ пожертвовалъ 7 т. р., съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы выдаваемы были ежегодно въ награду за усердную службу одному изъ наставниковъ Виѳанской семинаріи.

Вознесенская Давидова пустынь и Покровская пустынь пожертвовали, на потребности учебныхъ заведеній Московской епархіи, къ ежегодному отпуску, по 6 т. р., и другія обители ея по 1 т. р.

Въ прочихъ епархіяхъ экономическія улучшенія въ мѣстныхъ духовныхъ училищахъ произведены почти вездѣ посредствомъ обращенія на этотъ предметъ общихъ церковныхъ и монастырскихъ доходовъ, отчасти чрезъ

пожертвованія архіерейскихъ домовъ и приходскаго духовенства. Епархіальные преосвященные подавали духовенству высокій примѣръ живаго участія и радѣнія о пользахъ духовнаго просвѣщенія; они обращались съ одушевленными пастырскими воззваніями къ приходскому духовенству, церковнымъ старостамъ, настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, яркими чертами изображая предъ ними нужды духовныхъ училищъ; составляли изъ болѣе просвѣщенныхъ лицъ епархіальнаго и училищнаго вѣдомствъ особые комитеты для изысканія мѣръ, какими можно вывести епархіальныя учебныя заведенія изъ ихъ крайне жалкаго положенія, или предлагали этотъ вопросъ на общее обсужденіе всего приходскаго духовенства въ разрѣшенныхъ для сей цѣли священнослужительскихъ съѣздахъ, и отъ начала до конца, съ рѣдкимъ вниманіемъ и заботливостію, руководили занятіями духовенства или лично и непосредственно, или письменно чрезъ свои пастырскія наставленія и указанія. При томъ единодушномъ сочувствіи, съ какимъ повсюду откликнулось духовенство на призывъ своихъ архипастырей, въ важномъ дѣлѣ матеріальнаго улучшенія быта епархіальныхъ училищъ и семинарій достигнуты замѣчательные результаты. Въ 1866 году въ пользу ихъ пожертвовано единовременно 34.200 р. и назначено къ ежегодному отпуску изъ мѣстныхъ средствъ 355.303 р. 62 коп. Пожертвованная сумма распредѣляется между 27 епархіями слѣдующимъ образомъ.

Изъ доходовъ церквей, монастырей и архіерейскихъ домовъ поступило по епархіямъ: Подольской 18.733 р. 27 к., Херсонской 14.511 р., Новгородской 7.576 р. и Вологодской 13.181 р. 76 к. и единовременно по-

жертвованные бывшимъ Вологодскимъ преосвященнымъ Христофоромъ изъ прибыли свѣчнаго епархіальнаго завода 7000 р.

По Черниговской епархіи пожертвовано изъ суммъ архіерейской каѳедры 960 р. и изъ общихъ церковныхъ доходовъ 6.300 р. всего 7.260 р.

Изъ общихъ церковныхъ и монастырскихъ доходовъ пожертвовано по епархіямъ: Владимірской 27.149 р. 63 коп., Тамбовской 20.958 р., С.-Петербургской 18.000р., Калужской 17.924 р. 37 к., Самарской 12.570 руб. 73 к., Тульской 12.160 р. 92 к., Кіевской 10.956 р. и единовременно пожертвованные игуменьею Кіево-Флоровскаго монастыря Парѳеніею 10.000 р., Харьковской 10.895 р., Курской 9.312 р. 9 к., Нижегородской 8.504 р. 65 к., Тверской 8.262 р. 89 коп.

Изъ церковныхъ доходовъ пожертвовано по епархіямъ: Рязанской 32.472 р. 61 к., Костромской 31.870 р. 60 к. Орловской 16.116 р. 29 к., Екатеринославской 14.000 руб. Полтавской 9.424 р., Псковской 5.000 р. и Уфимской 3.499. р.

По таврической епархіи пожертвовано изъ свѣчныхъ доходовъ монастырей и одной единовѣрческой церкви 2.253 р. 25 к.

Изъ доходовъ церквей, монастырей и изъ жалованья и доходовъ духовенства пожертвовано по епархіямъ Архангельской 6.415 р. 75 к. и Олонецкой 1.484 р. и единовременно 200 руб.

По Волынской епархіи, гдѣ, по скудости церквей, не представилось возможности удѣлять что либо изъ церковныхъ доходовъ на духовно-учебныя заведенія епархіи, духовенство пожертвовало въ пользу ихъ 10.000 р. изъ ассигнованнаго ему на 1866 годъ единовременна-

го пособія въ количествѣ 30.000 р. Жертва замѣчательная, если принять во вниманіе, что тамошнее духовенство крайне бѣдно, далеко не обезпечено и само нуждается въ постоянной матеріальной поддержкѣ.

Съ увеличеніемъ денежныхъ средствъ во всѣхъ 28 епархіяхъ возвышены оклады содержанія въ семинаріяхъ: ректорамъ отъ 400 до 776 р., инспекторамъ отъ 200 до 716 р., наставникамъ отъ 400 до 750 р., а въ училищахъ-смотрителямъ отъ 200 до 400 р. и учителямъ отъ 135 до 350 р. Расходъ же изъ духовно-учебнаго капитала сократился при этомъ на 58. 199 р. 15 к. въ годъ.

Изъ числа духовно-учебныхъ заведеній, существующихъ въ вышепоименованныхъ епархіяхъ, двадцать семинарій и одно училище, по недостаточности епархіальныхъ свѣчныхъ доходовъ, получали доселѣ вспоможеніе изъ процентовъ съ духовно-учебнаго капитала, или изъ свѣчной прибыли другихъ епархій. Но теперь, когда изысканы новые источники для ихъ содержанія, добавочная сумма будетъ отпускаема въ прежнемъ количествѣ только въ семинаріи С.-Петербургскую, Новгородскую, Виѳанскую, Уфимскую, Олонецкую, Волынскую, Архангельскую, Псковскую и Тверскую и Симферопольское духовное училище; въ семинаріи Калужскую, Владимірскую, Нижегородскую, Орловскую, Подольскую, Полтавскую, Костромскую и Вологодскую положено отпускать впредь изъ духовно-учебнаго капитала только сумму на пенсіи и классные оклады, а въ Рязанскую, кромѣ этой послѣдней суммы, по 7.500 руб. и въ Тульскую по 8.388 р. 60 к. въ годъ, впредь до возможности покрыть всѣ расходы по содержанію этихъ семинарій съ училищами мѣстными средствами епархій.

Во всѣхъ упомянутыхъ епархіяхъ, за исключеніемъ С.-Петербургской, Московской, Псковской и Черниговской, дозволено Святѣйшимъ Синодомъ допустить духовенство къ наблюденію за правильнымъ расходованіемъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе семинарій и училищъ, посредствомъ избираемыхъ имъ изъ среды своей благонадежныхъ лицъ, которымъ предоставлено право голоса по экономическимъ дѣламъ. А въ Херсонской епархіи, согласно съ представленіемъ архіепископа Димитрія, основаннымъ на единодушно заявленныхъ желаніяхъ духовенства, разрѣшено ему избирать двухъ лицъ изъ не состоящихъ при семинаріи священнослужителей, для участія во всѣхъ дѣлахъ семинарскаго правленія, съ правомъ голоса не только по хозяйственной, но и по учебной и нравственной частямъ. Сверхъ того, пріѣзжающимъ по разнымъ случаямъ въ Одессу священникамъ, дозволено посѣщать семинарскіе классы во время уроковъ, подъ условіемъ не препятствовать ничѣмъ обычному ходу занятій наставника съ учениками.

Изыскиваемыя епархіальными начальствами и духовенствомъ мѣстныя средства не дѣлаютъ излишнимъ Всемилостивѣйше ассигнованнаго на духовно-учебныя заведенія пособія изъ государственнаго казначейства. Эти мѣстныя средства только помогаютъ предпринятому улучшенію сихъ заведеній, такъ какъ, по новому о нихъ уставу, начальныя духовныя училища будутъ содержаться, при пособіяхъ изъ суммъ Святѣйшаго Синода, на мѣстные способы; состоящія же въ распоряженіи Синода суммы, и въ совокупности съ сдѣланными на духовно-учебныя заведенія пожертвованіями, все-таки далеко недостаточны для того, чтобы удовлетво-

рительно содержать и академіи, и семинаріи, и низшія духовныя училища.

Попытки къ улучшенію учебной части въ семинаріяхъ.

Какъ на опытъ архипастырской попечительности объ улучшеніяхъ по учебной и нравственной частямъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, можно указать на педагогическія собранія преподавателей Саратовской семинаріи, открытыя по распоряженію тамошняго преосвященнаго для обсужденія педагогическихъ вопросовъ, возникающихъ при исполненіи наставниками своихъ учебно-воспитательныхъ обязанностей. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя совѣщанія, надлежащимъ образомъ направленныя, при дальнѣйшемъ развитіи своемъ принесутъ значительную пользу дѣлу духовнаго просвѣщенія.

Приготовительныя школы для дѣтей духовенства.

Со стороны самаго духовенства заботливость о возможно лучшемъ образованіи его дѣтей, выразилась въ заведеніи частныхъ школъ для приготовленія ихъ къ поступленію въ духовныя училища и въ семинаріи. Такихъ школъ учреждено пока не много, въ Тульской, Самарской и Смоленской епархіяхъ. По судя по тому сочувствію, какое школы успѣли пріобрѣсти себѣ въ короткое время своего существованія, можно ожидать, что онѣ мало по малу разовьются и въ другихъ епархіяхъ. Польза отъ нихъ очевидна. До сихъ поръ, многія дѣти духовенства поступали въ училища безъ достаточной подготовки въ домахъ родителей, безъ всякихъ, элементарныхъ даже, свѣдевій въ предметахъ, преподаваемыхъ въ училищахъ, и оттого не могли одолѣть трудностей ученія, оказывали слабые успѣхи и

въ большомъ числѣ исключались изъ низшихъ духовныхъ училищъ, не достигая семинаріи. Училищные наставники, при самомъ добросовѣстномъ исполненіи своего долга, не могли для нихъ многаго сдѣлать, вслѣдствіе чрезмѣрнаго многолюдства учениковъ въ классахъ. Напротивъ, главное отличіе заводимыхъ нынѣ, по вчинанію духовенства, приготовительныхъ школъ заключается въ томъ, что число учениковъ въ нихъ самое небольшое, отъ 5 до 13. Въ однѣхъ изъ этихъ школъ ученіе ограничивается начальными предметами: закономъ Божіимъ, русскимъ и славянскимъ языками, ариѳметикой и чистописаніемъ; но въ другихъ, назначеніе которыхъ приготовлять дѣтей прямо въ семинарію, преподаются, кромѣ того, латинскій и греческій языки и всѣ прочіе предметы училищнаго курса. Наставниками во всѣхъ этихъ школахъ или сами священники или, по ихъ приглашенію и на ихъ содержаніи, студенты семинарій. Какъ обученіе дѣтей, такъ и испытанія ихъ имѣютъ совершенно частный, семейный характеръ; на экзаменахъ присутствуютъ родители учениковъ и другія лица, заинтересованныя воспитаніемъ дѣтей. Епархіальныя начальства, основываясь на прекрасныхъ отзывахъ объ учебной и нравственной части въ сихъ училищахъ, съ своей стороны поощряютъ духовенство къ ихъ учрежденію и рапространенію.

УЧИЛИЩА ДЛЯ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ.

Развитіе потребности въ образованіи дочерей духовенства.

Образованіе дочерей духовенства, при постоянномъ Всемилостивѣйшемъ вниманіи къ нему Августѣйшей покровительницы училищъ дѣвицъ духовнаго званія, при отеческой попечительности епархіальныхъ преосвященныхъ и живомъ участіи духовенства, съ каждымъ годомъ дѣлаетъ новые, весьма значительные успѣхи. Потребность въ немъ такъ глубоко сознана и распространена въ духовенствѣ, что эти заведенія, имѣя опредѣленное число штатныхъ вакансій, не въ состояніи удовлетворить всѣмъ желающимъ и принуждены отказывать многимъ священнослужителямъ въ просьбахъ о помѣщеніи дочерей ихъ въ училища. Съ другой стороны, въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ подобныя училища еще не заведены, епархіальныя начальства прилагаютъ всѣ возможныя заботы объ ихъ учрежденіи; духовенство приноситъ на это немаловажныя жертвы изъ своихъ скудныхъ средствъ, и даже люди, непринадлежащіе къ духовному сословію, оказываютъ важному дѣлу воспитанія его дочерей самое искреннее сочувствіе, а при возможности, и матеріальную поддержку.

Открытіе новыхъ училищъ.

Такимъ образомъ, въ теченіи 1866 года открыто шесть новыхъ училищъ для дѣвицъ духовнаго званія: въ Самарѣ, Екатеринославѣ, Тобольскѣ, Астрахани, Нижнемъ Новгородѣ и Черниговѣ. Первоначальное

устройство и будущее существованіе этихъ учебныхъ заведеній достаточно обезпечено на счетъ мѣстныхъ епархіальныхъ способовъ, большая часть которыхъ составлялась изъ пожертвованій епархіальныхъ преосвященныхъ, приходскаго духовенства и свѣтскихъ лицъ. Въ отношеніи матеріальныхъ средствъ имѣетъ преимущество предъ другими Нижегородское училище; на его учрежденіе и содержаніе собранъ капиталъ въ 75 т. р. и сверхъ того, мѣстное духовенство изъявило готовность жертвовать въ его пользу по 2.500 р. ежегодно. На содержаніе прочихъ училищъ назначается, по составленнымъ для нихъ штатамъ, отъ 3 до 7 тысячъ р. въ годъ. При учрежденіи этихъ заведеній, епархіальныя начальства имѣли въ виду не только умственное и нравственное образованіе дочерей духовенства, но и призрѣніе безпріютныхъ сиротъ духовнаго званія. Уставы для новыхъ училищъ составлены примѣнительно къ Высочайше утвержденному уставу для Царскосельскаго училища дѣвицъ духовнаго званія.

Къ не менѣе отраднымъ явленіямъ въ дѣятельности духовенства слѣдуетъ также отнести учрежденіе, въ концѣ 1865 года, небольшой частной школы для дѣвицъ, преимущественно духовнаго сословія, священникомъ Кіевской епархіи дер. Скригелевки Погорецкимъ. Цѣль ея давать дѣтямъ первоначальное образованіе и приготовлять ихъ въ среднія учебныя заведенія. Курсъ ученія не многосложенъ; въ него входятъ: чтеніе и письмо, разсказы изъ священной исторіи, краткій катихизисъ, русская этимологія и правописаніе, ариѳметика и рукодѣліе. Преподаютъ учебные предметы одна наставница и мѣстный священникъ. Школа помѣщается въ собственномъ домѣ учредителя.

Число училищъ.

Всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства открыто, по настоящее время, духовнымъ вѣдомствомъ 39 въ 37 епархіяхъ, и частными лицами 3: въ м. Тульчинѣ, Подольской епархіи, усердіемъ С.-Петербургскаго протоіерея Гречулевича, въ м. Паричахъ, Минской губерніи, женою генералъ-лейтенанта Пущиной, и приготовительная школа въ Кіевской епархіи. Кромѣ того учреждено 14 пріютовъ при монастыряхъ для призрѣнія дочерей служителей Церкви.

Изъ числа училищъ 11 (Царскосельское, Ярославское, Казанское, Иркутское, Виленское, Могилевское, Волынское, Подольское, Минское, Полоцкое и Кіевское) имѣютъ счастіе пользоваться Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, и 1 Мцхетское въ Грузіи покровительствомъ Государыни Великой Княгини Ольги Θеодоровны, а Смоленское училище удостоено, въ 1866 году, быть принятымъ подъ покровительство Государыни Великой Княжны Маріи Александровны.

Содержаніе училищъ.

Училища, состоящія подъ Высокимъ покровительствомъ Ея Величества, исключая Кіевскаго, содержатся на духовно-учебный капиталъ; три училища получаютъ вспомоществованіе изъ этого источника; всѣ прочія содержатся на мѣстные способы.

Постройка училищныхъ зданій.

Большая часть училищъ помѣщаются въ собственныхъ домахъ и только не многія въ наемныхъ. Прой-

стекающія отсюда разныя неудобства вызываютъ заботы о пріобрѣтеніи для училищъ собственныхъ помѣщеній.

Въ 1866 году, по ходатайству тайнаго совѣтника Батюшкова, испрошено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Высочайшее соизволеніе Вашего Величества отдѣлить, на постройку зданія для Житомірскаго училища, 22.676 р. изъ денежныхъ приношеній въ пользу школъ и церквей западнаго края, съ тѣмъ, чтобы къ работамъ было приступлено въ томъ же году, а недостающая сумма была пополнена частными пожертвованіями по открытой особо, на этотъ предметъ, подпискѣ.

Сооруженіе зданія Минскаго училища, начатое въ 1865 году, приводится къ окончанію. На этотъ предметъ, бывшимъ главнымъ начальникомъ сѣверозападнаго края графомъ Муравьевымъ, ассигновано 9 т. р. изъ находившихся въ его распоряженіи суммъ и Святѣйшимъ Синодомъ отпущено, изъ духовно-учебнаго капитала, въ теченіе двухъ предшествовавшихъ лѣтъ, 19.325 р.

По случаю неотстройки дома для Минскаго училища, 40 воспитанницъ его обучались временно въ Паричскомъ училищѣ, съ платою за каждую по 100 р. изъ духовно-учебнаго вѣдомства. Съ предстоящимъ переводомъ ихъ въ Минскъ, Паричское училище, не имѣющее никакихъ опредѣленныхъ способовъ къ содержанію, кромѣ ежегодно жалуемыхъ Государыней Императрицей 1.300 р., лишится значительной поддержки къ своему существованію. Между тѣмъ училище это, подъ христіански-попечительнымъ руководствомъ учредительницы, приноситъ истинную пользу духовенству и заставляетъ желать дальнѣйшаго его процвѣтанія. По этому Святѣйшій Синодъ, примѣняясь къ выражен-

ному Ея Императорскимъ Величествомъ живому участію въ положеніи Паричскаго училища, разрѣшилъ производить ему, пока оно будетъ находиться въ настоящемъ видѣ, ежегодное пособіе, изъ духовно-учебнаго капитала, по 3.000 р.

Съ училищами дѣвицъ духовнаго званія, учрежденными въ приволжскихъ губерніяхъ, я имѣлъ случай, близко и во всѣхъ подробностяхъ, ознакомиться во время предпринятой мною, въ 1866 году, съ Высочайшаго соизволенія, поѣздки для обозрѣнія Московскаго и Казанскаго учебныхъ округовъ. При этомъ я лично убѣдился, что заведенія сіи находятся въ болѣе или менѣе благоустроенномъ положеніи и что принимаемыя о судьбѣ ихъ попеченія, со стороны епархіальныхъ и училищныхъ начальствъ, вполнѣ соотвѣтствуютъ видамъ и ожиданіямъ правительства. Училища въ Самарѣ, Казани, Костромѣ и Ярославлѣ содержатся весьма прилично; вездѣ заведены и поддерживаются добрые порядки; направленіе, даваемое воспитанницамъ, вполнѣ безукоризненно; успѣхи ихъ, судя по произведеннымъ мною краткимъ испытаніямъ, удовлетворительны; воспитанницы имѣютъ достаточныя для ихъ возраста познанія какъ въ религіи, такъ и въ прочихъ предметахъ. Училища Астраханское, Казанское и Ярославское помѣщаются въ собственныхъ зданіяхъ, Самарское пока въ наемномъ домѣ, а Костромское въ домѣ принадлежащемъ тамошнему женскому монастырю. Всѣ эти зданія довольно просторны и удобны для положеннаго въ нихъ числа воспитанницъ, исключая зданій Казанскаго училища, которыя требуютъ поправокъ и распространенія, о чемъ и дѣлаются уже соображенія со стороны духовнаго вѣдомства. Для Костромскаго училища,

заботами ея основательницы игуменьи тамошняго монастыря, Маріи, приготовляется новое помѣстительное зданіе на монастырскія средства, безъ всякихъ пособій отъ Святѣйшаго Синода и отъ казны. Для училища въ Нижнемъ Новгородѣ выстроенъ каменный двухъ-этажный домъ, на прекрасной мѣстности, съ весьма красивой домашней церковью и довольно большимъ садомъ; въ новомъ домѣ легко могутъ помѣститься до 60 воспитанницъ. Зданія для Симбирскаго училища, сгорѣвшія во время бывшаго въ Симбирскѣ пожара, отстроиваются вновь. Въ Саратовѣ также предполагается приступить къ открытію училища въ непродолжительномъ времени. На учрежденіе училища епархіальное духовенство пожертвовало 21 т. р. и сверхъ того положило отдѣлять ежегодно по 2% изъ своего жалованья, получаемаго изъ казны.

Изъ всѣхъ посѣщенныхъ мною училищъ, Ярославскому училищу, по всей справедливости, принадлежитъ первое мѣсто какъ по его полному благоустройству въ матеріальномъ и учебно-воспитательномъ отношеніяхъ, такъ и по благотворнымъ плодамъ, принесеннымъ уже имъ въ продолженіе двадцати двухлѣтняго существованія. Почтенная начальница училища, съ самаго его учрежденія занимающая это званіе, не смотря на свои преклонныя лѣта, не щадитъ своихъ силъ для блага и процвѣтанія ввѣреннаго ей заведенія и въ настоящее время имѣетъ утѣшеніе находить себѣ дѣятельныхъ помощницъ въ молодыхъ дѣвицахъ, учившихся подъ ея руководствомъ. Воспитанницы не разсѣеваютъ своихъ способностей на множество предметовъ, но все то, что имъ преподается, онѣ знаютъ весьма основательно. Прекрасное направленіе этого училища всего лучше до-

казывается добрыми качествами женъ священниковъ, получившихъ въ ней свое воспитаніе. По удостовѣренію преосвященнаго Костромскаго, изъ 60 воспитанницъ Ярославскаго училища, принадлежащихъ по рожденію къ его епархіи, онъ не знаетъ ни одной, которая не дѣлала бы чести воспитавшему ее заведенію. Наконецъ какъ училищныя зданія, такъ и самая мѣстность, гдѣ они расположены, не оставляютъ желать ничего лучшаго, и ни чѣмъ не уступаютъ лучшимъ заведеніямъ для дѣвицъ.

Введеніе педагогики въ женскихъ духовныхъ училищахъ.

Въ виду духовнаго вѣдомства имѣются многочисленные примѣры, что лица женскаго пола духовнаго званія, и изъ нихъ преимущественно обучавшіяся въ училищахъ дѣвицъ, съ успѣхомъ трудятся и на поприщѣ начальнаго народнаго образованія. Интересы сего послѣдняго заставляютъ желать, чтобы столь полезная дѣятельность не только была продолжена, но и получила современемъ болѣе широкое развитіе. Чтобы облегчить сказаннымъ лицамъ трудъ обученія дѣтей, сдѣлать его еще болѣе успѣшнымъ и быстрымъ и чрезъ то расширить ихъ участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, я, съ своей стороны, находилъ полезнымъ введеніе въ старшихъ классахъ училищъ дѣвицъ духовнаго званія необходимыхъ свѣдѣній о педагогическихъ пріемахъ, которыя слѣдуетъ употреблять при обученіи грамотѣ, о методахъ обученія, и обо всемъ, что относится до первоначальнаго образованія. При этомъ я полагалъ необходимымъ, чтобы свѣдѣнія сіи были сообщаемы воспитанницамъ не въ видѣ строгой научной системы, а въ формѣ краткихъ совѣтовъ и наставленій, и чтобы

старшія воспитанницы въ извѣстное время занимались обученіемъ младшихъ, подъ руководствомъ воспитательницъ и тѣхъ наставниковъ, которымъ будетъ поручено преподаваніе педагогическихъ началъ. Мѣру эту я передавалъ на предварительное обсужденіе преосвященныхъ тѣхъ епархій, гдѣ учреждены женскія духовныя училища. Изъ полученныхъ отзывовъ открылось, что они признаютъ предложенную мною мѣру не только вполнѣ полезною, но и необходимою при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ распоряженія мѣстныхъ начальствъ касательно ознакомленія воспитанницъ женскихъ духовныхъ училищъ съ педагогическими пріемами предупредили мое предложеніе, а въ другихъ подобныя же распоряженія сдѣланы немедленно по полученіи моего отношенія по сему предмету. На основаніи такихъ заявленій, вышеозначенное предположеніе мое утверждено во всей силѣ Св. Синодомъ.

Предоставленіе правъ государственной службы лицамъ, служащимъ при училищахъ.

Благоволительное вниманіе Вашего Величества къ участи женскихъ духовно-учебныхъ заведеній оказано удостоеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ Высочайшихъ милостей. По особымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ Кіевской епархіи и по вниманію къ тому Высокому покровительству, которымъ имѣетъ счастіе пользоваться тамошнее училище дѣвицъ духовнаго званія, служащимъ въ немъ лицамъ, согласно съ ходатайствомъ преосвященнаго митрополита Арсенія и заключеніемъ Святѣйшаго Синода, въ 13 день августа 1866 года, Всемилостивѣйше дарованы права государственной службы, съ отнесеніемъ должностей: учителей къ X, врача къ IX,

а письмоводителя и эконома къ XII классу; а лицамъ женскаго пола предоставлено право на полученіе Маріинскаго знака отличія и на прибавочное жалованье за выслугу каждыхъ пяти лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы какъ жалованье, такъ и пенсіи служащимъ лицамъ, были производимы изъ мѣстныхъ епархіальныхъ источниковъ.

Равнымъ образомъ, вслѣдствіе ходатайствъ мѣстныхъ преосвященныхъ, предоставлены права службы наставникамъ и другимъ должностнымъ лицамъ (кромѣ лицъ женскаго пола) въ училищахъ Симферопольскомъ и Самарскомъ.

Пожертвованія на женскія духовныя училища отъ духовенства и другихъ лицъ.

Общественное сочувствіе къ училищамъ дѣвицъ духовнаго званія продолжаетъ по прежнему заявляться пожертвованіями на нихъ отъ духовенства и лицъ всѣхъ другихъ сословій. Въ общей сложности сумма всѣхъ сдѣланныхъ въ пользу сихъ заведеній приношеній простирается до 38 т. руб., не считая тѣхъ жертвъ, которыя принесены на учрежденіе вновь открытыхъ училищъ. Я ограничусь указаніемъ на болѣе замѣчательныя.

На постройку втораго этажа надъ домомъ Пензенскаго училища пожертвовано отъ мѣстнаго духовенства, дворянства и купечества, вещами и деньгами, на 8.110 руб. 80 коп. Заштатный священникъ Лукьяновскій пожертвовалъ въ пользу Курскаго пріюта дѣвицъ духовнаго званія 5.000 руб. На устройство домовой церкви въ Виленскомъ училищѣ пожертвовано тамошнимъ купцомъ Мухинымъ 500 руб., капитаномъ генеральнаго штаба Бѣляевымъ 5% билетъ въ 500 р. и бывшимъ

генералъ-губернаторомъ сѣверозападнаго края фонъ-Кауфманомъ 500 р., всего 1.500 р. Бывшимъ почетнымъ блюстителемъ Ярославскаго училища купцомъ Дмитріемъ Плѣшановымъ предоставлено въ пользу училищной церкви на 7.500 р. акцій Московско-Ярославской желѣзной дороги.

Сверхъ того, на пожертвованія разныхъ лицъ учреждены пять новыхъ стипендій: 1 въ Царскосельскомъ училищѣ, 2 въ Ярославскомъ и 2 въ Симферопольскомъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія три стипендіи. Почетный блюститель по хозяйственной части при Царскосельскомъ училищѣ купецъ Вьюшинъ пожертвовалъ выкупное свидѣтельство въ 1.200 р. на учрежденіе стипендіи въ память избавленія Вашего Величества отъ угрожавшей опасности 4 апрѣля. Почетный блюститель Ярославскаго училища купецъ Плѣшановъ пожертвовалъ 1.200 р. на содержаніе стипендіатки, въ честь Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича. Вдова священника Вологодской епархіи Ольга Сперансова по духовному завѣщанію предоставила 1.100 р. на учрежденіе въ Ярославскомъ училищѣ стипендіи для одной изъ сиротъ духовнаго званія Вологодской епархіи.

Всѣ эти данныя, свидѣтельствуя о постепенномъ возвышеніи благосостоянія училищъ дѣвицъ духовнаго званія, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ прочнымъ залогомъ еще бóльшаго и несомнѣннаго преуспѣянія ихъ въ будущемъ.

(Продолженіе будетъ).

МАТЕРІАЛИЗМЪ БЮХНЕРА

(*Продолженіе*)

III.

Всюду въ мірѣ видимъ мы прежде всего разлита жизнь—жизнь не только органическая, но и духовная, разумная. Съ перваго взгляда, такимъ образомъ, міръ является предъ нами не мертвымъ механизмомъ, какъ увѣряетъ насъ матеріализмъ, а *живымъ организмомъ*, въ которомъ жизнь кипитъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Откуда же явилась, спрашиваемъ мы, эта разнообразная органическая жизнь, чѣмъ она поддерживается и по какимъ законамъ развивается, если окружающій насъ міръ есть только механизмъ, развивающійся и дѣйствующій по однимъ механико-химическимъ законамъ (¹)?

Понятно, какъ рѣшаетъ Бюхнеръ или, по крайней мѣрѣ, какъ долженъ рѣшить этотъ вопросъ согласно своему механическому принципу.—Міръ есть механизмъ;

(¹) Вопросъ о жизни духовно-разумной или о душѣ будетъ разобранъ въ отдѣльной главѣ.

слѣдовательно, и органическая жизнь въ немъ есть также продуктъ механическаго движенія матеріальныхъ элементовъ, или физико-химическихъ силъ, присущихъ имъ (¹). Впрочемъ и здѣсь, какъ въ ученіи объ образованіи нашей планеты, Бюхнеръ опять, повидимому, преслѣдуетъ двѣ цѣли, какъ бы предлагая своимъ послѣдователямъ два матеріалистическихъ догмата, вѣрить въ которые предоставляется на выборъ—который изъ нихъ кому болѣе нравится и болѣе гармонируетъ съ собственными убѣжденіями. Именно: съ одной стороны Бюхнеръ соглашается допустить забытую, давно уже отжившую въ наукѣ гипотезу о предсуществованіи органическихъ зародышей, изъ которыхъ будто бы, при наступившихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, развились существующіе нынѣ организмы и вообще жизнь органическая, какъ растительная, такъ и животная. Основаніе для этой гипотезы онъ видитъ въ законѣ Гарвея: omne vivum ex ovo,—законѣ, который онъ самъ не могъ не признать закономъ общимъ и, повидимому, абсолютно—господствующимъ при современномъ порядкѣ вещей (²); игнорировать этотъ извѣстный и коренной законъ размноженія существъ современнаго органическаго міра было невозможно,—и Бюхнеру пришлось, такимъ образомъ, рѣшать извѣстную загадку Пиѳагора: „что было прежде, курица или яйцо? Откуда взялась курица, положившая первое яйцо, или появилось яйцо, изъ котораго вылупилась первая курица?" Бюхнеръ рѣшаетъ эту загадку такъ, что прежде было яйцо, изъ котораго потомъ вылупилась первая курица. Откуда же теперь,—естественный вопросъ,—

(¹) Natur und Geist.
(²) Force et Matière, p. 68.

взялось это первое яйцо,—или, вообще, какъ явились органическіе зародыши, одаренные притомъ еще, какъ говоритъ Бюхнеръ, *идеею вида* (1)? Зародыши эти существовали, говоритъ Бюхнеръ, отъ вѣчности въ пространствѣ вселенной, низпали потомъ на землю, послѣ охлажденія и образованія ея, и случайнымъ образомъ развились на ней въ то время и въ тѣхъ мѣстахъ, когда и гдѣ представлялись къ тому благопріятныя и необходимыя внѣшнія условія (2). Мы выставляемъ на видъ эту причудливую гипотезу Бюхнера не какъ предметъ серьёзный борьбы для современной науки,—этого она вовсе не заслуживаетъ,—а какъ образецъ тѣхъ недобросовѣстныхъ увертокъ его, когда дѣло идетъ о жизни или смерти его idea fixa. Новѣйшая органическая химія совершенно опровергла Бюффонову идею о матеріи собственно органической,—доказала, что въ природѣ нѣтъ ни существенно-мертвой, ни существенно-живой матеріи, такъ какъ тѣла органическія и неорганическія разнятся не химическими составными началами, а формою. Даже, такъ называемыя тройныя или четверныя соединенія вещества вовсе не составляютъ сущности органическаго, но остаются мертвыми химическими соединеніями, пока существуютъ въ видѣ безформенныхъ веществъ, какъ-то: маслянистыхъ веществъ, смолъ, кислотъ, олкалоидовъ (3). Въ этомъ, впрочемъ, вполнѣ убѣжденъ и самъ Бюхнеръ,—и его гипотеза предсуществованія зародышей стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ общею системою его матеріалистиче-

(1) Ibid p. 71; Natur und Geist S. 231.

(2) Force et Matière, p. 511.

(3) Lehrbuch der Organische Chemie oder der Chemie der Kohlenstoffsverbindungen, a Kehüle, Erlangen, 1859 г. S. 10; срав. Физіологія обыденной жизни, соч. Г. Льюиса т. II, стр. 345—346; Die Neueste Vergötterung A. Weber, S. 46.

сѣихъ вѣрованій. Выставленная же имъ *идея вида*, соприсущая будто-бы зародышу, представляетъ собою начало, выходящее изъ предѣловъ всѣхъ данныхъ матеріализма. Многорѣчивый защитникъ матеріализма впадаетъ, очевидно, въ этомъ случаѣ, самъ того не замѣчая, въ идеализмъ,—въ увлеченіи поражаетъ на смерть самъ себя. Словомъ: допустить подобную нелѣпую гипотезу заставило Бюхнера, какъ самъ же онъ даетъ понять это, одно только фанатическое упорство противъ необходимости признанія Творческой Силы Божіей для объясненія происхожденія органической жизни на землѣ (¹). Вслѣдъ за этой гипотезой онъ высказываетъ свой настоящій взглядъ на происхожденіе органическихъ существъ на землѣ и тѣ силы, какія лежатъ въ основѣ жизни этихъ существъ. „Положительные факты, говоритъ онъ, доказываютъ съ очевидностію, что органическія существа, населяющія землю, обязаны своимъ существованіемъ и размноженіемъ только взаимодѣйствію матеріи и силъ физическихъ. Природѣ неизвѣстны ни начало сверхъестественное, ни дѣйствія сверхъестественныя; она сама есть начало и конецъ, рожденіе и смерть, сама все созидаетъ и снова беретъ къ себѣ“ (²). Бюхнеръ, такимъ образомъ, рѣшительный врагъ, такъ называемой, жизненной силы; противъ нея онъ возстаетъ съ особенной энергіею и въ пораженіи ея видитъ блестящую побѣду современной физіологической науки. Матерія съ соприсущими ей физико-химическими силами—вотъ основа органическаго, какъ и всякаго бытія на землѣ (³)! Установляя такой взглядъ

(¹) Force et Matière, p. 71.
(²) Force et Matière, p. 72—89.
(³) Ibidem, p. 219—230.

на происхожденіе органической жизни и лежащія въ основѣ ея силы, Бюхнеръ становится твердо на своей матеріалистической почвѣ и борьба съ нимъ дѣлается уже серьезною и настоятельно-необходимою. Вопросъ о жизни или жизненной силѣ, какъ самостоятельномъ принципѣ органическихъ существъ, составляетъ пунктъ, гдѣ спиритуализмъ и матеріализмъ соприкасаются самымъ тѣснымъ образомъ, и неудивительно, посему, если матеріалисты нападаютъ на него съ особенною энергіею; на этомъ пунктѣ матеріализмъ завоевываетъ себѣ права на дальнѣйшее приложеніе своихъ принциповъ въ области Психологіи; на немъ сосредоточивается, говоритъ Фихте, центръ тяжести всего натуралистическаго взгляда, съ нимъ онъ стоитъ или падаетъ (¹). Все это очень хорошо понимаетъ и Бюхнеръ и потому также употребляетъ всѣ правыя и неправыя средства отстоять этотъ пунктъ въ своей системѣ. Чѣмъ же именно, посмотримъ, онъ отстаиваетъ его.

На первомъ планѣ стоитъ, по мнѣнію Бюхнера, слѣдующее основаніе не принимать жизненной силы, какъ особаго организующаго начала: химія доказала съ очевидностію, говоритъ онъ, что матеріальные элементы міра органическаго и неорганическаго всюду совершенно одни и тѣже, что жизнь, въ своемъ существованіи и развитіи своихъ явленій, не можетъ прибавить ни одного матеріальнаго атома, который бы равно не находился и въ мірѣ неорганическомъ и не проявлялъ своего дѣйствія въ кругу метаморфозъ матеріи. Достаточно этого одного факта, говоритъ Бюхнеръ, чтобы

(¹) „Die Seehnlehre des Materialismus, I. H. Fichte, ers. art. S. 67 (Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, herausg. von Dr. I. H. Fichte, 1854. Bd. XXV).

изгнать изъ науки понятіе жизненной силы; потому что сила есть свойство матеріи (¹). Что сказать объ этомъ химическомъ основаніи? Скажемъ прежде всего то, что избирать химію посредницею въ рѣшеніи разбираемаго нами вопроса, а тѣмъ болѣе на ея данныхъ основывать весь свой приговоръ—не раціонально и несправедливо. Несправедливо, во-первыхъ, потому, что, по крайней мѣрѣ при настоящемъ состояніи науки совершенно невозможно установить яннаого отношенія вообще между жизненными свойствами тѣлъ и ихъ химическимъ составомъ; ткани или органы, надѣленные самыми различными жизненными свойствами, иногда совершенно сходны съ точки зрѣнія ихъ элементарнаго химическаго состава. Такимъ образомъ, нить вопроса о сущности жизненныхъ явленій обрывается въ рукахъ химика на первыхъ же шагахъ его изслѣдованій. Далѣе, химія—слова Либиха, одного изъ первыхъ современныхъ авторитетовъ въ области Химіи, можетъ только анализировать, т. е. разлагать тѣла на ихъ элементы, но она не можетъ познать *расположенія* этихъ элементовъ, между тѣмъ на немъ, а на не самыхъ элементахъ, основывается сущность вещей. Тѣже самые три элемента: углеродъ, кислородъ и водородъ, и даже въ равныхъ пропорціяхъ, образуютъ намъ молочный сахаръ, такъ и кислую капусту и клопчатую бумагу. Также точно стрихнинъ, хининъ, теинъ, коееинъ и даже кровь, при химическомъ анализѣ, оказываются содержащими въ равной мѣрѣ углеродъ, азотъ и элементы воды. Причины ихъ различія заключаются, поэтому, *лишь во внутреннемъ расположеніи, а для по-*

(¹) Force et Matière, p. 219.

знатія его направилъ всякій анализъ (1). По отношенію къ разбираемому нами вопросу, смыслъ этихъ словъ знаменитаго химика, очевидно, тотъ, что химія разсматриваетъ органическія и неорганическія тѣла, какъ уже готовое данное, можетъ опредѣлить, путемъ своего анализа, сумму и качество составныхъ элементовъ ихъ, но никакимъ образомъ не можетъ браться за рѣшеніе самой сущности органическихъ тѣлъ, за объясненіе жизненныхъ свойствъ организмовъ, такъ какъ это послѣднее совершенно выходитъ изъ предѣловъ всѣхъ данныхъ химіи. Самая-то, такъ сказать, *суть* органическихъ тѣлъ—особенность въ расположеніи этихъ элементовъ, ихъ *форма*—неподдаются никакому химическому анализу. Такимъ образомъ, будетъ правильнѣе сказать, что химія, сама по себѣ, хранитъ полнѣйшій нейтралитетъ въ спорѣ между виталистами и антиваталистами. Она не можетъ стать рѣшительно на сторонѣ первыхъ, потому что она имѣетъ дѣло не съ силами, никогда недоступными для ея анализа, дающими ту или другу форму химическимъ соединеніямъ, но единственно съ матеріальными элементами и пропорціями соединенія ихъ въ данномъ случаѣ, равно какъ съ тѣмъ вмѣстѣ съ различными *условіями* ихъ соединенія. Между тѣмъ собственно *форма* и дѣлаетъ организмы тѣмъ, что они есть; организмы, разложенные на свои элементы, перестаютъ быть организмами. Но химія не можетъ также быть дѣятельною союзницею, какъ этого надѣется матеріализмъ, и для послѣднихъ—антиваталистовъ—на томъ лишь основаніи, что тѣла органическія и неорганическія состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ и

(1) Матеріалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма, стр. 22—23.

часто въ однѣхъ и тѣхъ же пропорціяхъ, потому что химическія элементы составляютъ только матеріалъ, но не самое начало жизни, о которомъ собственно и идетъ рѣчь въ спорѣ между виталистами и антивиталистами. Въ предѣлахъ міра явленій мы нигдѣ не видимъ жизни безъ матеріи, но эта зависимость еще вовсе не значитъ, чтобы первая была продуктомъ послѣдней, какъ вообще взаимная зависимость двухъ вещей не означаетъ ихъ тожества. Какъ мало сама жизнь можетъ привести изъ небытія въ бытіе, прибавить отъ себя хотя одинъ атомъ къ существующей матеріи, сколь бы могущественно она ни дѣйствовала на нее въ своей сферѣ дѣятельности, также мало матеріальные элементы, единственно путемъ своихъ механико-химическихъ комбинацій, могутъ произвести жизнь и послѣдняя можетъ быть объяснена изъ первыхъ. Пусть химія еще большими и блистательнѣйшими доказательствами, чѣмъ теперь, подтвердитъ, что тѣла органическія и неорганическія состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ, и часто въ однѣхъ и тѣхъ же пропорціяхъ, тѣмъ не менѣе, оставаясь строго вѣрною своимъ научнымъ началамъ, она никогда сама по себѣ не можетъ вывести отсюда заключенія, чтобы жизнь органическая была простымъ продуктомъ многосложныхъ механическихъ комбинацій этихъ элементовъ, не можетъ потому, что химическій элементарный анализъ, говоритъ Либихъ, не представляетъ никакихъ данныхъ къ обсужденію или объясненію свойствъ органическихъ соединеній (1). Для точнаго химика, наблюдающаго особыя сочетанія элементовъ въ органическихъ существахъ, всегда остается настоятельною, хотя и неразрѣшимою

(1) Матеріалы для разоблаченія матер. нигилизма стр. 23.

для него задачею—найти того таинственнаго дѣятеля, который составляетъ причину этихъ особенныхъ не химическихъ явленій въ этихъ существахъ (1). Бюхнеръ думаетъ очень просто замѣнить этого дѣятеля тѣмъ, что называетъ жизнь свойствомъ матеріи, такъ какъ всякая сила составляетъ, по его понятіямъ, ея свойство. Но эта пресловутая аксіома Бюхнера, ложная, какъ мы видѣли, въ самомъ своемъ принципѣ, въ приложеніи къ органической жизни оказывается еще несостоятельнѣе. Если жизнь есть свойство матеріи, то почему же только нѣкоторыя тѣла одарены жизнію, а не всѣ? Почему, далѣе, матеріальные элементы теряютъ это свойство въ смерти и разрушеніи организма? Едва ли кто нибудь назоветъ живымъ организмомъ мертвый трупъ, въ которомъ все начинаетъ разлагаться и раздѣляться одно отъ другого, что прежде взаимно поддерживалось. Всякое дѣйствіе должно имѣть свою достаточную причину: какая же причина этого перехода организма изъ одного состоянія въ другое, если жизнь есть свойство самой матеріи? Должно быть съ этимъ свойствомъ тутъ происходитъ совершенно другое обстоятельство, чѣмъ съ физико-химическими свойствами или силами, которыхъ матеріальные элементы никогда не теряютъ. Естественно думать, что въ смертномъ разложеніи организма уничтожается и потухаетъ какая-то особенная сила, которая дѣйствовала при жизни его, что жизнь, другими словами, отнюдь не составляетъ простаго свойства матеріальныхъ элементовъ. Утверждая это мнѣніе, Бюхнеръ полагаетъ новую, совершенно произвольную аксіому въ основаніе своей си-

(1) Матеріалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма, стр. 24—25.

стемы, принять которую не можетъ ни физіологія, ни тѣмъ болѣе химія, на анализъ которой ссылается онъ (1). Въ химіи же анализъ составляетъ доказательство синтеза, а наоборотъ, синтезъ оправдываетъ и подтверждаетъ собою выводы анализа.

Но говоря, что химія не можетъ быть посредницею въ рѣшеніи вопроса о существованіи особаго органическаго начала, мы хотѣли только этимъ опредѣлить тѣ границы, въ которыхъ вращаются ея научныя изысканія и сужденія, но отнюдь не хотѣли сказать этимъ, по примѣру прежнихъ физіологовъ, чтобы силы механическія и химическія и жизнь органическая взаимно себя исключали, или чтобы послѣдняя не нуждалась и даже положительно подавляла первыя. Это была бы такая же непозволительная крайность со стороны защитника жизненной силы, какъ непозволительна противоположная ей крайность матеріализма, что жизнь вообще есть только сложный химическій процессъ. Необходимы для жизни матеріальные элементы; необходимы также для жизненныхъ явленій и физико-химическія силы, дѣйствующія въ этихъ элементахъ, такъ что, какъ говоритъ Клодъ Бернаръ, напряженіе физико-химическихъ явленій, происходящихъ въ живомъ существѣ, можетъ служить мѣрою напряженія его жизненныхъ явленій (2). На этотъ случай мы можемъ воспользоваться данными, собранными самимъ же Бюхнеромъ, и сказать, за одно съ нимъ и другими противниками жизненной силы, что никакая жизненная дѣятельность невозможна безъ непрестаннаго и сложнаго дѣйствія хи-

(1) Menscheseele und Phisiologie. Eine Streitschrift gegen Profes. C. Vogt, Dr. I. Frohschammer, München, 1855, Ss. 98—99.

(2) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 96.

мическихъ притяженій, что всѣ виды молекулярныхъ сочетаній и разложеній встрѣчаются и въ живомъ тѣлѣ, что всякое питаніе, отдѣленіе и движеніе зависитъ отъ химическихъ процессовъ (¹). „Нѣтъ силъ, говоритъ Либихъ, болѣе близкихъ, какъ сила химическаго сродства и жизненная сила. Мы знаемъ, что химическія дѣйствія происходятъ повсюду, гдѣ вообще соприкасаются между собою тѣла разнородныя; а потому предположить, что одна изъ могущественнѣйшихъ силъ природы не принимаетъ участія въ процессахъ, совершающихся въ живомъ организмѣ, хотя при этомъ и соединены всѣ тѣ условія, при которыхъ высказывается ея дѣятельность, предложить это было бы противно всѣмъ правиламъ изслѣдованія природы (²)". Но значитъ ли опять все это, что жизнь вообще есть не болѣе, какъ химическій процессъ? Бюхнеръ, утверждая это, опять понимаетъ условную зависимость и совмѣстную дѣятельность двухъ силъ, какъ ихъ тожество, или такое отношеніе, по которому одна изъ нихъ есть продуктъ другой. Но кто же, логически разсуждающій, согласится съ такимъ страннымъ, чтобы не сказать болѣе, пониманіемъ дѣла? Подобная путаница понятій, которою страдаетъ не одинъ Бюхнеръ, а люди и болѣе умѣренные, происходитъ въ этомъ случаѣ именно отъ того, что, при необыкновенной близости и совмѣстности силы органической и химическаго сродства, не даютъ себѣ труда — въ точности разграничить дѣйствія одной изъ нихъ отъ другой. „Между тѣмъ, говоритъ Либихъ, если

(¹) Force et Matière, pp. 222—227; Физіологія обыденной жизни, Г. Льюиса, т. II, стр. 346—347.

(²) „Письма о химіи" Ю. Либиха. Перев. П. Алексѣева, т. I. Спб. 1861 г. стр. 20—21.

мы различимъ дѣйствія, принадлежащія силѣ химическаго сродства отъ дѣйствій жизненной силы, то будемъ находиться на пути къ пріобрѣтенію понятія о природѣ послѣдней (1)“. Жизнь органическая развивается въ тѣсной связи съ общею жизнію природы и даже въ прямой, положительной зависимости отъ нея, а потому частные моменты ея могутъ быть совершенно справедливо сведены къ тѣмъ или другимъ физико—химическимъ процессамъ, дѣйствующимъ и въ природѣ неорганической, таковы въ особенности разныя физико-химическія условія такъ называемой внутренней или физіологической среды организмовъ (2). „Въ процессѣ дыханія, какъ извѣстно, говоритъ Либихъ, въ каждую секунду мы видимъ, дѣйствительно, химическую силу кислорода въ полной своей дѣятельности; также точно мочевина, аллантоинъ, кислота, находящіяся въ муравьяхъ и водяныхъ жукахъ, щавелевая кислота, летучее масло валерьяноваго корня и другихъ суть продукты жизненнаго процесса, но надобно спросить, составляютъ ли они продукты собственно жизненной силы? При помощи химической силы мы въ состояніи получать всѣ эти соединенія: изъ помета змѣй и птицъ, путемъ чисто химическимъ, получается кристаллическое вещество аллантоической жидкости коровы, изъ объугленной крови мы приготовляемъ мочевину; изъ древесныхъ опилокъ—сахаръ, муравьиную и щавелевую кислоту, изъ корня ивы—летучее масло (Spiraea Ulmaria), изъ картофеля — летучую маслообразную кислоту валерьяноваго корня. Этихъ опытовъ достаточно, продолжаетъ Либихъ,

(1) Письма о химіи, стр. 21.

(2) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, пер. Н. Страхова, стр. 153—157.

чтобы имѣть право надѣяться на то, что намъ удастся получить *хинина*, *морфина*, соединенія, изъ которыхъ состоитъ яичный бѣлокъ и волокна мускуловъ, со всѣми ихъ свойствами. Но никогда химія не воспроизведетъ въ своей лабораторіи клѣточки, мускульнаго волокна, нерва, словомъ сказать дѣйствительно органической, одаренной жизненной силой частицы организма, или самаго организма (1)". Отсюда становится совершенно понятнымъ и то, какъ напрасно Вюхнеръ видитъ торжество своего механико-химическаго начала жизни въ томъ, что химикъ въ своей лабораторіи можетъ произвести многія соединенія, которыя встрѣчаются только въ организмахъ и вообще считались и считаются соединеніями *органическими*, каковы: разныя кислоты органическія, сахаръ виноградныхъ ягодъ, тауринъ, алкоголь, мочевину, даже жиръ и множества другихъ. На представленіе всѣхъ этихъ опытовъ химическаго синтеза замѣтимъ прежде всего, что если подобныя соединенія могутъ быть искуственно приготовлены химикомъ въ его ретортѣ, какъ приготовляетъ ихъ жизненный процессъ въ организмѣ, то этимъ не только не устраняется совершенно особенная сила, дѣйствующая въ организмѣ, а напротивъ скорѣе становится еще болѣе настоятельнымъ—предположить эту особенную силу въ жизненномъ процессѣ, которую можетъ замѣнить только *разумная воля химика*. Стало быть, прямое и естественное заключеніе отсюда—химическія силы въ организмѣ дѣйствуютъ подъ вліяніемъ не химической причины, и только вслѣдствіе этой преобладающей причины, а не просто *сами собою*, слагаются элементы и

(1) Письма о химіи, стр. 27.

составляютъ мочевину, тауринъ или другое—что-нибудь, точно такъ, какъ разумная воля химика *заставляетъ* ихъ сложиться внѣ организма, примѣняя для этого всѣ необходимыя условія. Неслыханная вещь, чтобы углеродъ *самъ собою*, вмѣстѣ съ водородомъ и азотомъ, производилъ подобныя химическія соединенія. Принятіе этой особенной, не химической силы, управляющей химизмомъ элементовъ въ организмахъ, необходимо, замѣтимъ здѣсь же, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ элементовъ, какъ напримѣръ кислородъ и углекислота теряютъ въ живомъ организмѣ свой химическій характеръ. „*Внѣ* сферы живыхъ силъ, дѣйствующихъ въ растеніи, по словамъ Либиха, кислородъ *проявляетъ* сильное сродство къ горючимъ элементамъ—углероду, водороду; напротивъ *внутри* растенія кислородъ выдѣляется изъ воды, изъ углекислоты и чрезъ листья снова возвращается воздуху въ видѣ кислорода: первый есть процессъ окисленія, а второй—возстановленія. Слѣдовательно совершающійся въ растеніи химическій процессъ, заключаетъ знаменитый германскій химикъ, противоположенъ процессамъ неорганическимъ (¹)". Повидимому, достаточно одного этого факта, чтобы разсѣять въ головахъ матеріалистовъ фантастическое предпріятіе — объяснить происхожденіе и существованіе организмовъ изъ одного химическаго процесса. Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ приведенное нами положеніе Либиха, что простыя тѣла имѣютъ *внутри* организмовъ совершенно иныя *химическія* свойства, чѣмъ *внѣ* ихъ, не будетъ опровергнуто химіею, дотолѣ всегда будетъ безмысленною, саму себя уничтожающею гипо-

(¹) „О неорганической природѣ и органической жизни", стр. 21—22. (Матеріалы для разоб. матер. нигилис.).

теэою—объяснять путемъ химическаго процесса происхожденіе и существованіе организмовъ. Сами по себѣ, вслѣдствіе одного соединенія, какъ бы ни было оно многосложно и искуственно по своей формѣ, элементы никогда не могутъ терять своихъ химическихъ свойствъ, если соединеніе ихъ основывается *только* на химическихъ же свойствахъ и поддерживается ими. Очевидно, должна быть особенная не химическая сила въ организмахъ, которая своимъ могущественнымъ вліяніемъ ограничиваетъ, такъ сказать, прирожденныя права элементовъ, заставляя ихъ отказываться отъ сочетаній, въ которыя онѣ непремѣнно вступили бы, если бы имъ предоставить полную свободу заявлять свои химическія симпатіи и антипатіи. Такой могущественный ударъ наноситъ сама же химія, на кліентизмъ которой такъ расчитываетъ матеріализмъ, механико — химическому объясненію жизни, и притомъ въ сферѣ явленій химическаго свойства. Но утопающій, какъ говорятъ, хватается за соломинку: такъ точно поступаютъ матеріалисты, когда они думаютъ видѣть опору своихъ надеждъ въ химіи, въ томъ собственно, что химія все-таки можетъ же прозводить именно *органическія* соединенія, что будто этимъ уже сама собою дается надежда въ будущемъ съ усовершенствованіемъ аппаратовъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ приготовить когда нибудь въ химической ретортѣ, и *нѣчто* въ родѣ мускульнаго волокна или даже органической ячейки. Подобныя надежды, по ихъ неосновательности, очевидно, съ полнымъ правомъ можно назвать только надеждами утопающаго на соломинку. Бюхнеръ болѣе всего, какъ видно, успокоиваетъ себя и другихъ въ этомъ случаѣ собственно названіемъ „*органическія соединенія*", думая,

что уже однимъ этимъ словомъ изъясняется вся тайна жизни. Но такъ ли? Физіологія различаетъ въ сложныхъ живыхъ организмахъ три рода опредѣленныхъ тѣлъ: 1) тѣла химически простыя; изъ числа почти 70 простыхъ тѣлъ, которыя знаетъ до сихъ поръ Химія въ составъ самаго сложнаго организма, каковъ организмъ человѣка, входятъ только 16; 2) непосредственныя неорганическія начала, заимствуемыя организмами прямо и совсѣмъ готовыя изъ внѣшняго міра, каковы, напр. соли земель фосфорнокислыя, хлорныя, сѣрнокислыя и пр.; непосредственныя органическія начала; эти начала уже не заимствуются готовыми изъ внѣшняго міра, но образуются животнымъ или растительнымъ организмомъ, таковы крахмалъ, сахаръ, жиръ, бѣлковина и пр. будучи извлечены изъ тѣла, эти непосредственныя органическія начала сохраняютъ свои свойства, потому что они во—все не живыя; это продукты *органическіе*, но не организованные; и наконецъ 3) анатомическіе или гистологическіе элементы, таковы: мускулъ, нервъ, железы и пр. одни только эти элементы суть части организма въ собственномъ смыслѣ организованныя, живыя—настоящіе дѣятели физіологическихъ явленій, по отношенію къ которымъ первые два рода тѣлъ суть страдательные элементы. Эти части *раздражимы* и обнаруживаютъ подъ вліяніемъ различныхъ возбужденій свойства, которыя характеризуютъ исключительно живыя существа; эти части живутъ и питаются, и питаніе порождаетъ и сохраняетъ ихъ свойства, отъ чего и происходитъ, что онѣ не могутъ быть отдѣлены отъ организма, не потерявъ болѣе или менѣе скоро своей жизненности (¹). Такимъ образомъ понятія „органиче-

(¹) Введеніе къ изученію опыт. медицины, К. Бернара, пер. Н. Страхова, стр. 99—100.

скій" и „жизненный"—понятія неравнозначущія въ физіологіи; первое не исчерпываетъ послѣдняго; а слѣдовательно, если химія нашего времени достигла наконецъ до такого искуснаго синтеза, что она въ состояніи производить нѣкоторые органическіе продукты въ своихъ ретортахъ, то чрезъ это тайна жизни отнюдь не разъяснена химіею, какъ воображаетъ матеріализмъ; эти искуственно приготовляемые химіею органическіе продукты—части организма, какъ мы видѣли, вовсе не живыя, не имѣющія прямой, существенной связи съ жизненными собственно явленіями, каковы сахаръ, мочевина, тауринъ, жиръ и др. а потому искуственное химическое приготовленіе ихъ не сокращаетъ ни на одну іоту не соизмѣримаго различія между бытіемъ органическимъ и не органическимъ. Все то, что носитъ на себѣ характеръ организаціи, въ точномъ смыслѣ этого слова, въ чемъ организующая сила выступаетъ въ полномъ раскрытіи своего специфическаго характера, все это доселѣ совершенно не поддавалось ни какому искуственному химическому синтезу. Химія, въ лицѣ лучшихъ и безпристрастнѣйшихъ своихъ представителей, положительно отказывается, какъ мы видѣли, отъ той матеріалистической иллюзіи, чтобы такія сочетанія, какъ мускульное волокно, нервъ, тѣмъ болѣе органическая ячейка, были непосредственнымъ продуктомъ механико-химическаго процесса и могли быть съ такимъ же удобствомъ изготовлены въ ея ретортѣ, какъ мочевина, или сахаръ и др. (¹). Изъ смерти никогда не возникнетъ жизнь, какъ изъ ничего и бываетъ ничто. Если уже въ наблюдаемыхъ въ организмѣ явленіяхъ

(¹) Письма о Химіи, Ю. Либиха, стр. 27; ср. Lötze, Allgemeine Physiologie des körperlichen Lebens, S. 83.

химическаго свойства добросовѣстный химикъ долженъ во многихъ случаяхъ признать вліяніе на нихъ не химической сторонней силы, то въ этихъ сочетаніяхъ оно, можно сказать, лицемъ къ лицу встрѣчается съ этою самостоятельною органическою силою.

Бюхнеръ, какъ бы въ очищеніе своей совѣсти, сказавши, что два міра—органическій и неорганическій различаются между собою только *внѣшнею формою*, группированіемъ матеріальныхъ элементовъ, атомовъ, а не по существу (¹), спокойно удовольствовался этимъ и не счелъ нужнымъ поглубже вникнуть въ высказанную имъ мысль. Между тѣмъ, онъ сталъ въ этомъ случаѣ на прямой путь, который привелъ бы его къ настоящему пониманію дѣла, если бы онъ сдѣлалъ по нему хоть нѣсколько шаговъ съ должнымъ вниманіемъ. Дѣло въ томъ, что то и составляетъ коренную ошибку матеріализма, что онъ, въ вопросѣ объ органической жизни, односторонне выставляетъ на видъ матеріальные элементы и химическій процессъ ихъ, пренебрегая *формою*, которая, между тѣмъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, собственно и дѣлаетъ организмы тѣмъ, что они есть, составляетъ ихъ сущность. Существуютъ собственно, говоритъ Шульцъ—Шульценштейнъ, *не вещества* органическія, но только *органическія формы* (²). Отсюда высказанная Бюхнеромъ, почти мимоходомъ, какъ говорится, мысль, что міры органическій и неорганическій различаются между собою *внѣшнею формою,* должна получить, въ глазахъ безпристрастнаго химика и физіолога, несравненно большее значеніе, чѣмъ ка-

(¹) Force et Matière, p. 209.

(²) „Несостоятельность матеріализма", стр. 233; Срав. Die neueste Vergötterung, A. Weber, S. 38.

кое удѣляетъ ему Бюхнеръ. Механико-химическій процессъ его рушится въ этомъ случаѣ окончательно.

Первое различіе, какое бросается въ глаза при сравненіи органическихъ тѣлъ съ неорганическими со стороны ихъ *формы*, это то, что тогда какъ въ природѣ неорганической различіе формъ неорганическихъ продуктовъ имѣетъ болѣе или менѣе прямую существенную связь съ различіемъ физико-химическихъ свойствъ входящихъ въ ихъ составъ элементовъ и обстоятельствъ, при которыхъ образуются эти продукты, въ природѣ органическихъ формъ эта связь теряется совершенно, т. е. матерія никогда не бываетъ элементомъ, обусловливающимъ форму, а наоборотъ — форма организма есть сущность, которой подчиняются матеріальные элементы. Даже такое близкое по своей формѣ къ органическому міру явленіе неорганической природы, какъ кристаллъ, можетъ быть безъ особеннаго затрудненія объясненъ нами на основаніи дѣйствія молекулярныхъ силъ составныхъ его элементовъ, хотя также и здѣсь естественная наука еще доселѣ не можетъ разгадать, почему эти элементы располагаются въ кристаллѣ съ строгою математическою правильностію и точностію, почему одни изъ нихъ кристаллизуются въ одной точно опредѣленной формѣ, другіе—въ другой. Наука отвѣчаетъ на это, что таковы имманентныя свойства элементовъ, которыя должны быть приняты какъ фактъ, но объясненіе которыхъ недоступно (1). Но если подобный отвѣтъ можетъ имѣть еще для науки смыслъ и значеніе въ отношеніи къ явленіямъ неорганической природы, то въ приложеніи къ органическимъ явле-

(1) A. Weber, a. a. o. S. 26.

ніямъ здравая наука должна положительно отказать ему въ этомъ, если бы кто-либо захотѣлъ подобнымъ образомъ объяснять происхожденіе органическихъ формъ изъ неорганическихъ элементовъ. Между первыми и послѣдними наука не можетъ намъ указать никакой *прямой, генетической* связи. Правда, каждое органическое образованіе непремѣнно предполагаетъ матеріальные элементы опредѣленнаго химическаго качества; правда также, что тѣла органическія, какъ и неорганическія, находятся подъ постояннымъ и могущественнымъ вліяніемъ окружающей космической среды, въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ внѣшнимъ міромъ, заимствуя изъ него необходимый матеріалъ для своего питанія и развитія, матеріалъ, который возвращаютъ ему опять, въ разныхъ видахъ, обратно; но *ни въ химическомъ качествѣ этихъ* элементовъ, *ни въ этихъ внѣшнихъ условіяхъ*, вовсе не лежитъ того законодательнаго основанія, по которому эти элементы должны принять опредѣленную органическую форму, должны развиваться морфологически въ извѣстный видъ органической ткани, въ нервъ, мускулъ, волосъ и тому подобное. Механико-химическое сочетаніе элементовъ и органическія формы или всѣ вообще морфологическія явленія органической жизни стоятъ въ совершенной независимости другъ отъ друга, такъ что, говоритъ А. Веберъ, „въ химическомъ отношеніи различные элементы во внѣшней формѣ, въ морфологическомъ строеніи, входятъ въ ближайшее соотношеніе между собою, и на оборотъ химически-тожественныя субстанціи способны раскрывать большое разнообразіе морфологическихъ явленій (¹). Все, что мы можемъ сказать въ

(¹) A. Weber, a. a. o. S. 28.

этомъ случаѣ, говоритъ тотъ же А. Веберъ въ другомъ мѣстѣ, разбирая процессъ зарожденія и образованія органическихъ существъ, сводится, по нашему мнѣнію, къ тому, что химическіе элементы оплодотвореннаго яйца доставляютъ только необходимый матеріалъ для разнообразныхъ органическихъ формацій и тканей, но отнюдь не то, чтобы химическій составъ его былъ тождественъ съ самымъ организующимъ принципомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ все органическое развитіе было бы на самомъ дѣлѣ только непрерывною кристаллизаціею органическихъ элементовъ, что едвали кто-нибудь отважится защищать ([1]). Такимъ образомъ, точныя наблюденія науки съ несомнѣнностію доказываютъ, что принципъ морфологическихъ явленій органической жизни или, что тоже, органическихъ формъ, лежитъ *внѣ* механико-химической дѣятельности матеріальныхъ элементовъ, что онъ дѣйствуетъ не только независимо и самостоятельно отъ нихъ, но и съ положительнымъ вліяніемъ на ихъ собственную дѣятельность. Таково дѣйствительно мнѣніе лучшихъ и безпристрастнѣйшихъ физіологовъ, какъ наприм., упомянутаго уже нами А. Вебера, І. Мюллера, Р. Вагнера, Флурана и др. ([2]).

Какъ на одну также изъ существенныхъ разностей между тѣлами органическими и неорганическими, со стороны ихъ формы, такихъ разностей, которыя совершенно не позволяютъ и первые, наравнѣ съ послѣдними, считать простымъ продуктомъ механико-химическихъ силъ природы, указываютъ еще въ тѣлахъ органическихъ на *гармоническое единство*, связывающее въ

([1]) A. Weber, a. a. o. S. 95.
([2]) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, S. s. 159—165.

неразрывное цѣлое всѣ ихъ части, на *строгую законность* въ самомъ расположеніи этихъ частей, выражающую въ цѣломъ опредѣленную идею [1]. Тотъ и другой изъ этихъ моментовъ составляютъ, дѣйствительно, такіе признаки въ природѣ органическихъ тѣлъ, аналогіи которымъ неорганическая природа не представляетъ нигдѣ и ни въ чемъ, и которые ясно указываютъ, что тутъ дѣйствуетъ *иной, высшій принципъ*, чѣмъ простой механико-химическій процессъ, хотя и не безъ содѣйствія послѣдняго. Съ единствомъ и гармоніею жизни и дѣятельности органическихъ тѣлъ отнюдь нельзя ставить въ параллель геометрическую правильность и гармонію наприм., кристалловъ, явленіе въ неорганическомъ мірѣ, которое, прежде всего, защитники матеріалистическихъ идей могутъ выставить намъ на видъ; разность между ними въ этомъ отношеніи существенная. Геометрически-правильная форма кристалла, какъ бы ни была она совершенна, сама по себѣ есть во всякомъ случаѣ только *внѣшнее расположеніе*, правильный подборъ частицъ одной къ другой, которыя, разсматриваемыя со внѣ, образуютъ дѣйствительно стройное цѣлое, но которыя, въ существѣ дѣла, не зависимы одна отъ другой. Различныя поверхности, различные углы кристалла остаются безъ всякаго взаимодѣйствія и вліянія другъ на друга. Совершенно иного рода единство и гармонію представляютъ намъ тѣла органическія. Единство и гармонія въ ихъ формѣ состоятъ въ томъ, что каждый организмъ представляетъ собою замкнутую, іерархически-упорядоченную систему, части которой находятся

(1) A. Weber, a. a. o. SS. 41, 59, 60, 72, и другія, срав. Gott und die Natur, Dr. Ulrici, Ss. 150, 188 — 190, 192 — 196; Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 112—121.

въ тѣснѣйшемъ и взаимноподчиненномъ *внутреннемъ взаимодѣйствіи* и *соотношеніи*, образуя своимъ стройнымъ, общимъ взаимодѣйствіемъ гармонію *цѣлостной единичной жизни*. Весьма характеристична въ этомъ отношеніи древняя эмблема, изображавшая жизнь въ видѣ кольца, образованнаго змѣей, закусившей свой хвостъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ сложныхъ организмахъ организмъ жизни хотя и образуетъ замкнутое кольцо, но кольцо, у котораго есть голова и хвостъ, въ томъ смыслѣ, что не всѣ жизненныя явленія имѣютъ одинаковую важность, хотя они входятъ въ составъ жизненнаго круга. „Детерминизмъ въ явленіяхъ жизни, говоритъ К. Бернаръ, не только весьма сложный детерминизмъ, но въ тоже время это детерминизмъ гармонически іерархизированный. Такимъ образомъ, мускульные и нервные органы поддерживаютъ дѣятельность органовъ, приготовляющихъ кровь, а кровь въ свою очередь питаетъ производящіе ее органы; тутъ есть органическая или соціальная солидарность (¹). Это взаимное жизненное соотношеніе частей съ цѣлымъ въ существахъ органическихъ всегда обращало на себя особенное вниманіе физіологовъ и натуралистовъ, даже такихъ, которые, повидимому, склонны раздѣлять или даже вполнѣ раздѣляютъ механическую теорію Бюхнера о жизни, какъ Вирховъ и Фогтъ, и др. Въ этомъ явленіи они ясно видятъ рѣзкую черту, отдѣляющую органическое бытіе отъ неорганическаго (²). Кювье, разбирая этотъ *законъ органическаго соотношенія* частей съ цѣлымъ, выставляетъ его, какъ существенный законъ органическихъ, живыхъ существъ, законъ исклю-

(¹) Введеніе къ изученію опыт. медицины, К. Бернара, стр. 113.
(²) A. Weber, a. a. o. S. 33, 51.

чительно имъ свойственный (¹). Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствіе этого закона отдѣляетъ непреходимою бездною органическія существа отъ неорганическихъ съ самаго перваго момента ихъ бытія и до полнаго развитія ихъ. Въ этомъ отношеніи физіологи замѣчаютъ то особенное обстоятельство, что самый процессъ развитія органическихъ существъ идетъ съ самаго начала совершенно *противоположнымъ путемъ*, чѣмъ процессъ образованія предметовъ неорганической природы, наприм., кристалла. Въ природѣ органическихъ существъ, съ самаго начала, цѣлое существуетъ (in potentia) прежде своихъ частей и ходъ образованія и развитія ихъ идетъ не отъ частей къ цѣлому, не отъ обособленнаго и частнаго къ единству системы, какъ это бываетъ въ природѣ неорганической при механико-химическомъ сочетаніи, наприм. элементовъ, образующихъ собою кристаллъ, а совершенно наоборотъ: *отъ единства цѣлаго* къ его частямъ; „въ природѣ неорганической образованіе идетъ, какъ говоритъ А. Веберъ, по методу *аналитическому*, цѣлое слагается изъ частей, а здѣсь, по методу *синтетическому*, цѣло, развиваетъ изъ себя части (²).“ Посему не жизнь есть продуктъ организаціи, какъ говорятъ (³), а на оборотъ—организація составляетъ продуктъ того таинственнаго жизненнаго принципа, который изъ одной точки оплодотвореннаго зародыша развиваетъ весь многосложный животный организмъ. Что жизнь пропорціональна организаціи—это еще не доказываетъ, чтобы она была продуктомъ ея,

(¹) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, S. 314.
(²) Die neueste Vergötterung, A. Weber, S. s. 49. 83, 60.
(³) Физіологія обыденной жизни, Г. Льюиса, Т. II. стр. 348; срав. Force et Matière, p. 221.

такъ какъ здѣсь дѣйствіе принимается за причину [1]; въ этомъ-то, замѣтимъ также, лежитъ и та существенная причина, почему органическая ячейка—этотъ основной біологическій атомъ—никогда не можетъ быть доступенъ для химическаго синтеза, какъ этого надѣются матеріалисты. Такимъ образомъ, повторяемъ, жизненное единство и гармонія органическихъ формъ составляютъ такіе признаки, которые рѣзко выдѣляютъ ихъ изъ неорганической природы и настоятельно указываютъ на иной, высшій принципъ, управляющій ихъ развитіемъ, чѣмъ механизмъ и химизмъ простыхъ элементовъ. Терять изъ виду эти признаки, при обсужденіи органическихъ явленій, значитъ, скажемъ словами К. Бернара, не понимать жизненной науки и совсѣмъ лишать ее характера ея [2].

Еще болѣе важный въ физіологическомъ или біологическомъ отношеніи моментъ въ природѣ органическихъ существъ составляетъ другая указанная нами особенность—та, что морфологическое развитіе этого единства и гармоніи въ нихъ, по своей внѣшней формѣ, по своему внѣшнему виду или очертаніямъ, всегда воспроизводится по *опредѣленному типу*, *узаконенному плану или идеѣ*. Такъ, когда цыпленокъ развивается въ яйцѣ, то вовсе не образованіе животнаго тѣла, говоритъ К. Бернаръ, разсматриваемое какъ группировка химическихъ элементовъ, существенно характеризуетъ жизненную силу; но что существенно принадлежитъ жизни и что не принадлежитъ ни физикѣ, ни химіи, ни чему другому это—идея, управляющая этимъ жизнен-

(1) A. Weber, a. a. o. Ss. 24—32.

(2) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, пер. Н. Страхова, стр. 116.

нымъ развитіемъ. Во всякомъ живомъ зародышѣ есть творящая идея, которая развивается и обнаруживается въ организаціи. Въ продолженіе всего своего существованія живое существо остается подъ вліяніемъ этой самой творящей жизненной силы, и смерть наступаетъ, когда она не можетъ болѣе реализироваться (¹). Такимъ образомъ, каждый организмъ можно разсматривать какъ осуществленіе опредѣленной идеи природы— идеи, которая выражается конкретно въ томъ или другомъ специфическомъ планѣ животныхъ и растеній, и на основаніи которой зоологи и ботаники дѣлятъ весь органическій міръ на опредѣленные роды и виды. Осуществленіе этой идеи, въ ея полномъ специфическомъ содержаніи, составляетъ какъ бы имманентную цѣль организмовъ, назначеніе ихъ существованія; и эта образовательная идея, какъ законъ органической природы, выражается не только въ общемъ внѣшнемъ видѣ и строеніи органическихъ тѣлъ, но и въ строеніи и образованіи отдѣльныхъ частей ихъ, выражается съ такою неизмѣнною правильностію и строгостію, что напрм. Линней, какъ извѣстно, единственно на строеніи цвѣтка, особенно на отношеніи мужскихъ и женскихъ органовъ его, нашелъ возможнымъ основать систему классификаціи всего растительнаго царства. Еще съ большею поразительностію эта, такъ сказать, устойчивость извѣстной идеи, опредѣляющей развитіе организмовъ, ея законодательное значеніе здѣсь, выражается въ метаморфозахъ животныхъ организмовъ, особенно въ частномъ явленіи ихъ, такъ называемомъ *генезисгенезисъ*, въ которомъ первичный типъ животнаго, послѣ опре-

(¹) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 120—121.

дѣленнаго цикла поколѣній, не похожихъ ни на своихъ первичныхъ родителей, ни другъ на друга, снова возстановляется и вмѣстѣ съ нимъ показывается аттрибуты половъ и воспроизведеніе посредствомъ яицъ (1). Въ виду этихъ явленій органической жизни мы со всѣмъ правомъ можемъ повторить мысль, нами уже высказанную, что форма составляетъ сущность организмовъ, что существуютъ собственно не вещества органическія, а органическія формы. Бюхнеръ не даетъ надлежащаго значенія этой сторонѣ органической жизни, и потому онъ оставляетъ безъ вниманія такія капитальныя явленія въ ней, какъ выставленныя сейчасъ нами—гармоническое, жизненное соотношеніе частей организма и его типическое, по опредѣленному плану совершающееся, развитіе, опустилъ, быть можетъ, и по тому собственно, что видѣлъ здѣсь смертельный ударъ своей механической теоріи жизни. При добросовѣстномъ анализѣ этихъ явленій, можно ли, въ самомъ дѣлѣ, не идя вопреки здравой логикѣ и самой же естественной наукѣ, поставлять принципъ органической жизни въ простой механико-химической дѣятельности матеріальныхъ элементовъ?

Бюхнеръ, повторяемъ, не потрудился объяснить обстоятельно, съ своей механической точки зрѣнія, какимъ образомъ, путемъ одного механико-химическаго процесса, можетъ дѣйствительно образоваться то гармоническое, проникнутое тѣснѣйшимъ жизненнымъ единствомъ, соотношеніе частей организма и та всегда по опредѣленному плану развитая типичность внѣшней формы — двѣ существенныя черты, которыми, какъ мы

(1) Метаморфозы человѣка и животныхъ, Катрфажа. Пер. А. М—на 1864 г. стр. 169—188.

видѣли, отличаются тѣла органическія отъ неорганическихъ. Но что онъ вполнѣ находитъ возможнымъ,—это подлежитъ сомнѣнію, потому что два существеннѣйшіе процесса, около которыхъ концентрируются всѣ частнѣйшія явленія органической жизни,—именно: процессъ самаго зарожденія или оплодотворенія и процессъ ассимиляціи или органическаго развитія, возрастанія, называетъ процессами въ полномъ смыслѣ механико-химическими,—процессами, мистическая тьма которыхъ, покрывавшая ихъ доселѣ, разсѣялась, по его словамъ, предъ свѣточемъ современной науки (1). Къ такимъ парадоксальнымъ положеніямъ приходитъ Бюхнеръ, желая отстоять, во что бы то ни стало, свой механическій принципъ! Выставляя эти положенія на видъ, обойти которыя было бы большимъ пробѣломъ въ нашемъ разборѣ понятій Бюхнера объ органической жизни, мы, тѣмъ не менѣе, увольняемъ себя отъ труда—разбирать обстоятельно первое изъ этихъ положеній, можетъ ли быть, дѣйствительно, самый процессъ органическаго зарожденія, или оплодотвореніе яйца, сведенъ къ простому механико-химическому процессу, и этотъ начальный процессъ можетъ ли быть полагаемъ, какъ *основаніе* и *причина* всего дальнѣйшаго развитія органическаго зародыша до состоянія полнаго, всесторонне-развитаго организма. Обстоятельный анализъ этого повелъ бы насъ слишкомъ далеко и еще болѣе — привелъ бы къ такимъ явленіямъ, въ анализѣ которыхъ сама естественная наука идетъ еще ощупью, среди постоянныхъ гаданій и гипотезъ (2). Считаемъ совершенно достаточнымъ указать, въ этомъ случаѣ, на одинъ фактъ,

(1) Force et Matière, p. 221—226.

(2) A. Weber, a. a. o. Ss. 91—114.

несомнѣнно дознанный наукою и который одинъ подрываетъ всякое довѣріе къ исключительной механико-химической теоріи органическаго зарожденія и развитія. По тщательнымъ наблюденіямъ профессора зоологіи Гибеля надъ зародышами сувоекъ оказывается, что эти зародыши совершенно одинаковы и въ отношеніи къ составнымъ *матеріальнымъ элементамъ* своимъ, и по своимъ *химическимъ* и *физическимъ* свойствамъ и, наконецъ, по своему *морфологическому* строенію; самый настойчивый, самый кропотливый научный анализъ не можетъ указать ни малѣйшаго различія между ними; его, слѣдовательно, и не существуетъ. И, однако, изъ этихъ зародышей, при совершенно одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, и не случайно, какъ бы по прихоти природы, но по неизмѣннымъ, постояннымъ, законамъ, развиваются самыя разнообразныя *сувойки*, специфически—различныя другъ отъ друга. Есть такіе, какъ показываетъ тотъ же Гибель, роды улитокъ и насѣкомыхъ, виды которыхъ насчитываютъ сотнями; и между тѣмъ элементарный анализъ доселѣ еще не указалъ ни малѣйшаго различія въ ихъ зародышахъ, въ процессахъ ихъ оплодотворенія и развитія, и едва ли въ состояніи когда нибудь указать (1). Такимъ образомъ, скажемъ словами Катрфажа, дубъ зачинается подобно слону, мохъ подобно червяку; таково же, конечно, первое появленіе того, что впослѣдствіи дѣлается человѣкомъ (2). Если ко всему этому присовокупимъ еще то, что зародышъ каждаго будущаго органическаго существа от-

(1) „Tagesfragen aus der Naturgeschichte", C. G. Giebel. 3 aufl. Berlin, 1858 г. S. 309; срав. Метаморфозы человѣка и животныхъ, Катрфажа. Перев. А. М—на ч. II и III.

(2) Метаморфозы человѣка и животныхъ, Катрфажа стр. 9.

нибудь нельзя, какъ учитъ физіологія, представлять себѣ некъ бы дѣйствительнымъ существомъ только en miniature, но что онъ есть только *цѣлое*, potentia, при дальнѣйшемъ многосложномъ развитіи котораго уже всѣ части являются in actu (1); то мы поймемъ всю парадоксальность увѣреній Бюхнера, что процессъ зарожденія и эмбріональнаго развитія органическихъ существъ есть не болѣе, какъ механико-химическій, только болѣе сложный процессъ, путемъ котораго образуются въ природѣ и тѣла неорганическія. На этомъ пунктѣ едва ли сойдутся съ Бюхнеромъ и самые искренніе почитатели его. И самъ Бюхнеръ, очень хорошо, смѣемъ думать, понималъ всю парадоксальность его, когда готовъ былъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, допустить предсуществованіе органическихъ зародышей съ опредѣленною *идеею вида*.—Такъ изъ одной крайности Бюхнеръ бросился въ другую, еще болѣе нелѣпую!

Переходя къ вопросу объ ассимиляціи и тѣсно соединенномъ съ нею морфологическомъ развитіи и строеніи организмовъ, мы считаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться на немъ потому собственно, что при этомъ мы встрѣчаемся съ явленіями, которыя раздѣляютъ природу органическую отъ неорганической такою рѣзкою чертою, которую ясно видитъ и понимаетъ каждое дитя, не умѣющее отличить въ естественной наукѣ правой руки отъ лѣвой, и которую Бюхнеръ, между тѣмъ, проходитъ молчаніемъ, разумѣется не безцѣльно: разумѣемъ явленія, извѣстныя въ наукѣ вообще подъ именемъ „*жизненнаго коловорота*“, прекращеніе котораго составляетъ *смерть* органическихъ су-

---

(1) A. Weber, a. a. o. Ss. 54, 84, 91, 92, срав. Кетреана, ч. II, III, VII.

ществъ, послѣ чего онѣ уже дѣйствительно вступаютъ въ область неорганической природы и подлежатъ исключительно ея законамъ. На это то явленіе мы и хотимъ обратить вниманіе, котораго не удостоилъ его Бюхнеръ. Что такое процессъ ассимиляціи въ тѣлахъ органическихъ, по какимъ законамъ и при помощи какихъ силъ онъ совершается въ нихъ, — на это точная наука отвѣчаетъ сознаніемъ въ полнѣйшемъ невѣденіи внутренней стороны этого явленія [1]; и слѣдовательно положеніе Бюхнера, что это есть простой, механико-химическій процессъ, есть открытіе его собственной фантазіи, сдѣланное для своихъ матеріалистическихъ цѣлей. — Та же точная наука, какъ мы видѣли, уже положительно, какъ фактъ дознанный, отвергаетъ то, чтобы все вообще морфологическое или гистологическое развитіе организма было также исключительно дѣломъ одного механико-химическаго процесса; на это она можетъ представить Бюхнеру болѣе или менѣе точно дознанные опыты и доказательства, хотя и сама еще не въ состояніи объяснить той сокровенной пластики элементовъ, какую представляютъ собою органическія ткани. Но если въ первомъ, какъ и во второмъ указанномъ нами случаѣ, наука не можетъ объяснить намъ внутренней, не поддающейся ея анализу, стороны явленій и скромно довольствуется одною простою аксіомою, что въ нихъ дѣйствуетъ несомнѣнно *особенный*, *самостоятельный принципъ*, отличный отъ принципа неорганическихъ явленій, то внѣшняя сторона этихъ явленій уже вполнѣ подпадаетъ ея анализу и наблюденію, и результаты ея изслѣдованій, въ этомъ отношеніи, ра-

---

(1) A. Weber, a. a. O. S. 88.

дикально противоположны тѣмъ, какія выдаетъ Бюхнеръ за послѣднее слово науки. Въ тѣлахъ органическихъ мы наблюдаемъ постоянную смѣну однихъ веществъ другими, — онѣ не могутъ существовать безъ постояннаго ряда измѣненій; самыя кости, органы можетъ быть менѣе всего живущіе, по точнымъ и яснымъ опытамъ Флуранса, подобно нѣжнѣйшимъ частямъ тѣла, подчинены той же измѣняемости: вотъ внѣшняя сторона явленій органической ассимиляціи или тотъ жизненный коловоротъ, который раздѣляетъ тѣла органическія отъ неорганическихъ непроходимою бездною (1). По мнѣнію Бюхнера и эта смѣна однихъ веществъ въ организмѣ другими происходитъ совершенно механическимъ образомъ, такимъ же, какъ и въ мірѣ неорганическомъ силы и состоянія одного тѣла переходятъ на другое (2). Предоставляемъ спеціалистамъ физики и механики спорить съ Бюхнеромъ о томъ, могутъ ли въ самомъ дѣлѣ силы и состоянія одного тѣла переходить на другое, равно какъ не будемъ полемизировать съ нимъ и о томъ, будто ростъ тѣлъ органическихъ есть такое же механико-химическое накопленіе частицъ, путемъ котораго увеличиваются въ своемъ объемѣ, наприм. камни или металлы. Существенный моментъ вопроса состоитъ здѣсь собственно въ *непрерывномъ* и притомъ *правильномъ* движеніи органическихъ тѣлъ. Чтó значитъ это движеніе? Можно ли сказать, какъ говоритъ Бюхнеръ, что это есть только механико-химическій процессъ? Одно то уже обстоятельство, что тогда какъ для тѣлъ неорганическихъ, въ общей жизни природы, существуютъ моменты, въ которыхъ онѣ со

(1) Метаморфозы человѣка и животныхъ, соч. Катрфажа, гл. I.
(2) Force et Matière, p. 221.

всѣми внѣшними условіями могутъ приходить въ равновѣсіе и для измѣненія состоянія своего предполагаютъ непремѣнно измѣненіе окружающихъ обстоятельствъ, тѣла органическія, между тѣмъ, никогда не могутъ достигнуть момента совершеннаго равновѣсія съ окружающими внѣшними условіями, — одно это обстоятельство очень ясно даетъ понять, что въ этихъ послѣднихъ происходитъ постоянная борьба *двухъ силъ*, если не прямо противоположныхъ другъ другу, то и *не тождественныхъ* между собою. Нельзя назвать ихъ тождественными, потому что организмъ, получая возбужденія отъ внѣшняго міра, *воздѣйствуетъ* на нихъ, отвѣчаетъ правильнымъ рядомъ тѣхъ или другихъ метаморфозъ, — и въ этой реакціи построяетъ самъ себя, развиваетъ свои члены по опредѣленному типу или идеѣ. Эта реакція организма, очевидно, предполагаетъ особенную *силу*, если только Вюхнеръ не отвергаетъ и той аксіомы, что нѣтъ вообще дѣйствія безъ причины; и эта сила, такъ какъ она не только на случайно послѣдовавшія возбужденія *правильно отвѣчаетъ*, но и въ этихъ противодѣйствіяхъ вмѣстѣ *построяетъ*, какъ мы видимъ, органическое тѣло по опредѣленному типу и плану, не можетъ быть молекулярною силою элементовъ и еще менѣе *простымъ результатомъ* ихъ. Изъ механико-химическаго соединенія элементовъ, изъ дѣйствія молекулярныхъ силъ можетъ выходить только въ результатѣ новая дѣятельность, но не *планъ* и *правило* ихъ дѣятельности. Притомъ, подчиняясь исключительно механико-химическому дѣйствію элементовъ, организмъ, при каждомъ новомъ внѣшнемъ вліяніи, выводящемъ его изъ состоянія покоя, долженъ былъ бы подвергаться разрушенію и возстановленію въ новой формѣ, какой

требуютъ окружающія обстоятельства. Не то мы видимъ въ организмахъ. При постоянномъ приливѣ и отливѣ матеріи, организмъ не только прогрессивно растетъ и развивается въ строго опредѣленную форму, но и всегда остается равнымъ самому себѣ, нераздѣльною единицею, — сохраняетъ себя не только какъ индивидуумъ, но и какъ *родъ*. Всего этого рѣшительно нельзя понять, скажемъ словами Катрфажа, не допуская существованія *силы*, присущей живымъ организмамъ, вездѣ бывающей и всюду дѣйствующей, управляющей матеріалами, взятыми извнѣ, располагающей ихъ по опредѣленному плану, отбрасывающей ихъ, когда они болѣе не нужны: ибо, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Катрфажъ, недѣятельная сама по себѣ матерія движется только подъ условіемъ или вліяніемъ двигателей или силъ ([1]).

Но тѣмъ болѣе, наконецъ, какъ понять, не допуская особой организующей силы, то особенно знаменательное явленіе въ мірѣ живомъ, органическомъ, что каждое существо живетъ, увеличивается, развивается прогрессивно до извѣстнаго предѣла времени и своей внѣшней величины, до извѣстной формы; за тѣмъ постепенно, но неизбѣжно упадаетъ въ своей жизни, разстраивается въ своихъ отправленіяхъ и, наконецъ, какъ говорится, *умираетъ*. Ничего подобнаго мы не видимъ въ тѣлахъ неорганическихъ. Понятія *жизни* и *смерти* прилагаются нами только въ отношеніи къ органическимъ существамъ. Что значитъ это явленіе? Предъ судомъ послѣдовательнаго механическаго міровоззрѣнія Бюхнера, это явленіе не имѣетъ, строго говоря, ника-

([1]) Метаморфозы человѣка и животныхъ, соч. Катрфажа. Пер. А. М—ва, стр. 101, 102, 216.

кого смысла, такъ что, какъ справедливо замѣчаетъ Фрогшаммеръ, вообще, по ученію матеріалистовъ, нужно совершенно прекратить рѣчь о жизни и смерти и о всякомъ различіи между ними (¹). Допустите, въ самомъ дѣлѣ, справедливость увѣреній Бюхнера, что живыя органическія существа подчинены исключительно однимъ законамъ физики и химіи, какъ понять тогда это, такъ сказать, спеціальное явленіе органической жизни, что существо органическое постепенно разрушается и нѣкоторымъ образомъ самобытно и притомъ — въ предѣлахъ времени, болѣе или менѣе строго опредѣленныхъ? Если это явленіе и для физіологовъ-виталистовъ составляетъ неразрѣшимую загадку, въ которой наука можетъ только прослѣдить видимую связь явленій, не проникая въ самую ихъ сущность (²), то по механико-химической теоріи жизни матеріалистовъ, оно не только еще менѣе можетъ быть разгадано, но главное составляетъ прямое доказательство того, что тутъ дѣйствуютъ не однѣ механико-химическія силы. „Еслибы живое существо, скажемъ словами Поля Жанэ, не возобновляло постоянно своихъ составныхъ элементовъ, то можно было бы сказать еще, и съ механической точки зрѣнія, прибавимъ съ своей стороны, было бы совершенно резонно, что составные элементы живаго существа изнашиваются отъ тренія и что наступаетъ наконецъ моментъ, когда они становятся неспособными къ дѣйствію, какъ это бываетъ съ изношенными пру-

(¹) Menschenseele und Phisyologie. Eine Streitschrift gegen Profes. K. Vogt, Dr. J. Frachschammer, S. 98.

(²) Handbuch der Phisyologie des Menschen, S. Müller, 1. Band. S. 31; ср. Физіол. обыд. жизни Льюиса. Т. II; 363—367.

жинами какой-нибудь машины" (1). Но, при той непрерывной постоянной смѣнѣ элементовъ—новыхъ на мѣстѣ старыхъ, какую мы наблюдаемъ въ существахъ органическихъ, совершенно необъяснимо, почему эта комбинація, это механико-химическое движеніе элементовъ внутри организма не продолжается всегда въ силу законовъ матеріи или, по крайней мѣрѣ, почему смерть, какъ разрушеніе извѣстной формы органическаго существа, не наступаетъ всегда мгновенно, отъ какихъ-либо механическихъ насилій, а приближается такъ правильно, періодически, какъ это мы наблюдаемъ теперь. Повторяемъ: никакія физико-химическія гипотезы не могутъ дать намъ отчета, почему внутренняя, недовѣдомая сила органическаго существа, не смотря на возобновленіе его элементовъ постепенно истощается въ своемъ дѣйствіи и, наконецъ, какъ бы исчерпывается совершенно. Это фактъ, который матеріалисты, для спасенія своей механико-химической теоріи органической жизни, или будутъ оставлять безъ вниманія, какъ это и сдѣлалъ Бюхнеръ, или должны добросовѣстно сознаться, что на этомъ пунктѣ теорія ихъ окончательно теряетъ всѣ шансы на свою побѣду.

Но органическая жизнь, быть можетъ скажутъ защитники матеріализма, есть только временное исключеніе изъ общихъ законовъ матеріи, случайное, кратковременное отрѣшеніе, если можно такъ сказать, физико-химическихъ силъ отъ обычной ихъ дѣятельности, всегда оканчивающееся, впрочемъ, ихъ торжествомъ,—что и называемъ мы смертію (2). Что сказать на это? Не

(1) Le Materialisme contemporain en Allemagne. Examen du Systeme du D-r. Büchner, P. Ianet, p. 86.

(2) Такую теорію построяетъ Дютроше: Memoire sur les végétaux et les animaux, Dutrochet, 1857 an. Avant-propos, p. XXIII—XXVI.

говоримъ уже о томъ, что механико-химическій принципъ подрывается этимъ уже въ самой своей основѣ, теорія эта имѣла бы, можетъ быть, нѣкоторую долю справедливости, еслибы жизнь была дѣйствительно простою случайностію въ мірѣ, еслибы органическія существа то тамъ, то здѣсь появлялись и исчезали. Но что жизнь не есть какое-нибудь исключеніе въ мірѣ явленій,—это фактъ, противъ котораго не будетъ спорить самая слѣпая ревность по матеріализмѣ: она есть явленіе столь же повсюдное и общее, какъ и явленія неорганической природы—электричества, магнетизма и др. Далѣе, смерть отнюдь не торжествуетъ надъ жизнію абсолютнымъ образомъ, какъ бы этого слѣдовало ожидать, еслибы жизнь была случайнымъ, скоропреходящимъ явленіемъ въ мірѣ. Индивидуумы животныхъ и растеній умираютъ, но виды не умираютъ; или если и изчезаютъ извѣстные виды, то ихъ смѣняли и смѣняютъ, какъ удостовѣряетъ палеонтологія, другіе, новые. Жизнь, такимъ образомъ, постоянно содержится въ равновѣсіи съ внѣшними физико-химическими дѣятелями природы, дѣйствующими на нее разрушительно. Стало быть,—прямое и естественное заключеніе отсюда,—въ основѣ органической жизни лежитъ не случайная какая-нибудь сила, обязанная счастливой и также случайной физико-механической комбинаціи атомовъ, пришедшихъ чрезъ то *in statu nascente*, но сила *самостоятельная* и всегда пребывающая, развивающая свою дѣятельность въ связи съ другими физико-химическими дѣятелями природы. Другими словами: жизнь есть *принципъ*, а не результатъ, какъ говоритъ Бюхнеръ ([1]).

([1]) Force et Matière, p. 219.

Итакъ, мы прослѣдили почти всѣ существенные моменты органической жизни и внимательный анализъ ихъ всюду, какъ мы видѣли, приводилъ насъ къ одному заключенію, что органическая жизнь никогда не можетъ быть продуктомъ одной механико-химической дѣятельности элементовъ, какъ это утверждаетъ матеріализмъ и пресловутый популяризаторъ его идей—Бюхнеръ, что въ основаніи ея лежитъ иной, высшій и самостоятельный принципъ. Послѣ сего мы съ полнымъ правомъ можемъ уволить себя отъ разбора того вопроса, какимъ образомъ появилась органическая жизнь на земномъ шарѣ,—только ли, какъ учитъ матеріализмъ, при какомъ-то необычайномъ столкновеніи силъ: теплоты, влажности, свѣта и электричества (¹)? Рѣшая этотъ вопросъ, Бюхнеръ съ пытливымъ любопытствомъ, хочетъ, очевидно, дойти до самаго начала всѣхъ вещей. Но здѣсь наблюденіе и опытъ, эти два руководителя, которыхъ человѣческое знаніе никогда не должно терять изъ виду, которыми такъ дорожитъ самъ Бюхнеръ, совершенно покидаютъ насъ; посему, вмѣсто пытливаго любопытства, не лучше ли было Бюхнеру остановиться здѣсь, а не вступать въ ту область, гдѣ естествознанію легко заблудиться и вдаться въ гипотезы и грезы, и гдѣ самая истина не можетъ быть узнана имъ по какому-либо вѣрному признаку? На то увѣреніе Бюхнера, что жизнь есть извѣстное соединеніе матеріи, сдѣлавшееся возможнымъ въ тотъ моментъ, когда представились къ тому благопріятныя обстоятельства, мы вправѣ отвѣтить, что не понимаемъ его объясненій

(¹) Natur und Geist, S. 235. Опровержение этой гипотезы, проповѣдуемой не однимъ Бюхнеромъ, можно читать у Ульрици: Gott und die Natur, SS. 202—205.

и не станемъ съ нимъ спорить, потому что ни ему, ни намъ совершенно не извѣстны эти обстоятельства и что все тутъ основано на гаданіяхъ, въ которыхъ никакъ нельзя различить истинно-возможнаго отъ невозможнаго. При томъ, обстоятельства, какъ бы онѣ ни могли располагаться, не могутъ ни для чего послужить основаніемъ, если имъ не достаетъ никакой силы и дѣятельности, — и расположеніе обстоятельствъ само должно имѣть основаніе или силу. Бюхнеръ, впрочемъ, не довольствуется одними гипотезами и гаданіями. Онъ призываетъ во свидѣтели и здѣсь, какъ и всюду, точную науку, утверждая, что и нынѣ, по наблюденіямъ науки, еще совершается въ природѣ такъ называемое *самопроизвольное зарожденіе* (generatio aequivoca), хотя дѣйствіе его и ограничивается, по собственному его сознанію, организмами микроскопическими и самыми несовершенными (¹).—Было время, и очень не далекое отъ насъ, когда наука или, точнѣе, многіе ученые дѣйствительно вѣрили существованію самопроизвольнаго зарожденія, хотя также въ предѣлахъ міра микроскопическаго, — вѣрили потому, что имѣли предъ глазами необъяснимые для того времени факты, которые, повидимому, были въ пользу ихъ гипотезы, какъ напримѣръ: особенно существованіе многихъ глистъ, всегда лишенныхъ воспроизводительныхъ органовъ и появляющихся въ самой глубинѣ нашихъ тканей, въ мускулахъ (пузырчатая гидатида), въ мозгу (пузырчатая глиста мозга). Приверженцы внезапнаго рожденія съ торжествомъ дѣйствительно указывали на эти факты и возражали: какъ объяснить ихъ внѣ этой доктрины? Откуда берутся

(¹) Force et Matière, p. 69.

эти странныя существа, населяющія иногда миріадами внутренности и ткани, проникающія даже до черепной полости и въ глазныя впадины? Но и эти нѣкогда необъяснимые факты перестали быть тайною для науки нашего времени, благодаря трудамъ искусныхъ натуралистовъ—Стенструпа, фонъ-Бенедена, Кюхенмейстера, Катрфажа и другихъ. Открытія, относящіяся къ такъ называемому генеагенезису въ мірѣ органическомъ, разрѣшили эти загадочные факты самымъ яснымъ образомъ и основывающуюся на нихъ доктрину самопроизвольнаго зарожденія подорвали въ самомъ основаніи. „Всѣ эти мнимые безбрачные виды — говоритъ Катрфажъ—суть только различныя фазы развитія видовъ, имѣющихъ полы. Уже въ нѣкоторыхъ случаяхъ прослѣдили перемѣны всякаго рода, какія претерпѣваются этими послѣдними, чтобы достигнуть состоянія зародыша въ состояніи полнаго животнаго, и аналогія, съ каждымъ днемъ становящаяся яснѣе, заставляетъ думать, что то же самое бываетъ и въ другихъ. Посредственно или непосредственно всякое животное восходитъ къ отцу и матери. Феномены генеагенезиса прикрываютъ, но никогда не измѣняютъ въ сущности этой великой истины" ([1]). Такимъ образомъ и послѣдній капитальный аргументъ, призванный на помощь защитниками самопроизвольнаго зарожденія, и въ неоспоримой твердости котораго вполнѣ убѣжденъ и Бюхнеръ, палъ, чтобы никогда не подняться. Мнимое внезапное зарожденіе оказалось такъ называемымъ особеннымъ безбрачнымъ зарожденіемъ и есть собственно феноменъ возрастанія или одинъ изъ феноменовъ генеагенезиса. Напрасно

([1]) Подробное раскрытіе этого можно читать у Катрфажа: Метаморфозы человѣка и животныхъ, гл. XVIII и XIX, стр. 169, 215

также Бюхнеръ хочетъ укрыться съ своей доктриной самопроизвольнаго зарожденія въ темный и едва доступный для чувствъ міръ микроскопическихъ созданій. Безпристрастная наука нашего времени, освѣтившая своими изслѣдованіями самыя потаенныя и темныя области міра физическаго, рѣшительно и безвозвратно изгоняетъ и отсюда эту доктрину и не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея полнѣйшей несостоятельности и въ отношеніи къ міру инфузорій, какъ и всему животному органическому міру. И въ мірѣ инфузорій признано существованіе половъ и доказано ихъ размноженіе посредствомъ яицъ. Законъ Гарвея: omne vivum ex ovo, какъ видно, не имѣетъ исключеній (1). Особенно тщательныя изслѣдованія Пастёра, одного изъ лучшихъ современныхъ намъ химиковъ французскихъ, нанесли въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, рѣшительный ударъ теоріи гетерогенистовъ. Своими интересными опытами этотъ французскій натуралистъ показалъ даже возможность производить по желанію зарожденіе инфузорій помощію ихъ зародышей. Онъ собиралъ ихъ изъ воздуха и сѣялъ какъ зерна (2).—Правда, защитники побѣжденной доктрины внезапнаго зарожденія еще не теряютъ окончательно надежды, что вотъ среди опытовъ въ химической лабораторіи вдругъ химику удастся произвести такое счастливое сочетаніе элементовъ, что изъ нихъ образуется животная ячейка и такимъ образомъ догматъ матеріалистическій, что жизнь есть простой, хотя и болѣе сложный, физико-химическій процессъ, получитъ свою силу, восторжествуетъ вполнѣ

(1) Метаморфозы человѣка и животныхъ, стр. 145—146.
(2) Тамъ же, стр. 160.

надъ противоположными мнѣніями ([1]). Но—скажемъ на это—надежды и ожиданія, какъ бы онѣ ни были сильны, никогда не могутъ быть доказательствами въ научномъ изслѣдованіи, и здравая наука никогда не можетъ раздѣлять ихъ, по ихъ неосновательности и произвольности. Вопросъ о началѣ и основаніи органической жизни остается во всякомъ случаѣ не разгаданною тайною для матеріализма и никакимъ образомъ необъяснимою посредствомъ его механико-химической теоріи.

Отъ полемической и болѣе отрицательной стороны дѣла обратимся къ положительной. Если жизнь органическая не есть физико-химическій процессъ и никакимъ образомъ необъяснима изъ этого процесса, то гдѣ же, спрашивается, первоначальный источникъ органической жизни на землѣ? Кто виновникъ ея? И какой внутренній дѣятель, спросятъ насъ защитники матеріалистическаго міровоззрѣнія, служитъ, по нашему мнѣнію, основаніемъ этой жизни? Отвѣчая на эти вопросы, мы хотимъ противопоставить матеріалистическимъ выводамъ Бюхнера, какіе онъ дѣлаетъ изъ основаній своей механико-химической теоріи жизни, выводы, существеннымъ образомъ вытекающіе изъ указанныхъ нами положительныхъ, ясныхъ фактовъ науки и опыта. Какъ въ своихъ разсужденіяхъ о происхожденіи вселенной и нашего земнаго шара, такъ, въ частности и въ своемъ ученіи о происхожденіи и развитіи органическихъ существъ, Бюхнеръ, прежде всего, на каждомъ шагу, спѣшитъ выставить предъ читателемъ заключеніе, что нѣтъ и не можетъ быть Бога—всемогущаго Творца міра и населяющихъ его тварей. Въ этомъ своемъ выво-

([1]) Естественная исторія мірозданія. Перев. А. Пальховскаго. См. замѣтки переводчика XI, стр. 364, 365.

дѣ онъ видитъ блестящую побѣду современной естественной науки надъ прежнимъ вѣрованіемъ въ сверхъестественную силу ([1]). Все это въ устахъ Бюхнера нисколько неудивительно и едва ли можетъ ввести въ соблазнъ читателя, понимающаго, что такое значитъ наука на языкѣ Бюхнера, и что онъ называетъ нерѣдко побѣдою ея. Наука для Бюхнера,—это кружокъ ученыхъ, идущихъ по одной съ нимъ дорогѣ; каждое мнѣніе ихъ, направленное въ пользу матеріализма, составляетъ для него побѣду науки. Истинно точная наука въ настоящемъ случаѣ отнюдь не раздѣляетъ торжества Бюхнера надъ вѣрованіемъ въ сверхъестественную Силу. Напротивъ, она почти буквально повторяетъ, въ своихъ выводахъ, послѣ долговременныхъ и тщательныхъ изслѣдованій, сказаніе Божественнаго Откровенія о происхожденіи міра органическихъ существъ на землѣ: Богъ, Творецъ неба и земли—вотъ Кто, по ея признанію, Виновникъ жизни этихъ существъ „Всякое животное, говоритъ Катрфажъ въ заключеніе своихъ тщательныхъ изслѣдованій о метаморфозахъ человѣка и животныхъ, восходитъ къ отцу и матери. Отецъ и мать, т. е. самецъ и самка, таково начало всякаго живаго существа. Существованіе половъ, которыхъ неорганическая природа не представляетъ даже слѣда, проявляется какъ характеръ, отличающій органическую природу, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ законовъ, *положенныхъ въ ней съ начала вещей.* За исключеніемъ нѣкоторыхъ изъятій, болѣе мнимыхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ, и число которыхъ ежедневно уменьшается, можно сказать, что *органическій міръ былъ сотворенъ двойственнымъ*, что

([1]) Force et Matière, p. 89.

существуетъ міръ самцовъ и міръ самокъ. Болѣе или менѣе тѣсныя связи могутъ существовать между ними, но ихъ всегда различаютъ, и замѣчательно, что ихъ раздѣленіе, болѣе или менѣе рѣзкое, есть признакъ совершенствованія (¹)". Этими словами не тоже-ли говорятъ намъ Катрфажъ отъ лица современной науки, что высказываетъ и богодухновенный Моvсей, говоря: *и рече Богъ: да прозраститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя по роду и по подобію, и древо плодовитое творящее плодъ, ему же сѣмя его въ немъ по роду на земли: и бысть тако. И сотвори Богъ звѣри земли по роду, и скоты по роду ихъ, и вся гады земли по роду ихъ. И благослови я Богъ, глаголя: раститеся и множитеся, и наполняйте воды, яже въ моряхъ: и птицы да умножатся на земли.* (Быт. гл. 1, 11, 22, 25). Такимъ образомъ, великій законъ, лежащій въ основѣ всего органическаго міра—размноженіе его при посредствѣ отца и матери, или посредствомъ сѣмени, какъ въ царствѣ растительномъ, всегда былъ и есть постоянный нагдядный памятникъ премудрой творческой Силы Божіей и того всемогущаго благословенія Творца, по силѣ котораго этотъ законъ только и дѣйствуетъ въ мірѣ. Такъ понимаютъ этотъ законъ и самые наставники Бюхнера—напримѣръ Котта, у которыхъ онъ, заимствуя крайности и заблужденія, не хочетъ заимствовать истины (²). Бюхнеръ самъ долженъ былъ бы признать дѣйствительность и абсолютное значеніе этого закона, если бы онъ остался вѣренъ кореннымъ началамъ своей системы. По собственному же его ученію, неизмѣнность законовъ природы такова, что она никогда и нимало не допускаетъ исклю-

(¹) Метаморфозы человѣка и животныхъ, стр. 215.
(²) Force et Matière, p. 71.

ченія; необходимость абсолютная и непреодолимая господствуетъ надъ матеріею ([1]). Единственная возможность уклониться отъ признанія этого закона основнымъ и кореннымъ закономъ, положеннымъ Самимъ Творцемъ отъ начала вещей, была для Бюхнера въ теоріи *внезапнаго или самопроизвольнаго зарожденія*; но эта теорія, какъ мы видѣли, отвергнута современною наукою и разрушена до основанія, какъ мечтательная, а не на точномъ наблюденіи и пониманіи фактовъ обоснованная. Какую же, спрашивается, побѣду можетъ дѣйствительно торжествовать современная наука, побѣду ли, какъ говоритъ Бюхнеръ, надъ всегдашнимъ вѣрованіемъ въ Премудраго и Всемогущаго Творца вселенной, или скорѣе надъ врагами этого вѣрованія, каковы и современные матеріалисты? Очевидно послѣднюю; иной и быть не можетъ. Въ минуты болѣе счастливыя и самъ Бюхнеръ сознавалъ, что послѣдняя загадка міра и жизни для него неразрѣшима ([2]). Какъ благоразумно поступилъ бы онъ съ своей стороны, если бы совсѣмъ не пытался разрѣшать эту загадку, если уже онъ не хочетъ вѣрить разрѣшенію ея въ Божественномъ Откровеніи.

Разбирая далѣе механико-химическую теорію Бюхнера, какъ принципъ органической жизни, мы всюду и постоянно выставляли на видъ, что путемъ одного механико-химическаго процесса всѣ жизненныя явленія необъяснимы,—что есть, дѣйствительно, въ органическихъ существахъ феномены теплоты, электричества, свѣта, проявляются въ нихъ каждую минуту химическое средство, волосность, факты, которые вяжутся съ катали-

([1]) Natur und Geist, S. 263.
([2]) Ibid.

эксомъ и феноменизмомъ и проч., но что всѣ эти явленія происходятъ въ живомъ существѣ подъ вліяніемъ высшаго и самостоятельнаго дѣятеля, который заставляетъ дѣйствующія въ организмѣ физико-химическія силы производить вмѣсто аммоніакальныхъ солей именно кровь и мускулы, вмѣсто кристалловъ фосфорической извести—кости, вмѣсто грубыхъ тѣлъ—растенія и животныхъ и притомъ съ опредѣленнымъ типомъ и проч. Кто же этотъ дѣятель, спросятъ насъ защитники Бюхнера, котораго мы поставляемъ на мѣсто или совмѣстно съ ихъ физико-химическими силами? И что же такое по нашему мнѣнію, жизнь? Отвѣчаемъ прежде на послѣдній вопросъ. Въ предѣлахъ точнаго естествознанія всего философичнѣе, скажемъ словами Льюиса, разсматривать жизнь, какъ первичный фактъ, какъ одну изъ великихъ таинъ Неисповѣдимаго, одну изъ многихъ тайнъ, окружающихъ насъ (1). Говоримъ всего *философичнѣе*; потому что никакія изслѣдованія не придвинутъ насъ ни на шагъ къ рѣшенію вопроса: что такое жизнь? Чтобы рѣшить его, намъ надобно дойти до самаго начала всѣхъ вещей; въ предѣлахъ же нашего наблюденія мы видимъ только непрерывное теченіе жизни, видимъ, какъ всякое растеніе, всякое животное получаетъ жизнь отъ своихъ родителей посредствомъ зерна или яйца, какъ потомъ, въ свою очередь, то и другое само даетъ подобное же бытіе и подобнымъ же образомъ другому индивидууму. Точному естествоиспытателю здѣсь предстоитъ только изслѣдовать тотъ *порядокъ явленій*, какими выражается жизнь, предоставляя судить о началѣ ея и ея сущности другимъ наукамъ,

(1) Физіологія обыденной жизни, соч. Г. Г. Льюиса, т. II, стр. 362.

которыя имѣютъ для этого данныя. Итакъ, что же такое составляетъ сущность жизни? Какой внутренній дѣятель проявляетъ свои силы въ этомъ непонятномъ для насъ явленіи? Жизненная сила или жизненный геній, отвѣчали всего охотнѣе на этотъ вопросъ прежніе физіологи. Но какъ ни справедливъ и ни раціоналенъ этотъ отвѣтъ въ своемъ принципѣ, тѣмъ не менѣе онъ справедливо заслужилъ, по своей неопредѣленности, негодованіе большинства натуралистовъ и физіологовъ нашего времени. Пока мы не знаемъ, что такое жизненная сила, до тѣхъ поръ положеніе, что жизненная сила строитъ живое тѣло, будетъ тождесловіемъ, объясненіемъ idem per idem. Мы должны найти того внутренняго дѣятеля, на существованіе котораго, какъ мы видѣли, такъ настойчиво указываютъ всѣ явленія органической жизни, и котораго пока называютъ неопредѣленнымъ именемъ жизненной силы. Въ нашихъ наблюденіяхъ есть единственный случай, гдѣ мы встрѣчаемся съ внутреннимъ дѣятелемъ. Мы разумѣемъ *душу*, которую мы понимаемъ не подъ туманнымъ именемъ внутренняго дѣятеля, но которая извѣстна намъ по своимъ дѣйствительнымъ качествамъ. Если мы воспользуемся этимъ единственнымъ познаніемъ внутренняго опыта, чтобы наполнить существующимъ содержаніемъ общее понятіе жизненной силы, то мы будемъ вынуждены признать, что *жизненная сила есть душа*. Такъ рѣшалъ этотъ вопросъ, какъ извѣстно, въ древности еще Аристотель; къ такому же рѣшенію приходятъ и многіе изъ философовъ и натуралистовъ нашего времени ([1]). Можетъ ли основаться на такомъ рѣшеніи опытная наука, пре-

---

([1]) Gott und die Natur, Dr. Ulrici, S. 410—412.

доставляемъ судить ея представителямъ; но философія только въ такомъ рѣшеніи вопроса о сущности жизни находитъ для себя и рѣшеніе другихъ частнѣйшихъ проблемъ метафизики и психологіи и прочную основу для всего своего гармоническаго міровоззрѣнія. Единство человѣческой личности и сознанія, единство и тѣснѣйшая внутренняя связь всѣхъ частей организма и ихъ жизнедѣятельности, въ высшей степени цѣлесообразное морфологическое развитіе его, все это и другое составляетъ такія данныя, которыя объяснимы только при предположеніи единой высшей, разумной силы, дѣйствующей при этомъ (1). Переходя отъ человѣка къ животнымъ и растеніямъ, наука также находитъ возможнымъ и правильнымъ предположеніе, что не только организмъ первыхъ развиваетъ свойственная имъ душа, но и органическая жизнь послѣднихъ имѣетъ въ своемъ основаніи бытіе подобной же, хотя и несравненно низшей, психической силы, обнаруживающейся въ нихъ только какъ *vis plastica* (2).

(*Продолженіе будетъ*).

---

(1) „Die Seelenlehre des Materialismus" I. H. Fichte, SS. 67—71 (Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, Bd. XXV, 1854); ср. Gott und die Natur, Dr. Ulrici, S. 411; метаморфозы человѣка и животныхъ, Катрфажа, стр. 217.

(2) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, S. 411.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ЛИТУРГІИ НАШЕЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

(ОКОНЧАНІЕ)

II.

Періодъ отъ III до V в. въ отношеніи къ исторіи литургіи замѣчателенъ двумя весьма важными явленіями, изъ которыхъ одно было причиною другаго. Этотъ періодъ 1) есть время чрезвычайнаго расширенія литургійныхъ молитвъ нетолько въ (важнѣйшей части) литургіи вѣрныхъ, но и въ первой ея половинѣ, литургіи оглашенныхъ, которая съ этого только времени получаетъ особенное названіе и обособляется отъ первой части. 2) Чрезмѣрное увеличеніе молитвъ повело за собою попытки сократить количество и уменьшить длину молитвъ. Отъ того этотъ періодъ можно назвать *періодомъ не только разширенія, но и сокращенія литургійныхъ молитвъ*.

1) Увеличенію количества молитвъ въ литургіи содѣйствовали слѣдующія обстоятельства. Во первыхъ появилась въ церкви особенная дисциплина въ отношеніи

къ различнымъ классамъ кающихся и оглашенныхъ; отсюда явилась потребность особенныхъ молитвъ надъ ними при выходѣ ихъ изъ храма; слѣдствіемъ же всего этого было то, что первая часть литургіи получила совершенно особый видъ. Во-вторыхъ, что касается до молитвъ собственно въ литургіи вѣрныхъ, то тутъ имѣли мѣсто другаго рода обстоятельства, вліяніе которыхъ, впрочемъ, простиралось отчасти и на литургію оглашенныхъ. Чѣмъ долѣе жила церковь, тѣмъ усиленнѣе стремились къ выраженію вовнѣ религіозная мысль и религіозное чувство, уже начинавшія съ анализомъ относиться къ содержанію ученія христіанскаго. Евхаристія представлялась для нихъ удобнымъ средствомъ выразить все дѣло нашего искупленія и спасенія, такъ какъ это дѣло представлялось ихъ религіозному сознанію и чувству; хотѣлось о всемъ воспомянуть при Евхаристіи, ничего не опустить изъ благодѣяній Божіихъ или изъ нуждъ христіанъ. Неудивительно послѣ того, что Евхаристія, всею совокупностью своихъ молитвъ, стала представлять что-то въ родѣ проповѣди, что въ литургіи явилось множество молитвъ и молитвъ очень длинныхъ. Кромѣ внутренней потребности высказать при Евхаристіи все, что думали и чувствовали въ это время, на увеличеніе и особенно удлинненіе молитвъ имѣло свою долю вліянія общее тогдашнему времени ораторское образованіе. Около временъ Оригена стало переходить въ христіанство особенно много ученыхъ язычниковъ, которые, привыкши къ ораторскимъ оборотамъ рѣчи, тѣмъ менѣе могли отрѣшиться отъ нихъ при участіи въ христіанскомъ богослуженіи въ качествѣ пресвитеровъ и епископовъ. Христіанскія идеи были слишкомъ величественны, чтобы не пробуждать даже и не въ

оратор особеннаго воодушевленія, не заставить даже и не оратора быть въ извѣстныя минуты ораторомъ. Припомнимъ къ тому же, что почти всѣ молитвы и въ это время, какъ и въ первые два вѣка, продолжались читаться въ слухъ, и мы поймемъ какъ должна была удлинниться литургія.

Самое лучшее подтвержденіе всего сейчасъ сказаннаго представляетъ литургія, изложенная въ VIII книгѣ апост. постановленій (1). Не смотря на то, что въ апостольскихъ постановленіяхъ эта литургія приписывается Клименту римскому; она вовсе не есть литургія римской церкви, а церкви антіохійской. Таково общее мнѣніе ученыхъ, основанное на признакахъ въ самомъ ея составѣ, ясно говорящихъ о ея сродствѣ съ восточнымъ

(1) Изъ отдѣльныхъ молитвъ, дошедшихъ до насъ изъ этого вѣка, Бунзенъ считаетъ принадлежащею вѣку Оригена одну молитву литургіи Марка по списку калабрійскому (сходному съ коптскимъ спискомъ литургіи Кирилла), именно первую слѣдующую за благодарственной въ литургіи вѣрныхъ (Bunsen. t. 11. p. 386—389). Молитва эта дышетъ глубокою древностью, но въ тоже время она очень длинна и не лишена ораторскихъ пріемовъ. Почти въ самомъ началѣ этой молитвы говорится: „подай помощь всѣмъ, которые томятся въ темницѣ, въ рудокопняхъ, въ ссылкѣ или рабствѣ и подъ тяжестью невыносимыхъ податей. Освободи ихъ всѣхъ, потому что ты Богъ нашъ, ты спасаешь плѣнныхъ и возставляешь угнетенныхъ, надежда потерявшихъ надежду, помощникъ отчаявшихся въ помощи, ты поддерживаешь падшихъ, ты пристань подвергшихся кораблекрушенію“ и т. д. Такъ и слышится въ этомъ отрывкѣ голосъ страданія гонимыхъ еще христіанъ. Далѣе за приведеннымъ мѣстомъ возносится молитва за всѣхъ путешественниковъ, путешествуютъ ли они по сухому пути или по водѣ; затѣмъ говорится: „пошли обильный дождь на всю землю и подними воду рѣки (очевидно Нила) до надлежащей высоты, обнови и оживи лице земли, ороси и умножи ея плоды. Благослови Господи и увѣнчай годъ дарами твоей милости ради бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ и чужестранцевъ“ и т. д. Далѣе слѣдуютъ молитвы объ умершихъ съ самаго начала міра, о патріархахъ, пророкахъ, мученикахъ, исповѣдникахъ, епископахъ, святыхъ, праведныхъ (о Богоматери не упоминается) и всѣмъ имъ испрашивается вѣчное упокоеніе. Греч. текстъ см. у Ренод. въ его Liturg. orient. coll. T. I, стр. 132—134. Ed. Paris. 1847.

типомъ литургіи и на упоминаніи объ епископѣ Еводіи, а Еводій былъ епископомъ антіохійскимъ. Итакъ, мы имѣемъ изъ этого періода образецъ литургіи восточной церкви, и, что особенно важно, самой знаменитой изъ восточныхъ церквей, такой же важной, какъ александрійская—для церквей западныхъ.

Литургія апостольскихъ постановленій начиналась двумя чтеніями изъ ветхаго завѣта (изъ закона и пророковъ (1) и двумя изъ новаго (изъ апостола и Евангелія); послѣ чтеній привѣтствіе, подобное нашему въ литургіи вѣрныхъ: благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога и Отца... и поученіе. Потомъ начинались молитвы (предваряемыя словами діакона: да никто отъ послушающихъ, да никто отъ невѣрныхъ (2) надъ различными классами присутствующихъ при богослуженіи: 1) надъ оглашенными втораго разряда (колѣнопреклоненными), 2) надъ бѣсноватыми, 3) надъ оглашенными третьяго разряда (готовящимися къ крещенію), 4) надъ кающимися. Всѣ эти молитвы чрезвычайно удлинняли литургію (3); молитвы читались надъ

(1) О псалмопѣніи, какъ и у Іустина мучен., вовсе не упоминается въ ап. постановленіяхъ.

(2) Этимъ воззваніемъ приглашались къ выходу изъ храма лица, надъ которыми не произносились молитвы, т. е. слушающіе, — первая степень оглашенныхъ, и невѣрные.

(3) Вотъ перечень этихъ молитвъ. Прежде всего діаконъ, входя на возвышенное мѣсто, восклицалъ: вѣрные помолимся (вѣрные должны были мысленно молиться и говорить: Господи помилуй); діаконъ продолжалъ: помолимся Богу за всѣхъ оглашенныхъ, чтобы... Онъ открылъ имъ евангеліе Христа Своего, просвѣтилъ ихъ и научилъ, научилъ ихъ божественной мудрости и т. д. (очень длинная эктенія, сходная съ нашею эктеніею преждеосвященной литургіи, только длиннѣе послѣдней); въ заключеніе эктеніи говорилъ: вставайте оглашенные, просите мира у Бога и пр. преклоните головы и получите благословеніе (народъ въ это время говорилъ: Господи помилуй и прежде всего ближе стоявшія къ алтарю дѣти); оглашенные преклоняли головы и получали благосло-

каждымъ классомъ отдѣльно и кромѣ того предварялись довольно длинными эктеніями діакона. По выходѣ всѣхъ этихъ разрядовъ лицъ, не имѣвшихъ права присутствовать при литургіи вѣрныхъ, произносилась сперва діакономъ очень длинная эктенія, потомъ епископомъ молитва за вѣрныхъ (1). Литургія вѣрныхъ начиналась

веніе, при чемъ епископъ читалъ молитву; діаконъ послѣ того говорилъ: оглашенные выходите съ миромъ. — По выходѣ оглашенныхъ діаконъ провозглашалъ: одержимые нечистыми духами молитесь; помолимся и мы о нихъ, чтобы человѣколюбивый Богъ и т. д. (довольно длинная эктенія); преклоняйтесь одержимые нечистыми духами и получайте благословеніе, продолжалъ діаконъ; епископъ и надъ ними читалъ также молитву, начинавшуюся: Ты, Который связалъ сильнаго и пр.; одержимые нечистыми духами выходите, заключалъ діаконъ. — По выходѣ бѣсноватыхъ діаконъ обращался къ оглашеннымъ высшаго класса (φωτιζόμενοι), въ эктеніи о нихъ приглашалъ вѣрныхъ также молиться и о нихъ; повелѣвалъ имъ преклонять голову и получать благословеніе отъ епископа; послѣдній читалъ надъ ними молитву и они также, какъ и вышеупомянутые классы, высылались возгласомъ діакона. — По выходѣ готовящихся ко просвѣщенію, выступали на средину храма кающіеся (2-го класса, именно тѣ, которые были уже допущены до присутствованія при богослуженіи, слѣдовательно не *безпокровные* и однакожъ еще не переведенные въ разрядъ стоящихъ съ вѣрными, словомъ—такъ называемые слушающіе) и съ ними происходило тоже самое, что съ предъидущими классами, произносилась діакономъ эктенія (весьма длинная), читалась епископомъ молитва (длинная), послѣ которой они высылались изъ храма.

(1) Діаконъ восклицалъ: *μή τις τῶν δυναμένων προελθέτω (προσελθέτω)*; вѣрные преклонимъ колѣна, будемъ просить Бога чрезъ Христа Его, воззовемъ къ Богу чрезъ Христа Его, помолимся о мирѣ и благостояніи всего міра и св. церквей, чтобы Богъ всего міра даровалъ намъ вѣчный и неизмѣнный миръ..., помолимся о св. каѳолической и апостольской церкви отъ одного конца земли до другаго, чтобы..., помолимся о св. церкви здѣшней, чтобы...., помолимся о всемъ сущемъ подъ небомъ епископствѣ и о правильно проповѣдающихъ слово твоей истины; далѣе прошенія о еп. Іерус. Іаковѣ, еп. рим. Климентѣ, еп. антіох. Еводіи, о пресвитерствѣ, діаконствѣ, чтецахъ, пѣвцахъ, дѣвицахъ, вдовицахъ и сиротахъ, о проводящихъ брачную жизнь, объ евнухахъ, о плодоносящихъ, о дающихъ десятину Господу, о больныхъ, плавающихъ, путешествующихъ, *о заключенныхъ за имя Господне*, страдающихъ въ жестокомъ работѣ, *о самыхъ гонителяхъ, объ язычникахъ*, о несовершенныхъ въ Христовой церкви, о себѣ самихъ, о другъ другѣ, о вся-

словами діакона—вонмемъ; епископъ—миръ Божій да будетъ со всѣми вами (народъ—и со духомъ твоимъ); діаконъ—лобзайте другъ друга святымъ лобзаніемъ; послѣ нѣкоторыхъ приготовительныхъ къ спокойному совершенію Евхаристіи дѣйствій (1), діаконъ провозглашалъ: да никто отъ оглашенныхъ, да никто отъ слушающихъ, да никто отъ невѣрныхъ, да никто отъ неправославныхъ, прости ко Господу со страхомъ и трепетомъ стояще станемъ приносити (2); затѣмъ діаконы подавали епископу дары или приношенія вѣрныхъ (3). Возношеніе (ἀναφορὰ) (4) начиналось словами епископа: благодать Вседержителя Бога и любы Господа нашего Іисуса Христа и причастіе Св. Духа и пр. (народъ и со духомъ твоимъ); епископъ—горѣ умъ (народъ имамы ко Господу); епископъ—благодаримъ Господа (народъ—достойно и праведно есть); затѣмъ длинная торжественная, благодарственная молитва, заключающая въ себѣ полное изображеніе прежде всего величія Божія, потомъ

кой душѣ христіанской,—и все это съ разными распространеніями и съ благожеланіями; діаконъ заключалъ эту обширную эктенію словами: спаси и возстави Боже твоею милостію, станемъ вѣрные (вѣрные въ это время стояли на колѣнахъ). Епископъ надъ ними читалъ длинную молитву, начинавшуюся такъ: Боже Всемогущій, Высочайшій и пр.

(1) Діаконы, съ цѣлію наблюденія за тишиною и порядкомъ въ собраніи вѣрныхъ, становились, по замѣчанію апостольскихъ постановленій, у дверей, ведущихъ въ отдѣленіе мущинъ, а иподіаконы у отдѣленій, гдѣ стояли женщины. Между тѣмъ одинъ изъ иподіаконовъ подавалъ священникамъ воду для умовенія рукъ.

(2) Подобное восклицаніе существуетъ теперь только въ литургіи преждеосвященныхъ даровъ.

(3) Ни великаго входа съ херувимской пѣснью, ни слѣдующей за тѣмъ эктеніи (о предложенныхъ честныхъ дарѣхъ...), ни пѣнія символа вѣры—въ апостольскихъ постановленіяхъ мы еще не находимъ.

(4) Священники въ это время, по замѣчанію апостольскихъ постановленій, стояли по правую и по лѣвую сторону епископа; съ обѣихъ сторонъ престола діаконы держали опахалы изъ тонкой кожи, павлиньихъ перьевъ или полотна и, вѣя ими надъ дарами, отгоняли насѣкомыхъ.

свойствъ Божіихъ обнаруженныхъ въ твореніи, промышленіи и искупленіи ([1]); прерывается она, какъ и у насъ, словами серафимской пѣсни—святъ, святъ; продолжая благодарственную молитву произносили потомъ слова установленія таинства (въ нощь, въ нюже предалъ бываше и пр.) ([2]); довольно краткая молитва о ниспосланіи Св. Духа на дары и о явленіи въ нихъ тѣла и крови Христовой ([3]); продолженіе ея—молитва за живыхъ (именно о св. церкви отъ конецъ до конецъ земли, о епископахъ, пресвитерахъ, діаконахъ, о царѣ, чтобы онъ милостивъ былъ къ молящимся), прошеніе за умершихъ (патріарховъ, пророковъ, праведниковъ, апостоловъ, мучениковъ, епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ, міринъ и пр.); затѣмъ снова о живыхъ (о предстоящихъ, о градѣ, о жителяхъ его, о войскѣ, заточенныхъ, гонимыхъ, новопросвѣщенныхъ, бѣсноватыхъ, кающихся, врагахъ церкви и о всѣхъ внѣ общества христіанскаго находящихся и пр.); молитвы заключались обращеніемъ священника къ народу съ словами: миръ Божій буди со всѣми вами (народъ— и со духомъ твоимъ). Діаконъ затѣмъ произносилъ эктенію подобную нашей (вся святыя помянувше, паки и паки помолимся Богу Христомъ Его,—только нѣсколько длиннѣе нашей); діаконъ—вонмемъ; священникъ—свя-

(1) Такъ что эта молитва можетъ служить самымъ подробнымъ комментаріемъ даже къ длинной молитвѣ Василія В., не говоря уже о Златоустовской, хотя молитва Василія В. содержитъ довольно много подробностей въ изображеніи свойствъ и дѣйствій Божіихъ и событій изъ исторіи домостроительства нашего спасенія.

(2) „Твоя отъ твоихъ"... т. е. заключенія благодарственной молитвы нѣтъ въ апостольскихъ постановленіяхъ, ни даже у Кирилла Іер:, какъ увидимъ. Это заключеніе—особенность литургіи Василія В. и Златоуста.

(3) Καταπέμψης τὸ ἅγιον σου πνεῦμα ἐπὶ τὴν θυσίαν ταύτην, ὅπως ἀποφήνῃ τον ἄρτον τοῦτον σῶμα τε χριςοῦ σου и пр.

тая святымъ (народъ—Единъ святъ и пр. Слава въ вышнихъ Богу... Благословенъ грядый во имя Господне); послѣ того описывается самое раздаяніе пріобщенія присутствующимъ (при чемъ пѣли 33 пс. (¹), епископъ или пресвитеръ подавалъ дары съ словами: тѣло Христово (получающій отвѣчалъ аминь) (²); діаконъ затѣмъ призывалъ пріобщившихся къ благодаренію Господа почти словами нашей нынѣшней эктеніи (только пространнѣе); епископъ читалъ благодарственную молитву (Владыко, Боже, Вседержителю, Отче Христа Твоего); въ заключеніе діаконъ повелѣвалъ присутствующимъ преклонить голову: Богу Христомъ Его преклонитеся и благословитеся; священникъ читалъ молитву отпуста (Боже Вседержителю, истинный и невидимый и пр.); отпускалъ народъ діаконъ словами: идите съ миромъ.

Изъ описанной литургіи мы видимъ, какой громадный объемъ она приняла, благодаря увеличенію количества и продолжительности молитвъ, молитвъ читавшихся въ описываемое время еще въ слухъ. Кромѣ литургіи апост. постановленій мы имѣемъ очеркъ литургіи вѣрныхъ въ 5-мъ тайноводственномъ поученіи Кирилла іерусалимскаго. Но такъ какъ это—общій очеркъ, изъ котораго нельзя видѣть подробностей и притомъ очеркъ только части литургіи, то мы и не останавливаемся на немъ особенно (³).

(¹) У Кир. Іерус. упоминается только о 9 стихѣ: вкусите и видите...

(²) Раздавали дары въ слѣдующемъ порядкѣ: *μεταλαμβάνετο ὁ ἐπίσκοπος, ἔπειτα οἱ πρεσβύτεροι καὶ οἱ διάκονοι καὶ ὑποδιάκονοι καὶ οἱ ἀναγνῶςαι καὶ οἱ ψάλται, οἱ ασκηταὶ καὶ ἐν ταῖς γυναιξὶν διακονίσσαι, καὶ αἱ παρθένοι καὶ αἱ χῆραι, εἶτα τὰ παιδία καὶ τότε ὁ λαὸς κατὰ τάξιν μετὰ αἰδοῦς καὶ εὐλαβίας ἄνευ θορύβου.*

(³) Приводимъ его однакожъ для сравненія съ литургіею апост. постановленій. „Вы видѣли діакона, начинаетъ свое описаніе Кириллъ Іерус., подающаго умыться архіерею и пресвитерамъ, окружающимъ жертвенникъ

2) Увеличеніе количества и продолжительности литургійныхъ молитвъ повело за собою ограниченіе роста литургіи, которое и послѣдовало вскорѣ. Разнообразіе же явившихся редакцій литургіи (чему содѣйствовала значительная доля свободы, признаваемая за предстоятелями церкви употреблять тѣ или другія молитвы)—побудило къ пересмотру существующихъ редакцій литургіи. Въ соборныхъ опредѣленіяхъ этого времени мы встрѣчаемъ попытки ограничить авторскую дѣятельность частныхъ лицъ въ области литургіи; мы уже приводили опредѣленія двухъ карѳагенскихъ соборовъ, отно-

---

Божій... Потомъ вопіетъ діаконъ: обымите другъ друга и другъ друга цѣлуемъ... Послѣ того іерей возглашаетъ: горѣ сердца. На это вы отвѣчаете: имѣемъ ко Господу. Далѣе говоритъ іерей: благодаримъ Господа .. На это вы говорили: достойно и праведно... Потомъ воспоминаемъ небо, землю, море, солнце и луну..., Ангеловъ, Архангеловъ и т. д. Поминаемъ и Серафимовъ..., летающихъ и восклицающихъ: святъ, святъ... Это повторяемъ, чтобы сдѣлаться причастниками пѣснопѣнія вмѣстѣ съ премірными воинствами... (почему-то, вѣроятно случайно, Кириллъ не упоминаетъ о словахъ установленія таинства). Послѣ того молимъ человѣколюбиваго Бога, да ниспослетъ Св. Духа на предлежащіе дары, да сотворитъ хлѣбъ убо тѣло Христово, а вино—кровь Христову... Потомъ... при той же самой жертвѣ умилостивительной молимъ Бога о всеобщемъ мирѣ церквей и о благосостояніи всего міра, о царяхъ, о воинахъ, о сподвижникахъ... *Послѣ* (а не прежде, какъ у насъ) поминаемъ и прежде почившихъ, во первыхъ патріарховъ, пророковъ, мучениковъ, чтобы ихъ молитвами и ходатайствомъ принялъ Богъ молитву нашу... Потомъ и о преставшихся св. отцахъ и епископахъ и вообще о всѣхъ изъ насъ прежде почившихъ, вѣря, что великая будетъ польза душамъ, о которыхъ возносится сія жертва.., По окончаніи этого читаемъ: отче нашъ. По окончаніи молитвы говоримъ: аминь. По совершеніи сего іерей говоритъ: святая святымъ. На все это вы говорите: единъ святъ, единъ Господь, Іисусъ Христосъ. Послѣ этого вы слышите пѣвца. ., онъ говоритъ: вкусите и видите, яко благъ Господь. Приходя приступай не съ распростертыми дланями, но сдѣлавъ лѣвую руку престоломъ правой... прими тѣло Христово и скажи—аминь. По причащеніи тѣла Христова приступи и къ чашѣ крови... Наконецъ, дождавшись молитвы, благодари Бога, сподобившаго тебя такихъ таинъ“.

сящіяся къ этому предмету (1). Итакъ нужны были не только сокращеніе, но и пересмотръ различныхъ литургическихъ списковъ; настало время сдѣлать выборъ изъ лучшаго, бывшаго въ то время въ употребленіи, и новой редакціи придать авторитетъ и обязательность для всѣхъ по возможности церквей, принадлежащихъ къ извѣстной митрополіи. Церковная централизація, начавшаяся съ IV в., дала возможность уничтожить мѣстныя особенности въ подчиненныхъ патріархатамъ и митрополіямъ церквахъ. Такою редакціею, въ видахъ сокращенія, выбора и исключительной предъ прочими обязательности, и занялись сперва Василій В., потомъ Златоустъ на востокѣ, Амвросій Медіоланскій и папы: Левъ В., Геласій и Григорій В., на западѣ. Мы занимаемся литургіями только восточной церкви, а потому и обратимъ вниманіе только на литургіи Василія В. и Златоуста.

Первый и главный трудъ пересмотра и сокращенія литургіи восточной принадлежитъ Василію В. Проклъ, ученикъ Златоуста, передавая, что прежде горѣли усердіемъ къ священнодѣйствію, присовокупляетъ: „впослѣдствіи, ослабѣвъ въ вѣрѣ и поработившись заботамъ, люди стали скучать длинною службою". Затѣмъ разсказываетъ, что, снисходя къ такой слабости христіанъ своего времени, рѣшились сократить литургію Іакова, сперва Василій В., потомъ Златоустъ (2). Свидѣтельство Прокла, какъ ближайшаго къ Златоусту человѣка, для насъ весьма важно. Оно ставитъ литургію Василія В. въ ближайшее отношеніе къ литургіи Іакова, или,

(1) Соб. 397 пр. 23. Соб. 407 пр. 9, и еще Соб. Милевитскій (около того же врем.) пр. 12.
(2) Tract. de tradit. liturgiae Bibl. M. T. VI p. 617.

что тоже, къ антіохійской, образецъ которой мы видѣли въ только что описанной литургіи 8-й книги апостольскихъ постановленій. Всего естественнѣе было епископу каппадокійской области заняться сокращеніемъ той литургіи, какая была въ то время въ употребленіи, можно думать, во всей малой Азіи, или литургіи антіохійской церкви. Не будемъ приводить другихъ свидѣтельствъ [1] о томъ, что Василію В. дѣйствительно принадлежитъ первая редакція литургіи. Для насъ довольно свидѣтельства Прокла. Если же къ этому присоединить еще фактъ, извѣстный намъ изъ словъ Петра діакона [2], что въ IV в. литургія Василія В. была въ употребленіи уже на всемъ востокѣ, именно какъ литургія Василія В., а не другаго кого, если далѣе мы обратимъ вниманіе на распространенное доселѣ по всему не только православному, но и инославному востоку, убѣжденіе, что онъ владѣетъ литургіею именно Василія В., какъ

---

(1) *Григорія Богослова*, что Василію В. принадлежатъ чины молитвъ, благоукрашенія жертвенника (εὐχῶν διατάξεις, εὐκοσμίαι τοῦ βήματος—Orat 20 p. 340); *Леонтія* (около 590), укорявшаго Несторія за то, что онъ составляетъ литургію другую, а не ту, которую предали отцы церквамъ и не уважаетъ литургіи апостоловъ, ни той, которую въ томъ же духѣ составилъ Василій" (Contr. Nestor. Bibl. M. Part. T. IV. P. II, p. 1006); *Софронія*, писавшаго, что „нынѣ, преимущественно предъ прочими, находятся въ употребленіи священнодѣйствіе Великаго Василія и Іоанна Златоустаго съ литургіею преждеосвященныхъ даровъ (Пис. св. отц. и учит. цер. т. I, стр. 266); *собора Трулльскаго* (32 пр.), выразившагося такъ: „Іаковъ братъ Христа Господа по плоти, тотъ, кому первому ввѣрена была каеедра Іерусалимской церкви и Василій повелѣли такъ творить въ тайномъ священнодѣйствіи, преданномъ письменно"; Іоанна Дамаскина (о прав. вѣрѣ кн. IV гл. 14) и 7 вселенскаго собора (у Биніи т. III, ч. I, стр. 643), см. Филар. чер. истор. обз. пѣсн. стр. 77—80.

(2) „Василій кесарійскій въ молитвахъ Евхаристіи, которыя повторяетъ почти весь востокъ, говоритъ..." (De incarn. contr. Fulgentii op. c. 8, p. 633).

это можно видѣть изъ собранія восточныхъ литургій наприм., у Ренодота (¹), то мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сомнѣваться въ трудахъ Василія В. по редакціи литургіи (²).

(¹) Кромѣ греческой константинопольской литургіи Василія у него помѣщены еще: 1, Александрійская литургія св. Василія на греческомъ, 2, Александрійская литургія Василія въ переводѣ на коптскомъ языкѣ, 3, Сирская литургія Василія. Сужденіе о нихъ см. у Филар. черниг. соч. о пѣснопѣн. церков. стр. 78—79.

(²) Невозможно въ настоящее время вполнѣ возстановить образъ литургіи Василія В. въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ послѣдняго. Можно только приблизительно опредѣлить ея содержаніе, возстановивъ образъ литургіи Златоуста, что по многимъ причинамъ гораздо легче и что мы дѣйствительно и сдѣлаемъ. Правда дошелъ до насъ сравнительно очень древній списокъ литургіи Василія В., именно такъ называемый Барберинов ъ VIII вѣка, но къ VIII в. много могло произойти перемѣнъ въ литургіи, какъ дѣйствительно и произошло. Впрочемъ, такъ какъ Барбериновъ списокъ самый древній изъ извѣстныхъ намъ доселѣ, то мы обратимъ на него особенное вниманіе и постараемся изложить по этому списку содержаніе литургіи Василія В.; прибавленія (немногочисленныя впрочемъ) позднѣйшаго времени къ литургіи временъ Василія В. будутъ ясны для читателей, какъ мы сказали изъ возстановленія подлиннаго текста литургіи Златоуста. Литургія Василія В. (по разсматриваемому списку) начинается молитвою положенія хлѣба на дискосѣ въ предложеніи тою молитвою, какая и теперь читается въ концѣ нашей проскомидіи: Боже, Боже нашъ, небесный хлѣбъ и пр. (?), потомъ прямо молитвы перваго антифона, втораго и третьяго (тѣже, что у насъ) входъ съ Евангеліемъ (?); молитва входа (наша, только не замѣчено, что читается тайно); молитва трисвятаго, (? наша) коротенькая молитва восхожденія на каѳедру (у насъ ея нѣтъ, за то въ Барбериновомъ спискѣ нѣтъ нашей молитвы предъ Евангеліемъ: возсіяй въ сердцахъ нашихъ), молитва сугубой (?) эктеніи (наша); молитва оглашенныхъ (наша); молитва вѣрныхъ первая по распростертіи (?) антиминса (наша), молитва вѣрныхъ вторая (наша, только не сказано, что произносится тайно, какъ у насъ), молитва херувимской (?) пѣсни (наша, только не сказано, что тайная), молитва *проскомидіи Василія* В. (наша же), послѣ того прямо миръ всѣмъ, возлюбимъ другъ друга, (Отца и Сына и Святаго Духа—нѣтъ), двери двери, вѣрую (?), станемъ добрѣ (милость мира—нѣтъ), благодать Господа нашего Іисуса Христа, горѣ имѣемъ сердца, имамы ко Господу, благодаримъ Господа, достойно и праведно есть (только безъ послѣдующихъ словъ—покланятися Отцу и пр.) Молитва (какая и у насъ), побѣдную пѣснь... святъ святъ (отъ слова

Вторая редакція литургіи, въ скоромъ времени слѣдовавшая за первою, принадлежитъ епископу столицы восточнаго православнаго міра—Іоанну Златоусту. По своему вліянію на всѣ провинціи восточной имперіи, Константинополь могъ внести регламентацію въ видѣ литургіи Златоуста во всѣ провинціальныя церкви востока. Такимъ образомъ литургія Златоуста имѣла то обязательное для всѣхъ оффиціальное значеніе, какого не имѣла литургія даже Василія В. и какое получаетъ для про-

---

до слова какъ у насъ), тайная молитва: съ сими блаженными силами (какъ и у насъ, только раздѣлена на двѣ, съ словъ: хотя бо изъяти), даде святымъ своимъ ученикомъ и пр., слѣдующая молитва тайная (что и у насъ), твоя отъ твоихъ; тайная молитва призыванія Святаго Духа (таже, что у насъ, только безъ вставокъ: Боже очисти мя грѣшнаго, Господи, иже пресвятаго твоего Духа, Сердце чисто, благослови Владыко — безъ словъ діакона 3 раза повторяемыхъ; наша слѣдующая молитва: насъ же всѣхъ—составляетъ продолженіе одной молитвы призыванія въ разсматриваемомъ спискѣ), изрядно о пресвятѣй (съ продолженіемъ *въ возгласъ* поминовенія свят. Іоанна Предтечи и пр., того, что у насъ теперь читается тайно; пѣснь: о тебѣ радуемся, не упоминается), молитва поминовенія живыхъ и умершихъ (безъ вставки только: о спасеніи, посѣщеніи; ...о покои...), тайное поминовеніе епископовъ: помяни Господи всякое епископство и пр. (какъ у насъ, только безъ нашего возгласа), и даждь намъ едиными усты, и да будутъ милости и пр., въ спискѣ замѣчается далѣе, что діаконъ произноситъ эктенію, молитва этой эктеніи (наша, конецъ ея: и сподоби насъ — не составляетъ возгласа какъ у насъ), отче нашъ, миръ всѣмъ, молитва (наша безъ возгласа: благодатію и щедротами), другая молитва (наша: вонми Господи), ὀσκον πρόσχωμεν, святая святымъ (безъ словъ: Боже очисти мя грѣшнаго), единъ святъ; священникъ, замѣчается далѣе, вземля частицы св. тѣла и полагая ихъ въ потиръ, говоритъ: во исполненіе духа,—и когда всѣ будутъ вложены, молится, діаконъ тоже (молитвы, впрочемъ, не обозначены буквально), молитва по пріобщеніи (наша), въ заключеніе молитвы возгласъ: яко Ты еси освященіе, *діаконъ: съ миромъ изыдемъ*, заамвонная молитва, молитва въ предложеніи τῷ σκευοφυλακίῳ (наша: внегда потребити святая).—Вообще нужно замѣтить, что этотъ списокъ содержитъ изложеніе однѣхъ только молитвъ священника; не приводится въ немъ ни одна эктенія, не говоря уже объ отсутствіи подробныхъ наставленій для священника и діакона, подобныхъ тѣмъ, какія находятся въ литургіи нашихъ временъ, особенно Златоустовой.

винцій все, что имѣетъ печать столицы. И этотъ опытъ редакціи литургіи, какъ и первый, совершенъ былъ въ связи съ тѣмъ, что выработала Антіохія на первооснов҆ѣ литургіи Іакова. Іоаннъ Златоустъ, какъ извѣстно, былъ сначала пресвитеромъ въ Антіохіи, прежде чѣмъ сдѣлался архіепископомъ константинопольскимъ. Такимъ образомъ и Василій В. и Златоустъ были въ замѣчательной близости къ антіохійской литургіи.—Въ какомъ отношеніи находятся между собою литургіи Василія В. и Златоуста? Литургія Златоуста есть сокращеніе литургіи Василія В., или лучше сказать литургія Златоуста есть та же самая литургія Василія В., только въ нѣсколько сокращенномъ видѣ. Теперь для мірянъ не замѣтна разница между обѣими литургіями; та и другая кажутся совершенно одинаковыми по своему объему, хотя нѣкоторыя пѣсни въ литургіи Василія В. поются продолжительнѣе, чѣмъ въ литургіи Златоуста, но въ вѣкъ Златоуста было другое дѣло. Способъ чтенія молитвъ священникомъ про себя не успѣлъ еще тогда утвердиться въ церкви совершенно; онъ уже правда начиналъ входить въ употребленіе, но простирался только на нѣкоторыя молитвы, на меньшинство ихъ; большая часть молитвъ еще читалась въ слухъ ([1]). Не

([1]) Въ поученіяхъ Златоуста есть свидѣтельства на то и на другое, какъ замѣтилъ еще авторъ истор. обз. пѣснописцевъ—Филаретъ черниговскій. Объ одной молитвѣ, именно о молитвѣ призыванія св. Духа, Златоустъ говоритъ, что она читалась при глубокомъ молчаніи. Въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ о глубокомъ молчаніи, которое *прерывалось словами*: святая святымъ (Бес. о кладб. Ор. Т. II, р. 401. Кн. 3 о свящ. Т. I, р. 382—383). Это прямыя свидѣтельства о существованіи тайныхъ молитвъ. О молитвахъ въ слухъ вмѣстѣ съ молитвами тайными мы можемъ заключать на основаніи слѣд. факта. Во многихъ мѣстахъ Златоустъ для литургіи назначаетъ два часа времени (т. I, стр. 494. О польз. св. Пис. т. III, стр. 74. Бес. на надп. алтар. т. III,

смотря на значительное сокращеніе молитвъ въ литургіи Василія В. противъ прежнихъ пространныхъ редакцій въ родѣ литургіи Ап. постановленій, даже молитвы Василія В. все еще оказывались длинными, особенно если взять во вниманіе столичную паству Златоуста. Людямъ крайне осуетившимся столичною жизнію не легко было выслушать всю литургію Василія В. въ томъ видѣ, какъ она совершалась тогда. Въ своихъ бесѣдахъ Златоустъ часто жаловался на то, что „напрасно совершается божественное приношеніе; нѣтъ въ немъ участвующихъ“ (1); что многіе уходили, не выслушавъ всей службы, выслушавъ только проповѣдь (2); другіе едва принимали евхаристію, какъ спѣшили домой, не выслушавъ молитвъ благодаренія (3). Такіе люди конечно требовали самой короткой службы.—Какая употреблялась литургія въ Константинополѣ, при вступленіи Златоуста на константинопольскій престолъ, не извѣстно. Была ли введена туда литургія Василія В., или тамъ суще-

стр. 53): „не требую, говорилъ онъ, напримѣръ, чтобы ты семь или десять дней былъ безъ работы; пожертвуй мнѣ двумя часами дня“. А два часа— это такое время, котораго, если предположить, что всѣ молитвы читались, какъ у насъ, тайно, слишкомъ много для литургіи, особенно имѣя въ виду, что начало литургіи, равно какъ и конецъ ея, были гораздо короче нашего въ Златоустово время. Но съ другой стороны двухъ часовъ мало, если предположить, что всѣ молитвы читались въ слухъ. Отдѣливъ для литургіи оглашенныхъ, да для проповѣди часъ слишкомъ, мы получимъ въ остаткѣ 40 или 50 минутъ для литургіи вѣрныхъ. Изъ этихъ 40 или 50 минутъ, если исключить время необходимое для проскомидіи и особенно время, необходимое на раздаяніе даровъ многочисленнымъ въ то время причастникамъ, на чтеніе диптиховъ, то для чтенія молитвъ останется такое ничтожное количество времени, въ которое невозможно было бы прочитать всѣ молитвы въ слухъ съ неизбѣжными интервалами при громкомъ чтеніи.

(1) Бес. 3, на посл. къ Ефес.

(2) Бес. 3, о непостиж. т. I, стр. 469 (573).

(3) Бес. 82 на Мѳ. т. I, стр. 813.

ствовала какая нибудь мѣстная болѣе или менѣе пространная редакція и Златоустъ первый ввелъ туда литургію Василія В., сокративъ ее во время самаго ея введенія,—на эти вопросы ничего нельзя сказать опредѣленнаго по недостатку историческихъ данныхъ. Введена ли была литургія Василія В. даже въ Антіохіи въ Златоустово время, во время его тамъ пресвитерства или тамъ продолжала употребляться прежняя пространная редакція, такъ что литургія Василія В. не успѣла еще вытѣснить собою древній чинъ литургіи такого знаменитаго города, какъ Антіохія—и это также опредѣлить невозможно. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, если даже мы предположимъ, что ни въ Константинополѣ, ни въ Антіохіи еще не употреблялась литургія Василія В., не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Златоустъ очень хорошо знакомъ былъ съ литургіею Василія В. еще живя въ Антіохіи. Слава Василія В., какъ защитника православія, какъ великаго христіанскаго учителя и какъ устроителя богослуженія (не одной только литургіи, но и всего круга богослужебнаго) и монашеской жизни, ручается за извѣстность его трудовъ всему православному востоку, особенно же Малой Азіи. Въ частности о знакомствѣ Златоуста съ Василіевой литургіей говоритъ сходство во многихъ частяхъ той и другой литургіи. И такъ, намъ кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что Златоусту принадлежитъ только сокращеніе литургіи Василія В. и сокращеніе именно въ молитвахъ, такъ что на обѣ литургіи можно смотрѣть какъ на одну и туже литургію (¹).

(¹) Что въ древности болѣе приписывали значенія трудамъ Василія Великаго, чѣмъ Златоуста, и въ Златоустовской литургіи видѣли литургію Василія Великаго, только въ сокращенномъ видѣ,—объ этомъ

Чтобы составить себѣ понятіе о литургіи конца IV в., постараемся на основаніи бесѣдъ Златоуста представить очеркъ его литургіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ его рукъ (¹). Гораздо больше особен-

можно заключать изъ сравненія свидѣтельствъ о той и другой литургіи. Большая часть свидѣтельствъ упоминаютъ только о литургіяхъ Іакова и Василія; таковы: Леонтій, соборъ Трулльскій, Петръ діаконъ. Послѣдній говоритъ, что литургія Василія Великаго въ VI в. была уже въ употребленіи на всемъ востокѣ.

(¹) Сокращеніе, произведенное Златоустомъ въ литургіи Василія Великаго, касалось главнымъ образомъ длины молитвъ, количество же ихъ осталось почти тоже, мѣсто совершенно тоже; священныя дѣйствія, возгласы, какъ по порядку, такъ и по выраженіямъ и по количеству, остались тѣже самыя. Это видно изъ сравненія той и другой литургіи по Барберинову списку (см. у Бунзена Т. II, стр. 538 — 566). Чего нѣтъ въ литургіи Златоуста противъ литургіи Василія Великаго (по Барберинову списку), это трехъ молитвъ трехъ антифоновъ, молитвы херувимской пѣсни, заамвонной молитвы и молитвы предложенія по отпустѣ народа (εὐχὴ τοῦ σκευοφυλακίου). Остальныя молитвы значительно сокращены, но не всѣ. Удержали объемъ (нѣкоторыя даже букву) Василіевыхъ слѣд. молитвы: молитва въ предложеніи при положеніи агнца на дискосѣ (теперь у насъ Василіева молитва, а по Барберинову списку литургіи Златоуста особенная нѣсколько короче Василіевой), молитва малаго входа (у насъ опять Василіева, а по Барберинову списку иная, по величинѣ такая же), молитва трисвятаго (опять у насъ нынѣ Василіева, а по Барберинову списку весьма сходная съ Василіевой, но все-таки не таже и не много даже пространнѣе Василіевой), молитва восхожденія на каѳедру (таже, что Василія Великаго; у насъ ея нѣтъ ни въ литургіи Василія, ни въ литургіи Златоуста; мы уже замѣчали прежде, что за то въ Барбериновомъ спискѣ нѣтъ нашей молитвы евангелія, читаемой въ обѣихъ литургіяхъ: возсіяй въ сердцахъ нашихъ), молитва сугубой эктеніи (та же что и у Василія Великаго; такъ и у насъ доселѣ), молитва оглашенныхъ (очень сходная съ Василіевой, не много даже пространнѣе Василіевой, какъ и у насъ теперь), молитва вѣрныхъ первая (таже, что и у насъ, пространнѣе, очень не много впрочемъ, чѣмъ молитва Василія Великаго), молитва вѣрныхъ вторая (о ней совершенно тоже должно сказать, что и о первой.) До сихъ поръ мы почти не видѣли сокращенія въ молитвахъ Златоустовой литургіи сравнительно съ литургіею Василія Великаго, исключая опущенія нѣкоторыхъ молитвъ; тѣ же молитвы, какія находимъ, почти не короче Василіевыхъ; но, если будемъ сравнивать далѣе, тогда увидимъ совершенно другое. Молитва Златоуста по поставленіи даровъ вдвое короче Василіевой (та же,

ностей тогдашняя литургія представляетъ въ сравненіи съ нынѣшнею въ первой своей части, чѣмъ во второй. Первая часть во времена Златоуста въ существѣ дѣла продолжала оставаться тѣмъ же, чѣмъ была при Іустинѣ Мученикѣ, сохранять и въ Златоустово время свой по преимуществу *дидактическій* характеръ. Таинственный смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и таинственную обстановку съ проскомидіей и двумя входами носящими нынѣшній характеръ, она получила уже послѣ Златоуста. При Златоустѣ она была очень проста и была короче,

---

что и у насъ); молитва благодарственная (возношенія даровъ—*ἀναφορά*) также вдвое короче Василіевой (та же, что и у насъ), продолженіе ея съ словъ: святъ святъ, въ четверо пространнѣе Василіевой (если не болѣе, та же что и насъ), молитва призыванія Св. Духа вдвое короче Василіевой (та же, что у насъ), молитва просительная втрое короче Василіевой (та же, что у насъ), молитва предъ Отче нашъ втрое короче Василіевой (та же, что и у насъ), молитва надъ преклонившими голову нѣсколько пространнѣе Василіевой (та же, что и у насъ), молитва священника по причащеніи не много короче Василіевой (та же что и у насъ; только замѣчательно, что какъ въ литургіи Василія, такъ и въ литургіи Златоуста она соединяется съ возгласомъ: яко ты еси освященіе наше..., слѣдовательно она читалась по причащеніи народа. Оканчивалась литургія возгласомъ народа: во имя Господне, и словами діакона: съ миромъ изыдемъ.—Мы не перечисляемъ здѣсь, чего не достаетъ литургіи Златоуста по Барберинову списку противъ нашей Златоустовой литургіи; не достаетъ въ ней того же, чего и литургіи Василія по тому же списку; всѣ позднѣйшія прибавленія въ литургіяхъ однѣ и тѣже. Такъ что, если мы отбросимъ въ литургіи Златоуста все, что привзошло въ нее въ послѣдующія времена послѣ Златоуста, въ остаткѣ получимъ ту же литургію Василія Великаго, только съ укороченными и нѣсколько измѣненными молитвами (тема впрочемъ всегда одна и та же въ молитвахъ довольно различныхъ *по буквѣ*). Выгода брать именно литургію Златоуста для изученія состоянія литургіи того времени, а не литургію Василія Великаго, заключается въ томъ, что мы можемъ легче и удобнѣе возстановить образъ литургіи Златоуста при помощи его бесѣдъ, тогда какъ по сочиненіямъ Василія Великаго мы не можемъ этаго сдѣлать и принуждены будемъ, въ такомъ случаѣ, довольствоваться однимъ Барбериновымъ спискомъ, правда древнимъ, но все-таки не древнѣе VIII в. О древности Барб. спис. см. Гоара (Εὐχολ. praefatio.) Льва Аллац. и Монфок. (Fabricii Bibl. graec. t. V, p. II, not s. p. Ed. 1717.), Бунзена (Hypp. t. II, 538—566).

чѣмъ теперь. „Когда входитъ въ церковь предстоятель (по словамъ Златоуста), то говоритъ миръ всѣмъ“ (¹), вотъ начало Златоустовой литургіи. Первымъ дѣйствіемъ послѣ этого начала было (не великая эктенія, какъ у насъ теперь (²) а, *по всей вѣроятности* пѣніе псалмовъ (³). За пѣніемъ псалмовъ слѣдовало чтеніе

(¹) Бес. 3 на посл. къ Кол. т. II, стр. 348 (401).

(²) Филаретъ Черн. (обз. пѣсн. стр. 111), на основаніи слѣд. мѣста бесѣды (78 на Іоан. т. 8 стр. 464) Злат. „при *непосвященныхъ* совершаемъ молитвы *общія* за немощныхъ, за плодородіе земли, за землю и море“, думаетъ, что еще при Златоустѣ литургія начиналась эктеніею, подобною нашей. Но это мѣсто можно объяснить совершенно иначе. Самъ же авторъ утверждаетъ, что Златоустомъ отмѣнены молитвы за бѣсноватыхъ, кающихся, просвѣщаемыхъ, и оставлены только молитвы за оглашенныхъ и за вѣрныхъ; другими словами это значитъ, что различные классы лицъ подлежащихъ церковному исправленію не высылались теперь съ такими церемоніями и такъ *строго послѣдовательно*, какъ прежде, а имъ позволено было, по всей вѣроятности, оставаться и во время молитвъ за вѣрныхъ и вообще за весь міръ, молитвъ, читавшихся въ самомъ концѣ литургіи оглашенныхъ. Самъ же авторъ не признаетъ потомъ отдѣльности во времена Злат. сугубой эктеніи отъ эктеніи послѣ молитвъ за оглашенныхъ, и считаетъ ихъ за одно. Почему же, спрашивается, онъ старается доказать отдѣльность существованія нашей первой эктеніи во времена Златоуста? Гораздо послѣдовательнѣе считать всѣ три ектеніи: великую, сугубую и послѣ молитвъ за оглашенныхъ, однимъ цѣлымъ, еще не разбитымъ при Златоустѣ на три отдѣльныя части, остававшимся и при послѣднемъ въ томъ же видѣ, какъ и прежде, съ тѣмъ только различіемъ, что эти молитвы могли теперь слушать люди, прежде ихъ не слушавшіе, удаляемые нѣкогда *до* этихъ молитвъ, а теперь высылаемые *послѣ* этихъ молитвъ.

(³) Что псалмопѣніемъ, по всей вѣроятности, начиналась литургія Златоуста, на это предположеніе наводитъ многое, хотя ясныхъ свидѣтельствъ объ этомъ у самаго Златоуста и нѣтъ. Извѣстно огромное уваженіе, какимъ псалмы Давида пользовались въ монастыряхъ, и то обширное употребленіе, какое они нашли себѣ въ монастырской богослужебной практикѣ. О пѣніи псалмовъ въ монастыряхъ временъ Василія Великаго и Златоуста мы находимъ очень много свидѣтельствъ, особенно у Іеронима, Кассіана и Василія Великаго. Свидѣтельства эти правда относятся болѣе къ вечернему, утреннему богослуженію и разныхъ часовъ, чѣмъ къ литургіи, но есть и такія свидѣтельства, которыя прямо говорятъ объ употребленіи псалмопѣнія на литургіи. Таково напр. свидѣ-

Св. Писанія и притомъ по всей вѣроятности одного только Новаго Завѣта: Апостола и Еванге-

---

тельство Іеронима. „Вмѣстѣ собираются, говоритъ онъ объ инокахъ, поютъ псалмы, читаютъ по обычаю писанія и тотъ, котораго называютъ они отцемъ, начинаетъ поученіе" (пис. къ Евстох. гл. 15). Нѣтъ сомнѣнія, что Василій Великій, предписывавшій въ своихъ пространныхъ правилахъ инокамъ пѣть, въ различные часы дня и ночи, различные псалмы и такъ высоко цѣнившій ихъ, какъ видно изъ его превосходнаго панегирика псалмамъ, включилъ псалмопѣніе и въ составъ литургіи. Василій Великій высказывалъ ту мысль, что нужно смѣнять чтеніе пѣніемъ и пѣніе чтеніемъ. „При однообразіи, говорилъ онъ, душа скучаетъ и разсѣевается, а напротивъ, когда чтеніе и псалмопѣніе каждый часъ перемѣняются и разнообразятся, чрезъ это жаръ ея усиливается и возобновляется (Простр. настав. инокамъ Op. S. Basil. T. IV, 226 in *Patrol.* T. 32)". И такъ, почти съ несомнѣнностью можно утверждать, что антифонное пѣніе псалмовъ введено было въ литургію Василіемъ Великимъ, если еще не ранѣе. По Барбериновy списку, въ литургіи Василія Великаго антифоны уже полагаются, какъ мы видѣли. Кромѣ вышеприведенныхъ соображеній, мысль объ антифонномъ пѣніи псалмовъ (при литургіи) въ описываемое время подтверждается еще слѣдующими соображеніями. Извѣстны заботы знаменитыхъ отцевъ церкви этого времени, каковы напр. Ефремъ Сиринъ и Златоустъ, относительно расширенія круга свящ. пѣснопѣній въ противодѣйствіе еретикамъ ихъ времени, съ цѣлію отвлечь христіанъ, посредствомъ свящ. пѣснопѣній, отъ собраній еретическихъ. Кромѣ необыкновеннаго уваженія къ псалмамъ и стремленія придать богослуженію большее разнообразіе посредствомъ пѣнія, около описываемаго времени замѣтно стремленіе исключить изъ литургіи чтеніе св. писанія ветхаго завѣта и замѣнить послѣднее пѣніемъ псалмовъ. Въ литургіяхъ Несторіанъ, Яковитовъ и Коптовъ прямо послѣ псалмовъ предлагаются чтенія изъ новаго завѣта (Renaud. liturg or. coll. T. 1. p. 186. 189—191. 124. 158—171. T. 11. p. 60. 68. 97. 596. 634). У Несторіанъ чтенія изъ ветх. зав. отмѣнены около 615 года. (Assemani t. 111. p. 1. p. 479. 488. 615). Во Франціи, въ концѣ V в., не было уже чтеній изъ ветхаго завѣта при литургіи, а пѣлись только антифоны, какъ видно изъ правилъ собора Агдскаго, при чемъ въ правилѣ замѣчено, что *вездѣ такъ бываетъ*. Въ Римѣ антифонное пѣніе введено въ началѣ V в. и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставлено чтеніе изъ ветх. зав. (Honor. lib. 1, 87. Brenners Gesch. Darstell. d. Eucharistie S. 121. 123). Соображая все вышесказанное, мы, съ довольно большою основательностью, можемъ утверждать, что въ литургіи, вышедшей изъ рукъ Златоуста, пѣніе псалмовъ было положено. Не удерживаетъ насъ отъ этого предположенія то обстоятельство, что, въ Барбериновомъ спискѣ Златоустовой литургіи, не полагается ни антифонныхъ молитвъ, ни эктеній. Эктеніи и молитвы могли быть присоединены къ антифонамъ послѣ

лія (¹); чтеніе было обставлено возгласами, какіе и теперь

Златоуста. О самыхъ же антифонахъ не упоминается въ означенномъ спискѣ, безъ сомнѣнія, потому, что литургійные списки даже VIII далеко не отличались полнотою въ изложеніи всего содержанія литургіи; въ нихъ, вѣроятно изъ экономіи въ пергаменѣ, не писались даже эктеніи, а только упоминались мимоходомъ; писались сполна однѣ только молитвы; списки эти были, такимъ образомъ, списками собственно однѣхъ только молитвъ священника; о всемъ остальномъ замѣчалось только мимоходомъ, по поводу молитвъ. И такъ нисколько не удивительно, что, при отсутствіи антифонныхъ молитвъ, въ Барбериновомъ спискѣ Златоустовой литургіи, не упомянуто о пѣніи антифоновъ, которые однакожъ, по всей вѣроятности, были.—На употребленіе антифоновъ въ литургіи временъ Златоуста находимъ намеки въ его бесѣдахъ. Напр. о пѣніи пасхальныхъ антифоновъ (сей день, его же сотвори Господь) Златоустъ говоритъ въ бесѣдѣ на пс. 41 т. V. „Возгласимъ, обращался онъ къ своимъ слушателямъ въ другой бесѣдѣ, какъ нынѣ подпѣвали мы: хвали душе моя Господа (Hom. in Psalm. 117 T. V p. 317)". „Отцы установили, чтобы народъ подпѣвалъ (изъ псалма) стихъ сильный, заключающій въ себѣ высокое ученіе (Homil. in Psalm. 41. T. V p. 527.)". Пѣли вѣроятно два или три псалма, отчего и у насъ теперь существуютъ три антифона. „Если поопоете, обличалъ Златоустъ своихъ слушателей *двумъ или тремъ псалмамъ* и совершите, какъ случится, обыкновенныя молитвы, то и думаете, что этого довольно для вашего спасенія (Бес. 11 на Мѳ. т. VII стр. 158).—Что касается эктеній послѣ каждаго антифона и неразрывно связанныхъ съ ними молитвъ, то, судя по тому, что ихъ нѣтъ въ Барбериновомъ спискѣ Златоустовой литургіи, нужно полагать, что антифонныхъ эктеній и молитвъ въ литургіи, вышедшей изъ рукъ Златоуста, не полагалось. Не было ли ихъ въ литургіи Василіевой и не исключены ли онѣ Златоустомъ въ видахъ сокращенія литургіи, а потомъ не введены ли онѣ въ литургію Златоуста изъ литургіи Василіевой (такъ какъ молитвы и эктеніи нынѣшнихъ литургій Василія Великаго и Златоуста однѣ и тѣ же) въ послѣдствіи, когда всѣ молитвы стали читаться тайно, или онѣ суть произведенія позднѣйшаго времени, отвѣтить на эти вопросы нѣтъ возможности по недостатку историческихъ данныхъ.

(¹) Правда, Златоустъ, не только въ антіохійскихъ, но и въ константинопольскихъ своихъ бесѣдахъ, часто упоминаетъ о чтеніи св. писанія ветхаго завѣта (Бес. 10 т. 12, стр. 389 — 390. Бес. 29 на Дѣян. т. 9. стр. 229. Бес. на посл. къ Евр. т. 12 стр. 91 (129), всѣ константинопольскія); но эти бесѣды могли быть произнесены прежде произведеннаго имъ сокращенія литургіи. По общему мнѣнію, труды Златоуста по части литургіи принадлежатъ къ концу его дѣятельности въ Константинополѣ, ко времени около 407 года. Златоустъ часто жаловался на невниманіе своихъ слушателей къ многочисленнымъ въ то время чтеніямъ св. писанія: изъ псалмовъ, пророковъ, апостола и евангелія. Неудиви-

употребляются [1]; Евангеліе выносили изъ сосудохранительницы въ среднюю часть храма для чтенія изъ него; но это еще не было нарочитымъ обрядомъ, а дѣломъ одной необходимости, и потому можно сказать, что нашего малаго входа при Златоустѣ еще не было [2].

тельно, что онъ могъ придти къ мысли сократить и въ этой части литургію, замѣнивъ ветхозавѣтныя чтенія пѣніемъ псалмовъ. А что дѣйствительно многочисленными чтеніями скучали, это видно изъ слѣд. мѣста его бесѣды на Дѣян. (т. 9. стр. 159. 160): „діаконъ возглашаетъ: вонмемъ. Это общій голосъ церкви и—никто не внимаетъ... за нимъ чтецъ начинаетъ: пророчество Ісаіино, и тогда никто не внимаетъ... Потомъ въ слухъ возглашаетъ: сія глаголетъ Господь,—и никто не внимаетъ".

(1) Что касается восклицаній: „вонмемъ, св. Апостола (того или другаго) или Евангелиста... чтеніе", то это видно изъ приведеннаго въ предъидущемъ примѣчаніи мѣста бесѣды на Дѣян., гдѣ обличаетъ Златоустъ своихъ слушателей въ невнимательности къ чтеніямъ св. Писанія. Его слова, правда, относятся къ втехозав. чтеніямъ, но безъ сомнѣнія тѣже восклицанія предшествовали и новозавѣтнымъ. Предстоятель, предъ чтеніемъ Апостола и Евангелія, преподавалъ миръ, см. бес. на посл. къ Колос. т. II, p. 348 (401), бес. о постящ. въ Пасху т. I, p. 614 (749), бес. на посл. къ Коринѳ. т. X, p. 326. Передъ чтеніемъ и послѣ чтенія Евангелія возглашалъ народъ: слава тебѣ Господи, см. бес. 52 о ристал. т. VI p. 591. Была ли при Златоустѣ наша молитва предъ Евангеліемъ (возсіяй въ сердцахъ нашихъ и пр.), трудно рѣшить навѣрное. Всего вѣроятнѣе, что ея не было. Ея нѣтъ въ Барбериновомъ спискѣ не только Златоустовой литургіи, но и Василіевой, хотя она несомнѣнно принадлежитъ Василія В.; она—одна изъ его утреннихъ молитвъ, откуда она можетъ быть и перенесена въ литургію въ позднѣйшее время.

(2) Нужно, впрочемъ, полагать, что перенесеніе это не лишено было въ Златоустово время нѣкоторой торжественности, хотя торжественность эта и не восшла еще на степень таинственнаго обряда, какъ въ послѣдствіи. Изъ Іеронима видно, что въ его время во всѣхъ восточныхъ церквахъ предъ Евангеліемъ предносилась зажженная свѣча, *въ знакъ духовной радости*, (contr. Vigilant. c. 8 p. 408); но замѣчательно, что только въ знакъ духовной радости, а не въ смыслѣ изображенія Іоанна Предтечи, какъ въ послѣдствіи. Существующая теперь въ нашей Злат. литур. молитва входа, отнесена въ Барб. спис. къ Васил. литургіи. Въ Златоустовой литургіи по Барберинову списку полагается другая. Не есть ли эта послѣдняя подлинная молитва Златоуста, но съ др. стор. почему она замѣнена въ послѣдствіи молитвою Василія В.,—на эти вопросы отвѣтить очень трудно. Вѣроятнѣе всего, что та и другая суть произведенія позднѣйшаго времени. Въ пользу этого предположенія говорятъ

За чтеніемъ Евангелія слѣдовало поученіе. За поученіемъ—эктенія объ оглашенныхъ съ молитвою надъ преклонившими головы; молитвы объ оглашенныхъ, понимаемыя въ обширномъ смыслѣ (въ смыслѣ молитвъ не только за оглашенныхъ, но и кающихся и бѣсноватыхъ и готовящихся къ крещенію) значительно сокращены Златоустомъ (¹). Молитвы вѣрныхъ оставались при Златоустѣ въ прежнемъ видѣ, т. е. составляли одно нераздѣльное цѣлое. По прежнему также послѣ молитвъ за вѣрныхъ совершалась проскомидія, составляя съ нашимъ великимъ входомъ одно нераздѣльное цѣлое. Во времена Златоуста священнослужители также, какъ и прежде, не приготовляли сами хлѣба и вина для Евхаристіи, а брали приношенія для этого у присутствующихъ при богослуженіи и притомъ однихъ только вѣр-

неустойчивость этихъ молитвъ, замѣненіе одной молитвы другою. Въ коптскомъ чинѣ такъ называемой Василіевой литургіи входъ полагается (см. Бунзена ч. II, стр. 540); въ Барбериновомъ спискѣ одна молитва прямо надписывается: εὐχὴ τῆς εἰσόδου. О молитвѣ трисвятаго нечего и говорить. Ея не могло быть уже потому, что самое пѣніе трисвятаго введено, какъ увидимъ, позднѣе Златоуста.

(¹) Молитвы за бѣсноватыхъ отмѣнены вѣроятно потому, что заклинаніе съ IV в. поручено было особымъ лицамъ, такъ что вслѣдствіе этого явилась особая степень въ клирѣ, на которую требовалось особое посвященіе (Антіох. соб. 10 пр. IV Карѳ. соб. 7 прав.). Молитвы же за кающихся уничтожены потому, что при предшественникѣ Златоуста патр. Нектаріи публичное покаяніе замѣнено было исповѣдью передъ священникомъ. Молитвы за готовящихся ко просвѣщенію отнесены къ преждеосвященной литургіи можетъ быть еще Василіемъ В. Никита Стиѳатъ и I. Клавдіопольскій, говоря о преждеосвященной литургіи, замѣчаютъ, что „послѣ чтенія пророковъ мы совершаемъ молитвы, установленныя Василіемъ В.“ (Allat. de M. Praes. p. 1583). Перенесеніе этихъ молитвъ въ литургію преждеосвященныхъ Василіемъ В. можетъ быть подало поводъ къ этимъ словамъ. Въ Барбериновомъ спискѣ Златоустовой литургіи молитва за оглашенныхъ надписывается именемъ Златоуста (εὐχὴ κατηχουμένων πρὸ τῆς ἁγίας ἀναφορᾶς τοῦ χρυσοστόμου),—ясный знакъ, что перемѣны въ этомъ мѣстѣ литургіи произведены Златоустомъ. Наши двѣ молитвы вѣрныхъ несомнѣнно принадлежатъ Златоусту. Только нужно полагать, что онѣ при Златоустѣ составляли одну молитву.

ныхъ, почему и ожидали выхода оглашенныхъ, кающихся и пр. (1). Діаконы, принявъ приношенія въ средней части храма отъ вѣрныхъ, должны были нести ихъ сначала въ предложеніе (на жертвенникъ), а потомъ, отобравши потребное для таинства, въ алтарь. По принесеніи діаконами даровъ въ алтарь слѣдовала эктенія о предложенныхъ честныхъ дарѣхъ (2), молитва священника (3), преподаніе мира (4), лобзаніе (5), напомина-

(1) Что именно въ это время была проскомидія, объ этомъ говоритъ фактъ изъ жизни Василія В. Имп. Валентъ аріанинъ рѣшился разъ присутствовать при совершеніи литургіи Василіемъ Великимъ. По разсказу Григорія Богослова, императоръ вошелъ въ храмъ, когда литургія уже началась, когда стройное *пѣніе псалмовъ* подобно волнамъ грома раздавалось въ храмѣ, и впереди всѣхъ стоялъ Василій. „*Когда же надобно было* царю принести дары къ божественной трапезѣ и по обычаю никто ихъ не касался (неизвѣстно, приметъ ли ихъ Василій), тогда обнаружилась его немощь“. Замѣчательно, что досelѣ въ нашемъ служебникѣ молитва эктеніи послѣ великаго входа надписывается такъ: „молитва *проскомидіи* по постановленіи даровъ на св. трапезѣ“. Нечего и говорить о томъ, что Херувимской пѣсни во времена Златоуста не было.

(2) Объ этой эктеніи Златоустъ упоминаетъ въ бес. (Конст.) 3 на посл. Кол. т. II, стр. 347. „Посему молимся и говоримъ, испрашивая ангела мира и вездѣ просимъ мира“. Бес. (Ант.) о постящихся въ пасху т. I, стр. 614 (749). „И діаконъ, когда повелѣваетъ молиться съ другими, повелѣваетъ, чтобы просили мы Ангела мира и о предложенныхъ мирныхъ дарахъ и отпуская изъ сего собранія, тоже испрашиваетъ для васъ: съ миромъ изыдите“.

(3) „Молитва проскомидіи по постановленіи божеств. даровъ“ несомнѣнно принадлежитъ Златоусту. Она есть и въ Барбериновомъ спискѣ и притомъ отличная отъ Василіевой. Существованіе ея въ Барбериновомъ спискѣ, гдѣ уже полагается въ самомъ началѣ литургіи (въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ проскомидія) *εὐχὴ ἣν ποιεῖ ὁ ἱερεὺς ἐν τῷ σκευοφυλακίῳ ἀποτιθεμένου τοῦ ἄρτου ἐν τῷ δίσκῳ*,—весьма замѣчательно.

(4) Конст. бес. на посл. Кол. т. II, стр. 348 (401). „Когда входитъ въ церковь предстоятель, то говоритъ миръ всѣмъ; когда говоритъ слово и проповѣдуетъ, миръ всѣмъ; когда благословляетъ, миръ всѣмъ; *когда повелѣваетъ лобызаться, миръ всѣмъ*; когда совершится жертва, миръ всѣмъ; и опять въ срединѣ—благодать вамъ и миръ... Ты говоришь: и духови твоему, а за порогомъ поносишь его“.

(5) См. предъидущее прим. Златоустъ говоритъ о священникѣ: „когда *повелѣваетъ лобызаться*, миръ всѣмъ“... См. еще бес. 78 на Іоан.

ніе о заключенія дверей (1) и возглашеніе діакона: станемъ добрѣ (2). Возношеніе даровъ начиналось благословеніемъ народа и возгласомъ священника: благодать вамъ и миръ (3), затѣмъ: горѣ имѣимъ сердца (4),

т. VIII, стр. 464 (531). Повелѣніе лобзаться тоже, что возглашеніе: возлюбимъ другъ друга. См. еще Лаодик. соб. прав. 19.

(1) Восклицаніе, подобное нашему: двери, двери, премудростію вонмемъ,— вѣроятно было и во времена Златоуста. Это видно изъ сопоставленія барберинова списка съ слѣдующимъ мѣстомъ одной изъ бесѣдъ Златоуста, именно бес. на посл. къ Ефес. т. II, стр. 23 (27): „когда слышишь *помолимся* всѣ вмѣстѣ, когда видишь, что поднимаются обѣ половины завѣсы, то представляй себѣ тогда, что разверзаются небеса и свыше нисходятъ Ангелы". См. еще бес. на Мѳ. т. VII, стр. 288. Здѣсь говорится о приглашеніи къ молитвѣ и объ отверзеніи завѣсы, а въ Барбериновомъ спискѣ мы встрѣчаемъ восклицаніе: τὰς θύρας, τὰς θύρας. Πρόσχωμεν. Вѣроятно при Златоустѣ вмѣстѣ съ приглашеніемъ къ молитвѣ, съ возгласомъ: вонмемъ (πρόσχωμεν) произносились и другія какія нибудь слова въ родѣ нашихъ: двери, двери. Теперь у насъ, *премудростію* вонмемъ. Нечего и говорить о томъ, что чтенія или пѣнія символа во времена Златоуста не было.

(2) Въ (Ант.) бес. 4 о непостиж. т. I, стр. 478—479 (585—586). Златоустъ объясняетъ возгласъ діакона: ὀρθῶς στῶμεν καλῶς. Надобно думать, что и въ константинопольской литургіи этотъ возгласъ имѣлъ такую форму, если принять въ соображеніе, что въ Барбериновомъ спискѣ Златоустовой литургіи возгласъ этотъ такъ же кратокъ, какъ и въ вышепоименнованной бесѣдѣ, даже нѣсколько короче, именно: στῶμεν καλῶς (безъ прибавленія ὀρθῶς). Что касается отвѣтнаго возгласа: милость мира и пр., то свидѣтельствъ на это у Златоуста не находимъ. Въ Барбериновомъ спискѣ этотъ возгласъ опять короче нашего; тамъ только два слова ἔλεος· εἰρήνη безъ прибавленія жертву хваленія.

(3) Свидѣтельство объ этомъ мы уже приводили. Оно заключается въ томъ мѣстѣ бесѣды св. Златоуста (Конст.) на посл. Кол., гдѣ перечисляются случаи, когда священникъ преподаетъ присутствующимъ миръ. Еще свидѣтельство. Въ бес. (Антіох.) о пятдесятн. т. II, стр. 463 (418). Златоустъ говоритъ: „когда Епископъ приступаетъ къ приношенію страшной жертвы (посвященные знаютъ, о чемъ я говорю), то не прежде приступаетъ къ предложеннымъ дарамъ, какъ напередъ испроситъ вамъ благодать отъ Господа и вы воскликнете ему: и со духомъ твоимъ." Въ тѣхъ ли самыхъ выраженіяхъ состоялъ этотъ возгласъ, какъ у насъ, или былъ короче, заключаясь въ двухъ словахъ: благодать вамъ и миръ, трудно рѣшить. Въ Барбериновомъ спискѣ онъ уже читается какъ у насъ теперь отъ слова до слова.

(4) Бес. о покаян. т. II, стр. 319 (412). Здѣсь говорится: „не далъ

благодаримъ Господа, достойно и праведно есть ([1]), слова серафимской пѣсни: святъ, святъ ([2]), слова установленія ([3]) и вся эта благодарственная молитва, прерываемая вышеозначенными возгласами, читалась въ слухъ, оканчиваясь возгласомъ: твоя отъ твоихъ, тебѣ приносяще... и пѣснію народа: тебѣ поемъ ([4]). Далѣе молит-

ли ты обѣщаніе священнику, сказавшему: горѣ имѣемъ сердца,—не сказалъ ли ты: имѣемъ ко Господу". Еще бес. 22 на посл. къ Евр. т. XII стр. 207—208 (296).

([1]) Бес. (Антіох). 18 на 2 Кор. т. X, стр. 565 „Та *молитва*, въ которой совершаются *благодаренія* Богу, есть общая. Не онъ одинъ (свящ.) совершаетъ благодареніе, а весь народъ: ибо когда онъ первый между ними возвысилъ голосъ и они изъявили согласіе словами: *достойно и праведно* совершается сіе, тогда начинаетъ онъ *благодаренія*." Еще бес. 25 на Мѳ. т. VII, стр. 311 (352). Въ Барбер. спискѣ на возгласъ священника: благодаримъ Господа, народъ отвѣчалъ короче тѣмъ теперь: ἄξιον καὶ δίκαιον, безъ прибавленія: покланятися Отцу и Сыну и пр.

([2]) Златоустъ во многихъ мѣстахъ своихъ бесѣдъ говоритъ объ этой пѣсни. Бес. (Конст.) 21 на Дѣян. т. IX, стр, 176. Бес. (Ант.) о Сераѳ. т. VI, стр. 146. 37. Бес. 18 на 2 Кор. т. X, стр. 568. Бес. на день всѣхъ муч. т. II, стр. 715 (852). Бес. (Ант.) 4 о непостиж. т. I, стр. 478. Бес. на посл. къ Еѳес. у Бингама. Приведемъ хоть одно изъ этихъ мѣстъ; напр. изъ бес. о Сераѳ.: „когда великій Архіерей приступаетъ къ сей свят. трапезѣ съ тѣмъ, чтобы вознесть умное служеніе, жертву безкровную, то не просто приглашаетъ насъ къ сему славному хваленію, но прежде упоминаетъ о херувимахъ и серафимахъ и *тѣмъ самымъ заставляетъ повторить страшный гласъ*". Въ Барбер. спискѣ Злат. литургіи возгласъ священника короче нашего; тамъ нѣтъ словъ: вопіюще, взывающе и глаголюще (тамъ сказано только Εκφ. ἐπινίκιον ὕμνον ᾄδοντα); самая же пѣснь опущена, вѣроятно какъ извѣстная. Между тѣмъ какъ въ томъ же Барб. спискѣ Василіевой литургіи и возгласъ священника и самая пѣснь написаны сполна и именно такъ, какъ у насъ теперь, отъ слова до слова. Что касается возгласа, древность въ этомъ случаѣ, кажется, на сторонѣ списка Златоустовой литургіи, а не на сторонѣ списка Василіевой. Почему мы такъ думаемъ смотр. въ слѣд. періодѣ примѣч. на слова: поюще вопіюще и пр., примѣчаніе, сдѣланное нами между прочимъ по поводу таинственнаго объясненія Германомъ этихъ словъ.

([3]) О словахъ установленія нечего и говорить. Онѣ существуютъ во всѣхъ Христ. литургіяхъ, будучи тѣсно связаны съ благодарственною молитвою.

([4]) Такое заключеніе благодарственной молитвы составляетъ особен-

ва о ниспослании св. Духа на дары (1). **Молитвы за умершихъ и живыхъ** (2), **заключавшіяся возгласомъ: и**

ность литургій Василія В. и Златоуста; его нѣтъ въ другихъ литургіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно не есть позднѣйшая прибавка, а есть произведеніе этихъ великихъ учителей церкви и устроителей церковнаго богослуженія. Заключеніе это находится и въ Барбериновомъ спискѣ обѣихъ литургій. Возгласъ священника одинаковъ въ обѣихъ литургіяхъ и вполнѣ сходенъ съ нашимъ; пѣснь же народа въ спискѣ Василіевой лит. означена такъ; „σὲ ὑμνοῦμεν, σὲ εὐλογοῦμεν, σοὶ εὐχαριστοῦμεν, κύριε (безъ прибавленія: и молимтися Боже нашъ), а въ Злат. лит. кратко: σὲ ὑμνοῦμεν и болѣе ничего, можетъ быть впрочемъ для краткости.— Содержаніе всей благодарственной молитвы Златоустъ изображаетъ такъ: „при чашѣ исчисляемъ неизрѣченныя благодѣянія Божія, все, что получили и так. обр. приносимъ ее;... благодаримъ за то, что освободилъ онъ родъ человѣческій отъ заблужденія. Бес. о предател. Іудин. т. II, стр. 394. Въ Барб. спискѣ Злат. лит. читается она также, какъ и у насъ теперь.

(1) „Священникъ стоитъ предъ св. трапезою и съ воздѣтыми къ небу руками призываетъ св. Духа, да сшидетъ и коснется даровъ; глубокое *молчаніе*, глубокій покой" (очевидно, что эта молитва читалась тайно, почему и въ Барбер. спискѣ замѣчено: ὁ ἱερεὺς μυστικῶς λέγει). Бес. (Ант.) о наименов. владб. т. II, стр. 401. (Конст.) бес. т. XII, стр. 326. „И просимъ и молимъ и съ умиленіемъ припадаемъ". (Ант.) кн. 6 о священствѣ т. I, стр. 424 (519). — Молитва эта читалась, конечно, безъ всякихъ вставокъ, *нарушающихъ связь рѣчи*. Вотъ напр. какъ читалась она по Барбер. списку: „еще приносимъ ти словесную сію и безкровную службу и молимъ и милися дѣемъ (ἱκετεύομεν), низпосли Духа твоего святаго на ны и на предлежащія дары сія (и воставъ знаменуетъ говоря тайно—καὶ ἀναστὰς σφραγίζει λέγων μυστικῶς) и сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа твоего, преложивъ Духомъ твоимъ святымъ, аминь, а еже въ чаши сей честную кровь Христа твоего, преложивъ Духомъ твоимъ святымъ. (Ὁ ἱερεὺς μυστικῶς) Яко же быти причащающимся во трезвѣніе души, во оставленіе грѣховъ, въ пріобщеніе св. твоего Духа, во исполненіе царствія небеснаго, въ дерзновеніе, еже къ тебѣ, не въ судъ или во осужденіе". Такъ же конечно она читалась и при Златоустѣ безъ нынѣшнихъ вставокъ среди ея: „Господи, иже пресвятаго твоего Духа,..; сердце чисто...; не отверзи мене отъ лица твоего...; благослови Владыко св. хлѣбъ...; благослови Владыко св. чашу...; благослови Владыко обоя; помяни мя Владыко святый; помянетъ тя Господь Богъ..." Позднѣйшее происхожденіе нынѣшнихъ вставокъ достаточно видно изъ связи рѣчи, нарушенной этими вставками, не говоря уже объ авторитетѣ Барберинова списка.

(2) О существованіи въ литургіи временъ Златоуста молитвъ за умер-

да будутъ милости великаго Бога. Эктенія о принесенныхъ и освященныхъ дарахъ (1) и молитва, соединенная съ этою эктеніею (2). Отче нашъ съ возгла-

шихъ и живыхъ находимъ очень много свидѣтельствъ. Не приводимъ цитатовъ; у преосв. Филарета Чер. въ его пѣснопѣвц. многіе изъ нихъ указаны см. стр. 119 — 120. Вмѣсто безполезныхъ усилій доказывать несомнѣнную, нетребующую доказательствъ истину, постараемся лучше рѣшить вопросъ, въ какомъ именно видѣ существовали при Златоустѣ эти молитвы. Обратимся къ Барбер. списку. Тамъ онѣ начинаются такъ, какъ и у насъ. „Еще приносимъ ти словесную сію службу о иже въ вѣрѣ почившихъ отцѣхъ (праотцѣхъ нѣтъ), ὑπὲρ... πατριαρχῶν, προφητῶν, ἀποστόλων, κηρύκων, εὐαγγελιστῶν, μαρτύρων, ὁμολογητῶν, ἐγκρατευτῶν καὶ παντὸς δικαίου (безъ прибавленія πνεύματος—у Василія это прибавленіе есть, равно какъ и выше у Василія вмѣсто отцевъ упоминаются праотцы) ἐν πίστει τετελειωμένου. Ἐκφων. Ἐξαιρέτως (подраз. ὑπὲρ) τῆς παναγίας ἀχράντου ὑπερενδόξου εὐλογημένης δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας. (пѣсни: достойно есть, конечно не было, далѣе мы увидимъ когда она явилась; затѣмъ въ зависимости отъ того же предлога ὑπὲρ продолжается...) τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Προδρόμου и т. д. совершенно какъ у насъ до поминовенія царствующаго Дома и Синода; вмѣсто этого поминовенія говорится только: ὑπὲρ τῶν ἐν ὄρεσιν καὶ σπηλαίοις καὶ ταῖς ὀπαῖς τῆς γῆς· ὑπὲρ τῶν πιστοτάτων βασιλέων, τῆς φιλοχρίστου βασιλίσσης, затѣмъ какъ у насъ: о всей палатѣ и воинствѣ ихъ. Даждь имъ Господи мирное царство... во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Возгласа: и всѣхъ и вся, нѣтъ; а прямо слѣдуетъ: помяни Господи градъ сей и т. д. какъ у насъ; возгласъ: и даждь намъ единѣми усты, — въ Златоустовой литургіи не отдѣляется отъ молитвы, а читается подрядъ съ молитвою; въ Василіевой же отдѣляется. Другой возгласъ: и да будутъ милости,—есть въ обоихъ спискахъ, только въ Златоустовомъ безъ прибавленія почему-то словъ: μετὰ πάντων ἡμῶν. καὶ μετὰ τοῦ πνεύματός σου, а въ Василіевой съ прибавленіемъ этихъ словъ. Странно, что по Барбер. списку не полагается здѣсь благословенія народу, между тѣмъ какъ самъ Златоустъ говорилъ въ извѣстномъ мѣстѣ бес. (Конст.) на посл. къ Колос. т. II, стр. 348 (401), что „когда совершится жертва (свящ. говоритъ), миръ всѣмъ. Можетъ быть впрочемъ онъ разумѣлъ здѣсь преподаніе мира послѣ: Отче нашъ.

(1) Эта эктенія должна была быть и при Златоустѣ, судя потому, что она есть и въ литургіи Ап. постановленій (только пространнѣе чѣмъ у насъ теперь), и въ Барбериновомъ спискѣ обѣихъ литургій. Въ Василіевой литургіи замѣчено: καὶ τοῦ διακόνου ποιοῦντος τὴν μνήμην εὐχὴν ἐπεύχεται ὁ ἱερεύς. А въ Златоустовой литургіи эктенія означена первыми ея словами: ὁ διάκων. Πάντων τῶν ἁγίων μνημονεύοντες. Златоустъ вѣроятно только сократилъ давно бывшую въ употребленіи эктенію.

(2) Если была эктенія, то была и молитва. Возгласъ: и сподоби насъ

сомъ (¹) и съ молитвою надъ преклонившими голову (²), святая святымъ, единъ святъ (³). Раздробленіе агнца и причащеніе (⁴), послѣ пріобщенія пѣли 144 псал. (⁵). *Вѣроятно* діаконъ призывалъ вѣрующихъ къ благодарственной молитвѣ, а священникъ читалъ эту молитву (⁶).

неосужденно, — составляетъ заключеніе этой молитвы. Такъ какъ она читалась въ слухъ, то въ Варбер. спискѣ возгласъ этотъ и не отдѣленъ отъ молитвы.

(¹) Бес. 10 на посл. къ Колос т. II, стр. 399. Бес. на Евтроп. т. III, стр. 385. О возгласѣ: яко твое есть царство см. Бес. 20 на Мѳ. т. VII, стр. 254.

(²) Теперь у насъ двѣ молитвы: „благодаримъ тя"... и „вонми Господи Іисусе Христе;" послѣ первой возгласъ: „благодатію и щедротами." Въ Ап. постан. есть одна молитва, по содержанію сходная съ нашими двумя. Обѣ этѣ молитвы очень естественны. Онѣ составляютъ и для вѣрующихъ и для самаго священника необходимое приготовленіе къ пріобщенію, первая для вѣрующихъ, вторая для священниковъ. Принимая во вниманіе ихъ естественность, существованіе подобной молитвы въ Ап. постановл. и двухъ совершенно такихъ же какъ у насъ молитвъ въ Барб. спискѣ (только безъ возгласа послѣ первой: „благодатію и щедротами"..., котораго вовсе нѣтъ въ означен. спискѣ), мы должны отнесть существующія теперь двѣ молитвы ко временамъ Златоуста.

(³) Въ Барбериновомъ спискѣ стоитъ: πρόσχωμεν (въ Злат.), и τὸν διάκον πρόσχωμεν (въ Василіев.). О возгласѣ: святая святымъ,—нечего и говорить; онъ общъ всѣмъ литургіямъ не только восточнымъ, но и западнымъ. См. Бес. 17 на посл. къ Евр., стр. 290. Пѣніе „единъ святъ" полагается въ Ап. Постановл. и у Кир. Іерус.; въ Барб. спискѣ также означено.

(⁴) Въ Златоустово время, раздробленіе агнца и пріобщеніе не было такъ обставлено, конечно, разными подробными наставленіями, молитвами, тайно произносимыми возгласами и даже пѣснями, какъ „воскресеніе Христово видѣвше". Въ Барбериновомъ спискѣ единственное, что мы находимъ,—это замѣчаніе, что при вложеніи частицъ тѣла Христова въ потиръ священникъ говоритъ: во исполненіе Св. Духа — εἰς πλήρωμα πνεύματος ἁγίου.

(⁵) Бес. на псал. 144, т. V, стр. 466—467. Бес. о крещ. т. II, стр. 375 (442).

(⁶) Никакихъ указаній у Златоуста на это нѣтъ. Въ Барбериновомъ спискѣ есть, правда, намекъ на эктенію: „прости пріимше". Тамъ замѣчено въ слѣдъ за опусканіемъ частицъ въ потиръ: καὶ μετὰ τὸ πάντας μεταλαβεῖν λέγοντος τοῦ διακόνου τὴν εὐχὴν ἐπεύχεται ὁ ἱερεὺς μυστικῶς. За тѣмъ сейчасъ же слѣдуетъ молитва, какую теперь читаетъ священ-

Литургія оканчивалась словами діакона: съ миромъ изыдемъ ([1]) и вѣроятно заамвоною молитвою священника при выходѣ изъ храма.

III.

Съ VI в. литургія обогащается многими священнодѣйствіями и пѣснопѣніями и нѣсколько измѣняется въ своемъ характерѣ.

никъ послѣ того какъ самъ пріобщится (благодаримъ Ти, Владыко человѣколюбче). Если предположить, что это благодарственая молитва по пріобщеніи, предназначавшаяся для всѣхъ вѣрующихъ, то странно, почему эту молитву предназначалось читать тайно. Въ Василіевой литургіи прибавленіе μυςικῶς впрочемъ нѣтъ Въ апостольскихъ постановленіяхъ есть двѣ молитвы, очень сходныя съ нашею эктеніею и заамвонною молитвою. Вообще вопросъ о составѣ конца литургіи златоустова времени—весьма труденъ для рѣшенія по недостатку историческихъ данныхъ. Несомнѣнно только то, что конецъ ея (послѣ пріобщенія вѣрующихъ) въ описываемое время былъ несравненно короче, чѣмъ теперь. Объ этомъ можно судить по Барберинову списку. Вотъ изъ чего состоитъ конецъ литургій Василіевой и Златоустовой по этому списку. Послѣ вышеупомянутаго намека на эктенію „прости пріимше“, заключающагося въ словахъ: καὶ μετὰ τὸ πάντας μεταλαβεῖν λέγοντος τοῦ διακόνυ τὴν εὐχὴν ἐπεύχεται ὁ ἱερεὺς μυςικῶς. слѣдуетъ молитва: благодаримъ ти (Господи Боже нашъ—въ Василіевой; Владыко человѣколюбче въ Златоустовой), заключеніе этой молитвы составляетъ возгласъ: яко ты еси освященіе наше, тотъ самый возгласъ, который и у насъ теперь слѣдуетъ послѣ эктеніи: прости пріимше. Только у насъ теперь нѣтъ при этомъ молитвы или лучше сказать молитва, читавшаяся въ этомъ мѣстѣ, отнесена у насъ въ другое мѣсто, читается священникомъ тайно послѣ его собственнаго пріобщенія. Затѣмъ народъ (въ Василіев. литургіи) восклицаетъ ἐν ὀνόματι κυρίυ—о имени Господнемъ (въ Златоустовой это восклицаніе опущено). Далѣе *діаконъ* (а не священникъ) ἐν εἰρήνῃ προέλθωμεν (въ обѣихъ литургіяхъ). Наконецъ въ одной только Василіевой литургіи помѣщена молитва заамвоная и еще молитва предложенія или жертвенника (εὐχὴ οπιςάμβωνος и εὐχὴ τοῦ σκευοφυλακίου); первая таже заамвонная молитва, что и у насъ, съ нѣсколькими незначительными измѣненіями, послѣдняя есть наша молитва „внегда потребити святая“, печатающаяся въ концѣ нашей Василіевой литургіи.—Итакъ въ концѣ литургіи, нужно полагать, была эктенія и двѣ молитвы,—одна связанная съ эктеніею а другая молитва отпуста или наша заамвонная, въ которой священникъ молился, чтобы Богъ благословилъ народъ, достояніе свое,

([1]) Бес. о постящ. въ Пасху т. I, стр. 614 (749).

Съ VI в. развитіе литургіи идетъ рука объ руку съ общимъ направленіемъ христіанской мысли. До сихъ поръ христіанская мысль всецѣло была сосредоточена на мірѣ сверхчувственномъ, на высокихъ догматахъ Тріѵпостаснаго Божества и Личности Богочеловѣка. Въ Лицѣ Богочеловѣка она нашла и выяснила себѣ идеалъ отношеній между міромъ сверхчувственнымъ и чувственнымъ, божественнымъ и человѣческимъ; но этотъ идеалъ не вдругъ могъ всесторонне выразиться въ жизни церковной. Съ VI в. Церковь старается провесть глубоко сознанную ею идею въ жизнь богослужебную, обрядовую. Это была та пора, когда необыкновенно живо чувствовалась потребность внѣшняго выраженія духовной связи между Христомъ и церковію, благодатію и ея образами, и когда возникла стройная система воплощенія невидимаго въ видимомъ и облеченія видимымъ невидимаго. Самымъ лучшимъ систематическимъ христіанскимъ мыслителемъ этого періода былъ преп. Максимъ исповѣдникъ. „Весь мысленный міръ, по его словамъ, таинственно въ символическихъ образахъ представляется изображеннымъ въ мірѣ чувственномъ для тѣхъ, которые имѣютъ глаза, чтобы видѣть и весь міръ чувственный, если любознательнымъ умомъ разбирать его въ самыхъ началахъ, заключается въ мірѣ мысленномъ: этотъ въ томъ—своими началами, а тотъ въ этомъ—своими образами" (1). Вотъ въ короткѣ все его міровоззрѣніе. Это міровоззрѣніе есть система гармоніи двухъ міровъ. „Міръ мысленный, говоритъ Максимъ исповѣдникъ, находится въ чувственномъ, какъ душа въ тѣлѣ, а міръ чувственный соединенъ съ мысленнымъ, какъ тѣло со-

(1) Пис. отц. и учит. церкв., относительно прав. богослуж. въ русск. пер. т. I, стр. 305—306.

единено съ душею. Оба міра составляютъ одинъ міръ подобно тому, какъ изъ души и тѣла составляется одинъ человѣкъ. Ни одинъ изъ этихъ міровъ, соединенныхъ между собою, не отрицаетъ и не отвергаетъ другаго, по закону Творца, ихъ соединившаго, Творца, который положилъ въ нихъ начало единотворной силы. Это начало не позволяетъ не примѣчать между этими мірами при соотвѣтственномъ ихъ различіи ихъ тождества въ основаніи по силѣ взаимнаго ихъ соединенія между собою...“ (1). Этотъ взглядъ отражался у преп. Максима и въ его воззрѣніи на церковь: „св. церковь, писалъ онъ, есть образъ и подобіе міра въ цѣломъ его составѣ, міра, состоящаго изъ существъ видимыхъ и невидимыхъ“ (2). По силѣ этого-то воззрѣнія обратили особенное вниманіе на церковнобогослужебную внѣшность и старались какъ можно болѣе проводить въ нее догматическія понятія и представленія. Литургія представляла особенно много къ тому случаевъ. Каждой существовавшей уже вещи и обряду стали придавать особенный таинственно-догматическій смыслъ и значеніе и наоборотъ для каждой догматической истины считали нужнымъ ввести въ литургію соотвѣтствующій ей обрядъ, символъ. Кромѣ этого стремленія выразить въ литургіи догматическое ученіе посредствомъ символовъ, обрядовъ, священнодѣйствій, ревнители благочестія старались провесть въ литургію догматическія истины непосредственно чрезъ священныя пѣснопѣнія, которыми начали обогащать литургію, каковы наприм., Единородный Сыне, Достойно есть и пр. Такимъ образомъ, литургія мало по малу становилась проводни-

(1) Тамъ же, стр. 320.
(2) Тамъ же, стр. 304.

комъ церковно-догматическихъ истинъ посредствомъ символовъ и церковныхъ пѣснопѣній.

Въ VII в., во времена преп. Максима и Софронія іерусалимскаго литургія сдѣлала уже значительные успѣхи въ показанномъ направленіи. И прежде всего явилась проскомидія въ нашемъ смыслѣ и на настоящемъ мѣстѣ. Когда классъ оглашенныхъ самъ собою уменьшился и строгая disciplina arcani ослабѣла ([1]), не стало болѣе нужды совершать проскомидію послѣ первой части литургіи, послѣ чтенія Евангелія. Оттого въ это время хлѣбъ и вино приготовляются въ предложеніи (πρόθεσις) на жертвенникѣ—*до начала литургіи*. И что̀ всего важнѣе, она имѣетъ тотъ же характеръ и значеніе, какъ и у насъ и совершается въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ такъ же, какъ у насъ. По Софронію просфора (προσφορά) знаменуется крестнымъ знаменіемъ ([2]), тѣло Христово *изсѣкается діакономъ* или іереемъ „какъ бы изъ нѣкоего чрева и отъ кровей и отъ плоти дѣвственнаго тѣла (Богоматери) т. е. изъ цѣлаго хлѣба... и такимъ образомъ, бывъ изъято изъ среды его, самоуместно освящается“ ([3]). „*Жрется копіемъ*, чтобы мы не забыли пречистыхъ *ребръ*, которыя, во время крестнаго страданія, прободены были копьемъ, при чемъ тотчасъ истекла, въ нетлѣніе и обновленіе всего міра, *кровь и вода, которыя приноситъ іерей въ жертву за народъ*“ ([4]). „Проскомисуя хлѣбъ и полагая его на дискосѣ, какъ на облакѣ, *мы говоримъ* такимъ образомъ, *яко овча на*

([1]) Максимъ испов. пишетъ объ оглашенныхъ: „тщательности объ устраненіи и удаленіи ихъ отъ литургіи не было“. См. прим. на 3 гл. Діон. Ареоп. Тамъ же 275—276.

([2]) Тамъ же, стр. 320.

([3]) Тамъ же, стр. 275.

([4]) Тамъ же, стр. 273—274.

закономіе водеся" (1). „*Звъздица*, подобно четыремъ животнымъ, прикрываетъ небесный уголь; устроется между прочимъ и для того, чтобы частицы не прильнули къ *покрову* (2) дискоса равно какъ и сѣтка, чтобы не упало что нибудь постороннее въ чашу (3). Читалась и *молитва* послѣ приготовленія даровъ. „Между тѣмъ, діаконъ или священникъ, приготовивъ вмѣстѣ съ тѣломъ... и кровь Господню, оставляетъ ихъ въ предложеніи послѣ того, какъ священникъ произнесетъ молитву" (4). У Германа (VIII в.) находимъ еще нѣсколько подробностей на счетъ проскомидіи, дополняющихъ сходство тогдашней проскомидіи съ нынѣшнею. Здѣсь говорится уже о томъ, что просфора, изъ которой изсѣкается тѣло Господне, „пріемлется во *образъ* Присно-дѣвы и Богородицы и, такимъ образомъ, изъемлется изъ средины въ особой ѵпостаси" (5), но еще не говорится объ особенной просфорѣ въ честь ея, говорится о трехъ покровахъ: надъ дискосомъ (покровѣ знаменующемъ плащаницу), надъ чашею (во образъ убруса на лицѣ Іисуса Христа), объ общемъ покровѣ или *воздухъ* (собственное выраженіе Германа), знаменующемъ камень при гробѣ Спасителя, о кадильницѣ, ѳиміамѣ и куреніи при проскомидіи (6), наконецъ о *молитвахъ* (какихъ-то) (7). Значеніе проскомидіи у того и дру-

---

(1) Тамъ же, стр. 274.

(2) Слѣдов. былъ уже покровъ. Видно также, что частицы были малы.

(3) Тамъ же, стр. 270.

(4) Тамъ же, стр. 276. Болѣе подробностей относительно проскомидіи не находимъ у Софронія.

(5) Тамъ же, стр. 371.

(6) „Въ слѣдъ за симъ (за покровеніемъ даровъ) кадильница указываетъ на человѣчество Христово, огонь—на его Божество, а благовонное куреніе—на предваряющее благоуханіе Св. Духа. Тамъ же, стр. 373.

(7) „По совершеніи сего діаконъ, приготовивъ, (вмѣстѣ съ хлѣбомъ)

гаго (Соѳр. и Герм.) колеблется между воспоминаніемъ воплощенія и страданія Спасителя. Оттого Софроній, наприм., говоря, что предложеніе совмѣщаетъ въ себѣ 30 лѣтъ жизни Спасителя, протекшія до крещенія, въ другихъ мѣстахъ предложеніе однакожъ называетъ лобнымъ мѣстомъ, на которомъ жрется агнецъ (1) и постланной горницей, въ которой Господь совершилъ вечерю съ учениками (2). Точно такъ же разсуждаетъ и Германъ. Не смотря на значительный шагъ впередъ, проскомидія въ это время была все-таки еще только въ зародышѣ. Во-первыхъ ее могъ по прежнему совершать, какъ мы видѣли, одинъ діаконъ (3), обстоятельство довольно важное, показывающее, что проскомидія еще не вполнѣ утратила свой древній характеръ и не вполнѣ пріобрѣла то сакраментальное значеніе, какое имѣетъ нынѣ. Во-вторыхъ, что всего важнѣе, по своему составу она еще не многосложна; не видно еще, чтобы она систематически дѣлилась, какъ у насъ теперь, на пять частей посредствомъ молитвъ, группирующихся въ нашей проскомидіи около важнѣйшихъ дѣйствій: входа, облаченія, приготовленія даровъ, покровенія, кажденія ихъ и заключенія. Проскомидія тогда представляла пока одно цѣлое не распадавшееся на нѣсколько составныхъ частей, какъ у насъ; она представляла простой актъ приготовленія даровъ, заключавшійся одною (по Софронію) или нѣсколькими (вѣроятно двумя или тремя—по Герману) молитвами священника (4).

и то, что ...имѣетъ... преложиться въ кровь Христову, оставляетъ это въ предложеніи, между тѣмъ какъ священникъ читаетъ *молитвы*. Тамъ же, стр. 372.

(1) Тамъ же, стр. 367.

(2) Тамъ же, стр. 274.

(3) Исключая великой церкви. См. Герм., стр. 372.

(4) Довольно замѣчательное обстоятельство: въ Барбериновомъ спискѣ

Нѣсколько важныхъ преобразованій произошло въ это время и въ литургіи оглашенныхъ. Именно литургія оглашенныхъ совершенно слилась съ литургіею вѣрныхъ и обставилась всѣмъ тѣмъ, чего прежде недоставало ей для полнаго сходства съ нашею первою частію литургіи. Такъ какъ въ это время при литургіи присутствовали одни лишь вѣрные, а если и было нѣсколько оглашенныхъ, то они не высылались изъ храма, какъ прежде, то не было уже нужды относить молитвы за вѣрныхъ къ концу литургіи, а всего естественнѣе было молитвами за вѣрныхъ начинать литургію. Отсюда у Софронія находимъ не только нашъ возгласъ, предначинающій литургію: „благослови Владыко и благословенно царство“, но и первую эктенію ([1]), а послѣ нея антифоны съ различными, нынѣ существующими, припѣвами ([2]). У Германа же мы находимъ не только антифоны, но и малыя эктеніи между ними (паки и паки миромъ Господу помолимся), а слѣд. были уже

есть одна только молитва проскомидіи и именно та молитва, которая у насъ читается послѣ приготовленія, покровенія и кажденія даровъ: Боже, Боже нашъ, небесный хлѣбъ и пр. Не есть ли это та самая молитва священника, о которой упоминаетъ Софроній? И нельзя ли выраженія Германа: „*молитвы*, толковать не въ смыслѣ множественности молитвъ, а какъ нибудь иначе?

([1]) Изъ молитвъ за вѣрныхъ, разбитыхъ на нѣсколько частей, образовалось нѣсколько эктеній, между прочимъ наша первая. Объ этой эктеніи см. Пис. отц. и учит. церкв. отн. прав. бог. т. I, стр. 375. Преосв. Филаретъ Черн. думаетъ, что первою эктеніею начиналась литургія *еще при Златоустѣ* (см. Обз. пѣсноп. стр. 111), но мы не раздѣляемъ его мнѣнія.

([2]) „Послѣ перваго прошенія антифоны, сначала проповѣдующіе о томъ, что благо есть исповѣдатися Господу... и потомъ велегласно возвѣщающіе: Господь воцарися“. „Въ концѣ перваго антифона присоединяются слова: молитвами Богородицы. Припѣвъ же втораго антифона составляютъ слова: молитвами святыхъ твоихъ“. Пис. отц. и уч. церкв. т. I, стр. 277—279.

и молитвы священника, тѣсно связанныя съ эктеніями. Въ концѣ втораго антифона тропарь: „Единородный Сыне, явившійся въ 535 г. (¹). Выносъ Евангелія уже образуетъ малый входъ съ таинственнымъ знаменованіемъ, по Софронію, крещенія Спасителя (²), по Герману не только крещенія, но и пришествія Сына Божія и явленія въ міръ вообще (³). По Софронію несетъ Евангеліе діаконъ, а священникъ слѣдуетъ за нимъ; по Герману священникъ въ слухъ всѣхъ возглашаетъ: пріидите поклонимся (⁴), затѣмъ: яко святъ еси Боже нашъ (⁵). Далѣе и по Софронію и по Герману—пѣснь святый Боже, явившаяся вскорѣ послѣ Златоуста при преемникѣ его Проклѣ (⁶). Послѣ трисвятагѡ все какъ теперь: восшествіе на горнее мѣсто, миръ всѣмъ, прокименъ, чтеніе апастола, пѣніе аллилуія; кажденіе, только не во время чтенія апостола, а во время пѣнія аллилуія (⁷). Предъ чтеніемъ Евангелія по Герману произносились слова: премудрость прости, слава тебѣ Господи, вонмемъ (⁸), по прочтеніи же Евангелія по Софронію діаконъ сходитъ съ амвона и даетъ его цѣловать всѣмъ вѣрнымъ (⁹), священникъ осѣняетъ народъ крестнымъ знаменіемъ. Послѣ Евангелія мѣсто поученія заступила явившаяся теперь сугубая эктенія;

(¹) Слова Герм. см. стр. 377. И Софроній упоминаетъ объ этомъ тропарѣ: „пѣснь — единородный Сыне, пишетъ Софроній, воспѣта имп. Юстиніаномъ. См. стр. 279.

(²) Тамъ же, стр. 280.

(³) Там. 379—380.

(⁴) Тамъ же.

(⁵) Тамъ же.

(⁶) Въ 438 или 439 г. См. Обз. пѣсноп. Филар. Черн. стр. 140—141.

(⁷) Софроній стр. 284.

(⁸) Тамъ же, стр. 285.

(⁹) Тамъ же. стр. 284.

она составляетъ такую же часть прежнихъ молитвъ за вѣрныхъ, какъ и первая эктенія или великая (1); за сугубою эктеніею по Герману—возгласъ: яко милостивъ и человѣколюбецъ Богъ еси. За сугубою эктеніею по Герману же эктенія объ оглашенныхъ совершенно какъ у насъ (елицы оглашенніи изыдите), оканчивавшаяся возгласомъ: да и тіи съ нами славятъ; послѣ того: паки и паки миромъ Господу помолимся (остатокъ древнихъ молитвъ за вѣрныхъ (2); по Софронію діаконъ возглашаетъ послѣ того: премудрость, т. е. Боже, а іерей вопіетъ: яко да подъ державою твоею (3). Вся эта часть отъ чтенія Евангелія или малаго входа до

---

(1) Такое дробленіе молитвъ за вѣрныхъ, нѣкогда составлявшихъ одно цѣлое, могло быть слѣдствіемъ не только одной общей причины,—ослабленія *disciplina arcani*, но и частныхъ обычаевъ, особенно что касается перенесенія части молитвъ къ Евангелію. Указываютъ напр. (См. обз. пѣснот. Филар. Чер. стр. 116) на слѣд. фактъ. Въ монастыряхъ Саввы и Θеодосія, гдѣ были монахи разныхъ націй, литургія оглашенныхъ совершалась на разныхъ языкахъ, разными націями отдѣльно, въ трехъ отдѣльныхъ храмахъ, но потомъ къ литургіи вѣрныхъ (по выслушаніи Евангелія и молитвъ за вѣрныхъ, молитвъ касавшихся самыхъ насущныхъ потребностей и потому съ цѣлію быть понятными произносимыхъ на націольныхъ языкахъ въ первой части литургіи),—изъ трехъ разныхъ храмовъ монахи собирались въ одинъ общій для присутствованія при литургіи вѣрныхъ. Устроилась сугубая эктенія, вѣроятно, по подражанію эктеніи за оглашенныхъ. Въ срединѣ эктеніи за оглашенныхъ діаконъ восклицаетъ: *еще прилѣжнѣе помолимся*; тоже, вѣроятно, онъ дѣлалъ и среди молитвъ за вѣрныхъ. То, что въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало за вышеупомянутымъ возглашеніемъ, и составило нашу сугубую эктенію. Если вышеупомянутая догадка справедлива, то раздѣленіе молитвъ за вѣрныхъ распространилось въ литургіяхъ восточныхъ вмѣстѣ съ распространеніемъ устава монастыря Саввы освященнаго. У Софронія нѣтъ яснаго упоминанія о сугубой эктеніи. У Германа же упоминаются: „помилуй насъ Боже", какъ начало сугубой эктеніи и „яко милостивъ и человѣколюбецъ Богъ еси", какъ заключительный возгласъ священника. См. стр. 390.

(2) Тамъ же, стр. 390—392.

(3) Софроній стр. 287.

великаго по Софронію и Герману изображаетъ трехлѣтнюю проповѣдь Спасителя до страданія (1).

Великій входъ предваряется *Херувимскою пѣснью*, явившеюся, какъ извѣстно, при императорѣ Юстинѣ младшемъ (2). Великій входъ обставленъ былъ чрезвычайно торжественно, даже торжественнѣе, чѣмъ теперь (3). „Св. дары проходятъ отъ предложенія до жертвенника во образъ земной жизни (Спасителя) до погребенія..., а также это означаетъ шествіе Господа отъ Виѳаніи до Іерусалима“ (4). О всей послѣдующей части литургіи находимъ свидѣтельства только у Германа (5). У него мы находимъ слѣды цѣльнаго воззрѣнія на всю, слѣдующую за великимъ входомъ, часть литургіи. „Возложеніе св. даровъ на св. трапезу частію напоминаетъ горницу Распятаго, потомъ не много спустя поднятіе Его на крестъ, а наконецъ—погребеніе, воскресеніе и вознесеніе на небо“ (6). У Германа (вмѣсто всего, что есть у насъ теперь) послѣ перенесенія даровъ упоминается умовеніе рукъ съ словами: „умыю въ неповинныхъ руцѣ мои и обыду жертвенникъ твой, Господи, еже услышати ми гласъ хвалы Твоея“, затѣмъ возгласъ: „твоя отъ твоихъ тебѣ приносяще“ (?), наконецъ слова: „возлюбихъ благолѣпіе дому твоего“ (7).

---

(1) Тамъ же, стр. 286 и 389.

(2) Кедринъ H. E. de Iustino p. 390. Тогда же, конечно, явилась и молитва Херув. пѣсни.

(3) Дарамъ при кажденіи, во время пѣнія херувимской, предшествовали рипиды или *изображенія Серафимскія* (слѣд. они перестали теперь быть простыми опахалами), жезлы и мечи, какъ символы царя. См. Софр. и Герм. стр. 287 и 393.

(4) Тамъ же, стр. 287—288. Послѣднее объясненіе гораздо послѣдовательнѣе перваго, замѣтимъ отъ себя.

(5) Отрывокъ изъ соч. Софронія оканчивается толкованіемъ Херувимской пѣсни.

(6) Германъ стр. 394.

(7) Тамъ же, стр. 397.

Затѣмъ все, какъ у насъ. Новаго здѣсь въ сравненіи съ предъидущимъ временемъ находимъ: послѣ эктеніи о предложенныхъ честныхъ дарѣхъ ясное упоминаніе о возгласѣ священника: „щедротами Единороднаго Сына Твоего“ и пр. (¹), чтеніе символа вѣры, вошедшее во всеобщее употребленіе при литургіи въ 510 г. при патр. констант. Тимоѳеѣ (²) и упоминаніе о таинственномъ знаменованіи нѣкоторыхъ дѣйствій, каковы раствореніе вратъ, развитіе завѣсы, покрытіе божеств. даровъ, знаменующее ту ночь, въ которую совершилось предательство, снятіе въ слѣдъ за тѣмъ воздуха, отдергиваніе завѣсы и открытіе дверей, какъ образъ утра, въ которое привели Іисуса на судъ къ Пилату (³). Со словъ „станемъ добрѣ“ все какъ у насъ (при чемъ мы имѣемъ постоянно въ виду только то, что произносится въ слухъ) (⁴). Новаго здѣсь находимъ только слѣдующее: нѣкоторое распространеніе въ возгласѣ: „побѣдную пѣснь“ (⁵), возглашеніе въ слухъ

(¹) Тамъ же, стр. 397—398. Послѣ того — все какъ у насъ: миръ всѣмъ, возлюбимъ другъ друга, двери премудростію вонмемъ; все это было, впрочемъ, и прежде.

(²) Ѳеодоръ чтецъ H. E. lib. 2 n. 32. 42. Германъ стр. 398.

(³) Германъ стр. 399—400.

(⁴) Діаконъ: „станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ, святое возношеніе въ мирѣ приносити“. Народъ: „милость мира, жертву хваленія“. Священникъ: „благодать Господа нашего Іисуса Христа“ и пр. (совершенно какъ у насъ). Впрочемъ тутъ была разность; одни произносили какъ мы, а другіе по Герману иначе, именно: „благодать св. и единосущныя Троицы да будетъ со всѣми вами“. „И со духомъ твоимъ“. „Горѣ имѣимъ сердца“. „Имамы ко Господу“, „Благодаримъ Господа“. „Достойно и праведно есть“. Здѣсь упоминается о сдергиваніи завѣсы, чего теперь у насъ нѣтъ. „Завѣса сдергивается согласно съ словами Апостола: имамы дерзновеніе входити“..., говоритъ Германъ.

(⁵) Здѣсь прибавлены слова: поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще. Изъ таинственнаго толкованія Германомъ этихъ словъ о четырехъ символическихъ животныхъ, намъ кажется, можно заключать, что эта намѣренная амплификація въ выраженіяхъ одного понятія принадлежитъ именно описываемому времени, и допущена не Златоустомъ,

народа: „изрядно о пресвятѣй...“ (¹) и пѣснь народа: „достойно есть, яко воистину“ (²), далѣе возгласъ: „и даждь намъ едиными устами...“ и потомъ: „и да будутъ милости великаго Бога...“; предъ „Отче нашъ“ возгласъ: „авва отче! сподоби насъ со дерзновеніемъ неосужденно смѣти призывати тебѣ и глаголати“ (³). Здѣсь упоминается, замѣтимъ также, о теплотѣ, вливаемой предъ пріобщеніемъ въ потиръ (⁴). Молитва по пріобщеніи іерея полагается—пс. 22: „уготовалъ еси предо мною трапезу“ и пр. (⁵). Возгласъ „со страхомъ Божіимъ“ нѣсколько пространнѣе нашего (⁶). Поднятіе остатковъ

а, можетъ быть, Софроніемъ, несомнѣнно пересматривавшимъ вновь литургію или кѣмъ либо изъ знаменитыхъ соборниковъ таинственнаго толкованія. Серафимская пѣснь читается у Германа такъ, какъ у насъ, только безъ словъ: „исполнь небо и земля славы твоея“. Далѣе слова установленія таинства. Затѣмъ возгласъ: „твоя отъ твоихъ тебѣ приносяще“. Пѣснь народа: „тебѣ поемъ“ какъ у насъ, только безъ словъ „и молимтися“.

(¹) Германъ стр. 410—411.

(²) О ней у Германа не упоминается, хотя нѣтъ сомнѣнія, что она была. Въ его время впрочемъ она была не въ томъ видѣ, какъ теперь. „Честнѣйшую Херувимъ“ (т. е. вторая половина пѣсни), вотъ чѣмъ она начиналась тогда. Это ирмосъ 9 пѣсни въ четверо-пѣснцѣ Козьмы Маіюмскаго, слѣд. эта пѣснь явилась въ VIII в. Первая же половина пѣсни явилась въ 980 г. при пат. Николаѣ Хрисовергѣ (См. Обз. пѣсн. Филар. Черн. стр. 296).

(³) О всѣхъ послѣднихъ возгласахъ мы упоминаемъ теперь какъ о чемъ-то новомъ потому, что прежде только гадательно упоминали о ихъ существованіи въ Златоустово время. См. Герм. стр. 412—413.

(⁴) Послѣ Отче нашъ: „яко твое есть царство... миръ всѣмъ; главы наша Господеви приклонимъ; благодатію и щедротами... (т. е. возгласъ послѣ молитвы: благодаримъ тя и пр.); святая святымъ; единъ святъ. Изъ всѣхъ замѣчаній о томъ, что дѣлаетъ священникъ въ это время, находится замѣчаніе только о троекратномъ крестообразномъ возношеніи хлѣба при словахъ: *святая святымъ.* „По возношеніи, замѣчаетъ Германъ, тотчасъ совершается раздробленіе божеств. тѣла... Потомъ въ маломъ ковшѣ приносится горячая вода и ею растворяются въ чашѣ или потирѣ предлежащіе дары“... Герм. стр. 419—422.

(⁵) Герм. стр. 423.

(⁶) Такъ же „Со страхомъ Божіимъ, вѣрою и любовію приступите

божеств. даровъ (¹); пѣснь „да исполнятся уста моя хваленія“ и пр., явившаяся при имп. Ираклiѣ около 620 г. его царствованія и при патр. Сергіѣ (²). Наконецъ заамвонная молитва, „какъ бы *печать всѣхъ прошеній* и краткій перечень ихъ“ и раздаяніе антидора, „обратный, по Герману, даръ святыни тѣмъ, которые сдѣлали приношенія“. Можно думать, что заамвонною молитвою литургія и оканчивалась (³). Конецъ литургіи такимъ образомъ еще не вполнѣ образовался въ описываемое время.

Нѣтъ сомнѣнія, что Софроній и Германъ не мало потрудились дѣлу новой редакціи литургіи, занимая одинъ каѳедру іерусалимской, а другой константинопольской церкви, и будучи передовыми христ. мыслителями того времени. Имя Германа встрѣчается въ надписаніи нѣкоторыхъ списковъ литургій (⁴).

IV.

Мы прослѣдили развитіе литургіи до IX в. и видѣли, что въ ней къ IX в. появилось *почти* все, что мы те-

ко Христу, Богу и царю нашему.“ Затѣмъ не упоминается о возгласѣ: „спаси Боже люди твоя“.. и о пѣсни: видѣхомъ свѣтъ истинны. Эктенія: „прости пріимше“ упоминается сряду послѣ словъ: „со страхомъ Божіимъ“; а поднятіе остатковъ св. даровъ—послѣ эктеніи, тогда какъ у насъ теперь оно стоитъ прежде по порядку. Впрочемъ послѣднее обстоятельство могло быть случайнымъ, хотя благодарственной эктеніи естественнѣе слѣдовать сряду же за пріобщеніемъ. Умолчаніе же о вышеупомянутыхъ возгласахъ нельзя назвать случайнымъ, если обратить вниманіе на свойство Германова толкованія, стремящагося объяснить каждое слово.

(¹) О поднятіи даровъ сказано глухо безъ упоминанія о томъ, что при этомъ произносилось. См. стр. 424.

(²) Александр. хрон. Chronicon Paschale p. 385—386. 390. См. исслоп. Филар. Черн. стр. 129.

(³) Что отчасти видно изъ выраженія Германа *печать всѣхъ прошеній*. См. стр. 424—425.

(⁴) Таковы напр. нѣкоторые списки преждеосвящ. литургіи—криптоферратскій и второй барбериновъ. См. Εὐχολογ. Гоара. стр. 200 и дал.

перь слышимъ въ литургіи. Вообще, если подъ литургіей понимать только то, что возглашается, читается и поется въ ней *вслухъ* и если при этомъ не брать въ расчетъ конца литургіи, то можно сказать, что къ IX в. литургія сформировалась вполнѣ, закончила циклъ своего развитія. Но если мы обратимъ вниманіе на тѣ дѣйствія, которыя совершаетъ священникъ тайно въ проскомидіи, на то, что читаетъ и дѣлаетъ въ самой литургіи тайно отъ народа, наконецъ если не опустимъ изъ вниманія конца литургіи, то мы никакъ не можемъ сказать, чтобы съ IX в. развитіе литургіи закончилось вполнѣ. Напротивъ, съ IX в. мы встрѣчаемъ не мало новаго какъ въ проскомидіи, такъ и въ тайныхъ молитвахъ и священнодѣйствіяхъ самой литургіи и въ ея заключеніи въ особенности.

Что же именно происходило съ литургіею послѣ IX в.? Прежде всего нужно замѣтить, что этотъ періодъ простирается съ IX в. по XIV в. Этотъ періодъ можно назвать періодомъ большаго разнообразія литургійныхъ списковъ разныхъ эпохъ и разныхъ мѣстъ, въ тѣхъ частяхъ литургіи (разумѣется несущественныхъ), которыя, будучи совершаемы тайно священникомъ, не чувствовали поэтому вліянія на себѣ консерватизма общаго обычая. Какъ извѣстно, то, что совершается не вслухъ всѣхъ, не публично, то способно подвергаться всевозможнымъ измѣненіямъ, будучи лишено сдерживающаго контроля со стороны народной привычки. Это именно и случилось въ описываемое время: 1) съ проскомидіей, 2) съ нѣкоторыми молитвами и дѣйствіями въ литургіи оглашенныхъ, и 3) съ нѣкоторыми несущественными молитвами и дѣйствіями въ самой литургіи вѣрныхъ; наконецъ 4) не избѣгъ этой участи и ко-

нецъ литургіи, который хотя и совершался вслухъ, но, по своей неважности, несущественности, легко допускалъ измѣненія. Этотъ періодъ колебаній означенныхъ статей въ литургіи кончился (1) въ XIV в. съ изданіемъ устава конст. патр. Филоѳея, жившаго въ XIV в., и съ перенесеніемъ этого устава въ Россію въ томъ же вѣкѣ митр. Кипріаномъ.—Для того, чтобы лучше понять, какъ могло быть допущено подобное колебаніе въ рассматриваемый періодъ, нужно замѣтить (кромѣ того, что мы сказали выше относительно тайныхъ молитвъ и священнодѣйствій), что древній чинъ литургіи до патр. Филоѳея вовсе не отличался такою подробностью изложенія, какую мы находимъ въ нашихъ нынѣшнихъ служебникахъ. Тогда не писали подробнаго устава литургіи, какъ нынѣ, тогда писали только молитвы сполна, все остальное или вовсе не писалось или же писались только первыя слова (напр. эктеній). Понятно, какое широкое поприще для варіацій представлялось тогда каждому совершающему литургію, благодаря вышеозначенному обстоятельству. Изложеніе литургіи съ подробнымъ ея уставомъ, изданное патр. Филоѳеемъ въ XIV в., полагало преграды проявленію на будущее время подобнаго произвола.

Свое обозрѣніе состоянія литургіи IX — XIV в. мы начнемъ съ проскомидіи. Будемъ слѣдить за перемѣнами какъ въ этой части литургіи, такъ и въ другихъ ея частяхъ въ данное время, преимущественно по рукописямъ Москов. синодальной библіотеки.—Чтобы понять въ чемъ состоялъ прогрессъ въ проскомидіи за описываемое время и въ чемъ тутъ состояли разнаго рода колебанія, для этого разложимъ нынѣшнюю про-

(1) Хотя и не вполнѣ.

скомидію на нѣсколько составныхъ частей. Самая существенная ея часть, какъ извѣстно, состоитъ въ приготовленіи Агнца и чаши. Эта часть существовала еще въ предъидущій періодъ. Къ этой части примыкаютъ, окружаютъ ее другія менѣе существенныя части; ей предшествуютъ 1) молитвы входныя и 2) молитвы облаченія; ее сопровождаютъ 3) молитвы, соединенныя съ кажденіемъ и покровеніемъ приготовленныхъ даровъ и 4) молитвы заключительныя надъ предложенными, готовыми уже дарами; послѣднія явились еще въ предъидущій періодъ. Въ описываемый періодъ мало-по-малу являются всѣ означенныя части проскомидіи; проскомидія расширяется въ своемъ объемѣ, но части ея не имѣютъ устойчивости до конца описываемаго періода.

Прежде всего нужно замѣтить, что дольше всѣхъ этихъ частей не устанавливалась первая часть, т. е. молитвы входныя. Только въ XIV в., въ Кипріановомъ служебникѣ (¹) полагается входная молитва, да и то только одна (наша: „Господи, ниспосли руку Твою...“). Остальныхъ молитвъ входныхъ не находимъ въ Кипріановомъ чинѣ проскомидіи, а слѣдовательно ихъ не было и въ Филоѳеевомъ. Остальныя входныя молитвы являются (да и то не тѣ, какія теперь читаются) въ связи съ проскомидіею гораздо позже разсматриваемаго періода. Въ первый разъ онѣ встрѣчаются въ служебникахъ XVI в., гдѣ опредѣленно указывается, въ чемъ должны состоять входныя молитвы (²).—Чтобы видѣть въ какомъ положеніи находились другія части проскомидіи, беремъ четыре рукописи нашей Московъ. Синод. библіотеки,—двѣ изъ XII в. и двѣ изъ XIV в. Въ пер-

(¹) Рукоп. Московъ. Синод. Библ. № 344. По всей вѣроятности древнѣйшій списокъ устава патр. Филоѳея.

(²) Рукоп. Син. Библ. № 355.

вой рукоп. XII в. ([1]) говорится только о приготовленіи Агнца священникомъ и потомъ находятся двѣ молитвы надъ кадиломъ и о предложенныхъ дарахъ и слѣдовательно нѣтъ молитвъ облаченія, не говоря уже о молитвахъ входныхъ, и нѣтъ подробнаго чина изъятія частицъ изъ просфоръ, равно какъ и двѣ послѣдніе части проскомидіи представляются недостаточно развитыми. Если присоединить къ этому упоминаніе въ другой рукописи XII в. ([2]) о приготовленіи *Агнца діакономъ*, то мы получимъ весьма недостаточно развитую проскомидію совершенно безъ молитвъ не только входа, но и облаченія, далѣе безъ подробнаго чина приготовленія Агнца и чаши, съ двумя только молитвами—кадила и о предложенныхъ дарахъ. Изъ XIV в. беремъ двѣ такихъ рукописи, изъ которыхъ одна носитъ на себѣ явные слѣды того времени, когда Филоѳеевъ уставъ, принесенный къ намъ Кипріаномъ, еще не начиналъ дѣйствовать, а другая, въ которой изложенъ уставъ Кипріана или, лучше сказать, патр. Филоѳея. Въ докипріановскомъ служебникѣ ([3]) проскомидія уже достаточно обставлена молитвами, хотя по большей части не существующими нынѣ. Правда, нѣтъ молитвъ входа и облаченія, но за то есть молитвы предъ приготовленіемъ Агнца (чего нынѣ нѣтъ), послѣ приготовленія (опять нѣтъ); послѣ приготовленія чаши полагаются слова: „тріе суть свидѣтельствующіи...“ Молитва предложенія полагается ранѣе покровенія даровъ (у насъ же послѣ). При покровеніи чаши и дискоса произносятся стихи псалма: „Господь воцарися“; вслѣдъ за

([1]) Рук. Синод. Библ. № 342 Служеб. Ант. Римл.
([2]) Тамъ же № 343.
([3]) Тамъ же № 345.

тѣмъ словами „гласъ радости и веселія" и пр. оканчивается проскомидія. Такимъ образомъ около XIV в., въ докипріановское время, проскомидія, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, обставлена была даже болѣе, чѣмъ теперь. Наконецъ въ Кипріановскомъ служебникѣ (1) мы уже встрѣчаемъ несравненно болѣе сходства проскомидіи съ нынѣшнею, чѣмъ въ служебникахъ предъидущаго времени. Тутъ уже полагаются не только одна молитва входа (какъ мы уже говорили), но и молитвы облаченія, съ нѣкоторыми, впрочемъ, разностями отъ нашихъ (2). Вообще, исключая этихъ незначительныхъ разностей и еще нѣкоторыхъ особенностей при выниманіи частицъ изъ 5 просфоръ, этотъ чинъ проскомидіи совершенно сходенъ съ нынѣшнимъ (3).

Что касается до литургіи собственно, то тутъ мы видимъ въ описываемый періодъ значительныя *прибавленія* противъ прежняго, являются молитвы даже въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ теперь ихъ нѣтъ. Этими лишними молитвами особенно отличается служебникъ XIV в. докипріановскаго времени (4); въ немъ одномъ три лишнія молитвы. Молитвы эти, какъ въ докипріановскомъ служебникѣ, такъ и въ другихъ вообще встрѣчаются въ слѣдующихъ мѣстахъ: предъ чтеніемъ апостола (5), предъ перенесеніемъ даровъ (6), по перене-

(1) Тамъ же № 344.

(2) Напр. въ словахъ при облаченіи въ эпитрахиль здѣсь говорится: емше Іисуса, связаша; нѣтъ умовенія рукъ и словъ, которыя у насъ при этомъ произносятся.

(3) Къ сожалѣнію въ рукописяхъ слѣд. вѣка, имѣющихся подъ руками, каковы напр. № 348 и 349 XV в. чинъ проскомидіи не изложенъ вовсе.

(4) Синод. Библ. № 344.

(5) Рук. Син. Библ. № 347,—варіантъ Кипріанова служебника; въ этомъ же спискѣ помѣщена и молитва предъ Евангеліемъ сходная съ нашею *по содержанію*, хотя и различная по формѣ.

(6) Рук. Син. Библ. № 345—до кипріановскій. Эта молитва встрѣчается въ Барб. спискѣ.

сенія даровъ ([1]), при словахъ: „возлюбимъ другъ друга“ ([2]); всего четыре молитвы. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ служебникахъ полагается послѣ перенесенія даровъ умовеніе рукъ священнодѣйствующихъ, съ словами: „умыю въ неповинныхъ руцѣ мои...“ ([3]); въ одномъ служебникѣ оно даже предшествуетъ перенесенію. При лобзаніи мира (послѣ словъ діакона: „станемъ добрѣ“), по нѣкоторымъ служебникамъ, священникъ, когда воздвигаетъ воздухъ, говоритъ: „святый Боже“ (нынѣ этого нѣтъ) ([4]). Предъ возношеніемъ св. даровъ, поднявши руки, священникъ говоритъ: „Господи, устнѣ мои отверзеши“ ([5]). Послѣ „святая святымъ“: „рекутъ попове и діаконъ приступльши къ св. трапезѣ: многа лѣта Богъ святую и чистую и честную молитву даруетъ намъ“ ([6]).

Кромѣ прибавленій есть не мало *видоизмѣненій* въ литургіи противъ существующаго нынѣ. Въ нѣкоторыхъ служебникахъ простирать илитонъ и антиминсъ полагается діакону ([7]). Въ одномъ варіантѣ кипріановскаго служебника отличны: молитва трисвятаго и молитва на перенесеніе даровъ ([8]). Въ другомъ служебникѣ (№ 342) послѣ: „возлюбимъ другъ друга“ слова: „Отца и Сына“ и пр. произноситъ священникъ. Особенно же много варіацій въ наставленіяхъ предъ пріобщеніемъ ([9]), при

([1]) Рук. Моск. Публ. Муз. Служеб. № 399. Молитва эта находится въ лит. Іакова.

([2]) Рук. Син. Библ. № 345.

([3]) Напр. въ рук. Син. Библ. № 342.

([4]) Во многихъ служебникахъ докипр. времени и въ кипріановомъ № 344.

([5]) Син. Библ. № 342 и 343. XII в.

([6]) Тамъ же.

([7]) Син. Библ. № 342.

([8]) Син Библ. № 346.

([9]) При дѣйствіи раздробленія агнца, діаконъ говоритъ: исполни отче

пріобщенія (1) и послѣ пріобщенія (2) священнодѣйствующихъ; всѣхъ ближе какъ вообще, такъ и въ этомъ случаѣ къ нашему служебнику служебникъ Кипріановъ.

Теперь скажемъ, чего въ служебникахъ описываемаго времени *недостаетъ* противъ нынѣшнихъ служебниковъ. Въ этомъ случаѣ пробѣлы противъ настоящей литургіи падаютъ главнымъ образомъ на конецъ литургіи, на тѣ дѣйствія, какія слѣдуютъ послѣ словъ: „святая святымъ". Впрочемъ, есть два важныя опущенія и въ срединѣ литургіи. Именно въ служебникѣ XII в. (3) нѣтъ совсѣмъ поминовенія не только живыхъ, но и православныхъ христіанъ за великимъ входомъ и возгласа: „Господи, спаси благочестивыя", *а въ молитвы освященія даровъ не вставлены еще слова:* „Господи, иже пресвятаго Твоего Духа" и пр. Въ Кипріановомъ служебникѣ XIV в. (4) то же самое, съ тѣмъ только различіемъ, что за великимъ входомъ положено говорить: „да помянетъ Господь Богъ всѣхъ васъ во царствіи своемъ"; возгласа: „Господи, спаси благочестивыя" нѣтъ; *вставки въ молитву освященія даровъ также еще не находимъ* (5).

чашу сію. Попъ, клади часть въ потиръ, глаголетъ: смѣшеніе честнаго тѣла и крови Господа нашего І. Христа" Рук. Моск. Публ. Муз. № 398 Син. Библ. № 343 и 345.

(1) Сперва, замѣчено, младшій подаетъ тѣло Христово старшему; старшій затѣмъ обратно передаетъ его младшему. Младшій говоритъ: тѣло Христово. И чашу также подаетъ сначала младшій, а потомъ старшій передаетъ обратно младшему.

(2) См. рук. Син. Биб. № 342 и 343. Въ послѣднемъ служебникѣ по пріобщеніи полагается неупотребительная нынѣ молитва: „во множествѣ грѣховъ моихъ" и пр. вмѣсто нашей: „благодаримъ тя" и пр.

(3) Син. Биб. № 342.

(4) Син. Биб. № 344.

(5) Въ нѣкоторыхъ впрочемъ служебникахъ эта вставка уже существуетъ, напр. въ служебникѣ Син. Библ. № 347.

Особенно много недостаетъ литургіи описываемаго времени въ послѣдней ея части послѣ „святая святымъ“. 1) Нѣтъ подробныхъ наставленій, а въ нѣкоторыхъ служебникахъ и вовсе нѣтъ никакихъ наставленій касательно того, какъ раздроблять Агнецъ, какою частію его пріобщаться, что говорить священнику во время всѣхъ этихъ дѣйствій (1), что произносить предъ пріобщеніемъ и во время самаго пріобщенія, какъ опускать частицы въ потиръ и что при этомъ говорить (2). 2) Нѣкоторыхъ вещей недостаетъ въ самомъ концѣ литургіи, послѣ заамвонной молитвы. Одинъ служебникъ (XII в.) оканчивается нашею молитвою: „внегда потребити святая“ (исполненіе закона и пророкъ) (3), другой (XIV в.) имѣетъ уже отпустъ, подобный нашему, и даже тропари, читаемые при совлеченіи свящ. одеждъ, хотя не всѣ (4); третій (XIV в., докипріановскаго вре-

(1) Еще сравнительно болѣе подробностей мы встрѣчаемъ въ служебникахъ Син. Биб. № 342, 345 и 343, но и въ нихъ мы далеко не находимъ той полноты, къ какой привыкли въ нашихъ служебникахъ, не говоря уже о томъ, что находимое нами въ означенныхъ служебникахъ существенно разнится отъ нашего чина раздробленія Агнца и причащенія.

(2) Въ этомъ отношеніи даже Кипріановъ служебникъ (№ 344) представляетъ много пробѣловъ въ сравненіи съ нашимъ. Въ немъ прежде предъ пріобщеніемъ священнослужителей полагаются тѣже молитвы, что и нынѣ, т. е. вѣрую Господи, хотя эти молитвы здѣсь гораздо короче; но за то въ этомъ служебникѣ вовсе не говорится, какою частію тѣла Христова пріобщаться, какую влагать въ потиръ; равнымъ образомъ при вложеніи частицъ въ потиръ никакихъ стиховъ не полагается. Что касается этихъ послѣднихъ пробѣловъ, то они существуютъ и въ служебникахъ XII в. № 342 и 343.

(3) Въ служебникѣ № 342 послѣ пріобщенія священнодѣйствующихъ не означено нашихъ возгласовъ: со страхомъ Божіимъ и пр., а прямо полагается молитва „въ переносъ“.

(4) Въ служебникѣ № 344 на отпустѣ (вмѣсто: слава тебѣ Христе Боже) священникъ говоритъ: молитвами пречистыя ти Матере и всѣхъ святыхъ твоихъ Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ. Между тропарями читаемыми при разоблаченіи нѣтъ тропаря Іоанну Златоусту.

мени), будучи вообще несходенъ въ заключеніи литургіи съ вышеупомянутымъ спискомъ XII в., заключается молитвою „на совлеченіе ризъ“ (1). — Вообще въ спискахъ XII—XIV вв. мы напрасно бы стали искать той полноты и однообразія, какія мы встрѣчаемъ въ концѣ современныхъ намъ служебниковъ.

Какова была судьба литургіи въ послѣдующіе вѣка, этого мы не беремся рѣшать. Считаемъ только нужнымъ замѣтить, что разнаго рода прибавленія, измѣненія и пр. были допускаемы и послѣ Кипріана, хотя не въ такихъ размѣрахъ какъ прежде, не смотря на строгое запрещеніе дѣлать подобныя перемѣны, — запрещеніе, какое, безъ сомнѣнія, наложилъ самъ Кипріанъ и какое мы находимъ въ припискѣ къ его служебнику; изъ чего, между прочимъ, видно, что дѣйствительно допускаемо было въ прежнее время очень много измѣненій въ чинѣ литургіи. Вотъ это замѣчательное запрещеніе. „Сий служебникъ *преписалъ отъ грецкихъ книгъ на рускій языкъ* рукою своею Кипріанъ смиренный митрополитъ кыевскы и всея руси. Елици же преписуете и поучаваетеся сими книгами божественную и безкровную жертву приносящеи священници и сими книгами молитвы молящеся, поминайте наше смиреніе, яко да и вы тому же поминанію сподоблени будете. Аще ли же кто восхощетъ сія кныги преписывати, смотряй не приложити или отложити едино нѣкое слово или тычьку едину, или крючькы, иже суть подъ строками въ рядѣхъ, ниже премѣнити слогію нѣкоторую или приложити отъ *обычныхъ* (т. е. списковъ литургіи) ихъ же

---

(1) Рук. Син. Библ. № 345. Наконецъ служебникъ № 347. XIV в., варіантъ Кипріановскаго служебника оканчивается молитвами „надъ кутіею“.

потребѣ [illegible], или паки [illegible] ли въ дѣйствахъ, [illegible], ик въ [illegible], но съ [illegible] вниманіемъ прочитати учителю или преписывати, яко да не отъ небреженія въ грѣхъ впадете, зане отъ небреженія впасти въ грѣхъ горши есть, неже отъ невѣденія бываемаго".

А. Катанскій.

РѢЧЬ

СВЯТѢЙШЕМУ СѴНОДУ,

сказанная ректоромъ с.-петербургской семинаріи архимандритомъ Павломъ, при нареченіи его во епископа выборгскаго, Викарія с.-петербургской епархіи, 4-го сентября 1868 года.

Ваше Святѣйшество,

Милостивѣйшіе Архипастыри и Отцы!

Высокія служенія,—особенно въ дому Божіемъ—въ церкви Бога жива (Тим. III, 15),—самыхъ великихъ и славныхъ избранниковъ Божіихъ всегда больше устрашали и смущали своею трудностію и отвѣтственностію, чѣмъ привлекали къ себѣ своею высотою. Самъ, воспоминаемый нынѣ св. Церковію, великій пророкъ и боговидецъ Моѵсей—только послѣ долгихъ пререканій съ Господомъ, только повинуясь рѣшительному, недопускавшему никакого прекословія, повелѣнію Господню, принимаетъ славное, но многотрудное служеніе освободителя и законодателя своего народа. А въ этомъ служеніи было такъ много вожделѣннаго и привлекательнаго для пламенѣвшаго любовію къ страждущимъ братіямъ сердца Моѵсеева; и успѣхъ служенія былъ такъ

обезпеченъ и прямымъ обѣтованіемъ Божіимъ и силою чудотвореній, дарованною пророку Господомъ. И последствія показали всю основательность страха и смущенія, съ которыми взиралъ Моусей на многотрудное служеніе свое. Тяжелые труды, скорби, нравственныя страданія, великія опасности были неразлучными спутниками его служенія.

Страхъ и смущеніе овладѣваютъ и мною—недостойнымъ, когда слышу я призваніе къ епископскому служенію и помышляю о положеніи современнаго христіанскаго пастыря въ мірѣ христіанскомъ. Неблагопріятенъ и часто враждебенъ христіанству господствующій нынѣ и въ мірѣ, именуемомъ христіанскимъ, духъ времени. Какъ многіе и здѣсь преклоняютъ колѣна свои предъ идоломъ нашего вѣка—предъ мнимою первопричиною всего веществомъ. Совершенно забывая о Богѣ и объ удовлетвореніи высшимъ потребностямъ духа, одни думаютъ только объ удобствахъ жизни и чувственныхъ удовольствіяхъ; другіе посвящаютъ все время и весь трудъ свой исключительно изученію вещества, изысканіямъ, открытіямъ и изобрѣтеніямъ въ его области, обращенію вещества въ могущественное и въ тоже время послушное орудіе воли человѣка; а иные заходятъ и еще далѣе: не хотятъ допускать и признавать никакого другаго бытія, кромѣ бытія вещественнаго, и, отвергая бытіе духовнаго міра и самаго Духа Безконечнаго—Бога, стремятся объяснить все существующее, безъ Сущаго, веществомъ, и такимъ образомъ сдѣлать вещество послѣднею причиною всего, Богомъ. Не будетъ ли гласомъ вопіющаго въ пустынѣ—слово и дѣло пастыря христіанскаго въ средѣ, въ которой такъ много людей, или вовсе забывшихъ Бога, или явно Его от-

вергающихъ? Легко ли пастырю успѣшно дѣйствовать на такую среду?.. Чудодѣйственный жезлъ Моусеевъ поразительными чудесами сокрушилъ и маловѣріе и строптивость израильтянъ, и невѣріе Фараона и слугъ его, и понудилъ всѣхъ преклониться предъ Господомъ, исповѣдать Его силу, власть и славу. Но жезлу христіанскаго пастыря не дано силы чудодѣйственной, онъ не можетъ вѣрящимъ больше всего осязанію дать въ чудесахъ „осязать и обрѣсти Господа", *яко недалече отъ единаго коегождо насъ суща* (Дѣян. XVII, 27). Пастырь христіанскій долженъ и чтителей вещества побѣждать и порабощать Господу оружіемъ духовнымъ: полнымъ глубокаго убѣжденія и вѣры словомъ, исполненнымъ духа Христова дѣломъ, сокровенною благодатною помощію. Найдется ли у меня это оружіе? Не явлюсь ли я безоружнымъ и безсильнымъ въ борьбѣ съ врагами Божіими?

Страхъ и смущеніе овладѣваютъ мною, когда слышу я призваніе къ епископскому служенію и помышляю о положеніи русскаго православнаго пастыря въ русскомъ мірѣ современномъ... Весь русскій народъ нынѣ преобразуется. На чреду нравственно-церковной дѣятельности выступаютъ новые свободные дѣятели, новыя, многочисленныя силы. Не только расширяется кругъ дѣятельности клира, но и весь народъ, становясь болѣе свободнымъ, вступаетъ въ новыя отношенія къ церкви и пастырямъ. Конечно, если только при новомъ порядкѣ вещей выработается правильное, единодушное дѣйствованіе всѣхъ трехъ дѣятелей—епископа, клира и народа,— нравственная и церковная жизнь народа несомнѣнно будетъ богаче по содержанію, разнообразнѣе по обнаруженію, полнѣе, живѣе. Но страшитъ иной

исходъ дѣла, также весьма возможный. Что, если народъ нашъ, и сдѣлавшись свободнымъ, сохранитъ привычки и пристрастія рабства, какъ сохраняли ихъ израильтяне въ пустынѣ, и будетъ свободно, и потому сильнѣе, порабощать, какъ значительная часть его и порабощаетъ себя, грубымъ порокамъ? Что, если свобода приведетъ не привыкшихъ еще правильно пользоваться ею къ своеволію, къ отрицанію власти пастыря, къ отчужденію отъ него? Что, если пастырь будетъ имѣть своихъ Кореевъ, своихъ Даѳановъ и Авироновъ (Числ. XVII)? Чѣмъ и какъ тогда остановить этотъ потокъ развращенія, это разложеніе тѣла церковнаго? За Моѵсея Богъ каралъ строптивый народъ страшными казнями и останавливалъ развитіе нечестія; весь народъ, родившійся въ Египтѣ и испорченный рабствомъ, вымеръ въ пустынѣ, не видѣвъ земли обѣтованной. Но и Моѵсей, служитель Бога—Страха (Быт. XXXI, 42), спѣшилъ молитвою отвращать гибель народа (Исх. XXXII, 11—14). А служитель Бога-Любви, (1 Іоан. IV, 16), рабъ Господа нашего Іисуса Христа, пролившаго кровь свою за насъ, пастырь христіанскій можетъ желать только спасенія всѣмъ, и долженъ стараться всѣхъ—и грубо-порочныхъ и строптивыхъ, исправить и ввести въ землю обѣтованную, въ горнее отечество—и совершить это безъ чудесъ, тѣмъ болѣе безъ казней чудесныхъ. Какая же великая нравственная сила, какая сильная благодатная помощь необходимы пастырю для успѣшнаго дѣйствованія при такихъ условіяхъ! Обрѣту ли я эту силу? Найду ли помощь эту?

Страхъ и смущеніе волнуютъ мою душу, при мысли о трудности служенія пастырскаго и о скудости духовныхъ силъ моихъ... И однакожъ я, хотя и со страхомъ,

отвѣчалъ на призваніе словами благодарнаго согласія. Чтожъ исторгло мое согласіе на призваніе? Съ одной стороны страхъ, препобѣждающій даже страхъ тяжести служенія пастырскаго, страхъ гнѣва Божія за непослушаніе Господу и Власти отъ Него поставленной, съ другой—надежда на помощь и небесную, и земную. Вѣрую, что Господь, „дающій уста человѣку" (Исх. IV, 11. 12), можетъ, если восхощетъ, и мнѣ дать „уста и премудрость" (Лук. XXI, 15) для возвѣщенія славы Его. Вѣрую, что Господь, превратившій жезлъ Моvсеевъ въ змію, можетъ и мнѣ дать мудрость змінную (Исх. IV, 3. 4 Матѳ. X, 16); очистившій прокаженную руку Моvсееву—можетъ очистить и грѣховную проказу души моей и дать мнѣ цѣлость голубиную (Исх. IV, 6. 8; Матѳ. X, 16); превращающій воду въ кровь можетъ содѣлать и меня душею нравственно-живою (Исх. IV, 9—10; Быт. IX, 4) и сотворить меня—сосудъ не въ честь—сосудомъ въ честь въ великомъ дому Своемъ (Рим. IX, 21). Вѣрую сему и молю Господа всемогущаго и всеблагаго содѣлать меня благопотребнымъ слугою Своимъ. Уповаю, что и Св. Правительствующій Сѵнодъ не оставитъ меня безъ руководства и помощи и молю о томъ. Уповаю, что и Ты, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ мой, не смотря на вѣдомую Тебѣ скудость силъ моихъ, избравшій меня въ сотрудника себѣ, не оставишь меня безъ руководства, и своими мудрыми, отеческими указаніями и совѣтами научишь меня ходить достойно высокаго званія епископскаго.

ПУСТЫНЯ

(окончаніе)

II.

Много ужъ говорено о томъ, какое глубокое и серьёзное чувство пробуждаетъ въ душѣ видъ необъятнаго моря, окаймляемаго безпредѣльнымъ горизонтомъ. Подобное же чувство, по словамъ французскаго миссіонера Гюка, пробудили въ немъ необозримыя монгольскія степи во время его путешествія;—онѣ осязательно дали ему почувствовать безпредѣльность Божества и преисполнили благоговѣніемъ. Но такія чувства способны пробуждать безконечныя ровныя плоскости только въ тѣхъ, которые къ нимъ не привыкли. На израильтянъ же, жившихъ на равнинахъ между Египтомъ и Аравіей, ровная, въ безконечной дали теряющаяся, мѣстность, не произвела бы ни сильнаго, ни продолжительнаго вліянія, которое подготовило бы ихъ къ заключенію союза съ Богомъ и къ Его водительству. Лучшимъ средствомъ къ возвышенію духа этого народа были величественныя картины горной природы;

горы, упиравшіяся въ небеса своими вершинами, отвѣсныя скалы, узкія, прихотливо извивающіяся долины, бурные потоки, составляющіе рядовыя явленія Синайской пустыни, вотъ что должно было дать израильтянамъ понятіе о величіи Бога, Который хотѣлъ говорить съ ними. Заканчивая этимъ характеристику Синайской пустыни, мы, на основаніи добытыхъ уже нами данныхъ, разсмотримъ въ подробностяхъ сорокалѣтнее странствованіе избраннаго народа въ пустынѣ, подъ водительствомъ Божіимъ—свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ теперь о здѣшнихъ мѣстностяхъ, вполнѣ подтверждаютъ сказаніе Моисея объ этомъ чудесномъ водительствѣ.

При этомъ прежде всего мы должны помянуть благодарнымъ словомъ тѣхъ отважныхъ ученыхъ, которые доставили намъ эти свѣдѣнія. Повѣствованіе о странствованіи израильтянъ по пустынѣ, представляющемъ совершенно одинокое, исключительное событіе въ мірѣ, такъ часто подавало поводъ къ посмѣянію надъ всѣмъ ветхимъ завѣтомъ, что доказать возможность, историческій характеръ этого повѣствованія, оказывалось настоятельной необходимостью. Но, къ сожалѣнію, недостатокъ необходимыхъ свѣдѣній относительно здѣшней мѣстности долго дѣлалъ это невозможнымъ. Разсказы средневѣковыхъ путешественниковъ о своихъ путешествіяхъ на Синай служатъ нѣкоторымъ подспорьемъ къ даннымъ, сообщаемымъ новѣйшими путешественниками; но сами по себѣ безъ этихъ данныхъ книги средневѣковыхъ пилигримовъ представляются совершенными загадками. Поэтому мы съ признательностью заносимъ сюда имена Зетцена, Буркгардта, Риппеля, Шуберта, Руссеггера, Робинзона, которымъ обязаны столько же географы, сколько и историки. Несказанно велики

усилія и труды, подъятые этими учеными на пользу науки и религіи. Кромѣ обыкновенныхъ неудобствъ, сопряженныхъ съ путешествіемъ, состоящихъ въ перекочеваніи съ мѣста на мѣсто въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ со своей палаткой, кромѣ разрушительнаго вліянія климата, отважнымъ путешественникамъ приходилось встрѣчать множество не воображаемыхъ затрудненій со стороны бедуиновъ. Отдѣльныя племена ихъ считаютъ разныя части полуострова своею собственностью и, въ силу этого, присвояютъ себѣ право конвоировать пилигримовъ мекканскихъ и путешествующихъ франковъ,— конвоированіе, при болѣе, чѣмъ проблематической защитѣ отъ враждебныхъ нападеній, скорѣе вредное, чѣмъ полезное для цѣлей ученаго путешествія. По суевѣрнымъ представленіямъ этихъ дѣтей пустыни, Моѵсей и до сихъ поръ владычествуетъ на синайскомъ полуостровѣ и, между прочимъ, распоряжается бывающими здѣсь дождями. Именно во время еще своей жизни онъ получилъ будто бы съ неба книгу Тагуратъ, отъ которой зависитъ ниспосылать дождь и остановить его. Этою книгою, по ихъ убѣжденію, владѣютъ теперь синайскіе монахи и могутъ причинять бѣднымъ арабамъ неисчислимыя бѣдствія,—повѣрье, во время продолжительной засухи, причиняющее монахамъ жестокія преслѣдованія. „Съ такими проводниками изъ племени Товара много пришлось испытать непріятностей Буркгардту, когда они замѣчали, что онъ смотрѣлъ на буссоль или вносилъ свои замѣтки въ журналъ. Въ глаза обзывали его измѣнникомъ, заколдовывающимъ ихъ источники, деревья, луга, лишающимъ ихъ дождей и путешествующимъ на погибель ихъ страны. Онъ въ свою очередь упрекалъ ихъ въ несправедливости, такъ

какъ онъ всегда говорилъ о бедуинахъ только хорошее и еще недавно написалъ нарочито для нихъ молитву, безъ которой, во время послѣдняго нападенія на нихъ разбойниковъ, они были бы всѣ избиты. „Можетъ быть ты и правду говоришь, сказалъ ему шейхъ Агидъ; но за нѣсколько лѣтъ предъ симъ тоже приходили сюда какіе-то лихіе люди, тоже описывали здѣсь все, горы, растенія, камни, насѣкомыхъ и пр. и съ тѣхъ поръ стало мало выпадать дождя и вся дичь пропала". Эта вѣра въ колдовство затрудняетъ здѣсь всякое изслѣдованіе и часто дѣлаетъ оное не возможнымъ: Лихіе люди, о которыхъ говорилъ шейхъ Агидъ, были путешествовавшіе здѣсь за 8 лѣтъ предъ тѣмъ Зетценъ и его спутникъ Агнелли; этотъ послѣдній составлялъ коллекцію животныхъ для императора австрійскаго и съ этою цѣлію часто посылалъ арабовъ на охоту за птицами и разными звѣрями отъ пристани Торъ. Въ то время, какъ путешествовалъ здѣсь Зетценъ, бедуины — Товара еще не были покорены Мегметомъ Али, и потому онъ принужденъ былъ заплатить за себя значительную сумму денегъ въ видѣ выкупа и, только благодаря особенному счастью, ему удалось спасти свою жизнь среди многочисленныхъ покушеній на нее со стороны арабовъ. Буркгердтъ также часто долженъ былъ бороться съ подозрительностью арабовъ; журналъ, имъ веденный, имѣлъ самый микроскопическій форматъ, и онъ тщательно долженъ былъ прятать его отъ нихъ; свои замѣтки онъ писалъ только подъ плащемъ и пріучился дѣлать измѣренія буссолью на верблюдѣ также подъ верхней одеждой, и при всемъ томъ на него смотрѣли съ крайней недовѣрчивостью. Сопутствовавшій ему шейхъ хотя и молчалъ во все время путешествія,

но, по возвращеніи въ Синайскій монастырь, не выдержалъ, говоритъ Буркгардтъ, и сообщилъ своимъ землякамъ, что я писатель и вслѣдъ затѣмъ я потерялъ у нихъ всякой кредитъ (¹).

„Наши географы, по справедливому замѣчанію Риттера, не должны забывать этихъ фактовъ при оцѣнкѣ заслугъ, оказанныхъ смѣлыми путешественниками географіи“.

Но если мы отъ нашихъ отважныхъ современниковъ возвратимся къ великому вождю, который долженъ былъ вести жестоковыйный народъ къ его предназначенію по этой же самой мѣстности и при несравненно большихъ затрудненіяхъ, то найдемъ его по переходѣ чрезъ Черное море къ сѣверу отъ того мѣста, которое, какъ мы выше замѣтили, носитъ наименованіе Гаммамъ-фараунъ (фараонова купальня). Здѣсь, вмѣстѣ со своимъ народомъ, находился онъ на узкой, каменистой, покрытой сыпучимъ пескомъ, прибрежной равнинѣ. На получасовомъ разстояніи отъ берега и параллельно съ нимъ тянулся рядъ мѣловыхъ горъ, изрѣдка пресѣкаемый какой-либо *вади*, которая ведетъ потомъ къ каменной площади Тига. Отъ этихъ мѣловыхъ горъ раздавались тогда звуки торжественной пѣсни, воспѣтой всѣмъ сонмомъ сыновъ израилевыхъ подъ руководствомъ Моусея и Маріамны. Самый берегъ на мѣстѣ перехода носилъ наименованіе Ѳама, поедику такъ назывались ближайшія окрестности сѣверной оконечности Суэзскаго залива. Далѣе же на югъ узкая прибрежная равнина носила только общее названіе пустыни Суръ, подъ которымъ извѣстна была

(¹) Ritter, Erdkr. XIV S. 238.

равнина, простиравшаяся на сѣверъ до самаго Средиземнаго моря. Ея названіе было извѣстно израильтянамъ изъ древнихъ преданій ихъ рода; пустыня Суръ была мѣстомъ смѣлыхъ походовъ Измаила. Можетъ быть, это самое имя звучитъ еще и теперь въ *вади* Суръ, указывая тѣмъ на мѣсто, о которомъ у насъ рѣчь. Эту, равно какъ и всѣ другія, налѣво открывающіяся *вади*, израильтяне должны были оставлять въ сторонѣ, такъ какъ облачный столпъ указывалъ имъ на югъ; а къ горѣ Божіей Хориву—ближайшей цѣли ихъ путешествія—путь шелъ по двумъ большимъ долинамъ, которыя выходятъ къ морю гораздо далѣе на югъ. Такъ тянулись израильтяне три дня и не находили нигдѣ воды (Исх. 15. 22). Время, употребленное ими на этомъ переходѣ, не покажется намъ слишкомъ продолжительнымъ, если мы примемъ въ соображеніе тѣ особенныя затрудненія, которыя неизбѣжно сопряжены были съ началомъ такого необычнаго путешествія, и тѣ предосторожности, которыя необходимо нужно было принимать для облегченія и обезпеченія этого путешествія; такимъ образомъ, на каждый день приходилось по три мили и при этомъ у нихъ постоянно были въ виду на право море, а на лѣво небольшія горы. Вода на этой мѣстности и теперь бываетъ только во время дождей, и притомъ такъ, что не образуетъ ни одного потока, а когда израильтяне вступили на нее, именно въ концѣ Низана, начался уже сезонъ засухи и мѣстность приняла свой обычный видъ. Она есть не что иное, какъ обсохшее дно морское, пропитанное морской солью. Такимъ образомъ, израильтяне могли встрѣтить только нѣсколько лужъ, но и въ тѣхъ вода была пропитана морской солью. Такое безотрадное открытіе

и дѣйствительно сдѣлали израильтяне, когда, по прошествіи трехъ дней, нашли наконецъ воду въ одной изъ боковыхъ долинъ. Источникъ, пробивавшійся здѣсь между двумя холмами и струившійся по песчанымъ валунамъ русла въ море, до сихъ поръ носитъ у арабовъ названіе Аинъ-Говара; его горько-соленая вода совершенно непригодна для питья и людей и животныхъ. Легко себѣ вообразить огорченіе израильтянъ, которые, послѣ долгаго ожиданія, завидѣвши наконецъ воду, такъ жестоко ошиблись въ своихъ надеждахъ. Наименованіе негостепріимной мѣстности словомъ Марагъ (Морія)—„горечь", было лишь слабымъ выраженіемъ возбужденнаго ею неудовольствія; вскорѣ оно перенесено было и на Моусея, какъ руководителя путешествія, и приняло такіе размѣры, что онъ, серьёзно озабоченный, просилъ у Бога помощи. Тогда, говоритъ св. Писаніе, Господь указалъ ему одно дерево (¹), и какъ скоро онъ положилъ его въ воду, вода сдѣлалась сладкою.

Вотъ одно изъ событій, причиняющихъ много хлопотъ раціоналистическимъ толкователямъ Ветхаго завѣта, такъ какъ раздѣлять съ древностью вѣру въ чудеса—ниже достоинства этихъ ученыхъ. Вслѣдствіе этого явилось нѣсколько объясненій разсказаннаго Моусеемъ факта, объясненій, имѣющихъ цѣлію сверхъестественное дѣйствіе Божіе замѣнить естественными средствами природы. Правда, нельзя отрицать того, что, посредствомъ извѣстныхъ реагентовъ, можно отдѣлить соляныя

(¹) Исх. 15. 25. Евр. ês, греч. ξύλον, латин. lignum (по славян. древо), одинаково означаетъ какъ „дерево" (растущее) такъ и бревно, чурбанъ, (дерево, снятое съ корня и получившее уже ту или другую искуственную—хотя бы и самую грубую форму); послѣднее значеніе ближе идетъ къ глаголу wajjaschlech—*бросилъ*.

частицы изъ пресыщенной ими воды. Но извѣстныя намъ растенія, и всѣ вмѣстѣ и каждое порознь, вовсе не обладаютъ нужными для того химическими свойствами, и едва ли мыслимо, чтобы какое либо дерево обладало разрѣшающими элементами въ такихъ размѣрахъ, чтобы осадить въ водѣ такое громадное количество селитры, какое необходимо предположить въ горько-соленомъ источникѣ, найденномъ израильтянами. Если же, вмѣстѣ съ Буркгардтомъ, замѣнить въ данномъ мѣстѣ Исхода „дерево", или „обрубокъ" его ягодами, то а) это будетъ насиліемъ тексту и б) въ результатѣ получится лишь пустая гипотеза. Но нужно быть нѣмецкимъ ученымъ, чтобы воскликнуть εὕρηκα, какъ сдѣлалъ это достопочтенный Лепсіусъ, начертивши слово въ слово слѣдующую диковинку: „употребленное Моѵсеемъ средство—дерево ли, кора ли, или плоды какаго либо дерева или растенія—для превращенія горькой воды въ пригодную для питья, конечно, потомъ было потеряно, но, можетъ быть, снова отыщется, если поусерднѣе поискать его на той мѣстности; я захватилъ съ собою нѣсколько обрубковъ самыхъ обыкновенныхъ деревъ, растущихъ на возвышенныхъ равнинахъ, но до сихъ поръ не удосужился еще сдѣлать опыта (¹)". Но мы вмѣстѣ съ г. Лабордомъ (²) думаемъ, что „если бы такое простое и быстро дѣйствующее средство, каково было употребленное Моѵсеемъ, дѣйствительно существовало въ природѣ, то, конечно, оно не было бы потеряно бедуинами". И потому пока герръ профессоръ Лепціусъ удосужится наконецъ произвесть свои опыты, мы будемъ думать, что при Меррѣ совершилось дѣй-

(¹) Reise von Theben nach der Halbinsel der Sinai § 25.
(²) Comment. geogr. sur. 1 Exode p. 84.

ственное чудо (¹). Что проводникомъ этого чуда послужило дерево, это легко можетъ быть понято изъ тѣхъ сверхъестественныхъ цѣлей, которыя имѣлъ Господь Богъ, желавшій *испытать* израильтянъ, какъ говорится въ книгѣ Исходъ (15. 25).

По причинѣ продолжительной остановки здѣсь, остановки, которая была необходима израильтянамъ для того, чтобы напоить такое огромное количество скота и наполнить водою такое множество мѣховъ въ запасъ, переходъ до слѣдующей стоянки былъ очень коротокъ. Въ самомъ дѣлѣ ближайшее отсюда мѣсто стана въ Элимѣ лежало всего на полчаса пути отъ Мерры далѣе на югъ въ *вади* Гарандель, отклоняющейся налѣво отъ Тига. Здѣсь находилось, по свидѣтельству Исхода (*15*, 27) „до *семьдесяти*“ (по нашему переводу... einige siebenzig) пальмовыхъ деревъ и двѣнадцать источниковъ. Подъ этими послѣдними естественно нельзя разумѣть источниковъ съ ключевой водой, а искуственно выкопанные колодцы. И дѣйствительно песчаная почва *вади* Гарандель такъ пропитана водою, что стоитъ только сдѣлать углубленіе на два фута, чтобы достать воду. Двѣнадцать источниковъ, найденныхъ израильтянами, были выкопаны либо прежними путешественниками,

---

(¹) Въ доказательство того, что здѣсь дѣло идетъ о естественномъ событіи, ссылаются на 38 гл. 4, 5 и 6 ст. Сираха: *Господь созда отъ земли врачеванія и мужъ мудрый не возгнушается ими. Не отъ древа ли усладися вода, да познана будетъ сила его. И той далъ есть художество человѣкомъ, да славится въ чудесѣхъ своихъ.* Но въ этомъ мѣстѣ дается лишь совѣтъ не пренебрегать врачами; ибо хотя Богъ можетъ исцѣлять и безъ лекарствъ, но хочетъ, чтобы не пренебрегали и естественными средствами, такъ, напримѣръ, хотя при Меррѣ Онъ могъ бы безъ дальнихъ околичностей превратить горькую воду въ сладкую, но благоизволилъ употребить съ этою цѣлію дерево въ видѣ (естественнаго) средства.

либо кочевыми амалекитянами [1], и наглядно представляли новым пришельцам доказательство того, как легко им здѣсь удовлетворять своим потребностям. Послѣ трудностей пройденнаго пути тѣмъ желаннѣе долженъ былъ имъ представляться отдыхъ здѣсь; посему относительно этой стоянки въ книгѣ Исходъ (15, 27) замѣчено: *и ополчишася* (стали лагеремъ) *тамо при водахъ*—чего авторъ ни разу не замѣчалъ раньше.

Какъ долго продолжалась здѣсь стоянка, мы не имѣемъ возможности опредѣлить съ удовлетворительной точностью; знаемъ только, что когда столпъ облачный подалъ израильтянамъ знакъ сниматься съ мѣста, то они, по свидѣтельству Исхода (16, 11), пошли далѣе въ пустыню Синъ. Границы этой пустыни указаны въ самомъ текстѣ; она находилась между Элимомъ и Синаемъ. Подъ нею нужно разумѣть весь западный склонъ сѣверозападнаго горнаго кряжа до самаго берега. Чтобы достигнуть долинъ, ведущихъ къ Хориву, они должны были тянуться еще далѣе на югъ бокъ-о-бокъ съ моремъ, и на это потребовался добрый дневной переходъ. Путь, по которому они должны были теперь идти, былъ въ высшей степени утомителенъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ прибрежной равнины онъ пересѣкался крутымъ мысомъ, въ настоящее время носящимъ названіе Рась-Гаммамъ—Фирауна. Хотя можно было обойти этотъ мысъ по узкой песчаной полосѣ, извивающейся въ видѣ узкой ленты по его подошвѣ, но, такъ какъ, для огромной массы людей и животныхъ, этотъ обходъ представ-

[1] Тщетно стали бы мы искать теперь этихъ колодцевъ. Эта попытка была бы столь же наивна, какъ и попытка нѣкоторыхъ набожныхъ путниковъ отыскать семьдесятъ пальмъ (т. е. по прошествіи 4.000 лѣтъ).

лялся неудобнымъ, то израильтяне принуждены были сдѣлать другой обходъ мыса, болѣе отдаленный, именно: они взяли на лѣво, въ плодоносную *вади*, и шли по ней до пункта соединенія по ту сторону Гаммамъ—Фирауна съ возвышенною *вади* Таебегъ. Такъ какъ съ этого пункта они опять взяли вправо и спустились внизъ по узкому руслу долины (долины—потока, *вади*) то, послѣ напряженнаго девятичасоваго перехода, они снова очутились на морскомъ берегу. Въ этомъ мѣстѣ горный кряжъ постепенно все далѣе и далѣе уклоняется отъ берега на семичасовое пространство и потомъ вдругъ поворачиваетъ снова къ морю подъ прямымъ угломъ и снова пресѣкаетъ путь вдоль берега обрывистымъ гребнемъ. Вслѣдствіе этого образовалась треугольная равнина, представляющая площадь около трехъ квадратныхъ миль и не имѣющая недостатка въ водѣ. Здѣсь, гдѣ утомленіе и ночь заставили израильтянъ остановиться, былъ пропущенный въ книгѣ Исходъ, но совершенно справедливо обозначенный въ книгѣ Числъ, станъ при Черномъ морѣ.

Отдыхъ на этомъ мѣстѣ имѣлъ большое значеніе, потому что онъ долженъ былъ приготовить израильтянъ къ самой трудной и опасной половинѣ путешествія. Ближайшее препятствіе представилось относительно выбора пути внутрь полуострова. Къ Хориву вели отсюда три дороги. Сейчасъ же налѣво, на разстояніи какого нибудь часа южнѣе отъ того мѣста, на которомъ стояли теперь израильтяне у морскаго берега, тянулась въ горы широкая и открытая *вади*, носящая въ настоящее время имя Наеба. Она представляла, можетъ быть, самую удобную дорогу, если бы не вела прямо къ египетской колоніи, занимавшейся въ горахъ

разработкою мѣдной руды. Хотя послѣдняя и не могла равняться по численности съ массою израильтянъ, но, въ всякомъ случаѣ, столкновеніе съ нею не могло быть для нихъ желательнымъ. Къ тому же дальнѣйшій путь отъ этой долины до Хорива былъ и узокъ и затруднителенъ. Эти неудобства должны были навести на мысль—поискать другого пути. Прямо предъ израильтянами,—именно во внутреннемъ углу, образуемомъ крутымъ поворотомъ горнаго кряжа къ морю, открывались двѣ долины: одна, называемая теперь *вади* Могарегъ, поворачиваетъ отсюда налѣво къ высокой Джебель-Мокаттебъ, круто спускающейся въ долину, въ самое сердце горной площади, и ведетъ прямо на узкую горную равнину, лежащую между передовой линіей (Vormauer) Тига и синайскими Альпами. Эту долину Моисей могъ знать еще со времени своего бѣгства изъ Египта за опасное, узкое ущелье, по которому не могла двигаться такая масса людей, какую онъ велъ. Такимъ образомъ, оставалась наконецъ еще третья долина, которая изъ того же угла, о которомъ была уже рѣчь, величественно раскидывалась между грозными скалами. Игривая зелень, наполнявшая всѣ разсѣлины скалъ, роскошныя тамарисковыя рощицы, окаймлявшія скаты горъ, рѣзвый потокъ, стремившійся изъ долины въ море, наконецъ широкое, удобное ложе долины,—все это заставляло довѣриться этой дорогѣ. Правда, Моисея серьёзно могла озабочивать мысль о томъ, что если гдѣ, то именно въ этой плодоносной долинѣ можно наткнуться на дѣтей пустыни. Но столпъ облачный указалъ на эту именно долину и всѣ человѣческія опасенія должны были замолчать предъ требованіемъ повиновенія. Какое изумленіе должно было

овладѣть израильтянами, жившими до сихъ поръ на равнинѣ и видавшими только низменныя мѣстности, когда они однажды навсегда оставили морской берегъ и въ дальнѣйшемъ шествіи затерялись между отвѣсными, упирающимися въ небеса, горными пиками! Въ то время стѣны скалъ не были еще покрыты тѣми безчисленными надписями, по которымъ и самая долина была названа впослѣдствіи эль—Мокаттебъ, *писаною*; но тѣмъ внушительнѣе говорила путникамъ дѣвственная природа своими величественными формами. Мертвая тишина, которая до сихъ поръ прерывалась въ этой лощинѣ только крикомъ дрозда, или трелью малиновки, должна была смѣниться теперь суматохою, неизбѣжно соединенною съ движеніемъ необозримаго каравана людей и животныхъ. Чѣмъ дальше удалялись путники отъ моря, тѣмъ величественнѣе развертывалась предъ ихъ взорами великолѣпная горная природа, пробуждая въ нихъ возвышенное сознаніе о томъ, какъ мощно говоритъ *съ* ними Всемогущій въ этихъ явленіяхъ. Впрочемъ огромная масса израильтянъ слишкомъ сильно была занята заботами и трудностями пути, чтобы дѣйствіе впечатлѣній природы могло быть продолжительнымъ. Притомъ путь чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ труднѣе становился. Долина все съуживалась болѣе и болѣе и иногда вдругъ круто поднималась вверхъ. Потокъ, струившійся имъ на встрѣчу, дѣлался уже и уже, теряясь постоянно въ боковыхъ ручьяхъ, и вдругъ сверхъ всякаго ожиданія, они очутились предъ высокой скалой, изъ ущелья которой узкой лентой пѣнился знакомый уже имъ потокъ. Хотя скала, преградившая имъ путь, была не велика, и за нею открывалась прелестная, какъ Божій рай, *вади* Фейранъ съ новымъ

источникомъ живой воды; но на душѣ израильтянъ скопилось уже много горечи, и среди чужой, не привычной мѣстности пробудилась въ нихъ тоска по родинѣ. Тамъ въ Египтѣ дневные труды ихъ при выдѣлкѣ кирпича едва ли были легче, чѣмъ эти безконечныя заботы о женахъ и дѣтяхъ, овцахъ и верблюдахъ; но по крайней мѣрѣ вечеромъ ожидало ихъ мясо, приправленное чеснокомъ и лукомъ. А здѣсь послѣ дороги днемъ, вечеромъ предстояла имъ забота подоить свой скотъ, чтобы имѣть что поѣсть. Этимъ объясняется ропотъ, поднявшійся при упомянутой нами скалѣ въ первый же день. Господь не замедлилъ посрамить несправедливыя жалобы въ тотъ же вечеръ: стадо перепеловъ, обыкновенно въ это время года возвращающихся изъ Египта на полуостровъ, держало свой путь чрезъ *вади* Фейранъ и въ безчисленномъ множествѣ опустилось на станъ израильскій. Такимъ образомъ, у нихъ очутилось мясо, а на слѣдующее утро появилась въ первый разъ манна вокругъ стана, такъ что каждый могъ собрать ея столько, сколько ему было нужно (Исх. 16. 1—36). Итакъ волненіе на время было успокоено и путь по прекрасной долинѣ былъ продолженъ. Два раза еще они должны были останавливаться здѣсь станомъ; мѣсто перваго стана называлось Дофкегъ, втораго Алушъ (¹). И здѣсь благодѣянія Божіи, въ соединеніи съ величественной природой, способны были бы расположить сердце народа къ Богу, но, къ сожалѣнію, минутныя земныя нужды дѣйствовали сильнѣе, чѣмъ то, что относилось къ вѣрѣ. Второй изъ поименованныхъ становъ былъ расположенъ при подошвѣ

(¹) Оба эти мѣста разумѣются подъ словами: *по станомъ ихъ* (Исх. 17,) 1.

величественнаго Сербаала, тамъ, гдѣ долина Эшъ-Шейкъ, направляясь съ сѣверо-запада, широко и открыто вдается въ *вади* Фейранъ. По увѣренію вождя, они должны были теперь скоро быть у Хорива и принести жертву Господу, для чего собственно и вступили они въ страну Синая. Но когда столпъ облачный, поднявшись надъ станомъ, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать далѣе то направленіе, котораго держался до сихъ поръ, вдругъ повернулъ налѣво въ долину, раздвоявшуюся здѣсь почти подъ прямымъ угломъ, то снова взяло верхъ неудовольствіе. Здѣсь они должны были разстаться съ потокомъ, который терялся въ побочной долинѣ въ противоположномъ направленіи, а воды, которую они находили въ водоемахъ, было далеко недостаточно для такого множества потребителей. Дошло, наконецъ, до того, что когда вечеромъ, утомленные, они расположились въ широкой долинѣ близь Рафидима, воды не оказалось вовсе и недовольство разрѣшилось открытыми угрозами: *„даждь намъ воду, да піемъ*, такъ что даже вождь съ такимъ твердымъ характеромъ и такою вѣрою въ Бога, какъ Моисей, долженъ былъ почувствовать, что въ этомъ требованіи скрывается роковое: *еще мало и побіютъ мя каменіемъ* (Исх. 17 1—7). Но гора Синай, на которой Господь хотѣлъ показать Свое всемогущество, была уже близко. Между тѣмъ, какъ утомленный народъ располагался станомъ и роталъ, Моисей, по повелѣнію Божію, долженъ былъ двинуться еще далѣе по долинѣ и, въ присутствіи народныхъ старѣйшинъ, ударить своимъ жезломъ скалу, которою Хоривъ вдавался съ этой стороны въ долину: и вотъ заструился потокъ живой воды и, въ видѣ ручья, устремился по направленію къ жаждущимъ. Это чудо дол-

женствовало не только освѣжить ихъ, но и снова подкрѣпить ихъ вѣру въ Бога и довѣріе къ Богоизбранному вождю. Въ такомъ нравственномъ подкрѣпленіи они дѣйствительно нуждались въ эту минуту, такъ какъ впереди ожидало ихъ новое испытаніе. Два мѣсяца ужъ они странствовали по полуострову и ни разу не видали еще его обитателей. Встрѣча съ ними не могла быть дружескою, такъ какъ туземцы вовсе не желали, чтобы чужіе пришельцы травили ихъ пастбища своимъ скотомъ. Но было очевидно, что они не могли представить ни малѣйшаго сопротивленія израильтянамъ, пока тѣ шли по равнинѣ, гдѣ могли развернуть всѣ свои силы. Вслѣдствіе этого амаликитяне дозволили израильтянамъ безпрепятственно вступить въ горы, въ надеждѣ воспользоваться неблагопріятнымъ ихъ положеніемъ среди узкихъ долинъ и своимъ знаніемъ мѣстности. И вотъ, едва лишь утихъ ропотъ, возбужденный недостаткомъ воды, какъ раздался въ заднихъ рядахъ крикъ о помощи противъ амаликитянъ, которые напали на эти ряды съ тылу. Ночь положила конецъ рукопашной схваткѣ. Но, судя по ожесточенію, обнаруженному при этомъ амаликитянами, можно было ожидать, что нападеніе будетъ возобновлено на слѣдующій день. Моисей очень хорошо понималъ, что эта борьба имѣетъ и другой характеръ, кромѣ характера борьбы за простое существованіе. Въ лицѣ амаликитянъ языческій міръ оспаривалъ у избраннаго народа наслѣдіе Божіе, а въ такой борьбѣ гораздо больше значенія имѣло духовное оружіе, чѣмъ превосходство въ численности и въ матеріальной силѣ. И вотъ Моисей своею молитвою исторгаетъ побѣду въ битвѣ, которую на слѣдующее утро Іисусъ выдержалъ съ избран-

нымъ отрядомъ. О формальномъ сраженіи съ такимъ врагомъ и на такой мѣстности нельзя было и думать; вся битва представляла рядъ многократно повторявшихся неожиданныхъ нападеній изъ ущелій и горныхъ пещеръ, нападеній, противъ которыхъ Моисей подкрѣплялъ своихъ бойцовъ молитвою. Но когда насталъ вечеръ и безчисленное множество нападавшихъ покрыли своими трупами окраины долины, то амаликитяне не отважились уже на новое нападеніе и уцѣлѣвшіе изъ нихъ въ небольшомъ количествѣ въ уныніи ретировались вспять въ долину, лежавшую на сѣверъ оттуда (¹).

Какъ бы въ вознагражденіе за всѣ эти усилія и безпокойства, Моисей былъ утѣшенъ въ Рафидимѣ прибытіемъ своего тестя, который привелъ съ собою его жену и обоихъ сыновей. Вѣсть о великомъ движеніи народа Божія, оживившемъ полуостровъ, пронеслась уже до самаго отдаленнаго востока; ибо въ пустынѣ, гдѣ однообразіе пастушеской жизни рѣдко прерывалось какимъ либо чрезвычайнымъ событіемъ, всѣ разсказы съ необыкновенною быстротою переходили изъ устъ въ уста. Если Іофоръ для своего путешествія воспользовался естественной дорогой, представляемой поперечнымъ ущельемъ, образуемымъ *вади* Шейкъ между восточной и западной частью полуострова, то онъ едва ли могъ сомнѣваться въ томъ, что находится неподалеку отъ Моисея, и затѣмъ уже легко было отыскать и самый станъ, гдѣ онъ находился. Во время совокупнаго пребыванія близъ Рафидима спокойный и разсудительный царь-пастырь убѣдился, что въ водитель-

(¹) Исх. 17, 8—16. *Іисусъ поразилъ Амалика остріемъ меча* т. е. usque ad internecionem, или, какъ говорятъ на современномъ языкѣ — никому не давалъ пощады.

ствѣ народа Моусей возложилъ на себя слишкомъ тяжелое бремя. Послѣднія неудовольствія вызвали такъ много претензій другъ на друга, что Моусею приходилось съ утра до вечера разбирать взаимныя распри и творить судъ и расправу. Эта продолжительность судопроизводства была зломъ, которое скоро замѣтилъ Іоѳоръ, и его совѣту—пригласить на помощь для такихъ занятій другія силы—Моусей тѣмъ легче могъ теперь послѣдовать, что скоро вся его духовная энергія понадобилась ему въ другомъ мѣстѣ (Исх. 18. 1—27).

Отъ Рафидима „пошли они въ пустыню Синайскую", и здѣсь-то Моусей долженъ былъ воспринять на себя, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, посредничество между Богомъ и избраннымъ народомъ. Предполагая, что пустыня эта называлась такъ по имени горы, близъ которой она лежала, необходимо поточнѣе опредѣлить себѣ отношеніе между Синаемъ и Хоривомъ. Жертва, которую по Исх. 3. 1. 12, предполагалось принести на Хоривѣ, на самомъ дѣлѣ принесена была на Синаѣ, и теперь также шли они къ Синаю, хотя Моусей воду извелъ изъ скалы Хоривской. Отношеніе между ними состоитъ въ томъ, что подъ Хоривомъ разумѣется вся центральная группа горъ, а подъ Синаемъ только извѣстная гора изъ этой группы, и потому во многихъ случаяхъ одно названіе можетъ идти за другое. Такимъ образомъ когда израильтяне были у Рафидима, то ихъ отдѣляло отъ Хорива очень незначительное пространство, между тѣмъ когда они снялись здѣсь со стана, то потребовался цѣлодневный переходъ, чтобы достигнуть Синая. Именно долина энъ-Шейхъ, въ которую они уклонились на лѣво, поворачивала постепенно снова на право и настоящимъ полукругомъ на девять часовъ

пути обходила прямую поперечную линію до площади теперешней Джебель-Фурейя. На южномъ склонѣ послѣдней долина расширяется въ плоскую, песчаную равнину, называющуюся нынѣ эръ-Рагагъ; здѣсь раскинули они станъ и пустили свой скотъ на подножный кормъ на отлогостяхъ горы. На югъ возвышались предъ ними три огромные пика, отдѣленные другъ отъ друга долинами. Почти прямо, т. е. на западъ, возвышались скалистые пригорки, надъ которыми, на двухъ часовомъ разстояніи, виднѣлась величавая гора Екатерины, самая высокая изъ всей группы. Прямо налѣво выдается одинокая конусообразная гора, называемая въ настоящее время Джебель-эдъ-Деиръ. Но между обоими пиками, прямо противъ нихъ, лежала отвѣсная скала,—тогдашній Хоривъ въ тѣсномъ смыслѣ слова,—вершина которой носитъ теперь названіе Расъ-эсъ-Суфсафегъ. Это была гора, освященная откровеніемъ закона; но вершина ея, которую видѣли предъ собою израильтяне, не была мѣстомъ, избраннымъ для этой цѣли Богомъ. Моусей зналъ, что скалистый хребетъ на сторонѣ, обращенной къ израильтянамъ, именно къ югу, простирается еще на полчаса дальше и тамъ оканчивается отвѣсной гранитной стѣной въ 2.000 ф. высоты. Этотъ горный отрогъ, который легенда до сихъ поръ называетъ Джебель-Муса, Моусеевой горой, и есть ветхозавѣтный Синай ([1]). При подошвѣ этой скалы растилалась новая равнина, называемая Себаехъ, имѣвшая форму террасы, какъ амфитеатръ, и на получасовомъ

([1]) Новѣйшая наука искала законодательной горы совершенно въ другомъ мѣстѣ и въ своихъ блужданіяхъ доходила до Сербаала; но потомъ болѣе точныя изысканія подтвердили наконецъ справедливость древняго преданія. Ritter, XIV, S. 591 ff 736 ff.

разстояніи налѣво замыкавшаяся небольшими пригорками. Въ эту вторую равнину вели два входа,—одинъ широкій и удобный налѣво вокругъ Джебель-эдъ-Деиръ, чрезъ *вади* эсъ-Себайегъ, второй направо между Деиромъ и Хоривомъ, чрезъ тѣсное ущелье *вади* Шоэибъ. Вѣроятно, Моисей выбралъ этотъ послѣдній путь, когда, согласно Исх. 19. 3, былъ приглашенъ на гору для принятія завѣта Божія съ народомъ. Этотъ путь привелъ его на то мѣсто, на которомъ, теперь тринадцать уже вѣковъ, стоитъ знаменитый Синайскій монастырь. Когда онъ возвратился назадъ, народъ долженъ былъ до третьяго дня заниматься приготовленіемъ себя къ принятію закона. Въ опредѣленный день, какъ говорится далѣе—Исх. 19, 16,—Господь обнаружилъ Свое всемогущество, и теперь Моисей вывелъ „народъ изъ стана предъ Бога", т. е. онъ велѣлъ ему передвинуться чрезъ *вади* Себайегъ въ южную, по ту сторону лежавшую, долину. Здѣсь были устранены для народа преграды къ созерцанію величественнаго жилища Божія; ибо Синай, дымившійся, какъ пещь, такъ круто возвышался надъ равниной, что народъ могъ видѣть его, какъ на ладони. И вотъ израильтяне на почтительномъ отдаленіи остановились при подошвѣ горы, съ которой имѣли быть возвѣщены имъ десять заповѣдей. Мѣстность вполнѣ способна была преисполнить сердца благоговѣніемъ предъ присутствіемъ Божіимъ. Предъ ними во всемъ своемъ поразительномъ величіи рисовалась скалистая масса Синая, налѣво терялась въ небесахъ гора Екатерины, направо шли ряды горъ, возвышавшихся одна надъ другою и терявшихся въ самой отдаленной голубой выси; Синай въ настоящій моментъ былъ окруженъ темными облаками, а гласъ Божій, со-

провождаемый блескомъ молніи и раскатами грома, и величественная гора, колебавшаяся въ самыхъ своихъ основаніяхъ,—все это долженствовало произвести потрясающее дѣйствіе на упрямыя натуры, на которыя и было разсчитано. Понятно послѣ этого, почему израильтяне, выслушавши Десятословіе, не могли оставаться долѣе при Синаѣ: въ страхѣ бросились они чрезъ *вади* Себайегъ въ свой станъ на равнину эръ-Рагагъ, гдѣ Хоривъ прикрывалъ отъ нихъ мѣсто откровенія. „Говори ты съ нами, сказали они Моусею, и мы будемъ тебя слушать; Богъ же да не говоритъ съ нами, иначе мы умремъ". Хотя Моусей старался ихъ успокоить, но „народъ все-таки сталъ отдалече"; онъ оставался у эръ-Рагагъ, и все, что повѣствуется намъ далѣе о пребываніи при Синаѣ, должно быть относимо къ этой мѣстности (Исх. 20. 18—21). Здѣсь Моусей сообщилъ народу рядъ остальныхъ повелѣній Божіихъ; здѣсь воздвигли израильтяне золотого тельца и молились ему; здѣсь устроена была скинія свидѣнія, здѣсь сооруженъ былъ ковчегъ завѣта, здѣсь были наказаны Надавъ и Авіудъ; здѣсь предпринято было народосчисленіе; здѣсь утвержденъ былъ порядокъ расположенія стана; для всего этого потребовался почти цѣлый годъ. Равнина Хоривская была вполнѣ приспособлена для такого продолжительнаго пребыванія. Съ одной стороны ущелья и горныя пологости окрестностей доставляли имъ воду и траву для скота; съ другой—израильтяне находились здѣсь на соединительномъ пунктѣ, на которомъ пресѣкались пути сообщенія на полуостровѣ. Все, что мадіанитяне везли въ Египетъ и изъ Египта, провозилось мимо стана израильтянъ, такъ что они имѣли возможность частію пріобрѣтать для себя сред-

ства къ жизни, частію посвящать предметы, необходимые для устроенія богослуженія. Слѣды этихъ сношеній съ обитателями полуострова видны между прочимъ и въ томъ обстоятельствѣ, что, при окончательномъ снятіи стана у эръ-Рагагъ, зять Моисея Ховавъ, Мадіанитянинъ, по просьбѣ Моисея, присоединился къ шествію, чтобы быть полезнымъ народу своимъ специальнымъ знаніемъ мѣстности.

Такимъ образомъ насталъ наконецъ день, когда серебряныя трубы въ первый разъ возвѣстили народу, что столпъ облачный поднялся и повелѣваетъ сниматься съ мѣста. Въ первый разъ теперь дальнѣйшее шествіе было расположено по новому порядку: впереди Іуда, за нимъ Рувимъ, Леви и Данъ. Столпъ облачный указалъ имъ путь назадъ внизъ по *вади* Шейхъ, тамъ гдѣ она проходитъ близъ Рафидима. Но тамъ чудесный путеводитель повернулъ направо изъ долины и шествіе вступило въ небольшую равнину, огибавшую скалистую подошву Тига. Прямо предъ собою, на разстояніи трехъ часовъ, они увидѣли крутой горный утесъ, вершину котораго едва можно было видѣть глазомъ. Они знали, что позади возвышенной равнины, начинающейся этимъ пограничнымъ утесомъ, находится обѣтованная земля и потому съ удовольствіемъ могли слѣдовать по этому направленію. Но въ груди ихъ должно было пробудиться особенное чувство, когда, подошедши поближе, они не могли нигдѣ открыть прохода чрезъ эту скалистую стѣну. Только на самомъ близкомъ разстояніи замѣтили они, что за однимъ, далеко выдававшимся скалистымъ горнымъ гребнемъ открывалась узкая разсѣлина, наискось пробуравливавшая голую скалу, направо отъ израильтянъ. Вступивши въ

это темное ущелье, израильтяне скоро замѣтили, что оно чѣмъ дальше, тѣмъ больше расширяется и наконецъ переходитъ въ нарочитую долину, въ нынѣшнюю *вади* Суланагъ, и должны были тянуться по ней цѣлыхъ 12 часовъ по направленію къ сѣверо-востоку, употребивши предварительно не мало времени на проходъ сквозь гору. Вечеромъ, на третій день по оставленіи Синая, они раскинули свой станъ на мѣстѣ нынѣшняго Эль-Аинъ. Путешествіе, совершенное ими въ эти два дня, далеко не было такъ пріятно, какъ пребываніе у Синая или шествіе по прекрасной долинѣ Шейкъ: скоро забыты были обѣтованія и предположенія, сдѣланныя относительно будущаго. При мысли о томъ, что теперь предстоитъ длинный переходъ по пустынѣ Фаранъ, въ которую они уже вступили, возникло новое недовольство своимъ положеніемъ и, не смотря на то, что Господь не за долго предъ тѣмъ такъ непосредственно открывался предъ ними, многіе дерзнули прямо высказать жалобу на такое распоряженіе. За это воспылалъ гнѣвъ Божій и обнаружился страшнымъ пожаромъ, охватившимъ станъ, и только ходатайство Моисея успѣло еще разъ смягчить правосудіе Божіе (Числ. 11, 1—3). Хотя страхъ подавилъ ропотъ, вызванный распоряженіями Божіими относительно пути, но не могъ истребить въ нихъ воспоминаній о прошедшемъ, пробужденныхъ затрудненіями настоящаго. Снова мысли ихъ возвратились къ заманчивымъ яствамъ, которыми услаждалось ихъ рабство въ Египтѣ, и народъ взволновался, заплакалъ и сказалъ: *кто дастъ намъ мяса, да ямы?* Предъ этимъ новымъ испытаніемъ склонилась даже адамантовая душа Моисея и онъ не нашелъ ничего лучше, какъ излить свою скорбь предъ Господомъ. И

послѣ распоряженій, сдѣланныхъ имъ по совѣту Іоеѳора, бремя, лежавшее на его плечахъ, все еще было слишкомъ тяжело, тѣмъ болѣе, что онъ одинъ оставался постоянной мишенью для всѣхъ жалобъ, одинъ долженъ быть удовлетворять всѣ просьбы. Для его облегченія Господь повелѣлъ, чтобы впредь труды по управленію народомъ раздѣляли съ нимъ семьдесятъ два человѣка, избранные изъ среды народной, которые съ этою цѣлью и были исполнены тѣмъ же духомъ, который почивалъ на немъ. Но не преминулъ Господь заступиться за своего друга и другимъ образомъ, жестоко наказавши народъ. Наказаніе состояло въ исполненіи того, чего такъ неумѣренно просилъ этотъ неразумный народъ. Это было то время года, когда вереницы перепеловъ въ безчисленномъ множествѣ возвращаются изъ Египта на сѣверъ. Одну изъ такихъ верениць, утромъ тогоже самаго четвертаго дня, вѣтеръ загналъ на станъ израильскій и, такъ какъ она летѣла на нѣсколько только футовъ отъ земной поверхности, то израильтяне имѣли возможность ловить птицъ руками и готовить ихъ въ пищу. Огромная масса птицъ была засушена на раскаленномъ пескѣ или подъ палящими лучами полуденнаго солнца, какъ это и теперь часто дѣлается въ Египтѣ. Среди такого изобилія, народъ распиршествовался до того не въ мѣру, что многіе поплатились за свою жадность внезапною смертью. И вотъ плоское дно долины, на которой стоялъ станъ израильтянъ, скоро покрылось могилами,—*гробами похотѣнія;* и вслѣдствіе этого пребываніе на этомъ мѣстѣ продолжилось на цѣлый мѣсяцъ (Числ. 11, 4—34).

Обогащенный еще однимъ горькимъ опытомъ, избранный народъ снова снялся наконецъ съ мѣста по звуку

трубъ. На этотъ разъ шествіе направилось уже не по той долинѣ, по которой слѣдовало до сихъ поръ и которая далѣе начинала уже склоняться къ Эланитскому морскому берегу; столпъ облачный повелъ ихъ на сѣверъ, гдѣ, по коротенькой тропинкѣ, они достигли площади возвышенной равнины. Путь этотъ велъ на широкую, не слишкомъ поросшую равнину, тамъ и сямъ пересѣкаемую низенькими холмами и изрытую узкими дождевыми потоками. Хотя различіе между сѣверной половиной полуострова, по которой они теперь шли, и южной, которую оставили за собой, было довольно велико, съ точки зрѣнія удобствъ путешествія, тѣмъ не менѣе народъ, запуганный страшнымъ наказаніемъ, прошелъ безъ жалобъ два дневныхъ перехода. Въ Гацероѳѣ, нынѣшнемъ Биръ-эль Тенедъ, былъ сдѣланъ отдыхъ; но для Моѵсея не было отдыха отъ его безконечныхъ безпокойствъ. На этотъ разъ огорченіе получилъ онъ оттуда, откуда менѣе всего ожидалъ: оно было подготовлено ему женскимъ соперничествомъ. Сестра его Маріамъ поссорилась съ его женой Сепфорой и въ эту ссору имѣлъ слабость вмѣшаться и Ааронъ. Моѵсей увидѣлъ, что его родные братъ и сестра оспариваютъ у него преимущества, которыхъ онъ не искалъ; но чѣмъ больнѣе была для него эта обида, тѣмъ осязательнѣе утвердилъ Господь за своимъ другомъ его отличіе. Маріамъ, какъ зачинщица несчастнаго спора, въ знаменіе этого отличія, изреченнаго устами Іеговы, была поражена знаками проказы и, такъ какъ всѣ мольбы Моѵсея не въ силахъ были снять съ нея этихъ знаковъ въ теченіе восьми дней, то и весь народъ принужденъ былъ оставаться на этомъ мѣстѣ столько же времени (Числ. 12. 1—15).

Между тѣмъ шествіе подвигалось впередъ. Путники яснѣе и яснѣе сознавали, что, углубляясь въ пустыню Фаранъ, они находятся на прямомъ пути въ Ханаанъ. Хотя путешествіе потеряло теперь ту прелесть, которую имѣло прежде, благодаря постоянной смѣнѣ горныхъ пиковъ и долинъ съ пальмовыми и тамарисковыми лѣсами, и колонны путниковъ должны были раскидываться въ ширь болѣе чѣмъ когда либо, чтобы доставать пропитаніе для скота, тѣмъ не менѣе не слышалось ни одной жалобы. Воспоминаніе о карѣ Божіей было еще такъ живо и притомъ такъ много уже было признаковъ близкаго окончанія пустыннаго странствованія, что жалобамъ не могло быть мѣста. Мадіанитскіе купцы, встрѣчавшіеся съ ними, разсказывали уже, что они идутъ прямо изъ Хеврона, построеннаго за семь лѣтъ раньше, очень хорошо извѣстнаго израильтянамъ, Таниса въ Египтѣ, Хеврона, близъ котораго такъ долго жилъ ихъ праотецъ Авраамъ; отсюда они (купцы) шли на Вирсавію, гдѣ Авраамъ заключилъ союзъ съ Авимелехомъ и пили воду изъ живого источника, при которомъ Ангелъ нашелъ бѣжавшую Агарь. Ко всѣмъ этимъ достопримѣчательнымъ мѣстамъ должны были притти путники, держась направленія, которое указывалъ имъ столпъ облачный. Скоро характеръ ландшафта измѣнился: прямо на ихъ пути вдругъ очутилась возвышенная страна, покрытая крутыми, скалистыми холмами, страна, на которую вели безчисленныя прелестныя долины (вади). Это была гористая площадь Азазимата, романическія формы которой особенно пріятно и живописно ласкали взоръ послѣ однообразія пустыни Фаранъ. Два дня шли уже они по этимъ зеленѣющимъ склонамъ горъ, отдаленныя паль-

мы обозначили уже мѣсто живого источника, какъ вдругъ столпъ облачный указалъ имъ путь въ одну изъ долинъ, которыя открывались на ихъ пути подъ прямымъ угломъ. По множеству дроковыхъ кустарниковъ, окаймлявшихъ здѣсь подошвы скалъ, они назвали эту долину Ритмагъ, дроковой долиной,—наименованіе, удержавшееся до сихъ поръ за ней,—и теперь она называется вади-эль—ретема. Эта узенькая горная лощина скоро превратилась въ широкую, обильную травою равнину, которая какъ бы нарочито была приспособлена для продолжительнаго на ней пребыванія; дѣйствительно столпъ облачный указалъ остановиться здѣсь станомъ. Здѣсь Ховавъ скоро отыскалъ источникъ Аинъ-Мишпатъ, освященный первобытнымъ преданіемъ; до этихъ мѣстъ простерли свое вторженіе съ противоположной стороны цари съ Ходоголмогоромъ, уведшіе за собою плѣнникомъ Лота; отсюда они направились на сѣверъ тѣмъ же путемъ, которымъ намѣревались идти теперь израильтяне. Эти воспоминанія опускали завѣсу на все, что было позади ихъ, и они тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ раскинули теперь свой станъ, что, по ихъ предположенію, отнынѣ представится имъ не много случаевъ снова его раскидывать.

Частію по причинѣ близости обѣтованной земли, частію благодаря удобствамъ мѣстности, распоряженіе Божіе о томъ, чтобы Моѵсей послалъ соглядатаевъ въ Ханаанъ для собранія необходимыхъ свѣдѣній, ни для кого не было неожиданнымъ. Двѣнадцать именитѣйшихъ мужей было избрано для этой цѣли и станъ долженъ былъ оставаться при источникѣ Аинъ-Мишпатъ до ихъ возвращенія. Въ этой рекогносцировкѣ прошло шесть недѣль и, при однообразіи лагерной жиз-

ни, съ каждымъ днемъ возрастало нетерпѣніе услышать вѣсти отъ соглядатаевъ. Наконецъ, на сороковой день, начала ходить изъ палатки въ палатку молва, что посланные соглядатаи возвратились и принесли съ собой кисть винограда, которую въ силахъ нести только два человѣка и то на коромыслѣ. Это извѣстіе въ высшей степени воодушевило и обрадовало всѣхъ, и всѣ спѣшили слушать разсказы возвратившихся. Однакожъ эти разсказы звучали вовсе не такъ ободрительно, какъ позволяло надѣяться первое одушевленіе. Народъ, живущій въ Ханаанѣ, говорили расказщики, не похожъ на насъ и на мадіанитянъ, это—не пастушескій народъ, живующій въ шалашахъ; онъ имѣетъ осѣдлыя жилища и далеко превосходитъ насъ культурнымъ образованіемъ; у него есть крѣпкіе города, какъ у египтянъ и ассиріянъ, и онъ въ состояніи оказать сильное сопротивленіе. Къ этимъ разсказамъ, основаннымъ на фактахъ, большинство соглядатаевъ присовокупляло еще преувеличенныя картины, которыя такъ любитъ отыскивать повсюду восточная фантазія и которымъ наконецъ начинаютъ вѣрить сами расказщики подъ вліяніемъ соблазна разсказать что либо чудесное или необыкновенное. Только двое изъ возвратившихся, именно Іисусъ и Халевъ сохранили на столько самообладанія и спокойствія духа, чтобы передать истину, не искажая; они старались обратить вниманіе своихъ единоплеменниковъ на ту непреодолимую помощь, которую заступленіе Божіе даруетъ имъ противъ матеріальной силы враждебныхъ народовъ. Но, съ одной стороны, разсказы соглядатаевъ вполнѣ отвѣчали внутреннему настроенію израильтянъ, постоянно тянувшему ихъ назадъ въ Египетъ, съ другой преждевременныя надежды, которымъ

они такъ беззавѣтно предались сначала, теперь смѣнились тѣмъ большимъ уныніемъ;—словомъ, недовольство снова взяло верхъ, такъ что снова возникла мысль о возвращеніи въ Египетъ и Іисусъ съ Халевомъ, старавшіеся успокоить ихъ, едва не были побиты камнями. Только явленіе присутствія Божія не допустило до большаго несчастія. Этотъ послѣдній опытъ невѣрія и малодушія истощилъ Божественное долготерпѣніе; великодушное предстательство Моисея хотя успѣло еще разъ остановить выраженное Еговою намѣреніе—совершенно уничтожить неблагодарный народъ, но оно не въ силахъ было отклонить опредѣленіе о томъ, что всѣ взрослые, замѣшанные въ настоящемъ ропотѣ, должны умереть въ пустынѣ. Вслѣдствіе этого, почти въ виду обѣтованной земли израильтяне принуждены были возвратиться снова въ пустыню и странствовать въ ней до тѣхъ поръ, пока не исполнится 40 лѣтъ со времени исхода изъ Египта. Но ближайшимъ образомъ наказаніе ихъ состояло въ томъ, что Господь Богъ уступилъ ихъ неразумному, чуждому вѣры малодушію. Дѣло въ томъ, что предъ ними, по ту сторону высотъ, окаймлявшихъ долину съ сѣвера, въ нынѣшней *вади* Муррагъ, засѣли хананеиты съ амаликитянами, готовые противиться ихъ наступательному движенію; послѣдніе кромѣ того горѣли еще желаніемъ отмстить за свое пораженіе въ *вади* Шейхъ. Такъ какъ израильтяне слишкомъ боялись встрѣчи съ первыми; то и должны были теперь въ наказаніе дать тылъ и уклониться къ заливу Акаба. Но такъ какъ людямъ свойственно всегда желать запрещеннаго и подвижные израильтяне постоянно бросались изъ одной крайности въ другую, то и случилось, что вдругъ они изъявили желаніе во что

бы-то ни стало вторгнуться въ Ханаанъ и отважиться на битву, въ которую положительно запретилъ имъ вступать Господь Богъ. Тщетны были всѣ увѣщанія Моvсея; тщетно не двигался съ мѣста ковчегъ завѣта; способные носить оружіе поднялись на Джебель-Галлалъ, который тянулся предъ ними широкими гребнями съ запада на востокъ. За этимъ горнымъ кряжемъ раскидывалась огромная *вади* Муррагъ, тянувшаяся далѣе по тому же восточному направленію на девять часовъ пути; нѣсколько дальше она раздѣляется вилообразно однимъ изолированнымъ горнымъ пикомъ и двумя рукавами выходитъ на Арабагъ. Эта *вади* Муррагъ отдѣляетъ извѣстную уже намъ Джебель-Галлалъ вмѣстѣ со всею возвышенною площадью Азазимата отъ широкой горной страны, на которую выходитъ кряжъ горъ южно-палестинскихъ. Тогда эта горная возвышенность носила названіе горъ Аморрейскихъ, по имени одного изъ значительныхъ племенъ, на ней обитавшихъ. Эти-то Аморреи, пригласивъ къ себѣ на помощь уцѣлѣвшихъ послѣ битвы съ израильтянами амаликитянъ, рѣшились теперь преградить имъ путь. По предположеніямъ союзниковъ, израильтяне должны были съ Аинъ-Мишпатъ повернуть на старую дорогу, съ которой они своротили, оставляя направленіе на Вирсавію и Хевронъ: тогда они думали напасть на нихъ съ фланговъ или съ тыла изъ *вади* Муррагъ. Но какъ скоро израильтяне, вмѣсто того, предприняли отчаянный переходъ чрезъ горы, то было бы безуміемъ оставаться въ долинѣ, предоставивъ непріятелю всѣ выгоды мѣстоположенія; поэтому Аморреи благоразумно уклонились на противоположныя высоты и дали израильтянамъ спокойно спуститься въ долину и продолжить по ней

дальнѣйшее передвиженіе. Но, когда они приблизились къ той сторонѣ, союзники воспользовались выгодами своего положенія и бросились на нихъ сверху съ страшною силою. Встрѣтившись лицомъ къ лицу съ страшными врагами и представляя себѣ, что теперь нѣтъ уже съ ними Божіей помощи, израильтяне скоро упали духомъ и искали спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ. Одни бѣжали направо, другіе налѣво по долинѣ, немилосердо побиваемые жестокими преслѣдователями. Неистовое преслѣдованіе продолжалось съ одной стороны до равнины Тигъ, именно до Цефата, лежащаго далеко на сѣверъ по дорогѣ къ Хеврону, съ другой—ю высотъ Сеира, достигающихъ той стороны долины Арабагъ. Наконецъ преслѣдователи, утомившись, возвратились въ свои горы, послѣ избіенія безчисленнаго множества израильтянъ ([1]).

Уцѣлѣвшіе отъ побоища, чтобы достигнуть снова Аинъ-Мишпата, должны были съ запада и востока поворотить на югъ и добираться до лагеря по уединеннымъ горнымъ тропинкамъ. При этомъ первые (возвращавшіеся съ запада) должны были проходить мимо живаго источника,—и легко себѣ представить, что теперь они смотрѣли на него не съ тѣми чувствами, ка-

([1]) Такого представленія дѣла требуетъ, по видимому, контекстъ рѣчи. Согласно 14, 25 числъ амаликитяне и аморреи расположились (а не „жили“) въ долинѣ; по 40 ст. израильтяне взошли на вершину горы; по 45 ст. оба союзныя племена спустились съ горы, чтобы напасть на израильтянъ; такимъ образомъ, если бы израильтяне не отважились переходить поперегъ долины между горами; то не мыслимо, какъ они могли въ своемъ бѣгствѣ достигнуть Цефата, который лежалъ *по ту сторону* долины на открытой равнинѣ. Съ другой стороны во Второз. 1, 44, говорится: *„они“* (Аморреи) *поражали васъ отъ Сеира до Ермы* Цефата).

нія пробудились въ нихъ тогда, когда онъ былъ показанъ имъ издалека.

Ихъ возвращеніе наполнило станъ неутѣшной скорбію. Къ подавляющему сознанію, что Господь Богъ отмѣнилъ имъ входъ въ землю обѣтованную, присоединился еще трауръ по сродникамъ, тѣла которыхъ лежали не погребенными въ *вади* Муррагъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи обратились они съ молитвою къ Господу Богу, въ надеждѣ отвратить отъ себя еще разъ гнѣвъ Божій; но ни одного знака Божескаго милосердія, ни одного утѣшительнаго слова отъ Моvсея не послѣдовало въ отвѣтъ на ихъ тайныя ожиданія. Такимъ образомъ, ничего не оставалось больше, какъ примириться съ горькой дѣйствительностью, которую такъ сильно хотѣлось бы отрицать, и готовиться къ пожизненному странствованію въ пустынѣ; одно только снисхожденіе оказало имъ Божественное милосердіе, что имъ не было приказано отправиться въ путь немедленно же. На этой, чреватой такими печальными событіями, долинѣ они пробыли „много дней",—какъ много, мы не знаемъ, но вѣроятно такъ много, что по множеству они послѣ ужъ не считали ихъ (¹).

Цѣль этой отсрочки, по видимому, не была понята израильтянами. Есть основаніе думать, что въ ихъ подвижной натурѣ не долго сохранялось воспоминаніе о случившемся. Привыкши къ обнаруженіямъ Божественной благости, они снова могли предаться надеждѣ, пока не наступила роковая дѣйствительность. Но наконецъ насталъ печальный день исполненія Божественнаго опредѣленія. Съ глубокою скорбію смотрѣли одни

(¹) Второз. 1. 46 jamim rabbim cajjamim asher jeshabtem, „много дней,—столько, сколько вы тамъ пробыли".

и звѣрскимъ озлобленіемъ другіе, какъ поднялся столпъ облачный и указалъ имъ на путь, по которому они сюда пришли. Опять повелъ этотъ путь къ зеленѣющимъ долинамъ Азазимата, отводя ихъ все далѣе и далѣе отъ страны, которою они думали обладать. Вечеромъ на другой день они расположились уже станомъ на той, открытой необозримой плоскости, чрезъ которую проходили раньше, и на слѣдующее утро столпъ облачный указалъ имъ путь на юго-востокъ, гдѣ, по увѣренію Ховава, крутое ущелье должно было привести къ морскому берегу залива Акабы. Съ постоянно возраставшимъ неудовольствіемъ продолжали они путь по однообразной возвышенной равнинѣ, пока наконецъ глубоко таившаяся искра негодованія не вспыхнула яркимъ пламенемъ. То было формальное возмущеніе противъ Моvсея и Аарона, такое свирѣпое и не обузданное, на какое никогда еще не отваживались израильтяне до сихъ поръ, и на этотъ разъ починъ принадлежалъ старѣйшинамъ народа, съ родственникомъ Моvсея Кореемъ во главѣ. Дѣло шло ни больше, ни меньше, какъ объ учрежденіи новаго священства и вмѣстѣ съ тѣмъ о реорганизаціи всѣхъ существовавшихъ доселѣ порядковъ. Моvсей очень хорошо понималъ серьёзность минуты и, такъ такъ дѣло шло о высшихъ благахъ народа и его собственныхъ, то онъ прибѣгъ къ крайнему средству—воззвалъ къ непосредственному вмѣшательству Божію въ этотъ вопросъ. Однако жъ ожесточеніе было такъ велико, что даже страшная кара Божія, потрясшая землю и поглотившая главныхъ зачинщиковъ возмущенія, повела лишь къ новому бунту. Снова разразился гнѣвъ Божій и почти пятнадцать тысячъ мужей умерло отъ язвы, прежде чѣмъ молитвы

Моусея и Аарона успѣли преклонить на милость Божественное правосудіе (Числ. 16, 1—50).

Съ этого времени мрачный покровъ опускается надъ судьбами народа Божія и его великаго вождя. Хотя дошли до насъ названія, которыя путники, во время своего продолжительнаго странствованія, давали тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ останавливались и раскидывали свои кущи, по указанію столпа облачнаго; но, къ сожалѣнію, нѣтъ у насъ точекъ опоры для распознаванія этихъ мѣстъ. Гдѣ воспоминанія болѣе поздняго времени освѣщаютъ нѣсколько мракъ, покрывающій исторію тридцатисемилѣтняго странствованія, такъ мы видимъ лишь туманные образы: такъ, постепенно доходятъ израильтяне до совершеннаго равнодушія, отстаютъ отъ начертанныхъ для нихъ формъ Богослуженія, служатъ Молоху и Немфану и всѣмъ звѣздамъ (Езек. 20. 18—26. Амос. 5, 25). Но, мало-по-малу, старое поколѣніе вымерло и погребено въ пустынѣ, и юное поколѣніе, которому суждено было вступить въ землю обѣтованную, достигло мужескаго возраста. И вотъ, въ началѣ сороковаго года, мы снова находимъ весь сонмъ сыновъ израилевыхъ въ Эціонъ-Геберѣ, на сѣверномъ концѣ залива Акабы, и получаемъ возможность, съ библіей въ рукахъ, снова слѣдить за ними. Повидимому, отсюда они отправились на сѣверъ, по долинѣ Арабагъ, и въ концѣ ея поворотили налѣво, опять въ „пустыню Синъ“, т. е. въ *вади* Муррагъ, въ которую, за тридцать семь лѣтъ назадъ, вступали ихъ отцы. Тѣмъ же путемъ, по которому шли тѣ, слѣдовали и они теперь опять къ Аинъ-Мишпатъ, который имъ сдѣлался уже извѣстнымъ подъ именемъ Кадеша или Кадешъ-Барнеа. Но на этотъ разъ дождливый сезонъ еще не

наступили и, вслѣдствіе этого, находившійся тамъ источникъ не могъ удовлетворить всѣмъ ихъ потребностямъ. Тутъ-то это новое поколѣніе показало, что оно вполнѣ наслѣдовало отъ вымершаго поколѣнія его жестоковыйность и упрямство. Хотя во все пребываніе свое въ пустынѣ израильтяне не терпѣли ни въ чемъ недостатка,—хотя близъ Рафидима, когда они находились въ такомъ же положеніи, скала покорно источила имъ воду ([1]), хотя и теперь нужно было имѣть лишь не много довѣрія и прибѣгнуть къ обыкновенной безхитростной просьбѣ; но дѣти оказались столь же мало расположенными ко всему этому, такъ и отцы, и подобно имъ возроптали и начали спрашивать: *зачѣмъ вывели насъ изъ Египта* (Числ. 20, 1 и дал.)? Для Моисея этотъ ропотъ былъ громовымъ ударомъ. Сорокалѣтнему странствованію ихъ по пустынѣ видѣнъ былъ уже конецъ. Сколько безмѣрнаго долготерпѣнія обнаружилъ Господь къ своему народу въ эти сорокъ лѣтъ! Сколько самъ онъ—этотъ самоотверженный вождь народа—истощилъ усилій въ борьбѣ съ неблагодарностью, чтобы сохранить народу милости Божіи: между тѣмъ новое поколѣніе этого народа обнаруживаетъ въ себѣ то же настроеніе, которое, за тридцать семь лѣтъ назадъ, сдѣлало тщетными всѣ любвеобильныя намѣренія Божіи. Къ этому присоединились еще печальныя воспоминанія, связанныя съ этимъ мѣстомъ, и окончательно сокрушили маститаго вождя: что ему дѣлать, если Предвѣчный повелитъ снова возвратиться въ пустыню? Мы по-

---

([1]) Bibebant autem de spiritali consequente eos petra, 1 Cor. 10, 4. Здѣсь consequi значитъ тоже, что греч. ἀκολουθεῖν—слѣдовать, слушаться, повиноваться; срав. plebes senatui obedit ejusque consilio consequitur. Sall. Or. II. ad Caesar.

нимаемъ, что подъ тяжестью такихъ впечатлѣній могла склониться и адамантовая душа мощнаго старца. Чаша переполнилась; Моисей, равно какъ и Ааронъ, впали въ малодушіе и вотъ—этотъ великій мужъ, такъ часто служившій орудіемъ чудесъ Божественнаго всемогущества, теперь усумнился и не хотѣлъ вѣрить, чтобъ еще разъ, по его удару, скала источила имъ воду. То былъ недостатокъ вѣры и упованія, стоившій Моисею и Аарону великаго счастія—вступленія въ землю обѣтованія (Числ. 20. 12, 24 Псал. 106, 33). Второй разъ онъ долженъ былъ ударить теперь скалу прежде, чѣмъ показалась изъ нея вода, и въ „источникъ правды" потекла отнынѣ „вода пререканія", какъ названъ былъ также и источникъ близъ Рафидима; поелику вызванный Моисеемъ ручей воды течетъ къ „Аинъ-Кудесъ" даже до сего дня. Получивъ свое начало въ низенькой стѣнѣ скалы, онъ стремительно несется на нѣсколько сотъ шаговъ къ ближайшему дождевому потоку—прежнему Аинъ-Мишпатъ—и вмѣстѣ съ нимъ теряется далѣе въ сухой почвѣ (¹).

На израильтянъ, равнодушно встрѣчавшихъ уже такъ много чудесъ, это событіе не произвело особеннаго впечатлѣнія. Такъ какъ ихъ нужды были теперь удовлетворены, то ихъ мысли обратились исключительно на страну, въ скоромъ занятіи которой они уже не сомнѣвались болѣе. Вопросъ былъ только въ томъ, какимъ путемъ вѣрнѣе проникнуть въ Ханаанъ. Отъ прямаго движенія изъ Кадиса на Хевронъ, какъ прежде предполагалось, удерживала ихъ попытка, сдѣланная ихъ отцами въ *вади* Мурратъ; тѣмъ болѣе, что и теперь

(¹) Ritter, Erdkr. XIV s. 107. ff.

носился слухъ, что одинъ изъ ханаанскихъ царей, именно царь Арадскій, приготовился дать имъ съ этой стороны отпоръ съ оружіемъ въ рукахъ. А такъ какъ они по опыту знали, что изъ Кадиса идетъ очень удобная долина, которая пересѣкаетъ горныя твердыни по направленію къ востоку и прямо ведетъ въ длинную узкую равнину Арабагъ, то лучшимъ путемъ съ мѣста, ими занимаемаго, былъ бы именно этотъ путь; держась его, они обогнули бы Мертвое море и по линіи Іордана вступили бы въ Ханаанъ съ востока. Можно было ожидать, что и столпъ облачный укажетъ этотъ именно путь. Но по ту сторону равнины Арабагъ лежалъ кряжъ Сеирскихъ горъ, тянувшійся по восточной сторонѣ этой равнины отъ Мертваго до Чермнаго моря; этотъ кряжъ нужно было потомъ переходить. Между тѣмъ онъ служилъ тогда жилищемъ эдомитовъ и, такъ какъ, подъ прикрытіемъ своихъ родныхъ горъ, этотъ врагъ казался не одолимымъ, то проходъ по области эдомитовъ возможенъ былъ только съ ихъ позволенія. Такимъ образомъ, въ случаѣ, если бы столпъ облачный указалъ имъ этотъ путь, то оказывалось необходимымъ предварительно обезпечить себѣ возможность перехода чрезъ указанную мѣстность. Вслѣдствіе этого Моусей послалъ пословъ въ Эдомъ и далѣе къ Моаву съ вѣжливою просьбою; но хищныя дѣти горъ на отрѣзъ отказались исполнить эту просьбу и въ случаѣ, если бы израильтяне вздумали проложить себѣ путь силою, приготовились къ энергическому сопротивленію. Господу было не угодно, чтобы израильтяне вступили въ борьбу съ родственными себѣ, по происхожденію, эдомитами и потому столпъ облачный указалъ имъ сначала путь на востокъ, въ долину Арабагъ, а потомъ на югъ,

чрезъ открытую равнину вдоль горъ эдомитскихъ. Ясно было, что они должны были обогнуть эти послѣднія съ юга, чтобы, такимъ образомъ, достигнуть въ обходъ восточной полосы Іордана. Эта часть путешествія была ознаменована печальнымъ событіемъ. На половинѣ дороги, именно между Мертвымъ и Чермнымъ морями, возвышается уступами, въ видѣ четырестороннеі пирамиды, гора Оръ. Здѣсь суждено было скончаться Аарону и первосвященническое достоинство перешло къ сыну его Елеазару. Тридцать дней продолжался надгробный плачь по усопшемъ, имя котораго такъ тѣсно слилось съ исторіею странствованія по пустынѣ. Съ назначеніемъ новаго первосвященника была обезпечена прочность религіозныхъ учрежденій; но теперь наставала необходимость обезпеченія правъ собственности.

По широкой, песчаной Арабагъ, составляющей обсохшее дно морскаго рукава, израильтяне не могли двигаться сомкнутымъ строемъ. Скудость въ подножномъ кормѣ для скота заставила ихъ раздѣлиться и подвигаться впередъ большими и малыми колоннами. Услышалъ объ этомъ царь Арадскій, давно уже державшій свой народъ подъ оружіемъ. Напасть на цѣлый полкъ израильскій онъ не могъ отважиться; но нападеніе на ту или другую отдѣльную группу обѣщало богатую добычу и онъ рѣшился рискнуть ([1]). Чрезъ *вади* Мур-

([1]) Много было говорено о значеніи 1 ст. 21 гл. Числъ (*И услыша хананей царь Арадскій живый при пустыни, яко пріиде израиль путемъ Аваримскимъ, и ратова противу израиля и вся отъ нихъ плѣнь*), но мѣсто это скорѣе можетъ быть понято, если не такъ упорно держаться мнѣнія, что еврейское bo исключительно означаетъ *пришелъ*. Во употребляется и отъ *идти* и отъ *приходить*; а здѣсь оно просто значитъ *тянуться*, *подвигаться впередъ*, какъ въ 32 г. 6 ст. Числъ. В' derech, по обще-принятому словоупотребленію, значитъ: *по образу*, *по способу*, какъ согласно свидѣтельствуютъ всѣ лексиконы. Твердо дер-

рагъ направо, по узкой стезѣ, онъ пробрался къ скаламъ Азазимата, прошелъ поперегъ ихъ, внезапно явился въ долинѣ Арабагъ и бросился на одну изъ ближайшихъ группъ израильскихъ, которыя, по случаю траура, спокойно стояли лагеремъ. Застигнутые въ расплохъ, израильтяне не могли противиться хананаитянамъ, вооруженнымъ съ ногъ до головы, и потому враги возвратились въ свои горы съ огромною добычею. Оставлять такого врага позади себя было нельзя и потому рѣшено было отмстить хананитянамъ почувствительнѣе. Итакъ оставивши скинію свидѣнія съ остальными кущами въ долинѣ Арабагъ подъ необходимымъ прикрытіемъ, всѣ остальные, съ оружіемъ въ рукахъ, воротились назадъ, проникли даже до той стороны *вади* Муррагъ, въ собственную область царя хананеевъ, и принудили его отказаться отъ дальнѣйшихъ хищническихъ нападеній. Страшные города его оказались вовсе не такъ крѣпкими, какъ думали израильтяне, и одно укрѣпленіе за другимъ должны были сдаваться, такъ что царь не отважился даже принять открытое сраженіе. Послѣ того, какъ, всѣ близъ лежащія къ *вади* Муррагъ, мѣстности были такимъ образомъ разрушены, израильтяне удовольствовались пріобрѣтенными успѣхами и только наименованіе Гормага, т. е. *опустошенія*, данное этой мѣстности, должно было указывать ея обитателямъ на намѣреніе побѣдителей снова возвратиться сюда съ противоположной стороны и покончить какъ съ ихъ владычествомъ, такъ и съ ихъ укрѣпленіями. Когда всѣ

жась этого, я считаю слово hâatharim — членъ котораго даетъ понятіе о собственномъ имени—причастіемъ отъ халдейскаго глагола אתר *распространяться*, и вслѣдствіе этого читаю hâothrim. Такимъ образомъ, это мѣсто будетъ означать: „услышалъ хананитянинъ, царь Арадъ, что израиль вступилъ внутрь страны *по способу номадовъ*.

возвратились къ своимъ кущамъ, снова поданъ былъ сигналъ къ выступленію и они пошли далѣе по тому же направленію, котораго держались до сихъ поръ.

Эта побѣда надъ хананскимъ царемъ имѣла очень важное значеніе. Собственнымъ опытомъ израильтяне дознали теперь то, чему не хотѣли вѣрить ихъ предки, не смотря на увѣренія Іисуса и Халева,—именно, что боязливая трусость была тѣмъ врагомъ, котораго они испугались при вступленіи въ Ханаанъ. Этотъ же самый страшный народъ хананскій Господь Богъ предавалъ теперь въ ихъ руки и вѣра въ его непобѣдимость оказывалась созданіемъ воображенія. Это убѣжденіе должно было помочь имъ довести до конца свое многолѣтнее испытаніе: между тѣмъ начало къ тому дѣйствительно было уже сдѣлано. Мы думаемъ, что, вслѣдствіе этого, всѣ другія соображенія должны были стушеваться предъ мыслію о близости ихъ цѣли. Однакожъ и теперь минутныя затрудненія оказывались могущественнѣе всѣхъ опытовъ и всѣхъ воспоминаній. Долина Арабагъ была не обильна средствами къ жизни; но израильтяне не хотѣли переносить даже малѣйшихъ недостатковъ и роптали, какъ часто дѣлывали и прежде. И теперь, въ эти послѣднія минуты, Моѵсей еще разъ услышалъ обычную жалобу: „зачѣмъ вывелъ насъ изъ Египта?“ Но прошло уже время, когда жестоковыйный народъ склоняли къ раскаянію и улучшали долготерпѣніемъ и убѣжденіемъ. На этотъ разъ за преступленіемъ немедленно же слѣдовало и наказаніе; не далеко оказалось и средство къ нему. Въ песчаной почвѣ Арабага гнѣздилось безчисленное множество гадюковъ, которые частію по красному, огненному цвѣту своихъ головъ, частію по жгучему воспаленію, произво-

димому укушеніемъ, названы были огненными змѣями. Ихъ-то Божественное правосудіе напустило на мятежниковъ и многіе, очень многіе изъ нихъ погибли близъ цѣли, къ которой стремились въ теченіе сорока лѣтъ! Только тѣ изъ наказанныхъ спаслись, которые съ вѣрою взирали на мѣднаго змія, представлявшаго чувственный образъ ожидаемаго спасенія. Такимъ образомъ, послѣдняя очистительная жертва взята была съ народа и масса оставшихся могла готовиться къ обходу южнаго конца горъ эдомитскихъ и къ занятію восточной полосы Іордана. Вмѣстѣ съ тѣмъ израильтяне оставляли пустыню, чтобы никогда уже въ нее не возвращаться.

„Поразительное явленіе! Съ тѣхъ поръ, какъ израильтяне оставили гору Синайскую, ни въ св. Писаніи, ни въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, не встрѣчается свидѣтельства о томъ, чтобы какой либо іудей посѣтилъ священную гору Откровеннаго законодательства, за которое, однакожъ, они такъ упорно держатся,—тѣмъ болѣе поразительное, что ихъ священные пѣвцы и пророки старались заимствовать самые возвышенные образы и сравненія отъ этого грозно-величественнаго событія. Исключеніе составляетъ одинъ пророкъ Илія, когда, спасаясь отъ преслѣдованія Іезавели, онъ пробрался чрезъ пустыню на гору Хоривъ, гдѣ, послѣ бури, землетрясенія и огня, внималъ гласу Божію въ тихомъ, прохладномъ вѣяніи (3 Царст. 19, 2—13). Что же касается длиннаго промежутка времени, отъ вступленія израильтянъ, чрезъ пустыню Синайскую, въ Ханаанъ до разрушенія Іерусалима и обращенія Палестины въ римскую и византійскую провинціи, то христіанскому періоду извѣстно только два случая, имѣю-

щихъ отношеніе къ странѣ Синая,—одинъ изъ нихъ касается пристаней Эціонъ-Гебера и Элаѳа, упоминаемыхъ по случаю плаванія въ Офиръ (3 Цар. 9, 26), другой береговъ внутренней страны Петры, ознаменованныхъ вторженіями Антигона и его сына Димитрія" (¹). Съ распространеніемъ христіанства религіозный интересъ впервые заставилъ христіанскій западъ обратить свои взоры на Аравійскую пустыню. Многочисленные средневѣковые пилигримы охотно простирали свою благочестивую любознательность и на Синайскій полуостровъ, пока не настало другое время,—когда начали смѣяться надъ простодушной вѣрой этихъ пилигримовъ и всѣхъ, раздѣлявшихъ ихъ воззрѣнія. Потомъ невѣріе дало первый толчекъ къ ученому изслѣдованію всей страны и отважнымъ мужамъ, подъявшимъ этотъ тяжкій трудъ, мы обязаны разъясненіемъ одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ исторіи Откровенія, на сколько можно этого ожидать для періода, относящагося къ такой глубокой древности.

И. Троицкій.

(¹) Ritter, Erdkr. XIV. S. 10.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА

ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА СВЯТѢЙШАГО СИНОДА

ГРАФА Д. ТОЛСТАГО

ПО ВѢДОМСТВУ ПРАВОСЛАВНАГО ИСПОВѢДАНІЯ

ЗА 1866 ГОДЪ.

(продолженіе)

ПОПЕЧЕНІЯ О ДУХОВЕНСТВѢ И ЕПАРХІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Подготовляя и воспитывая достойныхъ служителей вѣры, духовное правительство не переставало простирать свои попеченія и на самихъ пастырей. Были изыскиваемы всѣ доступныя средства къ улучшенію матеріальнаго быта, давались необходимыя указанія къ возвышенію ихъ нравственнаго достоинства и значенія и къ возможному облегченію труднаго ихъ служенія; поддерживались и поощрялись всѣ добрыя ихъ начинанія; вся дѣятельность ихъ была направляема по тому пути, на которомъ всего болѣе и вѣрнѣе могла она вести къ успѣшному выполненію великихъ задачъ православной церкви.

Улучшеніе содержанія духовенства юго-западнаго края.

Матеріальное положеніе духовенства юго-западныхъ епархій улучшено въ 1866 г. возвышеніемъ его содержанія. Потребность въ этой мѣрѣ сознана еще въ 1864 году, когда были увеличены оклады содержанія городскаго и сельскаго духовенства въ сѣверо-западныхъ епархіяхъ. Почему Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 29 апрѣля 1865 г. разрѣшено было кіевскому генералъ-губернатору заимствовать по 200 т. руб. въ годъ изъ процентнаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній во ввѣренномъ ему краѣ на усиленіе, по его усмотрѣнію, содержанія православныхъ причтовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ окажется болѣе необходимымъ. Въ случаѣ недостаточности такого пособія, ему предоставлено было войти съ особымъ представленіемъ о семъ по установленному порядку.

Въ исполненіе такой Высочайшей воли, главный начальникъ юго-западнаго края сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ свои соображенія объ увеличеніи, въ видахъ обезпеченія тамошняго духовенства, отпускавшейся на этотъ предметъ суммы и вмѣстѣ съ тѣмъ о замѣнѣ натуральныхъ повинностей, отбываемыхъ въ томъ краѣ прихожанами въ пользу причтовъ, денежнымъ вознагражденіемъ.

Соображенія сіи были разсмотрѣны Высочайше учрежденнымъ присутствіемъ по дѣламъ православнаго духовенства, куда, по особому повелѣнію Вашего Величества, былъ приглашенъ и генералъ-адъютантъ Безакъ. Согласно съ мнѣніемъ его и министра финансовъ, присутствіе признало съ своей стороны необходимость воз-

высить пособіе юго-западному духовенству, изъ процентнаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній, до 400 т. руб., съ тѣмъ, чтобы распредѣленіе всей этой суммы было предоставлено епархіальнымъ архіереямъ съ утвержденія Святѣйшаго Синода и по соглашенію съ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ.

Это предположеніе, по разсмотрѣніи въ комитетѣ министровъ и за тѣмъ въ государственномъ совѣтѣ, удостоено Высочайшаго утвержденія 11 іюля 1866 г.

Изъ означенныхъ 400 т. р. ассигновано на Кіевскую епархію 126.163 р. 56$^1/_2$ к., Подольскую 153.871 р. 86$^3/_4$ к. и Волынскую 119.964 р. 56$^3/_4$ к.

Соображенія кіевскаго генералъ-губернатора касательно отбываемыхъ крестьянами юго-западнаго края натуральныхъ повинностей въ пользу духовенства, согласно постановленію Высочайше учрежденнаго присутствія по дѣламъ духовенства, внесены были мною въ государственный совѣтъ, мнѣніемъ котораго, Высочайше утвержденнымъ 16 января 1867 г. положено:

Отмѣнить эти повинности въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской съ 1 января 1868 г. Съ того же срока учредить поземельный налогъ въ губерніи Кіевской 127.012 р., Подольской 157.147 р. и Волынской 134.852 р., и взимать его со всѣхъ тѣхъ земель, которыя обложены уже сборомъ на губернскія земскія повинности. Раскладку сбора предоставить въ каждой губерніи соединеннымъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ и особому о земскихъ повинностяхъ присутствіямъ; окончательное же утвержденіе раскладки генералъ-губернатору. Въ вспособленіе православному духовенству назначить въ губерніяхъ Кіевской 120.800 р., Подольской 135.100 р. и Волынской 118.600 р.; осталь-

ную за тѣмъ сумму передать въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, на расходы по духовнымъ потребностямъ римско-католическаго населенія. Состоявшіяся въ нѣкоторыхъ православныхъ приходахъ поименованныхъ трехъ губерній соглашенія между причтами и прихожанами, относительно замѣны натуральныхъ повинностей денежными платежами, съ 1 января 1868 г. не считать обязательными для прихожанъ.

Назначеніе пенсій и пособій духовнымъ лицамъ.

Другою важною мѣрою, принятою по духовному вѣдомству, было обезпеченіе положенія заштатныхъ и сиротствующихъ лицъ духовнаго сословія. По Высочайшему повелѣнію Вашего Величества, въ сентябрѣ 1865 года, я вносилъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта предположенія Святѣйшаго Синода о назначеніи пенсій священникамъ, прослужившимъ 35 лѣтъ, по 70 руб. въ годъ, и вдовамъ ихъ отъ 35 до 45 р. и о назначеніи изъ государственнаго казначейства на пенсіи и пособія духовенству дополнительнаго кредита къ ассигнованнымъ въ 1861 г. 180.290 р., которые составляютъ 4% собственно съ пенсіоннаго капитала, переданнаго въ государственное казначейство въ билетахъ кредитныхъ учрежденій, въ количествѣ 4.507.252 р. Между тѣмъ по симъ билетамъ наросло процентовъ до 868.040 р. Сверхъ того, къ пенсіонному же кредиту слѣдовало причислить 2% вычетъ изъ жалованья городскаго и сельскаго духовенства, обращаемый въ казну, въ суммѣ 71 т. р., исключительно на предметъ выдачи пенсій и пособій духовнымъ лицамъ.

По представленію моему, Высочайше утвержденнымъ

9 мая 1866 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено: 1) впредь до изданія пенсіоннаго по духовному вѣдомству устава, предѣлъ кредита на пенсіи и пособія епархіальнымъ священнослужителямъ и ихъ семействамъ возвысить до 286 т. р.; 2) усмотрѣнію Святѣйшаго Синода предоставить выдачу единовременныхъ пособій изъ свободной части кредита на пенсіи, и 3) принять въ руководство составленныя Святѣйшимъ Синодомъ временныя правила о производствѣ пенсій и пособій.

На основаніи сего Высочайшаго повелѣнія, съ утвержденія Святѣйшаго Синода назначены съ 1 января 1866 года пенсіи 3.125 лицамъ епархіальнаго вѣдомства, на 162.633 р. 43 к., сверхъ 36.596 р. 57 к., разассигнованныхъ на пенсіи и пособія до 1 января 1866 года. 86.770 р. и оставшіеся свободными за смертію нѣкоторыхъ пенсіонеровъ 4.900 р., распредѣлены на единовременныя пособія по 34 епархіямъ 1.842 бѣднѣйшимъ духовнымъ лицамъ, въ размѣрѣ: священникамъ, прослужившимъ не менѣе 25 лѣтъ, и вдовамъ такихъ священниковъ по 70 р., діаконамъ и вдовамъ діаконовъ по 50 р. и причетникамъ и вдовамъ ихъ по 30 р.

За тѣмъ Святѣйшій Синодъ, по моему предложенію, принявъ во вниманіе съ одной стороны крайнюю ограниченность размѣра назначенныхъ по временнымъ правиламъ пенсій, а съ другой возможность увеличенія ихъ съ увеличеніемъ самаго кредита до 286 т. р., полагалъ возвысить размѣръ пенсій, назначивъ съ 1 января 1867 г. священникамъ по 90 р., вдовамъ ихъ по 55 и 65 р., на что въ 12 день декабря и послѣдовало Высочайшее соизволеніе Вашего Величества.

Сборъ съ духовенства, не получающаго изъ казны жалованья.

По временнымъ пенсіоннымъ правиламъ предположено производить пенсіи всѣмъ священнослужителямъ, прослужившимъ безпорочно 35 лѣтъ, не исключая и тѣхъ, кои не пользуются содержаніемъ отъ казны, съ чѣмъ сопряженъ $2^0/_0$ вычетъ на пенсіи, которому подвергаются какъ священники, такъ и прочіе члены причта, получающіе казенное жалованье. Но послѣдніе, по недостатку кредита, не получаютъ еще пенсій. Посему, для увеличенія способовъ къ назначенію единовременныхъ пособій наиболѣе нуждающимся духовнымъ лицамъ, Святѣйшій Синодъ призналъ справедливымъ установить постоянные взносы и отъ священнослужителей, не пользующихся казеннымъ содержаніемъ: съ священниковъ городскихъ церквей отъ 6 до 12 р. въ годъ, сельскихъ отъ 2 до 5 р., съ діаконовъ городскихъ отъ 2 до 5 р. и сельскихъ отъ 1 до 3 р., предоставивъ преосвященнымъ опредѣлить, по какимъ приходамъ и въ какихъ размѣрахъ долженъ поступать этотъ сборъ въ хозяйственное управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ. Высочайше утвержденнымъ 5 сентября 1866 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта разрѣшено привести это предположеніе въ исполненіе съ 1 января 1867 г., съ причисленіемъ самаго сбора къ спеціальнымъ средствамъ Святѣйшаго Синода.

Частныя попытки духовенства къ обезпеченію своего быта.

Съ своей стороны епархіальныя начальства и духовенство, положившія столько заботъ, трудовъ и лич-

ныхъ жертвъ на пользу духовнаго просвѣщенія, не съ меньшимъ вниманіемъ и сочувствіемъ относятся и къ положенію бѣдныхъ и сиротъ духовнаго званія. Во многихъ епархіяхъ поднятъ вопросъ объ обезпеченіи матеріальнаго ихъ существованія мѣстными средствами.

Въ Самарской епархіи, по начинанію и подъ непосредственнымъ руководствомъ тамошняго преосвященнаго Герасима, составленъ особымъ комитетомъ изъ духовенства проэтъ устава эмеритальной епархіальной кассы. Капиталъ кассы образуется: 1) изъ взносовъ вкладчиковъ, по разрядамъ, 2) изъ взносовъ отъ церквей, по разрядамъ, 3) изъ пожертвованій какъ духовныхъ, такъ и другихъ лицъ и 4) изъ взносовъ священнослужителей при полученіи наградъ. Общее количество годоваго взноса изъ сихъ источниковъ должно простираться свыше 10 т. р. Производство пенсій начнется тогда, когда основный капиталъ кассы возрастетъ до 100 т. р. Полная пенсія равняется суммѣ 35-тѣтнихъ постоянныхъ взносовъ; за 20 лѣтъ взноса полагается выдавать половину пенсіи, за 10—четверть, такъ что, напримѣръ, вкладчики, прослужившіе 35 лѣтъ и во все это время дѣлавшіе взносы по 1-му разряду (10 р. въ годъ), получатъ полную пенсію въ количествѣ 35-лѣтняго взноса, т. е. 350 р. въ годъ; прослужившіе 20 лѣтъ, и уволенные за штатъ, получатъ половину этой суммы, а прослужившіе 10 лѣтъ четвертую часть оной. Предположенное учрежденіе эмеритальной кассы единодушно принято самарскимъ духовенствомъ съ живѣйшею радостію и признательностью къ попечительности архипастыря и найдено вполнѣ полезнымъ и желательнымъ.

Въ Саратовской епархіи, согласно ходатайству духо-

венства 4-го благочинническаго округа Волгскаго уѣзда, разрѣшено преосвященнымъ Іоанникіемъ учредить общество взаимнаго вспоможенія заштатнымъ духовнымъ лицамъ и сиротствующимъ семействамъ этаго округа. Пенсіонный капиталъ общества составляется изъ опредѣленныхъ взносовъ каждаго изъ наличныхъ священно-церковнослужителей какъ 4-го округа Волгскаго уѣзда, такъ и другихъ уѣздовъ и округовъ, въ размѣрѣ 12 р. въ годъ съ священниковъ, 6 р. съ діаконовъ и 3 р. съ причетниковъ. На пожизненныя пособія изъ капитала общества имѣютъ право всѣ дѣйствительные члены общества, когда они поступаютъ въ заштатъ по болѣзни или старости, хотя бы они имѣли собственныя средства къ жизни и хотя бы удалены были за штатъ за преступленія, только бы эти преступленія не послужили поводомъ къ исключенію изъ духовнаго званія. Вдова члена общества пользуется правомъ своего мужа на полное пожизненное пособіе; въ случаѣ выхода ея въ замужество за другаго пособіе прекращается; но если у нея остаются дѣти отъ перваго мужа, то имъ продолжается выдача полнаго пособія. Дѣти умершаго члена общества, по смерти матери, пользуются правами отца своего на полныя пособія: сыновья до окончанія всѣми ими ученія, дочери до выхода всѣхъ ихъ въ замужество; не вышедшія въ замужество получаютъ полныя пособія пожизненно. Пособія выдаются по истеченіи 1-го года со времени учрежденія общества по усмотрѣнію общества, а съ истеченіемъ 2 лѣтъ, по третямъ года: священникамъ по 60 р. въ годъ, діаконамъ по 30 р., причетникамъ по 15 р.; по истеченіи 10 лѣтъ: священникамъ по 100 р., діаконамъ по 50 р., причетникамъ по 25 р. Общество на-

дѣется со временемъ оказывать пособія по своему усмотрѣнію: при опредѣленіи безпомощнаго сироты къ должности и на первоначальное обзаведеніе, при выдачѣ дѣвицы сироты въ замужество и другихъ случаяхъ.

На подобныхъ же основаніяхъ предполагается образованіе пенсіонныхъ капиталовъ для сиротъ и заштатныхъ въ епархіяхъ: Черниговской, Нижегородской, Тамбовской, Харьковской, Подольской и Херсонской.

Сверхъ того въ Орловской епархіи существуетъ съ сентября 1864 г., пока въ скромныхъ размѣрахъ, общество взаимнаго вспомоществованія мѣстнаго духовенства. Со дня учрежденія общества по 1 іюня 1866 года поступило взносовъ отъ его членовъ 2.072 руб., изъ коихъ употреблено на безвозвратныя пособія членамъ общества 601 руб. и выдано имъ заимообразно 315 руб.

Пастырская дѣятельность духовенства.

Епархіальное духовенство, бывъ призвано принять непосредственное участіе въ обсужденіи вопроса объ улучшеніи на счетъ мѣстныхъ источниковъ какъ собственнаго благосостоянія, такъ и быта епархіальныхъ учебныхъ заведеній, не могло бы достигнуть желаемыхъ результатовъ въ такомъ важномъ и трудномъ дѣлѣ безъ общихъ совѣщаній по этому предмету, безъ приведенія въ положительную извѣстность всѣхъ данныхъ о дѣйствительномъ состояніи и наличныхъ средствахъ каждой отдѣльной приходской церкви. Отсюда сама собою возникла необходимость въ учрежденіи съѣздовъ духовенства.

Съѣзды духовенства.

Первоначальнымъ своимъ назначеніемъ собранія духовенства имѣли изысканіе мѣръ къ улучшенію содержанія духовныхъ училищъ и семинарій. Преосвященные приглашали къ себѣ епархіальныхъ благочинныхъ, входили вмѣстѣ съ ними въ подробное обсужденіе нуждъ и потребностей сихъ заведеній, развивали свои соображенія о необходимости и способахъ вывести ихъ изъ настоящаго затруднительнаго положенія. Для той же цѣли были потомъ разрѣшаемы епархіальными архіереями съѣзды благочинныхъ и другихъ священнослужителей по уѣздамъ и благочинническимъ округамъ. Всѣ эти съѣзды были направляемы и руководимы въ своихъ дѣйствіяхъ личными или письменными указаніями преосвященныхъ и о каждомъ своемъ засѣданіи обязывались представлять имъ обстоятельный отчетъ.

Установленіе съѣздовъ открыло духовенству благопріятный случай поставить на нихъ и нѣсколько другихъ важныхъ вопросовъ, требовавшихъ неотложнаго разрѣшенія. Такъ, въ январѣ 1866 г., на собраніи благочинныхъ въ Тамбовѣ, приглашенныхъ преосвященнымъ для разсужденій о средствахъ къ увеличенію содержанія мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, заявлена, между прочимъ, мысль положить основаніе для епархіальнаго капитала въ пользу престарѣлыхъ, больныхъ и заштатныхъ лицъ духовнаго званія. Въ бывшемъ съ тою же цѣлію собраніи благочинныхъ въ Каменцѣ, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ самого преосвященнаго, были предложены разсужденія о пастырскихъ отношеніяхъ священниковъ къ прихожанамъ, о церковныхъ библіо-

текахъ, объ образованіи бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, о приходскихъ школахъ, церковныхъ попечительствахъ и т. п. На собраніи благочинныхъ Ушицкаго уѣзда, Подольской епархіи, составлены предположенія объ увеличеніи средствъ епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и объ учрежденіи эмеритальной кассы.

Епархіальные преосвященные, вполнѣ понимая всю пользу, какой можно ожидать отъ совокупнаго обсужденія духовенствомъ разнообразныхъ предметовъ, касающихся какъ матеріальнаго его быта, такъ и обязанностей пастырскаго служенія, начали въ этихъ видахъ болѣе и болѣе поощрять учрежденіе въ своихъ епархіяхъ священническихъ съѣздовъ. Въ 1865 г., преосвященный Орловскій предложилъ открытіе съѣздовъ благочинныхъ въ уѣздныхъ городахъ епархіи, а преосвященный Минскій, по желанію духовенства, возобновилъ издавна существовавшій въ его епархіи обычай составлять по временамъ благочинническія собранія подъ названіемъ собориковъ. Въ 1866 г., по ходатайствамъ благочинныхъ, разрѣшены преосвященными съѣзды духовенства въ епархіяхъ: Калужской, Саратовской и Нижегородской. Предметы занятій на съѣздахъ: обмѣнъ мыслей, свѣдѣній и наблюденій по церковной практикѣ; разрѣшеніе разныхъ сомнѣній и недоумѣній, встрѣчающихся въ пастырской дѣятельности каждаго священника; сужденія о мѣрахъ къ удовлетворенію нуждамъ церквей и духовенства, къ благоустройству приходовъ, церковно-приходскихъ школъ, церковныхъ попечительствъ; прекращеніе возникающихъ между членами причтовъ неудовольствій общими пастырскими увѣщаніями. Сверхъ всего этого, на соборикахъ въ Минской

епархіи, благочинные объявляютъ распоряженія епархіальнаго начальства; разсматриваютъ документы подвѣдомыхъ церквей, требуютъ отъ каждаго священника отчета о занятіяхъ его по приходу, о состояніи церкви въ хозяйственномъ отношеніи, объ успѣхахъ религіозно-нравственнаго образованія прихожанъ и т. п. Оказавшіяся общія и частныя упущенія благочинный объявляетъ гласно и, въ духѣ христіанскаго братолюбія, дѣлаетъ замѣчанія и наставленія. Для исправленія слабостей и нравственныхъ недостатковъ между священнослужителями и для примиренія враждующихъ, духовенство, при открытіи соборика, избираетъ изъ своей среды двухъ всѣми уважаемыхъ священниковъ, которые вмѣстѣ съ благочиннымъ разсматриваютъ дѣла такого рода и, въ случаѣ безуспѣшности исправленія и примиренія, представляютъ дѣло епархіальному начальству на дальнѣйшее распоряженіе. Точно также съѣздамъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность доводить до свѣдѣнія преосвященныхъ со всею подробностью и обо всѣхъ происходившихъ на нихъ разсужденіяхъ и дѣлаемыхъ предположеніяхъ на пользу церквей, причтовъ или прихожанъ. Вообще же съѣздамъ усвоены епархіальными преосвященными характеръ и значеніе не какого либо оффиціальнаго учрежденія, судебнаго или административнаго, а частныхъ братскихъ бесѣдъ, съ цѣлію помочь другъ другу взаимными совѣтами, наставленіями, внушеніями. Можно надѣяться, что при такомъ направленіи, при постоянномъ и просвѣщенномъ руководствѣ архипастырей, съѣзды, сблизивъ духовенство въ интересахъ пастырскаго служенія, будутъ со временемъ весьма важнымъ пособіемъ для епархіальныхъ начальствъ въ ихъ заботахъ о религіозно-нрав-

ственномъ преуспѣяніи своихъ паствъ. Не смотря на недавность учрежденія съѣздовъ, они приносятъ уже добрые плоды. Преосвященный Минскій свидѣтельствуетъ, что духовенство его епархіи видимо старается нынѣ возвысить свое поведеніе и восполнить свое образованіе чтеніемъ полезныхъ книгъ, выписываетъ съ этой цѣлію полезныя сочиненія, составляетъ церковныя библіотеки. Преосвященный приписываетъ такое утѣшительное настроеніе духовенства какъ вниманію къ нему со стороны правительства, такъ и учрежденію соборниковъ.

Выборъ благочинныхъ.

Вмѣстѣ съѣздами, мало по малу и съ соблюденіемъ необходимой осмотрительности, распространяется въ нѣкоторыхъ епархіяхъ выборный порядокъ назначенія благочинныхъ.

Въ 11 епархіяхъ: Архангельской, Саратовской, Тульской, Минской, Смоленской, Орловской, Екатеринославской, Кіевской, Харьковской, Кавказской и Тамбовской предварительный выборъ на благочинническія мѣста предоставляется самому духовенству. Тотъ же порядокъ допускается по временамъ, въ видѣ опыта, въ епархіяхъ: Ярославской, Нижегородской, Владимірской, Черниговской, Подольской, Пензенской, Тобольской и Волынской. Избранные кандидаты получаютъ утвержденіе въ должности отъ преосвященныхъ, которые, таким образомъ, ничего не теряя изъ предоставленной имъ власти, своимъ довѣріемъ къ духовенству даютъ ему новое побужденіе къ добросовѣстному исполненію долга—избраніемъ на благочинническое служеніе лицъ,

вполнѣ достойныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и готовыхъ съ усердіемъ и пользою пещись о ввѣряемыхъ имъ интересахъ церквей и причтовъ. Нѣкоторымъ изъ вновь избранныхъ благочинныхъ въ епархіяхъ Орловской, Пензенской и Кавказской назначено духовенствомъ небольшое вознагражденіе за ихъ должностные труды, въ размѣрѣ отъ 5 до 10 р. съ каждаго причта. А въ Екатеринославской епархіи духовенство при выборахъ изъ своей среды благочинныхъ, по предложенію преосвященнаго Платона, изъявило готовность назначить имъ изъ собственныхъ средствъ отъ 150 до 500 р. въ годъ.

Большинство благочинныхъ несутъ свои труды безмездно и, какъ видно изъ отчетовъ преосвященныхъ, терпятъ крайнія затрудненія при исполненіи своихъ обязанностей, соединенныхъ съ отяготительными для нихъ расходами на разъѣзды по благочинническому округу. Къ этимъ затрудненіямъ, общимъ для всѣхъ благочиній, слѣдуетъ присоединить огромныя пространства, на которыхъ раскинуты благочиннические округи въ нѣкоторыхъ епархіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ Олонецкой епархіи они простираются отъ 300 до 700 верстъ; въ Кемскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ Архангельской епархіи отъ 400 до 700 верстъ; въ Тобольской епархіи Омскій округъ простирается на 1.800 верстъ; въ Березовскомъ краѣ церкви отстоятъ отъ мѣста жительства благочиннаго на 60, 150, 420, 500 и 750 верстъ. Не получая изъ казны прогонныхъ денегъ, благочинные по необходимости должны сокращать число своихъ разъѣздовъ по завѣдуемымъ ими церквамъ, хотя болѣе частое обозрѣніе ихъ особенно нужно по самой отдаленности ихъ. Для возможнаго обезпеченія благочин-

ныхъ и вознагражденія не малыхъ ихъ трудовъ, за неимѣніемъ въ распоженіи Святѣйшаго Синада суммъ, остается одно средство: предложить самимъ причтамъ озаботиться изысканіемъ мѣстныхъ способовъ къ назначенію благочиннымъ постояннаго пособія на удовлетвореніе расходовъ по должности. Это предположеніе сообщено мною на первый разъ на соображеніе преосвященныхъ тѣхъ епархій, гдѣ благочинные избираются духовенствомъ, и отъ нѣкоторыхъ преосвященныхъ уже получены свѣдѣнія, доказывающія удобопримѣнимость предположенной мѣры.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ"

въ 1869 году.

«**Христіанское Чтеніе**», издаваемое при с.-петербургской духовной академіи съ 1821 года, будетъ и въ слѣдующемъ 1869 году выходить ежемѣсячно по прежней программѣ. Въ составъ его входятъ слѣдующіе отдѣлы:

Отдѣлъ I. **Переводъ св. книгъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка**, именно—въ 1869 году будетъ изданъ переводъ книгъ, слѣдующихъ за второй книгой Паралипоменонъ, съ особымъ счетомъ листовъ и страницъ.

Отдѣлъ II. **Собраніе символовъ и вѣроизложеній православной церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней.**

Отдѣлъ III. **Духовно-ученыя изслѣдованія**: *догматическія*, *церковно-историческія*, *каноническія*, *полемическія*, *религіозно-философскія и др.*

Отдѣлъ IV. **Статьи, относящіяся къ нравственной христіанской жизни**, какъ-то: *размышленія*, *повѣствованія*, *имѣющія поучительный характеръ*, *и проповѣди*.

Отдѣлъ V. **Обозрѣніе современныхъ церковныхъ дѣлъ и богословской и вообще духовно-ученой литературы отечественной и иностранной.**

«Христіанское Чтеніе» будетъ выходить книжками отъ 10 до 12 листовъ въ каждый мѣсяцъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ *безъ доставки на домъ* 6 руб., а *съ доставкою и пересылкою во всѣ города* 7 руб. Желающіе получить «Христіанское Чтеніе» въ концѣ года въ корешковомъ переплетѣ благоволятъ высылать за полный экземпляръ (12 книгъ) *10 руб.* Въ видахъ облегченія подписчиковъ, Редакція, по примѣру прошедшаго года, допускаетъ за годовое изданіе журнала разсрочку уплаты по-полугодно, — за ручательствомъ, впрочемъ, лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

При академіи и у книгопродавца Кораблева въ С.-Петербургѣ еще продаются полные экземпляры «Христіанскаго Чтенія» за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866. Каждый экземпляръ отдѣльно за 1822—1848 годы по *5 руб.* безъ пересылки, а съ пересылкою *6 руб.*; экземпляры 1849—1868 годовъ по *6 руб.* безъ пересылки, а съ пересылкою по *7 руб.* Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ годы въ совокупности или съ 1822 по 1827, или съ 1833 по 1847 включительно, тому будетъ уступленъ каждый экземпляръ одного года по *3 руб.* безъ пересылки, за которую нужно прилагать на 5 фунт. для каждаго экземпляра.

Подписка на «Христіанское Чтеніе» принимается въ Редакціи журнала при с.-петербургской духовной академіи, или въ правленіи этой академіи; также въ правленіяхъ иногородныхъ духовныхъ семинарій, въ газетной экспедиціи с.-петербургскаго почтамта и въ конторѣ Редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ при книжномъ магазинѣ Кораблева и Сирякова.

Редакція, впрочемъ, отвѣчаетъ за исправную доставку только тѣхъ экземпляровъ, которые выписываются отъ с.-петербургской духовной академіи, т. е. или непосредственно отъ Редакціи, или чрезъ правленіе академія; а

потому проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ обращаться съ требованіями журнала прямо и исключительно въ с.-петербургскую духовную академію—съ точнымъ обозначеніемъ: губерніи, уѣзда, города или почтовой конторы, въ которую слѣдуетъ доставлять журналъ, званія, имени и фамиліи подписчика.

Можно также получать въ Редакціи отдѣльными книгами:

1) *Бесѣды св. Златоуста на псалмы* (въ 2-хъ томахъ), помѣщенныя въ «Христ. Чт.» за 1860 г. Цѣна 3 р., на перес. за 2 ф.

2) Его же *Бесѣды на разныя мѣста Св. Писанія*. Т. I, II и III. Цѣна каждому тому 1 р. 50 к., на перес. за 2 ф.

3) Его же *Бесѣды на Евангеліе апост. и еванг. Іоанна Богослова*. Въ 2-хъ томахъ (около 70 листовъ). Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

4) Его же *Бесѣды на 1-е посланіе св. апост. Павла къ Коринѳянамъ*. Въ 2-хъ томахъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

5) Его же *Бесѣды и слова на разные случаи*. Т. I и II. Цѣна каждому тому 1 р. 50 к., на перес. за 2 ф.

6) Его же *Бесѣды къ антіохійскому народу*. Цѣна 2 р., на перес. за 2 ф.

7) Его же *Письма къ разнымъ лицамъ*. Цѣна 1 р., на перес. за 2 ф.

8) *Церковную исторію Евсевія*. Цѣна 2 р., на перес. за 2 ф.

9) *Письма св. Ѳеодора Студита*. Т. I. Цѣна 1 р., на перес. за 2 ф.

10) *Указатель сочиненій*, содержащихся въ 88 частяхъ «Христіанскаго Чтенія». Цѣна 50 к., съ перес.

11) *Указатель сочиненій*, содержащихся во всѣхъ частяхъ «Христіанскаго Чтенія» съ 1843 по 1860 г. включительно. Цѣна 20 к., на перес. за 1 ф.

„ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ“,

ПОПУЛЯРНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ГАЗЕТА,

будетъ выходить съ 1-го января 1869 г. подъ редакціею С. Штерна.

Десятилѣтняя дѣятельность на поприщѣ практической медицины дала намъ возможность убѣдиться, что публика, не исключая и людей достаточно образованныхъ, почти совсѣмъ незнакома ни съ законами физіологіи, ни съ правилами общественной и частной гигіены. Излишне было бы доказывать, что такое незнаніе нормальныхъ отправленій организма и условій зарожденія болѣзней бываетъ нерѣдко источникомъ крупныхъ ошибокъ, влекущихъ за собою весьма грустныя послѣдствія.

Предпринимая изданіе популярной медицинской газеты, мы имѣемъ цѣлью знакомить публику съ такими свѣдѣніями изъ области медицины, которыя болѣе всего способны исправить, господствующія во всѣхъ слояхъ общества, превратныя понятія о здоровьи и болѣзни и о значеніи практической медицины въ ряду положительныхъ наукъ.

Согласно съ этимъ мы будемъ преимущественно имѣть въ виду распространеніе познаній, ведущихъ къ изученію свойствъ и отправленій человѣческаго организма и всѣхъ, постоянно или случайно, дѣйствующихъ на него вредныхъ вліяній. При этомъ мы надѣемся нерѣдко имѣть случай указывать средства наиболѣе успѣшной борьбы съ болѣзнью. Само собою разумѣется, что борьба должна будетъ состоять не столько въ употребленіи разныхъ лекарственныхъ веществъ, сколько въ постоянномъ противодѣйствіи такимъ вліяніямъ, которыя, нарушеніемъ равновѣсія въ организмѣ, порождаютъ болѣзнь.

Тщательно избѣгая теоретическихъ тонкостей и умозрѣній, мы по возможности будемъ держаться практической почвы.

акъ напр., при описаніи болѣзненныхъ процессовъ, мы будемъ стараться опредѣлять съ точностью, когда можно относиться къ болѣзни выжидательно и ограничиваться соотвѣтственными гигіеническими и діэтетическими мѣрами, и когда, напротивъ того, необходимо прибѣгать къ помощи врача.

Отвергая пользу всякаго самолеченія, мы не только не намѣрены поддерживать, и безъ того слишкомъ распространенный въ публикѣ, пагубный обычай замѣнять совѣты врача тѣми или другими имѣющимися подъ рукою средствами, но будемъ, напротивъ того, всегда стараться проводить въ массы убѣжденіе, что даже въ незначительныхъ недугахъ правильное и раціональное врачебное пособіе полезнѣе средствъ, предлагаемыхъ несвѣдущею рукой.

ПРОГРАММА ПОПУЛЯРНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГАЗЕТЫ „ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ"

I. Общепонятныя статьи изъ области анатоміи, физіологіи, общественной и частной гигіены, а также статьи по другимъ отраслямъ естествознанія, на сколько онѣ въ связи съ вопросомъ о сохраненіи здоровья. II. Правила сохраненія здоровья въ разныхъ возрастахъ; совѣты о физическомъ воспитаніи дѣтей; уходъ за больными. III. Ученіе о пищѣ; общедоступные способы открытія подмѣсей въ пищѣ и напиткахъ. IV. Общепонятныя свѣдѣнія изъ области практической медицины. V. Народная медицина; наиболѣе распространенныя домашнія средства. VI. Наставленія во время господствующихъ повальныхъ болѣзней; обсужденіе разныхъ медико-полицейскихъ мѣръ. VII. Статьи по вопросамъ, относящимся къ практической и общественной дѣятельности врача. VIII. Критическій обзоръ и библіографія популярныхъ медицинскихъ сочиненій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. IX. Свѣдѣнія и отчеты о дѣятельности общественныхъ и частныхъ лечебныхъ учрежденій. X. Медицинская статистика. XI. Корреспонденціи по предметамъ, входящимъ въ програму газеты. XII. Смѣсь: извѣстія о разныхъ изобрѣтеніяхъ, имѣющихъ цѣлью улучше-

ніе условій здоровья, вредные для здоровья предразсудки, повѣрія и т. п. XIII. Фельетонъ. XIV. Объявленія.

Такъ какъ успѣхъ нашего предпріятія въ значительной степени будетъ зависѣть отъ благосклоннаго содѣйствія единомыслящихъ собратовъ, то мы и обращаемся здѣсь къ этимъ послѣднимъ съ просьбою доставлять намъ статьи по предметамъ, входящимъ въ программу „Домашняго Врача“. Въ особенности же просьба наша относится къ тѣмъ изъ многочисленныхъ товарищей, разсѣянныхъ по разнымъ угламъ обширнаго нашего отечества, которые въ состояніи подѣлиться съ нами интересными свѣдѣніями о томъ, какими средствами и съ какимъ успѣхомъ, въ данной мѣстности, пользуется народъ, въ какой степени и формѣ распространены тамъ знахарство и вредныя для здоровья суевѣрія, какія затрудненія встрѣчаетъ тамъ врачъ, при исполненіи многотрудныхъ своихъ обязанностей, и проч. и проч.

Редакторъ-издатель *С. Штернъ.*

Популярная медицинская газета „Домашній Врачъ“ будетъ выходить разъ въ недѣлю, по средамъ, въ объемѣ одного листа убористой печати. Подписная цѣна—4 рубля въ годъ; съ доставкою на домъ и пересылкою въ разные города—5 рубл. въ годъ.

Подписка принимается: въ *С.-Петербургѣ* — въ главной конторѣ редакціи, при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ у Казанскаго моста, д. № 30, и въ Лечебницѣ общества практическихъ врачей, на углу Невскаго и Малой Садовой, д. Демидова № 54/8; въ *Москвѣ*—въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на Страстномъ Бульварѣ, д. Загряжскаго. *Иногородные* обращаются съ своими требованіями прямо въ редакцію газеты „Домашній Врачъ“—въ Троицкомъ переулкѣ, д. Лѣсникова, № 36.

МАТЕРІАЛИЗМЪ БЮХНЕРА

(*Продолженіе*)

IV.

Итакъ, міръ не есть механизмъ, обязанный своимъ происхожденіемъ исключительно физико-химическимъ силамъ самой матеріи, потому что въ немъ, какъ мы видѣли, всюду разлита жизнь, которая своимъ бытіемъ указываетъ на бытіе Источника жизни—Высшей и разумной силы — Всемогущаго Бога. Но, кромѣ жизни, въ мірѣ всюду видна *мысль*, всюду отображается *Разумъ*, Божественный Промыслъ: міръ есть *символъ*, какъ говоритъ Фехнеръ, — Безконечнаго Духа и Его совершенствъ, подобно тому, какъ тѣло человѣка служитъ символомъ его духа (¹).

Строго вѣрный своему принципу, Бюхнеръ со всею силою возстаетъ также и противъ этой послѣдней истины, какъ и противъ вѣрованія въ Божественное твореніе міра,—возстаетъ тѣмъ болѣе, что, по собствен-

(¹) Professor Schleiden und der Mond G. Th. Fechner. Leipzig 1856 г. ss. 117—132.

ному его замѣчанію, признаніе разумнаго плана и промысла во вселенной всегда служило и служитъ однимъ изъ рѣшительнѣйшихъ аргументовъ о Божественномъ твореніи ея. „Міръ, говоритъ Бюхнеръ, отнюдь не есть реализація мысли Единаго Творца, но механическая связь вещей и явленій, которыя нужно познавать такъ, какъ онѣ существуютъ, а не такъ, какъ хотѣла бы воображать ихъ себѣ наша фантазія (1). Ближайшій и существенный пунктъ, гдѣ естественная наука и философія сходятся съ богословскимъ ученіемъ о промыслѣ Божіемъ въ мірѣ, есть ученіе о такъ называемыхъ *конечныхъ причинахъ* или цѣляхъ природы. На этотъ-то пунктъ и направляетъ всѣ свои удары Бюхнеръ, доказывая, какъ въ свое время доказывалъ *Э. Литтре*, подобный же ему физіологъ—матеріалистъ (2), что ученіе о конечныхъ причинахъ или цѣляхъ природы совершенно разрушено въ наше время новыми открытіями и изслѣдованіями наукъ положительныхъ, что, такимъ образомъ, неутомимая въ своихъ изысканіяхъ наука разбила въ самыхъ послѣднихъ основаніяхъ древнее суевѣріе, родившееся въ дѣтствѣ народовъ о Божественномъ управленіи міромъ (3).

Бюхнеръ, какъ очевидно, очень хорошо понимаетъ, какое важное значеніе имѣетъ удержаніе въ философіи или разрушеніе ученія о конечныхъ причинахъ. Съ этимъ ученіемъ соединено, дѣйствительно, рѣшеніе существенно богословскаго вопроса: основательно ли, разумно ли убѣжденіе въ томъ, что міръ физическій, а

(1) Force et Matière, p. IX.

(2) См. Современникъ за 1847 г. № 2 стр. 125—164 „О важности и успѣхахъ физіологіи".

(3) Force et Matière, p. 34.

за нимъ и нравственный, премудро устроенъ и предначначенъ къ благимъ цѣлямъ Высочайшимъ Умомъ,— или это только старая гипотеза, ни на чемъ не основанная и окончательно разрушенная современными успѣхами естествознанія, совершенно удовлетворительно изъясняющаго все изъ необходимаго дѣйствія свойствъ матеріи, которая, конечно, не имѣетъ въ виду никакихъ цѣлей и не знаетъ различія между добромъ и зломъ? Съ такимъ или другимъ рѣшеніемъ этого ученія окончательно стоитъ или падаетъ и все вообще механическое міровоззрѣніе Бюхнера, вся его натуралистическая система. Посему, иного рѣшенія этого ученія, нежели какое даетъ Бюхнеръ, нельзя было и ожидать отъ него. Но какія же данныя даютъ Бюхнеру право сказать, что ученіе о конечныхъ причинахъ или цѣлесообразности въ природѣ разрушено, или, по крайней мѣрѣ, должно быть разрушено и совершенно изгнано изъ науки?

„Философское понятіе цѣлесообразности должно быть совершенно изгнано, говоритъ Бюхнеръ, изъ *науки*, потому что оно, разсматриваемое какъ принципъ знанія, какъ методъ науки, оказывается самымъ вреднымъ и фальшивымъ воззрѣніемъ на природу, приводитъ къ безсчисленнымъ заблужденіямъ; чрезъ освобожденіе отъ грубыхъ идей телеологіи новѣйшая наука естествознанія, по мнѣнію Бюхнера, сдѣлала замѣчательные успѣхи, не останавливаясь болѣе на поверхности вещей и предоставляя мудрости школьныхъ учителей продолжать эти невинныя занятія телеологіей среди юныхъ слушателей, наполняющихъ ихъ зала“ (¹). Такимъ образомъ,

(¹) Natur und Geist ss. 267, 268 и Force et Matière, p. 90, 91.

Бюхнеръ отказывается признать существованіе конечныхъ причинъ или разумныхъ цѣлей въ природѣ, на томъ, прежде всего, основаніи, что примѣненіе телеологическаго принципа въ научномъ изслѣдованіи природы часто приводило и приводитъ къ фальшивымъ воззрѣніямъ на природу, къ безчисленнымъ заблужденіямъ. Что̀ сказать о такомъ основаніи? Прежде всего, легко понять, что Бюхнеръ въ этомъ случаѣ, ратуя противъ телеологическаго міровоззрѣнія, смѣшиваетъ два понятія: *методъ* науки съ *дѣйствительною природою* вещей. Самъ по себѣ, телеологической принципъ, разсматриваемый, какъ методъ науки, можетъ быть и безплоденъ и даже вреденъ въ наукѣ, — можетъ быть причиною многихъ заблужденій, но отсюда еще нисколько не слѣдуетъ, что нѣтъ никакихъ цѣлей или конечныхъ причинъ въ дѣйствительности, въ самой природѣ. Заблужденіе относительно какой нибудь истины еще не даетъ никогда права отвергать и самую истину. Если же мы, въ противоположность указываемому Бюхнеромъ авторитету современнаго естествознанія, обратимся къ исторіи ученія о конечныхъ причинахъ, какъ понимали это ученіе и раскрывали важность его для науки знаменитѣйшіе представители ея всѣхъ временъ и на этомъ основаніи будемъ составлять заключеніе—нужно ли признать или отвергнуть существованіе конечныхъ причинъ въ природѣ, то едва ли будетъ побѣда въ этомъ случаѣ на сторонѣ Бюхнера. Ученіе о цѣлесообразномъ устройствѣ міра—не новое, не гипотеза, вымышленная кѣмъ нибудь, но древняя истина, руководствомъ которой пользовалась наука съ незапамятныхъ временъ. На сторонѣ этой истины, какъ ея защитники, раскрывавшіе ея значеніе въ наукѣ и сами съ пользою при-

мѣнявшіе ее въ своихъ изслѣдованіяхъ, стоятъ первѣйшіе авторитеты древности въ ученомъ мірѣ, какъ напр. Пиѳагоръ, Платонъ, Аристотель, Цицеронъ и друг. (1). Основатели новаго самостоятельнаго направленія философіи и естествознанія въ XVII ст. Бэконъ и Декартъ были, по видимому, противъ конечныхъ причинъ, но *противъ*—не въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ современный матеріализмъ. Оба они вооружались не противъ *самаго бытія* въ природѣ причинъ конечныхъ, а только противъ умствованій о нихъ схоластическихъ философовъ, въ своемъ изъисканіи конечныхъ причинъ забывавшихъ или пренебрегавшихъ причинами физическими; оба они хотѣли только, чтобы преждевременнымъ и поспѣшнымъ вмѣшательствомъ конечныхъ причинъ не было нарушено и поставлено въ пренебреженіе изъисканіе физическихъ причинъ. Бэконъ, при всемъ своемъ уваженіи къ причинамъ физическимъ, говорилъ, что философы, занимавшіеся разъисканіемъ ихъ, никогда не находили довершенія изслѣдованій своихъ о природѣ, если не обращались, наконецъ, къ Богу и Его Провидѣнію (2). Въ послѣднія три столѣтія, множество новыхъ открытій въ естествознаніи, сдѣланныхъ при помощи наблюденій путешественниковъ, при посредствѣ телескоповъ и микроскоповъ и при руководствѣ математики, обогатило и философовъ и естествоиспытателей разнообразными средствами и подало имъ новыя сильнѣйшія побужденія къ благоговѣйному разсматриванію цѣлесообразности въ природѣ (3). Такимъ

(1) Нѣсколько писемъ о конечныхъ причинахъ. Пис. 1 стр. 176—194. (Прибавл. къ твор. св. Отцовъ, 1847 г.).

(2) Тамъ же, стр. 195—196.

(3) Тамъ же, стр. 199—205.

образомъ, философское преданіе всѣхъ временъ и людей мыслящихъ говоритъ намъ вовсе не то, какъ выдаетъ Бюхнеръ ([1]), чтобы разсмотрѣніе природы на основаніи телеологическаго принципа было ложнымъ: напротивъ, со стороны людей глубоко мыслящихъ, а не поверхностно смотрящихъ на дѣло, такое разсмотрѣніе всегда признавалось самымъ плодотворнымъ и вполнѣ соотвѣтствующихъ дѣйствительности. Эмпедоклъ, Эпикуръ, Гольбахъ и друг., на которыхъ ссылается Бюхнеръ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить представителями философскаго преданія всѣхъ временъ. Ученіе о конечныхъ причинахъ въ природѣ, какъ принципъ міровоззрѣнія, всегда стояло и стоитъ непоколебимымъ. Были, какъ мы видѣли, протесты противъ ложнаго односторонняго примѣненія этого принципа въ наукѣ, но ни какъ не противъ истины и основательности самаго принципа. Методъ науки и дѣйствительная природа—двѣ вещи, которыя наука всегда различала и различаетъ и заблужденія первой никогда не переносила и не переноситъ на послѣднюю. Бюхнеръ опускаетъ изъ вниманія эту простую и очевидную истину, и потому-то, ратуя противъ ложнаго и односторонняго примѣненія телеологическаго принципа въ наукѣ, думаетъ этимъ ниспровергнуть и самое существованіе конечныхъ причинъ въ природѣ. Но кто же, здраво и логически разсуждающій, можетъ позволить себѣ дѣлать подобные выводы. Въ протестѣ Бюхнера есть, очевидно, своя доля правды, но онъ, уничтожая заблужденіе, вырываетъ съ корнемъ и самую истину. Дѣло въ томъ, что новѣйшая естественная наука совершенно справедлива, когда она отвер-

---

([1]) Natur und Geist s. 273.

гаетъ телеологію, какъ методъ изъясненія явленій природы, т. е. выводъ ихъ изъ заранѣе предположенныхъ цѣлей, чрезъ что́, дѣйствительно, можетъ быть привнесенъ искуственный масштабъ въ изслѣдованіе природы и оно можетъ потерять изъ виду дѣйствительную, естественную связь вещей и явленій. Поступая такимъ образомъ, наука имѣетъ въ виду то справедливое основаніе, что мы цѣлей природы не знаемъ a priori, и слѣдовательно, совершенно не имѣемъ права въ наукѣ о природѣ *напередъ полагать* цѣли и тѣмъ болѣе цѣли *опредѣленныя*, *частныя*. Но это замѣчаніе безпристрастная наука должна сдѣлать не относительно только конечныхъ причинъ: оно имѣетъ полное значеніе и приложеніе ко всякому объясненію явленій изъ причинъ и законовъ *дѣйствующихъ*, *физическихъ*. Метафизическое основаніе тѣхъ и другихъ одно. И здѣсь также a priori мы ничего болѣе не знаемъ, кромѣ формальнаго закона причинности, лежащаго въ нашемъ разсудкѣ и выражаемаго нами въ общемъ правилѣ, что все являющееся и дѣйствующее въ природѣ должно имѣть свою причину, подобно тому, какъ мы a priori не *можемъ* не полагать, что все въ природѣ должно имѣть свою цѣль. Не смотря на то, наука, слѣдуя предписанію логическаго закона, что̀ все, что ни бываетъ, должно имѣть свою причину, принимаетъ дѣйствующія силы въ природѣ и, послѣ того какъ она нашла одинъ и другой законъ для ихъ дѣятельности, предполагаетъ, что и все бываетъ по опредѣленнымъ законамъ и изслѣдуетъ эти законы. Такъ именно поступаетъ и должна поступать, по тѣмъ же основаніямъ, наука и относительно закона конечныхъ причинъ. Наука не можетъ и не должна полагать никакихъ цѣлей *напередъ* для своихъ изслѣдованій, осо-

бенно цѣлей частныхъ: въ этомъ случаѣ онѣ могутъ быть для нея большею частію, но не всегда, безплодными неродящими дѣвами, какъ называлъ ихъ Бэконъ, могутъ быть и положительно вредными; но, послѣ того, какъ она узнала, что дѣйствующія причины въ природѣ весьма часто бываютъ вмѣстѣ и *конечными*, или направляются въ своемъ дѣйствіи къ извѣстнымъ цѣлямъ, какъ своимъ конечнымъ причинамъ, она заботливо можетъ и должна изслѣдовать цѣли природы и не въ правѣ отрицать ихъ потому только, что онѣ большею частію представляются намъ не въ такой ясности и отчетливости, какъ простыя дѣйствующія причины, изъ которыхъ также весьма часто только подобныя, второстепенныя признаются нами дѣйствующими, а отнюдь не ближайшія и въ собственномъ смыслѣ детерминативныя, дѣйствующія причины.

Итакъ, вотъ *основанія*, по которымъ,—и *норма*, въ предѣлахъ которой сама точная наука естественная не только можетъ, но и должна руководствоваться телеологическимъ принципомъ въ изслѣдованіи природы и, подъ его руководствомъ, раскрывать положенныя Творцомъ цѣли ея, премудрый порядокъ и планъ ея устройства ([1]). Можно ли что нибудь сказать противъ такого примѣненія телеологическаго принципа? По крайней мѣрѣ, менѣе всѣхъ можетъ сказать противъ этого сама же наука естественная, за интересы которой такъ хлопочетъ Бюхнеръ. Безъ телеологіи, говоритъ Фехнеръ, чтеніе книги природы не имѣетъ никакого смысла ([2]). Мы скажемъ, съ своей стороны, болѣе: безъ телеологіи не-

([1]) Gott und die Natur, Urlici S. 377. Professor Schleiden und Mond, G. Th. Fechner Ss. 99—107.

([2]) G. Th. Fechner a. a. o. s. 107.

возможно и *самое чтеніе*, какъ невозможно — употребимъ примѣръ Цицерона—то, что стоитъ только высыпать на землю безчисленное множество отлитыхъ изъ золота буквъ латинской азбуки,—и изъ нихъ тотчасъ составятся лѣтописи Эннія (1). Матеріализмъ беретъ въ книгѣ природы отдѣльныя буквы ея алфавита и нехочетъ знать цѣли ихъ употребленія и ихъ значенія въ общемъ составѣ: какимъ же образомъ возможно чтеніе этой книги для него? „Телеологія, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же Фехнеръ, составляетъ для натуралиста руководительный глазъ и руку, ногу, на которой онъ утверждается: безъ нея онъ слѣпъ и не проворенъ въ своемъ дѣлѣ (2)". Въ самомъ дѣлѣ, опытъ Гарвея, знаменитаго врача, открывшаго кругообращеніе крови, и признавшагося, что поводомъ къ сему открытію было для него отысканіе конечныхъ причинъ, — именно та мысль, что природа, вѣрно, не безъ цѣли снабдила наши кровевозвратныя жилы множествомъ заслоночекъ, которыя удобно открываются, чтобы допускать кровь къ сердцу, и закрываются, чтобы не пускать ее назадъ— этотъ опытъ не единственный въ исторіи естествознанія (3). Извѣстны особенно въ этомъ случаѣ опыты *Кювье*, который въ состояніи былъ по одной отдѣльной кости какого нибудь еще неизвѣстнаго, изъ допотопнаго міра сохранившагося, животнаго опредѣлить съ совершенною вѣрностію все строеніе его въ его существенныхъ чертахъ,—и этимъ онъ обязанъ былъ именно

(1) Нѣсколько писемъ о конечныхъ причинахъ. Письмо 1 стр. 189.
(2) G. Th. Fechner. a. a. o. s. 102.
(3) Примѣры подобныхъ открытій въ Естествознаніи, по руководству именно конечныхъ причинъ, собраны у Фехнера въ означенномъ нами сочиненіи стр. 76, 107—116.

закону конечныхъ причинъ, которымъ онъ пользовался въ своихъ изслѣдованіяхъ сколько съ величайшею ученостію, сколько же и съ рѣдкимъ остроуміемъ. Каждый учебникъ ботаники, зоологіи и физіологіи представляетъ доказательства того, что естествознаніе, особенно въ области органическаго бытія, почти на каждомъ шагу видитъ себя вынужденнымъ признать законъ конечныхъ причинъ и пользоваться имъ, потому что онъ часто приводитъ къ общимъ законамъ, которые оказываются столько же ясными и неопровержимыми, какъ и тѣ, которые составляютъ результатъ вычисленія и опытовъ. По сему даже естествоиспытатели съ матеріалистическими тенденціями, которые въ принципѣ отвергаютъ всякій разумный планъ и цѣлесообразность въ природѣ, вынуждены бываютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ невольно признать ихъ (¹). Но вотъ торжественное признаніе конечныхъ причинъ и въ наукѣ и въ природѣ со стороны самаго главы современнаго матеріализма, Молешотта: „не думайте, говоритъ Молешоттъ, уже профессоръ туринскій,—чтобы я былъ столько безразсуденъ или столько слѣпъ, чтобы отрицать существованіе намѣренія и цѣлей въ природѣ. Всѣ тѣ, идеи которыхъ я раздѣляю, также отнюдь не отвергаютъ τελος, который они разгадываютъ, а иногда даже и ясно видятъ въ природѣ, вмѣстѣ съ Аристотелемъ. Они хотятъ только предостеречь изслѣдователя отъ лабиринта, въ которомъ можетъ запутаться его изслѣдованіе, если онъ будетъ предаваться обольстительнымъ и неразумнымъ догадкамъ о цѣляхъ, вмѣсто того, чтобы строго держаться изслѣдованія дѣйствующихъ причинъ (rerum cognoscere cav-

(¹) Напр. Бурмейстеръ (Geolog. Bilder I, ss. 207, 214, 276).

sas) (¹). Съ этимъ признаніемъ, замѣтимъ кстати, Молешоттъ принимаетъ, очевидно, и прежде оспариваемое имъ положеніе, что цѣлесообразность природы указываетъ на личнаго Творца и Промыслителя вселенной. Такимъ образомъ, одно изъ существенныхъ оснований Бюхнера къ отрицанію конечныхъ причинъ въ природѣ,—основаній, на сторонѣ которыхъ думалъ видѣть Бюхнеръ и самую науку за одно съ собою, оказывается столь ложнымъ и несостоятельнымъ предъ судомъ самой же точной науки и здраваго разума, что отъ него отказывается даже одинъ изъ главнѣйшихъ представителей современнаго матеріализма. Но не болѣе вѣрны и состоятельны и другія основанія Бюхнера.

Бюхнеръ вполнѣ убѣжденъ, въ слѣдъ за многими натуралистами, что ученіе о конечныхъ причинахъ въ природѣ рушится въ самой основѣ, коль скоро современною наукою доказано, какъ извѣстныя дѣйствія или явленія природы, называемыя нами цѣлесообразными, составляютъ необходимый результатъ извѣстныхъ данныхъ, дѣйствующихъ причинъ, дознаніе этихъ послѣднихъ кажется ему рѣшительнымъ доказательстомъ противъ существованія первыхъ; гипотеза конечныхъ причинъ есть только, по Бюхнеру, невѣденіе причинъ дѣйствующихъ, какъ признавали это Эпикуръ и Спиноза. Нельзя сказать, по логикѣ Бюхнера, что олень имѣетъ длинныя ноги *для того*, чтобы быстро бѣгать, но что онъ потому быстро бѣгаетъ, что имѣетъ длинныя ноги. Мы имѣемъ глазъ не для того, чтобы видѣть, но мы потому и видимъ, что имѣемъ глазъ. Вещи разъ на-

---

(¹) Le Materialisme contemporaine en Allemagne. Paul Janet p. 132—133.

всегда то, что онѣ есть; если бы онѣ были устроены иначе, т. е. если бы было возможно, чтобы онѣ были иначе устроены, мы нашли бы ихъ не менѣе цѣлесообразными (1). Такимъ образомъ, по Бюхнеру, дѣйствующія причины исключаютъ конечныя и дѣлаютъ ихъ совершенно безсмысленными. Но справедливо ли это? По нашему мнѣнію, мысль, что олень имѣетъ длинныя ноги для того, чтобы быстро бѣгать, гораздо раціональнѣе даже съ научной точки зрѣнія, чѣмъ мысль, что олень потому быстро бѣгаетъ, что онъ имѣетъ длинныя ноги, хотя первая и неисключаетъ послѣдней. Длинныя ноги оленя—причина ли того, что онъ быстро бѣгаетъ? У журавля ноги, пропорціонально къ туловищу, гораздо длиннѣе, чѣмъ у оленя; по этому журавль долженъ бы, по видимому, бѣгать если не быстрѣе оленя, то по крайней мѣрѣ съ быстротой не менѣе замѣчательной быстроты оленьяго бѣга. На дѣлѣ же мы не видимъ этого. Стало быть, длинныя ноги у того и другаго животнаго — не просто причина, но средство, принаровленное къ извѣстной цѣли, и различіе именно цѣлей даетъ также различное значеніе одинаковой, по видимому, особенности ногъ оленя и журавля. По этому-то физіологи болѣе компетентные, чѣмъ Бюхнеръ, сознаются, что физіологъ принужденъ признать гармоническую и предустановленную цѣлесообразность въ организованныхъ тѣлахъ, чтобы наблюдаемымъ имъ фактамъ дать точный ихъ смыслъ, настоящее значеніе (2). И какимъ образомъ, далѣе, понятіе конечныхъ причинъ не примиримо съ понятіемъ

---

(1) Force et Matière, p. 92. Natur und Geist, s. 275.

(2) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 114—115.

причинъ дѣйствующихъ? Никто изъ допускающихъ конечныя причины или цѣли въ природѣ никогда не думалъ и не думаетъ сказать этимъ, что въ природѣ есть дѣйствія безъ причинъ или дѣйствія не пропорціональныя своимъ причинамъ, и что цѣли природы въ томъ и состоятъ, что она достигаетъ извѣстныхъ явленій или производитъ извѣстныя дѣйствія безъ всякихъ данныхъ къ этому средствъ или причинъ. Цѣль и средства или — что тоже — причины — два понятія немыслимыя одно безъ другаго. Конечныя причины не составляютъ чудесъ въ природѣ. Послѣ сего, что же удивительнаго, если натуралистъ, изучая дѣйствующія причины въ извѣстномъ явленіи природы, приходитъ этимъ путемъ и къ уясненію конечныхъ причинъ, какъ ихъ необходимаго результата? Противное этому было бы и невозможно и нелѣпо. Такимъ образомъ, пусть натуралистъ изъяснитъ намъ во всей подробности всѣ тѣ причины и условія, по которымъ нашъ глазъ можетъ и долженъ извѣстнымъ образомъ видѣть предметы, — этимъ отнюдь не будетъ исключено то положеніе, что мы для того и имѣемъ глазъ, чтобы видѣть. Если Премудрый Творецъ хотѣлъ, чтобы мы *видѣли*,—что лучше могъ онъ сдѣлать, какъ не даровать намъ глаза? „Вещи разъ на всегда то, что онѣ есть, и если бы онѣ были устроены иначе, говоритъ Бюхнеръ, мы нашли бы ихъ не менѣе цѣлесообразными“. Никто не будетъ и спорить противъ этого, скажемъ на это положеніе Бюхнера. Мы вѣримъ, что если бы Премудрому Творцу угодно было дать нашему міру другое устройство, нежели какое онъ имѣетъ теперь, Онъ устроилъ бы его не менѣе цѣлесообразнымъ. Нашъ разумъ находитъ разумный планъ и цѣлесообразность въ настоящемъ

порядкѣ вещей и, чтобы судить о ихъ совершенствѣ, онъ вовсе не нуждается знать, чѣмъ были бы вещи, если бы онѣ иначе были устроены? Никакого сравненія для этого, какъ думаетъ Бюхнеръ, не нужно. Нужна только способность понимать вещи и стремленіе уразумѣть по возможности ихъ сущность и связь между собою. Осмѣлится ли же Бюхнеръ отказать человѣку въ этой способности и въ этомъ стремленіи?

Но въ самихъ же дѣйствующихъ причинахъ нѣтъ ли, вопреки увѣреніямъ Бюхнера, самаго рѣшительнаго доказательства господствующей всюду цѣлесообразности въ природѣ? Мы называемъ причиною опредѣленное взаимодѣйствіе нѣсколькихъ силъ (всякая сила проявляетъ свою дѣятельность только во взаимодѣйствіи съ другими силами—это аксіома), имѣющее своимъ результатомъ какое нибудь дѣйствіе или явленіе природы. Но могли ли бы силы, въ своемъ взаимодѣйствіи, производить строго опредѣленныя, напередъ со всею математическою точностію вычисляемыя явленія, если бы онѣ и въ мѣрѣ своей дѣятельности и въ своемъ взаимодѣйствіи, не были принаровлены и навсегда предопредѣлены къ этимъ явленіямъ всемогущимъ Творцомъ? Въ природѣ, безъ сомнѣнія, имѣетъ мѣсто здѣсь тоже явленіе, какое мы наблюдаемъ и въ дѣлахъ человѣка—техника, когда онъ устраиваетъ какой-нибудь механизмъ для произведенія какихъ нибудь вещей и явленій. Механизмъ, по отношенію къ производимымъ имъ явленіямъ или предметамъ, есть также ихъ причина, а они по отношенію къ нему — слѣдствіе; но въ тоже время это слѣдствіе есть цѣль и было цѣлію, какую имѣлъ въ виду техникъ, давая извѣстное опредѣленное устройство самому механизму, какъ средству

для достиженія этой цѣли: теперь эта цѣль, такъ сказать, имманентна механизму и выполняется имъ необходимо и мы смотримъ на механизмъ, только какъ на причину производимыхъ явленій. Заключая отсюда аналогически къ окружающей насъ природѣ, не можемъ ли мы и на всю природу, съ дѣйствующими въ ней силами, смотрѣть, какъ на огромный, устроенный премудрымъ и всемогущимъ Художникомъ небеснымъ механизмъ, въ которомъ дѣйствующія силы представляютъ въ своемъ дѣйствіи не просто механическое развитіе слѣдствій изъ причинъ, совершающееся то по необходимости, то случайно, но съ тѣмъ вмѣстѣ самое премудрое и разумное сочетаніе средствъ и цѣлей, такъ что дѣйствіе силъ космическихъ всегда совершается по опредѣленному плану и въ направленіи опредѣленныхъ цѣлей, разъ на всегда установленныхъ премудростію Творца. Такой взглядъ на природу дѣйствующихъ силъ въ мірѣ становится тѣмъ понятнѣе и несомнѣннѣе для насъ, чѣмъ болѣе наука раскрываетъ предъ нами строгую, математическую законосообразность въ развитіи дѣйствующихъ силъ въ природѣ,—законосообразность, по которой не только каждое дѣйствіе и явленіе въ природѣ въ точности пропорціонально своей причинѣ, но и самыя силы находятся между собою въ такомъ строго законномъ, разъ навсегда опредѣленномъ отношеніи, что современная наука въ состояніи съ точностію вычислить намъ, въ какихъ пропорціяхъ одна изъ нихъ можетъ возбуждать дѣйствіе другой, въ какой мѣрѣ нужно напряженіе или дѣйствіе одной силы въ связи съ другою для достиженія опредѣленнаго результата, какому общему закону подчинена дѣятельность каждой изъ нихъ. Не будь этой строгой законосообраз-

ности въ развитіи и дѣятельности силъ, пусть каждая сила опредѣляется совершенно сама собою и дѣйствуетъ въ своей сферѣ съ безусловною свободою, подчиняясь то необходимости, то случаю,—которыя господствуютъ, по Бюхнеру, въ природѣ—немедленно изчезнетъ видимый нами въ природѣ порядокъ и связь явленій между собою, — все должно будетъ превратиться въ безпорядочный хаосъ,—гармоническая полнота и разнообразіе явленій, обусловливаемыхъ именно строго опредѣленнымъ взаимодѣйствіемъ силъ природы должны уступить мѣсто безпорядочной смѣнѣ явленій и мы едва-ли были бы въ состояніи пріискать для одного явленія опредѣленную причину. Чѣмъ была бы тогда и вся современная техника, удивляющая насъ своими изобрѣтеніями, распоряжающаяся съ такимъ искуствомъ и вѣрностію дѣйствующими силами природы? Результаты ея, сегодня добытыя, рушились бы на другой день; теорія не находила бы для себя примѣненія въ практикѣ, или съ пользою примѣненная въ одномъ мѣстѣ, не годилась бы въ другомъ. — Но ни природа, ни наука не представляютъ намъ ничего подобнаго сказанному, не представляютъ потому, что какъ послѣдняя распоряжается дѣйствующими силами природы, въ разныхъ техническихъ примѣненіяхъ своихъ, основываясь строго на точныхъ математическихъ вычисленіяхъ, опредѣляя все мѣрою, числомъ и вѣсомъ и такимъ образомъ вѣрно достигаетъ задуманныхъ цѣлей; такъ точно и первая, въ безконечной градаціи дѣйствующихъ причинъ и развивающихся изъ нихъ слѣдствій, проявляетъ постоянно умъ математическій; все въ ея механизмѣ измѣрено, исчислено, взвѣшено,—и такимъ образомъ направлено въ отдѣльныхъ частяхъ къ выполненію частныхъ цѣ-

лей, въ большей или меньшей сложности этихъ частей—къ достиженію болѣе или менѣе сложныхъ явленій, и—наконецъ—въ цѣломъ—къ одной высшей и опредѣленной цѣли, которую, такъ какъ видимая нами безконечная градація существъ и явленій міра замыкается человѣкомъ, нужно, очевидно, поставить въ *духовной самосознательной* жизни человѣка, т. е. не въ ея, разумѣемъ, произведеніи, но въ подготовленіи необходимыхъ средствъ къ ея развитію и совершенствованію,—и прежде всего, конечно, необходимыхъ средствъ къ развитію и существованію самаго организма человѣческаго. Такимъ образомъ, повторяемъ, въ природѣ самихъ же дѣйствующихъ причинъ лежитъ ясное и рѣшительное доказательство господствующей цѣлесообразности въ природѣ, и только подъ условіемъ этой цѣлесообразности и возможно столько, съ одной стороны, правильное и законосообразное развитіе дѣйствій изъ данныхъ причинъ, столько же, съ другой стороны, разнообразное и въ тоже время гармоническое взаимодѣйствіе самихъ этихъ причинъ или силъ, — взаимодѣйствіе, которымъ, собственно, и поддерживается вся космическая жизнь; каждая сила природы, какъ сказали мы, дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать только въ связи съ другими силами; каждая изъ нихъ, предоставленная исключительно самой себѣ, находилась бы въ постоянномъ покоѣ. Посему, противорѣчіе между принципомъ дѣйствующихъ причинъ и принципомъ причинъ конечныхъ и споръ о нихъ можетъ существовать — скажемъ словами Фехнера — только въ головахъ неразумныхъ и одностороннихъ поборниковъ ихъ, а не между самыми принципами и при томъ—болѣе въ головахъ неразумныхъ поборниковъ перваго изъ нихъ, чѣмъ послѣдняго; по-

тому что ни одинъ защитникъ телеологическаго принципа не будетъ отказываться отъ признанія дѣйствующихъ причинъ ([1]). Оба рода причинъ, говорилъ еще Бэконъ, согласны между собою: только одинъ указываетъ цѣль, другой — простое слѣдствіе; изслѣдованіе однихъ принадлежитъ болѣе метафизикѣ, а изслѣдованіе другихъ физикѣ ([2]).

Теперь становится само собою понятнымъ и то, что и какъ нужно отвѣчать на всѣ тѣ возраженія Бюхнера, какія онъ думаетъ противопоставить существованію конечныхъ причинъ въ природѣ, указаніемъ вообще, особенно въ образованіи цѣлесообразныхъ органическихъ формъ, на вліяніе окружающей природы, разныя внѣшнія условія и случайныя обстоятельства ([3]). Бюхнеръ видитъ особенно блистательное подтвержденіе своей антителеологической доктрины въ остроумной гипотезѣ Дарвина о происхожденіи и образованіи видовъ—гипотезѣ, разрѣшающей, по видимому, самымъ простымъ образомъ великую тайну органическихъ приспособленій посредствомъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе, при содѣйствіи внѣшней окружающей среды. Не наше дѣло—входить здѣсь въ обстоятельный разборъ того, на сколько удовлетворительно объясняются происхожденіе и образованіе видовъ животнаго царства при помощи выставляемыхъ Дарвиномъ началъ или агентовъ—естественнаго подбора и борьбы за существованіе. Допустимъ полнѣйшую естественно-научную состоятельность гипотезы Дарвина; тѣмъ не менѣе видѣть въ ней блистательное подтвержденіе антителео-

([1]) Professor Schleiden und Mond. G. Th. Fechner. s. 97.
([2]) Философскій Лексиконъ С. Г. стр. 246.
([3]) Force et Matière, p. 92—95.

логическаго воззрѣнія на природу можетъ только предубѣжденный взглядъ, только поверхностное пониманіе дѣла. Что же, въ самомъ дѣлѣ, есть несогласнаго съ конечными причинами въ томъ, что естествознаніе нашло, повидимому, опредѣленныя дѣйствующія причины въ образованіи цѣлесообразныхъ органическихъ формъ, въ удивительномъ приспособленіи ихъ къ условіямъ жизни? Дѣйствующія причины развиваются и дѣйствуютъ, какъ мы видѣли, только въ связи и подъ условіемъ управляющихъ ими причинъ конечныхъ. Только подъ этимъ условіемъ, сказали мы, возможно и понятно математически — точное, законосообразное дѣйствіе силъ космическихъ, всегда совершающееся по опредѣленному плану и въ точномъ направленіи къ извѣстнымъ цѣлямъ. Такой взглядъ на природу дѣйствующихъ силъ въ примѣненіи къ міру органическихъ формъ становится тѣмъ болѣе необходимымъ, что въ развитіи этихъ формъ всё, какъ говоритъ К. Бернаръ, исходитъ отъ идеи, которая одна только творитъ и управляетъ; и эта-то самая жизненная идея и сохраняетъ существо, возстановляя живыя части, дезорганизованныя дѣятельностію или разрушаемыя случайностями и болѣзнями ([1]). Дарвинъ не даетъ мѣста въ своей гипотезѣ этой творящей и управляющей жизненнымъ развитіемъ организмовъ идеѣ,—и это-то обстоятельство болѣе всего подрываетъ довѣріе къ ней, заставляя всюду, по выраженію самаго Дарвина, разумъ пересиливать воображеніе. „Пусть онъ допуститъ только, что въ естественномъ подборѣ также, какъ и въ искуственномъ, можетъ быть разумный выборъ и на-

([1]) Веденіе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 121.

правленіе,—и его принципъ тотчасъ сдѣлается плодотворнымъ. Его гипотеза, сохраняя преимущество избавлять науку отъ обращенія къ личному и чудесному вмѣшательству Божества въ каждое твореніе видовъ, не подвергалась бы тогда опасности устранить изъ вселенной всякую предвидящую мысль и все подчинить слѣпой и грубой случайности (¹).“ Такъ говоритъ ученый, который вовсе не думаетъ быть прямымъ противникомъ теоріи Дарвина,—и возражать противъ словъ его мы не рѣшаемся въ интересахъ самой же теоріи.

Противъ принятія разумной силы, дѣйствующей по планамъ и цѣлямъ разумнымъ, съ давнихъ поръ возражали и возражаютъ, что въ природѣ рядомъ съ полною цѣлесообразностію выступаетъ также много случайнаго, безпорядочнаго, противорѣчащаго стройному плану, что рѣшительно воспрещаетъ смотрѣть на цѣлесообразность, какъ на всеобщій господствующій принципъ въ природѣ. Бюхнеръ также настаиваетъ на этомъ возраженіи съ особенною силою, надѣясь имъ окончательно поколебать вѣру въ существованіе конечныхъ причинъ въ природѣ. „Природа, говоритъ онъ, не преслѣдуетъ и не знаетъ никакихъ намѣреній и цѣлей, но слѣдуетъ только присущимъ ей механическимъ, физическимъ и химическимъ законамъ, не заботясь о томъ, достигаетъ ли она этимъ путемъ цѣлесообразныхъ или не цѣлесообразныхъ результатовъ (²).“ При этомъ Бюхнеръ особенно выставляетъ на видъ разныя не соотвѣтствующія цѣли формы, уродства, болѣзни и проч., встрѣчаемыя въ царствѣ органическомъ. Отъ случая —

(¹) Le Materialisme contemporain en Allemagne, p. 179—180.
(²) Natur und Geist s. 268—274.

говоритъ онъ—зависитъ, достигаютъ или нѣтъ своего бытія дремлющія въ природѣ формы, образы, цѣли [1]." Всѣ эти возраженія, сказали мы, давно уже были направляемы противъ телеологическаго принципа; но давно философствующій разумъ и точная наука дали, съ своей стороны, ясный и рѣшительный отвѣтъ на нихъ, который почему-то игнорируетъ Бюхнеръ. „Природа, говоритъ онъ, не знаетъ и не преслѣдуетъ никакихъ намѣреній и цѣлей": но отвергать цѣлесообразность въ природѣ на томъ основаніи, что мы не видимъ, чтобы она разсуждала, называлъ нелѣпостію еще Аристотель. „Природа — говоритъ Аристотель, въ этомъ подобна искуству, которое также не разсуждаетъ. Что̀ кормчій на кораблѣ, законъ въ гражданскомъ обществѣ, военачальникъ въ войскѣ, то Богъ въ мірѣ. Самъ будучи недвижимъ, онъ все движетъ и обращаетъ куда ему угодно [2]". Мы, точно также, не видимъ со стороны природы какого-нибудь сознательнаго выполненія и тѣхъ или другихъ дѣйствій, или явленій въ силу присущихъ ей матеріальныхъ или дѣйствующихъ причинъ: между тѣмъ не отвергаетъ же Бюхнеръ существованія и дѣйствія этихъ послѣднихъ въ природѣ? Вообще, Бюхнеръ, какъ кажется, не имѣетъ правильнаго понятія о самыхъ цѣляхъ природы, когда онъ хочетъ отыскать какое-то сознательное или инстинктивное преслѣдованіе ею этихъ цѣлей: постараемся уяснить ихъ. Когда философія говоритъ о цѣляхъ природы, то она разумѣетъ не цѣли, такъ называемыя, *трансцедентныя*, которыя составляютъ, дѣйствительно, предметъ созна-

---

(1) Force et Matière, p. 91—92.

(2) Нѣсколько писемъ о конечныхъ причинахъ. Письмо 1 стр. 188.

тельной дѣятельности свободнаго и разумнаго существа—Бога, или человѣка, но цѣли *имманентныя*, т. е. цѣли, которыя хотя также непосредственно премудрымъ Творцомъ предначертаны природѣ, но которыя она должна выполнять при посредствѣ собственныхъ силъ, въ предѣлахъ условной и ограниченной дѣятельности ихъ, и, какъ говоритъ самъ Бюхнеръ, слѣдуя при этомъ только своимъ механическихъ и физико-химическимъ законамъ (1). Имѣя въ виду это различіе цѣлей,—различіе отнюдь не схоластическое, какъ несправедливо нападаетъ Бюхнеръ (2), мы поймемъ, какъ вообще нужно понимать преслѣдованіе цѣлей со стороны природы, и что значатъ собственно всѣ тѣ уклоненія отъ цѣлей, какія природа представляетъ дѣйствительно въ разныхъ явленіяхъ и въ частности въ явленіяхъ жизни органической. Совершенно справедливо, что природа сама по себѣ ни въ цѣломъ, ни въ отдѣльныхъ частяхъ никакихъ *внѣшнихъ* цѣлей не знаетъ и не преслѣдуетъ, — какъ сознаетъ и преслѣдуетъ ихъ нерѣдко человѣкъ въ предѣлахъ своей свободной дѣятельности. Нельзя, дѣйствительно, сказать прямо и непосредственно, что солнце своимъ свѣтомъ и теплотою преслѣдуетъ ту цѣль, чтобы освѣщать и согрѣвать землю и въ частности человѣка, а луна—чтобы освѣщать нашу ночь, что растенія существуютъ ради животныхъ, а растенія и животныя ради человѣка — ради его пользы и удовольствія; нельзя сказать вообще, чтобы извѣстныя напередъ уже предположенныя отношенія пользы или удовольствія между отдѣльными существами и явленіями природы

(1) Gott und die Natur. Dr. H. Ulrici ss. 401, 402, 405.

(2) Natur und Geist s. 295.

составляли цѣль бытія каждаго изъ нихъ, опредѣляющую все ихъ существованіе и развитіе, что собственно въ достиженіи этихъ-то цѣлей и состоитъ вся цѣлесообразность и весь разумный планъ природы. Такое понятіе цѣлесообразности въ природѣ—понятіе слишкомъ узкое и одностороннее, которое неизбѣжно должно поставить и здравый смыслъ и науку въ борьбу со множествомъ неразрѣшимыхъ противорѣчій и трудностей. Напротивъ, всякое бытіе и явленіе природы, какого бы рода оно ни было, свою особенную цѣль носитъ въ себѣ же самомъ и въ своемъ существованіи не преслѣдуетъ никакихъ другихъ цѣлей, какъ только всякимъ возможнымъ для него образомъ поддерживать это свое существованіе въ связи или въ борьбѣ съ окружающею обстановкою: это составляетъ его имманентную цѣль. Но кромѣ этихъ частныхъ, имманентныхъ цѣлей, окружающій насъ міръ представляетъ еще ту дивную гармонію, по которой низшія цѣли служатъ средствомъ къ существованію высшихъ и въ связи съ ними въ свою очередь составляютъ новое средство къ поддержанію всего міра со всѣмъ разнообразіемъ населяющихъ его существъ и явленій. Есть въ мірѣ тотъ непостижимо премудрый и разумный планъ, по которому существа и явленія, повидимому, чуждыя другъ другу и отдаленнѣйшія одни отъ другихъ, связаны, между тѣмъ, самыми жизненными и цѣлесообразными отношеніями. Существованіе цѣлесообразности въ природѣ, понимаемой такимъ образомъ, никакъ нельзя уже объяснить изъ самой природы: оно необходимо предполагаетъ бытіе Ума премудраго и всемогущаго, для Котораго вся природа составляетъ также средство для Его благихъ и премудрыхъ цѣлей,—откровеніе Его непостижимо вы-

соиихъ плановъ; съ тѣмъ вмѣстѣ понимаемая такимъ образомъ цѣлесообразность въ мірѣ стоитъ выше всякихъ сомнѣній и нападеній матеріализма. Матеріализмъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать намъ, что свѣтъ и теплота въ природѣ развиваются и дѣйствуютъ строго по свойственнымъ имъ законамъ, безотносительно къ тѣмъ или другимъ внѣшнимъ цѣлямъ, какія можетъ выполнять чрезъ нихъ человѣкъ или другое существо: но опровергаетъ ли этимъ матеріализмъ и можетъ ли опровергнуть ту истину, что свѣтъ и теплота, въ общемъ планѣ мірозданія, составляютъ въ высшей степени цѣлесообразныя средства къ существованію органическаго міра на землѣ? Луна существуетъ и движется въ силу собственныхъ присущихъ ей законовъ, независимо ни отъ темныхъ ночей на землѣ, ни отъ человѣка, нуждающагося въ освѣщеніи среди этихъ ночей: но можетъ ли оспаривать матеріализмъ вѣрность того положенія, что луна опять въ общемъ планѣ мірозданія составляетъ, дѣйствительно, премудрое средство и для освѣщенія ночей нашей планеты, и для удовлетворенія, такимъ образомъ, нуждъ человѣка. Растенія и животныя существуютъ и развиваются въ тѣсной связи съ физико-химическими силами природы, въ силу особаго присущаго имъ организующаго начала, дѣйствующаго по своимъ спеціальнымъ законамъ,—существуютъ и развиваются не заботясь, говоря словами Бюхнера, достигаютъ ли онѣ какихъ нибудь внѣшнихъ цѣлей, — будетъ ли человѣкъ любоваться красотою и изяществомъ ихъ формъ или нѣтъ, — доставятъ ли собою растенія въ должномъ количествѣ и надлежащаго качества пищу животнымъ, а животныя—человѣку: но опять, можетъ ли когда нибудь здравый смыслъ воз-

ставать противъ того, что, какъ между собою царства растительное и животное стоятъ въ самыхъ строгихъ цѣлесообразныхъ отношеніяхъ, взаимно поддерживая свое существованіе, такъ и въ особенности въ отношеніи къ человѣку то и другое доставляютъ самыя разнообразныя средства для достиженія не менѣе разнообразныхъ цѣлей? И нельзя ли сказать въ этомъ смыслѣ, что растенія существуютъ для животныхъ, а животныя вмѣстѣ съ ними для человѣка? Такимъ образомъ, какую бы мы ни взяли вещь въ природѣ, она, разсматриваемая сама по себѣ, не знаетъ и не преслѣдуетъ никакихъ внѣшнихъ намѣреній и цѣлей: цѣль ея существованія въ ней самой,—и этой цѣли она достигаетъ при помощи своихъ собственныхъ силъ и окружающихъ средствъ. Но взглянемъ на туже вещь въ общемъ порядкѣ міроззданія, — мы тотчасъ увидимъ, что она непремѣнно составляетъ какой нибудь необходимый членъ въ составѣ цѣлаго, что въ ея безцѣльномъ для нашего близорукаго ума существованіи Премудрый Творецъ достигаетъ, между тѣмъ, сколько опредѣленныхъ, столько же и важныхъ цѣлей въ природѣ. Бюхнеръ понимаетъ цѣлесообразность природы и ея отдѣльныхъ явленій совершенно инымъ и самымъ ложнымъ образомъ. Говоря, что природа не знаетъ и не преслѣдуетъ никакихъ намѣреній и цѣлей,—разумѣется, внѣшнихъ,—онъ, между тѣмъ, самъ же, всюду, и въ цѣломъ, и въ частяхъ, навязываетъ ей эти цѣли,—и потомъ провозглашаетъ, что въ природѣ нѣтъ цѣлесообразности, доходя въ своемъ отрицаціи до истинно дѣтскихъ воззрѣній на вещи. Бюхнеръ готовъ вѣрить тому, что напр., цвѣты съ ихъ красотою и изяществомъ существуютъ для того, чтобы услаждать наши глаза, и потомъ выставляетъ на видъ,

какъ много существуетъ въ мірѣ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ, которыхъ никогда не видалъ и никогда не увидитъ человѣческій глазъ. Зачѣмъ, спрашиваетъ онъ, существуютъ подобные цвѣты на днѣ морей, въ пропастяхъ, въ глубину которыхъ глазъ человѣческій никогда не проникалъ (1)? Равнымъ образомъ цѣль существованія животнаго царства, Бюхнеръ измѣряетъ исключительно пользою и удовольствіемъ человѣка: зачѣмъ же, спрашиваетъ онъ потомъ, существуетъ въ мірѣ множество вредныхъ и дикихъ животныхъ? Зачѣмъ было населять животными моря? Зачѣмъ природа допускаетъ необыкновенную плодовитость однихъ изъ нихъ, или совершенно безполезныхъ, или даже положительно вредныхъ, между тѣмъ какъ размноженіе другихъ, самыхъ полезныхъ, повидимому, крайне ограничено? Не удивительно, если, при такомъ узкомъ пониманіи цѣлесообразности, Бюхнеръ высказываетъ, наконецъ, такія вещи: „зачѣмъ существуетъ пустое небесное пространство? Зачѣмъ существуютъ на землѣ знойныя пустыни, или горы вѣчно покрытыя льдомъ, на которыхъ невозможна никакая жизнь (2)“. Разсуждая по такой логикѣ Бюхнера, мы могли бы съ такимъ же достоинствомъ, какъ и онъ, возражать: для чего на нашей планетѣ существуетъ пять, такъ называемыхъ, частей свѣта, а не одна? Зачѣмъ царство растительное представляетъ такое безконечное разнообразіе родовъ и видовъ растеній, а не состоитъ изъ однихъ березъ, или тополей? Зачѣмъ существуетъ на землѣ такое множество рѣкъ и морей? Зачѣмъ бываетъ четыре разныхъ

(1) Force et Matière, p. 98, 99.
(2) Ibidem, p. 92—98. Natur und Geist s. 284.

времени года—весна, лѣто, осень и зима, а не существуетъ одно лѣто? Очевидно, на всѣ эти возраженія намъ отвѣчали бы улыбкой сожалѣнія и замѣтили бы, что, во первыхъ, мы ищемъ цѣлесообразности въ мірѣ, вовсе не понимая въ чемъ именно состоитъ эта цѣлесообразность, и что, во вторыхъ — и это самое главное — неблагоразумно усиливаться проникнуть во всѣ тайны безконечно премудраго плана вселенной, потому что для правильнаго сужденія о совершенствѣ даже одной какой нибудь вещи необходимо, какъ замѣтилъ Декартъ, возстававшій противъ неблагоразумнаго примѣненія въ наукѣ конечныхъ причинъ,—полное знаніе всей вселенной. И какихъ особенныхъ цѣлей мы ищемъ— спросятъ насъ—задавая себѣ надъ каждымъ явленіемъ природы вопросы: зачѣмъ? къ чему? Затѣмъ — очень простой отвѣтъ,—что всякая вещь и всякое явленіе природы *необходимо* въ общемъ теченіи космической жизни. Природа, говорятъ, боится пустоты: но въ природѣ нѣтъ также ничего излишняго. Намъ кажутся въ высшей степени цѣлепротивными и излишними разныя вредныя животныя, ядовитыя растенія, знойныя пустыни и проч.: но кто знаетъ, не составляютъ ли они въ общей жизни міра еще болѣе необходимыя и цѣлесообразныя явленія, чѣмъ самыя полезныя и пріятныя на нашъ взглядъ животныя и растенія, чѣмъ самыя роскошныя по своей растительности долины? Кто знаетъ, быть можетъ, чрезъ посредство ихъ, *мы же сами* избавлены отъ дѣйствія на насъ самихъ губительныхъ силъ природы, отъ которыхъ немогла бы спасти и предохранить никакая осторожность, ни какое благоразуміе, но которыя тѣмъ не менѣе въ общемъ планѣ міровой жизни составляютъ совершенно необходимое звѣно. Въ

природѣ, кромѣ того, второстепенныя цѣли уступаютъ первостепеннымъ; такъ, напр., опустошенія, производимыя силами природы въ частности, не принимаются вовсе въ разсмотрѣніе сравнительно съ великимъ предназначеніемъ этихъ силъ для всего міра; „что̀ въ частности и отдѣльности—говорилъ еще стоическій философъ Хризиппъ—представляется намъ недостаточнымъ, неблагоразумнымъ и погрѣшительнымъ, то въ связи съ цѣлымъ оказывается нужнымъ и приносящимъ такую пользу, безъ которой міръ не былъ бы совершенъ ([1])". Наконецъ, замѣтимъ вообще, чтобы понять вполнѣ, *зачѣмъ* бываетъ то или другое, необходимо прежде вполнѣ уразумѣть *почему* бываетъ то или другое; а для этого недостаточно только вникать въ ближайшія, дѣйствующія причины, а необходимо, если уже мы беремся судить о конечныхъ причинахъ разныхъ дѣйствій, имѣть въ виду цѣлостный творческій планъ во вселенной. Нечего и говорить, что это послѣднее составляетъ въ высшей степени трудную, не для всякаго натуралиста посильную работу: потому-то Беконъ и Декартъ и вооружались противъ неблагоразумнаго примѣненія телеологическаго принципа въ естествознаніи, предоставляя его метафизикѣ. Какъ благоразумно поступилъ бы и Бюхнеръ, если бы послѣдовалъ совѣту этихъ великихъ мыслителей! Но у Бюхнера всюду физика переходитъ въ метафизику.

Указаннымъ нами различіемъ между *имманентными* цѣлями природы и *трансцедентными*, само собою, какъ мы сказали, рѣшается для насъ и то, что̀ значатъ собственно и всѣ тѣ цѣлепротивности, ненормальности

([1]) Нѣсколько писемъ о конечныхъ причинахъ. Письмо 1, стр. 191.

безпорядочныя явленія, какія представляетъ намъ природа въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, и особенно въ сферѣ органической жизни, на примѣры изъ которой Бюхнеръ указываетъ съ особеннымъ торжествомъ. Природа, сказали мы, достигаетъ своихъ имманентныхъ цѣлей при посредствѣ собственныхъ силъ, въ предѣлахъ условной и ограниченной дѣятельности ихъ, строго слѣдуя при этомъ своимъ механическимъ и физико-химическимъ законамъ. Такимъ образомъ, цѣлесообразность природы *ограничена*, связана *условіями*, зависима отъ соглашенія низшихъ неорганическихъ силъ съ высшими органическими и проч. Послѣ сего, что же страннаго и удивительнаго въ томъ, если природа или вовсе не достигаетъ многихъ своихъ цѣлей, или достигаетъ ихъ не вполнѣ, допуская въ своемъ развитіи явленій разныя, несоотвѣтствующія цѣли, формы, уродства, болѣзни, опустошенія и т. п. Все это совершенно понятныя явленія въ предѣлахъ *условной* дѣятельности: можетъ въ извѣстный моментъ или недоставать необходимыхъ условій, или эти условія встрѣчаются не въ надлежащей пропорціи, или, наконецъ, одна какая нибудь изъ силъ природы будетъ выведена особенными обстоятельствами изъ должнаго *равновѣсія*, или соотношенія съ другими, и такимъ образомъ нарушитъ ихъ правильную, цѣлесообразную дѣятельность и проч. И это нарушеніе цѣлей въ частностяхъ скорѣе доказываетъ именно господствующую цѣлесообразность въ цѣломъ, гармоническое отношеніе низшихъ ступеней къ высшимъ, а не противное, какъ думаетъ Бюхнеръ: это нарушеніе есть только обратная сторона цѣлесообразнаго. Природа похожа въ этомъ случаѣ на картину художника: въ деталяхъ картина его можетъ представ-

лять нѣкоторыя уклоненія отъ заданнаго имъ себѣ плана, неровности въ тѣняхъ, несоразмѣрности въ фигурахъ и проч., но значитъ ли это, что художникъ вовсе и не имѣлъ въ виду никакаго плана и цѣли, при выполненіи имъ своего художественнаго произведенія? Невозможность выполненія того, къ чему стремятся, никогда и нигдѣ не считается доказательствомъ отсутствія и самаго стремленія къ предположенной цѣли. Тѣмъ болѣе нельзя сказать этого въ отношеніи къ природѣ, въ жизни которой существуетъ множество самыхъ разнородныхъ цѣлей; собственно, изъ борьбы этихъ-то цѣлей вытекаютъ и всѣ видимыя нами цѣлепротивности ([1]). Не подтверждаетъ ли всего этого и самъ Бюхнеръ, когда говоритъ о разныхъ „неудавшихся опытахъ" природы ([2])? Если природа дѣйствуетъ безцѣльно, то не можетъ быть и рѣчи объ опытахъ, — и Бюхнеръ, говоря о нихъ, противорѣчитъ въ этомъ случаѣ самъ себѣ. Если же природа дѣйствительно дѣлаетъ такія попытки, то одно это уже, очевидно, показываетъ на преслѣдуемыя ею цѣли; а что эти попытки ея только при стеченіи извѣстныхъ обстоятельствъ или условій достигаются, — это весьма естественно и совершенно соотвѣтствуетъ господствующему въ природѣ закону, по которому ничто *индивидуальное* не можетъ выдти совершенно изъ подъ вліянія *общихъ* законовъ силъ природы.

Какъ на особенно убѣдительное основаніе къ отрицанію цѣлесообразности въ природѣ, Бюхнеръ, сказали мы, смотритъ на то, что какъ въ строеніи организ-

---

([1]) Несостоятельность матеріализма (Изъ возраженій на книгу Бюхнера) стр. 242—246. (Труды кіев. дух. акад., іюнь 1864 г.).

([2]) Force et Matière, p. 94, 104, 105. Natur und Geist s. 279.

мовъ, такъ въ особенности въ отношеніи ихъ къ неорганической природѣ, встрѣчается множество нецѣлесообразныхъ явленій. Онъ ссылается при этомъ и на сравнительную анатомію и на патологію, на разныя уродливыя органическія формы, видѣнныя имъ въ анатомическихъ театрахъ и проч., — даже видитъ основаніе для отрицанія цѣлесообразности въ природѣ въ томъ, что можно искуственнымъ образомъ произвести чудовище или урода, сдѣлавши повреждеріе въ яйцѣ или органическомъ зародышѣ ([1]). Но такъ ли убѣдительны эти основанія, какъ думаетъ о нихъ Бюхнеръ? Не будемъ останавливаться на разборѣ фактовъ, приводимыхъ Бюхнеромъ изъ сравнительной анатоміи: наука эта, въ лицѣ знаменитѣйшихъ анатомовъ нашего времени, говоритъ намъ совершенно противное, доказывая, какъ во всѣхъ позвоночныхъ животныхъ можно до мелочей видѣть прототипъ, по которому онѣ образованы, — прототипъ, при образованіи котораго Божественный Разумъ предвидѣлъ и всѣ его видоизмѣненія ([2]). Вообще, чѣмъ далѣе анатомія расширяетъ свои научныя изслѣдованія растительной и животной жизни, тѣмъ болѣе она открываетъ доказательствъ въ высшей степени цѣлесообразнаго устройства организмовъ, — и то, что прежде казалось излишнимъ или безполезнымъ, оказывается имѣющимъ необходимое и часто весьма важное значеніе въ общей экономіи жизни организма. Болѣе важнымъ и стоющимъ полнаго вниманія представляется то основаніе, что есть множество фактовъ, которые, по видимому, показываютъ отношеніе организ-

([1]) Force et Matière, p. 99—105.

([2]) Матеріалы для разоблаченія матер. мышленія, стр. 4—6.

мовъ въ неорганической природѣ, какъ противное цѣли и плану. Такъ мы видимъ, какъ могущественныя физико-химическія силы природы замедляютъ или нарушаютъ развитіе организма, угрожаютъ самому его существованію, приносятъ съ собою болѣзни и смерть, какъ, такимъ образомъ, въ отношеніи ихъ никакой организмъ не обладаетъ достаточно силами и устойчивостію, чтобы противостоять ихъ разрушительному вліянію. Посему, отношеніе органической жизни къ неорганическимъ силамъ природы есть отношеніе, по видимому, *несоразмѣрное*, *нецѣлесообразное*, основывающееся на неизвѣстной необходимости или простой случайности.—Но такъ ли? Не обнаруживаетъ ли, напротивъ, эта кажущаяся несоразмѣрность и нецѣлесообразность, при ближайшемъ анализѣ самыхъ основаній, скорѣе высочайшую цѣлесообразность отношеній, имѣющихъ свое основаніе въ премудромъ планѣ всего мірозданія? Разрушительное вліяніе на органическую жизнь физико-химическихъ силъ и процессовъ природы есть, какъ представляетъ наука, только слѣдствіе нарушеній ихъ *равновѣсія*; а эти нарушенія, что также дознано наукою, совершенно необходимы, чтобы могли существовать на землѣ жизнь и движеніе, могли имѣть мѣсто физическіе, химическіе и органическіе процессы; безъ нихъ наступило бы совершенное бездѣйствіе, непрерывный мертвый покой, безъ нихъ исчезли бы и всѣ тѣ условія, при которыхъ только и возможно происхожденіе и существованіе организмовъ, и вслѣдствіе которыхъ вся земная жизнь является лишь *условною* [1]; безъ нихъ, слѣдовательно, можетъ существовать жизнь

(¹) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici ss. 320—326.

совершенно *безусловная*. Только система силъ, которыя такимъ образомъ балансируютъ, что онѣ представляютъ равновѣсіе между нарушеніемъ и возстановленіемъ этого равновѣсія,—только такая въ высшей степени премудрая система въ состояніи доставлять организмамъ условія и средства для ихъ существованія. Съ другой стороны, только въ такой системѣ, которая допускаетъ не только нарушенія равновѣсія силъ, но также нарушенія и общей нормы ихъ, не уничтожаясь при этомъ сама,—только въ такого рода балансирующей системѣ дѣйствующихъ силъ возможенъ и удобопостижимъ тотъ коренной, проходящій чрезъ всю природу, принципъ *свободы* и *индивидуализаціи*, по которому въ цѣломъ планѣ міроздания, каждому творенію предоставлено опредѣленное, до извѣстной степени расширенное, поприще индивидуальнаго образованія и раскрытія своихъ силъ, опредѣленная мѣра его самостоятельной дѣятельности, и на которомъ основывается все вообще разнообразіе міра явленій, и въ частности разнообразіе и особенности самыхъ органическихъ формъ. Для установленія такой системы требуется, очевидно, болѣе глубокая и проницательная мудрость, чѣмъ изобрѣтеніе механизма, который, основываясь на замкнутомъ равновѣсіи дѣйствующихъ силъ, въ непрерывномъ образованіи круговращенія движеній дѣйствуетъ такъ точно и непреодолимо, что устраняется всякая возможность колебанія, задержки или нарушенія. И можетъ ли сказать матеріализмъ, не противорѣча положительнымъ и очевиднымъ фактамъ и даннымъ науки, что эта въ высшей степени премудрая система, ясно указывающая собою на бытіе высочайше премудраго и всемогущаго Ума, направляющаго и сохраняющаго ее, не

соотвѣтствуетъ *въ цѣломъ*, въ общемъ порядкѣ, самымъ точнымъ образомъ своему назначенію? Наука, по крайней мѣрѣ, съ своей стороны положительно доказываетъ намъ, что всѣ механическія, физико-химическія и органическія силы и процессы, не смотря на свою противоположность, находятся въ такомъ математически правильномъ *равновѣсіи*, въ строго законосообразномъ отношеніи другъ къ другу, что съ малѣйшимъ уклоненіемъ рушился бы весь видимый намъ порядокъ вещей въ мірѣ ([1]). Стало быть, видимыя нами цѣлепротивности въ мірѣ—разнаго рода опустошительныя явленія природы, болѣзни, смерть, разнаго рода физическія страданія и скорби человѣка въ окружающемъ его мірѣ и проч.—составляютъ собою явленія *относительныя*, только *исключенія изъ общаго правила*, уклоненія отъ данной нормы, и вовсе не составляютъ зла по отношенію къ неразумной, неодушевленной природѣ. Таковъ смыслъ этихъ явленій, если разсматривать ихъ въ предѣлахъ точной науки. Но, какъ извѣстно, христіанское ученіе, направляя нашъ испытующій разумъ на эти явленія, расширяетъ и углубляетъ для него еще далѣе этотъ смыслъ, указывая самую причину этихъ, по видимому, несоотвѣтствующихъ господствующей цѣлесообразности, явленій, въ *нравственномъ злѣ*, вслѣдствіе котораго въ міръ вошли отчасти нестроеніе и безпорядокъ и *вся тварь соболѣзнуетъ и совоздыхаетъ съ нами даже до нынѣ* (Римл. VIII, 22). Разсматриваемое при свѣтѣ этого ученія, физическое зло является еще болѣе относительнымъ и условнымъ, такъ какъ оно для существъ нравственныхъ есть зло частное, ими же са-

([1]) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, ss. 322—325.

ними заслуженное и по собственной ихъ винѣ большею частію и бывающее; при томъ оно часто обращается для нихъ въ добро, коль скоро служитъ къ уврачеванію, и сокрушенію силы нравственнаго зла въ нихъ; для тварей же неразумныхъ оно есть зло не въ собственномъ смыслѣ, — зло относительное, поелику оно направлено также Божественнымъ Промысломъ къ благимъ цѣлямъ—обращенію человѣка—царя природы—на путь добра (¹). Такимъ образомъ, разумный планъ и цѣлесообразность общаго устройства вселенной остаются и при этомъ злѣ въ своей общей неприкосновенности и цѣлости,—и Бюхнеръ, стало быть, напрасно думаетъ видѣть въ немъ убѣдительное доказательство для своихъ антителеологическихъ воззрѣній. Онъ отказывается вѣрить христіанскому ученію о первородномъ грѣхѣ и его послѣдствіяхъ, считая его миѳомъ, перешедшимъ къ намъ изъ дѣтства народовъ (²), но почему бы ему, хотя путемъ добросовѣстнаго научнаго анализа, не потрудиться выяснить для себя значеніе кажущихся ненормальностей и цѣлепротивностей въ отношеніяхъ жизни органической къ механическимъ и физико-химическимъ силамъ и процессамъ природы? Истинно точная наука, какъ мы видѣли, отнюдь не противъ разумнаго и цѣлесообразнаго устройства вселенной на томъ основаніи только, что въ ней встрѣчается много этихъ ненормальностей и цѣлепротивностей: она всегда даетъ съ своей стороны посильное для нея разумное объясне-

---

(¹) Противорѣчитъ ли физическое зло въ мірѣ премудрости и благости Божіей, — разборъ этого вопроса можно читать въ „письмахъ о конечныхъ причинахъ.“

(²) Force et Matière, p. 97—98.

ніе ихъ.—Но, вѣрно, нѣтъ и не можетъ быть общенія между истиною и ложью, какъ между свѣтомъ и тьмою!

Не будемъ останавливаться на подробномъ разборѣ другихъ возраженій Бюхнера, которыя всѣ уже собственно такъ или иначе рѣшаются на основаніи сказаннаго нами и всѣ также, главнымъ образомъ, зависятъ отъ ложнаго, узкаго пониманія имъ или самой цѣлесообразности въ природѣ, или Божественнаго Промысла. Укажемъ эти возраженія и дадимъ ясный и краткій отвѣтъ на нихъ. Такъ Бюхнеръ говоритъ, что цѣлесообразность есть аттрибутъ не природы, а продуктъ нашего рефлектирующаго разума, который свой собственный отъ человѣческихъ дѣйствій отвлеченный масштабъ прилагаетъ къ природѣ (¹). Но какой же— спросимъ Бюхнера — другой масштабъ и можетъ быть употребленъ человѣкомъ для изслѣдованія природы, кромѣ своего собственнаго разумнаго духа? Матерія и сила,—скажетъ Бюхнеръ; но каково достоинство этого масштаба и можетъ ли быть употребленъ онъ въ дѣло— мы уже разбирали это и нашли его совершенно непригоднымъ въ томъ смыслѣ, какой даетъ ему матеріализмъ.—Кромѣ того, нашъ разумъ, изслѣдующій цѣлесообразность природы, даетъ ли ей отъ себя болѣе, чѣмъ сколько воспринимаетъ? Точное изслѣдованіе дѣла говоритъ намъ, что въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, только подобное познается подобнымъ; потому что собственныя размышленія разума не довели бы его никогда до понятія о цѣлесообразности въ природѣ, если бы ея не было дѣйствительно въ природѣ, точно также, какъ на то возраженіе Бюхнера, что „не было бы ле-

(¹) Natur und Geist, s. 273.

карей, если бы природа не дѣйствовала не цѣлесообразно" (1), нужно сказать, что ничего не могли бы сдѣлать и лекаря, если бы природа дѣйствовала не цѣлесообразно, если бы она не имѣла стремленія къ излеченію. Кромѣ того, по ученію самаго же Бюхнера, законы природы и законы разума одни и тѣже (2). Но Бюхнеръ не философствуетъ только, а не рѣдко и богословствуетъ,— и въ послѣднемъ случаѣ еще неудачнѣе, чѣмъ въ первомъ. Такъ онъ нападаетъ на Эрштеда за то, что этотъ натуралистъ находитъ совершенно естественными и согласными *неизмѣнность* законовъ природы и *премудрый промыслъ Божій*. „Міръ, говоритъ Эрштедъ, управляется вѣчнымъ Разумомъ, который проявляетъ свои дѣйствія въ неизмѣнныхъ законахъ природы" (3). По Бюхнеру, эти два понятія—вѣчный Разумъ и неизмѣнность законовъ природы составляютъ неразрѣшимую загадку. „Или неизмѣнные законы самой же природы, говоритъ Бюхнеръ, управляютъ ею, или вѣчный Разумъ; если бы управлялъ вѣчный Разумъ, то законы природы были бы излишни; если же, напротивъ, неизмѣнные законы природы управляютъ, то они исключаютъ всякое постороннее, личное вмѣшательство,—и не можетъ быть рѣчи объ управленіи" (4). Не трудно понять, что собственно тутъ затрудняетъ Бюхнера и совершенно понятное и возможное для всякаго здраваго смысла превращаетъ въ неразрѣшимую загадку для него. Онъ произвольно полагаетъ *самобытность* и *неизмѣнность* законовъ природы: но можетъ ли принять этотъ

(1) Force et Matière, p. 108.
(2) Ibidem, p. 49.
(3) Ibidem, p. 39, 40.
(4) Ibidem, p. 40.

матеріалистическій догмать точная наука? Не принимаеть его Эрштедъ, — не можеть принять его и ни одинъ здравомыслящій натуралисть, строго держащійся въ предѣлахъ своей точной науки. Наука всегда понимала и понимаеть законы природы — какъ мы уже имѣли случай замѣтить—какъ выраженія *воли* и *власти* самаго же Творца и Промыслителя, Который и предначерталъ силамъ природы эти законы и Самъ же постоянно хранитъ ихъ. Эти законы потому и неизмѣнны, что они составляютъ выраженіе неизмѣнной и всегда вѣрной себѣ воли Божіей ([1]). Очевидно, какъ надобно понимать теперь и все промышленіе Божіе о мірѣ и управленіе имъ. Богъ промышляетъ о мірѣ и управляетъ, прежде всего и ближайшимъ образомъ, чрезъ посредство тѣхъ же міровыхъ силъ и законовъ, которые своимъ бытіемъ и дѣятельностію выражаютъ и это промышленіе и это управленіе Божіе. Этимъ сама собою рѣшается и загадка Бюхнера: какъ согласить неизмѣнность законовъ природы съ личнымъ, разумно-свободнымъ управленіемъ Божіимъ? И то и другое согласается также просто и естественно, какъ соглашаются причина и дѣйствіе, основаніе или начало и слѣдствіе. Бюхнеръ смотритъ при этомъ только на одну сторону дѣла и забываетъ о другой, составляющей основаніе первой, — что также странно, какъ странно было бы отвергать бытіе другого полушарія луны, потому только, что мы видимъ ее постоянно обращенною къ намъ однимъ полушаріемъ.—Но, говоритъ Бюхнеръ, міроуправленіе не достойно Бога. Если Богъ сотворилъ міръ совершеннымъ, какимъ же образомъ онъ

([1]) Ulrici. a. a. o. ss. 422, 296.

имѣетъ нужду въ поправленіи (1)? Разумная сила, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Бюхнеръ, разъ давшая толчокъ и потомъ погрузившаяся въ покой—вещь не мыслимая (2)". На это замѣтимъ, прежде всего, Бюхнеру, что прилагать къ дѣйствіямъ Божественнымъ понятія человѣческаго приличія или неприличія—вещь еще болѣе не мыслимая и безразсудная, чѣмъ представлять Божественную Силу въ вѣчномъ покоѣ и бездѣйствіи. Міръ сотворенъ совершеннымъ: какимъ же образомъ слѣдуетъ отсюда, что онъ не нуждается въ промышленіи о немъ? Божественное откровеніе научаетъ насъ, что Творецъ и Владыка міра, приведши его изъ небытія въ бытіе, Самъ же постоянно и поддерживаетъ его въ этомъ бытіи во всемъ его совершенствѣ, промышляетъ какъ о великомъ, такъ и о маломъ, столько же и о совершенномъ, сколько о несовершенномъ по нашимъ понятіямъ человѣческимъ и что безъ такого промышленія міръ не могъ бы и существовать (3). По единой благости и любви Творецъ создалъ міръ; по той же безконечной любви и благости и не оставляетъ его ни на одно мновеніе своимъ попеченіемъ. Напрасно, такимъ образомъ, Бюхнеръ затрудняетъ себя и тѣмъ представленіемъ, что Разумная Сила, разъ давшая толчокъ и потомъ погрузившаяся въ покой—вещь не мыслимая. Кому же, прежде всего, могутъ придти на мысль и самые эти толчки, или покой, кромѣ Бюхнера, который смотритъ на міръ какъ на механизмъ и всѣ его явленія возводитъ въ послѣдней инстанціи къ

(1) Force et Matière, p. 39.
(2) Natur und Geist, S. 296.
(3) Іовъ XXVIII, 26. Псал. 103,—14; 94,—4; 134,—7. Премуд. Сол. 11,—25—29 и друг.

одному механическому движенію и толчкамъ. Точная наука видитъ въ мірѣ *живой организмъ*, проникнутый при разнообразіи силъ и явленій *единствомъ* жизни, а Божественное Откровеніе съ своей стороны, дополняя науку человѣческую, даетъ намъ знать, что этотъ колоссальный организмъ постоянно животворится вездѣприсутствіемъ и промышленіемъ единаго источника бытія и жизни — Господа всяческихъ. — Отецъ нашъ Небесный, какъ исповѣдалъ намъ Единородный Сынъ Его, Сый въ лонѣ Его, *доселѣ дѣлаетъ* (Іоан. V, 17).

Итакъ, всѣ усилія Бюхнера отвергнуть бытіе Разумной Силы, дѣйствующей въ мірѣ физическомъ по опредѣленному плану и цѣлямъ, оказываются несостоятельными. Истина Промысла Божія въ мірѣ стоитъ непоколебимо. Антителеологическія воззрѣнія Бюхнера не находятъ, какъ мы видѣли, и никогда не могутъ найти себѣ опоры ни въ здраво философствующемъ умѣ, ни въ данныхъ точной науки естественной,—и въ послѣдней, можемъ даже сказать еще менѣе, чѣмъ въ первомъ. По крайней мѣрѣ о современной наукѣ естественной положительно извѣстно, что чѣмъ далѣе она въ разныхъ своихъ отрасляхъ простираетъ свои изслѣдованія, чѣмъ ближе знакомится съ міромъ явленій, тѣмъ болѣе и яснѣе раскрывается предъ нею та всюду начертанная истина, что все въ мірѣ устроено мѣрою, числомъ и вѣсомъ, все направлено къ опредѣленнымъ цѣлямъ, все связано тѣснѣйшимъ гармоническимъ единствомъ между собою, — словомъ, всюду, какъ мы сказали, видѣнъ умъ математическій, всѣмъ руководитъ управляющая единая воля—какъ всеобщій законъ мірозданія. Возьмемъ Астрономію, какъ наиболѣе разработанную и обширнѣйшую часть Естество-

знанія: на чемъ основывается та точность и законченность этой науки, которыми справедливо гордится она въ наше время? На томъ, что она успѣла для всѣхъ своихъ изслѣдованій подвести точныя математическія основанія и ея расчеты оказались въ этомъ случаѣ столь несомнѣнными, въ ихъ практическомъ примѣненіи, что она въ состояніи за нѣсколько сотъ лѣтъ впередъ вычислить намъ время появленія кометъ въ предѣлахъ нашего горизонта, время ихъ прохожденія чрезъ него, появленіе солнечныхъ затмѣній и проч,— въ состояніи, какъ доказалъ Леверрье своимъ открытіемъ Нептуна, дѣлать открытія новыхъ планетъ въ безграничномъ небесномъ пространствѣ, посредствомъ однихъ математическихъ вычисленій. Для доказательства же того, съ какою математическою правильностію и непостижимою мудростію расположено все мірозданіе, укажемъ на одинъ фактъ Астрономіи. По изслѣдованіямъ Мёдлера, знаменитаго Дерптскаго астронома, вся наша солнечная система, вмѣстѣ съ системою неподвижныхъ звѣздъ, движется такимъ же образомъ, какъ и ея отдѣльныя планеты, если не около одного какого либо центральнаго тѣла, то около центральной группы неподвижныхъ звѣздъ, или лучше около ихъ *идеальнаго* пункта тяготѣнія, лежащаго близъ *Альціоны*, главной звѣзды въ группѣ Плеядъ (¹). Съ какою же мудростію и точностію должны быть измѣрены для этого безпрепятственнаго движенія и разстояніе отдѣльныхъ планетъ другъ отъ друга, и направленіе ихъ путей, скорость и время ихъ кругообращенія! Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ, по показаніямъ того же Медлера, не суще-

(¹) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, S. 319.

ствуетъ центральнаго міроваго тѣла, которое бы стояло въ такомъ же отношеніи къ отдѣльнымъ неподвижнымъ звѣздамъ, какъ солнце къ своимъ планетамъ, то очевидно, что и сила, которая расположила неподвижныя звѣзды въ одну систему около ихъ пункта тяготѣнія и тѣмъ опредѣлила ихъ положеніе, измѣрила ихъ движеніе, направила ихъ пути, отнюдь не могла быть простою центробѣжною силою въ ея отношеніи къ силѣ центростремительной или силою тяжести. Есть, очевидно, высшая премірная сила, которая какъ въ началѣ даровала бытіе всѣмъ свѣтиламъ небеснымъ и съ точностію опредѣлила все разнообразіе ихъ отношеній, такъ и доселѣ хранитъ это бытіе и поддерживаетъ взаимное отношеніе ихъ. *Оптика*, послѣ астрономіи, есть прославленная между естественными науками,—и опять потому именно, что она по большей части въ своихъ изслѣдованіяхъ можетъ быть сведена къ математическимъ выкладкамъ. Всякій законъ химическихъ пропорцій и эквивалентовъ, открытіе котораго составляетъ гордость новѣйшей *химіи*, есть также законъ числа, мѣры и вѣса,—законъ, въ силу котораго разнообразныя химическія соединенія и разложенія слѣдуютъ постоянно неизмѣннымъ численнымъ пропорціямъ, и безъ котораго вся неорганическая природа разрѣшилась бы въ хаосъ постоянно измѣняющихся, разсѣевающихся во всѣ стороны формъ. Далѣе—*законъ равновѣсія силъ*, проходящій чрезъ все твореніе, есть также непостижимо мудрый законъ числа и мѣры, на которомъ основывается все разнообразіе міра явленій, обусловливаются всѣ физическіе, химическіе и органическіе процессы и по которому вся система космическихъ силъ является въ такомъ чудномъ гармоническомъ со-

отношенія, что стоитъ только, какъ говорилъ Фаредэй, вывести одну изъ нихъ, хотя бы самую ничтожную, на взглядъ поверхностнаго наблюдателя, изъ должнаго равновѣсія тотчасъ вся экономія міра превратится въ развалины (¹). Справедливо обращаютъ также вниманіе на знаменательный характеръ открытій нашего времени—на тотъ именно, что большею частію они совершаются чрезъ вычисленія математическія,—обстоятельство, какъ справедливо замѣчаетъ при этомъ Виртъ, ясно говорящее намъ о той Творческой духовной Силѣ, которая устроила все мірозданіе по разумному плану и по требованіямъ ума математическаго (²). Сравнительная анатомія и физіологія, вводя насъ въ міръ органическаго бытія, открываютъ также предъ нами самыя убѣдительныя доказательства управляющей всюду дѣйствующими силами цѣлеобразности и разумнаго плана. Не отъ ходьбы или трудовъ, но сами собою еще во чревѣ матери подошва ноги и внутренняя поверхность руки человѣческой покрываются толстою кожей; всюду, у всѣхъ высшихъ животныхъ образуются также еще во чревѣ матери органы дыханія, зрѣнія и слуха за долго прежде соприкосновенія съ воздухомъ, раздраженія глазнаго нерва колебаніями эфира, а нерва слуховаго—звуковыми волнами, и всюду эти органы образованы съ такою точностію, такъ согласованы не только съ природою животнаго, но и съ природою воздуха и свѣта, какъ это необходимо, чтобы легкія, глаза и ухо исполняли свое назначеніе. Притомъ, глазъ рыбы

(¹) Gott und die Natur, Dr. H. Ulrici, S. 325.

(²) Ueber die Gränzen des mechanischen Princips der Naturforschung. S. 83. Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1854 Bd. XXVIII.

въ точности устроенъ по законамъ преломленія лучей свѣта въ водѣ, точно также, какъ ея жабры въ точности соотвѣтствуютъ болѣе плотному элементу, который замѣняетъ для нея воздухъ ([1]). И замѣчательно также, что у млекопитающихъ, при ихъ зарожденіи, появляются прежде всего тѣ части, которыя отличаютъ высшую ступень животнаго и также отдѣлъ позвоночныхъ—столпъ и черепъ, заключающіе въ себѣ центры *нервовъ*.—Кто не знаетъ премудраго устройства человѣческаго и вообще животнаго организма? Въ немъ находимъ мы молотки, рычаги, клапаны, цѣдилки, верёвки, рѣжущіе ножи, трущіе жернова, капилярные сосуды, химическіе реторты; и всѣ эти снаряды подчиняются въ немъ общему плану; каждый изъ нихъ въ экономіи жизни имѣетъ свое особенное назначеніе; каждый помѣщается на особенномъ мѣстѣ и въ особенной системѣ; каждый находится къ остальнымъ въ отношеніяхъ, разъ навсегда опредѣленныхъ, будемъ ли мы брать во вниманіе пространство, время, размѣры или способъ дѣятельности каждаго изъ этихъ механизмовъ. Не забудемъ при томъ, что организмъ человѣка есть въ тоже время ближайшее и въ сущности почти единственное средство, которымъ человѣкъ достигаетъ выполненія всѣхъ своихъ цѣлей; чрезъ его только силы и движенія, поколику онѣ повинуются его свободной разумной волѣ, онъ подчиняетъ себѣ силы и вещи окружающей природы и обращаетъ ихъ въ средства для достиженія своихъ предположенныхъ цѣлей. Здѣсь, такимъ образомъ, въ ограниченномъ кругу матеріальныхъ эле-

([1]) Метаморфозы человѣка и животныхъ. Соч. Катрфажа. Перев. А. М—на, гл. IV, V, VI.

ментовъ и силъ природы, изъ которыхъ состоитъ организмъ человѣческій, мы имѣемъ наглядное, фактическое доказательство, какъ, съ одной стороны, господствующей всюду цѣлесообразности, въ природѣ, потому что тѣло человѣка есть часть той же природы,—такъ, съ другой стороны, и главнымъ образомъ—доказательство возможности того, что телеологическое міровоззрѣніе полагаетъ въ отношеніи ко всему міру,—именно, что и весь міръ, какъ отдѣльный организмъ человѣка, управляется его умомъ и волей, управляется также Высочайше-премудрымъ Существомъ, дѣйствующимъ по разумному плану и цѣлямъ. Къ такому же заключенію ведетъ насъ, какъ мы видимъ изъ приведенныхъ нами фактовъ, и вся современная естественная наука; своими фактами и наблюденіями она яснѣе и громогласнѣе, чѣмъ словомъ, возвѣщаетъ намъ истину, что всюду въ мірѣ видно владычество мысли, предначертанія воли, что, говоря словами Божественнаго Откровенія, *невидимая* Бога нашего *отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть, и присносущая сила Его и Божество* (Рим. 1, 20). Такъ свидѣтельство науки сходится съ свидѣтельствомъ Откровенія Божественнаго! Бюхнеръ, отрицаясь послѣдняго, далекъ съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ первой.

Этимъ мы заключаемъ разборъ общаго міровоззрѣнія Бюхнера.—Общее заключеніе, какое мы должны вывести изъ всего этого разбора, будетъ, какъ очевидно, то, что механика, физика и химія никогда не достаточны объяснить намъ происхожденіе и настоящее существованіе вселенной, какъ это воображаетъ современный матеріализмъ и его популяризаторъ—Бюхнеръ. Наука, заключенная въ этихъ предѣлахъ, недостаточна

даже къ полному объясненію былинки и совершенно падаетъ при встрѣчѣ съ червемъ.—Понятіе Бога-Творца и Промыслителя вселенной—разумъ человыческій долженъ положить и какъ *начало* всякаго истиннаго познанія своего о мірѣ и какъ *конецъ* этого познанія. Матеріализмъ, отрицаясь Бога, отрицается чрезъ это и самой истины. На мѣсто вѣры въ Бога истиннаго, онъ поставляетъ самое грубое суевѣріе въ миріады безсознательныхъ атомовъ, въ ихъ абсолютный инстинктъ, абсолютный разумъ, руководящую идею и проч. Какой же можно ожидать истины послѣ сего отъ матеріализма и въ наукѣ? Ложь не производитъ истины.

(*Окончаніе будетъ*).

МОЖНО ЛИ МОЛИТЬСЯ ЗА УСОПШИХЪ, НЕ ПРИЗНАВАЯ ЛАТИНСКАГО ЧИСТИЛИЩА? ИЛИ НУЖНО ЛИ ПРИЗНАТЬ ЛАТИНСКОЕ ЧИСТИЛИЩЕ, ЧТОБЫ МОЛИТЬСЯ ЗА УСОПШИХЪ?

По ученію латинской церкви (¹), какъ извѣстно, души умершихъ въ покаяніи, но не удовлетворившихъ въ настоящей жизни правосудію Божію за свои грѣхи, терпятъ временное наказаніе за оные въ будущей жизни, именно въ чистилищномъ огнѣ, или чистилищѣ, и чрезъ это очищаются отъ нихъ; иначе сказать, въ загробной жизни, кромѣ рая и ада, латинская церковь допускаетъ еще чистилище, какъ среднее мѣсто между небомъ и преисподней, или среднее состояніе, въ которомъ находятся души умершихъ, не очистившихся отъ грѣховъ въ настоящей жизни. Это ученіе о чистилищѣ въ умахъ латинянъ такъ тѣсно связано съ ученіемъ о молитвахъ за усопшихъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ себѣ представить послѣдняго безъ пер-

(¹) *Perrone*—Praelect. theol. vol. III, p. 308—310. *Feier*—Instit. theol. Dogm. vol. VIII, p. 41—47. Curs. theol. compl. vol. VII, p. 1604. *Liebermann*—Instit. theol. vol. V, p. 406—413.

ваго (1). Вслѣдъ за ними и наши соотечественники и другіе, отчуждившіеся отъ православной церкви (2) также никакъ не могутъ отдѣлить ученія о молитвахъ за умершихъ отъ ученія о чистилищѣ. Они находятъ даже противорѣчіе въ дѣйствіяхъ православныхъ христіанъ, которые отвергаютъ чистилище, а между тѣмъ молятся за усопшихъ (3). Подобнымъ образомъ и протестанты, отвергнувъ въ XVI вѣкѣ латинское чистилище, вмѣстѣ съ этимъ упразднили у себя и молитвы за умершихъ (4). Все это подало поводъ къ вопросу: можно ли молиться за усопшихъ, не признавая латинскаго чистилища, или, нужно ли признать латинское чистилище, чтобы молиться за усопшихъ?

Несправедливо утверждаютъ наши противники (5), будто православная церковь, совершая моленіе за преставльшихся, чрезъ это самое на дѣлѣ (de facto) признаетъ латинское чистилище, хотя и отвергаетъ оное на словахъ (6). Для того, чтобы молиться за умершихъ, вовсе не нужно непремѣнно вѣрить въ чистилище: можно молиться за усопшихъ и не признавая чистилища. И вотъ какимъ образомъ!

---

(1) Persécut. et souffr. de l'égl. cathol. en Russie p. 292. Paris. 1842. *Werner* — Geschichte der apolog. und polem. Liter. der christl. Theol. 3. B. 5. 119—133. Schaffhausen 1864.

(2) Prince Aug. *Galitzin*—L'égl. gréco-russe. p. 41—58. Paris. 1861. Авторъ сочиненія: „О возможн. соед. рос. церкви съ западной" стр. 153—154. Лейпцигъ 1858. *Pitzipios* — L'égl. orient. p. I, p. 64—84. Rome 1855.

(3) Авторъ сочиненія: „О возможн. соед. рос. церкви съ западной" стр. 153—154.

(4) *Alt*—Der kirchliche Gottesdienst. 5. 653. Berlin. 1851.

(5) Persécut. et souffr. de l'égl. cathol. en Russie p. 302. Pr. Aug. *Galitzin* — L'égl. gréco-russe. p. 49. *Pitzipios* — L'église orientale. p. I, p. 88.

(6) Правосл. Испов. ч. I, отв. на вопр. 64, 66, 68.

По ученію православной церкви (¹), „души людей, впадшихъ въ смертные грѣхи, и при смерти не отчаявшихся, но еще до разлученія съ настоящею жизнію покаявшихся, только не успѣвшихъ принести никакихъ плодовъ покаянія, каковы: молитвы, слезы, колѣнопреклоненія при молитвенныхъ бдѣніяхъ, сокрушенія, утѣшеніе бѣдныхъ и выраженіе въ поступкахъ любви къ Богу и ближнимъ,—что каѳолическая церковь съ самаго начала признаетъ Богоугоднымъ и благопотребнымъ,—нисходятъ во адъ и терпятъ за учиненные ими грѣхи наказанія, не лишаясь впрочемъ надежды облегченія отъ нихъ". Такое ученіе православной церкви подтверждается свидѣтельствами св. Василія великаго (²), св. Амвросія медіоланскаго (³), св. Андрея критскаго, Ѳеофилакта болгарскаго и др. (⁴). Слѣдовательно православная церковь молитъ Господа объ избавленіи душъ усопшихъ не изъ другаго какого либо мѣста, а именно изъ ада. Это видно изъ слѣдующей молитвы, читаемой на вечернѣ въ день Пятьдесятницы: „Владыко всѣхъ, Боже, Спасителю нашъ, надежде всѣхъ концевъ земли, и сущихъ въ мори далече, иже въ сей всесовершенный и спасительный праздникъ, очищенія убо молитвенная, о иже во адѣ держимыхъ сподобивый пріимати, великія же подаваяй намъ надежды ослабленія содержимыхъ отъ содержащихъ я скверныхъ, и утѣшенію тобою ниспослатися: услыши насъ смиренныхъ и твоихъ рабъ, молящихся ти,

(¹) Посл. вост. патр. о правосл. вѣрѣ чл. 18. Правосл. Исповѣд. ч. I, отв. на вопр. 64—66.

(²) Послѣдов. пентикост. мол. 5.

(³) De bono mortis cap. X. Item tract. in Ps. 36.

(⁴) Прот. Тим. *Никольскаго* — Разсужд. о молитв. за умерш. стр. 113, Спб. 1837.

и упокой души рабовъ твоихъ преждеусопшихъ, на мѣстѣ свѣтлѣ, на мѣстѣ злачнѣ, на мѣстѣ прохлажденія: отъонудуже отбѣже всякая болѣзнь, печаль и воздыханіе, и учини духи ихъ въ селеніяхъ праведныхъ, и мира и ослабленія сподоби ихъ: яко не мертвіи восхвалятъ тя, Господи, ниже сущіи во адѣ исповѣданіе дерзнутъ принести тебѣ, но мы, живіи, благословимъ тя и молимъ, и очистительныя молитвы и жертвы приносимъ тебѣ о душахъ ихъ" (1). Бывшій противъ флорентійскаго константинопольскій соборъ въ храмѣ св. Софіи, при императорѣ Константинѣ, сынѣ Іоанна Палеолога, и при патріархѣ Аѳанасіѣ, опредѣлилъ: „искупленіе бываетъ во адѣ, а не въ чистилищномъ огнѣ внѣ ада (2)."

На это латиняне всегда возражаютъ, что, по ихъ вѣрованію, нѣтъ избавленія изъ ада, и въ доказательство своего вѣрованія, ссылаются на притчу Господа о богачѣ и Лазарѣ (Лук. 16, 22—26), въ которой говорится, что богачъ, будучи во адѣ и мучась въ пламени, увидѣлъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его, и что, по словамъ Авраама, утверждена великая пропасть между тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ находился съ Лазаремъ, и тѣмъ, въ которомъ мучился богачъ, и подобные ему, въ пламени. Авраамъ отъ лица обитателей рая говоритъ богатому: *между нами и вами пропасть велика утвердися, яко да хотящіи прейти отсюду къ вамъ, не возмогутъ, ни иже оттуду къ намъ преходятъ* (Лук. 16, 27).

---

(1) Послѣдов. пентикост. молитва 5.

(2) Τὴν λύτρωσιν γίνεσθαι ἐν τοῦ ᾅδῃ καὶ μὴ ἐν καθαρτηρίῳ πυρὶ ἔξωθεν τοῦ ᾅδου. L. Allatius — De perpet. Eccl. orient. et occident. consens. Addenda col. 1388.

Но это вѣрованіе, равно какъ и его доказательство неосновательно. Въ самомъ дѣлѣ—

1) Нѣтъ избавленія изъ ада для умершихъ въ невѣріи и нераскаянности, подобно евангельскому богачу (Лук. 16, 23—26), нѣтъ избавленія изъ ада по собственнымъ какимъ либо заслугамъ или чрезъ раскаяніе (ибо послѣ смерти и частнаго суда нѣтъ мѣста ни для заслугъ, ни для покаянія), нѣтъ избавленія изъ ада послѣ всеобщаго суда, но возможно избавленіе изъ ада для умершихъ въ вѣрѣ и покаяніи, но не успѣвшихъ принести плодовъ достойныхъ покаянія, возможно избавленіе изъ ада по молитвамъ церкви, а особенно силою умилостивительной жертвы тѣла и крови Христовой, возможно избавленіе изъ ада послѣ частнаго суда, совершающагося вдругъ послѣ смерти человѣка. Отвѣтъ Авраама, показывая невозможность найти помощь у кого-либо за гробомъ, для проведшаго всю жизнь во грѣхахъ, не говоритъ ничего о возможности или невозможности помощи со стороны живыхъ—для другихъ грѣшниковъ ([1]).

2) Адъ у свящ. писателей (Быт. 39, 20. 41, 14. Іер. 38, 6. 38. Матѳ. 5, 25—26. Лук. 12, 58, 59. Дѣян. 12, 4. 16, 23. 25) изображается подобнымъ темницѣ, а въ темницѣ бываютъ преступники и такіе, которые остаются въ ней навсегда, и такіе, которые, послѣ извѣстнаго времени, изъ нея освобождаются.

3) Избавленіе изъ ада было на самомъ дѣлѣ: Господь нашъ Іисусъ Христосъ нисходилъ, по смерти своей, душею своею во адъ, какъ Богъ, и извелъ от-

---

([1]) Преосв. *Филарета*, архіеп. черниговск. Правосл. Догм. Богосл. ч. II, стр. 450. Черниговъ. 1864.

туда всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ или всѣхъ, увѣровавшихъ въ Него (1. Петр. 3, 19). Этотъ догматъ признаетъ не только восточная (¹), но западная церковь. Такое избавленіе изъ ада возможно и теперь для скончавшихся въ вѣрѣ и покаяніи: Господь Іисусъ *имать* и нынѣ *ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18), слѣдовательно можетъ отверзать ими затворы адовы и освобождать оттуда узниковъ, по молитвенному ходатайству Его св. церкви.

Если же души умершихъ въ покаяніи, но не принесшихъ плодовъ, достойныхъ покаянія, нисходятъ во адъ, и если для нихъ возможно избавленіе изъ ада, по молитвамъ церкви, то, значитъ, можно молиться за усопшихъ и не признавая латинскаго чистилища. И потому несправедливо поступили въ XVI вѣкѣ протестанты, когда, отвергнувъ чистилище, вмѣстѣ съ этимъ отмѣнили у себя и молитвы за усопшихъ. Они должны были только обратиться къ вѣрованію древней римской церкви, которая прежде, также какъ и православная, молилась объ избавленіи душъ усопшихъ изъ ада. Остатокъ этого вѣрованія и этого моленія доселѣ сохранился въ римской заупокойной литургіи, гдѣ священнослужитель молитъ Господа Іисуса Христа объ избавленіи душъ усопшихъ изъ ада (²). И латиняне, если бы помнили, что во адѣ есть также различныя обители, затворы и хранилища душъ (3. Ездр. 4, 32, 35, 41), какъ и на небѣ *обители многи* (Іоан. 14, 2),

---

(¹) Правосл. Испов. ч. I, отв. на вопр. 49.

(²) Domine Iesu Christe, Rex gloriae, libera animas omnium fidelium defunctorum de poenis inferni et de profundo lacu: libera eas de ore leonis, ne absorbeat eas tartarus, ne cadant in obscurum... Missa pro defunctis in Offertorio.

то не измыслили бы своего чистилища. Наконецъ, не понимаютъ дѣла и греческіе и русскіе отступники отъ православія, когда моленія за умершихъ поставляютъ въ неразрывной связи съ ученіемъ латинской церкви о чистилищѣ.

Протоіерей **Тарасій Серединскій.**

Берлинъ,
21 февраля / 4 марта 1868 г.

БОРЬБА И РАЗДѢЛЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XI ВѢКА

Чтобы удобнѣе понять открыто заявленныя причины отчужденія одной церкви отъ другой въ XI вѣкѣ, необходимо припомнить тѣ пункты разногласія, которыя прежде выставлялись на видъ. Особенно важныя заявленія противъ латинянъ, которыми руководствовались греки и въ послѣдствіи, сдѣланы были трулльскимъ соборомъ въ концѣ VII вѣка и потомъ въ посланіяхъ Фотія во второй половинѣ IX вѣка. Такъ какъ пятый и шестый вселенскіе соборы не оставили правилъ касательно церковнаго благочинія и христіанской жизни: то трулльскій соборъ 692 г. издалъ 102 правила, имѣвшія цѣлію дополнить опредѣленія двухъ послѣднихъ вселенскихъ соборовъ съ дисциплинарной стороны. Правила эти, подписанныя и папскими легатами, приняты были греческою церковію подъ именемъ каноновъ пятошестаго вселенскаго собора. Но папа отказался признать ихъ, и потомъ западная церковь постоянно отвергала опредѣленія трулльскаго собора, какъ вселен-

скаго. Причина очевидна: нѣкоторые обряды и обычаи, вошедшіе въ западную церковь, осуждены на этомъ соборѣ, и источниками церковнаго права и жизни назначены исключительно опредѣленія греческихъ соборовъ и отцовъ. Такъ: 1) Канонъ 2 подтверждаетъ 85 апостольскихъ правилъ, тогда какъ римская церковь принимала только первые 50; далѣе—опредѣленія помѣстныхъ и вселенскихъ соборовъ, собиравшихся въ греческихъ областяхъ, и опредѣленія собора карѳагенскаго, который не благопріятствовалъ власти папъ, подтверждаетъ правила многихъ греческихъ отцовъ, тогда какъ декреты римскихъ папъ вовсе опущены. 2) Канонъ 13 строго осуждаетъ практику римской церкви, по которой принявшимъ на себя священный санъ не дозволялось болѣе сожитіе съ супругами. 3) Канонъ 36 повторяетъ и подтверждаетъ опредѣленія 2 и 4 вселенскихъ соборовъ о правахъ константинопольскаго патріарха, на которыя римскіе папы всегда смотрѣли враждебно. 4) Канонъ 55 запрещаетъ обычай римской церкви соблюдать постъ по субботамъ четыредесятницы. 5) Канонъ 67 запрещаетъ употребленіе крови и удавленины, вошедшее въ обычай у западныхъ народовъ. И 6) наконецъ Канонъ 82 запрещаетъ изображать Христа подъ образомъ агнца, какъ это дѣлалось въ римской церкви. Мы встрѣтимся потомъ съ этими опредѣленіями трулльскаго собора въ дальнѣйшей борьбѣ между церквами. П. Фотій въ своихъ посланіяхъ къ папѣ и къ греческимъ патріархамъ указывалъ также разности въ обрядахъ и, одни признавая несущественными, другія осуждалъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ: обычай римской церкви поститься въ субботу, запрещеніе супружескаго сожитія принявшимъ на себя

священный санъ, запрещеніе священникамъ мѵропомазывать и искаженіе символа вѣры прибавленіемъ Filioque. Эти указанія Фотія служили также источникомъ послѣдующей борьбы греческой церкви съ римскою. По вторичномъ низложеніи Фотія отношенія между греческой и римской церквами становились болѣе и болѣе холодными; не было недостатка во враждебныхъ столкновеніяхъ, такъ что возобновлялись по временамъ и упреки касательно разности обрядовъ, бывали по временамъ и исключенія римскихъ папъ изъ диптиховъ константинопольской церкви. Но роковой борьбѣ внутренно раздѣленныхъ уже церквей суждено было возгорѣться въ половинѣ XI вѣка, которая и привела къ такому окончательному разрыву, что всѣ дальнѣйшія попытки къ соединенію остались безуспѣшными.

Въ половинѣ XI вѣка Норманны сильно опустошали области греческаго императора и римскаго первосвященника въ Италіи. Хотя папа дѣйствовалъ не всегда честно по отношенію къ византійской имперіи; но, потерпѣвши неудачу въ войнѣ съ Норманнами, онъ готовъ былъ соединиться съ греческимъ императоромъ противъ общаго врага. Въ то же время встрѣтился и религіозный поводъ къ начатію переговоровъ съ Константинополемъ, — именно нападеніе въ Константинополѣ на блюстителей римскаго обряда со стороны патріарха, и посланіе Льва Ахридскаго, осуждавшее нѣкоторые римскіе обычаи. При такихъ обстоятельствахъ папа Левъ IX (1048—54) и Константинъ Мономахъ (1042—54) съ одной стороны, папскіе легаты и Михаилъ Керулларій (1043—1059) съ восточными епископами съ другой стороны вступили въ мирные перего-

воры, которые, при страстномъ раздраженіи съ обѣихъ сторонъ, повели къ раздѣленію церквей (¹).

Въ 1043 году императоръ Константинъ Мономахъ назначилъ на константинопольскій патріаршій престолъ монаха Михаила Керулларія, человѣка благороднаго происхожденія и не по своей волѣ принявшаго на себя монашество. Какъ участникъ въ возмущеніи противъ императора Михаила IV, онъ противъ воли постриженъ былъ въ монахи; но, при счастливой для него перемѣнѣ политическихъ обстоятельствъ, внезапно сдѣлался патріархомъ. Около 1050 года Михаилъ велѣлъ запереть въ Константинополѣ всѣ латинскія церкви и отнялъ у латинскихъ монаховъ монастыри до тѣхъ поръ, пока они не подчинятся греческому обряду. Что побудило патріарха къ такому немиролюбивому дѣйствію противъ чтителей римскаго обряда, неизвѣстно. Трудно думать, чтобы одно желаніе ввести единство обрядовъ, особенно если принять во вниманіе, что греки въ Италіи и въ самомъ Римѣ спокойно оставались при своихъ обрядахъ, какъ по крайней мѣрѣ увѣрялъ папа Левъ IX. Можетъ быть причиной гоненія на латинскій обрядъ было усиленіе его въ Константинополѣ и на востокѣ (²), съ одной стороны, такъ что началась уже перебранка

(¹) Акты, относящіеся къ этому событію церковной исторіи, собраны и изданы въ 1861 году Виллемъ въ отдѣльной книгѣ подъ названіемъ: Acta et scripta, quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo composita extant. Въ началѣ книги помѣщены Prolegomena издателя, гдѣ коротко разсказывается съ католической точки зрѣнія исторія всѣхъ враждебныхъ столкновеній между греческой и римской церквами до половины XI вѣка. Собранные Виллемъ акты, относящіеся къ раздѣленію церквей въ XI вѣкѣ, всѣ встрѣтятся въ нашемъ изложеніи.

(²) См. посл. Михаила къ патріарху Петру антіохійскому. Вилл. стр. 179.

между послѣдователями того и другаго обряда, и невольное сближеніе живших въ Италіи грековъ съ римскими обрядами съ другой стороны, какъ можно догадываться по одному мѣсту посланія Льва Ахридскаго (¹). Это посланіе архіепископа болгарскаго, Льва Ахридскаго, къ епископу Іоанну Транійскому въ Апуліи, которое онъ просилъ разослать и другимъ италійскимъ епископамъ и которое въ переводѣ, сдѣланномъ кардиналомъ Гумбертомъ, доставлено было самому папѣ, вмѣстѣ съ немиролюбивыми дѣйствіями патріарха и было ближайшимъ поводомъ къ борьбѣ между церквами (²). Потому необходимо остановиться на немъ повнимательнѣе.

„Великая любовь къ Богу и дружелюбное участіе, говоритъ авторъ, побудили насъ писать къ твоей свя-

---

(¹) *Ταῦτα πολλάκις ἀναγνοὺς μετὰ τοῦ ἰδίου λαοῦ καὶ διδάξας οὕτω αὐτοὺς καὶ διορθωσάμενος μεταστραφῆναι πρόσταξον ἐν πολλοῖς ἰσοτύποις* (Вилл. стр. 60).

(²) Составителями посланія, по Гумберту и Льву IX, были патріархъ и Левъ Ахридскій, и въ переводѣ Гумберта оно надписывается Michael, universalis patriarcha novae Romae, et Leo, archiepiscopus Achridae, dilecto fratri Iohanni Tranensi episcopo. Далѣе участіе патріарха въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно и потому, что простой архіепископъ не рѣшился бы писать окружнаго посланія къ независѣвшему отъ него епископу (Апулія была тогда въ іерархическомъ подчиненіи константинопольскому патріарху) и просить сообщить содержаніе его прочимъ епископамъ. Потому всѣ историки приписываютъ посланіе совокупно Михаилу и Льву. Но недавно найденный профессоромъ Гергенрётеромъ и изданный Виллемъ подлинникъ не позволяетъ принять этого мнѣнія вполнѣ. Посланіе въ подлинникѣ надписывается: *Λέοντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας ἐπιστολὴ πεμφθεῖσα πρός τινα ἐπίσκοπον Ῥώμης περὶ τῶν ἀζύμων καὶ τῶν σαββάτων.* Кромѣ того авторъ обѣщается отъ своего лица послать и еще посланіе: *εἰ τοῦτο ποιήσῃς, προσθήσω καὶ διὰ δευτέρας γραφῆς τὰ μείζω καὶ πλατύτερα τούτων.* И дѣйствительно Левъ Аллацій, озаглавливая это посланіе словами: Leo Bulgariae archiepiscopus, epistola prima de azymis, приводитъ выдержку еще изъ третьяго посланія Льва Ахридскаго (de perp. cons. l. III, c. XIV). Такимъ образомъ нужно принять, что посланіе писалъ

тости, а чрезъ тебя и ко всѣмъ франкскимъ архіереямъ и къ самому достопочтенному папѣ, и напомнить объ опрѣснокахъ и субботахъ, которыя вы, незаконно соблюдая по моисеевымъ предписаніямъ, сообщаетесь съ іудеями... Наша пасха-Христосъ, совершившій сначала законную пасху, потомъ нашу новую (Мѳ. XXVI, 17, 18, 20, 21, 25—28)... Смотрите, какъ Онъ хлѣбъ называлъ своимъ тѣломъ въ новомъ завѣтѣ, какъ нѣчто живое, одушевленное и являющее теплоту. Ибо хлѣбъ—ἄρτος отъ ἀίρω—означаетъ поднятое вверхъ, отъ кислаго тѣста и соли имѣющее теплоту и поднятіе. А опрѣсноки (ἄζυμα) ничѣмъ не отличаются отъ бездушнаго камня и сухой глины. Моисей заповѣдалъ несчастнымъ іудеямъ ѣсть ихъ съ горькими травами однажды въ годъ, называя ихъ символами злостраданія и печали. Хотя въ ветхомъ завѣтѣ и хлѣбы предложенія называются ἄρτοι; но такъ называются въ несобственномъ смыслѣ и безразлично (καταχρηστικῶς καὶ ἀδιαφόρως)... Опрѣснокъ, не имѣющій ни закваски, ни соли, есть сухая глина. Неужели не слышите Христа, говорящаго ученикамъ: вы есте соль земли (Мѳ. V, 13 ср. XIII. 33)... Когда законъ пересталъ дѣйствовать, по необходимости отмѣняются и опрѣсноки... Опрѣсноки не заключаютъ воспоминанія о Господѣ, не возвѣщаютъ и о смерти Его (1 Кор. 11, 23—26), какъ моисеево установленіе, сдѣланное за 1600 лѣтъ, и новымъ завѣтомъ и евангеліемъ устраненное и прекращенное. И субботу почему

одинъ Архіепископъ Левъ, но по совѣту и наставленію патріарха Михаила, которому неудобно было выступать съ своимъ именемъ, при миролюбивыхъ отношеніяхъ императора съ папою, и который вскорѣ потомъ, конечно, по желанію императора, долженъ былъ писать къ папѣ отъ своего лица миролюбивое посланіе.

въ святую четыредесятницу соблюдаете по іудейски (вопреки Мѳ. XII, 1—4. Лук. VI, 1—4. Марк. II, 27. Іоан. IX, 16. Лук. XII, 15)? Соблюдающіе субботы и опрѣсноки, хотя и выдають себя за христіанъ, не суть ни іудеи, ни чистые христіане... Зачѣмъ (у васъ) ѣдять удавленину, въ которой содержится кровь? Или не знаете, что душа всякаго животнаго кровь его есть, и что ядущій кровь ѣстъ душу? (Лев. XVII, 14)... И по этому опять ни чистые язычники, которые большею частію убиваютъ и ѣдятъ, ни чистые іудеи, которые не ѣдятъ ни крови, ни удавленины, но и ни чистые христіане, поколику вводятъ въ свое служеніе нечистое смѣшеніе и погубляютъ образъ православной вѣры. Также и аллилуіа не поете въ четыредесятницу, но только однажды въ пасху, что значитъ: „Господь прінялъ" и „хвалите, пойте и благословите Его"; и по этому не поете ни: „Богъ Господь, и явися намъ," ни „благословенъ грядый"; ибо это значитъ аллилуіа..., опрѣсноки и соблюденіе субботы оставьте безбожнымъ іудеямъ, равно и удавленину невѣрнымъ и грубымъ язычникамъ, дабы составлять съ нами въ правой и непорочной вѣрѣ единое стадо единаго добраго и истиннаго пастыря Христа... Во спасеніе души своей пошли это настоятелямъ италійскихъ престоловъ и заклинай ихъ исправиться [1]".

Бо̀льшаго оскорбленія римской церкви трудно было и придумать. Римскіе епископы, въ древнія времена обыкновенно призываемые на защиту православной вѣры и на исторженіе ересей, мало по малу привыкли считать себя судіями и единственными рѣшителями въ

(1) Вилл. стр. 56—64.

дѣлахъ вѣры. Далекіе отъ волновавшихъ христіанскій міръ ересей, преемники св. Петра привыкли считать себя ключеносцами царствія небеснаго, а вѣру римской церкви—вѣрою всегда чистою и правою, которой должны слѣдовать всѣ церкви. И вдругъ архіепископъ болгарскій или хотя бы патріархъ константинопольскій осмѣливаются учить ихъ вѣрѣ и приглашать къ исправленію, предполагая, что они при указанныхъ недостаткахъ не могутъ составлять единаго стада единаго пастыря Христа; осмѣливаются блюстителей римскаго обряда приравнивать къ іудеямъ и язычникамъ и не признавать ихъ чистыми христіанами. И хотя посланіе написано очень миролюбиво, но, не снабженное надлежащими историческими доказательствами противъ порицаемыхъ обрядовъ, оно представилось западнымъ епископамъ не только слабымъ и противнымъ древней церковной практикѣ, но и дерзкимъ покушеніемъ на православіе и безразсуднымъ стремленіемъ къ объединенію въ такихъ вещахъ, которыя допускаютъ разнообразіе.

Епископъ транійскій Іоаннъ сообщилъ греческое посланіе между другими и кардиналу Гумберту, который доставилъ его въ латинскомъ переводѣ папѣ Льву IX, находившемуся тогда въ почетномъ плѣну у Норманновъ въ Беневентѣ. Папа немедленно отвѣчалъ на него своимъ обширнымъ (41 §) посланіемъ къ Михаилу патріарху и Льву архіепископу, въ которомъ, мало касаясь обрядовыхъ разностей, указанныхъ греками, старался доказать важность апостольскаго римскаго престола, неизмѣнное его православіе, и осыпалъ греческую церковь рѣзкими упреками [1]. „Христосъ оставилъ и за-

---

[1] Вилл. стр. 65—85.

вѣщалъ своимъ ученикамъ миръ, говоритъ папа, но когда всѣ почти божественныя страницы равно побуждаютъ насъ ко благу единства и мира, находятся несчастные люди, по всему негоднѣйшіе воиновъ, распявшихъ Господа славы. Эти пощадили тлѣнную одежду Его, а тѣ несокрушимую благодать Его, которою Онъ соединилъ церковь, чтобы представить ее Себѣ славною одеждою, неимѣющею пятна или недостатка, съ жестокостію стараются раздирать своими нечестивыми и святотатственными руками, изощряютъ велерѣчивые и коварные язычники къ уничтоженію ея". Церковь должна быть единая, но къ несчастію должны явиться и антихристы и еретики (1—IV). „Ты любезнѣйшій намъ и доселѣ еще братъ во Христѣ епископъ константинопольскій и ты Левъ Ахридскій, съ новымъ превозношеніемъ и съ невѣроятною дерзостію, нападаете на апостольскую и латинскую церковь и, не выслушавши, не обличивши ее, публично осуждаете, особенно за то, что осмѣливается воспоминать Господне страданіе на опрѣснокахъ... Если не перестанете, то будете причислены къ тому хвосту змія, который увлекъ на землю третью часть звѣздъ небесныхъ. Вотъ уже спустя тысячу и почти 20 лѣтъ послѣ страданія нашего Спасителя начинаетъ учиться у васъ римская церковь, какъ слѣдуетъ воспоминать страданіе Его"... (V). „Вы не размышляете, какая дерзость—говорить, что Отецъ небесный скрылъ отъ главы (principe) апостоловъ Петра обрядъ видимаго жертвоприношенія, которому Самъ благоволилъ вполнѣ открыть оное неизреченное таинство невидимаго божества Сына Своего, и которому не чрезъ ангела или пророка, но собственными устами самъ Господь ангеловъ и пророковъ далъ такое обѣщаніе: и

Я говорю тебѣ: ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою (Мѳ. 16 гл.)... И: Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя, и ты, обратившись нѣкогда, утверди братьетъ твоихъ (Лук. 22). Будетъ ли же кто-нибудь столько безуменъ, чтобы молитву того, для котораго хотѣть значитъ мочь, считать въ чемъ-нибудь напрасною“? (VI—VII). „Не станемъ по имянно исчислять 90 и болѣе ересей, возникшихъ въ восточныхъ предѣлахъ или у самихъ грековъ, чрезъ настоятелей константинопольской церкви, которыя римскій и апостольскій престолъ мужественно побѣдилъ, сокрушилъ и исторгъ“ (IIV). „Іоаннъ первый присвоилъ себѣ суетное имя, когда предписалъ всѣмъ именовать и писать себя вселенскимъ патріархомъ. За такое превозношеніе онъ достойно подвергнутъ былъ отлученію блаженными первосвященниками Пелагіемъ и Григоріемъ. Но пятно этой заразы вмѣстѣ съ проклятіемъ такъ прилипло къ вамъ, что вы и доселѣ не страшитесь называть и писать себя вселенскими патріархами. Конечно это имя святыми отцами на халкидонскомъ соборѣ изъ почтенія къ св. римскому и апостольскому престолу предложено было предшественнику нашему папѣ Льву (¹), но ни имъ, ни однимъ изъ его преемниковъ не было принято“ (IX). „Вы осуждаете анаѳемой верховный и апостольскій престолъ и всѣхъ вѣрныхъ блюстителей его учрежденій; судите именно тотъ престолъ, который судить нельзя ни вамъ, ни кому либо изъ

(¹) Это совершенная неправда: dass die Synode von Chalcedon in irgend einer ihrer Verhandlungen dem Papste Leo den fraglichen Titel angeboten und er ihn abgelehnt habe, davon findet sich in ihren Acten und seinen Briefen auch nicht die geringste Spur (Hefele, Conciliengeschichte B. II, § 202).

смертныхъ, когда блаженнѣйшій и апостольскій епископъ Сильвестръ божественно опредѣлилъ и духовный его сынъ Константинъ, благочестивѣйшій Августъ, со вселенскимъ Никейскимъ соборомъ одобрилъ и подписалъ, что верховный престолъ ни отъ кого не судится“ (X). „Судя верховный престолъ, о которомъ ни одному человѣку нельзя произносить суда, вы получаете проклятіе отъ вселенскихъ отцевъ всѣхъ досточтимыхъ соборовъ, отъ котораго не избавитесь, если не будете разрѣшены намѣстниками того, кому Христосъ, Сынъ Бога живаго, исключительно (specialiter) сказалъ: елика аще свяжеши на земли, будутъ связана на небесѣхъ (Мѳ. XIV) (XI). Апостолъ Петръ получилъ отъ Господа ключи царства небеснаго и, въ специіальной власти вязать и рѣшить, преимущества высшаго священства; а императоръ Константинъ „всѣхъ до конца вѣковъ преемниковъ сего апостола на римскомъ престолѣ, чрезъ блаж. Сильвестра, украсилъ не только императорскою властію и достоинствомъ, но и одеждами и служителями императорскими, почитая весьма недостойнымъ подчинять земной власти, кого бож. власть поставила во главѣ небеснаго царства (XII).“ Слѣдують выдержки изъ подложной грамоты Константина, которою усвояются папѣ права свѣтской власти ([1]) и главенство надъ церквами (XIII—XIX). „Но

([1]) Подложность этой грамоты, которой не чувствовали ни Левъ, ни Михаилъ Керулларій, въ настоящее время всѣми признана, и католики теперь стыдятся ея. Поэтому, когда Дёллингеръ въ „Papstfabeln des Mittelalters“ выразилъ мнѣніе, что эта грамота обязана своимъ происхожденіемъ римскому клиру: то одинъ ультрамонтанъ въ Civilta cattolica (1866) написалъ самое ѣдкое возраженіе, въ которомъ, обвиняя ученаго профессора въ неуваженіи къ папѣ и чуть не въ ереси, старается доказать внѣ—итальянское происхожденіе ея подобно лжеисидоровымъ декреталіямъ.

мы имѣемъ свидѣтельство болѣе Константинова", говоритъ папа и старается доказать главенство Петра надъ прочими апостолами, кромѣ прежде приведенныхъ словъ Писанія и другими (Марк. 16, 7. 1 Кор. 15, 4, 5. Дѣян. 2 гл. 15 гл.) (XV—XIX). „Посему отстаньте отъ такого безумія и латинянъ, истинныхъ католиковъ и любезнѣйшихъ учениковъ верховнаго Петра и преданнѣйшихъ послѣдователей его установленія, перестаньте насмѣшливо (subsannando) называть опрѣсночниками (azimitas), или отнимать у нихъ церкви, или предавать ихъ мученіямъ, какъ начали, если хотите нынѣ и всегда имѣть миръ и часть съ Петромъ". Его ученіе и преданіе апостолъ Павелъ хвалилъ въ посланіи къ римлянамъ (гл. 1 и 16), напротивъ порицалъ раздѣленія и пороки (1 Кор. 1 и 5) грековъ (XX—XXI). Посему перестаньте замѣчать сучекъ въ глазѣ брата и не видѣть бревна въ своемъ; припомните только иконоборческій соборъ (754 г.) и дѣло Фотія (XXII). „Не хотимъ вѣрить тому, въ чемъ увѣряетъ общественная молва, что въ константинопольской церкви, гдѣ, вопреки первому канону св. Никейскаго собора, возводятъ иногда (на каѳедры) евнуховъ, однажды возсѣдала на епископскомъ престолѣ женщина ([1]). Хотя этому гнусному злодѣянію и отвратительному беззаконію чрезвычайность его или страхъ и братское благорасположеніе не позволяетъ намъ вѣрить; но, принимая

([1]) Эта клевета, которой папа не вѣритъ по расположенію и вѣритъ по раздраженію, выработалась потомъ въ цѣлую исторію объ Іоаннѣ паписсѣ, и притомъ не чрезъ грековъ, но чрезъ вѣрныхъ чтителей апостольскаго престола—латинянъ, послѣ того какъ, по отзывамъ ревностнѣйшихъ католиковъ, въ X и XI вѣкѣ возсѣдали на немъ homines monstrosi и т. д.

во внимание ваше нерадѣніе о св. канонахъ, поелику евнуховъ и съ иными тѣлесными недостатками допускаете не только въ клиръ, но и къ епископству безразлично и притомъ торжественно, думаемъ, что и это могло случиться... Римскій и апостольскій престолъ, родившій благовѣствованіемъ латинскую церковь на западѣ, не есть ли мать и константинопольской церкви на востокѣ, которую чрезъ славнаго сына своего Константина и знатныхъ и мудрыхъ римлянъ старался утвердить не только нравами, но и стѣнами" (XXIII)? Поэтому константинопольская церковь, забывшаяся въ покоѣ своемъ, когда римская—мать ея подъяла всѣ труды за христіанство, должна уважать и подкрѣплять, а не оскорблять мать свою (XXIV—XXVII). „Но дочь уже и потому не должна являться неблагодарною, что мать удостоила почтить ее выше другихъ. Ибо хотя константинопольская церковь не славнѣе и не знатнѣе другихъ церквей ни какимъ божественнымъ ни человѣческимъ преимуществомъ; однако любящая мать, т. е. римская церковь, не желая совсѣмъ лишить возлюбленную дочь дара чести, чрезъ блаженныхъ предшественниковъ нашихъ старалась опредѣлить на нѣкоторыхъ соборахъ, чтобы константинопольскій предстоятель почтенъ былъ древнимъ достоинствомъ главныхъ и апостольскихъ престоловъ, какъ епископъ царствующаго града" (XXVIII). „Говорятъ, что вы заперли почти всѣ латинскія церкви, у монаховъ и настоятелей отняли монастыри, пока не станутъ жить по вашимъ уставамъ. Вотъ на сколько отлична въ этомъ отношеніи, умѣреннѣе и человѣколюбивѣе васъ римская церковь! Хотя внутри и внѣ Рима много находится греческихъ монастырей и церквей, но никто

изъ грековъ не стѣсняется и не отвлекается отъ отеческаго преданія или отъ своего обряда, напротивъ имъ совѣтуютъ и увѣщеваютъ сохранять его... Ибо знаетъ (римская церковь), что нисколько не вредятъ спасенію вѣрующихъ различные по мѣстамъ и временамъ обычаи, когда единая вѣра, производящая любовію добрыя дѣла, дѣлаетъ угодными всѣхъ единому Богу“ (XXIX). „Это и вамъ по долгу званія и мѣста вашего слѣдовало бы знать... Чтобы получить это мѣсто, вы должны были не скачкомъ, но съ каноническими промежутками, по порядку (canonico intervallo, imo plano pede) восходить изъ мірскаго званія на высоту епископства“ (XXX). Благочестивые государи и и православные не должны слушать вашихъ заблужденій; пусть припомнятъ они, что гордость есть наслѣдственная болѣзнь константинопольскихъ епископовъ (XXXI). Римская церковь никогда не колебалась и не поколеблется въ вѣрѣ, и если мы не равны св. Петру по заслугамъ, то равны ему по должности (idem sumus officio et non idem merito (XXXII—XXXIII).“ „Мы не можемъ терпѣть, чтобы кто-нибудь захватывалъ что-либо по гордости и присвоялъ себѣ вопреки нашему апостольскому престолу и его законамъ, почему всякій, кто старается упразднить или уменьшить важность или преимущества римской церкви, замышляетъ низпроверженіе и погибель не одной этой церкви, но всего христіанства“ (XXXVI). Старайтесь о единствѣ, какъ члены единаго тѣла, и не завидуйте главенству римской церкви, чтобы вмѣстѣ съ главою быть живыми членами тѣла Христова (XXXVII—XXXIX). Въ заключеніе папа обѣщается отвѣчать на обвиненія грековъ объ опрѣснокахъ и пр.. особымъ посланіемъ

и собраніемъ отеческихъ свидѣтельствъ (чего впрочемъ не сдѣлалъ) и выражаетъ желаніе, чтобы больше не было нужды заниматься этими вопросами и словопреніями (XL—XLI).

Посланіе Льва IX, въ которомъ съ такимъ наивнымъ увлеченіемъ и рѣзкостію высказываются мысли о главенствѣ римскаго епископа, о его юрисдикціи надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ, всего менѣе могло быть убѣдительно для константинопольской дочери римскаго престола. Если здѣсь не могли возражать противъ подлинности Константиновой грамоты, то не могли и не знать, что какъ Константинъ, такъ и преемники его стремились къ тому, чтобы епископа своей столицы новаго Рима сравнять съ епископомъ стараго Рима, и какъ бы римскій епископъ ни оспаривалъ права константинопольскаго, послѣдній и по опредѣленіямъ соборовъ и фактически никогда не стоялъ въ зависимости отъ римскаго, а на ряду съ нимъ и съ другими патріаршими престолами пользовался одинакими правами. На востокѣ въ это время обращалась уже теорія о необходимости въ церкви пяти патріарховъ, подобно необходимости въ тѣлѣ пяти чувствъ, и какъ чувства не могутъ быть замѣняемы одно другимъ, такъ и патріархи управляютъ независимо одинъ отъ другаго. Изъ практики церкви востоку извѣстно было, что высшій судъ въ церкви принадлежитъ не частному лицу, а вселенскому собору, который не управлялся папами, но судилъ папъ (напр. Гонорія) наравнѣ съ другими епископами. Константинополю всего менѣе извѣстна была заботливость любящей матери—римской церкви о дарованіи правъ любимой дочери—константинопольской; прямое и постоянное отрицаніе правъ ея со стороны

папы было напротивъ всегдашнимъ источникомъ враждебныхъ столкновеній. Далѣе обидное указаніе на возникавшія на востокѣ ереси, которыя и подавлялись тѣмъ же пытливымъ — догматизирующимъ духомъ грековъ, который производилъ ихъ, подавлялись часто безъ содѣйствія папъ, не всегда понимавшихъ различіе ереси отъ православнаго ученія,—это указаніе мало могло содѣйствовать устраненію возникшихъ разногласій. Уклоненіе папы отъ разсужденія о спорныхъ предметахъ могло казаться грекамъ намѣреннымъ упорствомъ въ заблужденіяхъ. Наконецъ нападеніе, и притомъ несправедливое, на личность самого патріарха константинопольскаго, что онъ изъ мірянъ взошелъ на патріаршій престолъ, что поэтому и не знаетъ и долженъ учиться тому, чему желаетъ учить другихъ, не могло произвести ничего, кромѣ личнаго раздраженія, всегда вреднаго для общаго мира.

Но обстоятельства скоро измѣнились къ лучшему. Императоръ Константинъ Мономахъ, желая возвратить отнятыя норманнами греческія владѣнія въ Италіи при пособіи папы и германскаго императора, вступилъ въ миролюбивыя сношенія съ папой. Онъ написалъ папѣ письмо, въ которомъ выразилъ желаніе возстановить давно прерванное общеніе между церквами и устранить церковное разногласіе; къ тому же побудилъ и патріарха Михаила. Хотя письма ихъ къ папѣ не дошли до насъ, но мы знаемъ содержаніе ихъ изъ отвѣтныхъ писемъ папы, съ которыми онъ отправилъ своихъ пословъ въ Константинополь въ началѣ 1054 года. Въ письмѣ къ императору папа хвалитъ его за то, что, „послѣ столь долгихъ и опасныхъ разногласій, онъ первый явился совѣтникомъ, носителемъ и споспѣшникомъ

мира и согласія“, что онъ оказался такимъ почтительнымъ къ верховной матери церкви римской и къ главѣ ея—папѣ. „Кто этотъ глава, твоя императорская свѣтлость хорошо знаетъ: тотъ именно, кого голосъ Христа превознесъ надъ всѣми и кого общее согласіе св. отцевъ постоянно доселѣ прославляло; коего досточтимое лице и ты расположился почитать изъ благодарности къ тому, кто твою главу прилично украсилъ діадимою земной власти и сдѣлалъ страшнымъ и любезнымъ народамъ,—именно этотъ древній и почтенный заслугами Римъ“, и т. д. Далѣе папа разсказываетъ, какія мученія терпѣли жители Италіи отъ норманновъ, какъ онъ увѣщевалъ ихъ и какъ наконецъ долженъ былъ двинуться противъ нихъ съ войскомъ, на которое они сдѣлали вѣроломное нападеніе; но онъ ожидаетъ еще со дня на день помощи императора Генриха III и его—Константина. „Посему, преданнѣйшій сынъ и свѣтлѣйшій императоръ, соблаговоли помочь намъ къ возвышенію твоей матери св. Церкви, и къ возстановленію преимуществъ, достоинства и важности ея, а также наслѣдственныхъ владѣній въ предѣлахъ твоей власти, какъ ясно можешь усмотрѣть изъ писаній и дѣяній достопочтенныхъ предшественниковъ нашихъ или твоихъ. Сдѣлавшись великимъ преемникомъ великаго Константина по крови, имени и власти, будь подражателемъ ему и въ преданности къ апостольскому престолу“. „Кромѣ того собратъ нашъ архіепископъ Михаилъ прислалъ намъ письмо, въ которомъ увѣщеваетъ насъ къ согласію и единенію... Но пусть знаетъ твоя свѣтлость, что до нашего слуха дошло многое и нестерпимое о его превозношеніяхъ, какъ, воспламенившись даже открытымъ преслѣдованіемъ на латинскую церковь, не

страшился анаеематствовать всѣхъ, которые принимають таинства (причащенія) на опрѣснокахъ, и что, стремясь лишить александрійскаго и антіохійскаго патріарховъ ихъ древняго достоинства, честолюбиво желаетъ подчинить ихъ себѣ вопреки справедливости и закону; и многое разсказываютъ о его злоупотребленіяхъ, какъ можешь узнать подробнѣе отъ нашихъ пословъ. Если, чего да не будетъ, онъ будетъ упорствовать въ этомъ, то никакъ не можетъ получить нашего мира... Надѣемся впрочемъ, что, при помощи благодати Божіей, онъ окажется невиннымъ въ этомъ или исправившимся, или по увѣщаніи скоро перестанетъ и сдѣлается не такимъ, какъ объ немъ говорятъ, но какимъ мы усердно желаемъ и надѣемся видѣть его“. Въ заключеніе папа рекомендуетъ императору своихъ пословъ (¹).

Въ посланіи къ патріарху Михаилу, котораго папа съ намѣреніемъ, конечно, называетъ только архіепископомъ, Левъ IX выражаетъ свою радость о томъ, что патріархъ желаетъ мира между церквами; надѣется, что патріархъ можетъ быть полезнымъ служителемъ церкви Божіей, если только будетъ слѣдовать опредѣленіямъ св. отцевъ; повторяетъ, что слышалъ объ немъ, именно, что онъ неофитъ, т. е. не чрезъ узаконенные промежутки времени вступилъ на патріаршій престолъ, что старается патріарховъ александрійскаго и антіохійскаго лишить древнихъ правъ ихъ, укоряетъ за достоплачевное употребленіе титула „вселенскаго патріарха“, который могъ быть приличенъ только папѣ, но отъ котораго римскіе первосвященники всегда отказывались. „Кто не изумится тому, что послѣ столь св. и

(¹) Вилл. стр. 85—89.

православныхъ отцевъ ты чрезъ 1020 лѣтъ отъ страданія Спасителя являешься новымъ хульникомъ латинской церкви, проклиная и воздвигая открытое преслѣдованіе на всѣхъ, которые употребляютъ въ таинствѣ опрѣсноки". Папа старается доказать, что Христосъ, пришедшій исполнить законъ, необходимо долженъ былъ совершить пасху на опрѣснокахъ, иначе пострадалъ бы законно, какъ нарушитель закона; да другаго хлѣба нельзя было и найти въ это время. „Но какъ объ этомъ, такъ и о прочемъ, въ чемъ ты укоряешь насъ, пространнѣе научишься изъ *другихъ* нашихъ *писаній*, которыя принесутъ наши послы"... Ты писалъ намъ, что если чрезъ насъ одна римская церковь приметъ твое имя (въ диптихи), то всѣ церкви (1) во вселенной чрезъ тебя примутъ наше имя. Какая нелѣпость, возлюбленный братъ! Римская церковь, глава и матерь церквей, не имѣетъ членовъ и дочерей! Какъ же она можетъ называться главой или матерью?.. Кто дорожитъ именемъ христіанина, пусть перестанетъ злословить и оскорблять св. римскую и апостольскую церковь". Въ заключеніе папа выражаетъ надежду, что патріархъ скоро окажется невиннымъ или исправится, и миръ между церквами водворится: „тогда не нужно будетъ тебѣ просить насъ, но повелѣвать. Кромѣ того содѣйствуй, какъ началъ, чтобы два великія царства соединились въ желанномъ союзѣ (2)".

Подъ другими писаніями, которыя послы должны были принести въ Константинополь, папа Левъ IX разумѣлъ, вѣроятно, свое первое обширное посланіе, въ которомъ

(1) Разумѣются, конечно, восточн. патріархи.

(2) Т. е. противъ Норманновъ Генрихъ III и Константинъ Мономахъ.

доказывается главенство римской церкви ([1]), и Humberti cardinalis dialogus, въ которомъ содержится опровержение на посланіе Льва Ахридскаго ([2]). Въ обширномъ разговорѣ Гумберта константинополецъ повторяетъ отъ слова до слова посланіе Льва Ахридскаго, а римлянинъ возражаетъ и опровергаетъ. Этотъ разговоръ былъ переведенъ на греческій языкъ, по приказа-

---

([1]) Прежде чѣмъ это посланіе было отправлено въ Константинополь, подоспѣли мирныя предложенія императора и патріарха; но этому папа отвѣчалъ имъ другими посланіями въ смягченномъ тонѣ. „Diese beiden Briefe an den Kaiser und den Patriarchen, говоритъ Гефеле, weisen mit keiner Silbe darauf hin, dass der Papst schon früher ein anderes, jenes „grosse und strenge Shcreiben an Cerularius“ erlassen habe; ja sie schlagen einen solchen Ton an, dass die Vermuthung nahe liegt, jener frühere Brief sei gwar bereits abgefasst, aber noch nicht abgeschickt gewesen, als die Fridensanerbietungen von Constantinopel anlangten (Conciliengesch B. IV. S. 734). Но для прѣній въ Константинополѣ оно казалось папѣ необходимымъ; потому онъ вручилъ его своимъ посламъ, какъ руководство. Было ли потомъ оно передано патріарху, неизвѣстно; патріархъ не упоминаетъ о немъ.

([2]) Этотъ разговоръ Гумбертъ сочинилъ, безъ сомнѣнія, еще въ Италіи; потому что онъ очень обширенъ, а послы пробыли въ Константинополѣ только около мѣсяца, и кромѣ того Гумбертъ долженъ былъ тамъ писать другое сочиненіе въ опроверженіе Никиты Стиѳата. Такъ думаютъ многіе ученые, напр. Гфрёреръ, Гефеле, и др. Вилль же на основаніи словъ Виберта въ жизни Льва IX: „Humbertus edidit contra eorum putida scripta responsionem instar dialogi, ab ipso Latine scriptam *apocrisariatus sui tempore Constantinopoli*“ (стр. 93), думаетъ, что разговоръ написанъ въ Константинополѣ. Но Вибертъ часто дѣлаетъ невѣрныя показанія. Впрочемъ можно допустить, что разговоръ въ Константинополѣ былъ исправленъ и дополненъ; потому что въ немъ встрѣчаются опроверженія на такія мысли, которыхъ нѣтъ въ посланіи Льва Ахридскаго и которыя Гумбертъ слышалъ, вѣроятно, при прѣніяхъ въ Константинополѣ. Напр. „Sciscitantibus nobis, unde Dominus Iesus fermentatum in coena habuerit, cum in omnibus finibus Israël non inveniretur, respondent: si creditur omnipotens, potuit subito undecunque fermentatum exhibere aut certe ipsum azymum benedicendo fermentare“; или: „astruere conamini Dominum non celebrasse pascha cum Iudaeis quarta decima luna mensis primi, sed priusquam fieret legalis abjectio fermentati“ (стр. 102), и под.

нію императора, и, конечно, еще болѣе содѣйствовалъ раздраженію грековъ противъ западной церкви. Такъ какъ онъ составляетъ chef—d'oevre католической полемики противъ греческой церкви, которымъ досел̂ѣ восхищаются католики ([1]); то мы позволимъ себѣ войти въ ближайшее разсмотрѣніе его.

Отрицая, чтобы греки дѣйствительно изъ любви къ римской церкви указывали ея отступленія отъ древней практики, такъ какъ они „въ слѣпой и неслыханной дерзости" въ нападеніяхъ на римскую церковь „превзошли глупость всѣхъ еретиковъ", Гумбертъ доказываетъ, что упрекъ въ сообщеніи съ іудеями въ опрѣснокахъ и субботахъ совершенно несправедливъ, какъ можно видѣть изъ сличенія того, что заповѣдано было іудеямъ на счетъ опрѣсноковъ (Исх. XII, 18—20; 15—17. XIII, 6. 7. XXXIV, 18. Лев. XXIII, 5—8. Числ. XXVIII, 16—22. Втор. XVI, 1—4) и субботъ (Исх. XX, 8—11. XXXIV, 21), и того, что дѣлается въ римской церкви. Тоже оружіе онъ обратилъ даже противъ нихъ и съ равною несправедливостію. „Скажите, почему вы сообщаетесь съ іудеями въ одинаковомъ соблюденіи субботы? Они празднуютъ субботу, и вы празднуете: они имѣютъ праздничный столъ и всегда разрѣшаютъ въ субботу постъ, и вы торжествуете и всегда разрѣшаете въ субботу постъ (I—VI)". Что касается этимологическаго доказательства и дѣлаемаго изъ него вывода въ пользу квасна́го хлѣба, то оно ничего не доказываетъ. „Опытные языковѣды, говоритъ Гумбертъ, даютъ словамъ различное значеніе болѣе условно (secundum humanum placitum magis), нежели по

([1]) Hefele, Conciliengesch. B. IV. S. 735.

природѣ вещей". По этому хлѣбомъ (ἄρτος, panis) безразлично называется какъ квасный, такъ и прѣсный хлѣбъ: такъ называется въ Писаніи манна, хлѣбы предложенія, хлѣбы Авраама, которыми онъ угощалъ трехъ странниковъ, и пр. Приписывать же одушевленіе квасному хлѣбу значитъ манихействовать; потому что только манихеи считали одушевленными хлѣбъ, вино, дерево и пр. (VII—XIII). Христосъ долженъ былъ совершить пасху на опрѣснокахъ; иначе онъ нарушилъ бы законъ и, какъ презритель его, подлежалъ бы смертной казни вмѣстѣ съ учениками. Да и не могъ бы достать квасныхъ хлѣбовъ, потому что былъ уже 14 день мѣсяца, когда ничего кваснаго нельзя было найти въ домахъ іудеевъ (XIV—XVIII). Называть опрѣснокъ, на которомъ совершается таинство евхаристіи, камнемъ или глиной—есть хула; потому что квасный ли, прѣсный ли хлѣбъ въ таинствѣ дѣлается одинаково хлѣбомъ жизни, а безъ таинства одинаково неодушевленны. По составу своему опрѣснокъ болѣе приличенъ для таинства, нежели квасный хлѣбъ; потому что онъ состоитъ изъ меньшаго числа элементовъ и вообще чище (XIV—XXXVI). При этомъ Гумбертъ нападаетъ на разные обычаи грековъ, именно, что они безъ разбора принимаютъ хлѣбы для евхаристіи, купленные даже у булочниковъ: что они копіемъ вырѣзываютъ для жертвы часть изъ хлѣба, что не точно соотвѣтствуетъ цѣлостному, несокрушенному тѣлу Господа; что они вкладываютъ хлѣбъ въ чашу и употребляютъ для причащенія лжицу, чего не дѣлалъ Господь и чего не дѣлается въ церкви іерусалимской, хранительницѣ апостольскихъ преданій; что они сожигаютъ, зарываютъ въ землю или выливаютъ въ рѣку остатки св.

евхаристіи, что показываетъ великое пренебреженіе и безстрашіе. Наконецъ, по поводу заявленія грековъ, что опрѣсноки, какъ Моvсеево установленіе, устранены—καταργηθέντα евангеліемъ, Гумбертъ, прочитавшій καταραθέντα—проклять, удивляется „святотатственной и бѣшеной глупости" грековъ, пускается въ длинное разсужденіе о важности ветхаго завѣта—прообраза Христова и доказываетъ, что не все, заключающееся въ моисеевомъ законѣ, отмѣнено новымъ завѣтомъ, что въ церковь христіанскую взято много изъ іудейской (алтарь, жертвенникъ, подсвѣчники, сосуды, одежды и т. д.); что если отмѣненъ весь законъ Моvсеевъ, то христіане должны поступать вопреки десятословію, т. е. ненавидѣть Бога и ближняго, не почитать отца и матери, убивать и т. д.; что если опрѣснокъ отмѣненъ, то и квасной хлѣбъ также, такъ какъ и объ немъ есть предписанія въ законѣ (Лев. VII, 11. 13. XXIII, 17) и под. (XXXVII—XLIV).—Субботу римляне соблюдаютъ не по іудейски; потому что и путешествуютъ и дѣлаютъ, что нужно, а постятся какъ въ день печали въ память того, что тѣло Христово находилось въ этотъ день во гробѣ; а это лучше, нежели съ утра до ночи предаваться разнымъ забавамъ и неумѣренному пьянству, какъ дѣлаютъ греки. Особенно Гумбертъ издѣвается надъ „чудной философіей грековъ, надъ остроуміемъ аѳинской академіи", по поводу замѣчанія, что соблюдающіе субботу ни іудеи ни христіане" (XLV—XLVIII). Заповѣдь не ѣсть крови и удавленины дана въ ветхомъ завѣтѣ іудеямъ; „а мы отъ Господа и отъ апостоловъ имѣемъ позволеніе ѣсть все, что не вредитъ нашему или братнему спасенію... мы ли, вы ли, что заняли отъ предковъ нашихъ или по обычаю употреб-

ляемъ въ пищу, того и станемъ держаться, такъ чтобы не ядущій не презиралъ ядущаго, и ядущій не осуждалъ не ядущаго". Заповѣдь, данная апостолами принимающимъ христіанство язычникамъ, воздерживаться отъ крови и удавленины принадлежитъ тому времени, когда они по необходимости соблюдали еще нѣкоторыя плотскія заповѣди ветхаго завѣта, ходили напр. въ храмъ, гдѣ приносились жертвы, обрѣзывали учениковъ и вообще оказывали снисхожденіе къ іудеямъ; но по паденіи іудеи изчезло вліяніе ветхаго завѣта и сдѣлалось „все чисто для чистыхъ, потому что освящается словомъ Божіимъ и молитвою" (XLIX—LV). Аллилуіа латиняне не поютъ во дни поста, какъ радостную пѣснь, въ знакъ печали о томъ, что человѣкъ чрезъ прародительскій грѣхъ удалился отъ Бога и отъ общенія съ ангелами; когда же празднуется воскресеніе Христа изъ мертвыхъ, который перемѣнилъ нашу печаль на радость, то и они начинаютъ пѣть аллилуіа и поютъ въ продолженіе всего года, а не однажды въ годъ только на пасху, какъ увѣряютъ греки (LVI—LVIII). Въ заключеніе на миролюбивое приглашеніе Льва Ахридскаго къ исправленію и на обѣщаніе написать о предметахъ разногласія больше и подробнѣе (πτατύτερα, что Гумбертъ переводитъ perfectiora), кардиналъ отвѣчаетъ весьма злой выходкой противъ грековъ, въ которой ходившіе про нихъ въ Италіи разсказы украсилъ собственнымъ остроуміемъ и клеветой. „Вы обѣщаете большее и лучшее къ показанію вѣры и утвержденію душъ, приглашая простодушныхъ и безумныхъ къ сладости воровской воды и пріятности краденаго хлѣба (Притч. IX, 13—18). Всеконечно воровская вода, въ которой вы перекрещиваете латинянъ,

православно крещенныхъ, тогда какъ ни одинъ православный не доходилъ до того, чтобы перекрещивать крещенныхъ даже еретиками во имя св. Троицы. По истинѣ не знаю къ какому краденому хлѣбу вы приглашаете, когда животворящія и страшныя тайны тѣла и крови Іисуса Христа попираете скверными ногами... Это ли большее и лучшее, что недавно женатый, совершенно истощенный и утомленный новымъ сладострастіемъ, служитъ алтарю Христову и руки, освященныя его непорочнымъ тѣломъ, тотчасъ переноситъ къ женскимъ объятіямъ [1]. Это ли лучшее, что родильницамъ и страдающимъ кровотеченіемъ [2] женщинамъ отказывается въ причащеніи? или язычникамъ запрещается крещеніе? и у младенцевъ, умирающихъ прежде осьми дней (по рожденіи) отнимается возрожденіе водою и Духомъ Святымъ?.. И это не оттуда ли, что на распятіи Христовомъ утверждаете образъ умирающаго человѣка, такъ что на крестѣ Христовомъ возсѣдаетъ нѣкій антихристъ, показующій себя достопоклоняемымъ, какъ Богъ? И это не оттуда ли, что для монаховъ хуже надѣвать исподнее платье и ѣсть мясо, нежели любодѣйствовать? Не для того ли запираете латинскія церкви и распространяете посланія по всему міру, чтобы привлечь весь народъ христіанскій къ этому боль-

(1) Ту же картину Гумбертъ рисуетъ еще грязнѣе въ другомъ сочиненіи и бросаетъ этой грязью въ лице уже всему греческому народу: назначаемые къ священству, говоритъ онъ, „принуждаются прежде жениться и потомъ уже рукополагаются, ut novi mariti et recenti carnis voluptate toti resoluti et marcidi et inter sancta sacrificia cogitantes, qnomodo placeant uxoribus, immaculatum Chisti corpus tractent atque populo distribuant indeque sanctificatas manus ad tractandum membra muliebria mox referant et sic sicut populus sic et sacerdos et tandem populi sint (sicut) sacerdotes mali“ (Вилл. стр. 150).

(2) Собственно: in menstruo periclitantibus.

шему и лучшему? Все подобное не есть показаніе истинной вѣры, но изобрѣтеніе діавола, не къ утвержденію, но къ погибели душъ. За всѣ эти и другія заблужденія, которыя долго перечислять на бумагѣ, если не отстанете и не воздадите достойнаго удовлетворенія, преданы будете въ сей и въ будущей жизни невозвратному проклятію отъ Бога и отъ всѣхъ православныхъ, за которыхъ Христосъ положилъ свою душу" (LIX—LXVI) (¹). Вообще искаженіе текста, насмѣшки, придирки, клеветы на греческую церковь обильно разсыпаны по всему діалогу Гумберта „тонъ слишкомъ рѣзкій и діалектика черезчуръ бранчивая для цѣли соединенія", какъ замѣчаетъ Гефеле (²). Чтобы не показаться пристрастнымъ въ сужденіи о произведеніи Гумберта, приведемъ сужденіе объ немъ одного католическаго историка. „Сочиненіе, говоритъ Пихлеръ, которое Гумбертъ написалъ въ опровերженіе упрековъ, сдѣланныхъ Керулларіемъ латинянамъ, было не серьёзный разборъ, но пасквиль, который не только повторялъ старую пѣсню, что востокъ есть отечество всѣхъ ересей, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ въ вину патріарху и греческой церкви такія вещи, которыя были чистыми выдумками" (³).

Вмѣстѣ съ Гумбертомъ папа Левъ IX отправилъ въ Константинополь ослами Фридриха, кардиналъ-діакона и канцлера римской церкви (послѣ папа Стефанъ X) и архіепископа амальфійскаго Петра. Во главѣ посольства стоялъ Фридрихъ, но душею его былъ миролюбивый Гумбертъ. Съ почестями принятые въ Константинопо-

(¹) Вилл. стр. 93—126.
(²) Conciliengesch. B. IV. S. 735.
(³) Gesch. d. kirchl. Trennung. B. I. S. 256.

лѣ императоромъ и народомъ, они помѣщены были въ студійскомъ монастырѣ. Но въ сознаніи величія римской церкви послы вели себя слишкомъ гордо противъ грековъ, такъ что вскорѣ переговоры съ ними сдѣлались невозможными. Патріархъ Михаилъ послѣ писалъ антіохійскому патріарху Петру, какъ „они, пришедши въ царствующій градъ, представились сначала державному императору въ пышной одеждѣ съ надмѣннымъ духомъ и поведеніемъ. Потомъ, пришедши къ нашей мѣрности, кто разскажетъ, какое показали высокомѣріе, высокорѣчіе и гордость. Не сказали намъ какого-нибудь привѣтствія, не вздумали хоть сколько нибудь преклонить своихъ головъ и воздать намъ обычное почтеніе и никакъ не захотѣли сидѣть ниже митрополитовъ, собравшихся съ нами въ пріемной палатѣ, какъ требовалъ древній обычай, считая это безчестіемъ себѣ“ (¹). Патріархъ, конечно, намѣренно и, замѣтимъ, несправедливо, съ цѣлію униженія гордыхъ пословъ, предложилъ имъ низшія мѣста, которыхъ они не могли принять и, вручивши ему папское посланіе, удалились. Ясно стало, что соборное разсужденіе о спорныхъ предметахъ оказалось невозможнымъ при неуступчивости съ обѣихъ сторонъ: „Михаилъ, говоритъ Гумбертъ, избѣгалъ присутствія и разговора съ послами и упорствовалъ въ своей глупости“ (²). Поэтому въ присутствіи императора и вельможъ устроено было въ студійскомъ монастырѣ преніе пословъ съ ученымъ монахомъ и потомъ игуменомъ Никитой Стифатомъ (по ла-

(¹) Вилл. стр. 177.

(²) Humberti brevis et succincta commemoratio eorum, quae gesserunt apocrisiarii sanctae romanae et apostolicae sedis in regia urbe (Вилл. стр. 150—152).

тынѣ Pectoratus). Но и здѣсь, конечно, не могло быть правильнаго прѣнія; на сторонѣ легатовъ былъ императоръ, и стороны были слишкомъ не равны. Насиліе превозмогло, „Никита монахъ, онъ же и Пекторатъ, говоритъ Гумбертъ, въ присутствіи императора и вельможъ его, по настоянію римскихъ пословъ, анаѳематствовалъ нѣкоторое сочиненіе, изданное подъ его именемъ противъ апостольской и всей латинской церкви и озаглавленное: объ опрѣснокѣ, о субботѣ и о бракахъ священниковъ. Кромѣ того анаѳематствовалъ всѣхъ, которые откажутся признавать святую римскую церковь первою изъ всѣхъ церквей и которые осмѣлятся упрекать въ чемъ-нибудь ея вѣру, всегда православную". Потомъ, по приказанію императора, сочиненіе его было публично сожжено. На другой день Никита пришелъ къ посламъ во дворецъ источниковъ (Πηγαί), гдѣ снова начался разговоръ о спорныхъ предметахъ. „Получивши отъ нихъ совершенное разрѣшеніе на свои вопросы, онъ въ другой разъ *добровольно* анаѳемствовалъ всѣ слова и поступки или покушенія противъ перваго и апостольскаго престола. Посему принятый ими въ общеніе сдѣлался ихъ искреннимъ другомъ (?)". Далѣе сочиненія Гумберта противъ Льва ахридскаго и Никиты, по приказанію императора, переведены были на греческій языкъ. Такъ какъ въ сочиненіи, изданномъ подъ именемъ Никиты, справедливо можно предполагать участіе патріарха и вообще въ немъ излагались мысли восточныхъ, и на оборотъ собственное произведеніе противъ Никиты, Гумбертъ называетъ сочиненіемъ *пословъ* (eorundem nuntiorum), т. е. выраженіемъ мыслей западныхъ: то мы познакомимся съ содержаніемъ того и другаго.

Никита Стифатъ послѣ вступленія, исполненнаго любви и смиренія, разсуждаетъ объ опрѣснокахъ и повторяетъ тѣ же мысли о квасномъ хлѣбѣ и опрѣснокахъ, какія встрѣчались уже въ посланіи Льва, именно, что опрѣснокъ, не имѣющій жизненности, не соотвѣтствуетъ существу животворящаго тѣла Христова, что употребляющіе опрѣснокъ остаются во тьмѣ закона ветхаго и что Христосъ преподалъ апостоламъ хлѣбъ, а не опрѣснокъ (panem et non azymum). Но, вслѣдствіе возраженій со стороны латинянъ, послѣднее обстоятельство оказалось нужнымъ опредѣлить точнѣе, что онъ и старается сдѣлать такимъ образомъ:" Христу надлежало пострадать въ день законной пасхи, въ который евреями закалался и агнецъ. А пасхѣ у богоубійцъ надлежало быть въ шестой день или въ 14 день луны перваго мѣсяца 5534 года; ибо кругъ солнца былъ тогда 18, а луны 5; такъ что еще не преданный Христосъ предварилъ преподать ученикамъ Свою пасху, возлежа за столомъ вечеромъ пятаго дня, послѣ ужина взялъ хлѣбъ и преломилъ, преподалъ апостоламъ таинство новаго завѣта въ ночь пятаго дня, когда преданъ былъ Іудой... Былъ тогда 13 день луны въ 5-й день и не было опрѣснока, ни прекращенія (употребленія) кваснаго хлѣба... Если же Христосъ закланъ былъ и распятъ въ 14 день луны, въ 6 день, а въ субботу былъ праздникъ опрѣсноковъ, то когда ѣлъ онъ опрѣсноки или предалъ апостоламъ такъ дѣлать въ Новомъ Завѣтѣ? Далѣе изъ законодательства Моvсеева (Лев. XXIII, 4—6) онъ доказываетъ, что Христосъ „прежде праздника опрѣсноковъ совершилъ таинство новаго завѣта, когда былъ 13 день мѣсяца"; и приводитъ постановленіе 6 вселенскаго собора (прав. II.) противъ

употребленія опрѣсноковъ. Противъ поста въ субботу Никита приводитъ изъ постановленій апостольскихъ (кн. 5 и 7) опредѣленіе поститься въ среду и пятницу и праздновать субботу и воскресенье, и правило апостольское (66): „если кто клирикъ окажется постящимся въ воскресенье или въ субботу, кромѣ одной единственной, да будетъ низверженъ; если же міряниеъ, да будетъ отлученъ". Далѣе онъ примѣняетъ противъ латинянъ правила: апостольское 69, собора гангрскаго 19, лаодикійскаго 50 и 48, и 6 вселенскаго 52 и 55, которыя всѣ такъ или иначе запрещаютъ постъ въ субботу. Противъ безбрачія священниковъ Никита приводитъ постановленій апостольскихъ книг. 6 гл. 17, и правила апостольскія 5 и 40 и 6 вселенскаго собора, 13, которыя всѣ не только дозволяютъ священникамъ брачное сожитіе, но и запрещаютъ прекращеніе его подъ предлогомъ воздержанія. Въ заключеніе онъ увѣщеваетъ римлянъ „мужей мудрѣйшихъ и знатнѣйшихъ предъ всѣми другими народами", которые были „всегда свѣтлымъ окомъ церкви Божіей и всего міра", оставить свои нововведенія и не прерывать единенія съ своими собратьями (¹).

На это сочиненіе Никиты Гумбертъ написалъ въ Константинополѣ „отвѣтъ или возраженіе" (²). „Горе те-

(¹) Вилл. стр. 127—136.

(²) Вилл. стр. 136—150. Сочиненіе это, со словъ Виберта въ жизни папы Льва IX (lib. II, cap. 9), Гефлеръ, Гизебрехтъ и другіе ученые приписываютъ кардиналу Фридриху; но совершенно несправедливо. Въ немъ Гумбертъ три раза ссылается на первое свое сочиненіе противъ Льва Ахридскаго: „Quod satis ostenditur in *superiori nostra narratione*, ubi commentis complicum tuorum, Michaëlis scilicet Constantinopolitani et Leonis Achridani voluimus obviare... Satis ostenditur in *alia nostra epistola*... Sed de his *alias copiose disseruimus*".

бѣ, Саравантъ ([1]), обращается онъ въ началѣ отвѣта къ Никитѣ, ты непроникнутый монашескимъ послушаніемъ, водимый своей волей и пожеланіемъ, страшно наразбойничалъ противъ св. римской и апостольской церкви и соборовъ всѣхъ св. отцевъ, глупѣйшій осла, ты покусился сокрушить чело львиное и стѣну адамантову! И въ своемъ покушеніи остался не побѣдителемъ заблужденія, но побѣжденнымъ отъ заблужденія; не пресвитеръ (старецъ), но устарѣвшій въ злыхъ дняхъ и проклятый столѣтній отрокъ, достойный называться скорѣе епикурейцемъ, нежели монахомъ... Справедливо прозываешься Pectoratus, потому что съ древнимъ зміемъ ползаешь на персяхъ (super pectus tuum)... Отвратительнѣе всякаго яда, напоя смертоносную чашу медомъ любви и благоуханіемъ смиренія, составилъ изъ сказанныхъ добродѣтелей усладительное предисловіе, чтобы, по вкушеніи сладкаго, заставить немедленно проглотить желчь драконову и остальной ядъ"... За такимъ любезнымъ предисловіемъ слѣдуютъ нелѣпѣйшія придирки къ словамъ, пересыпанныя подобными обращеніями: „замолчи, собака; прикуси языкъ, злой песъ!", пока кардиналъ не дошелъ до вопроса о времени совершенія тайной вечери (1—X). „Христосъ не нарушилъ ни одной іоты ветхаго закона. Посему и пасху праздновалъ въ 14 день луны, вечеромъ 5 дня по субботѣ (ad vesperum quinta sabbati) и взятый въ туже ночь распятъ былъ въ 15 день луны, т. е. въ 6-й по субботѣ, который въ частности называется первымъ днемъ опрѣсноковъ; хотя и во весь предыду-

([1]) Сараваитами назывались отшельники въ Египтѣ, живущіе малыми обществами, безъ уставовъ и настоятелей, иногда даже въ брачномъ сожитіи (см. Cassian. collat. 18. 4, 7).

щій день, т. е. въ 14 день луны, во всѣхъ предѣлахъ израиля нельзя было найти кваснаго хлѣба. Ибо и агнецъ съѣдался съ опрѣсноками. Потому если, какъ ты увѣряешь, Христосъ совершилъ пасху въ 13-й день луны съ квасным хлѣбомъ, то былъ вдвойнѣ виновенъ и по справедливости достоинъ наказанія по закону за то, что совершилъ пасху не въ свое время, и за то, что съ квасным хлѣбомъ (1). 11 правило 6 вселенскаго собора не относится къ римлянамъ (XI—XV). Отвергая правило противъ поста въ субботу, взятое изъ постановленій апостольскихъ, какъ апокрифическое, „ложное преданіе“, Гумбертъ изъ небывалыхъ актовъ 6 вселенскаго собора разсказываетъ, какъ во время его епископъ Іоаннъ служилъ въ церкви св. Софіи литургію съ латинскими обрядами и какъ, на вопросъ императора Константина о совершеніи таинства евхаристіи въ римской церкви, легаты папскіе отвѣчали,

(1) Ученые доселѣ несогласны въ мнѣніяхъ о томъ, когда Христосъ совершилъ пасху, 13 или 14 Нисана. Во второмъ вѣкѣ было господствующимъ мнѣніе, что Христосъ совершилъ свою пасху 13 и умеръ на крестѣ 14 Нисана, какъ видно изъ сочиненій Климента пресв. александрійскаго и Ипполита Портійскаго; Аполлинарій епископъ Іерапольскій называетъ заблужденіемъ мнѣніе тѣхъ, которые „говорятъ, что Господь 14 ѣлъ агнца съ учениками, а въ великій день опрѣсноковъ пострадалъ“ (Corp. Scr. Hist. Byzant. Chron. Pasch. vol. I. p. 12—15. Bonn. 1832). Но въ пятомъ вѣкѣ стало усиливаться мнѣніе, что Христосъ 14 Нисана совершилъ еще съ учениками законную пасху и 15 пострадалъ, какъ видно изъ посланія Протерія епископа алекс. къ папѣ Льву (Ideler, Handb. d. Chron. B. II. § 264—267). Во 11 вѣкѣ вопросъ этотъ сдѣлался уже второстепеннымъ въ спорѣ объ опрѣснокахъ, и греч. церковь держалась болѣе древняго мнѣнія, основаннаго на точнѣйшемъ опредѣленіи времени тайной вечери въ евангеліи Іоанна. Въ новѣйшее время греческаго мнѣнія держались и держатся весьма многіе ученые, если не большая часть, и на различныхъ основаніяхъ, какъ Иделеръ, Люкке, Зиффертъ, де-Ветте, Блеекъ, Неандеръ и т. д. (см. Lehrb. d. hebr.—jüd. Archaeol. de Wette, 1864, S. 320—322; Neander, Leben S. Chr. 1852, I. 689—692).

что „хлѣбъ, приносимый въ жертву къ олтарю, не долженъ имѣть никакого смѣшенія или кваснаго повреждёнія, подобно тому, какъ блаженная дѣва Марія зачала и родила Христа безъ всякаго поврежденія", и что „хлѣбъ долженъ быть прѣсный, какъ постановлено въ папскихъ дѣяніяхъ (in gestis pontificalibus) блаженнымъ Сильвестромъ (¹). Тогда благочестивѣйшему императору Константину понравилось это преданіе апостольскаго престола", увѣряетъ Гумбертъ (XVI—XIX). Противъ опредѣленія пято-шестаго вселенскаго собора, повторившаго апостольское правило, кардиналъ такъ выражаетъ: „зная, что 6 соборъ созванъ былъ для искорененія ереси грековъ (а папа Гонорій?) монооелитовъ, а не для преданія римлянамъ новыхъ постановленій, главы, которыя вы противополагаете намъ подъ его авторитетомъ, совершенно отвергаемъ, потому что первый апостольскій престолъ никогда ихъ не принималъ и доселѣ не соблюдаетъ, и потому что или онѣ не существуютъ или подложны (aut nulla, aut depravata sunt)... Опредѣленіе, по которому клирикъ, постящійся въ субботу, кромѣ одной, подвергается низверженію, слѣдуетъ назвать скорѣе правиломъ назареевъ, нежели апостольскимъ, Керинеа и Евіона, нежели шестаго собора и папы Агаѳона" (XX). Точно также отвергаетъ онъ обязательность и другихъ правилъ, защищаетъ обычай римской церкви служить во всѣ дни четыреде-

(¹) Во время 6 всел. собора и послѣ въ продолженіе всего VIII вѣка и въ западной церкви несомнѣнно употреблялся для таинства евхаристіи квасный хлѣбъ, какъ видно между прочимъ изъ 6 правила 16 толедскаго собора (693 г.), въ которомъ говорится о приношеніи къ олтарю домашняго обыкновеннаго хлѣба (Hefele, Concillengesch. B. III. S. 321 Neander A. G. d. chr. Relig. u. Kirhe, 1856. B. II. S. 319).

сятницы обыкновенную литургію, а не преждеосвященныхъ даровъ (вопреки 52 правилу труллъскаго собора), папскими подложными опредѣленіями, и не забываетъ при этомъ нападать на обычаи грековъ: „Учиться обряду вашей литургіи мы не желаемъ, потому что не видимъ при ней никакого благоговѣнія и величайшую небрежность, когда преломляя и принимая святый хлѣбъ не заботитесь о падающихъ кусочкахъ. Тоже бываетъ, когда неблагоговѣйно обмахиваете святыя чаши пальмовыми листьями и свиной щетиной. Нѣкоторые изъ васъ такъ неблагоговѣйно вкладываютъ тѣло Христово, что чаши переполняются, и чтобы ничего не выпадало или не вытекало, втискиваютъ рукой. И остатки приношенія, какъ обыкновенные хлѣбы, ѣдятъ иногда до пресыщенія, и если не могутъ съѣсть, зарываютъ въ землю или бросаютъ въ колодезь... Проповѣдуя намъ о воздержаніи весьма немногихъ, зачѣмъ умалчиваете объ обжорствѣ многихъ, которые или мало или вовсе ничего не приносятъ Богу въ четыредесятницу, когда не страшатся и не стыдятся пьянствовать съ утра до ночи. Нѣкоторые же, принося въ церковь бобы и другіе плоды, тамъ же и съѣдаютъ ихъ... Во дни поста, у насъ никому не позволяется, какъ у васъ, послѣ одного подкрѣпленія вкушать что нибудь, изъ яблокъ или травъ“ (XXI—XXIV). Защищеніе брачнаго сожитія духовенства Гумбертъ называетъ Николаитскою ересью, съ ругательствомъ отвергаетъ свидѣтельство постановленій апостольскихъ, правило апостольское „не отвергать жену свою подъ предлогомъ воздержанія“ объясняетъ въ смыслѣ попеченія о ней, какъ у апостола Павла (1 Кор. IX, 5), и наконецъ безбрачіе духовенства защищаетъ посланіемъ Климента римскаго, 5-мъ

правиломъ никейскаго собора, вопреки его смыслу (¹), и свидѣтельствами папъ Иннокентія, Сириція и Льва. На основаніи такихъ преданій, а не іудейскихъ басенъ и апокрифическихъ писаній, говоритъ Гумбертъ, римская церковь не позволяетъ брачнаго сожитія епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ и субдіаконамъ. „Но та церковь, которую развратилъ Арій, растлилъ Македоній, которая породила и воспитала змѣиныя отроды, т. е. Несторія, Евтихія, монофелитовъ и феопасхитовъ и прочія еретическія язвы, доселѣ не могла вырваться изъ объятій ересіарха Николая, такъ что назначаемыхъ на служеніе къ святому алтарю спрашиваетъ, имѣютъ ли они женъ, и если скажутъ, что не имѣютъ, то принуждаются прежде жениться и потомъ“... (см. выше стр. 722 прим. 1.) (XXV—XXXIV). „А ты, несчастный Никита, заключаетъ кардиналъ свою полемику, научись по крайней мѣрѣ молчать когда-нибудь, если доселѣ не выучился говорить“ (XXXV).

(*Окончаніе будетъ*).

(¹) См. Hefele, Conciengesch. B. I. S. 363 и 364, сн. 417.

КЪ ИСТОРІИ ИЗОБРАЖЕНІЙ КРЕСТА И РАСПЯТІЯ (*).

I.

Все, имѣющее близкое отношеніе къ Христу Спасителю, было свято и досточтимо для христіанъ. Отсюда благочестивое стремленіе видѣть святыя мѣста, гдѣ Господь ходилъ, страдалъ, воскресъ и вознесся на небо, посмотрѣть пещеру, въ которой Онъ родился, рѣку, въ которой крестился, гору, на которой преобразился, гробъ, въ которомъ былъ положенъ.

Но особенно дорогъ и священъ былъ для всѣхъ христіанъ и во всѣ вѣка честный крестъ, этотъ жертвенный алтарь, на которомъ Господь принесъ жизнь Свою за животъ міра. Вотъ почему слово крестное составляло главное содержаніе апостольской проповѣди (1 Кор. 1, 17 18. 23. Галат. 6, 14); вотъ почему апостолъ хвалится тѣмъ, что онъ преднаписалъ предъ взорами галатовъ Іисуса Христа распятаго (Гал. 3, 1). Вотъ почему св. Златоустъ приходилъ въ восторгъ, говоря о крестѣ: „крестъ-наша слава, главизна и начало блажен-

(*) Изъ Katholik 1867, Februar, März, April.

ства, свобода и вѣнецъ. Крестъ обратилъ и исцѣлилъ всю землю: онъ истребилъ заблужденіе, возстановилъ истину, превратилъ землю въ небо, людей содѣлалъ ангелами: этотъ крестъ сдѣлалъ демоновъ не страшными, а презрѣнными для людей (1).“

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что христіане повсюду желали видѣть и при всякомъ удобномъ случаѣ употреблять изображеніе креста, какъ священнѣйшее напоминаніе о дарованномъ чрезъ него спасеніи и жизни во Христѣ. Это изображеніе такъ же удобно было воспроизводить посредствомъ движенія руки (крестное знаменіе), какъ и посредствомъ пера, кисти, рѣзца (изображеніе креста). Уже въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за апостольскимъ, какъ это несомнѣнно извѣстно, старались сопровождать всякое богослужебное и другое дѣйствіе, церковныя благословенія и освященія, равно какъ и обыденныя занятія крестнымъ знаменіемъ. Тертулліанъ въ половинѣ III вѣка писалъ: „при всякомъ успѣхѣ и удачѣ, при всякомъ входѣ и выходѣ, при одѣваніи и обуваніи, при омовеніи, приступая къ трапезѣ, возжигая свѣтильники, ложась спать, садясь за какое либо занятіе, мы ограждаемъ свое чело крестнымъ знаменіемъ (2)“. Крестное знаменіе долженствовало освящать всю христіанскую жизнь. И не только чело, но и уста, грудь, очи, одежды и другія вещи, употреблявшіяся въ общежитіи, осѣняли крестнымъ знаменіемъ, по свидѣтельству св. Кипріана и Кирилла Іерусалимскаго.

Этого мало. Христіане хотѣли имѣть предъ своими

(1) Chrysost. Hom. 55, in Matth.
(2) De coron. milit. 3.

глазами и изображеніе этого знаменія своего спасенія. Поэтому начертывали изображеніе креста на домашней утвари, на рукодѣльяхъ, на книгахъ и пр. По свидѣтельству Тертулліана (1), въ его время былъ уже въ употребленіи простой, начертанный, или красками изображенный крестъ, и считался „выразительнымъ знакомъ Искупителя, не смотря на то, что не имѣлъ никакихъ другихъ украшеній, ни головы, ни фигуры".

За это почитаніе креста нашихъ предковъ—первобытныхъ христіанъ—не рѣдко называли въ насмѣшку ихъ языческіе современники religiosi crucis, crucicolae (крестопоклонники). И Тертулліанъ, равно какъ и Минуцій Феликсъ считали нужнымъ защищать своихъ единовѣрцевъ отъ этого упрека. Первый на упрекъ язычниковъ—будто христіане молятся кресту, какъ Богу, отвѣчаетъ съ ѣдкой ироніей: „если мы молимся кресту, то и вы виновны вмѣстѣ съ нами... Различіе въ формѣ не важно, когда матерія одна и та же. Въ самомъ дѣлѣ какое различіе (со стороны матеріи) между крестомъ и Аѳиной—Полладой, если они будутъ сдѣланы изъ одного и того же куска дерева (2)?" На упрекъ язычника Цецилія, что христіане молятся позорному древу крестному, христіанинъ Октавій отвѣчаетъ: „нѣтъ, мы не молимся кресту такъ, какъ вы молитесь своимъ деревяннымъ богамъ (3)".

Послѣ всего сказаннаго, невозможно уже сомнѣваться въ томъ, что христіане съ первыхъ же вѣковъ дѣлали изображеніе креста на лампахъ, на книгахъ, на перстняхъ и на другихъ предметахъ, которые легко

(1) Apolog. 16.
(2) Apolog. 16.
(3) Minuc. Felix ed. Nourry t. 2. p. 150.

было переносить съ мѣста на мѣсто и прятать отъ профанаціи со стороны язычниковъ. Г. Перре ([1]) перечисляетъ нѣсколько такихъ предметовъ, на которыхъ встрѣчаются изображенія креста, и которые несомнѣнно относятся къ первымъ тремъ вѣкамъ. Сами Магдебургскіе центуріаторы соглашаются съ тѣмъ, что ко временамъ Тертулліана изображенія креста были уже въ значительномъ употребленіи ([2]).

Дѣйствительно изображенія креста были въ употребленіи, но христіане остерегались показывать ихъ язычникамъ; они знали, какъ жестоко позорили язычники святѣйшія христіанскія таинства, и въ частности какъ злоупотребляли крестомъ для осмѣянія христіанской вѣры. Мы ограничимся указаніемъ на каррикатуру Распятія съ ослиною головою, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ открытую въ Римѣ.

При раскопкахъ на Палатинскомъ холмѣ открыта была комната, гдѣ жили пажи, служившіе при императорскомъ дворѣ, и на стѣнѣ этой комнаты—замѣчательное изображеніе, представлявшее каррикатуру Распятаго Спасителя. На крестѣ, имѣвшемъ форму T представлена человѣческая фигура, почти совершенно одѣтая, съ ослиной головой. Рядомъ изображена другая фигура, тоже одѣтая, въ молитвенномъ положеніи, съ воздѣтыми вверхъ руками. Наскоро нацарапанная греческая надпись гласитъ: Ἀλεξάμενος σέβετε (вмѣсто σέβεται) θεόν т. е. Алексаменъ молится своему богу. По фигурѣ и надписи можно заключать, что какой нибудь пажъ—язычникъ временъ гоненій на христіанъ—думалъ осмѣять своего товарища—христіанина Алексамена. И дѣй-

([1]) Catacombes tom. IV. p. XVI.
([2]) Centur. t. III. p. 16.

ствительно, изъ сочиненій Тертулліана и Минуція Феликса видно, что кромѣ упрековъ въ „крестопоклонствѣ“ язычники упрекали христіанъ и въ почитаніи ослиной головы (¹). Подобныя же каррикатуры найдены недавно и при раскопкахъ Помпеи.

Скрывать священнѣйшее изображеніе креста заставляло христіанъ столько же набожное благоговѣніе предъ нимъ, сколько и мудрая предусмотрительность. Здѣсь заключается первая причина, почему мы не такъ часто встрѣчаемъ собственно изображенія креста въ первые три вѣка. Но къ этой причинѣ присоединялась и другая не менѣе уважительная. Смертная казнь чрезъ повѣшеніе на крестѣ считалась у древнихъ образованныхъ народовъ самою отвратительною, самою позорною и безчестною (²). „Отвратительное, позорное“ древо крестное пробуждало ужасъ въ язычникахъ. Церковь должна была принимать въ соображеніе это чувство. Въ этомъ заключается вторая причина, почему мы мало встрѣчаемъ изображеній креста на общественныхъ памятникахъ христіанства первыхъ трехъ вѣковъ, и даже въ самыхъ катакомбахъ.

Вотъ почему христіане охотнѣе обращались къ библейскимъ образамъ этого драгоцѣннаго первообраза искупительной смерти Іисуса Христа, къ умерщвленію Авеля, къ жертвоприношенію Исаака, къ мѣдному змію, вознесенному на крестъ, къ Моусею, молящемуся съ распростертыми руками, къ препиленному Исаіи, къ многострадальному Іову, къ пасхальному

(¹) Somniastis, caput asinum esse deum nostrum. Tertull. ad Nation. lib. I. c. II.; Apolog. c. 16.

(²) Servile, crudelissimum, teterrimum, extremum, damnatissimum, ignominiosissimum supplicium.

агацу и пр. Но еще охотнѣе прибѣгали они къ прикровеннымъ изображеніямъ креста. Такими знаками disciplinae arcani ([1]) служили якорь съ крестомъ и косой крестъ (греческое X), который служилъ одновременно и символомъ Христа и символомъ св. Креста. Этотъ второй символъ arcani приводитъ насъ къ другому—наполовину образу, наполовину буквѣ,—именно къ знаменитой монограммѣ. Къ греческому X около второй половины II-го вѣка стали присоединять еще I, такъ что I приходились въ срединѣ. Эта монограмма означала Ιησοῦς Χριςὸς ([2]). Позднѣе вмѣсто I начали ставить вторую букву имени Χριςὸς, именно Р. Это была знаменитая Константиновская монограмма, явившаяся императору Константину Великому въ лучезарныхъ лучахъ на небѣ. Ею чувственно изображался крестъ и Христосъ, или Христосъ на крестѣ. Когда на Никейскомъ соборѣ 325 года было единогласно отвергнуто заблужденіе Арія и его послѣдователей, тогда начали прибавлять къ ней еще большею частію α и ω, иногда въ трехъугольникѣ, иногда просто. Это должно было служить выраженіемъ вѣчности и единосущія Сына Божія съ Богомъ Отцемъ (Ср. Апокал. 22, 13 и 1, 8).

По принятіи христіанства Константиномъ, эта монограмма, изображавшая одновременно и святѣйшее имя Христа и Его крестъ, извлечена была изъ мрака катакомбъ и другихъ потаенныхъ убѣжищъ христіанства, и торжественно перенесена на государственныя знаме-

([1]) Подъ именемъ disciplina arcani разумѣются тѣ предметы вѣры и богослуженія, которые первенствующіе христіане хранили въ тайнѣ какъ отъ язычниковъ и іудеевъ, такъ и отъ оглашенныхъ.—*Пер.*

([2]) Rossi, Inscriptiones p. 16, n. 10.

на, надгробные памятники, монеты, храмы и алтари, хотя все еще продолжали почитать ее, какъ прикровенный крестъ. Въ знаменіе мирной побѣды креста и покорившей міръ силы христіанства стали обводить ее кругомъ. Но уже вслѣдъ затѣмъ, какъ Константинъ и его сыновья уничтожили крестную казнь, изображеніе креста потеряло то, что имѣло ненавистнаго и отвратительнаго, и къ Константиновской монограммѣ стали присоединять поперечную черту, чрезъ что фигура креста сдѣлалась еще яснѣе и опредѣленнѣе. Это случилось около 350 г. ([1]). Попытка Юліана воскресить отжившее свой вѣкъ язычество не имѣла никакого успѣха; при христіанскихъ преемникахъ Юліана и остатки язычниковъ постепенно перешли въ церковь. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ прежнія соображенія теряли уже всякую силу, то и не представлялось уже болѣе никакихъ затрудненій къ тому, чтобы постепенно разоблачать болѣе и болѣе символъ arcani и представлять благодарнымъ взорамъ обращеннаго міра настоящую форму креста болѣе осязательнымъ образомъ. Посему послѣдняя упомянутая нами монограмма во второй половинѣ IV в. должна была уступить свое мѣстѣ другой, въ которой благодаря опущенію X и удержанію поперечной черты на буквѣ P, фигура креста обозначилась замѣтнѣе. Первая монограмма въ этомъ родѣ относится къ 355 г. ([2]). Наконецъ когда христіанство, особенно со времени Θеодосія Великаго († 395), проникло въ законы и учрежденія, въ домашнюю и обще-

---

([1]) Rossi, Inscript. p. 64, n. 101.
([2]) Rossi, Inscript. n. 121. Le Blant, Inscriptiones chrétiennes de la Gaule 1, p. XIV.

ственную жизнь, всѣ покровы ниспадаютъ и крестъ является уже прямо безъ всякихъ прикрытій.

Поэтому въ началѣ V в. мы встрѣчаемъ на очень многихъ *общественныхъ* памятникахъ изображеніе креста въ дѣйствительной формѣ, безъ всякихъ символическихъ покрововъ. Между тѣмъ въ то же время мы не видимъ еще изображенія Распятаго на крестѣ, не находимъ Распятія.

Переходя къ изображеніямъ креста настоящаго, не прикровеннаго, мы можемъ принять въ соображеніе только двѣ его формы—именно crux commissa и crux immissa. Третья форма—crux decussata—представляетъ не столько простой крестъ, только символъ arcani. Crux decussata, иначе—косой, состоящій изъ двухъ, наискось одна къ другой положенныхъ перекладинъ, называется бургундскимъ и Андреевскимъ, такъ какъ, по преданію, на такомъ крестѣ распятъ былъ св. апостолъ Андрей первозванный. Впрочемъ почти всѣ новѣйшіе археологи считаютъ crux decussata за условный только знакъ, подъ которымъ прикровенно представлялся крестъ. Іеронимъ и Исидоръ Севильскій свидѣльствуютъ, что церковь видѣла въ греческой буквѣ X образъ креста. А такъ какъ этой же буквой начиналась и имя Χριςὸς, то буква X служила столько же священнымъ символомъ для имени Христа, сколько и для Его креста (1).

Такимъ образомъ нашему разсмотрѣнію подлежитъ

(1) Тоже самое говоритъ св. Павлинъ Ноланскій въ слѣд. стихѣ:
Nunc *eadem crux* dissimili compacta paratu,
Eloliquitur Dominum tenquam monogrammate Christum.
(Paulin. Natal. XI. S. Felicis v. 612 sq. in Muratori Anecd. 1, p. 42).

только двѣ формы настоящаго, неприкровеннаго креста, именно—crux commissa и crux immissa. Crux commissa, или иначе составной, или соединенный, состоитъ изъ двухъ брусовъ, изъ которыхъ поперечный накладывается на продольный, утверждаемый вертикально къ землѣ, такъ, что оба вмѣстѣ представляютъ собою фигуру греческой и латинской буквы Т. Такъ описываетъ этотъ крестъ св. Варнава: „Въ одной буквѣ Т ты имѣешь крестъ" (¹); и Тертулліанъ: „греческая буква Тау, а наша (латинская) Т есть образъ креста (²)". Эта форма креста извѣстна подъ именемъ креста—тау, или Египетскаго. Послѣднее наименованіе дано ему по причинѣ его сходства съ египетскимъ крестомъ, надъ поперечной балкой котораго Т прикрѣплялась еще ручка или ушко. Онъ называется также разбойничьимъ, или Антоніевскимъ, такъ какъ преподобный Антоній египетскій носилъ такой крестъ на своемъ платьѣ, на которомъ онъ былъ нашитъ.

Что касается второй формы креста, именно crux immissa, или capitata, т. е. креста вставнаго, то короткая поперечная балка его вставляется въ продольную такъ, что верхушка продольной балки выдается надъ поперечною. Эта форма креста подраздѣляется на такъ называемую *греческую*, или квадратную, въ которой поперечная балка бываетъ равна продольной и такимъ образомъ крестъ получаетъ видъ +, и на *латинскую*, у которой продольная балка бываетъ вдвое длиннѣе поперечной, такъ что крестъ получаетъ форму †. Латинскій крестъ подраздѣляется въ свою очередь на патрі-

(¹) Ep. c. g. ed. Reithmayr p. 149.
(²) Advers. Marcion. lib. III. c. 22.

аршій или архіепископскій и на папскій, — въ первомъ случаѣ число роговъ удвояется, во второмъ утрояется. По мнѣнію извѣстнѣйшихъ археологовъ, специфически-греческій крестъ есть не что иное, какъ патріаршій крестъ съ удвоенными поперечными балками (1). По словамъ кардинала Борджія (2), греческій патріаршій крестъ впервые встрѣчается на монетахъ Льва Исавранина, относящихся къ началу VIII в. Обыкновенный такъ называемый греческій крестъ, состоящій изъ равномѣрныхъ балокъ, столь же часто встрѣчается на западѣ, какъ и на востокѣ. Особый видъ креста составляетъ еще русскій крестъ; это—тотъ же греческій патріаршій крестъ, только съ цѣпями, опускающимися съ поперечныхъ балокъ (3).

Трудно рѣшить, которая изъ разсмотрѣнныхъ нами формъ представляетъ форму дѣйствительнаго креста, на которомъ былъ распятъ Господь. Правда, нѣкоторые извѣстные археологи утверждаютъ, что будто бы *навѣрное* можно сказать, что Іисусъ Христосъ былъ распятъ на крестѣ, имѣющемъ форму Т; но противъ этого увѣренія можно сдѣлать нѣсколько *основательныхъ* возраженій. Кромѣ изреченій отцевъ церкви, которые сравниваютъ крестъ то съ летящей птицей (4), то съ

(1) Odorici, Antichità di Brescia 1, p. 61. Didron, Annales archéologiques V, p. 322.

(2) De cruce Vatic. p. 9. 127.

(3) Цѣпи, о которыхъ говоритъ здѣсь авторъ, не составляютъ необходимой принадлежности крестовъ въ нашемъ отечествѣ и употребляются лишь для вящщаго укрѣпленія крестовъ, водружаемыхъ на возвышенностяхъ, какъ-то на главахъ храмовъ, колоколенъ и пр. и потому едва ли справедливо видѣть въ крестахъ съ такими цѣпями *особый видъ*. *Перев.*

(4) Hieron. in Marc. c. 11.

плавающимъ человѣкомъ ([1]), то съ Моусеемъ, распростершимъ руки на молитву ([2]),—всѣ эти сравненія примѣнимы только къ crux immissa,—до насъ дошли такія выраженія церковныхъ писателей, которыя совершенно ясно говорятъ о *четырехъ* концахъ креста. Такія выраженія встрѣчаются у св. Иринея ([3]), Седулія ([4]) и св. Іоанна Дамаскина ([5]). Другія мѣста, свидѣтельствующія, что Христосъ пострадалъ на crux immissa, собраны у Гретцера ([6]) и Липсія ([7]). Яснѣе же и опредѣленнѣе всѣхъ высказывается объ этомъ бл. Августинъ. Онъ пишетъ: „была широта, въ которую простерты были руки, длина, поднимающаяся отъ земли, на которой пригвождено было тѣло, высота, выдававшаяся вверхъ надъ поперечною балкою (ligno) ([8]). Въ этихъ словахъ совершенно ясно упоминается кромѣ продольной и поперечной балки еще и о верхней небольшой балкѣ.

Если же, съ другой стороны, Тертулліанъ ([9]), Іеронимъ ([10]) и Исидоръ ([11]) сравниваютъ крестъ Христовъ съ буквою тау; то во-первыхъ эти изреченія не ослабляютъ силы другихъ болѣе многочисленныхъ изреченій оо. церкви, и во-вторыхъ всѣ три поименованные отцы церкви сравниваютъ крестъ съ буквою тау въ связи

(1) Tertull. de orat. c. 23.
(2) Iustin. Dialog. c. Tryphon. c. 90. Minut. Felix, Octav. c. 29.
(3) Advers. haeres. lib II, c. 24.
(4) Carmin. Pasch. v. 190.
(5) De fide Orthod. lib. IV. c. 2.
(6) De sancta cruce lib. I, c. 3.
(7) De cruce lib. I. c. 10.
(8) Ennar. in Psalm. 130. cf. Epist. 120; Tract. in Ioan. 118.
(9) Adv. Marcion. lib. III, c. 22.
(10) In Ezech. c. 9.
(11) De voc. gent.

съ извѣстнымъ мѣстомъ у Езекіиля: „И сказалъ Господь ему: пройди посреди града Іерусалима и изобрази тау на лицахъ мужей стенащихъ и болѣзнующихъ о всѣхъ беззаконіяхъ, совершающихся среди ихъ (Езек. 9, 4)“.

Правда, разсматривая древнѣйшія иносказательныя изображенія креста, мы встрѣчаемъ иногда crux commissa на памятникахъ до IV в. ([1]). Но *древнѣйшее* изображеніе, находящееся на одномъ стеклянномъ сосудѣ, представляетъ христіанина съ crux immissa, имѣющимъ форму + и изображеннымъ у него на челѣ ([2]). Равнымъ образомъ crux immissa находится не только на гробницѣ св. Домитиллы и еще одномъ надгробномъ памятникѣ, восходящемъ раньше IV в., но и на двухъ печатяхъ, восходящихъ раньше V в.

Все это не позволяетъ намъ принять за *дѣло рѣшенное*, что Іисусъ Христосъ былъ распятъ на крестѣ, имѣвшемъ форму тау.

Но чѣмъ рѣже встрѣчаемъ мы на памятникахъ крестъ во все время соблюденія disciplinae arcani, тѣмъ чаще попадается онъ съ V в. Свидѣтелемъ служитъ св. Златоустъ, который въ своей бесѣдѣ о Божествѣ Христовомъ говоритъ: „Крестъ находится повсюду, въ домахъ, на площадяхъ, въ пустыняхъ, на дорогахъ, на холмахъ и горахъ, на корабляхъ и островахъ, на одрахъ и оружіяхъ, въ брачныхъ чертогахъ, на золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, на стѣнахъ. Ибо мы не стыдимся креста, напротивъ онъ намъ дорогъ и достолюбезенъ всюду, гдѣ только можетъ быть изображенъ“.

Уже въ V в. стали помѣщать крестъ *въ началѣ* дип-

([1]) Rossi, Bulletino christiano. 1863, p. 35 et 28.
([2]) Boldetti, Cimiteri di Roma p. 60; Bottari, Sculture e pitture sagre estratte dei cimiteri di Roma I, p. 80, 83; II, 125.

ломовъ и другихъ письменныхъ документовъ вмѣсто призыванія имени Божія. Равнымъ образомъ предъ именною подписью въ общественныхъ документахъ ставили крестъ. Отсюда ведетъ свое начало обычай христіанскихъ епископовъ ставить крестъ предъ своимъ именемъ и писателей ставить три креста вмѣсто своего имени. Обычай подписывать крестъ вмѣсто имени cruce subscribere встрѣчается уже въ VI в. Такая подпись должна была служить знакомъ вѣрности и напоминаніемъ объ ней. Кто нарушалъ договоръ, подписанный крестомъ, тому назначалось двойное наказаніе. Далѣе надъ рецептами христіанскихъ врачей съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней ставится крестъ въ единственномъ или тройственномъ числѣ. Наконецъ повсюду ставятъ кресты на могилахъ; почему знакъ креста † обыкновенно употребляется и для обозначенія кончины.

II.

Переходъ отъ изображеній простаго креста къ изображеніямъ креста съ распятіемъ, или распятія, составляетъ главнымъ образомъ изображеніе агнца.

Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ для нашего искупленія. Существенный же характеръ Искупителя есть характеръ жертвы. Агнецъ былъ самою раннею кровавою жертвою (Бытія 4, 4; Исх. 12, 3). Посему если пророки называютъ Мессію Агнцемъ; то употребляютъ самый естественный Его символъ (Исаіи 16, 1). И не въ ветхомъ только, но и въ новомъ завѣтѣ Искупитель называется Агнцемъ. Такъ св. Петръ пишетъ: *искуплени кровію яко Агнца непорочна и пречиста Христа* (1 Петр. 1, 19; ср. Апокал. 13, 8). И предтеча Христовъ ука-

зывалъ на Него сими словами: *се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.*

Это наименованіе перешло въ языкъ отцевъ и въ языкъ церкви, равно какъ и въ образныя представленія. Посему Іисусъ Христосъ очень часто представлялся подъ образомъ Агнца. На одномъ саркофагѣ ватиканской усыпальницы Агнецъ Божій изображается стоящимъ между другими двѣнадцатью агнцами (изображающими апостоловъ) (¹). На одномъ скульптурномъ изображеніи, относящемся къ IV в., и имѣющемъ своимъ предметомъ крещеніе Господне, крещающійся Господь представленъ въ видѣ агнца, между тѣмъ какъ Духъ св. въ видѣ парящаго надъ нимъ голубя (²). Иногда Агнецъ съ сіяніемъ или монограммою надъ головою представляется стоящимъ на горѣ, изъ которой стремятся четыре потока (символъ четырехъ евангелій). Два оленя (чувственный образъ человѣчества, жаждущаго спасенія, согласно 51, 1 Псалм.) подходятъ къ горѣ и пьютъ изъ ея потоковъ (³). Гарруччи (⁴) приводитъ одно глубоко-знаменательное символическое изображеніе Агнца Божія, выгравированное на камнѣ. Предъ нами столпъ, изображающій церковь, согласно изреченію апостола: *церковь есть столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). На этомъ столпѣ растетъ живая, свѣжая зелень, въ ознаменованіе того, что церковь есть *Церковь Бога Жива*, что въ ней пребываетъ и дѣйствуетъ до конца вѣковъ Духъ святый (Іоан. 16, 16). Но Тотъ, Кто осно-

(¹) Aringhi, Roma subterranea I, p. 189.

(²) Didron, Iconographie chrétienne p. 337; Piper, Bilderkreis. Taf. I, n. 8.

(³) Ciampini, Vetera monumenta Romae. 1747, t. II, p. 151, tab. 49.

(⁴) Hagioglypta, p. 222.

валъ церковь, Кто пребываетъ въ ней, управляетъ ею и животворитъ ее на все благое,—это—Агнецъ Божій, указуемый монограммою. Два Агнца, стоящіе при подножіи столпа съ головами, обращенными къ Агнцу Божію, изображаютъ вѣрующихъ *отъ обрѣзанія* и *отъ языкъ* (Гал. 2, 7), христіанъ изъ іудеевъ и изъ язычниковъ. Летающіе вокругъ голуби изображаютъ души праведныхъ, стремящихся достигнуть вѣчнаго озаренія.

Изображенія Агнца постепенно приближаются болѣе и болѣе къ изображенію собственно Распятаго. Гаруччи въ Civiltà Cattolica за 1857 г. описываетъ одинъ найденный въ катакомбахъ сердоликъ, на которомъ изображенъ подъ крестомъ—тау агнецъ, а на крестѣ голубь. Какой прекрасный символъ! Агнецъ, приносящій себя въ жертву на крестѣ и чрезъ то пріобрѣтающій человѣку вѣчный миръ! Къ началу VI в. агнецъ представляется уже лежащимъ tanquam occisus на олтарѣ подъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями (¹). Нѣсколько позднѣе агнецъ представляется стоящимъ на тронѣ подъ богато украшеннымъ крестомъ. Изъ его прободенной груди струится кровь въ подлѣ стоящій сосудъ. Изъ четырехъ ногъ его также струится кровь. Эта кровь, выходя изъ пяти язвъ, соединяется въ одинъ громадный потокъ, омывающій грѣхи всего міра: драгоцѣнный символъ Спасителя, источившаго пречистую кровь свою изъ пяти язвъ (²). Около половины VI в. попадаются кресты, на которыхъ фигура агнца представляется распятою на томъ самомъ мѣстѣ, на корором нынѣ помѣщается изображеніе Распятаго Спаси-

(¹) Ciampini, II, tab. 46.
(²) Bosio, De cruce triumphante lib. 6, c. 12.

тели (¹). Не много позднѣе мы встрѣчаемъ уже изображенія Самаго Распятаго или настоящія распятія. Первое такое изображеніе можно съ достовѣрностью относить къ 586 г. Но и позднѣе того времени, какъ стали изображать на крестѣ Самаго Распятаго, встрѣчаются попрежнему на ряду съ дѣйствительностью и символы,— фигуры агнца у ногъ, или надъ главою Спасителя. Еще чаще попадается фигура агнца на оборотной сторонѣ крестовъ, предназначавшихся для церковныхъ процессій, тогда какъ на лицевой сторонѣ этихъ крестовъ изображалось распятіе.

На всѣхъ изображеніяхъ агнца, служащихъ символами страждущаго и приносящаго себя въ жертву Спасителя, крестъ служитъ олтаремъ, агнецъ жертвою, по прекрасному выраженію Гретцера: crux est ara, agnus est victima (²). Павлинъ Ноланскій описываетъ цвѣтъ этихъ изображеній въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: „подъ кровавымъ (имѣющимъ цвѣтъ крови) крестомъ стоитъ Спаситель, — Агнецъ въ образѣ бѣлоснѣжнаго агнца, да невинная жертва принесется несправедливой смерти (³)". Такимъ образомъ агнецъ изображался бѣлымъ, какъ символъ чистаго и невиннаго Христа, а крестъ краснымъ въ воспоминаніе изліянной на немъ крови Спасителя. Эта вторая форма креста, съ изображеніемъ агнца, переходитъ постепенно въ настоящее распятіе къ концу VI в. Что на ряду съ нею продолжалъ держаться и простой, обыкновенный крестъ съ разными украшеніями и убранствомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

(¹) Borgia, De cruce veliterna p. 127.
(²) De cruce I, p. 200.
(³) Epist. 32.

Наряду съ описанною нами второю формою постепенно развивается третья форма креста, изображающая уже дѣйствительное распятіе. Къ концу V в. попадаются уже кресты, украшенные поясным изображеніемъ Спасителя. Извѣстный ватиканскій крестъ вверху и внизу украшенъ поясным изображеніемъ Христа; глава окружена лучезарнымъ вѣнцомъ. Это, очевидно, была робкая попытка изобразить Распятаго. Здѣсь поношеніе крестной смерти уничтожается величавымъ выраженіемъ лица и лучезарнымъ ореоломъ. Дальнѣйшій шагъ впередъ мы видимъ въ изображеніяхъ распятія на флянкахъ, подаренныхъ папою Григоріемъ Великимъ королевѣ Теоделиндѣ и сохранившихся въ Монзѣ. Поверхъ креста, пробивающагося изъ цвѣтовъ, изображена окруженная сіяніемъ глава Спасителя. На право и на лѣво отъ нея виднѣются два разбойника *на крестахъ* и солнце и луна, какъ свидѣтели распятія. Но чтобы не слишкомъ бросалось въ глаза servile et ignominiosissimum supplicium, внизу подъ крестомъ изображено славное таинство воскресенія (¹).

Вскорѣ за тѣмъ сдѣланъ былъ еще шагъ впередъ. Начали изображать, какъ это видно на древнихъ Итальянскихъ мозаикахъ, Христа стоящимъ *со распростертыми крестообразно руками*, въ длинной одеждѣ, съ сіяніемъ вокругъ главы, но *безъ креста*. По обоимъ сторонамъ— разбойники *на крестѣ*, а также солнце и луна. Но и на этихъ изображеніяхъ подъ крестомъ представленъ фактъ воскресенія: по одну сторону гроба сидитъ ангелъ на отваленномъ камнѣ, по другую благочестивыя жены мироносицы съ миромъ и ароматами.

(¹) Mozzoni, Tavole cronologiche. Tav. VII.

III.

Наконецъ подъ 586 годомъ мы находимъ настоящее распятіе, съ изображеніемъ Распятаго. И вслѣдъ затѣмъ оно дѣлается до того распространеннымъ, что послѣ опредѣленія такъ называемаго пято-шестого, или Трульскаго собора, почти совершенно вытѣсняетъ изображеніе агнца. Этотъ соборъ 82-мъ правиломъ своимъ опредѣлилъ: „на нѣкоторыхъ честныхъ иконахъ изображается, перстомъ предтечевымъ показуемый, агнецъ, который принятъ во образъ благодати, чрезъ законъ показуя намъ истиннаго агнца, Христа Бога нашего. Почитая древніе образы и сѣни, преданныя церкви, какъ знаменія и предначертанія истины, мы предпочитаемъ благодать и истину, пріемля оную, яко исполненіе закона. Сего ради, дабы и искуствомъ живописанія очамъ всѣхъ представляемо было совершенное, повелѣваемъ отнынѣ образъ Агнца, вземлющаго грѣхи міра, Христа Бога нашего, на иконахъ представляти по человѣческому естеству, вмѣсто ветхаго агнца: да чрезъ то созерцая смиреніе Бога Слова, приводимся къ воспоминанію житія Его во плоти, Его страданія и спасительныя смерти, и симъ образомъ совершившагося искупленія міра (1)". Такимъ образомъ, пято шестый соборъ, не вездѣ впрочемъ принятый на западѣ, хотѣлъ, чтобы на будущее время вмѣсто типическаго агнца была изображаема на крестѣ фигура Христа, пластикой, или живописью.

---

(1) Labbe, Concilior. collectio VI, col. 1177. По книгѣ правилъ, изд въ Москвѣ 1862 г. стр. 172—173.—*Пер.*

Если нѣкоторые утверждаютъ, что только съ седьмаго вѣка и именно вслѣдствіе вышеизложеннаго опредѣленія пято-шестаго собора, стали появляться у христіанъ распятія, то они заблуждаются. Еще болѣе заблуждаются тѣ, которые дерзаютъ писать, будто только „съ осьмаго вѣка впервые начинаютъ появляться распятія". Трульскій соборъ не вводитъ чего либо новаго, а только возводитъ въ правило уже существовавшій обычай и повелѣваетъ исполнять оное повсемѣстно. Дѣло шло здѣсь не о введеніи чего либо доселѣ неизвѣстнаго и совершенно новаго, а объ усвоеніи преимущества одному способу изображенія пострадавшаго Искупителя предъ другимъ. А что распятія существовали и до Трульскаго собора, это доказывается не только многочисленными мѣстами древнихъ писателей, но и нѣсколькими, дошедшими до насъ распятіями, фактически восходящими ко времени болѣе раннему, чѣмъ трульскій соборъ.

Св. Григорій Турскій (✝ 596) пишетъ: „есть въ городѣ Нарбоннѣ въ старинной церкви... картина, представляющая Распятаго Господа нашего какъ бы лентіемъ препоясаннаго (¹)". Такимъ образомъ, уже въ концѣ VI в. въ одной нарбонпской церкви существовало настоящее распятіе. Извѣстно также, что въ гробницѣ короля Хильперика 1, скончавшагося въ концѣ VI в. найденъ небольшой бронзовый крестъ съ изображеніемъ Распятаго (²). Беда достопочтенный свидѣтельствуетъ, что въ 686 г. въ англійскій монастырь Веремутъ было принесено распятіе изъ Рима, и что

(¹) De gloria martyr. lib. I, c. 23

(²) Cochet, Le tombeau de Chilperic.

на одной сторонѣ этого распятія было изображено вознесеніе Моусеемъ мѣднаго змія, на другой вознесеніе на крестъ Сына человѣческаго (¹).

Еще болѣе сильное доказательство, чѣмъ эти разсказы, представляютъ фактически существующія распятія. Не упоминаемъ о найденной о. Гарруччи въ 1857 году каррикатурѣ распятія съ ослиной головой. Она не можетъ еще служить неопровержимымъ доказательствомъ существованія въ то время дѣйствительныхъ распятій. Не хотимъ приводить въ доказательство и извѣстныхъ двухъ древнихъ распятій, изъ которыхъ одно находится въ галлереѣ degli Uffici во Флоренціи (относимое нѣкоторыми къ V в.), другое въ Санъ Мартино близъ Лукки, такъ какъ время происхожденія того и другаго неизвѣстно. Болѣе вѣрное и твердое доказательство представляетъ намъ распятіе, находящееся въ сирскомъ манускриптѣ евангелія, относящагося къ 586 году. Его родина—монастырь Загба въ Месопотаміи, а теперь онъ составляетъ одно изъ драгоцѣнныхъ сокровищъ знаменитой библіотеки св. Лаврентія во Флоренціи. 586 й годъ ясно обозначенъ въ рукописи. Эта рукопись заключаетъ въ себѣ нѣсколько изображеній изъ жизни Спасителя, и между ними на первомъ планѣ Его распятіе. Копія съ этого интереснаго распятія находится у Seroux d' Agincourt въ его „памятникахъ христіанскаго искуства (²). Почти на сто лѣтъ позднѣе его распятіе, изданное Анастасіемъ Синаитой, ученымъ греческимъ монахомъ, въ его сочиненіи подъ названіемъ Ὁδηγός. Въ особомъ примѣчаніи авторъ заклю-

(¹) Bedae venerabil. Opera ed. Giles. t. IV, p. 376.

(²) Christliche Kunstdenkmäler von Quast. Malerei Taf. 27. № 4.

пяетъ будущихъ переписчиковъ своего сочиненія, чтобы они вполнѣ точно копировали это изображеніе. Анастасій ссылается на приложенное распятіе въ доказательство того, что послѣдователи Петра Фулло Антіохійскаго съ догматической точки зрѣнія неправильно поютъ: „Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный, распныйся за ны". Вѣрная копія съ этого распятія находится въ одной изъ рукописей Вѣнской библіотеки, и издана Лямбеціемъ въ гравюрѣ.— Слѣдующее за нимъ распятіе, восходящее ранѣе пято-шестого собора находится въ библіотекѣ Вюрцбургскаго университета въ кодексѣ подъ № 69. Этотъ кодексъ содержитъ въ себѣ посланія св. апостола Павла на ирландскомъ языкѣ, и должно быть эта драгоцѣнность занесена сюда изъ Ирландіи св. Киліаномъ († 689). Знатоки относятъ рукопись и рисунокъ къ началу VII в. Крестъ чернаго цвѣта съ красными пятнами. Распятый—въ одеждѣ. На поперечныхъ рогахъ креста, какъ это можно видѣть и на другихъ древнихъ распятіяхъ, сидятъ два голубя. Два разбойника, изображенные подлѣ, наводятъ ужасъ своими физіономіями. Къ доброму разбойнику поспѣшаютъ два свѣтовидныхъ ангела, между тѣмъ какъ къ отверженному прицѣпились два демона во образѣ жуковъ. Копія съ этого интереснаго распятія находится въ Kunstwerke und Geräthschaften des Mittelalters (Taf. 1. № 3).—Время происхожденія образа распятія на ракѣ св. Виллиброда (†739) не можетъ быть опредѣлено точно, и потому этотъ образъ не можетъ служить доказательствомъ.

Но и сказаннаго достаточно для подтвержденія того, еще раньше пято-шестаго собора (692) распятіе было въ употребленіи у христіанъ. Но чтобы оно употреб-

лалось раньше VI в., этому до сихъ поръ не отыскано никакихъ слѣдовъ. Въ различныхъ усыпальницахъ „подземнаго Рима“, изъ которыхъ въ настоящее время по крайней мѣрѣ цѣлая третья часть извѣстна (¹), хотя найдено много крестовъ, но ни одного распятія, которое было бы древнѣе VI в. А распятія, найденныя на нѣкоторыхъ произведеніяхъ искусства внѣ катакомбъ, всѣ относятся ко времени болѣе позднему, чѣмъ трульскій соборъ.

Послѣ этихъ замѣчаній о первомъ появленіи распятій перейдемъ къ краткому очерку *формы* изображеній распятія.

Распятіе должно быть ни чѣмъ инымъ, какъ точнымъ изображеніемъ страждущаго Спасителя. Имъ хотятъ обыкновенно навсегда осуществить предъ благодарными взорами искупленнаго человѣчества жестокія страданія и мучительную смерть Искупителя и чрезъ то возбудить въ сердцахъ любовь къ Нему. Поэтому намъ необходимо предварительно бросить бѣглый взглядъ на крестъ Христовъ, на число гвоздей, на одѣяніе Распятаго, на сидѣнье, на терновый вѣнецъ, на надпись на крестѣ, и на обстановку креста.

Крестъ, на которомъ умеръ Спаситель, по всей вѣроятности, былъ crux immissa или capitata. Извѣстно, что по обычаю, существовавшему у древнихъ народовъ, продольная балка дѣлалась немного длиннѣе поперечной, чтобы собаки и дикіе звѣри не могли терзать тѣлъ, повѣшенныхъ на крестѣ. Но что бывали и отступленія отъ этаго обычая, это видно изъ свидѣ-

---

(¹) См. Michele de Rossi, Dell' ampiezza delle Romane catacombe.

тельствъ Светонія (1) и Юстина (2). И древніе церковные писатели (Златоустъ, Ноннъ и др.) положительно выражаются, что Христосъ умеръ на *высокомъ* крестѣ, чрезъ чтó и исполнились, какъ говоритъ св. Златоустъ, слова Спасителя: егда Азъ *вознесенъ* буду на крестъ, вся привлеку къ Себѣ (3). Между тѣмъ, что крестъ Христовъ не слишкомъ былъ высокъ, это видно изъ того, что одинъ изъ воиновъ, обмочивъ губку въ уксусъ и воткнувши ее на иссоповую трость, подалъ Спасителю для питья. А иссопъ есть ничто иное, какъ полукустарникъ, похожій на душицу или маіоранъ; онъ и теперь еще часто растетъ въ Іерусалимѣ въ дикомъ видѣ и достигаетъ вышины двухъ и—рѣдко—трехъ футовъ. Такимъ образомъ очевидно, что крестъ Христовъ не могъ быть выше того, чтобы человѣкъ протянутой рукой, вооруженной тростью въ два фута, могъ достать до вершины. Авторъ трагедіи „Страждущій Христосъ", которую несправедливо приписывали св. Григорію Назіанзену, говоритъ, что крестъ Христовъ былъ на столько высокъ, что Пречистая Дѣва могла лобызать Его ноги своими пречистыми устами (4). Съ нимъ соглашается и Киппингъ, который утверждаетъ, что крестъ Христовъ возвышался надъ землею почти на два обыкновенныхъ мужскихъ роста (5).

Что Христосъ былъ пригвожденъ ко кресту, это не сомнѣнно. Это прежде всего вытекаетъ изъ повѣствованія Іоанна (20, 25 и 27:) *и рече имъ* (Ѳома): *аще*

---

(1) Galba. c. 9.
(2) Histor. lib. 18, c. 7,
(3) Homil. V, in c. I. Epist. 1 ad Corinth.
(4) Per hos tuos sacros pedes, quos osculor materno amore.
(5) Kippingius, de cruce p. 169.

не вижу на руку его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра его, не иму вѣры. Правда, у египтянъ очень часто привязывали только ко кресту преступниковъ, осужденныхъ на голодную смерть, но у римлянъ не было такого обыкновенія. По этому народное представленіе, будто разбойники, распятые вмѣстѣ съ Господомъ, были просто привязаны къ своимъ крестамъ, не справедливо. Блаженный Августинъ положительно говоритъ, что и разбойники были пригвождены (1). И св. Аѳанасій пишетъ: „что говоришь ты, разбойникъ? Или не знаешь, что ты терпишь? Развѣ забылъ о *гвоздяхъ*?" Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно и то, что тѣла распятыхъ были прикрѣпляемы ко кресту также и веревками, чтобы помочь гвоздямъ поддерживать ихъ въ неподвижномъ положеніи и помѣшать разрыву въ рукахъ.

Часто высказываютъ мнѣніе, что будто бы при распятіи пригвождались ко кресту однѣ только руки, а ноги просто привязывались веревками. Чтобы оправдать это мнѣніе докторъ Павлюсъ въ текущемъ столѣтіи предпринялъ громадный трудъ. Причину своей ревности докторъ Павлюсъ объяснилъ намъ самъ въ слѣдующихъ словахъ: „иначе какимъ бы образомъ Христосъ, провисѣвши на крестѣ 36—48 часовъ, могъ держаться на ногахъ и переходить съ мѣста на мѣсто (2)?" Конечно и веревки употреблялись для укрѣпленія ногъ, чтобы потомъ легче было ихъ пригвождать. Св. Иларій, жившій довольно близко ко временамъ, когда была въ употребленіи казнь чрезъ распятіе, го-

---

(1) Tractat. 37, in Iob. Clavis infixi diu cruciabantur.

(2) Exeget. Handbuch zu Matth. S. 672.

воря о пригвожденіи ногъ, упоминаетъ и о веревкахъ и о гвоздяхъ ([1]). Онъ же въ своемъ толкованіи на 143 псаломъ говоритъ, что руки и ноги были пригвождены. Плавтъ ([2]) также говоритъ о пригвожденіи рукъ и ногъ. Наконецъ Спаситель, желая убѣдить учениковъ, шедшихъ въ Еммаусъ, въ томъ, что это Онъ Самъ Распятый воскресъ, указываетъ имъ на язвы отъ гвоздей на рукахъ и на ногахъ: *видите руцѣ Мои и нозѣ Мои, яко самъ азъ есть* (Лук. 24, 39).

Но—сколькими гвоздями были пригвождены ноги Спасителя? Почти всѣ древніе оо. церкви говорятъ о четырехъ гвоздяхъ,—о двухъ для рукъ и о двухъ для ногъ. Такъ св. Кипріанъ (†258), самъ видавшій факты распятій, говоритъ, что святыя ноги были прободены гвоздями (во множеств. числѣ) ([3]). И Григорій Турскій пишетъ совершенно ясно, что двумя гвоздями были пригвождены руки и *двумя* ноги ([4]). А такъ какъ древніе церковные писатели, когда ведутъ рѣчь о числѣ гвоздей, упоминаютъ о *четырехъ*, то мы и должны принять, что ноги Спасителя на крестѣ были положены одна подлѣ другой и въ такомъ положеніи были прикрѣплены гвоздями. Эти изреченія древнихъ подтверждаются и дошедшими до насъ древними изображеніями распятія, на которыхъ ноги Распятаго Спасителя представлены положенными одна подлѣ другой.

Акту распинанія предшествовало снятіе одеждъ (Лук. 15, 24). Такимъ образомъ согласно обычаю древнихъ,

([1]) Funium vincula. De Trinit. l. x: c. 13.
([2]) Mostell. II. 1, 12.
([3]) Clavis sacros pedes penetrantibus.
([4]) Clavorum dominicorum quod quatuor fuerint, haec est ratio: duo sunt affixi in palmis et duo in plantis.

Спаситель былъ распятъ безъ одежды. Но значитъ ли это однакожъ, что Онъ распятъ былъ совершенно нагимъ? Нѣтъ. Если нѣкоторые оо. церкви, какъ наприм. Амросій ([1]), Аѳанасій ([2]), Августинъ ([3]) представляютъ распятаго Спасителя совершенно нагимъ, то не столько на историческихъ, сколько на мистическихъ основаніяхъ. Въ этомъ случаѣ они сопоставляютъ Христа, какъ втораго Адама, съ первымъ Адамомъ. Какъ первый Адамъ нагъ вышелъ изъ рукъ Создателя, такъ послѣдній Адамъ-Христосъ нагъ вышелъ изъ жизни.— Далѣе, если мы на своемъ языкѣ называемъ нагимъ человѣка, кое-какъ прикрывшаго свою наготу, то еще легче мирилось это названіе съ воззрѣніями древнихъ. Греки наприм. называли нагимъ (γυμνός) того, кто былъ легко и бѣдно одѣтъ, т. е. въ противоположность одѣтому обыкновеннымъ образомъ ([4]). Равнымъ образомъ Виргилій находитъ неприличнымъ земледѣльцу пахать и сѣять безъ одежды и однакожъ говоритъ, что онъ можетъ дѣлать это нагимъ ([5]). Наконецъ во всякомъ случаѣ св. апостолъ Петръ былъ не вовсе же безъ одежды во время извѣстнаго богатаго улова рыбъ по воскресеніи Христовомъ: и между тѣмъ въ евангеліи вотъ что объ немъ говорится: *Симонъ же Петръ, слышавъ, яко Господь есть, епендитомъ* (верхняя одежда) *препоясася, бѣ бо нагъ* (γυμνός): *и вверже ся въ море* (Іоан. 21, 7).

Собразно съ этимъ словувыраженіемъ древнихъ можно

([1]) In Lucam X. 110.
([2]) Sermo de cruce et passione, n. 20.
([3]) De civit. Dei lib. 16, c. 2.
([4]) Сн. Euripides Rhesus ed. Matthiae v. 703 sq.
([5]) Nudus ara, sere nudus. Georgic. ed. Ladewig. lib. I, v. 299.

смѣло называть совершенно нагимъ распятаго, если прикрыты только его чресла. Въ такомъ смыслѣ раздѣтымъ, или, если угодно, нагимъ былъ и умирающій Спаситель, имѣя только повязку на чреслахъ. Въ самомъ дѣлѣ мы были бы совершенно не справедливы къ римлянамъ, если бы предположили, опираясь на одно только отсутствіе положительныхъ свидѣтельствъ объ употребленіи чресленной повязки при распятіи, что ихъ безстыдство доходило до совершеннаго разоблаченія распятыхъ. Даже ихъ атлеты, по словамъ бл. Августина (1), нагими выходившіе на арену, носили на чреслахъ повязку. То же было и при многихъ другихъ случаяхъ. Такъ наприм. на недавно открытой въ Геркуланумѣ картинѣ представленъ школьникъ, подвергаемый тѣлесному наказанію по голому тѣлу; но съ повязкою на чреслахъ (2). Послѣ всего сказаннаго представляется невѣроятнымъ, чтобы у римлянъ при распинаніи не употреблялись повязки по чресламъ. Особенно невѣроятнымъ представляется это въ іудейской провинціи. Іудеи болѣе, чѣмъ всѣ другіе народы древности, обязывались своей религіей соблюдать требованія нравственности и приличій. И потому въ высшей степени вѣроятно, что Іисусъ Христосъ былъ распятъ съ повязкою на чреслахъ. Эта вѣроятность восходитъ на степень достовѣрности, если мы примемъ въ соображеніе слѣдующее обстоятельство. За Спасителемъ слѣдовали многія женщины и нѣкоторыя изъ нихъ не оставляли Его до самой смерти. И потому если никто не подумалъ о прикрытіи Спасителя; то конечно не пре-

(1) De civit. Dei lib. 14, c. 17.

(2) Cp. Rich, Illustrirtes Wörterbuch der römischen Alterthümer, übersetzt v. Müller. S. 368.

минули бы позаботиться объ этомъ эти благочестивыя женщины и особенно Его Пречистая Матерь. Наконецъ объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ хотя и апокрифическое, но относительно сообщаемыхъ имъ свѣдѣній во многихъ отношеніяхъ достовѣрное евангеліе Никодима (гл. 10),—здѣсь прямо сказано, что воины, снявши одежды Спасителя, препоясали Его по чресламъ льнянымъ покровомъ.

Наше мнѣніе подтверждается и распятіями всѣхъ вѣковъ. На всѣхъ ихъ безъ исключенія Спаситель представляется болѣе или менѣе прикрытымъ.

Если Бартолинъ ([1]) утверждаетъ, что человѣкъ, пригвожденный ко кресту за обѣ руки, можетъ держаться на немъ безъ всякихъ другихъ закрѣпъ, не подвергаясь опасности упасть вслѣдствіе разрыва въ рукахъ, и если вслѣдъ за нимъ Калметъ ([2]) находитъ возможнымъ утверждать, что распятый могъ бы держаться на крестѣ, если бы даже пригвожденъ былъ за одну руку; то мы не видимъ причины отвергать эти мнѣнія, пока дѣло идетъ о живомъ человѣкѣ. Но такъ какъ тѣла распятыхъ должны были оставаться на крестѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ не растерзаютъ собаки и хищныя птицы ([3]); то вслѣдствіе разложенія паденіе ихъ было бы не избѣжно, если бы не были приняты своевременно другія мѣры для ихъ укрѣпленія на крестѣ, кромѣ пригвожденія. Такими средствами были веревки, подножныя скамейки и сидѣнья. Что тѣло и ноги распятыхъ привязывались ко кресту веревками, объ этомъ

([1]) De cruce, c. I.

([2]) Diction. s. v. Clavus.

([3]) Сн. Apulei. lib. VI. Plautus, Miles glorios. 11. 4, 9, Horat Epist. ed. Krüger 1. 16, 48.

мы уже упоминали. Но такъ какъ обычай относительно распятія въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена были различны; то кромѣ веревокъ употреблялись также и подножныя подставки для поддержанія тѣла. Подтвержденіемъ служитъ между прочимъ вышеупомянутая нами каррикатура на распятіе. Ноги каррикатурнаго изображенія съ ослиной головой поставлены на suppedaneum (подножіе, или подножная скамейка): явно, что каррикатуристу былъ извѣстенъ этотъ способъ укрѣпленія тѣлъ на крестѣ. Но чаще всего употреблялось для этой цѣли сидѣнье, помѣщавшееся на срединѣ креста. На это сидѣнье могли опираться, или садиться верхомъ распятые. Отсюда выраженія in cruce sedere (сидѣть на крестѣ), cruce vehi, cruce inequitare (сидѣть верхомъ на крестѣ) in cruce requiescere (покоиться, отдыхать на крестѣ). Это сидѣнье (πῆγμα, sedile) имѣло форму выдавшагося впередъ рога. Существованіе его подтверждается самыми ясными свидѣтельствами отцевъ и писателей древности, и между прочимъ свидѣтельствами св. Іустина мученика († 163 (¹) и св. Иринея († 202) (²).

Спаситель призналъ Себя царемъ—хотя и не отъ міра сего; и вотъ воины издѣваются надъ его царскимъ достоинствомъ. Они сплетаютъ вѣнокъ изъ тернія и возлагаютъ на главу Его вмѣсто короны. Цари земные носятъ вѣнцы золотые, а царь небесный носилъ вѣ-

(¹) Quod in medio impactum est lignum ipsum instar cornu (ὡς κέρας) eminet, in quo vehuntur, qui crucis supplicium subeunt. Dialog. cum Tryphon. c. 91.

(²) Et ipse habitus crucis fines et summitates habet quinque, duos in longitudine et duos in latitudine et unum in medio, in quo requiescit qui clavis affigitur. Adv. haeres. l. II, c. 42.

вѣнцъ терновый. Многіе новѣйшіе археологи думаютъ, что терновый вѣнецъ Спасителя сдѣланъ былъ изъ Lycium spinosum — шиповника, растущаго и теперь около Іерусалима въ большомъ количествѣ. Трудно рѣшить, съ терновымъ ли вѣнцомъ, или безъ него, распятъ былъ Спаситель. Тертуліанъ (1) и Оригенъ (2) отвѣчаютъ утвердительно. И если Кальметъ (3) ихъ мнѣніе признаетъ неосновательнымъ, то противное мнѣніе, имъ принимаемое, можетъ похвалиться еще меньшей основательностью.

По римскому обычаю преступленіе распятаго писалось въ краткихъ словахъ на доскѣ, и доска прикрѣплялась ко кресту. Сообразно съ этимъ обычаемъ Пилатъ приказалъ написать на доскѣ, что Распятый есть Іисусъ Назарянинъ, царь (мнимый) іудейскій! Эта доска была прикрѣплена ко кресту. По сказанію евангелистовъ надпись была сдѣлана на трехъ языкахъ—латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ (Лук. 23, 38), для того чтобы всѣ мимоходящіе могли читать ее. Нѣкоторые компетентные богословы (4) высказываютъ догадку, что у Евангелиста Марка записана латинская надпись, у Луки греческая, у Іоанна еврейская. И дѣйствительно надпись, записанная Маркомъ: *ὁ βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων* (царь іудейскій 15, 26), по своей краткости совершенно соотвѣтствуетъ характеру римскихъ надписей. Надпись у Луки: *Οὗτός ἐστιν ὁ βασιλεὺς τῶν Ἰουδαίων* (сей есть царь іудейскій 23, 38) соотвѣтствуетъ греческому обороту рѣчи. Наконецъ надпись у Іоанна: *Ἰησοῦς ὁ Ναζω-*

---

(1) Advers. Iudaeos c. 13.
(2) Comment. in Matth. ed. Lommatzsch. V. 40.
(3) Comment ad Matth. 37, 35.
(4) См. Langen, Die letzten Lebenstage Iesu. S. 323—325.

ραῖος ὁ βασιλεὺς τῶν Ἰεδαίων (Іисусъ Назарей царь іудейскій 19, 19) соответственно еврейскому обычаю и словоыраженію, упоминаетъ на ряду съ именемъ и о происхожденіи распятаго.

Окончивши распятіе, воины остались стеречь Распятаго въ количествѣ четырехъ человѣкъ (Лук. 23, 24); таковъ былъ обыкновенный составъ римской стражи. Стражники имѣли право на одежду распятаго. По этому они и бросили жребій, что кому достанется (Марк. 15, 24). Во все это время, не смотря на ядовитыя насмѣшки, большею частію падавшія на распятаго Спасителя, стояли у подножія креста Его Пречистая Матерь съ Іоанномъ и другими благочестивыми женщинами. Подлѣ креста на самомъ близкомъ разстояніи отъ Спасителя стояли, по довольно распространенному представленію, только св. Дѣва Марія и Іоаннъ; а остальныя женщины находились на небольшомъ разстояніи. Вмѣстѣ съ Спасителемъ были распяты два злодѣя, одинъ по правую, другой по лѣвую Его сторону. Распятіе служило казнію для тяжкихъ и въ тоже время низкихъ преступниковъ, особенно для рабовъ, грабителей, бунтовщиковъ, разбойниковъ. Одинъ изъ со-распятыхъ вторилъ ругательствамъ фарисеевъ; но другой упрекалъ его за его хульныя рѣчи (Лук. 23, 39 и д.). За это Спаситель далъ ему утѣшительное обѣтованіе: *днесь со мною будеши въ раи*. Вообще принято, что покаявшійся разбойникъ находился по правую сторону Спасителя, поелику, согласно слову Самаго Господа (Мате. 25. 33, 34), мѣсто избранныхъ по правую сторону. Martyrolog. Roman. упоминаетъ о покаявшемся разбойникѣ подъ 25 числомъ Марта, не называя его однакожъ по имени.

Въ евангеліи Никодима (гл. 10) покаявшійся разбойникъ названъ Дисмасъ, не раскаянный Геемасъ.

Послѣ трехчасоваго пребыванія Спасителя на крестѣ началась смертная агонія, ознаменованная необыкновеннымъ затмѣніемъ. Что это солнечное затмѣніе дѣйствительно было необыкновеннымъ, это очевидно. Солнечное затмѣніе во время полнолунія, на которое постоянно падала пасха, при обыкновенныхъ условіяхъ быть не можетъ. Что это былъ перстъ Божій, это доказывается тѣмъ, что это необыкновенное знаменіе природы началось съ началомъ смертной агоніи Спасителя и и кончилось съ концомъ Его жизни.

Согласно съ медицинскими наблюденіями, одно изъ самыхъ жестокихъ страданій распятаго составляетъ жажда, доведенная до послѣдней степени ([1]). Такая палящая жажда мучила и Спасителя. И вотъ Онъ воззвалъ: *жажду!* На это воззваніе прибѣжалъ нѣкто (вѣроятно, одинъ изъ воиновъ), наполнилъ губку уксусомъ (по гречески ὄξος, отсюда славян. оцетъ), который воины взяли съ собой для собственнаго употребленія, воткнулъ эту губку на иссоповую трость и поднесъ къ устамъ Спасителя.

Около трехъ часовъ по полудни послѣдовала смерть Спасителя. Чрезъ нѣсколько часовъ должны были наступить покой и торжество Субботы. Вслѣдствіе этого іудеи, по словамъ евангелиста (Іоан. 19, 31), пожелали удалить прочь распятыхъ. Относительно двухъ еще живыхъ преступниковъ принуждены были употребить crucifragium, т. е. раздробить имъ голени. Но Іисусъ уже

([1]) См. Wiseman, Zusammenhang zwischen Wissenschaft und Offenbarung. S. 243.

умеръ и потому нашли излишнимъ раздроблять Ему голени. Вмѣсто того одинъ изъ воиновъ, желая удостовѣриться въ дѣйствительности Его смерти, вонзилъ остріе копья въ бокъ Спасителя и вдругъ потекла кровь и вода (Іоан. 19, 33). Римскій Мартирологъ (подъ 15 Марта) называетъ этаго воина Лонгиномъ.

Который бокъ былъ прободенъ копьемъ, евангелистъ не говоритъ. Древнѣйшія сказанія указываютъ не лѣвый, а *правый*. Это показаніе, сохранившееся въ еѳіопскомъ переводѣ апокрифическихъ Евангелій о дѣтствѣ Іисуса Христа и Никодима, признается справедливымъ почти всѣми богословами. Нѣкоторые впрочемъ думаютъ, что ударъ былъ такъ силенъ, что проникъ до самаго сердца (1).

Всѣ эти подробности археологіи страданій были принимаемы въ соображеніе при изображеніяхъ распятія.

(Окончаніе будетъ).

---

(1) См. Strond, A treatise on the physical cause of the death of Christ. p. 397.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I) Правительственныя распоряженія: вызовъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Перемѣны: а) въ іерархіи; б) по духовно-училищному вѣдомству. — Награды. — **II) Библіографическія замѣтки:** краткій обзоръ текущей журналистики.—*Замѣтки по исторіи церкви въ Англіи* отъ введенія христіанства до половины XI стол. *Выпускъ 1*. Соч. свящ. *Н. Бѣлороссова*. С.Пб. 1868.—*Характеръ англиканской церкви*. Соч. *Джебба*, еп. Лимерикскаго (перев. *съ французскаго подъ редакціей* Э. о. профессора *И. Троицкаго*) С.Пб. 1868. — *Вѣроученіе, учрежденія и обряды англиканской церкви* (переводъ *подъ редакціей тогожъ профессора*) С.Пб. 1868. — Отчетъ *общества* возстановленія православнаго христіанства *на Кавказѣ* за 1867 годъ. — Тифлисъ. 1868. — **III) Разныя извѣстія:** современная дѣятельность епархіальнаго бѣлаго духовенства. — Учрежденіе попечительскихъ совѣтовъ въ вологодской епархіи. — Начало окружныхъ духовныхъ капиталовъ въ подольской епархіи. — Окружное попечительство I-го благочинническаго округа ольгопол. уѣзда.—Съѣзды духовенства въ калужской, орловской, самарской и смоленской епархіяхъ.

I.

Господинъ синодальный оберъ-прокуроръ, отъ 29-го минувшаго іюля, объявилъ Св. Синоду, для зависящаго распоряженія, что Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть *вызвать* въ С.-Петербургъ, къ *декабрю* мѣсяцу, преосвящен-

наго *Иннокентія митрополита московскаго* для присутствованія въ Святѣйшемъ Сунодѣ.

Господинъ оберъ-прокуроръ Св. Сунода, отъ 20-го минувшаго іюля, объявилъ Св. Синоду, для зависящаго распоряженія, что Государь Императоръ, въ 8-й день тогоже іюля всемилостивѣйше соизволилъ на увольненіе преосвященнаго Филоѳея, архіепископа тверскаго, во ввѣренную ему епархію; вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣлъ вызвать, на мѣсто преосвященнаго Филоѳея, для присутствованія въ Св. Сунодѣ, *преосвященнаго Макарія*, архіепископа *харьковскаго*.

Господинъ сунодальный оберъ-прокуроръ, отъ 20-го августа 1868 года, объявилъ Св. Суноду, что Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть: кіевскаго митрополита Арсенія, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, вызвать въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербургъ, для присутствія въ Св. Сунодѣ въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ.

Высочайше утвержденнымъ Его Императорскимъ Величествомъ, въ 14-й день августа 1868 года, всеподданнѣйшимъ докладомъ Св. Сунода повелѣно быть: а) викарію литовской епархіи, *епископу ковенскому Александру, епископомъ минскимъ и бобруйскимъ* и слуцкаго монастыря архимандритомъ; б) ректору же литовской духовной семинаріи *архимандриту Іосифу — вторымъ викаріемъ литовской епархіи*.

Высочайше утвержденнымъ Его Императорскимъ Величествомъ, въ 21-й день августа 1868 года, всеподданнѣйшимъ докладомъ Св. Сунода повелѣно быть: а) епископу *пензенскому* Антонію епископомъ *пермскимъ* и верхотурскимъ; б) епископу *выборгскому* Григорію, второму викарію с.-петербургской епархіи — епископо-

помъ *пензенскимъ* и саранскимъ; в) *ректору с.-петербургской* духовной *семинаріи*, архимандриту *Павлу* епископомъ *выборгскимъ*, *вторымъ викаріемъ* с.-петербургской епархіи; г) епископу *екатеринославскому Платону* — епископомъ *томскимъ*; а д) епископу *томскому* Алексѣю—епископомъ *екатеринославскимъ*; е) *ректору нижегородской* духовной семинаріи, архимандриту Ювеналію — епископомъ *михайловскимъ*, *викаріемъ рязанской* епархіи; е) *ректору тамбовской* семинаріи, архимандриту *Геннадію — епископомъ сарапульскимъ*, *викаріемъ вятской* епархіи; ж) *ректору херсонской* семинаріи, архимандриту Θеофилакту—епископомъ новгородъ — сѣверскимъ, *викаріемъ черниговской* епархіи; з) *ректору вологодской* семинаріи, архимандриту Павлу — епископомъ тотемскимъ, *викаріемъ* вологодской епархіи и и) *ректору тифлисской* семинаріи, архимандриту Викторину—епископомъ чебоксарскимъ, *викаріемъ казанской* епархіи.

По опредѣленію Св. Сѵнода, *ректоромъ казанской* духовной *академіи* перемѣщенъ *ректоръ полоцкой* семинаріи, архимандритъ *Никаноръ*.

Опредѣленіемъ Св. Сѵнода отъ (3) 17 іюля 1868 г. постановлено: на вакантную должность *ректора астраханской* семинаріи перемѣстить *ректора пермской* семинаріи, архимандрита Александра.

Опредѣленіемъ Св. Сѵнода, въ должности *инспектора смоленской* духовной семинаріи утвержденъ *наставникъ* той же семинаріи, *священникъ* нижнениколаевской церкви, *магистръ* Даніилъ *Лебедевъ*.

Опредѣленіемъ Св. Сѵнода, въ должности *инспектора черниговской* семинаріи утвержденъ *наставникъ* той же семинаріи, *магистръ* Левъ *Бѣлоусовичъ*.

Всемилостивѣйше пожалованы *орденами:* 1) *св. Анны*

2-й степени: статскіе совѣтники: — *ординарные профессоры* духовныхъ *академій*, *с.-петербургской* — Моисей *Голубевъ*, *казанской*—Наѳанаилъ *Соколовъ* и *кіевской* — Константинъ *Скворцовъ*; 2) *св. Станислава 2 й степени съ императорскою короною*: коллежскій совѣтникъ, *экономъ с-петербургской* духовной *семинаріи* Павелъ *Троицкій*.

Опредѣленіемъ Св. Сvнода, отъ (13) 20 сентября сего года, постановлено: *баккалавра* московской духовной академіи, соборнаго *іеромонаха Іоанна*, во вниманіе ревностной и полезной его службы, возвести въ санъ *архимандрита*.

II.

Въ послѣднее время, въ нашей текущей журналистикѣ появилось очень много серьезныхъ статей *религіозно-нравственнаго и церковно историческаго* содержанія, на которыхъ можно остановиться съ большимъ интересомъ. Такъ, нѣкоторыя изъ епархіальныхъ вѣдомостей (напр. Влад. № 15 и Смол. № 17) уясняютъ вопросъ о *воспитаніи* на началахъ *строго религіозно нравственныхъ* и, притомъ, примѣнительно къ современнымъ требованіямъ общества. Другія епархіальныя вѣдомости сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о мѣстныхъ сектахъ, суевѣріяхъ и предразсудкахъ ([1]). Напримѣръ: въ са-

([1]) Если однѣмъ епархіальнымъ вѣдомостямъ позволительно толковать о мѣстныхъ ересяхъ, предразсудкахъ и проч., то непонятно: почему это же самое *запрещается для другихъ?* Вотъ что, напр., пишетъ намъ *одинъ изъ редакторовъ* епархіальныхъ вѣдомостей: „мы отъ всей души желали бы поддержать значеніе епархіальныхъ вѣдомостей, но что дѣлать? *Мало свободы*: о нѣкоторыхъ предметахъ напр. *о раскольникахъ*,

марскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ (№ 18) помѣщены любопытныя свѣдѣнія „о *молоканствѣ* въ Николаево-новоузенскомъ краѣ“; *въ саратовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ* (№ 18)—„о нѣкоторыхъ *суевѣріяхъ* и *предразсудкахъ* простаго народа при принятіи св. таинствъ и при обрядахъ церковныхъ—свящ. П. *Мраморнова*.—Въ сентябрской книжкѣ „*Вѣстника Европы*“ помѣщена весьма интересная и ученая статья „Россійское библейское общество 1812—1826 г., — въ составъ которой входятъ слѣдующіе предметы: внутренній характеръ общества, его составъ и тенденція; свойство англійскихъ вліяній; дѣйствія общества, вѣротерпимость, филантропія, ланкастерскія школы, религіозные трактаты; вліяніе нравовъ и почвы: оффиціальная натянутость библейскаго дѣла; распространеніе піэтизма; мистическія крайности; обскурантизмъ). Въ октябрской книжкѣ того же журнала заслуживаютъ полнаго вниманія слѣдующія статьи: а) „*Русскія кликуши*“—г. Прыжова; б) „*Молокане и духоборцы въ украинѣ и новороссіи* (XVIII в)—г. Ѳ. Ливанова; (въ составъ послѣдней входятъ слѣдующія предметы: причины бѣгства изъ всѣхъ концевъ Россіи въ Украину; настроеніе умовъ въ Украинѣ; переселеніе русскаго раціонализма въ Украину; молокане и духоборцы въ харьковской и екатеринославской губерніяхъ; Силуянъ Колесниковъ и его преемники; образъ жизни азовскихъ духоборцевъ; вѣрованіе духоборцевъ и ихъ политическія воззрѣнія) и в) „ежемѣсячная хроника, въ которой затронуты во-

жизни духовенства, *предразсудкахъ* и др. *воспрещено* писать указомъ Св. Синода при самомъ разрѣшеніи изданія, а другіе, напр. въ родѣ вопросовъ *о земствѣ*, воспрещаются и своею епархіальною властію и совѣтомъ по дѣламъ печати“...

просы: о значеніи нашего духовенства въ дѣлѣ общественнаго образованія, объ улучшеніи быта духовенства и о преобразованіи нашихъ семинарій и академій. — Мы упомянули бы здѣсь и о нѣкоторыхъ другихъ журнальныхъ статьяхъ, имѣющихъ въ себѣ много литературныхъ достоинствъ, если бы мы не имѣли въ виду обратить вниманіе своихъ читателей на явленія болѣе крупныя въ нашей литературѣ.—Именно:

Вопросъ о соединеніи англиканской церкви съ православною, можно сказать, съ каждымъ днемъ принимаетъ болѣе и болѣе серьезное значеніе. Объ немъ толкуютъ въ обществѣ, его разрабатываютъ и уясняютъ въ литературѣ, какъ нашей, такъ и иностранной. Въ Англіи нынѣ появляются въ печати статьи благопріятныя для православной церкви, созываются митинги, посылаются православному епископу адресы и т. п. Мало этого: тамъ основываются даже особыя общества, поставляющія свою прямою задачею возможно-близкое ознакомленіе съ православіемъ. — Къ этому зову *нѣкогда одноисповѣдныхъ* намъ братій во Христѣ-англичанъ не остаются равнодушными и наши соотечественники, и на ихъ сочувствіе къ православію платятъ, съ своей стороны, полнымъ вниманіемъ къ ихъ церкви и къ ихъ религіознымъ движеніямъ. — Въ подтвержденіе этого мы можемъ указать на тѣ сочиненія, объ англиканской церкви, заглавія которыхъ выписаны нами въ оглавленіи библіографическаго отдѣла нашего „обозрѣнія“. Считаемъ долгомъ познакомить читателей своихъ съ содержаніемъ и достоинствомъ означенныхъ сочиненій.

Первый выпускъ (1—VII гл.) „*Замѣтокъ*“ о. Бѣлороссова, священника нашей посольской церкви въ

Брюсселѣ (въ Бельгіи), обнимаетъ собою исторію церкви въ Англіи отъ введенія въ ней христіанства до половины XI столѣтія. Авторъ прежде всего дѣлаетъ *общій* взглядъ на исторію церкви въ Англіи. Онъ говоритъ, что до VII вѣка она, составляя часть Церкви Вселенской, имѣла съ нею одно ученіе, одинаковый способъ управленія и, наравнѣ съ прочими апостольскими церквами, принимала участіе въ рѣшеніи вопросовъ общецерковныхъ, словомъ: носила на себѣ характеръ строго каѳолическій (вселенскій). Съ VIII вѣка бытъ ея нѣсколько измѣняется. Основавшаяся въ Англіи, съ прибытіемъ сюда римскихъ миссіонеровъ, латинская церковь подчинила себѣ мѣстную церковь и, слившись съ нею, вскорѣ увлекла ее во всѣ заблужденія, которымъ подверглась сама и которыя отдѣлили ее отъ Церкви Вселенской. Эти заблужденія, бывшія слѣдствіемъ папскаго самовластія, и деспотическое обращеніе папъ съ членами англійской церкви вызвали сопротивленіе — сначала въ отдѣльныхъ личностяхъ, затѣмъ во всей націи, и въ шестнадцатомъ столѣтіи, Англія, какъ одинъ человѣкъ, сбросила съ себя папскую власть и прервала всякое общеніе съ римскою церковію. Произошла реформація; но какъ ни естественно было совершить ее въ духѣ церкви, существовавшей въ Англіи до появленія въ ней средневѣковаго папства, (все-таки) случилось иначе. Англійскіе реформаторы повѣряли римскую церковь не мѣрою согласія или несогласія ея ученія съ преданіемъ и практикою древней церкви, а чаще—только согласіемъ съ своимъ личнымъ воззрѣніемъ, и потому, сдѣланный ими выборъ между тѣмъ, что обще ей съ другими церквами и что собственно позднѣйшее ея изобрѣтеніе, не со-

всѣмъ вѣрны. — Такимъ то образомъ сложилась нынѣ существующая „*англиканская установленная* церковь (Anglican established church).

Затѣмъ, такъ какъ въ жизни народа ни одинъ періодъ не остается безъ вліянія на его послѣдующую судьбу, о. Бѣлороссовъ въ своемъ трудѣ излагаетъ хотя краткія, но обстоятельныя историческія свѣдѣнія о Британіи, до распространенія въ ней христіанства.— Послѣ этого, говоритъ о насажденіи христіанской церкви при апостолахъ ([1]) и о дальнѣйшей судьбѣ ея развитія до конца VI в., когда въ Англіи образовалось *двѣ іерархіи и двѣ церкви.* Изъ этого краткаго очерка видно, что въ то время британская церковь *свято сохраняла въ себѣ православіе,* какъ въ отношеніи вѣроученія, такъ и въ отношеніи церковной практики. Въ четвертомъ вѣкѣ британская церковь принимала участіе даже въ рѣшеніи вопросовъ, имѣвшихъ отношеніе ко всей церкви вселенской и поднятыхъ въ то время. Такъ на соборѣ ([2]) въ Арлѣ (въ южной Франціи), между прочими отцами церкви присутствовали и епископы британскіе (Эворій изъ Іорка, Адельфій изъ Кольчестера иРеститутъ изъ Лондона). Въ V вѣкѣ, когда весь христіанскій міръ былъ взволнованъ появленіемъ пелагіанскаго ученія о благодати, представители британской церкви приняли всѣ мѣры къ охраненію своей церкви отъ этой ереси. Отказавшись слѣдовать новому

([1]) Вопросъ объ *основателѣ* церкви въ Британіи рѣшается различно. Одни указываютъ на апостола Іакова Зеведеева, другіе (напр. Ник. Каллистъ) на Симона Зилота; большинство же, а въ томъ числѣ и англійскіе историки,—на апостола Павла (см. Collier's Ecclesiast. history of Great Britain).

([2]) Соборъ въ Арлѣ созванъ былъ для разбора дѣла по жалобѣ донатистовъ на Цециліана, епископа Кароагенскаго.

ученію о благодати, но, въ то же время, будучи не въ состояніи опровергнуть тонкость приводимыхъ доводовъ, они рѣшили на соборѣ пригласить къ себѣ на помощь въ духовной борьбѣ галликанскихъ епископовъ.

Архипастыри малобританскіе того времени совершенно напоминаютъ собою мужей апостольскихъ. Они были образованны и вмѣстѣ смиренны, строги къ себѣ и снисходительны къ другимъ, стояли въ тѣсной и живой связи съ управляемою ими паствою и видимо споспѣшествуемы въ своихъ трудахъ небесною помощію. Таковы были: Самсонъ, епископъ Дольскій, Малъ, епископъ Алетскій и др.

По словамъ Гильды (1), британская церковь въ то время вѣровала въ божество лицъ Пресвятыя Троицы и въ таинство искупленія; принимала богодухновенность книгъ свящ. писанія въ полномъ составѣ канона; строила храмы, *посвящая ихъ памяти мучениковъ*; чтила праздники. Іерархія ея состояла изъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. Посвященіе этихъ лицъ состояло въ особенномъ священнодѣйствіи, при которомъ читалась, между прочимъ, первая глава соборнаго посланія апостола Петра и употреблялось св. мvро. — Гильда нигдѣ не говоритъ ни слова о власти папы. — Между клириками не воспрещалась брачная жизнь; послѣдняя не считалась препятствіемъ къ полученію высшихъ степеней священства.

Въ концѣ VI вѣка въ Англіи (1) явилась латинская

---

(1) Гильда—англійскій писатель VI в. Изъ его сочиненій извѣстны: „Посланіе“ и „Исторія о началѣ Британіи“. (Epistolae et Historia de Excidio Britanniae).

(2) Съ конца VI стол. Британія стала называться *Англіею* по одному изъ племенъ (Англовъ), вторгшихся въ страну и, до того времени, населявшихъ часть Датскаго полуострова.

миссія, отправленная туда папою Григоріемъ великимъ. Миссіонеръ Августинъ, аббатъ одного изъ римскихъ монастырей, учредилъ въ Англіи двѣ митрополіи—въ Кентѣ и въ Іоркѣ. Съ этого времени, въ Англія образовались двѣ іерархіи и двѣ церкви; одна изъ нихъ вела свое начало отъ апостоловъ, другая основалась съ прибытіемъ Августина. Ту и другую можно представлять какъ части единой Вселенской церкви, съ тою разницей, что латинская церковь въ Англіи не имѣла жизни независимой или, точнѣе, сносилась съ остальною церковію *только чрезъ Римъ* и на столько, *на сколько* этому *послѣднему* было *угодно*; напротивъ, церковь собственно британская, не бывши никогда въ подчиненіи Риму и стоявши въ отношеніяхъ къ нему, какъ мѣстная церковь къ мѣстной, стояла тѣмъ не менѣе въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ церкви каѳолической.

Далѣе, о. Бѣлороссовъ перечисляетъ тѣ разности, которыми отличалась британская церковь отъ своей новой сотрудницы и излагаетъ взаимныя отношенія между обѣими церквами. Общимъ характеромъ этихъ отношеній были—натянутость и взаимное недовѣріе.

Въ VII вѣкѣ британская церковь стояла на возможно-высокой степени своего развитія. Въ достиженіи этой высоты помогли ей тогдашніе ея монастыри, составлявшіе ея славу. Британскіе монастыри въ то время представляли въ себѣ средоточіе духовнаго просвѣщенія, нравственнаго воспитанія, отчасти даже церковнаго управленія народа. Лѣтописцы отзываются о нихъ съ полнымъ уваженіемъ, удивляются ихъ благоустройству, строгости устава и благодѣтельному вліянію. Поступавшіе въ монастырь дѣлали этотъ шагъ въ своей жизни по призванію, знали всю цѣну монашества и

всю трудность своей задачи. Праздному, пустому, бездѣльному провожденію времени не было здѣсь мѣста. Духовное подвижничество и честь предстоятельства никогда не шли у нихъ въ разладъ.—(стр. 67—70).

Въ VIII вѣкѣ разныя нестроенія въ соціальномъ быту англичанъ вредно отразились и на церкви; впрочемъ, ученіе англиканской церкви и тогда не терпѣло никакихъ измѣненій и прибавленій, которыя бы ставили ее въ противорѣчіе съ вѣками предшествовавшими. Въ IX же и X вѣкахъ въ Англіи просвѣщеніе почти совершенно исчезло какъ въ духовенствѣ, такъ и въ обществѣ. Съ упадкомъ же просвѣщенія упала и нравственность. Въ эту мрачную для англичанъ эпоху выдѣлялась преимущественно предъ другими одна только свѣтлая личность: это—Альфредъ великій, король эссекскій (872—906). Описаніемъ дѣлъ Альфреда, а затѣмъ—характера и реформъ Дунстана (архіеп.), съ показаніемъ заслугъ и значенія ихъ въ исторіи британской церкви,—о. Бѣлороссовъ оканчиваетъ первый выпускъ своего труда.

Прослѣдивъ исторію церкви въ Англіи въ періодъ до XI вѣка, о. Бѣлороссовъ справедливо замѣчаетъ: нельзя не припомнить словъ Тертулліана: „id verius, quod prius; id prius, quod ab initio“ (¹).

Авторъ разбираемаго нами сочиненія выразимся его словами,—не претендуетъ на важность своего труда и самъ первый готовъ привѣтствовать трудъ *болѣе серьезный* въ этомъ отношеніи. Но пока появится такой трудъ, — *нельзя теперь* не отдать о. Бѣлороссову пол-

---

(¹) Т. е. „истиннѣе то, что древнѣе; а древнѣе то, что существуетъ отъ начала“.

ной справедливости за болѣе или менѣе *специальное* изученіе имъ исторіи церкви въ Англіи и за изданіе имъ въ свѣтъ своего сочиненія *полезнаго* и въ высшей степени *своевременнаго*. Какъ ни скромно самъ авторъ отзывается о своемъ трудѣ въ предисловіи къ нему, все-таки за нимъ остается большая заслуга. Не вдаваясь въ излишнія подробности, не увлекаясь резонерствомъ и фразерствомъ, составляющими недугъ многихъ историковъ, о. Бѣлороссовъ обстоятельно и, по мѣрѣ возможности, *объективно* излагаетъ начало и дальнѣйшую судьбу историческаго развитія христіанской церкви въ Англіи до XI вѣка. Авторъ, сколько можно судить изъ его труда, располагалъ богатыми источниками (¹), при составленіи своихъ „Замѣтокъ". — Остается только пожалѣть, что предпринятый имъ трудъ не доведенъ до конца; т. е. въ немъ нѣтъ свѣдѣній о современномъ состояніи англійской церкви. Этого мы ожидаемъ въ будущемъ.

Но то, что, если такъ умѣстно выразиться, недосказано о. Бѣлороссовымъ,—восполнено другимъ лицемъ, уже давно заявившимъ себя въ духовной періодической литературѣ своими учеными церковно-историческими трудами. Мы разумѣемъ здѣсь переводный трудъ, недавно изданный на русскомъ языкѣ подъ редакціей экстраординарнаго профессора с.-петербургской духовной академіи И. Е. Троицкаго, именно: а) *Характеръ англиканской церкви* (С.-Пб. 1868) и б) *Вѣроученіе*, *учреж-*

(¹) Авторъ дѣлаетъ ссылки, наприм., на: а) Concilior. Galliae ep. Paris. 1629; б) Cave sub divis. concil. Sacculi ariani; в) Gildas, d- Excidio Britanniae; г) Beda venerab; Histor. ecclesiast.; д) Howel, Synops. Ss. Apostolorum conciliorum, legum Ecclesiae Britanniae. 1708 и др.

денія и обряды англиканской церкви (С.-Пб. 1868). *Первое* соч. переведено съ французскаго языка и, въ своемъ оригиналѣ, принадлежитъ перу знаменитаго епископа Лимерикскаго, пользуется въ Англіи всеобщею вполнѣ заслуженною извѣстностію. *Второе* написано Козиномъ, епископомъ Дюргамскимъ (жившимъ въ XVII вѣкѣ), выдержало въ самой Англіи четыре изданія и переведено на языки: французскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій и новогреческій. Цѣль всѣхъ этихъ переводовъ и изданій — одна: *познакомить иностранцевъ* съ ученіемъ, устройствомъ и обрядами англиканской церкви. Та же цѣль имѣлась въ виду и со стороны упомянутой нами редакціи, сдѣлавшей переводъ этого сочиненія на русскій языкъ съ IV латинскаго изданія его въ Оксфордѣ (1857). По справедливому замѣчанію редакціи, при современныхъ толкахъ о сближеніи англиканской церкви съ православною, ближайшее ознакомленіе съ вѣроученіемъ, устройствомъ и обрядами этой церкви дѣлается насущною потребностію всякаго православнаго, интересующагося этимъ вопросомъ. — Редакція ограничила свою задачу возможно близкой передачей подлинника на русскій языкъ, считая себя непризванною такъ или иначе предрѣшать самый вопросъ. Подстрочныя примѣчанія (¹), которыя она позволила себѣ сдѣлать по мѣстамъ, предназначаются для тѣхъ изъ читателей, которые не получили спеціальнаго богословскаго образованія, и имѣютъ цѣлію, съ одной стороны, облегчить пониманіе текста, съ

(¹) Примѣчанія эти весьма важны. Въ первомъ изъ поименованныхъ нами сочиненій они помѣщены подъ строкою; во второмъ—въ видѣ приложеній (въ концѣ брошюры), составляющія около двухъ печатныхъ листовъ самой мелкой убористой печати.

другой — установить православную точку зрѣнія на тѣ пункты вѣроученія, на которыхъ англиканская церковь расходится съ православною.—Задача редакціи, какъ и нельзя было иначе ожидать, выполнена весьма добросовѣстно.

Наряду съ указанными нами сочиненіями, заслуживаетъ *полнаго* вниманія читателей еще одна брошюра „Отчетъ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, за 1867 годъ“. Эта брошюра совмѣщаетъ въ себѣ много чисто-литературныхъ достоинствъ. Но мы не съ этой стороны хотимъ разсматривать ее. Въ ней есть много другихъ сторонъ *болѣе серьезныхъ*: она полна самаго *живаго*, *отраднаго* и, можно сказать, въ высшей степени *поучительнаго* интереса по сообщаемымъ въ ней свѣдѣніямъ о той *замѣчательной энергіи* и о тѣхъ *разумныхъ* практическихъ *мѣрахъ*, какія общество, вслѣдствіе *правильнаго* и *серьезнаго* пониманія своего дѣла, принимаетъ къ дѣйствительному возрожденію кавказскаго края какъ *въ религіозномъ*, такъ и *въ соціальномъ* отношеніи. Во имя этого интереса, мы хотимъ обратить вниманіе своихъ читателей на нѣкоторые предметы, находящіеся въ означенномъ отчетѣ.

Составитель разбираемой нами брошюры предпосылаетъ самому отчету о дѣйствіяхъ Общества историко-этнографическія свѣдѣнія о горскихъ племенахъ, среди которыхъ и на которыя дѣйствуетъ Общество.—Чрезъ это еще больше уясняются какъ *образъ* и *характеръ* дѣйствій Общества, такъ и значеніе его заслугъ. Вотъ краткій очеркъ этихъ свѣдѣній:

Дѣятельность общества распространяется на слѣд. пять племенъ: 1) Грузинское, 2) Осетинское, 3) Абхазское, 4) Удинское и 5) Айссорское.—Каждое изъ этихъ

племенъ имѣетъ свои особенности, такъ или иначе отражающіяся и на отношеніяхъ этихъ племенъ къ христіанству.—*Грузинцы* болѣе преданы нравамъ и обычаямъ своихъ древнихъ предковъ, и, не смотря на то, что турки, покоривъ ихъ (1625 г.), старались всячески привить къ нимъ свою религію и свои нравы и вооружить ихъ противъ христіанства, грузинцы все-таки, если даже и принимаютъ исламизмъ, уважаютъ Христіанскую вѣру, которую уважали ихъ предки.—Проѣзжая мусульманскія деревни, нерѣдко можно встрѣтить церкви, обращенныя въ мечети, на которыхъ однакожъ христіанскіе символы—кресты, а также изображенія святыхъ и грузинскія надписи остаются неприкосновенными. Месхійское населеніе до сихъ поръ не забываетъ нѣкоторыхъ христіанскихъ обрядовъ: такъ, многіе изъ мусульманъ въ древнихъ храмахъ и въ церквахъ, обращенныхъ въ мечети, ставятъ зазженныя восковыя свѣчи и курятъ ладономъ.—Очень обыкновенны также случаи, что мусульмане—дѣти или родственники умершаго христіанина—совершаютъ въ память его обряды и обычаи православныхъ. Мѣстами даже христіанскіе посты соблюдаются вмѣстѣ съ *рамазаномъ* ([1]) и воскресные дни празднуются наряду съ мусульманскими пятницами.—Большіе храмы и монастыри, донынѣ совершенно уцѣлѣвшіе, пользуются чрезвычайнымъ уваженіемъ грузиновъ — мусульманъ. Не даромъ поэтому, французскій путешественникъ Дюбуа-де Монперэ, изъѣздившій въ 1833 г. весь ахал-

---

([1]) Рамазанъ—мусульманскій 40-дневный постъ. Во время этого поста мусульмане, отъ восхода солнца и до захода его, ничего не ѣдятъ и не пьютъ; за то въ сумерки и во всю ночь вознаграждаютъ себя за лишенія во время дня.

цыхскій уѣздъ, въ которомъ живутъ грузины, былъ изумленъ тѣмъ настроеніемъ, которое до сихъ поръ живетъ въ туземномъ грузинскомъ населеніи.—„Не смотря, говоритъ онъ, на двухсотлѣтній гнетъ, туземцы не утратили склонности къ христіанской вѣрѣ. Они всѣ желали бы окреститься, но опасаются, чтобы не навлечь на себя бѣдствій за измѣну исламизму, въ случаѣ, если снова имъ придется подпасть подъ турецкое иго; они еще не убѣждены въ прочности русскаго господства въ ихъ краѣ (¹). Но опасенія, о которыхъ упоминаетъ Дюбуа, нынѣ уже не существуютъ...

Въ исторіи *Осетинцевъ* были такія мрачныя времена, въ которыя убійства и разбои считались признакомъ удальства и (матеріальной) состоятельности. У осетинъ и теперь существуетъ поговорка: „когда осетинъ разбогатѣетъ, онъ построитъ башню и убьетъ человѣка“. Нынѣ, впрочемъ, и для осетинцевъ миновали эти мрачныя времена. Бытъ осетинцевъ сравнительно улучшился, и они, благодаря своей восприимчивости къ образованію, замѣтно опередили почти всѣ горскія племена и начинаютъ мало по-малу сближаться съ Россіею какъ въ религіи, такъ даже и въ языкѣ. Въ жизни *абхазовъ*, *удиновъ* и *айссоровъ* находится много остатковъ христіанства. Впрочемъ, айссоры въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ стоятъ на низкой степени развитія. Ихъ скрытность, плутовство и ложь обратились даже въ народную пословицу.

Такимъ образомъ, съ одной стороны разноплеменность горскаго населенія, съ другой—часто встрѣчающееся племенное родство христіанъ съ магометанами,

(¹) Voyage autour du Caucase, par Duboy de Montpéreux. V. II, p. 292.

постоянныя сношенія вновь обращенныхъ съ некрещенными по дѣламъ общественнымъ и житейскимъ, наконецъ, разбросанность селеній и трудность сообщенія между приходами и прихожанами,—всѣ эти причины до сихъ поръ весьма неблагопріятно вліяли на насажденіе и утвержденіе православнаго христіанства между горскими племенами. Еще много нужно средствъ и трудовъ для полнаго достиженія той высокой цѣли, которой посильно служило и будетъ служить общество возстановленія православія на Кавказѣ.

Въ прошедшемъ году дѣятельность общества была направлена къ поддержанію и развитію того, чему, въ предшествовавшіе годы, положено основаніе, и къ удовлетворенію новыхъ нуждъ, возникшихъ вслѣдствіе современнаго положенія христіанства въ горахъ.

Опытъ привелъ общество къ убѣжденію, что оно можетъ осуществить свои дѣла лишь при *предварительномъ образованіи* горцевъ и при условіи, что оно найдетъ дѣятелей, вполнѣ отвѣчающихъ своему призванію. Для этой цѣли, оно прежде всего обратило свое вниманіе на *приготовленіе*: а) *священнослужителей* и б) *народныхъ учителей*. Для приготовленія первыхъ, общество на свои средства воспитывало въ духовныхъ училищахъ, семинаріяхъ и академіяхъ дѣтей горцевъ разныхъ племенъ и разныхъ мѣстностей. Для приготовленія же вторыхъ, общество, въ концѣ 1866 г., открыло александровскую учительскую школу, *воспитательная* часть которой заслуживаетъ *полнаго* вниманія.

Учительская школа болѣе, чѣмъ всякое другое учебное заведеніе, должна быть *воспитательнымъ* заведеніемъ. Воспитанники ея, постоянно укрѣпляясь въ добрыхъ началахъ, развиваясь самостоятельно и многосто-

ронние, должны явиться людьми съ *твердымъ характеромъ* и душею, людьми мыслящими. Но для этого необходимо, чтобы и сама школа руководилась твердыми и разумными началами, чтобы эти начала понимались *одинаково всѣми воспитателями* и служили свѣточемъ для дѣятельности всѣхъ: тогда только они сдѣлаются неотъемлемымъ достояніемъ будущихъ учителей. Все это хорошо сознано педагогическимъ совѣтомъ учительской школы общества, и потому онъ постарался какъ можно лучше *уяснить* и какъ можно тверже *установить* эти начала. Въ основаніи всей дѣятельности учительской школы общества лежитъ -„*идея воспитанія для труда посредствомъ труда*". Къ осуществленію этой идеи школа стремится нетолько доставленіемъ учащимся болѣе или менѣе самостоятельнаго труда въ чисто учебныхъ занятіяхъ, но и пріученіемъ ихъ къ физическимъ трудамъ, столь необходимымъ въ скромномъ званіи сельскаго учителя. На этомъ основаніи воспитанники обходятся рѣшительно безъ прислуги; пріучаются къ ремесламъ, занимаются огородничествомъ, садоводствомъ, знакомятся съ популярною медициною, посѣщаютъ госпиталь, работаютъ на кухнѣ, ведутъ счеты расходамъ по столу, упражняются въ гимнастикѣ. При этой системѣ воспитанія, закрытое заведеніе теряетъ свой односторонній характеръ; а съ другой стороны, несомнѣнно, что всѣ энциклопедическія свѣдѣнія, сообщаемыя въ учительской школѣ, при строго-христіанскомъ воспитаніи, дадутъ огромное значеніе учителю въ глазахъ народа и въ тоже время наглядно и основательно убѣдятъ народную массу въ пользѣ ученія.— Утѣшительно заявить здѣсь, что ученики одними только убѣжденіями и осмысленною жизнію въ заведеніи

доведены вполны до сознанія пользы и цѣлесообразности всѣхъ порядковъ школы. По крайней мѣрѣ нынѣ, говоритъ составитель отчета, невидно мрачныхъ и недовольныхъ физіономій: ученики *свободно*, *весело* и *дружно берутся за всякій трудъ*,—будетъ ли онъ умственный или физическій... Ученики дорожатъ честію своего заведенія и гордятся имъ.

Далѣе, въ каждомъ закрытомъ учебномъ заведеніи является необходимость *разнообразить* досугъ воспитанниковъ *развлеченіями*. Школа старалась выбирать такія развлеченія, которыя, кромѣ значенія своего въ отношеніи поддержки здоровья и бодрости духа, имѣли бы и *образовательное* значеніе. Вслѣдствіе этого, воспитанниковъ нѣсколько разъ водили въ кавказскій музей, въ депо земледѣльческихъ машинъ, въ лѣсопильное заведеніе и др. мѣста, въ томъ числѣ—и въ театръ, когда давались особенно замѣчательныя драматическія произведенія.

Преподаваніе всѣхъ предметовъ ведется *такимъ* образомъ, чтобы ученики во *всякое время* могли отвѣчать на вопросы, относящіяся ко всему пройденному. Для этой цѣли, ученики къ каждому уроку повторяютъ извѣстную часть предмета; кромѣ того, учитель на всякомъ урокѣ предлагаетъ вопросы изъ пройденнаго.

Для соблюденія единства въ методахъ и пріемахъ при преподаваніи, въ учительской школѣ введено взаимное посѣщеніе уроковъ преподавателями.

При учительской школѣ находится народная школа, въ которой преподаютъ воспитанники первой школы, чрезъ что послѣдніе знакомятся съ практическою стороною своего будущаго поприща.

Кромѣ учрежденія школъ, общество заботится о пе-

реводѣ священно-церковныхъ книгъ на горскіе языки, сооружаетъ церкви и снабжаетъ ихъ необходимыми принадлежностями, заботится объ улучшеніи быта мѣстнаго духовенства, какъ въ матеріальномъ, такъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Для послѣдней цѣли, общество учреждаетъ при благочинническихъ церквахъ библіотеки и снабжаетъ ихъ книгами; но скудость средствъ не позволяетъ дать этому дѣлу соотвѣтствующіе размѣры (1).

Наконецъ, въ отчетѣ говориття объ отрадномъ успѣхѣ дѣйствій священнослужителей въ дѣлѣ обращенія горцевъ, о составѣ Общества, о его денежныхъ средствахъ и хозяйственныхъ занятіяхъ. Въ послѣднемъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія такъ называемая *ирригація* (2) Общества.—Государю Императору благоугодно было пожаловать Обществу, для усиленія его средствъ и вообще для упроченія его, сто тысячъ десятинъ земли. Участокъ выбранъ былъ одинъ изъ лучшихъ; но, по недостатку оросительныхъ средствъ, не могъ имѣть никакой цѣнности и оставался непроизводительнымъ. Вслѣдствіе этого, Общество предприняло ирригаціонныя работы,—проложило ирригаціонный каналъ, который названъ, въ честь Августѣйшей покровительницы Общества Государыни Императрицы, *Маріинскимъ* и, состоя изъ двухъ отдѣленій, въ состояніи орошать собою до 28 тысячъ десятинъ.

---

(1) По этому поводу, составитель „Отчета“ говоритъ: „редакціи духовныхъ свѣтскихъ и военныхъ періодическихъ изданій оказали бы большую услугу обществу, если бы пожертвовали для означенныхъ библіотекъ хотя по одному экземпляру своихъ изданій“. Редакціи безъ сомнѣнія не останутся равнодушными къ заявленію общества.

(2) *Ирригацію* называется „искусственное орошеніе полей“.

Вотъ вкратцѣ дѣятельность Общества возстановленія православія на Кавказѣ. Смотря на эту энергическую и добросовѣстную дѣятельность и видя отрадные плоды ея, невольно приходишь къ слѣдующей мысли: „*и здѣсь приходится сказать: ex oriente lux*“,—какъ справедливо замѣтило это одно достопочтенное наше духовное лицо.

III.

Въ послѣднее время вниманіе епархіальнаго бѣлаго духовенства обращено преимущественно на *улучшеніе быта сиротъ и бѣдныхъ* лицъ духовнаго званія, на преобразованіе училищъ и семинарій, а также на возвышеніе вѣры и нравственности прихожанъ. Вопросы объ этихъ предметахъ, сколько можно судить по епархіальнымъ вѣдомостямъ, были подняты на окружныхъ и губернскихъ съѣздахъ духовенства, и обсуживались съ возможною тщательностію и подробностію.

Такъ, *въ вологодской* епархіи, для облегченія нуждъ заштатныхъ и сиротствующихъ лицъ духовнаго званія, по распоряженію епархіальнаго начальства, учреждаются во всѣхъ благочинническихъ округахъ особые попечительные совѣты изъ членовъ по выборамъ отъ духовенства, подъ предсѣдательствомъ благочинныхъ. Назначеніе этихъ совѣтовъ — своевременно оказывать въ каждомъ округѣ возможную помощь нуждающимся, положеніе которыхъ должно быть близко и подробно извѣстно членамъ совѣтовъ. Для пособій, совѣты могутъ имѣть особыя кружки въ церквахъ, собирать добровольныя пожертвованія по пригласительнымъ листамъ, назначать опредѣленный сборъ съ причтовъ—деньгами или

зерновымъ хлѣбомъ, отдѣлять часть кошельковыхъ церковныхъ доходовъ, назначать въ пользу нуждающихся (по соглашенію съ причтами) небольшіе участки церковной земли, имѣютъ право опредѣлять вдовъ и сиротъ женскаго пола въ просфорни къ церквамъ своего округа на выгодныхъ условіяхъ съ прихожанами и проч. Если, за всѣмъ тѣмъ, нужды сиротствующихъ не могутъ быть облегчены, то совѣты обращаются къ епархіальному попечительству: они подлежатъ его непосредственному вѣдѣнію и являются предъ нимъ въ качествѣ посредниковъ, такъ что всѣ частныя прошенія о пособіи первоначально адресуются въ совѣты. Пособія отъ епархіальнаго начальства вообще не прекращаются, но назначаются только по ходатайству мѣстныхъ совѣтовъ, послѣ того, какъ мѣстныя средства оказываются недостаточными. Совѣтамъ предоставлено также право входить съ представленіями къ епархіальному начальству объ исходатайствованіи у Св. Синода единовременныхъ пособій изъ такъ называемаго пенсіоннаго капитала.

Въ *подольской* епархіи положено начало *окружныхъ* капиталовъ. Духовенство этой епархіи, благодаря доброму своему стремленію къ объединенію для пользы общей, надѣется, что лѣтъ чрезъ 20—30 нѣкоторые округи будутъ имѣть капиталы въ *нѣсколько тысячъ* руб. сер., и на проценты отъ такой суммы духовенство можетъ сдѣлать для себя много добраго и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Положимъ, говоритъ одинъ изъ тамошнихъ священниковъ (о. Доронович), что не всѣ мы доживемъ до этого счастливаго будущаго, что нѣкоторые изъ насъ не воспользуются этими плодами общественной единодушной заботливости; чтожъ? Неужели отъ этого должно охладѣть въ насъ

усердіе къ общему благу? очевидно—нѣтъ. При мысли объ этомъ, невольно воспоминается знаменитое изреченіе Крылова: „кто добръ, не все лишь для себя трудится: сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь, что если отъ него *самъ* тѣни не дождусь, то *внукъ* мой нѣкогда сей тѣнью насладится; — и это для меня ужъ — плодъ". Мысль прекрасная и благородная!

Источниками окружной суммы служатъ: а) ежегодные взносы со стороны причтовъ: священникъ—отъ 3 до 5 руб., діаконъ—отъ 1 р. 50 к. до 2 р.; дьячекъ—отъ 1 р. до 1 р. 50 к.;—б) пожертвованія отъ получающихъ награды и новорукополагаемыхъ священнослужителей.

Для большаго успѣха въ предпринятомъ дѣлѣ, духовенство *той* же епархіи, по мысли своего начальства, учредило въ прошломъ году такъ называемыя *окружныя* попечительства. Попечительствомъ 1 округа ольгоп. у. предположены слѣд. источники къ составленію капитала: 1) *постоянные*, къ которымъ относятся: а) деньги, собираемыя на бѣдныхъ духовнаго званія въ кружки, учрежденныя при церквахъ по распоряженію Святѣйшаго Синода; б) *пожертвованія* отъ духовенства, вносимыя *обязательно, ежегодно* въ опредѣленномъ количествѣ, именно: отъ священниковъ по 3 р., отъ дьяконовъ и дьячковъ по 2 р., отъ пономарей по 1 руб. II) источники *случайные*, къ которымъ принадлежатъ: а) пожертвованія разныхъ благотворителей не духовнаго званія; б) взносъ священниками пожертвованій при полученіи наградъ: набедренника 1 р., скуфьи 2 р., камилавки 3 р., наперснаго креста 5 р. Впрочемъ, всѣ случайные источники опредѣлить трудно... Вся сум-

ма окружнаго попечительства 1 округа ольг. у. достигла до 322 р. 54.

Калужское епархіальное духовенство сдѣлало распоряженіе о немедленномъ открытіи съѣздовъ для изысканія средствъ помощи нуждающемуся духовенству. Положеніе калужскаго духовенства оказывается весьма прискорбнымъ. Число лицъ, кои до указа 27 іюня прошлаго года, о превращеніи назначенія мѣстъ за сиротами, получали содержаніе отъ наличныхъ священно-церковнослужителей по обязательствамъ, простирается въ настоящее время въ епархіи до *749;* они должны бы, съ отмѣною обязательствъ, поступить на призрѣніе попечительства; но у послѣдняго и безъ нихъ въ настоящее время состоитъ на содержаніи до 393 лицъ. Значитъ, всѣхъ бѣдныхъ, которые должны питаться отъ крупицъ калужскаго духовенства, нынѣ состоитъ около 1.100 человѣкъ. Цифра—громадная и поражающая,—особенно если взять во вниманіе скудость самого штатнаго калужскаго духовенства.

Въ одномъ изъ благочинническихъ округовъ *орловской* епархіи предполагается устроить *приготовительное училище* для дѣтей мѣстнаго духовенства. Это предположеніе передано на предварительное обсужденіе мѣстному духовенству на благочинническомъ съѣздѣ. Объ открытіи такого же приготовительнаго училища ходатайствовалъ предъ мѣстнымъ начальствомъ съѣздъ выборныхъ отъ духовенства николаевско-новоузенскаго учил. округа. *Поводомъ* къ этому ходатайству послужила *просьба одной бѣдной вдовы—дьячихи*, которая, явясь въ собраніе, *со слезами* объявила, что сына ея не принимаютъ въ училище, какъ недостаточно подготовленнаго, а между тѣмъ, она и надежды не имѣетъ—подготовить

его, какъ должно. „Дѣло мое женское, говорила она; какъ мнѣ быть съ моимъ сыномъ?! У меня и безъ него еще трое дѣтей дома. Сама я ничего не знаю. Помогите отцы честные горькой сиротѣ; отрите слезы несчастной вдовы, заставьте за себя Богу молиться“. Въ самомъ дѣлѣ кто же и поможетъ духовнымъ сиротамъ, если сами духовные оставятъ ихъ?

На съѣздѣ духовенства той же (самарской) епархіи 4 благочинническаго округа были обсуждаемы слѣд. предметы: 1) *мѣры къ возвышенію народной нравственности.* Для искорененія въ народѣ пьянства предположено: а) усугубить проповѣдь о вредѣ нетрезвой жизни; для этой цѣли—пріобрѣсти къ каждую церковь поученія преосв. *Веселія;* б) особымъ вниманіемъ выдѣлять людей трезвыхъ отъ пьяныхъ; причемъ, духовенство само *(нельзя непорадоваться!)* въ общемъ собраніи положило показать на себѣ примѣръ трезвой жизни. 2) *Расколъ и ереси.* Для предотвращенія и искорененія этихъ заблужденій предположено: учащать съ раскольниками собесѣдованія частныя и публичныя; возбуждать въ нихъ охоту къ грамотности и брать въ школы мальчиковъ изъ семействъ, преимущественно склонныхъ къ расколу;—при церквахъ имѣть книги противъ раскола, напр. „Обличеніе раскола“ (или „Истинно-древняя Церковь Христа“), преосв. Григорія, Камень Вѣры—Яворскаго, Исторію раскола—преосв. Макарія и др...—3) *Церковно-приходскія попечительства.* Обсуживаемы были условія и мѣры для болѣе успѣшной дѣятельности попечительствъ. 4) *Церковно-приходскія школы;* 5) библіотеки при церквахъ; 6) *взносъ сельчной суммы* и проч.

Наряду съ другими епархіями, въ іюнѣ были съѣзды духовенства и въ *Смоленской* епархіи; но о нихъ *до*

своей мѣры не сообщено никакихъ свѣдѣній въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Намъ, впрочемъ, достовѣрно извѣстно, что смоленское епархіальное духовенство, въ лицѣ своихъ депутатовъ, заявило себя на съѣздахъ весьма *энергично* и *разумно*,—особенно по вопросу объ *экономической* и *административной части* въ тамошнихъ духовныхъ училищахъ. Мы слышали также отъ достовѣрныхъ лицъ, что духовенство *вяземскаго* округа подымало и обсуживало *самой живой* нынѣ въ смоленской епархіи вопросъ о слишкомъ большомъ числѣ исключенныхъ изъ смоленской семинаріи и духовныхъ училищъ и о правахъ учениковъ, имѣющихъ оканчивать курсъ въ параллельныхъ классахъ училищъ и семинарій, которые (т. е. классы) будутъ открываться на счетъ епархіальныхъ суммъ. Вопросъ этотъ довольно важный, на который слѣдовало бы обратить должное вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, не безъинтересно знать: воспитанники, окончившіе курсъ въ семинаріи въ параллельномъ классѣ, открытомъ на счетъ духовенства, имѣютъ ли на полученіе священнослужительскихъ мѣстъ въ епархіи права одинаковыя съ окончившими курсъ штатными воспитанниками? Равнымъ образомъ: служба наставниковъ въ параллельныхъ классахъ будетъ ли считаться такою же коронною службою, какова служба штатныхъ наставниковъ?—Мы слышали, что въ одной епархіи, вопросъ о правахъ первыхъ, т. е. воспитанниковъ параллельныхъ классовъ, мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ рѣшенъ *отрицательно*, чѣмъ духовенство, разумѣется, осталось *очень недовольно*. — Мы слышали также, будто подробныхъ свѣдѣній о съѣздахъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ вовсе не будетъ сообщено въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Если это—правда, то будетъ

очень жаль. Современное общество очень интересуется бытомъ и нуждами духовенства. Эти нужды, конечно, всего скорѣе и прямѣе могутъ быть заявляемы (и дѣйствительно заявляются) на съѣздахъ. Зачѣмъ же скрывать ихъ отъ общества, которое должно знать состояніе своего духовенства, чтобы лучше цѣнить его.

Впрочемъ, духовенство и на съѣздахъ заявляетъ *не все то*, что̀ составляетъ *насущную его потребность*;—а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ даже и самые предметы для обсужденія на съѣздахъ указываемы бываютъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Чтобы лучше познакомиться съ современными нуждами духовенства, съ его нравственными запросами и стремленіями, для этого нужно сколько возможно ближе стать къ цѣлому строю его жизни. Какіе же интересы занимаютъ современное духовенство?... Но объ этомъ мы надѣемся поговорить въ слѣдующій разъ, если только найдемъ это возможнымъ и удобнымъ.

П. Н—въ.

РѢЧЬ

ПРИ ОСВЯЩЕНІИ ГЕЛЬСИНГФОРСКАГО УСПЕНСКАГО СОБОРА, СКАЗАННАЯ ПАВЛОМЪ ЕПИСКОПОМЪ ВЫБОРГСКИМЪ ВИКАРІЕМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКИМЪ, 13-ГО ОКТЯБРЯ 1868 Г. И РАЗМЫШЛЕНІЕ ПО ПОВОДУ ЭТОГО СОБЫТІЯ,—ЕГО ЖЕ.

Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь. (Пс. 117 24).

Освященіе храма Божія всегда—великое, радостное Церковное торжество... Въ новоосвященномъ храмѣ открывается для вѣрующихъ полная возможность къ удовлетворенію всѣмъ высшимъ потребностямъ духа. Такъ они обрѣтаютъ здѣсь духовную пищу и питіе—сѣмя и живую воду слова Божія, и животворнѣйшее даже слова Божія духовное брашно и питіе—животворящую плоть и кровь Господа нашего Іисуса Христа. Они находятъ здѣсь освященное мѣсто для общихъ молитвенныхъ собраній, для прославленія едиными устами и единымъ сердцемъ Бога Тріединаго, для тѣснѣйшаго единенія между собою во Христѣ и со Христомъ. Они освящаются здѣсь молитвою, словомъ Божіимъ, таи-

ствами. При такомъ значенія храмовъ Божіихъ какъ же не торжествовать въ день освященія храма Божія, даже малаго и скуднаго, не отличающагося величіемъ и благолѣпіемъ?.. Но освященіе храма Божія величественнаго, прекраснаго — двойное торжество; потому что въ храмѣ прекрасномъ вѣрующіе находятъ не только удовлетвореніе высшимъ потребностямъ своего духа, но и особенныя побужденія и пособія къ надлежащему удовлетворенію имъ. Съ какою обыкновенно силою величіе и красота дому Божія возбуждаютъ въ душахъ христіанъ чувство благоговѣнія къ Богу, и какъ смягчаютъ сердца ихъ! Какъ сильно развиваютъ и поддерживаютъ они въ молящихся готовность и способность къ назиданію словомъ Божіимъ, къ прославленію Господа великаго и славнаго, къ взаимному единенію въ духѣ любви, и къ принятію съ вѣрою освящающей силы таинствъ! Да, храмъ величественный и прекрасный—величайшее сокровище, въ обладаніе которымъ вѣрующіе не могутъ вступать безъ живѣйшей радости, безъ торжества и ликованія.

Да возрадуются же нынѣ,—въ день освященія св. храма сего,—всѣ православные обитатели града сего: въ этомъ храмѣ Божіемъ—величественномъ, прекрасномъ, небесподобномъ,—имъ такъ легко и сладостно будетъ умудряться во спасеніе чрезъ слушаніе и слаганіе въ сердцѣ слова Божія и освящаться спасающею силою благодати Божіей. Да возрадуются и возвеселятся всѣ, послужившіе созданію св. храма сего молитвами, покровительствомъ, жертвами, трудами: ихъ попеченія о храмѣ увѣнчались добрымъ успѣхомъ—созданіемъ храма дивно-прекраснаго, живо напоминающаго молящимся о величіи и славѣ, обитающаго въ храмѣ,

Господа силъ! Да возрадуются радостію Христовою и всѣ православные христіане—и ближніе и дальніе; да возвеселятся они вмѣстѣ съ православными обитателями града сего о томъ, что у нихъ нынѣ, кромѣ скромной скиніи Божіей, доселѣ служившей для нихъ мѣстомъ прибѣжища къ Богу, храмъ Божій величественный, прекрасный, достойный исповѣдуемаго великимъ народомъ русскимъ православія! *Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!*

Но среди радости о новоосвященномъ храмѣ Божіемъ не оставимъ, братія, безъ вниманія и тѣхъ назидательныхъ уроковъ, которые даетъ намъ освященіе этого прекраснаго, величественнаго храма.

Извѣстна всѣмъ православнымъ христіанамъ та великая цѣль, съ которою созидаются величественные, прекрасные храмы Божіи и благолѣпно украшаются сребромъ и златомъ и камнями многоцѣнными, а особенно священными изображеніями. Величественные и прекрасные храмы устрояются для того, чтобы они своимъ величіемъ и красотою живѣе напоминали намъ о величіи, славѣ и духовной красотѣ, таинственно обитающаго въ храмахъ, Бога Вездѣсущаго; возбуждали въ насъ чувство благоговѣнія и любви къ Нему, какъ къ Существу высочайшему, всесвятому, всесовершенному и всеблагому,—и вообще нравственно развивали, возвышали и усовершали нашъ духъ. Благолѣпно украшаются храмы Божіи предметами многоцѣнными и прекрасными съ тою цѣлію, чтобы украшенія сіи напоминали намъ о долгѣ нашемъ украшать свои души—тѣмъ, что многоцѣннѣе злата и сребра,—мудростію духовною, добродѣтелію христіанскою. Священными изображеніями украшаются храмы для того, чтобы эти изображенія

52*

указывали намъ въ Богѣ — Спасителѣ нашемъ тотъ Первообразъ, который мы должны отобразить въ духѣ своемъ, а въ святыхъ Его тѣ, болѣе доступные для нашего подражанія, образы, которымъ должны мы подражать при нравственномъ украшеніи душъ своихъ для того, чтобы вѣрнѣе изобразился въ насъ Христосъ (Гал. 4, 19). Да не останется же, братія возлюбленная, недостигнутою по отношенію къ вамъ эта прекрасная, возвышенная цѣль устроенія величественныхъ, прекрасно и назидательно украшаемыхъ храмовъ Божіихъ! Да будутъ ваши души всегда отверзты для воспріятія тѣхъ назидательныхъ и спасительныхъ впечатлѣній, которыя несомнѣнно будетъ производить этотъ храмъ Божій на каждую благочестиво-настроенную душу! Благоговѣніе къ Богу великому и всесвятому, пламенная любовь къ Нему—всеблагому Отцу нашему—да наполняютъ постоянно сердца всѣхъ, притекающихъ въ св. храмъ сей,—и въ часы молитвенныхъ собраній здѣсь и во всѣ часы и минуты жизни ихъ. Ни на одну минуту да не оставляетъ васъ спасительная забота объ украшеніи душъ своихъ дѣлами благоугодными!.. Священное изображеніе Бога Тріѵпостаснаго пусть постоянно напоминаетъ вамъ, что на всѣхъ насъ лежитъ обязанность быть едино въ Богѣ тріединомъ, какъ три Божественныя ѵпостаси едино суть (Іоан. 18, 21), и пусть располагаетъ васъ къ исполненію сей обязанности. Святыя изображенія различныхъ событій изъ земной жизни Господа нашего Іисуса Христа, изображенія страданій, смерти, воскресенія и вознесенія Богочеловѣка да напоминаютъ вамъ постоянно о долгѣ и да располагаютъ васъ постоянно къ исполненію долга нашего быть, подобно Ему, смиренными, послушливыми Отцу небесному

даже до смерти (Филип. 2, 6—8), распинать плоть свою со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24), воскресать со Христомъ и обновляться жизнію святою (Кол. 2, 12. 13) и постоянно горняя мудрствовать, а не земная (Кол. 3, 2). Безпредѣльная любовь Божія къ роду человѣческому, живо напоминаемая намъ крестомъ Христовымъ, да располагаетъ васъ любить Бога паче всего—всею душею и всѣмъ сердцемъ до готовности всѣмъ жертвовать для Него, и въ Богѣ и для Бога любить ближнихъ до готовности положить за нихъ душу свою. Пусть св. лики св. апостоловъ, іерарховъ, мучениковъ и мучеництъ и всѣхъ святыхъ располагаютъ васъ подражать чистой и богоугодной жизни ихъ, святой любви ихъ къ Богу и людямъ, трудамъ и самоотверженію, съ которыми они подвизались во славу Божію и благо ближнихъ! И о, еслибы всѣ вы, подъ вліяніемъ св. впечатлѣній храма Божія, употребили всѣ силы свои на благоукрашеніе душъ своихъ, и еслибы въ васъ дѣйствительно изобразился Христосъ!.. Тогда св. храмъ сей вполнѣ достигалъ бы возвышенной цѣли, для которой созданъ: онъ дѣйствительно послужилъ бы нравственному преспѣянію, духовному обновленію и усовершенію православныхъ обитателей града сего.

Точно также, какъ извѣстна вамъ, братія, цѣль устроенія сего и другихъ храмовъ Божіихъ;—не неизвѣстны, конечно, вамъ и тѣ силы, которыми храмы Божіи уготовляются въ истинныя жилища Божіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и тѣ силы, которыми уготовляются въ жилища Божіи, въ храмы Божіи души наши. Храмы Божія, при помощи Божіей, созидаются силами человѣческими, и—много, и долго трудятся обыкновенно люди надъ устроеніемъ храмовъ Божіихъ, особенно

храмовъ величественныхъ, прекрасныхъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ созидался и этотъ храмъ. Постепенно, камень за камнемъ, слагались эти стѣны, постепенно воздвигались эти столпы, устроялись главы, вѣнчающія зданіе. Не вдругъ, а постепенно, одинъ за другимъ, начертаны рукою художника и священные лики, украшающіе храмъ. Такимъ образомъ, храмъ Божій, въ своемъ прекрасномъ, величественномъ цѣломъ, во всемъ убранствѣ своемъ, есть плодъ многолѣтнихъ, настойчивыхъ трудовъ и усилій создателей его. Точно также и наши души не могутъ сдѣлаться храмами Божіими безъ нашего собственнаго старанія, безъ нашихъ трудовъ и усилій. Только при усиленныхъ и постоянныхъ трудахъ, только при постоянномъ самоисправленіи и самоустроеніи по началамъ и правиламъ христіанскимъ, можемъ мы содѣлаться храмами Божіими, украситься дѣлами добрыми, качествами богоподобными. Но, съ другой стороны, одними силами человѣческими, при всемъ ихъ напряженіи, нельзя еще создать истинный, святый, угодный Богу храмъ Божій. Свидѣтель тому храмъ, нынѣ освященный. Онъ, и до настоящаго дня, какъ по своему назначенію, такъ и по своему внутреннему и внѣшнему виду и по своимъ внутреннимъ украшеніямъ, а особенно по изображеніямъ лицъ священныхъ, былъ, повидимому, истиннымъ храмомъ Божіимъ. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ: онъ дотолѣ не былъ храмомъ Божіимъ, истиннымъ, пока не коснулась его, во время священнодѣйствія освященія, освящающая сила благодати Божіей. Такимъ образомъ многолѣтніе труды и усилія храмоздателей, безъ освящающей благодати Божіей, не могли создать истиннаго храма Божія. Даже лики Господа

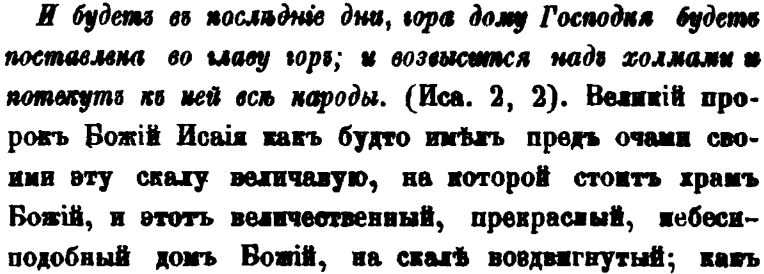
и святыхъ Его,—хотя это и лики существъ святыхъ,—дотолѣ не имѣли священнаго характера, и не сдѣлались святынею и проводниками освященія, пока не освятила ихъ сила благодатная. Тоже самое бываетъ и съ храмами душъ нашихъ. Хотя бы мы употребляли всѣ свои усилія на уготованіе въ душахъ нашихъ жилища Божія; хотя бы мы всемѣрно старались располагать жизнь свою по требованію закона христіанскаго, и отображать въ своей жизни и дѣлахъ своихъ жизнь и дѣла Господа нашего Іисуса Христа: мы не будемъ истинными храмами Божіими, если самонадѣянно будемъ все это совершать своими только силами, не обращаясь къ помощи силы благодатной. Какъ много людей, цѣлые народы, именующіеся христіанскими, располагаютъ жизнь свою по закону Христову и стараются по видимому уподобиться Христу; но какъ невѣрно, неточно, неясно отражается часто въ ихъ жизни образъ и духъ Христовъ, когда они желаютъ дѣлать все сами, не прося себѣ съ усердіемъ и вѣрою благодатной помощи. Какъ мало въ дѣлахъ ихъ святаго, истинно христіанскаго. Много образовъ и начертаній Господа нашего Іисуса Христа создала невѣрующая, или не правовѣрующая наука! И чтожъ мы видимъ въ этихъ образахъ? Мы узнаемъ въ нихъ нѣкоторыя знакомыя черты—Спасителя нашего; но не видимъ въ нихъ истиннаго, святаго, евангельскаго образа Богочеловѣка—Спасителя нашего, не ощущаемъ въ нихъ духа Христова. Тоже или почти тоже самое можетъ быть и съ каждымъ изъ насъ, братія возлюбленная, если мы самонадѣянно будемъ уготовлять души наши въ храмы Божіи и украшать ихъ дѣлами добрыми, только своими силами, безъ высшей благодат-

ной помощи. Мы не будемъ храмами Божіими, благоугодными Богу; потому что въ насъ не будетъ духа Христова: а кто духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его (1 Кор. 2, 3). Только на краеугольномъ камнѣ Христѣ *все зданіе Церкви стройно возрастаетъ въ храмъ, посвященный Господу, на которомъ и вы должны устроять-ся въ жилище Божіе Духомъ* (Ефес. 2, 21. 22). Наши души тогда только содѣлаются истинными храмами Божіими, когда уготовленіе ихъ въ храмы Божіи будетъ совершаться обоими необходимыми въ этомъ дѣлѣ дѣятелями—и нашимъ духомъ и Духомъ Божіимъ. Будемъ же и сами трудиться надъ уготованіемъ себя въ храмы Божіи и постоянно молить Господа о ниспосланіи намъ благодатной помощи для украшенія душъ нашихъ дѣлами истинно-богоугодными!

Преклоняю колѣна мои предъ Отцемъ Господа нашего Іисуса Христа, отъ Котораго получаетъ имя всякое отечество на небесахъ и на землѣ, да дастъ, по богатству славы Своей, крѣпко утвердиться вамъ Духомъ Его, во внутреннемъ человѣкѣ, вѣрою вселиться Христу въ сердца ваши, дабы, укоренясь и утвердясь въ любви, могли вы со всѣми святыми постигнуть, что широта и долгота и глубина и высота и уразумѣть превышающую разумъ любовь Христову, чтобы вамъ исполниться всею полнотою Божіею (Ефес. 3, 14—19). Уразумѣніе превышающей разумъ любви Христовой да откроется въ васъ истинною всеобъемлющею любовію,—любовію и къ ближнимъ и къ дальнымъ, и къ своимъ и къ чужимъ, и къ друзьямъ и врагамъ. Тогда поистинѣ изобразится въ васъ Христосъ; тогда вы будете живыми образами Бога—Любви. Тогда вполнѣ будетъ дости-

гаться и цѣль, съ которою созданъ и освященъ св. храмъ сей.

Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей и утверди и, егоже насади десница Твоя. Аминь.



И будетъ въ послѣдніе дни, гора дому Господня будетъ поставлена во главу горъ; и возвысится надъ холмами и потекутъ къ ней вси народы. (Иса. 2, 2). Великій пророкъ Божій Исаія какъ будто имѣлъ предъ очами своими эту скалу величавую, на которой стоитъ храмъ Божій, и этотъ величественный, прекрасный, небесноподобный домъ Божій, на скалѣ воздвигнутый; какъ будто о настоящей славѣ и величіи этой именно горы дому Божія предвозвѣщалъ онъ, когда въ приведенныхъ выше словахъ предрекалъ славу св. Сіона въ мірѣ христіанскомъ и подъ образомъ прославленнаго Сіона — славу Церкви Христовой! Поистинѣ возвеличилась нынѣ богоизбранная скала сія превыше самыхъ высокихъ скалъ и горъ Финляндскихъ. Она содѣлалась подножіемъ св. дома Божія, созданнаго и благодатію Св. Духа освященнаго для проповѣданія слова и закона Бога истиннаго, (Исаі. 2, 3) для возвѣщенія славы Его, для питанія въ людяхъ чувствъ благоговѣнія и благочестія, мира и любви, для освященія вѣрующихъ молитвою и св. таинствами. Возвышенно назначеніе сей горы дому Божія! Велика и слава ея!...

Кромѣ радостныхъ чувствъ, естественно возникающихъ въ душѣ при видѣ этого прекраснаго, величественнаго православнаго храма Божія, воздвигнутаго на

скалѣ величавой, сколько успокоительныхъ мыслей, сколько отрадныхъ, утѣшительныхъ надеждъ возбуждаетъ въ душѣ моей этотъ храмъ Божій, нынѣ освященный благодатію Божіею въ жилище Божіе!

Твердо и величаво стоитъ наша скала надъ бездною морскою; безтрепетно смотрится она въ волны, какъ бы высоко ни воздымались онѣ. „Пусть волнуется море,—какъ бы думаетъ она; пусть съ шумомъ и яростію устремляются на меня и ударяютъ въ грудь мою волны морскія: онѣ разобьются сами о твердыню мою, смирятся, утихнутъ и улягутся у подножія моего, но не сокрушатъ меня“. И подлинно тысячелѣтія продолжается эта борьба волнующагося моря съ скалою; много яростныхъ нападеній сдѣлало на скалу волнующееся море; но скала побѣдоносно отразила ихъ—всѣ и донынѣ стоитъ на мѣстѣ своемъ твердо и несокрушимо. Еще тверже и незыблемѣе до скончанія вѣка будетъ стоять во вселенной св. Православная Церковь Христова; будетъ стоять незыблемо, ибо она утверждается на Скалѣ, несокрушимой и вратами адовыми (Матѳ. 16, 18), — на краеугольномъ камнѣ — Господѣ нашемъ — Іисусѣ Христѣ (Еѳ. 2, 20). Знаменіемъ и предвозвѣщеніемъ твердаго, незыблемаго утвержденія на Божественной Скалѣ—Іисусѣ Христѣ и Православной Церкви Финляндской служитъ для меня созданіе св. храма сего на скалѣ несокрушимой.. О, да не одолѣютъ же и не сокрушатъ ее никакія силы вражескія до скончанія вѣка! Да обрящетъ Христосъ Господь, и въ страшный и великій день втораго Своего пришествія, на горахъ и въ горахъ сихъ истинныхъ слугъ Своихъ, вѣрныхъ исповѣдниковъ ученія Своего!

Твердо и величаво стоитъ скала наша надъ бездною

морскою; равнодушно смотрять на волненіе суетной, постоянно-волнующейся стихіи. Ничего, въ теченіе тысящелѣтій, не заимствовала она отъ постояннаго приражені къ ней волнъ морскихъ, не подверглась никакому измѣненію.. О, да будетъ, подобно этой скалѣ, твердою, непоколебимою въ православіи и св. православная Церковь Финляндская!. Пусть безслѣдно, безвредно для чистоты вѣры и нравственности чадъ ея приражаются къ ихъ духу неустойчивыя мнѣнія и ученія человѣческія. Да отражаются ею постоянно всѣ ереси и заблужденія, и да останется она до скончанія вѣка чистою Невѣстою Христовою, не имѣющею никакой скверны, никакого порока!. Да не увлечетъ чадъ церкви житейское море въ смертоносныя пучины свои; да не отниметъ у нихъ сознанія и чувства своихъ обязанностей къ Богу и св. закону Его; но да будутъ всегда въ горахъ и на горахъ сихъ истинные подвижники благочестія, горняя мудрствующіе, а не земная (Кол. 3, 2).

Не служитъ для меня православный храмъ Божій на скалѣ знаменіемъ и предуказаніемъ неплодія церкви православной въ предѣлахъ сихъ. Нѣтъ! При настойчивомъ трудѣ человѣка и скалы покрываются здѣсь богатою растительностію... Скалы не препятствуютъ жить здѣсь и размножаться, по законамъ природы, народу мужественному, трудолюбивому, честному, выработавшему въ борьбѣ съ скупою на дары природою твердость и стойкость характера. Не большаго ли плодородія можно ждать въ области благодати, въ которой побѣждается естества чинъ,—ждать даже въ томъ случаѣ, когда область сія представляется недальновидному взору человѣческому пустынною, безплодно-камени-

стою?. Не можетъ ли Господь, могущій изъ каменія воздвигнуть чадъ Аврааму (Матѳ. 3, 9.) и отъ неплодной Сарры—родившей Аврааму сына—праотца многочисленнаго народа,—содѣлать богатою чадами доселѣ скудную ими и св. Церковь Финляндскую?. О, да сбудется и надъ нею слово пророческое: *возной неплодная, нераждавшая, возпой пѣснь и ликуй, немучившаяся родами: ибо у отверженной будетъ болѣе сынов, нежели у замужней, говоритъ Господь* (Ис. 54, 1). *Да распространится она и направо и налѣво, и да овладѣетъ народомъ и населитъ города* (Ис. 54, 3). И какъ не чаять исполненія слова пророческаго, когда *Женихъ церкви есть Творецъ ея, имя Его—Господь воинствъ, и Искупитель ея святый Израилевъ, — Богомъ всей земли называется* (5 ст.)? О, да будетъ, чтобы всякій, „кто ни зашелъ бы къ ней" съ цѣлію безпристрастно узнать и изучать ее, „перешелъ бы къ ней" (ст. 15).

Не служитъ для меня православный храмъ на скалѣ знаменіемъ и предуказаніемъ и глада слышанія слова Божія въ православной Церкви Финляндской, и неудовлетворенія духовнымъ потребностямъ народа. Не питалъ ли Господь-Богъ Израилевъ, чрезъ великаго вождя израильскаго народа—Моусея, народъ свой манною въ безплодной пустынѣ? Не источалъ ли онъ воду изъ камня для утоленія жажды народа своего? Такъ не воспящала Всемогущему питать и поить народъ неплодная пустыня каменистая... Удовлетвореніе же духовнымъ потребностямъ сыновъ церкви, гдѣ бы ни жили они, на всѣ вѣка обезпечено Господомъ—Спасителемъ нашимъ. И для утоленія духовнаго голода и жажды православно-вѣрующихъ въ странѣ сей, какъ и вездѣ, всегда готовы въ обиліи и манна, и живая вода слова Божія, и

Божественное брашно и питіе—пречистая плоть и пречестная кровь Господа нашего Іисуса Христа. Неразумѣющіе языка великаго народа русскаго могутъ читать и слышать и слово Божіе и книги богослужебныя на языкѣ страны сей... Только бы не оскудѣвала пастырская ревность раздающихъ пищу и питіе духовное; только бы не чуждались пищи тѣ, для кого она предназначена: и пища и питіе въ обиліи уготованы для всѣхъ, желающихъ вкушать ихъ и не оскудѣютъ никогда.

Да стоитъ же твердо и незыблемо на основаніи Божественномъ св. церковь Финляндская, и да удовлетворяетъ неоскудно всѣмъ духовнымъ нуждамъ и потребностямъ чадъ своихъ! Да стоитъ незыблемо и св. храмъ сей—символъ твердости св. Финляндской Церкви Православной.

Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, и утверди и, егоже насади десница Твоя! Не великъ здѣсь виноградникъ Твой; но онъ—Твое насажденіе. И какъ Твое насажденіе, онъ можетъ быть и плодоносенъ и богатъ отраслями своими. Сохрани св. Церковь Финляндскую и св. храмъ сей во вѣки и вѣки! Пресвятая Дѣво Богородице, и во успѣніи Твоемъ насъ неоставляющая безъ Твоего державнаго покрова, охраняй и св. храмъ сей, посвященный Твоему Св. Имени, и всѣхъ съ вѣрою къ Тебѣ въ немъ притекающихъ. Святіи, воспоминаемые нынѣ св. церковію, отцы Собора Никейскаго, седмаго вселенскаго, блаженные ревнители благолѣпія дому Божія, и ты, св. Никито, исповѣдниче Христовъ, пролившій кровь свою за св. ревность о священныхъ украшеніяхъ церковныхъ! Призрите изъ горнихъ жилищъ своихъ на храмъ сей,—ве-

личественный, прекрасный, подобно богатоубранной невѣстѣ украшенной, возвеселитесь духомъ о благолѣпіи и сего св. храма и другихъ православныхъ храмовъ Божіихъ, и моли Господа силъ о Благочестивѣйшемъ Самодержавнѣйшемъ Государѣ нашемъ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, о покровителяхъ и создателяхъ св. храма сего и о всѣхъ православныхъ христіанахъ да даруетъ Господь-Богъ всѣмъ намъ силы ко благоукрашенію, дѣлами вѣры и благочестія, храмовъ душъ нашихъ, во славу всесвятаго имени Его и во спасеніе наше.

ПРАВОСЛАВНАЯ КАѲОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ (*).

ПРОТЕСТЪ ПРОТИВЪ ПАПСКОЙ ЦЕРКВИ И ВОЗЗВАНІЕ КЪ ОСНОВАНІЮ КАѲОЛИЧЕСКИХЪ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ЦЕРКВЕЙ

І. І. Овербека, Д. Д.

„*Нынѣ убо востани, и изыди отъ земли сея, и иди въ землю рожденія твоего.* Быт. 31, 13.

I.

Каѳолическая церковь, основанная Спасителемъ нашимъ, имѣла объять всю землю. И дѣйствительно, Ея православное, истинно правое ученіе стало распространяться со дня первой пятидесятницы, со дня Ея основанія, и скоро объяло собою всю образованную часть свѣта. Страны Востока и Запада исповѣдывали одну и туже вѣру, молились у однихъ и тѣхъ же престоловъ, принимали однѣ и тѣ же таинства, — словомъ, великій мощный союзъ объединялъ весь христіанскій міръ.

(*) Съ нѣмецкаго, печат. въ Галлѣ а S. 1869. (Т. е. предназначено къ выпуску въ этомъ году)

II.

Такъ тому и надлежало бы оставаться. Тогда не подавляли бы насъ собою разныя секты и невѣріе; тогда не привелось бы намъ слышать о той или другой наукѣ, враждебно относящейся къ вѣрѣ, и о томъ или о другомъ государствѣ, отрѣшающемся отъ христіанства. Тогда не было бы раздоровъ, пораждаемыхъ смѣшанными браками, не было бы дѣленій въ семействахъ, не было бы и презрѣнія ни къ вѣрѣ, ни къ служителямъ Вѣры. Тогда государство было бы другомъ церкви, а служитель церкви былъ бы преданнѣйшимъ гражданиномъ государства.

III.

Это великое, славное, вселенское единство церкви злобно и нагло было нарушено. Союзъ этотъ,—союзъ, которымъ Самъ Богъ всѣхъ сочеталъ, разрушенъ *ненасытимымъ честолюбіемъ и властолюбіемъ Рима*. Еще со временъ Виктора и Стефана папство стало обличать въ себѣ свои властолюбивыя притязанія; но крѣпкій отпоръ со стороны Восточной части каѳолической церкви не далъ имъ тогда усилиться. Такъ равно и новыя попытки въ этомъ родѣ восточные каждый разъ успѣвали подавлять. Папы стали наконецъ пользоваться стѣснительнымъ положеніемъ Востока,—и все для того, чтобы пустить въ ходъ любимыя свои притязанія, о ко-

торыхъ каѳолическая церковь до сихъ поръ ничего не знала. Но Востокъ и тутъ остался вѣрнымъ стражемъ истиннаго ученія, и скорѣе рѣшился потерпѣть поношеніе и всякаго рода обиды отъ крестоносцевъ, чѣмъ предать вѣру отцевъ своихъ папскимъ нововведеніямъ. Римъ, при всей своей хитрости, при всѣхъ своихъ тонкостяхъ и при всемъ своемъ зложелательствѣ, не смогъ поколебать въ восточныхъ вѣрности ихъ вѣрѣ; и так. образомъ самъ уже, около 800 лѣтъ тому назадъ, отдѣлился отъ Востока, — отдѣлился для того, чтобы въ своемъ собственномъ западномъ патріархатѣ безпрепятственно и судить и рядить и ходить въ похотяхъ своего сердца.

IV.

Эта-то великая *римская схизма*, которую папа породилъ въ каѳолической церкви, сохранила Востокъ неукоризненнымъ и неизмѣннымъ, и сохраняетъ его до сегодня. Корнемъ папскаго ослѣпленія были *честолюбіе и властолюбіе*; и вотъ изъ того же корня, вмѣстѣ съ схизмою, не замедлила выродиться и ересь. А именно, для дальнѣйшаго развитія папской власти не доставало догматическаго основанія: и такъ поспѣшили въ сихъ видахъ сочинить и новый догматъ, будто папа не только есть первый епископъ въ христіанской церкви, но и видимая глава церкви, и верховный намѣстникъ Христовъ, и все это будто въ силу божескаго права. Это еретическое ученіе, вовсе неизвѣстное православной каѳолической церкви, и служитъ теперь основаніемъ нынѣшной римской церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ всякихъ распрей и всякаго нестроенія на Западѣ между государствомъ и церковію. И не можетъ

выйти ничего добраго тамъ, гдѣ живетъ схизматическое папство съ его притязаніями и похотѣніями. Противу папства возможны только два оружія: или прямо возстать противъ него и подавить, или совершенно игнорировать его и предоставить процессу саморазрушенія. Пусть себѣ римляне кричатъ, какъ можно, громче; дѣла своего они не поправятъ этимъ; потому что памятники ихъ дурнаго хозяйства, которые каждый долженъ видѣть, кто только не закрываетъ себѣ глазъ умышленно или лучше-злоумышленно, еще того громче кричатъ. Или расторгающаяся теперь Испанія не есть обѣтованная земля папской религіи? Или Австрія дошла теперь до края погибели не отъ того, что въ продолженіи 13 лѣтъ папа держалъ ее въ своихъ объятіяхъ? Или то были не римскіе патеры и монахи, что постоянно мутили и возмущали Польшу? И такъ бы было и до сихъ поръ, еслибы русскій Императоръ не употребилъ надлежащихъ средствъ, т. е. еслибы не усмирилъ заговорщиковъ и не приставилъ къ ихъ церкви крѣпкой стражи. Такъ надлежало бы поступить и еще кой-гдѣ, т. е. тамъ, гдѣ духовенство (¹) презрительно относится къ законамъ своей страны; надлежало бы этимъ духовнымъ — высоко-ли то или низко поставленнымъ — показать, что одно изъ двухъ выбрать надо,—или отъ римской интриги отрѣшиться или безропотно понести праведное наказаніе за оскорбленіе закона. Пусть укажутъ мнѣ хоть на одну какую-либо страну, гдѣ папскія права (или лучше—неправды) могли имѣть полную свою силу, которая не

(¹) Намекъ на англійское духовенство, произвольно желающее возстановить нѣкоторые римскіе обряды, и т. п. *Перев.*

тотчасъ бы склонилась отъ того къ паденію и не падала все больше и больше, все глубже и глубже, и которая, пришедъ въ себя, наконецъ, не свергала бы съ себя этихъ поносныхъ оковъ Рима.

V.

Эту схизматическую и еретическую папскую церковь, которая безъ всякаго права усвояетъ себѣ имя „каѳолической церкви“, мало того, исключительно одной себѣ усвояетъ, вы должны *оставить*, *теперь же должны оставить*, потому что, оставаясь въ ней дольше, вы только будете усиливать вашу виновность въ ея порчѣ и тиранніи, и, наконецъ, вовлечете себя въ общую погибель, которой угрожаетъ паденіе всего церковнаго зданія; ибо предзнаменованія этого паденія умножаются съ каждымъ днемъ. Къ числу этихъ предзнаменованій мы относимъ не тѣ извѣстныя, враждебныя церкви движенія въ Италіи, корень которыхъ лежитъ въ невѣріи и нечестіи, хотя папская церковь и тутъ оказалась безсильною, т. е. не могла и не можетъ пріостановить ходъ зла въ собственныхъ своихъ дѣтяхъ. Нѣтъ, къ числу этихъ предзнаменованій паденія римской церкви мы относимъ: 1) всеобщее отчужденіе отъ нея всѣхъ глубоко и строго-религіозно настроенныхъ людей, душѣ которыхъ просто противно всякое ультрамонтанское направленіе; 2) невѣроятное надмѣніе и дѣйствительно непонятную притязательность папства, по движенію которыхъ оно говоритъ языкомъ мірообладателя, и требуетъ, чтобы рабски преклонялись предъ нимъ короли и императоры, племена и народы. Чтожъ можетъ этотъ ограниченный

старый человѣкъ съ совѣтомъ стольже старыхъ,—то отжившихъ свой вѣкъ, то упорно живущихъ въ одномъ прошедшемъ,—кардиналовъ,—что можетъ онъ съ хитрыми своими іезуитами, которые такъ искусно движутъ и папой и его совѣтомъ,—что́ можетъ такой папа предписать міру, во что бы надлежало вѣрить, что надлежало бы дѣлать и къ чему надлежало бы обязаться!?! Когда папство во времена среднихъ вѣковъ объявляло подобныя притязанія, тогда на его сторонѣ была по крайней мѣрѣ власть и еще слушали его дѣтски суевѣрные народы;—но теперь эти дѣти выросли, помочи сброшены, и очарованіе изчезло. „Воздаждь отвѣтъ о приставленіи домовнѣмъ: не возможеши бо ктому дому строити.“

VI.

Римская церковь учитъ, что папство есть основаніе каѳолической церкви, и что будто она и стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Обыкновенно ссылаются въ семъ случаѣ на извѣстное мѣсто у евангелиста Матѳея (16, 18): „ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою“. Кто же сей камень? Истинный, православный каѳоликъ скажетъ: „чтобы отвѣчать на сей вопросъ, я долженъ прежде всего обратиться за совѣтомъ къ святымъ отцамъ,—этимъ свидѣтелямъ церковнаго преданія“. Французскій богословъ Launoy обращался за этимъ совѣтомъ къ св. отцамъ и нашелъ, что *только семнадцать* изъ нихъ, болѣе или менѣе, подъ „камнемъ“ разумѣютъ Петра, тогда какъ *сорокъ четыре* изъ нихъ подъ „камнемъ“ разумѣютъ только что исповѣданную Симономъ вѣру въ божество

Христа. Итакъ весьма значительное большинство отцевъ учитъ, вмѣстѣ съ православно-каѳолическою церковію, что Петръ *не* есть камень (¹) и основаніе церкви. Значитъ, римлянинъ поступаетъ съ библіей съ совершенно протестантскимъ—субъективнымъ произволомъ, когда онъ, въ дѣлѣ толкованія ея, отдаетъ предпочтеніе меньшинству отеческихъ свидѣтельствъ, — отдаетъ только потому, что это ему пріятно и лучше укладывается съ его системой. А чтожъ тутъ думать, когда въ Allioli-евомъ переводѣ библіи, одобренномъ папою, въ примѣчаніи на выше-приведенное мѣсто (Матѳ. 16, 18), относительно толкованія его въ смыслѣ римскомъ, слѣдующія встрѣчаешь слова—„такъ учатъ всѣ святые отцы"? Вѣдь это просто-на-просто *ложь*, какъ то видитъ изъ выше-сказаннаго всякой читатель. Такимъ-то образомъ вѣрные, вѣря словамъ подобныхъ учителей, и сами не имѣя времени или способности повѣрить истину ихъ словъ, пріучаются ко лжи и заблужденію. А сколько отеческихъ мѣстъ то искажено, то измышлено,—и все для того, чтобы доказать тѣ или другія ученія, о которыхъ истинная каѳолическая церковь ничего и не знала! Читайте, напримѣръ, акты флорентинскаго собора, гдѣ греки открыли латинскія искаженія отцевъ! Читайте—чуть не сто лѣтъ назадъ тому появившееся—классическое твореніе Зерникава относительно каѳолическаго ученія объ исхожденіи Святаго Духа: и вы, къ изумленію вашему, увидите, что римляне, для оправданія ложнаго своего ученія объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца *и Сына*, не постыдились и не побоялись 25 мѣстъ поддѣлать у

(¹) т. е. въ римскомъ смыслѣ. *Перев.*

греческихъ отцевъ и 43 у латинскихъ: каждое изъ этихъ мѣстъ Зерникавъ разбираетъ порознь, указывая въ тоже время на другія безчисленныя искаженія. *Въ продолженіи этихъ ста лѣтъ не нашлось еще ни одного римлянина, который попытался бы опровергнуть Зерникова.* Пытались напротивъ отъискать подобныя подделки и у грековъ; но, не смотря на всѣ усилія, изловчились указать только *на одинъ* примѣръ, находящійся у Гардуина, да и этотъ единственный примѣръ имѣетъ очень слабое основаніе.

Обращаясь снова къ папству, мы позволимъ себѣ указать на другой нашъ трудъ, на англійскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ—„Catholic orthodoxy"—каѳолическое православіе. Тамъ мы подробно (стр. 117—176) показали и доказали, что въ до-никейскія времена не находится ни малѣйшихъ слѣдовъ папскаго главенства. Слѣдовательно до четвертаго вѣка было неизвѣстно то, что римлянинъ считаетъ *основаніемъ* церкви! Но и дальше—мы находимъ, что никейскими, халкидонскими и другими соборами утверждается римское приматство, какъ нѣчто опредѣляемое *церковными канонами*, а не какъ что-либо въ родѣ божественнаго учрежденія будтобы всюду извѣстнаго. Это жалкая уловка, къ которой прибѣгаютъ Hefele, Phillips и другіе, а именно,—утверждать, будто 6-й канонъ 1-го никейскаго собора и другіе сродные ему каноны имѣютъ въ виду патріаршее положеніе Рима, а не приматство: если папа былъ богопоставленною главою церкви, то само собою разумѣется, что онъ, и какъ патріархъ, занималъ первое мѣсто. Нѣтъ, ужъ если что выводить изъ подобнаго, ничего въ пользу Рима не говорящаго канона, то надлежало бы выводить изъ него, такъ или иначе, *боже-*

ственное учрежденіе приматства. Но въ соборныхъ опредѣленіяхъ не находится ни малѣйшихъ слѣдовъ того; напротивъ, 28 канонъ четвертаго вселенскаго собора въ Халкидонѣ (состоявшаго изъ 636 отцевъ) считаетъ „приличнымъ дать первенство Риму, *потому* только, что это царствующій градъ". Такъ все и оставалось до наступленія великой римской схизмы.

Церковное первенство папы, т. е. преимущество перваго епископа, никогда не оспоривалось каѳолическою церковію; и если бы папа клятвенно отрекся отъ своей схизмы и ереси и обратился въ каѳолическую церковь, то православная церковь снова уступила бы ему его возвышенное положеніе. До тѣхъ же поръ (говоритъ Кормчая), „вторый, т. е. патріархъ константинопольскій занимаетъ первенство въ церкви". *Божественное*, будтобы *главенство*, которое составляетъ собою сущность и существо нынѣшняго папства, есть расколъ, есть ересь,—осуждаемыя каѳолическою церковію.

Пій IX, въ началѣ своего понтификатства, сдѣлалъ воззваніе къ православнымъ епископамъ—возсоединиться съ римскою церковію. Православные вселенскіе патріархи отправили ему въ отвѣтъ окружное посланіе (см. текстъ въ „orthodox catholic Review", vol. 1. p. 234—246), въ которомъ они обличили римскую схизму и сопряженныя съ нею заблужденія и изрекли анаѳему на схизматическаго папу, если онъ не возвратится снова въ истинную каѳолическую церковь. Пій выслушалъ увѣщаніе, но не послѣдовалъ ему.—Вскорѣ послѣ того онъ убѣжалъ изъ своей земли. Опираясь на чужіе штыки, онъ воротился однакожь домой, но вскорѣ потомъ потерялъ лучшія свои провинціи, а „старшій сынъ церкви" спокойно, между тѣмъ, смо-

трѣлъ на эти явленія, и не тронулся съ мѣста. Находясь въ этомъ жалкомъ положеніи, папа сталъ искать новаго утѣшенія въ новомъ догматѣ, который, безъ всякаго вселенскаго собора, только имъ однимъ на новый какой-то ладъ былъ придуманъ и провозглашенъ. Но само небо, казалось, здѣсь возстало, и столпъ, имѣвшій прославить новый и новомодный догматъ, потребовалъ печальной жертвы. Сначала церковныя сокровища Италіи перешли въ чужія руки; потомъ „Apostolische Majestät" „вырвалось изъ папскихъ объятій, а теперь и Изабелла, вѣрнѣйшая союзница Пія, очутилась далеко отъ него—въ сторонѣ. Но, не смотря на всѣ эти тяжкіе удары, Пій не перестаетъ домогаться, какъ бы добыть себѣ новыхъ друзей, и вотъ онъ,—этотъ схизматическій епископъ,—обращается къ вѣрнымъ сынамъ православно-каѳолической церкви, и приглашаетъ ихъ на свой лже—вселенскій соборъ. Откуда жъ этотъ схизматикъ имѣетъ право сзывать какой-то вселенскій соборъ и православныхъ отторгать отъ ихъ древней, истинной Вѣры? Истинно, папская притязательность не знаетъ никакихъ предѣловъ. Ужъ не думаетъ ли папа, что, тогда какъ папство потеряло все свое положеніе на Западѣ, тогда какъ съ государствами оно ужиться не можетъ и объ немъ знать не хотятъ больше, будущее его лежитъ на Востокѣ? Да, тамъ, гдѣ папство, его вліяніе и его плоды знаютъ по опыту и гдѣ вступали съ нимъ въ непосредственныя сношенія, тамъ á tout prix стараются отрѣшиться отъ него. Гдѣ свободнѣе и дольше папство могло оказывать свое вліяніе (вѣдь это фактъ), какъ не въ Италіи? Въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій цѣлыя племена воспитываемы, обучаемы и образуемы были папствомъ.

И вотъ теперь вдругъ Италія стала безбожнымъ врагомъ папства! Тысячи бѣгаютъ теперь за врагомъ религіи,—за Гарибальди! Явленія подобнаго рода не возникаютъ за разъ, за одну ночь. На кого же тутъ падаетъ вина? Если бы папство внушало и питало ту глубокую религіозность, которая объемлетъ всего человѣка, то волны враждебныхъ религіи нововведеній пронеслись бы поверхъ земли, не вторгаясь, не впиваясь въ ея почву. Но тутъ сама-то почва, изъ-за несчастнаго схизматическаго папства, и породила невѣріе, суевѣріе и всякое равнодушіе къ вѣрѣ,—эти естественные плоды схизмы и ереси. То не безъ цѣлей Провидѣнія, что именно римскіе-то народы съ наибольшимъ успѣхомъ и работаютъ надъ разрушеніемъ папства. Да, мы видимъ здѣсь ту разрушающую и самоуничтожающую силу, которая не разлучна со всякимъ зломъ, и слѣд. и съ папствомъ. Доброе, что дѣлаетъ римская церковь, совершается *не посредствомъ* папства, но *не смотря* на папство. Кто живетъ благочестиво въ римской церкви, тотъ пожинаетъ плоды каѳолической истины на столько, на сколько папство еще не сокрушило или не исказило ея. Мы думаемъ, мы вѣримъ, что милліоны римскихъ католиковъ питаются истиннымъ каѳолическимъ зерномъ, которое все еще находится въ ихъ церкви, и *virtualiter* принадлежатъ православной церкви, потому что папство пристаетъ къ нимъ только по наружности, и потому что, въ силу привычки и *ignorantia invincibilis*, они не могутъ сами подняться надъ нимъ, если чья-либо рука не поведетъ ихъ къ истинѣ. Къ нимъ-то мы теперь и обращаемся и говоримъ имъ: *оставьте* схизматическую и еретическую римскую церковь и обратитесь въ родную

каѳолическую церковь, въ древнюю, достопочтимую, не измѣнившуюся и неизмѣнимую каѳолическую церковь,—въ ту церковь, которая въ первое тысящелѣтіе обнимала весь міръ.

VII.

Оставьте римскую церковь,—оставьте *теперь же!* „Но (скажете вы) кудажъ намъ идти? Протестантами мы не можемъ быть, потому что они низпровергли каѳолическое основаніе непогрѣшимой церкви, и библію, заключающую въ себѣ столь много смысловъ, какъ яблоко раздора, разбрасываютъ по всему христіанскому міру. Вольными или независимыми церковниками (Freikirchler), которые отвергаютъ и уничтожаютъ всякое христіанство, даже всякую религію,—и въ самомъ ихъ корнѣ, еще меньше того мы можемъ сдѣлаться.“

„Къ кому же идемъ?“—Идите въ церковь св. Кипріана, Амвросія, Августина, Іеронима, Льва, Григорія Великаго. Идите въ *западную каѳолическую церковь*, въ томъ ея видѣ, какъ она была *едино съ Восточною каѳолическою церковію*,—т. е., когда она исповѣдывала одно и тоже православное ученіе, и составляла собою ту *единую каѳолическую церковь*, которую основалъ нашъ Спаситель, которую столь геройски защищалъ великій Фотій отъ папскихъ на нее нападеній, и союзъ съ которой такъ злобно расторгъ папа Николай первый. Это тотъ самый папа, который—первый—основалъ свое безъусловное папское главенство надъ всею церковію на всему свѣту извѣстныхъ—ложныхъ Исидоровыхъ декреталіяхъ, подложность которыхъ признаютъ

даже самые грубые, невѣжественные паписты (¹). Вотъ гдѣ начало того *новаго, не-каѳолическаго папства*, которое отвергаетъ православная церковь. Прежніе папы не знали подобнаго папства. Папа былъ каноническимъ примасомъ между епископами, также какъ патріархъ константинопольскій канонически былъ вторымъ по своему положенію. Папа былъ только первымъ братомъ между многими собратіями. Если бы святые папы Левъ и Григорій Великій снова возвратились сюда; то они не обратились бы болѣе къ Риму, они стали бы смотрѣть на Пія IX, какъ на отщепенца, а патріарха константинопольскаго Григорія привѣтствовали бы, какъ брата.

VIII.

„Но гдѣ же эта *западная православно-каѳолическая церковь*, къ которой принадлежали западные святые отцы и которая существовала до самой римской схиз-

---

(¹) Римляне утверждаютъ, что большая часть этихъ декреталій дѣйствительно—псевдографъ, т. е. приписываются—де неизвѣстнымъ писателямъ и временамъ; но по содержанію—де они были только выраженіемъ тогдашнихъ отношеній. Отъ того — де эти декреталіи *formaliter* были *апокрифическими*, а *materialiter* право—правными. Но—спросимъ мы всякаго читателя, любящаго истину и чуждаго предубѣжденія,—не странно ли правое дѣло прикрывать ложнымъ именемъ? Если тѣ декреталіи принимались, за чѣмъ же давать имъ ложное имя? Такая поддѣлка обыкновенно тамъ имѣетъ мѣсто, гдѣ хотятъ фальшивую монету выдать за настоящую. Если бы эти декреталіи имѣли безукоризненный и каноническій характеръ, то ужъ конечно не стали бы облекать ихъ въ одежду лжи; но такъ какъ въ основаніи лже-исидоровыхъ декреталій лежала большая ложь относительно мнимаго папскаго главенства, то одежду лжи и нашли очень пригодною къ лицу лжи: папство, столько разъ измышлявшее и искажавшее разныя писанія, и здѣсь осталось себѣ вѣрно. Срав. James, on the corruptions of Scripture, Councils, and Fathers for the maintenance of Popery. Revised edition by the Rev. S. E. Cox. London, S. W. Parker, 1843.

мы?“—Отвѣтъ: папы *уничтожили* ее, а наша обязанность *возстановить* ее. На это-то дѣло мы васъ и вызываемъ. Осуществить на дѣлѣ то, о чемъ такъ часто слышатся только одни слова! Поспѣшимъ—каждый, съ чѣмъ можетъ —для возстановленія распавшагося святилища и будемъ просить восточную православно-каѳолическую церковь, которая такъ вѣрна осталась каѳолической истинѣ, принять насъ въ общеніе съ собою и явить намъ помощь свою въ возсозданіи нашей церкви. Мы принимаемъ все чистое православное ученіе и святые каноны семи вселенскихъ соборовъ и отрекаемся отъ всѣхъ лжеученій и злоупотребленій, отъ которыхъ отрекается православная церковь. Это наше основаніе. На этомъ основаніи *приметъ* и *должна* насъ принять въ общеніе съ собою православная церковь. Съ нашей стороны это первый и самый необходимый шагъ; ибо что мы можемъ предначать безъ церкви и безъ таинствъ?

IX.

Наша западная православно-каѳолическая церковь имѣетъ удержать свой до-схизматическій характеръ, и слѣд. удержать тѣ обычаи и обряды, тѣ молитвы и службы и т. д., которые римская церковь сохранила въ чистотѣ; никакихъ произвольныхъ перемѣнъ мы не предпримемъ, иначе западный характеръ нашей церкви отъ того не мало можетъ пострадать. Восточная православная церковь требуетъ отъ насъ только православія, а не отреченія отъ нашего западнаго образа существованія (Wesen und character). Мы не можемъ сдѣлаться восточными; такъ же какъ русскій не можетъ сдѣлаться

французомъ или французъ нѣмцемъ. Еще въ началѣ церкви провидѣніе Божіе попустило равно и Западу и Востоку существовать и жить свойственною имъ жизнію; кто жъ дерзновенно отважится измѣнить дѣло Божіе? *Западная православная церковь имѣетъ полнѣйшее право требовать себѣ отдѣльнаго существованія и восточная церковь не будетъ у ней оспаривать это право или отказывать ей въ томъ.*

I.

Если же теперь западная православная церковь, *во внѣшнемъ ея проявленіи*, мало будетъ отличаться отъ римской церкви, то внутренній ея характеръ, напротивъ, будетъ очень отличенъ отъ характера римской церкви; потому что

1) мы отрекаемся отъ новѣйшаго папства и всего, что держится на немъ;

2) мы отрекаемся отъ ученія объ индульгенціяхъ, какъ отъ папскаго вымысла;

3) мы не допускаемъ неканоническаго принужденія духовныхъ къ безбрачію и позволяемъ поступающимъ въ духовное званіе вступать въ бракъ, только прежде рукоположенія;

4) мы отвергаемъ чистилище, въ смыслѣ матеріальнаго или вещественнаго огня, хотя принимаемъ среднее состояніе по смерти, въ которомъ пожившіе праведно, но еще не совсѣмъ очистившіеся (noch mit Flecken behafteten), вкушаютъ благословенные плоды молитвъ и добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ за нихъ вѣрными;

5) мы отвергаемъ употребленіе изваяній и статувъ церкви и допускаемъ только иконы;

6) мы учимъ, что крещеніе должно совершать посредствомъ троекратнаго погруженія въ водѣ;

7) мы учимъ, что за крещеніемъ непосредственно должно слѣдовать муропомазаніе и что сіе послѣднее дѣйственно можетъ совершать и священникъ;

8) мы учимъ, что и мірянъ должно пріобщать подъ двумя видами; и

9) что должно совершать св. таинство на квасномъ хлѣбѣ;

10) мы признаемъ только одинъ Бенедиктинскій орденъ, который существовалъ еще до схизмы и имѣлъ истинно православно-каѳолическій характеръ;

11) святыхъ канонизованыхъ римской церковію уже послѣ схизмы мы вовсе не признаемъ;

12) мы учимъ, что національныя церкви (нѣмецкая, французская, англійская, богемская и т. д.) имѣютъ полное право существовать въ семъ видѣ; что онѣ независимы, но утверждаются на общемъ неизмѣнномъ православномъ основаніи и находятся въ открытомъ общеніи съ константинопольскимъ патріархомъ и другими вселенскими патріархами;

13) мы учимъ, что богослуженіе должно быть совершаемо на языкѣ того народа, для котораго оно совершается; мы учимъ, что

14) римская церковь не тамъ предписываетъ возносить святые Дары и имъ покланяться, гдѣ слѣдовало бы, т. е. не тотчасъ же по произнесеніи словъ Спасителя—„Пріимите и пр. Пійте и пр.“; потому что освященіе ихъ совершается только по призваніи Святаго Духа. Такъ какъ сіе призываніе Св. Духа (Epiklesis)

искажено въ римскомъ служебникѣ, то мы можемъ восполнить его по Мозарабскому служебнику, въ которомъ оно осталось въ православномъ видѣ;

15) мы отвергаемъ ложное ученіе римской церкви объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца *и отъ Сына* (Filioque), и учимъ, что Онъ исходитъ *тожмо отъ Отца;*

16) мы учимъ, что спасительно преподавать и неполновозрастнымъ св. Причащеніе;

17) мы учимъ, что таинство св. Елеосвященія не должно отлагать до конца жизни: во всякой болѣзни оно можетъ быть пріемлемо спасительно;

18) всего благопотребнѣе дѣло исповѣди предоставить брачному духовенству;

19) римскаго ученія о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы Маріи мы не можемъ принимать за догматъ, потому что не находимъ для сего основанія въ преданіи;

20) мы отвергаемъ всякое насиліе и слѣд. тѣлесное наказаніе въ дѣлахъ или упражненіяхъ чисто духовныхъ;

21) мы признаемъ православно-каѳолическую церковь, какъ *единственное и исключительное*, Самимъ Христомъ основанное учрежденіе для спасенія міра;

22) мы не одобряемъ смѣшанныхъ браковъ, и считаемъ долгомъ требовать, чтобы дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ воспитывались въ православной церкви;

23) церковь наша строго имѣетъ удерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла и покоряется всякой отъ Бога установленной власти, памятуя слова Христовы: „царство мое нѣсть отъ міра сего".— Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ пункты разности, которыми наша церковь отличается отъ церкви римской. Тѣ, которые желаютъ знать о томъ въ большей подробности, именно о нашемъ положеніи въ отношеніи

къ Папизму (Iезуитизму) и Протестантизму, могутъ найти то въ нашемъ трудѣ, подъ заглавiемъ: „Die orthodoxe katholische Anschauung, von Dr. S. S. Overbeck, Halle as. Verlag von H. W. Schmidt, 1865“ (1), — и въ подобномъ же трудѣ, на англiйскомъ, подъ заглавiемъ: „Catholic orthodoxy and anglocatholicism, by Dr. J. J. Overbeck, London, N. Trübner & C°, 60, Paternoster Row, 1866“, и, наконецъ, въ издаваемомъ нами—„The orthodox Catholic Review“, ibidem.

XI.

Послѣ всѣхъ этихъ вышеприведенныхъ замѣчанiй мы ближе обращаемся теперь къ практическому разрѣшенiю нашего вопроса, т. е. мы спрашиваемъ теперь: *какъ же за дѣло взяться, чтобы осуществить предполагаемое возсозданiе западной православно-каѳолической церкви,—осуществить съ изволенiя на то Восточной ея сестры, и осуществить въ наиболѣе краткiй перiодъ времени?* — Какъ то̀ могутъ видѣть изъ вышеуказанныхъ нами сочиненiй, мы много размышляли о семъ дѣлѣ, разбирали его со всѣхъ сторонъ, много разъ относились съ нимъ и къ Россiи и къ Грецiи, и, послѣ четырехлѣтняго зрѣлаго и всестороннаго обсужденiя его, пришли къ убѣжденiю, что единственный практическiй и православный путь есть слѣдующiй: взгляды и желанiя наши высказать въ нарочитомъ общемъ *Прошенiи* на имя Святѣйшаго Сунода Россiйской церкви и, за тѣмъ, просить оный о принятiи насъ въ церковное съ

(1) Это сочиненiе Доктора Богословiя и Философiи Овербека, переведено и издано въ Вильнѣ, 1867 г. *Ред.*

нимъ общеніе, на несомнѣнно православномъ нашемъ основаніи. Прошеніе это и имѣется уже, какъ въ русскомъ, такъ и въ греческомъ переводѣ. Англійскій же оригиналъ этого прошенія находится въ „Büreau of the orthodox Catholic Review“, 60, Paternoster, Row, и будетъ тамъ находиться для желающихъ подписаться къ нему.

Теперь нѣчто въ объясненіе того, почему мы избрали именно Святѣйшій Россійскій Сунодъ по дѣлу искомаго нами единенія. Россія, по волѣ самого Провидѣнія, поставлена, такъ сказать, въ видѣ связующаго члена между Востокомъ и Западомъ; потому-то она всего лучше можетъ и понять и оцѣнить насъ, и слѣд. съ наиболѣе живымъ участіемъ отнестись къ намъ. Наконецъ, путь, лежащій черезъ С.-Петербургъ въ Константинополь, для насъ короче, чѣмъ путь черезъ Константинополь въ С.-Петербургъ.—До политики намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

XII.

Здѣсь помѣщено то самое Прошеніе, о которомъ говорится въ предъидущемъ §.

XIII.

„Но (скажутъ) достигнемъ ли мы этимъ путемъ нашей цѣли?“ Отвѣчаемъ: Если Римская церковь могла образовать Уніатскую Греческую церковь, почему же Православная—церковь не могла бы воззвать къ жизни Уніатскую Западную церковь? „Но (могутъ продолжить)

по сердцу ли будетъ подобный планъ Православной церкви?“ Подождемъ, что она скажетъ. Съ своей же стороны поспѣшимъ исполнить *нашу обязанность*, т. е. будемъ просить церковнаго съ нея общенія на православномъ основаніи: сомнѣнія нѣтъ, что и Она сдѣлаетъ тогда *свой долгъ*, а именно—признаетъ наше православіе. „Но (скажутъ дальше) подготовительныя работы къ основанію Православной Западной церкви потребуютъ такъ много времени, что пройдутъ цѣлые генераціи, прежде чѣмъ устроится таковая церковь. При чемъ мы тутъ останемся? ужели все время и жить и умереть безъ утѣшенія?“ На это мы даемъ слѣдующій отвѣтъ.

XIV.

Все зависитъ отъ того, какъ приняться за дѣло, т. е. за построеніе Православной Западной церкви. Пересмотръ Западной Литургіи и церковныхъ службъ долженъ имѣть видъ не антикварнаго или историко-критическаго изслѣдованія; довольно и того, если учрежденная Православною церковію коммиссія разсмотритъ и рѣшитъ, не содержится ли чего въ предложенной ей Литургіи и прочихъ церковныхъ службахъ, что можетъ быть противно православному ученію. Это, какъ видите, не продолжительный процессъ. Но и при этомъ процессѣ, естественно, пройдетъ больше времени, чѣмъ желалось бы; потому что пересмотръ Missale, Sacramentarium, Rituale и Breviarium потребуетъ довольно продолжительнаго труда. Къ счастію, намъ нѣтъ нужды выжидать той поры, когда вся эта работа кончится: Западная Православная церковь можетъ начать свою

жизнь, въ слѣдъ за тѣмъ, какъ скоро будетъ разсмотрѣна и одобрена наша Литургія. Для сей цѣли не потребуется даже разсматривать и всю Missale, а только такъ называемый „Ordo Missae"…. Что до совершенія прочихъ таинствъ, то онѣ могли бы совершаться для насъ въ греческой или россійской здѣсь церкви. Вообще же мы полагаемъ, что родъ и способъ совершенія таинствъ крещенія и мνропомазанія должно намъ заимствовать отъ Восточной церкви.

XV.

На всякой случай мы уже изготовили „Ordo Missae" въ православномъ смыслѣ, и хоть сейчасъ же готовы повергнуть его на разсмотрѣніе Духовныхъ властей.

XVI.

Желать только надобно,—такъ какъ это составляетъ для насъ жизненный вопросъ,—чтобы духовныя власти Восточной церкви не укоснили подать намъ руку помощи: жатва собирается, пока время есть и пока солнце свѣтитъ.

XVII.

Еще нѣчто Восточнымъ моимъ собратіямъ, или лучше тѣмъ изъ нихъ, которые говорятъ: „никакого дѣла намъ нѣтъ до Западной церкви. Кто хочетъ быть православнымъ, тотъ пусть будетъ православнымъ по восточному". Тѣ, которые такъ говорятъ, совершенно за-

бываютъ, что не другой кто, а сами Апостолы основали и Восточную и Западную церковь; что мы Западные такое же имѣемъ право на существованіе наше, какъ и Восточные; что мы никогда не можемъ сдѣлаться настоящими Восточными, потому что нельзя же отречься отъ своей природы. Попытайтесь,—и вы увидите, что, тогда какъ въ Восточную церковь будутъ переходить единицами или десятками, въ Западную православную церковь потекутъ тысящами, потому что она болѣе отвѣчаетъ ихъ Западной природѣ и ихъ Западному настроенію. А сверхъ того, что вамъ пользы въ томъ, что вы сдѣлаете насъ не полными, не настоящими Восточными? Не Востокъ или Западъ насъ спасаетъ, а спасаетъ православіе, которое не стѣсняется никакими предѣлами земли. Если вы возбраните намъ быть Западными—Православными, то вы поступите малодушнѣе и неуступчивѣе самихъ папистовъ, которые не оспориваютъ у Восточныхъ принадлежащаго имъ права—сохранять свой обрядъ. Если вы возбраните намъ быть православными по западному, то на васъ падетъ вся вина, что тысячи ринутся въ протестантизмъ, ринутся потому именно, что вы незаконно обязываете ихъ отречься отъ западной ихъ природы.

XVIII.

Мы уповаемъ на Господа, уповаемъ, что наибольшему числу православныхъ дано будетъ — убѣдиться въ противномъ, что обязывать Западъ къ православному обряду не значитъ достигать законной цѣли. „Naturam si furcâ expellas, tamen usque recurret!“ Напротивъ Западная православная церковь тѣмъ крѣпче будетъ

держаться Восточной православной церкви, что у ней во всемъ свѣтѣ нѣтъ иного друга, кромѣ ея. Съ другой стороны и Восточная церковь будетъ имѣть основаніе порадоваться,—порадоваться тому, что, наконецъ, послѣ тысящелѣтней одинокой ея работы, снова явится къ ней другъ и вѣрный сподвижникъ въ вертоградѣ Господнемъ.

XIX.

Да, Восточные собратія, представьте себѣ тотъ великій, тотъ славный день, когда мы будемъ преклоняться предъ вашими престолами, а вы предъ нашими, и когда откроется торжество церковнаго общенія и единенія. Какое утѣшеніе, какую радость почувствуете вы, любезные Западные собратія, что, наконецъ, вы избавились отъ ига и тираніи папской схизмы и папской ереси, и нашли себѣ вѣрное пристанище въ Православіи! Тогда мы воспоемъ „Gloria in Excelsis“, а наши братія возгласятъ намъ свое—„Ἅγιος ὁ Θεὸς, ἅγιος ἰσχυρὸς, ἅγιος ἀθάνατος“!

XX.

Приступимъ же къ дѣлу *viribus unitis!* Богъ не оставитъ насъ своимъ благословеніемъ.

25 Октября, 1868.
32 Welbeck Str. W.
London.

Перев. Прот. Евгеній Поповъ.

МАТЕРІАЛИЗМЪ БЮХНЕРА

(окончаніе)

V.

Мы переходимъ въ нашемъ разборѣ матеріалистической системы Бюхнера къ вопросу, въ рѣшеніи котораго матеріализмъ никогда не отличался ни богатствомъ, ни глубиною и разнообразіемъ своихъ изслѣдованій,— къ вопросу о человѣческомъ духѣ. Во всѣ времена, какъ замѣчаютъ, положительное содержаніе матеріалистической психологіи отличалось крайнею бѣдностію и философствующая мысль въ этомъ направленіи не сдѣлала никогда ничего, сколько нибудь замѣчательнаго въ изслѣдованіи духовной жизни человѣка. Во всѣ времена, вся задача матеріализма въ этомъ случаѣ ограничивалась одною полемикой противъ бытія духа, какъ личной субстанціи, подборомъ никуда негодныхъ метафоръ и аналогій, построеніемъ недоказанныхъ гипотезъ и проч. (1)

(1) Medicinische Psychologie oder Phisiologie der Seele. D-r. R. H. Lötze. Leipzig. 1852 S. 30.

Но не счастливѣе ли, быть можетъ, на этотъ разъ Бюхнеръ? Положеніе его, при несомнѣнныхъ успѣхахъ современной сравнительной анатоміи и физіологіи, гораздо счастливѣе, дѣйствительно, чѣмъ положеніе предшественниковъ его на томъ же поприщѣ и должно было дать, повидимому, ему возможность располагать богатымъ запасомъ наблюденій и фактовъ, пригодныхъ для его матеріалистической доктрины. Но здѣсь-то всего яснѣе оказывается, какъ мало точная наука имѣетъ солидарности съ матеріалистическими тенденціями. Во всемъ, дѣйствительно, видно стремленіе Бюхнера—стяжать своей психологической доктринѣ право на научное достоинство, математическую точность и ясность; но въ сущности всѣ его психологическія воззрѣнія не имѣютъ также никакого другого достоинства кромѣ *полемическаго* или *отрицательнаго* — доказать вопреки дуалистическому ученію внутреннее единство человѣческой природы, полагая основаніе этого единства въ тѣлѣ. Видимая точность и осязательная ясность положеній, при внимательномъ анализѣ оказываются, говоря безъ преувеличенія, мишурными блесками, за которыми скрывается также поразительная бѣдность въ сколько нибудь здравыхъ и точныхъ воззрѣніяхъ на дѣло. Бюхнеръ впутывается во множество странныхъ гипотезъ, поспѣшныхъ заключеній, прибѣгаетъ также къ разнымъ метафорамъ и аналогіямъ, надѣясь ими замѣнить добросовѣстный научный анализъ психическихъ явленій,—анализъ, который, конечно, былъ бы не въ пользу его матеріалистическихъ выводовъ. Но обратимся къ самой полемикѣ Бюхнера противъ субстанціальности духа человѣческаго; самое дѣло яснѣе словъ

покажетъ, каково достоинство его психологическихъ принциповъ.

Душа есть продуктъ дѣятельности мозга: вотъ основное психологическое положеніе Бюхнера. Неопровержимое доказательство этого положенія Бюхнеръ, по обыкновенію всѣхъ матеріалистовъ, думаетъ прежде всего найти въ томъ, что мозгъ и психологическія явленія находятся въ самой тѣсной внутренней связи между собою, что вообще душа и тѣло человѣка развиваются, въ предѣлахъ нашего наблюденія, въ неразрывномъ единствѣ. Въ этомъ пунктѣ Бюхнеръ видитъ главнѣйшую точку опоры для своихъ матеріалистическихъ выводовъ,— и потому позаботился обставить его всѣми аргументами точной науки—сравнительной анатоміи, патологіи, физіологіи и даже химіи. „Что мозгъ есть органъ мысли, говоритъ Бюхнеръ въ главѣ „мозгъ и душа", что они находятся въ столь непосредственномъ и абсолютномъ отношеніи, что послѣдней нельзя и мыслить безъ перваго—это истина, относительно которой ни одинъ медикъ или физіологъ не можетъ имѣть никакого сомнѣнія (¹). Бюхнеръ говоритъ, что онъ и пишетъ эту главу не для медиковъ, но *для большинства общества*, для *массы*, для которой истины наукъ естественныхъ самыя простыя и ясныя составляютъ еще загадку (²). Раскрывая подробнѣе это свое положеніе, онъ ссылается на тотъ фактъ, что весь рядъ позвоночныхъ животныхъ представляетъ намъ въ восходящей и нисходящей линіи, тѣсную параллель между развитіемъ мозга и разумностію, что человѣкъ

(¹) Force et Matière, p. 106.
(²) Ibidem. p. 108.

существо высшее по своей разумной силѣ, имѣетъ и мозгъ абсолютно и относительно наибольшій; самая организація, форма и химическій составъ мозга имѣютъ также, говоритъ Бюхнеръ, сильнѣйшее вліяніе на энергію проявленія разумныхъ силъ; съ развитіемъ или атрофіею мозга развивается или атрофируется мышленіе, — и все имѣющее вліяніе на мозгъ вліяетъ и на пониманіе. Возрастъ, полъ, болѣзнь и проч. одинаково дѣйствуютъ на мозгъ и на способность мышленія. „Строгій и неоспоримый законъ, — такъ резюмируетъ самъ Бюхнеръ всѣ свои разсужденія о тѣсной связи души и мозга—научаетъ насъ, что мозгъ и душа *взаимно* обусловливаются самымъ абсолютнымъ образомъ, такъ что объемъ перваго, равно какъ его форма, его составные элементы совершенно пропорціональны интенсивности душевныхъ отправленій, — что душа существеннымъ образомъ вліяетъ на развитіе и образованіе органа, которымъ она пользуется, а самый органъ возрастаетъ въ силѣ своей дѣятельности и въ массѣ по мѣрѣ возрастанія дѣятельности умственной, точно такимъ же образомъ, какъ мускулъ растетъ и укрѣпляется чрезъ упражненіе (¹). Такъ далеко отстоитъ смыслъ собственныхъ же выводовъ Бюхнера отъ положенныхъ имъ основаній! Но всмотримся ближе въ самыя основанія: есть ли на самомъ дѣлѣ въ нихъ тотъ смыслъ, какой даетъ имъ Бюхнеръ и не объяснимы ли онѣ съ большимъ удобствомъ и научною основательностію съ точки зрѣнія спиритуализма, чѣмъ матеріализма?

Душа и тѣло, или въ частности мозгъ, находятся въ тѣсномъ единеніи между собою: это истина не оспори-

---

(¹) Ibidem. p. 123.

мая и ясная,—и со стороны Бюхнера совершенно напрасно, можно сказать, потрачены усилія на доказательства этой истины; и еще болѣе напрасно онъ думаетъ найти себѣ точку опоры въ этой неопровержимой истинѣ. Единеніе души и тѣла или ихъ взаимная зависимость есть только фактъ, который самъ прежде требуетъ объясненія съ нашей стороны, чтобы потомъ на основаніи его дѣлать какіе либо безошибочные выводы; и это объясненіе его будетъ гораздо удобнѣе и основательнѣе, безъ нарушенія самаго факта, только при другомъ взглядѣ на отношеніе между душею и тѣломъ, чѣмъ какое заранѣе имѣетъ въ виду матеріализмъ. Что̀ такое—прежде всего—значитъ видимое нами единство души и тѣла? Душа и тѣло составляютъ единство нашей личности. Недолжно спрашивать въ смыслѣ абсолютномъ, гдѣ кончается жизнь тѣла и гдѣ начинается жизнь души; тутъ нѣтъ ни начала, ни конца: человѣкъ есть душа и тѣло вмѣстѣ, во всѣхъ фактахъ нашего существованія, подлежащихъ наблюденію. Но если, тѣмъ не менѣе, въ этомъ единствѣ обнаруживаются для нашего наблюденія два начала, способныя ко взаимной борьбѣ, то странно заключать отсюда къ такому отношенію ихъ, въ которомъ уничтожается самостоятельность одного изъ нихъ и притомъ высшаго начала. Матеріализмъ въ этомъ случаѣ дѣлаетъ столь же поспѣшное заключеніе, какъ и тотъ лже-спиритуализмъ, который, смотря на душу, какъ только на сознательное существо, полагаетъ границы для ея жизни въ тѣлѣ и съ тѣломъ тамъ, гдѣ кончается сознаніе и потому представляетъ себѣ её въ отношеніи къ тѣлу живущею такою самобытною и независимою жизнію, познающею себя въ себѣ самой, что тѣло имѣетъ значе-

ніе для нея простаго механическаго орудія, къ которому она обращается, когда имѣетъ нужду въ немъ, или чтобы посредствомъ его чувствъ и членовъ дѣйствовать на внѣшній міръ, или чтобы получить объ немъ какія нибудь частныя свѣдѣнія и т. под. Въ основаніи обоихъ лежитъ, очевидно, одно и тоже заблужденіе, раздѣленное только на двѣ половины, что оба они—матеріализмъ и лже—спиритуализмъ начинаютъ, какъ говорится, дѣло съ конца, принимаютъ *сначала же как известное данное*, чтó есть душа и тѣло, — и первый, смотря на организмъ со всѣми совершающимися въ немъ функціями, какъ на нѣчто совершенно самобытное и развивающееся исключительно въ силу физико-химическихъ процессовъ, находитъ возможнымъ и даже необходимымъ, для сохраненія основнаго принципа — единства человѣческой личности — и самыя сознательныя явленія психической жизни человѣка объяснить функціями того же организма, а второй, замыкая всю жизнь души исключительно въ предѣлахъ ея сознательныхъ явленій, смотритъ на тѣло какъ на машину, и ратуя, по видимому, за бытіе души, служитъ на самомъ дѣлѣ весьма много интересамъ матеріализма. Между тѣмъ, и тотъ и другой должны были бы дѣлать свои заключенія послѣ обстоятельнаго изслѣдованія и психическихъ и физіологическихъ явленій единоличной жизни человѣка. Только это изслѣдованіе должно рѣшить, гдѣ нужно искать первоосновы всей вообще психической жизни человѣка,—въ душѣ или тѣлесномъ организмѣ? Но такъ ли поступаетъ Бюхнеръ? Такъ ли онъ ведетъ объоснованіе своей матеріалистической психологіи?

Къ исполненію этой своей задачи Бюхнеръ дѣйстви-

тельно приступаетъ, повидимому, съ нѣкоторымъ безпристрастіемъ и, если онъ болѣе щедръ въ выборѣ такихъ фактовъ, которые показываютъ тѣсную зависимость душевной жизни отъ тѣла и въ частности—мозга, доказываетъ эту зависимость, такъ сказать, до мелочей, то онъ не скрываетъ также и фактовъ противоположнаго смысла,—именно, что душа также постоянно и также сильно дѣйствуетъ и на жизнь тѣла вообще и въ частности—мозга. По приводимымъ самимъ же Бюхнеромъ фактамъ оказывается, что напр. иногда духъ господствуетъ надъ тѣломъ, вызываетъ въ немъ тѣ или другія состоянія и измѣненія, что умственный трудъ и крѣпкая сила духа производятъ спасительное вліяніе на силы и здоровье тѣла, что постоянными наблюденіями медиковъ дознано, что число стариковъ несравненно болѣе встрѣчается между учеными (1). Достаточно припомнить сдѣланный въ этомъ случаѣ самимъ же Бюхнеромъ выводъ изъ своихъ разсужденій о связи души и тѣла, что душа и тѣло, или ближайшимъ образомъ мозгъ, *взаимно обусловливаются*, что душа существеннымъ образомъ вліяетъ на развитіе и образованіе органа, которымъ она пользуется, а самый органъ возрастаетъ въ силѣ своей дѣятельности и въ массѣ по мѣрѣ возрастанія дѣятельности умственной, точно такимъ же образомъ, какъ мускулъ растетъ и укрѣпляется чрезъ упражненіе (1). Какая же внутренняя причина—естественный и неизбѣжный теперь вопросъ для наблюдателя—такого взаимнаго отношенія души и тѣла, по которому при томъ первая оказы-

(1) Force et Matière, p. 119—120.
(2) Force et Matière, p. 123.

ваетъ весьма часто могущественное вліяніе на послѣднее? Онъ непремѣнно долженъ остановиться на изслѣдованіи этой причины, если онъ хочетъ выяснить для себя, на сколько возможно, отношеніе души и тѣла, чтобы потомъ на основаніи его дѣлать тѣ или другіе выводы и объясненія другихъ, частвѣйшихъ фактовъ психической жизни. Но что же дѣлаетъ Бюхнеръ? Онъ просто отказывается отъ изслѣдованія этой внутренней причины, говоря, что изслѣдованіе ея не имѣетъ для него никакой важности; для насъ, говоритъ онъ, достаточно того доказаннаго положенія, что духъ и матерія, душа и тѣло нераздѣльны, и что оба фактора находятся въ абсолютномъ и генетическомъ отношеніи; что дуализмъ сознанія также въ этомъ случаѣ ничего не значитъ (3). Въ этомъ положеніи, взятомъ отдѣльно, еще нѣтъ, очевидно, ничего матеріалистическаго, такъ какъ имъ еще не рѣшается, что въ этой генетической связи души и тѣла стоитъ началомъ и основаніемъ, и если бы Бюхнеръ остановился на этомъ только положеніи, онъ высказалъ бы этимъ только свою безпомощность разрѣшить существующую связь души и тѣла, на основаніи своихъ наблюденій,—безпомощность, которой пособили бы своими трудами другіе, болѣе проникшіе въ тайны психо-физической жизни человѣка. Но ученая скромность и сдержанность—не въ характерѣ Бюхнера. Давая отказъ въ изслѣдованіи внутренней причины того несомнѣннаго и очевиднаго явленія, почему, въ самомъ дѣлѣ, душа и дѣло взаимно обусловливаются и притомъ весьма часто первая беретъ такой сильный перевѣсъ надъ послѣднимъ, Бюхнеръ руководствовался

(1) Ibidem. p. 134, 136.

въ этомъ случаѣ не сознаніемъ своей безпомощности пріискать настоящую правильную причину этого, а просто, какъ это и очевидно, преднамѣреннымъ нежеланіемъ самому вникнуть въ смыслъ факта, видимо говорящаго не въ его пользу, и на оборотъ, столь же преднамѣреннымъ уже желаніемъ—отвести глаза другихъ отъ этого факта, чтобы потомъ съ болѣе выгодной стороны и въ болѣе выгодномъ свѣтѣ представить другіе, пригодные для его матеріалистическихъ цѣлей. Такъ именно поступаетъ онъ, когда начинаетъ подбирать фактъ за фактомъ изъ сравнительной анатоміи, патологіи, опытовъ физіологіи и даже химіи въ доказательство того, что мозгъ и душа находятся въ тѣснѣйшемъ внутреннемъ соотношеніи между собою, что тѣ или другія измѣненія перваго сопровождаются непремѣнно измѣненіями въ отправленіяхъ послѣдней и проч.; и затѣмъ, какъ причину или основаніе этихъ фактовъ, или какъ ихъ объясненіе, выводитъ изъ нихъ то заключеніе, что душа есть продуктъ дѣятельности мозга,—продуктъ будто бы всегда въ точности соразмѣрный состоянію и дѣятельности этого фактора. Но на какомъ же основаніи—спросимъ Бюхнера,—онъ можетъ дѣлать подобное заключеніе изъ приведенныхъ имъ фактовъ и притомъ выставлять еще это заключеніе, какъ причину или основу ихъ, когда онъ самъ же, какъ мы знаемъ, въ подобномъ же случаѣ, отказался отъ пріисканія этой причины, говоря, что она не имѣетъ для него никакой важности и скромно удовольствовался простымъ признаніемъ существующей нераздѣльной связи между душою и тѣломъ? Почему же онъ не довольствуется подобнымъ же признаніемъ теперь? Очевидно, не дѣлая этого, Бюхнеръ поступаетъ въ этомъ случаѣ

крайне не научнымъ образомъ, чтобъ не сказатьболѣе. Научное ли, въ самомъ дѣлѣ, дѣло въ такомъ многосложномъ и на длинной цѣпи разнообразныхъ дѣйствующихъ причинъ и условій основывающемся процессѣ, каковъ процессъ психо-физической жизни человѣка, вырывать одинъ членъ изъ этой цѣпи и потомъ выдавать его за абсолютную дѣйствующую причину всего процесса? Въ наукѣ это называется болѣзненною односторонностію понятій, которая грозитъ, какъ справедливо замѣчаетъ въ подобномъ случаѣ Фрохшаммеръ г. Фохту, опасностію умопомѣшательства; во всякомъ случаѣ, сужденія, отсюда выходящія, не могутъ быть свободными и безпристрастными (¹). Такъ дѣйствительно мы и видимъ это у Бюхнера. Что мозгъ и нормальное состояніе его есть необходимое условіе для нормальнаго отправленія духовныхъ явленій со стороны души, какъ матеріальный органъ ея отношеній къ внѣшнему міру,—никто, конечно, никогда не думалъ и не думаетъ отрицать этого, какъ никто не отрицаетъ, что нормальное устройство и состояніе глаза есть непремѣнное условіе нормальнаго зрѣнія.—Но слѣдуетъ ли отсюда, что душа есть продуктъ физіологическихъ функцій мозга? Утверждая это, Бюхнеръ дѣлаетъ, очевидно, такое же поспѣшное и странное заключеніе, какъ если бы физикъ на томъ основаніи, что для зрѣнія и слуха безусловно необходимо извѣстное сотрясеніе свѣтоваго эеира для перваго и колебанія воздуха для второго, сдѣлалъ заключеніе, что эти физическія явленія и суть дѣйствительныя причины зрѣнія и слуха. Разсуждая по такой логикѣ Бюхнера, мы

(¹) Menschenseele und Phisiologie. D-r. S. Frochschammer. S. 9.

съ такою же основательностію можетъ сказать, что послѣдняя причина и основаніе сознанія и всей вообще психической жизни человѣка лежитъ въ *кислородѣ* атмосферы, потому, что несомнѣнный для самаго же Бюхнера фактъ составляетъ, конечно, то обстоятельство, что безъ этого газа, безъ постояннаго прилива его къ элементамъ мозга, и самый мозгъ не могъ бы совершать никакихъ физіологическихъ функцій, замеръ бы въ своей дѣятельности. Съ такимъ же удобствомъ и видимою основательностію, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ самого Бюхнера, мы могли бы поставить на мѣсто кислорода азотъ или другой какой химическій элементъ, или просто всякій кусокъ принимаемой нами пищи, такъ какъ отъ качества пищи зависитъ качество мозга, а отсюда уже простой переходъ и къ психическимъ явленіямъ. Говорилъ же, въ самомъ дѣлѣ, Фейербахъ,— достопочтенный авторитетъ Бюхнера, что человѣкъ тó есть, чтó онъ ѣстъ. Это уже безъ сомнѣнія крайній абсурдъ, выведенный изъ основаній матеріализма, тѣмъ неменѣе—абсурдъ, также логически—необходимо слѣдующій изъ него и имѣющій такое же право на признаніе за нимъ справедливости и значенія, какъ и тѣ положенія Бюхнера, что мышленіе есть движеніе элементовъ мозга или что душа есть продуктъ физіологическихъ функцій мозга; разница только, очевидно, въ большей или меньшей смѣлости выводовъ, а отнюдь не въ самыхъ принципахъ. Понять самое начало, откуда происходитъ вся эта путаница умозаключеній вообще у матеріалистовъ, какъ и въ частности у Бюхнера,— нетрудно. Наблюдая связь психическихъ явленій съ физіологическими функціями мозга, матеріализмъ (оставляемъ имя Бюхнера въ сторонѣ) думаетъ подсмотрѣть

въ этой связи или найти объясненіе, какимъ образомъ возникаетъ сознаніе и мысль въ человѣкѣ и, находя, дѣйствительно, при этомъ въ дѣятельности мозга ближайшее, дополняющее въ числѣ другихъ условіе, при которомъ совершаются эти и другія психическія явленія, воображаетъ, что онъ открылъ послѣднюю метафизическую основу ихъ. Въ силу этого воображаемаго открытія онъ превращаетъ уже условіе или зависимость двухъ явленій въ тожество,—и вотъ готово его положеніе, что душа есть продуктъ дѣятельности мозга. Но сколько важна предпринимаемая въ этомъ случаѣ задача со стороны матеріализма, столько легкомысленно и поспѣшно рѣшеніе ея. Не будемъ разочаровывать матеріалистовъ въ совершенной невозможности рѣшить подобную задачу, какъ невозможно рѣшить физику подобнаго же вопроса, какимъ образомъ возникаетъ матерія; замѣтимъ только, что въ видимой связи физіологическихъ функцій мозга съ психическими явленіями матеріализмъ находитъ именно не болѣе, какъ ближайшее дополняющее физическое условіе этихъ явленій,—какъ вообще, спрашивая о началѣ извѣстнаго явленія, мы всегда на самомъ дѣлѣ ищемъ только послѣднихъ дополняющихъ условій, при содѣйствіи которыхъ явленіе принимаетъ свою окончательную форму. Превращать же взаимную условную зависимость двухъ явленій въ ихъ тожество-совершенно не научно, потому что какъ бы далеко мы не простирали эту зависимость двухъ параллельныхъ явленій, онѣ никогда не сдѣлаются тождественными—это аксіома, вѣрность которой также не подлежитъ сомнѣнію, какъ вѣрность той математической аксіомы, что двѣ параллельныя линіи, продолженныя въ безконечность, никогда не пересѣкутъ

одна другую. Изъ всѣхъ наблюдаемыхъ нами фактовъ связи души съ мозгомъ, мы можемъ вывести только то крайнее заключеніе, что могзъ своею дѣятельностію обусловливаетъ формы психической жизни,—обусловливаетъ, какъ увидимъ при анализѣ самыхъ этихъ формъ, точно также, какъ движеніе голосовыхъ органовъ обусловливаетъ собою звуки и тоны или извѣстныя степени сотрясенія эфира—различныя цвѣта свѣта для видящаго глаза, т. е. мозгъ обусловливаетъ нашу жизнь, сознаніе и всѣ вообще психическія явленія, по скольку его дѣятельность уже напередъ имѣетъ своимъ основаніемъ, какъ *существующее данное, сознающую* и *мыслящую субстанцію или душу*, проявляющую при его посредствѣ свою дѣятельность. Такое заключеніе наше, въ сущности дѣла, нисколько не отличается, какъ очевидно, отъ собственнаго же вывода Бюхнера, что душа и мозгъ *взаимно обусловливаются*, что первый развивается подъ вліяніемъ послѣдней, точно также, какъ мускулъ развивается чрезъ упражненіе и проч. Такой выводъ Бюхнера или положительно не имѣетъ никакого смысла въ его системѣ, или дѣлая его, Бюхнеръ самъ же разрушаетъ этимъ, въ самомъ основаніи, свою матеріалистическую доктрину. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, душа могла бы объусловливать жизнь и развитіе мозга, какъ и всего тѣла, если бы она не была *нѣчто отличное* отъ того и другаго, въ самой себѣ не только имѣющее опору своей дѣятельности, но и подчиняющее этой дѣятельности бытіе и дѣятельность другаго объекта? Такой выводъ противъ матеріализма мы можемъ сдѣлать тѣмъ съ большимъ правомъ и смѣлостію, что и самая основа органической жизни, ея морфологическихъ явленій и въ особенности тѣснѣйшаго внутрен-

няго единства животныхъ организмовъ и человѣческаго организма въ особенности лежитъ, какъ мы видѣли при разборѣ этихъ явленій, по ту сторону всякой механико-химической комбинаціи элементовъ, что всѣ тщательныя физіологическія наблюденія и разныя проявленія психической жизни несомнѣнно удостовѣряютъ, что таже душа, которая на высшей ступени своего развитія сознательнымъ образомъ дѣйствуетъ для поддержанія и образованія организма, въ самомъ началѣ существованія человѣка, во время своего безсознательнаго состоянія, развиваетъ свой тѣлесный организмъ, какъ будущее орудіе своей дѣятельности. Отсюда совершенно естественною и понятною становится и зависимость души отъ тѣла. Тѣло не есть только механическое орудіе души, которымъ она распоряжается по своему произволу, не подчиняясь его вліянію; напротивъ, оно есть существенное условіе обнаруженій ея духовной жизни, соединеніе ихъ есть соединеніе глубокое, внутреннее; всѣ наши способности, чтобы дѣйствовать, имѣютъ нужду въ органахъ и находятся подъ ихъ вліяніемъ. Напрасно, такимъ образомъ, нѣкоторые огорчаются изслѣдованіями физіологіи, какъ будто она можетъ ослабить основу духовнаго порядка, открывая дѣйствіе матеріи на духъ, — разумѣется не въ такой степени, какъ это воображаетъ себѣ матеріализмъ,—но также, еще болѣе напрасно матеріализмъ думаетъ видѣть въ этомъ опору своей доктринѣ. Что возрастъ, полъ, болѣзни, разныя патологическія измѣненія мозга и вообще все имѣющее вліяніе на мозгъ вліяетъ и на психическую жизнь,—все это объясняется простымъ и извѣстнымъ всякому, самому тупому уму, понятіемъ зависимости души отъ тѣла,—зависимости, основываю-

щейся на тожествѣ или единствѣ личности человѣка, а не на томъ, чтобы душа была продуктомъ органическихъ функцій, какъ проповѣдуетъ Бюхнеръ. Пусть же поймутъ, наконецъ, матеріалисты ту простую истину, что зависимость души отъ тѣла или точнѣе, ихъ взаимная зависимость—есть фактъ, требующій объясненія, а не объясненіе факта.

Такъ же не состоятельны и частнѣйшіе доводы Бюхнера, приводимые имъ въ доказательство причинной, генетической зависимости психическихъ явленій отъ мозга. Во всемъ видна та же поспѣшность умозаключеній и та же страсть—представлять все въ преувеличенномъ видѣ, которыми Бюхнеръ отличается во всей своей системѣ. „Весь рядъ позвоночныхъ животныхъ, говоритъ Бюхнеръ, представляетъ намъ въ восходящей и нисходящей линіи тѣсную параллель между развитіемъ мозга и разумностію, такъ что человѣкъ, существо высшее по своей разумной силѣ, имѣетъ и мозгъ и абсолютно и относительно наибольшій“. Въ этомъ фактѣ сравнительной анатоміи Бюхнеръ видитъ могущественное доказательство, что душа есть продуктъ дѣятельности мозга. Но прежде вывода этого слѣдствія Бюхнеру нужно было бы еще доказать, что мозгъ есть *единственный органъ* духовной дѣятельности. Бюхнеръ вообще держится того физіологическаго положенія, что мозгъ есть единственное и исключительное сѣдалище души, всякаго рода ощущеній и чувствъ (¹), а между тѣмъ современная физіологія и сравнительная анатомія, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, положительно доказываетъ, что это есть только глубоко укорененный

(¹) Force et Matière, p. 142.

предразсудокъ, не имѣющій для себя основаній ни въ опытахъ первой, ни въ данныхъ—второй (¹). На сравнительную анатомію постоянно ссылаются, дѣйствительно, когда ея данныя могутъ служить доводами въ пользу положенія, что головной мозгъ есть единственное сѣдалище сознанія и ощущенія; но ее спокойно оставляютъ безъ вниманія, когда она прямо противорѣчитъ этому мнѣнію. „Допустимъ безъ оговорокъ, говоритъ Льюисъ, что обзоръ классовъ позвоночныхъ животныхъ обнаруживаетъ замѣчательное соотвѣтствіе между объемомъ и развитіемъ мозга и между силою и разнообразіемъ умственныхъ отправленій, хотя свѣдущій анатомъ могъ бы указать намъ при этомъ на многіе затруднительные случаи: но спрашивается, что̀ намъ дѣлать съ фактомъ, что множество животныхъ обнаруживающихъ ощущеніе и волю, вовсе не имѣютъ головного мозга, что даже между рыбами мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, одну, у которой нѣтъ и слѣдовъ его (и зоологи могутъ открыть ихъ и болѣе), такъ что мы должны или признать, что Amphioxus и всѣ безпозвоночные суть чистыя машины, безъ всякаго ощущенія, безъ всякой сознательности, или мы должны допустить, что сознательность возможна и безъ того органа, который выдаютъ за ея исключительное сѣдалище (²). По этому, мнѣ кажется, заключаетъ англійскій физіологъ, что сравнительная анатомія рѣшительно противорѣчитъ мнѣнію, будто мозгъ или другая какая либо условная масса есть исключительный органъ чувствительности или

(¹) Volkman, „über Nervenphisiologie mathmofsliche Disposition des Nervensystems“ (Handwörterbuch der Phisiolog. R. Wagners. Bd. II S. 508—514 Ср. физіологія обыденной жизни. Соч. Г. Льюиса, т. II гл. XV.

(²) Физіол. обыд. жизни. Соч. Льюиса т. II, стр. 76.

сознательности, къ тому же заключенію ведутъ, по изслѣдованію Льюиса, и всѣ физіологическія опыты и наблюденія (1). Положеніе Бюхнера, такимъ образомъ, что психическая жизнь есть продуктъ дѣятельности мозга теряетъ самую физіологическую основу для себя. Но допустимъ, что цѣлый мозгъ или какая нибудь часть его могутъ быть исключительнымъ органомъ ощущенія, сознанія и всей вообще психической жизни: выигрываетъ ли чрезъ это что-нибудь матеріализмъ? Опять прежде допущенія положенія, что измѣненія мысли пропорціональны или соотвѣтственны измѣненіямъ мозга, нужно было бы сперва потрудиться опредѣленно узнать отъ какого именно обстоятельства въ мозгѣ зависитъ фактъ мышленія? Между тѣмъ этого-то ни самъ Бюхнеръ не опредѣляетъ и едвали другой кто-нибудь изъ матеріалистовъ возмется опредѣлить (2). Бюхнеръ, какъ мы видѣли, ссылается при этомъ то на объемъ и вѣсъ мозга, то на форму, число, глубину мозговыхъ извивовъ, то, наконецъ, на химическій составъ его; но ни всѣ вмѣстѣ, ни каждое въ отдѣльности изъ этихъ указаній не выдерживаетъ сколько нибудь безпристрастнаго анализа. Нечего и говорить, что ссылаться вдругъ на всѣ эти обстоятельства мозговой субстанціи въ объясненіе производимыхъ будто бы имъ психическихъ явленій,—значитъ, говоря прямо, уклоняться отъ точнаго дознанія дѣла. Но можно ли и въ частности на которое нибудь изъ нихъ указывать, какъ на дѣйствительный существенный факторъ душевныхъ явленій? И прежде всего,—объемъ и вѣсъ мозга нисколько не мо-

---

(1) Тамъ же,—стр. 80.
(2) Leib und Seele. S. Schaller. Weimar. 1858 S. 10—11.

гутъ служить какимъ нибудь вѣрнымъ масштабомъ для сравнительной анатоміи, при измѣреніи степени силы и энергіи духовныхъ явленій; въ этомъ сознается и самъ Бюхнеръ въ одной изъ частныхъ своихъ статей, говоря что мозговая масса и степень разумности у человѣка и животныхъ стоятъ совершенно не въ прямомъ отношеніи другъ къ другу ([1]). Правда, Бюхнеръ объясняетъ это тѣмъ, что мозгъ есть центральный органъ не для однихъ только духовныхъ отправленій, но и для движенія и что въ основаніи мозга лежатъ многія части, совершенно не имѣющія никакого отношенія съ разумностію ([2]) и этимъ объясненіемъ думаетъ защитить видимое соотношеніе мозга съ разумностію, — но это объясненіе, совершенно справедливое физіологически, на самомъ дѣлѣ только еще болѣе убѣждаетъ, что объемъ и вѣсъ мозга, увеличивающагося въ постепенной градаціи позвоночныхъ животныхъ, отнюдь не могутъ служить основаніемъ для того вывода, что большая или меньшая степень силы психическихъ разумныхъ явленій зависитъ отъ этой стороны мозговой субстанціи. По крайней мѣрѣ, вопреки увѣреніямъ Бюхнера, человѣкъ, существо высшее по своей духовной силѣ, на самомъ дѣлѣ имѣетъ мозгъ и абсолютно и относительно, примѣнительно ко всей его организаціи, отнюдь не большій чѣмъ у другихъ животныхъ: такъ свидѣтельствуетъ самъ г. Фохтъ ([3]). Что касается числа, глубины и извилинъ мозговыхъ извивовъ, то и съ этой

([1]) Aus Natur und Wissenschaft. Studien, Kritiken und Abhandlungen D-r. L. Büchner S. 292.

([2]) Ibidem. S. 293.

([3]) „Человѣкъ". Мѣсто его въ міроздaніи и въ исторіи земли. Лек. К. Фохта, пер. Кашина, Спб. 1865 г. стр. 73—74.

стороны матеріализмъ имѣетъ еще менѣе научныхъ доказательствъ въ пользу своего положенія. Такъ, по наблюденіямъ Камилль Дареста, число и глубина этихъ извивовъ вовсе не имѣютъ постояннаго отношенія къ напряженности умственной дѣятельности у животныхъ (1). Льюисъ рѣшительно возстаетъ противъ этого мнѣнія— приписывать степень разума, которою обладаетъ человѣкъ или животное, количеству и глубинѣ мозговыхъ извивовъ. Это мнѣніе, говоритъ онъ, сдѣлалось столь популярнымъ, что я, быть можетъ, возбужу удивленіе, утверждая, что оно *лишено всякаго научнаго основанія*. Вопервыхъ, по этому воззрѣнію умственная дѣятельность, которая безъ сомнѣнія есть *отправленіе*, становится простымъ *свойствомъ*, независимымъ отъ анатомическихъ соотношеній, а допустить это было бы очень ненаучно. Во вторыхъ, хотя количество сѣраго вещества (извивы мозга наполняетъ сѣрое вещество) и можетъ опредѣлять количество развивающейся силы, оно не можетъ служить мѣриломъ для достоинства отправленій. Въ третьихъ, точныя измѣренія доказываютъ, что это мнѣніе вовсе лишено прочнаго фактическаго основанія. Г. Бальярже, указываетъ Льюисъ, произвелъ рядъ тщательныхъ измѣреній, изъ которыхъ явствуетъ, что съ умноженіемъ сѣраго вещества не усиливается умственная дѣятельность, а напротивъ того усиливается съ умноженіемъ бѣлаго вещества (2). Такимъ образомъ, число и глубина извивовъ, равно какъ съ тѣмъ вмѣстѣ и количество самой сѣрой субстанціи, на большее или меньшее количество которой Бюхнеръ особенно указы-

(1) Физіологія обыд. жизни. Соч. Льюиса, т. II, стр. 82.

(2) Тамъ же, стр. 82; ср. Nachrichten v. d. Universität zu Göttingen, 1860, № 7.

ваетъ, какъ на непремѣнное химическое условіе большей или меньшей степени разумности, совершенно не представляють собою, по точнымъ изслѣдованіямъ физіологіи, ничего твердо опредѣленнаго по отношенію къ явленіямъ психической жизни, что давало бы не только право сказать, какъ говоритъ Бюхнеръ, что эти явленія состоятъ въ причинной, генетической связи съ ними, но даже и ставить въ болѣе или менѣе близкую параллель эти морфологическія и химическія особенности мозговой субстанціи съ этими явленіями, какъ матеріальное условіе развитія ихъ. Такъ осторожно, замѣтимъ кстати, нужно довѣрять Бюхнеру, относительно самыхъ, приводимыхъ имъ, физіологическихъ положеній — хотя физіологія и была, кажется, предметомъ его профессіи. Бюхнеръ, впрочемъ, утѣшаетъ себя и своихъ читателей, что видимыя нами пробѣлы между самыми положеніями матеріализма и ихъ оправданіемъ на дѣлѣ, исключенія, при этомъ встрѣчающіяся и проч. основываются только на недостаточности нашихъ познаній относительно тончайшей, микроскопической анатоміи мозга какъ въ здоровомъ, такъ и въ болѣзненномъ его положеніи и что, стало быть, будущія болѣе обстоятельныя анатомическія и химическія изслѣдованія докажутъ несомнѣнно точный параллелизмъ между организаціею мозга и жизнію души (¹). На это замѣтимъ, что съ какими бы точнѣйшими особенностями устройства мозговой субстанціи, химическими и морфологическими, ни познакомили насъ будущія изслѣдованія анатомовъ и физіологовъ, безконечное, неизмѣримое разстояніе между физіологическими функціями его и психиче-

(¹) Aus Natur und Wissenschaft, S. 293.

сными явленіями не сократится для насъ ни на одну іоту; никогда, никакой анализъ нерва, говоритъ Льюисъ, не прольетъ свѣта на чувствительность ([1]); матерія всегда останется матеріею; самыя микроскопическіе элементы дѣятельности мозга также будутъ не похожи на чувствительность, на радость или глупость, какъ и его большія массы. Напрасно также Бюхнеръ питаетъ надежду, что, можетъ быть, и психическую дѣятельность мозга можно будетъ объяснить посредствомъ *электричества*, обнаруживающагося, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, въ нервахъ,—что чрезъ ближайшее изслѣдованіе доколѣ не извѣстной намъ природы этой силы для насъ объяснится и истинная природа психическихъ функцій. Вообще уже ссылаться на наше невѣденіе того или другаго, скажемъ словами А. Вебера—чтобы такимъ образомъ дать подпору чему-нибудь совершенно не мыслимому или прямо безсмысленному, есть столь не достойный аргументъ, что имъ можно оправдать все, хотя бы самое нелѣпое; разсуждая по такой логикѣ, можно вѣрить, пожалуй, что и люди могутъ дѣйствительно ворожить, а столы предсказывать такъ какъ намъ доколѣ еще неизвѣстно, какъ далеко могутъ простираться въ своей дѣятельности естественныя силы природы. А главное—если мы дѣйствительно не знаемъ, какъ говоритъ Бюхнеръ, самой природы силы электричества, какъ и другихъ силъ, то границы дѣятельности ея намъ почти въ точности извѣстны, и потому не можемъ приписывать ей такія невозможныя для нея явленія, какъ явленія психическія. Такимъ образомъ, еслибы даже матеріализму удалось доказать, что

([1]) Физіологія обыд. жизни, т. II, стр. 49.

мозгъ есть единственный и исключительный органъ душевной дѣятельности,—что тѣ или другія измѣненія его пропорціональны или соотвѣтственны измѣненіямъ мысли и сознанія, онъ не выиграетъ чрезъ это ничего. Собственно генетической причинной связи между этими измѣненіями мозга и сознанія онъ не можетъ доказать никогда, и это понятно; потому что измѣненія мысли и сознанія мы наблюдаемъ чрезъ внутренній опытъ и наблюдаемъ не какъ измѣненія мозга, но какъ нѣчто совершенно другое,—поколику оно отражается въ разныхъ представленіяхъ и понятіяхъ, составляющихъ содержаніе нашей мысли и сознанія. Съ другой стороны, достаточно предположить, что мозгъ есть условіе мышленія, не будучи его причиною, для того, чтобы всѣ упомянутые факты, относящіеся къ организаціи мозга и ихъ отношенію къ мысли, получили гораздо болѣе основательное и понятное значеніе, чѣмъ какое хочетъ придавать имъ матеріализмъ, поставляя мозгъ факторомъ мышленія. Несомнѣнный психологическій фактъ составляетъ то обстоятельство, что человѣческое мышленіе, въ настоящихъ условіяхъ жизни человѣка, таково по своему свойству, что оно не можетъ совершаться безъ ощущеній, образовъ и знаковъ, получаемыхъ отъ внѣшняго міра; по сему, естественно необходима, съ одной стороны, нервная система, для того что бы сдѣлать возможнымъ для души не матеріальной получать разныя ощущенія, образы и знаки изъ міра матеріальнаго; съ другой — необходимъ также нервный центръ или мозгъ для сосредоточенія этихъ психическихъ отправленій. При такомъ пониманіи, мозгъ является и необходимымъ условіемъ души въ ея отношеніи къ тѣлу и внѣшнему міру и необходимымъ органомъ для тѣхъ

образовъ и знаковъ, безъ которыхъ невозможно совершающееся подъ формами пространства и времени мышленіе ума человѣческаго. Понятнымъ становится отсюда также и то, что, точно также какъ поврежденіе органа зрѣнія лишаетъ насъ возможности одного изъ богатѣйшихъ источниковъ нашихъ познаній о внѣшнемъ мірѣ, то или другое поврежденіе цѣлаго мозга или какой либо его части должно естественно сопровождаться также для души потерею возможности совершать безпрепятственно, въ полной интенсивности и цѣлости, свое мышленіе и всю вообще психическую жизнь. Чѣмъ же— ссылаемся на здравый смыслъ всякаго—подобное пониманіе отношенія мозга къ дѣятельности души менѣе основательно, или менѣе соотвѣтствуетъ точнымъ наблюденіямъ психологіи, чѣмъ положеніе Бюхнера, будто душа есть продуктъ дѣятельности мозга? Напротивъ, какъ показываетъ дѣло, такое положеніе Бюхнера остается не только ничѣмъ не основаннымъ, фантастическимъ положеніемъ, но и прямо, какъ увидимъ, противорѣчитъ всѣмъ даннымъ внутренняго опыта, тогда какъ высказанное нами пониманіе отношенія души и мозга, вытекая строго изъ самыхъ этихъ данныхъ, остается съ тѣмъ вмѣстѣ въ полномъ согласіи и съ сравнительною анатоміей и физіологіей, на сколько только данныя той и другой изъ нихъ могутъ служить основаніемъ къ заключенію о душѣ.

Не будемъ долго останавливаться на другихъ менѣе важныхъ и заслуживающихъ вниманія возраженіяхъ Бюхнера противъ бытія субстанціальнаго духа человѣческаго; каковы напр., возраженія, основанныя на извѣстныхъ опытахъ Флурана, вырѣзывавшаго мозгъ у куръ и голубей и такимъ образомъ, по выраженію

Бюхнера, отдѣлявшаго скальпелемъ ихъ душу по частямъ,—на анатоміи мозга въ его патологическомъ состояніи,—на ослабленіи памяти и вообще энергіи духовныхъ силъ человѣка въ старости и проч. (¹). Всѣ эти опыты и наблюденія столь неопредѣленны, условны, непостоянны, что при выводахъ изъ нихъ необходима, какъ замѣчаетъ Льюисъ, крайняя осторожность (²). „Мнѣ кажется, говоритъ Льюисъ объ опытахъ Флурана и о подобныхъ же опытахъ Лонже,—что здѣсь совершенно невѣрно понимается значеніе опыта, когда изъ того, что за пораженіемъ какого нибудь органа слѣдуетъ разстройство извѣстнаго отправленія, заключаютъ, что отправленіе это принадлежитъ сказанному органу. Все что можетъ внушать подобный фактъ—это предположеніе; а въ настоящемъ случаѣ предположеніе оказывается ложнымъ,—и ложность его доказывается тѣмъ, что иногда отправленіе совершается и въ такихъ случаяхъ, когда органа вовсе не существуетъ. Опытъ и патологія ясно говорятъ противъ этой гипотезы (³).“ Такую же оцѣнку произноситъ надъ опытами Флурана и другой знаменитый физіологъ—І. Мюллеръ: Флуранъ заключилъ изъ своихъ опытовъ, говоритъ онъ, что мозговыя полушарія суть единственные центральные органы ощущенія. Но это не есть законный выводъ изъ его чрезвычайно интересныхъ наблюденій, которыя, какъ замѣтилъ Кювье, доказываютъ прямо противоположное (⁴). Если такъ говоритъ физіологъ, то тѣмъ съ большимъ правомъ можетъ возразить психологъ на вы-

(¹) Force et Matière, p. p. 115, 120—121, 133.
(²) Физіологія обыд. жизни. Соч. Льюиса т. II, стр. 74.
(³) Физіологія обыд. жизни. Соч. Льюиса, т. II, стр. 103.
(⁴) Тамъ же, стр. 92.

воды Бюхнера изъ опытовъ Флурана: ужели вовсе не существуетъ все то, что въ своей дѣятельности можетъ быть нарушено или задержано? Умъ, самый тупой, пойметъ—говоритъ Фрогшаммеръ—что этого не бываетъ. Если душа человѣка, вслѣдствіе поврежденія органовъ своего проявленія, можетъ быть нарушена или задержана въ своей нормальной дѣятельности, то это обстоятельство еще не даетъ никакого основанія отрицать ея существованіе, въ томъ предположеніи, что есть другія основанія, которыя утверждаютъ ея существованіе ([1]). Еще менѣе матеріализмъ имѣетъ права выводить что-нибудь опредѣленное въ пользу своей доктрины изъ данныхъ патологической анатоміи мозга во время умопомѣшательства. Тутъ сами анатомы ведутъ свои изслѣдованія такъ сказать ощупью. Одни указываютъ на найденныя ими измѣненія; другіе вовсе ничего не находятъ. Такъ, по изслѣдованіямъ Лерэ, одного изъ знаменитыхъ Аліенистовъ, поврежденія въ мозгу умопомѣшаннаго встрѣчаются только въ томъ случаѣ, когда къ умозамѣшательству присоединяется еще другая болѣзнь, напр. общій параличъ. Сверхъ того, замѣченныя поврежденія до того различны между собою, такъ неправильны и мало постоянны, что трудно принять ихъ за истинныя причины умопомѣшательства. Съ не меньшимъ основаніемъ ихъ можно принять за послѣдствія, причиненныя теченіемъ болѣзни ([2]). Что касается, наконецъ, ослабленія памяти и энергіи силъ душевныхъ въ старости, когда самый организмъ человѣка упадаетъ въ своихъ силахъ и дѣ-

([1]) Menschenseele und Phisyologie S. 6—7.
([2]) Le Materialisme Contemporain en Allemagne, p. 117—118.

ятельности, то это обстоятельство, съ одной стороны, совершенно удовлетворительно объясняется изъ общей связи души и тѣла между собою, а съ другой—имѣетъ столько исключеній, весьма часто замѣчательныхъ, что не выводы какіе-либо нужно дѣлать изъ нихъ, а остается только созерцать, какъ бы лицомъ къ лицу, жизнь безсмертнаго духа человѣческаго во всемъ его величіи и торжествѣ надъ плотію. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не удавалось видѣть или слышать о подобномъ торжествѣ духа надъ плотію напр. въ болѣзненныхъ состояніяхъ человѣка? „Но посмотрите, говоритъ Эрнестъ Навиль, на самихъ матеріалистовъ на практикѣ,—особенно на матеріалистовъ врачей. Какъ они поступаютъ? Они не ограничиваются предписаніемъ лекарствъ, но совѣтуютъ одному больному не бороться слишкомъ съ впечатлѣніями, другому—рекомендуютъ быть бодрымъ, не оставаться съ самимъ собою, противиться впечатлѣніямъ, переступающимъ границы правды и разсудка. Что это такое? Комедія у постели больнаго? Кому это—матеріи ли, что ли, даются, такіе мудрые совѣты? Нѣтъ, здѣсь матеріалистъ обращается къ разумной и свободной силѣ, которую неизбѣжно предполагаетъ у подобнаго себѣ. Этотъ матеріалистъ—человѣкъ, и если бы онъ хотѣлъ оставаться послѣдовательнымъ своему ученію, ему нужно было бы передѣлать свой умъ" (¹). Такъ, самая совѣсть, вмѣстѣ съ общимъ смысломъ, котораго она есть высшее обнаруженіе, протестуетъ противъ матеріализма даже у тѣхъ которые проповѣдуютъ, его!

Нужно, какъ говорятъ, всякому заблужденію давать

(¹) „Православное обозрѣніе", февраль, 1862 г. стр, 166—167.

возможность высказаться вполнѣ, до конца: тогда ложь выдаетъ сама себя, во всей своей наготѣ и безобразіи. Такъ именно выдаетъ Бюхнеръ и себя и свою матеріалистическую доктрину, когда онъ пытается объяснить намъ самый процессъ мышленія и сознанія согласно съ своими матеріалистическими воззрѣніями на душу. Эта попытка краснорѣчивѣе всякихъ опроверженій говоритъ, далеко ли проникаютъ матеріалисты съ своимъ свѣточемъ въ область духовной жизни человѣка и можно ли сдѣлать что-нибудь въ познаніи этой области безъ принятія души, какъ самостоятельной, отдѣльной отъ тѣла и духовной субстанціи.

Приступая къ объясненію процесса мышленія, Бюхнеръ, прежде всего, вооружается противъ извѣстнаго, высказаннаго Фоттомъ сравненія, что мысли находятся въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени, или урина—къ почкамъ, находя его очень не удачнымъ. Бюхнеру, какъ видно, не нравится такое грубое и фантастическое представленіе, какимъ образомъ мозгъ изготовляетъ мышленіе. Но на этотъ разъ мы думаемъ защитить г. Фогта противъ нападеній Бюхнера. Въ этомъ случаѣ, Бюхнеръ, нанося ударъ другому, поражаетъ ближе всего самъ себя. Съ матеріалистической точки зрѣнія, пониманіе Фоттомъ процесса умственной дѣятельности мозга безукоризненно.—Всякое матеріальное, чувственно воспринимаемое измѣненіе въ чемъ либо непремѣнно обнаруживается, какъ долженъ согласиться Бюхнеръ, какимъ нибудь чувственнымъ же, матеріальнымъ явленіемъ. Такъ же точно и мозгъ, какъ матеріальная чувственно-воспринимаемая субстанція, производя своею дѣятельностію мышленіе, долженъ обнаруживать эту свою дѣятельность какимъ-

нибудь чувственнымъ продуктомъ — выдѣленіемъ или разложеніемъ чего-либо. Кромѣ того, сила, по Бюхнеру, есть свойство матеріи и мы вообще наблюдаемъ дѣятельность силъ только по тѣмъ или другимъ перемѣнамъ, замѣчаемымъ въ вещахъ. Такимъ образомъ, какъ бы мы ни разсуждали, во всякомъ случаѣ, оставаясь строго вѣрными матеріалистическимъ началамъ, мы неизбѣжно должны согласиться съ Фогтомъ, что мысль мозга есть непремѣнно, въ такой или иной формѣ, *чувственный продуктъ*, какъ желчь есть продуктъ печени,—и только какимъ-нибудь не благопріятнымъ обстоятельствамъ мы должны приписать то, что мы не видимъ этаго продукта, или онъ такъ неуловимъ по своей тонкости, что ускользаетъ даже и для вооруженнаго микроскопомъ глаза. И чѣмъ же хуже, наконецъ, такое пониманіе процесса мышленія мозговаго, какъ процесса выдѣленія, другихъ физико-химическихъ процессовъ, къ которымъ прибѣгаетъ самъ же Бюхнеръ для объясненія того, какъ мозгъ изготовляетъ психическія явленія? Какъ бы-то ни было, Бюхнеръ не хочетъ раздѣлять образа мыслей Фогта,—и въ этомъ мы согласны съ нимъ, хотя, повторяемъ, представленіе Фогта находится въ полномъ согласіи съ началами системы Бюхнера,—и онъ, отказываясь отъ этого представленія, долженъ былъ бы, строго говоря, отказаться на всегда и отъ своей попытки объяснить намъ мышленіе и всѣ вообще психическія явленія изъ одной механико-химической дѣятельности мозга. Но такъ ужъ, видно, всеобща и сильна наклонность въ грѣшномъ мірѣ человѣческомъ—видѣть сучецъ въ очахъ брата своего и не замѣчать бревна въ своихъ собственныхъ! Менѣе ли, въ самомъ дѣлѣ, грубое и фантастическое объясне-

ніе психическихъ явленій изъ дѣятельности мозга представляетъ намъ самъ Бюхнеръ въ замѣну объясненія Фогта?

„Мысль, духъ, душа, напротивъ того (въ противоположность именно урины и желчи) не имѣютъ, говоритъ Бюхнеръ, ничего *матеріальнаго*, не составляютъ какой нибудь матеріи, а есть только объединенное *сцѣпленіе различныхъ силъ*, продуктъ взаимодѣйствія одаренныхъ силами или качествами элементовъ. Мозгъ, выдѣляя мысль, не выдѣляетъ никакой при этомъ матеріи; онъ производитъ нѣчто, что не выдѣляется, *не пребываетъ* матеріальнымъ; но исчезаетъ въ моментъ самого произведенія; выдѣленіе изъ печени, изъ почекъ происходитъ безсознательно, безъ нашего вѣдома, и независимо отъ высшей дѣятельности нервовъ; онѣ выдѣляютъ матерію осязаемую; дѣятельность мозга не можетъ, напротивъ, совершаться *безъ сознанія, безъ сознанія полнаго;* онъ выдѣляетъ притомъ не *матерію*, но *силы* (¹)". Итакъ, вотъ нѣсколько существенныхъ оракульскихъ изрѣченій Бюхнера, показывающихъ намъ, какъ онъ понимаетъ генетическую, причинную связь между мозгомъ и продуктомъ его дѣятельности—психическими явленіями. Сравнивая эти изрѣченія Бюхнера съ извѣстнымъ уже сравненіемъ Фогта, видишь, что, тогда какъ этотъ послѣдній ставитъ свою матеріалистическую задачу и рѣшаетъ ее прямо и честно, первый—Бюхнеръ—запутываетъ ее во множество странныхъ, непримиримыхъ съ началами собственной же его системы, понятій, изъ которыхъ нѣкоторыя при томъ могутъ быть понятны развѣ для привычекъ воображенія, но

(¹) Force et Matière p. p. 136, 138.

никакъ не для здраваго смысла. Не будемъ спорить съ Бюхнеромъ о томъ, можно ли такъ безразлично употреблять, какъ онъ употребляетъ, эти три понятія: душа, духъ, мысль; это уже тонкости, которыя матеріалисту можно простить. Обратимся къ болѣе существенному. Прежде всего, какъ можетъ Бюхнеръ называть душу, духъ и мысль неимѣющими *ничего матеріальнаго*, т. е. сверхчувственными, духовными, послѣ того, какъ самъ же провозглашалъ, что ничего сверхчувственнаго вовсе и не существуетъ, и слѣдовательно оно никогда не можетъ быть и предметомъ нашей мысли и сознанія? Стало-быть, говоря здѣсь о сверхчувственномъ, онъ выходитъ изъ предѣловъ своей системы и невольно и безсознательно высказывается въ пользу спиритуализма. Правда, Бюхнеръ считаетъ душу, духъ и мысль *не матеріальными*, какъ сцѣпленія или сумму различныхъ силъ; но, въ предѣлахъ его системы, это только пустая игра словами. Сила, по понятіямъ самаго Бюхнера, есть свойство матеріи; слѣдовательно она есть также нѣчто матеріальное; потому что представлять себѣ матерію съ свойствомъ нематеріальнымъ и такимъ образомъ прямо противоположнымъ по своему существу, есть, очевидно, такъ называемое contradictio in adjecto. Если же сила должна быть нѣчто *не матеріальное*, не зависимое отъ матеріи и привходящее къ ней только для своего чувственнаго проявленія, то этимъ подрывается въ самой основѣ вся матеріалистическая система Бюхнера; нѣтъ болѣе матеріализма, а существуетъ спиритуализмъ или идеализмъ. Такъ противорѣчитъ Бюхнеръ самъ себѣ! Но въ этомъ ли единственно противорѣчіе его? Какъ можетъ онъ, далѣе, вообще представлять себѣ *мысль* какъ только *сцѣпленіе*

различныхъ силъ, тогда какъ самый первый членъ собственной же его системы гласитъ, что силы суть свойства матеріи, съ нею всегда неразлучны, и какъ отдѣльное отъ нея даже не могутъ быть и мыслимы? Мозгъ, говоритъ Бюхнеръ, выдѣляетъ силы; но мозгъ есть также матерія: какимъ же образомъ матерія, хотя бы и организованная въ мозгѣ, можетъ отдѣлять отъ себя свое свойство, отъ вѣчности ей присущее и отъ нея неотдѣлимое, равно какъ и сила—отдѣляться отъ нея? Что же значитъ послѣ сего пресловутая аксіома Бюхнера: „нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы?“ Отъ одной тайны переходимъ къ другой, еще глубочайшей: мозгъ, по представленію Бюхнера, производитъ нѣчто, что̀ не выдѣляется, не пребываетъ матеріальнымъ, но исчезаетъ въ моментъ самого произведенія. Что это такое значитъ? Мозгъ, какъ матерія, и можетъ производить только матерію,—это во-первыхъ; затѣмъ, если продуктъ мозга исчезаетъ въ моментъ самаго же произведенія, то какимъ же образомъ возможно наше-познаніе чего-либо? Все, что мы хотимъ знать и усвоить, должно непремѣнно имѣть пространственное или временное, хотя бы и моментальное, существованіе. Еще новая тайна: дѣятельность мозга, утверждаетъ, Бюхнеръ, не можетъ совершаться безъ сознанія, безъ сознанія полнаго. Но какимъ образомъ онъ имѣетъ право напередъ уже предполагать сознаніе, какъ готовое данное, сопровождающее дѣятельность мозга, когда дѣло и идетъ собственно о томъ, какимъ образомъ мозгъ производитъ изъ себя сознаніе, мысль и проч. Такимъ образомъ, въ каждомъ положеніи своемъ Бюхнеръ или самымъ рѣзкимъ образомъ противорѣчитъ самъ себѣ, или высказываетъ понятія, рѣ-

шительно неудобопонятныя. Предъ каждымъ положеніемъ его здравый смыслъ невольно долженъ задать себѣ множество вопросовъ, отвѣта на которые напрасно будемъ искать у Бюхнера. И попробуйте, послѣ всѣхъ этихъ положеній, дать себѣ ясный и положительный отчетъ, что же такое *мысль*, *сознаніе* и пр., объяснить которыя намъ берется Бюхнеръ: содержаніе этаго отчета равняется совершенному нулю. Таково и все содержаніе матеріалистической психологіи. Душа, съ ея непостижимыми силами—раждать ощущенія, сознаніе, совершать мышленіе и пр., остается недоступною ни для какихъ притязаній матеріализма—вывести ее изъ простой физико-химической дѣятельности мозга.

Послѣ собственной напрасной попытки Бюхнера объяснить процессъ мышленія по началамъ своей системы, мы не будемъ входить въ обстоятельный разборъ другихъ психическихъ явленій и въ анализѣ ихъ природы показывать, какъ мало объяснимы они въ предѣлахъ одной физіологіи. Ограничимся общими замѣчаніями о несоизмѣримости психическихъ явленій съ явленіями міра физическаго, — несоизмѣримости, которая необходимо предполагаетъ собою бытіе иной духовной силы или субстанціи, какъ источника ихъ. Мы совершенно противъ того, нерѣдко встрѣчаемаго, мнѣнія ([1]), что въ несоизмѣримости, отсутствіи всякой аналогіи между физическими и психическими явленіями, вовсе не лежитъ достаточнаго основанія—относить ихъ къ двумъ разнороднымъ субстанціямъ — матеріи и душѣ (слова Лётце), что, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что

([1]) Напр. у Лётце: Medicinische Psychol. oder Physiologie der Seele, б. 13—14; ср. Фрауенштедта: „Несостоятельность матеріализма“, стр. 253—254. (Труды кiев. д. академіи, іюль, 1864 г.)

матерія мыслитъ и ощущаетъ, не болѣе заключаетъ въ себѣ противорѣчія, какъ и то, что матерія притягиваетъ и отталкиваетъ (слова Фрауенштедта). Извѣстна научная аксіома: въ дѣйствіи можетъ существовать только то, что дано въ его причинѣ; всякій излишекъ содержанія, являющагося въ дѣйствіи, такъ какъ онъ можетъ произойти изъ ничего, есть чудо, которое нужно изъяснить изъ непрестаннаго творчества Божія. Для логически умозаключающаго разсудка правило: ex nihile nihil fit не имѣетъ и не должно имѣть никакихъ ограниченій и исключеній. На этомъ правилѣ основываются, какъ справедливо замѣчаетъ А. Веберъ (§ 190), всѣ наблюденія и открытія науки. Физика никогда не достигла бы до открытія электричества, магнетизма, или закона тяжести,—или химія—до новыхъ неизвѣстныхъ элементовъ, еслибы та и другая не руководились строго этимъ правиломъ въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Если, какъ говоритъ Фрауенштедтъ, простымъ указаніемъ различія между матеріальными движеніями и духовными отправленіями не опровергнешь матеріализма, потому что матерія, приведенная въ движеніе въ мозгу и въ нервахъ, можетъ быть способна къ мышленію и ощущенію, то чѣмъ же, спрашивается, и опровергать его послѣ этого? Тогда матеріи можно приписать и проповѣдуемую Фрауенштедтомъ волю въ природѣ, организующую мозгъ, и все, что угодно. Наука имѣетъ дѣло не съ міромъ возможнаго, но съ міромъ дѣйствительнаго, существующаго, и изученіе этого дѣйствительнаго, существующаго міра явленій опирается, по свидѣтельству самихъ естествоиспытателей (¹), на един-

(¹) Введеніе къ изученію опыт. медиц., К. Бернара, стр. 68—72.

ственномъ абсолютномъ принципѣ, управляющемъ нами и поддерживающемъ насъ, о которомъ мы имѣемъ сознаніе à priori, — томъ именно, что каждое явленіе имѣетъ свой абсолютный детерминизмъ, т. е. необходимо опредѣляется извѣстными, опредѣленными условіями; этотъ абсолютный детерминизмъ въ условіяхъ явленій составляетъ руководительный принципъ всѣхъ опытныхъ наукъ. Въ виду такого принципа, составляющаго conditio sine qua non науки, чѣмъ же неосновательно и ненаучно будетъ заключеніе отъ несоизмѣримости, разнородности психическихъ явленій съ явленіями физико-химическими къ существованію особой, духовной субстанціи, какъ ихъ специальной причины? По смыслу указаннаго нами абсолютнаго детерминизма явленій, „какъ скоро дано какое бы то ни было естественное явленіе, экспериментаторъ никогда не можетъ допустить, чтобы произошло измѣненіе въ обнаруженіи этого явленія безъ того, чтобы не вошло въ то же время новыхъ условій въ это обнаруженіе" ([1]). Безъ сомнѣнія, руководясь этимъ правиломъ, химія не находитъ возможнымъ возводить химическое соединеніе и разложеніе веществъ къ простымъ механическимъ силамъ притяженія и отталкиванія, но считаетъ необходимымъ предположить существованіе особой силы—силы химическаго сродства; физика также отличаетъ въ матеріи явленія молекулярныя отъ явленій, совершающихся въ цѣлыхъ массахъ; и тѣ и другія возводитъ къ двумъ различнымъ силамъ — силамъ такъ называемымъ молекулярнымъ и силамъ, принадлежащимъ тѣламъ или силамъ массъ. Но что съ такою отчетливо-

---

([1]) Тамъ же, стр. 70.

стію и точностію выполняется въ области физическихъ явленій, совершенно забывается или даже болѣе—самымъ насильственнымъ образомъ попирается,—и къ сожалѣнію не одними матеріалистами, — когда дѣло касается разнородности условій, лежащихъ въ основаніи явленій психическихъ и физіологическихъ. Кажется, ясно для всякаго, что психическія явленія, какъ они извѣстны намъ по внутреннему опыту, суть явленія совершенно особаго рода, которымъ нѣтъ аналогій ни въ физическихъ, ни въ физіологическихъ опытахъ и наблюденіяхъ, и ближайшимъ образомъ въ физіологической дѣятельности мозга, къ которому матеріализмъ пріурочиваетъ ихъ. Уже простое, чисто чувственное ощущеніе, т. е. простое нервное возбужденіе, какъ скоро оно *ощущается*, какъ скоро, значитъ, изъ раздраженія нервныхъ волоконъ *преобразуется въ ощущеніе* запаха, звука и пр., есть новое, несоизмѣримое съ причиной, послужившей для него поводомъ, явленіе чисто уже психическаго характера,—явленіе новое не только по формѣ, но и по содержанію. Ощущеніе свѣта вовсе не похоже, конечно, на билліоны волнообразныхъ колебаній свѣтоваго эѳира, о которыхъ говоритъ намъ физика, какъ причинѣ свѣта; и разсматривая одни только сотрясенія эѳира, мы не найдемъ въ нихъ ничего подобнаго тому ощущенію, какое они производятъ въ зрителѣ. Точно также каждый тонъ есть такое качественное ощущеніе, въ которомъ совершенно нѣтъ и напоминанія о количествѣ сотрясеній воздуха, возбуждающихъ ощущеніе тона. Однимъ словомъ, какое бы мы ни взяли ощущеніе, оно есть нѣчто совершенно другое, чисто качественное, интенсивное въ противоположность представляемому при этомъ количественно-

му вещественному. Но если таково уже ощущеніе по своей природѣ, то что же сказать о другихъ психическихъ явленіяхъ,—явленіяхъ высшаго порядка? Радость и печаль, желаніе и отвращеніе, способность сохранять въ себѣ прошедшія состоянія и стремиться къ нимъ, способность соединенія представленій въ понятія, понятій въ сужденія, сужденій въ силлогизмы и этихъ послѣднихъ въ систему, наконецъ явленія сознанія и самосознанія и пр., — все это и другое развѣ имѣетъ для себя что либо аналогичное въ физіологической дѣятельности мозга? „Соберите—скажемъ словами Ѳ. Навиля—всѣхъ физіологовъ міра, дайте имъ вѣка времени для ихъ работъ, предоставьте въ ихъ распоряженіе инструменты самого безукоризненнаго совершенства, самые лучшіе микроскопы, и потомъ спросите у нихъ объясненія словъ: *хотѣть, желать, бояться, надѣяться.* Еслибъ физіологи не были людьми, еслибы они не знали смысла этихъ словъ, какъ знаете вы, какъ знаю я, благодаря внутреннему свидѣтельству сознанія, совершенно независимо отъ ихъ спеціальныхъ занятій, то имъ было бы невозможно, совершенно невозможно даже понять предлагаемаго вопроса“ (¹). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: между физіологическими процессами и явленіями психическими всюду лежитъ глубокая пропасть, и естествознаніе можетъ перескочить чрезъ неё, но никогда не можетъ наполнить. Наблюденіе наше, самое тщательное, не находитъ въ психическихъ явленіяхъ ни пространственнаго протяженія, ни пространственнаго движенія, ни фигуры, ни цвѣта, ни звука, ни запаха, ни вкуса, ни тяжести, ни температуры, — словомъ, всего того, что встрѣчаемъ мы не-

(¹) „Православное обозрѣніе“, февраль, 1862 г. стр. 165.

премѣнно въ явленіяхъ міра матеріальнаго; едва ли кто-нибудь согласится также утверждать, что въ ассоціаціи или конструкціи психическихъ явленій имѣютъ силу и значеніе или законъ уменьшенія силы сообразно квадратамъ разстояній, или законъ химическаго сродства, или законы механики и пр. Напротивъ, вся вообще ассоціація психическихъ явленій основывается на чисто качественныхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ; имѣетъ, конечно, значеніе при этомъ и количественная сторона этихъ явленій, но только въ связи непремѣнно съ качественною и подъ ея преобладающимъ вліяніемъ. Такимъ образомъ, если допустить даже, что всѣ психическія явленія, въ своемъ первомъ моментѣ, могутъ быть сведены на физіологическое движеніе нервовъ и мозга, то тѣмъ не менѣе обнаруженіе этихъ явленій нашему сознанію представляетъ сравнительно съ физіологическимъ процессомъ, послужившимъ поводомъ къ нимъ, такую радикальную перемѣну и въ ихъ формѣ и въ содержаніи, что возводить ихъ къ одному и тому же детерминизму условій вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ можетъ только научная недобросовѣстность, преднамѣренная фальшь. Пусть физіологъ вооружится самымъ могущественнымъ микроскопомъ, такъ что онъ въ состояніи будетъ наблюдать самыя сложныя движенія нервовъ и мозга, тѣмъ не менѣе эти движенія, пока они будутъ существовать только для внѣшняго опыта, т. е. пока они будутъ только пространственными движеніями матеріальныхъ элементовъ, останутся просто одними движеніями и не дадутъ ни малѣйшаго понятія объ ощущеніи, представленіи, мышленіи, сознаніи и пр. Научнаго, аналитически—понятнаго перехода между этими движеніями и психическими явленіями никогда не

отыщеть ни одинъ смертный въ мірѣ. Есть стало быть,— естественное, прямое заключеніе отсюда,—по ту сторону наблюдаемыхъ нами физіологическихъ процессовъ *особое, самостоятельное существо*, обладающее этою непостижимою для внѣшняго опыта силою—превращать, количественныя, пространственныя движенія нервовъ въ высшей степени интенсивныя, качественныя явленія, сохранять эти явленія въ себѣ, обнаруживать ихъ по первому востребованію, радоваться или скорбѣть по поводу ихъ, стремиться обогащаться ими, связывать ихъ въ одно гармоническое цѣлое и пр. Такое заключеніе наше должно быть неизбѣжнымъ и неподлежащимъ никакимъ ограниченіямъ, такъ какъ для логически-умозаключающаго разсудка правило: ex nihile nihil fit не имѣетъ, какъ мы сказали, никакихъ ограниченій и исключеній при изъясненіи міра явленій и экспериментаторъ никогда не можетъ допустить, чтобы произошло измѣненіе въ обнаруженіи извѣстнаго явленія, безъ того, чтобы не привзошло новыхъ условій въ это обнаруженіе. Какова природа этого особаго, самобытнаго существа, каковы специальныя условія и законы его дѣятельности и пр., — рѣшить эти вопросы можетъ только обстоятельный анализъ спеціальныхъ явленій психической жизни и физіологъ можетъ отвѣчать на нихъ совершеннымъ незнаніемъ; но что это существо необходимо должно быть по ту сторону физіологическихъ процессовъ мозга, какъ особый дѣятель, развивающій изъ себя особый, совершенно несоизмѣримый съ физіологическими функціями мозга, міръ духовныхъ, нравственныхъ явленій,—эта истина должна стоять выше всякихъ сомнѣній столько же для физіолога, сколько и для спеціалиста—психолога.

Такимъ образомъ, какъ скоро къ изученію психическихъ явленій приступаютъ со всею добросовѣстностію научнаго изслѣдованія и это изслѣдованіе ведутъ по всѣмъ правиламъ научнаго метода, отрицаніе существованія души, какъ духовной, личной субстанціи, хотя и связанной съ тѣломъ по своимъ проявленіямъ, но независимой по своему бытію, становится положительно невозможнымъ; къ признанію бытія ея ведутъ неизбѣжно всѣ данныя внѣшняго и внутренняго опыта и наблюденій надъ психофизическою жизнію человѣка. Всѣ усилія матеріализма ниспровергнуть истину бытія души всегда были и будутъ тщетными: на сторонѣ этой истины всегда будутъ и голосъ совѣсти и голосъ истинной науки. Борьба за бытіе души, скажемъ словами Р. Вагнера, прекратится развѣ только съ прекращеніемъ существованія человѣчества (¹).

Мы закончили разборъ матеріалистической системы Бюхнера въ ея существенныхъ, главнѣйшихъ моментахъ. Приступая къ этому разбору, мы указали причины появленія матеріализма въ современной Германской естественной наукѣ,—сказали именно, что онъ есть болѣзненный плодъ неестественнаго, крайняго раздѣленія между философіей и естествознаніемъ, вслѣдствіе котораго въ первой фразы взяли перевѣсъ надъ фактами, а во второй на оборотъ, масса нахлынувшихъ съ успѣхами естествознанія необработанныхъ фактовъ

(¹) Der Kampf um die Seele von Standtpunct der Wissenschaft. R. Wagner, 1857, S. 1.

перепутала понятія натуралистовъ, чуждыхъ полнаго всецѣлаго образованія, и потому естественно неспособныхъ къ сколько-нибудь всестороннему философскому воззрѣнію на вещи. Матеріалистическая система Бюхнера, какъ мы могли убѣдиться, оправдываетъ этотъ взглядъ во всей его полнотѣ. Разбирая эту систему, мы видѣли, что все зло въ ней происходитъ отъ того, что авторъ ея, на каждомъ шагу, переступаетъ предѣлы точной науки, всюду физику переводитъ въ метафизику. Гдѣ причина этого? Она лежитъ именно въ той недостаточности полнаго всецѣлаго образованія, которое состоитъ не въ обогащеніи только своей памяти фактическимъ знаніемъ, но и въ широтѣ и энергіи мысли и взглядовъ на вещи, въ умѣньи—давать каждой вещи ея дѣйствительное значеніе въ кругу другихъ вещей, обнимать ее своимъ сужденіемъ со всѣхъ сторонъ, подвергать ее критическому философскому анализу на основаніи здравыхъ метафизическихъ и логическихъ началъ, и которое одно способно удержать человѣка въ предѣлахъ благоразумія и осторожности при сужденіи о разныхъ предметахъ знанія человѣческаго, идти вѣрнымъ путемъ къ истинѣ и искать вѣрныхъ средствъ къ ея достиженію. Понятно послѣ сего и то, гдѣ надобно искать противоядія противъ увлеченія подобными теоріями, какія проповѣдуетъ Бюхнеръ и его единомышленники. И въ наукѣ и въ жизни общества самымъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ реагентомъ противъ этого увлеченія можетъ служить распространеніе здраваго философскаго образованія. Такъ думаютъ и лучшіе между представителями самой науки естественной, — напр. Р. Вагнеръ, Шлейденъ и др. Школа должна полагать основаніе этому образованію

преподаваніемъ философіи во всѣхъ ея отрасляхъ; литература должна поддерживать и популяризировать это образованіе. Тогда только, съ лучшимъ ознакомленіемъ и представителей науки естественной и общества съ философскими принципами міровоззрѣнія, можно будетъ ожидать прекращенія путаницы понятій и взглядовъ у первыхъ и — увлеченія подобною путаницею со стороны послѣдняго; тогда только физика не будетъ переходить въ метафизику, но и та и другая будутъ твердо помнить старинное мудрое правило, сколько въ жизни, столькоже и въ наукѣ: „ne sutor ultra crepidam“.

В. Рождественскій.

БОРЬБА И РАЗДѢЛЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ

ВЪ ПОЛОВИНѢ XI ВѢКА

(окончаніе)

Не много нужно вниманія, чтобы видѣть, какъ съ греческой стороны серьёзно относились къ спорнымъ предметамъ и съ какимъ достоинствомъ держались въ полемикѣ; и какъ римскіе легаты съ другой стороны мало думали о дѣйствительномъ соглашеніи, а всего болѣе хлопотали о насильственномъ подчиненіи грековъ своимъ мнѣніямъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на дѣйствовавшія законоположенія послѣднихъ. Что касается до тона ихъ полемики, то ясно видно достоинство его уже изъ нашего изложенія, хотя мы не имѣли намѣренія собирать цвѣты ихъ краснорѣчія. „Съ истинно мальчишескимъ невѣжествомъ, говоритъ Пихлеръ, набросился Гумбертъ на достойнаго игумена студійскаго Никиту Пектората, который также нападалъ на опрѣсноки, но съ большою умѣренностію. Нововведенія, въ которыхъ упрекали латинянъ, Никита не называлъ прямо еретическими, а римскую церковь даже

называлъ всегда свѣтлымъ окомъ цѣлаго міра. Гумбертъ величаетъ его за это „пресмыкающимся осломъ, епикурейцемъ, блудникомъ, архіеретикомъ“ (¹) и иными, прибавимъ, неудобными для перевода названіями. Понятно, какое раздраженіе противъ папскихъ пословъ должно было произойти въ греческомъ народѣ, когда этотъ, по выраженію католическаго историка, памфлетъ переведенъ былъ на греческій языкъ. При всемъ томъ греки не приступали еще ни къ какимъ крутымъ мѣрамъ противъ нихъ. Патріархъ прекратилъ только сношенія съ ними,—потому что о какомъ нибудь соглашеніи нечего было и думать. „Мы прекратили разговоры и сношенія съ ними, писалъ послѣ Михаилъ патріарху антіохійскому Петру, потому что убѣдились въ невозможности отклонить ихъ отъ нечестія, и потому что безъ твоего блаженства и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ разсуждать о такихъ предметахъ съ римскими послами сочли и совершенно недостойнымъ и противнымъ и не согласнымъ съ обычаемъ, господствовавшимъ въ такихъ случаяхъ въ древнія времена“ (²). Тогда легаты, „наскучивши сопротивленіемъ патріарха“, сдѣлали тотъ рѣшительный шагъ, который привелъ къ окончательному раздѣленію церквей. „16 іюля (1054) они вошли въ церковь св. Софіи и, когда клиръ готовился къ служенію въ 3-й часъ дня въ субботу, положили на главный престолъ грамоту отлученія въ виду присутствующаго клира и народа. Вышедши оттуда, они отрясли и прахъ отъ ногъ своихъ во свидѣтельство имъ, по слову Евангелія, восклицая:

(¹) Gesch. d. kirchl. Trennung. B. I. S. 258.
(²) Вилл. стр. 186.

пусть видить и судить Богъ" (Мѳ. X, 14) ([1]). Причины отлученія такъ описываются въ грамотѣ, составленной безъ сомнѣнія тѣмъ же Гумбертомъ: „что касается до столповъ имперіи и почтенныхъ мудрыхъ гражданъ, то городъ (Константинополь) христіаннѣйшій и православный. Что же касается Михаила, незаконно называемаго патріархомъ, и поборниковъ его глупости, то разсѣваются въ немъ безчисленныя плевелы ересей. Потому что, какъ симоніане, продаютъ даръ Божій; какъ валесіане скопятъ своихъ гостей и возводятъ не только въ клиръ, но и на епископство; какъ аріане, перекрещиваютъ крещенныхъ во имя Св. Троицы, и особенно латинянъ; какъ донатисты, утверждаютъ, что, за исключеніемъ греческой церкви, церковь Христова и истинная жертва и крещеніе погибли во всемъ мірѣ; какъ николаиты дозволяютъ и защищаютъ плотскіе браки служителей св. алтаря; какъ северіане, называютъ законъ Моусеевъ проклятымъ; какъ духоборцы и богоборцы, отсѣкаютъ отъ символа исхожденіе Духа Святаго отъ Сына; какъ манихеи, между прочимъ что-нибудь квасное называютъ одушевленнымъ; какъ назореи, соблюдаютъ плотскую чистоту іудеевъ до того, что младенцевъ, умирающихъ прежде 8 дня отъ рожденія, отказываются крестить, а женщинъ во время кровотеченія или родовъ запрещаютъ причащать, или, если онѣ язычницы, крестить, и отращивая волосы на головѣ и бороды, тѣхъ, которые стригутъ косы и, по установленію римской церкви, брѣютъ бороды, не принимаютъ въ общеніе". Далѣе въ вину Михаилу поставляется то, что онъ избѣгалъ собесѣдованія съ послами,

([1]) Humberti commemoratio.

запретилъ имъ совершеніе литургіи въ церквахъ, какъ и прежде заперъ церкви латинянъ, называя ихъ азимитами, и пишетъ себя вселенскимъ патріархомъ. За все это „Михаилъ, незаконный патріархъ, неофитъ, и только по страху человѣческому надѣвшій монашескую одежду, теперь еще предъ многими обезславившій себя сквернѣйшими преступленіями, и съ нимъ Левъ Ахридскій, называемый епископъ, и сакелларій Михаила Константинъ, который попиралъ нечистыми ногами жертвоприношеніе латинянъ, и всѣ ихъ послѣдователи въ вышесказанныхъ заблужденіяхъ и предпріятіяхъ, да будутъ прокляты маранаѳа ([1]) съ симоніанами, валесіанами, аріанами, донатистами, николаитами, северіанами, духоборцами и манихеями, и назореями, и со всѣми еретиками, даже съ діаволомъ и ангелами его, доколѣ не престанутъ. Аминь, аминь, аминь". Къ сему присоединено было тамъ же, въ присутствіи императора и вельможъ, другое словесное отлученіе: „кто упорно противорѣчитъ вѣрѣ св. римскаго и апостольскаго престола и его жертвоприношенію, да будетъ анаѳема, маранаѳа, и да не считается православнымъ христіаниномъ, но еретикомъ прозимитомъ (квасникомъ, дрожжникомъ). Да будетъ, да будетъ, да будетъ ([2])".

Такимъ образомъ папскіе послы, забывши свое назначеніе—возстановить миръ между церквами, отъ лица папы подвергли проклятію и отлученію всю восточную церковь. Хотя они вначалѣ благоразумно, иначе слѣдовало бы ожидать большихъ непріятностей, признали императора, вельможъ и народъ православными: но потомъ, подъ именемъ послѣдователей патріарха, объявили

([1]) См. I Кор. XVI, 22.
([2]) Вилл. стр. 153—154.

же ихъ еретиками квасниками, потому что они всѣ принимали причастіе на квасномъ хлѣбѣ; николаитами, потому что имѣли большею частію женатыхъ священниковъ, духоборцами и богоборцами, потому что не знали и знать не хотѣли римскаго прибавленія къ символу „Filioque". Поступокъ въ высшей степени рѣзкій и незаконный, противный всей предыдущей практикѣ церкви. Тогда какъ прежде важнѣйшихъ еретиковъ, какъ Арій, Македоній и другіе, судили въ продолжительныхъ соборныхъ засѣданіяхъ, терпѣливо выслушивали, увѣщевали и потомъ уже осуждали соборомъ, состоявшимъ по возможности изъ всѣхъ епископовъ христіанскаго міра; тогда какъ даже во времена Фотія, когда уже папы рѣзко выставляли свое главенство, считали нужнымъ соблюдать форму соборовъ, приглашали прочихъ патріарховъ и дѣйствительно имѣли на своей сторонѣ многихъ епископовъ греческихъ, и такимъ образомъ имѣли дѣло не противъ церкви, а противъ нѣкоторыхъ только личностей: теперь, безъ всякихъ соборныхъ разсужденій о спорныхъ предметахъ, безъ всякаго участія кого бы то ни было изъ восточныхъ епископовъ и даже мірянъ, два епископа и діаконъ римской церкви, въ гордомъ убѣжденіи, что „апостольскому престолу принадлежитъ забота о всѣхъ церквахъ, ради мира и пользы церкви Божіей (¹)", предаютъ проклятію всю восточную церковь, доколѣ она не исправится, т. е. не приметъ римскихъ нововведеній, церковь — учительницу православія, колыбель христіанства, раскрывшую догматическую и практическую стороны его на многочисленныхъ соборахъ, прерываютъ общеніе съ

(¹) Слова изъ грамоты отлученія.

ней изъ за обрядовъ, которыхъ древности не могли ни знать, ни доказать. Не странно, что римскіе послы своимъ страннымъ поступкомъ вооружили противъ себя императора, клиръ и особенно народъ, который заволновался отъ нанесенной ему обиды. Гумбертъ приписываетъ волненіе народа возбужденіямъ патріарха; но достаточно было рѣзкой граматы и словеснаго отлученія, чтобъ, помимо всякихъ возбужденій, поднять народъ противъ пословъ (¹). Императоръ, какъ и слѣдовало, старался охранять пословъ отъ насилія и, давши богатые дары „святому Петру и имъ“ лично, 18 іюля отпустилъ ихъ съ честію. Но чрезъ день по отъѣздѣ ихъ императоръ имѣлъ разговоръ съ патріархомъ и здѣсь рѣшили еще разъ попробовать возстановить церковный миръ посредствомъ соборныхъ разсужденій. Вызванные императорской грамотой изъ Селимвріи, послы возвратились въ Константинóполь 20 іюля. Но соборъ не состоялся, потому что патріархъ не допускалъ на него императора, какъ увѣряетъ Гумбертъ, чтобы въ отсутствіи его удобнѣе предать ихъ ярости народа, или потому, что послы не хотѣли и слышать о соборѣ, на которомъ должны были дать отчетъ въ своемъ поступкѣ и вообще вести дѣло съ отлученнымъ патріархомъ. Они грозили даже наложить на себя руки, если не престанутъ безпокоить ихъ предложеніями о соборѣ (²). Поэтому императоръ „приказалъ посламъ немедленно отправиться въ путь“, а въ удовлетвореніе раздраженному народу латинскихъ переводчиковъ Павла

(¹) „Mit Mühe entkamen die Legaten ohne Schläge, die sie recht wohl verdient hätten“, говоритъ католическій историкъ Пихлеръ (Gesch. d. kirchl. Trennung. B. I. S. 259).

(²) Посл. къ патріарху ант. Вилл. Мих. стр. 187.

и Смарагда, избитыхъ и остриженныхъ, передалъ въ распоряженіе патріарха; грамату отлученія приказалъ обнародовать жителямъ Константинополя, письмомъ къ патріарху осудилъ дѣйствія пословъ и сталъ рѣшительно за сторону патріарха.

Патріархъ Михаилъ и съ нимъ 11 митрополитовъ и 2 архіепископа, къ которымъ присоединились и еще 7 митрополитовъ и архіепископовъ, въ церкви св. Софіи, послѣ напраснаго ожиданія прибытія на соборъ легатовъ, того же 20 числа іюля, составили соборное опредѣленіе, которымъ осудили дѣйствія папскихъ пословъ и составителей граматы отлученія предали проклятію ([1]). Въ опредѣленіи говорится: „люди вышедшіе изъ тьмы (потому что родомъ съ запада), пришедши въ сей благочестивый и богохранимый городъ, изъ котораго, какъ изъ высокаго мѣста, выходятъ источники православія и вытекаютъ чистые ручьи благочестія въ концы вселенной и, подобно рѣкамъ, орошаютъ благочестивыми догматами души всѣхъ живущихъ подъ солнцемъ, ворвались въ него какъ молнія, или вихорь, или градъ, лучше же сказать, какъ дикій вепрь, и старались повредить правую истину неправыми мнѣніями. Они положили и грамату на престолѣ великой церкви Божіей, въ которой насъ, болѣе же православную церковь Божію и всѣхъ православныхъ, не принимающихъ ихъ нечестивыхъ мнѣній, за то, что желаемъ оставаться благочестивыми и православными, облагаютъ анаѳемой, обвиняя насъ между прочимъ въ томъ, что мы не соглашаемся брить бороды, подобно имъ, и естественный образъ человѣка измѣнять противъ природы, что мы

([1]) Вилл. стр. 15 68.5—1

притомъ не отдѣляемся и принимаемъ причастіе отъ женатыхъ пресвитеровъ; особенно же въ томъ, что мы священный и святой символъ, который по всѣмъ соборнымъ и вселенскимъ опредѣленіямъ имѣетъ непреоборимую силу, не хотимъ повреждать ложными вымыслами и чуждыми словами и не говоримъ дерзко, подобно имъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына (о козни лукаваго!), но отъ Отца". Слѣдуютъ доказательства противъ брадобритія, безбрачія священниковъ и исхожденія Св. Духа и отъ Сына (1). „Но тѣ, которые такъ нечестно поступали противъ насъ и православной Церкви Божіей, пришедши къ благочестивѣйшему императору нашему изъ какого-нибудь другаго города, а не изъ стараго Рима, придумывая и иное многое противъ собора православной церкви, особенно же ложно выдавали, что пришли изъ Рима и посланы папою, на самомъ же дѣлѣ, по коварнымъ наставленіямъ и совѣтамъ Аргира (2), пришли сами собою и вовсе не были посланы папой; и граматы, которыя, какъ говорили, принесли отъ него, подложны; это кромѣ многаго другаго очевидно оказалось изъ того, что печати у грамотъ поддѣльныя". Далѣе разсказывается, какъ стара-

(1) Какъ съ римской стороны вопросъ объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына встрѣчается въ первый разъ въ грамотѣ отлученія; такъ и греки доселѣ не касались до него, хотя онъ важнѣе всѣхъ другихъ спорныхъ вопросовъ. Это обстоятельство служитъ яснымъ доказательствомъ, что не хотѣли разрыва, и что, при нѣкоторой уступчивости папскихъ пословъ, дѣло примиренія могло бы состояться. И замѣчательно, какъ возрасло съ одной стороны властолюбіе, а съ другой забвеніе римлянами всякихъ преданій: тогда какъ прежде, во времена Фотія, латиняне защищались только отъ упрека въ прибавленіи къ символу Filioque и оправдывались, теперь уже предаютъ проклятію грековъ за то, что они отсѣкаютъ отъ Символа „и отъ Сына".

(2) Императорскій намѣстникъ въ Калабріи, личный врагъ патріарха Михаила.

лись возвратить посламъ грамату отлученія и такъ какъ она стала ходить по рукамъ, то патріархъ, „чтобы содержавшіеся въ ней хулы не дошли до слуха народа“, взялъ ее къ себѣ и приказалъ перевести на греческій языкъ; потомъ приводится самый текстъ граматы (1). Патріархъ, „не желая оставить такую дерзость противъ благочестія и безстыдство безъ изслѣдованія и ненаказанными, сообщилъ объ этомъ императору. Далѣе разсказывается, какъ послы возвращены были, но захотѣли „лучше умереть, нежели придти на соборъ“. Императоръ сообщилъ объ этомъ патріарху и, отпустивши пословъ, отправилъ къ нему грамату слѣдующаго содержанія: „Святѣйшій владыка! Мое царское величество, по изслѣдованіи случившагося, нашло, что виною зла были переводчики и сообщники Аргира. Съ иностранцами, какъ пришельцами и отъ другихъ посланными, мы ничего не можемъ сдѣлать; но виновниковъ, по наказаніи, отослали къ твоей святости,

(1) Гумбертъ увѣряетъ, что патріархъ „совершенно исказилъ ее при переводѣ“, такъ что послѣ императоръ получилъ отъ самихъ пословъ съ пути вѣрнѣйшій списокъ грамоты, который и обнародовалъ и тѣмъ обличилъ подлогъ Михаила (Вилл. стр. 152). Со словъ Гумберта многіе историки укоряютъ патріарха въ поддѣлкѣ грамоты. Но по разсказу кардинала, императоръ получилъ отъ пословъ списокъ грамоты изъ города Руссъ уже послѣ вторичнаго отъѣзда ихъ (a civitate Russorum). Между тѣмъ, въ день отъѣзда ихъ, переводъ грамоты помѣщенъ былъ уже въ опредѣленіи константинопольскаго собора, и какъ латинскій текстъ помѣщенный въ опредѣленіи почти буквально сходенъ съ Гумбертовымъ, такъ и греческій переводъ точно соотвѣтствуетъ оригиналу. Одно только мѣсто значительно отступаетъ у патріарха: „и совершенно избѣгалъ собесѣдованія съ ними, и не слушалъ добраго совѣта императоровъ и мудрыхъ людей, которые совѣтовали ему смириться, какъ и прежде заперъ“..., тогда какъ у Гумберта читается: „избѣгалъ собесѣдованія съ ними запретилъ имъ служеніе литургіи въ церквахъ, какъ и прежде заперъ“... Отступленіе, вовсе не доказывающее намѣреннаго подлога. Другія отступленія состоятъ въ замѣнѣ одного слова другимъ равнозначущимъ и слѣд. еще незначительнѣе.

чтобъ и другіе научились чрезъ нихъ не отваживаться на такую дерзость. Грамата же, по анаѳематствованіи тѣхъ, которые совѣтовали, и тѣхъ, которые издавали или писали или хотя нѣсколько знали это дѣло, пусть будетъ сожжена предъ всѣми. Мое царское величество повелѣно Вестарха зятя Аргирова и Весту (¹), его сына, заключить въ темницу, чтобъ мучились тамъ въ наказаніе за такое предпріятіе. Мѣсяца іюля, индикта 7ᵃ. По полученіи императорскаго письма, провозглашена была анаѳема въ патріаршей палатѣ и „въ тотъ же 20 день мѣсяца іюля въ слухъ народа опять предана была проклятію эта нечестивая грамата и тѣ, которые ее издали и писали и изъявляли какое-нибудь согласіе или совѣтъ къ составленію ея“. Самая грамата не была сожжена, но отдана на храненіе въ архивъ хартофилакса „въ вѣчное посрамленіе и осужденіе“ составителей ея.

Если сравнить опредѣленіе константинопольскаго собора съ граматой отлученія на грековъ, то умѣренность тона и снисходительное отношеніе къ противникамъ въ опредѣленіи ставятъ его несравненно выше послѣдней. Не только не произнесено осужденія на римскую церковь или на папу, не только не осуждены мнѣнія латинянъ, но даже и виновники граматы отлученія преданы проклятію не какъ папскіе легаты, а какъ самозванцы и хулители восточной церкви и ея обрядовъ. Послѣднее только обстоятельство, именно объявленіе ихъ самозванцами, кладетъ тѣнь на опредѣленіе собора: „какое безстыдство и безуміе, восклицаетъ

(¹) Βεστάρχης—начальникъ надъ βέσταις—одно изъ знатнѣйшихъ достоинствъ при византійскомъ дворѣ (см. Du Cangii Gloss. med. et inf. Graec. I, 194).

Вилль, легаты пришли сами собою, а не папой посланы въ Константинополь! Но хотя представляется едва вѣроятнымъ, чтобъ Михаилъ могъ такъ глупо лгать предъ греческими епископами; однакожъ, онъ, кажется, надѣялся на хорошій исходъ своей странной выходки. Потому что онъ хорошо зналъ своихъ земляковъ и хорошо понималъ ихъ слабость и невѣжество" (стр. 160). Но это мнѣніе, выраженное языкомъ Гумберта, хотя раздѣляется и другими учеными, не можетъ быть принято. Подозрѣвать патріарха а съ нимъ и соборъ въ намѣренной лжи въ этомъ случаѣ нельзя; нужно думать, что онъ обстоятельствами и другими людьми самъ введенъ былъ въ заблужденіе. Въ первомъ посланіи къ Петру, патріарху антіохійскому, онъ еще подробнѣе и обстоятельнѣе объясняетъ все дѣло посольства, какъ интригу Аргира (1). Именно патріархъ говоритъ, что, узнавши о добродѣтели, благонамѣренности и знаніяхъ папы, онъ послалъ къ нему письмо съ цѣлію прекратить церковныя несогласія и пріобрѣсть въ немъ дружественнаго помощника противъ Франковъ. Посланный отдалъ письмо Аргиру въ надеждѣ, что оно скорѣе дойдетъ до папы. Аргиръ, какъ достовѣрно извѣстно, своекорыстный и двоедушный человѣкъ, всегда мыслящій зло царствующему граду и римской имперіи, поступилъ также и въ этомъ случаѣ. Деньги, посланныя императоромъ, онъ удержалъ въ свою пользу, а на счетъ посланій распорядился такъ. Онъ позвалъ людей, на которыхъ могъ разсчитывать: одинъ изъ нихъ былъ Амалфійскимъ епископомъ, но, лишенный каѳедры, пять лѣтъ оставался безъ мѣста; другой только носилъ имя епи-

(1) Вилл. стр. 172—184.

скопа и никогда не имѣлъ каѳедры; третій же ложно и своевольно возложилъ на себя званіе канцлера римской церкви. Сдявши печать съ присланнаго письма и прочитавши, Аргиръ составилъ граматы какъ-бы отъ лица папы къ патріарху и настроилъ троихъ упомянутыхъ пособниковъ отправиться съ ними въ Константинополь. Патріархъ, тщательно осмотрѣвши граматы, нашелъ печать поддѣльной и содержаніе подозрительнымъ. Въ граматѣ заключалось то, что прежде говаривалъ съ патріархомъ Аргиръ, когда еще былъ въ Константинополѣ, и особенно объ опрѣснокахъ, за что былъ отлученъ имъ отъ причащенія. Не простымъ подозрѣніемъ руководился въ этомъ дѣлѣ патріархъ: о подлогѣ сообщилъ архіепископъ транійскій, пришедшій прежде пословъ къ патріарху и открывшій ему всю истину, о чемъ патріархъ передалъ и императору (III—VIII). Тоже самое, только короче, повторялъ патріархъ Михаилъ въ другомъ посланіи къ Петру (¹). Можно-ли подозрѣвать намѣренную ложь въ такомъ обстоятельномъ разсказѣ? Во первыхъ намѣренно лгать патріархъ не имѣлъ никакой нужды: какъ не боялся онъ открыто выступить противъ римскихъ нововведеній въ своемъ письмѣ къ папѣ, а также въ лицѣ Льва Ахриденскаго и Никиты Стиѳата; такъ и теперь, особенно послѣ нанесенной ему папскими послами обиды, онъ не побоялся бы осудить ихъ, хотя бы и былъ увѣренъ въ подлинности граматъ и посольства. А во вторыхъ во всемъ дѣлѣ видно искреннее убѣжденіе патріарха въ подлогѣ, которое раздѣляли и другіе, даже императоръ. Неужели императоръ, дѣйствовавшій прежде за одно съ послами,

(¹) Вилл. стр. 184—188; 1—11.

вдругъ могъ оказаться до такой степени слабымъ и уступчивымъ предъ патріархомъ, что подъ его диктовку и самъ обвинялъ Аргира въ подлогѣ, и наказалъ его родственниковъ, хотя былъ убѣжденъ въ ихъ невинности. А подлинность грамоты императора къ патріарху даже Вилль не рѣшился заподозрѣвать, сдѣлавши только ни на чемъ не основанное предположеніе, что императоръ написалъ ее не добровольно, но вынужденный народнымъ возмущеніемъ (¹). Самъ Гумбертъ иначе представляетъ отношеніе императора къ патріарху, увѣряя, что онъ, послѣ неудавшихся по винѣ патріарха попытокъ къ примиренію церквей, „друзей и родственниковъ патріарха, лишивши почестей, выгналъ изъ дворца, и на него самого сильно гнѣвается“ (²). Что лице по крайней мѣрѣ одного посла, Петра амальфійскаго, могло быть подозрительно въ Константинополѣ, видно даже изъ посланія папы къ императору, въ которомъ онъ, рекомендуя пословъ, пишетъ, между прочимъ: „пусть не раждается въ тебѣ никакое подозрѣніе касательно епископа амальфійскаго, потому что онъ по всему римлянинъ, и вышедши изъ Амальфіи, дружественно прожилъ съ нами уже цѣлый годъ“; Аргиръ, помогавшій папѣ въ несчастномъ походѣ противъ Норманновъ и называемый въ папскомъ письмѣ къ императору „вѣрнѣйшимъ“ намѣстникомъ его, также не пользовался довѣренностію въ Константинополѣ, такъ какъ въ 1042 году, посланный усмирять возстаніе въ Апуліи, онъ самъ сдѣлался предводителемъ Норманновъ противъ императорскихъ войскъ (³). Послѣ всего этого не стран-

(¹) Стр. 166, прим. 76.
(²) Вилл. стр. 152.
(³) Вилл. стр. 87 и 89.

но, если поврежденная печать на папскихъ грамотахъ, содержаніе ихъ сходное съ мыслями Аргира, личнаго врага патріарха, показаніе архіепископа транійскаго о подлогѣ, и наконецъ рѣшительно неприличное досслѣ невиданное поведеніе пословъ въ Константинополѣ могли породить въ патріархѣ искреннее убѣжденіе, что все дѣло папскаго посольства есть не болѣе, какъ злонамѣренная интрига Аргира.

Еще прежде посольства въ Константинополь папа Левъ IX старался пріобрѣсти на свою сторону патріарха антіохійскаго Петра III (1051—1057) ([1]), когда, вѣроятно, получено уже было въ Италіи посланіе Льва Ахридскаго. Петръ, тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, писалъ папѣ извѣстительную грамоту, по обычаю древней церкви, въ которой помѣстилъ свое исповѣданіе вѣры и жаловался на раздоръ церквей. Въ отвѣтномъ посланіи чрезъ два года папа хвалилъ патріарха за почтеніе къ римскому престолу, который есть глава всѣхъ церквей и „которому должны быть представляемы на рѣшеніе важнѣйшія и труднѣйшія дѣла всѣхъ церквей“, какъ предписываютъ всѣ соборы, законы человѣческіе и самъ Господь (Лук. XXII, 31, 32); такъ какъ нѣкоторые стараются унизить древнее достоинство антіохійской церкви; то увѣщеваетъ защищать права антіохійскаго престола, и обѣщаетъ въ этомъ помощь „верховной матери, т. е. римскаго и перваго престола, своей возлюбленной дочери и союзницѣ“; на вопросъ о причинахъ раздѣленія вселенской церкви папа совѣтуетъ патріарху поискать этихъ причинъ въ восточныхъ предѣлахъ, потому что самъ онъ твердо

([1]) См. Tract. hist. — chronol. de patr. antioch. Bochii p. 131. Venet. 1748.

держится и желаетъ единенія церквей; одобряетъ и подтверждаетъ его возведеніе на патріаршій престолъ, если только оно произведено соотвѣтственно канонамъ; и наконецъ представляетъ свое исповѣданіе вѣры, во всемъ православное, кромѣ Filioque ([1]). Въ тоже время, по порученію папы, какъ справедливо думаютъ, старался войти въ дружественныя сношенія и пріобрѣсть на сторону западныхъ антіохійскаго патріарха Доминикъ, патріархъ аквилейскій. Доминикъ принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ лицъ, которые въ жаркомъ спорѣ объ обрядовыхъ разностяхъ держались болѣе свободнаго, безпристрастнаго и примиряющаго направленія. „Не можемъ умолчать о томъ, что мы слышали о порицаніи св. римской церкви со стороны константинопольскаго клира. Нападаютъ на святѣйшіе опрѣсноки, которые мы освящаемъ и принимаемъ въ тѣлѣ Христовомъ, и за то, что мы приносимъ жертву благодаренія безъ квасного смѣшенія, считаютъ насъ непричастными оному тѣлу и отдѣленными отъ единства церкви. Тогда какъ мы, желая сохранить единство католической церкви безъ всякаго раскола, удерживаемъ употребленіе опрѣсноковъ не только по апостольскому, но и по Господню преданію. Впрочемъ, поелику святѣйшіе и православные отцы восточныхъ церквей вѣруютъ, что священное смѣшеніе квасного хлѣба принято и держится законно, то мы тотъ и другой обычай разумѣемъ вѣрнымъ и духовнымъ разумѣніемъ утверждаемъ дѣйствительнымъ. Ибо смѣшеніе муки съ дрожжами, какъ употребляютъ восточныя

([1]) Вилл. стр. 168—171. Папа въ исповѣданіи, при исчисленіи соборовъ, не упоминаетъ о такъ называемомъ 8 вселенскомъ соборѣ противъ Фотія, очевидно, тогда еще не у всѣхъ западныхъ пользовавшемся этимъ авторитетомъ. Но католики стараются объяснить молчаніе тѣмъ, что онъ щадилъ грековъ и не хотѣлъ возбуждать старой ненависти.

жертви, являетъ природу воплощеннаго Слова; а простая масса опрѣсноковъ, какъ держитъ римская церковь, безспорно представляетъ чистоту человѣческой плоти, которую божество соблаговолило соединить съ собою". Доминикъ проситъ патріарха обличать тѣхъ, которые такъ безстыдно противорѣчатъ священнымъ и апостольскимъ уставамъ и хотятъ считать западныхъ лишенными тѣла Христова, а слѣдовательно и вѣчной жизни (¹) (Іоан. VI, 53).

Патріархъ Петръ отвѣчалъ Доминику посланіемъ (²), въ которомъ сначала доказываетъ, что онъ не долженъ называться патріархомъ, такъ какъ могутъ и должны быть для управленія церкви Христовой только 5 патріарховъ, подобно какъ тѣломъ человѣческимъ управляютъ только 5 чувствъ, или можетъ называться патріархомъ только не въ собственномъ смыслѣ, какъ первый послѣ папы въ соборѣ латинскихъ епископовъ—отцовъ (I—V); и потомъ разсуждаетъ объ опрѣснокахъ. Святѣйшій патріархъ константинопольскій, говоритъ Петръ, не называетъ васъ неправославными и не отсѣкаетъ отъ католической церкви, потому что знаетъ, что вы одинаково исповѣдуете съ нами вѣру во Св. Троицу и въ воплощеніе; онъ скорбитъ только и негодуетъ на то, что вы неодинаково съ прочими четырьмя патріархами совершаете таинство евхаристіи. Быть причастникомъ опрѣсноковъ значитъ быть причастникомъ ветхозавѣтной жертвы, а не новозавѣтной (1 Кор. XI, 23, 24, 26. X, 16. 17). Опрѣснокъ мертвъ, безжизненъ, потому квасный хлѣбъ приличнѣе для таинства живаго и животворящаго тѣла Христова (VI—X).

(¹) Вилл. стр. 205—208.
(²) Вилл. стр. 208—220.

Апостолъ говоритъ: „если обрѣзываетесь, то Христосъ не приноситъ вамъ пользы“ (Гал. V, 2—5)“. А я, сообразно съ этимъ, сказалъ бы: „если вкушаете опрѣсноки, то Христосъ не приноситъ вамъ пользы, потому что они преданы въ воспоминаніе бѣгства изъ Египта, а не спасительнаго страданія его. Но увы! что я говорю? Благословенный Боже, слезы текутъ у меня, когда подумаю, что вы во всемъ, чѣмъ благоугождается Богъ, твердо живете, и дѣлами своими славите имя Христово и предпринимаете дальній и многотрудный путь, стремясь отъ предѣловъ земли въ Іерусалимъ для поклоненія животворящему гробу; въ одномъ только служите соблазномъ для св. Божіихъ церквей, именно въ томъ, что предстоятель одной церкви, т. е. блаженнѣйшій папа римскій не хотѣлъ согласиться съ прочими патріархами касательно божественнаго тайнодѣйствія и, одинъ упорствуя противъ всѣхъ, старается настоять на своемъ“ (XI, XII). Когда Христосъ совершалъ тайную вечерю, опрѣсноки еще не были приготовляемы, какъ видно изъ евангелія Іоанна: „прежде праздника пасхи“ и пр. (Іоан. XIII, 1—4; ср. XVIII, 28; XIX, 31); потому хлѣбъ тайной вечери вездѣ называется ἄρτος. Христосъ совершилъ свою пасху 13 нисана и пострадалъ 14 въ пятницу, въ тотъ день, когда по закону закалался іудеями пасхальный агнецъ и приготовлялись опрѣсноки (XIII—XVIII). Если же прочіе евангелисты говорятъ, что Христосъ совершилъ свою пасху въ первый день опрѣсноковъ (Матѳ. XXVI, 17; Марк. XIV, 12; Лук. XXII, 7. 8), то подъ нимъ нужно разумѣть десятый день перваго мѣсяца, какъ приготовительный къ пасхѣ вмѣстѣ съ тремя прочими днями, 11, 12 и 13, какъ заповѣдано въ книгѣ Исходъ брать агнца въ

10-й день и хранить его до 14-го (Исх. XII, 1. 2. 3. 6). Евангелист Иоанн, писавший после других, то, что у первых евангелистов сказано было неясно или опущено, сказал яснѣе и опредѣленнѣе. Итак „послѣдуйте прочим четырем патріархам; один—никто; и два хороши против одного; но гдѣ четверо единогласно и единомысленно слѣдуют одному и тому же (правилу), кто усумнится, что между ними присутствует Бог?“ (XIX—XXIII). Если верховные апостолы и дѣйствительно предали римской церкви совершать евхаристію на опрѣсноках, то это было в самом началѣ ради множества живших в Римѣ іудеев. Но потом это преданіе отмѣнено, как и многія другія, когда церковь возрасла в силѣ и достигла совершенства (XXIV, XXV). В заключеніе патріарх извѣщает Доминика о своем посланія к папѣ, на которое он в продолженіе двух лѣт не получает никакого отвѣта, и проси̂т сообщить ему и это посланіе, в надеждѣ, что он согласится с ним, т. е. отмѣнит опрѣсноки и придет в согласіе с прочими патріархами (XXVI—XXVIII).

Но константинопольскому патріарху легче было склонить антіохійскаго на свою сторону, хотя Петр далеко не раздѣлял его суроваго взгляда на обрядовыя разности и его раздраженія против западных, как не испытавшій других отношеній к ним, кромѣ дружественных. Кромѣ того, что их соединяло единство догматов, церковных законоположеній, обрядов и всей церковной жизни, патріарх Петр воспитывался в Константинополѣ, большую часть жизни прожил там, вѣроятно, при содѣйствіи патріарха Михаила и императора вступил на патріаршій престол, так

какъ Антіохія съ 966 года была подъ властью византійской имперіи. Поэтому на упрекъ Михаила, что имя папы внесено въ диптихи антіохійской церкви, Петръ отвѣчаетъ такъ: „какъ я внесу папу въ диптихи, когда не вноситъ твоя св. Церковь, которой я воспитанникъ и бо́льшій ревнитель, нежели кто-либо другой, и которой старѣйшинство я всегда почитаю и превозношу" (Вилл. стр. 191). Другіе патріархи также были ближе къ константинопольскому, нежели къ римскому. Потому вскорѣ по отбытіи римскихъ пословъ патріархъ Михаилъ счелъ за нужное извѣстить патріарха антіохійскаго, а чрезъ него и другихъ патріарховъ о случившемся. Въ первомъ посланіи своемъ къ патріарху антіохійскому Михаилъ извѣщаетъ его о прибытіи мнимыхъ папскихъ пословъ и о поведеніи ихъ въ Константинополѣ (1—VIII); упрекаетъ его за то, что имя папы доселѣ находится въ диптихахъ антіохійской церкви, равно какъ александрійской и іерусалимской, тогда какъ со времени 6-го вселенскаго собора и папы Вигилія оно вычеркнуто изъ диптиховъ восточной церкви, и поручаетъ ему произвести изслѣдованіе и донести ему о двухъ архіереяхъ, которые не только принимаютъ вкушающихъ опрѣсноки, но и сами иногда служатъ на опрѣснокахъ (IX, X). Получивши отъ Склира, антіохійскаго правителя, списокъ съ посланія Петра къ Доминику и увидѣвъ, что патріархъ Петръ разсуждаетъ въ немъ только объ опрѣснокахъ, Михаилъ исчисляетъ нововведенія и отступленія латинянъ отъ древней практики церковной: кромѣ опрѣсноковъ „ѣдятъ удавленину, брѣютъ свои бороды, хранятъ субботы, ѣдятъ нечистое, монахи ихъ ѣдятъ мясо, свиной жиръ и всякую кожу, прилегающую къ мясу; въ первую недѣлю постовъ, въ

мясопустную и сырную также поступают; въ середу ѣдятъ мясо, въ пятницу сыръ и яйца, а въ субботу цѣлый день постятся...; во св. символѣ дѣлаютъ такое прибавленіе по злому и опасному ихъ мудрованію: „и въ Духа Св., Господа и животворящаго, иже отъ Отца и Сына исходящаго“; также въ св. литургіи провозглашаютъ: „единъ святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца чрезъ Св. Духа“. Къ тому же запрещаютъ браки священниковъ, т. е. имѣющіе женъ не могутъ получить священный санъ, но желающіе священствовать должны быть безбрачны; два брата женятся на двухъ сестрахъ; на литургіи во время причащенія одинъ изъ священнодѣйствующихъ вкушаетъ опрѣсноки и прочимъ даетъ цѣлованіе мира. Епископы на рукахъ носятъ кольца, какъ будто церкви считаютъ за женъ, и говорятъ, что носятъ залогъ; выходя на войну, пятнаютъ свои руки кровью; какъ нѣкоторые увѣряли насъ, совершая божественное крещеніе, крещаемыхъ крестятъ однимъ погруженіемъ; кромѣ того кладутъ соль въ уста крещаемыхъ. Искажая апостольское изреченіе: малъ квасъ все смѣшеніе квасить (1 Кор. V, 6. Гал. V, 9) читаютъ: малъ квасъ все смѣшеніе повреждаетъ, стараясь этимъ малымъ словомъ унизить значеніе дрожжей, поднимающихъ хлѣбъ. Не хотятъ покланяться мощамъ святыхъ, нѣкоторые же изъ нихъ и св. иконамъ. И святыхъ и великихъ нашихъ отцевъ, учителей и епископовъ, именно Григорія Богослова, Василія великаго, божественнаго Златоуста, не причисляютъ къ другимъ святымъ и не принимаютъ всецѣло ихъ ученія“. „Когда они такъ живутъ, заключаетъ патріархъ, и имѣютъ такіе нравы и явно дерзаютъ совершать непозволительное и предосудительное, кто изъ

благомыслящихъ станетъ считать ихъ въ числѣ православныхъ?.. И что всего тяжелѣе и невыносимѣе и достаточно являетъ ихъ безуміе, такъ то, что они говорятъ, что пришли сюда не учиться или разсуждать, а учить и убѣждать, чтобы мы приняли ихъ догматы, и это говорятъ повелительно и съ непомѣрнымъ безстыдствомъ“ (XI—XV). Вмѣстѣ съ своимъ посланіемъ Михаилъ послалъ антіохійскому патріарху копію съ письма своего къ папѣ и съ письма папы къ нему (VIII), а также копію съ посланія Льва Ахридскаго (XI). Во второмъ посланіи къ патріарху антіохійскому, не дождавшись отвѣта на первое, Михаилъ короче, но съ замѣтно большимъ раздраженіемъ разсказываетъ тоже самое о послахъ и ихъ дѣйствіяхъ съ цѣлію, чтобы Петръ, имѣя правильныя свѣдѣнія о происшествіи, какъ получившій тоже безчестіе въ лицѣ Михаила, могъ дать достойный отвѣтъ, въ случаѣ, если придутъ къ нему изъ Рима граматы объ этомъ происшествіи (1—VI). „Далѣе граматы къ блаженнѣйшимъ патріархамъ, совершенно сходныя съ посланной къ твоей святости, не нашедши ни кого изъ благочестивыхъ и вѣрныхъ, съ кѣмъ бы отправить ихъ по назначенію, послали къ твоему совершенству, чтобъ ты переслалъ ихъ къ нимъ съ какимъ нибудь благочестивымъ человѣкомъ, который будетъ отправляться въ тѣ мѣста. Сверхъ того увѣщевай и возбуждай ихъ и собственными граматами возъимѣть божественную ревность за правый догматъ и за непорочную и чистую вѣру нашу, чтобы если спрошены будутъ о томъ, что сдѣлано въ Римѣ, могли дать имъ сообразный съ нашимъ объясненіемъ отвѣтъ“. (VII). Іерусалимскаго патріарха Михаилъ извѣщалъ о содержаніи граматы къ александрійскому и просилъ пере-

слать ее, если антіохійскій не найдетъ къ тому случая (VIII).

Въ посланіяхъ къ антіохійскому патріарху Михаилъ употребилъ всѣ усилія сообщить прочимъ восточнымъ патріархамъ возможно полныя свѣдѣнія о происшедшемъ разрывѣ между церквами и о причинахъ его. Къ сожалѣнію, онъ потерялъ при этомъ душевное спокойствіе и правильный взглядъ на вещи. Онъ не только оставилъ тонъ прежней полемики противъ римлянъ, какъ она велась въ посланіи Льва ахридскаго и въ сочиненіи Никиты Стифата, но даже забылъ и умѣренность опредѣленія своего константинопольскаго собора. Въ обвиненіяхъ на латинянъ онъ превзошелъ всякую мѣру справедливости: букву возвелъ въ догматъ, смѣшалъ важное съ неважнымъ, частныя и мѣстныя отступленія и злоупотребленія приписалъ всей церкви западной; вещи незначительныя и нестоющія вниманія возвелъ въ преступленія; безъ разбора повторилъ несправедливые разсказы объ нихъ и такимъ образомъ по направленію полемики своей приблизился къ Гумберту, который, какъ мы видѣли, бросалъ въ лице грекамъ уличными разсказами, собирая свѣдѣнія о греческой церкви на площади. За это Михаилъ нашелъ себѣ тогда же справедливаго обличителя въ лицѣ миролюбиваго патріарха антіохійскаго. Патріархъ Петръ въ отвѣтѣ своемъ Михаилу (¹) сначала удивляется дерзости Аргира, исправляетъ погрѣшность касательно исключенія папъ изъ диптиховъ восточной церкви со времени Вигилія, жившаго во времена 5-го, а не 6-го вселенскаго собора и лишеннаго поминовенія при служеніи

(¹) Вилл. стр. 189—204.

только на короткое время, и собственнымъ свидѣтельствомъ увѣряетъ, что при антіохійскомъ патріархѣ Іоаннѣ имя папы Іоанна XVIII (1003—1009) было возносимо при служеніи, и что даже въ Константинополѣ при патріархѣ Сергіи (999—1019) въ 1009 году онъ самъ слышалъ имя папы на ряду съ именами другихъ патріарховъ (1—V). Что касается до исчисленныхъ погрѣшностей римлянъ, говоритъ Петръ, то „однихъ изъ нихъ должно отвращаться и бѣгать, другія удобоисправимы, а иныя не стоятъ вниманія. Что намъ за дѣло, что епископы брѣютъ бороды и носятъ кольца въ знакъ обрученія (какъ ты писалъ) съ святой церковью Божіей? И мы дѣлаемъ гуменцо на головѣ въ честь верховнаго изъ апостоловъ Петра, на которомъ создана великая церковь Божія.... И сами мы носимъ золото, надѣвая украшенныя золотомъ поручи, пояса и епитрахили. А что ѣдятъ нечистое и монахи ихъ ѣдятъ мясо и свиной жиръ, то найдешь, поискавши, тоже самое и у нѣкоторыхъ изъ насъ. Ибо виѳиняне, фракійцы и мидяне ѣдятъ сорокъ, галокъ, горлицъ, ежей, употребленіе которыхъ (въ пищу) отцы оставили на произволъ; потому что всякое созданіе Божіе не отметно, когда принимается съ благодареніемъ“ (1 Тим. IV, 4). Уставы монастырскіе и примѣры знаменитыхъ подвижниковъ не запрещаютъ безусловно вкушенія мяса и свинаго жира (VI—X). „Худое и худшее изъ золъ—это прибавленіе къ св. символу: и въ Духа Святаго, Господа и животворящаго, иже отъ Отца и Сына исходящаго. Ибо если евангелія у насъ и латинянъ одни и тѣже, то откуда они научились сдѣлать такое прибавленіе? (Іоан. XVI, 12–15). Что яснѣйшимъ образомъ освятило Св. Писаніе, тому должно слѣдовать, а не измѣнять. Но,

какъ кажется, латиняне потеряли экземпляры дѣяній перваго Никейскаго собора, когда надъ Римомъ продолжительное время господствовали Вандалы, отъ которыхъ можетъ быть научились и аріанствовать и совершать крещеніе въ одно погруженіе, если то правда, что ты указалъ.... ([1]). Прилагающихъ что нибудь (къ Символу) или отнимающихъ анаѳематствуемъ“(XI—XIII). „Хорошо, взирая на добрую волю, особенно когда дѣло Божіе и вѣра не въ опасности, всегда склоняться къ миру и братолюбію. Ибо и они братья наши, хотя по грубости и ненаученію случается имъ часто дѣлать не то, что должно, когда слѣдуютъ своей волѣ. И нельзя искать у грубыхъ народовъ такой дисциплины, какая требуется отъ насъ образованныхъ. Важно уже и то, если у нихъ правильно проповѣдуется животворящая троица и исповѣдуется по нашему ученію таинство воплощенія“. Далѣе патріархъ антіохійскій не одобряетъ того, что у латинянъ не допускаются женатые священники, что въ недѣлю мясопустную и въ первую поста ѣдятъ мясо и сыръ, и что служатъ на опрѣснокахъ. „А что они ѣдятъ удавленину и что два брата женятся на двухъ сестрахъ, то не по заповѣди, думаю, и съ согласія папы или другихъ архіереевъ допускается это, но дѣлается самовольно тѣми, которые хотятъ такъ поступать, какъ и въ нашей римской имперіи дѣлается обыкновенно безъ нашего вѣдома много противозаконнаго и достойнаго порицанія“. Удивляется патріархъ и тому, что папы дозволяютъ ѣсть удавленину и колбасы; но признаетъ вмѣстѣ и нелегкость искорененія дурныхъ обычаевъ, какъ доказываютъ опыты и на восто-

---

([1]) Этотъ обычай дѣйствительно существовалъ въ Цесаріи.

къ (XVI—XVII). „Касательно прибавленія къ Сумволу и того, что они не причащаются отъ руки женатаго священника, хорошо и богоугодно настаиваетъ твоя святость и пусть никогда не престаетъ настаивать и убѣждать священнымъ писаніемъ и евангельскою проповѣдью, пока не приведешь ихъ къ согласію съ истинной и къ признанію съ нами божественнаго исхожденія Св. Духа отъ (одного) Отца. Прочее же кажется мнѣ не заслуживающимъ вниманія, когда ученіе истины нисколько не страдаетъ отъ этого. Можетъ быть большею частію это и ложно. Мы не должны легко вѣрить напраснымъ клеветамъ и довѣрять также нашимъ подозрѣніямъ и разрушать то, что твердо и хорошо“ (XIX). Обвиненіе въ томъ, что латиняне не почитаютъ мощей и не покланяются иконамъ патріархъ Петръ считаетъ прямо клеветой, противорѣчащей убѣдительнѣйшимъ доказательствамъ благоговѣнія ихъ предъ мощами и иконами (XX). Потому онъ совѣтуетъ Михаилу по возможности осторожнѣе поступать въ этомъ дѣлѣ, чтобы изъ желанія прекратить раздоръ не произвести большаго раздѣленія, отъ котораго произошло уже много золъ (XXI). „Если бы они исправились касательно прибавленія къ Сумволу, то я ничего больше не требовалъ бы, оставляя безразличнымъ съ прочими и вопросъ объ опрѣснокахъ... Совѣтую и твоему богоподобному блаженству допустить это, чтобы, требуя всего, не потерять намъ всего“ (XXII). Въ заключеніе патріархъ извѣщаетъ Михаила, что его посланія къ патріархамъ александрійскому и іерусалимскому отправлены, посылаетъ посланіе Льва IX и молитъ Бога, чтобы Онъ „побуждая побудилъ и вразумилъ его освященную душу приступать къ этому дѣлу съ большей умѣренностью и сни-

сходительностію, особенно если дѣло будетъ не въ опасности" (XXIII—XXV) (¹).

Нѣсколько позже писалъ къ одному изъ близкихъ людей (діакону Николаю) Θеофилактъ, архіепископъ болгарскій извѣстный учитель греческой церкви въ XI вѣкѣ, объ обвиненіяхъ на латинъ (περὶ ὧν ἐγκαλοῦνται λατῖνοι) (¹). Собесѣдникъ его Николай находилъ у латинянъ много отступленій отъ древней практики церковной и приписывалъ нововведеніямъ „не малую силу къ раздѣленію церквей". Не такъ смотрѣлъ на это ученый архіепископъ. „Зная, что объ этомъ почти всѣ такъ думаютъ, мы не такъ думаемъ; мы знаемъ, что заблужденій и немного, и не такія, чтобы могли раздѣлять церкви (I). Во многомъ, по видимому, заблуждаютъ латинянъ... Но я думаю, что многое изъ того незаслуживаетъ никакого вниманія, а иное—весьма малаго (II). Самое важное заблужденіе ихъ—это нововведеніе, которое они сдѣлали въ Сѵмволѣ вѣрѣ, проповѣдуя, что Духъ исходитъ отъ Отца и Сына (III). „Это заблужденіе и самъ Θеофилактъ подробно опровергаетъ и другимъ совѣтуетъ отвергать рѣшительно, не смотря ни на какія представленія латинянъ. Всѣ другія нововведенія, хотя въ нихъ латиняне и дѣйствительно отсту-

(¹) Объ этомъ превосходномъ произведеніи Петра Гефеле говоритъ: „die schlaue Antwort des Patriarchen von Antiochien, der *auf beiden Achseln Wasser tragen will*" (Conciliengesch. B. IV. S. 738). Въ чемъ же состоитъ та Freisinnigkeit, которой восхищается ученый профессоръ у Гумберта и Льва IX, какъ не въ той же терпимости къ различію обрядовъ, только несравненно въ меньшой степени, нежели у Петра? А если такъ, то почему произведеніе Гумберта trefflich und freisinnig, а патріархъ Петръ въ своемъ schlaue Antwort will auf beiden Achseln Wasser tragen? Не потому ли, что кардиналъ при своемъ свободомысліи проклинаетъ греческіе обряды, а патріархъ защищаетъ латинскіе даже отъ осужденія?

(²) Видл. стр. 229—253.

паютъ отъ древней практики, онъ находитъ возможнымъ и лучшимъ предоставить имъ на волю, нежели изъ-за нихъ производить раздѣленіе церквей. Подобно Петру антіохійскому, недостатки латинянъ онъ старался извинять и прикрывать христіанскою любовію, и считалъ за лучшее, при единогласіи въ догматахъ, терпѣть разнообразіе въ обрядахъ, чтобы сохранить миръ церковный. Не индеферентно или холодно относились они къ обрядамъ: они предпочитали древніе восточные обряды, держались ихъ твердо и защищали ихъ (1). Нѣтъ, они видѣли, что единообразіе въ обрядахъ не возможно, придавали имъ только надлежащее значеніе и возмущались фарисейской привязанностью къ буквѣ, по которой жаркіе ревнители обряда находили другъ въ другѣ сходство съ древними еретиками, давно исчезнувшими съ лица земли, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тѣ и другіе держались одного ученія (Θеоф. XV).

„Необходимо, святѣйшій владыко, писалъ Петръ антіохійскій къ Михаилу Керулларію, чтобы, по избраніи папы (2), твое священнолѣпное совершенство все это изложило ему въ почтительной граматѣ... Можетъ быть, какъ говоритъ апостолъ, при нашей мягкости въ обращеніи съ разномыслящими, дастъ имъ Богъ покаяніе къ познанію истины". Но это было заблужденіе добраго чувства, pium desiderium. Изъ нашего описанія борьбы между церквами ясно видно, какъ

(1) Такъ Θеофилактъ, кромѣ догмата объ исхожденіи Св. Духа отъ одного Отца, защищаетъ употребленіе квасного хлѣба для евхаристіи, хотя не соглашается съ мнѣніемъ другихъ восточныхъ, что Христосъ употребилъ на тайной вечери квасный хлѣбъ, опровергаетъ законность поста въ субботу (IX—XI) и т. д.

(2) Посланіе писано вскорѣ по смерти папы Льва IX (19 апрѣля 1054), когда не былъ еще избранъ Викторъ II.

мало склонны были на уступки латиняне, какъ они старались нетолько удержать, но и навязать грекамъ свои мнѣнія и обряды, чего никакъ не могли принять послѣдніе. При сознаніи древности и законности своихъ обрядовъ, за немногими исключеніями, сами стремились къ подчиненію латинянъ своему обряду. Да и не изъ за обрядовъ только производилась борьба: дѣло шло о равноправномъ съ римской, самостоятельномъ существованіи восточной церкви. Папа и его послы заявили такія притязанія на безусловное подчиненіе всѣхъ римской церкви или лучше самовластію римскаго епископа, что безъ оскорбленія христіанской свободы и чести церквей, не возможно было принять ихъ. Тѣмъ менѣе могъ подчиниться папскому абсолютизму константинопольскій патріархъ и притомъ такой, какъ Михаилъ. Константинопольскій патріархъ издревле, и по соборнымъ постановленіямъ и по своему значенію въ имперіи, занималъ на востокѣ первенствующее мѣсто, и голосъ его былъ далеко важнѣе голоса прочихъ патріарховъ. При слабости же государей голосъ его могъ сдѣлаться рѣшительнымъ и повелѣвающимъ. Могъ ли же Михаилъ Керулларій, далеко не чуждый честолюбія, добровольно сдѣлаться папскимъ подручникомъ. Оттого, между прочимъ, онъ мало и заботился о переговорахъ съ послами и даже намѣренно ставилъ препятствія. Если папа, на основаніи константиновой граматы, усвоялъ себѣ царскія права; то и Михаилъ не чуждъ былъ стремленія поровняться съ властію императора. Онъ усвоялъ себѣ принадлежности царской одежды, не находилъ различія между царской и патріаршей властію, привыкъ, чтобы государи исполняли его желанія, и, когда возведенный при его содѣйствіи на престолъ,

Исаакъ Комнинъ отказывалъ патріарху въ просьбахъ, то онъ не боялся угрожать ему потерей престола: „я тебя создалъ, я и уничтожу тебя", говаривалъ онъ императору (1). Но это было несвойственное духовной власти превозношеніе, за которое патріархъ поплатился лишеніемъ престола и ссылкой (1057). Впрочемъ по смерти патріарха императоръ перенесъ тѣло его въ Константинополь и съ честію похоронилъ въ построенномъ имъ монастырѣ (2). Если вѣрить несогласнымъ показаніямъ Матвея Властаря и Георгія Франсы, то патріархъ Михаилъ на соборѣ въ Константинополѣ 1054 или, по послѣднему, 1057 года осудилъ латинянъ и имя папы вычеркнулъ изъ диптиховъ; опредѣленія этого собора утверждены были и прочими патріархами (3). Какъ бы то ни было, только съ тѣхъ поръ всѣ попытки къ соединенію раздѣленныхъ церквей оставались безуспѣшными.

И. Добротворскій.

---

(1) Scylitz. Curop. p. 642. ed. Bonn. 1839.—Zonar. XVIII, 4.
(2) Mich. Glyc. Annal. IV, 601. Bonn. 1836.
(3) Allat. Exercit. in Rob. Creygton, p. 332; Georg. Phrantz IV, I. p. 313. ed. Bonn. 1838.

ВѢСТИ СЪ ВОСТОКА (*)

I.

О посѣщеніи Константинопольской патріархіи лицами, коимъ было поручено Піемъ IX приглашеніе вселенскаго патріарха Григорія на предполагаемый въ Римѣ соборъ.

Въ четвергъ на прошедшей недѣлѣ (3 го октября) два аббата изъ свиты г. Брунони, викарія его блаженства, папы римскаго въ Константинополѣ, явившись въ великую протосингелію, испросили отъ имени Донъ-Тесты, мѣстоблюстителя отбывшаго въ Римъ г. Брунони, у святѣйшаго патріарха день и часъ для аудіенціи.

(*) Этому „Сообщенію“, имѣющему всѣ признаки оффиціальнаго происхожденія, предпослано въ греческой газетѣ „Ἀνατολικὸς Ἀςὴρ“ (Восточная звѣзда), изъ которой мы оное заимствуемъ, слѣдующее заявленіе: „такъ какъ различные различно разсказываютъ о недавнемъ посѣщеніи патріархіи его высокопреподобіемъ Донъ-Тестою, мѣстоблюстителемъ г. Брунони, викарія его блаженства, папы Пія IX, и вслѣдствіе этого редакціи нѣкоторыхъ газетъ просили насъ сообщить имъ точныя свѣдѣнія объ этомъ фактѣ, то благоволите и вы помѣстить на страницахъ издаваемой вами газеты прилагаемое при семъ „Сообщеніе“ для разъясненія дѣла вашимъ читателямъ“. Перепечатывая это „Сообщеніе“ равно какъ и помѣщаемое вслѣдъ за нимъ письмо архимандрита Евгенія Ксиропотамскаго о томъ же предметѣ въ русскомъ переводѣ на страницахъ „Христ. Чтенія“, мы надѣемся удовлетворить желанію православныхъ читателей—знать, какъ отнеслась православная восточная церковь къ папскому приглашенію.—*Пер.*

Назначена имъ суббота (5-го октября), отъ 3 до 5 часовъ дня.

Въ 4-мъ часу въ субботу пришелъ Донъ-Теста, въ сопровожденіи другихъ трехъ аббатовъ, изъ которыхъ первый нѣсколько говорилъ по гречески, прочіе же говорили по французски. Послѣ обычнаго пріема и привѣтствія въ протосингеліи, великій протосингелъ отвелъ ихъ къ его святѣйшеству.

Пришедъ къ его святѣйшеству, они, послѣ приложенія къ рукѣ, сѣли по привѣтливому приглашенію патріарха. Пока его святѣйшество выражалъ обычныя привѣтствія и любезности, они всѣ встали; Донъ-Теста, вынувъ изъ-за пазухи что-то въ родѣ книжечки въ золотомъ переплетѣ, съ пурпуровыми дощечками, протянулъ ее къ рукамъ патріарха, а второй послѣ него аббатъ сказалъ по гречески: „за отсутствіемъ г. Брунони, мы являемся, чтобы пригласить ваше святѣйшество на имѣющій быть созваннымъ въ Римѣ вселенскій соборъ, 8 декабря наступающаго года, и при этомъ просимъ васъ принять сіе пригласительное письмо".

Его святѣйшество подалъ рукою знакъ, чтобы переплетенная въ золото книжечка, которую держалъ Донъ-Теста, была положена на диванъ, и чтобы они всѣ сѣли; серьёзнымъ тономъ, выражавшимъ въ одно и то же время и отеческую любовь и душевное спокойствіе, произнесъ онъ слѣдующее:

„Если бы римская газета и другія газеты, съ ея словъ, не обнародовали пригласительнаго письма его блаженства на римскій, какъ вы называете его, вселенскій соборъ; и если бы вслѣдствіе этого намъ были неизвѣстны какъ цѣль и содержаніе письма, такъ и

начала (принципы) его блаженства, то мы съ удовольствіемъ приняли бы письмо патріарха древняго Рима, въ надеждѣ услышать что-либо новое. Но поелику изъ обнародованнаго уже въ газетахъ пригласительнаго письма ясно видны начала его блаженства, совершенно не согласныя съ началами церкви восточной православной, то мы, къ сожалѣнію, должны прямо сказать вашему преподобію, что не можемъ принять ни приглашенія, ни письма его блаженства, такъ какъ въ немъ повторяются одни и тѣ же начала,—начала противорѣчащія духу евангельскому и ученію вселенскихъ соборовъ и святыхъ отцевъ. Его блаженство, поступивши такимъ же образомъ въ 1848 г., вызвалъ православную восточную церковь на отвѣтъ, въ формѣ окружнаго посланія, въ которомъ просто и ясно была высказана противоположность началъ Рима началамъ апостольскимъ и святоотеческимъ,—посланія, не только не удовлетворившаго, но и огорчившаго его блаженство. А что его блаженство тогда дѣйствительно былъ недоволенъ, это ясно обнаруживается изъ его отвѣтнаго письма. Итакъ какъ не видно, чтобы его блаженство уклонился отъ своихъ началъ, да и мы, по благодати Божіей, отъ своихъ началъ не уклонились, то и не желаемъ, безъ надобности, причинять ему новыя огорченія и растравлять старыя раны, ни возбуждать угасшую ненависть путемъ споровъ и словопреній, большею частію оканчивающихся раздорами и враждою, между тѣмъ какъ и мы и вы теперь, больше чѣмъ когда-либо, нуждаемся во взаимной евангельской любви и сочувствіи, вслѣдствіе обстоящихъ церковь Христову многочисленныхъ и многообразныхъ опасностей и искушеній. Да и не возможно совѣщаніе и собесѣдованіе

соборное, когда нѣтъ общаго исходнаго пункта въ однихъ и тѣхъ же началахъ. Притомъ мы думаемъ, что самое благоуспѣшное и безпристрастное рѣшеніе такихъ вопросовъ есть историческое. А именно: такъ какъ за десять столѣтій передъ симъ церковь, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, какъ въ древнемъ, такъ и въ новомъ Римѣ, была одна и та же, и содержала одни и тѣ же догматы, то къ ней и прибѣгнемъ всѣ мы вмѣстѣ и посмотримъ, кто изъ насъ сдѣлалъ прибавку или убавку: пусть будетъ отброшена прибавка, если она окажется, и тамъ, гдѣ она окажется, пусть будетъ приставлена убавка, если она окажется, и тамъ, гдѣ она окажется: и тогда мы всѣ незамѣтно очутимся на томъ пунктѣ каѳолическаго православія, съ котораго Римъ позднѣйшихъ вѣковъ, удаляясь все болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно расширялъ раздѣляющую насъ теперь бездну новыми догматами и постановленіями, отступающими отъ священнаго преданія".

Первый аббатъ Донъ-Теста. „Какія это разнорѣчивыя начала разумѣетъ Ваше Святѣйшество?"

Патріархъ. „Пропуская частности, скажемъ, что, пока существуетъ церковь Спасителя на землѣ, мы не можемъ допустить, чтобы, кромѣ Самаго Господа былъ какой-либо епископъ владыкою и главою всей церкви Христовой, чтобы какой-либо патріархъ былъ безошибочнымъ и непогрѣшимымъ ex cathedra, чтобъ былъ выше вселенскихъ соборовъ, которые одни непогрѣшимы, какъ согласные съ Писаніемъ и съ Апостольскимъ преданіемъ; или же, чтобы апостолы были между собою не равны, въ поруганіе Святому Духу, просвѣтившему одинаково всѣхъ; или же, чтобы тотъ или другой патріархъ и папа получилъ старшинство

по престолу не отъ соборнаго человѣческаго права, но отъ божественнаго, какъ вы говорите, и тому подобное".

Четвертый аббатъ. „Римъ вовсе не предполагаетъ измѣнять своихъ началъ".

Второй аббатъ. „Это потому, что флорентійскій соборъ, разсматривавшій все это, соединилъ обѣ церкви; но такъ какъ нѣкоторые остались внѣ этого единенія, то ихъ-то и приглашаетъ святѣйшій отецъ на предстоящій вселенскій соборъ, дабы и они, убѣдившись, соединились".

Патріархъ. „Сколько сказано и написано противъ флорентійскаго собора, объ этомъ только необразованные могутъ не знать: а ваше преподобіе не принадлежите къ числу ихъ. Уже съ послѣдняго засѣданія того вынужденнаго синедріона, благодаря взаимнымъ обвиненіямъ, въ самыхъ пеленахъ своихъ умерло насильственное единеніе. Синедріонъ, созванный по причинамъ политическимъ, по интересамъ чисто земнымъ и окончившійся сдѣлкою, временно навязанный немногимъ изъ нашихъ тогдашнимъ папою, путемъ голода, всякихъ насилій и угрозъ, такой синедріонъ не достоинъ носить святое имя собора. По нашему, вселенскимъ соборомъ, вселенскою церковью и истиннымъ каѳоличествомъ можетъ быть и называться только то святое и непорочное цѣлое (*σῶμα*), въ коемъ, независимо отъ вещественной численности, сосредоточивается чистое ученіе апостоловъ и вѣра всѣхъ мѣстныхъ церквей, ученіе утвержденное и искушенное въ теченіе первыхъ осьми вѣковъ, отъ основанія церкви, когда отцы Востока и Запада, и семь—ни болѣе ни менѣе—вселенскихъ святѣйшихъ соборовъ, движимыхъ Духомъ Святымъ, изрекли одинъ и тотъ же небесный глаголъ евангель-

скій. Эти соборы и эти досточтимые отцы, творенія коихъ извѣстны всѣмъ, да будутъ непреткновеннымъ и твердымъ руководствомъ для каждаго христіанина, какъ и для каждаго епископа западнаго, искренно желающаго и ищущаго евангельской истины. Они представляютъ высшій критерій христіанской истины; они—тотъ твердый путь, на которомъ мы можемъ сойтись въ святомъ лобзаніи догматическаго единенія. Всякаго же, идущаго не этой стезею, мы будемъ считать уклонившимся отъ средоточія и неспособнымъ сосредоточить вокругъ себя членовъ православной каѳолической церкви. Если же, быть можетъ, нѣкоторые изъ западныхъ епископовъ, сомнѣваясь въ нѣкоторыхъ изъ своихъ догматовъ, желаютъ сойтись, пусть сходятся и пересматриваютъ ихъ хоть каждый день, если имъ угодно; мы, со своей стороны, не имѣемъ никакихъ сомнѣній относительно преданныхъ отцами и неизмѣнныхъ догматовъ благочестія. Притомъ, достопочтенные отцы, такъ какъ рѣчь идетъ о вселенскомъ соборѣ, то конечно не ускользнуло изъ вашей памяти, что вселенскіе соборы созывались не такъ, какъ провозгласилъ его блаженство. Если бы блаженнѣйшій папа римскій принялъ апостольскія равночестность и братство, то ему бы надлежало, какъ равному между равными по званію и первому по порядку каѳедры, на основаніи каноническаго права, отправить отдѣльныя посланія къ каждому изъ патріарховъ и синодовъ востока, а не оповѣщать посредствомъ циркуляровъ и газетъ, тономъ начальника и владыки всѣхъ, но просить братьевъ, какъ братъ, равночестный и равностепенный, обсудить вмѣстѣ, гдѣ и какъ и какой нужно созвать соборъ? А если такъ, то или обратитесь сами къ исторіи и къ вселенскимъ соборамъ,

чтобы историческимъ путемъ (ἱςορικῶς) устроилось для всѣхъ желанное, истинное и христіански правильное единство, или мы по-прежнему будемъ довольствоваться непрерывными молитвами и прошеніями о мирѣ всего міра, благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединенія всѣхъ. При настоящемъ же положеніи дѣлъ, мы съ прискорбіемъ должны заявить вамъ, что считаемъ излишнимъ и безполезнымъ, какъ приглашеніе, такъ и принесенное вами письмо".

Четвертый аббатъ. „Развѣ въ состояніи одна только молитва совершить единеніе? Когда случится кому-либо заболѣть, то мы хотя и чаемъ его исцѣленія отъ Бога и возсылаемъ объ этомъ усердныя и неослабныя молитвы, но въ то же время не упускаемъ доставить ему и врача и врачебныя пособія".

Патріархъ. „Такъ какъ рѣчь у насъ о религіозныхъ и духовныхъ болѣзняхъ, и такъ какъ одинъ только всевѣдущій Основатель и Свершитель своей церкви Господь Іисусъ Христосъ въ точности знаетъ, кто больной, и насколько онъ боленъ, и какого рода его болѣзнь и какое для нея подходящее врачевство, вслѣдствіе этого опять повторяемъ, что настоитъ крайняя надобность въ молитвѣ, молитвѣ горячей и непрестанной къ Господу нашему, Который есть Сама Любовь, о внушеніи всѣмъ того, что спасительно и богоугодно".

Сказавъ это, его святѣйшество велѣлъ сидѣвшему по близости и переводившему слова его на французскій языкъ великому протосингеллу взять бумагу съ дивана и возвратить подавшему ее мѣстоблюстителю г. Брунони; вслѣдъ за этимъ они встали, откланялись, и,

получивши взаимный прощальный привѣтъ отъ его святѣйшества, вышли въ сопровожденіи великаго Протосингелла, который провожалъ ихъ до лѣстницы.

II.

Письмо бывшаго мѣстоблюстителя патріаршаго Александрійскаго престола архимандрита Евгенія къ редактору греческой газеты „Византисъ“.

Милостивый Государь!

Въ разныхъ газетахъ мы прочли какое-то окружное посланіе, появившееся сначала въ Giornale di Roma, обнародованное будто бы его святѣйшествомъ архіепископомъ Римскимъ, адресованное къ епископамъ Восточныхъ Церквей, не состоящихъ въ общеніи съ святымъ престоломъ, и приглашающее ихъ на объявленный его святѣйшествомъ вселенскій соборъ, для возстановленія, при содѣйствіи ихъ, древняго согласія и единенія всѣхъ церквей Господа нашего Іисуса Христа.

Не смотря на указанные специфическіе признаки посланія, не смотря на то, что оно трактуетъ о предметѣ столь важномъ и обнародовано въ оффиціальной римской газетѣ, мы однакоже затрудняемся думать, чтобы оно возникло изъ разумной и много-опытной головы его святѣйшества и просвѣщеннаго сонма его іерарховъ, такъ какъ оно, вмѣсто того, чтобы носить на себѣ всѣ тре-

буемыя для такого рода посланія формы, не только ихъ не имѣетъ, но и облечено, съ начала до конца, въ отвратительныя лохмотья люциферовской гордости на мѣсто величественной багряницы истинной и искренней любви во Христѣ.

Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько открытыхъ замѣчаній, по предмету упомянутаго посланія, хотя бы для того только, чтобы дать поводъ болѣе острому и способному перу лучше насъ разобрать этотъ важный предметъ.

Прежде всего замѣтимъ, что его святѣйшеству, папѣ римскому, должно быть очень хорошо извѣстно, что какъ западная церковь, такъ и восточныя, имѣютъ представителей равночестныхъ архіепископу римскому, пользующемуся сравнительно съ ними только почетнымъ старшинствомъ, и слѣдовательно онъ долженъ бы былъ писать къ нимъ, какъ къ равночестнымъ о Христѣ братьямъ, а не приглашать ихъ чрезъ одно лишь напечатанное въ газетахъ окружное посланіе, и не обращаться къ нимъ какъ бы къ простымъ, подвѣдомственнымъ ему епископамъ. Далѣе, ему слѣдовало бы ясно и точно опредѣлить въ немъ тотъ вопросъ, разсмотрѣніемъ котораго имѣетъ заняться сей вселенскій соборъ. Затѣмъ онъ долженъ бы былъ достаточно развить этотъ вопросъ и указать неотложную надобность въ общемъ разсмотрѣніи и рѣшеніи его; и уже послѣ всего этого, должно было бы, съ общаго согласія, назначить мѣсто и время для созванія собора. Но такъ какъ всего этого не было сдѣлано, то какой благоразумный и сознающій свое достоинство епископъ, какой бы то ни было изъ восточныхъ церквей, будетъ въ состояніи приложить ухо къ такому темному, неопредѣленному, над-

менному и неоформенному приглашенію? Думаемъ, что ни одинъ.

Что же касается до единенія, то если кто скорбитъ и горько оплакиваетъ печальный фактъ раздѣленія церквей Господа нашего Іисуса Христа, такъ это православная восточная церковь, которая, „пребывая въ томъ, чему научена и что ей ввѣрено, зная отъ кого научена“, тщетно говорила искренно и братолюбно на соборахъ, упоминаемыхъ симъ окружнымъ папскимъ посланіемъ, и при многихъ другихъ обстоятельствахъ, а церковная и политическая исторія ясно свидѣтельствуетъ, что восточная церковь, ограничивши кругъ своей канонической дѣятельности чисто духовною сферою, никогда не увлекалась страстью къ преобладанію, никогда не допускала нововведеній, но, послѣдуя повелѣнію Господа нашего „воздавать Кесарева Кесареви, а Божія Богови“, хранитъ въ чистотѣ и неповрежденности священный залогъ православной христіанской вѣры и сохранитъ оный, съ Божіею помощью, до скончанія вѣковъ, какъ пріяла оный отъ Божественнаго Основателя и отъ Святыхъ и досточтимыхъ Вселенскихъ Соборовъ. Такимъ образомъ восточная церковь будетъ первая радостнымъ гласомъ привѣтствовать древнее единеніе церквей, когда увидитъ, что оно удобосовершимо и что предлагается искренно и о Христѣ: но, къ несчастію, этихъ-то именно свойствъ и недостаетъ окружному посланію римскаго первосвященника.

Изъ пріемовъ и тона этого окружнаго посланія слѣдуетъ одно изъ двухъ: либо пишущій желаетъ показать, что онъ озабоченъ исполненіемъ обязанностей, впрочемъ только предполагаемыхъ, на самомъ же дѣлѣ вовсе на немъ не лежащихъ, которыми онъ старается

овладѣть по страсти къ первенству; либо онъ имѣетъ цѣлью, посредствомъ представительства восточной церкви на соборѣ, дать больше вѣса главному, намъ не извѣстному и отъ насъ скрытому, предмету, для котораго собственно онъ и созываетъ упоминаемый здѣсь соборъ.

Если онъ желаетъ перваго, то да вѣдаетъ его святѣйшество, что никто не потребуетъ отъ него отчета за духовныхъ овецъ, пасомыхъ другими пастырями, и съ этой стороны совѣсть его можетъ быть вполнѣ спокойною. Если же онъ желаетъ втораго, то да будетъ онъ увѣренъ, что восточная православная церковь, какъ доселѣ не была, такъ и въ грядущемъ никогда не будетъ орудіемъ властолюбивыхъ и мірскихъ цѣлей и предначертаній западной церкви,—никогда не наложитъ она на чистое чело свое такого пятна, и да не мечтаетъ Пій IX обмануть іерарховъ восточной церкви, скрывая отъ нихъ настоящій предметъ и цѣль собора подъ блестящею и позолоченою приманкой *Единенія*; смыслъ его продѣлокъ слишкомъ хорошо извѣстенъ всѣмъ и, вслѣдствіе этого, онѣ къ несчастью ведутъ только къ тому, что возмущаютъ совѣсть и порождаютъ въ массахъ холодность и равнодушіе къ вѣрѣ, нисколько не согрѣвая сердецъ его пасомыхъ.

Когда, напримѣръ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, онъ провозгласилъ и созвалъ соборъ изъ всѣхъ католическихъ епископовъ, повидимому, для возведенія въ догматъ безпорочнаго зачатія Святыя Дѣвы и Богоматери, то оказалось, что этотъ мнимый вопросъ былъ только предлогомъ; на самомъ же дѣлѣ, какъ онъ, такъ и его окружающіе, видя, что новѣйшія идеи съ каждымъ днемъ развиваются и возстановляютъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и многіе кабинеты противъ свѣтской власти рим-

скаго первосвященника, хотѣли узнать отъ собравшихся архіереевъ, на сколько можно разсчитывать на деньги и кулаки народныхъ массъ, для отраженія нападеній на свѣтскую власть папы, если бы такія нападенія были сдѣланы. На другомъ соборѣ, созванномъ имъ въ слѣдъ за тѣмъ, онъ намѣревался, какъ увѣряла его пригласительная энциклика, канонизовать разныхъ святыхъ и мучениковъ, между тѣмъ результатомъ этого собора былъ тотъ пресловутый и деспотическій Силлабусъ, который до того скандализировалъ западныхъ христіанъ, что и самыя дружески къ нему расположенныя вѣнчанныя главы вынуждены были запретить оффиціальное обнародованіе этого страннаго документа для успокоенія разсвирѣпѣвшихъ умовъ.

Кто поручится, что и теперь, когда его святѣйшество видитъ, что свободныя и истинно христіанскія идеи все больше и больше утверждаются, а его мірское царство съ каждымъ днемъ обрѣзывается и мірская его власть готова испустить послѣднее дыханіе, кто поручится, повторяемъ, что и теперь истинная цѣль собора не есть какое либо злоумышленіе противъ католическихъ народовъ, въ которое онъ хочетъ втянуть, въ качествѣ соучастниковъ, епископовъ восточной церкви, всегда держащихся въ сторонѣ отъ всякихъ притязаній на мірское преобладаніе.

Но предположимъ на минуту, что Пій IX, приближаясь къ гробу, дѣйствительно чувствуетъ угрызенія совѣсти, помышляя о томъ злѣ, какое нанесено церкви Христовой маніей его предмѣстниковъ къ первенству, и что онъ горячо желаетъ единенія; тѣмъ не менѣе можетъ ли оно состояться, даже при добромъ желаніи и сердечной непрерывной молитвѣ о семъ восточной

церкви? Нѣтъ; потому что для достиженія чего либо подобнаго, необходимо во первыхъ устранить причины, повлекшія за собою раздѣленіе. Въ самомъ дѣлѣ, справляясь съ исторіей, мы видимъ, что сѣмена раздѣленія начали проростать одновременно съ тѣмъ, какъ архіепископъ римскій, не довольствуясь предѣлами своей духовной юрисдикціи, началъ захватывать и мірскую власть и къ кресту прилагать мечъ; видимъ, что чѣмъ болѣе дѣлала успѣховъ его свѣтская власть, тѣмъ притязательнѣе онъ становился къ другимъ церквамъ, требуя отъ нихъ рабскаго поклоненія, и вслѣдствіе этого тѣмъ болѣе дѣлала успѣховъ схизма, которая наконецъ и совершилась, когда первосвященникъ римскій уже открыто выступилъ съ претензіями неограниченнаго владыки всѣхъ прочихъ церквей и потребовалъ подчиненія себѣ отъ равночестныхъ и равныхъ ему предстоятелей православной восточной церкви. Тщетно отцы восточной церкви вопіяли тогда противъ такого притязанія; тщетно напоминали западной церкви внушительную заповѣдь нашего Господа: „желающій быть первымъ, да будетъ послѣднимъ"; тщетно указывали на проистекавшія отсюда пагубныя слѣдствія: голосъ ихъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, римская церковь евангельскому равенству предпочла первенство и мірскую власть и единенію церквей схизму. А какъ она пользовалась этою властію и этимъ превозношеніемъ надъ христіанскимъ обществомъ и даже надъ коронованными главами, и какъ необузданная надменность и ненасытное любостяжаніе сдѣлали ее виновницею и другой схизмы,—объ этомъ пусть повѣдаетъ исторія.

Правда, единеніе церквей, о которомъ мы горячо молимся, имѣетъ за себя въ нашъ вѣкъ много вѣроятно-

стей: потому что развитіе наукъ и искусствъ, обобщеніе свободныхъ идей, связь, установившаяся между разными народами путемъ матеріальныхъ интересовъ, ощутительное уменьшеніе фанатизма, усиливающійся съ каждымъ днемъ у всѣхъ народовъ духъ вѣротерпимости, все это предуготовляетъ и дѣлаетъ возможнымъ и удобосовершимымъ единеніе, которое съ Божіею помощью и совершится: но это будетъ тогда, когда римскій Pontifex maximus волею неволею лишится своей свѣтской власти и остáнется лишь духовнымъ главою своихъ духовныхъ чадъ, потому что тогда и самое догматическое разногласіе можетъ быть устранено путемъ историческаго изслѣдованія. Но объ этомъ мы скажемъ въ другой разъ; теперь же у насъ рѣчь о томъ только, что сама исторія ясно свидѣтельствуетъ, кѣмъ и изъ-за чего сдѣланы нововведенія.

И такъ пока дѣла остаются въ томъ видѣ, какъ они теперь въ западной церкви, пока она, вмѣсто меча духовнаго, „который есть глаголъ Божій", предпочитаетъ употреблять мечъ палача, чтобы казнить духовныхъ чадъ своихъ для поддержанія власти міра сего, власти, совершенно противорѣчащей Божественному духу ученія Великаго Учителя, слѣдовательно власти противохристіанской, пока не отложитъ гордости и люциферовской надменности, до тѣхъ поръ, къ несчастію, ничего не будетъ. Отъ нея это зависитъ, если она искренно того желаетъ.

Восточная же православная церковь, глубоко, отъ всего сердца скорбя о надменности и упорствѣ римскаго первосвященника, будетъ продолжать денно и нощно молиться Отцу мира и любви, дабы Онъ вложилъ благія мысли и чувства въ сердце его святѣйшества и его

іерарховъ, да, отложивъ всякое мечтаніе неподобное и оставивъ извилистый и скользкій путь, выйдутъ на прямую стезю Господню къ соединенію всего христіанскаго исполненія (πληρώματος), во славу Святой Христовой церкви, на радость, спасеніе и ликованіе всѣхъ вѣрующихъ во Іисуса Христа, аминь!

Архимандритъ Евгеній Ксиропотамскій.

Константинополь.
5-го октября 1868 г.

О ПОЧИВШЕМЪ

МИТРОПОЛИТѢ ЛИТОВСКОМЪ ІОСИФѢ

23-го ноября отошелъ къ Богу великій западно-русскій святитель и великій защитникъ западно-русскаго народа, литовскій митрополитъ Іосифъ. Жизнь этаго необыкновеннаго человѣка есть, можно сказать, исторія всей западной Россіи новѣйшаго времени. Его нельзя отдѣлить отъ нея, съ какой бы стороны мы ни смотрѣли на эту страну. Поэтому нельзя говорить о митрополитѣ Іосифѣ, не касаясь важнѣйшихъ событій западной Россіи, не проникая до основъ русской и православной жизни этой страны, которой онъ вѣрно служилъ съ самой ранней юности и до послѣдней минуты жизни.

Митрополитъ Іосифъ родился въ 1798 году ([1]) въ селѣ Павловкѣ, Кіевской губерніи, Липовицкаго уѣзда. Отецъ усопшаго былъ уніатскимъ священникомъ села Павловки, а въ послѣдствіи православнымъ протоіереемъ въ епархіи сына, именно, въ селѣ Дзѣкушки, Виленской губерніи, Лидскаго уѣзда. По народности митрополитъ Іосифъ былъ русскимъ изъ малороссійскаго племени,—

([1]) Впрочемъ, извѣстія о годѣ рожденія митрополита Іосифа разногласны; по инымъ онъ родился раньше.

изъ того племени, которое, какъ бы, въ самой крови своей заключаетъ стремленіе къ русской православной жизни и изъ котораго вышло столько знаменитыхъ поборниковъ западно-русской церкви и народа. По семейному преданію, слышанному нами въ 1851 г. отъ отца митрополита Іосифа, въ ту минуту, когда родился будущій великій іерархъ западно-русскій, имѣвшій, по волѣ Провидѣнія, возсоединить съ православною церковію полтора милліона уніятскаго народа, колоколъ православной церкви въ Павловкѣ ударилъ къ заутрени. Событіе это въ связи съ тѣмъ, что еще дѣдъ покойнаго былъ православнымъ, имѣло не малое вліяніе на развитіе его съ самой ранней юности. Онъ считалъ православную Павловецкую церковь родною себѣ и, по собственнымъ его словамъ, слышаннымъ нами, часто бѣгалъ въ нее изъ дому къ богослуженію. Но въ то время, когда юная душа его роднилась и свыкалась съ православіемъ, кругомъ его, какъ увидимъ ниже, подготовлялась конечная гибель въ пользу латинства всего уніятства и эта гибель носилась надъ главою Іосифа съ первыхъ шаговъ его образованія.

Онъ воспитывался сперва, до 1816 г., въ Немировской гимназіи, руководимой злѣйшимъ польскимъ патріотомъ Чацкимъ, а потомъ до 1820 г. въ главной семинаріи, т. е. духовной академіи, бывшей при Виленскомъ университетѣ, руководимомъ лучшими силами партіи Чарторыйскаго. Нужно было имѣть великую крѣпость русской народности и великую силу ума, чтобы понять внутреннюю ложь этого великолѣпнаго по внѣшности просвѣщенія Виленскаго университета, и не пасть въ немъ подобно многимъ другимъ уніатамъ-бѣлоруссамъ и малороссамъ.

„Я всегда воспоминаю съ восторгомъ, замѣчаетъ митрополитъ Іосифъ въ первой своей запискѣ объ уніи,—запискѣ, о которой будемъ говорить ниже,—свое въ главной семинаріи пребываніе. Отлично добранное юношество, достойные учители, превосходное преподаваніе наукъ, совершенное согласіе и дружба, въ подобномъ заведеніи рѣдко случающіяся, навсегда пріятнымъ образомъ запечатлѣли въ моей памяти четырехлѣтнее тамо пребываніе, но я долженъ сказать истину,—нигдѣ уніяте не соединяются толь тѣсно съ римлянами—и посылаемые въ главную семинарію уніятскіе клирики возвращаются, можетъ быть, разсудительными римлянами, но не хорошими уніятами". Іосифъ Сѣмашко вышелъ однако невредимымъ изъ этой страшно заманчивой школы полонизма и латинства. Въ его великой душѣ постоянно отзывались стоны роднаго народа, подавляемаго полонизмомъ и латинствомъ, и онъ пошелъ на служеніе ему. Окончивъ главную семинарію, Іосифъ Сѣмашко возвратился въ свою—Луцкую епархію въ 1820 г. Въ томъ же году онъ назначенъ былъ каѳедральнымъ Луцкимъ проповѣдникомъ, членомъ Луцкой, греко-уніятской консисторіи и профессоромъ богословія въ епархіальной семинаріи. Рѣшившись отдаться совершенно служенію своего народа, Іосифъ устранился отъ семейной жизни и въ 1821 г. принялъ священство безженнымъ, но не монахомъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло великое значеніе въ послѣдующей судьбѣ Іосифа Сѣмашки. Онъ остался вѣрнымъ представителемъ и защитниковъ интересовъ бѣлаго уніятскаго духовенства и неразрывно связаннаго съ нимъ народа, т. е. представителемъ всѣхъ задавленныхъ латинянами-поляками, и неутомимымъ обличителемъ монашескаго базиліанскаго ордена,

выражавшаго въ своихъ дѣйствіяхъ польскій аристократизмъ и латинскій фанатизмъ. Въ 1822 г. Іосифъ Сѣмашко былъ избранъ отъ Луцкой епархіи членомъ въ Петербургскую римско-католическую коллегію по 2-му департаменту, т. е. по уніатскому отдѣленію ея.

Такимъ образомъ, на 24 году своей жизни онъ уже занималъ положеніе представителя уніатской церкви передъ правительствомъ. Передъ необыкновеннымъ его умомъ и волею развернулась вся область жизни уніатской церкви. Что же увидѣлъ онъ въ этой церкви и какія задачи начерталъ себѣ для будущей дѣятельности? Постараемся отвѣтить на эти вопросы съ возможно большею краткостію. Извѣстно, что во времена императрицы Екатерины II было въ западной Россіи необычайное стремленіе народа къ православію. Каждый раздѣлъ Польши сейчасъ же выхватывалъ изъ уніи цѣлыя массы народа. Такъ, послѣ втораго и третьяго раздѣла, съ 1791 по 1796 г., изъ уніи въ православіе перешло около трехъ милліоновъ. Въ уніи остались, кромѣ немногихъ, неожиданно и невольно задержанныхъ въ ней смертью Екатерины, главнымъ образомъ тѣ, которые очень свыклись съ уніей, т. е. сроднились съ полонизмомъ и латинствомъ. Поляки отнеслись къ этой массѣ уніатовъ слѣдующимъ образомъ. Они пришли къ убѣжденію, что нельзя надѣяться и на этихъ уніатовъ, что не стоитъ поддерживать уніатской церкви, а лучше самимъ принять участіе въ ея разрушеніи и поскорѣе переводить въ латинство остающійся въ уніи народъ. Эту задачу они стали осуществлять еще при Екатеринѣ. Они воспользовались для этого крѣпостнымъ правомъ надъ народомъ, которое, со времени перехода ихъ подъ власть Россіи и со времени вступленія ихъ въ среду

русскаго дворянства и чиновничества, стало гораздо крѣпче и безопаснѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они воспользовались великимъ значеніемъ въ глазахъ Екатерины тогдашняго латинскаго митрополита Сестренцевича, который въ исторіи уніи представляется далеко не такимъ преданнымъ Россіи, какимъ его у насъ обыкновенно представляютъ. Сестренцевичъ добивался подчиненія себѣ уніатовъ, смѣшенія ихъ іерархіи съ латинскою, чего отчасти и добился тѣмъ, что бывшее уніатское управленіе соединено было съ латинскимъ въ Петербургской римско-католической коллегіи. Паденіе Сестренцевича при императорѣ Павлѣ не ослабило, а напротивъ укрѣпило эти усилія поляковъ окончательно поработить себѣ уніатовъ. Они воспользовались могуществомъ при этомъ государѣ полоцкихъ іезуитовъ и извѣстнымъ нерасположеніемъ его къ дѣйствіямъ своей матери. Наконецъ съ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія силы поляковъ окончательно укрѣпились, благодаря вліянію Чарторыйскаго и распространенію по всей западной Россіи его чисто польской системы образованія. Изъ Петербурга пущено было въ западную Россію почти оффиціально извѣстіе, что правительство само желаетъ перехода уніатовъ въ латинство. Слѣдствіемъ всего этого было то, что цѣлые приходы были обращаемы въ латинство. Въ одной Виленской уніатской епархіи въ началѣ настоящаго столѣтія (до 1809 г.) обращено было въ латинство двадцать тысячь уніатовъ.

Уніатская церковь доведена была до отчаяннаго положенія. Лучшіе люди ея понимали, что если суждено ей погибнуть, то пусть лучше она сольется съ русскою православною церковію, нежели съ польско-латинскою. Въ этомъ направленіи еще при Екатеринѣ сталъ дѣй-

ствовать бѣлорусскій епископъ, а потомъ митрополитъ уніятскій Ираклій Лисовскій, тоже малороссъ и на столько извѣстный полякамъ своею преданностію народу, что они, стараясь недопустить его до архіерейства, сочли нужнымъ, между прочимъ, донести русскому правительству, что онъ не шляхтичъ и казацкаго рода. Лисовскій добивался отдѣленія уніи отъ латинства и въ обрядахъ и въ управленіи и сближенія ея съ православною церковью,—онъ просилъ даже подчинить уніятскую церковь св. синоду, и для выраженія болѣе рѣзкаго отдѣленія отъ латинства и сближенія съ православіемъ сталъ измѣнять свою уніятскую одежду и отростилъ себѣ бороду, что по тогдашнимъ понятіямъ латино-польскаго міра было величайшимъ преступленіемъ. Но Лисовскій не могъ добиться никакого существеннаго улучшенія уніатовъ и умеръ въ томъ горѣ, въ какомъ съ конца прошедшаго столѣтія умирали всѣ лучшіе поборники западно-русскаго народа. Одно только не умерло послѣ него и не могло умереть—это великая мысль о защитѣ западно-русскаго народа отъ латинской польши и о сближеніи его съ православною россіей. Эту мысль продолжали осуществлять ученики Лисовскаго, во главѣ которыхъ сталъ полоцкій каноникъ, а потомъ полоцкій архіепископъ Іоаннъ Красовскій, на котораго Лисовскій въ завѣщаніи своемъ указывалъ правительству, какъ на лучшаго себѣ преемника. Мысль Лисовскаго усвоена была и оживила уніятовъ даже на самой юго-западной уніятской окраинѣ—въ брестской епископіи, гдѣ цѣлая капитула, состоявшая по счастливой случайности изъ бѣлыхъ священниковъ, въ 1819 г. подняла передъ правительствомъ могущественный по своей внутренней силѣ протестъ про-

тивъ порабощенія уніи латинствомъ и въ особенности монашескимъ базиліянскимъ орденомъ. Но и эти всѣ люди должны были пасть. Вопль брестской капитулы о спасеніи уніи былъ оставленъ безъ вниманія, а энергичный вождь уніятовъ Красовскій былъ запутанъ въ счетахъ казенныхъ денегъ, подведенъ подъ судъ и скоропостижно умеръ, по общему голосу современниковъ, отъ отравы, поднесенной его врагами.

Вотъ, среди этихъ то обстоятельствъ, выступилъ на поприще исторической дѣятельности 24-лѣтній каноникъ Луцкой уніятской епископіи Іосифъ Сѣмашко. Провидѣнію угодно было сопоставить здѣсь ясновидѣніе ума и непреклонность воли молодаго представителя уніи въ римско-католической коллегіи съ неодолимыми, повидимому, силами латинопольскихъ интригъ и въ самой коллегіи и внѣ ея,—на важнѣйшихъ постахъ русской государственной среды. Мы уже сказали, что высшее управленіе уніятской церкви составляло второй департаментъ римско-католической коллегіи, но по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ рѣшеніе полагалось въ общемъ собраніи коллегіи по большинству голосовъ, которое, конечно, всегда оказывалась на сторонѣ латинянъ. Вслѣдствіе этого, уніяты не имѣли возможности провести ни одной мѣры, благотворной для ихъ церкви и не могли остановить самаго пагубнаго для нея распоряженія. Положеніе Іосифа было тѣмъ тягостнѣе, что тогдашній уніятскій митрополитъ Іосафатъ Булгакъ, бывшій брестскій каноникъ и прежде за-одно дѣйствовавшій съ своею капитулой, отсталъ отъ нея и сдѣлался покорнымъ орудіемъ латинянъ-поляковъ. Пять лѣтъ выносилъ это положеніе Іосифъ Сѣмашко, надѣясь одолѣть зло силою правды. Иногда онъ достигалъ великаго

успѣха. Разсказываютъ современники, знавшіе дѣла римско-католической коллегіи, что когда Іосифъ являлся въ общее собраніе ея, то одно появленіе его измѣняло лица латинскихъ прелатовъ, а когда онъ выступалъ на защиту уніатовъ по какому либо дѣлу, то смущалъ самыхъ даровитыхъ и смѣлыхъ представителей латинства. Но эти частные, случайные успѣхи не могли, конечно, удовлетворить Іосифа Сѣмашко и дать успокоеніе его русской душѣ, страдавшей страданіями родного замученнаго народа. Ранѣе или позже Іосифъ долженъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ на этомъ пути. Завѣтъ Лисовскаго и Красовскаго, подвиги милліоновъ людей, спасавшихъ въ западной Россіи русскую вѣру и русскую народность не могли не вызвать этого избранника Божія на этотъ шагъ.

Однажды вечеромъ, — это было 1827 г. въ первыхъ числахъ ноября, именно 5, — каноникъ Іосифъ былъ у тогдашняго директора департамента иностранныхъ исповѣданій Карташевскаго, и по поводу третій десятокъ лѣтъ тянувшаго дѣла о совращеніи въ Виленской епархіи 20,000 уніатовъ, сталъ высказывать негодованіе на неправды латинскихъ членовъ коллегіи по отношенію къ уніатамъ и доказывать необходимость отдѣленія уніятскаго управленія отъ латинскаго. Пораженный этимъ протестомъ молодаго каноника и какъ бы желая лучше узнать его мысли, Карташевскій вступилъ съ нимъ въ споръ о правахъ уніатской церкви на отдѣльное отъ латинской существованіе. Въ этомъ спорѣ Іосифъ высказалъ всю муку, наполнявшую его душу, и сталъ доказывать своему собесѣднику, что русская и православная основа уніи—для него святыня, что онъ будетъ ее защищать всегда и всѣми силами. Въ тотъ же ве-

черъ, воротившись домой, Іосифъ Сѣмашко набросалъ эти мысли на бумагѣ. Онъ изложилъ кратко исторію современнаго состоянія уніи, представилъ съ порази-тельною ясностію, что она стоитъ на послѣдней ступени, за которой открывается гибель полутора милліона русскаго народа, указывалъ средства спасти этотъ народъ и умолялъ правительство прійти на помощь къ этому спасенію.

„Не имѣется уже, писалъ тогда между прочимъ Іосифъ Сѣмашко, почти никакой преграды къ совершенному совращенію уніятовъ римскому обряду... Римскій обрядъ въ западныхъ губерніяхъ возникъ и распространился на развалинахъ грекороссійскаго и уніятскаго,—да и откуда столько римскихъ епархій въ коренныхъ русскихъ областяхъ? Это русская кровь въ сердцахъ, нынѣ Россіи матери своей—враждебныхъ! Сія страсть къ прозелитизму въ римскомъ духовествѣ еще не охладѣла,—никакіе законы не могутъ положить существенной преграды дѣйствіямъ оной“.

...„Я увѣренъ, что мало отыщется въ римскомъ обрядѣ крестьянъ русскаго происхожденія, которые бы не присоединились къ оному уже во время россійскаго правленія, можетъ быть довольно одного благопріятнаго случая, и полтора милліона русскихъ по крови и языку своему отчуждены будутъ навсегда отъ старшихъ своихъ братьевъ. Безъ сомнѣнія, всякое благонамѣренное правительство долгомъ поставляетъ стараться: насадить въ сердцахъ подданныхъ своихъ единодушіе къ общимъ пользамъ, любовь къ общему отечеству. Я не намѣренъ вникать въ способы, могущіе дѣйствовать на умы римлянъ—это машина многосложнѣе и крѣпче, оною не легко управлять. Но уніятъ... стоитъ ихъ только уда-

лить нѣсколько отъ римлянъ, стоитъ дать посредствомъ воспитанія надлежащее направленіе умамъ духовенства, 1.600 уніятскихъ приходовъ занимающаго... и народъ легко пойдетъ путемъ, пастырями своими указываемымъ". „О, да поспѣшитъ благосклонное начальство приведеніемъ въ дѣйствіе, единственно къ сему истинно благоразумной Высочайшею волею указанной мѣры—учрежденіемъ училищъ для уніятскаго духовенства. Я столько уже видѣлъ распоряженій правительства по части католическаго исповѣданія, не достигшихъ предназначенной цѣли, что невольно опасаюсь, дабы и сіе не сталось втунѣ по проискамъ интереса, ревностію къ вѣрѣ прикрываемаго, и недосмотру мѣстныхъ властей".

„Изложивъ по возможности свои мысли, заключаетъ каноникъ Іосифъ, долгомъ поставляю просить извиненія у благосклоннаго начальства за смѣлость, можетъ быть слишкомъ далеко простертую. Да простится сіе тому усердію и ревности, съ каковыми я желалъ бы видѣть полтора милліона истинно русскаго народа, ежели не соединеннымъ, то по крайней мѣрѣ приближеннымъ, ежели не совершенно дружнымъ, то и не враждебнымъ къ старшимъ своимъ братьямъ,—видѣть сей народъ усерднымъ къ вѣрѣ своихъ предковъ, къ пользамъ своего отечества, къ службѣ общаго отца—государя!"

Просимъ замѣтить, что это было писано въ 1827 г. Это—основа первой записки митрополита Іосифа, поданной правительству,—записки, о которой мы уже не разъ упоминали въ нашихъ сочиненіяхъ ([1]) и которую въ скоромъ времени напечатаемъ въ цѣлости, чтобы всѣ могли оцѣнить высказанныя въ ней побужденія къ возсоединенію уніятовъ и сличить съ тѣми мнѣніями, кото-

([1]) Въ газетѣ *День*, въ нашихъ лекціяхъ по исторіи западной Россіи.

рыи распространили объ этомъ поляки и западно-европейскіе публицисты.

Исторія этой записки намъ извѣстна изъ разказа самого покойнаго митрополита Іосифа. Не можемъ при этомъ умолчать о той обстановкѣ, при которой происходилъ этотъ расказъ и которая навсегда у насъ останется въ памяти. Это было въ маѣ 1862 г. среди разгара приготовленія поляковъ къ мятежу. Я былъ тогда въ Вильнѣ и поѣхалъ однажды къ покойному митрополиту въ его загородный домъ — Тернополь — одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ въ окрестностяхъ Вильны. Митрополитъ повелъ меня въ свой прекрасный садъ, весь почти насаженный его руками, и, сѣвъ на одну изъ скамеекъ, на мою просьбу объяснить происхожденіе этой записки, сталъ разсказывать вышеизложенное. Я дорожилъ каждой минутой этой бесѣды. Тутъ было дорого каждое слово, каждое движеніе этого необыкновеннаго человѣка, разсказывавшаго о важнѣйшей минутѣ своей жизни,—минутѣ, въ которую, можно сказать, рѣшалась будущая судьба всей западной Россіи. Когда я глядѣлъ на его лице, въ которомъ, вмѣстѣ съ необычайною силою души, выражалось уже тогда и страданіе тѣла, когда я вслушивался въ его спокойную, но проницающую душу рѣчь, мнѣ казалось, что я вижу передъ собою и слышу западную Русь всѣхъ вѣковъ со всѣми ея страданіями и надеждами. Я тогда жалѣлъ, что со мною не присутствуютъ при этой бесѣдѣ всѣ западноруссы, призванные этимъ великимъ человѣкомъ къ полной русской жизни, я даже жалѣлъ, что не присутствуютъ при этомъ наши западнорусскіе враги, превратно истолковывающіе дѣло возсоединенія, но, вотъ, явились враги, впрочемъ, невѣдущіе, что тво-

рять, — раздался дикій ревъ толпы латинскихъ мо-лельщиковъ, обходившихъ близъ лежавшія каплицы и по наущенію вождей, пѣвшіе здѣсь нарочно самымъ неистовымъ образомъ, чтобы возмутить спокойствіе митрополита. Бесѣда наша прекратилась. Я тогда невольно подумалъ, что нечестіе научившихъ народъ оскорблять посредствомъ вѣры лучшаго друга западно-русскаго народа, раскрылось тогда передо мною, какъ бы нарочно, чтобы своимъ контрастомъ яснѣе освѣтить чистоту первой мысли о возсоединеніи уніатовъ.

М. Кояловичъ

(Продолженіе будетъ)

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Отъ канцеляріи академіи о пожертвованіяхъ на сооруженіе надгробнаго памятника и бюста профессору В. Н. Карпову.

Съ 21 іюня по 27 ноября поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: 1) свящ. Петра Преображенскаго — 3 р.; 2) прот. Николая Сергіевскаго — 3 р.; 3) свящ. Александра Иванцова-Платонова—3 р.; 4) свящ. Николая Благоразумова—3 р.; 5) свящ. Николая Протопопова—3 р.; 6) начальника китайской миссіи архимандрита Палладія — 15 р.; 7) китайскихъ миссіонеровъ — іеромонаха Исаіи — 5 р. и священника Іоанна Рахинскаго—5 р. Всего поступило въ это время *сорокъ рублей*, а съ прежде пожертвованными 1209 р. 20 к., всего собрано *тысяча двѣсти сорокъ девять рублей двадцать коп.*

Пріемъ пожертвованій на сей предметъ прекращается. Отчетъ въ употребленіи пожертвованныхъ денегъ, по надлежащемъ обревизованіи его, будетъ напечатанъ въ январьской книжкѣ „Христ. Чтенія“ за 1869 годъ, въ „Современномъ Листкѣ“ и въ „Духовной Бесѣдѣ“.

Секретарь *Андрей Предтеченскій*.

Живущій въ Парижѣ извѣстный православный священникъ отецъ Владиміръ Гетте (Guettée) сообщаетъ, что онъ предпринялъ обширный трудъ подъ заглавіемъ: *Исторія церкви*, на французскомъ языкѣ. Цѣлью этого труда — безпристрастное изложеніе исторіи христіанской церкви вообще, чуждое тѣхъ тенденціозныхъ цѣлей, которыя лежатъ въ основѣ подобныхъ сочиненій, написанныхъ католическими и протестантскими богословами. *Исторія церкви* о. Гетте будетъ раздѣляться на четыре періода: 1-й— отъ Рождества Христова до перваго никейскаго собора, 2-й — отъ никейскаго собора до 7-го вселенскаго собора, 3-й—отъ 7-го вселенскаго собора до собора флорентинскаго включительно и 4-й — отъ флорентинскаго собора до нашихъ временъ. Сочиненіе будетъ раздѣлено на 10 томовъ, in 8°, по 700 страницъ въ каждомъ. Первый томъ выйдетъ немедленно, какъ только наберется на него 1.000 подписчиковъ, для которыхъ цѣна его назначается въ 8 франковъ (въ продажѣ онъ будетъ стоить 12 франковъ); остальные томы будутъ оплачиваться подписчиками по мѣрѣ ихъ появленія. О. Владиміръ Гетте обращается за поддержкою предпринятому имъ изданію ко всѣмъ православнымъ, прося ихъ содѣйствовать дѣлу, какъ личною подпискою, такъ и доставленіемъ подписчиковъ между своими друзьями и знакомыми.

Согласно желанію почтеннаго о. Владиміра, Редакція «Христіанскаго Чтенія» съ полною готовностью открываетъ у себя подписку на его многообѣщающее изданіе.

О ПОДПИСКѢ НА ГАЗЕТУ

„ДРУГЪ НАРОДА"

на 1869 годъ.

Газета «Другъ Народа» съ 1 января 1869 года будетъ выходить **ЕЖЕНЕДѢЛЬНО** въ одинъ печатный листъ. Объявляя объ этомъ въ отмѣну прежняго объявленія о двухнедѣльномъ изданіи газеты «Другъ Народа»», редакція долгомъ считаетъ довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, что она съ преобразованіемъ газеты въ еженедѣльное изданіе обратитъ особое вниманіе на своевременное сообщеніе извѣстій со всѣхъ мѣстностей Россіи и изъ-за границы. Кромѣ того въ газетѣ будутъ помѣщаемы статьи религіозно-нравственнаго содержанія, а также статьи, относящіяся къ отечествовѣдѣнію, исторіи, медицинѣ, естествовѣдѣнію и къ разнымъ отраслямъ сельскаго и городскаго хозяйства. Къ статьямъ, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы чертежи и рисунки.

Подписка принимается въ Кіевѣ, при редакціи газеты «Другъ Народа», при Кіевской 1-й Гимназіи, а также и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ.

Цѣна годоваго изданія газеты въ пятидесяти двухъ номерахъ 2 руб. съ пересылкою и доставкою, 1 руб. 60 коп. безъ пересылки и доставки; за полгода 1 руб. 20 коп. съ пересылкою и 1 руб. безъ пересылки. Подписавшіеся на двухнедѣльное изданіе газеты «Другъ Народа» по прежнимъ объявленіямъ доплачиваютъ 80 коп. или остаются полугодовыми подписчиками.

Объявленія печатаются въ газетѣ по самой умѣренной цѣнѣ, а именно: по 1 копейкѣ за слово или по 5 коп. за строку.

При газетѣ «Другъ Народа» будетъ выходить въ 1869 г.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Сборникъ статей для народнаго чтенія будетъ заключать избранныя мѣста изъ лучшихъ произведеній русскихъ писателей, духовныхъ и свѣтскихъ, а также и оригинальныя статьи въ прозѣ и въ стихахъ. Сборникъ будетъ выходить два раза въ годъ, въ іюнѣ и въ декабрѣ мѣсяцахъ. Каждый выпускъ будетъ заключать до десяти печатныхъ листовъ.

Цѣна Сборника 1 руб. съ пересылкою во всѣ мѣста, безъ пересылки 80 коп. Съ требованіями обращаться въ редакцію газеты «Другъ Народа».

Въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ, въ С.-Петербургѣ, продается первая часть **БИБЛІИ** (пять книгъ Моѵсея) на русскомъ языкѣ въ новомъ переводѣ, на обыкновенной бѣлой бумагѣ: въ печатной оберткѣ по *сорока коп.* и въ переплетѣ коленкоровомъ по *восьмидесяти коп.*, а на веленёвой бумагѣ по *шестидесяти коп.* за экземпляръ въ печатной оберткѣ безъ пересылки. На пересылку же означенной книги гг. иногородные покупатели благоволятъ прилагать страховыя и вѣсовыя деньги за одинъ фунтъ по почтовой таксѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

второй части „Христіанскаго Чтенія"

за 1868 годъ.